Библіотека Педагогическаго Института
4276
Пров. 50

ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи.** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. — Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V, вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія.** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ V, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота.—**Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ,** его же.— **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи,** А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова,** И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки,** А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ,** Я. К. Грота.—**Слово въ день юбилея Крылова,** преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница,** драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова,** Я. К. Грота.—**О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова,** его же.—**Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** сост. В. Ѳ. Кеневичемъ.— **Матеріалы для біографіи Крылова,** доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго.—**Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта.—**Дополненія и замѣтки къ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.,** архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи,** В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. —

Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева. — Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. — Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона, В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота.—Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. — Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго. — Повѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова. — Библіографическія находки во Львовѣ, Я. Ѳ. Головацкаго. — Дополненія къ словарю Даля, П. В. Шейна. — Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота. — Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774), М. Н. Лонгинова.—Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ.—Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ, И. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова.— Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета, Я. К. Грота.—Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота.—Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова.—На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго.—Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота. —

Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по рукописямъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — **О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа.** А. Н. Веселовскаго. — **Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC.** И. И Срезневскій. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ,** составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — **Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.** Я. К. Грота. — **Князь Вяземскій.** М. И. Сухомлинова. — **Памяти кн. Вяземскаго.** С. И. Пономарева. — **Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.** Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — **Русско-нищенскій словарь** Минской губерніи мѣстечка Семежова. — **Старообрядческій синодикъ,** А. Н. Пыпина. — **Разысканія въ области духовныхъ стиховъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ.** И. А. Чистовича. — **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Ст. П. Я. К. Грота. — **Фріульскіе Славяне.** И. И. Срезневскаго. — **Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю.** И. И. Носовича. — **Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г.** составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова.** И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— **Южно-русскія былины.** А. Н. Веселовскаго. — **Croissans-cresceus и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ.** А. Н. Веселовскаго.— **О Ксанфиѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи.** Г. С. Дестуниса. — **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ** И. И. Срезневскаго. — **Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г.,** съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина.** Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. О. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по ли-**

тературѣ и народной словесности. А. Н. Веселовскаго. I. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Д. Дестуниса. — **Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирриловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг.**—Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южнорусскія былины.** Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — **«Книги законныя», содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Графа Д. А. Толстаго. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстаго. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстаго.—**Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева.—**Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ Русское Правописаніе. Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** — Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Бѣлорусскій Сборникъ.** П. В. Шейна. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ѳ. И. Буслаева. — **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. Отъ второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Ба-

тюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта**, рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной повѣсти XIII вѣка**, Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ**, составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи**. Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи**. — Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.
Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.
Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.
Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.
Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.
Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.
Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.
Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ **девяти томамъ** роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.

Филологическія Разысканія. Я. Грота. 2 тома. 1885. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.

Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. 1877: 45 к.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.

Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій. трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249 Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. № 36,811—44,705. Спб. 1884. 2 р. 50 к. — Т V. № 44,706—54,692. Спб. 1885. 2 р. 50 к. —Томъ VI. № 54,693—66,021. Спб. 1886. 3 р.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. 1882. 2 рубля.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.

Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.

Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.

П. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.

Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц 2 руб.

Маріинское Евангеліе, изд. И. В. Ягичемъ 1885. Ц. 5 р.

Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. —Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р.—Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р.—Т. IV. 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. 1887. Ц. 1 р. 75 к.

Народная поэзія. Очерки Ѳ. Буслаева. 1887. Ц. 2 р. 25 к.

Хронологическая канва для біографіи Пушкина. 1888. Ц. 30 коп. Изданіе 2-е, Я. Грота и С. Пономарева.

Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева. 1888. Ц. 20 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

---

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томѣ XI Сборника Отдѣленія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева..... № 1.	1— 24
Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева..... № 2.	1— 16
Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ. А. Н. Веселовскаго..... № 3.	
Славяно-романскія повѣсти.....	1— 24
Южно-славянская повѣсть о Троѣ.....	25—121
Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ въ Познанской рукописи конца XVI вѣка.....	125—350
Поправки и дополненія.....	351—361
Приложенія:	
Повесть ѡ витезѣх с кимъ сэрбъскихъ, а звлаща о славномъ рыцэры Трысчан(е), ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о мнихъ многихъ витезех добры(хъ)...	1—127
Исторія ѡ кнажати Кгвидоне.....	129—172
Исторыа ѡ Атыли короли угоръскомъ.....	173—236
Слово о некоемъ храбромъ витязе и о славномъ богатыре о Бове Королевиче.....	237—262
Симбирская молвь. Къ матеріаламъ для изученія областныхъ парѣчій. А. Мотовилова..... № 4.	1— 34

ПРАВИЛА

О ПРЕМІЯХЪ ПРОФЕССОРА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Вслѣдствіе желанія, заявленнаго Отдѣленію русскаго языка и словесности вдовою покойнаго профессора Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства, учреждены при Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго на всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія, преміи имени Котляревскаго на слѣдующихъ основаніяхъ, утвержденныхъ г. Министромъ 15 Ноября 1883 года:

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17 марта 1883 года, при Императорской Академіи Наукъ учреждаются преміи имени Котляревскаго, покойнаго профессора университета Св. Владимира, за сочиненія опредѣленнаго ниже въ пунктѣ 7-мъ содержанія.

2. На преміи сіи назначаются проценты съ капитала въ *восемь тысячъ* рублей, пожертвовавшаго вдовою Котляревскаго и заключающагося въ облигаціяхъ Восточнаго займа.

3. Этотъ капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ могущею впредь быть причисленною къ нему частію процентовъ въ нижеупомянутыхъ случаяхъ.

4. Премія Котляревскаго состоитъ на первое время изъ *тысячи* рублей и присуждается чрезъ каждые три года изъ суммы процентовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

5. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается полная премія въ помянутомъ размѣрѣ; если такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ *пятьсотъ* рублей каждая.

6. Преміи, оставшіяся не присужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ не выданными, присоединяются къ основному капиталу. По мѣрѣ накопленія процентовъ, Академіи предоставляется право: 1, сверхъ одной полной преміи въ 1000 руб., присуждать по усмотрѣнію еще и половинную, и 2, въ видѣ задачъ на премію, объявлять темы трудовъ, подходящихъ подъ одинъ изъ разрядовъ сочиненій, исчисленныхъ вслѣдъ за симъ въ пунктѣ 7-мъ.

7. Премія Котляревскаго назначается за напечатанныя ученыя изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи, именно:

а) За изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, разсматривающія бытъ Славянъ въ географическомъ или культурномъ отношеніи въ самую раннюю эпоху ихъ исторической жизни; подобнаго рода изслѣдованіе можетъ ограничиваться однимъ какимъ-либо славянскимъ племенемъ, но и въ такомъ случаѣ оно должно обнимать географическое распространеніе, характеръ поселенія и внутренній бытъ племени.

б) За изслѣдованія по исторіи славянскихъ литературъ или устной словесности: изслѣдованія по исторіи литературъ могутъ касаться цѣлой эпохи или же представлять обстоятельное критическое разсмотрѣніе отдѣльнаго писателя, занимающаго видное мѣсто въ литературѣ своего народа. Изслѣдованія по исторіи русской словесности могутъ участвовать въ сопсканіи преміи только въ такомъ случаѣ, если дѣло идетъ объ отношеніи русской къ какой-либо другой славянской литературѣ.

в) За изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи, имѣющія предметомъ либо историческую ихъ судьбу, либо особенности живыхъ народныхъ говоровъ; въ послѣднемъ случаѣ, къ изслѣдованію должны быть

приложены образцы того говора, къ которому оно относится. Изъ этого разряда трудовъ не исключаются словари и грамматики, имѣющіе вполнѣ научный характеръ.

8. При равномъ достоинствѣ, сочиненія первой (подъ а) изъ исчисленныхъ въ предыдущемъ пунктѣ категорій предпочитаются сочиненіямъ второй (подъ б), а эти сочиненіямъ третьей (подъ в) категоріи.

9. На соисканіе преміи Котляревскаго могутъ быть представляемы сочиненія, напечатанныя какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но при равномъ достоинствѣ поступившихъ на конкурсъ трудовъ, преимущество отдается сочиненію, написанному по-русски.

10. Премія получается только самимъ авторомъ сочиненія или законными его наслѣдниками, но никакъ не издателемъ чужого труда.

11. Къ соисканію премій Котляревскаго допускаются только сочиненія, появившіяся въ предшествовавшее конкурсу трехлѣтіе; на первый же конкурсъ принимаются труды, напечатанные въ послѣднія шесть лѣтъ передъ этимъ конкурсомъ.

12. Назначаемыя на конкурсъ сочиненія доставляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ не позже какъ въ теченіе декабря мѣсяца передъ конкурснымъ годомъ. За три мѣсяца до срока Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи.

13. Конкурсъ на преміи Котляревскаго будетъ происходить въ 1886, 1889, 1892 годахъ и т. д.

14. Премію присуждаетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которому предоставляется право къ разсмотрѣнію представленныхъ на соисканіе сочиненій приглашать постороннихъ ученыхъ.

15. Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ въ соисканіи преміи участвовать не могутъ.

16. Отчетъ о присужденіи премій Котляревскаго читается

однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ публичномъ засѣданіи 19-го октября конкурснаго года.

17. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ госпожею Котляревскою пожертвована особая сумма въ *тысячу пять сотъ* рублей.

18. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, представилась надобность въ измѣненіи того или другого изъ выше изложенныхъ правилъ, то Императорская Академія Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашиваетъ на то разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ однакоже самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XLIV, № 1.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

ДЛЯ

БІОГРАФІИ ПУШКИНА.

СОСТАВИЛЪ Я. Гротъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ С. И. Пономарева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Май 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА
ДЛЯ БІОГРАФІИ ПУШКИНА.

(Я. К. Грота и С. И. Пономарева.)

Цѣль этого перечня — служить пособіемъ не однимъ будущимъ біографамъ Пушкина, но и вообще внимательнымъ читателямъ его, особенно пользующимся такими изданіями, гдѣ сочиненія его расположены не въ повременномъ порядкѣ. Первое изданіе «Хронологической канвы» помѣщено въ XLII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз. и сл.*; теперь оно является съ дополненіями, сдѣланными С. И. Пономаревымъ и отчасти мною. Для ожидаемыхъ впослѣдствіи дальнѣйшихъ прибавленій и поправокъ печатаемъ отдѣльные оттиски этой статьи съ пробѣлами. На общеизвѣстные источники бо́льшею частью не ссылаемся. Изъ сочиненій Пушкина заносимъ въ перечень только важнѣйшія или находящіяся въ связи съ его біографіей. Болѣе подробный хронологическій перечень ихъ см. въ VII томѣ изданія лит. фонда, въ концѣ, стр. III—XIII. *Я. Гротъ.*

1696. Рожденіе Абрама (Ибрагима) Петр. Ганнибала (по Лонг., *Р. А.* 1864, стр. 185;—по А. С. Пушкину, *Соч.* V, 151 [1]), Ган. родился 1688).
1705. Поступленіе Абр. Ганнибала на службу къ Петру В.
1707. Крещеніе Абр. Ганнибала Петромъ В. въ Вильнѣ.
1716. Отправленіе Абр. Ганнибала въ Парижъ на воспитаніе.
1723. Возвращеніе Абр. Ганнибала въ Россію и опредѣленіе его въ бомбардирскую роту преображенскаго полка.

---

[1]) Всѣ ссылки на сочиненія Пушкина дѣлаемъ по изданію литературнаго фонда, означая только томъ и стран., а въ VII томѣ и № письма; но когда для отысканія письма достаточно одной даты его, то другого указанія не прибавляемъ.

1723. Февр. 17. Рожденіе Льва Александр. Пушкина, дѣда поэту (впослѣдствіи полковника артиллеріи), женатаго во второмъ бракѣ на Ольгѣ Вас. Чичериной. (Онъ ум. 1790).
1727. Отправленіе Абр. Ганнибала съ порученіемъ въ Сибирь.
1731. Возвращеніе Абр. Ганнибала изъ Сибири и отправленіе его Минихомъ въ деревню.
1734. Вторая женитьба Абр. Ганнибала на Христинѣ Шёбергъ.
1735. Рожденіе Ивана Абрамовича Ганнибала.
1740. Рожденіе Петра Абрам. Ганнибала.
1742. Рожденіе Осипа Абрамовича Ганнибала (дѣда Пушкина).
— Абрамъ Петр. Ганнибалъ пожалованъ въ генералъ-майоры и назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ.
1762. Іюня 8. Отставка Абрама Петр. Ганнибала по прошенію.
— При воцареніи Екатерины II Левъ Александр. Пушкинъ (дѣдъ поэта), служившій въ артиллеріи, остается вѣренъ Петру III.
1765. Сент. 2. Письмо Екатерины II къ Абр. Ганнибалу о доставленіи ей плана канала между Москвой и Петербургомъ (Ан. *Мат.* [1]) 292).
1770. Апр. 27. Рожденіе Василья Львов. Пушкина († 1830).
— Взятіе Наварина Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1771. Во время чумы въ Москвѣ рожденіе Николая Ник. Раевскаго (впосл. генерала). Мать его — рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова.
— Рожденіе Сергѣя Львовича Пушкина († 1848, 77-и лѣтъ).
1775. Рожденіе Надежды Осиповны Ганнибалъ, матери Пушкина († въ 1836 г., 60-ти лѣтъ).
— Авг. 12. Рожденіе въ Ригѣ Егора Апт. Энгельгардта († 1862).
1779. Построеніе Херсона Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1781. Смерть Абрама Петр. Ганнибала на 86-мъ году (по Лонг.; — по А. С. Пушкину на 93-мъ).
1790. Смерть Льва Александр. Пушкина (род. 1723).
1796. Ноябрь. Свадьба С. Л. Пушкина съ Над. Ос. Ганнибалъ въ Петербургѣ.
1797. Рожденіе Екат. Никол. Раевской, въ замуж. съ 1821 г. Орловой. (Барт. *И. въ Южн. Рос.*, стр. 52).
— Авг. 6. Рожденіе барона А. А. Дельвига въ Москвѣ († въ Пб. 1831).
— Сергѣй Львов. Пушкинъ оставляетъ военную службу (гвард. егерскій полкъ, въ который перешелъ изъ измайлов. при имп. Павлѣ).
— Дек. 20. Рожденіе въ Петербургѣ Ольги Серг. Пушкиной (въ замуж. Павлищевой).
1799. Марія Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта, продаетъ село Кобрино и пріобрѣтаетъ подмосковное сельцо Захарово. Все семейство переѣхало на жительство въ Москву и съ тѣхъ поръ лѣто проводитъ въ Захаровѣ до 1811 г. По другому показанію, Захарово куплено въ 1806. (*Москвит.* 1852, № 24, отд. IV, стр. 24).

---

[1]) Анненкова *Матеріалы для біографіи Пушкина* цитуемъ по второму, отдѣльному ихъ изданію.

1799. Мая 26 (день Вознесенія). Рожденіе въ Москвѣ Александра Сергѣевича Пушкина.
1801. Рожденіе Ник. Ник. Раевскаго (младшаго).
— Окт. 12. Смерть Ивана Абр. Ганнибала (род. 1735).
1802. Рожденіе Ник. Серг. Пушкина (ум. 1807) [1]).
1806. Рожденіе Льва Серг., впосл. женатаго на Елиз. Александр. Загряжской. (Онъ ум. 1852).
— Смерть Осипа Абрам. Ганнибала (род. 1742), дѣда поэту, женат. на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамб. воеводы, двоюр. сестрѣ дѣду поэта Льву Александр. (См. 1723).
— Покупка сельца Захарова (*Москвитян.* 1852, № 24, отд. IV, с. 24).
1807. Смерть Николая Серг. Пушкина (род. 1802) и погребеніе его въ Вязёмахъ.
1810. Авг. 12. Имп. Александръ I утверждаетъ постановленіе о царскосельскомъ лицеѣ.
1811. Янв. 11. Обнародовано постановленіе о лицеѣ.
— Іюнь. Первая публикація о пріемѣ воспитанниковъ въ лицей.
— Авг. 12. А. С. Пушкинъ сдастъ экзаменъ для поступленія въ лицей.
— Сент. 22. Подписана императорская грамота лицею.
— Окт. 19. Открытіе царскосельскаго лицея.
— » 23 (понед.) Начало преподаванія въ лицеѣ.
— Продажа сельца Захарова.
1813. Авг. 27. Рожденіе Нат. Никол. Гончаровой (см. письма Пушкина, *Соч.* VII, 320, № 348).
1814. Янв. 27. Открытіе въ Софіи Лицейскаго Благороднаго пансіона.
— Марта 23. Смерть перваго директора лицея, Вас. Ѳедор. Малиновскаго.
— Мая 8. За болѣзнію проф. Н. Ѳ. Кошанскаго, назначеннаго исправлять должность директора, управленіе лицеемъ поручено конференціи.
— Мая 10. Адъюнктъ Галичъ временно замѣняетъ больного Кошанскаго (по 1-е іюня 1815 г.).
— Іюля 4 (субб.) Первое напеч. стихотв. Пушкина *Другу стихотворцу* появилось въ № 13 *Вѣстника Европы*.
— Сергѣй Львов. Пушкинъ, вновь поступивъ на службу, состоитъ въ Варшавѣ начальникомъ комиссаріатской комиссіи резервной арміи.
— Сент. 13. Управленіе лицеемъ возлагается на директора лиц. пансіона Гауэншильда, а вслѣдъ за тѣмъ, по увольненіи его, на инспектора Фролова.
— Сент. 28. Гауэншильдъ вступаетъ въ должность директора лицея.
1815. Янв. 8. Экзаменъ въ лицеѣ для перехода въ старшій курсъ; Пушкинъ читаетъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, въ присутствіи Державина.

---

[1]) По словамъ Л. Н. Павлищева (*Истор. Вѣстн.* 1888, № 1), у Сергѣя Льв. были еще сыновья: Павелъ, Михаилъ, Платонъ и дочь Софья, умершіе въ малолѣтствѣ.

1815. Апрѣль. Полная подпись имени поэта *Александръ Пушкинъ* является въ первый разъ въ № 4 *Россійскаго Музеума*, подъ стихотв. *Воспоминанія въ Ц. С.*

1816. Янв. 9. Въ лицеѣ членамъ конференціи предписано поочередно управлять заведеніемъ.

— Янв. 27. Указъ о назначеніи директоромъ лицея Ег. Ант. Энгельгардта (род. 12 авг. 1775, ум. 15 янв. 1862). Воспом. о немъ *Р. Арх.* 1872, стр. 1462—1491.

— Марта 4. Энгельгардтъ вступаетъ въ должность директора лицея (остается въ ней по 31 окт. 1823 = 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ).

— Марта, послѣ 22-го. Посѣщеніе Пушкина въ лицеѣ Карамзинымъ съ кн. Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ (см. письмо Кар. отъ 21 марта въ *Неизд. соч.* его).

— Поступленіе въ лицей П. Е. Георгіевскаго адъюнктомъ Кошанскаго.

— Іюля 9. Смерть Державина.

1817. 10 марта. Стих. *Мосму Аристарху* (въ изданіи литературнаго фонда I, 106, ошибочно отнесено къ 1815 году: см. Ефремовское изданіе Пушкина, 1880, I, 528.)

— Іюня 9. Выпускъ Пушкина изъ лицея, 19-мъ воспитанникомъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря (10-го класса).

— Іюня 10. Отношеніе кн. А. Н. Голицына къ гр. Нессельроде объ удостоеніи чинами выпущенныхъ изъ лицея воспитанниковъ (Пушкина и Юдина 10-мъ классомъ) и объ опредѣленіи Пушкина и Юдина въ коллегію иностр. дѣлъ, съ содерж. по 700 р. въ годъ.

— Іюня 13. Высочайшій указъ о томъ же.

— » 15. Служебная присяга Пушкина.

— Іюля 3. Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ его по 15-е сент. въ Псковскую губ. «для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).

— Іюля 8. Паспортъ Пушкину за подписью Нессельроде на отпускъ въ Псков. губ.

— Сент. 1. Письмо Пушкина къ кн. Вяземскому о недавнемъ возвращеніи (до срока) въ Петербургъ.

— Сент. 4. Пушкинъ проводитъ день съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ и сочиняетъ съ ними два экспромта. (*Соч. Бат.* I, 255).

— Сент. 10 (?) Стихотв. *Прощаніе съ Тригорскимъ.*

— Знакомство съ Грибоѣдовымъ (IV, 431).

1818. Февр. Пушкинъ лежитъ въ горячкѣ (см. его замѣтку о чтеніи Исторіи Карамзина, V, 40).

— Мартъ. Стихи «Noël». (*Сказки* въ изд. Анскаго I, 194).

— Смерть бабушки Пушкина Маріи Алексѣевны Ганнибалъ (по *Родосл.* кн. Долгорукова; по Барт. 1817; по Ан. 1819).

1819. Іюля 9 [1]). Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ въ Пе-

---

[1]) Это число не подтверждается частною перепискою Пушкина: уже 9-го іюля (?) онъ пишетъ А. И. Тургеневу изъ Михайловскаго (VII, 4, № 3).

тербург. губ. на 28 дней «по собственнымъ дѣламъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).

1819. Іюля 10. Паспортъ Пушкину, за подписью Нессельроде, на этотъ отпускъ.

1820. Въ мартѣ или апрѣлѣ окончаніе и печатаніе поэмы *Руслан и Людмила*, начатой еще въ лицеѣ и писанной въ квартирѣ отца, на Фонтанкѣ, между Изм. и Калинк. мостами, близъ Покрова.

— Жуковскій даритъ Пушкину свой портретъ съ подписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя» и т. д.

— П. проигрываетъ Всеволожскому 1000 р. и въ уплату отдаетъ ему рукопись своихъ стихотвореній.

— Мая 4. Приказъ Нессельроде о выдачѣ Пушкину 1000 р. на проѣздъ въ Екатеринославъ къ генералу Инзову, попечителю колоній южнаго края (род. 1768 г., ум. 1845 г.).

— Мая 5. Письмо графа Каподистріи, за подписью Нессельроде, къ Инзову въ Одессу объ *отпускѣ* (un semestre) Пушкина и прикомандированіи его къ канцеляріи Инзова сверхъ штата (*Р. Ст.* 1887, № 1).

— Мая 5. Отъѣздъ Пушкина съ письмомъ Каподистріи къ Инзову въ Екатеринославъ (поэма *Руслан и Людмила* допечатывалась).

— Мая 15. Цензурное разрѣшеніе Тимковскаго на напечатаніе *Русл. и Людм.*

— Мая послѣднія числа. Отъѣздъ Пушкина изъ Екатеринослава на Кавказъ съ семействомъ Раевскихъ, выѣхавшихъ изъ Кіева 19-го мая.

— Іюня 15. Инзовъ временно назначенъ намѣстникомъ Бессарабской обл. на мѣсто уволеннаго въ отпускъ Бахметева, вслѣдствіе чего канцелярія попечительства о колоніяхъ переведена въ Кишиневъ.

— Іюня 26. На Кавказѣ (въ Пятигорскѣ?) окончанъ эпилогъ къ *Русл. и Людм.*

— Авг. Начатъ *Кавказскій Плѣнникъ.*

— » первыя числа. Пушкинъ съ Раевскими ѣдетъ съ Кавказа въ Крымъ.

— Авг. 21. Одинъ изъ черновыхъ набросковъ *Кавказскаго Плѣнника* (Барт. *Ю. Р.* 38).

— Сент. Стихотв. «Погасло дневное свѣтило».

— » Пушкинъ проводилъ Раевскихъ изъ Юрзуфа въ село Каменку, Кіев. губ. Чигир. у.

— Сент. 21. Пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ изъ Каменки. Ср. ноябрь 1822 г.

— Сент. 24. Письмо Пушкина къ брату Льву Серг. о двухмѣсячномъ пребываніи на Кавказѣ, переѣздѣ оттуда моремъ въ Керчь и Ѳеодосію и трехнедѣльномъ гощеніи въ Юрзуфѣ.

— Окт. Стихотв. *Черная шаль* (Липр., *Р. Арх.* 1866, стр. 1247).

— » 20. Ссора съ М. Ѳ. Орловымъ и А. П. Алексѣевымъ.

1820. Дек. 4. Письмо Пушкина къ Гнѣдичу изъ Каменки, куда онъ вторично поѣхалъ изъ Кишинева.
1821. Зимой. Поѣздка Пушкина въ Кіевъ на свадьбу М. Ѳ. Орлова съ Ек. Ник. Раевской.
— Февр. 8. Стихотв. *Земля и море* написано въ Кіевѣ.
— » 14. Стихотв. *Муза*.
— » 20. Пушкинъ, пріѣхавъ изъ Кіева въ Каменку, оканчиваетъ поэму *Кавказскій Плѣнникъ*.
— Февр. 21. Ал-дръ Ипсиланти съ двумя своими братьями и съ Георг. Кантакузеномъ прибылъ изъ Кишинева въ Яссы (письмо Пушкина къ А. Н. Раевскому—мартъ 1821 г., VII, 18, № 11).
— Февр. 22. *Элегія* «Я пережилъ свои желанья».
— » Пушкинъ былъ въ Одессѣ (VII, 19, № 11).
— Марта 5. Начало рѣзни въ Яссахъ.
— » 11. Ал-дръ Ипсиланти перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія.
— Марта 23. Пушкинъ извѣщаетъ Дельвига объ окончаніи *Кавказскаго Плѣнника*.
— Марта 24. Благодаритъ Гнѣдича за присылку экземпляра *Руслана и Людмилы*.
— Апр. 2—9. Кишиневскій дневникъ (V, 147).
— » 6—20. Посланіе къ *Чаадаеву*.
— » 11. Стихотв. *Къ моей чернильницѣ*.
— » 13. Запросъ Каподистріи изъ Лайбаха Инзову о поведеніи Пушкина. (*Р. Стар.* 1887, № 1).
— Апр. 28. Одобрительный отвѣтъ Инзова Каподистріи о Пушкинѣ и просьба о высылкѣ поэту содержанія по 700 р. въ годъ (тамъ же).
— Май. Пушкинъ, съ дозволенія Инзова, ѣдетъ въ Одессу, гдѣ и остается около мѣсяца.
— Мая 15. Эпилогъ къ *Кавказскому Плѣннику* написанъ въ Одессѣ (Барт. *Ю. Р.* 76).
— Май или іюнь. Стихотв. *Кинжалъ*.
— Іюля 18. Пушкинъ въ Кишиневѣ узнаетъ о смерти Наполеона и вскорѣ создаетъ стихотв. *Наполеонъ*.
— Сент. 21. Предлагаетъ Гречу купить для *Сына Отеч.* отрывокъ *Кавказскаго Плѣнника*.
— Нояб. 7. Высылка Катенина изъ Петербурга (VII, 49, № 38).
— Дек. 9—23. Пушкинъ сопровождаетъ Липранди въ служебной его поѣздкѣ въ Аккерманъ и Измаилъ (*Р. А.* 1866, стр. 1271).
— Дек. 26. Кончаетъ посланіе къ *Овидію*.
— Около того же вр. *Братья разбойники* (VII, 58, №№ 45 и 46).
— » » » » дуэль съ Зубовымъ изъ-за картъ (Барт. *Ю. Р.* 97).
1822. Янв. 1. Пушкинъ на праздникѣ по поводу открытія устроеннаго М. Ѳ. Орловымъ манежа дивизіи его (Барт. *Ю. Р.* 97).
— Янв. Дуэль Пушкина со Старовымъ (Барт. *Ю. Р.* 93—96. Ср. Липранди, *Р. А.* 1866, стр. 1416—1421).
— Февр. 4. Ссора съ Балшемъ (*Ю. Р.* 95—97).

1822. Марта 1. *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.*
— Мая 13. *Птичка.*
— Іюнь. Гнѣдичъ покупаетъ у Пушкина право на изданіе *Кавк. Плѣнника*, получ. имъ при п. 22 апр. (см. VII, 33, № 25).
— Іюль. Инзову поручено, оставаясь въ Кишиневѣ, исправлять должность начальника Новороссійскаго края, вмѣсто уволеннаго въ отпускъ генералъ-губернатора Ланжерона.
— Послѣ іюня. Путешествіе Пушкина въ Измаилъ (*Ю. Р.* 110, а по Липр. между февр. и іюлемъ, *Р. Арх.* 1866, стр. 1284).
— Авг. послѣднія числа. Появленіе *Кавказскаго Плѣнника.*
— Осень. Созданіе *Бахчисарайскаго фонтана.*
— Ноябрь. Послѣдняя поѣздка Пушкина въ Каменку (*Ю. Р.* 113).
1823. Янв. 13. Французъ. письмо Пушкина изъ Кишинева къ Нессельроде съ просьбою объ отпускѣ въ Петербургъ (*Р. Стар.* 1887, № 1).
— Февр. 21. Всеподдан. докладъ (французъ.) Нессельроде о просимомъ Пушкинымъ отпускѣ (тамъ же).
— Марта 27. Письмо Нессельроде къ Инзову объ отказѣ государя на просьбу Пушкина (тамъ же).
— До лѣта написана имъ *эротическая поэма*, потомъ уничтоженная. (*Пушкинъ*, Анненк. 1874, 146).
— Мая 7. Въ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора назначенъ графъ Мих. Сем. Воронцовъ.
— Мая 9. Первое начало *Евг. Онѣгина* (Поливанова *Соч. Пушкина*, IV, 178: «Когда начать Онѣгинъ»).
— Май. Пушкинъ, находясь съ разрѣшенія Инзова въ Одессѣ, принятъ на службу къ гр. Воронцову.
— Іюня 13. Письмо къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева о присланной Пушкину *Полярной Звѣздѣ.*
— Іюля первыя числа (ранѣе 4-го). Переѣздъ Пушкина на житье въ Одессу (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1480).
— Іюль—8 декабря. Двѣ первыя главы *Евгенія Онѣгина.*
— Авг. 19. Первое письмо Пушкина изъ Одессы къ Вяземскому.
— » 25. Письмо Пушкина къ брату о переходѣ на службу въ Одессу и о *Бахчис. фонтанѣ.* Жалоба на отца.
— Септ. 22. Кончена 1 глава *Евгенія Онѣгина.*
— Окт. 14. Пушкинъ поручаетъ Вяземскому 2-е изданіе *Русл. и Людмилы* и *Кавказ. Плѣн.* (VII, 53, № 42).
— Окт. конецъ. Начата II-ая гл. *Евг. Онѣг.* (VII, 56, № 44).
— Нояб. 4. Пушкинъ посылаетъ Вяземскому рук. *Бахчис. фонтана* и упоминаетъ объ окончъ. 1-й гл. *Евг. Онѣг.*
— Дек. 8. Кончена II гл. *Евг. Онѣг.* въ Одессѣ.
— Дек. } Поэма *Цыганы.*
1824. Янв. }
— » или февраль. Поѣздка Пушкина съ Липранди въ Бендеры (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1460).
— Февр. 8. Начало III-й главы *Евгенія Онѣгина.*

1824. Марта 23. Письмо гр. Воронцова къ гр. Нессельроде о необходимости удалить Пушкина изъ Одессы.
— 7 (19) апрѣля. Смерть Байрона.
— Мая 19. Стихотв. *Иностранкѣ*.
— Іюня 29. П. хочетъ купить у Всеволожскаго тетрадь стиховъ, которую проигралъ ему передъ своею высылкою изъ Петербурга (VII, 82. № 69).
— Іюля 8. Нессельроде сообщаетъ Воронцову высоч. повелѣніе объ увольненіи Пушкина отъ службы.
— Іюля 11. Письмо Нессельроде къ Воронцову о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковъ.
— Іюль. Стихотвореніе *Къ морю*.
— » 29. Подписка Пушкина, что онъ обязуется ѣхать безостановочно по предписанному маршруту въ Псковъ.
— Іюля 29. Одесскій градоначальникъ доноситъ гр. Воронцову, что Пушкинъ завтра отправляется въ Псковъ по полученному имъ маршруту.
— Іюля 30. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Одессы, получивъ 389 руб. прогонныхъ и 150 р. недоданнаго жалованья.
— Авг. 9. Прибытіе Пушкина въ Михайловское, гдѣ онъ застаетъ своихъ родителей.
— Авг. 12. Воронцовъ изъ Симферополя увѣдомляетъ Нессельроде о томъ, что Пушкинъ отправленъ въ Псковъ.
— Сент. 26. Стихотв. *Разговоръ съ книгопродавцемъ*.
— Около того же времени. Два *посланія къ цензору*.
— Осенью (сент.—окт.). Пушкинъ поручаетъ Плетневу издать 1-ую главу *Евгенія Онѣгина* (*Соч. Плетн.* III, стр. 313; ср. VII, 94, № 82).
— Окт. П. ведетъ записки и записываетъ сказки. Проситъ у брата петор. извѣстія о Степькѣ Разинѣ (VII, 86, № 75).
— Окт. 2. Окончаніе III-й гл. *Евгенія Онѣгина*.
— » 10. Окончаніе поэмы *Цыганы*.
— Окт. Пушкинъ вызванъ въ Псковъ, чтобы представиться мѣстному начальству (губернат. Адеркасъ, опочец. предвод. двор. Пещуровъ).
— Окт. 31. Отчаянное письмо Пушкина къ Жуковскому о своемъ положеніи въ семействѣ.
— Ноябрь. Сергѣй Льв. Пушкинъ изъ Петербурга отказывается отъ возложенной на него обязанности наблюдать за поведеніемъ сына.
— Ноябрь. Смерть тетки поэта Анны Львовны Пушкиной (VII, 95. № 82).
— Ноября 19. Встрѣча поэта съ дѣдомъ его Петромъ Абр. Ганнибаломъ [1]) (V, 22).

---

[1]) Слѣдовательно Л. Н. Павлищевъ (*Историч. Вѣстн.* 1888, № 1) невѣрно относитъ смерть Петра Абр. къ 1822 г.

1824. Въ половинѣ ноября все семейство Пушкина уѣзжаетъ въ Петербургъ и оставляетъ въ Михайловскомъ его одного.
— Въ концѣ года начата драма *Борисъ Годуновъ*.
— » » » въ Петербургѣ издано въ первый разъ собраніе стихотв. Пушкина. (*Соч. Плетн.* III, 335).
— Дек. 29. Цензоръ Бируковъ подписалъ дозволеніе печатать I-ую гл. *Евг. Он.*
— Декабр. 31. XXIII строфа IV-й главы *Евгенія Онѣгина*.
1825. Января 11. Пріѣздъ Ив. Ив. Пущина въ Михайловское.
— » Стихотв. *Андрей Шенье*.
— » Въ *Сѣв. Пч.* объявлено объ ожидаемомъ выходѣ I-й главы *Евг. Он.*
— Марта 27. Пушкинъ посылаетъ брату новую рукопись своихъ стихотвореній для напечатанія 2-мъ изданіемъ.
— Апр. 7. П. служитъ заупокойную обѣдню по Байронѣ (VII, 123, № 109).
— Апр. 20-ыя чи́сла. Пріѣздъ Дельвига въ Михайловское. Около того же времени элегія на смерть Анны Львовны Пушкиной (VII, 126, № 112).
— Апр. П. посылаетъ съ Дельвигомъ II-ю главу *Евг. Он.* Вяземскому.
— Іюнь. Смерть москов. литератора Алексѣя Мих. Пушкина (VII, 135. № 119).
— Іюнь. Пушкину разрѣшено лѣчиться въ Псковѣ (VII, 135, № 120).
— Іюля 19. Стихотв. «Я помню чудное мгновенье» къ Аннѣ Петр. Керн.
— Іюля 29. Письмо Пушк. къ д-ру Мойэру съ просьбою не пріѣзжать въ Псковъ.
— Авг. 12. Предисловіе Лемонте́ (Lemontey) къ изданію басенъ Крылова во франц. переводѣ (V, 26).
— Авг. Окончаніе IV-й главы *Евгенія Онѣгина*.
— » 17. П. увѣдомляетъ Жуковскаго объ успѣшномъ ходѣ сочиненія *Бориса Годунова*.
— Сент. По просьбѣ матери Пушкина, ему позволено ѣздить въ Псковъ и даже жить тамъ.
— Сент. 14. Пушкинъ увѣдомляетъ Катенина, что четыре пѣсни *Онѣгина* готовы.
— Сент. 24. Письмо къ Вяземскому о встрѣчѣ съ кн. Горчаковымъ.
— Въ концѣ сентября поѣздка въ Псковъ и свиданіе тамъ съ губернаторомъ и преосв. Евгеніемъ Болховитиновымъ (VII, 161 и 163).
— Окт. 19. Лицейская годовщина: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ».
— » 30. Свадьба бар. Дельвига.
— Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I.
— Стихотв. *Зимній вечеръ*.
— Зимой окончаніе *Бориса Годунова*.
— Окончаніе пьесы: *Графъ Нулинъ*.
— Дек. Пушкинъ сожигаетъ всѣ свои тетради (V, 148).
— Начата IV-ая глава *Евг. Онѣгина*.

1826. Янв. 3. Кончена IV-я глава *Евг. Онѣгина.*
— » 4. Начата V-я глава *Евг. Онѣгина* (III, 323).
— » Появленіе 1-го изданія *Стихотвореній* Пушкина.
— Февр. Въ письмѣ къ Катенину первая мысль объ изданіи трехмѣсячнаго журнала (VII, 175, № 163).
— Апр. 14. Плетневъ сбирается приступить къ печатанію *Цыгановъ.*
— Мая 11. Всеподд. прошеніе Пушкина о позволеніи ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу (VII, 177, № 166).
— Лѣтомъ. Пріѣздъ Языкова къ Пушкину въ Михайловское.
— Іюля 24. До Пушкина доходитъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ 13-го іюля.
— Іюля 29. *Элегія* на смерть г-жи Ризничъ († 1825): «Подъ небомъ голубымъ».
— » 30. Всеподд. прошеніе Пушкина о снятіи съ него опалы отправлено эстл.-мъ, лифл.-мъ и пск.-мъ геп.-губернаторомъ Паулуччи къ гр. Нессельроде.
— Авг. Плетневъ приступилъ къ печатанію II-й главы *Евг. Он.* (*Соч. Пл.* III, 345).
— Авг. 28. Высочайшее повелѣніе, объявленное Дибичу, о вызовѣ Пушкина въ Москву (VII, 185, прим. къ № 176).
— Авг. 31. Отношеніе Дибича къ пск. губернатору Адеркасу объ отправленіи Пушкина въ Москву.
— Сент. 3. Письмо губернат. Адеркаса къ Пушкину объ отправленіи его въ Москву.—Стихотв. *Пророкъ* (?).
— Сент. 4 (вечер.). Отъѣздъ Пушкина изъ Пскова въ Москву.
— » 8. Представленіе Пушкина въ Москвѣ императору Николаю.
— » 30. Гр. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину высоч. повелѣніе изложить свои мысли о воспитаніи юношества.
— Въ сентябрѣ первое чтеніе *Бориса Годунова* въ Москвѣ у князя П. А. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* X, 266), потомъ у Соболевскаго и наконецъ—
— Октября 12 у Веневитинова.
— Осенью. Знакомство съ Н. Полевымъ и Мицкевичемъ (*Записки Ксен. Полевого.* Спб. 1888, стр. 171, 197).
— Совѣщаніе объ изданіи новаго журнала, *Моск. Вѣстника* (*Р. Арх.* 1865, 100).
— Около ноября 9. Возвращеніе Пушкина изъ Москвы въ Михайловское (VII, 186, № 178).
— Ноября 15. Пушкинъ окончилъ записку о народномъ воспитаніи, составленную имъ по высоч. повелѣнію (см. сент. 30).
— Ноября 20. Вторичный пріѣздъ Пушкина изъ деревни въ Москву.
— » 29. Письмо Пушкина къ гр. Бенкендорфу изъ Пскова съ приложеніемъ рукописи *Бориса Годунова.*
— Ноября 29. П. сбирается опять въ Москву.
— Декабря 13. Стихи *И. И. Пущину.*
— Декабря 22. Стансы: «Въ надеждѣ славы и добра» (въ Москвѣ).
— Левъ Серг. Пушкинъ записанъ въ Нижегор. полкъ (*Истор. Вѣстн.* 1888, № 1).

1827. Февр. 19. Пушкинъ пишетъ VII главу *Евг. Он.*
— Стихотв. *Талисманъ.*
— Марта 15. Смерть Д. В. Веневитинова.
— Май, начало. Пушкину разрѣшено пребываніе въ Пб. (Ан. *Мат.* 167).
— Весною въ Москвѣ у Полевого и отъѣздъ въ Пбургъ. (*Зап. Ксен. Полевого.* 209—211).
— Портретъ Пушкина, работы В. Ар. Тропинина (о немъ *Моск. Телегр.* 1827, ч. XV. *Смѣсь*, стр. 33).
— Іюнь. Пушкинъ въ Петербургѣ.
— Іюня 14. Стихи *Языкову*: «Къ тебѣ сбирался я давно».
— Іюля 16. Стихотв. *Аріонъ.*
— » 20. Жалоба Бенкендорфу на Ольдекопа (VII, 194, № 191).
— » 27. Стих. *Три ключа.*
— Письмо изъ Михайловскаго къ Дельвигу: Пушкинъ пишетъ *Арапа Петра В.*
— Авг. 15. Стихотвор. *Поэтъ.*
— Около сентября изданa III-глава *Евг. Онѣгина* (рец. въ *Моск. Телеграфѣ*, октябрь, 1-я книжка. По *Сѣверной Пчелѣ* № 124 еще ближе можно опредѣлить).
— Окт. 14. Пушкинъ въ Боровичахъ проигрываетъ проѣзжему 1,600 р., а на слѣдующей станціи встрѣчается съ Кюхельбекеромъ (V, 51).
— Окт. 19. Лицейская годовщина: «Богъ помочь вамъ, друзья мои».
— Осенью. Замѣтка *О Байронѣ.*
— Дѣло кандидата Московскаго университета Леопольдова по поводу списка стихотворенія *Андрей Шенье* (I, 343).
— Конецъ года. Смерть 70-тилѣтней няни Арины Родіоновны въ домѣ Ольги Серг. Павлищевой (II, 26).
Въ концѣ 1827 года или въ самомъ началѣ 1828 напечатаны IV и V главы *Онѣгина* [1]).
1828. Стихотв. *Друзьямъ* («Нѣтъ, я не льстецъ...»).
— Янв. 27. Свадьба О. С. Пушкиной съ Н. И. Павлищевымъ (*Пушкинъ* Бартенева, II, 19).
— Февр. 12. Предисловіе ко 2-му изданію *Руслана и Людмилы.*
— Первая встрѣча П-на съ Н. Н. Гончаровой (VII, 219, № 222).
— Марта 23 вышла VI глава *Онѣгина* (*Р. Архивъ* 1866, стр. 1716, письмо князя Вяземскаго [2]).

---

[1]) *Въ первой* книжкѣ 1828 года журнала *СПбургскій Зритель* уже встрѣчаемъ рецензію на нихъ, а въ *Сѣверной Пчелѣ* № 15 (1828 г. и въ *Моск. Телегр.* № 3, стр. 433). Что же касается того, что посвященіе этихъ главъ Плетневу подписано *декабря 29-го 1828 года*, то это, вѣроятно, описка Пушкина, вмѣсто 1827 года (*Декабря 29-е* оказалось потомъ—*въ 1865 году—днемъ смерти Плетнева*).

[2]) Въ этомъ показаніи князя нѣтъ никакого повода сомнѣваться: во 1-хъ, конецъ письма его говоритъ о пасхальныхъ наградахъ, а въ 1828 году Пасха именно была 25-го марта; во 2-хъ, рецензію на VI-ю главу *Онѣгина* встрѣчаемъ въ *мартовской* книжкѣ *Москов. Телеграфа* 1828 (№ 5, стр. 77—82). Срав. *Сѣв. Пчелу*, № 40.

1828. Апр. Ссора съ Великопольскимъ, авторомъ «Сатиры на игроковъ» (VII, 201, прим. къ № 200. *Пушкинъ* Бартенева, II, 131).
— Апр. Просьба въ письмѣ къ Бенкендорфу объ опредѣленіи въ дѣйствующую армію противъ турокъ (VII, прим. къ № 201).
— Апр. 21. П. проситъ позволенія ѣхать въ Парижъ.
— » Предисловіе ко 2-му изд. *Кавказскаго Плѣнника.*
— Весною. Пушкинъ въ гостинницѣ Демута (*Записки Ксен. Полевого*, 1888, стр. 171, 268, 273—275).
— Мая 9. Пушкинъ на пароходѣ провожаетъ знакомаго. Стихи To Dawe Esq.
— Мая 16. Пушкинъ читаетъ *Бориса Годунова* у Лаваля (*Пушк.* Барт. II. 39).
— Мая 19. Стихотв. *Воспоминаніе.*
— » 26. (день рожденія П.) Стихотв. «Даръ напрасный».
— Стихотв. *Предчувствіе*: «Снова тучи надо мною».
— Окт. 3—до 20-хъ чиселъ. Созданіе поэмы *Полтава* въ П-бургѣ.
— » 19—20. Въ ночь отъѣздъ Пушкина въ деревню (*Соч.* II, 54).
— » 27 до послѣднихъ чиселъ ноября. Пушкинъ въ Малиновникахъ, тверскомъ имѣніи Вульфа, сына Пр. А. Осиповой.
— Нояб. 4. Кончена VII гл. *Евг. Онѣгина.*
— » 9. Стихотв. *Анчаръ, древо яда.*
— » 10. Стихотв. *Отвѣтъ Катенину.*
— Около 12 дек. Пушкинъ въ Москвѣ, съ своею *Полтавою* (*Пушк.* Барт. II, 40).
— Дек. 29. Посвященіе Плетневу 4-й и 5-й главъ *Евг. Он.* (См. примѣч. къ 1827 г.).
1829. Янв. 30. Пушкинъ посылаетъ Раевскому *Бор. Год.* съ замѣчаніями о трагедіи. Смерть А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ.
— Янв. 31. Предисловіе къ поэмѣ *Полтава.*
— Стихотв. къ *К. П. Кернъ*: «Когда твои младыя лѣта».
— Марта 4. Подорожная, выданная Пушкину на проѣздъ до Тифлиса и обратно (Анн. *Мат.* 208).
— Марта 9. Отъѣздъ Пушкина въ Москву (*Р. Стар.* 1874, т. X, 703) и затѣмъ печатаніе въ Пб., подъ надзоромъ Плетнева, *Полтавы* (*Соч. Плет.* III, 348).
— Около 20 марта обѣдъ у Погодина съ Мицкевичемъ, С. Аксаковымъ, Верстовскимъ (*Р. Арх.* 1878, II. 50; 1882, V, 81).
— Въ апрѣлѣ. Пушкинъ въ моск. театрѣ; слова его о Грибоѣдовѣ (*Моск. Телегр.* 1830, № 12, стр. 515, въ статьѣ В. Ушакова).
— Въ концѣ апрѣля Пушкинъ сватается за Н. Н. Гончарову, послав къ матери ея Толстого (американца), а 1 мая пишетъ первое письмо будущей тещѣ (*Р. Арх.* 1881, II, 496—497) и уѣзжаетъ въ Грузію.
— Мая 1. Выѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Грузію (IV, 413).
— » 3 или 4 видится въ Орлѣ съ Ермоловымъ.
— » 15. Пушкинъ въ Георгіевскѣ начинаетъ журналъ путешествія въ Арзрумъ.

1829. Мая 22. Во Владикавказѣ онъ продолжаетъ дневникъ путешествія.
— Іюнь. Пушкинъ около двухъ недѣль проводитъ въ Тифлисѣ.
— » 13. Прибытіе Пушкина въ русскій лагерь.
— » 14. Участіе Пушкина въ перестрѣлкѣ съ турками (*Зап. Ксен. Полевого*, стр. 354).
— Іюнь. 18. Обѣдъ у Паскевича вблизи Арзрума.
— » 27. П. присутствуетъ при взятіи Арзрума.
— Іюля 19. Выѣздъ Пушкина изъ Арзрума.
— » 20. Плетневъ представляетъ Бенкендорфу ркп. *Бориса Год.* (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).
— Авг. 1. Пушкинъ въ Тифлисѣ на обратномъ пути.
— » 6. Выѣздъ изъ Тифлиса.
— » 10. Во Владикавказѣ на обратномъ пути.
— Сент. 7. Стихотв. *Делибашъ.*
— » 8. Пушкинъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ.
— » 16. Смерть генерала Н. Н. Раевскаго (V, 71).
— » 20. Стихотв. *Кавказъ.*
— Около 26 сентября Пушкинъ возвратился въ Москву (*Р. Арх.* 1882, V, 112).
— Холодный пріемъ у Гончаровыхъ. (VII, 221).
— Окт. 2. Строфы x—xii къ VIII-ой главѣ *Евг. Онѣгина.*
— » 4. Стихотв. *Дорожныя жалобы.*
— » 16. Пушкинъ въ Малинникахъ (VII, 212, № 214).
— » 29. Стихотв. *Обвалъ.*
— Нояб. 2. Въ Михайловскомъ стихотв. «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?».
— Нояб. 3. Стихотв. *Зимнее утро.*
— » середина. Возвращеніе въ Петербургъ.
— Дек. 14. Стихотв. *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ.*
— » 24. Начало VIII гл. *Евгенія Онѣгина.*
— » 26. Стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ».
Эпиграммы на Каченовскаго и Надеждина.
1830. Сотрудничество въ *Литературной Газетѣ* Дельвига.
— Янв. 7. Пушкинъ чрезъ гр. Бенкендорфа проситъ позволенія ѣхать за границу или сопровождать нашу миссію въ Китай.
— Янв. 18. Ходатайство чрезъ Бенкендорфа за вдову ген. Раевскаго.
— » 19. Стансы митрополиту Филарету: «Въ часы забавъ иль праздной скуки».
— Февраль. Вышла VII-я глава *Ев. Онѣгина.* (*Сѣв. Пчела.* Мартъ 1830, №№ 35 и 39).
— Марта 4. Пушкинъ выѣхалъ изъ Пб. въ Москву (*Пушкинъ* Бартенева, II, 44).
— Марта 12. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (Письмо оттуда къ Вяз. VII, 216, № 219).
— » О Пушкинѣ въ Москвѣ; слова его (*Р. Архивъ* 1882. VI, 161.)
— Мартъ. Избраніе Пушкина въ члены Общества люб. рос. словесн.

1830. Марта 30. Бенкендорфъ требуетъ объясненія объ отъѣздѣ Пушкина въ Москву безъ спроса (VII, 220, прим. къ № 223).
— Апр. 6. Въ Свѣтлый праздникъ Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой, которое и принято [1]).
— Апр. Начало переписки Пушк. съ Н. И. Гончаровой, матерью невѣсты (VII, 220, № 225).
— Апр. Плетневъ продаетъ Смирдину право на изданіе соч. Пушкина (*Соч. Плетн.* III, 350).
— Апр. 16. Пушкинъ проситъ чрезъ Бенкенд. разрѣшенія жениться и напечатать *Бориса Годунова* безъ измѣненій.
— Апр. 28. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину разрѣшеніе государя на просьбы отъ 16 апр. (VII, 223, прим. къ № 226).
— Мая 2. Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за поздравленіе и извѣщаетъ его о своемъ намѣреніи издавать литературно-политическую газету.
— Мая 6. Помолвка Пушкина.
— » 12—13. Замѣтка: «Участь моя рѣшена: я женюсь». (IV, 346).
— Во второй половинѣ мая Пушкинъ посѣтилъ имѣніе Гончаровыхъ Полотняный Заводъ, Медынскаго у., въ 16 верстахъ отъ Калуги.
— Мая 26. Посѣщеніе Пушкина въ Полот. Заводѣ двумя калужскими мѣщанами (Барт. *Пушк.* II, 150).
— Май. Стихотв. *Къ Вельможѣ* (кн. Юсупову).
— Іюнь. Пушкинъ опять въ Москвѣ, откуда онъ переписывается съ дѣдомъ невѣсты о денежныхъ дѣлахъ (VII, 228, №№ 233 и 234).
— Іюля 1. Стихотв. *Поэту.*
— » 9. Стихотв. *Мадонна.*
— » 20. Въ письмѣ къ невѣстѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, Пушк. рекомендуетъ своего брата.
— Августа 10. Пушкинъ выѣзжаетъ съ кн. П. А. Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву (*Соч. Вяз.* IX, 137).
— Авг. 20. Смерть Василія Львовича Пушкина на другой день послѣ свиданія съ племянникомъ, который опять въ Москвѣ и посылаетъ письма къ Гончаровымъ въ Полотн. Заводъ (VII, 223, №№ 239 и 240).
— Авг. 31. Грустное письмо къ Плетневу и отъѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Болдино, Нижег. губ. (выдѣленное ему отцомъ съ 200 душъ), откуда письма идутъ до конца ноября, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.
— Сент. 8. Элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье».
— » 25. Окончаніе VIII гл. *Евгенія Онѣгина.*
— Окт. *Повѣсти Бѣлкина.*
— » 10. *Домикъ въ Коломнѣ.*
— » 16. *Моя родословная.*

---

[1]) Въ *Матеріалахъ* Анненкова, 1873, стр. 271, сказано: 21 апрѣля; это грубая ошибка: самъ же Анненковъ говоритъ далѣе, что отецъ Пушкина отвѣчалъ ему уже 16 апрѣля, да и Пасха въ 1830 г. было именно 6 апрѣля.

1830. Окт. 22. Пушкину разрѣшено напечатать *Бориса Годунова* подъ собственною его отвѣтственностію (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).
— Окт. 23. Драм. сцены: *Скупой рыцарь.*
— » 26. *Моцартъ и Сальери.*
— » 31 — } *Исторія села Горохина.*
— Нояб. 1. }
— » 4. *Каменный Гость.*
— » 27. Стихотв. «Для береговъ отчизны дальной».
— Въ теченіе ноября появленіе въ Петербургѣ *Бориса Годунова.*
— Осень: *Пиръ во время чумы.*
Романсъ «Я здѣсь, Инезилья».
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.
— Дек. 5. Возвращеніе изъ Болдина въ Москву. Отрывокъ изъ записокъ П. В. Нащокина.
— Дек. 12. Стихотв. *Герой.*
— » 17. Пушкинъ въ Остафьевѣ у князя Вяземскаго (*Соч. Вяз.* IX, 152, и I, 51; *Пушк.* Бартен. II, 47).
1831. Проѣздомъ изъ Болдина Пушкинъ остается въ Москвѣ до конца апрѣля.
— Янв. Къ Новому году вышелъ *Борисъ Годуновъ.*
— » 7. Пушкинъ у кн. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* IX, 155). Стих. *Красавица* (II, 127).
— Янв. 14. Смерть Дельвига.
— » 16. Смерть А. Е. Измайлова.
— » 18. Пушк. благодаритъ Бенкендорфа за отзывъ государя о *Бор. Годуновѣ.*
— Января 19. Пушкинъ узнаетъ о смерти Дельвига (VII, 257, №№ 269 и 270).
— Поѣздка Пушкина въ Захарово передъ женитьбою.
— Январь 31. Письмо Плетнева къ Пушкину о первыхъ трудахъ Гоголя. (*Соч. Пл.* III, 365).
— Февр. 18, въ среду. Свадьба Пушкина въ Москвѣ.
— Марта 26. Планы Пушкина въ письмѣ къ Плетневу.
— Апр. Пушкинъ проситъ Плетнева нанять ему квартиру въ Царскомъ Селѣ (VII, 266, № 282).
— Мая 11. Слова Пушкина въ Москвѣ (*Р. Арх.* 1882, VI, 185).
— Май. Пушкинъ на нѣсколько дней въ Петербургѣ.
— » 25. Переселеніе Пушкина въ Царское Село.
— Іюнь. Знакомство съ Гоголемъ [1])
— О жизни Пушкина лѣтомъ (Гоголь V, 139).

---

[1]) Сличи *Сочиненія и Письма Гоголя* (изд. 1857), V, 133; но тамъ это письмо ошибочно помѣчено 27 іюля: оно іюньское, и *послѣ него* должно слѣдовать письмо, напечатанное выше, на страницахъ 117—118, опять таки ошибочно помѣченное 1830-мъ годомъ: оно несомнѣнно *1831* года: въ 1830-мъ году Гоголь еще не былъ знакомъ съ Пушкинымъ (Сличи *Соч. Плетнева*, III, 366, письмо отъ февраля 1831 года).

1831. Іюня 21 умеръ книгопродавецъ Н. С. Пономаревъ, издатель *Бахчисар. Фонтана*, за который онъ заплатилъ 3,000 р. (*Молва*, 1832, стр. 276).
— Іюль. Пріѣздъ Двора въ Царское Село. Пушкинъ посылаетъ Плетневу ркп. *Повѣстей Бѣлкина*.
— Іюль. Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ ходатайствуетъ о позволеніи издавать политич. и литературный журналъ и заниматься въ государственныхъ архивахъ (VII, 277, № 296).
— Іюля 22. Пушкинъ извѣщаетъ Плетнева, что государь назначилъ ему жалованье и открылъ доступъ въ архивы для составленія исторіи Петра Великаго.
— Іюля 23. Письмо Бенкендорфа къ Нессельроде объ опредѣленіи Пушкина въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и позволеніи ему заниматься въ архивахъ для исторіи Петра Б.
— Авг. 2. Стихотв. *Клеветникамъ Россіи*.
— Сент. Печатаніе *Повѣстей Бѣлкина*.
— » 5. Стихотв. *Бородинская годовщина*.
— » Изданіе брошюры: *Три стихотворенія на взятіе Варшавы*.
— » *Сказка о попѣ и его работникѣ; о царѣ Салтанѣ*.
— Окт. 3. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ, вошедшее въ VIII-ю главу романа.
— Окт. 22. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
— Ноябрь. Пушкинъ хлопочетъ объ изданіи *Съв. Цвѣтовъ* для братьевъ Дельвига.
— Нояб. 14. Пушкинъ снова зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р.
— Дек. 6. Пріѣздъ Пушкина въ Москву по денежнымъ дѣламъ (отпускъ на 28 дней). Живетъ у Нащокина (письмо къ женѣ 16 дек., VII, 297, № 318).
— Дек. 22. Смерть Н. Ѳ. Кошанскаго.
— Конецъ дек. Возвращеніе въ Петербургъ.
— Въ началѣ 1832 г. напечатана VIII глава Онѣгина (*Моск. Телеграфъ* 1832, № 1; *Русск. Инвал.* № 26; Сѣв. Пчела, № 50).
1832. Января 7. Напечатаніе *Анчара* безъ разрѣшенія государя и замѣчаніе Бенкендорфа. (Письмо къ графу, VII, 299, № 320).
— Янв. 12. Во всеподд. докладной запискѣ Нессельроде, донося, что П. опредѣленъ въ коллегію иностр. дѣлъ съ производствомъ въ тит. сов., испрашиваетъ высоч. повелѣнія о его занятіяхъ въ архивѣ.
— Съ этого времени Пушкинъ прилежно посѣщаетъ архивы.
— Февр. 24. Пушкинъ благодаритъ письмомъ къ гр. Бенк. за книгу, получ. отъ государя, и проситъ позволенія разсмотрѣть библіотеку Вольтера.
— Февр. 29. Пушкину разрѣшено разсмотрѣть библіотеку Вольтера.
— Апрѣль. Начата *Русалка*.
— Мая 2. Смерть А. О. Орловскаго (художника).
— » 19. Рожденіе Маріи Александровны Пушкиной (въ замуж. Гартунгъ).

1832. Іюля 11. Пушкинъ извѣщаетъ Погодина, что получилъ разрѣшеніе издавать политическую газету.
— Сент. 16. Пушкинъ даетъ Тарасенко-Отрѣшкову довѣренность на званіе редактора политич. и литературной газеты.
— Сент. 17. Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву [1]).
— Сент. 21 (среда). Пріѣздъ Пушкина въ Москву.
— » 27. Пушкинъ съ Уваровымъ посѣщаютъ Моск. университетъ на лекціи проф. П. И. Давыдова. (*Изъ унив. восп.* Гончарова. *В. Е.* 1887, апр., стр. 502). — VII, 307, № 331; V, 259, слова А. Н. Майкова.
— Окт. около 15-го. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
— » 20. Окончена первой части повѣсти *Дубровскій* (VII, 311, № 336).
— Окт. 29.
— Нояб. 2. } Продолженіе повѣсти *Дубровскій.*
— Дек. 29.
— Около того же времени начаты *Пѣсни западныхъ Славянъ.*
— Дек. Смерть «царскосельскаго товарища» А. А. Шишкова.
1833. Янв. 1—Февр. Продолженіе *Дубровскаго.*
— » 7. Пушкинъ избранъ въ члены Росс. Академіи.
— Въ томъ же мѣсяцѣ начата *Капит. дочка* (кончена въ августѣ).
— Февр. 3. Смерть Н. И. Гнѣдича.
— Февр. 6. Окончена *Дубровскій.*
— » 9. Письмо къ гр. Чернышеву съ просьбою о доставленіи бумагъ относительно Суворова.
— Февр. Образъ жизни Пушкина. (Гоголь, V, 171, 175).
— Марта 9. Пушкинъ приглашаетъ Погодина въ сотрудники по историческимъ занятіямъ (VII, 314, № 340).
— Май. «Пушкинъ почти кончилъ *Исторію Пугачева*... Интересу пропасть! Совершенный романъ». (Гоголь, V, 179).
— Лѣтомъ изданіе *Онѣгина* вполнѣ.
— Лѣто на Черной рѣчкѣ.
— Кончаетъ пѣсни *Западныхъ Славянъ.*
— Іюля 6. Рожденіе Александра Александровича Пушкина (воспріемникомъ Нащокинъ).
— Іюля 30. Письмо къ гр. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ѣхать въ нижегор. деревню и посѣтить Казань и Оренбургъ для задуманнаго романа.
— Къ осени готовы матеріалы для *Ист. Пуг. б.*, вчернѣ *Капит. дочка*, *Русалка* и *Дубровскій* (Ан. *Мат.* 361).
— Авг. 12. Пушкину разрѣшенъ просимый отпускъ въ Казань и Оренб.
— » около 20-го. Отъѣздъ изъ Черной рѣчки въ Москву. (Письмо къ женѣ изъ Торжка 21 авг.).
— Авг. 25. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (VII, 319, № 347).

---

[1]) *Русск. Арх.* 1868, стр. 623, письмо князя Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву: «Посылаю вамъ живую грамоту — поэта Пушкина и будущаго газетчика... Царь и Пушкинъ у васъ, — политика и литература воцаренныя».

1833. Авг. 29. Отъѣздъ изъ Москвы въ Нижній.
— Сент. 2. Пушкинъ въ Нижнемъ (VII, 321, № 349).
— » 5—8. Пребываніе въ Казани (*Каз. Вѣст.* 1844, № 2).
— » 10—14. Пребываніе въ Симбирскѣ.
— » 12. Посѣщеніе деревни Языкова.
— » 18. Пріѣздъ въ Оренбургъ.
— » 23. Отъѣздъ изъ Уральска. (VII, 327, № 356).
— Окт. 1. Пріѣздъ въ Болдино, гдѣ П. остается до второй половины ноября (Барт. *Пушк.* II, 150).
— Окт. 28. Двѣ баллады изъ Мицкевича.
— » 29. Вступленіе къ *Мѣдному Всаднику.*
— » 30. Письмо Пушкина къ женѣ, въ которомъ онъ описываетъ свой день въ Болдинѣ.
— Окт. 30—31. Окончаніе *Мѣдн. Всадника. Родословная моего героя.*
— Ноябр. 24. Возвратясь въ П-бургъ, П. начинаетъ свой дневникъ. (V, 200).
— Дек. 6. Проситъ чрезъ Бенкендорфа разрѣшенія участвовать въ смирдинской *Библіот. для чтенія* подъ обыкновенной цензурой и представить государю рукопись *Исторіи Пуг. бунта.*
— Дек. Цензура не пропускаетъ *Мѣднаго Всадника.*
— Дек. 30. Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры (V, 201; VII, 339, № 369).
1834. Марта 6. Пушкину пожаловано 20,000 р. на напечатаніе *Исторіи Пугач. бунта* (V, 203).
— Марта 16. Пушкинъ у Греча участвуетъ въ совѣщаніи объ изданіи Энциклоп. словаря Плюшара (тамъ же).
— Апр. 15. Отъѣздъ Натальи Ник. къ роднымъ въ калужскія имѣнія Полотн. Заводъ и Ярополецъ. (V, 206).
— Апр. до августа. Переписка П. съ Нат. Ник. изъ Петербурга.
— » Запрещеніе Полевому издавать *Телеграфъ* (VII, 348, № 380).
— Іюнь. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ въ ссуду 15,000 р. на два года (VII, 358, № 393).
— Іюля 3. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа беретъ назадъ просьбу объ отставкѣ, поданную за нѣсколько дней.
— Іюля 4. Пушкинъ начинаетъ печатать *Исторію Пугач. бунта.*
— Авг. 10. Стихотв. *Мицкевичъ* («Онъ между нами жилъ»).
— » 25. Отъѣздъ Пушкина въ Калугу и затѣмъ въ Болдино для устройства своихъ дѣлъ по этому имѣнію. (V, 210).
— Сент. 13. Пріѣздъ Пушкина въ Болдино (VII, 370, № 410).
— Окт. 15—18. Возвращеніе въ Петербургъ (VII, 372, № 414; V, 210).
— Окт. 19. Участвуетъ въ празднованіи лицейской годовщины.
— » Поступленіе въ продажу *Исторіи Пугач. бунта.*
— Къ этому же году относятъ: повѣсть *Пиковая дама.*
— » » » » *Кирджали.*
— » » » приготовленіе матеріаловъ для исторіи Петра В.

1835. Янв. 26. Проситъ позволенія чрезъ Бенкенд. прочесть пугач. дѣло.
— » Возвращаетъ Баптынъ-Каменскому матеріалы, которыми пользовался (VII, 376, № 418).
— Февр. 2. Гр. Бенкенд. сообщаетъ министру юстиціи Дашкову о допущеніи Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о пугачевскомъ бунтѣ.
— Февр. 21. Дашковъ сообщаетъ гр. Нессельроде о допущеніи Пушкина въ Госуд. архивъ для прочтенія пугачевскаго дѣла.
— Апр. 7. Стихотв. *Полководецъ*.
— » 13. Стихотв. *Туча*. (біографич. характера).
— » 14. Письмо къ Дмитріеву о критикѣ *Исторіи пугач. бунта*.
— » Изданіе 4-й части *Стихотвореній*.
— Мая 3—24. Отпускъ въ Москву.
— » 16. Рожденіе Григорія Александровича Пушкина (VII, 402).
— Іюня 1. Пушкинъ проситъ позволенія отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню.
— Іюля 29. Бенкендорфъ увѣдомляетъ, что по просьбѣ Пушкина государь даетъ ему въ ссуду 30,000 руб. съ вычетомъ ихъ изъ-его жалованья (VII, 380, № 425).
— Авг. 15. *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*.
— » 27. Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до дек. 23 и ѣдетъ въ калужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Пб. уже къ 15 окт. по причинѣ болѣзни матери.
— Авг. 28. Письмо Пушкина къ В. А. Полѣнову объ указаніи, гдѣ хранится допросъ, снятый съ Пугачева въ Москвѣ.
— Сент. 7. Отъѣздъ изъ Петерб. въ Михайловское.
— » 26. Стихотв. «Вновь я посѣтилъ».
— » Стихотв. *На выздоровленіе Лукулла*.
— Осень. *Египетскія ночи* (стихотв. *Клеопатра* начато 1825).
— Окт. Изъ Парижа полученъ гравированный портретъ Пугачева (VII, 389, № 436).
— Въ серединѣ октября Пушкинъ въ Петербургѣ.
— Окт. Прошеніе въ цензурн. комитетъ объ опредѣленіи отношеній къ нему Пушкина (VII, 386, № 433).
— Окт. Пушкинъ рѣшается издавать журналъ (VII, 387, № 434).
— Нояб. 19. Возвративъ бумаги, полученныя изъ воен. мин., проситъ у Клейнмих. книгу съ письмами и донесеніями Бибикова (см. VII, 389, № 437).
— Дек. 29. Объявленіе въ *Сѣв. Пчелѣ* о продажѣ *Исторіи Пуг. бунта*.
— Дек. 31. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ разрѣшенія издавать трехмѣсячный журналъ.
Въ концѣ 1835 или въ началѣ 1836 года размолвка съ гр. В. А. Соллогубомъ (*Русск. Арх.* 1865, № 5—6, стр. 748—751).
1836. Февр. Приготовленія къ изд. Современника (Гоголь, V, 252).
— » Переписка съ Хлюстинымъ по поводу изданія *Вастолы* и критики Сенковскаго (VII, 392, № 443, и Барт. *Пушкинъ*, II, 73).

1836. Марта 24. Пушкинъ проситъ Жобара не печатать франц. перевода стихотв. *На выздор. Лукулла* (VII, 395, № 448).
— Марта 29 (Свѣтло-Христово Воскресенье). Смерть Надежды Осиповны.
— Марта 31. Цензурное одобреніе 1-го тома *Современника*.
— Конецъ марта и начало апр. Переписка съ кн. Одоевскимъ о печатаніи *Современника*.
— Апр. 3. Статья о Радищевѣ.
— » 8, въ среду, Пушкинъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга на погребеніе матери (*Пушкинъ* Бартенева, II, 63).
— Апр. 11, въ субботу, вышла первая книжка *Современника*. (*Пушкинъ* Бартенева, II, 63).
— Апр. 14. Письмо Пушкина къ Языкову изъ Михайловскаго послѣ погребенія тѣла матери: проситъ Языкова сотрудничать въ *Современникъ*.
— Апр. 14. Письмо къ Погодину съ предложеніемъ сотрудничать въ *Соврем.* и отъѣздъ въ Петербургъ. (Такъ онъ предполагалъ, но вѣроятнѣе, что онъ изъ деревни выѣхалъ позже и отправился прямо въ Москву. *Отъ 19 апрѣля по 23 мая его не было въ Петербургѣ*).
— Апр. 19 (по репертуару Храповицкаго) или же 22 апрѣля (по Хроникѣ театра, Вольфа) было первое представленіе *Ревизора* въ С.-Петербургѣ, и по словамъ Гоголя, Пушкинъ тогда еще былъ въ деревнѣ (Гоголь, V, 435—436).
— Мая 2, почью. Пріѣздъ Пушкина въ Москву для посѣщенія архивовъ и для хлопотъ по *Современнику* (VII, 399, №№ 455 и 456).
— Мая 11. Посѣщаетъ Московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ.
— » Свиданіе съ графомъ Сологубомъ и примиреніе съ нимъ. (*Р. Арх.* 1865, № 5 и 6, стр. 752).
— Мая 23. Пріѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петерб. на Кам. остр. За нѣсколько часовъ рожденіе Натальи Александровны Пушкиной (въ замужствѣ Дубельтъ, а во 2-мъ бракѣ графиня Меренбергъ).
— Іюля 9. Смерть А. А. Перовскаго.
— Авг. 21. Стихотв. *Памятникъ*.
— Окт. 5. Смерть О. А. Кипренскаго.
— » 13. Баронъ М. А. Корфъ сообщаетъ Пушкину списокъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Россіи.
— Окт. 19. Письмо Пушкина къ Чаадаеву о его «философическомъ письмѣ» въ *Телескопѣ*.
— Окт. 19. П. въ послѣдній разъ на празднованіи лицейской годовщины. «Была пора: нашъ праздникъ молодой»....
— Нояб. 4. Пушкинъ получаетъ три экземпляра оскорбительнаго анонимнаго письма.
— Нояб. 21. Пушкинъ извѣщаетъ о томъ гр. Бенкендорфа, и тогда же пишетъ Геккерену.
— Нояб. 25. Пушкинъ посылаетъ свое письмо къ молодому Геккерену; вечеромъ онъ у князя Вяземскаго (*Пушкинъ* Бартенева, II, 67).
— Дек. 29. Пушкинъ въ торжеств. собраніи Академіи Наукъ.

1837. Янв. 10. Свадьба Дантеса и Ек. Ник. Гончаровой.
— » 27. Письмо къ секунданту Дантеса, д'Аршіаку.
— » — Письмо къ Ишимовой.
— » — въ среду. Дуэль съ Дантесомъ.
— » 29, въ пятницу. Кончина Пушкина.
— » Третье изданіе *Онѣгина*.
— Февр. 1, въ понедѣльникъ. Отпѣваніе Пушкина.
— » 6, въ субботу. Погребеніе его въ Святогорскомъ монастырѣ.
— » —Гр. Бенкендорфъ проситъ Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ, выданнымъ Пушкину.
— Мая 25. Некрологъ Пушкина, сост. Мицкевичемъ (въ газ. Globe).
1844. Наталья Никол. выходитъ за генерала П. П. Ланского.

Засимъ предлагаемъ списокъ умершихъ за полвѣка товарищей и современниковъ Пушкина, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ или о которыхъ упоминалъ въ своихъ произведеніяхъ. Біографу Пушкина или издателямъ его сочиненій этотъ списокъ можетъ пригодиться; читателю любопытно будетъ пробѣжать его. Безъ сомнѣнія, къ нему могутъ быть сдѣланы поправки и дополненія [1]); здѣсь же указываемъ изданія сочиненій Пушкина.

1837. Февр. 23 митроп. кіевск. Евгеній; іюня 7 А. А. Бестужевъ (Марлинскій); окт. 3 П. И. Дмитріевъ; окт. 6 А. Д. Илличевскій.
1838. Февр. 26 архим. Фотій; апр. 24 гр. Сарра Ѳ. Толстая. — *Сочиненія Пушкина, 1-ое посмертное изданіе, томы 1—8.*
1839. Февр. 11 гр. М. М. Сперанскій; апр. 9 П. П. Свиньинъ; апр. 22 Д. В. Давыдовъ; мая 4 Елиз. М. Хитрово; іюня 16 А. Ѳ. Воейковъ; авг. 15 кн. А. И. Одоевскій; ноября 26 Д. В. Дашковъ.
1840. Янв. 30 И. И. Козловъ; іюля 1 А. П. Куницынъ; окт. 14 кн. П. Б. Козловскій; ноября 26 А. Ѳ. Малиновскій.
1841. Марта 7 Вл. Д. Вольховскій; марта 29 А. С. Шишковъ; іюля 15 М. Ю. Лермонтовъ; дек. 23 П. А. Гулыяновъ.— *Сочиненія Пушкина, томы 9—11.*
1842. Марта 19 М. Ѳ. Орловъ; апр. 19 М. Т. Каченовскій; окт. 2 В. Г. Тепляковъ; окт. 19 А. В. Кольцовъ.
1843. Апр. 17 А. Н. Оленинъ. — Окт. 31 Н. П. Кривцовъ. — П. П. Кайдановъ. — Н. Н. Раевскій (младшій).
1844. Февр. 13 П. П. Мятлевъ; марта 28 С. С. Хлюстинъ; іюня 29 Е. А. Баратынскій; сент. 12 гр. А. Х. Бенкендорфъ; окт. 1 Д. М. Княжевичъ; ноября 9 И. А. Крыловъ; ноября 21 М. Л. Магницкій; ноября 22 кн. А. Н. Голицынъ.

---

1) Лица, которыхъ ни день, ни мѣсяцъ смерти намъ неизвѣстенъ, поставлены въ концѣ года.

1845. Марта 30 графъ П. С. Мордвиновъ; мая 27 П. Н. Инзовъ; ноября 11 Д. И. Языковъ; дек. 3 А. И. Тургеневъ.
1846. Янв. 22 кн. А. А. Шаховской; февр. 22 П. А. Полевой; іюня 5 М. Е. Лобановъ; авг. 11 В. К. Кюхельбекеръ; сент. 8 П. П. Хмѣльницкій; дек. 26 П. М. Языковъ. — О. П. Толстой. — В. С. Миклашевичева.
1847. Апр. 5 С. Н. Глинка; апр. 11 Эд. П. Губеръ; 10 мая лиц. товарищъ П-па баронъ Пав. О. Гревеницъ.
1848. Мая 22 А. А. Ивановскій; мая 26 В. Г. Бѣлинскій; іюня 12 О. П. Сѣнушкинъ; іюль С. Л. Пушкинъ (отъ холеры); сент. 9 А. П. Галичъ; дек. 3 Е. П. Гребенка. — Е. П. Истомина.
1849. Марта 2 княг. Е. С. Гагарина. — княг. Е. И. Голицына. — П. Д. Ивапчинъ-Писаревъ.
1850. Янв. 25 Д. Н. Бантышъ-Каменскій.
1851. Іюля 21 В. А. Полѣвой; сент. 1 Ек. А. Карамзина; окт. 21 П. С. Котляревскій.
1852. Февр. 16 кн. П. П. Шаликовъ; февр. 21 П. В. Гоголь; апр. 12 В. А. Жуковскій; іюня 11 К. П. Брюлловъ; іюня 23 М. П. Загоскинъ; въ іюлѣ Л. С. Пушкинъ (см. *Сынъ Отечества* 1852, кн. 8, некрологъ Л. С. Пушкина); окт. 16 П. Е. Георгіевскій. — А. А. Алябьевъ.
1853. Февр. 4 А. А. Фуксъ; мая 23 П. А. Катенинъ; іюля 5 О. А. Тумапскій. — А. П. Хвостова.
1854. Янв. 8 Е. Я. Сосницкая; іюня 13 А. С. Стурдза; ноября 6 П. В. Нащокинъ.
1855. Февр. 18 Импер. Николай; іюля 7 К. Н. Батюшковъ; сент. 4 гр. С. С. Уваровъ; окт. 14 Т. Н. Граповскій; окт. 23 С. Е. Раичъ; ноября 28 Ад. Мицкевичъ. — *Соч. Пушкина, изд. Анненкова, 1—6 т.*
1856. Янв. 11 Н. П. Надеждинъ; янв. 20 кн. П. О. Пасквичъ; марта 20 Ф. Ф. Вигель; апр. 14 П. Я. Чаадаевъ; іюня 11 П. В. Кирѣевскій; авг. 28 гр. М. Ю. Вісльгорскій; окт. 25 П. В. Кирѣевскій; ноября 6 кн. М. С. Воронцовъ.
1857. Февр. 3 М. Н. Глинка; марта 23 Е. М. Фролова-Багрѣева; мая 2 В. А. Тропининъ; сент. 16 А. Ф. Смирдинъ; ноября 19 А. П. Красовскій; дек. 8 В. А. Перовскій. — *Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, т. 7-й.*
1858. Марта 4 О. П. Сенковскій; іюля 12 Вл. С. Филимоновъ; въ октябрѣ кн. Д. А. Эристовъ; ноября 10 А. Д. Чертковъ; дек. 3 графиня Е. П. Ростопчина. — Н. М. Коншинъ.
1859. Апр. 3 И. И. Пущинъ; апр. 30 С. Т. Аксаковъ; сент. 1 О. В. Булгаринъ; окт. 13 Н. Ѳ. Арендтъ; ноября 20 Вл. И. Панаевъ. — П. А. Осипова. — П. Т. Спасскій. — *Сочиненія Пушкина, изд. Исакова, 6 томовъ* (1859—60).
1860. Февр. 23 баронъ Е. Ѳ. Розенъ; марта 23 В. И. Тумапскій; авг. 14 Е. В. Аладьинъ; авг. 31 С. П. Жихаревъ; сент. 23 А. С. Хомяковъ.
1861. Апр. 12 А. П. Ермоловъ; мая 9 кп. А. О. Орловъ.
1862. Янв. 15 Е. А. Энгельгардтъ; въ февралѣ княг. З. А. Волконская, марта 11 гр. К. В. Нессельроде; ноября 5 А. Н. Верстовскій.

1863. Марта 5 Н. И. Уткинъ; авг. 11 М. С. Щепкинъ; авг. 24 П. П. Сахаровъ; ноября 26 Н. Н. Ланская (Пушкина-Гончарова: *День*, № 50; ум. отъ воспаленія легкихъ).

1864. Февр. 8 А. Х. Востоковъ; февр. 19 гр. Д. Н. Блудовъ; марта 18 А. П. Зонтагъ; марта 29 Н. Ф. Павловъ; мая 8 С. П. Шевыревъ; мая 23 П. П. Кепненъ; дек. 4 Н. С. Пименовъ.

1865. Ноября 29 К. П. Арсеньевъ; дек. 29 П. А. Плетневъ. — Д. П. Свѣринъ.

1866. Марта 23 Н. А. Дурова; сент. 5 М. А. Дмитріевъ; окт. 23 кн. Н. Б. Голицынъ.

1867. Янв. 12 Н. И. Гречъ; февр. 18 Вл. П. Горчаковъ; апр. 9 К. А. Полевой; ноября 19 Филаретъ митр. моск.

1868. Февр. 7 И. Е. Великопольскій; февр. 24 М. Д. Деларю; авг. 6 кн. П. В. Долгоруковъ; окт. 22 А. Н. Раевскій; дек. 8 П. В. Кукольникъ; дек. 9 П. М. Спегиревъ. — О. С. Павлищева (Пушкина).

1869. Янв. 23 А. С. Норовъ; февр. 27 кн. Вл. Ѳ. Одоевскій; іюля 26 П. П. Лажечниковъ. — К. К. Данзасъ (1870?).

1870. Янв. 11 А. Ѳ. Вельтманъ; февр. 3 К. К. Данзасъ; іюня 8 Н. Г. Устряловъ; окт. 9 С. А. Соболевскій; дек. 16 А. Ѳ. Львовъ. — *Сочин. Пушкина, второе изд. Исакова, 6 томовъ.*

1871. Окт. 29 Н. И. Тургеневъ.

1872. Сент. 16 Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ; сент. 24 Вл. Ив. Даль; ноября 14 гр. П. Д. Киселевъ.

1873. Янв. 13 кн. М. А. Оболенскій; янв. 19 А. А. Жандръ; апр. 14 В. Г. Бенедиктовъ; апр. 16 гр. Ѳ. П. Толстой; іюля 15 О. П. Тютчевъ; ноября 10 М. А. Максимовичъ.—И. В. Малиновскій. — *Погодинъ посвящаетъ памяти Пушкина свою трагедію «Петръ Великій».*

1874. Янв. 18 К. С. Сербиновичъ; авг. 18 А. Н. Муравьевъ; ноября 1 М. П. Розбергъ.

1875. Апр. 7 Б. М. Ѳедоровъ; дек. 8 М. П. Погодинъ.

1876. Янв. 2 гр. М. А. Корфъ; янв. 5 П. М Строевъ.

1877. Въ маѣ смерть П. П. Ланского; іюня 1 Е. П. Елагина; іюля 21 А. В. Никитенко.

1878. Ноября 10 кн. П. А Вяземскій.

1879. Янв. 25 О. А. Конп; лѣтомъ А. П. Керн (1880?); дек. 11 О. А. Пржеславскій; дек. 8 Н. И. Павлищевъ.

1880. Февр. 11 О. П. Глинка; марта 7 А. М. Каратыгина; *іюня 6 открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ*; іюля 8 С. Д. Комовскій.— Княг. Е. Кс. Воронцова.— *Сочин. Пушкина, третье изд. Исакова 6 томовъ.*

1881. Іюня 4 А. О. Ишимова; авг. 9 А. О. Россетъ; *авг. 17 учрежденіе Пушкинской преміи;* сент. 4 М. П. Щербининъ (по другимъ ноября 7).

1882. Іюня 5 гр. В. А. Соллогубъ; іюля 8 кн. П. С. Гагаринъ; въ сентябрѣ А. О. Смирнова. (*Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, М. 7 томовъ.*

1883. Февр. 28 кн. А. М. Горчаковъ (послѣдній изъ лицеистовъ 1-го курса); авг. 22 И. С. Тургеневъ; сент. 19 О. И. Іорданъ.
1884. Янв. 7 С. Д. Полторацкій.
1885. Янв. 4 А. И. Подолинскій.
1886. Іюля 8 княгиня В. Ѳ. Вяземская.
1887. Янв. 29 *Пятидесятилѣтіе со дня смерти Пушкина.— Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго фонда, 7 томовъ; Сочиненія Пушкина, изд. Комарова, Павленкова, Суворина, Моск. Общества Люб. Росс. Словесности и друг.*;
— Марта 8 П. В. Анненковъ.
1888. Марта 4 вдова барона А. А. Дельвига, во 2-мъ бракѣ Баратынская [1]).

Такимъ образомъ изъ современниковъ Пушкина остались уже очень немногіе: А. А. Краевскій, Н. П. Кулишовъ, В. Любичъ-Романовичъ, О. Г. Солнцевъ, М. В. Юзефовичъ.

Пересматривая современниковъ Пушкина по указателю личныхъ именъ при VII томѣ, мы не могли опредѣлить, когда скончались слѣдующія лица, или кто изъ нихъ живъ:

Алексѣевъ Н. С.
Волковъ М. С.
Волконскій кн. С. Г.
Всеволожскій Н. В.
Гальбергъ С. П. †
Готовцева А. П. †
Дондуковъ-Корсаковъ князь М. А. †
Есауловъ А. П.
Загряжская Н. К. †
Каверинъ П. П.
Казначеевъ А. П.
Лексъ М. П. †
Липранди П. †
Ломоносовъ С. Г. †
Нефловъ С. А.
Полетика П. П.
Поповъ М. М.
Орлова Ек. Н. †
Раевская М. Н.
Спиридовъ П. Г.
Смирновъ Н. М.
Строгоновъ гр. А. Г.
Тарасенко-Отрѣшковъ Н. П. †
Толстой Я. Н.
Щегловъ Н. цензоръ.
Энгельгардтъ В. В.
Яковлевъ М. Л. †
Якубовичъ Л. А.

---

[1]) Дочь сенатора М. А. Салтыкова, Софья Михайловна (род. 1809 г.), 16-ти лѣтъ отроду вышла за барона Дельвига, а вскорѣ по смерти его въ 1830 г. за младшаго изъ четырехъ братьевъ Баратынскихъ Сергѣя Абрамовича, только что кончившаго блистательно курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ. Они тогда же поселились въ имѣніи матери Баратынскихъ, Тамб. губ., Кирсан. у. села Вяжна въ усадьбѣ Марѣ, гдѣ С. М. и скончалась. Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ мужъ ея нигдѣ не служилъ, но лѣчилъ безвозмездно чуть не всю Тамбовскую и Саратовскую губ. У С. М. была отъ Дельвига дочь Елизавета, которая осталась въ дѣвицахъ и до сихъ поръ живетъ въ той же деревнѣ, а отъ Баратынскаго четыре дочери, изъ которыхъ одна, Софья, замужемъ за Влад. Ник. Чичеринымъ, братомъ бывшаго профессора.— С. М. сохранила до глубокой старости († 79-ти лѣтъ) живой умъ и горячее сердце при отличномъ образованіи. (Сообщ. Анна Давыд. Баратынская).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XLIV, № 2.

Пров. 50

ПУШКИНЪ

ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗІИ.

С. И. ПОНОМАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПУШКИНЪ ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗІИ

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

«Гласъ лиры — гласъ народа».
Жуковскій.

Въ литературѣ нашей есть длинный рядъ произведеній, посвященныхъ Пушкину, это — такъ называемыя *посланія* къ нему современниковъ-поэтовъ. И никто у насъ кромѣ его не былъ осыпанъ такимъ множествомъ посланій; они были писаны не только къ нему лично, но и къ нянѣ его, брату, сестрѣ; была даже эпитафія духовнику его. Въ этихъ посланіяхъ можно видѣть и біографическія черты его, и характеристику его таланта, и поэтическія связи, и сущность значенія его, и степень сочувствія къ нему. Подобныя произведенія являлись много лѣтъ и по кончинѣ его. Съ другой стороны, съ давнихъ поръ и почти до нашего времени, появлялись и эпиграммы и пародіи на него, также не лишенныя историческаго значенія. Такимъ образомъ, всѣ эти произведенія представляютъ собою цѣнный матеріалъ для біографіи поэта, и ихъ давно бы слѣдовало собрать, *или по крайней мѣрѣ составить извлеченіе изъ нихъ всего характеристическаго, существеннаго* [1]). Съ этою цѣлію мы предлагаемъ теперь хронологическій перечень этихъ пьесъ, въ надеждѣ, что

1) Нѣкоторую попытку въ этомъ родѣ представляютъ три статьи въ Кіевлянинѣ 1880 года, №№ 124, 125 и 127.

Александровскій Лицей озаботится составленіемъ и изданіемъ поэтическаго сборника. Само собою разумѣется, что къ подобному сборнику надо будетъ приложить необходимыя историко-литературныя поясненія и притомъ зорко смотрѣть за корректурою стиховъ, чтобы не допустить въ нихъ ни искаженія размѣра, ни опечатокъ (въ родѣ *называлъ*, вмѣсто *изнывалъ*), которыя теперь встрѣчаемъ. Въ этомъ же спискѣ, въ порядкѣ времени, мы назовемъ и тѣ произведенія, которыя были *посвящены* Пушкину. Такъ какъ указатель нашъ имѣетъ *временное* значеніе, то мы излагаемъ его сжато.

1815.

1) **Дельвига:** Росс. Музеумъ, ч. III, стр. 260; Сочиненія Дельвига, изд. 1850, стр. 101.

1818.

2) **Дельвига:** Благонамѣренный, ч. II, стр. 13; Современникъ 1854, № 1, критика, статья В. П. Гаевскаго, стр. 3—4.

3) **Кюхельбекера:** Благонамѣр. ч. III, стр. 136.

4) **Его же:** Сынъ Отеч., ч. 48, стр. 129[1]); перепечатано, съ варіантами, въ Благонамѣренномъ, ч. III, стр. 133. Въ отношеніи стихотвореній Кюхельбекера, необходимо воспользоваться заграничнымъ изданіемъ его сочиненій, 1880 года: «Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера». При нихъ біографическій очеркъ его (написанный Гречемъ). Мѣсто и время изданія обозначены на книжкѣ такъ: «Шо-де-фонъ: Ф. И. Бутурлинъ. 1880 г.» (См. Новое Время 1880 сентября 21, № 1640, фельетонъ Незнакомца). Тамъ указываются: его поэма «*Сирота*», посвященная Пушкину, и два стихотворенія: «19 октября 1836 г.» и «19 октября 1837 года», намъ неизвѣстныя, въ которыхъ однако говорится о Пушкинѣ.

---

1) Такъ какъ указанія наши далеко не всѣ взяты изъ *первыхъ* источниковъ, то въ нихъ неизбѣжно могутъ встрѣтиться повторенія, которыя уяснятся только при справкѣ.

1819.

5) **Д.:** Горацiанская ода. Соревнователь просвѣщ. и благотворенiя, ч. VIII, стр. 103.

1820.

6) **Глинки, Ѳ. Н.** Сынъ Отеч., ч. 64, № 38, стр. 231.

7) **Крылова, И. А.,** Сынъ Отеч., № 38, стр. 283; Сочиненiя Крылова 1847, I, LXVII.

1821.

8) **Баратынскаго:** Пиры, поэма (собственно — конецъ ея), Соревнователь просвѣщ. № 3; Сочиненiя Баратынскаго 1885, стр. 293, въ изданiи же 1869 г., на стр. 344, *приведены и варiанты.*

9) **Толстого, Я. Н.,** въ его книгѣ «Мое праздное время», Спб. Спичи Современн. 1856, № 7, Смѣсь, стр. 10.

1822.

10) **А. М.** (Марлинскаго?): Сынъ Отеч. № 10, мартъ.

11) **К. Ш—ва** (Шаликова): Новости Литер. № 16, стр. 48.

1823.

12) **Дельвига:** Труды Общества Люб. Р. Слов., ч. 21, стр. 58, въ посланiи къ Языкову; Сочин. Дельвига, изд. 1850, стр. 62.

13) **Раевскаго, В. Ѳ.,** *рукописное,* упоминается въ Русск. Архивѣ 1866, вып. 10, стр. 1450.

14) **Кюхельбекера:** Русск. Архивъ 1871, стр. 0171.

1824.

15) **Плетнева:** Труды Общ. Люб. Р. Слов., ч. 26, стр. 201; Сочиненiя Плетнева, III, 276.

16) **Козлова:** «Байронъ», стих. посвящено Пушкину, Новости Литер. декабрь, стр. 85. (Спичи Бѣлинскаго, V, стр. 281).

1825.

17) **Туманскаго, В. А.:** Русск. Архивъ 1874, II, 728; Стихотворенія В. И. Туманскаго, 1881, XXXVII.

18) **Одоевскаго, кн. А. И.** «Чалма», стих. посв. Пушкину, Русск. Арх. 1873, I, XCIX.

19) **К. Ш.** (Шалпкова): А. С. Пушкину (на его отреченіе пѣть женщинъ), Дамскій Журналъ, X, 68.

20) **Полежаева:** Сашка, поэма, пародія Онѣгина. Отрывки изъ нея въ Р. Арх. 1881, II, 317—336.

1826.

21) **Языкова:** Русск. Арх. 1867, стр. 722.

22) **Языкова:** Къ нянѣ Пушкина, Стихотворенія Языкова, 1858, ч. I, 89.

23) **Вяземскаго, князя П. А.:** Къ сестрѣ поэта, Сѣв. Цвѣты, стр. 3; Сочин. кн. Вяз. III, 405.

1827.

24) **Бороздны, И.:** Славянинъ, VIII, № 52, стр. 487.

25) **Веневитинова, Д.:** Стихотворенія, изд. 1862, стр. 101.

26) **К. Ш.:** на подарокъ поэмою «Цыганы», Дамскій Журн. XVIII, № 11, стр. 261.

27) **Одоевскаго, кн. Ал. И.:** «Отвѣтъ на посланіе въ Сибирь», Пушкинъ Бартенева, I, 112.

28) **Языкова:** Тригорское, Моск. Вѣстникъ, № 2, стр. 83; тамъ прямо сказано: *посланіе къ А. С. П.*; но потомъ, вѣроятно, по совѣту Пушкина, «Тригорское» посвящено П. А. Осиповой.

29) **Языкова:** Соврем. 1837, VI, 374; Стихотворенія его, изд. 1858, II, 156.

30) **Муравьева, А. Н.:** Отвѣтъ на эпиграмму Пушкина на него, Новое Время 1880, № 1518, въ фельетонѣ.

1828.

31) **Катенина:** Старая быль, посвящ. Пушкину, Сѣверные Цвѣты на 1829 годъ.

32) **Катенина:** Посланіе къ Пушкину, Сочиненія Катенина, Спб. 1832, I, 98.

33) **Козлова, Ив.:** Къ морю. Посвященіе Пушкину. Стихотв. Козлова, II, 3.

34) **Великопольскаго:** Отвѣтъ, Пушкинъ Бартенева, II, 134.

1829.

35) **К. Ш.:** Русскому Байрону. Экспромптъ мечтателя, Дамскій Журн. XXVI, 8.

36) **К. Ш.:** Къ А. С. Пушкину, сказавшему мнѣ, что онъ ѣдетъ въ мое отечество Грузію, тамъ же.

37) **К. Ш.:** Пушкину, въ день его рожденія, Дамскій Журн. XXVIII, 27. Сличи Библіограф. Записки 1859, стр. 307—308.

38) **N. N.:** Отъ классиковъ къ Пушкину, Бабочка, № 24, стр. 94.

39) **Пушкина, В. Л.** Моск. Телегр. XXVI, 129.

40) **Готовцевой, А.** Сѣв. Цвѣты, стр. 180.

41) **Соболевскаго:** Пародія татарской пѣсни въ Бахчисар. Фонтанѣ, *рукописная*, одинъ послѣдній куплетъ въ Р. Арх. 1877, II, 793.

42) Эпиграмма на поэмы Пушкина и Баратынскаго, Дамск. Журн., кн. IV, стр. 56; Современн. 1856, № 8, Смѣсь, стр. 158.

1830.

43) **Филарета, митр. моск.,** отвѣтъ на пьесу «Даръ напрасный, даръ случайный», Звѣздочка 1848, № 10.

44) **Б. Р.** (Бестужева-Рюмина): по поводу Онѣгина, Сѣв. Меркурій, № 27.

45) **Гульянова, И.:** Москвитян. 1842, № 3, стр. 151.

46) **Языкова:** На смерть няни Пушкина, Сѣв. Цвѣты на 1831-г. Стих. Яз—ва, 1858, II, 2.

47) Пародія эпиграммы Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ», Вѣстн. Европы, ч. 170, № 8, стр. 303 (ч. 171, № 9, стр. 64?).

48) **Полевого:** Пародія на ту же эпиграмму, Московск. Те-

легр. 1830, ч. 32, Новый Живописецъ, стр. 135. Странно, что въ *томъ же самомъ томѣ* (стр. 240—241) Полевой отрицалъ, чтобы въ его журналѣ были пародіи на Пушкина. А Погодинъ еще въ мартѣ 1830 г. писалъ Шевыреву, что Московскій Телеграфъ пишетъ пародіи на Пушкина (Р. Архивъ 1882, VI, 161—162).

49) **Полевого:** Пародія на «Зимній вечеръ», Моск. Телегр. ч. 32, Нов. Живописс. стр. 136.

50) **Полевого:** Утро въ кабинетѣ знатнаго барина (по поводу пьесы Пушкина «Къ вельможѣ»), Моск. Телегр. 1830, № 10, Нов. Живоп. (Въ отдѣльномъ изданіи Новаго Живописца, 1832, этого «Утра» нѣтъ. Потомъ Полевой передѣлалъ его въ комедію «Полчаса за кулисами» (Сочин. Бѣлинскаго, VII, 467).

51) **Полевого:** пародія на пьесу «Совѣтъ», Моск. Телегр. 1830, ч. 31, Нов. Живописецъ, стр. 61.

52) **Бестужева-Рюмина М.:** Сплетница, разсказъ, въ которомъ выведены Дельвигъ, Пушкинъ и друг., Сѣверный Меркурій, №№ 49 и 50.

1831.

53) **Шевырева,** Деннпца, стр. 107.

54) **Вяземскаго,** кн.: переводъ романа Бенжаменъ Констана «Адольфъ», посвященіе (Соч. кн. Вяз. X).

55) **Сигова, Д.:** Литер. Прибавленія къ Р. Инвал. № 86, стр. 679.

56) **Полевого:** Пародія, Моск. Телегр., ч. 37, Нов. Живописецъ, стр. 30: «Бокалъ поэта.»

57) **Полевого:** о посвященіи главъ Онѣгина Плетневу, ч. 42, Нов. Живоп. 352; въ отдѣльномъ изданіи, Живописца, IV, 195.

58) Эпиграмма на Бориса Годунова (Молва? Телескопъ? эпиграмму читаемъ у Бѣлинскаго, II, 429).

59) **Павлова, Н.** (невѣстѣ Пушкина?): «Нѣтъ, ты не поняла поэта» — *рукописное.*

1832.

60) . . .я. . .а: Отвѣтъ (на пьесу Павлова), Молва 1832, № 5, стр. 17.

61) **Ростопчиной, графини:** Отрінутому поэту, Стихотв. графини Р—ной, 1857, I, 80. (Послѣднія три пьесы, 59—61, относятся нами къ Пушкину гадательно. Смотри о нихъ Новое Время 1881, янв. 30, № 1769, стр. 5, Вопросы и отвѣты).

62) **Гнѣдича:** Стихотворенія, изданіе Смирдина, 158.

63) **Полевого:** пародія «Поэтъ», Моск. Телегр. № 8, Камеръ-Обскура, стр. 153; Отд. изданіе Новаго Живописца, VI, 148; Соврем. 1855, т. 55, въ статьѣ о Пушкинѣ, стр. 6—7.

1834.

64) **Фуксъ, А.:** на проѣздъ П. чрезъ Казань, Стихотворенія А. Фуксъ, стр. 175.

65) **Хвостова, гр. Д.:** Стихотворенія, т. VII, 151.

1835.

66) **Гребенки:** Переводъ «Полтавы» на малороссійскій языкъ, посвященіе Пушкину.

67) **Погодина:** Исторія въ лицахъ о Дмитріи Самозванцѣ, посвященіе Пушкину.

1837.

68) **Лермонтова,** изд. 1873, т. I, стр. 43.

69) **Губера,** изд. 1859, I, 201.

70) **Вяземскаго, кн. П. А.** Современн. V, 314; Сочиненія кн. Вяземскаго, IV, 207—208.

71) **Жуковскаго:** «Русскій», газета Погодина, 1867, стр. 169, перифразъ нѣсколькихъ строкъ изъ письма Жуковскаго о смерти Пушкина; см. ихъ въ Сочин. Пушкина, изд. 1882, т. VII, стр. 437, прим.

72) **Тютчева:** Гражданинъ 1875, № 2, стр. 58; Русскій Архивъ 1879, № 5, стр. 138.

73) **Тепловой:** Стихотвор. изд. 1860, стр. 22.

74) **Креницына:** Отеч. Зап. 1865, № 16, августъ, Библіограф. замѣтки, стр. 286.

75) **Стромилова:** Моск. Наблюд. XIII, августъ, книга 1, стр. 343.

76) **Подолинскаго:** Соврем. 1837, VII, 87; Стихотв. Подол... 1860, II, 91.

77) **Норова, А. С.:** Русск. Архивъ 1871, № 4—5, стр. 0948.

78) **Глинки, Ѳ. Н.:** Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина, Библ. для Чтен. XXI, стр. 83. — Отдѣльное изданіе, М. 1837.

79) **Мирзы Фахтъ-Али-Ахундова,** переводъ его стиховъ на кончину Пушкина, Моск. Наблюдат. 1837, мартъ, кн. 2, стр. 297—304. (Другой переводъ той же пьесы, Марлинскаго, Р. Старина 1874, XI, 76.)

80) **Кольцова:** Лѣсъ, Стихотв. К., стр. 101, посвященіе. Пушкину. (См. также письмо Кольцова Краевскому, въ Древн. и Нов. Россіи, 1879, № 3.)

81) **Рахманнаго** (Н. Веревкина): Литер. Прибл. къ Р. Инвалиду, № ?.

82) **Сушкова, Д.:** 29 января 1837. Стихотв. Д. С—ва, Спб. 1838.

83) **Полежаева:** «Часы выздоровленія», М. 1841, стр. 7—22; перепеч. въ газетѣ Р. Курьеръ 1880, № 152.

84) **Безъ подписи (Катенина):** Современ. V, 174; вѣроятно, то же, что подъ № 32, указано здѣсь.

1838.

85) Стихотвореніе Ильи Модест. Бакунина «На погребеніе Пушкина», въ книжкѣ, изданной безъ заглавія, 1838, стр. 115.

(См. о ней Новое Время 1884, Февраля 29, и разъясненіе Я. К. Грота, тамъ же, 2-го марта [1]).

86) **Губера:** посвященіе при переводѣ Фауста, Сочин. Губера, 1859, II, стр. V—VI.

87) **Ростопчиной, гр.:** Стихотворенія 1857, I, 213.

88) **Кюхельбекера:** Лицейская Годовщина 19 октября 1838 г.; Русск. Старина 1870, изд. 3, I, 570.

89) **Гребенки:** Сочиненія, 1862, т. V, стр. 111 (девять стиховъ изъ 3-й пьесы).

1839.

90) **Вуича:** На смерть Пушкина, Галатея, V, 559.

91) **Ростопчиной, гр.** Современн. XV, № 3, стр. 137; Стихотворенія ея, изд. 1857, I, 235—240. «Двѣ встрѣчи.»

92) **Керсновскаго:** Опыты въ р. словесности воспитанниковъ гимназій бѣлор. уч. округа. Вильно, стр. 3.

93) **Ляховича:** тамъ же, стр. 286.

1840.

94) **Ленскаго:** Куплетъ въ пьесѣ «Въ людяхъ ангелъ не жена», Репертуаръ 1841, № 7—8.

1841.

95) **Вяземскаго, кн.:** Пушкиной, Н. Н., Сочиненія кн. В. IV, 262 (изд. 1880).

96) **Глинки, С. Н.,** въ книгѣ «Очерки жизни Сумарокова», ч. I, (упоминаетъ Бѣлинскій, V, 354).

1842.

97) **Баратынскаго:** Стихотворенія, 1869, стр. 146, посвященіе.

---

1) Въ книгѣ Межова Puschkiniana, подъ № 1273, упоминаются еще стихи Е. М. Хитрово на смерть Пушкина, въ Соврем. Извѣстіяхъ 1880, № 153.

98) **Браксатириса** (Сладковича): «Поэзія славянъ», изданіе Гербеля. Спб. 1871, стр. 396.

99) **Куликова, Н. И.**: Пародія «Братьевъ Разбойниковъ». Братья-журналисты, Русск. Старина 1885, № 2, стр. 471—473.

1847.

100) **Розена, барона Е.**: Могила Пушкина, стих., Сынъ Отеч. № 3, отд. III, стр. 1.

1851.

101) **Новаго поэта**, пародія, Серенада, Современн., мартъ, отд. V, стр. 14.

102) **Новаго поэта**, двѣ пародіи, перепечатаны въ Москвитян. 1851, т. V, Смѣсь, 274, 281.

103) **Алмазова, Б. Н.**: двѣ пародіи, Москвит. т. V, Смѣсь, стр. 275, 283.

1852.

104) **Бенедиктова**: Стихотв. 1856, III, 97—104.

1853.

105) **Подолинскаго**: Стихотвор. 1860, II, 219.

106) **Шевырева**: Москвитян. 1853, № 24, стр.

107) **Вяземскаго, кн.**; Сочиненія, т. XI, стр. 17—21, съ грубыми опечатками: *царящей* (царицей); блестящій, (блестящій); быстроту (быстрину); опозорилъ; (опозорилъ); валъ (валъ;)...

1855.

108) **Новаго поэта**: Собраніе стихотвореній, пародія, стр. 7.

109) **Прокоповича**: Журн. для чтенія воспитанн. Военно-Уч. Заведеній, т. CXIV, № 453, 1 мая, стр. 3.

110) **Майкова, А.**: Отрывокъ изъ поэмы «Земная Комедія», Современн. № 12, Смѣсь, стр. 284; въ изданіи Стихотвор. Майкова, 1872, II, 248 (по поводу отзывовъ о Пушкинѣ Ксенофонта Полевого).

1858.

111) **Апухтина:** 19 октября 1858, Современн. 1859, ноябрь, стр. 221.

1859.

112) **Некрасова:** Стихотв., изд. 1879, I, 279.

113) **Грота, Я К.:** Царское Село, стих., Русск. Бесѣда, кн. VI, стр. 6. Съ передѣлками въ собраніи статей: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», въ Сборникѣ отдѣленія р. яз. и слов., т. XLII, и въ отдѣльномъ изданіи, стр. 290.

114) **А. А.:** Пародія, Серенада, Соврем. 1859, № 10, Свистокъ, стр. 539.

115) **Михайлова, М. Л.:** пародія, Искра 1859, № 39.

1861.

116) **Грота, Я. К.:** Памяти Пушкина, въ день 50-лѣтія Лицея, Р. Вѣстникъ, № 9, стр. 300. Съ передѣлками въ собраніи статей: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», въ Сборникѣ отдѣленія р. яз. и слов., т. XLII, и въ отдѣльномъ изданіи, стр. 292.

1864.

117) **Улыбышевой,** «Послѣдняя пѣснь лебедя», Спб. (М?) 1864, стр. 27: эпитафія духовнику Пушкина.

1867.

118) **Вяземскаго, кн.:** Складчина, 1874, стр. 5—7.

1871.

119) ******* Памятнику Пушкина, Русск. Старина, III, 700. Отд. изд. 16°, стр. 7.

120) **Некрасова:** Стих. изд. 1879, II, 394—399.

1873.

121) **Погодина:** «Петръ Великій», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, посвящена Пушкину.

1875.

122) **Лонгинова, А.:** 19 октября 1875, Русск. Вѣстникъ, октябрь, 718.

123) **Мицкевича:** Встрѣча, пер. Н. Берга, Пчела, № 6, стр. 72. (Эту пьесу надо отнести къ тому году, въ который она написана Мицкевичемъ, чего мы опредѣлить не можемъ.)

1876.

124) **Майкова, А.:** Что долженъ выразить памятникъ Пушкину, Кругозоръ, № 1.

1879.

125) **Витевскаго:** изслѣдованіе «Яицкое войско», посвящено Пушкину, Р. Архивъ, № 3, стр. 273.

1880.

Изъ множества стихотвореній этого года нѣкоторыя собраны въ книгѣ Ѳ. Б. «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», именно слѣдующія:

126) **Аверкіева,** стр. 314 (на стр. 315, въ строкѣ 11, вм. *называлъ* надо *изнывалъ*).

127) **Гейнце,** стр. 319.

128) **графа Голенищева-Кутузова,** 308.

129—130) **Кондратьева,** двѣ пьесы, 318, 319 (въ первой пьесѣ 5-й стихъ не точенъ; есть пропускъ)[1]).

131) **Курочкина, Н.,** 303 (третій стихъ не ясенъ, а на стр. 305 вм. Созрѣетъ — Согрѣетъ?)

---

1) На стр. 319: «*Предъ нимъ мрутъ завистливые взгляды*» — неужели это стихъ?

132) **Львовой**, 310.

133) **М.**, 315.

134) **Майкова, А.**, 302.

135) **Миллера**, 316.

136) **Минаева**, 306 («Вкругъ еще юной головы» — неужели это стихъ? *еще*?).

137) **Плещеева**, 305.

138) **Полонскаго**, 299.

139) **Гр. Соллогуба**, 317.

140) **Яхонтова**, 312 (въ 1-й строчкѣ надо: увидѣлъ).

Слѣдующія за симъ пѣсни приводимъ по указаніямъ Межова въ его книгѣ «Puschkiniana» (№№ 1277—1353, 1408).

141) **Болдырева**, Пензенск. Губ. Вѣдом. № 126.

142) **Быкова**, Дѣло, № 8, стр. 48.

143) **Вашкова**, Будильникъ, № 21.

144) **Голубева**, Петерб. Газета, № 107.

145) **Жемчужникова, А.**, Голосъ, № 216; Молва, № 216.

146—147) **Завалишина**, Самарск. Справ. Листокъ, №№ 106 и 109.

148) **Зеленецкаго**, Церк. Вѣстникъ, № 24.

149) **Иваницкаго**, Соврем. Извѣстія, № 164.

150) **Иванова-классика**, Правда, № 146.

151) **К. А.**, Соврем. Извѣстія, № 156.

152) **Кирѣевскаго, В.**, Спб. Вѣдом. № 155.

153) **Кондратьева**, Р. Газета, №№ 1—3.

154) **П. М.**, Петерб. Газета, № 110.

155) **Маркярона**, Правда, № 146.

156) **Минаева**, Молва, № 160.

157) **Нила Адмирари**, Петерб. Газета, № 115.

158) **Новикова**, Нева, № 24.

159) **А. А. П.**, Петерб. Газета, № 89.

160) **Попова, В.**, Новое Время, № 15; Всемірная Иллюстрація, № 598.

161) **Ракитина**, Газета Гатцука, № 23.

162) **Румянцева,** Лучъ, № 20.
163) **Садовникова,** Огонекъ, № 30.
164) **Слободской, Л.,** Семейное Чтеніе, № 21.
165) **Ш...а,** Востокъ, № 46.
166) **Безъ подписи:** Жив. Обозрѣніе, № 21, стр. 388.
167) » Правда, № 146.
168) » Тверской Вѣстникъ, № 37.

1881.

169) **Верещагина,** Заря, № 44.

1887.

170) **Зотова,** въ брошюрѣ «29 января 1887 года. Въ память 50-лѣтія кончины Пушкина.»

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIV, № 3.

ИЗЪ ИСТОРІИ РОМАНА И ПОВѢСТИ.

Пров. 50

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СЛАВЯНО-РОМАНСКІЙ ОТДѢЛЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СЛАВЯНО-РОМАНСКІЯ ПОВѢСТИ.

Подъ названіемъ «славяно-романскихъ» повѣстей я желалъ бы выдѣлить особую группу южнославянскихъ разсказовъ, объединенную характеромъ ихъ источниковъ и нѣкоторыми особенностями ихъ идеальнаго содержанія. Мѣсто, занимаемое ими въ исторіи развитія славянской повѣсти вообще, со включеніемъ русской, приходится по срединѣ между византійскимъ вліяніемъ, обусловившимъ древній составъ югославянской повѣствовательной литературы, и позднимъ западнымъ, коснувшимся Руси при посредствѣ, главнымъ образомъ, Польши. Этому послѣднему принадлежитъ сохранившаяся въ познанскомъ сборникѣ XVI вѣка «Исторія объ Аттилѣ королѣ Угорскомъ», относящаяся къ особому роду историческихъ повѣстей и баснословныхъ хроникъ. Выключая её изъ группы «славяно-романскихъ» сказаній я отнесъ-бы къ нимъ, наоборотъ, греко-сербскую Александрію: она пришла къ южнымъ славянамъ изъ греческаго источника и въ этомъ смыслѣ могла быть включена въ отдѣлъ «византійскій», но ея складъ, стиль и характеръ нѣкоторыхъ подробностей обличаютъ въ ея авторѣ знакомство съ западной романтикой, отводя ей мѣсто въ исторіи литературнаго воздѣйствія запада на византійскій востокъ. Это воздѣйствіе сказывалось переводами и подражаніями и передѣлками древнихъ сюжетовъ, въ которыхъ сентиментализмъ и реализмъ поздняго греческаго романа причудливо смѣшивались съ полупонятыми мотивами рыцарства,

греческіе витязи являлись паладинами и строгія очертанія древнихъ типовъ смягчались въ полусвѣтѣ романтизма. Къ подобному пониманію стараго эпоса приводило уже спеціально-греческое развитіе: оно переставило центры эпическаго интереса, выдвинуло на первый планъ легенду о Парисѣ, создало образъ влюбленнаго Ахилла, заставивъ его тосковать по Поликсенѣ, увлечься красавицей Еленой, которую онъ видитъ на стѣнахъ Трои и съ которой Ѳетида сводитъ его въ волшебномъ сновидѣніи [1]). Припомнимъ прелестную фантасмагорію Филостратова Героика [2]): Ахиллъ и Елена, никогда не видавшіе другъ друга при жизни, влюбляются взаимно въ царствѣ тѣней; и вотъ, по просьбѣ Ѳетиды, Нептунъ создаетъ на Черномъ морѣ, изъ ила Ѳермодонта, Борисѳена и Истра, островъ Λευκὴ, гдѣ влюбленныя тѣни живутъ въ идеальной связи, въ лунныя ночи водятъ хороводы по цвѣтущему лугу, а съ береговой стоянки робко прислушивается къ ихъ чудеснымъ пѣснямъ морякъ, не осмѣливающійся проникнуть внутрь острова.

Къ этому романтическому теченію примкнула, не достигая его поэзіи, струя западно-рыцарскаго романа: Ахиллъ явился любовникомъ, банально вздыхающимъ по Поликсенѣ (Roman de Troie; Διήγησις Ἀχιλλέως). Образъ Александра въ греко-сербской повѣсти о немъ принадлежитъ тому-же направленію мысли; отличіе этого памятника отъ другихъ «славяно-романскихъ» лишь во внѣшней лингвистической формѣ, въ которой онъ объявился славянамъ, тогда какъ романъ о Тристанѣ и пѣсня о Бовѣ пришли

---

[1]) Объ Ахиллѣ и Еленѣ сл. Ἰσαακίου καὶ Ἰωάννου τοῦ Τζέτζου Σχόλια εἰς Λυκόφρονα, ed. Christ. Gottfr. Müller, къ стих. 143 и 171—173; Lycophronis Alexandra, recensuit, scholia vetera codicis Marciani addidit God. Kinkel (1880), комментарій къ стих. 143 и 172; Eudociae Augustae Violarium, rec. J. Flach (1880), стр. 265—6 (съ ссылкой на Δοῦρις ὁ Σάμιος). Сл. Welcker, Der epische Cyclus, II, стр. 105.

[2]) Flavii Philostrati Opera, ed. Kayser, v. II, стр. 211 слѣд. Сл. Птолемея Гефестіона у Фотія, Biblioth. c. CXC, βιβ. Δ: ὡς Ἑλένης καὶ Ἀχιλλέως ἐν μακάρων νήσοις παῖς πτεροῦτός γεγόνοι, ὃν διὰ τὸ τῆς χώρας εὔφορον Εὐφορίωνα ὠνόμασαν (Westermann, Μυθογράφοι, p. 188).

къ нимъ изъ Италіи, и латинскій-же или романскій подлинникъ слѣдуетъ предположить для древне-славянской притчи о Троѣ.

Изъ сказаннаго выяснилось, что̀ мы понимаемъ подъ «славяно-романскими» повѣстями: сербскую Александрію, Троянскія Дѣянія и сербскіе Тристана и Бову, дошедшіе до насъ въ бѣлорусскомъ пересказѣ. Всѣ эти памятники представляются объединенными и мѣстомъ своего происхожденія: Босніи и сѣверная Далмація, куда, вмѣстѣ съ византійскими, легче всего было доходить и западнымъ вліяніямъ, общественнымъ и литературнымъ. Послѣднія тѣмъ интереснѣе, что облеченныя въ форму повѣсти, они распространялись и далѣе по славянскому міру, разнося въ той или другой мѣрѣ слѣды, часто искаженные, обусловившаго ихъ западно-рыцарскаго міросозерцанія. Если Тристанъ извѣстенъ пока лишь въ бѣлорусскомъ пересказѣ сербскаго оригинала, то Александрія и Троянская притча имѣли широкое распространеніе, а Бова перешелъ у насъ и въ народную сказку. Какой отпечатокъ западнаго быта и рыцарскаго уклада сохранили они въ своихъ далеко-разошедшихся отраженіяхъ? Дѣло идетъ не о вліяніи одной культурной среды на другую, а о контрастѣ, въ которомъ должны были очутиться идеалы, воспитанные извѣстными отношеніями общества, въ литературѣ, отвѣчавшей другимъ жизненнымъ спросамъ.

Въ славянскую среду наши повѣсти[1]) вносили свѣдѣнія о чуждомъ ей обиходѣ рыцарства и его особомъ нравственномъ кодексѣ. Первый усваивался внѣшнимъ образомъ, многое показываетъ, что иныя его черты были неясны и понимались вполовину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его конюшій, «оправца» (Тр.). Бой идетъ сначала на коняхъ: противники такъ стремительно наскакиваютъ другъ на друга, что еслибъ не добрая сброя, они пали-бы мертвыми, а ихъ копья разлетаются въ щепы. Упавъ съ конями

[1]) Далѣе онѣ цитуются такимъ образомъ: А (Александрія), ТД (Троянскія Дѣянія), Тр. (Тристанъ), Б (Бово).

на землю, они тотчасъ-же вскакиваютъ на ноги и продолжаютъ биться мечами, иногда расходясь, чтобъ отдохнуть, опершись на щитъ (Тр.). Сл. описаніе боя Ильи Муромца съ сыномъ:

Разъѣхались на копья востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхались на палицы боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхались на сабли вострыя:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы кольчужныя [1]).

Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ воителя сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ его руки, еще славнѣе — сразить его (Тр. ТД). Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычаи могли идти на встрѣчу народному юначеству, какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага (Тр. А.):

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
А бить-то мнѣ-ка сонпаго что мёртваго [2]).

Но едва-ли вразумителенъ былъ символизмъ другихъ рыцарскихъ обрядовъ, напр. опоясываніе мечемъ (Тр. Б.), и смутными могли слагаться представленія о «ѣзджалыхъ» рыцаряхъ (chevaliers errants), ищущихъ «фортуны», о дѣвушкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невещественнымъ порученіемъ (Тр.) и т. п.

Таково усвоеніе внѣшняго обихода рыцарства; посмотримъ, какъ усвоялся его идеалъ. Онъ, по существу, западный; главныя требованія отъ рыцаря — это *доброть* и *дворность*. Доброть,

---

[1]) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 323.
[2]) Сл. l. c., стр. 12 и 405—406 и Servii ad Aen. I, 487; II, 541.

несомнѣнно, переводъ: proesse, дворность, дословно—courtoisie, нерѣдко въ соединеніи: рыцарство и дворность, дворность и преспечность (Тр.). Славянская притча о Троѣ выражаетъ понятіе дворности словами: *честь, почтеніе въ дворѣ, дворцина:* honneur et courtoisie [1]), тогда какъ *дворбой* (ТД), *службой* (ТД, Тр.) обозначались отношенія, въ которыя вступалъ юный витязь, являясь ко двору какого-нибудь именитаго властителя, чтобы обучиться рыцарскому дѣлу и служенію дамамъ, «добрымъ госпождамъ» (ТД) — belles dames. Въ этихъ отношеніяхъ развивалась и еще одна существенная сторона рыцарскаго идеала: культъ *любви*, понятіе *милости* (Тр.), какъ всеспльнаго чувства, самоопредѣляющагося, не подлежащаго другимъ нравственнымъ критеріямъ.

Такое пониманіе любви плохо согласовалось съ отрицательнымъ взглядомъ на женщину, какъ по существу «злую», сосудъ грѣха: взглядомъ, господствовавшемъ въ средне-вѣковомъ — и славянскомъ обществѣ подъ вліяніемъ церковно-ригористической морали. На западѣ это противорѣчіе было если не замирено, то устранено торжествомъ рыцарскаго идеала, удалившаго враждебный ему въ кружокъ рьяныхъ блюстителей строгой отеческой старины. Въ нашихъ славяно-романскихъ повѣстяхъ противорѣчіе осталось, наивное и простосердечное, потому что не осмысленное соотвѣтствующимъ поворотомъ въ жизни.

Средневѣковая литература полна нападокъ на женщинъ [2]).

---

[1]) Сл. Konrad von Würzburg, Der Trojanische Krieg: Парисъ говоритъ Менелаю, чему онъ желаетъ отъ него научиться:

20494 ob iuwer reiniu lêre
mich wiset ûf daz rehte
daz hilfet min geslehte
an *êren* iemer unde ouch mich.
20517 biz ich von iu gelernen müge
die *zuht*, die ritters *êren* tüge.

[2]) Сл. между прочимъ: Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder, стр. 73 слѣд.; Franke, Zur Geschichte der lateinischen Schulpoesie, стр. 71 слѣд.; Huemer, Lateinische Rhythmen des Mittelalters (Wiener Studien VI, стр. 292 слѣд.); Tobler, Proverbia que dicuntur super natura feminarum (Zeitschrift f. rom.

Въ старофранцузскомъ Chastoiemoent, переводѣ Disciplina Clericalis Петра Альфонса (XII в.), отецъ такъ поучаетъ своего сына: «пди за львомъ и дракономъ, за медвѣдемъ, леопардомъ и скорпіономъ, не ходи только за злой женой, какъ-бы тебя не улещали, и мысленно моли Господа, славнаго и всемогущаго, дабы онъ спасъ тебя отъ женскихъ ковъ, да и самъ отъ нихъ стерегись».

Beax fils, sui lion et dragon,
Ors, liepart et escorpion,
La male feme ne sui mie
Por losenge que l'en te die.
Prie Dieu molt devotement
Le gloriox omnipotent,
Qu'il te deffende de lor art,
Et tu te garde de ta part [1]).

Такъ злословили и другіе ригористы, и Морольфъ могъ самонадѣянно отвѣтить на попытку Соломона защитить женщину — предсказаніемъ, что и самъ онъ будетъ ею обманутъ [2]). Онъ въ самомъ дѣлѣ попалъ въ число многочисленныхъ жертвъ женской злобы, среди которыхъ авторъ русской «Бесѣды отца съ сыномъ» помѣщаетъ, Адама и Ноя, Лота, Давида и Соломона, сильнаго Самсона и храбраго Александра [3]). Какъ авторъ Chastoiement, такъ и анонимный писатель Бесѣды подтверждаетъ свои положенія, уже сведенныя въ общій кодексъ Пчелою [4]) и Поученіемъ Даніила Заточника [5]), цѣлымъ рядомъ прикладовъ и разсказовъ, изъ которыхъ вытекаетъ одна и та-же мораль: изъ за женъ «многія крови проліяшася и царства разорншася и царіе

Philologie IX, 287—331); Novati въ Giornale storico della letteratura italiana VII, 132—442; его-же: Carmina medii aevi, стр. 15 слѣд.

[1]) Barbazan et Méon, Fabliaux II, p. 81; сл. Пыпина, Очеркъ, 273.

[2]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 274—5 и прим. 2. Сл. L'Évangile aux femmes у Jubinal, Jongleurs et trouvères, стр. 26 слѣд.; Paul Meyer, Plaidoyer en faveur des femmes, Romania № 24, стр. 499—500 и изданное имъ стихотвореніе: Du bounté des femmes, Romania № 58—9, стр. 316 слѣд.

[3]) Пыпинъ, l. c., стр. 274.

[4]) Безсоновъ, Книга Пчела, стр. XXXI и слѣд.

[5]) Памятники росс. словесности XII в., стр. 237 слѣд.

отъ живота гонзнули» (Пчела стр. XXXIII: О добротѣ бо женстей мнози соблазнишася..... Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ); «горе граду тому в немже владѣтелствуетъ жена; горе дому тому, имже владѣетъ жена; зло и мужу тому, иже слушаетъ жены;» «украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу, уды своя связали шолкомъ, лбы своя поттягнули жемчюгомъ, ушеса своя завѣсили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ почитанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія»; «женскій разумъ яко храмина непокровенна и яко вѣтрило на верху горъ скорообразно вертящеся...; лутче купити коня или вола или ризу, нежели злу жену поняти»[1]). «Лутче есть во утлѣ кораблѝ плавати, нежели злой женѣ правда повѣдати», говоритъ другое русское Слово: «корабль утелъ товаръ потопляетъ, а злаа жена домъ мужа своего пустъ сотворяетъ и самого мужа своего погубитъ. Немочно человѣку пѣшу въ полѣ заица постичи, а со злою женою спасенія не добыти. Злаа жена отгнаніе ангеломъ, угоженіе діаволе». Эти порицанія жены развиваются наконецъ въ такомъ народно-поэтическомъ климаксѣ: «Егда загорится храмина, чѣмъ ее гаспти? Водою. Что болѣ воды? Вѣтръ. Что болѣ вѣтра? Гора. Что сильнее горы? Человѣкъ. Что болѣ можетъ человѣка? Хмель: отъимаетъ руки и ноги. Что лютѣе хмелю? Сонъ. Что лютѣе сна? Жена зла»[2]).

Всѣ эти представленія, выработанныя церковной моралью, утверждались въ сознаніи общества аскетическимъ направленіемъ такихъ повѣстей какъ Варлаамъ и Іоасафъ, какъ Синагрипъ, гдѣ въ числѣ поученій Акира сестричу Анадану есть и слѣдующее: «Сыну, уне есть огнемъ болѣти, али трясавичею, негли жити съ злою женою, да не будетъ совѣта въ дому твоемъ, а сердечнаго ей не вѣщай». Это — одинъ изъ совѣтовъ, пристропившихся въ средневѣковой новеллѣ къ имени Соломона: не повѣрять женѣ тайны, ибо она смертельный врагъ мужу[3]).

---

[1]) Пыпинъ, l. c., стр. 272.

[2]) Пыпинъ, l. c., стр. 270.

[3]) Сл. мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 7.

Восточныя повѣсти о женской хитрости и коварствѣ, перешедшія на Западъ, пріютившіяся и въ славянскомъ мірѣ, должны были поддержать сложившуюся уже характеристику «злой жены». Разсказывали о невѣрной супругѣ Соломона, о вѣтренности матроны Эфесской и т. п. Читатели славяно-романскихъ повѣстей обрѣтали въ нихъ тѣ-же знакомые типы: плотски-назойливыхъ дѣвушекъ французской chanson de geste, въ родѣ Дружины и Мальгоріи (Б.) и дочери короля Перемонта (Тр.), податливыхъ, какъ жена Сегурадежа (Тр.), коварныхъ, какъ «пани з Локви» (la Dame du Lac), уморившая Мерлина (Тр.), преступныхъ, какъ мать Бовы (Б.) или мачеха Тристана (Тр.). Всё зло пошло отъ женъ, читалось въ сербской Александріи: отъ нея погибъ и Адамъ, и крѣпкій Самсонъ и мудрый въ человѣцѣхъ Соломонъ, и въ Троѣ многіе витязи и цари погибли изъ-за одной жены Елены, la fole pecchеresse Heleine, какъ называетъ её Gower [1]). Много крови прольется изъ-за тебя, говоритъ ей Энона (ТД): ея роковая красота представлялась демонической, но не въ нашемъ значеніи слова, а въ томъ, которая побудила нѣмецкую народную книгу о Фаустѣ представить Елену отродьемъ ада, а болгарскаго сказателя одной троянской повѣсти прозвать её Гилудой: демоническимъ существомъ народнаго повѣрья, похищавшимъ и пожиравшимъ новорожденныхъ. Понятно послѣ этого, почему наша троянская притча заставляетъ её умереть насильственной смертью: она понесла заслуженную кару, и средневѣковой вагантъ удивляется, почему она именно избѣжала участи, уготованной ею другимъ:

Femina digna mori reamatur amore priori
reddita victori deliciisque thori.
Saeva, quid evadis, non tradita cetera tradis?
Cur rea tu cladis non quoque clade cadis? [2]).

Внятнѣе всѣхъ этихъ «злыхъ женъ» долженъ былъ представиться ригористически-настроенному читателю типъ Изотты.

[1]) Stengel, John. Gower's Minnesang u. Ehrzuchtbüchlein (Marburg 1886), p. 21, № X.

[2]) Carmina Burana № CLII, стр. 61.

Съ первой брачной ночи и до конца разсказа она — вѣроломная жена, всецѣло отданная любовнику, который, въ добавокъ, не всегда ей и довѣряетъ. Такъ по крайней мѣрѣ въ бѣлорусскомъ пересказѣ сербскаго текста, въ эпизодахъ, къ которымъ не нашлись западныя параллели. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ глоссой переводчика, вмѣнившаго Тристану правило — не довѣряться женщинѣ? Тристанъ проѣзжаетъ съ Изоттой мимо шатра, въ которомъ столуетъ Артуръ и его дворъ, и не велитъ ей смотрѣть по сторонамъ: гляди мнѣ, Тристану, между плечъ, а коню своему промежъ ушей, не то я разгнѣваюсь на тебя. О Тристанъ, отвѣчаетъ она, много я ходила по морю и по суху, а не видала ни одного рыцаря выше тебя. Въ другой разъ, когда Жиневра упрекнула ее, почему цѣной невинной лжи она не спасла жизни одному человѣку, она объясняетъ, что не смѣла сказать Тристану неправды — изъ боязни его гнѣва. — Когда послѣ цѣлаго ряда любовныхъ приключеній Тристанъ приводитъ наконецъ Изотту къ ея мужу, и тотъ благодаритъ племянника за его «вѣру и правду» — въ этомъ заключеніи переводчику чуялась не пропія, и не торжество роковой любви надъ связанностью обычая: онъ тѣмъ ближе и безучастнѣе отнесся къ своему подлиннику, чѣмъ менѣе выяснилъ себѣ отношенія своего собственнаго женскаго идеала къ широтѣ рыцарскаго.

Ригористическій взглядъ на женщину обнималъ её всецѣло, во всѣхъ положеніяхъ, не исключая и освященнаго церковью брака. Показаніе русскихъ «Словъ» въ этомъ отношеніи рѣшительно. Есть, разумѣется, и добродѣтельныя жены, и въ семьѣ можно было спастись, не столько женѣ, сколько матери, вдовѣ, отреченной отъ соблазновъ плоти, приписанной уставомъ Владимира Мономаха къ церковнымъ людямъ [1]), возвеличенной русскимъ былевымъ эпосомъ. Иначе и матерьяльнѣе бракъ допускался какъ нужда, какъ спасительное средство отъ другихъ пзлишествъ. «Брачное съвъкупленіе прощено бысть нужда убо ради,

[1]) Макарій, Исторія русской церкви I, 282, 285.

а не иного чего бракъ бысть», говорилъ у насъ преп. Іосифъ Волоцкій: еслибы прародители сохранили заповѣдь Божію, Господь могъ-бы умножать человѣческій родъ инымъ способомъ, какъ и Адамъ и Евва созданы были внѣ «брачнаго съвъкупленія». «Лучше человѣку женитися, нежели разжизатися плотію», значится въ книгѣ Измографъ гл. 42. Такъ понимаетъ дѣло и авторъ старофранцузскаго Miserere: Праведенъ путь брака; въ томъ цѣломудріе, коли супруги безъ страсти творятъ обоюдный долгъ. Бракъ — клѣтка для дикой птички, чтобы не упорхнула въ лѣсъ; убѣжище противъ бури, ловушка для вѣтренниковъ, чтобы не ходили за чужими женами, сѣнь отъ пзлишняго жара.

Droite voie est de mariage.
Chou est castées, se sans rage
S'aquite cascuns a sen per.
Noches sont ausi com le cage
Ou on enclot l'oisel sauvage
K'il ne puist au bos rescaper.
Ne se doit pas chil encouper
Ki vigne a del autrui craper;
Noches sont refuis por orage;
Noches sont por fol atraper
Ki veut autrui fame haper;
Noches font por trop caut ombrage [1]).

О любви въ бракѣ нѣтъ и рѣчи, или лучше, любовь цѣликомъ уходила въ чувство долга; прелестный образъ Ярославны и русскихъ женъ, плачущихъ о своихъ ладяхъ, взятъ въ исключительный моментъ скорбнаго причитанія. Характерно въ этомъ смыслѣ сравненіе древнерусской повѣсти о Девгеніи — либо ея благочестиво-окрашеннаго оригинала — съ греческой поэмой о Дигенисѣ. Послѣдняя воспѣваетъ не только подвиги своего героя, но и любовь, передъ силой которой склоняются слабые смертные; мѣсяцъ май — царь надъ мѣсяцами, краса земли, одѣваю-

[1]) Li romans de Carité et Miserere du Reuclus de Moliens, ed. van Hamel, t. 2[d] (Paris, 1885: Bibl. de l'École des Hautes Études, fasc. 62), строфа CXCVIII.

щейся въ фіалки и розы, которыми она соперничаетъ съ красотою неба; мѣсяцъ любви, когда всё влечется къ утѣхамъ Аѳродиты. Дигенисъ самъ отдается обаянію этого чувства, измѣняя женѣ ради амазонки Максимы. Иначе въ русской повѣсти: побѣжденная Максима молитъ Девгенія: многихъ царей и королей я побѣдила, теперь Господь покорилъ меня тебѣ; если ты сочетаешься со мной и мы будемъ вмѣстѣ, никто не будетъ въ силахъ противостоять намъ. Мудрый Девгеній отказывается отъ союза: онъ досмотрѣлся въ вѣщей книгѣ «о житіи своемъ и о смертіи», что если соединится съ Максимой, жить ему шестьнадцать лѣтъ, если овладѣетъ прекрасной дочерью Стратига — то тридцать лѣтъ [1]).

Жизненная практика могла во многомъ смягчать суровость книжныхъ воззрѣній на женщину, хотя иныя изъ нихъ проникли въ народный оборотъ во всей своей черствости. Кто такое: три гнѣвныхъ, три лукавыхъ, три болтливыхъ, трое, назначенныхъ быть битыми? Отвѣчая на эти вопросы англійская пѣсня XV-го в. кончала каждую отповѣдь упоминаніемъ женщины [2]). Напомнимъ относящіяся сюда пословицы: More, ognj i žena tri najveća zla; Ljubav ženska mreža vražja; Puški, konju i ženi ne treba vjerovati и т. п. [3]). Я съ умысломъ выбралъ именно южнославянскія поговорки, ибо онѣ служатъ къ характеристикѣ среды, въ которой наши славяно-романскія повѣсти объявились впервые, гдѣ на встрѣчу ригористическимъ взглядамъ книжниковъ шёлъ ригоризмъ народно-бытоваго этикета. Онъ господствовалъ даже въ высшихъ классахъ напр. Дубровника, судя по описанію Фи-

---

[1]) Галаховъ, Исторія русской словесности I, стр. 408—9.

[2]) Herfor and therfor and therfor I came,
And for to preysse this praty woman.
Ther wer III wylly, III wyly ther wer:
A fox, a fryyr and a woman.

Далѣе: III angry: A wasp, a wesyll and a woman; III cheteryng: A peye, a jaye and a woman; III wold be betyn: A wyll, a stokefysche and a woman. Сл. Songs and carols of the fifteenth century, ed. by Th. Wright.

[3]) Сл. Южно-славянскія пословицы, указанныя Krauss'омъ въ его Sitte und Brauch der Südslaven, стр. 432 слѣд.

липпа De Diversis[1]): бракъ окруженъ былъ торжественнымъ символизмомъ народнаго обряда, заключался отъ рода къ роду, дѣвочекъ сосватывали по одиннадцатому или двѣнадцатому году, молодые люди пребывали въ положеніи jurati нѣсколько лѣтъ до свадьбы, и во всё это время женихъ, при посѣщеніи дома невѣсты, рѣдко позволялъ себѣ поднять на неё глазъ. Такъ дѣлается у родовитыхъ людей, такъ и въ народѣ, говоритъ de Diversis[2]). Собственно народная жизнь и здѣсь была свободнѣе: она отводила любви поэтическій уголокъ въ преддверіи къ браку, въ любовной пѣснѣ, въ свиданіяхъ на играхъ и посидѣлкахъ, но и здѣсь обрядъ и обычай связывали силу стихійнаго чувства. Его объектъ—незамужняя дѣвушка, цѣль опредѣлялась церковнымъ союзомъ; любовная пѣснь раздается преимущественно въ извѣстныя времена года, какъ-бы обусловленная извѣстнымъ природнымъ спросомъ.

Новое откровеніе любви, какъ особой силы въ нравственномъ мірѣ человѣка, явится со стороны. Она отрѣшена отъ всѣхъ бытовыхъ и юридическихъ условностей, одинаково обращается къ дѣвушкѣ или замужней, лишь-бы къ любимой женщинѣ; признается и въ бракѣ, хотя не обусловлена имъ существенно: Поликсена не хочетъ пережить любимаго ею Ахилла (ТД), какъ Роксана своего мужа Александра; вѣдомо да будетъ вамъ, пишетъ Александръ матери по поводу своего брака, что пока лю-

---

[1]) Philippi de Diversis de Quartigianis Lucensis artium doctoris eximii et oratoris Situs aedificiorum, politiae et laudabilium consuetudinum inclytae civitatis Ragusij. Codice inedito della Biblioteca ginnasiale di Zara pubbl. ed. illustr. da V. Brunelli. Zara 1882, стр. 124 слѣд., pars IV, cc. XVI и XVII.—Часть текста Филиппа de Diversis уже издана была Макушевымъ, Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (СПБ. 1867), стр. 358 слѣд.—De Diversis былъ вызванъ въ Рагузу въ качествѣ учителя (латинской) грамматики и реторики въ 1434 году и оставался въ этой должности до 1441 либо 1444 года (сл. Brunelli, l. c., стр. 3—5); его сообщенія служатъ, стало быть, къ характеристикѣ быта на переходѣ отъ XIV вѣка къ XV-му.

[2]) l. c. raro sponsus suis oculis sponsam intuetur, tametsi in domo soceri saepius convivatur et illuc adeat. Sic enim moris tam nobiles apud, quam populares, qui eos magistros et dominos imitantur.

бовь къ женщинѣ не обуяла моего сердца, мнѣ никогда не приходила на мысль ни ты, ни домашніе; я сталъ о томъ помышлять лишь съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ женщинѣ угодила мнѣ въ сердце, а дотолѣ одинъ лишь былъ у меня помыслъ: либо убить кого нибудь, либо быть убиту (A). Это ужъ идеалъ, взлелѣянный рыцарствомъ и усерднымъ изученіемъ Овидія. На западѣ, какъ извѣстно[1]), имъ зачитывались, онъ нашелъ перескащиковъ и подражателей, казуистовъ средневѣковой любви, подробно разработавшихъ и культъ чувства и ритуалъ нового служенія, посильно примѣняя къ условіямъ окружающей дѣйствительности шаловливыя заповѣди стараго поэта: гдѣ видѣться съ милой — на турнирахъ, въ церкви (вмѣсто театра, куда женщины Овидія Spectatum veniunt, veniunt spectentur ut ipsae); какъ ухаживать за ними, при чемъ овидіевское: «pede tange pedem» сопровождается практическимъ совѣтомъ — осмотрѣться, чтобы не наступить невзначай на ногу человѣка, который, быть можетъ, выпытываетъ такимъ образомъ тайну чужой страсти. Другое наставленіе поэта видоизмѣнено по такимъ-же соображеніямъ: любовнику полезно бываетъ иногда пролить слезы; какъ быть, если слезы не на готовѣ?

Si lacrimae (nec enim veniunt in tempore semper),
Deficiunt, uda lumina tange manu;

средневѣковой перескащикъ совѣтовалъ въ такихъ случаяхъ запастись — луковицей:

Et si tu ne peus avoir lermes,
Tu porras un oignon tenir,
Qui tantost les fera venir.

Преподается цѣлый рядъ совѣтовъ и готовыхъ возраженій, еслибы замужняя женщина вздумала защититься любовью къ мужу, боязнью за молву, за прочность высказываемаго къ ней

[1]) Сл. G. Paris, La poésie du moyen âge. Leçons et lectures, стр. 189 и слѣд.: Les anciennes versions françaises de l'Art d'aimer et des Remèdes d'Amour d'Ovide. Сл. изданный Morel-Fatio (Romania №№ 58—9) Liber Faceti, v. 131—384.

чувства. И женщинѣ и дѣвушкѣ даются указанія, какъ и чѣмъ она можетъ понравиться: пѣніе и умѣніе играть на псалтеріонѣ и другихъ инструментахъ привлекаютъ поклонниковъ, полезны также игры въ шахматы и тавлеи, танецъ мелкими, непринужденными шажками — и рекомендуется громкое чтеніе французскихъ книгъ (romans). Елена славянской повѣсти о Троѣ не только водитъ хоро̀, но и грамотна, тогда какъ Менелай въ этомъ неискусенъ, какъ вообще въ средніе вѣка на западѣ преимущество грамотности было на сторонѣ женщинъ [1]); оттого Елена одна понимаетъ слова, начертанныя Парисомъ краснымъ виномъ на бѣломъ убрусѣ:

Orbe quoque in mensae legi sub nomine nostro
Quod deducta mero litera fecit Amo
(Ov. Her. XVII, 87 слѣд.).

Она прислушивается къ его рѣчамъ: не изъ-за золота и серебра пришелъ онъ служить къ Менелаю, ибо того и другого въ Троѣ вдоволь: ты моя награда, и я предпочту всѣ другія муки — мученію по твоей «лѣпотѣ». Позднѣе, когда подъ стѣнами Трои Парисъ сраженъ Менелаемъ и спасенъ лишь предстательствомъ Венеры, Елена говоритъ ему словами той-же Героиды (v. 253 слѣд.):

Apta magis Veneri quam sunt tua corpora Marti;
Bella gerant fortes; tu, Pari, semper ama.

Рядомъ съ Парисомъ и Еленой — другая пара, которую также обуяла роковая любовь: та наслана Венерой, эта — волшебнымъ зельемъ. Когда Тристанъ и Изотта отвѣдали его, начали глядѣть другъ на друга и не мыслили ни о комъ, только о себѣ. Оба сидѣли, точно чѣмъ-то устрашенные: Тристанъ думалъ о милой, она о немъ, а о королѣ Маркѣ забыли. Дивно мнѣ, что это такое на меня нашло, чего прежде никогда не бывало! У нихъ является сомнѣніе, но зелье ихъ перемогло. Если

[1]) Schulz, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger I, 123.

я люблю Изотту, тому дивитьтя нечего, разсуждаетъ съ собою Тристанъ: краше ея нѣтъ никого на свѣтѣ, я её вывезъ, она моя, а наша любовь можетъ быть утаена. А Изотта помышляла про себя: Не диво, что я люблю Тристана, онъ мнѣ ровня и высокаго рода, нѣтъ на свѣтѣ витязя больше его. Они не стерпѣли: Я тебя люблю отъ всего сердца, говоритъ ей Тристанъ; Я на всемъ свѣтѣ никого не люблю какъ тебя, и буду любить пока жива, признается Изотта. Тутъ они стали «одной мысли», и нѣтъ рыцаря, который столько-бы претерпѣлъ изъ-за любви, какъ Тристанъ (Тр.). Изотта отвѣчаетъ ему тѣмъ-же: когда онъ бьется съ Галіотомъ, она принимаетъ въ сердце всѣ направленные на него удары, блѣднѣетъ, когда ослабѣваетъ Тристанъ, становится веселой и румяной, когда онъ беретъ верхъ надъ противникомъ (Тр.).

Основой такой любви было возродившееся чувство физической красоты. Древнее христіанство небрегло ею, средніе вѣка считали её дѣломъ грѣховнымъ. «Аще который мужъ смотритъ на красоту женскую, дай Богъ ему трясавицею болѣти», говоритъ Даніилъ Заточникъ, парафразируя слова Спраха: Отврати око твое отъ жены красивыя (гл. IX, 8—9). Старофранцузскій моралистъ XII — XIII в. вторитъ тому: красота опасна и неразуменъ человѣкъ, который, зная коварство врага, не желаетъ отступиться отъ него (Mut est perilhose chose de beateit, mut est foz li om qui bien seit que li anemis est fel et si ne soi vult de lui partir)[1]). Если старый книжникъ отворачивался отъ красавицы, какъ отъ бѣсовскаго соблазна, то народный поэтъ приглядывается къ ней, но описываетъ архаистически, по одному и тому-же эпическому шаблону, связывающему выраженіе питимнаго впечатлѣнія. У русской красавицы

бѣлое лицо какъ бы бѣлый снѣгъ.
И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ.

---

[1]) Poème moral. Altfranzösisches Gedicht hrsg. von E. Cloetta (Romanische Forschungen hrsg. von K. Vollmöller, III B., 1 Heft).

А и черныя брови, какъ соболи,
А и ясныя очи, какъ бы у сокола.

Иначе, но также шаблоннымъ, является идеалъ красоты въ болгарской пѣснѣ у Миладиновыхъ (№ 375, стр. 407):

Бѣлиградо що ми сѣ бѣлентъ?
Иматъ нещо за тва сѣ бѣлептъ:
Во него ѥ Маро Бѣлоратка,
Лице иматъ, како ѯсно сѫнце,
Очи иматъ, како цѫрно грозѥ,
Вежи иматъ, како піявици,
Гѫрло иматъ како месечина;
За то'а сѣ Бѣлиградъ бѣлентъ.

Столь-же устойчиво-односторонни описанія красавицъ, которыхъ воспѣваютъ рыцарскіе поэты: онѣ непремѣнно бѣлокурыя, чело у нихъ что лилія, очи смѣющіяся, зубы блестящѣе чистаго серебра, грудь бѣлѣе снѣга и цвѣта терновника, руки бѣлыя, съ длинными нѣжными пальчиками. Сл. описаніе Pons'a de Capduoill:

Las vostras belas sauras cris
el vostre fron plus blanc que lis,
los vostres olhs vairs e rizens,
el nas qu'es dreitz e ben sezens,
la fassa fresca de colors,
blanca, vermelha plus que flors,
petita boca, blancas dens,
plus blancas, qu'esmeratz argens,
menton e gola e peitrina
blanca com neus ni flors d'espina,
las vostras belas blancas mas
els vostres detz grailes e plas [1]).

Таковъ общій поэтическій типъ средневѣковой красавицы, какъ-бы ни мѣнялся объектъ поэта; такъ описывается и «бѣло-

[1]) Сл. мою замѣтку по поводу книги Renier: Il tipo estetico della donna nel medio evo, въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Февраль, стр. 188 слѣд. и Rivista critica della letteratura italiana II, № 5, стр. 132 слѣд.

курая» Елена. Въ средніе вѣка ея имя выражаетъ готовое эстетическое представленіе: красива какъ Елена; новой Еленой зовется Ирина въ поэмѣ о Дигенисѣ, въ обработкѣ Петритца; между тѣмъ и это представленіе — родовое, только усиленное количественно. Развивая краткія указанія Дарета, Benoît de Ste Maure называетъ Елену.

5100 De trestotes bialtez la flor.
Unques ne nasqui en cest monde
Dame si bele ne si blonde,
De totes fu la soveraine.
Ausi com est colors de greine
Plus bele de nule altre chose,
Et tot ausi come la rose
De bialté tote rien sormonte,
Ço dit Daires, qui ço reconte,
Sormontot de bialté Heleine
Tote rien qui nasqui humeine....
5113 Enz el mileu des dous sorciz,
Qui dougié erent et tretiz,
Aveit un seing en tel endreit
Que merveilles li aveneit.
Li cors de li ert biax et gras,
Molt par se vesteit bien de dras;
S'esteit si franche et de bon aire,
Que nus hom nel saureit retraire.

Когда она показывается среди троянскихъ женъ, смотрящихъ на битву съ городской стѣны, кругомъ нея точно освѣтило, всѣ показываютъ на нее другъ другу:

10531 Entor li resclarzist la place
De la resplendor de sa face.
Sa fresche chière colorée
Est lo jor de maint renommée,
Li uns la mostre à l'autre al dei [1]).

[1]) Сл. описаніе Елены у Конрада van Würzburg, Der Trojanische Krieg, ed. A. v. Keller, v. 19908 слѣд.

Надо было личному чувству красоты воспитаться въ самосознаніи, чтобы прорвать эту толщу эпическихъ формулъ, оживить ихъ реальными штрихами и передъ внѣшними очертаніями образа дать преимущество выраженію произведеннаго имъ впечатлѣнія. Нѣчто подобное чувствуется въ характеристикѣ Елены у одного южно-французскаго ваганта, очевидно тронутаго чтеніемъ классиковъ. Она предстала передъ сонмомъ боговъ, точно Цинтія, выступившая изъ волнъ Ѳетиды, слегка покраснѣвъ и потупивъ голову. Ея волосы частью распущены, частью заплетены и раздѣлены проборомъ; изъ подъ бровей сладострастно выглядываютъ глазки, лице цвѣтущее; будто нектаромъ Венеры увлажены губки и рука бога холила подбородокъ. Чтобы густыя кудри ничего не скрывали отъ ея красы, она откидываетъ ихъ по обѣ стороны лица, и оно является тогда, точно ликъ Авроры, когда она блистится въ розовомъ блескѣ утра. Развеселились всѣ боги: Фебъ разгарается, Марсъ приходитъ въ страстное движеніе, Венера щебещетъ, будто въ объятіяхъ любви.

Partim nexu libera coma spatiatur,
tricatura nexili partim complicatur.
frontis hec ab apice recte disgregatur,
frons verenti similis parum inclinatur.
Sedet supercilium, oculus lascivit,
pulcre nasus eminet, oris color vivit,
Suo Venus nectare oscula condivit,
manu deus propria mentum expolivit.
Et ne decor lateat coma largiore,
hanc ad aures removet hinc et hinc ab ore.
tunc apparet facies similis aurore,
que ventura mixta est rosco candore.
Tunc videres superos undique gestire,
Febum calefieri, Martem lascivire,
Sicut in amplexibus Venerem gannire [1]).

---

[1]) Wattenbach, Ganymed und Helena, въ Zeitschrift für deutsches Alterthum, XVIII, стр. 129—130.

Это — первая, нѣсколько реалистическая попытка осуществить въ воображеніи впечатлѣнія античной красоты, которая раскроется вполнѣ лишь людямъ Возрожденія, титаническимъ вожделѣніямъ Марловскаго Фауста. «Это-ли взоръ, подвигнувшій тысячи кораблей, зажегшій вершины Иліона? Даруй мнѣ безсмертіе поцѣлуемъ, милая Елена! Ея уста высасываютъ у меня душу — вотъ она улетѣла! Приди, о, Елена, отдай мнѣ её назадъ! Здѣсь я останусь, ибо въ этихъ устахъ небо, и прахъ всё то, что не — Елена. Я буду Парисомъ, изъ любви къ тебѣ разрушенъ будетъ, вмѣсто Троя, Виттенбергъ; я вызову на брань хилаго Менелая, твои цвѣта украсятъ мой шишакъ. Самого Ахилла я поражу въ пяту — и снова къ Еленѣ за поцѣлуемъ! О! ты красивѣе вечерняго неба, одѣтаго прелестью тысячи звѣздъ; блестящѣе Зевса, когда въ огнѣ молній онъ предсталъ несчастной Семелѣ; прекраснѣе, чѣмъ Олимпійскій властитель въ лазуревыхъ объятьяхъ игривой Аретузы. Ты, одна ты будешь моей милой»!

Was this the face that launch'd a thousand ships
And burnt the topless towers of Ilium?
Sweet Helen, make me immortal with a kiss!
Her lips suck forth my soul: see, where it flies!
Come, Helen, come, give me my soul again.
Here well I dwell, for heaven is in these lips,
And all is dross, that is not Helena.
I will be Paris, and for love of thee
Instead of Troy, shall Wertenberg be sack'd.
And I will combat with weak Menelaus,
And wear thy colours on my plumed crest.
Yea, I will wound Achilles in the heel
And then return to Helen for a kiss.
O, thou art fairer than the evening air
Clad in the beauty of a thousand stars;
Brighter art thou than flaming Jupiter
When he appeared to hapless Semele;
More lovely than the monarch of the sky
In wanton Arethusa's azur'd arms;
And none but thou shalt be my paramour!

Елена нашихъ Троянскихъ Дѣяній блѣднѣетъ передъ этой роскошью красокъ; въ сущности мы не знаемъ и ея образа, какъ вообще красавицы славяно-романскихъ повѣстей чаще всего характеризуются однимъ эпитетомъ — красивыхъ. Но важно сознаніе Елены, что ея красота обязываетъ къ любви внѣ всякого нравственнаго мѣрила; когда Парисъ объясняется съ нею, она такъ отвѣчаетъ: о Александръ, я не ставлю тебѣ того въ упрекъ, ибо такъ достоитъ говорить витязю, узрѣвшему *такую* красоту, — и полюбившему. Сл. Ov. Her. XVI, 35:

Nec tamen irascor. quis enim succenset amanti?
Si modo, quem praefers, non simulator amor.
Hoc quoque enim dubito, *non quod fiducia desit,*
Aut mea sit facies non bene nota mihi,
Sed quia credulitas damno solet esse puellis.

Эта одна черта, обобщившая цѣлое культурное теченіе, искупаетъ неясность цѣлаго образа.

Изотта нашихъ повѣстей вышла и того блѣднѣе. Она такая же бѣлокурая, la bloie; дважды она предстаетъ на судъ свѣдущихъ людей, которые должны оцѣнить ея красоту сравнительно съ красотою жены Брунора и Женьевры; оба раза побѣда остается на ея сторонѣ, но намъ предоставлено угадать ея мотивы, ибо никакой обстоятельственности нѣтъ. Подлинникъ славянскаго перескащика неизвѣстенъ былъ характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ [1]), который могъ-бы дать поводъ къ такому именно развитію: Тристанъ и Каэрдинъ наблюдаютъ, притаившись, за шествіемъ Изотты и ея свиты въ сценѣ, напоминающей шествіе Дюковой матушки и западныя параллели этого мотива [2]). Тамъ и здѣсь ожиданіе зрителя настроено: тамъ

[1]) Fr. Michel, Tristan, III, 3-й отрывокъ; Eilhard von Oberge (ed. Lichtenstein) v. 6458 слѣд.; Heinrich von Freiberg Tristan (ed. R. Bechstein) v. 4420 слѣд.

[2]) Сл. мои Южнорусскія былины, вып. II, стр. 160 слѣд.; 203 слѣд.

къ зрѣлищу невиданнаго величія и богатства, здѣсь къ откровенію ненаглядной красоты. Въ началѣ идетъ цѣлый рядъ прислужниковъ, съ гончими псами, конями и охотничьими птицами:

Vienent garzun, vienent vatlet,
Vienent seüz, vienent brachet
E li curliu e li veltrier
E li cuistruns e li bernier
E mareschals e herberjurs,
Cils sumiers....
Cils chevals palefreis [à destre]
Cils oisels qu'e[n] porte à senestre.

Ни королевы, ни ея приближенной Брангены еще не видно. Далѣе показываются прислужницы, портомойницы, постельницы, швеи.

A tant eis-lur les lavenderes,
Et les foraines chanberreres
Ki servent del furain mester,
Del liz aturner, del eshalcer,
Des draz custre, des chief laver,
Des altres choses aprester.

Вотъ она, восклицаетъ Kaerdins, думая среди прислужницъ узрѣть королеву. Нѣтъ, отвѣчаетъ Тристанъ. Шествіе дѣйствительно продолжается: за chanberlang тѣснится толпа рыцарей и дамъ, съ пѣснями и въ бесѣдахъ о любви:

De chevaliers, des dameiseles,
D'ensegnés, de pruz et de beles,
Chantent bels suns e pastureles.
Après vienent les dameiseles,
Filles à princes e à baruns,
Nées de plusurs regiuns,
Chantent suns e chant del[i]tus;
Od eles vunt li amerus,
Li enseignez e li v[ai][lanz],
De druerie vunt parla[n]z.

Еще разъ кажется Каэрдину, что онъ видитъ Изотту, и опять это была ошибка. Наконецъ она явилась: вотъ она!

Такихъ драстическихъ сценъ сербскій романъ не знаетъ, какъ не знаетъ и знаменитой сцены, завершающей всю эту трагедію любви, мирящей съ тѣмъ, что въ ней могло казаться безнравственнымъ, искупающей цѣлую жизнь проступковъ страстнымъ движеніемъ послѣдняго акта. Тристанъ опасно раненъ, вызываетъ къ себѣ изъ-за моря Изотту, искусную лекарку, чтобы она полечила его. Онъ ждетъ не дождется ея, а ея соперница— жена увѣряетъ его, что корабль присталъ, а Изотты нѣтъ. Повѣривъ тому, онъ умираетъ въ тоскѣ, а Изотта является лишь за тѣмъ, чтобы упасть бездыханной на трупъ милаго:

Amis Tristans, quant mort vus vei,
Par raisun vivre puis ne dei,
Mort estes pur la meie amur,
E jo muir, amis, de tendrur [1]).

Психологическое значеніе этой развязки едва-ли могъ оцѣнить славянскій перескащикъ; не ему-ли принадлежитъ и мысль замѣнить её новой, необычной? Тристанъ раненъ на турнирѣ, вдали отъ Изотты, отъ которой приходитъ письмо: какъ рыба безъ воды не можетъ жить, такъ и я безъ тебя, пишетъ она ему. Онъ шлетъ къ дядѣ Марку съ просьбою — отпустить къ нему Изотту: пусть его полечитъ. Марко охотно отпускаетъ жену, и она, прибывъ къ Тристану, усердно принимается врачевать его. Умеръ-ли онъ съ тѣхъ ранъ, или выздоровѣлъ — не знаю!

Поэзія любви и красоты отразилась въ славяно-романской повѣсти блѣдными силуэтами; въ длинной вереницѣ приключеній и турниpовъ, храбрыхъ рыцарей и влюбленныхъ царевенъ, напоминающей свиту Изотту, мы, безъ помощи западныхъ оригиналовъ, не нашли-бы, на комъ остановить глаза и не сказали бы: вотъ она! Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній: ихъ заслуга

[1]) Fr. Michel, l. c.

въ починѣ, не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей.

Ихъ матерьяльное вліяніе на составъ народно-славянскаго, особливо русскаго творчества, былъ незначителенъ: только повѣсть о Бовѣ подарила насъ народной сказкой, рядомъ новыхъ эпическихъ именъ (Бова, Полканъ, царь Задонскій) и «мечемъ кладенцомъ». Тристанъ, сохранившійся въ одной только рукописи и, вѣроятно, не имѣвшій особаго распространенія, не могъ оставить и отголосковъ; эпизодъ старофранцузскаго романа, который я привлекъ къ объясненію былины о Садкѣ [1]), не находится въ бѣлорусской повѣсти и самый разсказъ могъ зайти къ намъ не изъ бретонскаго цикла. Къ Троянскимъ Дѣяніямъ на Руси можно было-бы, но, разумѣется, подъ сомнѣніемъ, привязать образъ «Елены прекрасной» нашихъ сказокъ и побывальщинъ. Въ побывальщинахъ объ Алешѣ Поповичѣ она чередуется въ одной роли съ Настасьей царевной [2]); въ сказкахъ её *добываетъ* Иванъ царевичъ, противъ котораго злоумышляютъ его старшіе братья [3]), въ другихъ её *достаетъ* для царя Никита Колтома [4]), Иванъ или одинъ изъ семи Семіоновъ [5]); либо она сестра или жена Ивана, готовящая на него ковы изъ любви къ другому и въ наказаніе за то размыканная по чистому полю [6]); какой-то старикъ *выкралъ* её у отца у матери и продаетъ Ивану, которому она помогаетъ своимъ вѣщимъ знаніемъ [7]) — какъ и Иляна румынской сказки не только прекрасна какъ солнце, но и отвѣчаетъ извѣстному типу «мудрой дѣвы» [8]). Вниманіе останавли-

---

[1]) Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Декабрь, стр. 251 слѣд.

[2]) Сл. мои Южнорусскія былины, II стр. 397.

[3]) Аѳанасьевъ, Нар. русск. ск. № 102, 104; сл. Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края № 60.

[4]) Аѳанасьевъ, № 116 b; сл. № 133.

[5]) ib. № 84.

[6]) ib. № 118 a; 120.

[7]) Сл. мою статью: Мелкія замѣтки къ былинамъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, Ноябрь, стр. 178—9.

[8]) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Кремницъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., Январь, стр. 217.

ваютъ не столько нѣкоторыя подробности типа (любовь, увозъ), сколько постоянство эпитета: Елена прекрасная, Iléna Cosînţana, золотокудрая красавица румынскаго повѣрья [1]).

---

[1]) Сл. Arsenie, Noua collectiune de Basme sau istorii populare, 2 ed. стр. 5 слѣд.; Schott, Walachische märchen, № 17: Juliana Kosseschana.

I.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ О ТРОѢ.

Вопросъ объ источникахъ и развитіи троянской саги въ средніе вѣка уже создалъ цѣлую литературу. Укажемъ, для общаго обозрѣнія, на трудъ Joly [1]) и въ особенности на монографію Дунгера [2]), къ которымъ примыкаетъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій о Даретѣ и Диктисѣ, компендіозные разсказы которыхъ легли въ основу всѣхъ средневѣковыхъ поэмъ о Троѣ. Извѣстно, что по отношенію къ дошедшимъ до насъ латинскимъ текстамъ Дарета и Диктиса мнѣнія расходятся: одни полагаютъ, что они никогда не существовали въ болѣе подробныхъ версіяхъ, другіе заключаютъ о существованіи таковыхъ изъ разбора средневѣковыхъ поэмъ о Троянскихъ дѣяніяхъ, ссылающихся на Дарета и Диктиса и вмѣстѣ съ тѣмъ дающихъ, ссылаясь на нихъ, такія подробности, какихъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ текстахъ. Къ этому разногласію присоединилось и еще одно — въ вопросѣ о греческомъ оригиналѣ латинскаго сказанія, сохранившагося

[1]) Joly, Benoît de Ste More et le roman de Troie, ou les Métamorphoses d'Homère et de l'épopée gréco-latine au moyen âge. 2 vv, 1870—1.

[2]) Dunger, Die Sage vom trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihren antiken Quellen. 1869.

съ именемъ Диктиса, при чемъ одни считали его гипотетически возможнымъ [1]), другіе отрицали его существованіе.

Новая книга Грейфа [2]) хочетъ выяснить и устранить эти разногласія, являясь въ этомъ смыслѣ новымъ приращеніемъ литературы о Даретѣ и Диктисѣ; но такъ какъ по этому поводу автору пришлось разобрать цѣлый рядъ средневѣковыхъ произведеній, въ которыхъ вліяніе того и другого сохранилось или предполагается, его сочиненіе получило характеръ общаго обозрѣнія Троянскихъ сказаній въ литературахъ запада и Византіи. Согласно первой части задачи книга распадается на двѣ половины: поэты, пользовавшіеся текстомъ Дарета — во главѣ ихъ Benoît de Ste More — и подражатели Диктиса, въ ихъ главѣ Малала. Въ разборѣ каждаго произведенія, каждаго троянскаго сказанія выдѣляется доля заимствованія изъ Дарета и Диктиса и указываются другіе классическіе источники, которыми могъ пользоваться тотъ или другой авторъ: тутъ есть и Pindarus Thebanus, и Героиды и Метаморфозы Овидія, и Виргилій, и Гигинъ и т. п. Получается иногда такое впечатлѣніе, будто средневѣковые поэты работали съ цѣлой литературой въ рукахъ, съ библіотекой извлеченій, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ легче объяснить извѣстную долю классическихъ отголосковъ не изъ непосредственнаго знакомства съ древними авторами, а изъ цѣльныхъ утраченныхъ сказаній, въ которыхъ тѣ отголоски уже имѣли мѣсто. Примѣромъ можетъ служить оригиналъ славянской притчи о Троѣ съ ея частыми отзвуками изъ Овидія. Такое предположеніе кажется мнѣ необходимымъ, ровнѣе распредѣляя струю классическаго преданія и не заставляя средневѣковаго поэта работать при помощи эксцерптовъ, которые, по мнѣнію автора, простирались и на комментаріи Сервія и на глоссы къ древнимъ авторамъ (сл. стр. 105, 111). Идя такимъ путемъ надо будетъ допустить

---

[1]) Къ этому мнѣнію склонялся и я; сл. мою статью: Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Августъ, стр. 296.

[2]) Wilhelm Greif, Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. Ein neuer Beitrag zur Dares- und Dictysfrage. Marburg, 1886.

и гипотезу Бугге, открывающую въ миѳологіи скандинавскаго сѣвера слѣды знакомства съ такой-же глоссарной литературой [1]).

Въ вопросѣ о Даретѣ и Диктисѣ общій результатъ, къ которому пришелъ изслѣдователь, слѣдующій: болѣе подробныхъ текстовъ приписанныхъ имъ сказаній, чѣмъ дошедшіе до насъ, не существовало, не существовало и греческаго Диктиса. Послѣднимъ авторъ занимается особо, въ пространной главѣ, посвященной Малалѣ (стр. 173—246), который самъ назвалъ источники своего отдѣла о Троѣ: Сизифа Косскаго, Диктиса и какого-то Домнина. Разбирая у Малалы то, что взято или могло быть взято у Сизифа, авторъ приходитъ къ заключенію, что Диктисъ пользовался тѣмъ-же источникомъ и рядомъ съ нимъ еще и другимъ, который Грейфъ пытается распознать въ текстѣ, выдѣляя въ немъ мѣста, обличающія любовь къ одному стилистическому пріему (сл. §§ 197, 200, 207, 210, 222; сл. стр. 241), стоящія въ тѣсной взаимной связи—и въ относительно слабой съ частями, заимствованными изъ Сизифа (= Малалы). Это — отрывки второго источника Диктиса, характеризуемые, какъ цѣлое, еще и выдающеюся ролью, которая дается въ Троянской повѣсти Паламеду. Авторъ выставляетъ гипотезу, что такимъ источникомъ могла быть упоминаемая Свидой Иліада Корнина, ученика Паламедова (сл. стр. 244). Стилистическій пріемъ, который имѣетъ въ виду Грейфъ, тотъ, что при разсказѣ о какихъ-нибудь «необычайныхъ событіяхъ дается возможность выбора между той или другой обусловившей его причиной» (стр. 205), напр.: Dict. I, 19: neque multo post, *irane coelesti an ob mutationem aëris* corporibus pertemptatis lues invadit; II, 30: *incertum alione casu an*, uti omnibus videbatur, *ira Apollinis* morbus gravissimus exercitum invadit; II, 34: *taedione an recordatione suorum;* IV, 4: permoti *querelis Rhodiorum an cupidine diripiendarum rerum* и т. д. Трудно представить себѣ, чтобы компендіатору, какимъ былъ псевдо-Диктисъ, пришло на мысль послѣдовательно сохранить въ своемъ латинскомъ сжатомъ пересказѣ излюбленный синтаксп-

[1]) Сл. мои Разысканія VIII, стр. 353.

ческій оборотъ подлинника; еще труднѣе вмѣнить этотъ оборотъ ученику, или скорѣе, мнимому ученику Паламеда: ему приходилось разсказывать о подвигахъ своего героя, о которыхъ онъ зналъ, или мнилъ себя знающимъ, и къ усвоенному имъ характеру свидѣтели первой руки не пристали такія выраженія сомнѣнія или неувѣренности, какъ incertum — an и т. п.

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія Грейфъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (стр. 269—278) славянской повѣсти о Троѣ, которой касался, впрочемъ, и раньше (стр. 94—103, 105—6, 125—8, 148—9, 160—1).

Съ тѣхъ поръ какъ на латинскій переводъ славянской повѣсти, сдѣланный Миклошичемъ [1]), обращено было вниманіе Ф. Мейстеромъ при его изданіи Дарета [2]), западные ученые занялись этой версіей троянской саги и отыскали къ ней нѣсколько параллелей въ западной и классическихъ литературахъ (R. Köhler, F. Meister, Dunger, Mussafia), параллелей, которыя Грейфъ умножилъ и привелъ въ порядокъ, такъ что послѣ его свода нѣкоторые вопросы поставились на ново и яснѣе обнаружилось то, что еще остается въ области искомаго. Оказалось, что на извѣстномъ протяженіи разсказа наша славянская повѣсть идетъ параллельно съ цѣлымъ рядомъ западныхъ, число которыхъ увеличилось со времени изслѣдованія Грейфа; что, стало быть, всѣ онѣ почерпали изъ какого-нибудь общаго или сходнаго источника.

Грейфъ пользовался славянской повѣстью въ латинскомъ переводѣ ея текста, помѣщеннаго въ Ватиканскомъ спискѣ хроники Манассіи, переведенной на церковнославянскій языкъ по порученію болгарскаго царя Александра (1331—1365). Кромѣ этого списка, изданнаго Миклошичемъ (l. c.), извѣстенъ еще одинъ, также помѣщенный за хроникой Манассіи: онъ находится въ рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи = Новгородско-Софійской № 1497, XVI вѣка, описанъ А. Поповымъ [3]) и из-

[1]) Miklošić, Trojanska priča bugarski i latinski, въ Starine III (1871 г.).
[2]) De excidio Trojae historia. Lips. 1873.
[3]) А. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ I, 125.

дается въ первомъ приложеніи къ настоящему очерку. Два хорватскихъ глаголическихъ текста были изданы Ягичемъ: одинъ въ отрывкѣ по ркп. XV-го вѣка [1]), другой, полный, по рукописи, съ помѣтками въ ней, позднѣйшей рукою, 1451, 1452 и 1552-хъ годовъ [2]). На Руси повѣсть наша внесена была въ хронографъ 1-й редакціи [3]); небольшой отрывокъ (судъ Париса) напечатанъ былъ Буслаевымъ [4]) по рукописи ему принадлежащей; краткій пересказъ, внесенный въ хронографъ особаго состава, помѣщенъ нами въ приложеніи подъ № 2; редакція, изданная Пыпинымъ [5]), съ ея сокращеніями и лишними эпизодами, заимствованными изъ другого источника, не представляетъ большаго подспорья къ возстановленію оригинала. Въ общемъ, во всѣхъ спискахъ текстъ повѣсти тотъ-же, если не считаться съ подновленіями языка, руссизмами русскихъ списковъ и сокращеніями, безъ которыхъ не обошелся и болгарскій текстъ. Въ виду этого полезно было-бы положить его, какъ наиболѣе древній, въ основу критическаго изданія, сближая съ Софійскимъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ рецензіи, и привлекая къ сравненію и другіе извѣстные доселѣ варьянты, среди которыхъ хорватскіе тексты Ягича представляютъ особую группу. Это упрочило бы и результаты сравнительно-литературнаго изученія, въ которомъ надлежитъ принять участіе и славянскимъ ученымъ.

Сообщая далѣе результаты, добытые сравненіемъ, я думаю тѣмъ самымъ облегчить ихъ будущую работу [6]).

---

[1]) Priměri staroherv. jezika II (1866), стр. 180—4.

[2]) Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, 1868, стр. 57—72.

[3]) Сл. А. Поповъ, l. c. I, 220, 124 слѣд.; сл. II, 286—7.

[4]) Историческая хрестоматія церк. слав. и древ. русск. языка, стр. 977—8.

[5]) Очеркъ, стр. 306—316: по румянцевскому хронографу XVII в., № 456, съ варьянтами по румянцевскому-же хронографу № 459 и одной рукописи, находящейся въ частномъ владѣніи.

[6]) Текстъ (и латинскій переводъ) Миклошича цитуются далѣе: Micl.; Pril. = текстъ Ягича въ Prilozi; Prim. = Priměri Ягича; Новгородско-Софійскій текстъ повѣсти (ркп. ПБ. Дух. Академіи № 1497) = Н.Соф.; Пып. = (Пыпинъ).

I.

Повѣсть начинается родословной троянскихъ властителей: Прпшедъ, Прпидешъ (Micl.), Прпшедъ (Н.Соф.), Придѣшъ (хронографъ 1-й редакціи), Прпдешь (Пып.), Прпеш' (Pril. Prim.) = Phryx, Phrygius (* Фрпжь).

|

Оплушъ, — а (Micl.), Оплуша (Н.Соф.), Илуш' (Pril.), Илоушь (Prim.) = Ilus.

|

Ламедонъ (Micl.), Ламеодонъ (Н.Соф.), Лавмедонъ (Pril. Prim.) = Laomedon.

|

Шарпкоуша (Micl.), Ашарпкуш' (Pril. Prim.) = Assaracus.

|

Дарданоуша (Micl., Н.Соф.), Дардануш' (Pril. Prim.) = Dardanus.

|

Троплоуша (Micl., Н.Соф.), Троплуш' (Pril. Prim.) = Troilus, Tros.

|

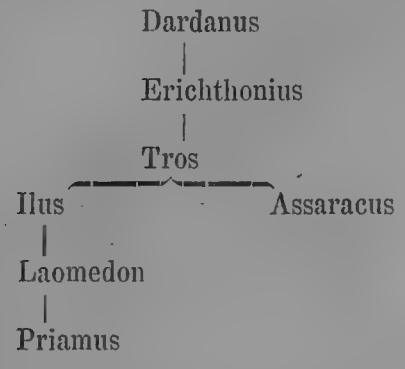
Прѣѣмоушь (Micl., Н.Соф.), Прпѣмушь (Pril. Prim.) = Priamus.

Города, пми послѣдовательно построенные: Прпжія (Micl.; Н.Соф.: Пружпа; Pril.: Прпѣпѣ; Prim.: Прѣтпѣ) = Phrygia; Илпонъ (Micl. Н.Соф., Pril.) = Ilium; Ламедонія (Micl. Н.Соф.; Pril.: Лавмедоппѣ); Шарпкоушіа (Micl.; Pril.: Ашаракпѣ); Дарданіа (Micl. Н.Соф., Pril., Prim.); Троя [1]).

Запутанность этого родословнаго древа бросается въ глаза; древняя генеалогія (Apollod. III, 12) была другая:

---

[1]) Въ Preambulum ad Virgilianam historiam (Cod. Riccard 1233, XV вѣка) города, соотвѣтствующіе по названіямъ именамъ ихъ основателей и соединенные впослѣдствіи въ Трою, слѣдующіе: Dardania, Teucria, Troia, Ilo, Antenorida. Сл. Parodi, I rifacimenti e le traduzioni italiane dell'Eneide di Virgilio prima del rinascimento, Studj di filologia romanza, fasc. 5, стр. 197.



(Дарданія, Троя — названіе областей, χώρα; Ilium — города). У Диктиса (ed. Meister, IV, 22; I, 9) эта родословная измѣнена въ томъ смыслѣ, что Ассаракъ является не братомъ, а племянникомъ Ила отъ сестры Клеопатры. Въ средневѣковыхъ генеалогическихъ росписяхъ, разнообразія которыхъ я не берусь здѣсь исчерпать, древнія отношенія возстановляются: у Villani (I с. 10—12), Malespini (сс. IV и V), у Franceschino degli Albizzi и Forese dei Donati [1])—Ассаракъ и Илъ или Иліонъ снова братья, Tros названъ Troio (Villani) или *Троиломъ* (Malespini); Дарданъ поселяется во Фригіи (Villani; у Malespini: Africa), названной такъ по имени Friga, потомка Яфета (Villani). Сл. генеалогію въ прозаической передѣлкѣ романа Бенуа:

Frigus, — a, строитель города Frige
(сл. Пришедъ, Прижіа)
Dardanus
Erictonius
Tros
Ylus
Laomedon

[1]) Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio, стр. 541.

Мы можемъ теперь объяснить родословную путаницу нашей повѣсти. Frigus, — a = Пришедъ привлеченъ въ родъ Дардана по смежности; Ерихтоній опущенъ, какъ и у Диктиса Tros является въ одномъ мѣстѣ не его сыномъ, а сыномъ Дардана[1]); Илъ и Ассаракъ были братьями, сыновьями Tros'a — Тропла, но въ подлинникѣ нашей родословной были поставлены такъ, что сначала шелъ Илъ съ сыномъ Лаомедонтомъ, а затѣмъ Ассаракъ; эта послѣдовательность въ рукописи могла быть принята за генеалогическую, и Ассаракъ понятъ какъ сынъ — Лаомедонта. Наконецъ Дарданъ съ Тропломъ попали не въ свое мѣсто, можетъ быть, уже въ древнѣйшемъ текстѣ перевода. Въ его оригиналѣ послѣдовательность была такая:

Пришедъ
|
Дарданушъ
|
Троплушъ
|
Опилушъ и Шарикоуша
|
Лаомедонъ
|
Пріамушъ

Грейфъ (l. c. стр. 269) полагаетъ, что родословная нашей притчи, записана авторомъ по памяти. Авторомъ чего? Славянскаго текста или его искомаго источника? Грейфъ нерѣдко вмѣняетъ первому, что мы можемъ приписать лишь второму[2]). Работалъ-ли послѣдній въ данномъ случаѣ по воспоминаніямъ или слѣдуя какому-нибудь подлиннику — этотъ вопросъ я оставляю въ сторонѣ. Тѣми и другимъ можно одинаково объяснить топо-

[1]) У Armannino въ его Fiorita'ѣ Троилъ, отецъ Ассарака, не сынъ, а зять Дардана.

[2]) Сл. по этому поводу замѣчаніе Ягича въ его статьѣ: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung, въ Archiv f. slav. Philologie II, стр. 25.

графію мѣстности, гдѣ поставленъ городъ Прижія: съ одной стороны «великое море», съ другой рѣка Ксанѳъ (Micl. Кашантоуша, Н.Соф. Кашандуша; Pril. Шанктуш, Prim. Шанак'тоушь; Пып. и хронографъ 1-й редакціи: Скомандра), съ третьей море, «кое сѧ зовѣше Пелешино море» (Micl. Н.Соф., хронографъ 1-й редакціи; Prim.: рѣка именемь море Пелешино), съ четвертой «лѫгъ, еже сѧ зовѣше Доудома лѫгъ» (Micl. Н.Соф. Пып. хроногр. 1-й редакціи; хронографъ южно-русскій у А. Попова, l. c., II, 286: Додома; Prim. лоуг' Лодома; Pril.: луг трд' веле), съ пятой «жиндолъ, на коемь растѣху цвѣти многоразличнии» (Micl. Н.Соф.; Pril. дол пнѣпин', в' ком' растѣше много племенита цвѣтѣ; Prim.: доль пнѣпинь, на комь растеше много чвѣт'и различнихь; хронографъ 1-й редакціи: юдоль; Пып. 307: удоль).— Какъ Ксенѳъ, такъ и жиндолъ и лѣсъ («лугъ) Дудома и Пелешино море представляются топографическими обозначеніями, которыя приходится разгадывать. Жиндолъ, дол пнѣпин' — можетъ быть: Идинъ долъ, Idaea vallis; въ европейскихъ параллеляхъ къ первой части нашей повѣсти («юность Париса») мѣстомъ дѣйствія является Ида. Интересно разночтеніе Pril. Prim.: долъ *инѣинъ*, невольно напоминающее *Inde* = Иду у Benoît de Ste More, своеобразно понятое у Guido delle Colonne: in minore *India*. — Лѣсъ Доудома — Δίνδυμον ὄρος? [1]) — Пелешино море, очевидно, стоитъ въ связи съ Фелешей, Пелешей, встрѣчающейся далѣе въ текстѣ. О ней говорится, что она вила и пророчица, «коя обладаше морскыми влъпами и вѣтромъ» (Micl.; Н.Соф.: Θелеша); Пып. 310: «нѣкаѩ жена именемъ Велеша, волхвующи, еяже пророчицу парицаху, иже обладаше волшвеніемъ морскими волнами»; Pril. ничего не говорятъ объ ея отношеніяхъ къ морю, ограничиваясь упоминаніемъ: «Пелеше госпое», «Палеш' госпа». У нея витязи Агамемнона убили «кошоутѫ», она воздымаетъ противъ грековъ бурю и её должны умилостивить принесеніемъ въ жертву «Цвѣтаны» = Ифигенію (Micl.; Pril. Цвенуажия).

[1]) Dunger въ Jahrbücher f. class. Philologie, hrsg. von Fleckeisen, XIX Jahrg. (1873), стр. 566, склоненъ видѣть въ *Доудома* — *Idaeum* (nemus).

Дѣло идетъ, стало быть, объ Артемидѣ-Діанѣ; при общемъ взглядѣ нашей повѣсти на боговъ, какъ на пророковъ и волхвовъ, на богинь, какъ на вилъ, буря, поднимаемая Діаной, была обобщена, и богинѣ вмѣнена особая власть надъ волнами и вѣтромъ. Это объяснило-бы намъ отчасти и названіе моря — Пелешинымъ, если бы самое имя Пелеша, Палеша (Фелеша съ *ф* вмѣсто *п*, какъ Фарпжь у Пыш. 307 вмѣсто Парпжъ Micl.) = Діана было ясно[1]). Не было ли смѣшенія съ Палешъ = Pallas, являющейся въ эпизодѣ о судѣ Парпса? Она приходитъ на свадьбу Пелея = Пелешь, съ нею Юпаа (Micl.; Н.Соф.: млада; Pril.: Юношь) и Венуша (Micl. Н.Соф. = Venus): «три вилы пророчицѫ, коѫ бѣхѫ наплѣшѫѧ вь *морскыихъ отоцьхъ*» (Micl., Н.Соф.). Подъ морскими отоками въ оригиналѣ славянской повѣсти могли разумѣться острова Нереидъ, куда на свадьбу Пелея явились и три богини; Нереиды отождествились въ славянскомъ народномъ повѣрьѣ — съ морскими вилами; переводчику принадлежитъ, быть можетъ, только перенесеніе этого представленія на богинь, пришедшихъ на Пелееву свадьбу, которымъ онъ вмѣнилъ и прозвище «пророчицъ», относившееся первоначально къ Нереидамъ. Въ подтвержденіе этой гипотезы приведу слѣдующій разсказъ изъ Цвѣтника (Fiorita) Armannino giudice di Bologna, XIV вѣка (по ркп. Laur. 50 Plut. 89 inf.): Теламонъ и Пелей, сыновья критскаго короля Еака, выселяются: первый въ Experia magna (f. 33 a), другой въ Абруццы (f. 33 b). Пелей (f. 35 a) «udì dire alla gente latina che nelle parti d'Asya maggiore era uno re che Nereo havea nome. Questo havea cinquanta figliuole savie *indovine* e in ogni arte scientiate per le quali indovinare si puote per alcuna maniera e maggiormente per la igromantia. Queste habitavano in *Ysole di mare*..., ove loro

---

[1]) Dunger, l. c. стр. 566 и 567 объясняетъ *Пелешино море* изъ Ov. Metam. XI, 195: Citra *pontum*.... *Helles*, а представленіе *Пелеши* владычицей волнъ и вѣтровъ — въ связи съ Ov. Metam. XII, 36 слѣд., гдѣ по поводу отплытія грековъ говорится: ergo ubi, qua decuit, lenita est caede Diana — *Et pariter Phoebes, pariter maris ira recessit.*

arte meglio soperava». Пелей отправляется на *ysole nereite*.... Queste donne chiamano gli auctori [1]) *nimphe e dee del mare*, però che loro arte per idromantia operavano in quello castello». Вилы пророчицы на морскихъ островахъ обобщены, вѣроятно, изъ вѣщихъ (indovine), волхвующихъ Нерендъ, обитавшихъ in ysole di mare. Упрекая Париса, Энона говоритъ ему, что еслибъ знала о его вѣроломствѣ, умолила-бы «*морскую вилу*» воздвигнуть на него бурю, что̀ отвѣчаетъ у Ov. Her. V, v. 57: *virides Nereïdas*.

За разобраннымъ нами генеалогическимъ введеніемъ (Micl. § 1) начинается самая повѣсть. Я разберу особо ея первые эпизоды = юность Париса (Micl. § 2), ибо здѣсь именно можно услѣдить и въ нашемъ текстѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ отраженіе общаго оригинала.

1. У Якупы (Micl. Н.Соф.; Pril., Prim. Ѣкоупа; Пып. Якама), жены Пріама (Micl. Прѣѣмушь, Прѣѣмь; Н.Соф. Пріамушь; Pril., Prim. Припѣмоушь), былъ вѣщій сонъ: будто она родила головню, которая, вознесясь на небо, пала въ море, откуда вылетѣли искры, «и падоша на Трои, и погорѣ Троѣ градъ» (Micl. Н.Соф.; Pril. Prim.: до фундомен'та). Она говоритъ о томъ мужу, который призываетъ «пророкы и влъхвы (Micl. Н.Соф.; Pril. мештром', Prim. мештре), мѫдрьца (Micl. Н.Соф.; Pril. властели, Prim. пророки) и нижѣаа люди» (Micl.; Н.Соф. болѣри и нижѣаа людн) и совѣтуется съ ними. «Пророци» (Micl., Н.Соф.; Pril. Prim. мештри) толкуютъ, что у него родится сынъ, отъ котораго погибнетъ Троя (Pril. Prim. прибавляютъ: до фудомента). Пріамъ говоритъ женѣ, что когда родится у нея сынъ, пусть велитъ убить его, но мальчикъ родился столь прекраснымъ, что мать не въ сплахъ это сдѣлать: повивъ его въ шелковыя ткани, положила къ нему много золота и серебра и велѣла одному юношѣ (Micl. Н.Соф.; Pril. Prim. юнаку) отнести и покинуть его далеко отъ Трои. Ребенка находитъ пастухъ, у котораго только что родился мальчикъ; онъ от-

[1]) На поляхъ помѣтка: Virgilio, Statio Achilleidos.

носитъ найденыша къ женѣ и называетъ его «Парижь Пастыревичищь» (Micl. Н.Соф.); Micl. = Н.Соф., вѣроятно, производитъ собственное имя отъ нарицательнаго (пастыревичищь); такъ и Pril., только здѣсь этимологія другая: «издѣ му име Парижь, за-чь растѣше како и парижь (= Фарижъ. Сл. въ текстѣ Миклошича = Пып., наоборотъ: Paris = Фарижь) искружив шию, а ки синь бѣше влащи, та растѣше како всако дѣте»; сл. Prim.: «изде моу име Парижь, ер растше искроужив шию како Фарижь. А ко си бѣше влащи синь, растше ѣко и дроуго дѣте».— Когда Парису было семь лѣтъ, онъ съ товарищемъ «играахѫ около добытка» (Micl., Н.Соф.); «Парижь сваждааше два волы, и бодѣхѫ сѧ, и кои прѣмагааше, тому ваше вѣнецъ ѿтъ цвѣтіа, а кои не прѣмагааше, томоу ваше ѿтъ сламы и полагааше имъ на рогу» (Micl. Н.Соф.; Prim. вм. вѣнецъ = кроуницоу, Pril. коруну; Пып.: отъ масличія). Pril. прибавляетъ: И Парижъ дѣлаше кучьму, а други та синь дѣлаше батъ; Prim.: Парижъ дѣлаше коучьмицу, а дроугы синъ пастиревъ вделаше бащиноу.— Micl., Н.Соф. продолжаетъ: «И егда бѣше юноша Парижь, хождааше съ добрыми витезы и играше, и прѣмагааше ихъ вьсакой игрѣ, и ту прободе единого витезѧ за щитъ прѣдъ кралемъ Апридежемъ»; Prim.: еднога витеза именемь Щита предь Апиешемь кралемь; въ Pril. то-же: пребори еднога витеза, именемъ Щита; имя царя — Пріамъ; у Пыпина имени нѣтъ, «прободе за щитомъ единаго витязя».

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я слѣдую порядку Micl. = Н.Соф.; въ Pril. = Prim. послѣдовательность другая.

Въ это время Фелешь краль (Micl.; Н.Соф. = Ѳелешь; Prim. Пелеоушь; Pril. Пелешинъ = Peleus) женится на Тетишѣ (= Thetis) и зоветъ на свадьбу витязей и юнаковъ, Париса (такъ и у Пып.; въ Prim. нѣтъ) и добрыхъ госпожъ и трехъ вилъ пророчицъ; только одну госпожу не позвалъ, именемъ «Дневошькордиа» (Micl. Н.Соф.; Pril. нѣтъ; Prim. Дишекорди = Discordia), ибо она, «гдѣ идѣше, все свадѫ строаше». Она мститъ за это: «сковала» золотое яблоко и велѣла его забросить въ «овощникъ»

(Micl., Н.Соф.; Pril. Prim.: травникъ) короля Пелеша, а на яблокѣ было написано, что оно назначено красивѣйшей изъ трехъ богинь. Послѣ обѣда (Micl., Н.Соф.: и вьземѣхѫ оуброусы ѡтъ стола) витязи играютъ на фарижахъ, госпожи идутъ въ садъ; яблоко найдено, три «сестреницы» начинаютъ о нихъ спорить — и переносятъ судъ въ Трою передъ «Тебоха бога» и «Ипитера пророка» (Micl. Н.Соф.; Pril. только: Юп'тера бога, Prim. Юпитера бога). Онъ отказывается отъ суда и отсылаетъ богинь назадъ къ Парису. Pril. = Prim. объясняетъ причину отказа: «за-ч' ми е Юнош' жена, а Палеш' невѣста, а Вѣнуш' сестра»[1]).— Парисъ велитъ имъ раздѣться; онѣ предстали передъ нимъ въ однѣхъ «ризахъ» (Micl., Н.Соф.; Pril. кошулах'), и каждая прельщаетъ его: «Юнаа» (Micl.; Н.Соф. млада; Pril. Юнош') обѣщаніемъ богатства, Палешъ — побѣды, Веноуша (Micl., Н.Соф.; Pril. Вѣнуш') — любви: она дастъ ему «добрѫа госпождѫ Еленѫ», жену царя «Менелаоуша» (Micl. Н.Соф.), красивѣйшую во всѣхъ грекахъ, даетъ новое имя: Александръ и открываетъ, чей онъ сынъ. Парисъ присуждаетъ ей яблоко, обвеселился сердцемъ, идетъ проститься съ своимъ пріемнымъ отцемъ и затѣмъ въ Трою, гдѣ на рѣкѣ Ксанѳѣ встрѣчаетъ Энону: Оппеоушь, Оппешь Micl., Венеушь Micl. и Н.Соф., Ионеш' Pril. Онъ говоритъ ей: «Госпожде Венеоушь, люби мѧ, да тѧ люба. И ѡтъвѣща емоу Оппешь: ѡ Алеѯандре Фарижю, нинѣ мѧ любишь, нѫ пріидеть врѣмѧ, и оставиши мѧ. И рече еи Алеѯандръ: ѡ госпожде Оппеуше, не хощѫ азъ тебе оставати; егы ли тѧ оставѧ, тогы снази рѣка Кашантоуша вьспать да потечетъ. И постави с неѧ прьвое любве, и вьзѧ ѡтъ неѫ вѣнецъ» (Micl. Н.Соф.; Pril.: коруну).

Въ связи съ пересказаннымъ эпизодомъ нашей повѣсти о «юности Париса» мы разберемъ его западныя параллели[2]).

[1]) Глаголическій отрывокъ, напечатанный въ Priměri и, очевидно, принадлежащій къ одной редакціи съ текстомъ Prilozi, на этомъ оканчивается. Послѣднія слова: «Придите пред' Парижа пастиревища, онъ вам' соуди».

[2]) Бо́льшая часть изъ нихъ уже была принята въ разсчетъ Грейфомъ; итальянскія параллели заимствованы изъ работы Горры: Egidio Gorra, Testi

Основой имъ послужило классическое преданіе, на сколько оно было извѣстно въ средніе вѣка. О вѣщемъ снѣ Гекубы (fax) говоритъ Овидій Her. XVI, 237 слѣд.[1]); о его низменной долѣ въ юности (servus, pastor) Her. V, 12, 79, вся посвященная горестнымъ воспоминаніемъ нимфы Эноны о ея любви къ пастуху Парису: часто они покоились подъ сѣнью дерева, среди стада; она показывала ему чащу, гдѣ водится дичь, разставляла сѣти, водила на привязи его охотничьихъ псовъ, а Парисъ вырѣзалъ въ корѣ деревьевъ имя своей милой, клялся въ вѣчной вѣрности:

29 Cum Paris Oenone poterit spirare relicta,
Ad fontem Xanthi versa recurret aqua.

Послѣ суда надъ богинями и обѣщанія Венеры все измѣнилось, и Парисъ покинулъ Эпону для другой красавицы. Развѣ она его не достойна?

85 Dignaque sum et cupio fieri matrona potentis:
Sunt mihi, quas possint sceptra decere, manus.

Правду говорила ей Кассандра:

115 Quid facis, Oenone? Quid harenae semina mandas?
Non profecturis littora bubus oras.

Когда-то любилъ её «conspicuus Troiae munitor (139), лишилъ ея дѣвственности и наградилъ чудеснымъ даромъ врачеванія;

149 Me miseram, quod amor non est medicabilis herbis!

---

inediti di Storia trojana preceduti da uno studio sulla leggenda trojana in Italia. Torino, Triverio 1887.

[1]) Иначе у Сервія in Virg. Aen. II, 32: Геленъ, сынъ Пріама, вѣщаетъ quadam die nasci puerum, per quem Troia posset everti; когда послѣ того родили въ одно время Гекуба и жена Thymoetae, Пріамъ велитъ убить послѣднюю вмѣстѣ съ ея сыномъ. У Аполлодора III, 12, 3 слѣд. сонъ Гекубы толкуетъ сынъ Пріама Αἴσακος; мальчикъ, по повелѣнію отца заброшенъ на Идѣ служителемъ Агелаемъ; въ теченіи пяти дней его кормитъ медвѣдица, послѣ чего Агелай находитъ его, воспитываетъ дома, выдавая за сына, и даетъ имя Париса. Имя Александра онъ получилъ «λῃστὰς ἀμυνόμενος καὶ τοῖς ποιμνίοις ἀλεξήσας, ὅπερ ἐστὶ βοηθήσας· καὶ μετ' οὐ πολὺ τοὺς γονέας ἀνεῦρε.

На возвращеніе Париса въ Трою и на признаніе его братьями намекаетъ Сервій in Verg. Aen. V, 370: sane hic Paris secundum Troica Neronis fortissimus fuit, adeo ut in Troiae agonali certamine superaret omnes, ipsum etiam Hectorem. qui cum iratus in eum stringeret gladium, dixit se esse germanum: quod adlatis crepundiis probavit qui habitu rustici adhuc latebat. Гигинъ (fab. 91: Alexander Paris) указываетъ мѣсто этому эпизоду въ исторіи «юности» Париса: вѣщій сонъ Гекубы (fax), истолкованный волхвами (conjectoribus); ребенка велятъ убить; quem satellites misericordia exposuerunt, [eum] pastores pro suo filio repertum expositum educarunt eumque Parim nominaverunt. Is cum ad puberem aetatem pervenisset habuit taurum in deliciis. Quo cum satellites missi a Priamo ut taurum aliquis adduceret venissent, qui in athlo funebri, quod ei fiebat, poneretur, coeperunt Paridis taurum abducere. Qui persecutus est eos et inquisivit quo eum ducerent. illi indicant se eum ad Priamum adducere qui vicisset ludis funebribus Alexandri. Ille amore incensus tauri sui descendit in certamen et omnia vicit, fratres quoque suos superavit. Indignans Deiphobus gladium ad eum strinxit, at ille in aram Iovis Hercei insiluit. Quod cum Cassandra vaticinaretur eum fratrem esse, Priamus eum agnovit regiaque recepit. — У Овидія Her. XV слѣд. самъ Парисъ намекаетъ на этотъ эпизодъ:

357 Paene puer caesis abducta armenta recepi
Hostibus, et *causam nominis inde tuli*,

послѣ чего говорится о его борьбѣ съ братьями, Дейфобомъ и Иліонеемъ:

359 Paene puer iuvenes vario certamine vici,
In quibus Ilioneus Deïphobusque fuit,

какъ и въ одной глоссѣ къ Her. XV, 360 (Dunger у Greif'a, стр. 105) разсказывается о побѣдоносномъ боѣ Париса съ Гекторомъ. Для насъ важно показаніе Овидія, что Парисъ получилъ свое имя по случаю побѣды надъ врагами (caesis hostibus),

уводившими его быковъ (abducta armenta). Вѣроятно, имѣется въ виду истолковать его имя — Александръ; къ имени Париса толкованіе въ указанной связи подыскать трудно, если не предположить, что уже въ древности знакомъ былъ сюжетъ легенды о судѣ надъ быками, съ которымъ средневѣковые его пересказы обыкновенно соединяютъ кличку — Парисъ. Диктисъ (III, 26) его еще не знаетъ; его краткая передача легенды говоритъ о снѣ Гекубы, воспитаніи Париса у пастуховъ на Идѣ, съ замѣткой: eum iam adultum, cum res palam esset, ne hostem quidem quamvis saevissimum ut interficeret pati potuisse: tantae scilicet fuisse eum pulchritudinis atque formae. Онъ женится на Энонѣ; желаніемъ увидѣть чужія страны мотивируется его отъѣздъ — и похищеніе Елены.

Около 1152 года Simon Capra Aurea (Chèvre d'or) написалъ въ двухъ книгахъ свою Ilias, извлеченія изъ которой помѣщены были въ Histoire litt. de la France, t. XII, стр. 487 слѣд. Отрывокъ другой латинской Иліады, напечатанный Leyser'омъ[1]) и предположительно приписанный имъ Гильдеберту Турскому, воспроизводитъ первые 153 стиха Иліады Симона, за которыми слѣдуетъ, но другимъ метромъ, разсказъ о паденіи Трои и судьбахъ Энея, тождественный съ напечатаннымъ Du Méril'емъ въ его Poésies latines antérieures au XII siècle, стр. 400 слѣд. Вторая книга Симона также говоритъ о судьбахъ Энея до смерти Турна, слѣдуя Виргилію; первая воспроизводитъ отчасти очертанія нашей повѣсти: сонъ Гекубы; Пріамъ велитъ служителямъ отнести новорожденнаго на Иду и тамъ убить его; убійца остановленъ въ своемъ намѣреніи улыбкой малютки и покидаетъ его (27 sub foliis vivum linquit). Здѣсь находитъ его пастухъ.

Extrahit, adspectat, nutrit, adoptat, habet.
Qui pastoris oves pastor dum pascit adultus,
Conveniunt ad eum Juno, Minerva, Venus,

[1]) Leyser, Historia poetarum et poematum medii aevi (Halle, 1721) p. 399 слѣд.; Troilus, ed. Merzdorf, Lpz. 1875 (въ приложеніи); сл. Parodi, l. c., стр. 350 слѣд.

Judicium Paridis quae sit pulcherrima quaerunt,
Promittunt etiam munera quaeque sua:
Juno decus, Pallas vires, Cytherea puellam:
Sed Veneri tribuit vincere, victus ea.

Царь подозрѣваетъ, что юноша его сынъ: онъ такъ на него похожъ.

Remque probans veram per servos vera fatentes,
Germanis Paridem reddit honore parem.
Ductus amore pater, vel matris somnia ducit
Vana, vel in melius vertere vera studet.

На сходство этого разсказа, внесеннаго частями, въ передѣлки романа Benoît de Ste More[1]), съ эпизодомъ въ Crónica Troyana испанца Pedro Nuñez Delgado обратилъ вниманіе уже Муссафія[2]). Я начну съ испанскихъ версій повѣсти, предпочитая группировку по народностямъ хронологической, которую трудно провести. Что особливо сближаемъ Delgado съ рецензіей Спмона, это — подробность о смѣхѣ мальчика-Париса. Испуганный зловѣщимъ сномъ жены царь велитъ конюшему взять и убить ребенка, «mas las parteras que tal hecho conocieron, quando vieron tan apuesta criatura, hablaron con el escudero que non lo matasse, mas que lo diesse a criar secretamente. Maz dize el Virgilio que llevandolo á matar e stando allí donde le avia de matar, echando mano al cuchillo para lo degollar, que el niño se rió con una cara tan alegra que no oviera hombre que no tomara dél manzillo. Y quando el escudero aquello vió, fue muy espantado, ca la natura no otorga a ninguna criatura reyr antes de los quarenta dias, y dixo assi: Pues la natura tanto obro en ti,

[1]) Jean Malkaraume (XIII в.) внесъ въ свой пересказъ романа сонъ Гекубы и эпизодъ объ Энонѣ (о немъ сл. далѣе); Les livres des histoires du commencement du monde (Ms. 31 Bibl. nat. de Paris) говорятъ о рожденіи и признаніи Париса. Сл. Joly, l. c. I, стр. 13—14; Greif, l. c., p. 94 прим. *; Gorra, l. c., стр. 330.

[2]) Сл. Mussafia, Ueber die spanischen Versionen der Historia Trojana, въ Sitzungsberichte d. Wiener Ak. d. W., philol. hist. Cl. 1871, p. 39 слѣд. Сл. Morel-Fatio, Romania IV, p. 83 слѣд.

á mi demandaran los Dioses á este pecado. Y dexó el niño en una mata allí en el monte, y llamávase aquella montaña de Frigia, y era del rey Tantalo» (l. III, c. 1). Слѣдующая глава говоритъ о бракѣ Париса съ Эноной, señora del monte Pelio, третья — о судѣ Париса надъ богинями[1]).

Романсъ Lorenzo de Sepulveda[2]) обработалъ тотъ-же сюжетъ, но съ характерною подробностью, съ которой мы не рѣдко будемъ встрѣчаться: сонъ Гекубы, Пріамъ велитъ убить мальчика, но мать тайно отдаетъ его пастухамъ, и онъ пасетъ на Идѣ Пріамова стадо:

Quando lidiaban dos toros
Al vencedor de buen grado
Con corona de vitoria
Era por el coronado:
Dicen que es justo juez,
Paris todos le han nombrado

Слѣдуетъ его любовь къ Enome, и ея сѣтованія, когда, признанный царскимъ сыномъ, онъ её покинулъ. По содержанію къ этому романсу примыкаетъ другой, анонимный, отнесенный Дураномъ[3]) къ началу XVI вѣка. Сюжетъ—Судъ Париса—обработанъ въ рыцарскомъ стилѣ: являются Don Paris и don Héctor; запѣвъ народнаго характера:

Por una linda espesura
De arboleda muy florida
Donde corren muchas fuentes
De agua clara muy lucida,
Un rio caudal la cerca
Que nasce dentro en Turquía
En las tierras del Soldan
Y las del gran can Suría:
Mil y quinientos molinos
Que d'él muelen noche y dia,

[1]) Mussafia, l. c., p. 21, 25.

[2]) Ср. Duran, Romancero general I № 468 (изъ Romances nuevamente sacados изд. 1566 и 1580 г.).

[3]) l. c. № 469.

Quinientos muelen canela
Y quinientos perlas finas
Y quinientos muelen trigo
Para sustentar la vida.
Todos eran del gran Rey,

отца Париса, который заснулъ въ цвѣтущей чащѣ и видитъ въ грёзахъ, что къ нему явились три богини и просятъ его рѣшить, кто изъ нихъ прекраснѣе. Яблока раздора нѣтъ; богини обращаются къ юношѣ съ словами:

Pues che sois tal caballero
Digno en la *sabiduria*,
Estad con ojos abiertos,
Derpertad la fantasia.

Парисъ проситъ богинь разоблачиться и отдаетъ первенство Венерѣ. Неясно, въ сновидѣніи или нѣтъ происходитъ судъ Париса; первое отнесло бы насъ къ Дарету; но въ романѣ богини побуждаютъ Париса: открой глаза, разбуди фантазію.

Перейдемъ къ итальянскимъ пересказамъ легенды о юности Париса.

Въ Chronicon Altinate (XIII в.) по дрезденскому списку [1]) она начинается сномъ Гекубы; узнавъ о его содержаніи Пріамъ велитъ, чтобы ему показали имѣвшаго родиться ребенка, quia volebat, etiam si lapis esset, terere vento, quam proicere; но мать тайно отсылаетъ его на воспитаніе своему пастуху (vacario), а Пріаму показываетъ другого мальчика (iuvenem pulcherrimum manutergio involutum presentari fecit Priamo; quem ut vidisset, ventoque sufflavit). Парисъ выростаетъ у пастуха, стережетъ его стадо; grege vero illo custodiente, duodecim latrones insultum fecerunt, ac vitulos necare ceperunt. In quos irruit, eosque prostravit, et spolia eorum presentavit: inde ille gaudens securus, eiusque gregem commisit. Parvo post transacto tempore [quum] quidam vicini sui gregis taurus suo cucurisset in prelium et accidisset ut suus vicisset vicinum: ille nempe recte diiudicans, florum

[1]) Нап. въ Archivio storico italiano, Appendice, t. V (1847), стр. 37—8.

coronam victoris imposuit cornibus; victus in properium taurus in longinquis recessit et maioribus arboribus, quas movere nequibat, circa ipsas tam diu pavit, quam usque eas cornibus movere potuit: deinde ad gregem rediit et de victore victoriam habuit. Moxque Paris de capite suo diadema abstulit, et illius fronti constituit. Cuius fama per universa climata divulgata: omnes mirabantur tam *recta consilia*. — Разсказъ переходитъ къ свадьбѣ Прозерпины съ Периѳоемъ: въ этомъ хроника расходится съ другими версіями разсказа, говорящими о свадьбѣ Пелея. Не позванная на празднество Дискордія бросаетъ среди гостей золотое яблоко съ надписью: Pulcriori debetur, вызывая тѣмъ распрю трехъ богинь; онѣ обращаются за судомъ къ Парису, *qui recte diiudicans coronam dedit vincenti tauro*. Relictis ergo nupciis, properaverunt favere sententie iudicis. Парисъ проситъ ихъ повременить и явиться къ нему на слѣдующій день. Ceteris illis recedentibus, non post multam oram Venus, prout suis negotiis erat studiosa, se nudam Paridi presentavit: quam ut vidit, in eius amore exarsit, et illam victricem promisit, si satisfaceret eius petitioni. Illa terreno homini commisceri (ркп. commiseri) non esse licitum dixit, et Elenam pulcherrimam, Menelay uxorem, spopondit, si tamen litis victoriam obtineret. Парисъ отдаетъ преимущество красоты Венерѣ; cuius consilio cognitus est a Priamo et ex nemore portatus est in regale palatium.

Нѣкоторыя особенности этого разсказа разобраны будутъ нами по поводу другихъ версій легенды, разнообразящейся въ мелочахъ, развитіемъ либо умолчаніемъ того или другого эпизода. Бокаччьо[1]) напр. не знаетъ «боя быковъ»; разсказъ (ссылающійся на Цицерона in libro de divinatione) развивается такимъ образомъ: сонъ Гекубы; ребенка Пріамъ велитъ убить, слѣдуя оракулу Аполлона. Парисъ воспитывается среди пастуховъ на горѣ Идѣ, гдѣ приживаетъ съ нимфой Эноной двухъ дѣтей; въ Commento они названы: Dafne и Ideo; «e dimorando in abito pastorale in quella

[1]) Commento II p. 43—46 (Firenze 1831); Genealogia degli Dei (Venetia 1564), libro VI, p. 105—106; De claris mulieribus c. XXXV.

selva, addivenne un grande e famoso *giudice*, e ogni quistione tra qualunque persona con maravigliosa *equità* decideva. Per la qual cosa perduto quasi il vero nome, cioè Alessandro, era da tutti chiamato Paris, quasi *equale*. Свадьба Пелея, споръ богинь, которыхъ направляетъ къ Парису Юпитеръ: andate in Ida e quivi à un *giustissimo uomo* chiamato Paris, quegli giudicherà, qual di voi ne sia più degna. Судъ происходитъ въ части лѣса на Идѣ, что зовется Mesaulon. — Бой въ Троѣ разсказанъ по Сервію; молодой пастухъ побѣждаетъ въ состязаніи всѣхъ троянцевъ, чѣмъ вызываетъ гнѣвъ Гектора, бросающагося на него съ ножемъ. Парисъ спасается восклицаніемъ: Я братъ твой! О своемъ происхожденіи онъ узналъ отъ пастуховъ, убѣждаетъ же въ томъ родныхъ, предъявляя имъ crepundiae, которыя Гекуба положила къ нему, еще ребенку, когда дала его забросить.

Armannino такъ переходитъ къ легендѣ о Парисѣ послѣ приведеннаго выше (стр. 34—35) эпизода о Нереидахъ:

Пелей сватается за одну изъ дочерей Нерея, Ѳетиду; свадьба происходитъ въ Ѳессаліи (f. 35 b.): quivi venne Paris figliuolo del re di Troya, el quale sconosciuto era in quel paese per monstrare sua valoria con quella gente al giuoco di cesti, quale s'usava di fare in quel tempo per provare i giovani la loro forza.... Or voglio dire come perchè Paris predecto era quivi sconosciuto dalla gente. Слѣдуетъ разсказъ о вѣщемъ снѣ Гекубы, совѣщаніи Пріама съ волхвами (indovini); по просьбѣ матери, не рѣшавшейся предать смерти ребенка, двое изъ ея приближенныхъ относятъ его и оставляютъ подъ деревомъ, а сами наблюдаютъ, что будетъ дальше. Двое пастуховъ, проходившихъ мимо, взяли его и отнесли къ своей матери, у которой онъ и воспитывается. Выросши, онъ сталъ пастухомъ, но это дѣло у него не шло (non sapea bene essere all'arte), почему онъ удалился оттуда и прибылъ въ страну d'una donna la quale Oenone per nome si chiamava. Она влюбилась въ красиваго юношу, который по нравамъ и привычкамъ не казался пастухомъ, а общаясь съ сосѣдними баронами научился у нихъ разнымъ играмъ и стрѣлялъ изъ лука

лучше всѣхъ другихъ стрѣлковъ, какіе тогда были. Однажды, когда Парисъ былъ на охотѣ вмѣстѣ съ Пелеемъ и товарищами въ лѣсу, что называется Lyda (= Ида), онъ заснулъ отъ усталости у одного источника. И здѣсь ему былъ странный сонъ; будто ему предстали три богини: l'una dea delle discordie, Pallas di senno e Venus di luxuria (f. 36 b) — Юнона забыта, Меркурій бросилъ посреди нихъ золотое яблоко съ надписью: questo pome sia dato alla più bella di tucte. Парису казалось, что богини обратились къ нему за разрѣшеніемъ спора, а онъ присудилъ яблоко Венерѣ, возбудивъ этимъ гнѣвъ другихъ богинь противъ него и троянцевъ.

Этимъ ограничивается первый разсказъ Armannino о юности Париса; что его судъ надъ богинями происходитъ въ сновидѣніи, это обличаетъ вліяніе Дарета (ed. Meister, § VII), которое мы отмѣтимъ, и въ той-же чертѣ, и въ другихъ пересказахъ нашего эпизода.

Armannino разсказалъ его еще въ другой разъ въ началѣ повѣсти о троянской войнѣ и послѣ перечисленія сыновей Пріама (f. 74 a)[1]). Отличія отъ предыдущей версіи слѣдующія: мать называетъ родившагося мальчика Александромъ, ma poi per la notrice fu chiamato Paris. Его уносятъ далеко отъ Трои, но такъ, что мать могла слѣдить за его судьбой (ma non che la madre no sapesse tucto quello che di lui poi adivenne). Мальчика, покинутаго у одной мельницы (lungo una valle d'uno grande mulino), находятъ двое пастуховъ и относятъ его къ своей матери. Парисъ становится впослѣдствіи храбрымъ и мудрымъ, отличнымъ стрѣлкомъ изъ лука, sommo maestro del giuoco di cesti. Слѣдуетъ его любовь къ Энонѣ, властительницѣ той области. У Пріама былъ обычай устраивать въ Троѣ военныя игры для упражненія сыновей; къ нимъ явился однажды Парисъ и побѣждаетъ всѣхъ братьевъ, за исключеніемъ Гектора. Желая отмстить за братьевъ, Гекторъ вооружается и вступаетъ въ бой

---

[1]) Сл. Gorra l. c., стр. 538 слѣд.

съ незнакомцемъ, который ему неуступаетъ и узнанъ матерью въ ту минуту, когда Гекторъ бросается на него, желая нанести ему смертельный ударъ.

Подробнѣе исторію объ Энонѣ мы встрѣчаемъ въ одномъ венеціанскомъ разсказѣ о Троянскихъ дѣяніяхъ [1]), основанномъ на текстѣ Guido delle Colonne, но внесшемъ въ него подробности изъ другихъ источниковъ; между прочимъ слѣдующія.

На f. 15 a разсказывается: Como Lida impartorì Chastor e Polus a come Elena fu involada. Это и дало автору поводъ ввести эпизодъ о юности Парпса.

(f. 15 b слѣд.). *Unde in questa parte si tocha la istoria delo nasimento de Paris, sicome ello fo pastor ali boschi.*

Dixe la legenda che siando la raina Ecuba gravida de Paris, zoè la moier delo re Priamo, che fo da puo la prima destruzion de Troia, el dito re Priamo se insonia una note che Ecuba soa moier se impartoriva una fiama de fuogo, la qual brusava tuta Troia con tute le persone che iera dentro, e che lui medemo morirave con soa moier solamente per quella fiama. E siando desmesiedado lo re Priamo ave gran paura e dise ala raina questo insunio.

Como lo re Priamo disse ala raina Echuba che li desse quello ch'ela partoriva.

Digandoli: Fa che tu me dagis lo parto del to ventre quando l'averas impartorido, ch'io lo voio olcider, sì ch'io non muora mai per esso, nè mi con la mia zente. La dona silillo improferse de dar[l]ilo, e quando vene al tempo delo impartorir, la dona si fexe uno fiol mascolo alo qual ella messe nome Alesandro. E siando nasudo questo garzon, de presente la raina si lo manda a norigar a zerte femene muier deli pastori e si fexe creder al so signor lo re Priamo che la criatura si era nasuda morta, e lo re sì lo crete.

---

[1]) Gorra l. 184 слѣд.: по Laur. cod. 153 Leop. Med. Pal., конца XV вѣка. За выписку сообщаемаго далѣе отрывка приношу мою благодарность г. Горрѣ.

Como Paris cresce ali boschi e inpara a trar l'archo.

Or questo Alesandro si cresie e vene beletisimo zovene. E siando in questo boscho questo Paris, dito Alesandro, ello si ave a far con questa Enone dita de sovra, la qual si era ni[n]fa, zoè dia dele fontane e delle aque; feva chaxe in lo boscho zoè de foie e de chane e si stava la note a dormire sotto quelle; e questa Enone si fo quella che insegnà a cavalchar a Paris e amaestrallo del'arte a trar l'archo. E uno zorno vene una gran moltitudine de zente, li qual tolsse una gran quantitate de bestie de questi pastori e menavalle via a mal grado de loro, e Paris oldando questa novela si li tene driedo per lui sollo e silli messe in fuga e reschose quella inpresa per la soa posanza e ardimento. E voio che vui sapie che tuto lo deleto de Paris si era pur sollamente di veder combater. Pluxor fiade Paris toleva do moltoni e do tori, l'uno dixeva ch'era so, l'altro del suo compagno, e fevali una zoia frescha per homo a queste bestie e puo le faxeva combater queste do bestie insembre, e quela che avenzeva, ello li meteva la zoia fresca in chavo e fevali gran festa. Sì che questa iera tutto lo so dileto de Paris; e per zo follo chiamado Paris proter (?per tal?) sentenzia che iera ingual le sentenzie ch'ello daxeva.

Come Enone insegna a Paris chi era so pare e so mare.

E stagando Paris con questa Enone iu questa selva, un dì ella disse a Paris: Se tu me vuol imprometer de non me abandonar mai in fin a la morte, io ti dirò chi è to pare, che non lo vedesti mai. E Paris oldando questo sì li lo impromise e si fe' sagramento de non l'abandonar, e per più fermeza scrisse in una schorza de plopa che iera suxo un fiume chiamado Santo e disse: Siame testemonio questo albero ti Enone (sic), l'aqua de questo fiume che chore in zoxo corerà in suxo. E Enone fo molto aliegra credando ale parole de Paris; e in quella fiada disse Enone: Sapi, Paris, co'lo re Priamo de Troia si è to pare e la raina Echuba sì è to mare; sapi ch'elo se fa una gran festa in Troia per amor

to e inperzò ch'eli à sapudo che tu è vivo, crezando elli che tu fossi morto, la qual festa dura molti dì; e per zò vatene a questa festa e date a chognoscer.

Como Paris andò a Troia e desse a chognoser chi lui era.

Oldando Paris queste parolle, de presente ello se partì da Enone e andà in Troia, e andando a quela festa, ello comenza a far de gran prodeze abatando tuti quanti che li avegniva inchontra; e lo re vegando questo zovene chusì prodomo e somiava ad Etor so primo fiol, silli mese amor adoso e sì li dise: Fiol mio, volesse li domenedei che tu fosi mio fiol ch'io te averave ben ccharo! E Paris respoxe de presente: Io son bem vostro fio e la raina Echuba sì è mia mare, e sì li dise la condizion e'l muodo delo so nasimento. Oldando lo re Priamo queste parole, sì fo molto alegro e sì fe' gran festa per Paris so fio e simelmente fe'la raina Echuba.

Como Enone manda forte rampognando Paris che non tornava.

Or siando con lo pare e con la soa zente, ello non curava più de Enone e silla abandona in tuto e non li volsse atender zò che ello li aveva improferto. E vignando Paris in Grezia e prese Elena e mandalla in Troia, e tolsela per moier segondo che se lezerà de qua indriedo in la Troia granda. Enone si lo manda forte rampognando e dixeva: O Paris traditore, tu me as abondonada per Ellena, e sì as fato sperzuro del to sagramento; mo per che me lasestu mi per Ellena? Tu credis aver fato una gran cossa per aver tolta Elena, mo non sastu ch'elo non è, ma sa tempo avanti ch'ela fosse moier di Menelaus, si andò la festa in Grezia che le done se andava a bagnar al fiume in chamixa, e siando le done sovra lo ladi del fiume, e li signori dal'altro ladi, e siando Ellena spoiada, sì se gita in lo fiume per lavarse; e Texeo, lo qual si era so amador, sì se li zita driedo a l'aqua e sì la prexe e menala a [A]tenes, e sì la tene molti zorni, e per li priegi de Chastor et de Epolus suo fradeli sì la rende. Mo pensa, Paris, chomo una zovene beletissima che avesse dormido chon

un so amador in leto, che fose frescho e gaiardo e avesse el so sangue chaldo, chomo ella se poria levar donzella dal so ladi? E non sastu ch'ela iera ben moier de Menelaus e sì à abudo una fía de quello? Mo perchè li astu messo tanto amor adosso e mi astu abandonada, sapiando che tu me avesti verzene?

Составъ этого разсказа вызываетъ нѣсколько вопросовъ. По мнѣнію Горры компиляторъ стихотворнаго анонимнаго Trojano[1]) имѣлъ передъ собою текстъ, близкій къ венеціанскому, можетъ быть, франко-итальянскій, также восходившій къ Гвидо, но обставившійся многими другими эпизодами, заимствованными изъ классиковъ и мѣстныхъ (сѣверно-итальянскихъ) либо античныхъ легендъ. Для меня ясно, что въ разсказѣ о юности Париса авторъ Трояно (либо его подлинникъ) пользовался двумя рецензіями сказанія, которыя и свелъ механически. Начало напоминаетъ первую рецензію Fiorita'ы Арманнино: говорится о двухъ братьяхъ, Tellemone и Pelleio (въ canto I строфа 7: Felleo; сл. въ слав. текстѣ: Пелешь и Фелешь), изъ которыхъ первый «Cicilia conquistò detta Tessaglia» (c. I st. 6), другой царствуетъ въ Романіи. Что не Гекубѣ, а Пріаму снится вѣщій сонъ — относитъ насъ уже къ венеціанской рецензіи; Гекуба поручаетъ ребенка кормилицѣ (nutrice), которая и воспитываетъ его въ деревнѣ, гдѣ дружится съ Enone, dea de le fontane (c. V., st. 35), какъ и въ венеціанскомъ текстѣ. По смерти кормилицы, передавшей Энонѣ тайну рожденія Александра, онъ воспитывается у пастуха, и Энона обучаетъ его, между прочимъ, c. V, st. 37:

A tirar l'arco e anco a cavalcare
entro la selva, e di belle canzone.
Il giovinetto incominciò a imparare,

[1]) Я пользовался имъ, благодаря Горрѣ, въ слѣдующемъ изданіи: Troiano, il qual tratta la distruttione di Troia per amor di Elena Greca, la qual fu tolta da Paris Troiano al Rè Menelao, e come per tal distruttione fu edificata Roma, Padoa e Verona e molt'altre città in Italia per Enea Troiano, con altre historie da diversi auttori descritti. In Verona e in Bologna per Gioseffo Longhi 1671. Con licenza de'Superiori. Изданія Troiano начинаются съ 1491 г., если не ранѣе.

tutti gli giovani l'amava per ragione
ch'egli era bello e mostrava di fare,
de' suoi compagni divenne campione,
era beato quel che il può obedire,
come maggior in tutto lui seguire.

---

38 Legger e scrivere le insegnò la Dea.
Così il giovine vien in bellezze
e a le braccia ciaschedun vincea,
e ancor l'arco e ogni prodezze,
ogni bontà quel giovine havea,
sì che ciascun l'amava per sue altezze,
ogni question tra compagni accordava,
onde per questo Pari lo chiamava.

---

39 Alessandro Pari era chiamato
E da quel Pari venne Paris.

Послѣднюю подробность мы уже встрѣтили въ намекѣ у Бокаччьо (Paris = equale). Энона отдается Парису и, подъ условіемъ его вѣрности, открываетъ ему, кто онъ: пусть пойдетъ въ Трою, гдѣ теперь празднуютъ побѣду Гектора надъ Hercul gigante — и объявится. — Таково положеніе и въ венеціанской повѣсти; но рядомъ съ этимъ разсказомъ, гдѣ именно Энона открывала Парису тайну его рожденія и направляла его въ Трою, ходилъ другой: Парисъ въ лѣсу, *заснулъ* усталый съ охоты, когда являются три богини, спорящихъ о яблокѣ, будятъ юношу и просятъ его ихъ разсудить, послѣ чего онъ и отправляется въ Трою. Въ первой редакціи Арманнино этотъ мотивъ поддался вліянію другого, навѣяннаго Даретомъ, вслѣдствіе чего судъ представляется сновидѣніемъ Париса; но въ одномъ разсказѣ, изданномъ Горрой (по ркп. Laur. Gaddiano LXXI и Magliab. Cod. II, IV, 49) подъ заглавіемъ: Istorietta trojana — онъ совершается на яву: нѣтъ ни сновидѣнія Гекубы, ни разсказа о Парисѣ — найденышѣ, ни Эноны; въ то время, когда Пріамъ по-

слалъ Антенóра въ Грецію, чтобы вытребовать у Теламона сестру Гезіону, Парисъ идетъ въ поле и здѣсь присутствуетъ при боѣ своего быка съ чужимъ, захожимъ, котораго, какъ побѣдителя, награждаетъ, возложилъ ему на рога вѣнокъ изъ цвѣтовъ. За этотъ приговоръ онъ и прозванъ былъ правосуднымъ. На другой день, отправившись на охоту, онъ, отдѣлившись отъ товарищей, *заснулъ* у одного источника, тогда какъ у другого, по сосѣдству, сошлись три богини: «madonna Giuno, madonna Pallas и madonna Venus». Онѣ бесѣдуютъ, но тотчасъ заспорили, когда среди нихъ упало яблоко (palla) съ надписью: pulchriori detur. Онѣ идутъ искать кого нибудь, кто-бы разсудилъ ихъ, и находятъ Париса, котораго и выбираютъ судьей, какъ человѣка, проявившаго свое правосудіе въ извѣстномъ рѣшеніи — по поводу состязанія быковъ. Какъ вездѣ, богини тщатся прельстить Париса обѣщаніемъ наградъ; Венера обѣщаетъ ему «chettutte le donne chetti vedranno, t'amaranno, e qualunque tue vorrai, sitti darò». Подобнымъ разсказомъ (напоминающимъ планъ испанскаго романса у Duran'a I № 469) воспользовался и компиляторъ Trojano: слѣдуя одному источнику онъ говоритъ объ Энонѣ, объ ея откровеніи Парису: она велитъ ему пойти въ Трою; здѣсь вступалъ въ свои права другой источникъ: Парисъ охотится за ланью, *засыпаетъ* у ручья; по близости расположились три богини, c. V, st. 45:

in animo di andare a un bel convito
e de la corte di un gran re fiorito.

Среди нихъ богиня Раздора (Dea de la Discordia), оскорбленная тѣмъ, что ея не пригласили на празднество, бросаетъ un pomo d'oro. Богини заспорили между собою, обращаются къ Меркурію, а тотъ направляетъ ихъ къ Парису, которому говоритъ c. V, st. 52, почему на него именно палъ выборъ:

Per la gran fama, che sententii bene
d'ogni question le qual ti vien dinante,
e al tuo detto ciascuno si tiene.

Обѣты богинь; Парисъ хочетъ видѣть ихъ раздѣтыми (c. V, st. 55) и, отдавъ предпочтеніе Венерѣ, возвращается къ Энонѣ. На другой день, когда онъ снаряжается въ Трою, Энона провожаетъ его до рѣки и клятвенно обязываетъ возвратиться къ ней; c. V, st. 58:

E in un arbor di sua man si scrisse (т. е. Парисъ),
in su la riva del fiume così disse:

59 O arbor grande sia qui testimonio
come io prometto a questa cara amica
di ritornar a lei con viso buono,
con quella star insieme si replica
in questa parte, o altrove ch'io sono,
viver insieme cóme ragion dica,
ne mai da me abbandonata sarae
se non quando quel fiume in su verae.

Въ Троѣ Парисъ отличается въ военныхъ играхъ, Пріамъ и другіе обращаютъ на него вниманіе, мать признаетъ по сходству съ Гекторомъ и имени — Александра.

Предложенныя сопоставленія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на оригиналъ славянской повѣсти и на ея лакуны. Ясно прежде всего, что ея эпизодъ объ Энонѣ не полонъ и что выпала его первая половина: разсказъ о раннихъ отношеніяхъ Эноны къ Парису. Въ настоящемъ своемъ видѣ текстъ представляетъ такую несообразность: Парисъ судитъ богинь, присуждаетъ яблоко Венерѣ, которая наставляетъ его, кто онъ, и обѣщаетъ наградить его любовью красивѣйшей женщины Греціи; Парисъ идетъ въ Трою и по дорогѣ предлагаетъ свою любовь — Энонѣ, клянется ей въ вѣрности, «и вьза ѿтъ неѫ вѣнецъ», т. е. дѣвическій. Въ оригиналѣ расположеніе было, вѣроятно, такое-же, какъ въ первой рецензіи Armannino и отчасти въ Trojano: 1) юношеская любовь Париса и Эноны (вза.... вѣнецъ); 2) судъ богинь; 3) Парисъ уходитъ въ Трою, а Энона беретъ съ него клятву не покидать ея. Выпаденіе перваго эпизода стоитъ, вѣроятно, въ связи съ страннымъ смѣшеніемъ собственныхъ именъ въ разбираемомъ

отдѣлѣ славянскаго перевода: Венера въ сценѣ суда названа *Вѣнуш'*, *Веноуша*; Энона: Оннеушь, Оннешь, Ионеш и — *Веneоушь*. Смѣшеніе этихъ именъ въ непосредственно другъ за другомъ слѣдовавшихъ эпизодахъ, принадлежавшое, быть можетъ, уже оригиналу повѣсти, могло повліять и на запутанность самого изложенія: когда въ славянской притчѣ Венера, а не Энона, открываетъ Парису тайну его происхожденія, мы вправѣ спросить себѣ: разумѣется-ли здѣсь Вѣноушь = Венера или Венеоушь = Oenone?

Нѣкоторые результаты, полученные нами изъ предыдущаго обзора, помогутъ намъ при критикѣ легенды о Парисѣ въ Trójumannasaga'ѣ [1]) и вызовутъ новые вопросы касательно славянской повѣсти.

Сага начинаетъ также со сновидѣнія Гекубы, которое она сообщаетъ мужу и толкуютъ мудрецы. Пріамъ велитъ забросить (út bera) мальчика. Когда онъ родился, ему дали имя Александра; онъ такъ красивъ, что мать не рѣшается привести въ исполненіе приказъ мужа и отдаетъ его на воспитаніе: fékk hann til fostrs á laun, ok var hann þá kallaðr Paris; en er hann vóx upp, elskaði hann mjök Freyju; en síðan, er hann vissi um aett sína.... Въ рукописи далѣе, очевидно, кое что пропущено или, скорѣе, обнаруживается неумѣлость компилятора, ибо слѣдующая фраза: ok hann gerði brullaup sitt til Thetidem — относится не къ Парису, а къ Пелею: «когда онъ выросъ, онъ сильно любилъ Фрею, а впослѣдствіи, когда узналъ о своемъ родѣ.... (Пелей) устроилъ свою свадьбу съ Θетидой». — Фрея въ судѣ богинь отвѣчаетъ Венерѣ; но что̀ означаетъ выраженіе, что Парисъ *любилъ* Венеру? Въ связи съ непосредственно слѣдующей фразой: «а впослѣдствіи, когда онъ узналъ о своемъ родѣ» я полагалъ возможнымъ объяснить это загадочное показаніе изъ славянской повѣсти, гдѣ именно Венера открываетъ Парису, кто онъ; лю-

[1]) Издана Jon'омъ Sigurdsson'омъ въ Annaler for nordisk Oldkyndyghed og historie за 1848 годъ.

бовь къ ней объяснилась-бы изъ сходнаго мотива Альтинской хроники (сл. выше стр. 44). Вѣроятнѣе слѣдующая гипотеза: компиляторъ саги пользовался нѣсколькими пересказами легенды о Парисѣ. Въ одномъ изъ нихъ разпорядокъ былъ такой-же, какъ и въ (возстановленномъ нами) оригиналѣ славянской повѣсти: любовь Париса къ Энонѣ и непосредственно затѣмъ судъ надъ богинями; какъ въ подлинникѣ нашей притчи смѣшены были Энона = Венеушь и Венера = Венушь, такъ и въ источникѣ саги; въ результатѣ явились смѣшенія: славянскій текстъ заставилъ не Энону, а Венеру, въ сценѣ суда, говорить Парису о его родѣ-племени, сага перенесла на Фрею-Венеру юношескую любовь Париса къ Энонѣ. Объясняется это смѣшеніе тѣмъ, что компиляторъ саги опустилъ судъ богинь, ибо нашелъ его во второмъ своемъ источникѣ, начинавшемся съ свадьбы Пелея и затѣмъ уже переходившемъ къ разсказу о судѣ. Этотъ второй источникъ называетъ Пелея = Peleus и Feleus (сл. въ Trojano: Felleo и въ слав. повѣсти: Пелешь и Фелешь), онъ царствуетъ въ Figia = Φθία, далѣе Pisia (сл. въ рукописяхъ Диктиса: Pithia вм. Phthia), приглашаетъ на свадьбу всѣхъ боговъ (pá baud hann pángat öllum guðum). Затѣмъ новый пропускъ: говорилось, что не позвана была богиня Раздора, и что, оскорбленная тѣмъ, hon tók upp eitt gullepli (она взяла золотое яблоко) и бросила его посреди трехъ богинь: millim þeirra Freyju ok Sif ok Gefjon. Фрея, по объясненію издателя (l. c. стр. 20, прим. 1)—Венера, Sif—Юнона, Gefjon, вмѣсто которой далѣе названа Frigg, отвѣчала-бы Аѳинѣ-Палладѣ. Обыкновенно Gefjon является переводомъ Артемиды-Діаны (l. c.) [1]); двойственное значеніе Gefjon = Артемида и Аѳина не броситъ-ли какого-нибудь свѣта на подобную-же двойственность въ (оригиналѣ) славянской повѣсти: Палешь=Паллада въ спорѣ богинь и Пелешь-Діана въ эпизодѣ о «кошутѣ», котораго въ сагѣ нѣтъ?

---

[1]) Сл. Vigfusson, Dictionary, a. v., гдѣ указывается Gefjon и въ рѣдкомъ значеніи Венеры.

Богини спорятъ между собою о преимуществѣ красоты, идутъ судиться къ Юпитеру (paer gánga fyri Júpíter), который отсылаетъ ихъ къ пастуху Парису, въ лѣсъ Иды (í skóginn Idam). Сага вставляетъ здѣсь разсказъ о судѣ Париса надъ быками; помѣщеніе его въ этомъ мѣстѣ объясняется, вѣроятно, тѣмъ уже извѣстнымъ намъ обстоятельствомъ, что этотъ судъ и создалъ Парису репутацію праведнаго судьи. Разсказъ слѣдующій: ok á nökkurum degi, er hann gaetti féarins, kom til hans gríðungr einn mikill, er hann hafði eigi fyrr sét, ok barðist við einn af hans gríðungum, ok varð sá sigraðr er Alexandr átti, þá setti þórr[1]) kórónu af dýrlegum blómum yfir höfuð hans; ok annan dag kom gríðungr, ok fór sem hinn fyrra dag; ok hinn þridja dag kom hinn sami gríðungr ok mátti sá minna fyrst, er Alexandr átti, ok þá batt hann brod einn mikinn í enni honum, ok mátti sá þá ekki við, er til var kominn, ok undi þá Alexandr vel við, ok því setti hann kórónu á höfuð honum, ok tignaði hann þá svá fyri sigr sinn[2]).

Можно было бы ожидать въ дальнѣйшей послѣдовательности: суда Париса надъ богинями и его удаленіе въ Трою — или на свадьбу Пелея (сл. дальше рецензію Конрада). Но здѣсь компиляторъ саги обратился къ третьему источнику, версіи Дарета, къ которой переходитъ такимъ образомъ: þessi atburðr var sagðr Príamo, ok hér eftir gekk hann við fraendsemi Alexandrs; ok er hann var í aett kominn, tók hann virðíng sem aðrir broeðr hans; hann var allra manna kurteisastr[3]). Однажды, заснувъ въ лѣсу

[1]) Юпитеръ? Такъ переводится въ сагѣ (l. c. стр. 10) это имя.

[2]) «Однажды, когда онъ пасъ скотъ, пришелъ къ нему огромный быкъ, котораго онъ дотолѣ не видалъ, и сталъ биться съ однимъ изъ его быковъ; и побѣдилъ Александровъ, и онъ (Юпитеръ?) возложилъ на его голову вѣнокъ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ. На другой день пришелъ быкъ, и повторилось то-же; на третій явился тотъ-же быкъ, и сначала сталъ ослабѣвать Александровъ; тогда онъ привязалъ къ его лбу роженъ, и пришедшій не могъ устоять. Возрадовался Александръ и возложилъ на голову быка вѣнецъ, такимъ образомъ чествуя его за его побѣду».

[3]) «Объ этомъ произшествіи разсказали Пріаму, а послѣ того онъ призналъ Александра. Вступивъ въ родъ, Александръ былъ въ такомъ-же почетѣ, какъ и его братья, и былъ рыцарственнѣйшій изъ мужей».

Иды (здѣсь начинается версія Дарета), онъ видитъ во снѣ, что Сатурнъ (у Дарета Меркурій) приводитъ къ нему Sif ok Freyju ok Frigg (вмѣсто Gefjon), съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ красивѣйшая. Фрея обѣщаетъ юношѣ красивѣйшую женщину въ Греціи, Sif сулитъ богатство и славу, Frigg мудрость и побѣду въ битвахъ (hon var orrostu guð); nu kemr Freyja at honum ok maelti: minnstu nú hverja pú hefir mér heitið? (помнишь-ли, что ты мнѣ обѣщалъ?) — очевидная попытка компилятора связать съ редакціей своего третьяго источника Энону = Freyja перваго. Она обнажается (hon beraði líkam sinn), и онъ объявляетъ её красивѣйшею.

Сообщая вслѣдъ за рецензіей саги эпизодъ о юности Париса въ средне-англійскомъ Seege (ркп. H) или Batayle (ркп. L) of Troye[1]), я имѣю въ виду указать на такую-же черезполосицу источниковъ, какую мы замѣтили въ сагѣ. Новаго для критики легенды англійская версія сообщаетъ мало: Сонъ Гекубы; clerkys (H), maistres (L) толкуютъ ей сновидѣніе; въ H она тотчасъ отсылаетъ мальчика къ свинопасу; въ L сохранились въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отзвуки древняго оригинала: въ немъ говорилось, вѣроятно, что красота мальчика побудила мать не предавать его смерти, а отдать пастуху; здѣсь, когда ему минуло *семь* лѣтъ, онъ начинаетъ играть «около добытка» (= слав. повѣсть). Въ L изъ этого вышло слѣдующее: мальчикъ родился красивымъ, ему даютъ мамокъ; только когда ему минуло семь лѣтъ, мать вздумала о предсказаніи и посылаетъ сына на воспитаніе къ пастуху.

245 When þeo child was born of þat lady,
Fairer mygte no mon seo wiþ eygte,
Norices feole to him weore sougt,
Þe child was gemed fair and softe.

[1]) Издана по двумъ рецензіямъ A. Zietsch'емъ въ Herrig's Archiv, B. LXXII, p. 11 слѣд. Сл. его-же диссертацію объ источникахъ и языкѣ этого памятника (Göttingen-Cassel, 1883). По письменному сообщенію Грейфа эпизодъ о юности Париса находится еще въ средне-англійской хроникѣ Robert'a de Brunne.

And whan þe child was seove ger old,
He was fair and of speche bold,
His modir þougte on hire dremynge
Þat heo mette in hire slepyng
And þougte he no scholde sle no men
No þeo cite of Troye make beo slayn,
And dude make þe child cloþus tygt,
Curtel and tabard and hod al whyt,
And made him to þeo feld to gon
To kepe swyn wiþ staf and ston.

HL продолжаютъ: мать надѣется, что въ этомъ положеніи онъ не увидитъ ни оружія, ни битвы, а между тѣмъ мальчикъ проявляетъ свои наклонности, любуясь боемъ быковъ (H. Beres or bolles; L bole or bore) и вѣнчая побѣдителя. За его праведныя рѣшенія его и прозвали Парисомъ:

H. 237 Of alle domes he was wyse,
Therefore men cleped him Parys.
L. 275 Of alle dedis þe child was wis,
Forþy he was called child Parys.

Услышавъ о мудрости своего сына (H. 240: That his son of the lawe was so wyse; L. 278: How his son was wys of lawe), Пріамъ посылаетъ за нимъ самъ — въ отличіе отъ всѣхъ западныхъ редакцій нашей легенды и въ согласіи съ Малалой (Greif, стр. 184), гдѣ Пріамъ, по истеченіи двухъ-годичнаго срока, назначеннаго оракуломъ Аполлона, возвращаетъ ко двору сына, отданнаго на воспитаніе крестьянину. Парисъ возвращается въ Трою; Пріамъ думаетъ отмстить за смерть отца, укрѣпляетъ городъ; лишь позднѣе, когда онъ снаряжаетъ походъ въ Грецію подъ начальствомъ Гектора, Александръ проситъ послать его — и разсказываетъ о своемъ судѣ надъ богинями. Въ H онъ происходитъ на яву, богини названы: Juno, Pallas и Venesse; въ L замѣшалась реценэія Дарета: дѣло идетъ о сновидѣніи: Парису являются 480 Foure ladies of eluene land, но изъ богинь осталась лишь Venus, рядомъ съ которой выступаютъ Saturnus, Jupiter и Mercurius. Сл. Сатурна Trójumannasaga'и.

Одна подробность послѣдней остановитъ на время наше вниманіе: въ ней Юпитеръ присутствуетъ на свадьбѣ Пелея, Парисъ еще въ полѣ, и заспорившихъ на пиру богинь Юпитеръ отсылаетъ къ нему. Иначе въ славянской повѣсти, гдѣ Парисъ — гость у Пелея, богини, также присутствующія на пиру, идутъ судиться въ Трою къ Юпитеру, который обращаетъ ихъ назадъ, къ Парису[1]). Это хожденіе взадъ и впередъ представляется a priori неестественнымъ, но для рѣшенія вопроса, какой изъ двухъ плановъ древнѣе, нѣтъ матерьяловъ, или лучше, показанія двоятся. Первая версія Armannino называетъ Париса въ числѣ позванныхъ на свадьбу, но судъ его относятъ къ эпизоду (сновидѣнію) охоты. Въ Альтинской лѣтописи, на оборотъ, богини отправляются съ брачнаго пира къ Парису, очевидно отсутствовавшему. Такъ еще у Боккаччьо и въ одной латинской повѣсти о Троѣ[2]) гдѣ (f. 53 слѣд.) на свадьбу Пелея позваны были боги: merito cena deorum appellata est, in qua cena fuerunt Jupiter et Neptunus, Apollo musarum deus et Mercurius nec non et tres dee, id est Juno, Minerva et *Veneus*; позднѣе: Venus, но форма *Veneus* интересна: она объясняетъ намъ Венсоушь (Венеру и — Энону) славянскаго текста. Discordia бросаетъ въ ихъ среду malum aureum съ надписью: pulcriori dee donum; спорящія богини Jovem petierunt ut inter eas iudicaret quae earum pulcrior esset. Juppiterque positus in ambiguo, nolens aliquam earum ledere, eis respondit: Ego inter vos iudex esse non possum, sed dabo vobis iudicem qui inter vos iudicet. Quibus sic dixit: Ite ad pastorem, solus inter vos poterit iudicare, quia iudex iustus est. Если кто спроситъ, продолжаетъ авторъ, quare iustus iudex appellatus est, respondendum — слѣдуетъ разсказъ о юности Па-

---

[1]) Только въ Prim. не говорится о приглашеніи Париса на свадьбу.

[2]) Она описана Горрой, которому я обязанъ и сообщеніемъ интересовавшаго меня отрывка. Текстъ находится въ сборникѣ Riccard. № 881, XIV в., содержащемъ между прочимъ и Дарета, и надписанъ такимъ образомъ: Sancti spiritus adsit nobis gratia. Incipit liber exitium Troye. О ркп. сл. Parodi, l. c., стр. 182—3.

риса: сонъ Гекубы: испуганная имъ, она велитъ забросить мальчика, который выростаетъ у пастуха; далѣе: судъ надъ быками, споръ богинь, рѣшенный въ пользу Венеры; et dum haec geruntur, subito in animo Paridis amor spectaclorum quae apud Troyam gerebantur, quam numquam noverat, introivit et cepit pastori nutritori suo inminari ut ad Troyam ubi pater eius regnabat prae videndis spectaclis descenderet. Nutritor vero eius metuens ne eum perderet, cepit eum ab intentione revocare, tandem cum eodem ad spectaclum circi ad Troyam descendit, гдѣ Парисъ является побѣдителемъ и возбуждаетъ гнѣвъ братьевъ, которые затѣваютъ убить его, когда воспитатель Париса объявляетъ, чей онъ сынъ.

Если Боккаччьо и латинская исторія даютъ поддержку сагѣ противъ славянской повѣсти и Арманнино, поминавшихъ Париса въ числѣ Пелеевыхъ гостей, то поэма Конрада Вюрцбургскаго [1]) занимаетъ среднее между ними положеніе: Парисъ не позванъ на свадьбу, но богини посылаютъ за нимъ въ поле, когда возникъ между ними споръ, послѣ чего онъ и является на брачный пиръ. Легенда о Парисѣ разсказана такимъ образомъ: Пріамъ, испуганный сновиденіемъ жены, велитъ унести и убить ребенка; его невинный смѣхъ (сл. ту-же черту у Симона Сарга Aurea и Delgado) останавливаетъ убійцъ, и они покидаютъ мальчика въ лѣсу, гдѣ его питаетъ левъ [2]) и находитъ пастухъ, который и воспитываетъ его у себя вмѣстѣ съ своимъ новорожденнымъ ребенкомъ. Пріаму посланные предъявляютъ языкъ, вырѣзанный у собаки, въ удостовѣреніе, что они дѣйствительно убили мальчика. Подросши, найденышъ гоняетъ скотъ въ лѣсъ и поле, играетъ

---

[1]) ed. Adalbert von Keller въ Bibl. d. litter. Vereins zu Stuttgart, B. XLIV.

[2]) То-же въ Trójumannasaga'ѣ и въ особой среднеболгарской версіи Троянской повѣсти, изданной Сырку (Archiv f. slav. Phil. VII, стр. 80 слѣд.), гдѣ заброшеннаго Париса питаетъ, какъ у Аполлодора, медвѣдица. — О другомъ спискѣ этой повѣсти, найденномъ въ рукописи покойнаго проф. Григоровича, я узнаю изъ отчета о рефератѣ проф. Кирпичникова на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ. Елена носитъ здѣсь названіе Гилуды (Егулуда въ текстѣ Сырку), Магдона (у Сырку) = Магдуны.

съ мальчиками, являясь между ними судьей въ ихъ воинственныхъ играхъ:

Jô was er ein griezwarte,
Und ein guot rihter under in.
Wán swer den sic dô fuorte hin,
Dem sazte er ûf sin houbet
Ein schapel wol geloubet.

Слѣдуетъ бой быковъ:

Sô vremde pfarren dicke striten
mit den sînen von geschiht,
son liez er sîn engelten niht
daz si dô fremde wâren,
er wolte rehtes vâren
und tet in guot gerihte kunt:
swaz dâ gesigte bî der stunt,
ez waere ein ohse, ez waere ein wider,
daz reht enleit er dô niht nider,
wan er im eine crône
sazt ûf sîn houbet schône....
Daz er geheizen Pârîs
wart dur sîn gelîchez reht:
«pâr» and «gelîch» sind ebensleht.
und ist an in kein underbint,
wan daz si mit den worten sint
gesundert und gescheiden.
ein sin lît an in beiden
und ein bezeichenunge.
dar umbe daz der junge
gelîche rihten wolte,
als er von rehte solte
dô wart er Pârîs dô genant
und alsô rehte wîte erkant,
daz er ûf allen velden
und in den wilden welden
wart der jungen hirten voget:
die kâmen alle z'im gezoget,

sô si krieges teten iht,
dur daz vor sîner angesiht
ir strît würd aller hin geleit.

Затѣмъ идетъ эпизодъ о юношеской любви Париса и «богини» Эноны, Egenoê; она счастлива, но боится, что какая-нибудь другая красавица похититъ у нея сердце милаго, и Парисъ успокоиваетъ её: въ корѣ дерева онъ вырѣзываетъ слово, съ которыми въ славянскомъ текстѣ онъ самъ обращается къ своей милой:

790 Sô Pârîs und Egenoê
von ir minne scheident
und beide ein ander leident,
sô muoz diz wazzer wunneclich
ze berge fliezen hinder sich
und widersinnes riuschen.

Въ славянской повѣсти это говорится о Ксанѳѣ согласно съ Ovid. Her. V, 30: Ad fontem Xanthi versa recurret aqua. — Юпитеръ сзываетъ на свадьбу Пелея боговъ и богинь, Пріама съ сыновьями, но не пригласилъ одной богини, v. 1254 Discordiâ geheizen = Дпевошькордпа Micl., Discordia другихъ легендъ о Парисѣ:

Невидимая, благодаря волшебному кольцу, она бросаетъ въ среду гостей яблоко раздора, Юпитеръ присутствующій на свадьбѣ, не берется рѣшить возникшаго спора (1598: Vênus diu was sîn swester — und frô Pallas sîn tohter; 1602 sô was Jûnô sîn selbes wîp — und dar zuo diu swester sîn) и отсылаетъ богинь къ Парису:

1611 Doch seite er in ze maere
ein hübscher knabe waere
dâ bî in einem walde
der scheiden künde balde
swâz verlâzen würde an in....
1622 Ouch seite er in, der selbe kneht
waere ein hirte unmâzen wîs

und hieze dâ von Pârîs,
daz an im gelîche
der arme und ouch der rîche
fünden starc gerihte grôz
(сл. v. 1745 слѣд., 1810 слѣд.).

За Парисомъ посылаютъ, и онъ является на свадьбу въ грубой одеждѣ пастуха. Юнона обѣщаетъ ему богатство, Паллада мудрость, Венера обладаніе Еленой.—То, что слѣдуетъ далѣе у Конрада, принадлежитъ, по мнѣнію Грейфа (стр. 104), его изобрѣтенію: когда Парисъ присудилъ яблоко Венерѣ, она даритъ ему драгоцѣнныя одежды, въ которыхъ онъ и предсталъ, привлекая общее вниманіе. Кто научилъ тебя творить пастуховъ царями? издѣваются надъ Венерой обиженныя богини. Она отвѣчаетъ, что онъ именитаго рода.

3137 Und eines hôhen küneges fruht.
3140 Sîn vater eine crône treit.

Влекомый тайной склонностью къ юношѣ — сыну, Пріамъ проситъ Венеру дозволить ему взять его къ двору, но Юнона и Паллада подстрекаютъ Юпитера не отпускать его. Возникаетъ споръ, грозящій перейти въ общую схватку (дѣло Дискордіи); вопросъ предоставлено рѣшить боемъ между Гекторомъ и Пелеемъ, и Парисъ достается Пріаму. Признаніе между ними совершается уже въ Троѣ: Гекторъ и Парисъ тѣшатся военной игрой; первый, раздраженный неловкимъ ударомъ противника, готовится пронзить его мечемъ, когда во время является пастухъ, воспитатель Париса, и обнаруживаетъ, кто онъ.

Я согласенъ съ Грейфомъ, что эпизодъ о Парисѣ на свадьбѣ Пелея и споръ изъ-за его обладанія отзывается какой-то дѣланностью; но едва-ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ лишь изобрѣтеніемъ Конрада. Дѣло объясняется проще, какъ результатъ неловкаго свода: одинъ изъ источниковъ Конрада приводилъ Париса непосредственно изъ поля, послѣ суда надъ богинями, въ Трою, гдѣ онъ, неузнанный, бился съ братьями и узнанъ ма-

терью; въ другой рецензіи сказанія, послѣ эпизода юности Париса, говорилось о его появленіи на Пелеевой свадьбѣ. Конрадъ соединилъ оба плана, удержавъ признаніе въ Троѣ, а сцену у Пелея сочинивъ по образцу боя съ братьями, но съ другимъ мотивомъ. Я, можетъ быть, не ошибусь предположивъ, что и оригиналъ славянской повѣсти былъ — сводный, чѣмъ и объяснилась-бы указанная выше несообразность: что съ пира, на которомъ присутствовалъ Парисъ, богини идутъ судиться къ Юпитеру въ Трою, а онъ ихъ обращаетъ назадъ къ Парису. И въ славянскомъ текстѣ есть какъ-бы слѣды двухъ различныхъ рецензій, сведенныхъ его подлинникомъ: первая говорила о юности Париса (бой быковъ; можетъ быть: юношеская любовь къ Энонѣ? см. выше стр. 53) и кончалась его боемъ съ братьями въ Троѣ— и признаніемъ: къ этому эпизоду относится, вѣроятно, черта, что Парисъ однажды поборолъ передъ Пріамомъ какого-то витязя— можетъ быть, одного изъ братьевъ? Черта эта не развита и признаніе не совершается, ибо авторъ непосредственно затѣмъ перешелъ къ другой рецензіи повѣсти, которая разсказывала (послѣ эпизода о юности) о явленіи Париса у Пелея; богинь уже нельзя было посылать въ поле на судъ къ мудрому пастуху, но мотивъ хожденія остался, и компиляторъ заставилъ ихъ ходить — въ Трою.

Я отнесъ къ концу моего обозрѣнія намекъ Girauz de Calanson на легенду о юности Париса, ибо онъ вызываетъ вопросъ объ источникѣ, въ которомъ извѣстна была автору троянское сказаніе. Girauz наставляетъ жонглёра Fadet, какіе эпическіе сюжеты подобаетъ ему знать: онъ долженъ умѣть разсказывать.

De Peleas
Com el fetz Troja destruir,
De Daracus
De Dardanus
Qe premier la feron bastir.

Daracus=Assaracus, Шарикоуша нашей притчи. Слѣдуютъ упоминанія другихъ сюжетовъ, между прочимъ:

E de Satan
Que Salamon saup pres tenir;
Del rei Seon
El rei Amon
Con fes Felip espaoirir.
Apren del pom
Per que ni com
Discordia lo fes legir.
Del rei Flavis
E de Paris,
Com lo saup lo vachier noirir [1]).

Очень можетъ быть, что упомпнаніе царя Flavis не относится къ легендѣ о Парисѣ, такъ какъ наставленія не соблюдаютъ послѣдовательности сюжетовъ; иначе можно бы предположить въ Flavis передѣлку Peleus, Фелешь троянской притчи, Feleus въ Trójumannasaga'ѣ, Felleo въ Trojano. Мы получили-бы тогда такую серію напомпнаній: явленіе Дискордіи, свадьба (?) Пелея, воспитаніе Париса.

Такова легенда о его юности, легшая въ основу цѣлаго ряда пересказовъ, какъ западныхъ, такъ и славянскаго, источникъ котораго уже Востоковъ (Опис. Румянц. музея, стр. 386) считалъ латинскимъ; я допустилъ-бы возможность и какого-нибудь романскаго оригинала. Тѣмъ и другимъ можно объяснить такія имена, какъ Юнона, Венера, Гекуба и т. п.; окончанія собственныхъ именъ на ушь = us, ешь = es и т. п. Отмѣтимъ въ Istorietta Trojana (сл. выше стр. 51) собственныя имена: Pelleus, Acilles (слав. Ацплешь), Giuppiter (Иппитеръ, Юпитеръ), Ulixes (слав. Урекшишь), Patricolus (слав. Патрпколоушь) и т. п., и вмѣстѣ предположеніе пздателя (Gorra l. c. стр. 165): что Istorietta переведена съ какого-нибудь французскаго оригинала, передѣлки Benoît de Ste More, равно какъ и соединенныя съ нею въ рукописи Эпистолы Овидія и сопровождающій ихъ комментарій [2]). На западное происхожденіе источника славянской по-

[1]) Bartsch, Denkmäler der provenzalichen Litteratur, стр. 96, 97.
[2]) Parodi, l. c., стр. 359—60.

вѣсти указываютъ и немногія заимствованія изъ Овидія или параллели къ нему, указанныя Грейфомъ: сонъ Гекубы (Ovid. Her. XVI, 237 слѣд.), требованіе Париса, чтобы богини предстали передъ нимъ раздѣтыми (l. c. v. 115—116), слова Париса къ Энонѣ (Ov. Her. V, 29 слѣд.). Этимологическая игра съ именемъ Париса могла-бы послужить къ болѣе точному лингвистическому опредѣленію источника, если-бы именно здѣсь тексты не расходились между собою и мы могли поручиться, что не имѣемъ дѣла съ подновленіями. Micl. = Н.Соф. и Pril. подновляетъ каждый по своему: Парисъ = Пастыревичъ и Парисъ = Фарижъ; Seege не этимологизируетъ, но говоритъ, что имя мальчику дано было за его мудрость (wis: Parys); такъ и у Конрада (wîs: Pârîs) и въ романсѣ у Duran'a I № 469: sabiduria. Иначе въ Istorietta: e ciò saputo (т. е. о судѣ Париса надъ быками), molto nè fue Paris lodato e tenuto a *giusto;* сл. испанскій романсъ у Duran'a I № 468: Dices que es *justo juez* — Paris todos le hon nombrado. Къ этой репутаціи *справедливости, правосудія* привязываетъ венеціанская повѣсть имя Париса: e per zò follo chiamado Paris, *per tal sentenzia che iera ingual le sentenzie ch'ello daxeva* — т. е. онъ названъ такъ потому, что давалъ *равныя* рѣшенія въ судѣ. Это повторяетъ и Боссаччіо (Paris = equale) и Troianô (не знающій, какъ и Боссаччіо, суда надъ быками): Парисъ праведно рѣшалъ всякіе споры между товарищами, почему его и назвали *Pari*, откуда позже и имя Paris'a. Эту этимологію объясняетъ Конрадъ: Paris названъ «dur sîn gelîchez reht», ибо

«Pâr» und gelîch sind ebensleht.

Стало быть: Paris отъ par, что поддерживается и средневѣковымъ латинскимъ стихотвореніемъ о паденіи Трои: Est *Paris* absque *pare*, quaerit, videt, audet amare, — audet temptare furta, pericla, mare [1]). Сл. Il Cantare dei Cantari, st. 14, въ крат-

[1]) Carmina Burana № CLII, стр. 60; сл. у Симона Capra Aurea: *Paridem* reddit honore *parem*.

комъ пересказѣ легенды о юности: Fanol pastore, e po'lo mettono in loia, Come nesun suo *pari* inamorato [1]). Эту игру созвучіями, которая могла быть удержана въ какомъ-нибудь романскомъ текстѣ, славянскій переводчикъ повѣсти хотѣлъ сохранить, если не по содержанію, то для слуха: оттуда сближеніе *Париса* съ *пастыревичемъ* и *фарижемъ*, при чемъ я не берусь рѣшить вопроса, какая изъ двухъ звуковыхъ этимологій древнѣе.

Образъ мальчика-судьи между товарищами и надъ животными во всякомъ случаѣ напоминаетъ аналогическій образъ въ повѣсти о дѣтствѣ Соломона, знакомый на славянскомъ югѣ [2]) и, можетъ быть, не безызвѣстный славянскому пересказчику Троянской повѣсти, обратившему (Аякса) *Теламонича* въ *Соломонича* (Micl.), *Соломоника* (Н.Соф.), *Соломоникова* (Пып.) [3]). Другую параллель къ соломоновскимъ сказаніямъ мы встрѣтимъ тотчасъ-же во второй половинѣ нашей повѣсти, отнынѣ расходящейся съ своими западными параллелями, которыя идутъ по слѣдамъ Дарета и Бенуа, тогда какъ въ ней продолжаютъ отзываться мотивы изъ Овидія. Грейфъ склоненъ вмѣнить знакомство съ ними славянскому автору (l. c. стр. 101); на невозможность такого предположенія указано выше, не говоря уже о томъ, что пользованіе одними и тѣми-же источниками въ первой и второй части текста говоритъ скорѣе всего за существованіе одного оригинала. Изъ этого-ли оригинала почерпнули западныя версіи троянской саги эпизодъ о юности Париса, или изъ какого-нибудь обособленнаго разсказа о ней — это остается вопросомъ.

II.

Micl. (Н.Соф. и Пып.) продолжаютъ повѣсть — эпизодомъ о построеніи Трои, который Pril. Prim. помѣстили ранѣе, между

[1]) Pio Rajna, Zeitschr. f. roman. Philologie II, стр. 428.

[2]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, гл. II, стр. 51 слѣд.; стр. 67: судъ «о двухъ жеребцахъ и кобылицѣ, о двухъ быкахъ и коровѣ».

[3]) Замѣтимъ, впрочемъ, что въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, ed. Wagner, v. 1765, Аяксъ является царствующемъ въ *Саламонѣ*: τῆς Σαλαμόνης ὁ κρατῶν, δεσπόζων καὶ ῥησεύων.

юностью Париса (и ту преборп еднога витеза именем' Щита пред' Прпѣмушем' кралем') и Пелеевой свадьбой (И по том' женаше се Пелешпн' крал'). Пріамъ (заступившій мѣсто Лаомедонта) обѣщаетъ «три долы злата» (Micl., Н.Соф.) тому, кто поможетъ ему «вь троискомь дѣлѣ». Являются «два дпавола земпаа», Нептенабоушь (Micl., Н.Соф. Пып. = Neptunus, Νεκτέναβος Александріи [1]); Pril. Нептумуш; Prim. Нектебоушь) и Тебоушь (Micl. Н.Соф. Пып.; Pril. Prim. Пебуш) гусельникъ, и «гѫдѣше въ гѫсли, и зпздаше сѧ Троа кѫдоу ѡни речахѫ» (Micl., Н.Соф.; Pril.: и гудѣше, и гредѣше само каменне). Сл. Ovid. Met. XI, 199 слѣд.; Her. XV, v. 18 [2]).

Постройка кончена, но Пріамъ обманываетъ зодчихъ, суля имъ вмѣсто трехъ «долъ злата» — три пригорши. Разгнѣванные, они говорятъ: мы создали городъ, мы же умыслимъ, какъ его разрушить. Они идутъ къ «пророчицамъ», обиженнымъ судомъ Париса [3]). — Неправедный судъ Пріама напоминаетъ таковой-же Соломона въ русской Палеѣ [4]): царь Дарій (Даріанъ, Адаріанъ) посылаетъ Соломону загадку, за разрѣшеніе которой Соломонъ обѣщаетъ отдать разгадчику третью часть серебра, которое пришлетъ ему персидскій царь. Загадку отгадываетъ кривой бѣсъ; когда Дарій прислалъ «три кади сребра» и двѣ кади отсыпаны для царя, онъ велитъ «ѡбратити кадь врьхоу дномъ, и повелѣ насыпати бѣсу верхъ».

Слѣдуетъ эпизодъ о Кассандрѣ (Micl. Н.Соф.: Кащрандра, Pril. Кшан'дра = *Каштандра): она идетъ на «рѣкѫ Шпмопшеви (Micl. Н.Соф. = Simois; Pril.: поли рѣки Аморишеви) и встрѣ-

---

[1]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 443. Сл. Neptanabus = Нектанебъ у Bertran de Paris, строфа 8, v. 3—4, Bartsch, Denkmäler, стр. 87.

[2]) О построеніи Иліона Аполлономъ и Нептуномъ при Пріамѣ говоритъ и Trójumannasaga, l. c. стр. 34.

[3]) Въ Pril. и Prim. объ обидѣ пророчицъ нѣтъ рѣчи, ибо судъ Париса слѣдуетъ позже. Въ Prim. Фебъ и Нептунъ идутъ жаловаться «прѣд' Юпитра бога и не могоста его оупрѣти, и придоста к' пророчицамъ».

[4]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 91 слѣд.; Сказки объ Иванѣ Грозномъ, Древн. и Нов. Россія 1876 г., № 4, стр. 320—1.

чаетъ Пебуша бога (у Micl. Н.Соф. два раза: «Ипитеръ» пророкъ, Pril. въ первый разъ: «богъ Юпитѣр'», во второй: «с Пебушем' богом'»). Онъ говоритъ ей: «Приди къ мнѣ, да ти повѣмь вьсѧ таины троискыѫ, що хощетъ быти»; только пусть не хвалится передъ троянскими женами, что бесѣдовала съ нимъ, иначе онъ такъ сдѣлаетъ, что ей не будутъ вѣрить (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. иныя подробности: богъ обѣщаетъ раскрыть Кассандрѣ тайны будущаго, если она учинитъ его «хотѣние», что она и дѣлаетъ; запретъ бога касается именно этого: пусть не разсказываетъ, «како си имѣла любав' с Пебушем' богом'». Она нарушаетъ этотъ запретъ, и ей не вѣрятъ, когда она пророчитъ, что Парисъ похититъ Елену и что вслѣдствіе того погоритъ Троя. (Pril. расспати до фундомента. Сл. Ov. Her. XVI, 123: referes incendia tecum у Greif'a, l. c., стр. 270).

Кассандра играетъ роль въ болгарскомъ «Словѣ о ветхомъ Александрѣ», сильно искаженномъ и переиначенномъ разсказѣ изъ Троянскихъ Дѣяній, о которомъ говорено было выше[1]). Кассандра названа тамъ Магдоной, Магдуной, «рекше спрѧнскыи прѣѫдра», Александръ (Парисъ) будто-бы означаетъ по эллински «обрѣтень». Оба толкованія измышлены; Магдуна, Магдона, вѣроятно = Mygdonia (virgo): по Пазванію (X, 27, 1) мигдонами названы фригійцы по королю Μύγδων; Мигдоніей называлась и фригійскаго Кибела (Val. Flacc. II, 46). — Сонъ о главнѣ видитъ царь, не царица, но такъ какъ первой рождается Магдона, онъ велитъ запереть ее «въ стлъпь», чтобъ удалить исполненіе пророчества. Здѣсь она прорицаетъ, что сонъ касается ея брата, «иже есть въ ѧтробѣ царици и хощетсѧ родити». Когда является на свѣтъ Парисъ, царь велитъ отнести его «въ поустыѧ горы»; «и ѡбрѣте ѡтроча мечка, еже бѣ изгоубила щенца своѧ ѡ̃ ловець и болѣзноваше ѡ̃ млѣка, и въспита ѡтроча за .г. лѣта, дондеже ловци звѣра оубиша и отроча ашѫ и приведошѧ къ царю», который его и признаетъ. Интересно

[1]) Сл. выше стр. 60, прим. 2 и мой отчетъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. Январь, стр. 76—7.

совпаденіе «мечки» съ сукой (или лапью?) Trójumannasaga'и и лапью Конрада; что это не измышленіе болгарскаго слова, доказываетъ легенда Аполлодора (сл. выше стр. 60 прим. 2; ср. также миѳъ объ Аталантѣ). Можетъ быть, въ связи съ какой-нибудь греческой повѣстью о Парисѣ-*Александрѣ* стоитъ и мотивъ заключенія Кассандры (иначе: *Александры*) въ башню. У Малалы (ed. Bonn. стр. 92 слѣд.) Пріамъ узнаетъ отъ оракула Аполлона, что имѣющій родиться сынъ, Πάρις, παῖς δύσπαρις, когда достигнетъ 30-лѣтняго возраста, будетъ причиной гибели фригійскаго царства. Вслѣдствіе этого онъ отдаетъ его на воспитаніе къ одному крестьянину ἐν τῷ ἄγρῳ, ποιήσας δὲ τεῖχος ἐν τῷ αὐτῷ ἄγρῳ μέγα ἐκάλεσεν αὐτὸ πόλιν τὸ Πάριον. Отсюда онъ и вызываетъ его по прошествіи указаннаго срока. — Интереснѣе другое совпаденіе Слова съ текстомъ нашей притчи: въ Словѣ царя Сіонъ (= Менелай) и Іогъ (Агамемнонъ) властвуютъ въ Морећ или Аморећ (въ Морећ, въ Аморіи), что я объяснилъ[1]) въ связи съ библейскими именами Ога и Сихона, какъ Амморея (Сихонъ царь Аморрейскій), тѣмъ болѣе, что Слово упоминаетъ подъ рядъ «царѣ хананьскыѧ и месопотаміискыѧ». Подобныя тому библейскія воспоминанія въ собственныхъ именахъ являются и въ нашей повѣсти (по тексту Micl., Н.Соф.), можетъ быть, какъ искаженія; ср. рагоуплъстіи витези, какъ будто отъ Рагупла (кн. Товита), въ Pril. аргулепскіи = argolicus; островъ Абакоумъ (Micl., Н.Соф.), въ Pril. Авлида Ем'бропкь = Euboica. Для Мореи, Амореи Слова я допустилъ[2]) смѣшеніе библейской Аморреи съ Мореей, гдѣ по греко-сербской Александріи царитъ Менелай = Сіонъ Слова. Но въ послѣднемъ *Аморемъ* или *Яморемъ* названъ и отецъ Александра, Пріамъ; этого имени я объяснить не умѣю, но укажу въ только что разобранномъ эпизодѣ нашей повѣсти на рѣку *Аморишеву* Pril. = Шимопшева Micl. (Pril. далѣе: на рѣцѣ Шиморпшевѣ) = Simois,

---

[1]) Сл. мой отчетъ объ изданіяхъ Сырку, l. c. стр. 77.

[2]) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 440.

и въ южно-русскомъ хронографѣ [1]), въ нашемъ же текстѣ, на эпитетъ *поморскій:* «былъ въ Еллинѣхъ царь Поморскій именемъ Придешъ».

Парисъ отпрашивается у отца пойти «на дворбѫ», «на слоужбѫ» (Micl. Н.Соф.) къ Менелаю, которому говоритъ, что пришелъ къ нему не изъ-за золота и серебра, «нѫ да видѧ, коа ѥсть чьсть на твоемъ дворѣ или коа довольна чьсти двора царьства ти» (Micl. Н.Соф.; Pril.: «ко е почтен'е в' твоем' дворѣ и ка двор'щина»). Эта честь при дворѣ, дворщина, «дворность» бѣлорусскаго Тристана, отвѣчаетъ дословно и содержательно франц. courtoisie, нт. cortesia, какъ названіе троянскихъ и греческихъ женъ — госпожами, добрыми госпожами, выражаетъ, быть можетъ, понятіе, стоявшее уже въ оригиналѣ: dames, belles dames. Я не предрѣшаю этимъ лингвистическаго характера подлинника, но указываю на его общественное міросозерцаніе. Въ стилѣ этого міросозерцанія и слѣдующее объясненіе Париса, съ мотивами изъ Овидія, столь популярнаго въ средневѣковой любовной казуистикѣ: Менелай, Парисъ и Елена за столомъ, пьютъ «чрьвлена вина тригльна [2]) изъ единѫ чашѫ» (Micl., Н.Соф. Сл. Ov. Her. XVI, 79 слѣд.); Парисъ пишетъ червленымъ виномъ на бѣломъ убрусѣ: «Елено царице, люби мѧ, да тѧ любѧ» (Ov. ib. 87 слѣд.: Orbe quoque in mensae legi sub nomine nostro, Quod deducta mero litera fecit Amo) [3]); Елена понимаетъ это, Менелай нѣтъ, ибо не «оумѣаше книгѫ» (Micl. Н.Соф.).

Менелай хвалится въ письмѣ къ Агамемнону новымъ дружинникомъ; тотъ отвѣчаетъ: «блюди сѧ того, да не придетъ чюждее добро (?) и вьзметъ нашѫ чьсть, и бѫдетъ томоу велика

---

[1]) А. Поповъ, l. c. II, стр. 286.

[2]) «тригльна» загадочно; едва-ли это эпитетъ вина; можетъ быть, искаженіе: in triclinio?

[3]) Сл. Konrad v. 20770:

«Amô» daz wort er dicke schreip
mit wîne lûter unde frisch
für die vil clâren ûf den tisch.

чьсть, а нама велика срамота» (Micl. Н.Соф.). Менелай жалуется, что его честь не дорога брату. — Всего этого нѣтъ въ Pril.; причина опущенія могла быть чисто внѣшняя: предыдущій абзацъ кончался писаніемъ Париса на убрусѣ, слѣдующій повторялъ: «и на всѣкь дьнь писааше Алеѯандръ чрьвенѣмь виномь на бѣломъ оуброусѣ, а Елена царица мльчаше». — Однажды, призвавъ его къ себѣ, она велитъ ему оставить свою навязчивость, какъ-бы не замѣтилъ того Менелай, который «хощетъ та оуморити злѣ» (Ov. Her. XVI 83: Et saepe extimui, ne vir meus illa videret). Онъ отвѣчаетъ: «ѡ господже моа Елено, да вѣси, о моей слоужбѣ нѣсть инъ оброкъ, нѫ ми еси ты оброкъ. (Ov. Her. XV, 19 Praemia magna quidem, sed non indebita posco; XVI, 132: praemia summa tibi; 135: Ergo ego sum virtus, ego sum tibi nobile regnum?) Азъ нѣсмь пришелъ, да слоужѫ на златѣ или бисрѣ, зане троискаа полата едина вѧще имать злата и сребра нежели гръчьскаа дръжава (Ov. Her. XV, 185 sq: Et quotiens dices: Quam pauper Achaïa nostra est! Una domus quaevis urbis habebit opes), и егы бы видѣла троискыѧ витезы, не би рекла, витези сѫть, нѫ господини и властеле (ib. v. 193—4). Да, господже моа Елено, готовъ есмъ прияти мѫкы, нежели длъго мѫчимъ бѫдѫ по твоей лѣпотѣ. И рече ему Елена царица: Ѡ Алеѯандре, не оставлѣмъ тебе въ кривинѣ, нѫ есть подобно рещи таковомоу витезоу, кои видитъ селикѫ лѣпотѫ и любитъ» (Micl. Н.Соф.; въ Pril.: за-ч' ки годѣ би витез' видѣл' сику лѣпоту, достойно му е тако говорити). Сл. Her. XVI 35 слѣд.

Между тѣмъ Менелай отправляется въ походъ противъ отторгнувшихся отъ него областей; Парисъ не идетъ съ нимъ, сказываясь больнымъ. Названіе области: роусагъ каакипскыи Micl., Н.Соф.; Пып. каякимскіи, каакепмъскіи. Далѣе у Micl. Н.Соф. говорится, что Менелай отправился въ «палагійскыѫ роусагы»; въ Pril. въ первомъ случаѣ: «се отврже пажиски град' и урсаг' пклански», во второмъ: «на Багаржию». Ягичъ читаетъ вм. пажиски = пагажиски, вм. Багаржия = Пагажия, что подтверждается дальнѣйшимъ упоминаніямъ этого имени.

Пагажиа, у Micl. далѣе, страна, гдѣ царствуетъ Полимнесторъ (Пып. всей Погажи). Если исправленіе вѣрно, то палагійскіе роусаги стоятъ вм. пагажійскихъ; но слѣдуетъ замѣтить, что «палагїйстїи» витязи не разъ являются въ текстѣ Micl. (въ Pril. нѣтъ), можетъ быть, вм. пелагонійскіе; послѣдніе встрѣчаются въ греко-сербской Александріи [1]); или пеласгійскіе? (сл. у Овидія и Pind. Thebanus: Pelasgi = греки). Что до Пагажіи Полимнестора, которую я старался объяснить въ связи съ «пажадскимъ» господствомъ сербской Александріи [2]), то въ Pril. ей отвѣчаетъ «траційскій» отокъ. Пагажія, Багаржія — быть можетъ — Прагажія вм. Ѳракіи? (Сл. Пебухъ и Тебухъ = Фебъ; Телеспонъ и Фелеспонъ). — Каакійскіе отоки надо будетъ объяснить совмѣстно съ Пагажіей, очевидно лежащей въ томъ-же направленіи похода. Миклошичъ толкуетъ каакпскъ = achaicus; Greif (l. c. стр. 270) цитуетъ Ov. Her. XV, 299—300:

> Non habuit tempus, quo *Crcsia* regna videret
> Aptius.

Однажды, когда Елена вышла съ греческими «госпожами» «хоро играти» (Micl. Н.Соф., Pril.: играху тан'ца), Парисъ велитъ своимъ отрокамъ (Micl.; Pril. юнаком') привезти ему «бръзѫа катръгѫ» (Micl., Н.Соф.; Ovid. Her. XV, 330: Jam facient celeres remus et aura vias) и показать ему его «знаменіе». Когда подняли на копьѣ его золотой шлемъ, Парисъ взялъ «Еленѫ царицѫ подъ пазоухѫ своѫ» (Micl. Н.Соф.) и увлекъ ее на корабль. — Въ Троѣ никто не вышелъ ему на встрѣчу, кромѣ Пріама и Гекубы.

Для слѣдующаго отдѣла (§ 5 Micl.) авторъ слѣдовалъ, по мнѣнію Грейфа (стр. 271), XIII-й книгѣ Овидіевыхъ Метаморфозъ. Хитрость Улисса и уловка Паламеда упоминается въ Met. XIII, 36 слѣд., переодѣтый Ахиллъ тамъ-же v. 162 слѣд., умилостивленіе Діаны Met. XII, 8 слѣд.; для другихъ подроб-

---

[1]) Сл. мое изслѣдованіе: Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 169, 203.
[2]) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 80.

ностей допускается пользованіе схоліями, если не комментаріями Сервія къ Aen. II, 81 и II, 116.

Услышавъ о похищеніи жены Менелай возвращается «съ (ркп. Micl. Н.Соф. въ) каакїискыѫ дръжавы», Pril.: с Пагажие. Къ нему собираются: Агамено[нъ] царь (Micl., Н.Соф.; Pril. нѣтъ), Аѩкшь Шоломоничевь сынъ (Micl., Н.Соф.: Соломонкевъ; Pril. Аѣкш' Телемониц'), Паламидешь, Придичевъ сынъ (Micl.; Н.Соф. Придекевъ; Пып.: Паламидъ, Придековъ сынъ; въ Pril. здѣсь не упомянутъ). Былъ тамъ одинъ мудрый человѣкъ «Оурекшешь именемъ, Лартѣшевичъ сынъ» (Micl., Н.Соф.; Pril. Урикшеш'), который, не желая причаститься къ войнѣ, «створи сѧ бѣсенъ и пача пѣськъ орати а соль сѣати» (Micl. Н.Соф.). «Паламидежпо» (Micl. Н.Соф.; Pril. Палимидѣж) угадалъ его уловку и улича̀етъ его: цари посылаютъ его и «Аѩкша Соломонича» (Micl.; Н.Соф. Соломоника; Pril. Телемонища) къ Улиссу, Паламидежъ бросаетъ передъ его плугъ его малолѣтняго сына, Улиссъ, не рѣшаясь его переѣхать, останавливаетъ воловъ, и Аяксъ ведетъ его къ царямъ [1]). Что и «Ацилешь»,

---

[1]) За разсказомъ о приводѣ Улисса слѣдуетъ въ текстѣ Пыпина (l. c. стр. 310) вставка такого содержанія: «Бяху же и инии мнози, пріидоша ко царемъ на помощь ото многъ острова, и отъ суша, и отъ воскраи сущихъ моря, отъ Аѳинъ, и тоземцы, и отъ Ѳеталья и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесѳеесъ отъ Аѳинъ (ex Athenis Menestheus, Dictys I, 14), Несторъ от Пилодисевес (e Pylo?), отъ Саламина Ея (вѣроятно: Еякшъ), Идоменевесъ отъ Крита (Idomeneus, Dictys I, 13), Тлиполемъ же отъ Рода (Tlepolemus ib. I, 14; сл. Dares c. XIV), вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровеи, мужи храбріи; евеіянинъ же Ахиллеи сіяше паче всѣхъ человѣкъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егожь и героя нарицахоу: сего поставиша цари рати началника. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей исходятъ убо отъ отечества; посланъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ друзіи, и на островы нападоша, и поплѣниша сушу, и тщахуся напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ киняше и хотяще отмстити обиду Елены ради. Видѣвше же Трояне толику рать, собравше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони, и Ѳруги, придруживъ же весь Асійскій языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство; въ Троадѣ же устроя вяще 50000 мужей, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчахуся на брань, да яко же искусиша Ахиллеево стремленіе и храбрость, сѣдяху при стѣнахъ заключившеся». Что мы имѣемъ здѣсь

«Ферелешевъ сынъ», также укрывался отъ рати, одѣвшись въ женское платье и ходя съ «госпождами по градѣхъ», говоритъ здѣсь только Micl. Н.Соф.

Направляясь подъ Трою греческое войско пристаетъ къ отоку «Абакоумъ» (Micl. Н.Соф.; Pril.: Авлида Ем'бронкь = Euboica), гдѣ «витязи Агамена» убиваютъ кошуту Фелеши-Велеши (Micl. Н.Соф. Сл. выше стр. 33—35 и 55). Она поднимаетъ бурю, и корабли не могутъ тронуться. Спрошенный Менелаемъ «попъ Калкашъ» говоритъ, что буря уймется лишь тогда, когда Фелешѣ отдадутъ дочь Агамемнона (Pril. для жертвы богинѣ: «докле не.... убнемо ю»), Цвѣтану (Micl. Н.Соф. Пып.; Pril. Цвенуажию). Услышавъ о томъ Агамемнонъ разгнѣвался, но Улиссъ (въ Pril. лишнее: урь трациски) его уговариваетъ. У Micl. его рѣчь подробнѣе, чѣмъ въ Pril., гдѣ нѣтъ этническихъ именъ: отдай дочь за ту кошуту, «понеже си пошелъ съ братомъ своимъ, да найдешь чьсть, а срамотѫ да оставишь, и коп сѧ двигнѫле гръцкыѫ воеводы и саракинстїи оурове и каакїистїи и палагїистїи и рагоуплъстїи витези, да спе себе сѫтъ наишле съмрѣть, а тебѣ срамотѫ, и напшло сѧ е много госпождь вь вдовичьство». Съ согласія Агамемнона Улиссъ отправляется къ его женѣ, Клѧтомещрици (Micl. Н.Соф.; Pril. Клитемеша), которой говоритъ, что греки замирились съ троянцами, Елена возвращена, а Цвѣтану хотятъ выдать за Еленоуша (Micl. Н.Соф.; Pril. Пебуша = Деифоба?), Пріамова сына. Царица отпускаетъ дочь, и буря улеглась; въ ту-же почь (Pril.: и в кп ю дан' хотѣху убити, ту нощ') богиня явилась Агамемнону, говоритъ, чтобы онъ не бозпокоился о дочери, къ которой обѣщаетъ быть милостивой. Её оставили на островѣ, опоивъ виномъ. — Греческіе корабли тронулись, пристаютъ съ «сигпискѣм' брѣгом'» (только въ Pril.; Ovid.: Sigeia... litora), а войско идетъ на Трою.

дѣло съ вставкой, тому свидѣтельствомъ не только форма имени: Ахиллей (Ацилешъ древняго текста), но и неумѣстность эпизода, переносящаго насъ подъ стѣны Трои, когда слѣдующій за тѣмъ разсказъ возвращаетъ насъ къ Велешѣ = Діанѣ, возбудившей волненіе противъ греческихъ кораблей, направлявшихся къ Троѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Micl. и Pril. нѣсколько разъ расходятся. Отличіе есть и въ перестановкѣ эпизодовъ, и въ приставкѣ и выпаденіи иныхъ, причемъ иногда трудно рѣшить съ какимъ изъ двухъ явленій мы имѣемъ дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такое затрудненіе представляется тотчасъ-же.

Micl. Н.Соф. открывается битвой: со стороны грековъ Иапакша Шоломоничевь и Урекшеша Лартешевъ сынъ, противъ нихъ Екторъ, Анципешъ (Anchises), Етеноръ (Антеноръ) и Е[ле]ношъ (Helenus?). Гекторъ одною «стрѣлою гобилотою» топитъ три греческихъ корабля, а Аяксъ «щитомъ зорѣнымъ»[1]) защищаетъ корабли «отъ живого огнѣ Иекторова» (сл. Ov. Met. XIII, 7 слѣд.; Pindarus Thebanus XV, 797 слѣд.)[2]). Слѣдуетъ

---

[1]) Сл. червленые щиты въ Слову о Полку Игоревѣ.

[2]) У Пып., l. c. стр. 311—12, послѣ эпизода съ Цвѣтаной-Ифигеніей, разсказъ о боѣ подъ Троей начинается такимъ-же образомъ: «Изыде противу имъ (т. е. противъ грековъ) Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и иніи мнозіи боляре, и нача стрѣляти Екторъ стрѣлою со огнемъ, и единѣмъ пущеніемъ погружаше три корабля греческія, и Аякшъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова». Затѣмъ слѣдуетъ такой разсказъ: Менелай идетъ въ Трою, проситъ отдать Елену; еслибы не Пріамъ, убилъ-бы его Парисъ. — Гекторъ поражаетъ множество греческихъ воиновъ, «и бояшеся гласа Ахиллеева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору царю, и состастася и ястася за руки и не хотѣста ся бити въ той день». — Греки берутъ въ плѣнъ дочь «Рижеуша попа»; богъ Тебугъ насылаетъ недугъ на греческое войско. «Потомъ же трояны дерзостны сотвори Паламидова смерть, притупи Ахиллеево стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань: Диспеесъ нисіотенинъ (Ὀδυσσεὺς ὁ νησιώτης?) храняше ненависть на Паламида и оболга его къ царемъ, яко трояномъ хощетъ добра, и побиша Паламида каменіемъ (у Диктиса II, 15 Діомидъ и Улиссъ заманили его въ колодезь, гдѣ будто-бы находился кладъ, и сверху убиваютъ его камнями. Сл. Ov. Metam. XIII, 56 и Serv. Comm. ad Verg. Aen. II, 81). О горе, какова творити зависти! Онъ же ничесоже рекъ, точію глаголъ сей: О убогая истина, тебе плачю, ты бо первѣе мене погибе—и тако умре. Ахиллеи же тяжцѣ проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ, и составляетъ на Еллины брань крѣпкоратную, и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убіенъ бысть Патрокліе, егоже любляше зѣло Ахиллеи, отъ руку крѣпкую Екторову, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллеи на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ

единоборство Еленуша, Пріамова сына, съ Тивоурцеромъ (иначе: Micl. Тивоуцеръ, Тивоучеръ, Н.Соф. Тиурцеръ=Teucer), Дичевымъ сыномъ (иначе: Micl. Дицеоушевъ сынъ, Н.Соф. Дицевъ), который падаетъ съ коня, «кои сѧ зовѣше рогафарижь, и лежаше вь тропскомъ прасѣ *поблѣднвъ отъ съмрѣтнаго страха*». (Micl. Н.Соф.) Улиссъ не осмѣливается помочь ему, помогаетъ Аяксъ. «И по томъ изыдошѫ грѣчьстїи витези и воеводы подъ Трои и поставишѫ чрѣвены заставы и бѣлыѫ тенты и сташѫ под Трожѫ» (ib.). Страннымъ остается названіе Тивуцера — Дицеушевымъ сыномъ, когда его братъ Аяксъ — Теламоничъ. Вѣроятно смѣшеніе его съ Діомедомъ, сыномъ Tydeus'a: *Дицеоуша, *Дѣтеоуша.

Вмѣсто всего этого въ Pril.: «И изидѣ изъ Трое Троплуш' Припѣмушевищ' а из грчке воиске Тѣржижев' витѣз' и удриста се сулицема». Троплъ у Micl. не названъ; въ Pril. онъ является еще разъ въ эпизодѣ, котораго нѣтъ у Micl. и на мѣсто котораго въ послѣдовательности Pril. мы укажемъ далѣе. Въ этомъ эпизодѣ снова назвалъ и Те[р]житеш' = Thersites. — Вотъ содержаніе разсказа: Юпитеръ не желаетъ, чтобы Троя была разрушена и, явившись Агамемнону во снѣ, велитъ ему отступить. Агамемнонъ бѣжитъ со своими, но Улиссъ ихъ останавливаетъ, ворочаетъ назадъ, «и тече на Те[р]житеша зас'ставника и удри га

полки и побиваетъ первоборца. И паки призываетъ Пріамъ на помощь Амазоніи (Сл. о царицѣ Амазонокъ, Пентизилеѣ, у Диктиса III 15, 16; IV, 2, 3) и паки брань крѣпка, умираютъ мнози и отъ всѣхъ убо пустъ бысть Пріямъ; и умоли Тантія (вар. Тавтанія; Dictys IV, 4: Tithonus), индѣйскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинство. Индіяне же вси чернообразни, ихъ же видѣвше гречестіи вои во странныхъ зрацѣхъ и убояшася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрашишася, ихъ же Индія кормитъ. Нощію бѣжати мысляху и оставити Трои, но обаче ополчишася къ чернообразнымъ и индѣйскими кровми очервишася, Нивія и Скомандровы струя обращахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинстіи, еже есть Гречестіи, и Тройское множество вой воедино смѣшахуся, и никому же содѣяти ничесоже и никтоже смѣяше, праздника ради». (Сл. Dictys IV, 10: Solemne Thymbraei Apollinis incessit et requies bellandi per indutias interposita?) Слѣдуетъ сонъ Еутропіи = Андромахи и бой Гектора съ Ахилломъ.

по главѣ». Разсказъ этотъ напоминающій Иліаду (пѣснь II и IX), Метаморфозы Овидія XIII, 216 слѣд., и Pindarus Thebanus v. 110 слѣд., продолжается другимъ: Тро[лу]ш Приѣмушевищ' свалилъ съ коня Конштраневтора (=Нестора), который напрасно зоветъ на помощь Улисса; отбилъ его «Палимидеж' Дѣтеошевищ'», т. е. вѣроятно Діомедъ, сынъ Тидея, Tydides; Гекторъ сбилъ съ коня Улисса, который лежитъ, «*проблѣдѣв' с вьликим' страхом'*» (сл. выше Micl. въ эпизодѣ о Тивуцерѣ); Аяксъ покрываетъ его щитомъ, а Улиссъ бѣжитъ, оставляя его въ сѣчѣ. Сл. Ovid. Metam. XIII, 63 слѣд. (гдѣ, впрочемъ, нѣтъ Тропла):

Qui (sc. Ulixes) licet eloquio fidum quoque Nestora vincat,
Haud tamen efficiet, desertum ut Nestora crimen
Esse rear nullum: qui cum imploraret Ulixen
Vulnere tardus equi fessusque senilibus annis,
Proditus a socio est. non haec mihi crimina fingi
Scit bene Tydides, qui nomine saepe vocatum
Corripuit, trepidoque fugam exprobravit amico.
Aspiciunt oculis superi mortalia iustis:
En eget auxilio, qui non tulit; utque reliquit,
Sic linquendus erat: legem sibi dixerat ipse.
Conclamat socies, adsum, videoque trementem
Pallentemque metu et trepidantem morte futura.
Opposui molem clipei texique iacentem.

Вернемся къ послѣдовательности Micl.: послѣ битвы Тропла съ Терзитомъ Pril. снова сходится съ нимъ; вѣроятно, подъ вліяніемъ упоминанія Тропла въ предыдущемъ эпизодѣ онъ введенъ въ Pril. въ посольство Улисса и Менелая въ Трою за Еленой[1]). Оно разсказано кратко: Пріамъ хочетъ отдать Елену, но вступаются Парисъ, «Анцижеш' и Антинорь и Онеш'» и чуть не убили пословъ, которые и разсказываютъ о томъ въ греческомъ станѣ.—У Micl. Н.Соф., гдѣ въ посольствѣ участвуютъ Менелай и Улиссъ, не названы ни Анхизъ, ни Антеноръ, ни загадочный «*Онеш*», появле-

[1]) Сл. Dictys II, 20 слѣд.: Ulixes, Diomedes и Menelaus идутъ послами.

ніе котораго текстъ Micl. позволитъ объяснить[1]). Послѣ того, какъ Пріамъ защитилъ пословъ отъ угрозъ Париса (Ov. Met. XIII, 202—203: At Paris êt fratres... vix tenuere manus), къ послѣднему является Энона, «*Аонеша*» Micl., Аѡинуша, Ѡинешь Н.Соф. и упрекаетъ его: «ѡ Алеѯандре, помѣни този, егда азь течахъ своима босама ногама по морскомоу остромоу пѣскоу без покрывала оус твоего плавогривѣстого прусца, и рѣхъ ти: Алеѯандре Фарижоу, нинѣ ма любишь, а по томъ прїидетъ врѣма, како ма хощешь оставити. И ты са мнѣ клънѣше: Не щѫ тебе оставити, егы ли та ѡстава, тогы снази рѣка да потече вьспать (Ov. Her. V, v. 29 слѣд.). Тогы вьза Еленѫ царицѫ, а мене еси оставилъ. Да се хощешъ са еа ради велико кръвъ пролпати подъ Троѫ (сл. ib. v. 120) и мнози погыбнѫтъ. А егы ты пдѣше въ грькы на дворбѫ Менелаоу царю, тогы са азъ молѣхъ морьской вилѣ, да оуставитъ морьскыѫ вльны (ib. v. 57: Utque celer venias, virides Nereïdas oro), да ты пдеши съ веселемь сръдьцемь; а когы бихъ видѣла, пожлъ си Еленѫ царицѫ, пдешь (Н.Соф. а кьда быхъ знала ере си пожлъ Елену царицю и пдешь, то) то пакы умолпла бихъ вилѫ, та бихѫ твои короблe потонѫле». Она пдеть препираться съ Еленой, чего у Овидія нѣтъ: «помѣни, егы то ны три сѣдѣхомь въ морьскомъ отоцѣ и донде Тезишь витезъ и въза тебе из междѫ насъ (Ov. Her. V, 127 слѣд., XV, 147 слѣд.), и по томъ та е вьзалъ Менелаошь царь, а сези си вь третиа постела прѣлюбы сьтворила, а мене изгнала. Да се хощетъ са за тебе великоа кръвъ пролпати». Сл. выше (стр. 49—50) соотвѣтствующій эпизодъ въ венеціанской повѣсти о юности Париса.

Когда послы вернулись въ греческій станъ, цари допрашиваютъ «попа Калкаша», какъ имъ взять Трою. Онъ отвѣчаетъ:

---

[1]) Или Онешъ — Еней? У Сервія Антеноръ, *Эней* и Helenus *совѣтуютъ* отдать Елену; противорѣчитъ Гекторъ, Парисъ грозится убить Менелая и Улисса, которыхъ спасаетъ Антеноръ (in Virg. Aen. I, 99, 242). Dictys II, 23, 24 говоритъ въ эпизодѣ о посольствѣ, что сторону Париса держалъ лишь Антимахъ = не Антеноръ ли нашего текста?

«пръвое трѣбѣ довести Ацилееша Ферлешева[1]) сына (Micl., Н.Соф.; Pril.: Пѣлеушевища), и дроугое трѣбѣ привести Пилоташа Петичева сына [с] стрѣлою габилотоѫ». Послѣдняго Pril. упоминаютъ далѣе, а къ требованію привести Ахилла присоединяютъ еще слѣдующее: «4 бѣле коне Ржуша (Rhesus) крала, кн се могу напоити на рѣцѣ Шиморишевѣ, кн су бързи како вѣтр', и кнп' Палѣше госпое и пепел' Лавмѣдона вѣлнкога и Еленоуша Прнѣмушевища». Micl. Н.Соф. продолжаетъ: «до колѣ стоитъ Дѣло[нъ] на стражѣ на высокомъ кастели (Pril. на високом' турни Дѣлон' вахтарь) и образь Минѣрве госпождѫ (сл. Pril. выше: кнп' Палѣше госпое) и до колѣ стоитъ камень велнкы надъ вратьı» (Pril. на ком' е писано како нпм' Троѣ стои)— Троя не будетъ взята; Pril. прибавляетъ еще: «докле не придѣ Пилоташ' Пеан'цижищ' (Philoctetes Poeantides) [с'] стрѣлом' и габилот, ка морета едпем' каменем' 3 турне расснпати». Сл. Ov. Met. XIII, 162 слѣд., 313 слѣд.; Serv. ad. Virg. Aen. II, 13, 241 (novimus integro sepulcro Laomedontis, quod super portam Scaeam fuerat, tuta fuisse fata Trojana); Сл. ib. III, 351 (то-же); II 166 (Helenus.... captus a Graecis est et indicavit coactus fata Troiana in quibus etiam de Palladio; сл. Dictys IV, 18); III 402 (о Филоктетѣ).

Улиссъ исполняетъ тотчасъ-же нѣкоторыя изъ этихъ условій. Micl. упоминаетъ только его передѣлку съ Делономъ и Рендешемь (Rhesus) и похищеніе образа Минервы. Pril. подробнѣе: Улиссъ «врже рѣмѣн'не лѣствицѣ ва високи туран' и влѣзѣ в Трою и украдѣ Елѣнуша у високом' турнѣ и кнп' Палѣше госпое и пепел' Лавмедона вѣлнкога, и искаше Дѣлона вах'тара и напде га стрѣгущ' стражу, и ѣм' га извѣдѣ от нега всѹ тапну трописку и уби га туд'е. И още идѣ на Ружуша крала и поби га и дружину его. И ту нощ' уби Дѣлона вахтора, Шарпѣдона, Цера-

[1]) Сл. Ферлешь вм. Фелешь, Пелешь не только въ нашемъ текстѣ, но и въ сербской Александріи по спискамъ хронографа 1-й редакціи, въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои: «оружіе Ахиллово, сына Өилиреша царя». Сл. А. Поповъ, Хроногр., вып. I, стр. 120.

нона, Пиедона, Алѣктора, Кронуша, Акшандруша, Паркануша, Каропѣна пророка ки части своему господину не откладаше. И в' ту нощ' уби много част'них витѣзи и вазам' .4. бѣлѣ кони Рижуша крала (сл. Pind. Thebanus X 733 слѣд.: multo candore nitentes— Thracas equos rapiunt; у Micl.: бѣлого Фарижа), и придѣ въ грчки стан' с великим почтеннем'». Сл. для всего этого эпизода Ovid. Met. XIII, 255 слѣд.: разсказавъ объ убіеніи Реза и его дружины и похищеніи коней, Улиссъ продолжаетъ:

255 Quid Lycii referam Sarpedonis agmina ferro
Devastata meo? cum multo sanguine fudi
Coeranon Iphitiden et Alastoraque Chromiumque
Alcandrumque Haliumque Noëmonaque Prytaninque,
Exitioque dedi cum Chersidamante Thoona
Et Charopem, fatisque inmitibus Ennomon actum.

(fatis = части?).

Изъ эпизода объ исканіи Ахилла, найденнаго извѣстной уловкой Улисса, приведемъ лишь нѣкоторыя черты. За нимъ посылаютъ Аякса, но онъ не угадалъ среди дочерей царя Коеты (Micl. Н.Соф.; Pril.: Уѣтѣ крала, Уету кралю) на Калкадиновомъ отокѣ (Micl. Н.Соф.; Pril. Колков'; Миклошичъ толкуетъ: Καλχηδὼν, Χαλκηδὼν) переодѣтаго юношу (сл. Ov. Met. XIII, 163 и слѣд.: decepcrat omnes — In quibus Aiacem), котораго Улиссъ прельщаетъ бѣлымъ фарижемъ (Micl., Н.Соф.: Рендеша кралѣ), оружіемъ и щитомъ, «на коемъ бѣ писано образъ пространного свѣта, слъньце и мѣсацъ и звѣзды и боурѣ и лакомыи мечь Ореша кралѣ, кои вьсегда желаше тропскыѫ кръве». Грейфъ (стр. 273) сравниваетъ Ov. Met. XIII, 291 и слѣд.:

neque enim clipei caelamina norit,
Oceanum et terras cumque alta sidera caelo,
Pleïadasque, Hyadasque, immunemque aequoris Arcton,
Diversasque urbes, nitidumque Orionis ensem.

Ахиллъ смотритъ на коня, какъ соколъ на птицу, хвалитъ оружіе и щитъ, а Улиссъ говоритъ ему: «*о божина дѣвице*

(Micl.; Н.Соф. божіе дѣвице; Pril. бож'ѣ хщи), не оустрашап сѧ ѡтъ Трож, ожидаетъ тебе Троа на разореніе». Сл. Ov. Met. XIII, 168 и слѣд.: *Nate dea*, dixi, tibi se peritura reservant — Pergama. quid dubitas ingentem evertere Troiam?

Улиссъ уводитъ съ собою Ахилла; на пути въ Трою, они пристаютъ къ «придежьскимъ» отокамъ, гдѣ были витязи Гектора, съ ними «соуличникъ Фелеспонъ» (далѣе Телеспонъ, Фелепонъ). Ахиллъ убиваетъ его, «Жеребона витеза и Скадриона (Н.Соф. Скандріона) и нечьстиваго Иермона», а дочь Фелеспона, Брижеиду (Briseïs), «коа бѣше наилѣпа въ тропскахъ странахъ», ведетъ съ собою въ Трою. Когда они прибыли, развеселилпсь оба царя и вельможи, «и вси оурове гръцтіи и срацинъстіи и каакіистіи и рагоуплъстіи витези. И творѣше брань Иекторъ краль и поражааше множьство гръчьскыихъ витезь на всѣкъ дьнь, и многыѫ вельмѫже погоублѣаше, и боаше сѧ гласа Ацплешова» (Micl. Н.Соф.).

Въ Pril. редакція этого эпизода нѣсколько другая: Ахиллъ убиваетъ «Телепона» и беретъ его городъ, не сказано гдѣ и ничего о томъ, что онъ витязь Гектора: «И пришадша на *перлешки* отокь и пр'еста градъ Желбона витеза и убиста га и .4. спнове его. И взе Ацелиш' Брижеиду госпу хщер' Желбопю и веде ю подъ Трою в хотнич'ство сѣбѣ. И взеста .6. гради, идуща до Трое, и придоста, пще не бѣхоу ни една врата тропска отворена на рваню. И ондѣ Урикшеш' прво вечере утверди стражами оброве и ѣздѣ околу их' говораше витезем': Оружите се, и прошаше: О грчка господо, примѣте муку рване веселим' срцем', не бопте се Екторове силе».

Грейфъ (стр. 273) видитъ въ этомъ эпизодѣ слѣды неправильнаго пониманія авторомъ Ov. Metam. XIII, 171 слѣд.:

Ego *Telephon* hasta
Pugnantem domui.....
Quod Thebae cecidere, meum est. me credite *Lesbon*,
Me *Tenedon*, *Chrysenque* et Cillan, Apollinis urbes,
Et *Scyrum* cepisse.

Telephon = Телепонъ, Фелеспонъ; далѣе названія городовъ (въ косвенныхъ падежахъ), будто-бы поняты, какъ личныя: Lesbon = Жеребонъ, Tenedon = Скадріонъ (!), Scyron = Иермонъ (!), Chrysen = Брижеида. Подобнаго рода ошибки возможны, но здѣсь искаженіе предполагается на столько сильное, что предположеніе тождества является сомнительнымъ. Замѣтимъ относительно Chryse = Брижеида, что мы ожидали-бы, въ соотвѣтствіи съ латинской формой имени, Рижеиду, которую тотчасъ и встрѣтимъ. *Нерлешскіе* отоки Pril. объяснятъ кое-что въ этомъ эпизодѣ: по классическому преданію Ахиллъ осадилъ городъ *Lirnessa* и, убивъ Минета, женился на женѣ его Бризеидѣ. Сл. также Dictys II, 17: Ceterum Achilles, haud contentus eorum, quae gesserat, Cilicas aggrediter, ibique *Lyrnesum* paucis diebus pugnando cepit. interfecto dein Eetione, qui his locis imperitabat, magnis opibus naves replet, abducens Astynomen, Chrysi filiam, quae eo tempore regi denupta erat. propere inde Pedarum expugnare occepit, *Lelegum* urbem, sed eorum rex *Brises* ubi animadvertit in obsidendo saevire nostros, ratus nulla vi prohiberi hostes aut suos satis defendi posse, desperatione effugii salutisque attentis ceteris adversum hostes domum regressus laqueo interiit. neque multo post capta civitas atque interfecti multi mortales et abducta filia regis Hippodamia. — Hippodamia — Бризеида Дарета, Brises отвѣчаетъ Желбону, въ имени котораго отразилось, быть можетъ, — *Lelegum* (конъектура издателя вм. Legeorum) urbem?

Pril. продолжаютъ разсказъ спеціально принадлежащимъ этому тексту эпизодомъ: о снѣ Агамемнона, его попыткѣ бѣгства и т. д., о которомъ сказано выше (стр. 77—78); Micl. Н.Соф.— встрѣчей Гектора и Ахилла, которые расходятся, поцѣловавшись и не желая биться (въ Pril. нѣтъ). Дальнѣйшее содержаніе Micl. Н.Соф. располагается по слѣдующимъ главнымъ эпизодамъ: 1) Рижеида (Chryseis); 2) Гекторъ и Аяксъ; 3) Парисъ и Менелай; Pril. представляетъ ихъ въ обратномъ порядкѣ; мы соблюдаемъ послѣдовательность Micl.

Греки берутъ въ плѣнъ Рижеудѫ (Micl. Н.Соф.; Pril. Крижейду: Chryseis), дочь попа «Рижеоуша» (Micl.; Pril. Крижеуш'), служителя «Тебоуха» (Micl. Н.Соф.; Pril. Пебуша); «и видѣвъ ѫ Агаменъ царь лѣпѫ и краснѫ велми, и вьзѧ ѧ себе». Разгнѣванный богъ насылаетъ на греческое войско великій недугъ. «Калкашь» говоритъ, что недугъ не прекратится, пока Хризеида не будетъ возвращена (Pind. Theb. 55 слѣд.), что̀ Ахиллъ и дѣлаетъ (Micl. Н.Соф.; въ Pril. Агамемнонъ), а Агамемнонъ, разсердившись на это, отнимаетъ у него «женѫ» (Micl. Н.Соф.; Pril. хот'нпцу, т. е. Брпзеиду). Ахиллъ обпженъ и не хочетъ болѣе идти на брань (Pril. прибавляетъ: «и сѣдѣше у шаторѣ своем' и гудѣше в гусли»); къ нему посылаютъ Улисса (Micl. Н.Соф.: и Тивоучера), «Брѣжендѫ» (Micl. Н.Соф.; Pril. Брижида, Брижюида; сл. Ov. Her. III, 85 и слѣд.), но все напрасно.

Слѣдуетъ бой Гектора съ Аяксомъ; у Аякса камень «коего не могѫтъ два витеза двигнѫти» (Micl. Н.Соф.; Pril.: 14 юнаки); Pril. прибавляютъ о Гекторѣ, что онъ носитъ съ собою «живе огне и образ' Юпитѣра бога, молаше на то како бы могал' пролиѣти крв' грчке воиске и них лад'е умчати». Гекторъ, сброшенный ударомъ Аякса (Pind. Theb. 602 слѣд.), говоритъ: «нѣсть съи оударъ ѡтъ грьцкыихь оударъ, нѫ есть прижпискыхъ кръвїи». Когда Аяксъ назвалъ себя, онъ повторяетъ: «нѣси ты ѡтъ грьчьскыхъ витезь, нѫ си ты ѡтъ прижпискыѫ кръви, а Ежеона (Hesione) госпожда мнѣ есть сестра» (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. Аяксъ ограничивается замѣчаніемъ: «пето ест' мати моѣ пс Трое». Гекторъ даетъ Аяксу свой золотой поясъ (только въ Pril.), Аяксъ ему свой золотой мечъ (у Pind. Theb. 630 слѣд.: Гекторъ даритъ Аяксу золотой мечъ; Аяксъ Гектору поясъ. Сл. Trójumannasaga стр. 60 и прим. 1: ркп. В), чтобы, встрѣтившись въ битвѣ, распознать и не убить другъ друга. Къ этому Pril. прибавляетъ: «От' туд' попесе Аѣкш' .ч. ран' у своем' щите, и ту поби охолога Шарпедонуша и застав' тропску, и учини .1000. корабл' от' живѣх' огнев' и от'пуди силпе застави

отъ корабалъ грчкѣхъ». О смерти Сарпедона отъ руки Улисса говоритъ выше (стр. 80) тотъ-же текстъ.

Гекторъ побуждаетъ Париса пойти на бой (въ Pril. нѣтъ), онъ сраженъ Менелаемъ, но Венера спасаетъ его, наведя мглу (Pind. Theb. 308). Елена встрѣчаетъ его словами: «Вѣдѣ говорѣх ти, противѫ не исходи Менелаоушоу царю, зане бо е похраберъ ѿтъ тебе (Pind. Theb. 327 слѣд.), а ты еси почьтенъ господинь и подобръ игрецъ играти и веселити сѧ съ госпоўдами (Сл. Ovid. Her. XVI, 253 слѣд.: Apta magis veneri, quam sunt tua corpora marti; Bella gerant fortes; tu, Pari, semper ama), видѣхъ бо, ѩко твои жльтїи власи лежахѫ вь троискѡмь прасѣ» (Micl. Н.Соф.; сл. Pind. Theb. 323).

«Потриколушь допчикъ, кои бѣше съ нимъ (т. е. Ахилломъ) едино млѣко салъ» (Micl.; Н.Соф. Потриколшь; Pril. Протоколош допчищ; Пып. Патроклїе; сл. Trójumannasaga l. c. стр. 44, 60: fóstbróðir hans), проситъ Ахилла дать ему его оружіе и знаменіе, чтобы пойти противъ Гектора. «И оубоа сѧ и еговъ фарижъ, и нача бѣжати, и пакы вративъ сѧ рече: Нѣсть ми срамота ѿтъ добра витеза оумрѣти» (Micl. Н.Соф.). Гекторъ убиваетъ его (сл. Pind. Theb. XVI) и привязываетъ къ хвосту коня. Въ Pril. подробнѣе: Троянцы бѣгутъ передъ знаменіемъ Ахилла, какъ овцы передъ волкомъ, Гекторъ обращается къ Патроклу: обратись ко мнѣ, я — Гекторъ краль, троянская десница, если меня побьешь, отворены тебѣ будутъ Тройскія врата. «А онъ мисли, како би побѣгалъ, да би [не] погубилъ глас Ацѣлишевъ».

Узнавъ о смерти Патрокла, Ахиллъ посылаетъ сказать Гектору (только въ Pril.): «Взнеси се, мнѣлъ си, да си мене убилъ, кан си убилъ мега драгого брата Протоколуша и взелъ си на немъ мое оружје; ти е имаш платити. Вѣшъ ка ста два дѣтища едан сасацъ саснула, еста си брата, и още еданъ другого жаловати». Онъ посылаетъ къ «матери своеи Тетиши госпожди вь Елины» съ просьбой прислать ему такое-же оружіе, какое дала ему прежде. Она идетъ въ гору къ «Вулканоушу» (Pril. = Vulcanus; Micl. Н.Соф. Калканоушу) ковачу, «под конмъ бѣ .т. малыхъ

дїаволъ»[1]); онъ изготовляетъ ей оружіе (Pind. Theb. XVIII), которое и послано Ахиллу. Въ ту ночь жена Гектора, Евтропїа (Micl. Н.Соф., далѣе: Андрофїа; Pril. Андропа; Пып. Еутропія; Trójumannasaga 62, въ варьянтахъ: Andronia) видѣла страшный сонъ: будто изъ Трои вышла «велика мечка а изъ гръчьскыѧ воискы вепрь», который и сразилъ медвѣдицу. Она говоритъ о своемъ сновидѣніи Пріаму, прося его не пускать на слѣдующій день Гектора на брань. Но его не удержать: его просятъ не ѣхать Якоупа и Андрофіа и Кащрандра и Полпкшена, жена бросаетъ передъ его коня малолѣтняго сына, заступаетъ ему путь одѣтая въ черныя ризы (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. его останавливаетъ Пріамъ, жены простираютъ «крзна своѣ» передъ его конемъ; Андропа облеклась въ «чрно рухо» и простираетъ передъ его фарижемъ «кр'зно бисер'но»; «а Ектор се обрнув' по крз'нѣ и иде на рв'аню». — У Micl. Н.Соф. Ахиллъ и Гекторъ встрѣчаются, но не бьются, отлагая бой до слѣдующаго дня; Гекторъ убиваетъ «.з. оуровъ гръчьскыхъ», а на другой день убитъ Ахилломъ, который приноситъ его тѣло въ свой станъ. Въ Pril. Гекторъ сразилъ семьсотъ человѣкъ, шесть греческихъ уровъ[2]); «и бѣше сврга' с кона Деомедежа Дѣтеушѣвпща и видѣ на нем' свѣтло оружие, писано златом', и погнув' се дераше га». Убитаго Гектора Ахиллъ привязалъ къ хвосту коня, привлекъ въ станъ и положилъ въ своемъ шатрѣ. — Слѣдуетъ разсказъ о хожденіи Пріама въ станъ Ахилла за трупомъ сына (сл. Pind. Theb.

---

[1]) Сл. сходное представленіе о «fabrica fabrorum», управляемой Вулканомъ, въ Visio Tnugdali, ed. Schade, § 11.

[2]) Сл. Пып. l. c. стр. 313: «и въ тои день уби Екторъ 7 уровъ греческихъ, еже есть седмь полковъ, и заутра изведе Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ, и наѣха Ахиллеи Ектора и, убивъ, прободе его, и паде мертвъ; и вземъ его Ахиллеи понесе на свои станъ, потомъ-же разбиваетъ и полки, и побиваетъ ратоборца. Убьенну же бывшу Ектору дерзосердому, столпу троискому, мужу тяжку и храброму, въ оружіяхъ воспитанну, язвы носящу на персѣхъ: прежь даже еллини не пришли и составили брань, сопласташеся сеи со юнцы дивіими, — видѣвше же сіе троистіи велможа и господіе, начаша жалостно плакати, и взя Пріямъ царь на себя нищая и худая ризы и гусли» и т. д. (слѣдующая далѣе сцена въ шатрѣ близка къ изложенію у Micl.).

XXIV). У Micl. Н.Соф. онъ подробнѣе, чѣмъ въ Pril.: Пріамъ одѣвается нищимъ и съ гуслями въ рукахъ идетъ по греческому войску, спрашиваетъ, гдѣ шатеръ (Micl. Н.Соф. катоунъ; Pril. шатор) Ахилла, авось онъ накормитъ его «грѣшнаго и страннаго». Передъ шатромъ онъ началъ «гѫсти въ гѫсли жалостно вельми»; его накормили и пріютили; когда всѣ уснули, онъ приникается искать тѣло сына и видитъ его лежащимъ на постели Ахилла, который слышитъ стонъ пришельца, спрашиваетъ, кто онъ (Въ Pril. Пріамъ находитъ тѣло Гектора; «и паки приде к постели Ацѣлишеве и заче гибати Ацѣлишем', глаголе: Ацѣлиш', о Ацѣлишоу господине! Рече Ацѣлиш: Гдо есп ты?»). Узнавъ его имя, онъ говоритъ: «Аще ты есп Прѣѥмоушь, то азъ ѡтъ страха твоего мрътвъ есмъ. И рече Прѣѥмоушь: не бои сѧ, господине, ѡтъ млада того нѣсмъ створилъ, да спѧща витеза погоубѧ» (сл. Serv. ad. Aen. I, 487, II, 541). — Pril. восполняютъ здѣсь очевидный пропускъ Micl.: «Пришал' сам', ако ми даш' мега сина на откуп', дам' ти трп онолике стлпе злата»; но Ахиллъ не только отказывается отъ откупа (здѣсь Micl. Н.Соф. снова сходятся съ Pril.), но и предлагаетъ отнести тѣло Гектора въ Трою, «по вѣрѣ и клѧтвѣ Прѣѥмоушевѣ, да здраво вьнидѫ и пакы изыдѫ». Въ Pril. Ахиллъ относитъ тѣло и затѣмъ вторично приглашенъ Пріамомъ въ Трою, гдѣ и убитъ. У Micl. Н.Соф. это сведено въ одинъ разсказъ: Пріамъ приглашаетъ Ахилла: «попдѣвѣ въ цръквъ (Pril. Пѣбуша бога) клѧти сѧ дроугъ дроугоу зло не мыслити, да би сѣмѧ ѡставилъ въ Трои, и да ти вьдамъ моѫ дъщерь Поликшенѫ (Pril. Проликшену) госпождѫ». Въ то время, какъ Ахиллъ клянется (Pril. пред' олтаром'), Елѣноушъ (Micl. Н.Соф.; Pril. Парпж') поражаетъ его въ пяту ядовитою стрѣлою, «зане бѣ весъ арматосанъ, толико ходила его без' желѣза» (Micl. Н.Соф.). Пріамъ горюетъ, что его слово нарушено, посылаетъ сказать о томъ греческимъ царямъ, а вмѣстѣ и оружіе Ахилла и, по требованію Грековъ, его пепелъ въ золотомъ сосудѣ. «И видѣвша царѣ и урове гръцтїи дивїшѫ сѧ, глаголѧще: ѡ сило и славо Ацилешова, како тѧ не съвземѣхѫ вьси

гради и отоци, а нинѣ единь златъ крьчагъ нѣсть та плънъ» (Micl. Н.Соф.; сл. Ovid. Met. XII, 615 слѣд.). Pril. продолжаетъ: «О Пелеуше, оче нега, ки велику част' имѣше отъ нега, а сада велику жалост'». Еленоушь Micl., убійца Ахилла, стоитъ, вѣроятно, по ошибкѣ, вмѣсто Париса Pril., гдѣ опредѣлена и мѣстность: храмъ Феба, какъ у Сервія (in Verg. Aen. III 83 и 321) и Дарета, гдѣ Ахиллъ убитъ Александромъ Парисомъ in fano Apollinis Thymbraei. У Диктиса убійцы: Александръ и Деифобъ [1]), какъ и въ греко-славянской Александріи, и говорится о желаніи Пріама выдать за Ахилла Поликсену (III, 27); эпизодъ, давшій поводъ Александріи къ особому развитію [2]): Александру показываютъ въ Троѣ чудное «крьзно» Поликсены, съ которой обрученъ былъ Ахиллъ, предательски убитый потомъ въ храмѣ Аполлона Парисомъ и Деифобомъ. Въ греческомъ текстѣ Александріи, напечатанномъ мною по вѣнскому списку [3]), включено въ этотъ эпизодъ краткое упоминаніе о любви Тропла къ Брисеидѣ по поводу ея μαντέλο, которое показываютъ Александру. Новый

---

[1]) Такъ и у Пып., стр. 314: «и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фарижь, Пріамовъ сынъ, и Диѳовъ, и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою въ пяту, занеже бысть весь вооруженъ, точію плѣснѣ его безъ желѣза, и избѣгоша вонъ: Ахиллеи же падъ на издыханіи послѣднемъ. Ощути жь сія Дисевесъ (Одиссей), яздяше бо съ нимъ, и съ нимъ Діогеонъ (вар. Дигіонъ, Діогенъ: Діомедъ?) и Як[шъ] Теламонянинъ: вкупѣ же убо въ церковь вскочивше, обрѣтоша крѣпкаго героя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми обліянна и угасша и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакоста, и нападъ на перси его Ея[кшъ] великіи съ плачемъ ко Ахиллею рече: О ратемъ разрушителю, исполине крѣпкорукіи, кто погубити тя возможе, двояростнаго? Онъ же едва прогласивъ рече: убиста мя лестію Александръ Фарижь [и Диѳовъ]; сія рекъ издъше» (сл. Dictys IV, 10, 11). Его пепелъ отданъ Грекамъ. Дальнѣйшій разсказъ идетъ въ такой послѣдовательности: Екама отсылаетъ Полидвора къ Полимнещеру (вар. Полинещеру); эпизодъ о конѣ, взятіе Трои; принесеніе въ жертву Поликсены и убіеніе Полимнещера Екамой; Менелай возвращается съ побѣдой, простоявъ подъ Троей 10 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. «И тако скончася троиское царство. Написа же повѣсть о троискомъ плѣненіи творецъ Омиръ. Ахиллеи же сеи бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша».

[2]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 204—5, 207, 446.

[3]) Сл. l. c. Приложенія, стр. 36.

списокъ греческаго романа, найденный мною во Флоренціи (cod. Laur. 1444, бывшій Ashburnam), смѣшавъ Бризеиду съ Поликсеной, говоритъ, что изъ-за первой убитъ былъ Ахиллъ. Что слѣдуетъ далѣе, привожу по флорентійскому списку, представляющему здѣсь нѣкоторыя отличія (и распространенія) противъ вѣнскаго: «καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, αὐτὴ ἐσφάγη εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως καὶ ἀπέθανεν· καὶ ὡς εἶδεν τὸ ροῦχον ἐκεῖνον ὁ Ἀλέξανδρος, πολλὰ τὸν ἔπομπεν καὶ ἐκαύχησεν τὴν τιμὴν τῆς γυναικὸς ἐκείνης, τὸ πῶς καθαρὸν πόθον καὶ ἐνεπιστευμένην ἀγάπην ἐκράτησεν πρὸς τὸν Ἀχιλλέα, ὅπου εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἄλλη μία γυναῖκα οὐδὲν ἐποίησε τέτοιαν ἐμπιστοσύνην, καὶ πολλὰ τὴν ἐπαίνεσαν ὅλοι, ὅτι ὁ Ἀχιλλεὺς ἀπέθανεν καὶ αὐτὴ ὁλονοῦ ἀνθρώπου οὐδὲν ἠθέλησε νὰ γένῃ γυναῖκα. καὶ εἶπε ἡ Βρυσέϊδα (= Поликсена) εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως ὅταν ἐσφάγην ὁ βασιλεὺς· Ἀχιλλέα μου καὶ λέοντα, ὁποῦ οἱ Τρωαδίταις ἀπὸ τὸν φόβον σου ἐτρόμαξαν, πῶς ἐγὼ ἡ αθλία νὰ ὑπηγαίνω εἰς ξένον τόπον; ὅπου ἔσαι, αὐθέντη μου λεοντόπαρδε; διατ' ἐμένα ἐχάθης, κάλλιον τὸ αἷμα μου νὰ πέσῃ εἰς τὸ μνῆμα σου καὶ ἐγὼ ἀτίμον νὰ πέσω κοντά σου περὶ νὰ γένω ζοντανὴ καὶ νὰ ἐπάρω ἄλλον ἄνδρα». Такъ, въ сущности, и въ славянскомъ переводѣ; вѣнскій текстъ нарушаетъ здѣсь впечатлѣніе цѣлостности и какъ-бы противорѣчитъ похваламъ, расточаемымъ Александромъ вѣрности Поликсены, прибавляя свѣдѣніе о томъ, какъ она была заклана Пирромъ на гробѣ отца. Изъ какого источника заимствованъ необычный разсказъ Александріи о смерти Поликсены, я не зналъ; теперь я нашелъ его въ Филостратовомъ Житіи Аполлонія Тіанскаго l. IV, c. XVI: она (Поликсена) умерла на моей гробницѣ, говоритъ Ахиллъ, но не греки заклали её: она сама по собственной волѣ пошла на смерть, бросившись на мечъ, чтобы воздать честь нашей любви» [1]).

Улиссъ и Аяксъ спорятъ объ оружіи Ахилла. Pril. открываетъ эту сцену такимъ образомъ: «И слыша то внук' Тата-

[1]) «σφαγῆναι δὲ αὐτὴν οὐχ ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν, ἀλλ' ἑκοῦσαν ἐπὶ τὸ σῆμα ἐλθοῦσαν καὶ τὸν ἑαυτῆς τε κἀκείνου ἔρωτα μεγάλων ἀξιῶσαι προσπεσοῦσαν ξίφει ὀρθῷ».

нушев'[1]), како се хощета она прѣти, и отпуди ихъ, не хотѣ има шкодити, и рече господѣ сести редом' при своем' стану и поведа им' суд' разума. Господа сѣдѣху, а прости люди нижни стаху околу».

У Micl. Н.Соф. говоритъ Аяксъ («ѡ гръчьстїи царие и велмѫже и урове саракиньстїи и каакиистии и палагїистїи и раупльстїи витези»), *нъсколько* разъ чередуясь съ Улиссомъ, при чемъ каждый ссылается на подвиги, имъ совершенные и упомянутые въ предъидущемъ изложеніи. Грейфъ указалъ для этого отдѣла двѣ параллели въ Ovid. Met. XIII, 24 слѣд. и 386 слѣд.— Въ Pril. изложеніе совсѣмъ другое: Аяксъ и Улиссъ говорятъ каждый по *одной* рѣчи, похвальбы подвигами почти нѣтъ, или упоминаются не тѣ, что у Micl. Сл. Ov. Met. XIII, 1—381.

«И вста Аѣкш' Телемунищ' и гледа по господѣ аргулѣн'ском и рече: Оимѣ, колико тешка имам' пред кораблн гр'чкѣми! (Ov. l. c. v. 5—6; agimus, pro Juppiter, inquit, — Ante rates causam). Урикшеш' умѣ лѣпо говорити езиком' а створом' ни рукома не море се рвати за корабле грчкѣ, како ѣ, Аѣкш' Телемонищ'. Грчка господо, повѣните право, како ѣ придох' на вашу помощ' с' .30. кораблн (это напоминаніе есть и у Micl.). Господо грчка, не помене дѣл' своих прѣм', ви сте е видѣли, пред вами сам' чинил' (l. c. v. 13—14: Nec memoranda tamen vobis mea facta, Pelasgi, — Esse reor; vidistis enim). Господо, р'цѣте, да ѣви Урикшеш' своѣ дѣла, кѣм' су свѣдоци ка е учинил', а в нощи престрѣгал' е страж'ника Делона (l. c. v. 15: quorum nox conscia sola est). Господо грчка, судѣте право, дапте ми то оруж'е, поменѣте да ѣ попесох' у моем' щите .1000. ран' (l. c. v. 119: Mille patet plagis). Ище, господо грчка, да би то оруж'е умѣло говорити, не бих' га ѣ просил', да то би мене просило оруж'е (l. c. v. 97: Atque Aiax armis, non Aiaci arma petuntur). О грчка господо, ѣ вас' прошу, дапте ми то оружне, ѣ умѣм' ш ним' почтено ходити. Грчка господо, ѣ вам' правлю, хелам' Ацѣлп-

[1]) т. е. Танталушевъ: Агамемнонъ сынъ Атрея, внукъ Пелея, правнукъ *Тантала*.

шев', ки е от' пречистога злата, не море стати на Урикшешевѣ плѣшивои главѣ (сл. Micl.: не давайте е Оурекшоу на плѣшивѫ главѫ) и нега сулица не море стати под лаживу мишцу Урикшеву, ка се е научила често рваню трпѣти (сл. Ov. l. c. v. 105—109). Грчка господо, кап смо учинили рѣч'ю, учинимо е и створом', рцѣта то оружие врѣщи на тропска врата: ки е взаме мѣп нама, тому буди (l. c. v. 121—2: Arma viri fortis medios mittantur in hostes: Inde iubete peti et referentem ornate relatis). И рѣше господа: то би право било, ар' би нам' през' грѣха. И Аѣкш' договори свою рѣч'.

И в'ста Урикшеш' на рѣч' свою и поче тихо говорити, обрисав' очи свои и и гледае по госпоѣ, и вздахнув' рече (l. c. v. 125—7: Astitit, atque oculos paulum tellure moratos — Sustulit ad proceres, expectatoque resolvit — Ora sono): Грчко господо, не буди в том' Аѣкшѣ користи, ка е мене псовал' ни манѣ шкодѣ. За-ч' нигдор' не море от свое доброте побѣгнути (l. c. v. 139: bona nec sua quisque recuset). ако би доброта ва мнѣ била, сумнен' бих небил': оба сва едне племен'щине (l. c. v. 143: totidemque gradus distamus ab illo, т. е. a Jove). Да ако ине оп'щине нѣмам' с' Ацѣлишем', брат ми ест' и братина оружиѣ прошу. Да ако са Аѣкш' правп свое доброте витежаство, а моѣ е доброта мудрост'. Грчка господо, моѣ мудрост' веще ест' вам' помогла у ваших' неволах', нере Аѣкшево витежаство. Грчка господо, колико век'ша ест' мудрост' от' витежаства, колико е крал' вещи от свога витеза (l. c. v. 366: quantoque ratem qui temperat anteit — Remigis officium, quanto dux milite maior, — Tantum ego te supero). Гдѣ бѣхоте вп охолп витези, гда не смѣхоте цару ни едпу рѣч' рѣщи, г'да бѣше от' морске виле ср'да пришла к вашему лицу и имѣхоте погинути у отоцѣ? И пришад' укротих' цара и приведох' нега хщер' и откупих' душе, да не буду жене ваше вдовпце: то сам' мою мудрост'ю помагал' вам' у ваших' неволах' (это упомпнаніе есть и у Micl., но иначе разсказанное). О грчка господо, посласте Аѣкша искат' Ацѣлиша, и не море га напти; и попдох' ѣ, направив' мои корабал' рухом' и оружием', и наидох'

Ацѣлиша (есть и у Micl., но въ иномъ текстѣ) и пелах' га на мощнога Телепона сулич'ника, и убисва га и взесва град' его и пнѣх 6 (е) взесва до Трое, и жива га приведох' к вам' (сл. Ov. Met. XIII, v. 171 слѣд.; сл. выше, стр. 82—83). Грчка господо, хощу да ми дасте жива мега брата Ацѣлиша, да си га жива поставлю гдѣ сам' га взел'». Такъ кончается вся эта сцена и у Micl.: «дадите его мнѣ, само да ѡтъведѫ и поставлѧ, гдѣ того смь и взѧлъ». — Царь и воеводы и урове, сидѣвшіе «вькоупѣ» (Н.Соф.; Micl.: вь коулѣ), рѣшаютъ отдать оружіе Улиссу (Micl.); въ Pril. они ссылаются при этомъ на его послѣднія слова: «он' га жива приведе к нам', а ере е уб'ен, ми га жива нѣмамо ча дати, а оруж'ѣ су остала».

Аяксъ убиваетъ себя (Ov. Met. XIII, v. 386 слѣд.), а Улиссъ успокоиваетъ озлобленныхъ тѣмъ царей обѣщаніемъ — взять Трою хитростью. Pril. тотчасъ приступаютъ къ этому разсказу, въ Micl. Н.Соф. говорится передъ тѣмъ, что Якоупа, предвидя паденіе города, отсылаетъ сына своего Полидвороуша (Polydorus) къ «Полинещероу кралю», что царилъ «по всеи Пагажи» (сл. Ov. Met. XIII, 430 и слѣд.). Судьба Полидора досказывается впослѣдствіи, уже послѣ взятія Троп; такъ и въ Pril., помѣщающемъ отправленіе Полидора въ другомъ мѣстѣ. Разсказъ этотъ, стало быть, былъ разбитъ на два эпизода уже въ оригиналѣ повѣсти, къ которому Micl. Н.Соф. здѣсь, вѣроятно, ближе.

«И посла (Улиссъ) по Пилоташа П[е]анцижища, и придѣ носе стрѣлу габѣлову, ку мораше еднем' вдарцем' три тур'ие развалити» (Pril.; у Micl. Н.Соф. пѣтъ). Слѣдуетъ разсказъ о взятіи Троп хитростью Улисса (по мнѣнію Greif'a, стр. 276, по Aen. II). Конь сдѣланъ изъ мѣди, стекла и воску (Micl. Н.Соф.; Pril. изъ чернаго стекла) и оставленъ, тогда какъ греческіе корабли скрылись «въ шимошшевѣхъ брѣзѣхъ» (Micl. Н.Соф.; Pril. за сигиски брѣге); чтобы ввести коня въ Трою, надо было «сътльщи камень, иже бѣше надъ враты» (Micl. Н.Соф.; Pril. прибавляетъ: «на ком бѣше писано: Докле та камен' стои, нѣ расипанић Троп»). Витязи, заключенные въ конѣ, выходятъ изъ

него, въ это время подступаетъ и греческое войско, «и начѧшѫ сѣщи троискыѫ витезы, а дроугыѧ изметашѫ въ море» (Micl. Н.Соф.). Pril. даетъ лишнія подробности: «и взеше войско турне, а Пилоташ' хиташе стрѣлу габѣлову и разбиѣше по три турне еднем' вдарцем'. И бѣше начинил', како ю опет' вращати. И взѣше Трою ѣлом' и вргоше доле с високога турна Ащина Иѣкаша Екторовища, и ондѣ стое гледаше оца своега, кадѣ хоѣше на рваню[1]). Приѣмуш' крал' с едну честию погибѣ, а троиске госпе за власе влачаху». Париса и Елену приводятъ къ Менелаю; она говоритъ мужу: «ѡ господине царю, ты бысть вѧще кривъ, чемоу мене остави съ Алеѯандромь Фарижомъ, да мене своимъ невѣрьствомь прѣвари»? (Micl. Н.Соф.; Greif. стр. 277 сличаетъ Ov. Ars am. II, 365 слѣд.) Менелай отвѣчаетъ: «ѡ господине Елено, да вѣси, ꙗко ѡтъ сели да сътворѧ азь, да инь никто тебе не прѣваритъ ни прѣльститъ» (Micl. Н.Соф.; Pril: «госпое, прѣе си познала Тѣжеуша цара, а сада Парижа Александра; вѣра ти е моѣ, како на то не придеш'). Онъ велитъ обоимъ усѣчь головы[2]).

Micl. Н.Соф. сообщаетъ за тѣмъ кратко объ усѣченіи Поликсены на гробѣ Ахилла; Гекуба достается на долю Улисса (Ov. Met. XIII, 483 слѣд.), который и увозитъ её. Между тѣмъ, узнавъ о паденіи Трои Полимнещеръ (Пып. id.) убиваетъ Поли-

---

[1]) Ov. Met. XIII, 415 слѣд.: Mittitur Astyanax illis de turribus, unde — Pugnantem pro se proavitaque regna tuentem—Saepe videre patrem monstratum a matre solebat.

[2]) Въ испанскомъ романсѣ (Wolf y Hofmann, Primavera y Flor de Romances, II, № 109), гдѣ Парисъ увлекаетъ Елену хитростью, онъ одинъ и наказанъ:

tres pascuas que hay en el año
le sacan á justiciar,
sácanle ambos los ojos
Los ojos de la su faz,
córtanle el pié del estribo,
la mano del gavilan,
treinta quintales de hierro
á sus pies mandan echar,
y el agua hasta la cinta
por que pierda el cabalgar.

дворуша (Пыш. Полидворъ), когда пристаютъ греческіе корабли, и Гекуба, выйдя съ ведромъ за водою, находитъ трупъ сына. Короля, вышедшаго къ троянкамъ, чтобы ихъ утѣшить, онѣ убиваютъ ножами и сами побиты камнями. «И вьзврати сѧ царь Менелаоушь съ всѣми гръкы съ великоѫ чьстиѧ, стоавше подъ Трож .і. лѣто и .з. мѣсѧць».

Въ Pril., послѣ убіенія Париса и Елены, распорядокъ другой: Пріамъ (уже убитый, сл. выше 93) отсылаетъ Полидвруша Полинештору кралю, который убиваетъ его. Улиссъ увозитъ Гекубу къ своей матери. «И када придоше, кадѣ бѣше гробъ Ацѣлишевъ, и вста Ацѣлишъ гневом и рече: Ако ми не дастѣ Проликшене госпѣ въ жртву, хощу вамъ мою срду разбити лодъе о землю. За-чъ бѣше рѣкалъ: Ако буду живъ, да ми е жена, ако умру, да ми е жртва. И взамше витѣзи Проликшену госпу и пелаше ю на гробъ Ацѣлишевъ. И рече Проликшена госпа: Не похитупте витѣзи за мое тѣло, ни една рука нѣ ка мне похитила развѣ матере моее; ако ли похититѣ, не буде жртва о мне сему витѣзу. А сама свиѣше лежащи околъ себѣ крила, да би не видѣли тѣла ее (Ov. Met. XIII, 447 слѣд.). И убише ю, и приставе корабли къ трацискому отоку к граду, кадѣ бѣше Полинештор кралъ». Гекуба велитъ дать себѣ ведро, «да си умию слзѣ отъ очію моею», идетъ къ берегу и видит сына, «прободѣна в мору, и пне госпое взапише гласомъ, а она онемѣ и бѣ подобна к мрамору. И паки наостривши се срду, поче рути, како лавица, ка бѣше оспрѣла щенетѣмъ послѣдующи ловца свога. И придоше под градь Полинештровъ и изазваше Полинештора крала, и придѣ к нимъ и рече: Госпа Ѣкупа, кан си дала схранити своимъ сыномъ, то е схранено, а синъ твои живъ ест. А она маненоваше о нега лажи, како би могла прити к нему. И скочи к пему и заврже рукама своима за нега власе и врже му очи ванъ. А из града пустиша камение и побише те вси госпе. — А Грци придоше домовъ скончавше Трою за .10. лѣтъ и .7. мѣсѣцевъ».

Такъ кончается текстъ Pril.; въ Micl. = Н.Соф. слѣдуетъ еще нравоучительное заключеніе. «И тако сконча сѧ тропское

кралевьство прѣжде рождьства Христова на .тѯ. лѣтъ ендїктиѡна .з-го., и тако богъ смѣрѣетъ вьзносѧщихъ сѧ и сѣмѧ нечьстивыхъ потрѣбитъ, ꙗкоже пророкь провьзвѣсти глаголѧ: Видѣхъ нечьстиваго прѣвъзносѧща сѧ и высѧща сѧ и мимо идохъ, и не обрѣте сѧ мѣсто к тому, ꙗко богъ праведенъ и праудѫ вьзлюби а пѫти нечьстивыхъ потрѣби, и своеѧ мышцеѧ гръдымъ противить сѧ, а право ходѧщимъ даетъ благодѣтъ, и не лишить добра ходящихъ незлобоѫ».

Заключеніе принадлежитъ, быть можетъ, славянскому перескащику, не нашедшему другой оцѣнки для повѣсти, гдѣ говорилось о чести и «дворбѣ», courtoisie и подвигахъ. Странно только, что всё это подводится подъ общее понятіе гордыни и нечестія, какъ въ русскомъ Луцидаріи Троя будто-бы пала за— волшебство: «таможъ было превеликое Троянское царство; зломерзскогожъ ради волхвованія разорися попущеніемъ божія чудодѣйства и въ конечную гибель осуждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ, но дивіе звѣріе и зміевѣ тамо пожираютъ» [1]). Ближе было-бы развить нравоучительный моментъ, не разъ повторяющійся въ текстѣ: о «злой женѣ», изъ-за которой погибли народы и царства.

Это — любимая тема средневѣковыхъ вагантовъ, когда они говорятъ о паденіи Трои.

Causa rei talis meretrix fuit exicialis
Femina fatalis, femina feta malis,

поетъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Еленѣ [2]);

Causa tua pene quid agebas, predo Lacene?

обращался другой къ Парису:

Fellis erant plene, que placuere gene.
O Venus inmitis, o dira noverca maritis,

---

[1]) Сл. Галаховъ, Исторія русской литературы I, стр. 404. — Иное обвиненіе у Giraldus Cambrensis, Descriptio Cambriae, l. II, c. 7: Константинъ Великій «Trojam reaedificare proponens, ibique orientalis imperii caput erigere volens, audivit hanc vocem: Vadis reaedificare Sodomam».

[2]) Wattenbach, Ganymed und Helena, въ Zs. f. deutsches Alterthum XVIII, 135.

O radix litis, cur mala tanta sitis?
O Venus effrenis, permiscens mella venenis,
Fel latet in venis, melle peruncta venis.
Hii mores Veneris, hyemem legit emula veris,
Hic quicumque seris, vomere saxa teris.
Urbs ita sublimis, ita pregnans rebus opimis,
Urbs domina in primis, iam sedet orba nimis [1]).

Троя погибла «жены ради нѣкыѥ Ѥлѣноуше (вар. Елены), кралꙗ лакѥдон'скаго (вар. лацедемонскога) Ме[не]леоуша», говорится въ троянскомъ эпизодѣ греко-сербской Александріи; отъ женъ идетъ взе зло: «прьвѣѥ бо Адамь женою прельштень бысть и паде, великыи и крѣп'кыи Самп'сонь женою погибе и прѣмоудрыи въ чловѣцѣхь Соломонь жены ради адь наслѣди. И въ Трои градоу мнози храбры витези и царіе за ѥдиноу женоу погибоше». Когда прочелъ о томъ Александръ въ книгахъ «нѣкоего философа Омира», сказалъ: «О колици сил'ныи падоше се жены ради мьрзскыѥ и лоукавиѥ!» [2]) Такъ и въ болгарскомъ Словѣ о ветхомъ Александрѣ [3]): «и видѣ Алеѯандръ колико зла сътворишасѧ ѡ единой женѣ: тогда Іерусалимь разоришѧ и дроугыхь великыхь градохь .сд., въсѧ воѧ и хоры опоустѣшѫ, и оубиша .гі. цареи, свѣне писидинскаго царѣ». Увидѣвъ это Александръ-Парисъ отсѣкаетъ Егѵлоудѣ голову, а самъ бросается въ море.— Егѵлоудой (=Гилуда текста проф. Григоровича) названа въ этой повѣсти Елена; простое-ли это искаженіе имени, или Егѵлоуда Гилуда = Ἑλένη ἡ Γυλοῦ? [4]). Она не только «злая жена» въ

[1]) Huemer, Ein Trojanerlied aus dem Mittelalter, въ Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien, 1887, I, стр. 9.

[2]) Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 203 (на 10-й строкѣ снизу читай: оучрьди се вм. оугрьди се), 205.

[3]) l. c. стр. 87.

[4]) О Γυλοῦ сл. мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI, стр. 41 слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Іюнь, стр. 288—9. Сл. гилоуда = magae genus, у Miclosich, Lexicon a. v. съ ссылкой: «еще жены глаголемые гилоуды иссыхающе крьвь дѣтемь оумрьщвляютъ ихъ» и сближеніемъ съ русск.: голендуха. — Можетъ быть, сюда-же относится *Аюли* кавказскихъ татаръ, демоническая старуха, питающаяся печенью новорожденнаго (Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ т. I, кн. II, стр. 379).

смыслѣ средневѣковыхъ поученій, но и демоническая; не даромъ говорится, что когда Александръ ввелъ ее въ Трою, «потрасеса весь градъ велми»[1]).

Разборъ текста Micl. (= Н.Соф.) совмѣстно съ Pril. показалъ, что послѣдній не лишенъ значенія для констатированія ихъ общаго оригинала, котораго древнѣйшимъ, по записи, отраженіемъ является Micl. Рѣчи Аякса и Улисса, отличныя въ Pril. отъ Micl., могутъ быть объяснены позднѣйшей передѣлкой — по Овидію, но напр. въ эпизодѣ о Филоктетѣ = Пилоташѣ Pril. сохранилъ, что̀ въ Micl. можетъ быть объяснено лишь случайнымъ пропускомъ: въ Micl. Калхасъ ставитъ однимъ изъ условій взятія Троп — приводъ Филоктета, который далѣе не упомянутъ вовсе, тогда какъ въ Pril. онъ приведенъ и дѣйствуетъ. Нѣкоторыя изъ именъ и подробностей Pril. (Троилъ, Терзитъ, сонъ Агамемнона и его попытка къ бѣгству; Астіанаксъ и т. п.) могли также находиться въ древнѣйшемъ текстѣ и въ Pril. лишь попасть не на свое мѣсто. Лишь сравненіе съ другими, пока не изслѣдованными или еще не открытыми текстами повѣсти можетъ здѣсь привести къ какимъ-нибудь болѣе прочнымъ выводамъ.

Источники или параллели, указанныя для второй части повѣсти, не устанавливаютъ отличія между нею и первой, и это уже дало намъ поводъ къ апріорному заключенію, которое мы можемъ повторить: если сравненіе первой части нашей повѣсти съ западными легендами указало ихъ общій оригиналъ въ какомъ-то разсказѣ о юности Париса, то представляется невѣроятнымъ, что вторая составилась самостоятельно по тѣмъ-же источникамъ, съ такой-же близостью съ Героидамъ и Метаморфозамъ Овидія; тѣмъ невѣроятнѣе, что составителемъ пришлось-бы признать автора славянской редакціи. Эти затрудненія устраняются коль скоро допустимъ, что и для второй своей части онъ пользовался тѣмъ-же оригиналомъ, сохранивъ его, такимъ образомъ, цѣликомъ въ своемъ переложеніи.

[1]) Слово, l. c. стр. 85.

Что оригиналъ этотъ былъ латинскій или романскій, какая нибудь компиляція изъ комментированнаго, толковаго Овидія [1])— это заключеніе, высказанное для первой части, поддерживается и впечатлѣніями второй: тотъ-же обликъ собственныхъ именъ; менѣе значенія я склоненъ дать, въ опредѣленіи лингвистическаго характера подлинника, такимъ словамъ какъ *тента*, *кастель*, *габилотъ* (javelot, gavelot; gabilotto) [2]), къ которымъ Pril. присоединяетъ еще: *мештри*, *фудоментъ*, *короуна*, *танацъ*, *турн*, *оиме* (oime!), *понъстра* (= palaestra), ибо эти слова могли находиться въ словарѣ, не въ подлинникѣ переводчика, точно также какъ и грецизмы (хора, хорò; арматосъ и производныя; пиргосъ и пиргъ; трапеза, катръга = κάτεργον, катоунъ = κατοῦνα), давшіе Миклошичу поводъ къ заключенію, что наша повѣсть могла быть переведена съ греческаго. Такое предположеніе возможно, разумѣется, лишь подъ условіемъ другого: что этотъ греческій оригиналъ былъ въ свою очередь переводомъ или обработкой какого-нибудь западнаго, латинскаго или романскаго, сохранивъ черты его міросозерцанія (сл. выше сказанное о дворьбѣ и госпожѣ, стр. 71) и форму собственныхъ именъ, какъ въ среднегреческой Александріи встрѣчаемъ: Πολυκρατούσης, Βρυνούσης = серб. Полоукратоушь, Врынеоушь и т. п. Что сербско-славянская Александрія стоитъ на одномъ уровнѣ съ нашей притчей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастику, замѣчено было мною уже по другому поводу [3]). Остановимся здѣсь лишь на ономастикѣ. Какъ въ Александріи, такъ и въ нашемъ текстѣ lat. *s* въ суффиксахъ -us, -as, -es, -is передается черезъ ш, ж: Анцидешъ (Anchises), Ацилешъ, Парижъ (сл. въ бѣлорусскомъ Тристанѣ: Самспжь = Lasancis); Кашантоуша = Xanthus, Дицеоуш-евичъ

[1]) Въ обѣихъ рукописяхъ Istorietta Trojana ей предшествуютъ комментаріи къ Овидію.

[2]) Pril.: «съ стрѣлом и габилотом, ка морета еднем' каменем' з турне рассипати». Разумѣется какое-то камнеметательное орудіе. Сл. въ древне-русскомъ переводѣ Іосифа Флавія: луки = πετροβόλοι (Е. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ, I, стр. 225).

[3]) Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 442—3, 381—2.

(Tideus —), Палешъ. Кромѣ того s между гласными переходитъ въ ж: Брижеида, Рижеида, Ежеона, Тержитеж = Thersites (сл. въ бѣлорусскомъ Бовѣ: Дружпена = Drusiana; въ бѣлор. Тристанѣ: Ижота); s въ томъ же положеніи и въ началѣ словъ — въ ш: Шимоиш(евъ) = Simois, Шарикоуша = Assaracus; st въ щ (шт): Clytemnestra = Клатомещрица (Micl.), Полимнещеръ, Ащинъ (Astyanax), какъ въ бѣлор. Тристанѣ: Йщоръ (Astorre), Трыщанъ (Tristano); Кащандра указываетъ какъ-бы на Kastandra (можно бы ожидать: Кашандра; сл. Шарикоуша); x въ *кш:* Аякшь, Полякшена, Урикшешь — но Кашантоуша; chi въ ци: Ацилешь, Ацидешь; p въ ф: Peleus = Пелешь и Фелешь, Paris = Парижь и Фарижь; ph, f въ п, какъ въ сербской Александріи и бѣлорусск. Тристанѣ и Бовѣ: Philoctetes = Пилоташь, Придежьскъ; Прижпискъ = phrygius, Прижіа = Phrygia, Прпдешъ = Phrux (?), Пебушъ = Phoebus, но и Тебоушь (Micl.), какъ Тезишь, Тетиша, Телеспонъ (и Фелеспонъ). Интересно чередованіе ж и д въ прижпискъ и придежьскь, Прпидешъ, какъ Rhesus передается въ Pril.: Рижушъ (Ружушъ), согласно съ обычнымъ s = ж, а у Micl. Рендешь; Ацидешь (Micl.) = Ацпжеш' (Pril.). — Отмѣтимъ вставное р въ Тпвоурцеръ, Кащрандра (Micl.), Шиморишевѣ рѣцѣ (Pril), Проликшена. Въ передѣлкѣ собственныхъ именъ замѣтно нѣкоторое стремленіе къ полногласію: Кашантоуша, Тпвоуцеръ, Діевошкордія; въ этомъ стремленіи нашла-бы себѣ объясненіе и загадочная Пагажія (сл. выше стр. 72—73). — Пилоташъ отвѣчаетъ формѣ въ родѣ Philotas или Pilotas; разумѣется, какъ мы видѣли, Филоктетъ; кт удержано въ Ѭкторъ, но здѣсь произошла ассимиляція кт = тт, т, какъ въ пт. Filottete.

Гдѣ сдѣланъ былъ славянскій переводъ повѣсти? Сходство стиля и направленія, а также и звуковыя особенности, указанныя тотчасъ, не позволяютъ отдѣлить её отъ сербской Александріи, относимой Ягичемъ[1]) къ Босніи и сѣверной Далмаціи, и отъ

[1]) Jagić, Ein Beitrag zur serbischen Annalistik, Archiv II, стр. 24—25.

сербскихъ подлинниковъ бѣлорусскихъ Тристана и Бовы. Именно въ указанной мѣстности византійское и западное теченія могли скрещиваться и вызвать литературу переводовъ, распространившихся отъ Болгаріи (сл. текстъ Micl.) до Россіи. На сколько эти переводы вѣрно сохранили намъ свои подлинники, объ этомъ судить трудно; подлинника Троянской повѣсти мы не знаемъ, какъ не знаемъ западнаго текста Александріи, который подходилъ бы къ греко-сербскимъ версіямъ этого романа. Бѣлорусскій Тристанъ, если онъ вѣрно передалъ свой оригиналъ, въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, не встрѣтился пока въ этомъ видѣ ни въ одномъ западномъ пересказѣ, и если бѣлорусскій = сербскій Бово часто дословно переведенъ съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвояли, передѣлывая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ.

I.

Троянская притча по ркп. Н.Соф. № 1497, л. 205 об. — 232 об.

Бꙑꙗше в первое времꙗ едн кра, иже сꙗ зовꙗше имꙗнем Прншед крал, и беша зело богат, и пойде в некой де ло ловити, понеж драго му беше ловити, и дойде на морские отоки и обрете едн ѿ ото лепъ и красе веми, у кое ѡтока ѿ едине страны течаше великое море, а ѿ другие страны течаше река, коꙗ именоваше Кашадуша река, а ѿ третиее страны течаше того ѡтока море, кое сꙗ зовеши Пелешино море, а ѿ четвертые страны того ѡтока стоꙗше лугъ, еже зовꙗше Дудома лугъ, ѿ пꙗтые страны того отока стоꙗше жидо, на кое ростꙗху цвети многоразлични. И виде то Пришед(ши) кра, ꙗко добро еть, и нача зидати град и созида град до старости своеꙗ и наречи имꙗ граду тому свои имене, да му е имꙗ Пружинꙗ град. Пото Пришед кра ѡстаре и роди сна свое имене Ойлуша кралꙗ и поручи ему зидати град, а самъ почи ѿ смрти своеꙗ. И кои кра Ѡилушъ створи сное дело, веще призида ѿца свое по смрти е, и що паки созида Ѡилуша крал, то именова свои имене, да му будет имꙗ Илио град. И потом Ѡилу кра роди сна свое Ламеѡдона кралꙗ велика и поручи ему зидати грады, а самъ почи ѿ смрти своеꙗ. И Ламеодо кра великій и той именова на свое имꙗ грады своꙗ Ламедонꙗ град, и по семъ Ламедо крал великий ѡстаре и роди сна свое

и҆мене^{м} Ша[ри]куша кра҃, заповѣда е҆му зидати граді, а҆ самъ почи ѿ см҃рти своеѧ. Пото^{м} Ша[ри]куша кра҃ сотвори сп҃но дѣло, веще призида по см҃рти ѿца свое҃, и҆ що бѣ зида^{л} [то именова] свои^{м} и҆мене^{м}, да му е҆ и҆мѧ Ша[ри]кушіѧ гра^{д}. И҆ пото^{м} Ша[ри]кушіѧ кра҃ ро^{ди} сн҃а Да^{р}дануша кралѧ и҆ ре҃ е҆му зидати гра^{д}, а са^{м} почи ѿ см҃рти своеѧ. И҆ Да^{р}дануша кра҃ сотвори велико дѣло, вѧще призида по см҃рти быщине си и҆ наре҃ на свое҆ имѧ Да^{р}данѣѧ гра^{д}. И҆ пото^{м} Да^{р}дануша кра҃ ро^{ди} с҃на Трои҆луша кралѧ и҆ ре҃ ему зидати гра^{д}, а҆ са^{м} почи ѿ см҃рти своеѧ. И҆ пото^{м} Трои҆луша кра^{л} сотвори велико дѣло, веще призида ѿ о҆тца свое҃ и҆ наре҃ Троѧ гра^{д}. Трои҆луша^{ж} ро^{ди} Приѧ҆муша кралѧ. И҆ Приѧ҆му҃ и҆мѣ жену и҆мене^{м} Ѩкупа госпогѧ. Во е҆дину нощь види сп҃ъ Ѩкупа госпогѧ и҆ у҆жасесѧ и҆ воста ѿ сна свое҃ и҆ проѧви со҃ мужу своему Приѧ҆мушу кралю и҆ ре҃ ему: Роди^{х} гла҃ню и҆ з҃иде на н҃бо и҆ паки во^{з}вратисѧ па^{де} в море, и҆злетѧше и^{з} морѧ и҆скры, падоша на Трои и҆ погорѣ Троѧ гра^{д}. Слыша҃ то Приѧ҆му҃ кра҃ и҆ мышлѧше, что хоще҆ се быти, и҆ при^{з}ва всѣ пр҃рки и҆ во҃хвы, мудреца и҆ болѧрѧ и҆ ни^{ж}нѧа҆ лю^{ди} малі і велики Троѧ҆ди града, да реку^{т} е҆му о҆ снѣхъ. И҆ рекоша е҆му пр҃рци е҃ сие҆: Г^{с}дне кралю, роди^{т}ца ѿ жены твое҆ѧ с҃нъ, за кое҃ хотѧще и^{з}горѣти Троѧ гра^{д} и҆ разорити҃, и҆ не ѡ҆стане^{т} каме҃ на камене. Слыша҃ то Приа҆муша кра҃ и҆ и҆де в полату и҆ ре҃ женѣ свое҆и: Ѡ҆ Ѩкупо у҆бо госпоже, е҆гда ро^{ди}ши сн҃а, не храни е҃, но повели да у҆бью^{т} е҃. И҆ ре҃ е҆му Ѩкупа госпо^{ж}да: Г^{с}дне кралю, ве҃ми рада е҃мі сему быти. И҆ пото^{м} е҆гда ро^{ди} Ѩкупа госпож^{д}а с҃на свое҃ и҆ видѣ е҃ лѣпа и҆ кра҃на добрѣ, и҆ смілисѧ мт҃ри своеѝ, не може е҃ погубити, но повій е҆го во брачини и҆ с ни^{м} мно҃ добы^{т}ка сре^{б}ра и҆ злата, и҆ да҃ть е҆го (ркп. е҆му) е҆диному ю҆ноше и҆ ре҃ е҆му не҃ти и҆ поврещи҆ е҃ далече ѿ Троѧ града. И сотвори ѿро҃ тако, и҆ о҆брете е҃ ѡ҃ча^{р} старе^{ц}, е҆му^{ж} бѣ жена ро^{ди}ла с҃на, и҆ несе е҃ пасты^{р} к женѣ свое^{и} и҆ ре҃ е^{и}: Восхрані ми ѿрока се҃. И҆ бы҃ тако, и҆ ра҃тѧше тако скоро ве҃ми, и҆ егда сотвори .з҃. лѣть, тогда и҆дѧху ѡ҆трочати ѡ҆ба на поле со ѿце^{м} свои^{м} и҆ и҆граху о҆коло добы^{т}ка, и҆ о҆брѣте҃на҃ ѿрока наре҃ Пари^{ж} (пари^{ж}) па҃тыревичищь. Пари^{ж} свѧ^{ж}даху два вола и҆ бодѧху҃, и҆ кой премагаше, тому и҆ виа҆ше венець ѿ цвѣтіѧ,

а̀ кои̂ не премогаше, тому віа̀ше ѿ сламі и̂ пола[га]ше и^м на рогу. И̂ ѐгда бѣше ю̀ноша Пари^ж, хо^ждаше з до^брыми витꙗзи и̂ и̂граше и̂ премогаше и^х во всꙗко^и и̂грѣ, и̂ ту прободе ѐдина̂ витꙗза за щи^т пре^д крале^м Апрідѣжемъ. И̂ то̂ времꙗ женꙗше̂ Ѳелешь кра̂ госпо^ждою̀ [Те]тишо^м, и̂ при^зва к себѣ Ѳеле кра̂ гдѣ чюйше до^бріе вітезе и̂ ю̀наки и̂ Парижа пастыревика и̂ до^брыѐ госпо^жде по хорѣ то^и. И̂ у̀видѣвше то три вили пр̂рчице, коѐ бѣху найлѣпѣшеѐ в мо^рски^х ѡ̀тоце^х, и̂ дои̂доша на о̀но веселіѐ, ра^звѣ ѐдину госпо^жду не зва, зане бѣше сва^дліва, и̂мене^м Диѐвошькордиѐ, гдѣ идꙗше все сваду строꙗше, за то не хотꙗху ѐꙗ звати, да му не буде^т свады ме^жду сватові и боꙗри на веселіи̂ и^х. И̂ ѡ̀на госпо^жда мыслꙗше на ср^дци своемъ, кою̀ бы могла сваду вне̂ти тамо за о̀ноі незваниѐ, и̂ и̂скова злату ꙗ^блоку и̂ написа на неи̂ кни^жна пи̂ма, и̂ о̀наи̂ слова глаголаху: Коꙗ̀ е^сть ѿ ва̂ тре^х госпо^ждь и пророчи^ц полѣп'ша, той бу^ди пр̂рчци сиꙗ̀ златаꙗ̀ ꙗ^блока. И̂ да^де ю ѿроку своѐму и̂ ре̂ ему: И̂ди и̂ въве^рзи ю̀ во ѡ̀вощаницы Ѳелеша кралꙗ. И̂ взимаху у̀бруси ѿ стола и̂ и̂дꙗху добріи̂ вітезиѐ, и̂граху на ѳариже^х, а̀ добріѐ госпо^жде грꙗдꙗху во ѡ̀вощьни̂ Пелеѳа кралꙗ. И̂ грꙗдꙗху напре^д три вили и̂ пр̂рчице и ѡ̀брѣтоша ту ѡ̀ну златую̀ ꙗ^блоку и̂ про̂тоша на не^и о̀на словеса, и̂же гл̃аху: Коꙗ̀ е̂ найлѣпше ѿ ва̂ тре^х сестрениць, той бу^ди сіа̀ златаꙗ̀ ꙗ^блока. И̂ раскарꙗше̂ о̀ноѐ ра^ди ꙗ^блоки и̂ позваше̂ в Трою̀ прѣ[дъ] Тебоха бога и̂ пре^д И̂типера (sic) пр̂рка, и̂ сташа пре^д нима и̂ вопросиша и^х и̂ рекоша: Коꙗ̀ е̂ ѿ на̂ найлѣпша, той дайте сію̀ ꙗ^блоку. И̂ ре̂ и̂мъ Тебо^х богъ и̂ И̂питеръ пр̂ркъ: Госпо^жде, не можемъ ва^м ѡ̀ семъ су^ди^ти, но пойдите тамо на ѡ̀пꙗ^т пре^д Парижа пастыревика, тамо̂ е̂ ѡ̀брѣло и̂ тамо да сꙗ ра^зсуди^т. И̂ возвратише̂ ѿ Троꙗ̀ и̂ дои̂доша пре^д Парижа пастыревика и̂ рекоша ѐму: Г^сдне, ѡ̀брѣтохо^м сію̀ златую̀ ꙗ^блоку во ѡ̀вощьнице Пелеша кралꙗ и̂ про̂тохо^м на неи̂ кни^жны^х слове̂, и̂ ѡ̀вако и̂сказуе^т: Коꙗ̀ е̂ ѿ ва̂ лѣп'шаꙗ, той бу^ди сиꙗ̀ златаꙗ̀ я^блока, да повѣ^ждь намъ: коꙗ̀ е̂ ѿ на̂ найлѣпшаꙗ̀, той пр̂рчици да^ждь сию̀ златую ꙗ^блоку. И̂ ре̂ и̂мъ Пари^ж па̂тыреви̂: Пойдите, госпо^жде, и^звлецете̂, зане бꙗше на ни^х бисеріѐ и̂ злато и̂ драгоѐ каменіе и̂ сви̂наꙗ̀ рꙋха. И̂ ѿи̂доша в овощьни̂ Пелеша

кралꙗ и̓ свлѣше̑ прідоша в ризах пред не̑. И начат Млада Парижꙋ: Присуди мнѣ сію златую ꙗблоку и̓ повѣждь мене найлѣпшую, и̓ ѡбла̑тна е̑ть богатьством, да не буде̓ чл̑къ побогатѣи ѿ тебе. И̓ паки в'тора велꙗше госпожда, ѐиж и̓мꙗ Палешь, ре̑ Паріжу: Присуди мнѣ златую ꙗблоку и̓ повѣждь мене налѣпшю, и̓ ѡбла̑тна е̑мь витежством, да не будет храбрійшіе витезе ѿ тебѣ. И̓ паки третꙗа ре̑, ѐиж и̓мꙗ Венуша госпожда, Парижу па̑тыревику: Присуди мнѣ сию златую ꙗблоку и̓ повѣждь мене найлѣпьшу, ѡ̓бла̑тна е̑мь любовию, да ти дам добрую любо̑, да тꙗ любовію и̓мут добріе госпожди, и̓ да ти дам добрую госпожду Е̓лену цр̑цу гре̑скую, Менелаўша цр̑ꙗ жену, коꙗ е̓ наилѣпѣйша во с̑ѣхъ грецех, како тою сіи и̓ первое чю̑, и̓ да ти дам ново и̓мꙗ, да ти будет и̓мꙗ А̓ле̑са̑дръ Париж, и̓ да ти повѣм ѿца и̓ матерь: ѿца ти е̑ Прѣа̑му̑ кра̑ и̓ мати Ꙗ̓купа госпожда Троꙗ грады, а̑ нѣси ты ѡ̓но̑ старца с̑нъ. И̓ слыша̑ то Ѳариж пастыреви̑ и̓ прісуди Венуші госпожди златую ꙗблоку и̓ возвесели̑ ве̑ми всѣмъ срдцем своим. И̓ како чю и̓ и̓справи ѿ Венуши госпожи крале̑ с̑нъ, и̓ поиде и взꙗ прощение̓ ѿ старца ѿца свое̑, кой тому̑ отць бі нареклъ, пойде в Трою̑ град и̓ приближи̑ под Трою на реку, нарицаемую Каша̑тꙋша, и̓ ту о̓брете Венеўшь госпожду на пеи, и̓ пришед ре̑ к ней: Госпождо Венеўшь, люби мꙗ да тꙗ люблю. Ѿвеща ему Ѡ̓йнешь: Ѡ̓ А̓ле̑са̑дре Ѳарижу, н̑не мꙗ люби̑, но прійдет времꙗ и̓ ѡ̑тавиши мꙗ. И ре̑ е̓й А̓ле̑са̑дръ: Ѡ̓ госпожде Ѡ̓йнеше, не хощу аз тебе ѡ̑ставити, ꙗко ли ѡ̑тавлю, тъкда сіа̑-зи рѣка ваша К[аш]а̑туша вьспꙗть да потечет. И по̑тави с нею прьвое любве и зем ѿ неꙗ венец и̓ пойде в Трою. И̓ и̓зыдоша противу ему тройстій витꙗзі и̓ троиские жены и̓ самъ Прѣꙗмуша кра̑ и̓ Ꙗ̓купа госпожда троиска, приꙗта е̑ и ведо̑та в полату, і веселꙗху̑ всѣмь срдцем ѡ̓ нем. Призва же Приꙗму̑ кра̑ всꙗ пр̑рки и р̑ачеві и̓ ре: К'то ми хощет помогати в' троиском дѣле, аз дамъ ему три доли злата. И̓ слыша̑та то два дьꙗвола земленаꙗ и̓ прідоста пред кралꙗ и̓ реко̑та ему: Мы хощева сотворити Трою, да нама дасин ки̓ наю знай. И̓ нача̑та зидати Трою. И̓ Тебушь бѣ гусльни̑ и̓ ўгудꙗше в гу̑ли, и̓ зидаше̑ Троꙗ и̓гдѣ ѡ̓нѣ речаху, а̑ Нептенабушь и̓менем и̓дꙗше

в море й ношаше и^{з} морꙗ ва^{р} й камениѐ прігони й воду, й зидаху Трою̆ кудѣ ѡ̆нѣ речаху. И къда сове^{р}шиста все дѣло тро^{и}ское, й прійдо̑та пре^{д} Пріꙗмуша кралꙗ й реко̑та ѐму: Да^{ж}дь на^{м} наю̆ ѿвѣтъ ѐже на си ре̑ль. Й слыша̑ то^{и} кра̑ показа йм' три (ркп. пи) шюпи рукою̆ й ре и^{м}: Да ви сіѐ доли насыплю до краꙗ̆, сіѐ бо ви ѡ̆бѣща^{х}. И видѣста ѡ̆на, ꙗ̆ко и^{х} превари, й ра^{з}гнѣва̑тасꙗ й реко^{с}та ему: Мы ѐсва сотворила Трою̆ гра^{д}, мы хощева й умысли^{ти} како га й ра̑сыпати. Й по^{и}до̑та [къ] ѡ̆нѣмъ (ркп. -мей) пр̑рчица^{м}, коѐ ра^{з}гнѣваше за ѡ̆нў ꙗ̆^{б}локу, й начаша прорицати ѡ̆ злѣмь дѣле Троѐ града, како бы Троꙗ̆ не стоꙗ̑ до времене, да сꙗ бы разори̑ в̓ Преꙗ̆мушево времꙗ. Й по си^{х} йдꙗше Кащра̑дра госпо^{ж}да на реку Шимо̑шеви, й ту приближи̑ к ней Йпите^{р} пр̑ркъ й ре̑ ей: Кащра̑дро госпо^{ж}де, при^{и}ди ко мнѣ, да ти повѣмъ всѣ та^{и}ны тройскіꙗ̆, что хоще^{т} быти, но се й не похвали тро^{и}ски^{м} госпо^{ж}да^{м}, како си бесѣдовала сь Йпитеро^{м} пр̑рко^{м}, ӑще ли сꙗ похвали̑, да хощу тꙗ сотвори^{ти} да тꙗ не верꙋю^{т}. Й о̆на прі^{и}де [къ] тро^{и}ски^{м} госпо^{ж}да^{м} й нача пр̑рочествова^{ти} й гл̑ти: Хоще^{т} пойти мой бра^{т} Ӑле̑са̑дръ Ѳари^{ж} в̓ греки на слу^{ж}бꙋ к' Менелаўшу ц̑рю й хоще^{т} ѿну^{ду} дове̑ти Ӗлену цр̑цю гречкую̆ госпо^{ж}ду, Менелаўша ц̑рꙗ жену, коꙗ̆ ѐ найлѣплꙗ во всѣхъ греце^{х}, й хоще^{т} ӗꙗ̆ ра^{ди} погорѣти Троꙗ̆ гра^{д}. Й о̆на сіѐ говорꙗше, ӑ ѡ̆ни ей не вѣроваху. Й прошаше̑ Ӑле̑са̑дръ Ѳари^{ж} ў ѿца своѐ Приӑмуша къралꙗ на всꙗ̑ де̑ глаголе: Пу̑ти мене во греки на слу^{ж}бу к Менелаўшу ц̑рю, й паки хощу ѡ^{т}о̆нуду скоро прийти. Ӑ Пріӑму̑ кра̑ не хотꙗше е̑ пу̑ти^{ти} й не мо^{ж} ѐго уде^{р}жати, но пу̑ти е̑ во греки на двор'бу служити Менелаўшу ц̑рю. Й направи Ӑлек'сан'дръ Ѳаре^{ж} кора^{б}ль сво^{и} й взꙗ многочестнаꙗ̆ рухаль й злата й бисеріꙗ̆ й йна многа ра^{з}ли̑наꙗ̆ дарованіꙗ̆, й и̑иде самъ в кора^{б}ль со ѿроки своими, й ѿрину̑ в море й ѿи̑де во греки й при̑та по^{д} дво^{р} Менелаўше̑. Й ўви^{ди} то Менелаѐ ц̑рь й йзыде противу ѐму далече й целова е̑, й ре̑ ѐму Ӑлекса̑дръ Ѳаре^{ж}: Ѡ̆ г̑дне ц̑рю, да ўвѣсть цр̑тво ти, а^{з} не придо^{х} служити тебѣ зла[та] ра^{ди} йли сре^{б}ра ни на йно^{м} добы^{т}це, но да видѣ коꙗ̆ е̑ть че̑ на твоѐмъ дворѣ йли коꙗ̆ дово̑на че^{ст}и двора цр̑тва ти. Й слыша̑ то Менелаѐ ц̑рь й ѡ^{б}весели̑ ср^{д}це^{м} й поꙗ^{т} е̑ й в'веде

в полату ц҃рскую къ Елене ц҃рце, и седъше на едино трапезе и пьяху червленая віна триглѣна по едине чаше Менелау ц҃рь и Алексан дръ Ѳарнж и Елена ц҃рци. И потомъ егда приімаху убрус и умывалицу от стола, тогда написоваше Алексан дръ Ѳарнж червленѣмь вином на бѣлом убрусе и тако говоряше: Елено ц҃рце, люби мя да тя люблю. И Елена ц҃рца умѣяше книгу, а Менелае не познаваше ни слова. И пути Менелае ц҃рь брату своему Агамену ц҃рю и ре҃ ему: Увѣжь, брате мой, како ми есть бо҃ пособил, и хотят моя дружина мнѣ служити, и буди о сем весел. И слышав се Агамен ц҃рь и озлобис срдцем и ре҃: Аз о семъ весел есмь, яко есва самодержьца, а о семь нѣсмь весел, еже наю дружина служити намъ, да блюди ся тог, да не прійдет чюждее добро и возмет н[а]шу честь, и будет тому велика че҃ть, а нам велика срамота. И пути брату своему. Слышав се Менелае ц҃рь и озлобис срдцем и рече: Како нѣсть драго моя че҃ брату моему! И на вся дни писаше червенѣмь вином на бѣлом убрусе, а Елена ц҃рца мълчаше. И во еди дне призва Елена ц҃рца Алексанра в полату и ре҃ ему тихими бесѣдами: О Александре Ѳарижю, отави дръзость свою от мене, аще бо увѣсть гсднъ мой Менелае ц҃рь, то хощет тя уморити зле. И ре҃ ей Александръ: О госпоже моя Елено, да вѣси: о моей службе нѣсть ни обро, но ми еси ты обро. Азъ нѣсмь пришел да служу на злате или бисере, зане троиская полата една вяще имат злата и сребра нежели греческая дрьжа[ва], и яко бы видела троиские витязи, не бы рекла витези суть, но господа и властели. Да, госпожде моя Елено, готов есмъ приятии муки нежели долго мучимъ буду по твоей лѣпотѣ. И ре҃ ему Елена ц҃рца: О Александре, не оставляем тебе вь крівіне, но е҃ть подобно рещи таковому витезю, кой видит оволикуи лѣпоту и любит. Въ д҃нь тои прійде гла҃ Менелаушу ц҃рю яко врьже ся русагъ калакійскиі, и ре҃ Менелае ц҃рь по грецех сиону войску собрати и пойти на палагѣйское русагі. Увѣдѣ то Алексан дръ Ѳарнж и сотворис болен и леже во црском полате, и та полата бѣше опета рухом свиленым и златом и бисером. И реч ему Менелае пойти с ним на войску, и ре҃ ему Александръ: О гсдне ц҃рю, немощен есмъ до зела, аще

востану, ра^д с^смъ послѣдовати црт҇ву ти. И по си^х ѡ^тиде Менелае цр҇ь на войску. И ^внѣки^и де҇ поведе Елена црца девице хоро играти и со грече^скими госпо^ждами по граду. Видѣ^в то Але^кса^ндръ Өари^ж и ре^ч свои^м ѡ^трокомъ: Привезете ми бо^рзую катръгу и да видѧ^т знаме^не мое сойда [sic] привезѣте. И прім'коша негови унаци бо^рзи кора^бль его^в и двигнуша злати хо^лмъ е на копіе, и видѣвъ Але^кса^ндръ взем Елену црцю по^д пазуху свою и ^влѣзе с нею в бо^рзы^и кора^бль свой со ѡ^троки своими, и ѡ^трину на море и доплу по^д Трою гра^д, и при^ста на Шимо[и]шове брезе. И увидѣ^вше тро^исціі витези и тро^искиe госпо^{дн}е, и не хотѧху изыти противу ему ни еди вите^з ни еди^н ѡ^т отро^к, зане знаху^т колика има^т кро^в проли^{ти} по^д Трое^м за Елену црцю. Изыде противу ему ѿтець с^г Приѧму^ш кра^л имти егова Икупа го^спо^жда, и ѩтъ Приѧму^ш Але^гса^ндра за руку, а Икупа госпожа Елену црцю и^введоша и^х в полату свою.

И слыша Менелау^ш цр҇ь ѩко взѧ Але^кса^ндръ Өари^ж Елену црцю и ѡ^трину^с в море и ѡ^тиде по^д Трою, и ѿзлоби^с ср^дце^м ве^лми и во^зврати^с въ каакі^нс[кыѩ] дръжавы. И увѣдѣ сиѧ бра^т его Агамено^м цр҇ь и собра^в сѧ скоро пріде к Менелаушу црю, и жалова^ста ве^лми глюще: Колика срамота двигну нама! И со^бра^вшу си^лну войску пойти по^д Трою. И прійде на пре^д Иакъшъ Соломонике^в с'нъ сь .л. ката^рги на помощь Менелаушу црю бе^з запове^{ди}, и пото^м прійде Паламиде^ш, Придике^в снъ, сь .л. кара^блі бе^з запове^{ди}. И по си^х бѣше еди^н члкъ мудръ Уре^кшешь имене^м, Ла^нтише^в снъ, и увѣдѣ той створи^с бѣсен и нача песо^к ѿрати а со^л сѣѩти, да сѧ толико не причa^сти^т тро^иско^и крови. И бѣше другій члкъ мудръ имене^м Па[ла]меде^жпо, Прідике^в снъ, иже приступи ре цръма: Во и^стину Уре^кши^ш му^дръ члкъ ѡ^тметае^тца таковою хитро^стью да сѧ не прича^сти^т тро^иско^и крови, да пу^сти да ве^ргуть сна е пре^д ѿрало^м, да аще буде^т бѣсен, то преоврати си ке сна, аще ли нѣсть бѣсе^н, то сьставити ке волове не ора^{ти}. И пу^сти^ста оба црѧ Аиакша Соломоника, и ухити му сна и поверже га пре^д рало^м, и Уре^кшишь устави волове не орати. И поведе га Иак'ши^ш (ркп. или ак'ши^ш) пре^д ѿба црѧ, и ре^ч Уре^кши^ш к цре^м:

Волѣль бы^{х} тѣцати сь бе^{с}ны^{м} п'со^{м} по свѣту за три лѣта нежели видети тро^{н}скиѐ крови колика хоще^{т} быти за Ѐлену цр҃цю. Бѣше же и҆ А҆цилеѐшь хра^{б}ры^{н} паче всѣ^{х} гре^{к}, Ѳерелеше^{в} с҃нъ, и҆ одѣꙗ^{с}ѧ [въ] же^{н}скоѐ рухо и҆ поиде сь го[спо]гꙗми по граде^{х} ѐда се и҆ тако у҆тап^{т} да^{с} не прича^{с}ти^{т} тро^{н}скои крови, зане знаша колика се ке кро^{в} пролиꙗти за Ѐлену цр҃цю. По се^{м} и҆зочто^{с}та ѡ҆ба цр҃ꙗ во^{н}ску кора^{б}леи тисуща и҆ .р҃о. и҆ ѡ^{т}рину^{в}ше^{с} в море и҆ поидоша по^{д} Трою, и҆ при^{с}таша вь ѐди^{н} ѡ҆то^{к} красе^{н} зело, и҆мене^{м} А҆бакумъ, и ^{в}то^{м} ѡ҆тоце бѣша ѐдина лѣпа кошута вили и҆ пр҃рчица, и҆мене^{м} Велѣша госпожда, коꙗ ѡ^{б}[ладаше] мо^{р}скими во^{л}нами и҆ вѣтро^{м}, и҆ у҆биша ѡ҆ну кошуту витезе [А҆]галамена цр҃ꙗ, поне^{ж} не знаху. И у҆видѣ то и҆ Пелеша госпожа и҆ ра^{з}гнѣва^{с} ве^{л}ми и҆ пу^{с}ти великиѐ во^{л}ны на море да погуби^{т} всꙗ кора^{б}ли гре^{ч}скиѐ до ко^{н}ца, и҆ при^{с}таша в томь ѡ҆тоце. И҆ ѡ҆злоби^{с} Менелае цр҃ь во^{л}нами и҆ при^{з}ва попа Ка^{л}каша и҆ вопроси ѐ гл҃ꙗ: Почто бы҃ се и҆ хоще^{м} поги^{б}нути во ѡ҆тоце семъ? И ре҃ ѐму по^{п} Ка^{л}ка(та)ша: У҆били ѐть витезе ѡбре^{т}ше кошуту вили пр҃рчицу Ѳелеше госпо^{ж}да, прогнѣвала^{с} ѐ на ни^{х} и҆ пу^{с}тила ѐ во^{л}ны на море да погуби^{т} все гре҃ские кора^{б}ли, а҆ тѣ ви^{тез}иѐ суть А҆гамена цр҃ꙗ и҆же погубиша кошюту Ѳелеша госпо^{ж}да. И҆ тако вели^{т}: Доколе ми не буде^{т} д'щи А҆гамена цр҃ꙗ Цвѣтаны госпоже прелѣпиѐ, не хощу и^{х} пу^{с}ти^{ти}. И҆ слыша то Менелаѐ цр҃ь и҆ сказа брату своѐму А҆гамену цр҃ю. И҆ у҆вѣдѣвь А҆гаме^{н} ѡ҆злоби^{с} ве^{л}ми, и҆ не смѣꙗше ни ѐди^{н} приступи^{ти} вите^{з} к нему, зане бѣ гнѣвенъ. И҆ приступи к нему ѐди҃ ч҃лкъ наи҆мудрѣи во всѣ^{х} грецехъ, и҆менемъ У҆рекъшь и҆ рече: Ѡ҆ цр҃ю г^{с}д҃не, ѡ҆стави гнѣвъ свои и҆ пусти за свою дще^{р} Цвѣтану госпожу, и҆ подаи ю за ѡ҆нуи кошюту, понеже си пошелъ со братомъ своимъ да наи҆деши честь а҆ срамоту да ѡ҆^{с}тавишь, и҆ кои се содвигнуле гре^{ч}скиѐ воеводы и҆ саракѣи҆сцыи у҆рове[1]) . . . . . ста по^{д} дво^{р} А҆гамена цр҃ꙗ.

---

[1]) Въ рукописи пропускъ, для котораго оставлено бѣлое мѣсто. Сл. текстъ Миклошича (стр. 170): «и саракинстїи оурове и каакїистїи и палагїистїи и рагоуилъстїи витези, да сие себѣ сѫтъ наишле съмрътъ, а тебѣ срамотѫ, и наишло сѧ е много госпождь вь вдовичьство, аще толико не поустишь за своѫ дьщерь. И слышавъ то Агамень царь и ѡстави гнѣвъ и сръдбѫ своѫ и поусти

и̓ дои̓де Клетомещрици цр҃ци и̓ реч ѐи: Направи свою̀ дщер да ю̀ повести под Трою̀. И̓ реч цр҃ца: Како се может быти ѐже повесть дщер мою̀ тамо? И̓ реч еи̓: Ѿ госпоже моꙗ цр҃це, да у̀вѣси ꙗ̓ко у̀мириши̑ и̓ соѐдинишисꙗ̀ троꙗ̀ни со грѣки.... [1]) виномъ и̓ у̀спиша ю̀ и̓ ѿставиша ю̀ спꙗщу, и̓ ѡтринушас греч сціи̓ корабли под Трою̀ на рать. И напред и̓дꙗше Иаиакша сн҃ь Соломаничев и̓ У̀рекшаша Лартешева сн҃а, ї и̓зыде противу им премоги витез Ектор крал и̓ с ним троисціи̓ витези Анцидешь и̓ Ѐтенор и̓ Ѐнош, и̓ стрелꙗше Ѐктор крал стрелою̀ габилотою̀ и̓ вь ѐдино пущениѐ потоплꙗ̀ше три корабли греческіꙗ̀, и щищаше И̓аꙗ̀к'шь Шоломаничев сн҃ь своим щитом зорѣним и̓ защити з҃і корабле греческіх ѡт живаго о̑гнꙗ Иекторова. И̓ потом и̓зыдоша греческіи̓ витези на рать, и̓ и̓зыде противу их И̓ѐлинуш Пріа̀мушов сн҃ъ, брат Александров, и̓ нача̑ бити под Трою̀, и̓ урва Ѐлѐнуш Тиурцера Дицева сн҃а, и̓ лежаше Тиу̀р'цер под своим парижем, кои̓ сꙗ зовꙗше рогаѳариж, и̓ лежаше в троиском прасе побледѣвь ѡт смртна̑ страха. И близ ег бѣ У̀рекши и̓ не смѣ ѐго ѿтети, ну га̑з[н]е А̓ꙗ̀к'шь Шоломаничев с'н҃ъ. И̓ потом и̓зыдоша греч сціи̓ витези и̓ воѐводы под Трою̀ и̓ поставиша червеніи застави и̓ бѣліѐ тенти и̓ сташа под Трою̀, и̓ поиде Менелаѐ цр҃ь и̓ У̀рекшь на вѣре Приꙗ̀муша кралꙗ вратити ѿнꙗт Ѐлену цр҃цю без рвани, да не за неꙗ̀ ради пролетца велика кров и̓ мнози витези погибнут, и̓ хотꙗше крал вратити ю̀, и̓ у̀вѣдѣ то А̓лександръ Ѳариж и̓ дои̓де хотꙗ погубити Ме[не]лау̀ша цр҃ꙗ и̓ Урекшиша, а̀ще не быx Преа̀муш застуни. И̓ у̀вѣдѣ то̑ А̓ѡ̀йнуша

за своѫ дъщерь Цвѣтаны госпождѫ. и ѡт(ъ)поустиста оба царѣ Оуре[к]шиша, Лартѣшева с(ы)на, и направи Оуреекшишь свои бръзыи корабь, кои пробивше силныѫ морскыѫ влъны и доплоувъ приста подъ дворъ.

[1]) Въ рукописи бѣлое мѣсто; пропускъ восполняется текстомъ Миклошича, стр. 170: «и повратишѫ Еленѫ царицѫ без ръвани, и хощемъ дати Цвѣтанѫ госпождѫ нашѫ за Еленоуша, Прѣꙗмоушева с(ы)на, вь Трож. И слышавъ то царица и обвесели сѧ ср(ъ)д(ь)цемъ велми, и направи своѫ дьщере, и даст(ъ) ѧ Оурекшю повести под(ъ) Трож. и вньже д(ь)нь поведе ѧ, вь тъи д(ь)нь прѣсташѫ вльнениа морю, и вь тыѫ нощь прииде Пелеша госпожда кь Агаменоу царю и рече емоу: остави ми без боазни своѫ дьщерь в сем(ъ) отоцѣ, азъ бо милостива еи хощѫ быти и хранити доволнѣ. И егда быст(ъ) за утра, опоишѫ ѧ вино.

госпожа и̓ до^{и}де на Ѳарижа А̓ле^{к}са^{н}дра и̓ нача^{с} карати с ни^{м} и̓ ре^{ч}: Ѿ А̓ле^{к}сан^{н}дре, помꙗни той̓ е̓гда а^{з} теча^{х} свои̓ма босыма ногама по мо^{р}скому ѿ^{с}трому пе^{с}ку бе^{з} покрывала и^{з} твое̑ плавогривастога про[у]сца и̓ рѣхъ ти: А̓ле^{к}са^{н}дре Ѳарижю, сьд'а мꙗ любиши, а̓ потомъ прі^{и}де^{т} времꙗ како мꙗ хоще^{ши} ѿставити. И ты сꙗ̓ мнѣ кленеше: Не кю тебе ѿ^{с}тави^{ти}, а̓ко ли тꙗ ѿ^{с}тавлю, то^{и} да сиꙗ̓ река да потече^{т} во^{с}пꙗ^{т}. Паки взꙗ^{л} е^{с} Елену цр҃цю, а мене е̓си ѿ^{с}тави^{л}, да сꙗ хоще^{т}ца е̓ꙗ̓ ради велика кро^{в} проли^{ти} по^{д} Трое^{м} и̓ мнози поги^{б}ну^{т}. А̓ къда ты и̓дꙗше в Греки на дво^{р}бу Менелау̓ цр҃ю, ть^{г}да а^{з} молꙗ^{х} мо^{р}ско^{и} виле, да у̓стави^{т} мо^{р}ские̓ во^{л}ны, да ты и̓де^{ш} веселы^{м} ср^{д}це^{м}, а̓ кьда бы^{х} знала ере си поꙗ̑ Е̓лену цр҃цю и̓ и̓де^{ш}, то̑ паки да у̓молила бы^{х} вилу, тере би твои̓ кораби потонули. И̓ ѿ^{с}тави Ѿинешь госпожа А̓ле^{к}са^{н}дра и̓ пои̓де на Е̓лену цр҃цю карати^{с} с нею̓ и̓ ре^{ч} е̓и̓: Помꙗні кьда то ны три сидѣхо^{м} в мо^{р}ско^{м} ѿтоце, и̓ дои̓де Тезе^{ш} вите^{з} и ^{в}зꙗ тебе и^{з} ме^{ж}ду на^{с}, и̓ пото^{м} те у̓зе Менела̓у^{ш} цр҃ь, а̓ сьда си въ третію̓ по^{с}телю прелюбы сотворила, а̓ мене и^{з}гнала, да сꙗ хоще^{т}ца за тꙗ велика кро^{в} пролити. И̓ слыша^{в} то Менелае̓ цр҃ь и̓ У̓ре^{к}шь, и ї̓зыдо^{с}та и̓^{с} Троꙗ̓ и̓ дои̓до^{с}та вь гре^{ч}ски^{и} ста^{н} и̓ каза^{с}та всѣмъ, кои^{м} бѣ смр'ть ѡ^{б}ща ѡ^{т} А̓ле^{к}са^{н}дра ѡ^{т}лучена. Призва^{с}та ѿба ц҃рꙗ попа Калкаша и̓ нача^{с}та е^{г} вопроша^{ти}: Повѣ^{ж}дь нама, коꙗ̓ се зданиꙗ требе Трои̓ на рваніꙗ̓, како ли можемъ Трою̓ пріа̓ти? И̓ ре^{ч} имъ по^{и} Ка^{л}каш: Пе^{р}вое̓ требе дове^{с}ти А̓цилѣша Ѳе^{р}лешева с҃на, и̓ другое̓ требе приве^{з}ти Пилоташа Петичева с҃на [съ] стрелою̓ габилотою̓, и̓ доколе стои^{т} Дѣло[нъ] на стража на высоко^{м} кащеле и̓ ѡ^{б}ра^{з} Мина^{р}ве госпое̓, и̓ доколе стои^{т} каме^{н} вели^{к} на^{д} враты, тако су^{т} прр҃ци прорекли, не може^{т}ца Троꙗ̓ приꙗ̓ти. И̓ слыша^{в} то У̓ре^{к}ше^{ш} и̓ заложи свою̓ главу на срѣщу и̓ сотворі ремение^{ш} сто^{л}бу, заве^{р}же ю и̓ в'лѣзе нощию̓ в Трою̓, [и уби] Дѣлона стража на высоко^{м} кастеле, и взꙗ ѡ^{б}ра^{з} Мина^{р}ве госпое̓ и̓ дои̓де на тро^{и}ска врата и̓ на ни^{х} бѣ Рейде^{ж} кра^{л}, и̓ у̓би е̑ [и изведе бѣлаго ѳарижа Рейдеша кралꙗ][1]) и̓ дои̓де в гре^{ч}скій ста^{н} с вели-

---

[1]) Фраза, опущенная въ текстѣ и приписанная тою-же рукою на поляхъ.

кою ч^с^тію. И во^з^веселише^с^ ѡ̓ба ц҃рѧ и̓ всѧ воѐводы и̓ у̓рове гре^ч^сціи̓, и̓ пу^с^тиша Иа̓па̓кша да и̓ще^т^ Ἀцилѣша. И̓ и̓ска е^г^ во многи^х^ мѣсте^х^ и̓ ѡ̓тоце^х^ и̓ граде^х^, и̓ не може е^г^ наити. Доиде на е̓дн҃ ѡ^т^ о̓то^к^ лѣпъ и̓ красе^н^ ве^л^ми, кои сѧ зовѧше Ка^л^кадиїно^в^ ѡ̓то^к^, и ^в^то^м^ ѡ̓тоце бѣше пу^р^гь красенъ и̓ в то^м^ пи^р^зе бѣше кра^л^ и̓мене^м^ Коста кра^л^, и у̓ того бѣ кралѧ .є҃. д'щере^и^ и̓ .ѕ҃. Ἀцилеи^ш^. Возврати̑ по^д^ Трою̓ и̓ и̓споведа и^м^, ѩ̓ко и̓ска^х^ е^г^ по всѣ^х^ градо^х^ и̓ не мого^х^ ѡ̓бре^с^ти е^г^. И̓ ѡ^з^лоби^с^та са ѡ̓ба ц҃рѧ и̓ ^в^сѣ ве^л^може гре^ч^сции и̓ пу^с^тиста и̓ паки У̓ре^к^шеша иска^т^ Ἀцилеѐша. И направи У̓ре^к^шишь свои̓ кора^б^ль мно^г^че^с^ны^м^ бисеро^м^ и̓ злато^м^ и̓ рухи златыми и̓ кра^с^ныѐ ю̓наки и̓ повѣдѣ бѣлога ѳарижа Реидеша кралѧ, и̓ преложи на немъ свѣтлоѐ ѡ̓ружиѐ и̓[съ]щито^м^, на кое^м^ бѣ писано ѡ^б^ра^з^ про^с^т[р]анно^г^ свѣта, сл'нце и̓ м^с^ць и̓ звѣзды и̓ бурѧ и̓ лако̓мии мчь Ѿреша кралѧ, кои̓ всегда желаше троискиѐ крови. И̓ ѡ^т^рину^с^ на море и̓ поиде и̓скати Ἀцелеша, и̓ приста на то^т^жде ѡ̓токь в немъ^ж^ бѣ Коѐта кра^л^. И у̓видѣ Коѐта кра^л^ и̓ и̓зыде противу ѐму, зане ѐму бѣ ближнїи, и введе ѐго в полату, и̓ ѡ̓бедоваху на ѐдино^и^ трапезе. И̓ по ѡ̓бѣде ре^ч^ У̓ре^к^ши^ш^ кралю: Ѡ г҃дне, да знаю̓ крале^в^с(о)тво ти, пу^с^тиша менѧ ѡ̓ба ц҃рѧ и̓ даша дарови твои^м^ т'щере^м^, а̓ мои^м^ сестра^м^, да повели и^м^ да и̓зыду^т^ на мо^р^скїи ѡ̓то^к^, да си взимаю̓^т^ що е̓ коѐи драгоѐ. И̓ повѣлѣ кра^л^ изыти всѣмъ госпо^ж^дамъ и^з^ двора на море, и̓ начаша взимати что коѩ̓ люби^т^, а̓ Ἀцилее^ш^ стоѩ̓ше поглѧдуѧ̓ на ѳарижа, ѩ̓ко соко^л^ на птицу, и̓ мину мимо нега и ре^ч^: Сьи ѳари^ж^ подо^б^ра^г^ витезѧ и̓ сиѐ ѡ̓ружиѐ на не^г^вѣ широцни плещи и̓ сьи̓и щитъ на негову крѣпкою̓ мы^ш^цу. И̓ слыша^в^ то У̓ре^к^ши^ш^ и̓ положи̓ ѐму свои руци на рамѣ е^г^ и̓ ре^ч^ ко Ἀцилеѐшу: Ѿ б҃жїѐ девице, не у̓страша^и^сѧ ѡ^т^ Троѩ̓, о̓ждае^т^ тебе Троѩ̓ на разорениѐ. И̓ ту пре^(л)^вари У̓ре^к^ше^ш^ Ἀцилеѐша и̓ поведе е^г^ по^д^ Трою̓. И̓ доидоста на приде^ж^скиѐ ѡ̓токи, и ^в^то^м^ ѡ̓тоце бѣше витези Иектора кралѧ, сули^ч^ни^к^ Ѳелеспо^н^ с нїмї, и̓ хотѣху да погубѧ^т^ Ἀцилеѐша и̓ У̓ре^г^шиша. И̓ поиде противу Ἀцилее^ш^ на бѣло^м^ ѳарижю и̓ у̓би Ѳелепона сули^ч^ника и̓ ѐгову дружину, Жербона витеза и̓ Ска^н^дриѡ̓на и̓ нече^с^тїваго Е^р^мона, и̓ взѧ Ἀцилее^ш^ Ѳелеспона сули^ч^ника [дщерь] Бриже^н^ду госпою̓, коѩ̓ бѧше наи-

лѣпля во тройски^х страна^х, и поведе ю по^д Трою. И дойдоста во гре^чскій ста^н с великою ч^стію, и ѡбвеселиста ся ѡба цря и вси ве^хможие и вси урове гре^чсціи и рагуп^хсціи и витезе. И творяше бра^н Иекто^р кра^х и поражаше множество гре^чски^х витезеи на вся^к д'нь и многие ве^хможе погуб^хяше, и бояше^с гласа Ацелеешева. И егда бы^с в нѣкиї де^н, и направи^с 'Ацилее^ш и пойде по^д свою а^рматосию и свои^м знамение^м противу Ектору кралю, и ста^вше^с полюбистася и ястася за руки, и той де^н не хотяста ся бити. Бѣху пленили гре^чстіи витези тройские страны и привели бѣше Рижеуше попа т'ще^р Рижеуду госпою (ркп. г'ле), коя бѣша найле^нша в тройски^х страна^х. Видѣвь ю 'Агамено цр҃ь лѣпу и кра^сну, взя^в ю себѣ, а 'Арижеушь бѣ по^п сн҃ъ Тебуга бг҃а, и уведѣ то Тебу^х богъ и разгнѣвася ве^хми и пусти свои^м во^хше^ство^м великій недугъ въ гре^чскую войску, и мнози помираху. И вопроси 'Ацилее^ш Ка^хкаша попа: По^что ра^згнѣва^с на на^с бо^г и хоще^м поги^бнити? И ре^ч Калка^ш по^п: Зане е 'Агаме^н цр҃ь Рижеуша попа тще^р взя^х, а Рижеу^ш по^п сн҃ъ е^сть Тебуха бога, и ре^клъ е Тебу^х богъ: До^ндеже не повратя^т Рижеуде госпо^жде ѡ^тцу ея, не хоще^тсѣ недуг^г пре^стати ѡ^т гре^чские войски. Слыше^в же сия 'Ацилее^ш Рижеуде госпо^жде (Micl. емъ за рѫкѫ.... Рижеоудѫ госпождѫ) и во^звратн ю ко ѡ^тцу ея. И ра^згнева^вже^с 'Агаме^н цр҃ь взя^т жену 'Ацилеешу, и ра^згнѣва^с 'Ацилее^ш и не хотяше изыти на рать на Ектора. И пу^стиста ѡба цря Уре^кшеша и Тивучера ити ко 'Ацилѣешю, и реко^ста 'Ацилеешю: Г^сдне, ѡстави свой гнѣ^в і во^зми ѡружіе и по^ди противу Ектору кралю да бы^с ѡ^стави^л гре^чские войски. 'Ацилее^ж ничто^ж ѡ^твещеваше. И пу^стиста ѡба цр҃я 'Ацилеешю Брѣже^иду госпожу да ра^зговори^т е^г, и нача^т бесѣдовати к нему: Пу^стила мя ^ста ѡба цр҃я да мя приме^ш ѡнять, и ѡ^стави гнѣвъ свой, изыди по^д Трою на бра^н, да^вно^б ѡдолѣ^х Ектору кралю. И 'Ацилее^ш ничто^ж ѡ^твеща. И направи^с 'Айак'шь и пойде на Ектора, и ^взя 'Айа^кшь камень, кое^г не могу^т два витеза двигнути, и наяз^ди и удари Ектора краля, и по^кле^кну Екто^р и егова ѳарія на землю и ѡ^бращь ся ре^ч: Нѣсть сей уда^р ѡ^т гре^чски^х уда^р, но е^сть ѡ^т церіжийскіи^х крови. И вопроси е^г: Кто е^с ты? И

реч ему: Аз есмь Йапакшь. И Ектор реч: Право (реч) нѣси ты ѡт греческих витѧз, ну си ти ѡт прижийские крови, а Ежеона и госпожа мнѣ есть сестра. И даде ему, Ектору, своег златаго меча и реч мо[у]: Ѡпоѧшис сим златым мечем по ѡружию своему да егда идеши на р'ваню да аз ѡт тебе не погибну а ты ѡт мене. И поиде Ектор в Трою и пришед реч брату своему Александру Ѳарижу: Не тебе ради ли приде бран сиѧ на Трою и аз тебе ради кров свою проливам, а ты не хощеши никогда изыти со мною на рваню. И реч пойти, и кьда быс заутра и направис Александръ и пойде на бран, и увиди Менелае цр҃ь ѧко Александръ Париж идет на бран, и начини сѧ Менелаушь цр҃ь и пойде противу ему, и наѧздиста сѧ, и ур'ва Менелае Александра Ѳарижа, и лежаше в тройскомъ прасе. И вращь сѧ Менелае цр҃ь и хотѧху ег погубити до конца, и приспѣше Венуша госпожда и сотвори велику мьглу, и не може ег ѡбрести, но убежь в' Трою. И видѣ его Елена цр҃ца и реч ему: Александре Ѳарижю, вѣдѣ говорѧх ти, противу не исходи Менелаушу цр҃ю, зане бо е похрабрь ѡт тебе, а ты еси почстен господин и подобрь игрец играти и веселитис з госпождами, видѣх бо ѧко твои желти власи лежаху в тройском прасе, аще не бы брат твон Ектер крал возбранил греческими витезем да придеши в Трою. И абие Ектор крал биѧше греческие вое, Ацилеш же седѧше и гледаше. И прійде ѡтрок Ацилеешев именем Потриколшь доичик, кои с ним едино млеко с'сал, и реч ему: Гсдне Ацилеешу, пріими свое ѡружие и свои ѳариж и поиди под своим знамением противу Ектору кралю, аще ли не хощеши, да пусти мене и направи мене в' твоем ѡружие под твоим знамением, давно сѧ бы возвратил Ектор крал ѡт нас. И пусти ег Ацилеш. И видѣ Ектор крал знамение Ацилеешево и убоѧс и егов ѳариж и нача бежати, и паки возвратис и реч: Нѣс ми срамота ѡт добра витезѧ умерти. И начастас бити, и уби Ектор Потроколуша и привѧза ег ѳарижу ег ко ѡпаши и повлече ег в' Трою, и радовашас мнѧ ѧко Ацилееша уби. Видѣ то Ацилеш жалостен бѣ велми и пусти мт҃ри своей Тетиши госпождѣ въ Еллинні и реч ей: До пусти ми ѡнокои ѡружие каково то ми бѣше и прежде дадала, аще ли ми не даси, да понести кю мою главу

голу по^{д} тро^{и}ски зидъ и̓ к тому мене не видиши. И̓ слыша^{в}ше то Тетиша госпо^{ж}да и̓ пои̓де в гору [къ] Ка^{л}капушу ковачю, по^{д} кои^{м} бѣ триста малы^{х} дьꙗво^{л}, и̓ да^{де} ему м'но^{г} злата и̓ ре^{ч} е̓му поскоро скова^{ти} всꙗка ѡ̓ру^{ж}наꙗ̓. И̓ скова ѡ̓ружиꙗ̓ до^{б}ра, и̓ пу^{с}ти Тетиша госпожа 'Ацилее̓шу сн҃у свое̓му по^{д} Трою̓. И ^{в}кои̓ де^{н} принесено бы^{с} о̓ружие̓ се, в' ту^{ж} но^{ч} видѣ со^{н} жена Е^{к}тора Е̓втропиꙗ̓ госпож^{д}а и̓ разбу^{ди} сꙗ ѡ^{т} сн'а свое^{г} и̓ нача плака^{ти} жало^{с}тно и̓ ^{с}та^{в}ши и̓де пре^{д} ло^{ж}ницу све^{к}ра свое^{г} Преꙗ̓муша кралꙗ. И̓ слыша^{в} то Приꙗ̓му^{ш} кра^{л} и̓ ре^{ч}: Кто е^{с} пре^{д} моею̓ ло^{ж}ницею̓ в полунощь и̓ толико плаче^{т}? И̓ ре^{ч} госпож^{д}а: Госпо^{ди}не, е̓во е^{с}мъ а^{з} сама и̓ нѣсмь пе^{р}во прихо^{ди}ла ни говорила, и̓ сьда ти говорю и̓ молю тꙗ: не ѡ^{т}пуща^{и} сн҃а свое^{г} во у̓тре^{ш}не^{и} де^{н} на р'ванию̓ на 'Ацилее̓ша, е̓ре га не ке^{ш} ѡ̓пꙗ^{т} дочека^{ти}. И̓ слыша^{в} то Приа̓му^{ш} нача ю̓ вопраша^{ти} в'ста^{в}, и̓ сказа е̓му со^{н} еже видѣ: и̓зыде и^{с} Троꙗ̓ велика ме^{ч}каꙗ̓, и̓з гре^{ч}ские̓ вои̓ске (ркп. вои̓ све) ве^{и}рь и̓ нача^{с}та^{с} борити, и̓ посече ве^{и}рь ме^{ч}ку и̓ лежаше на троиско^{м} прасе и̓ вовлече е^{г} вь гре^{ч}ски^{и} ѡ̓ко^{л}, и̓ к тому не видѣхь камо ^{с}дѣну. Да а̓ще пу^{с}ти^{ш} Е̓ктора, то не ке^{ш} га видѣти. И̓ слыша^{в} то Прѣа̓му^{ш} кра^{л} и̓ нача тѣши^{ти} тихими бесѣдами: Ѡ̓ госпоже, не злосе^{р}ди^{с}, ми хоке^{м} створи^{ти} что е^{с}ть до^{б}ро. И̓ прово^{ди} въ ло^{ж}ницу е̓ꙗ̓. И̓ сьда бы^{с} зау̓тра и̓ направи^{с} Е^{к}то^{р} кра^{л} на бра^{н}, и̓-и̓зыдоша противу е̓му трои̓ские̓ госпож^{д}іи, мт҃и е̓го Ꙗ̓купа госпожа и̓ жена е^{г} А^{н}дроѳѣꙗ̓ госпожа и̓ сестры е^{г} Кащра^{н}дра и̓ Полик'шеꙗ̓на, и̓ возбраняху е̓му да не бы и^{з}ходи^{л} на бра^{н}, и̓ ѡ^{н} сꙗ не хотꙗше ѡ̓^{с}тави^{ти}. И̓ в[р]ъже жена е^{г}ва сн҃а е̓го и мет'ну пре^{д} ѳарижа е^{г}ва, да сꙗ бы во^{з}[в]рати^{л}, а̓ о^{н} сꙗ не хотꙗше во^{з}врати^{ти}, и̓ ре^{ч} ему жена е^{г} А^{н}дроѳѣꙗ госпожа: Ѡ̓ Е^{к}торе, почека^{и} мене мало. И̓ ше^{д}ши в ло^{ж}ницу свою̓ совлече сь себе сви^{л}ное̓ рухи и ѡ^{б}лече че^{р}ные̓ ризы и̓ и̓де пре^{д} не^{г} и̓ ста пре^{д} ѳариже^{м} е̓го и̓ ре^{ч}: Ѡ̓ Е̓кторе кралю, да вѣси а̓ще сꙗ не врати^{ш} сьда, то и̓ ѡ̓вакоико рухо носи^{ти} по тебѣ. И̓ тако Е^{к}то^{р} не врати^{с}, но пои̓де противу 'Ацелее̓шу. И̓ составиша^{с}, не биста^{с} в то^{и} де^{н}, но постави^{с}та ро^{к} бити^{с} зау̓тра. И ^{в}то^{и} де^{н} у̓би Е^{к}то^{р} .з. у̓ро^{в} гре^{ч}ски^{х}. И̓ заутра и̓зы^{де} Е̓^{к}то^{р} кра^{л} и̓ начаста^{с} би^{ти} сь 'Ацилееше^{м}, и̓ наѣха 'Ацилее^{ш} Е̓ктора и̓ у̓рва е^{г} и̓ пробо^{де}, и̓ мр'твъ

паде на землю, и взꙗ ег Ацилеем и понесе на свой стан. И видѣше тройскіе велможи и госпоже и начаша жалостно плакати, и взꙗ Прѣамуш крал на себе нищей худые ризы и гусли и пойде въ гречскую войску и нача пытати Ацилиешева катуна: кога еден бгъ почел, да мꙗ напой и накорми грѣшнаг и странаг. И дойде Ацилеешев катун и нача густи в гусли жалостно велми, и даꙗше ему ѡт вечера свое ꙗсти и пити. Кога быс по вечери, легоша спати пьꙗни и уснуша и страже, и воста Приꙗмуш и нача искати сна своег Ектора кралꙗ и ѡбрете ег на постели мр'тва сь Ацилеешем лежаща, и видѣв ег Приꙗмуш мр'тва и воздохнув ѡт срдца велми. И видѣвь то Ацилѣешь и устраши и реч ему: Кто ес ты? И реч ѡн: Аз есмь Прѣамуш крал и ищу сна своег Ектера кралꙗ. И реч ему Ацилеешь: Аще ты еси Приамуш, то аз ѡт страха твоег мертвъ есмь. И реч Прѣамуш: Не бой сꙗ, гдсне, ѡт млада тог нѣсть сотворил да сꙗща витезꙗ погублю, но прошу сна своег Екгтора. И реч ему Ацилѣешь: Да аз то сотворю да аз понесу Екгтора на свою плещу в Трою по вѣрѣ (ркп.— ь) [и] клꙗтве Прѣамушевѣ, да здраво вниду и паки изыду. И заутра взем Ацилеем Екгтора кралꙗ и понесе ег в Трою, и прѣдаша ег тройским госпожам, и начаша ег плакати. И реч ему Прѣꙗмуш: Ацилеешу, пойдеве въ ц'ркв клꙗтис друг другу зло не мыслити, да бы сѣмꙗ ѡставил в Трою и да ти вдамъ мою т'щер Полишену госпожу, коꙗ то ѣ найлѣпшие во всех госпожах тройских. И пойдоста въ ц'ркв и клꙗс Прѣꙗмуш прьвие и ѡтступи проч, и поклену Ацилеем клꙗтис ꙗко не рвати Трою, и ту и себе скрыв Елену Прѣꙗмушов снъ и удари Ацелеуша ꙗдовитою стрелою в пꙗту, зане бѣ вес ѡружен, толико ходила ег без желѣза. Тогда Ацилеем пад на зем'лю изд'ше. И видѣв то Приамуш крал ѡзлобис велми, и совлече с нег Приамуш ѡружес все и ѡтпусти ѡбѣма ц'рма и сказа има ка[ко] ему вѣру изломиша, да аще велита, да тѣло его принесу к вам. И плакаша велми видѣвше ѡружие Ацилѣешево и поручиста Преꙗмушу кралю сьжещи тѣло ег и всыпати в корчаг, да сотворит гроб его на далечном земли. Слыша то Пріамуш крал и сожже плот ег и всыпа во злат корчагъ и ѡтпусти ѡбѣма ц'рма. И вѣдѣша

ц҆ря и҆ ꙋ҆рове гречцӹ и҆ дивишас глще: Ѿ сило и҆ слава Ацилешева, како тꙗ не сьвьземаху (ркп.:—гу) вси градове и҆ ѿтоцы, а҆ седа єдин корчагъ злат нѣсть тꙗ плен!

И҆ нача Ꙋ҆рекшиш просити ѡ҆ружиꙗ ег и҆ не даваше га И҆а҆па҆к҆шь, но реч: Ѡ гречсціи цріє и҆ велможи и҆ ꙋ҆рове саракіисциі и҆ палагинсціи и҆ рагуинсціи витези, не даванте Оурекшешу ѡ҆ружиꙗ Ацилеєшева, не ꙋ҆мѣет бо с ним вам работати, но давайте А҆і҆акшу кои то га ꙋ҆мѣ носити, и҆ помꙗнете: кѣда пріидох сь .л҃. корабли на помощь вам без запо[вѣ]ди, а҆ Ꙋ҆рекшиш сꙗ бѣ сътвори бѣсенъ, тере песок ѡ҆раше а҆ сол сѣꙗше да сꙗ не причастит троиской крови. И҆ паки ѡ҆твеща Ꙋ҆рекшиш и реч: Оурове гречсціи, не давайте А҆а҆акшу ѡ҆ружиє то, но помꙗнете: когда хотѣхом во ѿтоце ѡ҆ном ѡ҆т злыꙗ бурꙗ погинути за ѡ҆нуую кошуту, и҆ не смѣ поити І҆а҆па҆к҆шь ѿитꙗт въ Греки за Цветану госпожду, но поидох аз и҆ пріведох ю҆, и҆ сташа волнения морскаꙗ, и҆ вы поидосте с веселем под Трою. Да присудите Ꙋ҆рекшишу ѡ҆ружіе то. И реч И҆а҆па҆кшь: Ѡ гречесціи ꙋ҆рове, не присужанте Ꙋ҆рек҆шишу ѡ҆ружиꙗ тог, прісудите є И҆а҆пак҆шу, кои хощет вам почтено с ним работати, и҆ помꙗнете то: єда доидохом под Трою на бран и҆ урва Єленуш Пріамушов с҆нъ Тиоуцера Дицевушева с҆на, и҆ близ нег бѣ Ꙋ҆рекшиш и҆ не смѣа҆ше ег ѿтети, и҆ ѿтех єго аз И҆а҆па҆к҆шь. Дадите мнѣ то ѡ҆ружиє. И реч Ꙋ҆рекшеш: Ѡ гречстіи ꙋ҆рове, помꙗните: когда аз заложих свою главу на срѣщю и҆ поидох в Трою нощию, и҆ сотворих вса вам єж на позу, и҆ извєдох бѣлого оарижа Рейдеша кралꙗ, а҆ тог погубих, доидох к вам с великою чстію. Дайте мнѣ то ѡ҆ружиє и҆ не давайте И҆а҆па҆к҆шу, кои не ꙋ҆мѣеть ни єдиной вам чсті сотворити. И реч А҆па҆кшь: Ѡ гречстиі ꙋ҆рове, помꙗните то, єгда поидох противу Єк҆тору кралю и҆ взꙗх великіи камен, ког(д)а не мождаху двигнути два витеза ѡ҆т земли, и҆ ꙋ҆дарих Ектора кралꙗ, и҆ поклекну Ектор и҆ негов париж на землю. Да присудите мнѣ то ѡ҆ружие, а҆ не даванте га Ꙋ҆рекшу на плешивую главу. И нача говорити Ꙋ҆рекша тихими бесѣдами: Ѡ господина црꙗ и҆ вси [е]гови велможиє и҆ ꙋ҆рови, да вѣсте, аз ничегож прошу, но мене пустите, да Ацилѣша доведу: и҆ пріведох єго к вам, да сьда ег прошу вам, дадите ег мнѣ сѣмо, да

ѡтведу и̓ поставлю, гдѣ тога сьмь нузел. Тогда цр҃ь и все воеводы и̓ у̓рове гречсціи̓, кои̓ седꙗху в купе, и̓ начаша поглꙗдати друг на друга и̓ не и̓мѣху что ѡтвещати У̓рекшишу, и̓ даша е̓му ѡ̓ружіе̓ А̓цилѣе̓шево да им не бы просил А̓цилее̓ша. И̓ видѣ А̓иакшь и̓ и̓зꙗ свои̓ малый меч и̓ прободес на том мѣстѣ за жалость свок. И̓ ѡ̓злобис ѡ̓ том всꙗ войска гречскаꙗ̓ и̓ ѡ̓ба цр҃ꙗ. И̓ видѣ то У̓рекшеш, какос ѡ̓злобиста ѡ̓ба ц'рꙗ и̓ вси болꙗре ег, и̓ реч У̓рекшиш ѡ̓бѣма ц'рема: Не злобита са, господина моꙗ̓, нь да вѣста извѣстно, аз вамъ хощу сотворити како хощем Трою̓ приꙗ̓ти лестію. И̓ видѣвше то Ꙗ̓купа госпожа троиска, ꙗ̓ко хощет Троꙗ̓ скончати, и̓ направи сн҃а своег менше, кога зовеши Пилидваруш, и̓ пусти ег на онпль морꙗ̓ Полинещеру кралю, кои̓ кралеваше по всеи̓ Пагажи, и̓ многаꙗ̓ с ним злата и̓ сребра, е̓гдас би семя (ркп.—и) у̓храни ѡт Трое̓. И̓ у̓мысли У̓рекшиш и̓ цр҃ема повеле пустити вь греки и̓ донести мѣд и̓ цкьло и̓ воскь, и̓ сотвори зело красна ѳарижа сѣра, и̓ избра .т҃. витез храбрых и̓ ѡ̓ружав посади их в немь. И̓ воставши войска зашедши скрыс и̓ корабли потаи̓шес в шимо[и]шевых брезех. И̓ и̓зыдоша и̓с Троꙗ̓ на ѡ̓колища гречскаа̓ и видѣша ѳарижа лѣпа и̓ красна велми, и̓ повѣдаше троиским госпожам и̓ рекоша: А̓ще бы сꙗи ѳариж был в Трои̓, много бы му лѣпотѣ прибыло. И̓ рекоша троиские госпожи: Приведете ег нам да га видим. И̓ твориша противу ег сѣни и̓ повезоша ег въ Трою̓ и̓ дои̓доша до врат граду, и̓ не може внити е̓дино у̓хо во врата. И̓ бѣаше велик камен над враты града и̓ хотꙗху ѡ̓бити у̓хо ѳарижу, и̓ дадошед троискіе̓ госпожде но̓ и̓ рекоша сьтльщи камен иже бѣше над враты, и̓ паки хощем, реч, зазидати подобрѣ, а̓ ѳарижа не мозити̓ ѡбружити. И̓ растолкоша врата и ввезоша ѳарижа во град. Да е̓гда быс внутри̓, тогда воини разбиша цькло мчними главами и̓ напрасно и̓скочивше и̓секоша множество людеи и̓ приемше град, и̓ приспѣша морсціи̓ корабли и̓ ꙗж по суху войски и̓сполнивше град и̓ начаша сѣщи троискиꙗ̓ витези, а̓ другіе изметавше в море. И̓ изведоша А̓лександра и̓ Е̓лену цр҃цю из высоког пирга пред Менелау̓ша цр҃ꙗ, и̓ реч ему Е̓лена цр҃ца: Ѡ̓ господине цр҃ю, ты быс веке крів, чему мꙗ ѡстави со А̓лександром Ѳаріжем, да мене своим превари невѣр'-

ство^{м}? И̓ ѡ^{т}веща е̓и̓ ц'рь и̓ ре^{ч}: Ѿ госпоже Е̓лено, да вѣси ꙗ̓ко ѡ^{т}селе да сотворю а^{з}, да и^{н} никто тебе не превари ни пре^{л}сти^{т}. И̓ повелѣ ѿбѣма со А̓ле^{к}са^{н}дро^{м} главы у̓сѣкну^{чи}, и̓ тако ско^{н}ча^{с}. И̓ и̓^{з}ведоша Ꙗ̓купу госпожу и ^{в}сѣ тро^{и}ские̓ госпож^{д}и, и̓ посекоша Поли^{к}шену госпожу на А̓цилешеву гробу, ꙗ̓ко тоа ра^{ди} погину. Ꙗ̓купу м'трь е̓е̓ дадоша на де^{л}бѣ У̓ре^{к}шишу, и̓ поведе ю̓ со прочими госпож^{д}ами, и̓ кождо свое^{г} пове^{де}. И̓ начаша плака^{ти} тро^{и}ские̓ госпожи, и̓ тѣшаше и^{х} Ꙗ̓купа кралица гл҃щи: Мо^{л}чите, чада моꙗ̓, не плачите^{с}, а^{з} и̓ма^{м} тко ке наше сльзи у̓толити. И̓ уви^{ди} то Полинещръ кра^{л}, како ско^{н}ча Троꙗ̓, и̓ повелѣ заклати Полидворуша Пріа̓мушева с'на и̓ ре^{ч} ме^{т}нути е^{г} в море. И̓ ту при^{с}таша кораби гре^{ч}стій, и ^{в}зꙗ Ꙗ̓купа ве^{д}ро поче^{р}сти воду и̓ о̓брете с'на свое^{г} мр'тва и ^{в}зупи̓ гласо^{м} велии^{м} плачющи^{с}. И̓ слыша то Полинещрь кра^{л} и̓ и̓зы^{де} на у̓тешение̓ Ꙗ̓купе и̓ пріближи^{с} тройски^{м} госпожа^{м} на утешение̓, тогда тие ^{в}ста^{в}ше на^{п} и̓ ножеві е̓го збодоша, и̓ видѣ^{в}ше то гра^{ж}дане и̓ побиша и^{х} камение^{м}. И̓ во^{з}врати^{с} ц'рь Менелаушь со всѣми греки с великою̓ ч^{с}тію̓ стоꙗ^{в}ше по^{д} Трое^{м}. .г҃. лѣть и̓ .з. м^{с}ць.

И̓ тако ско^{н}ча^{с} тро^{и}ское крале^{в}ство пре^{ж}де рж^{с}тва х^{с}ва на .тѯ. лѣтъ е̓ндектиѡ̓на .з. го. И̓ тако бг҃ъ смирꙗе^{т} во^{з}носꙗщи^{х}сꙗ и̓ сѣмꙗ неч^{с}твы^{х} потреби^{т}, ꙗ̓ко^{ж} прр҃кь прово^{з}вести гл҃ꙗ: Видѣ^{х} неч^{с}тва^{г} прево^{з}носꙗщесꙗ и̓ высꙗщасꙗ и̓ мимо и̓до^{х}, и̓ не ѡ^{б}рете мѣсто е^{г} к тому, ꙗ̓ко бг҃ъ праведе^{н} и̓ пра^{в}ду во^{з}люби, а̓ пу^{ти} неч^{с}твы^{х} потреби̓ и̓ свое̓ю̓ мы^{ш}цею̓ го^{р}ды^{м} противꙗ^{т}ца, а̓ право ходꙗщи^{м} дае^{т} бл'годать и̓ не лиши^{т} добра хотꙗщи^{х} незлобою̓, ꙗ̓ко тому подобае^{т} всꙗка слава, ч^{с}ть и̓ поклонꙗние̓, ѡ^{т}цу и̓ с'ну и̓ ст҃ому дх҃у нн҃е и̓ прі^{с}но и̓ во веки веко^{м} а̓мінь.

II.

Ѡ созⷣанїи і о плѣненїи троⷭкоⷨ і о коне҃нѣⷨ раⷥренїи еⷤ бы҃ при Езекїи цр҃и їюдеистѣⷨ (по ркп. СПБ. Духовной Академіи № 126 = Нов.Соф. № 1497, XVI вѣка).

Баше в пер'ваѧ времена цр҃ь нѣкїи именеⷨ Приде҃, и быⷡшу ему на ловѣ в нѣкоеⷨ ѻтоцѣ моско҃ⷨ, оу негоⷤ ѿ еⷣⷩныѧ страны течаше великое҃ море, а҃ ѿ дрꙋгїа страны Скоманⷣра рѣка, а҃ ѿ г҃- а страны Пелешино море, а҃ ѿ .д҃. страны стоѧше лѫ҃ Дуⷣⷪма, а ѿ е҃- а страны юдоⷣ, идѣⷤ растѧхоꙋ древїе и цвѣти раⷥли҃нїи: видѣ҃ же цр҃ь добротꙋ мѣста и на҃ зⷣати граⷣ въ имѧ свое и по себѣ повелѣ сн҃ѫ своемꙋ зⷣати такоⷤ, и прочїи заповѣдохоꙋ кожⷣо сн҃оꙋ своему, и с преⷤниⷨ цреⷨ нача зⷣати всѣⷯ .ѕ҃. до Троила цр҃ѧ, иⷤ вѧще всѣⷯ дѣло сътвори и наре҃ въ свое имѧ Троа граⷣ. Троиⷯ роⷣⷷ Прїама царѧ, оу негоⷤ цр҃ца именеⷨ Ѩкама. И роⷣⷷ два сн҃а, Ектора і Алексанⷣра иⷤ и Фариⷤ, о неⷨ же оусмотриша влъсви, ꙗко его раⷣⷷ хощеⷮ Троа граⷣ разорити҃. Цр҃ьⷤ ре҃ женѣ своеи: Повели да оубьюⷮ его, ѡнаⷤ пощадѣⷡши красоты раⷣⷷ его. И възмоꙋжаⷡ прїиде к Менелаю цр҃ю гре҃скому, еⷤ е҃ еллиⷩскомоꙋ, служиⷮⷷ съ многиⷨ бг҃аⷮствоⷨ и съ ѻтроки. Цр҃ь възвесели҃ зѣло, срѣте е҃ дале҃ и цѣлова и, и ре҃ емоꙋ Алеѯанⷣръ: Прїидоⷯ аⷥ цр҃ю служити тебѣ не на златѣ и сребрѣ, но ч҃ти раⷣⷷ твоеѧ. Цр҃ьⷤ59 взеⷨ его къ Еленѣ црци своеи в полатоꙋ, и ѧдѧхоꙋ и пїѧху на еⷣⷩнѣ. Ѥгⷣа умываⷯ

р8цѣ и оубро^у^со^м^ ѻтпра^х^у, Алексан^д^ръ писаше на оубрусѣ чрьвлёны^м^ вино^м^ сп^це^: Црца Елена, люби ма, ꙗко азъ тебѣ. Посла^ж^ Менелае црь къ брату своемо^у^ Агамену гла: Ра^д^уи брате, ꙗ мнѣ хота^т^ сло^у^жи^ти^ бра^ти^а моа цри. Ѿписа^ж^ ему бра^т^ е: Блю^ди^ да не прійде^т^ чюжая доброта и въ^з^ме^т^ нашо^у^ чть, и на^м^ боуде^т^ велика срамота. И пойди Менела^и^ црь на войн8 и повелѣ Алексан^д^ру да пойде^т^ с ни^м^, ѿ же сътвори боле^н^ и ле^ж^ въ црко^и^ полатѣ, егда ре з^д^равъ боуду, идо^у^ въ слѣ^д^ тебѣ. По о^т^шествіи^ж^ цра изы^де^ црца съ ѻтроковица^ми^ прохо^ди^ти по гра^д^у, Алексан^д^ръ^ж^ въсхити^в^ ю прійде въ Трой гра^д^ к оцу си и мтри. Слыша^в^ же Менелай црь и бра^т^ е Агаме^н^ црь събраша силу войск8 велію зѣло. ,а ро. корабле^н^, поставивша цра Ахилеа фіаипна рати нача^л^ника и прій^до^ша по^д^ Трои. Троане^ж^ ѻплъчивше испрьва добрѣ борахоу с ними, да ꙗко^ж^ искусиша Ахилеево стремленіе и храбро, сѣдахо^у^ въ градѣ заклю-чи^в^ше. Пото^м^ же нѣкаа жена влъхвующи по^у^сти влъненіе на морѣ да пого^у^би^т^ вса корабла греская, и дасть ей црь Агаме^н^ дщё свою Цвѣтану, і оустави бурю, и ратовахо^у^ Трою. І изыде проти-во^у^ и^м^ Екто црь Пріамо^в^ снъ и на стрѣлати стрѣлою съ ѻгне^м^, и е^ди^ны^м^ пущеніе^м^ погружа^ше^ три корабла греская. І изы^де^ Ахилеи на бра^н^ ѻгне^м^ дыхаа и ра^з^биває^т^ плъки и побивае^т^ прьвоборца і оуби Ектора цра. И Пріа^м^ црь прійде нощію в по^л^къ на^д^ спаща Ахилеа и не погуби е. Ахилеи^ж^ взе^м^ ѿ Пріама цра слово клатвеное, е^ж^ к томо^у^ не воевати, и понесе Ектора на своею плещо^у^ и предасть и троано^м^. И ше^д^ Ахилеи с Пріамо^м^ цре^м^ в цквь Аполоню съврьшити клатв8, Александръ^ж^ тж оуби Ахилеа. Пото^м^же паки быша моужей оубіеніа и закла^н^а и паки кров'ми ѻблиаса земла тройская, и паки ѻкровавлены быша Скоман^д^ро^вы^ струа, донде^ж^ влъхвы и^м^ изрекоша прч^ство^м^, ꙗко нѣ мощно ра^ти^ю вза^ти^ Троа, но токмо лестію. І абіе съдѣаша кона древана велика зѣло и затвориша в не^м^ мо^у^жа храбры, и сами ѿити мнахоу въ своаси, съкрыша бо въ островѣ. Троане^ж^ никого^ж^ видѣ^в^ши, томо кона стоаща, и внесоша его въ гра^д^, игра^м^ и пі-тіе^м^ себѣ вдавше і оуснувше гл8боки^м^ сно^м^, моужіе^ж^ изше^д^ше и^з^ кона за^ж^гоша храмы и врата гра^д^у ѿверзоша, еллини^ж^ ꙗко вода

влиꙗ́ша̑ и̓ вза́ша граⷣ, иⷥсѣко́ша всѧ веⷧмо́жа, и̓зведⷪша ⷤ ̓Алексанⷣра і̓ Е̓ле́ноу ц҃рцоу к Менела́ю̓. Оⷩже повелѣ иⷯ оу̓сѣкноуⷮⷦ, и̓ про́чее̓ раскопа́ша граⷣ иⷥ о̓сноваⷩѧ и̓ пусто сътвори́ша всѧ̓. Възврати́ же̑ Менела́ю̓ ц҃рь с побѣдⷪю̓ и̓ вели́ко ч҃тью̓, стоѧ̓ поⷣ Тро́еⷨ . г҃. лѣⷮ и̓ .з҃. мц҃ь. Написаⷤ о̓ сеⷨ по́вѣ̑ сію̓ твореⷰ О̓м҃п. ̓Ахиле́иже бѣ с҃нъ ц҃рѧ Каеы̆ты, а̓ и̓н'дѣ пи́шеⷮ Фиреле́ша.

II.

БѢЛОРУССКІЯ ПОВѢСТИ

О ТРИСТАНѢ, БОВѢ И АТТИЛѢ

ВЪ ПОЗНАНСКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА.

БѢЛОРУССКІЯ ПОВѢСТИ О ТРИСТАНѢ, БОВѢ И АТТИЛѢ ВЪ ПОЗНАНСКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА.

На эти повѣсти обратила мое вниманіе статья О. М. Бодянскаго: О поискахъ мопхъ въ Познанской публичной библіотекѣ (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., I). Пользуясь небольшими отрывками текста, которые онъ приводитъ, я могъ указать на итальянскій источникъ познанскаго Бовы въ отдѣлѣ, посвященномъ этому роману въ моемъ очеркѣ древне-русской повѣсти въ послѣднемъ изданіи Исторіи русской литературы Галахова (I, стр. 451 и слѣд.[1]). На замѣткѣ и извлеченіяхъ Бодянскаго основано и мое указаніе (l. c. стр. 460, § 8) на древнерусскаго Тристана, будто бы переведеннаго съ польскаго[2]); зна-

[1]) См. также мою замѣтку: Zum russischen Bovo d'Antona въ Archiv f. slav. Philologie, VIII, 2-tes Heft. Вторая замѣтка, помѣщенная тамъ же (IX, 2-tes Heft, стр. 310) и подъ тѣмъ же заглавіемъ, основана уже на моемъ знакомствѣ съ цѣлымъ текстомъ повѣсти, напечатанной далѣе въ приложеніи, вмѣстѣ съ другими, списанными для меня изъ познанскаго сборника г. Баранскимъ, благодаря любезному посредничеству С. Л. Пташицкаго. Такъ какъ подлинникъ повѣстей не могъ быть доставленъ въ Петербургъ, то сличеніе моей копіи съ оригиналомъ принялъ на себя проф. А. Брюкнеръ (Берлинъ), которому приношу живѣйшую благодарность.

[2]) Сл. статью A. Brückner'a: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyńskischen Bibliothek in Posen, въ Archiv f. slav. Philologie IX, 3-tes Heft, стр. 387.

комство съ полнымъ текстомъ романа убѣдило меня, что какъ для Бовы, такъ и для Тристана слѣдуетъ предположить сербскій оригиналъ, на что̀ намекаетъ и общее имъ заглавіе въ познанскомъ сборникѣ: «Починаѣтьсѧ повесть ѡ витязах с книгъ сэрбъскихъ, а звлаща ѡ славномъ рыцэры Трысчане, ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о иншыхъ многихъ витезех добрыхъ». Это спеціальное указаніе ставитъ эти повѣсти особо отъ слѣдующей за ними Исторіи объ Аттилѣ, изобилующей полонизмами въ словарѣ и синтаксисѣ. На такое различіе источниковъ повѣстей познанскаго сборника я обратилъ вниманіе въ двухъ моихъ докладахъ въ романо-германскомъ отдѣлѣ филологическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, хотя и не въ состояніи былъ опредѣлить непосредственный оригиналъ Аттилы, нынѣ указанный профессоромъ Брюкнеромъ. Что до сербскихъ книгъ, съ которыхъ переведены были Тристанъ и Бова, то онѣ неизвѣстны или пока не найдены, и лишь оставили слѣдъ въ нѣкоторыхъ сербизмахъ словаря нашихъ повѣстей, на которые указалъ и я въ упомянутомъ выше отчетѣ, а Брюкнеръ сопоставилъ въ своей работѣ. Сюда относятся формы: *градъ*, *гласъ*, *злато*, *глава;* слова: *белегъ* (иначе знаменіе), *нетакъ* = слабый; *зафалено ти буди; племѧ* въ значеніи рода; особенно *племенида* изъ племенита = италіанск. gentile, и въ томъ же смыслѣ: *врожена* (панна); *кружки* рядомъ съ чаще встрѣчающимся *шранки; честь* = честь; *ѡсветити* = отмстить; *кошуба*, искаженное изъ *кошута; смиль* (gnaphalium arenarium), какъ символъ печали, что̀, можетъ быть, и не-сербизмъ; *отокъ* рядомъ съ островомъ: «к чорному ѡстрову ѡтоку» и т. д. [1]).

Предполагаемые нами сербскіе тексты Тристана и Бовы могли быть переведены съ италіанскаго: за это говорятъ a priori и литературныя отношенія Сербіи, и нѣкоторыя италіанскія слова, перешедшія изъ сербскихъ оригиналовъ въ бѣлорусскій

[1]) *Орил* въ Бовѣ, вм. ит. *Orio*, указываетъ, быть можетъ, на сербск. Орио, переданное русскимъ пересказчикомъ по аналогіи: орао = орелъ; такъ объясняется, вѣроятно, и *Армепил* = ит. Arminion = сербск. Арменио (?).

пересказъ; таковы: *литра*, *прынчыпъ*, *морнаръ*[1]); *древо* въ значеніи legno = судно (Bovo ed. Rajna v. 413); *Говорнаръ* восходитъ, вѣроятно, къ италіанской формѣ Governaro. Ошибки переводчика Бово объясняются непониманіемъ именно *италіанскаго* оригинала: *палацъ* = v. 345 plaça; полемъ бѣгъ = v. 1098 per lo palaço (plaça?) sen va; по *другому* мору = v. 389 per l'alto (altro) mar; и зашол з *другого* мора и погубилъ всихъ = v. 751 E va ferir in payn d'oltramar (altro mare?); *опатъ* = v. 814 oltra (altra volta?); храбренче = v. 438, 442, 464 valeto (valente? сл. витязь = v. 791 valeto); бите юнаци *свободно* = v. 710 ferì, franchi baron; у сватое *крэщение* = v. 1137 in santa cristentade (то-есть, въ христіанскую землю); въ одномъ *угле* = v. 1180 in un canton; маютъ *бгати* на конехъ воюючи = v. 1445 El no è dì ch'eli no cora ala cità; *граженинъ* = v. 2234 lo Pitadin (прочтено = citadin); не хотели большеи *играти* = v. 2420 moto noli sonà.

Полонизмы, встрѣчающіеся въ Тристанѣ и Бовѣ, хотя въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Аттилѣ, должны быть, такимъ образомъ, объяснены иначе, чѣмъ для послѣдняго памятника: не вліяніемъ оригинала, а литературною и общественною средой, въ которой жилъ переводчикъ.

Языкъ всѣхъ трехъ повѣстей и слѣдующей за ними «Литовской хроники» — бѣлорусскій языкъ XVI вѣка, болѣе свободный отъ вліянія церковно-славянскаго, чѣмъ языкъ какого-либо другаго современнаго памятника русской рѣчи. Это даетъ нашимъ текстамъ особое значеніе для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка, для котораго мы принуждены были еще недавно ограничиваться матеріаломъ, представляемымъ Библіей Скорины, Литовскимъ Статутомъ, лютеранскимъ катехизисомъ, хрониками, актами и т. п. Въ послѣднее время число бѣлорусскихъ памятниковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется болѣе и болѣе значеніе бѣлорусской письменности въ общерус-

[1]) Brückner, l. c. стр. 374.

скомъ литературномъ развитіи: укажемъ на Дѣи Римскія, на житіе св. Алексѣя и находящіяся въ одномъ съ нимъ сборникѣ Никодимово Евангеліе и Повѣсть о трехъ царяхъ-волхвахъ [1]). Познанскія повѣсти стоятъ въ этомъ теченіи. Брюкнеръ даетъ ихъ обстоятельную фонетическую и грамматическую характеристику [2]), указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на ихъ литературную и культурно-историческую стоимость. Познанскій сборникъ, говоритъ онъ, восполняетъ чувствительный пробѣлъ въ литературной исторіи Западной Руси: русскіе романы и повѣсти позднѣйшей поры сохранились главнымъ образомъ въ восточно-русскихъ текстахъ, и оставался открытымъ вопросъ о путяхъ изъ литературнаго перехода. Отвѣтъ даютъ бѣлорусскія повѣсти XVI столѣтія. Фактъ интересный, который и я спѣшу отмѣтить вслѣдъ за Брюкнеромъ, который готовъ былъ-бы обобщить, но съ небольшою оговоркой: что именно для исторіи восточно-русскихъ повѣствовательныхъ текстовъ познанскій сборникъ даетъ, по своему составу, лишь мало указаній, потому что помѣщенный въ немъ Тристанъ, если мы не ошибаемся, не существуетъ въ другихъ отраженіяхъ и, вѣроятно, остался одинокимъ, тогда какъ многочисленныя рукописи нашего восточнаго Бовы принадлежатъ другой редакціи, чѣмъ бѣлорусскій, и не могли пойдти отъ него, хотя подобно ему восходятъ къ сербскому источнику. Замѣчу кстати, что въ вопросѣ о послѣднемъ румынскій Бова не можетъ служить намъ подспорьемъ, какъ служила румынская Александрія въ вопросѣ объ Александріи сербской, ибо, по письменному сообщенію мнѣ г. Гастера, румынскій Бова не что

---

[1]) Сл. Владимировъ, Житіе св. Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка (Журн. Мин. Пар. Просв. 1887, Октябрь, стр. 250 слѣд.).

[2]) О книжномъ бѣлорусскомъ языкѣ въ памятникахъ XVI и XVII вв. сл. между прочимъ замѣтки Недешева, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Русск. Филол. Вѣстникъ 1884 г.). Сл. также Карскаго, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва, 1886); Владимірова, Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ (СПБ. 1888), стр. 247 и слѣд.

иное, какъ переводъ (съ намѣренною замѣной собственныхъ именъ другими) соотвѣтствующаго отдѣла изъ еврейскаго Maase-buch, откуда какъ эта повѣсть, такъ и нѣкоторыя другія, были извлечены и изданы въ Букурештѣ подъ заманчивымъ заглавіемъ: Тысяча и одинъ день [1]). Вопросъ о источникѣ Бово въ пересказѣ Maase-buch насъ здѣсь не касается.

Въ составѣ познанскаго сборника Бова и Тристанъ, переведенные съ «сербскихъ книгъ», стоятъ рядомъ съ Аттилой, переведеннымъ съ польскаго, обличая такимъ образомъ и вкусы составителя-переписчика, и время, въ которое онъ жилъ: время, когда и въ области повѣствовательной литературы совершился переходъ отъ южныхъ (южно-славянскихъ) вѣяній къ западнымъ польскимъ, и послѣднія начинали получать перевѣсъ: на сколько можно судить по рукописнымъ (польскимъ и русскимъ) отмѣткамъ читателей сборника, они болѣе всего интересовались Литовскою хроникой и Аттилой, тогда какъ «сербскія повѣсти» были почти забыты.

Познанская рукопись состоитъ изъ 344 листовъ; повѣсти и хроника, идущія до 291 листа лиц., писаны одной рукой (A), которую въ немногихъ случаяхъ смѣняла вторая = B (сл. Brückner, стр. 353); слѣдующіе листы, записанные другими руками, представляютъ разнообразное содержаніе: на лл. 293 — 328 помѣщены два акта 1635 и 1528 гг., русскаго языка и письма; на л. 328 замѣтка объ уніи 1569 года; на лл. 333—335 родословная пановъ Трызновъ; далѣе слѣдуютъ фамильныя замѣтки

[1]) O mie şi una de zile. Cele maĭ frumóse basme arabesci şi persane, scrise de Califulŭ Osman. Tradus în limba romana de H. S. Bucuresci, 1881. Первая повѣсть: Istoria luĭ Baltazar şi a frumoaseĭ Repsima — и есть повѣсть о Бовѣ. Доставленіемъ мнѣ указанной книги я обязанъ любезности г. Гастера.—Что до источника еврейскаго перевода Бовы (ed. Amsterd., f. 8[a]), то онъ былъ итальянскій. Сл. Post = pasto, Sarwer = servitori и т. п. Переводчикомъ былъ Elia Levita, называвшій себя Bachur; онъ обучалъ высшее итальянское духовенство и переписывалъ въ Римѣ для кардинала Эгидія изъ Витербо сочиненія каббалистическаго содержанія. Сл. Zedner, Hebr. Bibliogr. 1863, стр. 22; Serapeum 1869, стр. 132, прим. 3; Archiv f. Litteraturgeschichte, II, стр. 17—18.

Уніховскихъ, въ семьѣ которыхъ наша рукопись обрѣталась въ теченіе почти 80 лѣтъ, свидѣтельствуя о литературныхъ интересахъ мелкаго литовско-русскаго дворянства XVI—XVII вѣка и объ его послѣдовательномъ ополяченіи. Послѣдняя запись Уніховскихъ относится къ 1672 г., самая ранняя по времени, принадлежащая Григорію Павловичу Уніховскому, первому владѣльцу рукописи, къ 1544 г. Между этимъ годомъ и 1574, годомъ появленія Аттилы Базылика, слѣдуетъ помѣстить и написаніе нашего сборника: приблизительно около 1580 года (l. c. стр. 354 и 345).

Проф. Брюкнеръ (стр. 354) считаетъ почеркъ второго писца повѣстей тождественнымъ съ почеркомъ Григорія Уніховскаго, о которомъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній (стр. 352). Дополняю ихъ изъ письма ко мнѣ С. Л. Пташицкаго; оно бросаетъ новый свѣтъ и на мѣсто написанія рукописи и на время, когда она могла попасть въ семью Уніховскихъ. «О самомъ Григоріи Уніховскомъ у меня почти нѣтъ свѣдѣній, пишетъ мнѣ г. Пташицкій. Имѣю указанія изъ Литовской Метрики, что онъ былъ землевладѣльцемъ Новогродскаго воеводства (нынѣ уѣздъ Минской губерніи), владѣлъ въ Новогродкѣ домомъ, которому 28 Апрѣля 1590 г. король далъ «волности», и эта привилегія записана въ Вильнѣ въ метрикѣ, въ книгѣ записей № 76, документъ 165. 11-го Марта король подтвердилъ Григорію Уніховскому запись, которую дала ему татарка новогродскаго повѣта Царевичовая Острынская на имѣніе Колбачевское. Запись внесена въ туже книгу на стр. 629. Такимъ образомъ первый извѣстный владѣлецъ рукописи — состоятельный земельный и городской владѣлецъ, имѣвшій дѣла въ великокняжеской канцеляріи около 1595 г. Въ тѣ годы (1594—1599) великокняжеская канцелярія (= Метрика) занята была перепиской старыхъ актовыхъ книгъ по распоряженію канцлера Льва Сапеги (сл. мое Описаніе Литовской Метрики, стр. 8). Книги переписаны тѣмъ-же *канцелярскимъ* почеркомъ, что и познанская рукопись. Почеркъ записи Уніховскаго рѣзко отличается отъ почерка всей рукописи.

Правда, это твердая, опытная рука, но не писарская. Мнѣ думается, что рукопись переписана какимъ-нибудь канцлерскимъ писаремъ (дьякомъ), а Григорій Павловичъ купилъ её въ одну изъ поѣздокъ по дѣламъ въ Вильну. Да и самъ Григорій былъ по матери (урожд. Трызна) въ родствѣ, правда далекомъ, съ знаменитымъ канцлеромъ Львомъ Сапегой, который по обязанностямъ слонимскаго старосты нерѣдко бывалъ въ сосѣдствѣ съ Униховскимъ. При тогдашнихъ крѣпкихъ семейныхъ связяхъ сношенія между ними могли быть довольно тѣсныя».

Что касается опредѣленія времени, когда наша рукопись попала къ Григорію Униховскому, то для этого есть слѣдующія данныя: онъ скончался въ 1606 году; послѣдняя хронологическая память въ его записи относится къ женитьбѣ его брата Яроша въ 1598 г. Такъ какъ семейныя замѣтки Григорія Униховскаго не указываютъ своимъ почеркомъ на разновременное происхожденіе, а писаны какъ-бы въ одинъ *присѣстъ*, то 1598-й годъ и будетъ приблизительнымъ terminus a quo нашъ сборникъ попалъ въ его руки.

Въ слѣдующихъ далѣе главахъ я попытаюсь уяснить источники бѣлорусскихъ Тристана и Бовы, пока на основаніи пособій, находящихся у меня подъ руками, и, къ сожалѣнію, нѣсколько скудныхъ. — Что до послѣдняго № познанскаго сборника, то я принужденъ ограничить мою работу по его поводу сводомъ и распредѣленіемъ легендъ, окружившихъ имя Аттилы. Къ одному изъ позднѣйшихъ видовъ этихъ легендъ примкнетъ и открытый проф. Брюкнеромъ источникъ соотвѣтствующей познанской повѣсти.

I.

Тристанъ.

Поэтическая легенда о любви Тристана и Изольды принадлежитъ къ числу наиболѣе любимыхъ и популярныхъ въ средневѣковой поэзіи западной Европы [1]). Популярность эта объясняется своеобразнымъ содержаніемъ кельтской сказки, легшей въ ея основу [2]) и, болѣе того, поэтическими качествами ея древнихъ англофранцузскихъ и французскихъ стихотворныхъ обработокъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о нихъ крайне отрывочны и лишь отчасти восполняются позднѣйшими переработками утраченныхъ или фрагментарно-сохраненныхъ подлинниковъ [3]). Такъ англонормансніе поэмы Béroul (ок. 1150) и Thomas

---

[1]) Сл. Sudre, Les allusions à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge, въ Romania № 60, стр. 534 слѣд.

[2]) О кельтскихъ мотивахъ въ романахъ Круглаго Стола сл. G. Paris, Les romans en vers du cycle de la Table ronde (extrait du t. XXX de l'Histoire littéraire de la France), въ введеніи и passim. Это не исключаетъ со стороны кельтскихъ сказочниковъ знакомства съ захожими сюжетами (сл. стр. 192) и даже съ классической миѳологіей (сл. стр. 140). По этому поводу позволю себѣ вопросъ: Bédier (La mort de Tristan et d'Iseut, въ Romania № 60, стр. 485), сближая разсказъ о смерти Тристана съ сходнымъ мотивомъ въ легендѣ о Тезеѣ, оговаривается: «les poètes bretons ignoraient Hésiode, Sophocle et tout le cycle gréco-romain», и они и Гезіодъ, «glanaient dans le même fonds de légendes qui ayaient amusé, en des temps quasi préhistoriques, les esprits des hommes». G. Paris замѣчаетъ по этому поводу (l. c. стр. 485, прим. 2), что это сближеніе двухъ легендъ, давно предложенное имъ съ каѳедры, «me paraît s'appuyer sur divers rapprochements frappants, dont quelques-uns seulement sont indiqués ci-dessus». Интересно было-бы узнать, объясняетъ-ли онъ это сходство доисторическимъ преданіемъ или классическими воспоминаніями кельтскихъ сказочниковъ? Замѣтимъ кстати, что Sarrazin (Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman, въ Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte, I, стр. 262 и слѣд.) попытался недавно, хотя и не совсѣмъ удачно, указать на германскіе сказочные мотивы въ романѣ о Тристанѣ, кельтскую основу котораго совершенно отрицаетъ Golther, Die Sage von Tristan und Isolde. Studie über ihre Entstehung und Entwicklung im Mittelalter (München, 1887), стр. 10, 100, 107.

[3]) Сл. общее обозрѣніе вопроса у G. Paris, Les romans, стр. 19—22.

(ок. 1170) [1]) сохранились лишь въ отрывкахъ, а Тристанъ Chrestien de Troies (ок. 1150 г.) [2]) вовсе не дошелъ до насъ. Къ тексту, сходному съ Béroul'евскимъ, восходитъ поэма Eilhart'a von Oberge (ок. 1195 г.) [3]), и подобнымъ же текстомъ пользовался отчасти редакторъ той версіи старофранцузскаго прозаическаго романа, которая легла въ основу его старопечатныхъ изданій. Томасу слѣдовалъ въ своей неоконченной поэмѣ Готфридъ Страсбургскій (ок. 1203 г.), авторы староанглійскаго Sir Tristram и нижненѣмецкаго Tristrant'a, сохранившагося въ отрывкѣ [4]), и существуетъ норвежскій прозаическій переводъ поэмы, недавно изданный Kölbing'омъ. Что до утраченнаго оригинала Chrestien de Troies, то о немъ мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, если оправдается мнѣніе G. Paris'a: что французскій прозаическій романъ о Тристанѣ восходитъ къ какой-нибудь передѣлкѣ поэмы Chrestien'a [5]).

Первоисточникъ познанскаго Тристана относится, очевидно, къ группѣ французскихъ прозаическихъ романовъ, приблизительную генеалогію которыхъ пытался установить Бракельманъ [6]).

Онъ распредѣляетъ ихъ на три группы:

1) Романъ Luce de Gast съ продолженіемъ Robert'a de Borron. Сюда относятся рукописи Bibliothèque Nationale №№ 756, 757 fol. 1—99; № 1434.

2) Редакція Élie de Borron: Bibl. Nat. №№ 750, 12599, 757 (fol. 89—263), 760, 755 и 104.

---

[1]) Новое изданіе послѣдняго готовитъ Vetter. Сл. его: La légende de Tristan. Marburg i. H. 1882 и Böttiger, Der Tristan des Thomas. Göttingen 1883.— Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Studj di filologia romanza имѣетъ появиться статья Novati: Un nuovo e un vecchio frammento del Tristano di Tommaso.

[2]) G. Paris, Les romans, стр. 14.

[3]) Сл. Ernest Muret, Eilhart d'Oberg et sa source française въ Romania № 62—64, стр. 288 и слѣд.

[4]) Сл. Lambel въ Germania XXVI, стр. 356; Titz, Zs. f. deutsches Alterthum XXV, стр. 248 слѣд.; Böttiger l. c. стр. 5.

[5]) G. Paris, Note sur les romans relatifs à Tristan, Romania № 60, стр. 602.

[6]) Сл. его статью въ Zeitschrift für deutsche Philologie, 1886 г., № 1, стр. 85 и сл., съ примѣчаніями Suchier.

3) Дальнѣйшая обработка предыдущей редакціи: Bibl. Nat. №№ 334, 102, 776, 100.

Это вульгата; къ ней близко примыкаетъ

4) Bibl. Nat. № 103, источникъ старопечатнаго романа, первое изданіе котораго явилось въ Руанѣ въ 1489 году; послѣдующія отличаются отъ него лишь опечатками.

G. Paris [1]) заподозриваетъ состоятельность этого распредѣленія, несомнѣнно подлежащаго провѣркѣ, ибо критической работы надъ рукописями прозаическаго романа пока не сдѣлано. Въ одномъ оба изслѣдователя сходятся: въ обособленіи рукописи № 103, какъ источника старопечатнаго романа. И въ самомъ дѣлѣ: во всѣхъ другихъ прозаическихъ текстахъ разсказывается, въ отличіи отъ древняго преданія, что Тристанъ убитъ былъ королемъ Маркомъ; редакторъ № 103 (а за нимъ и старопечатный романъ) измѣнилъ этотъ эпизодъ согласно съ какой-нибудь древней поэмой о Тристанѣ, типа Béroul'евой, ибо въ разсказѣ о кончинѣ своего героя онъ близко сходится съ Eilhart'омъ [2]).

Изъ италіанскихъ переводовъ французскаго прозаическаго Тристана я могъ пользоваться только изданіемъ Polidori, La Tavola Rotonda, которое имѣлъ въ виду и Брюкнеръ. Текстъ Полидори, представляемый еще и другою рукописью, имъ не упомянутою: Laurenziano, Plut. LXIII, c. 10, значительно отклоняется отъ французскаго старопечатнаго романа; ближе къ нему, по письменному сообщенію мнѣ Райны (отъ 23-го ноября 1886 г.), Cod. Riccard. 2543, извлеченія изъ котораго даны были въ Manuale Nannucci; къ сожалѣнію, рукопись эта не полна и на половину испорчена до неразборчивости. Близкимъ къ французскому оригиналу является и cod. Palatino-Panciatichiano E. B. 5. 1. 23, f. 150 — 269, которымъ отвѣчаютъ стр. 348 — 90 Polidori, послѣ чего, за большимъ пропускомъ, соотвѣтствіе возстановляется, начиная съ стр. 488 Polidori; разказъ кончается

---

[1]) Note sur les romans l. c. стр. 600; Golther l. c. стр. 116 и прим. 1.

[2]) См. объ этомъ подробно въ указанной выше статьѣ Bédier.

смертью Тристана и Изольды, отъѣздомъ Segramor'a въ Camellotto и эпилогомъ Hélie de Borron (Polidori, стр. LXVII). Изъ діалектическихъ обработокъ укажу на венеціанскій текстъ, описанный Муссафіей[1]). Такъ называемый Ланцелотъ Палатинской рукописи E. 5. 4. 47, по сообщенію Райны, не что иное, какъ Тристанъ, съ внѣшнею сѣверно-италіянскою діалектическою окраской, тогда какъ самый текстъ основанъ на тосканскихъ версіяхъ. Такимъ же полу-діалектическимъ (болонскимъ?) оттѣнкомъ языка отличается и cod. Riccard. 1729, представляющій какъ бы краткій пересказъ италіанской версіи романа, болѣе близкой къ французскому оригиналу.

Съ какой изъ упомянутыхъ выше редакцій французскаго романа переведенъ текстъ Полидори — отвѣтить не могу[2]), потому что единственнымъ пока ихъ показателемъ является, для незнакомыхъ съ рукописями, старопечатное изданіе, на столько отличающееся отъ текста Полидори, на сколько оно сходно, въ извѣстной мѣрѣ, съ нашимъ. Старопечатнымъ французскимъ романомъ, кратко пересказаннымъ графомъ де-Трессаномъ[3]), я пользовался по слѣдующему изданію: Les grandes proesses du tres vaillant, noble et excellent cheualier Tristan, filz du noble roy Meliadus de Lionnoys et cheualier de la Table Ronde. Nouuellement imprimé à Paris l'an mil cinq cents XXXIII[4]); нѣкоторыя извлеченія изъ изданій 1489 и 1520 годовъ были доставлены мнѣ P. O. Ланге. Сличеніе съ нашимъ Тристаномъ показываетъ, что, вопервыхъ, предполагаемый италіанскій оригиналъ

---

[1]) Mussafia, Ueber eine altfranzösische Hs. der königlichen Universitätsbibliothek zu Pavia (Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensch. Philol. hist. Cl. LXIV B., Heft III, Jahrg. 1870, März).

[2]) G. Paris въ прим. къ статьѣ Bédier (l. c. стр. 496, прим. 1) также не знаетъ источника текста Полидори.

[3]) Oeuvres choisies du comte de Tressan, t. VII (1788).

[4]) Я пользовался экземпляромъ императорской Вѣнской библіотеки, обязательно доставленнымъ мнѣ И. В. Ягичемъ. Древнѣйшее изданіе романа озаглавлено такъ: Histoire du tres vaillant noble et excellent chevalier Tristan, fils du roi Meliadus de Leonnois, imprimé a Rouen en l'ostel Iehan le Bourgeois le dernier jour de Septembre mil CCCCIIIXX et IX.

его сербскаго подлинника отличался отъ текста Polidori; что, вовторыхъ, до извѣстнаго предѣла, приблизительно на три четверти всего разказа, нашъ Тристанъ отвѣчаетъ, въ общемъ, распорядку и содержанію, какъ текста Полидори, такъ, и въ большей мѣрѣ, старопечатному французскому, но что въ концѣ русская повѣсть значительно отличается отъ того и другого, представляя новыя подробности, измѣняя обычную катастрофу и производя впечатлѣніе чего-то скомканнаго, сокращеннаго въ торопяхъ или по незнанію. Едва ли подобное изложеніе принадлежало искомому италіанскому роману; выборъ остается между сербскимъ переводчикомъ-пересказчикомъ и его бѣлорусскимъ собратомъ. Послѣдній могъ сократить и измѣнить въ указанномъ смыслѣ сербскій подлинникъ, но могъ и сохранить измѣненія, уже совершившіяся въ послѣднемъ. Еслибы второе предположеніе оказалось болѣе вѣроятнымъ, какимъ оно представляется и мнѣ, то въ искомомъ сербскомъ текстѣ мы должны были бы признать не только переводъ, но и элементъ самостоятельной передѣлки, обнаруживающейся, между прочимъ, въ особой роли, какая дается Тристану. Во французскомъ романѣ, какъ и у Полидори, главнымъ героемъ разказа является Тристанъ, Ланцелотъ выступаетъ во второй роли и лишь за ними другіе рыцари и противники Круглаго Стола. Сербская книга также обѣщаетъ говорить о «Трысчане, ω Анцалоте», но первый сознательно господствуетъ надъ всѣмъ дѣйствіемъ, Анцалотъ является у него болѣе «въ товарищахъ», и согласно съ этимъ отсутствуютъ многіе эпизоды о послѣднемъ, посвященные ему въ текстѣ Полидори.

Кстати: откуда имя Анцалотъ или Ωнцалотъ — въ сравненіи съ Lancelot, Lancialotto, Lanzelet? Едва-ли въ основѣ лежитъ французская форма: Ancelot (въ Ogier de Danemarche у Fr. Michel, Tristan, I, стр. V); скорѣе предположить, что сербскій переводчикъ принялъ начальное *l* имени за членъ (l'Anciaiotto), который и удалилъ въ переводѣ, подобно тому какъ сдѣлалъ это при передачѣ другого имени: Lasancis (= lo Sancis),

Lasansisse (въ Cantare dei Cantari ed. P. Rajna въ Zs. f. romanische Philologie II, стр. 434)—Самспжъ? На оборотъ: Agius, Argius французскаго текста передано: Ленвизъ (= l'Anguis?), ит. Languis. Примѣры подобныхъ недоразумѣній не рѣдки: въ итальянскомъ эпосѣ Astolfo—англичанинъ, во французскомъ онъ изъ Langres; авторъ Entrée en Espagne называетъ его въ началѣ правильно: de Lengres или Lengrois, затѣмъ: de Lengle, Lenglois и наконецъ l'Englois, Englois [1]). Такимъ же образомъ объясняются въ другомъ случаѣ: Labigant = Baccano [2]).

Одна фонетическая особенность нашего текста даетъ поводъ для нѣкоторыхъ соображеній относительно мѣстности, гдѣ составлена была сербская передѣлка Тристана и, прибавимъ, переводъ Бовы, или по крайней мѣрѣ относительно той группы памятниковъ, къ которымъ могли бы быть отнесены и оригиналы познанскихъ повѣстей. Въ старосербской Александріи и въ болгарской и хорватской Троянской притчѣ лат. *s* въ окончаніяхъ собственныхъ именъ на — us, — es, — is, — as передается черезъ *ж* и *ш* [3]); такъ и въ Тристанѣ: Кандіэшъ = Gandaries, Пелпшъ = Felis, Сегурадежъ = Segurades, Самспжъ = Lasancis, но и Ленвизъ = Languis и т. п. Какъ въ троянской притчѣ лат. *s* между гласными переходитъ въ *ж* (Брпжепда = Briseis, Ежеона = Hesione), такъ и въ Тристанѣ (Ижота = Isotta) и Бовѣ (Дружпена = Drusiana), тогда какъ Полимнещеръ (Polymestor) Троянской притчи отвѣчаетъ Ящору (Astorre) и Трыщану (Tristano) нашего романа [4]). Еще одна особенность Александріи и Троянской притчи: смѣна въ именахъ собственныхъ *f* въ *п* [5]), также извѣстна нашимъ текстамъ: для

---

[1]) Gaspary, Geschichte der italienischen Literatur I, стр. 118—119.

[2]) Pio Rajna, Un'iscrizione nepesina del 1131, стр. 50—1.

[3]) См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 442—443.

[4]) Объ этомъ звуковомъ переходѣ сл. замѣтки Schuchardt'a, Slawodeutsches und Slawo-italienisches (Gratz, 1885) и отчетъ Ягича въ Archiv f. slav. Philologie VIII, стр. 318—319.

[5]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 321.

Бовы отмѣтимъ: Лукаперъ = Lucaferro, для Тристана: Пелишъ = Felis, Перемонтъ = Feramonte.

Окончу вопросомъ по поводу двухъ собственныхъ именъ: извѣстный Кеих романовъ Круглаго Стола названъ то Кенишъ («опека Кенишова»; сл. у Polidori Chieso и Chienso), то Геушъ или даже Кажынъ; Женьевра — то Женьброй, то — Веливерой! Предположить ли, что пересказчикъ сербской повѣсти оставилъ въ этой двойственности слѣды двухъ рецензій романа, которымъ онъ слѣдовалъ, или онъ былъ начитанъ и наслышанъ въ литературѣ, которою интересовался, и одно изъ двухъ именъ подсказано воспоминаніемъ? Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Въ слѣдующемъ далѣе анализѣ нашего Тристана я сближаю его съ старопечатнымъ французскимъ романомъ и текстомъ Полидори [1]).

1. «Былъ король именемъ Клевдасъ»; у него гоститъ его другъ, король Аполлонъ, въ жену котораго влюбился сынъ Клевдаса. Не будучи въ состояніи добиться ея взаимности, онъ подстерегаетъ Аполлона на пути домой, убиваетъ его и велитъ бросить въ рѣку, а его жену съ сыномъ приказываетъ запереть въ высокую камору. Сюда онъ снова является къ ней съ предложеніемъ любви, но она выбрасывается изъ окна. Между тѣмъ вѣрный хортъ Аполлона вытащилъ его тѣло изъ воды, схоронилъ его въ вырытой имъ ямѣ и самъ сѣлъ сторожить на могилѣ. Видитъ это выѣхавшій на охоту король Клевдасъ, признаетъ хорта Аполлонова, велитъ выкопать умершаго и предается печали, а затѣмъ кличетъ кличъ, что одаритъ богатыми дарами того, кто укажетъ ему убійцу его друга, а кто знаетъ да не донесетъ, будетъ «коломъ каранъ». Одна дѣвка обѣщаетъ все разказать, если король исполнитъ то, о чемъ она его попроситъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Клевдасъ послалъ за сыномъ Аполлона, котораго велитъ воспитывать у себя, а своего сына сжечь на кострѣ.

[1]) Параграфы, на которые далѣе разбито изложеніе, имѣютъ цѣлью облегчить сравненіе внѣшнимъ обособленіемъ эпизодовъ. Начало Тристана въ рукописи пострадало отъ сырости, и нѣкоторыя слова не могли быть прочтены.

Тутъ выступила дѣвка съ своею просьбой, которую Клевдасъ обѣщалъ исполнить: она проситъ у него — его сына; она будетъ имѣть его, но — мертваго, отвѣчаетъ король. Разказъ переходитъ къ сыну Аполлона, Кандиэшу, который воспитывается у Клевдаса; текстъ здѣсь полонъ пропусковъ: («Кандиэшъ) был добрыи витез и великое доброты и за его.... был государемъ корновалским и єлиѡноским и вси ѡба... ѧ король Клевдасъ дал за него дочку свою именемъ.... и у великой милости и ласцэ. И сплодили дѣти.... (стар)шого поставили королем корновалскимъ, а молод(шого єлиѡноскимъ), а иныє шли по свѣту рыцэрскимъ ѡбычаєм.... а и так сѧ были по сторонах расплодили, иж не..... ꙗкии повиноватыи албо кревныи... дал королевство корновалскоє у руки королю Пелишу, ѡнъ.... ем Марка, што сѧ вродилъ марта мѣсяца, а другого ....ь былъ близко смерти, ѡн коруновалъ сына своего.... на королевство корновальскоє, король Марко далъ сестру.... за королѧ Мелиꙗдуша, которыи былъ велми... у Єлиѡносе».

Слѣдующія извлеченія изъ старопечатнаго французскаго романа[1]) укажутъ на степень его близости къ оригиналу русскаго перевода, а вмѣстѣ помогутъ восполнить нѣкоторые пробѣлы послѣдняго.

Король Clovis (Клевдасъ) пригласилъ Аполлона присутствовать при его вѣнчаніи. Еще до поѣздки къ Хлодвигу Аполлонъ, по совѣту и желанію жены своей Глоріанды, сжегъ на кострѣ прелюбодѣйку, бѣжавшую съ любовникомъ, но пойманную и приведенную на судъ ко двору. Хлодвигъ, по совѣту Аполлона, вводитъ у себя такой же законъ, и этотъ законъ продержался во Франціи 200 лѣтъ, пока не вторгся изъ Германіи завоеватель Forles (Froles?) и не уничтожилъ его; Forles впослѣдствіи былъ убитъ Артуромъ, который отдалъ Францію Ланцелоту (I, f. XVIII — XIX). — За этимъ введеніемъ, котораго нѣтъ въ нашемъ текстѣ, идетъ разказъ общій обоимъ, съ нѣкоторыми отли-

---

[1]) По изданію 1533 г.

чіями, а иногда и дословнымъ сходствомъ. Сынъ Хлодвига (Childeric) влюбился въ жену Аполлона и, получивъ отъ нея отказъ (f. XIX — Vous estes fol et sachez se plus en parlez ie vous feray honte), подстерегаетъ ея мужа на обратномъ пути въ лѣсу и убиваетъ его, а его жену, сына и хорта велитъ отвести въ одинъ замокъ. Въ русскомъ текстѣ смертельно раненый король говоритъ женѣ (пропуски въ текстѣ): «[го]ре так сѧ стало и тая ѡкрутная смерть. [Королевая был]а велми смутна и жалостлива. И рекла.... тое зло стало сѧ». Французскій текстъ излагаетъ подробнѣе: «Si dist (Apollon): Dame, encores dis ie vray quant ie dis que ie avoyes amene mon ennemy de vous[1]), car se ie [ne] vous eusse amenee, encor ne me fust ce mal advenu. Lors fut la royne dolente de ceste adventure» (f. XIX). Когда позднѣе сынъ Хлодвига явился къ ней въ башню, qui bien cuida faire sa voulente de la dame, она говоритъ ему: «Vassal, pourquoy me avez vous honnie qui mon seignenr avez naure a mort, lequel par deça vous estoit venu faire si grant honeur.... et encores me cuidez vous plus honnir. Ce ne sera iamais» (f. XIX) = «ѡ лихии злыи человече, мои господаръ прышо[лъ].... для [т]воеи доброе славы, а ты его ѡ смерть прыправилъ и хотѣл[б]ы еси еще мене посоромотити, але то не може быти». Королева убилась, выбросившись изъ окна, а сынъ Хлодвига восклицаетъ: Haa las, que feray ie? I'ay faict mourir la plus preude femme du monde («ѧ самъ.... м уморылъ такую королевую з сего свѣта такъ цудную.... ѡпатръностю). Онъ велитъ осмотрѣть раны Аполлона, заключеннаго имъ въ темницу; врачи признали ихъ смертельными; мерт-

---

[1]) Намекъ на подробность, не имѣвшую мѣста въ русскомъ текстѣ ни, вѣроятно, въ его подлинникѣ: однажды за столомъ, на вопросъ Хлодвига, кого онъ привезъ съ собою, Аполлонъ отвѣчалъ: злого врага (жену), скомороха-забавника, jongleur (сына) и вѣрнаго друга (хорта); or n'y fault que mon serf (оселъ) l. c. f. XVIII — XIX. Отвѣтъ этотъ понравился Хлодвигу; когда позднѣе онъ видитъ Аполлонова хорта, ему приходятъ на память слова покойнаго: que c'estoit (то-есть, хортъ) son amy, et sa femme que c'estoit son ennemy (f. XIX). Подобныя отожествленія были популярны въ литературѣ новеллъ. Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 88 слѣд. и прим.

ваго онъ приказываетъ бросить (f. XIX) «en l'eau de Loire». Слѣдуетъ извѣстный эпизодъ о хортѣ; онъ не даромъ воетъ, король самъ хочетъ дознаться «pourquoy ce estoit, car Apollo l'aymoit moult et luy auoit dit que c'estoit son amy et sa femme que c'estoit son ennemy. Lors fut dessus Apollo, et quant le roy le vit et il fut dessevely, si le congneut, lors dist qu'il estoit honny quant si preudhomme estoit mort en sa terre et en son conduit. Lors le fist le roy porter au chasteau ou il deuoit gesir et illec fut mis en terre. Puis fist crier le roy que qui scauroit a dire certaines nouuelles de la mort Appolo, qu'il luy donneroit ce qu'il luy demanderoit. Lors sault une damoyselle auant quant elle ouyt la promesse du roy et dist: Se tu me tiens verité de ta promesse, ie te diray verite de la mort de Appolo; et le roy l'en asseure. Et elle luy compte tout ainsi l'achoison de sa mort si comme vous ay dit deuant et que encor est son filz en la tour ou il fut mis en prison et le nourrit une Damoyselle. Et quant le Roy entend cecy, fust dolent et dist: Mon filz m'a honny, mais ie le honniray. Lors envoia querre l'enfant et le fist nourrir et garder tant que il fut puis roy de Cornouaille et de Leonnoys. Lors apres fist venir son filz deuant luy et luy dist: Vous me avez honny qui au conduit de moy avez occis le plus preudhomme que ie eusse, et ie vous honniray. Lors commence la damoyselle a plourer et le roy commanda que on en face ung grant feu pour l'ardoir. Et lors fut faict comme il eust commande, si y fut le filz du roy mene, et commanda que il fust gette dedans, car ia n'en seroit espargne. Et la damoyselle vient avant et dist: Sire, donnez moy mon don. Ie vous demande votre filz. Et vous l'aurez, dist le roy, mais il fera penitence de son mesfaict. Lors commande que il soit gette au feu, et l'en luy gette. Et quant il le vit en l'ardeur du feu, si dist: Damoyselle, or le prenez, car autrement ne vous sera delivre de par moy. Ainsi destruire fist Clovis son filz ne oncques ne le voulut espargner.

Mais a tant ce taist du leurier et de l'enfant nomme Candace («Але тѡ ѡставмо и вернимо са ку ѡному Аполонову дитати,

которому имя было Кандиешъ»). Когда онъ выросъ, Хлодвигъ отдалъ за него свою дочь Cresille; у нихъ 13 сыновей; старшій, Crises, наслѣдовалъ отцу въ Cornouaille, младшему братья уступили Leonnois, а сами (f. XX) s'en allerent pourchasser en estrange terre. — Послѣднему эпизоду нашего отдѣла, особливо пострадавшему отъ пропусковъ, отвѣчаетъ въ романѣ слѣдующее мѣсто: «Tant allerent les roys de Cornouaille de hoir en hoir que il en y eust ung appellé Felix qui tant hait gentilz hommes que il en fut mehaigne dedans la grant esglise de Norchoult. Le roy Felix eut deux filz et quatre filles; l'ung des filz fut appelle Marc pource qu'il fut ne au mardy au moys de mars. Le roy Felix fist couronner son filz Marc a roy, quant il gisoit luy et sa femme du mal de la mort, du royaulme de Cornouaille, et puis si fist tant que le roy de Leonnoys print une de ses filles qui estoit appellee Ysabel, et le roy estoit appelle Melyadus».

Всему этому отдѣлу въ изданіи Полидори отвѣчаютъ приблизительно стр. 8—10 перваго тома, но такъ, что при самомъ бѣгломъ сравненіи отличія редакціи бросаются въ глаза. Первымъ королемъ Корноваля изъ рода Соломона (e di suo lignaggio di Bramanza) былъ Codo (вар. Codonas, Condenas, Condones), у него сынъ Anzilere и дочь Trasfilas. Случилось однажды, что Anzilere безъ всякой причины предательски убилъ Аполлона, перваго короля Lionis'a, изъ Александрова рода. Codo велитъ отрубить ему голову и воспитываетъ восьмилѣтняго сына Аполлона, Gandaries'a, ставитъ его рыцаремъ, выдаетъ за него дочь, а по смерти оставляетъ ему свое царство. У Gandaries'a 12 сыновей; старшій, Zersides (вар. Cresides), становится позднѣе королемъ корнуальскимъ, второй, Baralis, властителемъ Lionis'a; остальные братья пускаются въ рыцарскія приключенія по далекимъ странамъ. По смерти Zersides царство переходитъ къ его брату Baralis, у котораго два сына, Feriando и Felissi; по смерти Baralis и Feriando ихъ царства соединяются въ рукахъ Felissi, который умираетъ съ горя вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго ему ирландскимъ королемъ Dilianfer. У Felissi три сына: Ме-

ліадусъ (король Lionis'a), Маркъ корнуальскій (такъ названный потому, что родился въ первый вторникъ мѣсяца марта) и Перна. — Лишь позже (стр. 31—32) говорится, что послѣ войны между Артуромъ и Меліадусомъ и по случаю празднованія мира между ними, первый предлагаетъ второму женить его на Eliabella, дочери царя Andremo и царицы Felice, сестры Артура.

2. У Еліобелы и Меліадуса долго нѣтъ дѣтей; наконецъ королева забеременила. Въ дальнѣйшемъ изложеніи есть нѣкоторые пробѣлы: король ѣдетъ на охоту съ многими рыцарями, «и прыехал къ ѡдной воде, прыкоторой умеръ (кто)?...» Туда же является одна дѣвица, давно любившая его, и увлекаетъ предложеніемъ повести его въ такое чудное мѣсто, какого онъ давно не видалъ. Король согласенъ, и оба пускаются въ путь. «И ѡна ехала дорогою... омъ ехала... а потом ночъ была в... [ви]дели велми... вшы... чили многие велми весело прынали кона подъ королем и зброю. А то был город ѡное дѣвки; ѡна его повела ув-одну велми хорошую комору, и коли былъ король у ложницы, пременило сѧ королю сэрцэ и мысль и не была ему на вмѣ его королевая а ни Єлиѡнос королевство его, ни слуги, толко ѡная дѣвка, котораѧ его увела до тог[о] города иж был дивно зачарован. — Видевшы то королевы витези, иж не было короля колко ден, и ехали его искати и не могли его найти а ни ѡ немъ вѣдомости мѣти. И ѡнаѧ королеваѧ взявшы зъ собою ѡдну дѣвку и сама поехола искати короля Мелиадуша, абы то могла ѡ немъ ѧкую вѣдомост мѣти. И в'ехали у великое добровы и много блудили, пищучы по всих сторонах короля, и поткали Мерлина пророка, и Мерлин поздравил кролевую. И ѡна ему на то рекла почесчене и рекла: Добрый человѣче, если будеш слыхал албо маеш ѧкую вѣдомост ѡ моемъ пану короли Мелиадушу, который згибъ без вѣсти, для бога повѣдай ми, если жыв естъ. Мерлин рекъ: Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж ест жыв, здоров и вельми весел такъ, иж николи перед тым так весел не бывал; але ты вже его своими ѡчима не можеш видети. И то рекшы згинул ѡт нее, и ѡна была вельми жалосна и почала тужити и

плакати, кленучы день рожена своего и годину тую, въ которую сѧ родила; и хто бы тое видалъ, не былъ бы так твердого сэръца, штобы на нее смотречы не плакал, и королевои размножыла сѧ жалост и не могла далеи ехати и зсѣла ис коня». — Сл. соотвѣтствующіи эпизодъ французскаго романа: долгая неплодность королевы; Меліадусъ на охотѣ, встрѣча съ дѣвушкой, которая его любила и настигаетъ его (l. c. f. XX) «deuant une fontaine ou le roy estoit illecques descendu pour ung cheualier qu'il auoit illecques trouue occis. Si le salua et luy dist: Roy, moult ay ouy parler de toy en grant bien, mais se tu estoies si hardy comme on dit et tu me osoyes suiuir, ie te monstreroy encores ennuit une des plus belles adventures que tu vis oncques». Король соглашается и ѣдетъ съ дѣвушкой (l. c.) «tant qu'ilz vindrent en une roche qui estoit a la damoyselle. Ceulx de leans firent grant ioye et la damoyselle prend le roy et le mena en sa chambre qui moult estoit belle, et si tost comme il y fut entre, il ne luy souvint de riens nulle fors que de la damoyselle qui le avoit leans amene qui devant luy estoit, et en telle maniere demoura le iour avec la damoyselle. Ceulx de son hostel le queroyent par tout, mais oncques n'en sceurent scavoir aucune certainete et cuiderent que aulcuns l'eussent occis par trahyson. Quant la royne Ysabel vit que son seigneur ne revenoit pas, si print une de ses damoyselles et dist que elle mesmes le yroit querir si cele[e]ment que nul ne le scauroit. Lors monterent elle et sa damoyselle et s'en alla querant parmy le bois le roy Melyadus son seigneur. Ainsi que elle le alloit querant, si encontra Merlins. Cuidant que ce fut ung forestier si luy dist: Dy hau, forestier, me scaurois tu a dire nulles nouvelles du roy Melyadus mon seigneur qui perdu est en ceste forest?— Dame, dist Merlins, on ne peult recouurer ce qui est perdu, mais cestuy sera encores recouure; et sachez que il est sain et haite et ayse, mays iamais ne le verrez. Et quant il eut ce dit, il se esuanouit si que la royne ne sceut que il fust deuenu, et lors commence a faire son deuil de ce que Merlins luy avoit dit si grant que le mal de son ventre luy en print

et que elle ne peut avant aller, si le dist a sa damoyselle, que le mal de son ventre luy est prins. Et la damoyselle en commence a plourer de pitié; et lors commence la royne a crier a haulte voix et a reclamer Dieu et sa mere».

Королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, надъ которымъ жалобно причитаетъ: «прышла есми жалосна на сее мѣсто и в жалости есми тебѣ породила», говоритъ она, «а ты сѧ в жалости родилъ, и нехаи тобѣ будет имѧ Жалост» (сл. l. c. triste vins icy, triste acouche et en tristeur ie t'ay eu, et la premiere feste que ie t'ay faicte a este en tristesse, et pour toy me mourray triste. Et quant par tristeur es venu en terre, tu auras nom Tristan). Королева умираетъ, дѣвушка остается съ ребенкомъ, когда являются два витязя, родственники Меліадуса. Увидѣвъ, что королева скончалась, они хотятъ сгубить и ребенка, чтобы завладѣть Еліоносомъ, но дѣвушка умолила ихъ пощадить дитя подъ условіемъ—отнести его въ другую землю, такъ что о немъ и вѣсти не будетъ. — Рыцари возвращаются назадъ съ тѣломъ королевы; но она была беременна, куда же дѣвалось дитя? спрашиваютъ горожане, и Мерлинъ является, чтобъ обличить злоумышленниковъ и объявить всѣмъ, что черезъ три дня они увидятъ Меліадуса. Воспитаніе его сына онъ хочетъ поручить Говорнару (Gouvernail) изъ королевства «гулешскаго» (далѣе: изъ Галіуша: de Gaule), который сопровождаетъ его до рѣки Брыкини (la fontaine Bargaigne)[1]), гдѣ на столбѣ (perron de marbre) надпись съ именами трехъ наибольшихъ рыцарей, имѣющихъ здѣсь съѣхаться: Галаада (Galaad), Ѡнцалота и Трыщана. Далѣе Мерлинъ ѣдетъ къ дѣвкѣ, воспитывавшей Тристана, и къ той, которая волшебствомъ держала у себя Меліадуса; первой велятъ отнести мальчика въ Эліоносъ, вторую заставляютъ силой выдать плѣнника[2]). Возвращенію Меліадуса всѣ рады; когда

[1]) Подробности нашего текста, что (беременная) женщина, отвѣдавъ воды изъ нея, не сносила бы ребенка, французскій романъ не знаетъ.

[2]) Во французскомъ текстѣ послѣдовательность другая: Мерлинъ направляетъ людей Меліадуса къ дѣвушкѣ, державшей его у себя; она освобож

принесли Тристана, Мерлинъ велитъ беречь дитя, говоритъ, на вопросъ короля о его долѣ, что онъ будетъ изъ «трех рыцэровъ наибольшын рыцеръ», (f. XXI ung des trois meilleurs chevaliers du monde), и совѣтуетъ поручить его Говорнару. Затѣмъ онъ удаляется, не склоняясь на просьбы короля — остаться. Узнавъ отъ дѣвушки, что его сынъ уже крещенъ и ему дано имя, Меліадусъ отдаетъ его въ науку и опеку Говорнару.

Для того, чтобы встрѣтить у Полидори разказъ, соотвѣтствующій сообщенному, надо перенестись отъ стр. 11 къ 39 — 48. Я укажу на главныя отличія въ содержаніи: о долгой бездѣтности Эліабелы нѣтъ рѣчи; Меліадусъ охотится въ великой пустынѣ di Medilontas (вар. Meliandes), гдѣ у fontana del Dragone встрѣчаетъ дѣвушку, la Savia Donzella, увлекающую его въ Torre dello Incantamento.—Эліабелла идетъ искать его съ дѣвушкой; встрѣча съ Мерлиномъ и рожденіе Тристана (имя ему Tantri = tant triste, но еслибъ поставить tri передъ tano, получилось бы болѣе красивое имя, говоритъ авторъ: Tritan). — Мерлинъ не самъ идетъ за Меліадусомъ, а посылаетъ вооруженную силу къ дѣвушкѣ, державшей его въ плѣну; вмѣстѣ съ Governale lo Pensoso онъ идетъ въ великую пустыню, гдѣ у fontana de Lionne (вар. del Lione) столбъ съ именами трехъ рыцарей (Galeotto = Galaad). Слѣдуетъ аллегорическое толкованіе столба (petrone di Merlino), заимствованное авторомъ изъ книги, на которую онъ часто ссылается, какъ на свой источникъ[1]). — Мерлинъ и Говерналь встрѣчаютъ дѣвушку съ Тристаномъ въ пустынѣ и вмѣстѣ возвращаются въ городъ, куда уже прибылъ Меліадусъ. — Дѣвушка награждена, рыцарямъ-предателямъ отрубили головы.

3. «То оставмо и поведаймо о королѣ Марку короноалском» (l. c. f. XXI: Mais atant laisse le compte a parler de Tristan et

даетъ его; Мерлинъ ѣдетъ съ Говерналомъ къ дѣвушкѣ, у которой воспитывался Тристанъ.

[1]) Она принадлежала мессеру «Viero di Guascogna, dello lignaggio di Carlo Magno di Francia; e il detto libro si è al presente di messer Garo o vero Gaddo de'Lanfranchi di Pisa».

du roy Meliadus son pere et parle du roy Marc comment il occist son frere sur la fontaine au Lyon). У короля Марка былъ младшій братъ Перла (f. XXI Perneheu), добрый рыцарь. Послы изъ «Орълендэи» приходятъ требовать у Марка дани за семь лѣтъ. Онъ смутился; Перла совѣтуетъ дани не давать, «але ѡтоими сѧ мечомъ на поли, занюж если умрешъ ѡт меча, почесно умреш». (f. XXI se vous mourez, ce sera vostre honneur, se vous vivez, ce vous sera gloire et louenge toute vostre vie). Маркъ ссылается на то, что дань давали и прежде; Перла говоритъ: «ѧк которое перво глупе чынили, такъ и ты хочешъ» (ib. se vostre lignaige folloya, voulez vous pour ce faire follie et le maintenir?). Король съ этимъ не согласенъ, выслушиваетъ попрекъ брата и, зная его за добраго рыцаря, начинаетъ бояться его [1]). На охотѣ, когда Перла нагнулся пить къ рѣкѣ (l. c. fontaine au Lyon; о питьѣ нѣтъ рѣчи), Маркъ убиваетъ его. «Тогожь часу Мерлин дал знати Анъцолоту доброму рыцэру; потомъ Анъцолотъ ударылъ короля ув-очы: Ты-сь здрадне вбилъ доброго рыцэра брата своего» (l. c. ia ne eust este sceu se ne fust ung escript que Merlin fist en une roche que Gaheriet trouua depuis et le monstra a Lancelot. Ces deux sceurent ceste adventure et puis le reprocha Lancelot du Lac au roy Marc).

Сл. Polidori стр. 10—11: Amorotto (вар. Amoroldo) ирландскій требуетъ обычной дани (которую Felis обѣщался платить Derianfer'y — Dilianfer'y); братъ Марка названъ Perna; онъ убитъ на охотѣ nel diserto di Liantes, fontana del Lione. О Мерлинѣ и Ланцелотѣ нѣтъ рѣчи.

4. Меліадусъ женится во второй разъ на королевѣ «з *Малое* земли» (Франц. романъ, l. c.: la fille au roy Houel de Nantes de la Petite Bretaigne), когда Тристану было семь лѣтъ. Мачеха ненавидитъ его, ибо боится, что онъ «подъ ее сыном ѡзметь панство», и пытается отравить его (и не могла иным, толко трутизною = l. c. mais elle ne veoit pas comment, se ce n'estoyt par

[1]) Франц. текстъ здѣсь гораздо подробнѣе; вѣроятны сокращенія со стороны переводчика.

venin). Приготовивъ ядовитый напитокъ въ серебряной фляшѣ (l. c. vaissel d'argent), она ставитъ его въ головахъ «в ложи»; не зная о томъ, нянька ея собственнаго ребенка напоила его тѣмъ питьемъ, отчего дитя тотчасъ же умерло. Нянька принялась горько плакать, ее всѣ обвиняютъ, вмѣстѣ съ другими и королева. Она говоритъ: не я его уморила, а тотъ, кто поставилъ здѣсь этотъ ядъ. Спрошенная королемъ, она отвѣчаетъ также, и король вѣритъ этому и велитъ ее отпустить, а Говорнаръ говоритъ ему, что та «трутизна» приготовлена была либо ему самому (Меліадусу), либо Тристану. Король втайнѣ совѣщается со своими (l. c. ung sien privé), кто бы могъ то учинить, а королева мыслила про себя: «толко ѥсми сына вморыла; а чого ѥсми хотѣла, того не вчынила». Говорнаръ велитъ Тристану не общаться съ мачехой, которая строитъ новыя козни. Однажды, когда Тристанъ пришелъ къ отцу въ ложницу, король велѣлъ дать себѣ пить; Тристанъ «ѿтворыл ѻдну ѻлмарею, где стоѩли добрые питьѧ, и нашолъ ѻдинъ кубокъ чыстое трутизны и взявъшы прынесъ королю, а королевна прышла в тот час и вбачила в короля кубок в руцэ и закликала: Пане, для Бога не пи того питѧ» — Почему? — «Не добро то тобѣ пити» (f. XXII Le boire n'est pas bon pour vous). Къ чему же ты хранишь такой напитокъ? спрашиваетъ король и гнѣвно задумался. Видитъ это Тристанъ, палъ на колѣна, проситъ у отца «ѻдного дару». Получивъ обѣщаніе, онъ молитъ отпустить гнѣвъ мачехѣ, ибо не подобаетъ «абы моѧ пани згинула коли ѥй могу жывот заховати». — «Хто тобѣ сее радил?» спрашиваетъ его король; Тристанъ отвѣчаетъ: «Бог вѣ, ни с кимъ сѧ ѥсми не радил, але правда и подобность моѧ на то мѧ вела, иж ми сѧ то неподобало абы моя пани згинула коли ѥй могу жывот заховати» (f. XXII: Or me dy qui le te conseilla demander? Sire, dist l'enfant, fors que raison et aussi droicture qui mene mon cueur, et ce que ie ne doys pas laisser perir ma dame quant ie la puis bien sauluer). Тогда король велитъ женѣ выпить тотъ кубокъ; она отказывается и подъ угрозой смерти говоритъ, что тотъ ядъ она при-

готовила Тристану. Ее уводятъ въ темницу, а Меліадусъ собираетъ совѣтъ по ея дѣлу; судьи приговариваютъ ее къ смерти, хотя сами плачутъ, но король рѣшаетъ, какъ просилъ Тристанъ: «Будь такъ ѭкъ ты хочешъ, нехаи будетъ тобою вызволена... И королеваѧ ѡстала вов-покои пры короли, але король не мѣл на нее ласки, леч толко ненавидал со всего сэрца». Однажды, когда Меліадусъ съ сыномъ и Говорнаромъ были на охотѣ, явились два рыцаря, спрашиваютъ: Кто здѣсь король? Имъ отвѣчаютъ: Здѣсь король съ сыномъ. Говорнаръ спохватился: Нѣтъ здѣсь сына, его оставили дома. Тогда тѣ рыцари приступили къ Меліадусу и говорятъ: «Ты намъ не чынилъ ничого злого, але нехто инын с твоего двора мыслит насъ погубити, и тепер мыслимо збыти того если узможемъ». Они убиваютъ короля и сами убиты. «А ѡни ѡбадва были племѧ кнѧзю из Нороту, которые были наиболшое племѧ ѡт Корновали. То имъ была ѡднаѧ ворожбитка поведила: вам погинути ѡт короля Мелиадуша двора. А въ том имъ была рада ѡтъ короля Марка корновальскаго, иж ѡнъ боял сѧ Трыщана, если прыидет к лѣтомъ, абы его с панства не выгналъ, ѭкъ была ѡнаѧ ворожбитка рекла, ѭкож и потомъ, коли Трыщанъ прышолъ к лѣтомъ, прышолъ изъ своею дружыною и вбилъ кнѧзѧ изъ Норота своею рукою и сказилъ город ихъ, иж там камень на камени не остал». — Сбивчивость русскаго текста объясняется сравненіемъ съ французскимъ; рыцари говорятъ королю: (l. c.) Roy Melyadus, nous te voulons grant mal et si ne l'as pas desservy, mais toy ou homme de ton lignaige le desservira, car nous serons honnis et avillez par toy ou par homme de ton lignaige et toute Cornoualle en tremblera de paour, et pour le destourner si nous en prendrons a toy». Они «estoyent hoirs de Morhoult et leur avoit dit une damoyselle qu'ilz devoyent estre honny par le roy Melyadus, si s'en cuydoient par ce destourner, et sanz faille ilz y estoient venuz par le conseil du roy Marc, qui ne doubtait homme du monde autant comme il fesoit Tristan. Si advint tout ainsi comme la devineresse luy avoit dit» и т. д.

Тѣло короля отвозятъ въ городъ, Тристанъ и горожане оплакиваютъ его, а Марко «почал много мыслити ѡ том. И пришолъ к нему ѡдинъ хлопец, который болшеи вѣдал нижли иные люди по Мерлину (ib. ung nayn qui estoit deuin et scavoit des choses advenir et avoit este longtemps avecques Merlin qui moult lui avoit aprins) и все што мает быти». Онъ говоритъ ему объ опасности, которая ожидаетъ его отъ Тристана, когда онъ придетъ въ силу [1]), а Говорнаръ, видя, что мачеха продолжаетъ ненавидѣть Тристана «иж бы сѧ ев там землѧ ѡстала», убѣждаетъ его уѣхать во Францію, къ королю Перемонту (l. c. En Gaule au roy Pharamon), гдѣ онъ научится рыцарству; когда ты вернешься въ Елионосъ, «нихто ти не будет смѣти рѣчы, штобы тобѣ невдачно» (l. c. ia ne trouuerez vous nul si hardy qu'il le vous ose contredire). Перемонту, который принимаетъ ихъ милостиво, они себя не называютъ. «Трыщанъ почалъ рости и лѣпъшати и в малых днехъ иж сѧ ему дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы (f. XXIII: ieu des eschetz et des tables) лепшеи надъ иныхъ, и всѧкое его доброти не было ровни, а нихто такъ строине не мог на кони седѣти ѩкъ ѡн». Въ него влюбляется дочь короля (во франц. романѣ: Belinde), долго томится, раздумывая о томъ, какъ дать ему знать о своей любви, и наконецъ открывается въ ней Говорнару: пусть приведетъ его къ ней, иначе «прыправлю его къ велікои легкости». Говорнаръ смущенъ: что скажетъ король, если Тристанъ поддастся? Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ исполнить порученіе. — Французскій романъ разсказываетъ здѣсь (f. XXIIII) эпизодъ (= Polidori, стр. 55), неизвѣстный нашему тексту: о посѣщеніи короля Фарамона Morhoult'омъ (въ нашемъ текстѣ: Амуратъ) ирландскимъ; юродивый (fol) предсказываетъ ему смерть отъ руки Тристана, чему тотъ смѣется; позже, во время поединка съ Morhoult, Тристанъ напоминаетъ ему о предсказаніи. — Говорнаръ говоритъ Тристану объ увлеченіи дѣвушки; тотъ на отрѣзъ отказываетъ, не желая

[1]) Въ франц. текстѣ рѣчь карлика подробнѣе.

оскорбить принявшаго его къ себѣ отца («Єсли мѧ милует збыточною милостью, и того не вчиню, нехаи збыток пры неи»; сл. l. c. se elle me ayme de bon amour, elle a droit, car aussi l'ayme ie de tout mon cueur a son preu et a son honneur, et s'elle m'ayme par folie, garde, car ia ne sera acomplie par moy). Когда Говорнаръ сообщаетъ объ этомъ отвѣтѣ, она сильно опечалилась. (Такъ ли сѧ Трыщан со всимъ ѡт мене ѡтнесл? = l. c. m'a il reffusée). Однажды, когда Тристанъ шелъ мимо ея ложницы, она выбѣжала, обхватила его руками и принялась его цѣловать; онъ, боясь, чтобы кто-нибудь того не примѣтилъ, оттолкнулъ ее отъ себя. Увидѣвъ «иж того мѣти не может чого хотѣла», она принимается голосить и сбѣжавшемуся люду говоритъ, что Тристанъ хотѣлъ ее изнасиловать (зкгвалътовати = l. c. honnir). Король веритъ обвиненію и велитъ посадить Тристана въ темницу. Говорнаръ опечаленъ; когда онъ идетъ къ Фарамону, встрѣчающіеся срамятъ его: «Так ли єси вывчил Трыщана? (l. c. qu'il auoit mal enseigné Tristan). Королю онъ говоритъ наединѣ о любви его дочери и ея порученіи; но король ему не довѣряетъ и хочетъ самъ испытать дочь.Ославъ за нею онъ сообщаетъ ей, что хочетъ отомстить за нанесенное ей оскорбленіе. Она отвѣчаетъ: «Государу, справедливе єст, нехаи кождыи ѡзметь по своим дѣлам. И рек король: Дочко, єсли ты въсхочеш, ты будешъ ему жона, а єсли не всхочешъ, ѡнъ будет мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и позналъ король иж не єстъ панна непрыятель Трыщану» (f. XXIIII: Sire, il est droit que chascun compare sa folie. Et le roy dist: Fille, ia de telle mort ne le scaurez iuger, qu'il ne meure, sur vous en sera le iugement. Et celle pense, se le iugement estoit sur elle, que il n'auoit garde comment que elle en fust blasmee apres. Le roy voit bien et appercoyt qu'elle ne hayt pas Tristan tant comme on cuide). Тогда онъ велитъ привести Тристана и Милиенца, двоюроднаго брата («дядковича») дочери (l. c. Meliant son cousin), обвиненнаго въ смертоубійствѣ, и говоритъ дѣвушкѣ: пусть выбираетъ, кому изъ нихъ умереть, одному онъ проститъ. Та не знаетъ, что ска-

зать, боится попросить за Тристана, проситъ за Милленца, потомъ за Тристана, когда корбль замахнулся на него мечемъ. Король настаиваетъ на ея первомъ рѣшеніи, а она говоритъ: пусть лучше ее убьютъ, чѣмъ его; затѣмъ проситъ у отца мечъ, чтобы самой отмстить Тристану, но когда мечъ у нея въ рукахъ, она объявляетъ отцу: отпусти Тристана, или я сама себя убью. Она сознается, что любитъ его, а король говоритъ ему: «Ты вжэ правъ» (l. c. delivre). Когда Тристанъ разсказалъ Говорнару, какъ онъ освободился отъ взведеннаго на него обвиненія, тотъ совѣтуетъ ему бить челомъ королю, чтобъ отпустилъ его: какъ бы панна «чого злого не вчынила» (l. c. mal nous en pourrait bien venir); они поѣдутъ въ Еліонесъ къ дядѣ Марку; ты такъ возмужалъ, что коли захочешь таиться, тебя не узнаютъ; будешь служить, а когда настанетъ время, самъ король опояшетъ тебя мечемъ (l. c. vous fera chevalier). Тристанъ идетъ откланяться Перемонту[1]); когда королевна узнала, что Тристанъ уѣзжаетъ, «она была збытне смутна и послала ему иноходника и выжла одным нахолкомъ», котораго Тристанъ обѣщаетъ, по его просьбѣ, поставить рыцаремъ, когда самъ будетъ таковымъ. Еще разъ посылаетъ королевна къ Тристану: проситъ прислать ей его мечъ, чтобы она могла поцѣловать его. Получивъ мечъ, она проколола себя на мѣстѣ. Во французскомъ романѣ (f. XXIIII) Тристанъ уже уѣхалъ, когда дѣвушка посылаетъ въ догоню за нимъ своего escuier, съ любовнымъ письмомъ, въ которомъ съ нимъ прощалась, такъ какъ рѣшила заколоться мечемъ, которымъ раньше ея отецъ хотѣлъ снести ему голову. Вмѣстѣ съ письмомъ она шлетъ ему своего brachet, «ung des meilleurs brachets du monde» (l. c.); объ иноходникѣ нѣтъ рѣчи. Самоубійство происходитъ до отправленія посланнаго за письмомъ; послѣдній остается при Тристанѣ. «Et sachez qu'il fut puis cheualier de grant proesse, compaignon de la table ronde, mais puis l'occist Tristan en la queste du sainct Graal par meschanceté,

[1]) Въ франц. текстѣ (l. c. f. XXIIII) сцена съ королемъ подробнѣе, и Тристанъ открываетъ ему, кто онъ такой.

ainsi comme il s'en alloit après Palamedes le cheualier sarrazin» (l. c.). Тоже говоритъ о немъ нашъ текстъ, но въ другомъ мѣстѣ по поводу перваго турнира въ Ирландіи: «И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцэром, и былъ храбръ и великое доброти и был товарыш ѡт Ѡкруглого стола великое доброти; и заса с прыгоды забилъ его Трыщанъ своею рукою не знаючы иж ѡн стоялъ за Паламидежом, которын велми миловалъ цудную Ижоту. А тому рыцэру было имѧ Бербешъ». Французскій романъ (f. XXIX) повторяетъ при этомъ случаѣ то же извѣстіе, въ нѣсколько иной формѣ, называя на этотъ разъ и рыцаря: Hebes le renommé.

Обращаемся къ тексту Полидори, l. c. стр. 48—63. О томъ, что подробности о второмъ бракѣ Меліадуса здѣсь другія, сказано было выше.

Неудачныя ковы мачехи разсказаны въ обратномъ порядкѣ: сначала король хочетъ пить изъ кубка, въ которомъ приготовленъ былъ ядъ (лишнее: ядъ испытанъ на собакѣ), а затѣмъ уже говорится объ отравленіи сына мачехи. Смерть Меліадуса передается коротко, безъ подробностей: на охотѣ его убиваютъ враждебные ему рыцари; ихъ двѣнадцать; впослѣдствіи Тристанъ отмстилъ имъ, какъ вы о томъ услышите. Отъѣздъ Тристана къ re Fieramonte (вар. Feramonte, Ferramonte) in Gaules; онъ оставляетъ по себѣ правителемъ вѣрнаго человѣка, друга отца, messer Palmoano (вар. Palmiano, Palmino), которому поручаетъ пещись о мачехѣ. У Fieramonte (его столица Parigi) дочь красавица Bellices (вторая умерла), которая ввѣряетъ Governale'ю свою любовь къ Тристану. Слѣдуетъ, какъ и во франц. романѣ, пріѣздъ Аморольда Ирландскаго и предсказаніе одного «folle della corte, lo quale era appellato Rocchetto». Эпизодъ съ Bellices представляетъ такія отличія: Тристанъ фехтуетъ съ другими рыцарями въ большой залѣ дворца; Bellices любуется имъ и поджидаетъ его въ проходѣ между двумя покоями. Когда Тристанъ ей не внимаетъ, она кричитъ въ тоскѣ: Помоги, помоги мнѣ, дорогой, прекрасный повелитель! — разумѣя — Бога Любви. Когда

на ея крикъ сбѣжались, она говоритъ: Поглядите на этого негоднаго молодца, не желающаго оказать мнѣ чести и поклоненія (cortesia) и заставляющаго меня страдать до смерти. Въ сценѣ суда племянникъ короля названъ Brano или Abrano; король предлагаетъ Тристану руку дочери, онъ отказывается за юностью: ему еще надо поучиться рыцарскому дѣлу. Въ разсказѣ о смерти Bellices есть особенности, соединяющія отличія русскаго и французскаго текстовъ: она посылаетъ Тристану съ конюшимъ своего коня, выжлока (bracchetta) и письмо, и прочитая о Тристанѣ, бросается на мечъ въ присутствіи посланнаго, дабы онъ могъ быть свидѣтелемъ ея смерти. Изъ письма, которое читаетъ Тристанъ, онъ узнаетъ, что мечъ былъ тотъ самый, которымъ король хотѣлъ отрубить ему голову. О просьбѣ конюшаго поставить его рыцаремъ ничего не говорится.

5. Тристанъ и Говорнаръ являются къ королю Марку, который не признаетъ племянника и нѣкоторое время спустя ставитъ его рыцаремъ. Во французскомъ романѣ, который вообще излагаетъ подробнѣе, это обстоятельство разсказано послѣ прибытія посольства отъ Morhoult, но раньше, чѣмъ оно принято въ аудіенціи Марком: узнавъ отъ одного стараго рыцаря о цѣли посольства, Тристанъ проситъ опоясать его мечемъ, чтобы ему можно было биться съ Morhoult. — Въ это время явились изъ «Орълендэп» четыре рыцаря отъ Амурата (Morhoult) съ требованіемъ запущенной дани, иначе они грозятъ бѣдою: «не останеть тут надь земли штобы не скажона» (f. XXV: il ne te donnera plein pied et toute Cornouaille en sera destruicte [1]). Марко устрашенъ, а Тристанъ выступилъ впередъ и велитъ сказать Амурату, что обычаю предковъ они слѣдовать не будутъ, «а если вашъ панъ король арленъдэнскій хотѣлъ бы ее мѣти (то-есть, дань),

[1]) Нашъ текстъ сократилъ въ одно двойное упоминаніе Morhoult во французскомъ романѣ. Здѣсь послѣдовательность такая: пріѣздъ Morhoult (съ нимъ его товарищъ Gaheriet); требованіе дани и сѣтованіе корнуальцевъ; Тристанъ узнаетъ о томъ и хочетъ биться съ Morhoult; его ставятъ рыцаремъ; f. XXV: «ainsi comme ilz faisoient la feste Tristan, vecy venir quatre chevaliers sages et bien parlans de par le Morhoult».

нехан прыидет а ѡзметь через мѣчъ на поли, (l. c. ie suis tout prest de me combattre a luy corps a corps), а инак ее не может мѣти, а я готовъ ѡтнати ее моею рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? (l. c. Et ce pour vous que ce cheualier a parlé)? И король рек: Коли онъ хочеть взати тую битву за корновалскую свободу, говору и я». Когда послы Амурата замѣчаютъ, что онъ будетъ биться лишь съ человѣкомъ «великого роду» (l. c. de aussi hault lignaige), Тристанъ объявляетъ, кто онъ. Узнавъ объ этомъ, «хто ест, которыи тую битву взалъ» (l. c. qui la bataille a emprinse) и услышав похвалы новоставленному рыцарю, Амуратъ глумится: «ѡнъ будет калти са, новыи рыцэр новую смерть хочет взати (f. XXVI: «il fut hier cheualier nouueau et demain luy conuient essayer nouuelle mort»). Онъ снова посылаетъ къ Марку узнать о мѣстѣ, назначенномъ для поединка; вмѣстѣ съ другими идетъ Гарнотъ. «И рек Гарнот: И вамъ вчыню дружбу (то-есть, буду вашимъ товарищемъ), иж того рыцэра увижу кого такъ фалатъ (l. c. et Gaheriet dit qu'il ura auec eulx, si verra celluy Tristan); Маркъ назначаетъ островъ Самсонъ (l'isle Sainct Sanson, l. c.)[1]), противники поѣдуть каждый въ своемъ суднѣ, «и кождый будет собѣ морнаръ» (l. c. ayt chascun son batel et son marinier pour luy gouuerner). Гарнотъ доноситъ объ этомъ Амурату, котораго пытается отговорить отъ битвы съ Тристаномъ: коли ты падешь, «то велыкая шкода ув-Орленъдэи будет, а коли са ему што станет, великаи шкода всему свѣту будеть», но Амуратъ не хочетъ ничего слышать и готовится къ бою. Марко и Тристанъ съ рыцарями и всѣ корновальцы идутъ въ церковь; на другой день, снарядившись къ бою, Тристанъ идетъ «у гостилницу» (l. c. au palais; въ оригиналѣ стояло, вѣроятно, hostel, albergo), гдѣ Марко выходитъ къ нему на встрѣчу и упрекаетъ, зачѣмъ онъ таился отъ него? Коли бы онъ зналъ, кто онъ, не далъ бы ему

[1]) Такъ и въ Erec et Enide Chrestien'a de Troies:

La ou Tristanz le fier Morhout
En l'isle Saint Samson veinqui.

биться, «хотѧ бы сѧ вса Корноваль пороботала» (l. c. en servage). Узнавъ, что Амуратъ уже переправился на островъ, Тристанъ вооружается, беретъ съ собою «доброго фреза» (фарпжа, l. c. cheval) и переправляется на лодкѣ, которую, приставъ, отпихиваетъ отъ берега. Амурату опъ объясняетъ этотъ поступокъ: «ѡдному з нас проч поити твоеи лодьи, а другому тут ѡстати». Амуратъ уговариваетъ его покинуть битву, Тристанъ не согласенъ. Битва идетъ сначала на коняхъ («древа поламали» = glayues l. c.), затѣмъ пѣшая; Амуратъ начинаетъ страшиться; Тристанъ раненъ «у стегно кгроткем ѣдовитым» (l. c. du fer du glayue Morhoult qui envenime estoit), а противнику разрубилъ голову до мозгу, «и ѡстал ему вломокъ меча в голове». Дружина перевозитъ смертельно раненаго на тот берегъ, а корновальцы кличутъ врагамъ: «Злаѧ вам дорога, ѡто вамъ дань»! (l. c. allez vous en sans retournei, malle tempeste vous puisse tous noyer). Тристанъ жалуется на нестерпимую боль въ стегнѣ; никакія мази и лѣкаря не помогали, его страданія вызываютъ общее горе: «Ѡ Трыщане почестныи и добрыи рыцэру, цуднаѧ молодости, кол дорого куплъ есп свободу коръновальскую! (l. c. bien nous a faict par sa misericorde grant grace, par la proesse de Tristan est huy Cornouaille deliuree de servage). Мы ѡставуем весели, а ты вмираеш ѡкрутною-смертью! (l. c. dont les preudhommes en sont moult dolens et dient: Ha, ha Tristan, comment vous auez cher achapte la franchise de Cornouaille! Vous mourrez a douleur de ce nous sommes a ayse). Одна женщина совѣтуетъ Тристану поискать излѣченія въ другой странѣ. «Рекъ Трыщан: Ꙗ не могу на кони седѣти а ни на носилицахъ нести сѧ» (f. XXVII ie ne poyrroys cheuaucher ne ie ne pourroye souffrir a estre porte en litiere). Онъ проситъ дядю: «наради ми доброе судно и поставъ што ми так потреба в немъ, стравы и питьѧ и ѡдно легкое ведро, которое бы могъ ѡдин чоловекъ долов спускати, и покрыи ми его добрым сукномъ длѧ дождчу и длѧ вѣтру: хочу сѧ пустити по морю, кгды ми фортуна прынесеть, ачеи ми сѧ гдѣ лѣкар найдеть к тои ране, ѡт которое умираю.... А коли

будет судно готово, вложи ма в него и дан ми мою аръфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести легъчало» (l. c. Pourvoyez moy d'ung petit vaissel a ung petit vaissel a ung petit voylle bien faict que ie puisse tout par moy monter et avaller quant ie vouldray, et sera par dessus couuert de soye pour le chault et pour la pluye et la me ferez mettre mes viandes dedans dont ie me pourray soustenir une piece de temps et si ferez mettre ma harpe, ma robbe et tous mes instrumens dont ie me deduyrai aucune ffois). Маркъ отпускаетъ его со слезами; черезъ два дня (l. c. quinze iours ou plus) «фортуна» пригнала его «в Орленъдэю под один город» (l, c.: le chasteau de Hesedoc), гдѣ царствовалъ король Ленвизъ, женатый на сестрѣ Амурата, искусной лѣкаркѣ. — Франц. романъ не называетъ здѣсь короля по имени, но далѣе ему имя Argius f. XXIX (то же въ Le nouveau Tristan 1586 г.), что отвѣчаетъ близко нашему Ленвизъ-Anguis (l'Anguis?) Когда Тристанъ «былъ на кран мора перед замком, онъ с того былъ велми весел и взал аръфу и настроплъ и почалъ играти што нацуднеи могъ». (l. c. si doucement, que nul ne l'ouyt qui voulentiers ne l'escoutast). Слышитъ это Ленвизъ, подозвалъ королеву и оба идутъ къ берегу; когда Тристанъ узналъ отъ нихъ, что онъ въ Ирландіи, устрашился, называетъ себя рыцаремъ «изъ Элионоса города а от земли объфитое», (l. c.: de Leonnoys pres de la cite d'Albime), ищущимъ излѣченія отѣ раны. Царь ободряетъ его: у него есть дочь, которая знаетъ въ ранахъ толкъ лучше всѣхъ лѣкарей, она будетъ ходить за нимъ «для бога и для дворности» (l. c. pour dieu et par pitié). Тристана переносятъ въ одну комору, а Ленвизъ посылаетъ къ нему свою дочь Ижоту; ея зелья сначала не помогаютъ («Болшеи десяти днеи панна прыкладала зѣлье» = l. c.: En celle chambre fut Tristant dix iours entiers. La damoyselle prenoit garde chascun iour de luy), пока она не догадалась, что рана ядовитая и не употребила соотвѣтствующихъ средствъ. Тогда выздоровленіе пошло быстро, и Тристанъ спѣшитъ уѣхать, пока его не узнали, когда явились три рыцаря «отъ округлаго

стола короля Артпуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул» (франц. романъ: Gaheriet, Keu, Baudemague), на турнпръ, который выкликала одна панна: «которын бы рыцэр болшъ мужовал в томъ турнаю, тот ее попметь, а если бы ее не хотѣлъ понати, и она ему маеть дати дар такъ много, што колко десатъ рыцэров мают»[1]). Рыцари видятъ Тристана у Ленвиза, но его не признаетъ даже Гарнотъ (l. c. Gaheriet), приходившій съ послами Амурата: такъ онъ измѣнился отъ болѣзни. На вопросъ Гарнота, онъ называетъ себя просто гостемъ (l. c. estrange home) и сопровождаетъ Ленвиза на турнпръ, хотя отказывается отъ оружія и коня: онъ еще слишкомъ слабъ[2]). На пути они встрѣтили Гаваона (l. c. Gauvain), племянника Артура; за нимъ ѣздитъ, нося его щитъ и сулицу (l. c. glayue), тотъ самый юнакъ (l. c. escuyer), который привелъ Тристану иноходца и выжлока отъ дочки Перемонта. Онъ узналъ Тристана, который проситъ его не открывать его имени, готовъ исполнить обѣщаніе — поставить его рыцаремъ[3]) и узнаетъ отъ него, что тотъ, за кѣмъ онъ ѣздитъ, Гаваонъ, о чемъ и сообщаетъ Ленвизу. Вечеромъ встрѣтился имъ рыцарь съ чернымъ щитомъ и двумя мечами; Гаваонъ объясняетъ Ленвизу, что носить два меча имѣетъ право лишь тотъ, кто отважится биться съ двумя рыцарями; что еслибъ его побѣдилъ рыцарь не «з Лондреша», то онъ обязанъ былъ бы отбросить одинъ мечъ, и — ходить цѣлый годъ безъ оружія

---

[1]) f. XXVII: Ils estoient venus en Yrlande pource que la dame de Glandos qui se vouloit marier, avoyt fait crier le tournoyement, si y estoyent ia venus les barons de (f. XXVIII) maint pays, et auoit este crié en plusieurs royaulmes par si que qui mieulx le feroit, auoit la dame en mariage s'il vouloit, et conviendroit que le roy d'Irlande qui tout ce avoit fait crier pour ce que la dame estoit sa cousine germaine, qu'il donnast au mieulx faisant cheualier le fief de dix chevaliers pour estre a celluy tournoyement.

[2]) Онъ прибавляетъ: «а коли ты въсхочеш ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо оружье, иж чоловѣкъ не вѣдаст, што съ ему гдѣ прыгодит» = f. XXVIII: non pourtant se vous y voulez aller, ie vous feray voulentiers compagnie et par adventure que lors porteray armes et par adventure que non feray.

[3]) Объ этомъ обѣщаніи во французскомъ текстѣ раньше не говорилось. Теперь конюшій проситъ у Тристана «ung don»...: «Sire, vous me ferez demain cheualier».

«за соромы», еслибы былъ побитъ рыцаремъ изъ «Лондреша», гдѣ «наибольшые рыцеры»[1]). На другой день, поставивъ рыцаремъ юнака Перемонта (сл. выше стр. 153), Тристанъ ѣдетъ къ мѣсту турнира «на одномъ болоте подъ замком» (f. XXVIII: Chasteau des Landes). Пріѣхали туда король «Іапишъ из Локви», «Артпуш з Лонъдреша» и король надъ Ста рыцарями, служившій «прынчипу Галиоту». Послѣднихъ двухъ нѣтъ во французскомъ романѣ, а первый названъ: Aguysaulx d'Escosse, и далѣе являющійся въ нашемъ текстѣ подъ именемъ короля Сго(т)скаго. На турнирѣ сторону послѣдняго держатъ рыцари Круглаго стола: Гарнотъ, Иванъ, сынъ короля Урыиана, Гаваонъ, Геешъ, король Бэндемагул, Дондпелъ, Согремор, Гвирешъ (франц. романъ: Messire Gauvain, messire Yvain et le filz du roy Brien, Keux le senechal, Gaheriet, Garaches, Baudemagus, Dodineau le Sauvage, Sagremor le Desreé, Guires le petit, Girflet le filz do (sic), f. XXVIII), но рыцарь съ чернымъ щитомъ, который оказывается Паламидежемъ (Palamedes le sarrazin, f. XXIX), отбиваетъ у нихъ побѣду. Видя себя побѣжденнымъ, король надъ Сту рыцарями, любившій всѣмъ сердцемъ «красную Ижоту» (Iseult la belle, f. XXVIII), опечаленъ, хочетъ поправиться на другомъ турнирѣ, которому назначаетъ быть черезъ десять дней. А «Поломидеж поехал ув-Орлендэю [2]), говоречы тот турнап почстепе Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлъ на сэрцы и мыслил такъ в том другом турнап мѣлъ бы са з нимъ росправити... и вступил въ храброст против Поламидежа (en orgueil et en bobant, f. XXIV) и гледѣлъ на него злыми очыма, иж са ему видело, што он чынить великии сором рыцэромъ...; и такъ са ему видело, иж

---

[1]) l. c. s'il trouuoit ung meilleur cheualier que luy qui a oultrance le mist qui ne fust pas du royaulme de Logres, que en feroit il? Il n'en porteroit que une en signifiance de sa honte.

[2]) Во французскомъ текстѣ l. c. говорится, что когда Паламедъ возвращался съ турнира, король Шотландскій ѣдетъ за нимъ слѣдомъ, спрашиваетъ—будетъ ли онъ на слѣдующемъ турнирѣ. Далѣе Паламедъ встрѣчается съ королемъ Ирландскимъ, который и приглашаетъ его къ себѣ («ув-Орлендэю»). Въ русскомъ текстѣ этотъ эпизодъ спутанъ.

ѡн хочет мѣти Ижоту и ѡна его милуетъ со всего сэрца, и почали сѧ з нимъ непрыязнити и немиловати межы собою Трыщанъ и Паламидежъ». Ижота ни о чемъ не догадывается, догадалась ея прислужница Брагиня (французскій романъ: Brangien, f. XXIX), спрашиваетъ госпожу: кого бы изъ двухъ она предпочла, еслибъ они ее любили? Та отвѣчаетъ, что Паламидежа, ибо онъ большій рыцарь; а «коли бы нашъ так рыцэр (то-есть, Тристанъ) былъ добръ и такого врожена, ѣкъ по нем бачым (f. XXIX: de sa proesse gentil homme), ѡн бы былъ наиболшыи и напцудненшыи рыцэр». Слова эти слышали Паламидежъ и Тристанъ, сидѣвшіе въ одной коморѣ; Тристанъ вышелъ гулять («на ѡдно-болото» = XXIX en ung pré) и почал мыслити, иж его милост къ Ижоте нудила. Рек самъ къ собѣ: Й не могу прыити на досконалост красное Ижоты (l. c.: qu'il ne peult avoir l'amour d'Iseult), если не ѡбороню пыхи (l. c.: s'il n'abat l'orgueil de Pallamedes) Паламидежовы, а того не могу вчынити без доброго конѧ и без доброи зброи». Тѣмъ не менѣе онъ отказывается отъ предложенія Ленвиза поѣхать на второй турниръ и остается дома печальный. На вопросъ Брагини онъ говоритъ, что тужитъ потому, что за непмѣніемъ коня и сброи не можетъ ѣхать на турниръ. Почему же не отправился ты съ королемъ?—Чтобы меня не познали. Тогда Брагиня даетъ ему добраго коня и сброю безъ знаменья (f. XXIX: armes et couuertures toutes blanches) и своихъ двухъ братьевъ, чтобы ему служили (l. c. Permis et Mathanael). Брагиню онъ проситъ никому ничего не говорить объ этомъ дѣлѣ. На турнирѣ появленіе Паламидежа вызываетъ общія ожиданія; онъ бьется, и поле остается за нимъ; всѣ кричатъ: «с чорнымъ щытом и з двема мечы другии раз добыл турнаѧ». (l. c.: tout vainquera le chevalier a l'escu noir, tout vainquera celluy aux deux espees). Когда Тристанъ распозналъ его, поѣхалъ на него и вызываетъ на бой: дважды [1]) свергаетъ его съ коня, гонитъ, дѣлая ему «соромъ» и для того, чтобы онъ не смѣлъ показываться на глаза

[1]) Между первымъ и вторымъ боемъ съ Паламедомъ французскій романъ помѣщаетъ бой Тристана съ рыцарями Круглаго стола.

Ижотѣ. Паламидежъ узнаетъ его, не зная его имени, по вызову: «Рыцэру, верни сѧ, да видимъ, которын з насъ годнеишын доброти рыцэръское, и которын з насъ годнеишын миловати красную Ижоту».

Сваливъ Паламидежа, Тристанъ ѣдетъ, и слѣдуетъ эпизодъ о его встрѣчѣ съ дѣвушкой, посломъ короля Артиуша, ѣхавшею искать рыцаря, что «взѧл Болячу стражу» (La douloreuse garde, f. XXX); она видитъ далѣе опечаленнаго Паламидежа, который говоритъ ей о своемъ пораженіи, и встрѣчаетъ Гаваона, также искавшаго побѣдителя Болячей стражи; «а то былъ Анъцолот з Локвеп» (f. XXX: du Lac). Вмѣстѣ съ Гаваономъ она ѣдетъ далѣе въ Лондрешъ (l. c. Logres).

Между тѣмъ Тристанъ вернулся домой ночью и на вопросъ Брагини, кто побѣдилъ на турнирѣ, говоритъ только, что Паламидежъ чести не добылъ, а «ѩ есми доконал свое вмышленіе ѩкъ есми хотѣл». Когда онъ всталъ на другое утро, «было ему виденіе затекло и посинело ѡт многих вдаров». Всѣ говорятъ о бѣломъ рыцарѣ, побѣдителѣ турнира, а Тристанъ «ѡ том стыдил сѧ, бо не рад бы штоб его познали» (f. XXX: у Тристана опухло лицо, и о немъ говорятъ, qu'il auoit este en feste. Et quant il ouyt que on disoit telles parolles, si en auoit grant honte). Говорятъ о бѣломъ рыцарѣ и король и Гарнотъ и Бандэмагул пан и Ованъ (послѣдняго имени нѣтъ во французскомъ романѣ); предполагаютъ, что то былъ Ланцелотъ, но Брагиня догадывается, что то былъ рыцарь, котораго она вооружила. Она открываетъ это Ленвизу, показываетъ ему сброю и щитъ, которые признаны за бывшіе на побѣдителѣ. Король идетъ къ Тристану, журитъ его (ѩ мамъ на тѧ жаль = XXXI de vous ie me plains a vous), зачѣмъ онъ отъ него таился, проситъ сказать свое имя. Тристанъ сознается, что онъ былъ на турнирѣ, но имени своего не говоритъ, и король даруетъ ему свою пріязнь. «По том (Ainsi, l. XXXI) Трыщаново рыцерство было значно ув-Орленъдэи, и был велми честован ѡт корола и ѡто всих добрых людеи, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворе, которая бы

не была рада миловати его ѡт всего сэрца, если бы ѡн хотѣлъ. Випмали, што Ижота милуетъ его потаи, але ѡна мѣла цнотливое сэрце», (l. c.: fors seullement Yseult, celle n'y entend pas).

Французскій текстъ пересказываетъ здѣсь (f. XXXI — XXXII) вкратцѣ эпизодъ о боѣ Тристана со змѣемъ, извѣстный изъ другихъ рецензій романа[1]); русскій текстъ его не знаетъ.

Однажды, когда Тристанъ мылся въ ваннѣ, а Ижота и иныя дѣвушки ему прислуживали, «ѡдин чоловекъ, на имѧ Кушынъ (во французскомъ романѣ безъ имени: ung varlet parent a la royne, f. XXXII; не стояло ли въ италіанскомъ оригиналѣ cugino, что̀ могло быть принято за имя собственное = Кужинъ?), подойдя къ постели Тристана, залюбовался его мечемъ и, взявъ его, понесъ показать королевѣ. Та замѣтила въ немъ щербину (l'osche l. c.), вынула изъ скрыни (l. c. escrin) обломокъ меча, который она извлекла изъ головы брата своего Амурата, и догадалась, что рыцарь, скрывающій свое имя, есть Тристанъ. Съ мечемъ въ рукѣ она спѣшитъ въ комнату, гдѣ онъ мылся, замахнулась, хочетъ убить его, обвиниетъ его въ убійствѣ брата. «Трыщан скрылъ сѧ у кадь» (l. c. et Tristan ne se remue ne ne fist semblant de paour); одинъ пахолокъ (escuier, l. c.) останавливаетъ королеву, «а Ижота покрывши соромъ, бо се милость Трыщанова тиснула, и защытила его рукою велми милосердъно»[2]). Король, прибѣжавшій на крикъ, говоритъ женѣ: «Тихо, (l. c. Taisez vous), пани, дай тую помсту на мене, я хочу вчынити якъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль». Тристанъ защищается, что онъ не предательски убилъ Амурата; «Ты есп мертвъ» (l. c. vous estes mort), говоритъ ему король, велитъ ему одѣться и прійдти къ нему во дворецъ. Всѣ жалѣютъ Тристана: «Богъ вѣ,

---

[1]) Сл. фрагментъ Béroul'я у Fr. Michel, Tristan I, стр. 26; ib. II, стр. 109.— Eilhart von Oberge, ed. Lichtenstein, въ Quellen und Forschungen Heft XIX, стр. 4: Altes Gedicht, Bruchstück III—IV, стр. 90 (сл. Muret, l. c., стр. 306—307); Tristan und Isolde въ Bibl. d. litterarischen Vereins, Bd. 152, стр. 26—40; Kölbing, Die nordische Tristansage, стр. 35—42; Sarrazin, l. c., стр. 263—4; Golther, l. c., стр. 15.

[2]) Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

на свѣте нѣтъ такого рыцэра, и великии бы грѣх абы за того его забити, которыи сѧ вже не може вернути» (l. c.: ce soit trop grand dommaige se si bel cheualier et si bon comme il est receuoit mort pour chose qui ne peult estre recouurée). Королева поддерживаетъ обвиненіе, но король рѣшаетъ отпустить Тристана потому вопервыхъ, что «прынал есми тебе у мои дом немощного и бѣдного, дал есми тобѣ здорове; другое: Ты есп таковъ рыцер, и тобѣ ровни не знаю на свѣте[1]); третее: Не зрадне есп убилъ моего шурына Амурата, убил еси его рыцерским обычаем». Только пусть скорѣе удаляется изъ его земли. Самъ король снаряжаетъ его, Брагиня даетъ ему въ услуженіе своихъ двухъ братьевъ, тайкомъ отъ королевы, гнѣвавшейся на Тристана[2]), «а Ижота и иные дѣвъки говорыли: Лепеи то ест, што Трыщан прост ѡт смерти за ѡного, которыи сѧ не мает вернути»[3]). Тристанъ возвращается въ Корноваль.

У Polidori, стр. 64—90, разсказъ, въ сущности, тотъ же, но есть отличія въ подробностяхъ и нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ и, какъ вообще въ этомъ текстѣ, стиль болѣе многословный. Посвященіе Тристана въ рыцари дядей сходно съ французскимъ романомъ; нѣтъ Гарнота = Gaheriet во второмъ посольствѣ Аморольда, такъ глумящагося надъ Тристаномъ: Sed egli è *novello cavaliere, io novellamente lo farò morire* (сл. русск. и франц. тексты). Онъ посылаетъ въ даръ Тристану свой мечъ, расчитывая, что онъ будетъ ему не подъ силу и обременитъ его въ поединкѣ; Тристанъ отдарпвается мечемъ отца и выжлокомъ Ферамонтовой дочери, а поединку назначаетъ быть на isola Sanza Avventura. Какъ во французскомъ романѣ, онъ намекаетъ противнику, что видѣлъ его при дворѣ Ферамонта. Раненаго въ голову Аморольда онъ самъ кладетъ въ ладью и отталкиваетъ ее

[1]) l. c.: ie vous laisseray viure pour deux raisons: l'une est pour la bonté de cheualerie qui est en vous, l'autre si est pource que vous avez loge en mon hostel и т. д.

[2]) l. c.: Brangienne luy bailla ses deux frères qui le servirent si coyement que nul ne s'en apperceut.

[3]) Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

отъ берега, чтобы его люди могли его принять; уже изъ ладьи ранитъ его Аморольдъ стрѣлою въ правое бедро. Страдая отъ раны, Тристанъ удаляется въ palagio di Riano, на берегъ моря, куда беретъ свою арфу и altri stormenti da diletto. Онъ нѣсколько разъ готовъ бросится въ море, такъ сильны боли. Снаряженіе корабля другое, но есть арфа, и Тристану сопутствуетъ Говерналь. Пристаютъ они къ замку Languis'a, близко отъ города Londres; на игру и вопли Тристана выходитъ король съ четырьмя конюшими и находитъ Тристана почти умирающимъ на одрѣ. Isotta la Bionda тотчасъ же признаетъ рану отравленною; когда черезъ 30 дней больной почти выздоровѣлъ, она велитъ ему скакнуть, дабы испытать, зажила ли рана. Тристанъ скачетъ на 22 фута, и рана раскрылась; тогда Изотта снова принимается за лѣченіе; Тристанъ скачетъ на 30 футовъ и оказывается здоровымъ. Lo re di Scozia объявляетъ турниръ противъ lo re di Cento cavalieri; Тристанъ является зрителемъ, Galvano (Гаваонъ русск. т.) только упомянутъ, а о конюшемъ Bellices, дочери Feramonte, сказано лишь то, что Тристанъ поставилъ его рыцаремъ и назвалъ его Amadore del traportamento. Благодаря появленію Palamides lo pagano, сторона короля Ста рыцарей побѣдила; на ней находились и двѣнадцать странствующихъ рыцарей (именъ нѣтъ). Изотта прислуживаетъ за столомъ Лангвиса, Паламидесъ и Тристанъ засматриваются на нее; оттуда ихъ вражда. На второй турниръ Languis беретъ съ собою Изотту, а Brandina снаряжаетъ Тристана (armadure... con insegne bianche), который становится на сторону короля Ста витязей, остается побѣдителемъ и сражаетъ Паламидеса. Эпизода о дѣвушкѣ, искавшей Анцелота, нѣтъ. Вернувшись, Тристанъ разспрашиваетъ Лангвиса о турнирѣ, а самъ онъ такъ изцарапанъ, что это побуждаетъ короля обратиться къ нему съ вопросомъ: не бы ли тамъ и онъ. Боя съ змѣемъ нѣтъ. Мечъ Тристана приноситъ королевѣ неназванный scudiere; на ея крикъ явился король; онъ не прочь былъ бы осудить Тристана на смерть, чтобы удовлетворить королеву, но всѣ этимъ возмущены, сѣтуетъ и

Изотта, которой Аморольдъ, умирая, говорилъ, что Тристанъ бился съ нимъ въ честномъ бою. Она проситъ у отца дара: освобожденья Тристана, и тотъ отпускаетъ его по тремъ причинамъ: первая и вторая сходны съ русскимъ текстомъ, третья — ради моей дочери Изотты. Ея нѣжнее разставаніе съ Тристаномъ, ибо «они любили другъ друга вѣрной любовью». На обратномъ пути въ Корнуаль буря заноситъ Тристана въ Leonis, гдѣ онъ мститъ убійцамъ отца.

6. Тристанъ возвращается въ Корноваль, гдѣ встрѣченъ радостно: «так ꙗкъ бы имъ прышол ѡтец» (f. XXXII: comme se dieu fust illec descendu); онъ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ, о красотѣ Ижоты, но только не о побѣдѣ надъ Паламидежомъ (mais il ne luy compta pas comment il auoit vaincu l'assemblee et comme Yseult la Bloye la plus belle damoyselle du monde et qui plus scauoit de cirurgie l'auoit gary, l. c.). Была тогда въ Корновали одна красавица, «ꙗко цвѣтъ и рожа», жена одного рыцаря изъ Лондреша (Logres, l. c.), Сегурадежа (Segurades, f. XXXIII), за которой безуспѣшно ухаживалъ Маркъ. При его дворѣ она видитъ Тристана, и оба влюбляются другъ въ друга; «Трыщанъ забылъ Ижоту» (l. c.: il ne souuient plus a Tristan de Yseult). Прощаясь съ Тристаномъ, она открывается ему въ любви (онъ отвѣчаетъ ей: «Велика ласка, пани» = l. c. grant mercy), и вернувшись «до господы» (l. c. manoir), посылаетъ къ нему хлопца (l. c. payn), чтобъ онъ явился къ ней въ сумеркахъ (l. c.: quant il sera anuyté), но вооруженный, ибо человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ можетъ приключиться. Король видѣлъ, какъ Тристанъ говорилъ съ хлопцемъ (далѣе хлопецъ магушъ), у котораго выпытываетъ подъ страхомъ смерти тайну порученія[1]). «Дивно ми твоєи панеи», говоритъ онъ, «ꙗкъ сѧ такъ борздо розмиловала Трыщана (f. XXXIII: il me tourne a

[1]) Магушъ говоритъ Марку: «пане, ꙗ того не могу поведати, ѡтпусти ми, але дамъ ти знати иж тот твои сестренецъ ни стюдено, а ни тепло» = l. c.: n'en soyez iamais desirant, car ce n'appartient pas a vous, ne ce n'est chose ou vous doyez auoir dommage.

grant vieulté que la dame se est habandonnée à Tristan), которыи еще детина, а ѣ знаю лепшого рыцэра нижли Трыщана, а панъ ест великии ѣакъ ѧ самъ, которыи хотѣлъ велми миловати ее, ѡна сѧ ѡтмовила ѡт него (l. c. l'escondit). Рекъ магуш: Господару, не вѣдаете-ль вы того, што часто сѧ прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии ѡбереть собѣ меншую и пущую, а могла бы ему быт два крот лѣпшаѧ; такъ же и невѣста не всхочет доброго рыцэра або велпкаго пана [1]). И рек король: Іѧ сам ее досыт (l. c. plusieurs foys) искал, а ѡна сѧ ѡтмовила ѡт мене, и длѧ ее глупости хочу ее уморыти и домъ ее погубити». Зная короля за «напзрадлившого чоловека (l. c. moult felon), магушъ входитъ въ его планы [2]): Маркъ выѣдетъ вооруженный съ однимъ пахолкомъ (l. c. tout seul, но далѣе является escuier) и «буду ждати при студни (l. c. au gué de l'Espine) куды вамъ ехати»; онъ сразитъ Тристана, и тогда магушъ поведетъ его, вмѣсто Тристана, къ красавицѣ. Магушъ совѣтуетъ ему не биться съ племянникомъ, но Маркъ настаиваетъ: неужели думаешь ты, что онъ сильнѣе меня? — Слѣдуетъ ночная встрѣча Тристана съ королемъ, котораго онъ сбрасываетъ съ коня и ѣдетъ дальше, не признавъ его; а король того и боитсл, чтобъ его не узнали. — Далѣе въ русскомъ текстѣ опущены слѣдующія подробности французскаго: пріѣздъ Марка домой; врачу, который лѣчитъ его рану, онъ не велитъ сказывать, что рана получена въ бою; Тристанъ въ объятіяхъ жены Сегурадежа, котораго въ то время не было дома; вернувшись и узнавъ о посѣщеніи Тристана по кровп отъ ранъ, оставленной имъ на постелѣ, онъ нагоняетъ его и ранитъ въ бою, но и самъ раненъ и падаетъ съ коня. На другой день Маркъ спрашиваетъ Тристана

[1]) l. c.: «pour ce ne devez vous pas blasmer ma dame, quant vous voyez maintenant que ma dame ayme ung poure chevalier qui n'est si beau ne si vaillant comme est ce sire, et ung riche roy qui ayme bien une poure dame qui n'est si vaillant comme sa femme. Amours ne choisist pas».

[2]) «А лепеи бы панеи загинути нижли тое вчинити: потомъ бы Трыщанъ мыслилъ королю што злого вчинити» = l. c.: que sa dame fust sauvée et si pourroit bien estre que a Tristan en seroit de mieulx.

о его здоровьи; тотъ отвѣчаетъ, что раненъ и намѣренъ отомстить за это. Онъ разумѣлъ Сегурадеса, а Маркъ принимаетъ это на свой собственный счетъ (ff. XXXIII—XXXIIII).—Русскій текстъ продолжаетъ: при дворѣ Марка праздникъ; когда онъ сидѣлъ за столомъ «у великомъ палацу» съ панами и паннами, явился рыцарь Блерыжъ, родственникъ короля Бана изъ Банока (i'ay à nom Bliomberis du parenté au roy Ban de Benoic, f. XXXIIII), и проситъ у Марка дара, въ которомъ тотъ и не отказываетъ. Тогда онъ подходитъ къ женѣ Сегурадежа «поставилъ передъ собою» (на коня; сл. l. c.: la mist sur le col de son destrier) и увозитъ ее. Сегурадежъ гонится за нимъ, бьется, но сбитъ на землю [1]).

Въ это время проѣзжали два «ездчалые рыцэры», которые позднѣе названы Дондиэлемъ (фр. ром. Dodineaux le sauuage l. c.) и Согреморомъ (Sagremors le desréé l. c.). Маркъ былъ бы очень радъ довѣдаться отъ нихъ вѣстей объ Артіушѣ и рыцарѣ, добывшемъ Болячую стражу. Аудретъ (Andret, l. c.), другой племянникъ короля, завидовавшій Тристану, вызывается поѣхать за ними и привести ихъ. Пока онъ ѣдетъ, является ко двору дѣвушка, ни съ кѣмъ не здоровается и только смотритъ на всѣхъ; рыцари смѣются надъ ея глупостью (l. c. en fut tenue pour folle et nice): «што ѧ тобе ѡ насъ видить?» (l. c. que vous semble il de nous?), спрашиваетъ ее Марко, а она начинаетъ срамить Тристана. «Трыщане, злын и худын рыцэру и страшливын (couard, f. XXXV) пущеи всихъ, што носиш зброю, а не бачышъ своее негодности (l. c. mauvaistie), и дивлю ѧ якъ смеешъ ѡбцовати з людми добрыми (l. c. preudhommes)... и коли бы та ѡни знали такого костю (l. c.: congnoissoient aussi bien ta mauuaistie), ѡни бы ѧ тобою соромели, бо ѡни тобою зганбени (l. c. empirez). А то тобѣ говору перед королемъ Маркомъ и перед добрыми людми, а ѡни нехай знают твою негодност, а рекла ти есми на што-м была прышла». Тристанъ

[1]) Французскій текстъ объясняетъ, почему Тристанъ не отправился въ погоню за Bliomberis, f. XXXIIII: pour la doubte de son oncle.

пораженъ (сталъ ѭкъ забылъ сѧ = l. c. esbahy) эти нежданными рѣчами и, вернувшись «до господы» (l. c. hostel) и вооружившись, вмѣстѣ съ Говорнаромъ ѣдетъ за удалившеюся дѣвушкой, встрѣчаетъ Аудрета, возвращавшагося изъ неудачной поѣздки: онъ былъ сбитъ Согреморомъ («добылъ меча и вдарылъ его плазом по голове» — grant coup du plat de l'espée, l. c.), и Тристанъ мститъ за него, сбивъ и Согремора, и его товарища, и ѣдетъ далѣе. У одного «хлопца» (f. XXXV: escuyer) онъ спрашиваетъ, не видалъ ли онъ той дѣвушки; тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ и ее, и одного рыцаря съ панной (Блерыжа съ женой Сегурадежа). Переночевавъ у одной «вдовицы земанки» (f. XXXVI: une dame) сынъ которой призналъ въ Тристанѣ побѣдителя турнира въ Ирландіи, онъ продолжаетъ свою погоню за Блерыжемъ, съ которымъ бьется. Узнавъ имя противника, Блерыжъ говоритъ: «ѭ сѧ тобѣ даю, мѣи тую битву за добытую» (l. c.: ie me rendz outré de ceste bataille et vous donne l'honneur). Рѣшили: предоставить самой паннѣ выбрать, съ кѣмъ изъ нихъ она захочетъ пойдти. Упрекнувъ Тристана, что онъ допустилъ ее увезти другому рыцарю, она идетъ за Блерыжемъ, а Тристанъ возвращается домой [1]).

У Polidori, стр. 90—95, красавица, которою увлекается Маркъ, названа: la donzella ebrea dell'Aigua della Spina; ея мужъ Lambergus; сходенъ съ французскимъ романомъ эпизодъ о Тристанѣ у жены послѣдняго и т. д., опущенный въ нашемъ текстѣ. — Маркъ велитъ разбить шатры на морскомъ берегу, на утѣху баронамъ и дамамъ; вмѣстѣ съ другими являются Тристанъ и la donzella dell'Aigua della Spina. — Тристанъ задумался при видѣ трехъ капель крови отъ убитой птицы на снѣгу: таковъ цвѣтъ лица Изотты, говоритъ онъ дядѣ. — Вмѣсто Блерыжа названъ Brunoro; Тристанъ отправляется за нимъ въ погоню по просьбѣ Марка; послѣ боя красавица, хотя и негодуетъ на Тристана, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ за нимъ. — Какъ

[1]) Сл. параллели къ этому эпизоду у Gaston Paris, Les romans и т. д., l. c. стр. 60—65.

видно, недостаетъ эпизода объ Аудретѣ, Сагреморѣ и Dodinèaux, и дѣвушкѣ, позорившей Тристана.

7. Разсказъ Аудрета о храбрости Тристана наводитъ на Марка страхъ, еще болѣе разсказъ самого Тристана о своихъ прежнихъ подвигахъ, на который вызвалъ его дядя. Всѣ дивуются, говорятъ: «Теперь Корновал не боп ѕа докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ!»; король вторитъ этому, а втайнѣ смущенъ и начинаетъ помышлять, какъ бы ему уморить Тристана. И вотъ онъ надумался: однажды, когда нѣкоторые дворяне пристали къ нему съ просьбой, чтобъ онъ женился, что тогда и вся «Корновала большеп была бы важона ѡт ѡколичныхъ сусѣдъ», онъ обратился къ Тристану со словами: Одинъ ты можешь меня оженить, и никто другой (f. XXXVI: quant il vous plaira ie l'auray). Тристанъ клянется, что исполнитъ это, «хота ли на то горло втратити» (l. c. mieulx ayme a mourir) и, простирая руку къ сосѣдней церкви (l. c. chapelle), добавилъ: «Такъ ми бог помози и его моц, и хочу вчинити мою моц» (f. XXXVI: et iura se dieu luy ayst et les sainctz — f. XXXVII: qu'i[l] en fera son pouoir). Тогда Маркъ объявляетъ, что его женой можетъ быть лишь «королевна орленъдэнскаѧ краснаѧ Ижота» (f. XXXII: Yseult la bloye, fille du roys Argius d'Irlande), и проситъ Тристана снарядиться въ путь. «Трыщан рад бы ѕа былъ ѡтмовилъ ѡт тое дороги» (l. c.: se retrait voulentiers de ceste chose), но связанъ обѣщаніемъ, выбралъ «сорок панатъ молодых» (l. c. quarante cheualiers) въ спутники; они также неохотно ѣдути въ непріятельскую землю, а Говорнаръ говоритъ Тристану: «Можеш познати якъ тебе твои дадко ненавидить, а то он вмыслилъ большеп длѧ твоеп смерти, ниж длѧ Ижоты. Рекъ Трыщан: Мистре, не боп ѕа, хота ѡн мыслит зло, а коли и ему вгожу в томъ и в другомъ, мусить ми добро мыслити и чынити (l. c.: Or pouez vous veoir comment vostre oncle vous ayme. Ceste chose a il pourpensée pour vostre mort, non pas pour la damoyselle auoir. Beau maistre, dist Tristan, or ne vous esmayez, se mon oncle me hayt, ie feray tant, se Dieu playst, que par ma bonté il me

vouldra grant bien). На пути моремъ «была межы ними игра и кунштъ такъ то межы рыцеры и молодыми людми [1]), а коли успоменули куды идут, тогды не вмѣли што речы, але Трыщан ихъ тѣшылъ и клалъ то у смѣхъ, и они ся тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцэрство и говорыли: Мы съ Трыщаном не прыпмемъ лиха». Буря, длившаяся сутки, принесла ихъ къ мѣсту, «которое звано Домолот» (f. XXXVII: en la grant Bretaigne a une lieue de Kamalot), столичное мѣсто Артиуша короля», который въ то время былъ въ «Каръдуели» (l. c. Cardueil en Galles [2]). Они вышли на берегъ, разбили шатры, вынесли щиты и сброю; проѣзжаютъ два рыцаря, «которые были знали ся на дорозе не знаючы одинъ другого» (l. c.: qui s'entreestoient acompaignez ne ilz ne se congnoissoient point encores), Марганоръ (l. c. Marganon) и Ищоръ, братъ Анцалота (l. c.: Hector des Mares filz du roy Ban de Benoic de bas et frere à Lancelot du Lac). Ящоръ былъ поставленъ рыцаремъ «якобы чотыри недѣли» (l. c.: pas plus d'ung moy), а уже «поехал фортуны искати» (l. c. aduentures) и былъ «от добрых кольцовъ» (l. c. iousteur). Они говорятъ: «То сут ездчалые рыцэры (l. c. aduentureux), стоят в холоде, а щыты поклали обычаемъ лонъдрешскимъ (выше l. c.: la coustume de la grant Bretaigne), которые кольвек едут мимо абы ся з ними коштовали. И хто бы их минулъ не покусивши ся, то бы ему соромъ». Они изготовляются къ бою; одинъ рыцарь Тристана, ѣздившій по землѣ Артіуша, зналъ этотъ обычай, о чемъ и предупреждаетъ Тристана, который въ слѣдующихъ за тѣмъ поединкахъ сбиваетъ обоихъ противниковъ. Узнавъ, что онъ сбитъ рыцаремъ изъ Корноваля, Ящоръ такъ опечаленъ, что бросаетъ оружіе и коня и удаляется пѣшій. — На другое утро судно пристаетъ къ берегу, на немъ король Ленвизъ; довѣдавшись, что дружина, стоявшая тамъ, изъ Корноваля и что съ нею Тристанъ, онъ велитъ сказать ему свое имя: онъ будетъ радъ увидѣться со

[1]) Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

[2]) На вопросъ Тристана «морнары» (mariniers) отвѣчаютъ: «Мы ссмо у великой земли» (l. c.: en la grant Bretaigne).

мною. Они встрѣчаются радостно; король говоритъ, что расчитываетъ на помощь Тристана, тотъ отвѣчаетъ, что сдѣлаетъ все возможное, «одно бы без моее ганбы» (f. XXXVIII: se grant honte ne m'en deuoit venir). Ленвизъ благодаритъ («Велика ласка» = Grant mercy, l. c.) и принимается разсказывать: на одинъ изъ турнировъ, бывшихъ по отъѣздѣ Тристана, явились четыре рыцаря, родственники («уроженые а кревные» = l. c. du parenté) «Бана баноцкаго» (l. c.: du roy Ban de Benoic). Ленвизъ попросилъ ихъ остановиться у него, но одинъ изъ нихъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ, а Бланоръ (l. c. Blaanor), его товарищъ, заподозрилъ въ убійствѣ хозяина и обвинилъ передъ королемъ Артіушемъ, который и вызвалъ его на судъ и бой съ обвинителемъ, чтобы «одтвести сѧ неправде» (l. c.: moy deffendre de la trayson). Ленвизъ проситъ Тристана постоять за него; Тристанъ готовъ; «уже-жъ буду мѣти Ижоту, по што есми прышол», говоритъ онъ про себя, а Ленвиза побуждаетъ обѣщать ему при всѣхъ исполнить то, о чемъ онъ его попроситъ, а его имени не открывать. — Ирландцы весело сходятся съ корноваляпами; «и пры том весельи прыехала у шатер одна дѣвка носечы один щыт хорошыи, а был без иного белега, не так, какъ иные щиты (l. c.: ung escu d'autre maniere que nul escu qui fust pieça veu): на нем была написана одна пани, и один рыцер цаловал панию, а щытъ был росъщеплен по середине, и не могли его никъ стиснути, а он щыт росщеплен былъ межы усты витезовыми и пани» (l. s.: il y auoit pourtrait un cheualier et une damoyselle qui s'entrebaisoient, se sembloit l'escu tout desioinct de la pointe de dessoubz jusques dessus a la boucle en hault et ioignoit la ou la bouche de la dame ioignoit a la bouche du cheualier). Узнавъ имя Тристана и по его желанію, дѣвушка объясняетъ эмблему щита: «У сеи земли один витезь такъ великии, як над него ни близко ни далеко нѣтъ, а милует одну панию велми высоку у сеи земли, так ю вирэиме милуеть, лепѣи нижли сам себе, а пани его также, але еще сѧ не познали телесне, одно сѧ цаловали (l s.: mais encore n'a eu de la dame que

ung seul baiser). Из ѡное милости тот щыт учыненъ ест, такъ его видиш, и не может сѧ жадным ѡбычаем зъступити, докул сѧ ѡни злучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогды сѧ тот щытъ зъступит». Она говоритъ Тристану, что Артіушъ уѣхалъ въ Кардуэль (l. c. Cardueil), «а ѡставил корола Кардоса (f. XXXIX: le roy Karados briefz bras) и корола из Сгоцеи (l. c. le roy d'Escosse) смотрети тое битвы, котораѧ мает быти королю ѡрлендэнскому з Бланором». Она сама отправляется въ Кардуэль, «бо там надевала сѧ знаити кого искала; а таѧ дѣвка была ѡдное панеи з Локве (l. c. la dame du Lac), котораѧ была великаѧ зелеиница, чаровница большеи инжли иные вѣдьмы (l. c.: scauoit de charmes et de enchantemens a merueilles), а того была навчыла сѧ ѡт Мерлина пророка (l. c. deuin), которыи много знал ѡ прыидучых речах (l. c.: les choses a aduenir), але сѧ в томъ не вмѣлъ мудро заховати, абы его не вморыла таѧ, которую миловалъ зо всего серца, и звѣрылъ ся еи всего, а ѡна его вморыла руками его жывотъ (l. c.: le mist a mort par les enchantemens mesmes qu'il luy auoit apprins), затворыла у гробе подъ землею, зачаровавшы такъ, иж ѡнъ не был собою волеи (l. c.: que oncques ne se peut mouuoir). А ѡт того велико сѧ зло стало, што такаѧ мудрост пала перед ѡную жену. И там панн з Локве, о которои вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы (l. c. affaires), которые были межы королевою Веливерою (l. c. Genievre) и Анцалотом, ѡна хотела ведати ихъ справу (l. c.: et pource que elle vouloit que la royne cogneust que elle scavait bien de son estre, luy enuoyoit elle cest escu), для того послала королевои тую дѣвку и щыт и поручыла еи такие рѣчы, абы королеваѧ знала, што тот щыт, и гледѣла на него и дѣвку тэ-ж задержала в себе, паки сѧ злучыть з Онцалотомъ, хотечы видети, чы ступит сѧ тогды щытъ вмѣстѣ. То ѡставмо. А Ѡнцалот в тот часъ былъ в прынчипа Галлѡта, которыи велми миловал Анцалота, волѣль бы вмерети, нижли бы не мѣти его въ товарышестве. А если бы Анцолот вмер, ѡнъ и вси рыцэры силно бы его жаловали, бо не было так силное руки и так высокаго серца». Сл.

французскій романъ, l. c.: Ланцелотъ былъ «en royaulme de Soreloy savec Galehault, le seigneur des Loingtaines Ysles, lequel ayma tant Lancelot qu'il en mourut en la fin. Dont ce fut grant dommage de sa mort, car c'estoit le plus vaillant prince du monde et le plus eureux de terre conquerre, car celluy Galehault estoit filz a la belle Geande des Loingtaines Ysles».

Узнавъ о пріѣздѣ Бланора, Тристанъ идетъ къ королю, и они хотятъ поспѣшить къ бою, когда снова является та дѣвица, вся въ слезахъ: оказывается, что у нея отнялъ щитъ рыцарь Бреусъ (l. c. Brehus), за которымъ Тристанъ отправляется въ погоню и отнимаетъ добычу[1]). Слѣдуетъ снаряженіе къ поединку; Тристанъ и Ленвизъ отправляются въ Дамалотъ (l. c. Kamalot); племя Бана обвиняетъ Ленвиза передъ двумя королями (оставленными Артуромъ въ качествѣ судей), Бланоръ кладетъ «рукавицу» (l. c. son gaige) въ знакъ вызова, Тристанъ беретъ ее (l. c.: lors tend le pan de son haulbert). Ленвизъ ободряетъ Тристана, Блерыжъ (l. c. Bliomberis) напоминаетъ Бланору честь ихъ рода. Оба противника изумляются силѣ и храбрости другъ друга; среди битвы они отдыхаютъ; Бланоръ начинаетъ страшиться Тристана, желаетъ знать его имя, «нехай бых зналъ ѡт чыее руки умру, або кого добываю». Узнавъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ повеселѣлъ: «Іа єсми слыхал ѡ тобѣ великую славу по свѣту, а если ма добудешъ, мои близкіе не будут мѣти сорома, але коли пак даст богъ и тебе добуду, великое чести добуду». Бой начинается снова, уже Бланоръ не въ состояніи «меча подънести»; когда ударъ Тристана повалилъ его на землю, онъ молитъ отрубить ему голову: «нехай моему сорому будет конецъ. Трыщан то виделъ, иж онъ ѡт великого серца не хочеть подати са и волить умерети, ниж мовити: Побитъ єсми; а коли его пущу а не даст ми меча, моя битва мало помочна, а ни добыта;

---

[1]) Бреусъ называетъ себя: «рек Трыщан: Чы по *милости* естъ Бреусъ? Онъ рекъ: Такъ ма люди зовутъ». Сл. l. c.: Ha, faict Tristan, Brehus sans *pitié*. Во французскомъ текстѣ Тристанъ отсылаетъ побѣжденнаго Бреуса къ Gauvain.

а коли его убъю, то зле учыню: убилъ такова витезя. И пошол до королевъ и рекъ: Панове, мы єсмо сѧ так били, ꙗкъ вы сами видели, але ѡдин з насъ не хочет дати меча и мовити не хоче: Побит єсми, и волить умерети, нижли мовити то своим езыкомъ. А што-бы тому за ганба, што єму на тот час фортуна не послужыла? А єсли сѧ вам видит, уложыте миръ межы нами, а нехаи король арлендэнскии будет волен ѡт потвары»[1]. Королямъ заблагоразсудилось «иж бы перестала битва, а Бланор не вмеръ, коли естъ на то Трыщанова доброта и милосердье» (f. XL, но въ другомъ мѣстѣ: la courtoisie et la debonnaireté); Тристану велятъ «розобрати сѧ» (l. c.: or pouez oster voz armes), а Ленвиза освобождаютъ «ѡт поклепу Бланорова». Тристанъ вложилъ мечъ «у пошвы» (l. c. fourreau), вскочилъ на коня, словно не былъ раненъ. Ленвизъ ѣдетъ за нимъ, напередъ объявивъ имя своего защитника. «А было первеи слышано Трыщанова рыцэрство у лондрешском кролевстве у кралѧ Артиушовомъ дворѣ. И коли поведали королю Артиушу ꙗк Трыщан ѡтпустил смерть Бланору збившы єго, а ѡнъ не хотел єму дати меч, рек король: То єсть наиболъшаѧ рыцэрскаѧ штука (l. c. une des plus grandes franchises), чого єсми нигдѣ не видел, и весь свѣт ѡ томъ эго хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великои славе, коли ѡн в тыхъ лѣтах, будучы молодъ, а умѣлъ показати такую доброть».

Polidori, стр. 96—111: Храбрость Тристана наводитъ на Марка страхъ: собравъ своихъ бароновъ, онъ въ присутствіи всѣхъ превозноситъ племянника и проситъ его поѣхать въ Ирландію и достать Изотту хитростью или силой. Тристанъ беретъ съ собою 60 юношей; буря; черезъ семь дней они пристаютъ къ reame de Longres, у города Cammellotto. Самъ Тристанъ велитъ вывѣсить щиты на шатрахъ, чтобы вызвать поединщиковъ; пріѣзжаютъ Lionello и Agravano; старый корнуальскій рыцарь,

---

[1]) Бой Тристана съ Бланоромъ вообще разсказанъ сходно съ французскимъ текстомъ, но сходство не столь дословное, какъ въ другихъ эпизодахъ романа.

пытавшійся удержать Тристана отъ боя, слышитъ отъ него упрекъ корнуальской трусости[1]). Поединокъ разсказанъ коротко (пѣтъ подробностей, отвѣчающихъ эпизоду объ Ящорѣ); причина обвиненія Languis'a разсказана дважды, сначала авторомъ, потомъ отъ лица обвиняемаго; рыцарь, вызвавшій короля, названъ Brunoro lo Vermiglio[2]). Дѣвушка съ символическимъ щитомъ направлялась къ Артуру, Жиневрѣ и Ланцелоту, которыхъ не нашла, ибо они уѣхали nello reame di Gaules a mostrare doglienza dello re Pellinoro, che è stato morto. Толкованіе эмблемы имѣетъ въ виду другія лица: рыцаря болѣе храбраго и вѣрнаго въ любви, чѣмъ Ланцелотъ, даму болѣе прекрасную, чѣмъ Жиневра; обращаясь къ одному изъ своихъ источниковъ, извѣстной намъ книгѣ di messer Varo o vero Gaddo de'Lanfranchi di Pisa, авторъ объясняетъ, что это — Тристанъ и Изотта. Короли-судьи: Agalone и Allielle. Breus носитъ кличку Sanza Pietà, il Disamorato (сл. русск. «по милости»). Послѣ сцены вызова Брунора поединокъ отложенъ на три дни; Брунора сопровождаютъ Astore di Mare, Lionello, Bordo, ободряетъ Briobris. Сраженный Тристаномъ Брунoръ прямо признаетъ себя побѣжденнымъ; короли-судьи пишутъ Артуру пространное письмо объ исходѣ поединка.

8. Вернувшись съ побѣдой къ своей «дружинѣ» и полѣчившись отъ ранъ, Тристанъ напоминаетъ Ленвизу обѣщаніе исполнить его просьбу и просить руки Ижоты для Марка. Ирландцы съ корновальцами смѣнили вражду на дружбу, веселятся; «Трыщан всю тую ноч працовал, а король мало спалъ; и назавтрее король позвалъ одного мудрого чоловѣка и поведал ему сонъ свои, што видѣлъ». Содержаніе сна не сообщается; мудрый человѣкъ отсовѣтываетъ королю отдавать дочь за Марка, ибо это грозитъ ей бѣдою, но тотъ рѣшился сдержать данное слово. Слѣдуетъ возвращеніе всѣхъ въ Ирландію и снаряженіе въ путь Изотты.

---

[1]) На этотъ эпизодъ намекаетъ позднѣе и русскій текстъ; сл. § 8.

[2]) Въ нашемъ текстѣ § 8, въ сценѣ подъ яблонею и слѣдующемъ за тѣмъ объясненіи Изотты съ Маркомъ, Бланоръ названъ «огненнымъ».

Во французскомъ романѣ распорядокъ другой: послѣ поединка Тристанъ напоминаетъ королю объ ихъ уговорѣ, который тотъ и подтверждаетъ. Затѣмъ всѣ возвращаются въ Ирландію, гдѣ ихъ принимаютъ съ восторгомъ. Король разсказываетъ о подвигѣ Тристана, который теперь въ большомъ почетѣ у ирландцевъ; чувствуетъ искушеніе добыть Изольду самому себѣ, но страшится нарушить обѣщаніе, данное дядѣ. Онъ требуетъ Изольду въ жены Марку, какъ даръ, заранѣе ему обѣщанный; король долго уговариваетъ его взять ее за себя, обѣщая вмѣстѣ и ирландское наслѣдье. Тристанъ остается твердъ. Послѣ того уже король видитъ сонъ: будто его дочь сидитъ въ чудесномъ дворцѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, и всѣ предъ нею преклоняются, когда явился Тристанъ, сбросилъ съ Изольды вѣнецъ, раздѣлъ ее до гола «et la menoit hors du palais, et tout le peuple voyoit la desloyaulté de Tristan et ne disoit mot. Mais toutefois emmenoit Yseult si honteuse et si dolente que nul ne la voyoit que il ne dist: Dieu, quel dommage de Yseult, et le roy Marc son oncle en appelloit Tristan traistre et desloyal» (f. XLI). За объясненіемъ видѣнія царь обращается a ung preudhomme.

Снаряжая Ижоту, мать ея отозвала Говорнара и Брагиню и вручила имъ «флашу сребреную полну питьа» (l. c.: vaissel d'argent plain d'ung merueilleux boire); они должны хранить его и дать напиться Марку и Ижотѣ, когда они «будут на постели»; они будутъ любиться до смерти; а остатокъ напитка пусть выльютъ, «бо если бы сѧ хто пиын того питѧ напил, много бы сѧ зла могло статн, иж сѧ то именует милостное питє (l. c. le boire amoureux).

Для слѣдующей знаменитой сцены, какъ любовь внезапно охватила Тристана и Ижоту, я приведу in extenso соотвѣтствующій отрывокъ старопечатнаго романа[1]). И здѣсь отношенія нашего текста остаются тѣ же, какія мы могли наблюдать до сихъ поръ: онъ сходенъ, хотя не вездѣ тожественъ съ французъ-

[1]) Сл. тотъ же эпизодъ по рукописи Британскаго музея у Estlander, Pièces inédites du roman de Tristan. Helsingfors. 1866, стр. 22—24.

скимъ, тогда какъ совпаденія съ Polidori ограничиваются частностями. Путники «напали парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни один не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, одно правое доброе почстене. Идучи они по мору, коли был третин день, Трыщан зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане злотоглавова жупица и шата, а на Ижоте зеленого оксамиту саянъ, а было то лѣте и былъ великин зной. Рек Трыщан: Треба са намъ напити. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флашы милостного питя, забывшы са, бо в коморе было много всакых судов, и далъ Трыщану, а другин далъ Ижоте». Какъ напились, «почали гледѣти одинъ на другого и не мыслили ни о комъ, толко о собе. И сѣли яко-бы злакшы са, Трыщан мыслил до Ижоты, а Ижота до него, а короля Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую са, откуль ми прышло то так прудко, а первей ми того не было?... Если я милую Ижоту, то не дивно: она есть напильшая речъ на свете, лѣпшое бых не могъ напти». У Ижоты являются такія же мысли. Когда Говорнаръ спохватился, что онъ сдѣлалъ, «он са злакъ и сталъ якъ забывъшы са и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота его». Онъ передаетъ свои опасенія Брагинѣ, и оба смущены. «А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: Я тебе милую из серца. Она о том была велми весела и рекла Трыщану: Я не милую ни одное рѣчы на свѣте якъ тебе, а ни дай Богъ поки буду жыва. Видечы то иж ест Ижота с нимъ одное мысли, не откладаючи далей того, шли у комору и сполънили свою волю; оттоле на вѣки не отменила са их милость и от тое милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцэра, которын бы подналъ толко муки для милости, колко Трыщанъ». Говоритъ Говорнаръ Брагинѣ: «Што ти са о том видит? Види ми са, што Трыщан узал паненство Ижоте, я есми их виделъ уместе. Она рекла Говорнару: Мы есмо погибли, коли ее найдетъ король Марко не в паненствѣ, он мусить погубити всих насъ». Говорнаръ берется помочь дѣлу. «А о том Трыщанъ и Ижота не знали ничого, што они то вѣдают, и не

мыслил Трыщан ничого, толко ѡ Ижоте, а Ижота ѡ Трыщане... И такъ вросла ихъ милость, ижъ не знали такъ-бы ся въздержали ѡдин ѡтъ другого».

Предлагаемъ параллельныя мѣста французскаго романа:

(f. XLI) A tant se departent Tristan et sa compaignie, si se mettent en mer et s'en vont a grant ioye. Troys iours eurent bon vent et au quart se iouait Tristan et Yseult aux eschetz et faisoit si grant chault que trop eust Tristan soif. Si demande le vin a Gouuernail et a Brangien; ilz vont pour le apporter. Si trouuent le boire amoureux entre les autres vaisseaux d'argent dont il y auoit grant plante, par quoy ilz en furent deceuz, car ilz ne s'en prenoient garde. Brangien print la couppe doree et Gouuernail verse du boire en la couppe, qui cler estoit comme vin, et vin estoit ce voirement, mais il y auoit avecques autres choses mesleés. Tristan beut toute plaine la couppe et puis commande que on en donne a Yseult, et on luy donne, et Yseult boyt. Haa Dieu, or sont en tribulation que iamais ne leur fauldra iour de vie, car ilz ont beu leur destruction et leur mort. Ce boire leur a semble bien doulx, mais oncques doulceur ne fut si cherement achaptee comme ceste sera. Leurs cueurs leur changent et leurs viaires. Si tost comme (f. XLII) ilz eurent beu, l'ung regarde l'autre tout esbahy, car or pensent autre chose qu'ilz ne faisoient deuant. Tristan pense a Yseult et elle a Tristan et oublie le roy Marc. Tristan ne pense fors auoir l'amour Yseult et Yseult ne pense que auoir l'amour Tristan. A ce se accordent leurs courages qu'ily se aymerent toutes leurs vies, et se Tristan l'ayme, ce veult elle, car a plus bel ne a meilleur ne pourroit mieulx s'amour auoir assise. Et se Yseult ayme Tristan, se veult il, car en plus belle ne pourroit auoir mys son cueur: il est tres beau et elle tres belle, il est gentil homme, et elle est extraicte de hault lignaige. Bien se peuent concorder ensemble par beaulte et par lignaige. Or quiere le roy Marc une autre royne, car ceste veult avoir Tristan et Tristan elle. Tant s'entreregarderent que chascun sent la voulente l'ung de l'autre. Tri-

stan scait bien que Yseult l'ayme de tout son cueur, et Yseult scait bien que Tristan ne la hait pas, molt est ioyeuse de ceste auenture et il est tant ioyeulx qu'il dist qu'il est le plus bieneure chevalier, qui oncques fust quant il est ayme de la plus belle damoyselle qui soit au monde. Quant ilz eurent beu le boire amoureux, Gouuernail qui recongneut le vaissel, fut tout esbahy, si est si dolent qu'il vouldroit estre mort, car or scait il bien qu'ilz en seront en coulpe luy et Brangien. Lors appelle Brangien et luy dist qu'ilz ont este deceuz par malle congnoissance. Comment? faict Brangien. Par ma foy nous auons donne a boire a Tristan et a Yseult du boire amoureux, si convient a force qu'ilz s'entreayment. Lors luy monstre le vaissel. Et quant Brangien voit que c'est verite, si dist: Mal auez exploicte, de ceste chose ne peult venir si non mal. Or nous souffrons, dist Gouuernail, si verrons a quelle fin ceste chose viendra. Brangien et Gouuernail sont en tristesse, mais ceulx qui ont beu orendroit le boire amoureux sont en lyesse. Tristan regarde Yseult si durement qu'il ne desire fors qu'elle, et Yseult ne desire fors que Tristan. Tristan luy descouure son couraige et luy dist qu'il l'ayme plus que riens, et Yseult luy redit, que aussi fait elle. Que vous diray ie? Tristan voit que Yseult accorde a sa voulente faire et ilz sont touz deux seul a seul, qu'ilz n'ont nul destourbier ne paour ne d'ung ne d'autre. Il fait d'elle ce qu'il veult et luy tolle le nom de pucelle. En tel lieu comme ie vous compte cheut Tristant en l'amour de Yseult, si que oncques puis nul iour ne s'en departist ne autre n'ayma ne autre ne congneut. Et par ce boire qu'il beut eust il puis tant de trauail et peines, que puis ne deuant ne fut cheualier qui tant souffrist de pouretez pour amour de femme comme Tristan fist pour l'amour d'elle. Gouuernail parle Brangien et luy demande qu'il luy semble de Tristan et de Yseult, et il luy dist qu'il luy sembloyt qu'ilz eussent eu affaire ensemble et que Tristan a Yseult depucelee sans doubte, ie les veiz gesir ensemble. Le roy Marc le honnira quant il ne la trouuera telle comme elle deust estre, il se (le?) fera

destruire et nous (vous?) avec qui la deussiez garder. Or ne vous esmayez, dist Gouuernail, puis que ainsi est, je vous en cheuiray bien, laissez m'en convenir, car sachez que ie feray tant que ia n'en serons blasmez. Dieu le vueille, dist Brangien».

Буря заноситъ Тристана къ одному изъ Дольнихъ острововъ (les Loingtaines Ysles), «а нан ихъ ест Галиот прычыпъ, а то была его отчызна, иные земли и панства побрал своею добротю; а тогды был Анцолот в одной земли, котораѧ сѧ зоветъ Сореплосъ» (f. XLII: et en estoit sire Galehault le filz a la belle Geande, mais il n'estoit a l'heure en ce pays et estoit au royaulme de Sorcloys auecques mon seigneur Lancelot du Lac). Узнавъ отъ морнаровъ (l. c. mariniers), что городъ на томъ островѣ — Плачевный (далѣе Плачный) городъ (l. c. le chasteau de Plour), Тристанъ не желалъ бы приставать къ нему, ибо знаетъ его злой обычай (l. c. mauuaises coustumes). Въ это время подошли къ берегу шесть вооруженныхъ человѣкъ, объявляютъ пріѣзжихъ своими плѣнниками и велятъ идти въ городъ. Тристанъ совѣтуется съ дружиной, спрашиваетъ Изотту: что дѣлать, уступить или защищаться? Дѣлай, какъ хочешь, отвѣчаетъ она, и Тристанъ рѣшается на первое. Ихъ привели въ домъ съ множествомъ «коморокъ» (l. c. a ung trop beau pre entre deux tours et si y auoit de molt belles chambres), обведенный твердою стѣной, гдѣ уже были другіе плѣнники. Всѣ печальны; на другой день Тристанъ узнаетъ отъ одного изъ пришедшихъ къ нимъ шести рыцарей, что изъ этой темницы никто не выходитъ, провожая «в слезахъ вси дни свои, и дла того сѧ зовет Плачныи город.... але коли бы нашол сѧ витезь велми высокого серца и рыцэрства (l. c. de tres haulte proesse et qu'il fust bon cheualier oultre mesure), а нани крашен нашое панне, а прыехали бы оба посполе, то бы были нам господары, а тые бы муспли померети, которым мы служыли». Тристанъ обрадованъ этою вѣстью, вызывается выдержать испытаніе; рыцарь идетъ оповѣстить объ этомъ властителя острова, а авторъ объясняетъ намъ, почему тотъ городъ названъ былъ Плачный: «бо поставленъ злыми за-

коны в тыѣ лета, коли Иѡсифъ пошол у великіе крапны (en la grant Bretaigne, f. XLIII) прыказанем Господа нашого Исуса Хрыста и ѡбратил был множество люду на хрестѧнскую вѣру. А коли слышалъ, иж тые Долніе ѡстровы полны людъства, Иѡсифъ послал там набожныхъ людеи (во фр. текстѣ идетъ самъ Іосифъ) ѡбрачати къ богу народ, и ѡбратили вси тые ѡстровы кромѧ ѡдного ѡстрова, которыи сѧ зоветъ Ѡрашы (isle au Geant). И тамъ мало было иныхъ людеи, толко ѡрашы (ib. pource qu'il n'y habitoit sinon geans), а пан ихъ былъ ѡрашец, и мѣл дванадцать сынов, и вси были ѡрашцы (ib. geans). Коли хрестѧне прышли в тот ѡстров, тогда был государъ тому ѡстрову именемъ Давлитесъ (l. c. Dyalethes), и былъ нѣякъ ранен ѡт медьведѧ дикого (l. c. une beste sauuaige) и тутъ ѡткинул сѧ ѡт Иѡсифа крещенна». — Французскій романъ досказываетъ пропуски русскаго: Dyalethes, раздосадованный проповѣдью Іосифа, обратившаго въ христіанство его сыновей, предаетъ смерти и ихъ, и всѣхъ его послѣдователей; на костяхъ христіанъ построенъ этотъ замокъ и введенъ злой обычай: что всякій пріѣзжій рыцарь обязанъ биться съ хозяиномъ замка и, коли побѣдитъ его, отрубить ему голову, водвориться на его мѣстѣ и то же дѣлать относительно всякаго новаго пришельца; если явится дама и захочетъ вступить въ состязаніе въ красотѣ съ женою властителя и окажется краснѣе ея, исходъ тотъ же; не желающіе состязаться на вѣкъ осуждены томиться въ заключеніи. — Когда Brunor le pere Gallehault прибылъ изъ Ирландіи и завоевалъ этотъ островъ, «trouua leans une geande la plus belle dame du monde qui n'auoit pas plus de douze ans. Il geut auec la dame et l'engendra (то-есть, Gallehault), qui toutes terres conquist et mist en sa subgection. Celluy s'en partit du chasteau de Plour, car il n'y voulut oncques demourer quant il vit qu'il luy conuiendroit maintenir les mauuaises coustumes apres la mort de son pere et demourer illec toute sa vie en seruaige. Si luy aduint si bien qu'il fut loue et prise sur tous princes apres le roy Artus». (f. XLIII).

Когда рыцарь донесъ Брунору о корновальскихъ витязѣ и дамѣ, желающихъ состязаться съ нимъ и его женою, онъ велитъ позвать «тыхъ, которые мають судити и смотрѣти». Тристана выпустили, своего имени онъ не говоритъ, красота Изотты возбуждаетъ общее удивленіе — и сожалѣніе объ участи, предстоящей хозяйкѣ острова. Явившись къ мѣсту поединка, Бруноръ и его жена, при видѣ Изотты, смущены, судьи съ великимъ плачемъ объявляютъ ее побѣдительницей въ красотѣ, предупреждая, что ей можетъ предстоять та же участь, если явится краснѣйшая ея. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Бруноръ сраженъ, но не хочетъ отдать Тристану свой мечъ — не сказать: «Побит есми. Рек Бруноръ: То быхъ былъ злыи чоловѣкъ, коли бых рекъ то своимъ езыком, што-б было з моею легкостю; не дал того бог до моее смерти, которая ест близко мене (f. XLIV: a oultre ie ne me tenrois pour rien, car si ie disoye que ie fusse oultre, ie mentiroye. Celluy est oultre, qui par sa mauuaistie dit chose qui a honte luy tourne, mais celluy qui iusques a la mort se combat et qui en mourant garde son honneur, celluy est cheualier et doist estre tenu pour preudhomme, et en telle maniere ie mourray, car i'ay tant souffert contre toy, qui es le meilleur cheualier que ie trouuasse, que ie sens la mort au cueur). Рекъ Трыщан: Чуешли са на томъ, што можешъ жыв быти? Рек Бруноръ: Твои ми мечъ ни одного продлужены не далъ, вжэ естъ конец близко; если ми не верышъ, тепер же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу». По требованію обычая, Тристанъ еще обязанъ отрубить голову «Бруноровицѣ»; онъ дѣлаетъ это съ отвращеніемъ, но ему говорятъ: «Не тобѣ то ганба, але тым, которые тотъ законъ учынили». Тристанъ съ Изотою вступаютъ во владѣніе островомъ, законъ котораго клянутся блюсти впредь [1]). Между тѣмъ сестра Галіота (Delice), опечаленная смертью отца и матери, положила ихъ головы (l. c. le corps de son pere et le

[1]) Во французскомъ романѣ Тристану объявляютъ, что по закону онъ не можетъ выходить изъ замка, гдѣ его помѣстили, развѣ для боя съ пріѣзжимъ рыцаремъ.

chef de sa mere) въ одну «судину» (l. c. nef.) и отправляется искать брата. — Слѣдуетъ во французскомъ романѣ длинный эпизодъ (f. XLV), опущенный русскимъ: о плѣнѣ Ланцелота у Морганы, которая его ненавидитъ за любовь къ нему Жиневры. Фея плѣнитъ его, подмѣниваетъ его кольцо, полученное имъ отъ Жиневры, другимъ, а то отсылаетъ къ Артуру какъ обличеніе преступной связи его жены съ Ланцелотомъ: послѣдній будто бы умеръ и на смертномъ одрѣ во всемъ сознался. Разсказъ посланной не вызвалъ довѣрія; рыцари сомнѣваются въ его правдивости и отправляются на поиски за Ланцелотомъ; въ числѣ ихъ Galehaut — Галіотъ, съ которымъ и встрѣчается его сестра.

Здѣсь снова примыкаетъ русская повѣсть: встрѣтивъ Галіота, сестра говоритъ ему о бѣдѣ, постигшей ихъ семью отъ руки Тристана. Галіотъ знаетъ, что вина не Тристана, а тѣхъ «злыхъ законовъ» (l. c. mauuaise coustume), но обѣщаетъ отмстить. Пока они поѣдутъ въ Сореилопсъ (l. c. Soreloys), гдѣ похоронятъ тѣла отца и матери. Прибывъ «к оному граду, у которомъ былъ король из Стома витези», (французскій романъ: оный градъ — chasteau l'enchanteur, гдѣ le roy des cent cheualiers... sciournoit pour une playe l. c.), Галіотъ разсказываетъ, какая «великая легкост и жалост» (l. c. il m'est durement mescheu) съ нимъ сталась, хочетъ одинъ, съ однимъ рыцаремъ и двумя пахолками» (escuyers f. XLVI) отправиться на бой съ Тристаномъ, а королю велитъ пойдти по морю съ военною силой (пять сотъ тисечъ воиска—l. c. cinq cens que cheualiers que sergens) подъ Плачный городъ, «хочу сказити тые злые законы». Король напрасно старается отговорить его отъ опаснаго боя съ Тристаномъ[1]); похоронивъ головы отца и матери въ одномъ «клаштерѣ», снаря-

[1]) Въ рѣчи короля оригиналъ (=французскій текстъ) не былъ понятъ. Король говоритъ: «вставъ тую битву с Трыщаномъ, а коли его найдешъ *ласкою*, онъ, видевъ такую твою *жалост*, онъ самъ прыимет на себе тую *пожсту*; а если *вы* два будете на поли, если та он не преможе, сотни ми главу»—f. XLVI: querons icelluy monseigneur *Lancelot du Lac*, car ie scay bien que si tost comme il scaura vostre *courroux*, il emprendra pour vous ceste bataille. Et s'il ne vous venge de Tristan, ie vueil que vous me destruisez moy et mon lignaige».

дивпись и взявъ сброю «велми добрую и мѣчъ, которыи былъ Анъцолот дал», Галіотъ лишь угрозой смерти побуждаетъ «морнаровъ» (l. c. mariniers) отвезти его въ Плачный городъ, гдѣ тотчасъ же объявляетъ, что пріѣхалъ биться, сдержать законъ страны. «А Трыщанъ былъ у вышнемъ замку (l. c. roche au Geant) со Ижотою и з Говорнаром и з Брагинею у великом веселю» (l. c. maine glorieuse vie). Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничого, одно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тое имъ нецство было велми сладко и мешкали яко-бы в бога (l. c. Yseult... ne demande autre soulas ne autre paradis ne Tristan aussi), а не помепули о королю Марку а ни о Корновали». Когда рыцарь приходитъ объявить ему о предстоящемъ поединкѣ, Тристанъ готовъ, думаетъ, что то пріѣхалъ Ланцелотъ; Говорнару пришла та же мысль, и онъ отговариваетъ Тристана биться, но тотъ радъ «покуситься съ нимъ»; «для смерти не треба ся болти, вѣдаеш ты самъ, мистре, иж мы завжды на том» (f. XLVI car a mourir auons nous tous). Онъ успокоиваетъ Ижоту [1]); ночью приходитъ вѣсть о нападеніи короля «над Сту витези», которые побили Тристановыхъ людей, «и мы перед ними не могли терпети и дали ся есмо у их руки. И мы есмо, пане, у их руках, и они сут из Коръелона (выше: Сореплопсъ — f. XLVI Sorelois), люди Галиота прынчыпа».

Когда на слѣдующее утро на мѣстѣ поединка Тристанъ узнаетъ отъ Галіота, съ кѣмъ онъ будетъ биться, онъ воздаетъ хвалу Богу, что его противникомъ будетъ «наболшыи витезь от света», «цвѣт добротам и храбръством (f. XLVII: la fleur de toute cheualerie), паном пан» [2]). Въ битвѣ оба сознаютъ обоюдную силу; «они ся оба силили указуючы один другому свое витезь-

[1]) «И в том страху стояли, а Галиот о томъ ничого не вѣдал» — f. XLVI: et s'ilz sceussent que ce fust Gallehault, ils demenassent ioye.

[2]) Къ переводу: Тристанъ радъ, что съ нимъ будетъ биться Галіотъ, «могучы поставити сто тисеч воиска на поли зброиныхъ зъ сулицами. *Конец тых рѣчеи пустилъ ся один к другому.* Сл. f. XLVII: bien pert que il a bon cueur quant luy qui a plus de cent mille hommes dessoubz luy ne daigne mettre contre moy fors que son corps. *A tant laissent courre l'ung vers l'autre.*

ство, а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшъ, ниж сама себе; коли ѡн прыпмал таковые ударцы, ѡна была блѣда и дала-б весь светъ, абы ѡн был здоров и простъ ѡт тое битвы; коли Галиѡт билъ Трыщана, тогды ѡн на коленах падал, а Ижота прыпмала ударцы въ сэрце своє и была блѣда, ꙗкъ папуга, а коли Трыщан Галиѡта билъ и поле ему брал, а Ижота была велми весела и румана»[1]). — Галіотъ начинаетъ изнемогать, когда показывается король надъ Сту витезями. Увидѣвъ его, Галіотъ кричитъ Тристану: ты погибъ, теперь я отомщу тебѣ за отца и мать. Тристанъ не вѣритъ, чтобы его противникъ прибѣгнулъ противъ него къ чужой помощи, говоритъ, что невиновенъ въ смерти его родныхъ; «а даю ти сюю битву за добытую, и пусти ма з моею дружыною свободне. Зле-м вчынилъ, иже-мъ добыл меча против тебе, напротивъ болшого пана и набольшого витеза, а то бог вѣ, же того не мовлю для страху абых сѧ боял смерти. И прыступил, дал ему меч». Галіотъ не только прощаетъ ему свой гнѣв, но и принимаетъ въ пріязнь: ты «витез єси большыи, пижли ꙗ, и нѣт тобѣ друга на свете», говоритъ онъ и останавливаетъ нападеніе короля надъ Сту витязями, которому превозноситъ храбрость Тристана: вотъ еслибъ имѣть его съ собою вмѣстѣ съ Ланцелотомъ! — Всѣ отправляются въ замокъ Ѡрашъ, гдѣ Галіотъ и Тристанъ лѣчатся отъ ранъ, тогда какъ люди короля надъ Сту витязями[2]) бьются съ жителями острова, нескореняя законъ, который тѣ защищали. Отпуская Тристана, Галіотъ выражаетъ ему желаніе видѣть его у себя: пусть отвезетъ

---

[1]) l. c. Yseult n'est pas ayse, car elle voit souuent que Galehault surmonte Tristan. Le cueur luy fault et tous les membres et pert bien qu'elle ayme Tristan. Quand elle voit que Galehault fiert sur Tristan, elle tremble tout de paour. Mais au dernier elle se rasseure, car elle vit que Galehault en auoit le pire. Сл. f. L (битва Тристана съ Паламедомъ): Quand elle (то-есть, Yseult) voit Palamedes ferir sur Tristan, si luy est bien aduis qu'elle reçoiue les coups.

[2]) Въ текстѣ, очевидно, по ошибкѣ, король названъ Артіушемъ. Выше (стр. 159) въ описаніи перваго турнира въ Ирландіи, мы удалили такую же ошибку, объяснивъ ее пропускомъ: «король Іанишъ изъ Локви, а другии король Артиуш з Лонъдреша, [а третій король], которыи мѣлъ въ себѣ сто рыцэров».

невѣсту дядѣ, а затѣмъ пріѣдетъ къ нему «у королевство сирелоиское» (f. XLVII: en la grant Bretaigne), «а ꙗ ти обецую сѧ ꙗкъ витезь, бо есми не король, тыэ панства и земли мое, што есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абых мѣлъ з вами двема товарышство, а вы со мною; ꙗ быхъ большого богатества не хотелъ». Тристанъ обѣщается и сильно опечаленъ, когда вскорѣ послѣ того ему принесли вѣсть о смерти Галіота. Пока Галіотъ пишетъ королевѣ Веливерѣ (Genievre) письмо, въ которомъ сообщаетъ ей о «попсованьи злыхъ законовъ» и о храбрости Ланцелота и Тристана; кто изъ нихъ большій рыцарь — онъ не знаетъ (f. XLVII: que en ce monde ne auoit que deux cheualiers et deux dames: Lancelot et Tristan, la royne Genieure et Yseult). «Коли Веливера тот лист прочла, было еи велми вдѧчно и рекла: Мило бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут было ѡ Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ час былъ ѡнъ з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогды, коли Милиенец королѧ Бана и Бендемагулъ прыехали у двор королѧ Артиуша и добыл королевую Веливеру въ опецэ Кенишевои столника и повел ее у Лондрешъ». Сл. f. XLVII: a ce point estoit Lancelot du Lac hors du sens et ce fust deux ans deuant que Meleagant emmenast la royne Genievre quant il la conquist contre Keux le seneschal, et puis alla Lancelot apres et la conquist et la ramena [1]).

Во французскомъ романѣ Тристанъ привозитъ Изольду въ Корнуаль, и Маркъ втайнѣ не радъ его пріѣзду, котораго никакъ не ожидалъ. Въ русскомъ текстѣ всѣ въ радости и веселіи; наступаетъ брачная ночь, Ижота смущена, проситъ Брагиню занять ея мѣсто на ложѣ [2]). Въ брачный покой являются, кромѣ молодыхъ, Говорнаръ и Брагиня, Трыщанъ тушитъ свѣчи: таковъ обычай въ Ирландіи, объясняетъ онъ королю: «коли хочет

---

[1]) Аллюзія на увозъ Жиневры, ѣхавшей въ сопровожденіи Keu, Meleagant'омъ (сл. Chrestien de Troyes, Conte de la Charete).

[2]) Во французскомъ текстѣ самъ Тристанъ проситъ Gouvernail'я и Brangien помочь дѣлу, а Gouvernail указываетъ Brangien, какъ поступить.

великии панъ на першую ночъ лечы с панною, свѣчы угашают, абы сѧ панна не стыдила. И мене мати ее заклела и ѥ сѧ єи такъ ѡбецалъ». Въ это время Брагиня заняла мѣсто Ижоты, которая смѣняетъ ее позже. На другое утро Марко благодаритъ Тристана, «казал прывести всякіе гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы... Видечы панны такое веселье, танцовали горотинскии танец за доброт пану Трыщану»[1]). Онъ смотритъ на Ижоту, она на него, и кромѣ Говорнара и Брагини никто не зналъ, что между ними было[2]).

Однажды приходитъ къ Марку витезь, доноситъ ему, что «милуетъ Трыщан Ижоту телеснымъ учынком», и что они обѣщали другъ другу сойдтись «у первую сторожу ночы у городец за сѣнми». Марко, желая о томъ довѣдаться, уѣзжаетъ, велѣвъ Тристану остаться, но тотчасъ же вернулся, «ушол у городецъ и възлѣзъ на ѩблонь. А тогды была ночь месечна и дла того не могъ скрыти теню своего». Тристанъ видитъ ее, даетъ понять Ижотѣ; ставъ передъ нею на колѣни, онъ проситъ ее отвести отъ него гнѣвъ короля Марка, которому донесли будто бы онъ, Тристанъ, любитъ Изоту; онъ хочетъ удалиться, «мышлю поити по мору и по суху». Изота отвѣчаетъ ему въ томъ же стилѣ и обѣщаетъ убѣдить Марка въ несправедливости навѣта. Они расходятся, Маркъ успокоился, увѣренъ, что на племянника наклепалъ ему рыцарь, оскорбленный Тристаномъ, когда хотѣлъ воздержать его отъ поединка съ Ящоромъ и Марганоромъ[3]). На

[1]) Во французскомъ текстѣ нѣтъ описанія празднествъ.

[2]) Слѣдующихъ далѣе эпизодовъ: о свиданіи Тристана и Изольды подъ деревомъ и о снѣ Марка нѣтъ во французскомъ текстѣ, прямо переходящемъ къ разсказу, какъ Изотта задумала извести Брагиню. Сл. эпизодъ подъ деревомъ въ версіи Béroul'я (Franc. Michel, Tristan, t. I, стр. 3 и слѣд.), у Eilhardt'a v. 3331—3764; въ отрывкахъ Томаса (Fr. Michel, l. c., t. II, стр. 126, v. 775 и слѣд.), въ Tristamsaga'ѣ c. LIV—V (стр. 68, 20—70, 4), Sir Tristram v. 2014—2167 и у Готфрида Страсбургскаго v. 14224—15051.

[3]) Сл. выше стр. 170. Въ слѣдующемъ далѣе краткомъ упоминаніи эпизода о сватовствѣ есть новыя подробности противъ предыдущаго разсказа: Тристанъ присталъ «под замокъ Дамолотъ в лонъдрышъском кролевстве въ держанью короля Демагула (?)», когда въ Дамалотѣ (Camalot) царитъ Артіушъ. Городъ Ленвиза названъ Біанъ.

другой день Изота объясняется съ мужемъ, но тотъ говоритъ, что навѣтамъ на Тристана не вѣритъ и разсказываетъ ей свой сонъ: «Было wдно панство велми хороше, и на немъ была выросла wдна рожа велми пекна, а на неи были цвѣты велми красны; и говорыли витези: То будет панство доброе для тое красное рожы. И говорылъ пан того панства: Панство мое, але рожа не моя; хтоколвек wзмет цвѣт wт рожы, будеть ємy рожа. И многіе рыцэры прыєждчали y тоє панство, и каждыи рыцэр хотѣл того цвѣта wт тое рожы, и нихто не мог взати цвѣта wт рожы; и прышолъ wдин витезь и простер руку к тои рожы и wтналъ wдин цвѣтъ wт рожы. И рекли wныс витези: То ест диво, якъ долго не могъ нихто wтнати цвѣта wт тое рожы, а сесь рыцэр скоро прышол и взалъ цвѣт ее. А тот витез был велми веселъ w тои рожы, а коли єще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не мог болшъ уфатити. И в тот час прочутилъ сa єсми wт сна. Ижота рекла: Пане, мнѣ сa видит, которыи витез взал цвѣт wт тое рожы, єго будеть и рожа». Между тѣмъ y нея явилось подозрѣніе, не съ умысломъ ли разсказалъ ей свой сонъ король Маркъ и не проговорилась ли ему Брагиня? Она хочетъ извести ее: когда Тристанъ былъ въ отъѣздѣ, посылаетъ ее въ лѣсъ собрать зелій для ранъ, а двумъ хлопамъ, ее сопровождавшимъ, велитъ убить ее. Когда пріѣхали они «в чыстые дубровы», хлопы раздумались: «Таa панна много послужыла пану Трыщану y граде Бинну y Wрлендэи, wна ест мудра и хитра; споведаймо мы то еи, чого для поехали есмо, может-ли то wна вчынити, якo быхмо были просты wт карности и wна wт смерти?» Они открываются ей, а она велитъ привязать себя къ одному дереву на распутіи: тамъ всегда много лютыхъ зверей, пусть они разорвутъ ее; «а для того рекла, иж мало того, штобы не былъ витез пры том дереву». Хлопы поступаютъ по ея приказанію; въ это время проѣзжаетъ «красный Паламидежъ Ануплитичъ», узнаетъ Брагиню; вѣрно Тристана нѣтъ въ живыхъ, что такая участь ее постигла, говоритъ онъ; она проситъ отвязать ее отъ дерева и объясняетъ иносказательно, чѣмъ она проступилась

передъ Изотой: «пошла есми зъ своею госпожею з ѡдного кролевства у другое, ѡна понесла свои ѡдинъ цвѣтъ, а ѫ мои другии цвѣт, и ходили есмо морем и сухом; идучы по мору пани моя утопила свои цвѣт, а ѫ свои не втопила, и ѡна поставила мои цвѣт, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми ѧ тое зло стало». Паламидежъ проситъ ее послужить ему, какъ она служила Тристану; они ѣдутъ въ Корноваль, гдѣ останавливаются на «господѣ» рыцарской; Паламидежъ не велитъ пока сказывать своего имени и очень обрадованъ, когда узналъ, что Тристана нѣтъ дома. Три прохожія дѣвушки говорятъ между собою, что Маркъ велѣлъ всѣлъ рыцарямъ и дѣвушкамъ собраться во дворецъ. Это онъ обо мнѣ будетъ спрашивать, говоритъ Брагиня и указываетъ Паламидежу часъ и время, когда идти ко двору. Маркъ объявляетъ: «Хто бы мог вѣдати ѡкою смертью згибла дѣвка Брагина, ѫ быхъ его даровалъ велмы много, а хто-бы ее сповѣдал живую, за што бы его рука ѧгнула, то бы ѧ ему не забороняло». Паламидежъ играетъ съ королемъ въ шахматы на условіи: «которын з насъ выиграет, по што ѧ его рука хватит, нехай собѣ ѡзмет». Паламидежъ выигралъ, напоминаетъ королю о его обѣщаніяхъ; когда онъ подтвердилъ ихъ, Паламидежъ велитъ привести Брагиню, а себѣ проситъ въ даръ Ижоту. Маркъ велитъ ей снаряжаться, чтобъ ѣхать съ Паламидежемъ; она одѣвается тихо, поджидая Тристана. Паламидежу она говоритъ: «Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновалского, ѡн велел мене тобѣ дати, ты самъ ведаешъ, што еси служыл у моего ѡтца тры годы для мене, не могъ еси мене выслужыти, але коли ма еси досталъ так борздо у корола Марка, подмо ув-ѡную цэрков и кленим ѧ богом, абы не ѡставил ѡдин другого до смерти». Изота входитъ въ церковь первая, «а были в тои цэркви реманые лѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тых лѣствицахъ до ѡкна верхънего, и коли была у ѡкне, узволокла лѣстницу к собе». Когда вошелъ Паламидежъ и проситъ ее сойдти, она совѣтуетъ ему удалиться, чтобъ не застали его рыцари Марка, «которые поехали у ловы». Паламидежъ не

хочетъ объ этомъ слышать, а Ижота уже завидѣла Тристана; у него былъ обычай, куда бы ни ѣхалъ, всегда заѣзжать въ церковь: Снова говоритъ Изота Паламидежу: Поѣзжай съ богомъ, витязь на тебя ѣдетъ; нѣсколько разъ напоминаетъ она ему о томъ, а тотъ отвѣчаетъ: будь одинъ витязь, будь ихъ три, десять, я безъ тебя не уѣду. «Не тры, не два, одинъ Трыщан едеть», кричитъ Изота, и Паламидежъ пускается бѣжать; Тристанъ не поспѣлъ за нимъ на усталомъ конѣ, входитъ въ церковь, «виделъ цудную Ижоту и розгнѣвал са велми, а не хотѣлъ дла Паламидежа пытати, одно рек: Всадь, пани, на коня и едмо до короля Марка». Тутъ онъ узнаетъ, что самъ Маркъ отдалъ ее Паламидежу. «А по тыхъ речах поехал от цэркви пан Трыщанъ со Ижотою»....

Во французскомъ романѣ эпизодъ о Брангинѣ слѣдуетъ непосредственно за свадьбою Марка; Изольда просто боится, чтобы Brangien «ne la descouure» (f. XLVII). Иносказательный апологъ о цвѣткѣ[1]) разсказываетъ Brangien не Паламеду, а «хлопамъ», которые, привязавъ ее, уходятъ, послѣ чего Паламедъ является на крикъ Brangien. Способъ, какимъ онъ выманилъ Изольду у Марка, иной: Изольда крайне жалѣетъ о смерти Brangien, о которой ей донесли: «elle vouldroit auoir donné tout ce qu'elle a au monde et elle ne fust point morte» (f. XLVIII). Однажды она проѣзжаетъ мимо кустовъ (broces l. c.), въ которыхъ спрятался Паламедъ, и горько плачетъ объ утратѣ Brangien; когда тотъ предлагаетъ ей привести къ ней послѣднюю, она говоритъ: «il n'est rien que ie ne vous donnasse pour auoir Brangien» (l. c.). Паламедъ ѣдетъ въ монастырь (abbaye), гдѣ пріютились Brangien, привозитъ его ко двору, а Маркъ заставляетъ Изольду

---

[1]) У Эйльгарта и въ той редакціи преданія, на которую намекаетъ Raimbaut d'Orange (у Sudre'a, l. c., стр. 546; сл. Muret, l. c., стр. 309) въ апологѣ Брангіены вмѣсто цвѣтка является сорочка: будто-бы мать Изольды дала ей и Брангіенѣ передъ отъѣздомъ по сорочкѣ, съ наказомъ дочери — надѣть ее въ первую брачную ночь; сорочка Изольды оказалась разорванной и испоротой, и она попросила Брангіену ссудить ей свою.

исполнить обѣщаніе, данное рыцарю. «Don» состоитъ — въ самой Изольдѣ, которую огорченный царь и принужденъ уступить Паламеду. Тристанъ былъ въ то время на охотѣ; никто изъ рыцарей не рѣшается пуститься въ погоню за похитителемъ, кромѣ Lambegues, nerveu du roy Farien (f. XLIX), пріѣхавшаго къ Изольдѣ лѣчиться отъ ранъ; Паламедъ сбрасываетъ его съ коня, но пока бьется съ нимъ, Изольда бѣжитъ, хочетъ утопиться; проѣзжій рыцарь везетъ ее къ одной башнѣ, гдѣ она будетъ въ безопасности, а самъ ѣдетъ предупредить Тристана. Узнавъ отъ рыцаря, что Изольда спрятана, Паламедъ убиваетъ его и ѣдетъ къ башнѣ; Изольда кричитъ ему изъ окна: Пусть убирается, не то вернется Тристанъ и будетъ у него съ нимъ передѣлка. Вернувшись ко двору, Тристанъ узнаетъ объ увозѣ Изольды, вмѣстѣ съ Говернalемъ ѣдетъ слѣдомъ за похитителемъ, о которомъ узнаетъ отъ раненаго Lambegues, и бьется съ Паламедомъ подъ стѣнами замка, гдѣ скрылась Изольда. Она разнимаетъ ихъ, а Тристанъ возвращается съ нею къ Марку.

Пространному эпизоду, нами пересказанному, отвѣчаютъ у Polidori стр. 113—154. Сватовство Тристана, сонъ короля и его объясненіе, какъ во французскомъ текстѣ (на стр. 115—116 помѣщено, по извѣстной книгѣ di messer Gaddo, иносказательное толкованіе видѣнія). Любовный напитокъ хранится въ uno piccolo bottaccino d'ariento (сл. русскій текстъ). Лишнее: мать Изотты, Lotta, велитъ для себя устроить изображеніе дочери, на память о ней. На пятый день плаванія Тристанъ и Изотта играютъ въ шахматы (описанія костюма нѣтъ); относительно дѣйствія любовнаго напитка прибавлено: Идонія, собачка Изотты, подлизавшая вылитые остатки напитка, не только не покидала никогда Тристана и Изотту, но и околѣла на ихъ гробѣ, а Говерналь и Брандина, только ощутивъ его запахъ, никогда не измѣняли своей привязанности къ нимъ. Сцена между Тристаномъ и Изоттой на кораблѣ разсказана иначе, чѣмъ въ предыдущихъ текстахъ. Островъ названъ della Malvagia Uzanza (вар. delli Gioganti), Castello del

Proro (=Ploro)[1]); какъ во французскомъ романѣ разсказъ о происхожденіи злого обычая вложенъ въ уста одного рыцаря и представляетъ тѣ же подробности (Dialantes=Dialethes) съ нѣкоторыми отличіями: Brunoro lo Bruno, отецъ Galeotto, занесенъ былъ бурей на островъ, e combattè a messer Mago conte, nipote di Dialantes, che era a quel tempe sire di quest' isola, e a lui e a sua dama egli tagliò la testa; e appresso tagliò la testa a un altro cavaliere che ci arrivò, ch'era di Gaules, e sposòe sua dama per la più bella che quella di messer Mago; ей имя Bagotta. Во время поединка Изотта молится; ея молитва (напечатанная какъ стихи) — воззваніе къ Іисусу Христу, дѣянія котораго пересказываются въ порядкѣ времени. Жители обязываютъ Тристана, въ силу обычая, не только отрубить голову Баготтѣ, но и жениться на Изоттѣ; онъ говоритъ, что она назначена въ жены другому; ты обязанъ былъ бы жениться на ней, еслибъ она была твоею дочерью, говорятъ они ему: «poi voi apresso siete savio: farete quello che ve ne piacerà di fare». Дочь Брунора — Dalis; она встрѣчаетъ Galeotto около Castello delle Incantatrici (нѣтъ эпизода французскаго романа: о Ланцелотѣ въ плѣну у Морганы и т. п.); головы отца и матери они похоронили nella badia di Lanorio (вар. Lanerio). Бой Галеотто съ Тристаномъ представляетъ отличія: нѣтъ подробности, что Изотта «принимаетъ удары въ сердце»; отпуская Тристана, Галеотто не зазываетъ его къ себѣ; узнавъ, что онъ везетъ Изотту въ жены Марку, онъ говоритъ ему: E tanto vi dico, che se voi la menate, se in prima non sapete s'ella sente d'amore, io v' appello cavaliere Perdiventura; Артуру онъ пишетъ о всемъ, совершившемся на островѣ Гигантовъ, съ похвалами Тристану, что внушаетъ Ланцелоту желаніе

[1]) Сл. старонтальянскій Conto de Bruno e di Galeoto suo fillio (сл. Conti di antichi cavalieri, ed. Pasquale Papa, въ Giorn. storico della letteratura italiana, fasc. 8, 1884, p. 216—217), вѣроятно, извлеченный изъ какого-нибудь текста романа о Тристанѣ: Castello de Plor. Какъ и въ русскомъ текстѣ, мать и сестра Галеотто не названы; отпуская Тристана, онъ беретъ съ него слово, что, отвезя Изотту, онъ вернется къ нему въ «Sorlois, perchè esso volea luj e Lancelocto insieme avere».

познакомиться съ нимъ, отправившись въ Корнуаль. Возвращеніемъ Тристана Маркъ недоволенъ; слѣдуетъ сцена брачной ночи. Нѣтъ ни эпизода съ яблоней, ни сновидѣнія Марка; онъ такъ часто бесѣдуетъ съ Брандиной о нравахъ и обычаяхъ Ирландіи, что у Изотты является подозрѣніе противъ нея, и она рѣшается ее погубить. Дальнѣйшее, какъ во французскомъ текстѣ; его Lambegues'у отвѣчаетъ Sagris, безыменному рыцарю — Guirlandot. Тристанъ отвозитъ Изотту къ мужу.

9. Въ послѣдней своей части русской текстъ романа, какъ уже было замѣчено нами, радикально расходится какъ съ французскимъ, такъ и съ рецензіей Полидори. Разница ощущается и въ планѣ, и въ подробностяхъ. Обыкновенно разсказывается, что, освободивъ Изотту отъ Паламидеса, Тристанъ везетъ ее къ Марку; слѣдуютъ тайныя свиданія любовниковъ, подозрѣнія и открытія Марка, удаленіе Тристана, изгнаніе его вмѣстѣ съ Изоттой и возвращеніе, все это переплетенное цѣлымъ рядомъ другихъ приключеній; наконецъ женитьба Тристана на второй Изоттѣ. Любовь къ первой съ этимъ не угасла, раненый смертельно Тристанъ умираетъ, вмѣстѣ съ нимъ и Изотта, жена Марка. Въ русской повѣсти порядокъ почти обратный: Тристанъ тотчасъ удаляется съ Изоттой, освобожденной отъ Паламидежа, и лишь въ самомъ концѣ романа возвращается съ нею къ мужу; о женитьбѣ на второй Изоттѣ ничего не сказано, а только о турнирѣ, ею созванномъ, на которомъ бьется и раненъ Тристанъ. Онъ проситъ Марка прислать къ нему жену, полечить его, что тотъ и дѣлаетъ. «И не вѣм, если с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль о нем писано».

Чѣмъ вызванъ былъ такой распорядокъ содержанія, устранившій цѣлый рядъ популярнѣйшихъ и иногда поэтическихъ разсказовъ о тайныхъ свиданіяхъ Тристана съ Изольдой и о козняхъ Марка — можно бы объяснить особою постановкой эпизода о Паламидесѣ. Въ западныхъ текстахъ, разобранныхъ нами, сама Изотта, необдуманнымъ обѣщаніемъ дара, вызвала свой увозъ, Маркъ принужденъ отпустить ее, но опечаленъ необходимостью;

въ этой постановкѣ легче представить себѣ ея непосредственное возвращеніе, чѣмъ въ планѣ русскаго разсказа, гдѣ самъ Маркъ проигралъ жену, хотя и незная того, и Изотта имѣетъ право сказать Тристану: «Не годит ми сѧ ехати пкъ королю, пжъ ме ѿтдал Паламидежу». Вслѣдствіе этого и ея возвращеніе къ мужу могло быть удалено; стопло только обратить въ дѣйствительность, что̀ во французскомъ текстѣ явилось предположеніемъ. Сл. f. LI: освободивъ Изотту, Тристанъ говоритъ ей: Dame, vous scavez bien que nous ne pouons departir l'ung de l'autre; se le roy Marc le scait, il nous fera honnir, si conseilleroye que nous nous en aillissions en l'hostel du roy Artus ou en autre lieu. La ne aurons nous garde de luy si userons nostre vie en ioye. Но Изотта отвергаетъ этотъ планъ; въ русскомъ текстѣ онъ ей принадлежитъ и приводится въ исполненіе: они ѣдутъ къ Артуру, какъ предлагалъ Тристанъ во французскомъ романѣ, Тристанъ мѣряется храбростью съ Ланцелотомъ, Изотта красотою съ Жиневрой. И это предусмотрѣно въ романѣ f. L—LI: разнимая противниковъ, Тристана и Паламеда, Изотта велитъ послѣднему поѣхать ко двору Артура et me saluez la royne Genieure de par moy et luy dictes qu'il n'y a au monde que deux cheualiers et deux dames, moy et elle, et son amy et le mien, et se le mien eust repaire en la grant Bretaigne, il fust bien autant prise d'armes comme le sien, et se nous estions ensemble elle et moy, ie feroye aux dames iuger de noz deux beaultez et des bontez de noz deux amys.

Принадлежитъ ли такое измѣніе плана сербскому (русскому) пересказчику, или его оригиналу — мы попытаемся отвѣтить на это далѣе; въ связи съ нимъ стоитъ распредѣленіе вины между дѣйствующими лицами: она тѣмъ сильнѣе на сторонѣ Марка, что вслѣдствіе перетасовки плана любовныя шашни Тристана и Изольды отпали сами собою и впечатлѣніе ихъ виновности не усиливается повтореніемъ ихъ тайныхъ свиданій и любовныхъ ухищреній. Вслѣдствіе этого ихъ любовь, во внѣшнемъ нравственномъ смыслѣ, является какъ будто чище, роковая страсть Тристана нераздѣльнѣе, ибо вторая Изотта ему не жена.

Такъ или иначе объяснить себѣ новый распорядокъ разсказа, вѣрно то, что онъ долженъ былъ повліять и на распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ границахъ измѣнившагося плана. Почти всѣ эпизоды послѣдней части русской повѣсти находятся и въ ея источникѣ, но размѣщеніе другое и много смѣшеній.

Далѣе мы пересказываемъ содержаніе остальной части французскаго романа и версіи Polidori, останавливаясь подробнѣе лишь на эпизодахъ, важныхъ для нашего текста, которые отмѣчаемъ буквами въ виду слѣдующихъ сближеній.

Audret доноситъ Марку о связи Тристана съ Изольдой; Маркъ застаетъ ихъ вмѣстѣ, хочетъ убить Тристана, но промахнулся; Тристанъ наноситъ ему ударъ мечемъ плашмя, отчего тотъ падаетъ, а самъ удаляется съ нѣкоторыми рыцарями въ лѣсъ. Очнувшись, Маркъ идетъ съ вооруженною силой къ дому Тристана, желая отмстить ему; узнавъ, что онъ въ лѣсу, пугается: теперь не будетъ выходу изъ города ни ему, ни кому другому. Audret обѣщаетъ Марку залучить Тристана: по его совѣту король пишетъ ему извинительное письмо и проситъ вернуться. Brangien, посланная съ письмомъ, предупреждаетъ Тристана, чтобъ онъ не слишкомъ довѣрялся. — Lamoral de Galles посылаетъ ко двору Марка зачарованный рогъ, испытующій вѣрность женъ [1]). — Уловка Audret'а уличить Тристана (лезвея, des faulx, поставленныя въ спальнѣ Изольды, которыми долженъ былъ порѣзаться Тристанъ) не удается. — Маркъ запрещаетъ, по совѣту Audret, входить кому бы то ни было изъ мужчинъ въ покой Изольды; дѣвушка (по имени Basille), любовь которой отвергнута Тристаномъ, говоритъ Audret'у, что Тристанъ можетъ проникнуть къ Изольдѣ изъ сада черезъ окно; Audret вмѣстѣ съ нѣкоторыми рыцарями даетъ ему пройдти къ своей милой и поджидаетъ его; Тристанъ, предупрежденный Brangien, расправляется съ засадой и успѣваетъ уйдти. — Маркъ запираетъ жену въ башню, гдѣ Тристанъ посѣщаетъ ее, переодѣтый женщиной;

[1]) Объ этомъ мотивѣ сл. Golther, l. c., стр. 20.

они схвачены и обречены на наказаніе, но бѣгутъ и вмѣстѣ съ Говерналемъ и damoyselle Изольды, qui auoit nom Lamide (f. LVIII), поселяются въ ung riche manoir qui fut a la sage damoyselle (l. c.), а рыцарей, какіе при нихъ были, отсылаютъ къ Артуру съ поклономъ Ланселоту и Lamoral. Въ отсутствіи Тристана Маркъ увозитъ жену; Тристанъ возвращается домой, раненый ядовитою стрѣлой, не найдя Изольды, предается горю. Его рана опасна; узнавъ о томъ, Brangien совѣтуетъ ему ѣхать en la petite Bretaigne [1])

а) къ королю Houel, дочь котораго, Yseult aux blanches mains, вылѣчила его рану. Онъ женится на ней, но брака не совершаетъ: его мысли у «красной Изольды» (la bloye), жены Марка; тайну своей страсти онъ повѣряетъ пріятелю, брату жены, Kahedin (Polidori: Ghedino, Gheldino), который предлагаетъ сопутствовать ему въ Корнуаль. Италіанскій текстъ прибавляетъ, что по разсказамъ Тристана Ghedino заочно влюбился въ его милую [2]); французскій — помѣщаетъ передъ отъѣздомъ

---

[1]) Отличія текста Polidori, стр. 154 слѣд.: Тристанъ и Изотта у Марка; одна donzella Изотты, отвергнутая Тристаномъ, сообщаетъ Adrette свои подозрѣнія относительно связи Тристана съ королевой. Неудачная уловка Adrette (лезвея въ спальнѣ Изотты); эпизодъ съ Amorotto di Gaules; заставъ Тристана у жены, Маркъ запираетъ ее въ башню. Далѣе разсказъ тотъ же до похищенія жены Марка. Раненаго ядовитою стрѣлою Тристана Брандина лѣчитъ, съ дозволенія короля, въ замкѣ di Cornazim. Однажды, задумавшись объ Изоттѣ, Тристанъ не отвѣтилъ на привѣтствіе проѣзжаго рыцаря и принужденъ вступить съ нимъ въ бой, который оканчивается признаніемъ: то былъ Ланцелотъ, нарочно пріѣхавшій, чтобы познакомиться съ Тристаномъ. Ланцелотъ миритъ его съ королемъ, тѣмъ не менѣе Маркъ продолжаетъ злоумышлять противъ племянника, подсылаетъ къ нему убійцъ, но успокоивается, увидѣвъ однажды, что, предупрежденный Брандиной о его посѣщеніи, Тристанъ спитъ не съ Изоттой, а съ Ланцелотомъ. Разсказъ переходитъ на время къ послѣднему, котораго въ Gioiosa Guardia осадилъ Артуръ, заставшій его вдвоемъ съ Жиневрой; Тристанъ явился на помощь Ланцелоту, устраиваетъ его примиреніе съ королемъ и, вернувшись въ Корноваль, ѣдетъ, по совѣту Брандины, въ Petitta Brettagna.

[2]) Во французскомъ текстѣ, f. LXXXII, онъ влюбляется въ нее, когда видитъ ее при дворѣ Марка: et tout incontinent que Kahedin veit Yseult, si l'ayma si durement que oncques puis son cueur n'en partit deuant la mort.

нѣсколько эпизодовъ, недостающихъ у Polidori; я остановлюсь на одномъ изъ нихъ.

b) Тристанъ, Изольда и Kahedin катаются по морю; буря заноситъ ихъ къ «pays du seruage», гдѣ великанъ Nabon le noir держалъ въ рабствѣ всѣхъ, кто приставалъ къ скалистому берегу. Тристанъ находитъ здѣсь Lamoral'я, Segurades'a и другихъ людей изъ Logres. Великанъ хочетъ отпраздновать военными играми посвященіе своего сына въ рыцари: бой палицами (bastons) при щитахъ. Lamoral побѣждаетъ одного норгальца, но самъ побѣжденъ великаномъ, вызывающимъ новаго противника. Вызывается Тристанъ, который и объявляетъ свое имя (f. LXV—LXVI): Certes, dit Nabon, or suis ie plus ioyeulx que deuant quant ie te tiens en ma prison: ce ieu n'est pas ieu de l'espee, plus te doubtasse que ie ne feray, si te vueil monstrer que aussi comme Tristan est le meilleur cheualier du monde, aussi est Nabon le noir le meilleur escremisseur du monde. Or te garde meshuy, car ie te ferray se ie puis nom pas iusques a la mort. Mais hardiement m'occiez de cest ieu se vous pouez, fait Tristan, que vous en scauez tant, car ie vous dis bien que ie vous feray se ie puis. Et Nabon dit que de ce se gardera il bien. A tant commence l'escremye Tristan et ne monstre pas qu'il en sache tant pource qu'il veult que le geant s'abandonne a luy. Et le geant s'abandonne a luy qui ne s'apperçoit pas comme Tristan se va faignant et cuide que Tristan ne saiche riens ainsi comme il luy est aduis. Tristan s'en va destournant une heure ça une heure la, si que le geant le fiert ung petit, mais il ne luy fist nul mal. Et puis dit Tristan: Or sachez que ie te eusse bien blece se i'eusse voulu. Ce sçay ie bien, dist Tristan, or me garderay ie mieulx une autreffois. Lors recommencent a gecter et Tristan dit: Nabon, garde toy mieulx que tu n'as faict, car saches que ie te feray se ie puis. Et Nabon dist qu'il se garderoit bien et qu'il ne fait que geter petis coups pour monstrer au peuple quelle courtoisie il faisoit a Tristan, combien qu'il scauoit de l'escremye plus que luy. Tristan si voit bien qu'il est temps de mener a fin

ce qu'il pensoit, si haulce le baston et fiert le geant parmy la teste, si qu'il chet a terre tout estourdy et ne scet s'il est iour ou nuyt. Alors gecte ung grant plaint et dist: Haa, Tristan, tu m'as occis. Se m'aïst Dieu, dist Tristan, vous mourrez se Dieu plaist, ainçois que vous m'eschappez. Lors recouure et luy donne ung si grant coup qu'il l'occist. Всѣ, находившіеся въ рабствѣ у великана, освобождены. Назначивъ властителемъ области Segurades'a, Тристанъ возвращается въ Малую Британію. — Слѣдуютъ во французскомъ текстѣ приключенія Lamoral'я, затѣмъ рыцаря à la cotte mal taillée; лишь послѣ этого разсказъ переходитъ къ Тристану — и къ согласію съ италіанскимъ текстомъ: Brangien приноситъ Тристану письмо отъ Изольды, приглашающее его вернуться; онъ ѣдетъ съ Kahedin, будто бы вызванный по дѣлу въ Leonnoys; буря заноситъ ихъ «pres de la forest Darnantes» (пт. Dernantes, Andernantes), ou la damoyselle du lac avoit emprisonne Merlin» (f. LXXVI), гдѣ какая-то дѣвушка (въ италіанскомъ текстѣ: Elergia) держитъ въ волшебномъ плѣну Артура, котораго безуспѣшно ищутъ рыцари его двора. Въ этомъ лѣсу происходитъ рядъ приключеній: Тристанъ бьется, между прочимъ, съ Keux le seneschal (пт. Chieso), который, не зная Тристана, глумится надъ корнуальскими рыцарями, но сбитъ Тристаномъ (позднѣе въ италіанскомъ текстѣ Ланцелотъ смѣется надъ Chieso: Ты думалъ, что Тристанъ испугается твоихъ словъ?). — Тристанъ освобождаетъ Артура.

За возвращеніемъ Тристана къ Марку слѣдуетъ въ италіанскомъ текстѣ эпизодъ съ «яблоней» (пт. pino), помѣщенный нашимъ текстомъ ранѣе. Новая хитрость Марка: между постелью своей жены и Тристановой, онъ велитъ посыпать полъ мукою, чтобы можно было по слѣдамъ узнать не прошеннаго посѣтителя. Тристанъ скачетъ со своего мѣста на ложе Изотты, при этомъ у него лопнули отъ натуги жилы на рукѣ, кровь осталась на полу и на постели. Маркъ хочетъ сжечь жену, но напередъ подвергаетъ ее испытанію Божьимъ судомъ; слѣдуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ эпизодовъ Тристановой легенды: Тристанъ, пере-

одѣтый юродивымъ, обнимаетъ Изотту, а она клянется, что никто, кромѣ этого юродиваго, ея не касался [1]). Одинъ навѣтчикъ совѣтуетъ Марку изгнать Тристана и Изотту изъ царства, чтобы заразъ освободиться отъ печали; они поселяются въ одномъ замкѣ и спятъ, положивъ промежъ себя обнаженный мечъ. Дѣлали они это потому, что то мѣсто было не безопасное; Маркъ, застающій ихъ спящими, толкуетъ мечъ, какъ знаменіе чистоты ихъ отношеній и съ честью возвращаетъ ихъ къ себѣ [2]).

Всего этого нѣтъ во французскомъ романѣ въ указанной связи: освободивъ Артура, Тристанъ ѣдетъ въ Корнуаль, и слѣдуетъ эпизодъ любви Kahedin'a (пт. Ghedino) къ Изольдѣ, параллельно съ соотвѣтствующимъ разсказомъ у Полидори. Я сообщаю его лишь въ общихъ очертаніяхъ: Kahedin пишетъ Изольдѣ любовное письмо; она отвѣчаетъ ему уклончиво и мягко, какъ будто обнадеживая, но лишь затѣмъ, чтобы не опечалить его. Письмо это попадаетъ въ руки Тристану, который, убѣжденный въ невѣрности Изольды, удаляется въ пустынный лѣсъ, одичалъ, живетъ какъ юродивый, изступивъ изъ ума. Здѣсь находитъ его Маркъ и ведетъ въ городъ, не узнаннаго; Изольда ухаживаетъ за нимъ, но когда онъ выздоровѣлъ, Маркъ высылаетъ его изъ Корнуаля.

Далѣе содержаніе французскаго и италіанскаго романовъ снова расходятся. Первый разсказываетъ объ отъѣздѣ Тристана въ Logres, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Dinadans, бьется противъ тридцати рыцарей, которыхъ Morgain поставила въ засадѣ, чтобъ

---

[1]) Сл. мои Славянскія Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 23—25 и прим. 1-на стр. 25; Lutoslawski, Les folies de Tristan, въ Romania № 60; Golther, l. c., стр. 13—15, 85 слѣд., 99; H. von Wlislocki, Die Episode des Gottesgerichtes in «Tristan und Isolde» unter den transilvanischen Zeltzigeunern und Rumänen, въ Zeitschrift f. vergl. Litteraturgeschichte I, стр. 457 и слѣд.

[2]) Мотивъ меча, положеннаго между спящими на постели, знакомый Béroul'ю и Eilhart'y (сл. Muret, l. c., стр. 337—8; Golther, l. c., стр. 24, 118), Sarrazin (l. c. стр. 263, 270) считаетъ почему-то германскимъ. Онъ столь мало германскій, что встрѣчается напр. и у кабардинцевъ. Сл. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, VI, стр. 99.

убить Ланцелота. Слѣдуютъ подвиги Тристана на турнирѣ при Chasteau aux Pucelles. Не узнанный никѣмъ, онъ скрывается; рыцари Артура ѣдутъ искать его, находятъ Ланцелотъ. Маркъ отправляется въ Logres съ цѣлью убить Тристана; Артуръ миритъ ихъ и обязываетъ Марка не злоумышлять противъ племянника по пріѣздѣ въ Корнуаль, куда оба и отправляются. Тристанъ побѣдоносно отражаетъ нападеніе Sesnes, но Маркъ заключилъ его въ темницу, изъ которой его освобождаютъ Perceval и жители Leonnois, а въ темницу посаженъ самъ Маркъ.

Вмѣсто всего этого италіанскій текстъ даетъ такія подробности:

c) При rocca del Dianfer Тристанъ бьется съ исполиномъ Lucano lo Grande; первымъ выѣзжаетъ противъ исполина, вооруженнаго палицей, спутникъ Тристана, Dinadano; тотъ «sì lo prende per lo nasale del'elmo e lievalo di sul suo cavallo e leggiermente lo ne porta in verso la rocca».

d) Послѣ нѣкоторыхъ другихъ приключеній Тристанъ пріѣзжаетъ въ замокъ Медеи (Medeas); всякій, желавшій обладать ею, обязанъ былъ биться съ тѣмъ, кто въ то время пользовался ея любовью, и лишь убивъ его, вступалъ въ его права. Медея и ея сестры (Lavina, Agnena, Bresenda и Pulizena) были самыя распутныя женщины въ свѣтѣ, дочери «della bella suora d'Amore, la quale discese de la gentile reina Calistra (вар. Talistre), la quale fue reina dello regno Femminoro, capo e membro di lussuria» (Thalestris Александровыхъ романовъ) [1]).

Слѣдуютъ новыя приключенія и эпизодъ

e) объ одной дамѣ, волшебницѣ (la quale molto sapeva delle sette arti), по имени Escorducarla (вар. Ascherducola, Eschonducola); узнавъ, что одинъ изъ рыцарей Артура убилъ ея че-

---

[1]) Сл. сходный эпизодъ въ Méraugis de Portlesguez у G. Paris, Les romans, стр. 226—7, и въ одномъ прозаическомъ текстѣ старофранцузскаго Мерлина, изданномъ обществомъ des anciens textes français (Merlin, roman en prose du XIII-e siècle publ. par G. Paris et Jacob Ulrich, Paris 1887), t. II, стр. 44—57. Сл. G. Paris, l. c., стр. 237 и 172—3 (эпизодъ изъ Guinglain).

тырехъ сыновей, а самъ король отрубилъ голову ея дочери Elergia'и (сл. выше, стр. 198), она пишетъ своему брату Lasancis (вар. Lancisse, Asancis, Lasencis, Asencis), «il quale dimorava nella rocca della Ancisa de l'Isola Riposta nello mare Uziano», поручая ему свою месть. Тотъ отказывается за старостью, но она даетъ ему зачарованное оружіе, которое не беретъ никакое другое; копье, которое не погнется, если даже будетъ въ употребленіи въ теченіи цѣлаго года, съ такимъ остріемъ, что стоитъ только коснуться имъ противника, и онъ будетъ сбитъ. Такъ онъ сразитъ всѣхъ рыцарей Артура, запретъ ихъ во дворецъ и сожжетъ, а жителей Камелота предастъ смерти. Lasancis отправляется; рыцари (Артуръ, Ланцелотъ и др.) сражены одинъ за другимъ и заперты; Жиневра въ сообществѣ четырехъ дѣвушекъ ѣдетъ искать Тристана въ Tintoille, встрѣчаетъ его на границѣ Гаскони al castello di Barfonalle, не узнаетъ его (онъ мѣнялъ свои insegne), спрашиваетъ о немъ его самого, и когда онъ открылся ей, говоритъ о своемъ горѣ. Они отправляются вмѣстѣ; на пути отшельникъ сообщаетъ Тристану тайну вооруженія Lasancis'a и не велитъ биться съ нимъ на копьяхъ. Прибывъ въ Камелотъ, Тристанъ распоряжается, чтобъ убрали всѣ копья и дротики, какіе находились въ городѣ и, явившись на поединокъ съ желѣзной палицей въ рукахъ, говоритъ о себѣ Lasancis'у, что онъ юный рыцарь, не привыкшій къ турниру, къ тому же копья ему негдѣ взять, и онъ проситъ биться съ нимъ на мечахъ или палицами. Lasancis гордо снисходитъ къ его просьбѣ, дивится ударамъ противника, которые оружіе его выдерживаетъ, соглашается повторить бой на утро, но забываетъ на мѣстѣ свое копье. Когда онъ хватился его, было уже поздно; въ слѣдующемъ поединкѣ онъ сбитъ Тристаномъ и говоритъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Тристанъ заиграетъ его на всю жизнь, а волшебное оружіе велитъ прокалить въ огнѣ, чтобы оно не попало въ руки кому-нибудь другому.

Послѣ этого Тристанъ возвращается въ Корноваль, посѣщаетъ Изотту подъ видомъ священника; ихъ застаютъ вмѣстѣ

и заключаютъ порознь. Является Prezzivalle, бьется съ Маркомъ, который въ свою очередь посаженъ въ тюрьму.

Сойдясь снова, оба текста

f) заставляютъ Тристана и Изольду ѣхать въ Logres. Во французскомъ романѣ (l. II, f. LXIIII) Тристанъ наѣзжаетъ подъ Joyeuse Garde на шатры Артура и его рыцарей, сбиваетъ многихъ изъ нихъ, но узнанъ лишь однимъ Ланцелотомъ, который приглашаетъ ихъ къ себѣ въ Joyeuse Garde. Желая увидѣть Тристана и Изольду, Артуръ назначаетъ турниръ devant le chasteau de Louseph. — Италіанскій текстъ здѣсь подробнѣе: Тристанъ ѣдетъ съ Изоттой въ Gioiosa Guardia къ Ланцелоту, одѣтый монахомъ; Ланцелотъ выѣхавшій искать его, ибо до него дошли слухи, что Тристанъ въ заключеніи, не призналъ его въ монахѣ, на спутницу котораго заглядывается. Она краше Изотты и Жиневры, онъ удивляется, что монахъ водитъ ее съ собою, когда у него можетъ отнять ее любой рыцарь; навязывается къ нимъ въ спутники, гонитъ монаха прочь, желая завладѣть его дамой. Слѣдующій за тѣмъ бой кончается признаніемъ противниковъ, которые ѣдутъ вмѣстѣ; Тристанъ не велитъ о себѣ сказывать. Ланцелотъ проѣзжаетъ впередъ, находитъ Артура и его дворъ въ шатрахъ передъ городомъ; затѣмъ является и Тристанъ, требуя поединка, сбиваетъ Galvano, Mordarette, Agravano и другихъ; всѣ ждутъ, что Ланцелотъ отмститъ за пораженіе товарищей, а онъ подъѣзжаетъ къ Тристану и вмѣстѣ съ нимъ и Изоттой отправляется въ Gioiosa Guardia. — Позднѣе, узнавъ, что то были Тристанъ и Изотта, и желая ихъ видѣть, Артуръ сзываетъ турниръ al bel ciastel del Verzeppe.

Послѣ турнира, гдѣ Тристанъ показалъ чудеса храбрости, лишь италіанскій текстъ говоритъ, что

g) Ланцелотъ поѣхалъ искать своего сына, рожденнаго отъ дочери dello re Pilles Pescaor.

Слѣдуетъ тамъ и здѣсь бой Ланцелота съ Brunor le Noir (Brunor lo Bruno), которому Тристанъ ссудилъ свое оружіе, вслѣдствіе чего Бруноръ за него и принятъ. Въ слѣдующей за-

тѣмъ войнѣ между ирландцами и норгальцами Тристанъ и Ланцелотъ находятся на разныхъ сторонахъ; Артуръ миритъ ихъ.

Дальнѣйшія приключенія Тристана я сообщаю уже въ порядкѣ италіанскаго текста; французскій представляетъ здѣсь другую редакцію и лишь небольшое количество параллелей.

h) Оставивъ Изотту въ Камелотѣ, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ; встрѣча съ древнимъ рыцаремъ: ему болѣе 170 лѣтъ; онъ оказывается della Tavola Vecchia, по имени Sigurans lo Bruno,... cavaliere Agragone (вар. Agrone), lo più forte combattitore che avesse lo re Uterpandragone in sua corte. Тристанъ хочетъ съ нимъ помѣриться, и тотъ, узнавъ его имя, согласенъ. Оба падаютъ съ коней и сознаются, что никогда не испытали такого удара, а Ланцелота Sigurans сбиваетъ съ коня. Онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ, но они ѣдутъ далѣе; впослѣдствіи они узнаютъ о его смерти отъ паденія съ лошади.

Дама Озера залучила въ волшебный дворецъ Тристана и Изотту, Ланцелота и Жиневру. Освободившись оттуда и вернувшись въ Камелотъ, Тристанъ отсылаетъ Изотту въ Gioiosa Guardia въ сопровожденіи Аморольда и Паламидеса; позднѣе ему доносятъ, что Паламидесъ остался у Изотты, хотя онъ пробылъ въ Gioiosa Guardia всего одинъ вечеръ. Тристанъ смертельно ревнуетъ къ нему.

i) Разсказывается о рожденіи сына Ланцелотова, Galeazzo или Galasso, о появленіи его при дворѣ Артура, который, провидя грядущее запустѣніе Круглаго Стола, когда всѣ витязи увлекутся поисками за Святымъ Гралемъ, сзываетъ, въ воспоминаніе древняго рыцарства, турниръ, на которомъ Galasso сбиваетъ, между прочимъ, и Ланцелота. — Вскорѣ затѣмъ на турнирѣ al Castello di Ferelois, онъ снова сбиваетъ Тристана и Ланцелота и удаляется тайкомъ; они ѣдутъ искать его.

j) Въ боѣ съ великанами Ланцелотъ раненъ и остается въ одномъ аббатствѣ, а Тристанъ ѣдетъ дальшѣ, встрѣчаетъ въ Valle Ombrosa Паламидеса, которому не отвѣчаетъ на поклонъ. Тотъ смущенъ, и предупреждая вызовъ, самъ вызываетъ. Три-

стана: ему лучше смерть, чѣмъ жизнь въ постоянномъ страхѣ; поединку быть на утро у petrone di Merlino. Тристанъ явился, Паламидеса нѣтъ; вмѣсто него пріѣзжаетъ Ланцелотъ, искавшій Тристана. Тотъ вызываетъ его на бой, приявъ за врага. Признаніе совершается во-время. — Во французскомъ романѣ этому эпизоду отвѣчаютъ два: изъ нихъ одинъ разсказанъ раньше (l. II, f. XX слѣд.): Тристанъ освобождаетъ Паламеда отъ нападенія десяти рыцарей, сбиравшихся убить его, но узнавъ кто онъ, вызываетъ его на поединокъ «au perron Merlin»; Паламедъ не могъ явиться въ назначенное время «car il fut emprisonne dedans le terme» (f. XXI); вмѣсто него противникомъ Тристана является Ланцелотъ; бой происходитъ въ присутствіи Говерналя. — Другой сходный эпизодъ слѣдуетъ за войной между ирландцами и норгальцами и миромъ, устроеннымъ между Тристаномъ и Ланцелотомъ. Тристанъ отправляется въ Joyeuse Garde вмѣстѣ съ Паламедомъ; въ лѣсу онъ подслушиваетъ lay, который Паламедъ сложилъ и пѣлъ про Изольду, и вызываетъ его на бой. Паламедъ не вооруженъ и назначаетъ поединокъ черезъ недѣлю, deuant la fontaine du pin, но на этотъ разъ Тристанъ не могъ явиться потому что былъ раненъ (l. II, f. CXVI слѣд.) [1]).

k) Ланцелотъ и Тристанъ ѣдутъ далѣе; у входа въ Valle Scura надпись на столбѣ запрещаетъ идти далѣе иначе, какъ не вооруженными и ведя коней въ поводьяхъ: въ замкѣ Derudicanoro (вар. Derundighanoro) властвуетъ lo cavalier Fellone, магъ, у котораго силъ было въ пять разъ больше, чѣмъ у всякаго, сражающагося съ нимъ. Онъ сбиваетъ Тристана съ коня, а Ланцелота беретъ въ плѣнъ; очнувшись, Тристанъ рѣшается во

[1]) Анонимный авторъ «Cantare quando Tristano e Lancielotto conbatetero al petrone Merlino», изданнаго проф. Райной (Scelta di curiosità letterarie № CXXXV), слѣдовалъ, по его мнѣнію, не тексту Tavola Ritonda, а компиляціи Rusticien de Pise (ср. стр. L и слѣд. введенія), либо ея итальянскому переводу (ib. стр. LVI), одинъ текстъ котораго былъ напечатанъ Tassi, Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa (Firenze, 1855). Ср. у Tassi стр. 55 и слѣд.

что бы то ни стало освободить товарища; дама верхомъ на конѣ предупреждаетъ его о волшебной силѣ Fellone: пусть пойдетъ въ такую-то часовню и поклянется передъ распятіемъ никогда болѣе не грѣшить съ Изоттой, а при всякомъ ударѣ противника говоритъ: Христе распятый, помози мнѣ; всякій разъ у мага убудетъ сила одного человѣка. Тристанъ побѣждаетъ Fellone, но головы ему не срубаетъ, ибо тотъ говоритъ, что только онъ одинъ можетъ освободить своихъ узниковъ. За то Тристанъ не выпускаетъ его изъ рукъ: когда невидимая рука приноситъ ему обѣдъ, онъ садится на Fellone и ѣстъ, ложась спать кладетъ его себѣ въ изголовье. Онъ слышитъ голосъ Брандины и Изотты, зовущей его къ себѣ, забывшись бѣжитъ къ другой постели, стоявшей въ покоѣ; въ это время раздается громъ, постель охвачена пламенемъ, Fellone, притворившійся мертвымъ, хватаетъ Тристана, но тотъ призвавъ имя Распятаго, отрубаетъ ему правую руку и велитъ поклясться, что онъ крестится, отпуститъ всѣхъ узниковъ и станетъ держать замокъ отъ имени короля Артура [1]).

l) Тристанъ и Ланцелотъ пріѣзжаютъ al castello di Cologia. гдѣ видятъ много рыцарей-сарацинъ; графъ Sebio (вар. Sabio, SaBbio) объявилъ турниръ: который рыцарь при одномъ лишь оруженосцѣ побѣдитъ его и его сто рыцарей, тому онъ даетъ руку своей дочери и замокъ. Никто изъ людей замка не пригласилъ къ себѣ пріѣзжихъ, только одинъ старый, бѣдный рыцарь позвалъ ихъ къ себѣ; его сынъ и дочь прислуживаютъ имъ. Ночью Тристанъ надумался, какъ бы наградить гостепріимнаго хозяина, и рѣшаетъ выйдти на турниръ, чтобы добыть руку дочери графа для сына рыцаря. Ланцелотъ съ этимъ согласенъ; онъ выступитъ въ качествѣ рыцаря, Тристанъ въ роли его оруженосца. Ланцелотъ бьется съ графомъ и убиваетъ его; глянулъ, а Тристанъ отдыхаетъ. Что это ты дѣлаешь? спрашиваетъ онъ его; а тотъ уже успѣлъ расправиться съ своими противни-

[1]) Сл. у G. Paris, Les romans, l. c., стр. 80, эпизодъ объ Escanor'ѣ (= Derudicanoro?) въ Le cimetière périlleux.

ками, другихъ запугать, такъ что они его не безпокоятъ. Тристанъ и Ланцелотъ женятъ хозяйскаго сына (которому дали имя: Sire Ricevi Ventura) на дочери графа, а сына графа (котораго прозвали: Sire Dona Avventura) на дочери хозяина.

m) Ланцелотъ и Тристанъ уѣзжаютъ и разъѣзжаются, первый въ поиски за Святымъ Гралемъ, Тристанъ къ Изоттѣ. По дорогѣ, вызванный на поединокъ, онъ убиваетъ Lucanoro и далѣе, не зная того, останавливается въ замкѣ его отца, которому одинъ конюшій говоритъ, что его гость и есть убійца его сына. У Тристана похищаютъ мечъ, связываютъ его и обрекаютъ на смерть; когда его вывели на казнь, проѣзжаетъ Паламидесъ; въ началѣ онъ радъ Тристановой невзгодѣ, но слова Тристана его образумили: не честь ему будетъ, если онъ не поможетъ рыцарю въ бѣдѣ. И вотъ онъ проситъ хозяина замка отпустить Тристана, и когда тотъ не соглашается, нападаетъ на него и убиваетъ; Тристанъ также освобождается отъ узъ и бьется на сторонѣ Паламидеса, который говоритъ ему: Еслибы я явился къ petrone di Merlino, ты бы теперь погибъ; онъ объясняетъ ему неосновательность его подозрѣній, они дружатся, и Тристанъ ѣдетъ въ Gioiosa Guardia.

Слѣдуютъ: приключенія Prezzivalle, Bordo и Galasso въ поискахъ за Святымъ Гралемъ; Маркъ осаждаетъ Артура въ Камелотѣ, но отбитъ; онъ похищаетъ Изотту и отправляетъ ее въ Корноваль; услышавъ о томъ, Тристанъ падаетъ какъ мертвый, сѣтуетъ и ѣдетъ совершенно забывшись, не слышитъ вызова messer Chienso и падаетъ съ коня отъ его удара; узнавъ, что это Тристанъ, Chienso опечаленъ; Тристанъ прощаетъ ему. — Поединокъ Тристана съ Astore di Mare; встрѣча съ дѣвушкой, съ которою fata Morgana посылала Марку отравленное копье — на смерть звѣрю, то-есть, Тристану. Подъѣзжаетъ Breus, спрашиваетъ Тристана, подъ его ли охраной та дѣвушка; получивъ утвердительный отвѣтъ, вызываетъ его на бой и, побѣжденный, проситъ Тристана и подъѣхавшаго Astore заѣхать въ его замокъ.

n) У Бреуса дама Галіена, которую изъ ревности онъ никому

не показываетъ, почему въ свой замокъ не пускалъ рыцарей, а всѣхъ дамъ считалъ распутными. Пріѣхавъ къ себѣ съ гостями, онъ не велитъ говорить, что у него есть дама, спрашиваетъ пріѣзжихъ объ ихъ имени; Astore не называетъ Тристана, но въ немъ самомъ Бреусъ призналъ своего врага, о чемъ и говоритъ племянницѣ: не будь другого рыцаря, онъ съ нимъ бы теперь расправился. Дѣвушка идетъ къ гостямъ и забавляетъ ихъ игрой на арфѣ; Тристанъ беретъ у нея арфу, играетъ еще лучше и затѣмъ исполняетъ sonetto, сложенный имъ, когда онъ узналъ объ увозѣ Изотты изъ Gioiosa Guardia. По игрѣ дѣвушка признаетъ въ немъ Тристана[1]), въ чемъ тотъ не сознается; узнавъ о томъ Бреусъ, допрашиваетъ Тристана, но онъ обѣщаетъ назвать себя лишь при разставаніи. На другой день, когда гости выѣхали изъ замка, Бреусъ поднимаетъ мостъ и задвигаетъ входъ, ибо, объясняетъ онъ, всякій влюбленный рыцарь ему врагъ и онъ таковому не довѣряетъ.

Слѣдуетъ рядъ приключеній, въ которыхъ выступаетъ Тристанъ и Ланцелотъ, Astore и Breus; Тристанъ въ Корновалѣ, посѣщаетъ Изотту переодѣтый дѣвушкой. Она и Тристанъ видятъ сонъ, предвѣщающій ихъ смерть. Они играютъ въ шахматы и поютъ сонетъ, сложенный Изоттой; Adrette слышитъ это и доноситъ Марку, который черезъ окно бросаетъ въ Тристана копьемъ Морганы. Простившись съ Изоттой, Тристанъ ѣдетъ al castello Dinasso; всѣ средства противъ раны тщетны, Изотта горюетъ, Маркъ доволенъ, но зная, что Тристану не избѣжать смерти, онъ разжалобился и по просьбѣ племянника дозволяетъ ему свидѣться съ его милой. Онъ обнимаетъ ее, и они умираютъ вмѣстѣ. Маркъ опечаленъ; когда любовниковъ похоронили, изъ гробницы выросла виноградная лоза: одинъ ея корень въ сердцѣ Тристана, другой въ сердцѣ Изольды [2]). Сагреморъ

[1]) Сл. сходную сцену французскаго романа (l. II, f. CIII): дѣвушка играетъ и поетъ lais въ присутствіи Тристана; затѣмъ играетъ онъ самъ; она узнаетъ его по игрѣ.

[2]) Сл. объ этомъ мотивѣ Golther, l. c., стр. 27—29; 71, 119, и замѣтки Gaidoz'a и Psichari въ Mélusine IV, стр. 12 и 60—62.

приноситъ вѣсть объ ихъ смерти въ Камелотъ; Маркъ наказанъ тѣмъ, что его сажаютъ въ башню возлѣ Тристановой гробницы, гдѣ онъ и умираетъ. Романъ (стр. 524 слѣд.) кончается разсказомъ о томъ, какъ разрушенъ былъ Круглый Столъ.

Разсказъ редакціи Polidori о смерти Тристана отъ руки Марка свойственъ французскому прозаическому роману за исключеніемъ ркп. № 103 и ея старопечатнаго отраженія [1]). Здѣсь за эпизодомъ о не состоявшемся поединкѣ Паламеда съ Тристаномъ говорится (l. II, f. CXVII): En ce temps que Tristan et Yseult estoient en la Joyeuse Garde fut entreprinse la queste du Saint Graal. Tristan se mist en la queste et en fut compaignon, et par ce eut le roy Marc Yseult et en fist le roy Artus la paix et fut le roy Marc deliure de prison [2]). Тристанъ отправляется въ Малую Британію, гдѣ Kahedin, братъ Тристановой жены, уже умеръ отъ безнадежной любви къ Изольдѣ, а другому, Runalem'y (№ 103: Ruvalen; изд. 1520 г.: Runalen), Тристанъ помогаетъ проникнуть къ любимой имъ Gorgeolain (№ 103: Gargeolain), женѣ Bedalys'a. Разсказъ объ этомъ прерывается двумя другими: о войнѣ Тристана съ графомъ Нантскимъ и о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ Корнуаль и въ образѣ юродиваго (sot) видѣлся тамъ съ Изоттой. Послѣдній мотивъ, сохраненный, какъ мы видѣли, италіанскимъ текстомъ, здѣсь полузабытъ и, очевидно, не у мѣста, хотя онъ находится въ той-же связи уже у Эйльгардта [3]), находился, стало быть и въ общемъ источникѣ послѣдняго и № 103 = прозаическаго романа [4]). Слѣдующія за тѣмъ слова Изольды, вѣроятно, присочинены, ибо ихъ нѣтъ у Эйльгардта [5]): Изольда говоритъ Тристану на прощаньи: «Beau doulx amy, ie vous demande que s'il aduient que

[1]) Сл. выше, стр. 134 и Golther, l. c., стр. 99.

[2]) Слѣдующій далѣе эпизодъ напечатанъ былъ Bédier (l. c. стр. 496 слѣд.) по ркп. № 103 съ варьянтами изданія романа 1520 года.

[3]) v. 8646—8941; сл. Ulrich von Türheim v. 2471—2704; Heinrich von Freiberg, v. 5015—5497.

[4]) Сл. Bédier, l. c., стр. 482; Lutoslawski, l. c., стр. 525—6.

[5]) Сл. Bédier, l. c., стр. 486.

uouz mourez auant moy ou que uous auez mal de mort ains que moy, que vous vous facez mettre en une nef et vous faictes ça apporter, et gardez que la moitie du voille qui en la nef sera soit blanche et l'autre noire; et se vous estes mort ou que ce soit mal de mort, que le noir soit mys deuant, et se uous n'estes mort et que uous soyez en plaine sante, si soit mis le blanc deuant et le noir derriere». Вмѣстѣ съ Runalem Тристанъ посѣщаетъ жену Bedalis'a, который, преслѣдуя не прошенныхъ гостей, сильно ранитъ Тристана. Онъ посылаетъ въ Корнуаль къ Изольдѣ, чтобъ она пріѣхала полѣчить его, а посланному наказываетъ (l. II p. CXXI): «se elle uient avec uous, gardez que la voille de uostre nef soit blanche, et se uous ne l'amenez, qu'il soit noir». Изольда ѣдетъ, но жена Тристана узнала тайну его условнаго знака и въ порывѣ ревности говоритъ мужу, что парусъ виднѣется черный. Услышавъ это, Тристанъ кончается, а надъ нимъ умираетъ и прибывшая между тѣмъ жена Марка.

Прослѣдимъ отличія этого эпизода по другимъ текстамъ.

У Eilhart von Oberge (ed. Lichtenstein), Тристана ранитъ отравленнымъ копьемъ (v. 9219) Nampetênis [1]), за женой котораго ухаживалъ братъ Тристановой жены, Kehenis (Kahedin проз. романа; Kaherdin Томаса). Тристанъ выписываетъ себѣ первую Изольду; далѣе разсказъ тотъ же, что и во французскомъ романѣ. Тѣ же подробности и имена, что у Eilhart'a, повторяются у Генриха Фрейбергскаго и въ нѣмецкомъ прозаическомъ романѣ XV вѣка [2]). — До сихъ поръ мы въ преданіи Béroul'я. Перейдемъ къ версіи Томаса: у него (Fr. Michel, Tristan II,

---

[1]) Bédier, l. c., стр. 484—485, на основаніи одного указанія въ редакціи Томаса, дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Nampetênis не что иное, какъ непонятое: nain Bedenis = Bedalis № 103 и прозаическаго романа; за его то женой ухаживалъ Kaherdins. Томасъ зналъ, стало быть, редакцію разсказа о смерти Тристана, сходную съ Béroul'евой, но устранилъ её въ пользу другой.

[2]) Heinrichs von Freiberg Tristan, hrsg. von R. Bechstein, v. 5719 слѣд. (Nampotênis, Kaedin); Tristrant und Isolde, Prosaroman des XV Jahrhunderts hrsg. von Fr. Pfaff (Bibl. des litt. Vereins in Stuttg. t. CLII): Nampetenis, Caynis

стр. 37 слѣд.) и въ сѣверномъ пересказѣ его поэмы [1]) Тристанъ и Kaherdin (сѣв. Кердинъ) являются неузнанные на турниръ къ королю Марку, при чемъ Kaherdin убиваетъ Kariado li beals (въ сагѣ, по смѣшенію: Mariadok) ухаживавшаго за Изольдой; послѣ того Тристанъ съ товарищемъ помогаютъ рыцарю, Тристану—карлику (Tristran le Nain), у котораго Estult l'Orgillius del Castel-Fer похитилъ жену; одинъ изъ враговъ ранитъ Тристана отравленнымъ мечемъ; конецъ тотъ же. Въ Sir Tristrem [2]) Тристанъ и Ganhardin ѣдутъ къ Изольдѣ, женѣ Марка, за которою тщетно ухаживаетъ Canados constable (строфа CCLXXV); на турнирѣ, созванномъ по просьбѣ Тристана (строфа CCXCIV), онъ убиваетъ Canados'a и возвращается въ Бретань, гдѣ рыцарь «Tristrem» (строфа CCC) проситъ его помочь ему достать похищенную жену, а о Тристанѣ говорится (CCCIV и послѣдняя строфа):

Ac an aruwe oway he bare
In his old wounde.

Обратимся теперь ко второй части русской повѣсти, указывая на ея соотвѣтствія съ эпизодами пересказанныхъ выше текстовъ.

Послѣ передѣлки съ Паламидежемъ Тристанъ съ Ижотой направляется къ Домолоту. Одна дѣвушка предупреждаетъ его: на переду стоитъ Артіушъ съ Женьброю и рыцарями, узрятъ они у тебя «нацудненшую панну, усхотят ю у тебе отнати моцною битвою» Тристанъ не слушается и ѣдетъ; подъѣзжая къ шатрамъ Артура, говоритъ Ижотѣ: шатры распяты близко дороги, прямо поѣхать — будетъ битва, а поѣхать стороною, скажутъ: «оно ведет страшливыи витез нацудненшую панну»; онъ ѣдетъ прямо, наказавъ Ижотѣ никуда не смотрѣть, «пижъ мнѣ Трыщану межы плеч, а копю своему межы ушы»; зацѣпилъ проѣзжая за «поврозы» шатра, такъ что онъ встряхнулся. Ко-

[1]) Kölbing, Die nordische und die englische Version der Tristansage, v. I.
[2]) l. c. v. II.

роль съ королевой сидѣли въ то время за столомъ; витязи дивятся дерзости проѣзжаго, выскочили посмотрѣть на него; Ланцелотъ, не узнавшій Тристана, «што был въ зброи» (но по нашему тексту онъ его раньше и не видалъ!), хвалит его посадку, а «подчашыи именем Геушъ», имѣвшій «великую храброст, але мало силы», напоминаетъ Артіушу его обѣщаніе: «бых ꙗ видел нацуднеишую панну, тую ми єси мѣлъ дати». Онъ указываетъ на Ижоту, обѣщаясь привести и Тристана. Ланцелотъ его останавливаетъ: скорѣе увидишь ты твоего коня, наступающаго на поводья, чѣмъ того рыцаря у своего стремени. Ижота видитъ ѣдущаго за ними Геуша; какъ онъ ѣдетъ? спрашиваетъ Тристанъ; «што наборздеи колко конь может», отвѣчаетъ Ижота; это новоставленный рыцарь, говоритъ Тристанъ, съ нимъ легко будетъ справиться. Онъ не только сбросилъ Геуша, но и велитъ ему вернуться пѣшимъ, ведя коня въ поводахъ и неся на себѣ свою сброю, которую обязанъ принести въ даръ своему господину. Увидѣвъ возвращавшагося Геуша, рыцари Артіуша думаютъ, что онъ убилъ проѣзжаго рыцаря и его даму и нагрузился добытою сброей; но Ланцелотъ ихъ разувѣряетъ: то нашъ витязь свою же сброю несетъ. Артіушъ опечаленъ его пораженіемъ, велитъ Женибрѣ попросить Анцалота выступить противъ того рыцаря. Она молитъ его: «Наивышшыи витезю Анъцэлоте, длѧ бога соими з нашого пана королѧ Артыуша терновъ венец и узложы смилного, прыведи к нам того витезꙗ, а тобе будет ѡнаꙗ панна. Анцэлот рэкъ: Почтенаꙗ пани, чого длѧ мене шлеш за тым витезем, за прыкрою моею смертью?» Тѣмъ не менѣе онъ вооружается и ѣдетъ за Тристаномъ, который, узнавъ отъ Ижоты, что рыцарь ѣдетъ за ними «тихо ступою», рѣшаетъ, что «то ест витезь старых витезеи, ꙗ не вѣмъ, єсли ты будеш єго, або моꙗ». Онъ остановился отдохнуть въ тѣни церкви, снялъ шлемъ; Ланцелотъ узнаетъ его, они привѣтствуютъ другъ друга и возвращаются къ Артіушу, гдѣ каждый изъ нихъ спѣшитъ отдать другому преимущество: Тристанъ говоритъ, что Ланцелотъ большій чѣмъ онъ витязь и его самого привелъ, «ꙗкъ еленѧ за горло», Ланцелотъ,

что Тристанъ не хотѣлъ его погубить, а привелъ, «ꙗкъ дитꙗ бичом, на стан короля Артꙋша» [1]). Рыцари Артіуша рѣшаютъ, что оба они ровны, а въ тоже время судьи сравниваютъ красоту Женибры и Ижоты и отдаютъ преимущество послѣдней. Женибра этимъ разгнѣвана, хочет чѣмъ-нибудь «поганбити» Тристана, проситъ Гаваона выѣхать противъ него. Тристанъ его сбиваетъ, бьется въ теченіи трехъ дней противъ всѣхъ рыцарей Артіуша, и когда королева снова направила на него Ланцелота, говоритъ ему, что эта битва ему не по сердцу, «нижли бачылъ єси, ꙗкова ми была моцнаꙗ битва за тыє три дни? Дай ми рокъ тои битве ѡдин день». Ланцелотъ даетъ ему пятнадцать дней.

Для всего этого отдѣла сл. §§ f и b (бой съ Keux) романа въ нашемъ пересказѣ.

Тристанъ уѣзжаетъ, вмѣстѣ съ нимъ хочетъ ѣхать и Ланцелотъ, но королева удерживаетъ его: «чули есмо, иж маетъ прыити король Самъсижъ ѡт Чорного Ѡстрова на двор короля Артꙋша». Является Самсижъ, вызываетъ на бой всѣхъ рыцарей Артіуша: кого онъ свалитъ, тотъ будетъ въ его власти. Онъ сбиваетъ одиннадцать человѣкъ, Ланцелота и Артіуша, и уводитъ ихъ въ плѣнъ. По просьбѣ Ланцелота Женибра идетъ искать Тристана: одинъ онъ можетъ ихъ освободить. Одна дѣвушка говоритъ ей, гдѣ его найдти: «Вѣдаєш первоє прыстанище, а в того прыстанища много судьꙗ, и перво вбачыш судъно пана Трыщаново вькрашоно пэрлы и дорогим каменемъ; а если єго в томъ судне не будеть, и ты єго тамъ пытаи, на котором стану красу и веселье наболшоє узрыш, бо то ѡн любит». Женибра входитъ въ шатеръ Тристана, который лежалъ раненый, сообщаетъ ему о своемъ несчастіи; какъ услышалъ онъ о томъ, «взалъ мѣчъ в головах и стреснул так прудко, аж з ранъ кровъ по постели потекла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королеваꙗ корунованаꙗ, ꙗкъ єси ты прышла къ набольшому витезю с печальными

[1]) Въ Chevalier au lion Gauvain и Ivain бьются другъ съ другомъ въ теченіи цѣлаго дня, не признавая одинъ другого; когда признаніе совершилось, каждый изъ нихъ спѣшитъ объявить себя побѣжденнымъ.

рѣчми? Тобѣ было прыити тихо и ѡтворыти маккіе уста на тихіе беседы[1]), нехаи бы сѧ витезю серцэ на храброст ѡбротило. Королеваи рекла: Пани Ижота, ѩкъ наша мысль розна! Ты нацуднеишаи пани на свѣте, а маешъ водле себе своего пана, у. ком надею маешъ, ты его можеш учынити здорова наболеи до десети днеи, а ѩ видела, гдѣ поведен мои панъ король Артиушъ и его витези. И погланул панъ Трыщан сердито на Ижоту дла речеи королевое Женибры. Вѣдаючы Ижота ѡбычаи Трыщановъ, ижъ ему мило веселе, и похватила королевую за руку и почала играти горатанскии танецъ велми пекне, и дла того почало сѧ серцэ пану Трыщану на храброст ѡбрачати, и рече Говорнару: Дан ми лютню. И почалъ играти велми цудне, и ѡбема паням и пану Трыщану исполнило сѧ серцэ веселем слухаючы лютни». Онъ садится на корабль съ Ижотою, Жениброю и Говорнаромъ и ѣдетъ; во время бури, которой боится Женибра, онъ развлекаетъ всѣхъ своею игрой, такъ что всѣ забыли объ опасности.

Эпизодъ о Самсижѣ прерывается двумя другими.

Тристанъ и его спутники пристаютъ къ острову «валашеныхъ» (эвнуховъ); тамъ царила панна, не знавшая мужа и всѣмъ пристававшимъ къ тому острову предлагавшая либо быть лишенными мужской силы, либо вѣчно томиться въ темницѣ, куда попадаетъ и Тристанъ. Онъ находитъ тамъ товарищей своего несчастія; между тѣмъ младшій братъ той панны заглядѣлся на Ижоту (ее и Женибру Тристанъ выдалъ за сестеръ) и говоритъ, что если она пойдетъ за него, онъ освободитъ ея брата, а пока даетъ возможность увидѣть его. Ижота успѣваетъ забросить Тристану въ темницу его мечъ, который носила «подъ сукнею». При помощи его и другихъ узниковъ Тристанъ освобождается изъ заключенія, спѣшитъ къ той паннѣ; а у нея былъ такой обычай, «иж ни против ѡдного витеза не рушыла сѧ з мѣстца, коли ен чоломъ вдарылъ. А кгды ен споведали ѡ Трыщану, а она на

[1]) Сл. Троянскую притчу: Пріамъ успокоиваетъ Андромаху «тихими бесѣдами».

золотом узголовію посмыкала сѧ ѥк змиѧ на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла велми прудко, стретила его насеред палацу, а вода по ногам текла, и поклакънула перед Трыщаномъ». Онъ срубилъ ей голову, спрашиваетъ Ижоту: который изъ братьевъ присватался къ ней, и съ нимъ поступаетъ также. «Женибра рече: Пани, чому то еси учынила? Ижота рече: Почстенаѧ пани, ѩ вижу тепер натуру пана Трыщана, коли бых ему правды не поведала, не вѣмъ што бы сѧ з нами учынило». Тристанъ отпустилъ и одарилъ всѣхъ плѣнниковъ; они хотятъ слѣдовать за нимъ, но онъ велитъ имъ идти по домамъ, «а которыи з вас усхочет назвати сѧ пану Анцолоту слугою, а мною Трыщаном данъ, хочу того вчынити тому замку и тому прыстанищу паномъ». Вызывается на это витязь Амодоръ [1]). — Сходнаго эпизода нѣтъ ни во французскомъ, ни въ италіанскомъ текстахъ (сл. впрочемъ § d).

То же слѣдуетъ сказать и о слѣдующемъ приключеніи Тристана на пути къ Самсижу: Тристанъ пристаетъ къ одному городу, гдѣ все хорошо, былъ только тамъ «один зрадливыи крыжнак (?), тот был много добылъ зрадою и был виненъ ганбою витезем и паннам, а таковыи обычаи мѣлъ: кождаго гостѧ зрадне забивалъ и статки его брал». Всѣ дивуются Тристану и его чудесной игрѣ на лютнѣ, а «крыжнакъ» затѣваетъ убить его, подстерегаетъ утромъ, когда онъ идетъ къ обѣднѣ, но Ижота увидѣла его во время, и Тристанъ быстро съ нимъ расправился. Раздавъ награбленныя имъ богатства, Тристанъ ѣдетъ далѣе — и продолжается эпизодъ о Самсижѣ.

Подъѣзжая къ Черному острову, Тристанъ велѣлъ себѣ и Говорнару скроить «латынскіе шаты», учинился латынникомъ— купцомъ, а Изоту и Женибру одѣлъ монахинями и зоветъ ихъ своими сестрами. У Самсижа былъ такой обычаи, что рыцари его брали у заѣзжихъ купцовъ, что имъ вздумается, а король платилъ за всѣхъ; Тристанъ опасается, чтобъ у него не отняли

[1]) У Polidori (сл. выше, стр. 164) такъ названъ конюшій дочери Перемонта, поставленный Тристаномъ въ рыцари.

Ижоту и Женибру, а Говорнаръ проситъ, чтобъ имъ дозволено было торговать свободно, безъ опасенія насилія, что̀ и обѣщано. Одинъ рыцарь призналъ было въ «латынникѣ» — Тристана, побѣдителя ирландскаго турнира, но тотъ отпѣкивается. Самсижу говорятъ, что у пріѣзжаго купца двѣ сестры-красавицы; ты могъ бы ихъ купить. Король идетъ къ берегу: «Здоров, латынине! Трыщан потек к нему и поздоровил его, и дивили сѧ кролевы витези, як мистерне тот латынении до крола кинул; з нас бы того нихто такъ не вчынил». Король застаетъ въ шатрѣ обѣихъ дамъ въ игрѣ за «крышталовыми» шахматами; что они стоютъ? спрашиваетъ онъ. — «Не можеш ми заплатити. И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, я бых тобѣ дал за кождаго пѣшка сждчалого витезѧ, а за короля того крола Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што сѧ не продаєт, того не можеш купити». Тогда Самсижъ проситъ продать ему Ижоту: онъ отмѣритъ золотомъ «тры крот», а серебромъ сколько хочешь, и затѣмъ предлагаетъ играть въ шахматы о нее и о третью часть королевства. Но Тристанъ не умѣетъ играть; «я поставлю попа въ старшомъ местцу, а иншын шахи гдѣ маєм поставити? Рек король: Правын естъ латынении, у нихъ поп начеснейшын». Тогда король предлагаетъ Тристану биться съ нимъ о ту панну и о полъ-королевства, или и о все королевство; коли не захочешь, я и даромъ возьму. Тристанъ говоритъ, что не знаетъ, какъ и на коня сѣсть и въ сброю убраться, «бо єсми не видал болшое битвы, одно кали сѧ почнут бити играючы латынскіе дѣти текучы по улицах древнѧными мечыками; так ли и мы маємъ? Король рече: Так, латынъынче, але мы будем железными; добре єси учынилъ, што ми єси тую цудную панну прывелъ». Тристанъ снаряжается къ бою, но дѣлаетъ все на выворотъ; велитъ отнести сброю Самсижу, «иж не може прыстати свѣтлаѧ зброѧ на латынскіе плечы». Онъ надѣваетъ свои собственныя доспѣхи, велитъ приготовить снадобья для ранъ, ибо готовится пойдти «къ наболшому витезю сего свѣта», и съ Ижотой и Жениброй выѣзжаетъ на мѣсто поединка. Онъ знаетъ, что ему предстоитъ смерть, говоритъ онъ

Самсижу, «а коли маю вмерети, волѣлъ бых тамъ, гдѣ видять болшъ смерть мою». Онъ проситъ вывести Артіуша и плѣнныхъ рыцарей на мѣсто поединка, тотъ соглашается; Анцолотъ и его товарищи признали Тристана и смѣются, ожидая освобожденія.

«Король Самсиж прыступил и рече Трыщану: Би сѧ, латыниче. Трыщан рече: Пане, навчы мѧ. Король вынал мечъ и почал бразкати по зброи его говоречи: Так тъни, а так сѧ укрыи, и заса рече: Хочеш ли, латынине, ѡставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыл добре, ꙗко пан великии, але коли бых сѧ мог уложыти ѡт твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И ѡн рече: Єсли можеш, укрываи сѧ, але не узможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? Корол рече: Тии. Трыщан рече: Кролю, научыл мѧ єси, варуи сѧ-ж мѧ». Начинается бой; Тристанъ такъ ударилъ короля, что «ѡтпали ему руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметаи сѧ королю, абых ти рукъ не ѡкрвавилъ, але болшъ того не умѣю. И ухватилъ мѣчъ свои за конец и понес Самсижу говоречи: Чого для єси покинул мѣчъ твои? Єсли тажок, на-жъ ти мои мечъ, а тот дан мне. И поизрел кроль Самсиж на Трыщана гнѣвным ѡбычаєм. Рече Трыщан: Чому на мѧ так сердито смотрыш? Што єсми тебе победил хитре и мистэрне, инак єсми не вмелъ с тобою поити, єно такъ. Король рек: Почтеныи витезю Трыщане, по шырмеръству єсми тебѣ позналъ и проспл єсми бога, абыхъ не вмер наглою смертью ѡт жестоких вдарцовъ твоих и ѡт ѡстрого меча твоего. И тобѣ говору вѣрою витезскою, бы ми єси того послал хто бы ми ѡ тобе поведал, ꙗ бых тобѣ пустил корола Артиуша и его витези». Настаетъ общее веселье; «пан Трыщан казал прынести тоє веселє, которым сѧ Самсиж веселил, трубы, дуды, лютни, арфы, арганы, шахи, варцабы велми пудне украшено ѡбычаемъ господским, и почали веселити сѧ». Ижота представляетъ Ланцелолу рыцаря Амодара.

Для всего эпизода о Самсижѣ ел. наши извлеченія §§ e (Lasancis) и b (Nabon le Noir).

Нѣтъ ни во французскомъ романѣ, ни у Polidori непосред-

ственно слѣдующаго: витязь изъ Франціи «отъ короля Перемонта» хочетъ перевѣдаться съ Тристаномъ и сраженъ имъ; другіе, прибывшіе за тѣмъ же, отказываются отъ своего намѣренія. Тристанъ разстался съ Артуромъ; Ланцелотъ желалъ бы сопутствовать Тристану, но Артуръ обѣщаетъ отпустить его лишь по возвращеніи домой.

Затѣмъ пріѣхали къ Тристану (куда?) семь витязей, жалуются на «Смердодуга поганина», ласково принимающаго въ своемъ пристанищѣ всѣхъ рыцарей, но затѣмъ подвергающаго ихъ мукамъ. Тристанъ хочетъ наказать его, самъ присталъ «у пристанищо Смердодуга поганина», который встрѣчаетъ его привѣтливо, помѣстилъ въ «чорныи палац», куда посылаетъ свою дочь — развлечь гостей игрой на лютнѣ, пока настанетъ время «вкинути их на муку». Она играетъ; Тристанъ попросилъ у нея лютни, играетъ такъ, что его заслушались. По игрѣ дѣвушка его узнала, о чемъ и докладываетъ отцу: Тристанъ не дастъ себя осрамить. Самъ Смердодугій идетъ бесѣдовать съ нимъ, оставляетъ его въ покоѣ, а на другой день, когда выпустилъ его изъ воротъ, заперъ ихъ и говоритъ его товарищамъ, что спасеніемъ своимъ они обязаны лишь Тристану. Затѣмъ Смердодугій, одумался, хочетъ «осромотить» Тристана, нагналъ его, обѣщаетъ назваться его слугой, ѣздить съ нимъ по свѣту, а пока проситъ вернуться въ его замокъ. Тристанъ соглашается; когда онъ прибылъ, у него отобрали оружіе, а одинъ витезь «з далека» говоритъ ему, что его затѣваютъ убить. Его ведутъ на казнь; въ это время проѣзжалъ «витез Паламидеж Ануплитич..., наибольшыи непрыятель Трыщанов», говоритъ, что не годится доброму рыцарю безъ битвы голову снимать. Они глумятся надъ нимъ: «Мы видали, што тать за тата вступаетса». Оскорбленный этимъ, Паламидежъ отдаетъ Тристану одинъ изъ своихъ мечей, и оба начинаютъ рубить на право и на лѣво. Смердодугій спасся тѣмъ, что скрылся въ церковь; Тристанъ благодаритъ Паламидежа за помощь, тотъ проситъ у него дара. — Все, чего ни попросишь, кромѣ Ижоты, отвѣчаетъ Тристанъ. А Паламидежъ того и же-

лаетъ и объявляетъ себя еще бо̀льшимъ непріятелемъ Тристана, чѣмъ былъ прежде. Они вступаютъ въ бой, который прерванъ Тристаномъ: онъ усталъ въ битвѣ съ людьми Смердодуга, Паламидежу не будетъ хвалы, если онъ побѣдитъ его; отложимъ битву на пятнадцать дней; быть ей у этой церкви. — Паламидежъ согласенъ, ѣдетъ ко двору Артіуша, говоритъ, что Тристанъ во власти Смердодуга, съ которымъ и онъ самъ бился, но долженъ былъ прекратить бой, потому что былъ раненъ. Онъ обязался, будто-бы, явиться ко второму поединку туда-то, черезъ пятнадцать дней, но если къ тому времени не выздоровѣетъ, пусть перевѣдается съ поганиномъ кто-нибудь другой. Вызывается ѣхать Ланцелотъ; у церкви онъ встрѣчаетъ Тристана съ Ижотой и Говорнаромъ; принимая Тристана за Смердодугаго, онъ бьется съ нимъ; «Говорнаръ Трыщановъ» изумляется ударамъ Ланцелота: такъ можетъ биться только Ланцелотъ, говоритъ онъ, а Говорнаръ (?) Ланцелота дивится доблести его противника: никто не постоитъ противъ моего пана, развѣ Тристанъ. Услышавъ это, Ижота проситъ обоихъ рыцарей: «Ѡ добрые витези, розберыте сѧ, абы того вамъ не было жаль». Они сняли шлемы и опознали другъ друга и начали цаловаться; у нихъ является охота снова начать бой, чтобъ испытать обоюдныя силы, но Ижота проситъ отложить его на пятнадцать дней. — Всѣ ѣдутъ, видятъ: везутъ мертваго Паламидежа; онъ обѣщалъ Трыщану явиться въ условленный срокъ, но не посмѣлъ живымъ; «але нехай мертвого витезѧ реч права будет», говоритъ его «ѡправца». — Сл. въ моемъ пересказѣ §§ к + п, т и j.

Тристанъ и Ланцелотъ встрѣчаютъ дѣвушку, которая говоритъ имъ о турнирѣ, объявленномъ у короля Перемонта: «хто хочет свою сестру або дочку королевую поставити, поедь без мешканѧ». Они ѣдутъ и прибыли въ одно село, гдѣ никто не пригласилъ ихъ на ночлегъ, позвала одна бѣдная панна, «прынесла имъ ести двѣ птицы, ѡдну печоную, а другую вароную (далѣе объясняется, что это—«два скока»), вина а хлѣбец; и конем дано ести. И рече им: Витези, честупте сѧ, зашюж вамъ

мыслити ѡбо мнѣ и ѡ собѣ». Оказалось, что ихъ хозяйка — дочь короля, у котораго Перемонтъ отобралъ землю; она одна осталась при отцѣ и кормила его, чѣмъ могла: «што убила на ѡбѣдъ, того бывало и на вечеру, а што къ вечеры, того и на снедане». Тристанъ говоритъ, что напрасно она на нихъ исхарчилась, но ей не жалко было убить «два скока двум соколом». И она повторяетъ: «Витези, вам мыслить ѡ мне и ѡ собѣ». Тристанъ рѣшается наградить ее: выступитъ на турнирѣ, чтобы поставить ее королевой. Ланцелотъ согласенъ, онъ будетъ оправцей (оруженосцемъ) Тристана, Тристанъ его паномъ; панна надѣла на голову «венец цудного цвѣту цыприсова, которын принесен ѡт двора короля Артиушова». На пути они встрѣчаютъ Амодора, ѣхавшаго съ сестрой, также съ цѣлью поставить ее королевой; онъ отказывается отъ своего намѣренія, а богатыя шаты сестры уступаетъ дамѣ Тристана и Ланцелота. Когда они прибыли къ турниру, коловоротъ былъ уже затворенъ; Ланцелотъ перескочилъ черезъ него и отворилъ, такъ что Тристанъ могъ въѣхать съ панною, которую сажаетъ на высшемъ мѣстѣ. «А коли видель сын короля Перемонтовъ Трыщана и рек: И бым зычыл, коли бы того витеза панна королевою была. А кгды видела дочка королева ѡную панъну, не зычыла, абы ее витез турнаѧ добылъ; и дивуючы сѧ мовили: То витез естъ упрамын, прыехалъ в турнаи ѡпосле и свою панну вышеи всих посадил». По просьбѣ Тристана дѣвушка надѣваетъ ему на голову свой вѣнецъ, съ тѣмъ чтобъ онъ, оборонивши ее, вернулъ его. «А иные панны мовечы смеяли сѧ ен: Ѡ глупаи дѣвко, такъ може не ѡборонившы вернути тот цудныи венецъ! А коли ѡн всадет на конь, его блѣдое лицо и свѣтлыи гелмъ мают нашы витези змешати с прохомъ». — Противъ Тристана выѣзжаетъ Дивданъ (во французскомъ и итальянскомъ романахъ Dinadans, Dinadano является у Тристана въ товарищахъ), «а был болшеи вдачон дѣвкам, нижли рыцэромъ»; Тристанъ сбиваетъ его, затѣмъ другихъ, «а Анцолот беручы и метал за шронокъ, а мовил великимъ голосомъ: Витези, мои пан по турнаю свободне ездит. И рекли судьи: Тот витезь

турнѧ добывает, с кимъ ходит добрыи ѡправца. И был тут ѡдин король ѡт многих лѣт и рече: Не тот, але ѡныи витез добываѥть, которыи свободно по турнаи ездит. А тогды свободно по турнаи ездилъ Ющор Мадерым (Astore di Mare!), брат Анцолотов, сынъ Домолота короля Локвенскаго. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тут и памет». Еще разъ повторяютъ судьи и король свое рѣшеніе, а дѣвушка имъ на это: «Ѡхъ мои боже, добрыи ѡбычаи у нашои стороне, не дадут скомороху добрые люди зъ собою размовлѧти, дадут ему дуду, нехаи их веселит». Тристанъ вызываетъ Ящора, сбилъ его и узнаетъ, что то братъ Ланцелота; Ящоръ пристаетъ къ нему и Тристану, рыцари отъ нихъ сторонятся. «Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцэрским: Доколь конь не падет, не хочу зъсести для того, ачеи будет рыцэр издалека ехал, а не прыспелъ, хочу его дождати. Анцолот виделъ ѡдного травника, а ѡн траву несеть и рече: Рыцэру, ѡно едеть рыцер рыцерскимъ ѡбычаем, трещыт ему конь копытомъ, а твои конь спрацовалъ ся. И ѡн (то-есть, Ланцелотъ) ѡбротил так моцно, аж ему конь пал; а для того то Анцолот вчынилъ, абы ся рыцэрское слово сполънило». — Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ § 1.

Поставивъ свою панну королевой и выдавъ ее за сына Перемонта, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ и прибыли въ Кесарію, отчину трехъ братьевъ рыцарей, «што перед тым были на земли наимоцнеишые рыцэры». Имена имъ: Либрунъ, Игрунъ (у Polidori: Sigurans *lo Bruno*, cavaliere *Agrone*), Марко; двое изъ нихъ умерло, а Либрунъ «было сорок лѣт ѥкъ коня ѡпустил для старости, а сулицу прыслопилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом ѡбросла. А была в него жона велми хороша, имя ей было Цвытажиа»[1]). Ставъ подъ городомъ, витязи посылаютъ ей сказать, чтобъ она вышла, «маемъ ѡдин зъ нас с тобою мѣти любовъ». Два раза проситъ ихъ Либрунъ удалиться съ Богомъ;

[1]) Florette, Florence? Сл. выше (стр. 75) въ троянской притчѣ *Цвьтану* (въ текстѣ Миклошича), *Цвенуажію* (у Ягича въ Prilozi) = Ἀνθοῦσα, тамъ и здѣсь отвѣчающія Ифигеніи.

на третій велитъ дать себѣ сулицу и коня; «коли сулицу взали, аж ѡна мхом поросла, и ѡбвили ее ручниками». Тристанъ и Ланцелотъ спорятъ, кому изъ нихъ выѣхать противъ него; онъ хочетъ сражаться съ обоими вмѣстѣ, «бо ѿ первшых витезеи витез». Сулицы Тристана и Ланцелота разщепились отъ удара, «а Либрун схватил их с конем ѡдного ѡдною рукою, а иного иною рукою и положыл ихъ митус перед собою на кони и потрепал ихъ кождого рукою по челюсти и рекъ: Ѣдьте з богом, вы есте ѡба добрыє витези». Сл. въ нашемъ пересказѣ § h и § c. и начало романа о Меліадусѣ Rusticien'a de Pise. Онъ начинается такимъ образомъ [1]): Ci commence le livre du Roy Meliadus de Leonnois qui fu pere au bon chevalier Tristan neveu au Roy Marc de Cornoaille; et premierement de *Braunor (Branor) le brun* qui avoit VI vins ans d'aage. Et comment il vint a la court le Roy Artus et amena une noble damoiselle avecques lui. Et comment il abati de coup de lance XII Roys et tous les chevaliers de la table ronde ne oncques ne le porent remuer de selle.... Et sachiez qu'il estoit si corsus que pou s'en failloit que il n'estoit jaians». Онъ является ко двору Артура съ прелестной дѣвушкой, которая оказывается впослѣдствіи его племянницей, сестрой Segurades le brun, вызываетъ всѣхъ помѣряться съ нимъ: кто его собьетъ, si aura gaignie la terre et la dame qui est bien une des plus vaillans dames du monde. Онъ сбиваетъ всѣхъ рыцарей, начиная съ Palamedes (filz Esclabor le mecongneuz) до Тристана, Ланцелота и самого Артура, но отказывается повѣдать, кто онъ. Лишь позже мы узнаемъ, что онъ изъ рыцарей короля Утерпендрагона, отца Артура, по имени *Branor le Brun, le chevalier au dragon* (сл. въ ит. текстѣ Girone: Branor Bruni, cavaliere d'Andragon; у Polidori: cavaliere Agrone, Agragone = a dragone), двоюродный братъ Hector le Brun; ему болѣе 120 лѣтъ и онъ 40 лѣтъ,

[1]) Сл. соотвѣтствующій отрывокъ, напечатанный у Bartoli, Storia della letteratura italiana III, Appendice I. Сл. Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa ed. Francesco Tassi (Ferenze, 1855), стр. 1 слѣд.; сл. 14, 18—19, 38, 53—55.

какъ не брался за оружіе, но, говоритъ онъ Артуру, «je avoie grant desirier d'esprouver vos chevaliers avant que je trespassasse, pour ce que il ont grant renommee de chevalerie, pour ce avoie je talent d'esprouver les chevaliers de cest pays pour savoir combien ilz avoient de povoir, et pour savoir li quel estoient meilleur chevalier ou li ancien ou li nouvel. Esprouve l'ay la Dien mercis. Si vous di que je vi jadis tels deux chevaliers qui trespassez sont, que tous les chevaliers qui sont en vostre hostel pour qu'il fussent jusque .II. cens, ilz les aroient moult tost mis a la terre les uns apres les autres, si vous nommeray li quel furent cil: li uns fu monseigneur Hector le brun, cestui fu li ainsnez (=Игрунъ?), cestui fu bien parfait chevalier et puissant le plus qui fust a son temps; et l'autres fu Galehot le brun (Марко?), voirement fu cestui le meilleur chevalier du siecle a son temps».

Эпизодомъ о Branor le brun открывается романъ Rusticien'a, переведенный (пересказанный) имъ «du livre monseigneur Edouart le Roy d'Engleterre», говорящій далѣе и о Ланцелотѣ и о Тристанѣ и объ ихъ подвигахъ, ensi que l'on trouvera escript en tous les autres livres. Et pour ce que le maistre les trouva escrips en livre d'Engleterre, si metra une grant aventure tout premierement qui advint a Kamalot en la court le Roy Artus le Sire de Bretaingne», т. е. разсказъ о Брунорѣ. Въ объясненіе этого распорядка служитъ другое, нѣсколько темное мѣсто: Et sachiez que ceste nouvelle aventure (о Брунорѣ) veult regarder le temps et les aventures qui avindrent par le temps, ceste ne seroit pas de mettre en escript en chief de cestui livre, pour ce que telz nouvelles sont escriptes en cestui livre apres ceste qui furent assez devant, mais pour ce que maistre Rusticiens le trouva ou livre au Roy d'Engleterre tout premierement et tout devant, en fist il chief de son livre, pour ce qu'elle est la plus belle aventure et la plus merveilleuse qui soit escritte entre tous les rommans du monde». И такъ эпизодъ о Брунорѣ предполагаетъ совершившимися многія событія романа, о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди; помѣщая этотъ эпизодъ въ началѣ своего пересказа, ав-

торъ подчинился (случайному?) распорядку книги короля Эдуарда. Оригиналъ бѣлорусской повѣсти его не зналъ и стоялъ на болѣе древней точкѣ зрѣнія; его разсказъ о Либрунѣ тѣмъ интереснѣе, что не находя себѣ близкаго соотвѣтствія ни въ старопечатномъ французскомъ, ни въ итальянскомъ текстахъ, онъ бросаетъ свѣтъ на одинъ изъ источниковъ Rusticien'a.

Слѣдуетъ въ русской повѣсти встрѣча съ Галецомъ Анцолотовичемъ. Тристанъ и Ланцелотъ вызываютъ его на бой; онъ говоритъ, что не умѣетъ сражаться, но когда у него хотятъ отнять сброю и коня, бьется и свергаетъ Ланцелота и Тристана. Узнавъ, кого онъ сбилъ, онъ опечалился, «и отъ такъ великое жалости постриг сѧ въ мнихи, а опосле не слыхали есмо о немъ жадное повести, если жыв або вмер». Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ §§ i и g.

Тристанъ съ Ланцелотомъ возвращаются къ Артіушу. Тристанъ прощается съ нимъ и ѣдетъ съ Ижотою въ Корноваль, гдѣ, передавая ее Марку, говоритъ ему: «Королю, маешъ ми за нее даковати, што есми тобе ее другии разъ мечом добыл». Маркъ обрадованъ, даетъ ему «ключы своего королевства», а Ижота увѣрилась въ правдѣ Брагини, которую принимаетъ въ бо̀льшую, чѣмъ прежде, любовь.

Въ то время разнеслась вѣсть, что собирается турниръ «у Пазаранской земли под городом Барохом. Волала его одна панна на имѧ Ижота з белыми руками, одного короля дочка». Тристанъ ѣдетъ туда, сбиваетъ рыцаря «Львова знамена», Климъберка» и убиваетъ Ердина, брата «Ижоты, «што з белыми рукамп». Раненый, онъ ѣдетъ «в опатню. А в тотъ часъ прышол ему лист от красное Ижоты говоречы: Пане, як рыба без воды не може быти жыва, такъ я без тебе не могу жыва быти. И Трыщан от великого смутку и от ран сомлѣлъ, занюжъ было дивно, якъ мог терпети таковые раны, бо кров с него велми шла. И отправил до короля Марка с тымъ: Пане дядко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ мѧ несли; если-м вамъ добре послужылъ, еще може мене вам потреба быти, пошли ми кролевую

Ижоту, ачеи бы ма злечыла, яж она лѣкарьство добре умѣет, а я лежу в Пазареискои земли под градом Барохом. Корол Марко отпустилъ Ижоту вдачне, и она пошла велми з веселымъ серцем, а прышодшы почала его лечыти, што могучы. И не вѣм, если с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль о нем писано».

Эрдиньъ приведеннаго эпизода, которымъ заключается наша повѣсть, несомнѣнно отвѣчаетъ Ghedino, Gheldino у Полидори (франц. Kahedin, Кердинъ сѣверной саги; сл. у насъ § a), какъ названъ тамъ братъ бѣлорукой Изотты; остался и моментъ вражды къ нему Тристана, но вся обстановка другая; турниръ напоминаетъ такой же, созванный Изоттой (но — женой Марка), по просьбѣ Тристана, въ Sir Tristrem.

Соотвѣтствіе послѣдней части нашего текста, тамъ, гдѣ его планъ отклоняется отъ распорядка французскаго и италіанскаго романовъ, легче всего выразить послѣдовательностью, въ какой являются въ первомъ отдѣльные эпизоды послѣднихъ: f (b), e (b; сл. d?), k + n, m, j, l, h (c), i (g), a.

Гдѣ сложилась такая именно послѣдовательность? Въ сербскомъ текстѣ, подлинникѣ нашего, или въ итальянскомъ оригиналѣ перваго? Не имѣя возможности прямо отвѣтить на этотъ вопросъ, ограничимся нѣсколькими соображеніями. Разбирая составъ русской повѣсти, мы замѣтили его двойственность: первыя $^3/_4$ ея содержанія представились намъ довольно близкимъ переводомъ какого-то, вѣроятно, италіанскаго романа; послѣдняя, по отношенію къ своему плану, не усмотрима ни въ одномъ изъ извѣстныхъ западныхъ оригиналовъ и, особливо къ концу, обнаруживаетъ пріемы спѣшнаго, сокращающаго пересказа. Эта двойственность поддерживается соотвѣтствующею двойственностью нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: въ первой части Кеих названъ: *Кеишъ* (можетъ быть: Кепишъ?) *стольникъ* или Геэшъ, Genièvre — *Веливера*; во второй — первый: *Геуишъ подчашій*, вторая — *Женибра*. У автора сербской повѣсти было, стало быть, подъ руками два италіанскихъ оригинала романа, или два ихъ перевода, отвѣчающихъ двумъ намѣченнымъ нами частямъ его

компиляціи. Онъ ихъ соединилъ, и не ему ли слѣдуетъ вмѣнить особенности плана, въ которомъ является у него содержаніе его второй части? Что этотъ планъ оставилъ въ его текстѣ слѣды древняго распорядка, находившагося въ его источникахъ, тому свидѣтельствомъ *первая*, по нашей повѣсти, встрѣча Тристана съ Ланцелотомъ, при чемъ оказывается, что они уже *знаютъ* другъ друга. Кое-чего авторъ могъ не дознаться въ своихъ источникахъ; я имѣю въ виду сказанное о Галецѣ: «не слыхали ссмо ѡ немъ жадное повести», о смерти Тристана: «потуль ѡ нем писано»; иное онъ могъ привлечь изъ неизвѣстныхъ мнѣ разсказовъ: въ эпизодѣ о послѣднемъ турнирѣ Тристана рыцарь Львова знамени *(Yvain?)* и Климберкъ не могуть принадлежать его личному изобрѣтенію [1]). Болѣе свободному отношенію къ послѣдовательности разсказа отвѣчаетъ и бо̀льшая свобода въ стилистической обработкѣ второй части: я указываю въ примѣръ на сцены боя съ Самсонжемъ, на турниръ у Перемонта, на эпизодъ о Либрунѣ — въ сравненіи съ соотвѣтствующими у Polidori и въ передѣлкѣ Rusticien'a. Во всемъ этомъ болѣе народныхъ красокъ, чѣмъ въ первой части повѣсти, хотя во всемъ текстѣ чувствуется рука сербскаго пересказчика и неравнымъ образомъ распредѣленное стремленіе осербить италіанскій романъ. Сюда относятся такія формы, какъ *Бруноровица*, *Ланцелотовичъ* (объ формы во второй части повѣсти); загадочное (Паламидежъ) *Анаплитичъ* (въ обѣихъ частяхъ), относящее насъ къ классическимъ воспоминаніямъ о Nauplias, отцѣ греческаго Паламеда: *(А)нуплитичу* отвѣчаетъ Naupliades, сынъ Навплія. Какъ попало сюда это классическое обозначеніе — не знаю; во французскомъ романѣ l. I f. XXX Паламедъ «filz a Clebor mescongneux; ib. f. CV: «Esclabor le mescongneux». Къ сербизмамъ относятся еще *юнаки и баны;* въ первой части escuier передается словами:

---

[1]) Имя Марка, брата Либруна и Игруна, старыхъ славныхъ витязей, едва ли принадлежитъ какому-нибудь литературному источнику, а скорѣе пѣсенному преданію — о Маркѣ Кралевичѣ. Въ основѣ могло лежать какое-нибудь созвучное собственное имя.

юнакъ, хлопецъ, пахолокъ, во второй является вмѣсто нихъ: оправца. Можетъ быть, и *банъ Банокскій* (Ban de Benoic) напомнилъ сербскому редактору знакомый ему титулъ *банатскаго бана*. *Горотинскій танецъ*, который исполняютъ корновальскія панны въ честь Тристана, *горотанскій танецъ*, который играетъ (то-есть, пляшетъ, взявши за руку Женибру) Изотта, чтобы развлечь его, едва ли не восходитъ къ сербскоту *оро* (= *хоро*). Сл. въ троянской притчѣ: «Въ нѣкыи дьнь поведе Елена царица дѣвица *хоро играти*» (текстъ Миклошича)»; «ти си болн в Троп *танца играти* с госпами», говоритъ Елена Парису (Prilozi). Слово *gigante* переведено было и даже понято въ смыслѣ собственнаго имени словомъ ѡрашъ = сербск. орцјаш. Слово это, пишетъ мнѣ И. В. Ягичъ, — по видимому, болѣе распространено по сѣвернымъ областямъ языка, у хорватовъ, въ особенности кайкавцевъ, чѣмъ далѣе на югъ. У Вука оно не приводится, но у Поповича есть, равно какъ у Бѣлостѣнца и Ямбрешича, двухъ кайкавскихъ лексикографовъ. У словенцевъ (въ словарѣ Гутсманна и Янежича) пишутъ orjak вм. orjaš. Миклошичъ считаетъ это слово заимствованнымъ изъ мадьярскаго óriáš (оріяшъ; сл. окончанія въ grabancijaš, birtaš = шинкарь, изъ Wirthshaus), а послѣднее сближаетъ съ италіанскимъ orco, исп. ogro, huerco, франц. ogre, тогда какъ Чихакъ (Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Éléments slaves, magyars etc., a. v. uriáš) едва ли правдоподобно производитъ его отъ древне-нѣмецкаго unhiur, ungahiuri = Ungeheuer. Ягичъ спрашиваетъ: не есть ли мадьярское óriás передѣлка сербскаго орјатин, въ свою очередь заимствованнаго изъ средпегреческаго χωριάτης = rustico, grossolano, incivile? Правда, Вукъ объясняетъ орјатин = Halunke, но едвали точно. Замѣчу отъ себя, что если ѡрашъ = орцјаш, то первое слово можетъ быть объяснено искаженіемъ, принадлежащимъ бѣлорусскому переводчику или переписчику. Что въ италіанскомъ подлинникѣ могло стоять orco или ogro вмѣсто gigante — предполагать нѣтъ необходимости.

Въ эпизодѣ о Самсижѣ Тристанъ переодѣтъ купцомъ-латин-

никомъ или латининомъ, то-есть, не столько романцемъ, сколько католикомъ. Отказываясь отъ игры въ шахматы, за неумѣніемъ, онъ говоритъ Симсижу: «ꙗ поставлю попа в старшомъ местцу, а иншые шахи гдѣ маем поставити»? *Sacerdos, presbyter*, episcopus были обозначеніемъ пѣшекъ въ средневѣковой шахматной игрѣ[1]); въ чешскомъ трактатѣ о ней ея изобрѣтателемъ является Ксерксъ Филометоръ, давшій пѣшкамъ и ихъ названія: «krále, královú, kmeti zemské, *jimž my popi řiekáme*[2]), rytieře kralovy» и т. д.; «popy nazýváme v šachové hře to kamenie, jímž onen mudřec kmeti zemské mienil, múdré, staré, rozomné v práviech, ješto dávným obyčejem a přihodami zkusili rozličných věcí a čtli kronyka a psaná práva, a k tomu smysl majíce přirozený hodni sú a hotovi k statečné radě, jsúc chvalných obyčejóv a šlechetného úmysla, jimž česť a pravda milá. — Первое мѣсто отъ короля и королевы занимаютъ попы. Nemieniť kněži tu popi, ale starce múdré, urozené, bývalé v přihodách, rozomné v práviech. Takovíť vše mají býti při králi, aby měl král při sebě vždy statečnú radu. Второе мѣсто предоставлену рыцарю и т. д. [3]).

Тристанъ готовъ поставить попа на первое мѣсто, очевидно затѣмъ, чтобы авторъ могъ въ лицѣ Самсижа обличить его мнимое незнаніе: «правыи єстъ латыненин», говоритъ онъ ему, у них поп начеснеишыи!» Едва ли эта отповѣдь принадлежитъ италіан-

---

[1]) Сл. W. Wackernagel; Kleinere Schriften I: Das Schachspiel im Mittelalter, стр. 110. Къ литературѣ шахматной игры въ среднія вѣка сл. нѣмецкія передѣлки Якова de Cessole (Solatium ludi scaccorum, иначе: Liber de moribus hominum, нап. ок. 1290 года) Конрадомъ von Ammenhausen (1337), Яковомъ Menuel (изданы F. Vetter'омъ: Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen, Mönchs und Leutpriesters zu Stein am Rhein. Nebst den Schachzabelbüchern des Jacob von Cessole und des Jakob Menuel. Bibliothek älterer Schriftwerke der deutschen Schweiz, hrsg. von J. Baechtold u. F. Vetter. Ergänzungsband), авторомъ Mittelhochdeutsches Schachbuch (ed. Sievers въ Zeitschrift f. deutsches Alterthum, XVII) и мейстеромъ Ingold'омъ, Das guldin Spil. Сл. Zeller, Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karlsepos. Marburg 1885, стр. 59 слѣд.

[2]) По нѣмецки означенные пѣшки назывались «die Alten» (Wackernagel, l. c.); въ словарѣ Яна Роскоханаго: pop = arippus.

[3]) Сл. Knižky o hře šachové, k tisku upravil F. Menčík (V Praze, 1880), стр. 5, 8, 28, 43.

скому оригиналу и не обличаетъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія сербскаго переводчика — не «латинника».

Остановимся наконецъ на эпизодѣ о Смердодугѣ «поганинѣ». Имя напоминаетъ мнѣ мѣстныя дубровницкія легенды, смѣшанныя съ мотивами итальянскаго романа и занесенныя въ одну дубровницкую лѣтопись XV вѣка [1]). Подъ 783 годомъ тамъ разсказывается: «Furono fatte due statue a Raguxa per un signor Francese Rolando, qual fo victorioso qui appreno Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia, over (ov'era?) preso uno Corsaro delli Saragini per nome *Saragino Spuzentè*. Qual statua fece Orlando de tutti duo: le que statue feze fare dove fo ponto, per lo qual si passava a Raguxa. Perchè li feze a quel loco? Perchè in colpo non si poteva abitar per caxon sua, e lui si fece al ponto perchè fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de *Swardo-duxzi* (puzzolente) Saragin fo fata ale porte de nostro Arsenal per caxon, perchè li Raguxei an ajutato Orlando con la galia e con due fuste; qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando». — *Swardo-duxzi* я объяснилъ, на основаніи параллельнаго: Saragino *spuzentè* и глоссы *puzzolente*, искаженіемъ изъ Smardoduxzi, какъ въ русскомъ эпосѣ татары, нехристи, являются не только погаными («поганинъ»), но и смердящими: Самородовичами (= Смородовичами), Смарадоповичами. Предположенному *Smardoduxzi* отвѣчаетъ *Смердодупій* нашей, то-есть, сербской повѣсти; тотъ — корсаръ, этотъ лаской залучаетъ къ себѣ пріѣзжихъ, чтобы предавать ихъ истязаніямъ; того наказываетъ Роландъ, этого Тристанъ; тамъ и здѣсь одинаково соединеніе мѣстныхъ памятей съ героями и именами литературнаго, италіанскаго преданія. Можетъ ли все это оправдать предположеніе, что оригинала бѣлорусской повѣсти надо искать въ Рагузѣ или ея области?

---

[1]) См. мою замѣтку: Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и италіанскія поэмы о Гнѣвномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1879 г., Январь, стр. 9—10; Die Rolandsage in Ragusa въ Archiv f. slav. Philologie, V, стр. 468—469; Южно-русскія былины, вып. II, стр. 74, прим. 1.

II.

Бово.

Старо-французская Chanson de geste о Bueves d'Hanstone [1]), къ которой восходитъ, при посредствѣ италіанскихъ версій, наша сказка о Бовѣ королевичѣ, еще не издана въ первичномъ текстѣ, какъ не издана и ея передѣлка въ прозѣ, встрѣчающаяся въ рукописяхъ, и не опредѣлено ея отношеніе къ тексту, напечатанному Michel Lenoir'омъ (Le livre de Beufves de Hantonne et de la belle Josianne. Paris, 1502). Пересказъ древней поэмы помѣщенъ въ Histoire littéraire de la France, t. XVIII, p. 748—51, и въ книгѣ Райны [2]), лучшемъ пока изслѣдованіи различныхъ редакцій французской эпической пѣсни, которой суждено было стать у насъ народною книгой.

Первоначальное мѣсто дѣйствія первой помѣщалось, по предположенію Райны (стр. 123), гдѣ-нибудь на границѣ Франціи и

---

[1]) О рукописяхъ сл. замѣтку P. Meyer'a въ предисловіи къ Daurel et Beton (въ изданіи Société des anciens textes, 1880 г.), стр. XXI, прим. 1. Издатель относитъ этотъ романъ, разсказывающій о сынѣ Bueve'a, съ явнымъ подражаніемъ роману о послѣднемъ, ко времени около 1200 года или къ концу XII вѣка (сл. стр. XXIX). Если такъ, то chanson de geste о Bueve'ѣ онъ считаетъ болѣе древней; P. Paris (Hist. litt. de la France, t. XVIII, стр. 701, прим. 1) пріурочивалъ её къ половинѣ XIII вѣка. — Отрывокъ Bueve'a по ватиканской рукописи напечатанъ былъ A. v. Keller'омъ въ его Romvart, стр. 403—411.

[2]) I Reali di Francia. Ricerche intorno ai Reali di Francia per Pio Rajna seguite dal Libro delle storie di Fioravante e dal cantare di Bovo d'Antona. Bologna. 1872.

Германіи; лишь позже ее пріурочили къ Англіи, вѣроятно, англо-норманскіе пѣвцы; оттуда въ ней упоминаніе Londres, имя Вильгельма и отъявленная вражда къ ирландцамъ.

Содержаніе ея слѣдующее: По уговору Brandorie, Doon de Maience, ея любовникъ, убиваетъ ея мужа Guion de Hanstone и водворяется въ его городѣ. Bueves, малолѣтній сынъ Guion'a, остается нѣкоторое время при дворѣ, но затѣмъ мать поручаетъ двумъ своимъ приближеннымъ удалить его, и они продаютъ его купцамъ, которые въ свою очередь везутъ его въ Aubefort, въ Армянское царство, и тамъ продаютъ царю Hermin. Дочь послѣдняго, Josiane, влюбляется въ Bueves, онъ въ нее; между тѣмъ на Hermin идетъ войною, въ союзѣ съ Braidamont, царемъ Дамаска, Персидскій царь Danebus, которому отказано было въ рукѣ Josiane'ы. Hermin взятъ въ плѣнъ, но Bueves является на выручку: верхомъ на Arondel онъ побиваетъ враговъ. Hermin освобожденъ, но два предателя доносятъ ему о взаимной склонности двухъ молодыхъ людей, и онъ платитъ Bueves'у черною неблагодарностью: посылаетъ его къ Braidamont'у съ письмомъ, въ которомъ наказываетъ ему убить посланнаго. Bueves идетъ, заключенъ въ темницу, откуда спасается по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ африканскомъ городѣ Monbrant онъ находитъ Josiane'у супругой короля Yvorin'a — только по имени. Влюбленные спознались и бѣгутъ; Yvorin посылаетъ за ними въ погоню великана Achopart, который, будучи побѣжденъ Bueve'омъ, соглашается, по просьбѣ Josiane, креститься и пристать къ нимъ. Вмѣстѣ они отправляются въ Кёльнъ (Cologne), гдѣ Bueves женится на Josiane, послѣ чего, оставивъ её на попеченіи дяди-епископа, онъ ѣдетъ въ Hanstone, въ замокъ своего дядьки Soibaut[1]). Здѣсь по нѣкоторомъ времени онъ открывается своимъ друзьямъ и вмѣстѣ съ Soibaut и его сыномъ отправляется въ Кёльнъ, откуда привозитъ жену. Вернувшись въ Англію, онъ принимается воевать противъ Doon, который, не зная, что въ

[1]) Въ ватиканскомъ спискѣ у A. v. Keller'a, l. c.: Seinber.

числѣ его враговъ находится и законный наслѣдникъ Guion'a, идетъ въ Лондонъ жаловаться на Soibaut королю Вильгельму. Король приказываетъ обвиняемому предстать передъ него, и тотъ является въ сообществѣ съ Bueves, который говоритъ, кто онъ, и въ свою очередь обвиняетъ Doon'a въ предательскомъ убійствѣ отца. Назначенъ Божій судъ, на которомъ Bueves убиваетъ Doon'a, а затѣмъ возвращается въ Hanstone, гдѣ по его приказанію мать-измѣнница заключена въ темницу. Пока Bueves побѣдоносно бьется съ ирландцами, вліяніе Doon'овой родни растетъ при дворѣ, и они помышляютъ, какъ бы отмстить Bueves. Случай представляется самъ собою. Bueves приглашенъ въ Лондонъ на праздникъ посвященія въ рыцари сына короля, Hugues; въ скачкѣ въ запуски конь Бовы, Arondel, далеко оставляетъ за собой другихъ; Hugue'у онъ приглянулся, онъ проситъ Bueve'a уступить ему его, но тотъ не хочетъ разстаться съ подаркомъ Josiane'ы. Когда по наущенію родичей Doon'a юноша пытается похитить коня, тотъ убиваетъ его; король хочетъ предать Bueve'a смерти, но замѣняетъ её изгнаніемъ; съ нимъ вмѣстѣ отправляется и Josiane. Буря заноситъ ихъ по близости Monbrant'a, гдѣ въ лѣсу Josiane родитъ двухъ сыновей и послѣ разныхъ приключеній попадаетъ вмѣстѣ съ дѣтьми во власть Yvorin'a, тогда какъ Bueves и Teris, сынъ Soibaut, спаслись и прибыли въ Sivele. Здѣсь Bueves оказываетъ королевѣ значительныя услуги на войнѣ, принужденъ жениться на ней, но съ ней не живетъ и на постели между ними всегда лежитъ мечъ [1]). — Черезъ нѣсколько лѣтъ Soibaut отправляется искать своего господина; буря приноситъ его къ Monbrant'у, гдѣ онъ освобождаетъ Josiane'у и дѣтей и вмѣстѣ съ ними возвращается въ Hanstone. Между тѣмъ охладѣлъ и гнѣвъ Вильгельма, и онъ не только крститъ сыновей Бово, но одного изъ нихъ, какъ будущаго наслѣдника своего престола, называетъ

[1]) Сл. туже подробность въ романѣ о Тристанѣ, выше, стр. 199, прим. 2; Cosquin, Contes populaires de Lorraine I, стр. 79.

своимъ именемъ. Онъ прощаетъ и отцу, и Josiane съ Soibaut отправляются искать его; первая переодѣта скоморошкой. Прибывъ въ Sivele, она распѣваетъ на площади о своихъ приключеніяхъ и узнана Bouve'омъ, который уѣзжаетъ съ нею къ себѣ, а королеву убѣдилъ выйдти за Teris'a. Послѣ новаго ирландскаго похода Bueves отправляется на востокъ, повидаться съ королемъ Hermin, помогаетъ ему отбиться отъ Yvorin'a, убиваетъ въ поединкѣ предателей, когда-то донесшихъ на него и Josian'у, и жестоко мститъ Braidamont'у. Въ Іерусалимѣ, гдѣ его вѣнчаютъ царемъ Святаго Города, онъ получаетъ вѣсть, что Вильгельмъ намѣренъ оставить престолъ своему крестнику; второй сынъ Bueve'a, Herminet, будетъ наслѣдникомъ Hermin; когда изъ Арменіи Bueves вернулся въ Англію, смерть шотландскаго короля освободила престолъ еще и третьему сыну Bueve'a, Guion'у. — Кончина Bueve'a не разсказана (въ неполной) рукописи библіотеки св. Марка, которой пользовался Райна; по старопечатному французскому роману въ прозѣ онъ умираетъ отшельникомъ.

Сходенъ съ пересказаннымъ текстомъ былъ французскій оригиналъ Bevers-saga'и, недавно изданный Cederschiöld'омъ [1]). Дѣйствующія лица: Guion, ярлъ Hamtun'a, Нѣмецкій императоръ, отвѣчающій Doon'у de Maience; Bevers = Bueves; его мать — дочь шотландскаго короля. Она посылаетъ сказать императору, чтобъ онъ явился съ рыцарями въ лѣсъ подъ Hamtun'омъ и убилъ бы Guion'a, котораго она вышлетъ туда безоружнаго. Представившись больной, она проситъ мужа выѣхать на охоту и достать ей кабаньяго мяса; отъ этого ей полегчаетъ. Guion ѣдетъ безъ шлема и панцыря, только съ тремя спутниками; императоръ убиваетъ его и посылаетъ его голову женѣ, которая проситъ его явиться и на другой же день сыграть свадьбу. Когда услышалъ объ этомъ Bevers, упрекаетъ мать,

[1]) Fornsögur Suðrlanda, utgifna af Gustaf Cederschiöld. Lund. 1884, стр. 209 слѣд.; ср. стр. CCXVI слѣд.

грозится отмстить, когда выростетъ; въ гнѣвѣ она такъ сильно его ударила, что мальчикъ упалъ; старый рыцарь Sabaoth, его дядька, поднялъ его, хочетъ отнести къ себѣ, мать обѣщаетъ наградить его, если онъ убьетъ ея сына. Тотъ обѣщается, но вмѣсто того велитъ убить свинью, и замаравъ ея кровью платье Bevers'a, показываетъ его матери. Bevers'a онъ посылаетъ пасти своихъ овецъ; черезъ недѣлю онъ проводитъ его дальше. Но мальчикъ не выдержалъ: услышавъ на полѣ гулъ брачнаго веселья, онъ врывается во дворецъ, браннтъ императора: ты убилъ моего отца, овладѣлъ любовью моей матери безъ моего позволенія, захватилъ мое наслѣдье. Онъ наноситъ ему три удара своей палицей, но схваченъ по приказанію матери; узнавъ въ немъ Bevers'a, рыцари даютъ ему бѣжать — къ Sabaoth'у, который прячетъ его у себя, а разгнѣванной королевѣ, явившейся къ нему, говоритъ, что утопилъ его. Она не вѣритъ, грозится сжечь Sabaoth'a, тогда Bevers выходитъ изъ своего убѣжища и беретъ всю вину на себя. По порученію матери два рыцаря ведутъ его къ морскому берегу и продаютъ купцамъ, которые везутъ его въ Египетъ и тамъ дарятъ королю Erminrik'у. Bevers сразу открываетъ ему, кто онъ, дѣлается его чашникомъ — любимцемъ, вызывая тѣмъ зависть другихъ рыцарей. Однажды Bevers отправляется на подвигъ, который не разъ напрасно предпринимали другіе: сражаетъ вепря, опустошавшаго страну, и на обратномъ пути принужденъ обороняться отъ одиннадцати рыцарей — завистниковъ, преградившихъ ему путь. Все это видитъ, стоя на башнѣ Iosvena, дочь Erminrik'a, и влюбляется въ юношу.

Слѣдуетъ нападеніе Brandamon'a, царя Дамаска, требующаго руки Iosven'ы. По ея совѣту, Bevers'у поручено начальство надъ войскомъ. Эрминрикъ ставитъ его рыцаремъ, опоясываетъ мечемъ Myrklei, а Iosvena даритъ ему копя Arundele, на которомъ могъ сидѣть лишь храбрый, родовитый витязь. Brandamon побѣжденъ и Bevers отпускаетъ его подъ условіемъ признать себя леннпкомъ Эрминрика.

Послѣ побѣды обрадованный король поручаетъ дочери учествовать Bevers'a. Она ведетъ его въ свои покои, разоблачаетъ, прислуживаетъ ему за столомъ и объясняется съ нимъ въ любви. Онъ говоритъ, что онъ бѣдный чужеземецъ и ея недостоинъ, къ тому же другой вѣры; она разсердилась, обзываетъ его неучтивымъ мужикомъ, бродягой. Плохо ты платишь мнѣ за мои услуги, говоритъ Bevers, — хочетъ удалиться, вернувъ ей ея подарокъ — Arundele; только мечъ Myrklei онъ удержитъ, ибо заслужилъ его. Онъ удаляется изъ дворца и переселяется къ одному горожанину. Въ то время, какъ онъ отдыхаетъ, является дѣвушка, проситъ простить ей обиду, готова обратиться въ христіанство. Вотъ это мнѣ любо, говоритъ Bevers, цалуетъ её; дурного между ними ничего не было, но двое рыцарей доносятъ Эрминрику, что они въ связи, и совѣтуютъ ему, какъ отдѣлаться отъ Bevers'a: онъ пошлетъ его съ письмомъ къ Брандамону, пусть устроитъ такъ, чтобъ Bevers никогда не вернулся въ Египетъ. Bevers хочетъ ѣхать на Arundele и взять съ собою Myrklei. Myrklei слишкомъ тяжелъ, говоритъ король, — я дамъ тебѣ другой мечъ, а поѣзжай ты на иноходцѣ (gangari). На пути онъ встрѣчается съ пилигримомъ (pilgrim, palmara), съ которымъ раздѣляетъ его трапезу; онъ оказался Terri, сыномъ Sabaoth'a, который послалъ его на поиски Bevers'a. Bevers не открываетъ ему своего имени и направляется далѣе къ Дамаску, гдѣ Брандомонъ, прочтя письмо Эрминрика, садитъ его въ тюрьму, глубиною въ 30 аршинъ, полную змѣй и жабъ.

Между тѣмъ за Iosvena'у, которой Эрминрикъ разсказалъ, что Bevers тайно уѣхалъ въ Англію, сватается король Ivorius af Munbrak. Эрминрикъ согласенъ, но Iosvena сохраняетъ свою дѣвственность въ бракѣ при помощи чудеснаго пояса, ею сдѣланнаго: пока онъ на ней, никто не въ силахъ лишить ея дѣвственности[1]). Она беретъ съ собою Arundele, котораго держитъ

[1]) См. такой же поясъ Сабры въ The renowned history of the seven champions of Christendom, въ моихъ Розысканіяхъ, II, стр. 110; сл. Warncke, Die Lais de Marie de France, прим. R. Köhler къ Lai de Guigemar, стр. LX — LXI;

на желѣзныхъ цѣпяхъ: никто не смѣетъ къ нему подступиться, а Иворина онъ однажды такъ ударилъ, что его надо было унести.

Семь лѣтъ томиться Bevers въ темницѣ, молится вслухъ: пусть Господь освободитъ его, или пошлетъ скорую смерть. Сегодня же ты будешь повѣшенъ, кричатъ ему два сторожа, услышавъ его. Одинъ изъ нихъ спускается по веревкѣ въ темницу, Bevers убиваетъ его и кричитъ другому, чтобы и тотъ спустился, ибо одному поднять его не по силамъ. Убивъ и этого и взявъ оружіе убитыхъ, онъ выбирается наружу по веревкѣ, находитъ коня и пускается въ бѣгство. Не найдя его въ темницѣ, Брандамонъ и его племянникъ Grandier гонятся за нимъ; сразивъ ихъ, а на пути и Брандамонова брата-великана, онъ добирается до Іерусалима, гдѣ патріархъ снабжаетъ эго муломъ и даетъ 24 золотыхъ. Какой-то человѣкъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ у Эрминрика, говоритъ ему о бракѣ Iosven'аы и указываетъ путь въ Munbrak.

Къ Iosven'ѣ онъ является въ видѣ паломника, когда Ivorius былъ на охотѣ; говоритъ, что родомъ изъ Англіи, знаетъ Bevers'a, который недавно женился. Услышавъ это, она падаетъ въ обморокъ; не будь Bevers въ Англіи, говоритъ она очнувшись, я признала бы его въ тебѣ; только у тебя шрамъ на лбу, котораго я у него не видѣла. Bevers отпѣкивается, хочетъ посмотрѣть ея чудеснаго коня, о которомъ слышалъ; это не возможно, отвѣчаетъ она: съ тѣхъ поръ, какъ я утратила Bevers'a, никто не осмѣливается приблизиться къ коню. Въ это время входитъ служитель (skuiari) Iosven'ы, Bonifrey; она спрашиваетъ его: на кого похожъ паломникъ? — Да это Bevers, говоритъ онъ. А въ это время конь сорвался съ путъ, бѣгаетъ по двору и ржетъ; увидѣвъ Bevers'a, онъ остановился, даетъ ему сѣсть на себя, идетъ и пляшетъ (leikandi) къ Iosvena'ѣ. Она признала Bevers'a, хочетъ бѣжать съ нимъ; онъ говоритъ ей о

Nyrop, Storia dell' epopea francese, trad. da Eg. Gorra, стр. 76, прим. 1, и 212 (перстни, охраняющіе дѣвственность).

вѣроломствѣ ея отца и о томъ, что она — жена другаго и болѣе не дѣвушка. Iosvena увѣряетъ, что о предательствѣ отца она ничего не знала и еще дѣвушка.

Въ это время является съ охоты Ivorius; по совѣту Bonifrey Bevers говоритъ ему, что пришелъ къ нему съ вѣстью: его братъ Bibilant осажденъ въ замкѣ Abilant. Ivorius тотчасъ же снаряжается въ походъ, оставивъ блюсти царство и жену короля Garsich. Его и его людей Bonifrey опаиваетъ соннымъ зельемъ, послѣ чего бѣжитъ съ Bevers'омъ и его милой. Проснувшись на другой день, Garsich узнаетъ при помощи волшебнаго камня въ своемъ перстнѣ о бѣгствѣ Iosvena'ы, но преслѣдованіе не удается, потому что Bonifrey укрывается съ товарищами въ пещеру.

На пути Iosvena почувствовала голодъ; пока Bevers охотится, чтобы раздобыть лань (hind), Bonifrey, оставшійся при дѣвушкѣ, убитъ двумя львами, которые уносятъ Iosvena'у на гору. Bevers возвращается, освобождаетъ ее и снова пускается въ путь, когда настигнутъ великаномъ Eskopart, посланнымъ королемъ Ivorius'омъ. Высота его пятнадцать футовъ, онъ вооруженъ мечемъ и палицей, которой не поднять десяти человѣкамъ; промежъ глазъ уложится три фута, кожа черная, какъ уголь, носъ некрасивый, спереди загнутый крючкомъ. Ноги у него большія и длинныя, въ быстротѣ онъ переспоритъ птицу; голосъ — что лай десяти собакъ; волосы длинною съ конскій хвостъ, глаза большіе и черные какъ дно котла, зубы — что у кабана. Копье Bevers'а ломается о грудь великана, палица котораго, направленная на противника, разщепляется о дерево; Eskopart берется за мечъ, но Arundele свалилъ его съ ногъ, Bevers готовится убить его, а Iosvena совѣтуетъ пощадить: онъ крестится и будетъ ему слугой. Eskopart согласенъ, и они втроемъ ѣдутъ далѣе. На морскомъ берегу видятъ судно язычниковъ, собиравшихся на войну съ христіанами; Eskopart проситъ принять ихъ на корабль; за ихъ отказомъ, вскакиваетъ на палубу и всѣхъ перебиваетъ. Третья погоня Ivorius'а за ними столь же неуспѣшна, какъ и предыдущая. Бѣглецы добираются на ко-

раблѣ до Кельна (Colonia), архіепископъ котораго, дядя Bevers'a, креститъ Iosven'ay и Eskopart'a и сообщаетъ вѣсти о Sabaoth'ѣ. Къ нему стремится Bevers. Оставивъ въ Кельнѣ Iosvena'у подъ охраной Eskopart'a, онъ ѣдетъ въ Англію, пристаетъ къ Hamtun'у, гдѣ на берегу встрѣчаетъ императора, которому называетъ себя Geirarðr af Franz. Императоръ говоритъ ему, что его тревожитъ набѣгами изъ своего замка Sabaoth; Bevers-Geirarðr вызывается послужить ему, если его людямъ дадутъ одежду и оружіе. Тотъ согласенъ; Bevers отправляется къ замку своего стараго дядьки, гдѣ и открывается ему.

Между тѣмъ одинъ ярлъ въ Кельнѣ, по имени Miles, соблазнившись красотою Iosvena'ы, хитростью залучаетъ Escopart'a въ замокъ на островѣ, гдѣ его запираетъ, и силой женится на красавицѣ, которая ночью задушила его своимъ поясомъ. На другой день, когда это открылось, ее осуждаютъ къ смерти на кострѣ, но во время является Fscopart, вырвавшійся изъ заключенія, и Bevers, которому донесли о насильственномъ бракѣ Iosvena'ы. Они освобождаютъ ее, и Bevers везетъ ее въ замокъ Sabaoth'a. Императору онъ посылаетъ сказать, что онъ не Geirarðr, а Bevers, и вскорѣ его повѣситъ. Въ слѣдующей далѣе войнѣ императоръ взятъ въ плѣнъ и казненъ, а жена его, мать Bevers'a, при этой вѣсти бросается съ башни. Вступивъ снова въ отцовское наслѣдіе, Bevers женится на Iosvena'ѣ; онъ въ чести у англійскаго короля, его Arundele выигралъ призъ въ 200 марокъ, потому что оказался быстрѣе всѣхъ другихъ коней. Сынъ короля проситъ Bevers'a уступить его ему; получивъ отказъ, пытается завладѣть имъ, пока Bevers сидѣлъ за столомъ, но Arundele положилъ его на мѣстѣ ударомъ въ лобъ. Услышавъ о томъ, король хочетъ повѣсить Bevers'a; пріятели послѣдняго убѣждаютъ короля отпустить его, удержавъ коня; но Bevers не хочетъ съ нимъ разстаться и осужденъ на изгнаніе; его земля отдана Soibaut; Iosvena и Terri слѣдуютъ за Bevers'омъ, а Escopart, котораго онъ наградилъ леномъ, долженъ остаться на защиту Sabaoth'a. Недовольный этимъ, ибо онъ предпочелъ бы

отправиться съ Bevers'омъ, онъ ѣдетъ къ Ivorius'у, которому говоритъ, что искалъ все время Iosvena'у; онъ знаетъ ея похитителя и, такъ какъ ему всѣ дороги свѣдомы, найдетъ бѣглецовъ, если Ivorius дастъ ему людей. Тотъ соглашается.

Между тѣмъ Bevers, Iosvena и Terri странствуютъ моремъ и сушей; чувствуя приближеніе родовъ, Iosvena проситъ спутниковъ отойдти въ сторону и рожаетъ двухъ мальчиковъ. Въ это время является Escopart и похищаетъ ее; Bevers и Terri, вернувшись, находятъ лишь дѣтей; напрасно проискавъ Iosvena'у въ лѣсу, они ѣдутъ далѣе, по дорогѣ въ Грецію.

Sabaoth'у снится, будто на Bevers'а напало сто львовъ и уже разорвали его коня, и что ему слѣдуетъ идти помолится св. Юліи въ Орлеанѣ. Тамъ онъ случайно встрѣчаетъ Iosvena'у, которая говоритъ ему, что Escopart ведетъ ее къ Ivorius'у. Sabaoth съ горожанами убиваетъ Escopart'а и его язычниковъ и ѣдетъ съ Iosvena'ой далѣе, на поиски Bevers'а. Въ Abbaport'ѣ онъ заболѣлъ; Iosvena за нимъ ухаживаетъ.

Продолжая путь съ Terri, Bevers отдаетъ двухъ своихъ сыновей на воспитаніе: Guion'а лѣснику, Miles'а рыбаку. Они прибыли въ городъ Civile, отъ котораго отбиваютъ непріятеля; дѣвушка, владѣтельница города, предлагаетъ Bevers'у жениться на ней; тотъ отказывается, говоритъ, что женатъ; дѣвушка грозитъ ему смертью, и онъ соглашается на условіи — жениться на ней черезъ четыре года, если не найдетъ своей жены, а если найдетъ — дать ей въ мужья Terri. Пока онъ остается на защиту ея страны и отражаетъ враговъ, осадившихъ Civile. По прошествіи срока, положеннаго Bevers'омъ, дѣвушка соглашается ждать еще три года. Въ это время являются въ Civile Sabaoth съ Iosvena'ой и открываются Terri и Bevers'у; супруги свидѣлись, Bevers велитъ привести своихъ сыновей, воспитателей которыхъ щедро награждаетъ, а Terri женится на властительницѣ города.

Bevers узнаетъ, что Ivorius, обвиняющій Эрминрика въ уходѣ своей жены, собирается противъ него войною. У Bevers'а роди-

лась между тѣмъ дочь Beatrix, у Terri — сынъ, по имени Bevers. Когда Bevers явился на помощь къ Эрминрику, тотъ винится передъ нимъ и выдаетъ головою предателей (Gilistinn и Fures), научившихъ его послать Bevers'а къ Брандамону. Предатели казнены, разбитый Ivorius бѣжитъ; когда дошли слухи, что онъ снова грозитъ войною, Эрминрикъ, Bevers и Terri предупреждаютъ его подъ Munbrak'омъ и берутъ въ плѣнъ, изъ котораго онъ освобождается дорогою цѣною.

Вскорѣ послѣ того умираетъ Эрминрикъ, оставивъ Guion'у двѣ трети своего царства и королевскій титулъ, Miles'у остальную треть съ титуломъ герцога. Sabaoth возвращается въ Англію къ женѣ (Herinborg) и сыну (Rodbert).

Ivorius хочетъ отмстить Bevers'у; по его наущенію, воръ Jupiter похитилъ у него Arundele. Sabaoth'у снится, что Bevers сломалъ себѣ бедро; онъ чуетъ что-то недоброе и, отправившись въ одеждѣ пилигрима въ Abbaport, узнаетъ отъ Josven'ы въ чемъ дѣло. Онъ хочетъ ему помочь: ѣдетъ въ Munbrak, и когда однажды Arundele вели на водопой, проситъ Юпитера дозволить ему осмотрѣть чудеснаго коня, вскочилъ на него и былъ таковъ. За нимъ гонятся, нагналъ его вблизи Abbaport'а Fabur, верхомъ на жеребенкѣ отъ Arundele, столько же быстромъ, какъ она. Въ послѣдовавшей схваткѣ, въ которой принимаетъ участіе и Bevers съ сыновьями, преслѣдователи разбиты.

Слѣдуетъ еще война противъ Ivorius'а и помощныхъ ему королей. Побѣда на сторонѣ Bevers'а; папа, вызванный въ Munbrak, вѣнчаетъ его и Josvena'у на царство и креститъ язычниковъ.

Вскорѣ послѣ того Bevers получилъ извѣстіе, что англійскій король отнялъ у Sabaoth'а его земли. Онъ переправляется въ Англію съ войскомъ; узнавъ о его прибытіи, король объявляетъ своимъ вельможамъ, что по старости и болѣзни не въ силахъ противостоять Беверсу, съ которымъ и замиряется, предложивъ его сыну руку своей дочери и вѣнецъ по своей смерти. Черезъ три дня онъ умираетъ, Miles вѣнчается на царство, а Bevers,

вернувшись (черезъ Фландрію, Римъ и Іерусалимъ) въ Munbrak, находитъ тамъ свою жену при смерти, Arundele околѣвшей. Онъ молится, чтобы Господь сподобилъ его умереть вмѣстѣ съ женою. Они умираютъ, обнявшись, похоронены въ церкви св. Лаврентія, а въ Munbrak'ѣ воцаряется Guion.

Таковъ разсказъ саги, сохранившейся въ нѣсколькихъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна[1]) носитъ слѣды личной переработки перескащика. Къ сагѣ восходятъ исландскія Béfus — rimur и фарейскія Bevussar taettir[2]), какъ любимая въ Англіи народная книга о Bevis къ старо-англійской поэмѣ о Sir Bevis of Hampton[3]), пересказу одной рецензіи старофранцузскаго стихотворнаго текста[4]).

Французскій текстъ поэмы по ркп. имп. вѣнской библіотеки № 3429, съ содержаніемъ котораго я познакомился изъ сообщеній Singer'a[5]), къ сожалѣнію слишкомъ краткихъ, относится, по мнѣнію изслѣдователя, къ одной редакціи съ оригиналомъ саги, хотя нѣкоторыя черты заставляютъ въ этомъ усумниться. Такъ напр. Doon не казненъ (какъ отвѣчающій ему императоръ саги), а убитъ Bueve'омъ въ поединкѣ, какъ въ пересказанной выше французской поэмѣ. Замѣна Doon'a нѣмецкимъ императоромъ еще не совершилась; изъ именъ отмѣтимъ: Ermins, Josiane, Bonnefoy (= Bonifrey саги, Bonefas въ Bevis of Hamtoune), рядомъ съ которымъ является еще въ услуженіи Josiane'ы какая-то Pietris, дочь тирскаго короля; Yvoire de Montbrant; Sambault и его сынъ Thierry; Brademant. Пересказъ Singer'a, мало полезный для критики текстовъ Бовы и сдѣланный не въ виду этой цѣли, раскрываетъ другую любопытную подробность: что французскій оригиналъ старонѣмецкой поэмы о графѣ Рудольфѣ представлялъ сплетеніе какого-нибудь разсказа изъ собы-

[1]) Сл. Cederschiöld, стр. CCXXXIX, № 7.

[2]) l. c. стр. CCXLVI, CCXLVII—VIII.

[3]) Объ англійскихъ версіяхъ сл. ib. стр. CCXVI.

[4]) MS. Didot. Сл. P. Meyer, l. c., стр. XXI, прим. 1.

[5]) S. Singer, Graf Rudolph, въ Zeitschr. f. deutsches Alterthum B. XXX, стр. 379 и слѣд.

тій крестовыхъ походовъ (можетъ быть, похода графа Hugo de Puiset) съ мотивами Beuve. Оригиналъ этотъ извѣстенъ былъ въ устной передачѣ и Berthold'y von Holle который воспользовался имъ въ своей Crane (стр. 389). Не касаясь здѣсь послѣдняго вопроса, замѣчу, что мотивы Бово позволяютъ очень удачно возстановить связь между фрагментами графа Рудольфа, и что въ иныхъ эпизодахъ той и другой поэмы есть дѣйствительное сходство. Доказательнѣе всего собственныя имена: Bonifrey'ю, Bonnefoy, Bonefas отвѣчаетъ въ сходной роли Bonifait, а милая Бово, отвѣчающая Josiane'ѣ, получаетъ въ крещеніи имя Irmengard, что несомнѣнно указываетъ на отца Josiane'ы, Ermin, Hermin, хотя въ нѣмецкой поэмѣ стоитъ другое имя: Gilot, король Іерусалима. Въ провансальской поэмѣ: Daurel et Beton (ed. P. Meyer) жена Beuve'a также названа Ermenjart, а его сынъ любитъ язычницу Erimene (стр. 388).

Сложность и запутанность плана и обиліе подробностей, поражающихъ въ пересказанныхъ нами поэмѣ и сагѣ, говорятъ за позднюю редакцію ихъ оригинала. Въ болѣе древней и простой та же французская поэма была занесена въ Италію, гдѣ между 1250 и 1330 гг. отразилась въ двухъ текстахъ: одномъ франко-итальянскомъ (S. Marco XIII), другомъ венеціанскомъ, сохранившемся въ рукописи лауренціанской библіотеки. Оба, по прежнему мнѣнію Райны (l. c. стр. 144), восходятъ къ одному оригиналу, но не списаны съ него, а записаны по памяти, при чемъ одинъ пересказчикъ могъ вѣрнѣе запомнить одно, другой другое, а авторъ франко-венеціанской версіи кромѣ того позаимствовалъ конецъ своего разсказа изъ редакціи пространнаго французскаго типа. Три отрывка изъ другой также венеціанской поэмы о Бово, недавно открытые въ Udine и изданные Райной [1]), позволили ему точнѣе опредѣлить генеалогію лауренціанскаго текста: они оказываются принадлежащими къ одной съ нимъ редакціи, вышли изъ общаго франко-итальянскаго подлинника,

[1]) Zeitschrift f. rom. Philologie, B. XI, H. 2, стр. 153 слѣд.: Frammenti di redazioni italiane del Buovo d'Antona. I. Nuovi frammenti franco-italiani.

къ которому удинскіе фрагменты стоятъ ближе по количеству сохранившихся въ нихъ гибридныхъ французскихъ элементовъ, отличающихъ вообще старую эпическую литературу Тревизской Марки, тогда какъ въ лауренціанской поэмѣ начало мѣстнаго говора уже взяло перевѣсъ.

Такъ захожая сага пустила корни въ сѣверной Италіи и отсюда перенесена была въ Тоскану, гдѣ уже Villani свидѣтельствуетъ объ ея популярности: сообщая древнее названіе Вольтерры — Antonia, онъ прибавляетъ: «e secondo che si leggono i romanzi indi fu il buono Buovo d'Antona». Тосканскихъ пересказа его исторіи Райна отмѣчаетъ три. Первый по времени Bovo in 8-a rima, въ 22 пѣсняхъ и 1400 станцахъ: онъ всего ближе къ венеціанскому тексту, хотя его оригиналъ былъ развитѣе послѣдняго, а нѣкоторыя подробности относятъ насъ къ версіи франко-итальянской. Согласіе съ венеціанскимъ текстомъ простирается, собственно, лишь на первыя XIV пѣсенъ, слѣдующія VIII принадлежатъ, по мнѣнію Райны, фантазіи тосканскаго перескащика, за исключеніемъ впрочемъ послѣднихъ 28 станцъ, которыя первоначально могли непосредственно примыкать къ концу XIV пѣсни. Эти станцы разсказываютъ: о бракѣ и воцареніи Terigi (Tiris франц. chanson), о возвращеніи Бовы въ Антону, гдѣ вскорѣ умираетъ Drusiana, а онъ самъ убитъ предателемъ, подосланнымъ сыномъ Додона, Gualtieri. Услышавъ о томъ сынъ Бовы, Guidone, наслѣдовавшій дѣду въ Арменіи, идетъ съ большимъ войскомъ на Maganza'у и разрушаетъ городъ. Древнее содержаніе поэмы, пересказанной авторомъ Bovo in 8-a rima, отвѣчало бы: XIV пѣснямъ + 28 станцамъ XXII-й. Повѣрки этому предположенію потому нельзя было сдѣлать, что въ венеціанскомъ текстѣ, принадлежавшемъ, какъ мы видѣли, къ одной редакціи съ оригиналомъ Bovo in 8-a rima, не достаетъ конца: онъ обрывается именно на воцареніи и женитьбѣ Teris-Terigi. Нашъ бѣлорусскій Тристанъ, воспроизводящій венеціанскій текстъ, является здѣсь на выручку — устраняя гипотезу Райны. Къ этому прибавимъ еще слѣдующій вопросъ: Райна

говоритъ объ одномъ текстѣ Bovo in 8-a rima, имѣвшемъ, какъ извѣстно, множество изданій; слѣдующая выдержка изъ изданій 1491 (Venezia) и 1537 (Venezia) годовъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ двумя текстами:

ed. 1491.

st. 105. Alora don Alberico al primo trato
Con bella compagnia cavalcava
Verso Antona quanto potea ratto;
Gionto ala torre al palazo smonta,
Vane a Brandonia e conta tutto il fato
Ciò che Dudon dicendo gli mandava,
La visione e tutte l'altre cose,
Unde Brandonia così li respose:

«Indietro torna e di' al tuo signore
Che no li dia alcuna melinconia,
Ch'io li prometto per lo mio honore
Ossa ne carne di Buove no sia.
Io lo farò morir cum gran dolore
Mai più non udirà che se ne sia,
Voglio far morir secretamente
Per nostro honor, che nol sapia la gente

Tornati in dreto, a lui debiati dire».
Dono Alberico alor tolse comiato,
De la sua gente il fece seguire,
Trovano alhora el signor beato.
Alberico disse al suo fratello e sire,
El fato aponto aponto gli a contato
Come Brandonia ad esso referia
Che Buovo la sua vita finiria.

ed. 1537.

st. 54: Partisse lui con molti in compagnia,
Ad Antona al palazo dismontava,
Trovò Brandonia, il fatto li dicia
Come Dudone per Buovo mandava
Perchè li vol dar la morteria,

Perchè in insonio Dudone amazava,
Unde Dudone fu disposto al tutto
Dar morte a Buovo e vederlo destrutto

Disse Brandonia: «Alberigo soprano,
Io son contenta di Buovo amazare,
Per nostro honor far coperto debbiamo.
Vanne Alberigo e debbi ritornare,
Di' a Dudone che l'habbia per certano
Che non lo sentirà mai nominare,
Che morte li darò, che dove el sia,
Non si saprà, te giuro in fede mia».

Dono Alberigo al campo ritornava.
A Dudon contava tal trattato.

Второй тосканскій пересказъ поэмы о Бовѣ представляютъ Reali di Francia. Райна полагаетъ, что источниками для компилятора, въ отдѣлѣ о Бово, были англонорманнская, франко-италіанская и венеціанская версіи пѣсни; что поэму in 8-a rima онъ могъ слышать и кое-что позаимствовать изъ нея по наслышкѣ; что кромѣ того у него могъ быть и еще одинъ источникъ (сл. стр. 204 и 209), а конецъ разсказа, начиная съ 65 главы, принадлежитъ его собственному воображенію. Къ этимъ источникамъ Reali я могу присоединить и еще одинъ, благодаря проф. Райнѣ, предоставившему мнѣ пользованіе текстомъ, имъ открытымъ: тосканскимъ переводомъ (половины XIV вѣка; рукопись половины XV) франко-италіанскаго Бовы, сохраненнаго (безъ начала) въ cod. S. Marc. XIII. Къ сожалѣнію, переводъ въ рукописи обрывается задолго до конца, на сценѣ, когда Drusiana проситъ Бову дать ей вѣнокъ съ головы.

Въ половинѣ XV вѣка какой-то Gherardo, вѣроятно народный поэтъ, еще разъ пересказалъ дѣянія Бово въ пространной поэмѣ, въ которой сплотилъ то, что о его героѣ передавали старыя пѣсни французской и италіанской семьи.

На распространеніи нашего романа въ другихъ европейскихъ литературахъ отчасти указано выше. Я упомянулъ старо-

печатный французскій романъ въ прозѣ; къ нему слѣдуетъ присоединить стихотворную передѣлку Pierre du Ris; для Англіи отмѣтимъ, кромѣ старой поэмы о Sir Bevis of Hampton, еще и прозаическій романъ того же названія; для Нидерландовъ народную книгу XVI вѣка, заимствованную изъ французскаго прозаическаго романа. Еврейскій переводъ былъ упомянутъ выше (стр. 129, прим. 1).

Особая популярность досталась на долю Бовѣ на Руси, гдѣ судя по спискамъ XVII вѣка и упоминанію въ 1693 году потѣшной книги, въ лицахъ, о Бовѣ королевичѣ въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича [1]), «сказаніе» или «гисторія», «слово» о Бовѣ объявилось довольно рано. Подъ «сказаніемъ» или «гисторіей» я разумѣю ту извѣстную форму повѣсти, которая легла въ основу нашихъ лубочныхъ передѣлокъ, обнародовѣла до степени другихъ русскихъ сказокъ, къ героямъ которыхъ присосѣживаетъ и своихъ, иноземныхъ. Правда, «*Бова*, королевинъ сынъ» въ сказкѣ о Голѣ Воянскомъ, встрѣчается лишь въ сборникѣ Бронницына (Русск. нар. сказки, стр. 27—43) [2]); *Лукоперъ* и *Полканъ* въ сказкѣ объ «Иванѣ богатырѣ крестьянскомъ сынѣ»— только въ лубкахъ [3]), но Полканъ попалъ и въ стихъ объ Аникѣ воинѣ въ числѣ богатырей, скошенныхъ смертью [4]), Чудище *Полканище*, *Полканъ Полкановичъ* въ народныя сказки объ Ильѣ, гдѣ онъ замѣнилъ былиннаго Идолища [5]); кое-гдѣ встрѣчаются имена *Додона* [6]) и (Василисы) *Кирбитьевны* [7]), тогда какъ въ бѣлорусской вертепной драмѣ Максимьянъ оказывается царящимъ въ городѣ *Антонѣ*, гдѣ Аника-воинъ защищаетъ его отъ нападенія «Змѣя-Улана» и «Арапа». — Собственно въ былины не

---

[1]) Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 248.

[2]) Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, IV, Приложенія стр. CLII.

[3]) L. c. стр. CLXXXV, CLXXXIX.

[4]) См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Поэма о Дигенисѣ, Вѣстникъ Европы, апрѣль 1875 г., стр. 771.

[5]) Кирѣевскій, l. c., I, Приложенія стр. XXXIV. Сл. Ровинскій, Русскія Народныя картинки I, стр. 146—7, прим. 4.

[6]) Аѳанасьевъ, Нар. русск. сказки № 158, с.

[7]) l. c. № 93, с.

проникъ, если не ошибаемся, ни одинъ изъ героевъ захожей италіанской повѣсти: всѣ они опоздали своимъ пріѣздомъ на Русь. Для исторіи русскаго эпоса это terminus ad quem, если точно опредѣлить время перехода повѣсти, успѣвшей обратиться въ русскую сказку, подарившей насъ въ XVII вѣкѣ даже личнымъ именемъ Бовы [1]), но поступившейся передъ цѣльностью законченнаго эпическаго цикла.

Откуда явилось къ намъ *Сказаніе* или *Гисторія?* Косвенный отвѣтъ на это можетъ дать повѣсть о Бовѣ, или «Исторыа о кнажати Гвидоне» познанскаго сборника. Подобно Тристану она переведена съ сербскаго и за сербизмами, оставшимися въ бѣлорусскомъ пересказѣ, сохранила и нѣсколько италіанизмовъ— слѣды оригинала, надъ которымъ работалъ южнославянскій переводчикъ. Этотъ оригиналъ, или весьма близкій къ нему текстъ, мы и теперь еще можемъ признать по венеціанской поэмѣ, изданной Райной. Сербскій подлинникъ бѣлорусской повѣсти не найденъ; романическая исторія Бовы проникла къ южнымъ славянамъ, сколько пока извѣстно, лишь въ хорватскомъ (пока не изданномъ) переводѣ соотвѣтствующаго отдѣла Reali di Francia. Слѣдовъ особой популярности Бовы на славянскомъ югѣ также не замѣтно, но ея нечего и предполагать въ объясненіе его русской популярности. Повѣсть почему-то понравилась, пошла въ оборотъ; объясненіе лежитъ въ случайностяхъ народнаго вкуса, или въ томъ, что намъ представляется случайностью.

Исторія о Гвидонѣ», какъ мы будемъ называть ее далѣе, не принадлежитъ къ одной редакціи съ *Сказаніемъ* о Бовѣ; передъ нами, очевидно, два отраженія одного перевода. Если я позволилъ себѣ заключить, что и Сказаніе прошло къ намъ тѣми-же путями, по какимъ слѣдовала Исторія, то я спѣшу добавить, что основаній для такого предположенія, вѣроятнаго a priori, у меня не много. Сказаніе такъ часто пересказывалось и переписывалось, что приняло и русскій стилистическій колоритъ, въ которомъ нельзя и ожидать встрѣтить сербизмовъ Исторіи;

[1]) Пыпинъ, l. c. стр. 248.

исключеніе составляютъ развѣ юнаки = юноки, клобукъ = клобукъ бѣлорусской повѣсти. Важно, какъ указаніе, имя Лукопера, въ которомъ видѣли признакъ русской передѣлки и народнаго усвоенія Lucaferro, тогда какъ выше уже было замѣчено, что смѣна лат. италіанск. f въ слав. п въ именахъ собственныхъ составляетъ признакъ извѣстной группы древнихъ южно-славянскихъ памятниковъ. Съ этой точки зрѣнія объясняется и имя Дружпены: ит. Drusiana; сл. тотъ-же переходъ s въ ж въ Тристанѣ: Ижота, Самсижъ; дѣйствіе народной этимологіи ограничивается развѣ формой: Дружневна, упрочивающейся въ позднихъ спискахъ Сказанія, уже на русской почвѣ. Ясно, что имена повѣсти о Бовѣ не подверглись на южно-славянской почвѣ тому народному усвоенію, которое обратило, напримѣръ, въ Троянской притчѣ Ulixes въ Оурикшешь (по связи съ оуръ), Юнону въ Юпаа; въ Тристанѣ: (Lancelot) *du Lac* въ: *з Локве* (въ Черногоріи *локва* — природное или искусственное скопленіе воды, въ родѣ большой лужи). Хронологическій ли это признакъ или показатель большаго или меньшаго интереса къ той или другой повѣсти?

Перейдемъ къ анализу Исторіи въ связи съ венеціанскою поэмой о Bovo по списку Лауренціаны и удинскимъ отрывкамъ, восполняющимъ отчасти его пробѣлы [1]). Въ лауренціанской поэмѣ недостаетъ начала, которое такъ восполняется русскимъ текстомъ:

«Яко писмо говорыт: Добрыи мужу, бог ти будь на помоч и вхован та ѡт смерти и ѡт злое прыгоды! Хочу вам поведати добрую повесть ѡ Гвидоне Антонскомъ кнажати и ѡ его сыне, ѡ великом и славномъ рыцеру Бове. Тотъ Гвидонъ храбрыи конникъ былъ, але ѡдну реч зле вчынилъ, иж в час жоны не поналъ, але коли вже старъ былъ, тогды понал жону з великого племени, и ѡна его не мела ни за ѡдин пѣнез. И в первую ночъ коли с нимъ спала, почала ѡт него сына. А коли вышли мѣсецы днеи, и ѡна родила сына чудного створена, а коли его крестили, дали има ему Бово. И такъ почалъ рости, и ѡн его поручыл

[1]) Послѣ 307, 479, 1154 и 1252 стиховъ. Сл. Rajna въ Zeitschrift f. rom. Philologie l. c. стр. 154.

ѡдному служебнику своему Симбалду, и ѡнъ его ховал болшеи нижли семъ годъ. И ѡное дитѧ за тую семъ годъ възросло немало, а был велми пекное ѡсобы, парсуна ему была ꙗкъ рожа, а волосы мѣлъ жолты ꙗкъ злото, и лепшое дитѧ над него не могло сѧ знаити.

Тутъ вернимо сѧ, поведаимо ѡпѧт ꙗкъ жона Кгвидонова згубила пана своего доброго Кгвидона, а еи было имѧ меретрысъ.

Ѡнаꙗ пани ѡдного часу по рану вставшы и убрала сѧ у добрые шаты и умыла сѧ водкою рожаною и погледѣла сѧ в зеркало и рече». Отсюда начинается венеціанскій текстъ; приводимъ отрывокъ его en regard съ русскимъ въ доказательство ихъ близости:

1. «Mal' abia *mio pare e'l mio parentà*
Che assè vechio marido m'à donà,
Che nonn-à far la mia voluntà;
No m'ay Dio se no men averò vendichà'.»
Un suo segreto ella apellà
Lo qual Rizardo fo chiamà
Chi era suo homo e *de son masnà.*
«Rizardo», disse la donna, «intendè lo mi' parlà:
Alla zità di Maganza ti convien andar;
Dirai a Dudon che t'avi a parlar;
Da mia parte l'averì a salutar,
E di che l'amo plu che pare nè mar;
C'allui me volsi voluntera maritar;
Non vol'mio padre nè'l mio parentà.
Questo sì ve digo ch'ell' è la verità,
Dili che con sua zente elo si deba armà,

Беда ми, *што мои ѡтец и мои род* покинули мѧ, *иж мѧ за того старого мужа дали, иж ѡн не может ми ку воли вчынити. И прызвала ѡдного своего служебника, которому было имѧ Рычардо, и рече ему: Поедь къ городу Маганцу до кнѧжати Додона,* до моего милого, и *поздрови его ѡт мене, бо ми ест велми милъ не пущеи ѡтца и матеры; и хотѣла есми за него поити, але не хотелъ мои ѡтец и мои род.* Але ти говору: послужы ми в томъ *с правого серца* и мовъ ему: *нехаи зберет своих людеи пятнадцать тысечеи доброго люду зброиного, а нехаи прыидуть взѧти Антон град, а стали бы въ лузе ѡт Склоравенѧ, а ꙗ в тот час пошлю Кгвидона в лов; ѡнъ не ѡзмет зъ собою жадное зброи и слугъ не ѡзметь болшъ двадъцати юнаковъ, а тамъ можеть ѡтца своего смерть помстити; и ѡзмеш град своими*

Chon. XV. milia chavalieri presà:
Si vengha a prendere Antonia la città.
In lo boscho de Sclaravena se debia inboschà:
Io manderó lo dux Guidon a cazar,
E chon si nonn-averrà armē a portar;
Venti zoveni bazaler l'averà conpangnar,
Della morte del suo pare se porà vendicar,
Po' averà colla zente la cità conquistar;
Della contrada farà la suo voluntà,
Po'sì m'averà per moyer a spoxar».

людми и все мое панство тобъ будет, а мене собъ ѡзмеш за жону.

Ричардо отказывается: Не помози ми богъ єсли бых там поехал» (29 Nè m'ay Di', diss'ello, sili averò andar), но жена Гвидона грозитъ донести на него мужу, что онъ хотѣлъ её изнасловать, и Гвидонъ «та велит ѡбесит за горло» (35 per la ghola apichar) [1]). Ричардо соглашается (пани, могу ли вчинити на твою

---

[1]) Для сравненія приведу отрывокъ тосканскаго текста (переведеннаго съ франко-италіанскаго оригинала = Марс. XIII), найденнаго Райной: «Quando tutti si sono partiti ell'alba chiarita e'l sole levato, la reina Brandoria sissi levò del suo letto addorno e vestissi e calzossi; e calzata e vestita sissene fu ita a uno spechio e pose mente a suo figura. E veggiendosi così bella figura incominciò forte mente a pensare e con gran doglia incominciò addire: In che mal'ora fu io nata ad essere maritata assi vecchio! Chemmi vale città e castella, o oro o argiento, o priete di gran valuta, quando non posso contentare le voglie mie! Ben è il mio padre di gran possa, che per richezza mi potea con suo tenere. E così ragionando frassè stessi sen'andò ad una finestra sopra la marina cherriguardava inn'ogni parte sopr' alla terra dov'ella à signoreggiare; e così riguardando sentì usignuoli e altri uccielletti inn'un giardino a piè del palagio cantare; dov'ella molto addolorata cominciò addire: «Ogni animale si rallegra ed io mi contristo!» diciendo di ciò farne vendetta, «Lassa a me tapina, che mai fu io nata, chissono stata data a un vecchio che non mi può sollazzare nella notte nè il die». E così dolendosi sissi rammenta di Duodo di Maganza, che «Ora t'avessi io in mia balia! Io farei la tua voglia e tu faresti la mia!» E così diciendo e diliberata di man-

волю = 37 madona io farò vostra voluntà), садится на «иноходника» (= 39 palafren), «прыехал на двор Додоновъ и вшолъ у палацъ» (=44 vene ala plaça, sul palaço montà), сообщаетъ Додону порученіе своей госпожи. Рѣчь Ричардо въ венеціанскомъ текстѣ болѣе развита, чѣмъ въ русскомъ, но въ отповѣди Додона оба сходятся: «Курвын сыну, бог дан тобе лихо (68 Dio te dia mal afar), Гвидон естъ добрын рыцэр на кони у зброи, коли wн убил wтца моего, и мнѣ тое-ж может учынити. Wн тебе послал на лазучъстве (71 Elo per quel tradimento sì v'à qui mandar); не поможи мн богъ, если тѧ не велю wбѣсит» (72 Non m'ay Dio s'io no-ve façe apicar). Ричардо проситъ его довѣриться ему, а пока не довѣдается, что онъ говоритъ правду, посадить его въ темницу. «*Вере* так мушу вчынити» (83 *Per la mia fè*, cossì te farò far[1]); сл. 518 Si m'ay Dio, io no ve la voio donar = *веро-ть* его не дам.

Додонъ ѣдетъ къ городу Антону съ войскомъ; вскочилъ на копя, даже «за стрымѧ се не прынялъ» (88 streve non ave piar); «гэтманом Дан Албрыго, брат Додонов муж удалын» (91 Dan Albrigo lo confalon portà — Fradelo era de Dodon lo renegà). Они остановились въ указанномъ мѣстѣ, въ лугу «wт Складавенѧ», куда жена посылаетъ Гвидона: она беременна, ей захо-

---

dargli inbasciata, ed escie fuori della camera e va giù per le scale ed escie fuori del palagio e scontrossi in un suo scudiere molto suo segreto, e dolciemente lo prese asalutare: «Ben ne venga il mio Sire!» Ed e'rispose: «Dio vi dia il buon die e vo' ben vegniate, Madonna. Chevvi piacie? A ogni vostra ubbidienzia sono: comandate mi ciò che vi piacie». Ella donna rispose: «Ben te lo dirò. E'ti converrà giurare di servirmi e tenermelo segreto; ed io t'inprometto renderti buon merito». Ello scudiere rispose: «A ogni vostro comandamento prometto di servirvi di cosa chemmi sia in possibile, insin da mettere la vita. E giuro alle sante Dio vangielle di fare vostra volontà». Когда онъ узнаетъ, что ему слѣдуетъ отправиться къ Дуодо, онъ говоритъ: «Madonna, io non vi voglio andare, altro che male nonn'è vostro pensato, e per male volete vada. Duodo di Maganza è nemico del mio signiore. Per tanto pensate d'altro messaggiere». Она грозитъ, что пожалуется мужу, будто онъ хотѣлъ ее изнасиловать; Antonio (= Rizardo другихъ текстовъ) сдается, и Brandoria садится писать письмо къ Дуодо.

[1]) Въ Buovo in 8 rima Ричардо не посаженъ въ темницу, а возвращается къ женѣ Гвидона, Brandonia.

тѣлось «зверынного мяса» (103 salvadexine, далѣе: зверыны = 105 id), не достанетъ-ли онъ? Гвидонъ ѣдетъ на охоту съ десятью юнаками (108 vinti çoveni; 113: XX nobeli infant); видитъ его Додонъ, говоритъ: «Гквидоне Антонскии, тобѣ прышол нине последнии ден (122 finimant). Гквидон почувшы почал плакати и вдарыл са пастю в груди моцно (124 Leva la pugno per lo peti serand) и рече: Бѣдныи Гквидон и злочастен, то естъ учынила моя жона Бландоя» (126 Blondoia; vv. 127—9: слѣдуетъ молитва о судьбѣ Бово, которой нѣтъ въ русскомъ текстѣ). Гвидонъ убитъ, Додонъ ѣдетъ къ Антону, гдѣ находитъ «узвод» (li pont) опущеннымъ; «а курва жона Гквидонова (140 la putana) против ему вышла и рече ему: Добре єси прышол, воинче (142 conbatant), погубил ли єси Гквидона, которыи мнѣ не мил был а ни вдачои? Он рече: Убил єсми его, пани. — За то хочу дат на девет десят молитов (144 Mile marçè ve rand). И она его узяла за руку и вела его у одну комору» (= 145 E la meltris per la man lo prand, In una camara lo menà a tant).

Люди Гвидоновы хотятъ удалиться изъ города, Додонъ ихъ удерживаетъ. Скрылся и Бово; его дядька Симбальдо (Sinibaldo) всюду его ищетъ, сокрушается: «О бѣда мнѣ, отец мертвъ, а сына нѣт» (158 tristo, mal agurà, Morto è lo pare, lo fiol ò mal guardà). Онъ находитъ его въ конюшнѣ подъ яслями, говоритъ объ обійствѣ отца, спрашиваетъ, можетъ ли онъ доѣхать верхомъ до «сватого Симиона града» (San Simon), тридцать лѣтъ тому назадъ подареннаго ему Гвидономъ; еслибъ добраться до него, онъ сталъ бы воевать съ Додономъ. Бово согласенъ; Симбальдо тайно выѣзжаетъ съ нимъ, сыномъ Терызомъ (Teris) и шестидесятью конными, добрыми юнаками (182 LX chavalieri aparià). Одинъ изъ его спутниковъ, далѣе названный Рычардо (Riçardo), вернулся съ пути, чтобы донести обо всемъ Додону, который пускается въ погоню за бѣглецами, тогда какъ Рычардо нагоняетъ своихъ, вызывается разузнать, что за люди ихъ преслѣдуютъ (Симбальдо говоритъ ему по этому поводу: Поедь, богу та полецам — бо не знал, што на зраде ходил = 219 A Dio

t'acomant, ch'elo no savea del tradimant), но вмѣсто того, вернувшись къ Додону, велитъ ему поспѣшить, а затѣмъ снова ѣдетъ къ Симбальду. Видитъ его издали Терызъ, говоритъ: «Отче, то ми сѧ видит лазука, поеду ѫ, вчыню єго мертва» = 232 Pare, diss'elo, quel me par tradiment, Lassème andar, sil farò dolent). Онъ убиваетъ его.

«Тутъ «сѧ имъ нефортуна (esmeneventura) стала»: Бово упалъ съ коня, а Додонъ подхватилъ его. «О Боже великии, ѩкаѧ болесть нашла сѧ!» (245 Dio, que dol, che Synibaldo no sen' adà!). Симбальдо кричитъ Додону: «Юначе (251 baron), верни его опят, хочэмъ єго откупити, возми за него што хочеш, а если не всхочеш, Додоне, подъ божю прысагою (252 Per quel apostolo chi pelegrin va quirant) первеи хочэм помрэти, ниж єго дати на срамоту». Онъ ѣдетъ за Додономъ до воротъ Антона, но своего не добился. Собравъ войско (261 Quatro cento soldadi; позднѣе русскій текстъ даетъ ему 10 тысячъ), онъ каждый день воюетъ подъ Антономъ, «и не смели люди из города выходити къ цэркви помолити сѧ богу, поки третаѧ часть днѧ выидет» (263 Queli dentro no-se ossa acorlar S'el no-è ben terça passa'). Отношенія нашего текста къ эпическимъ амплификаціямъ венеціанской пѣсни легко усмотрѣть изъ слѣдующаго сопоставленія: «И одного часу таю курва маретрыс рече Додону: Пане, доколе будем такъ без покоѧ жыти? бо покуль тот злодеи старыи буде жыв, не можемъ от него впокоѧ мѣти. Онъ прывелъ зъ собою десеть тисечеи войска под Антонию, а в тебе в городе ест трыдъцат тисеч. И подобала сѧ ему ее речъ, и тотъ часъ велелъ у рогъ трубити, и собрала сѧ ихъ трыдцать тисечъ конных и добрых зброиных. И с тыми людми ехалъ просто до святого Семиона и прытагнулъ там, послалъ до Симбалъда посла и добывал города. А Симбалъдо з города боронилъ сѧ, и тамъ было мертвых на обе стороне много».

265 Dela meltris eo ve voio contar.
Ben per tenpo ela fo leva',
De richi drapi ela s'adoba',

Vene a Dodon, silo domandà:
«Meser, diss'ela, or entendì ça.
Nu-no poremo viver dentro da-sta cità
Infin che'l traditor morto no serà.
XV milia chavalieri con vu avì menà,
Ben altretanti ne trovarì in la cità:
Fe sonar lo corno, si li fe adobar;
Eli serà ben. XXX. milia chavalieri aparià,
Suli destreri ben armà,
Fin a San Symon no-ve astala',
Prenderì lo gloton sil farì apicar».
Dodon l'intende, sì prexe a parlar:
«Madona, diss'elo, ben m'avì consià».
In piè se leva, fè lo corno sonar,
Eli fo ben. XXX. milia chavalieri armà;
Dan Albrigo lo confalon portà.
Esse d'Antona, plu no demorà,
Inver San Symon tosto cavalcà,
Infin al castelo Dodon no se arestà
E l'asedio a Sinibaldo messo à,
E gran bataia al castelo donà.
Eli se defende e molti morti n'à.

Въ первую ночь Додонъ «Маганецкій» (de Magança) видитъ сонъ, будто Бово прокололъ «ему серцэ путробу» (293: lo cor e lo figà), и посылаетъ Данъ Албрыго къ Бландоіїѣ, чтобъ онъ разсказалъ ей его сонъ (разсказъ о снѣ повторяется въ русск. и венец. текстахъ), а она прислала бы ему Бова, котораго онъ хочетъ погубить. Данъ Альбрыго отправляется съ ста юнаками (307 chavalieri) — слѣдуетъ въ венеціанскомъ текстѣ пропускъ въ одинъ листъ, восполняемый удинскимъ фрагментомъ: «и нашодшы панию Бландою и поздровилъ ее Додоновым поздровенпем и мовил ей въ речы Додоновои. Она рекла: Для ласки отца Бовова не пошлю его къ Додону, але хочу его тутъ отрутити запсте (Ud. v. 10 слѣд.: E la meltris dama comença a parler: «Don Albrigo, or ve torné arier E diré a mo sire ch'io non lo vo' mander. Per amor de son pier lo voio atuer). И Дан Ал-

брыго с тым поехалъ къ Додону, а пани велела Бова замкнути в ѡдну комору (Ud. v. 16 çanbra). И был тамъ Бово пѧть днеи (Ud. v. 17 ben .V. dì) не едѧ а ни пиꙗ, и почалъ крычати: Ѡ мати, маєш великии грѣхъ иж мѧ хочеш такою смертью уморыти (Ud. v. 19—20 Ai, mia mier, tu fa torto e peçié, Che a cotal morte tu me fa transuer). И ѡна тоє учувшы, не могла стерпѣти и позвала ѡдну дѣвку и дала єи велми злую трутизну и рече: Замеси у тесте, испечы ѡдин хлѣбецъ (Ud. v. 29—30 E del plu malvasio tosego che se posa trover Tuto lo pan avrì intenperer) и понеси моєму сыну Бову и мов єму: Поздоровлѧеть тѧ матка и велела тобѣ мовити: За жалост, которую маю со смерти твоего ѡтца, забыла єсми тебе, и коли доростеш, дам ти твоего ѡтца зброю и конь» (Ud. v. 33 слѣд. E diséli che de la morte de son pier son fost desconsolé, Che io de luy non m'ò arecordé. Quando le serà cresuto e fato civaler, Le raxon de son pier averò a doner, E da mia parte l'averì a saluder).

Далѣе венеціанскій и русскій тексты снова идутъ рядомъ: взявъ въ «ѡбрусѣ» (toaia 308; Ud. v. 38 tovaia) два хлѣба съ «трутизною» (310 tosego; Ud. v. 40 id.)[1]) дѣвка идетъ въ комору (311 camara; Ud. v. 41 canbra) къ Бовѣ, за нею двое голодныхъ щенятъ (cani 312; Ud. v. 42 livrer); она повторяетъ слова матери, даетъ Бовѣ хлѣбъ (не два хлѣба), пошла, но одумалась: ей жаль мальчика; вернувшись, она велитъ ему не ѣсть отравленнаго хлѣба. «Даи ми скибу» (Lo pan me dona' 334; Ud. v. 65 vianda), говоритъ ей Бово, разрѣзалъ одинъ хлѣбъ пополамъ и даетъ двумъ «выжламъ» (въ венец. и удинскомъ текстѣ опытъ сдѣланъ лишь съ однимъ livrer)[2]), у которыхъ отъ того «ѡчы выскакали». — Бѣгство Бовы; переводчикъ принялъ *plaça* за *palaço* и перевелъ: «вышол с коморы *у палац, а с палацу* побѣгъ из замку» = 344 Vene ala sala, de fora scanpà — *E in la*

---

[1]) Въ тосканскомъ текстѣ (= франко-италіанскомъ), найденномъ Райной: uno pavone atossicato e una schiacciata e uno bottaggio di vino.

[2]) Въ тосканскомъ (= франко-италіанскомъ) текстѣ Райны: una segugia.

plaça algun nòl contrastà[1]). Онъ скитается въ теченіи трехъ дней въ великомъ «лугѣ» = 349 gran bosco (Ud. v. 81 id.); «и увидел одно прыстанище у мора и пошол к тому *прыстанищу* на берегъ мора» = 354 è çonto su la *riva* del mar (Ud. v. 86 rivaço) какъ и въ Трыстанѣ riva часто переводится пристанищемъ. Бово молится: «Боже дай мнѣ милост (358 O Dio, deme graçia; Ud. v. 90 iutorio) абых утекъ з моим жывотом и мстилъ быхъ смерти отца своего. И смотрѣл на море и увидел одно судно на моры и не мог сѧ докликати ихъ» (иначе 361 E vete una nave che no po plu avanti andar; Ud. v. 92 che non po avanti alier) И увидѣлъ его одинъ «морнаръ» (362 Un de li marineri); сорокъ (366: XXX ani; Ud. v. 97 id.) лѣтъ ходилъ онъ этими мѣстами, никого не видѣлъ «кром одно двое скота а одного лва» (368 Se no bestie salvaxe e lion afamà; Ud. v. 99 bestie salvaxe è lion abrevé); посмотримъ, что то за дитя: «если будет христѧнин, можемъ его взѧти, а коли поганин (372 saraxin; Ud. v. 103 id.; сл. далѣе венец. 378: E' tu cristian, saraxin o pagan = христѧнин або ли поганинъ; Ud. v. 109 se-vu cristian o pagan d'oltra mier), мы не берымо». Бово говоритъ, что онъ хрыстіанинъ, отецъ его «млынар» (382 pestrinar; Ud. v. 111 pestriner), а мать кормится тѣмъ, что моетъ на богатыхъ людеи кошули; восемь дней какъ онъ заблудился, ничего не ѣлъ и не пилъ (383 L'altro dì con ley me coroca', Ben è VIII çorni no bevì nè mança'; сл. Ud. v. 114—115) [2]). Морнары берутъ его съ собою и «пошли

---

[1]) Ud. v. 75: E de for dela canbra Bovo sì sen vien, E vient a le plaçe li nobel bacalier, E non trova chi li fese destorbier; въ тосканскомъ (= франко-италіанскомъ) текстѣ Райны: escie dalla torre.... E dipoi guarda per lo palagio e non vide persona; partisi e venne giù del palagio; e smontato ch'ene, vassene per la cittade.

[2]) Сл. тосканскій (= франко-итальянскій) текстъ Райны: «Messere, io mi fo chiamare Agostino. Mio padre fu fornaio [e] mia madre lavava panni a prezzo. E sono della valle di Pinzona, [e] mio padre mi fue morto, [e] mia madre mi volle avelenare. E fummi morto mio padre, ed io era piccolino. Io mi fuggi'». Въ другомъ мѣстѣ объ отцѣ онъ говоритъ: si guardava un mulino e facieva pane a vendere; въ третьемъ мѣстѣ онъ названъ: pistoriere; въ четвертомъ: mugnaio [e] fornaio.

по другому мору» (389 l'alto mar, Ud. v. 120 alto mer, какъ будто: l'altro); Бово похорошѣлъ, «лѣпшое дитѧ не могло быти на вѣки». Сл. v. 393:

Lo fant' è plu belo de roxa de pra.
Elo à li caveli plu beli d'or filà,
Le braçe grosse, lo pugno quarà,
Granda l'inforcadura per in destrer ben star.
Plu bel fante no se poria trovar.

(Ud. v. 124: Li fant vien plu belo de rosa de pre, Li cavés abondi, quant oro smeré, Li braç grosser e li pugno inquaré, La forcadura grande, ben staria in destrier: Li plu bel fant che may nasé de mier). «Служы мнѣ за страву» (399: al mançar; Ud. v. 130 mançier; далѣе «пры ѡбыде»), говоритъ ему одинъ морнаръ; служи мнѣ, говоритъ другой, я первый тебя увидѣлъ. Они готовы поссориться и подраться, но Бово заявляетъ, что раздѣлитъ между ними свою службу; «добре мовит» (407 El'à ben parlà; Ud. v. 140: parlé), говорятъ они. — Судно пристаетъ къ Арменіи (Armenia; Ud. v. 142 Arminia), гдѣ царствуетъ король Арменилъ, здѣсь не названный въ венеціанск. текстѣ; сл. далѣе 564 Arminion (Ud. v. 172 Arminiun) и въ 8-a rima: Un re che Erminio si facea chiamare. Его появленія на берегу и торгъ съ морнарами, у которыхъ онъ покупаетъ Бово за «двадцать литръ злота» (435 Trenta marche d'oro = Ud. v. 170; въ 8-a rima: cento bisanti) разсказаны въ обоихъ текстахъ съ небольшими отличіями; переводчикъ передалъ nave 413 = Ud. v. 147 словомъ «древо» (ит. legno), proda 412,415, Ud. v. 150 nive = судно, la nave armiçà 421, Ud. v. 156 = «судно къ берегу прытагнули»; король спрашиваетъ у морнаровъ о Бовѣ: «чы з вашого города?» (429 del vostro parentà; Ud. v. 164 de vostro barné), а къ нему обращается съ словами: Храбрынче, храбрэнче = 438,442 (сл. 464) valeto, очевидно по смѣшенію съ valente (Ud. v. 173 Fant; сл. v. 177). Король дивится красотѣ Бово: «Ѡ святаѧ Марыѧ, бы ты был з моими дворенми або з моими

хлопаты!» — 418 Santa Maria, lo Re sì parlà, Mo fos'tu mio scudero e de mia fameia (сл. Ud. v. 153—4). «А коли было такъ, *такъ писмо говорытъ*, былъ Бово чотыры годы у конюшни служечы машталеромъ» = 445 *S'el' è cossì vero como dixe lo cantar*, Ben .IIII. ani stete Bovo in Armenia la cità (сл. Ud. v. 180—2). Всѣ говорятъ о его красотѣ, хочетъ видѣть его и дочь короля Друзіана.

452 La çentil dona un dixenar à ordenà;
A ben. LX. done ela à fato apariar.
E Druxiana su per la sala andà;
Baroni e cavalieri per ley se driçà,
Medeximo so pare in piè se levà.
«Fiola, diss'elo, que te plax comandà?
El no è toa uxança de vegnir qua».
«Pare, disse Druxiana, eo vel voio contar.
A done ben. LX. c' don dixenar.
Ele son bele, servidor mester li fa»
«Fia, disse lo Re, to'ne a toa voluntà».
La dona andè da Bovo, sì lo domandà:
«Valeto, deli altri fanti con ti menera'
De fin a. XX., sì m'averì servir e apariar».
Bovo respoxe: «A vostra voluntà».
«Fanti, disse Druxiana, vu me servirì al mançar».
«Ma-dona, disse Bovo, sì come vu comanda'».
Po' li diè del'aqua, ele se asentà.
La dona no po niente mançar,
De guardar Bovo no se po saçiar.
In le soe man un pane ave piar
E un cortelo ch'è ben afilà:
Per grand' ira del pan volea taiar.
E lo cortelo de man in terra andà,
Soto la tola ello rodolà.
Alora Bovo si se plegà
Soto la tola per lo cortelo piar.
S'el è cossì vero come dixe lo cantar (сл. Ud. v. 187—214).

Русскій и удинскій тексты восполняютъ слѣдующую лакуну: «племенида Дружненна» (Ud. v. 215 la çentil dona) нагнулась подъ столъ и поцѣловала Бово. Вся эта сцена разсказана почти

также, какъ въ италіанскомъ, за вычетомъ нѣкоторыхъ эпическихъ повтореній. Не переведено 469 (какъ и 1491): Po' li diè del' aqua, потому ли, что переводчику непонятенъ или неизвѣстенъ былъ этотъ застольный обычай, общее мѣсто всякаго эпическаго описанія западнаго обѣда? Вѣрно, по крайней мѣрѣ, что встрѣчая общее выраженіе «dar dell'acqua alle mani», онъ его обходилъ, тогда какъ подробное описаніе обычая (v. 2430 слѣд.) онъ перевелъ точно [1]). Съ *племенидой Дружненной* мы встрѣчаемся въ первый разъ; объясненіе даетъ далѣе «*племенида панна*» = 535 *La çentil dona;* племенида — испорченное сербское *племенита.*

Послѣ обѣда Дружнена идетъ въ свою ложницу (Ud. v. 225 vol alier a la çanbra ponsier) и посылаетъ за Бово; пытаетъ его о его родѣ-племени; онъ говоритъ о себѣ, что̀ говорилъ и королю; она не вѣритъ, «бо парсуна твоѧ того не вказуеть» (Ud. v. 244 Fiç a putan, dit ela, vu non di verité, Che non te loda lo servir ni l'afer). Онъ просится у нея поѣхать въ поле, по траву конямъ; возвращаясь оттуда съ вѣнкомъ изъ травъ на головѣ (Ud. v. 253 çirlanda), видитъ подъ городомъ войско Маркобруна (Ud. v. 258 Marchabrun che Polonia mantien), пріѣхавшаго свататься за королевну (Ud. v. 261 Ch'è vegnù per Drusiana per muier) [2]); сама «племенида Дружненна» смотритъ на турниръ, на которомъ бьется Маркобрунъ [3]). Захотѣлось поѣхать туда и Бово: онъ проситъ у одного витязя его щитъ, «хочу людемъ чынити смехъ» (Ud. v. 274 tarçe; v. 272 E de quela çostra l'oit gran volonté; сл. v. 276), вмѣсто копья беретъ въ руки жердь (Ud.

---

[1]) Объ этомъ обычаѣ сл. Zeller, Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karls-Epos. Marburg 1885, стр. 38 и слѣд.

[2]) Сл. тосканскій (= франко-италіанскій) текстъ Райны: Questi sono signiori, ciò i rè Marcabruno che viene d'Apollonia per volere bigordare, che al tutto vuole Drusiana per moglie.

[3]) Сл. Ud. v. 264 слѣд. E la çostra è fata per ordenamento tiel, Che Drusiana ali balcon diè ster A veder la çostra deli baron civaler. E quand la jentil dama non vorà plu garder, Ela sì diè far un corno soner, E li baron si diè tuti quanti desarmer. Сл. прим. Райны.

v. 281 stánga; здѣсь снова начинается венеціанскій текстъ), выбилъ изъ сѣдла нѣсколько конныхъ пахолковъ и заѣхавъ «у великіи турнаи» (487 in la maçor pressa = Ud. v. 289; сл. вен. 590 En la pressa = у бой) сбрасываетъ самого Маркобруна, но снова сажаетъ на коня. Маркобрунъ опечаленъ[1]); рыцари «розобрали сѧ» (499 se desarmà), а Бово, отдавъ щитъ его хозяину и прислонивъ жердь къ воротамъ, откуда ее взялъ, идетъ, все въ томъ же вѣнкѣ, въ конюшню отдохнуть; «а парсуна его была лепшеи пижли ѡдин цветъ» (512 flor de pra; Ud. v. 316 rosa de pre). Къ нему приходитъ Дружнена, проситъ дать ей вѣнокъ «абых его с твоее ласки носила; и рече Бово: Паніо, не добре мовиш и велик грѣхъ маеш (516 vu di' torto e viltà; сл. Ud. v. 320), коли ты сѧкии венец хочеш ѡт мене носити». Она браниτъ его (курвын сыну = 523 Fiol de putana), грозитъ пожаловаться отцу, что онъ хотѣлъ учинить ей насилие; Бово бросаетъ вѣнокъ (не могъ инакъ учынити = 530 el non po altro far). Она этимъ недовольна: «Дан ти богъ зло, курвинъ сыну» (538 Dio te dia mal, fiol de puta gadal; Ud. v. 342 Fiç a putan, Dio te dun ingonbrer), говоритъ она и повторяетъ прежнюю угрозу, если онъ не возложитъ ей вѣнокъ на голову. Бово это дѣлаетъ, «не могъ инак учынити» (541 no po altro far); она его цѣлуетъ.

Въ это время пришли изъ-за моря сарацины, съ ними Лукаперъ, «великого солъдана сын» (549 El soldan di Sadonia e Lucafer soa rità; 559: Lucafer de Boldras; въ Buovo in 8-a rima cc. III—IV: Boldrace, но въ c. XXII: Sandonia), проситъ за себя Дружнены. Арменилъ отказываетъ и вмѣстѣ съ Маркобруномъ бьется съ нимъ. Въ поединкѣ съ Лукаперомъ онъ «трафлялъ его под щыт и не мог ему зашкодити, бо щыт был добръ, але гвоздье выпадало, а копе сѧ зламало» (570 So scu è sì bon, non

[1]) Сл. Ud. v. 295 слѣд. E Marchabrun sì fe soa çant clamer, E fe adober ben .c. civaler. E un conseio oit fato clamer: «E al ferir dele lançe sì l'avrì atuer, E çascun me le faça trabuçer del destier, O morto o vivo me le façe alier». E la bela Drusiana ali balcon est apuçé E vit li conseio de Marchabrun l'inperer; Amantinente fi le corno soner. In quella fiâ si parte l'inperer e Bovo li ber.

po falsar niant, L'asta è rota, lo torson vola al canp). Тоже случилось и съ Маркобруномъ, который ударилъ Лукапера «у щыт позлоцон (583 ad or smerà; сл. 705) и не могъ єго пробити, а копъє зламал» (585 L'asta se ronpe, lo torson vola al pra). Арменилъ и Маркобрунъ взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Бово, услышавъ конское ржаніе, взошелъ на «ѡдинъ кганокъ (595 A una fenestra Bovo se va apoçant), увидѣлъ «гэрбъ» (insegna) сарацинскій и армянскій; взошелъ на «стену бронную» (598 peron) и узнаетъ отъ одного хлопца (599 damixelo), что̀ случилось съ Армениломъ и Маркобруномъ (ꙗки-сь добрыи Маркобрун = 604 Marcabrun l'amirant). Бово идетъ въ конюшню, находитъ тамъ Дружнену, которой говоритъ, что ея отецъ и «паницъ» (608 chi ve dovea spoxar) взяты въ плѣнъ. Мы затворимъ городъ, «ты будеш панства сего корону носити» (612 De tute ste contrade corona averì portar), говоритъ она ему. «И ѡн рече: Ꙗкъ то може чоловекъ учынити, коли єго пан за пѣнези купил на роботу? Але ѡдначе мушу там быти» (неясность русскаго текста восполняетъ италіанскій: 614 Madona, disse Bovo, que se po l'omo aprixiar, Quando lo so signor lo conprà per dinar, Se ale bexogne nol va aydar?), пойду съ оружіемъ, или захвативъ вмѣсто него «ѡдно великоє древо» (619 un gran baston quarado), пѣшій или конный. «Ты пѣшъ не поидешъ», говоритъ ему Дружнена, — «хочу тобѣ дати зброю (и доброго конѧ) Гальца, и дам ти добрыи мечъ кглѧдэнцыю, которыи был доброго Аливера, и хочу ти дать доброго конѧ, которого лепшыи не можеть быти: ѡн был ѡдин ѡт чотырох, и не могла на нем жаднаꙗ душа ехати».

622. Ela disse: Tu non andarè desarmado:
Dele arme delo Re Galaço tu serè armado,
Sì te darò Chiarenza, lo bon brand amolado,
— Po' fo Alteclera d'Oliver l'aprexiado —
Sì ve darò Rondelo, lo bon destrer asortado,
Mior de lu no fo mai trovado:
El fo de li. IIII. l'un chi fo afadado.

Lo cavalo è sì fato e sì norigado,
Ch'el nol po cavalcar hon nado,
S'elo no è chavalier e fiol de Re incoronado.

Многія подробности и намеки этихъ стиховъ, могли быть не поняты переводчикомъ, который довольно близко, за опущеніемъ одной черты, передалъ описаніе вооруженія Бово:

634 Alora Bovo veste l'usbergo, le ganbere calçà,
Alaçà l'elmo e in gran arçon montà;
La bona spada al colo se çità,
Lo forte scudo elo inbraçà,
La grossa lança elo inpugnà.

«И убралъ сѧ Бово у зброю и взложылъ гелмъ на главу, а добрыи мѣчъ ущеплъ на шыю, и взалъ щытъ на плечо и копъе в руки». На вопросъ Дружнены, почему онъ «сѧ мечомъ не ѡпасалъ», онъ говоритъ, что еще юнакъ, а не витязь. Тогда она велитъ ему слѣзть съ коня: она — дочь «короля коронованого, а у венцы есми корунском» (646 Eo son fiola de Re e de Raina incorona'), можетъ поставить его «витезем», но для того ей нужно знать его «родину» (651 parentà). Бово говоритъ, что онъ сынъ короля (653 dux honorà), который «держалъ добрыи город Антонію» (654 mantene.... la mirabel cità). Она рада, что онъ не худородныи, даетъ ему «заушницу» (661 una gran golta'), опоясала мечомъ и говоритъ: «Не ѡбцуи же з лихими и зрадливыми» (663 Tradimento ni felonia no uxar). Она «ѡблапила» его (664 Braço al colo li çità), а въ это время входитъ Игулинъ (въ другомъ мѣстѣ: Агулинъ = Ugolin), что носилъ «хоруговъ» (592 confalon) Арменила, упрекаетъ дѣвушку: «Курво, дан ти бог зло (670 Putana,.... Dio te dia mal afar), што чы чыниш, а твои ѡтец поиман и Маркобрунъ, которыи тѧ хотѣлъ понати.... Але коли ѡни с темницы втекуть, и ѡни тѧ сотнуть» (675 te farò bruxar). Разгнѣвался Бово, ударилъ его въ «стегно» (677 lo costà), такъ что тотъ упалъ съ коня, и разорвалъ ему одинъ рукавъ (679 E un de li braçi li fè scaveçar).

Дружнена велитъ 400-мъ конным ѣхать за Бово, «штобы пнакъ не было» (682 Eli ne va, ch'eli no po altro far), наѣхалъ на сарацинъ; Лукаперъ велитъ ему ѣхать назадъ: Дружнена не твоя, дай мнѣ Арменію безъ кровопролитія и увѣруй въ «Магомэта» (695 Macon). «Мысль та заводить» (697 lo penser te falà), говоритъ ему Бово; «забол» копя (700 broçà), пробилъ щитъ Лукапера, «бенди ωпали» (706 lo usbergo li desmaià), копье прошло въ сердце. «Бпите юнацы свободно» (710 ferì, franchi baron), крпчитъ онъ своимъ и съ помощью людей, высланныхъ Дружненой пзъ города, побиваетъ всю сарацинскую рать. Убѣжалъ лишь одинъ старый сарацинъ, «Бог дан ему лихо» (721 Dio li dia mal afar), что «тры копа у хрыбте (723 in lo corpo) ωтнес». Прибѣжавъ къ «солъдану», онъ сообщаетъ ему о смерти сына. Султанъ бѣжитъ на кораблѣ, «а другпе сарацэни почали бѣгати гдѣ хто могъ» (741 in galia intrà, Coli payn se messe a scanpar). Бова нагналъ пхъ на «прыстанищѣ» (744 riva del mar), убилъ (745 fè anegar) болѣе 20-ти тысячъ, затѣмъ, вернувшись, освободилъ Арменпла и Маркобруна. «И кроль Арменилъ пошол за сарацэны, абы са помстилъ, и зашол з другого мора и погубилъ всихъ, которые были на прыстанищы» (750 Lo re d'Armenia se vol vendegar, E va a ferir in payn d'oltramar. Morti fo pay'afora queli chi in la nave intrà). Арменплу Бово говоритъ, что тотъ купилъ его за тридцать литръ злота (758 trenta marche d'oro), а онъ возвращаетъ ему на каждую литру сто (759 plu de mile).

Побѣдители возвращаются, Дружнена смотритъ на нихъ «стоечы на кганку» (764 ali balconi), выходитъ на встрѣчу отцу, говоритъ ему, что̀ узнала о Бово, какъ поставила его рыцаремъ; «Мои ласкавын ωтче (778 Bel pare), дан ми его за мужа». Король и самъ о томъ думалъ; но является Агулинъ и говоритъ: «Кролю пане дадку (781 Barba), и мене Бово ударылъ у стегно и нагавицу ми раздрал (782 un braço me scaveçà), *и хочу с ним умрети и мовлю то, абы ωн не былъ витезем»;* отдай дочь за Маркобруна, а за Бово мою сестру; *«з витезем Бовом и хочу*

бити сѧ, але не вемъ, ѥели ѡн похочетъ». Сравненіе съ италіанскимъ текстомъ показываетъ, что сербскій переводчикъ точно передалъ его, бѣлорусскій невѣрно прочелъ одно его слово, что повело его къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ по смыслу. Сл. 783 Con lui sì me voria *acordar*. Io nol digo perch'elo no sia chavalier aprixià.... 791 Colo valeto Bovo me voio *acordar*, Eo no so s'elo lo voia far. De Bovo tradimento à pensà». Въ сербск. текстѣ могло стоять; и хочу с нимъ *умирити* (сл. 1431 Eli si *acordà* de caminar, гдѣ *acordar* понято въ смыслѣ помириться: «*змирившы* Бово. Сл. 1525 acordà = зъеднать) и не мовлю то» и т. д. Бѣлорусскій пересказчикъ прочелъ вм. умирити — умрѣти, и согласно съ этимъ замѣнилъ въ ст. 791 acordar словомъ *битиса*: сдѣлать это онъ могъ тѣмъ легче, что ст. 793, въ которомъ готовность къ примиренію является предательской, могъ и не быть переданъ сербскимъ переводчикомъ.

Всѣ витязи разъѣхались каждый до своей «господы» (795 oster), Бово ушелъ спать въ комору (797 camara), а Агулинъ собралъ 60 юнаковъ и «запрысегалъ ихъ на эвангелеи» (803 fè çurar e sagramento far), чтобъ они убили сонnаго витязя. Они пришли къ нему, онъ лежалъ прикрывшись «колдрою» (въ соотвѣтствующемъ итальянск. стихѣ этого слова нѣтъ, но въ 798 contre de cendado; 811, 821: coltra), при немъ мечъ и сброя. Агулинъ «скрылъ» (811 levà) съ него колдру, говоритъ юнакамъ: «Верните сѧ ѡпат, можем его потом убити» (814 Vegnì *oltra*, signori, sil'averemo taiar. Oltra понятно какъ altra volta, откуда и непонятное *потомъ*), но они боятся къ нему приступиться, и Агулинъ опять его «ѡпранул» (821 la coltra adosso li ritornà) и возвращается въ палацъ. Одинъ старикъ говоритъ ему: «Іѫ есми твои человѣкъ» (825 Eo son vostro hon), могу тебѣ помочь: «и велми парсуною къ королю трафил сѧ» (826 Co lo Re eo son d'un tenporal); лягу въ коморѣ, будто король, а ты вели послать мнѣ Бову и «справ лист (837 breve) до солдана», съ которымъ я и пошлю Бово; а султану напиши «поздровлене и прыязнь» (838 salù e amistà) и чтобы съ послан-

нымъ онъ сдѣлалъ, что хочетъ, ибо это Бово, убійца Лукапера. Бово идетъ на аудіенцію къ мнимому королю, который велитъ «поздоровить» (854 saludar) султана; пусть проститъ ему смерть сына, какъ онъ прощаетъ ему гибель своихъ людей. «Могу-ль понести зброю зъ собою?» спрашиваетъ Бово. «Не треба, поедь на иноходнику (864 No andì vu, a palafren andar?). Ѡ боже небескій, и того Бово ничого не познал, а панна Дружненна ни корол того не вѣдали! И Бово поехал. А коли такъ было, такъ писмо говорыть (867 S'el' è cossì vero como dixe lo cantar), ехал витезь Бово тры дни ни єда ни пиа, кром зѣльа и корена што по земли ростет (869 per li prà). Ѡ боже сватаа Мариа, матка божа, прыими Бова иж велми у злую дорогу входит! (870 Ay Dio, disse Bovo, Santa Maria mar — Quando io camino, mal trovo da ‚mançar). Видитъ, подъ дубомъ (873 oliver) стоитъ «богорадникъ» (873 palmer), передъ нимъ «бохон хлѣба и вино» (874 pan e vin e carne assa'). Бово проситъ у «пельгрыма» (879 palmer) раздѣлить его трапезу; тотъ соглашается, но подаетъ ему «збанок» (881 botaço), въ которомъ было вино, смѣшанное съ зельемъ (886 arochonà). Выпивъ его, Бово спитъ непробудно въ теченіи пяти дней, а богорадникъ уноситъ его мечъ, сѣлъ на его коня, а ему оставилъ своего «подъездка» (893 mul). Когда Бово проспулся, началъ сѣтовать: «то єсми у злыи час рожон!» (900 mal nassì de mar), подъездокъ не можетъ поднять его, и «небог Бово» (905 li ber Bovo) идетъ пѣшкомъ «день и другии» (907 D'un çorno in altro) и дошелъ до города Задониі (908 Sadonia), «увидел солъданъ на кганку (912 ali balconi) стоечы и бороду скубучы (913 E con le man la barba se tirà), велми плачучы» о своемъ недавнемъ пораженіи. Бово привѣтствуетъ его: «Ваш панъ Махомет ховаеть великихъ и малых, которыє суть в том городе, а звлаща цара солъдана» (922 Macometo, ch'è vostro signor prinçipal, Salve e guarde piçoli e grandi de-sta citè, E sovra tuti li altri lo signor Soldan). Онъ говоритъ ему о своемъ порученіи, подаетъ письмо; услышавъ его содержаніе, султанъ «почал смотрети у виденэ (941 el vixo) Бову: и та мало

могу любити (942 poco te posso amar), што ты моего сына Лукапера убил; а хто тебе сюда послал, не маєть тѧ ни за ѡдин пѣнезь» (944 dinar). Онъ велитъ своимъ юнакамъ (945 baron) схватить его, Бово убиваетъ кулакомъ одного сарацина, но ему завязали назадъ руки, глаза повязали «хустои» (950 una peça) и велятъ 400-мъ сарацинамъ (954 plu de mile) вести его «до шыбеницы» (953 ale forche). Дочь султана, Малгарыѧ (955 Malgaria), говоритъ отцу, что Бово добрый витезь, лучше его не убивать, а склонить къ магометовой вѣрѣ, будетъ кому по смерти султана держать его царство. Она сама идетъ, чтобы вернуть его: «и ѡни вернули, инакъ не смели учынити» (975 non olsa altro far). Самъ султанъ предлагаетъ Бово измѣнить вѣрѣ, жениться на дочери и быть его наслѣдникомъ, государемъ «болшъ трыдцати городов» (983 de XXXII cità). Бово отказывается: онъ не хочетъ «Господа Бога ѡставити и панну взѧти, котораѧ у твоєи земли росла» (988 Ni ch'io tolesse dona a sto mondo na, — Per amor de Druxiana, ch'io posso tanto amar). Султанъ снова хочетъ повѣсить Бово, но дочь проситъ отдать его ей, она посадитъ его въ свою «турму» (1000 tore) и обратитъ его къ Магомету; «а таѧ турма была болшеи сорока ступеневъ въ шырки» (1001 Plu de. XL. piè è la tore fondà), въ ней ящерицы и змѣи (1003 bisse e serpenti). Черезъ пять дней царевна понесла Бову ѣсть и пить, «и видел Бово у турми ѡдну змею, и просветила таѧ; ѡн ѡзрѣв сѧ и увиделъ ув-угле мѣчъ, которыи тутъ ѡт давных днеи стоꙗлъ, и взѧлъ тотъ мечъ» (1013 Quela spada per antigo tenpo li sta; Quando la tore vegnia ben guarda', De cristiani fo tuta plena ça). Онъ замышляетъ убить Малгарію, но та говоритъ, что пришла спасти его, и спустившись къ нему внизъ (черта, изчезнувшая въ нашемъ переводѣ, ибо глубина башни замѣнена въ ней шириною), снова принимается уговаривать его взять её за себя: «цудънеишое панъны над мене не знаидешъ» (1031 Plu bela dona de mi no po'trovar. Ve'como io so blancha como flor de pra). Отказъ Бово такъ разгнѣвалъ дѣвушку, что она «за малымъ не поведала ѡтцу» (1042 Poco de men nolo disse a so par), но

одумалась: «Єсли повѣмъ, wн велитъ его wбесити, и *не буду его мьти у своеи коморе*. И пошла wт него». Переводчикъ не понялъ итальянской фразы, перенеся и знакъ препинанія: 1045 *Po'nolo porò may rescatar. Ala soà camara* ela indrio tornà. По венеціанскому тексту Бово сидитъ въ тюрьмѣ годъ и три мѣсяца, послѣ чего султанъ велитъ снова привести его къ себѣ, чтобъ допросить. Въ переводѣ это разсказывается (вслѣдствіе пропуска; сл. далѣе), какъ совершившееся тотчасъ по посѣщеніи Малгаріи: двадцать сарацинъ посланы за Бово, зовутъ его: «Гдѣ ты темничнику?» (1060 prixoner). Семь человѣкъ спускаются къ нему, за ними другіе семь; онъ ихъ перебилъ, «всѣлъ на коловорот» (1082 monta su la tola), когда оставшіеся сарацины его вытянули, убиваетъ и ихъ, кромѣ одного, который ушелъ и «почалъ верещати» (1088 cridar) о бѣгствѣ Бово. За нимъ пускаются въ погоню два «дадковичы» султана (сл. далѣе 1104 nevo del Soldan), «братеники» Транкацын и Абрам (1095 Troncatin e Abrayn, intranbi era fra; Bovo in 8-a rima c. V, st. 17: Abraino, Turcino). Бово бѣжитъ «полем» (1098 per lo *palaço* sen va; A salto a salto esse fora dela çità), Абрам за нимъ; Бово убиваетъ его, вскочилъ на его копя, а далѣе расправляется съ Транкацыномъ, желавшимъ «wсветити (1119 vendegar) смерть брата своего».

Добѣжавъ до морского берега, Бово проситъ торговцевъ, которые уже собрались «wдопѣхити сѧ», взять его къ себѣ: онъ христіанинъ, годъ и три мѣсяца просидѣвшій въ темницѣ у султана; «хочу попти у сватое крѣщенне» (1137 in santa cristentade voio andar). Они берутъ его, но въ это время прибыли къ морю сарацины, требуютъ султанскаго плѣнника. Купцы хотятъ его выдать, но Бово отрубилъ одному изъ нихъ голову, другіе просятъ его: «Пане, не чыни зла» = 1154 Meser, diss'eli, no ne fa algun mal (слѣдуетъ въ венеціанскомъ текстѣ лакуна въ три листа), они повезутъ его, куда онъ хочетъ. Онъ велитъ идти въ Арменію, но вѣтеръ ихъ не пустилъ. На другой день Бово узнаетъ отъ одного рыбака (сл. во 2-мъ изъ удинскихъ отрывковъ v. 348: Pescier de bon aira, dist Bovo li ber, Che tera è

questa?), что они вблизи города Монбрада (Ud. v. 351 Monbrando), въ которомъ царитъ Маркобрунъ и въ этотъ день будетъ праздновать свою свадьбу съ дочерью Арменила, Дружиной. «А коли она тутъ с нимъ прыехала, она просила его, абы не спал с нею до году; для того она учынила, покул Бова забудет (Ud. v. 357 E quando li rois Marcabrun la oit mené, Ela lo fe plevir e çurer Dechia un ano conplì e pasé Ch'elo non l'averia a toçer, Per amor de Bovo che la po tanto amer). Крол на томъ ся шлюбил, а то вже от того дня до нынешнего дня годъ». Бово проситъ рыбака отвезти его на тотъ пиръ, «бо не можеть лепшого скомороха над мене быти» (Ud. v. 367: Mior çupler de mi non se po trover; Buovo in 8-a rima, c. V, st. 38 Io so dir folle per ogni ragione), велитъ купцамъ дать рыбаку двадцать литръ золотомъ за рыбу (Ud. v. 371: XXX marche d'or clier), и самъ даетъ, что было въ «калитѣ», «пять болванцовъ золотых» (Ud. v. 376: V besanti d'oro; въ 8-a rima c. V, st. 40 cinque bisanti). Но какъ войдти въ Монбрадъ въ «золотыхъ шатахъ»? Его узнаютъ. Онъ проситъ у одного богородника, стоявшаго подъ дубомъ (Ud. v. 393 E sot un pin vit çasir un palmier), помѣняться съ нимъ платьемъ; когда тотъ отказалъ, онъ «възвернулъ ему гуню на голову» и увидѣлъ подъ нею свой мечъ «кгларенцыю», узналъ и въ пилигримѣ того, кто опоилъ его. Онъ хочетъ съ нимъ расправиться, ударилъ его «болъдицою и тым ударомъ пробилъ ему тры ребра» (вен. 1155 Che .II. de le coste in corpo li speçà. Снова возстановляется соотвѣтствіе съ венец. текстомъ). Тотъ проситъ: «Пане, для бога не вчыни ми зла, дам ти одно зѣлье бѣло якъ снѣгъ (1159 radixe, 1161 lo plu blanco che se possa trovar), а хто бы ся имъ умылъ (1162 fregar), будет чорныи якъ уголь (1163 cun' agrament stenprà); и еще ти дамъ другое зѣлье: хто бы его розмешавши з вином хота мало укуслъ, три дни (1167:. V. dì) не пробужам ся будеть спал». Взявъ зелья и раздраныя «свиты» (1173 drapi) пилигрима, Бово подпоясалъ мечъ подъ «гуню» (1175 sclavina), натерся зельемъ и сдѣлался чер-

нымъ (1177 Plu negro de mora). Трое горожанъ, стоявшихъ въ «одномъ угле» (1180 canton), дивуются росту пилигрима, который говоритъ, что онъ изъ Франціи, спасся отъ кораблекрушенія (пропускъ 1-го листа въ венец. текстѣ) и проситъ дать ему что нибудь «за милость доброго витеза Бова». Одинъ изъ горожанъ ударилъ его за это: Развѣ не знаешь ты здѣшняго «обычая» (далѣе 1216 обычай = bando), то-есть приказа, не поминать имени Бово? Онъ разсказываетъ о предстоящей свадьбѣ Маркобруна и Дружины и велитъ идти въ «палац», куда всѣ званы къ обѣду и всѣ подадутъ ему. Бово идетъ на кухню и снова проситъ «за милость доброго витеза Бова». Одинъ «кухаръ» ударилъ его за то горячей головнею, Бово убилъ его, ударилъ и другого, остальные разбѣжались (снова продолжается венец. текстъ). Онъ идетъ на палацъ (1191 per me'la sala), одинъ дворянинъ (1192 un de queli dela corte) упрекаетъ его въ убійствѣ кухаря: «Дай ти Богъ зло» (1193 Dio mal te darà). «Не мен ми за зле» (1198 nol'abiè per mal), отвѣчаетъ Бово, объясняя, какъ было дѣло. Дворянинъ совѣтуетъ ему пойдти въ комору, гдѣ спитъ Дружина съ паннами, и попросить у нихъ «про бог» (1203 si domanda carità). И здѣсь, склонившись на «посохъ» (1208 bordon; Ud. v. 399 id.), Бово проситъ той же формулой. Какъ услышала то Дружина, подошла къ пилигриму, спрашиваетъ, гдѣ онъ видѣлъ Бово. Онъ отвѣчаетъ, что сидѣлъ съ нимъ въ темницѣ у султана. Въ это время конь Бово узналъ по голосу своего хозяина, чуть не сорвался съ семи цѣпей и заржалъ сильно, «мало са весь град не растрасъ» (нѣтъ въ пт. текстѣ); «онъ былъ от чотырох наболшыхъ, которые у граде хованы» (1226 El fo de li .IIII. l'un chi fo afadà; Ud. v. 418 El fo de li .IIII. l'un che da Dio for fadé). На вопросъ Бовы Дружина разсказываетъ ему о немъ самомъ, между прочимъ о томъ, какъ она, «злочастница» (1241 topina; Ud. v. 433 id.), поставила его рыцаремъ, какъ онъ бился съ Лукаеромъ «поганымъ» (1243 lo renegà) и затѣмъ исчезъ не извѣстно куда. Того коня, котораго она подарила Бово, она привела съ собою; принесла также и его

сброю (1231 прибавляетъ: Afora Chiarença, lo bon brand amolà; Сл. Ud. v. 423 Ceto Clarença, li bon brando d'acel); что она за Маркобруномъ, на то воля отца, не ея, по Бовѣ она до сихъ поръ неутѣшна (слѣдуетъ въ венец. текстѣ лакуна въ 3 листа) и тотчасъ бы пошла съ нимъ, еслибъ онъ явился: для того я взяла съ собою его сброю и коня, который не даетъ себя повести ни одному чоловѣку, кромѣ нея, и уже убилъ семнадцать юнаковъ, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ въ этой «стапни».

«Вроженаꙗ (gentile = племенита, племенида) панна то говорыть, а сама плачеть». Входитъ Маркобрунъ, спрашиваетъ её о причинѣ слёзъ; она говоритъ, что пилигримъ принесъ ей вѣсть о смерти матери. А конь продолжаетъ ржать, и Бово объявляетъ себя лекаремъ, вызывается укротить того коня. Маркобрунъ согласенъ, обѣщаетъ наградить Бово; вмѣстѣ съ нимъ и Дружненой онъ идетъ въ конюшню, гдѣ падаетъ, заслышавъ конское ржаніе, и удаляется. «И што то вчынил конь добрыи? И всталъ на задние ноги, а передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорыти, рекъ бы ему: Добре єси прышол, пане. И ѡпѧт сѧ ѡпустил на землю». Ты очаровалъ его, говоритъ Дружнена пилигриму, который заявляетъ, что онъ и есть Бово; въ доказательство онъ показываетъ изъ подъ гуни «меч кглѧренцыю»; она проситъ его снять «клобук» и указать знакъ, «што єсми лечыла тебе увѡтца своего, коли єси был с ѡдное скалы спал». Тутъ они спознались, рѣшаются бѣжать; вернувшись къ мужу Дружнена говоритъ ему, что пилигримъ проведетъ ночь въ конюшнѣ, дабы укротить коня, и ему надо послать туда постель, а въ постель увязала Бовову сброю. Подавъ Маркобруну «чашу забытного питьѧ» (1253 una gran copa de poxon araxà[1]). Снова начинается венеціанскій текстъ), она идетъ въ конюшню, гдѣ Бово уже вооружился «в зуполнои зброи и гелмъ на голову прыправил и мечом сѧ ѡпасал, щыт взложыл на руку и взѧл толъстоє копъє

[1]) Въ Buovo in 8ª rima, c. VI, st. 26, самъ Бово даетъ Друзіанѣ соннаго зелья для Маркобруна.

под паху и скочыл на конѧ и за стрымѧ сѧ не прынѧл и не розминул сѧ бы с тысѧчою витезеи (1259 Elo à vestù l'usbergo, le ganbere calçà, Çenta à la spada, l'elmo alaçà, Salta sovra Rondelo, che streve no pià, Inpugna la lança, lo scu inbraçà, Per mile chavalieri no se renderà ça). Вмѣстѣ съ Дружненой, которая сѣла на «прудца»[1]) (1264 palafren), они выѣзжаютъ изъ города; проѣхавъ двадцать миль, Дружнена устала, они остановились у «студенца», гдѣ Бово соединяется съ ней; «и на том месте почала Дружненна два сыны, ꙗко писмо говорыть: ѡдин хочеть быти кроль, а другии княже» (1284... come dixe lo cantar; L'un fè Sinibaldo clamar, E l'altro Guidon l'aprexià; Lun fo Re, l'altro dux honorà).

Пока Бово отдыхаетъ, Маркобрунъ проснулся, не нашелъ жены ни подле себя, ни въ конюшнѣ, «зменила сѧ ему парсуна» (1293 se smarì), онъ «сѣлъ у великом *плачу* (вм. палацу или *полачу*[2]), *сѣлъ* изъ другого стиха 1295... in palaço tornà, Sovra un drapo de seda elo se *asentà*), а велел у рог трубити». Онъ разсказываетъ своимъ людямъ, что случилось, хочетъ послать войско въ погоню за бѣглецами, но мудрыи Мамродо (1305 Morando; въ Bovo in 8-a rima, c. VI, st. 45: Un vechio cortegian) говоритъ ему, что войску ихъ не догнать, «а в тебе ест ѡдинъ чоловѣкъ, именемъ Пулкан (Pulican), ꙗкии сѧ чоловѣкъ не можеть наити над него: ѡн можеть на трыдцат тисечеи конных ударыти. Маеть ѡбразъ чоловечыи и руки и перси шыроки, до поеса чоловѣкъ, ано нижеи ꙗк пес, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест (эта подробность стоитъ въ ит. текстѣ далѣе), а николи на конѧ не вседал, завжды пѣшъ хожывал, и нѣт на свете конѧ, которого бы ѡн не втекъ... а ѡн естъ твои чоловѣкъ, а ты его даруи ѡт твоего имениꙗ (1321 sil'averì afrancar, Del vostro aver

---

[1]) Вм. прусца. Сл. въ Троянской притчѣ: проусьць = gradarius (Mick VI).

[2]) Сл. Троянскую притчу у Ягича, Prilozi k historiji književnosti, стр. 61: «Менелауш... веде га (Париса) в *полачу* к жене своеи»; «в'еднои *полачи* троискои».

li averì donar)[1]), ѡп ти может прывести Бова и Дружненну».— Маркобрунъ призываетъ Пулкана, обѣщаетъ ему свободу и щедрую награду, и онъ отправляется, захвативъ съ собою, по своему обычаю, «тры жерди» (1343 dardi); «и третего дна (1348 avanti che fosse terça) почал догонати Бово»: «его звукъ за двѣ мили было чуть». Дружпена предупреждаетъ Бово, что это Пулканъ, «ѡт пса и ѡт жоны рожон ест и много конников погубил» (1355 D'una femena e d'un mastin inçenerà). Она проситъ его: «улезмо у тотъ луг» (1352 bosco); Бово отвѣчаетъ: «Не помози ему бог и светаа Марыа матка божа, если и мам ѡт ѡдного человѣка погинути» (1260 Nol voia Dio ni santa Maria mar, Che per un mastin io debia scanpar). Онъ ждетъ нападенія съ щитомъ и «сулицей» (1363 lança) въ рукахъ и на угрозы Пулкана отвѣчаетъ: «мысль та заводить (1369 lo pensar te falà), перво са дамъ розсечы, ниж быс ма повел». Пулканъ бросаетъ въ него жердь, Бово «заложыл са» щитомъ, «а з другое стороны богъ ест защытилъ, што его не вдарылъ (1374 L'altro dardo lo malvaxio çità, Dio guarì Bovo, ch'elo nol tochà), и рече: То ест ѡдин дъябол, што с пекла выгнанъ (1376 Questo è un diavolo d'inferno caçà). И почали са бити копъями (1377 Alora cola lança ferir sel cuità. Elo salta in alto, ferir nol po ça); Пулканъ вдарыл Бова по гелму, гелмъ был моцон, пробити не могъ, а Бово прыгнул са на седелныи лук» (1381 sul colo del cavalo se plegà). Бово опечаленъ, что не можетъ ударити Пулкана, бросилъ копье, соскочилъ съ коня, нападаетъ на противника съ мечемъ въ рукахъ, но Пулканъ скакнулъ черезъ мечъ, который забился въ землю, «Бово мало не здох ѡт жалости» (1396 per poco no rabià).

---

[1]) Переводчикъ не точно передалъ выраженіе *masnà* въ v. 1310: человѣкъ; надо бы: *твой* человѣкъ, въ смыслѣ: крѣпостной, сервъ Маркобруна, который и обѣщаетъ ему свободу (сл. выше v. 7. de son masnà = служебникъ). Въ позднѣйшихъ италіанскихъ передѣлкахъ непониманіе термина, вышедшаго изъ употребленія вмѣстѣ съ институтомъ, отразилось иначе: Пулканъ является плѣнникомъ Маркобруна. Сл. Rajna, I Reali, стр. 145—6.

Новая лакуна въ (въ 1 листъ) въ венеціанскомъ текстѣ: конь Бово помогаетъ своему хозяину, ударилъ Пулкана, и когда тотъ вскочилъ на него, унесъ его «у пангущын луг» (bosco?), гдѣ «содралъ ему всю парсуну». Пространная молитва Дружины, въ общемъ стилѣ chansons de geste, съ священными воспоминаніями отъ Адама до Іисуса Христа.

«А добрын конь идеть противъ своему пану» (1397); Дружина напоминаетъ Пулкану, какъ она «ховала» его, «коли тебе Маркобрун прывелъ зъ собою у двор ѡтца моего» (1403 No te recorda in corte de mio par, Che Marcabrun con si te dovea menar?); пусть не платитъ ей за добро зломъ и помирится съ Бово. Пулканъ согласенъ: если бы Бово захотѣлъ, «я бых пошол с нимъ, иж таких двух другов (1416 Mior conpagni) не може быти». Они замирились, «вложыли шлюб (1427 la fé) межы собою» (въ Buovo in 8-a rima, c. VII st. 22 Пулканъ предлагаетъ Бовѣ быть его fratel giurato) и отправляются вмѣстѣ. «И прышли ку ѡднои горе и убачыли на неи замок ѡдного великого кнажати; имя тому городу Костелъ, а кнажати имя Ѡрыл». Сл. 1437 E vete un *castelo* d'un dux honorà. Pulican, de chi è sto *castelo?* Bovo dito li à. Въ русск. текстѣ Костелъ = castello сталъ собственнымъ именемъ (Сл. далѣе 1493 castel = замокъ; городъ, passim; 1579: castelo = городъ Костел); Ѡрыл = 1441 Orio; онъ отнялъ тотъ городъ у Маркобруна «и на кождын ден они мають бѣгати на конех воюючи Маркобруна» (1445 El no è di ch'eli no cora ala cità). «У тот город добро намъ поити» (1449 è bon andar), говоритъ Бово, а Дружина прибавляетъ: «То ест моя ѡтчызна» (1452 Una mia cuxina li çaxe dallà). «Воротный» не хочетъ имъ отворить воротъ, но Пулканъ перескочилъ черезъ нихъ и отворилъ, и они въѣхали. Орылъ стоитъ съ женою «на кганку» (1467 ali balcon); «коли кнаже видел Пулкана (въ русскомъ текстѣ вѣроятенъ пропускъ: 1469 Quando lo dux Pulican veçudo à, Lasso, diss'elo, fato è tradimant, Per la via eo veço vegnir Pulicant. La moier respoxe de prexant), и рекла ему жона»: говоритъ, что то, вѣроятно, Бово, увезшій

жену короля Маркобруна (1477 al' amirant). Она идетъ къ Дружненѣ, спрашиваетъ: «Родичко (1483 cuxina), што съ тебе поткало?» Та разсказываетъ. Они сѣли за столъ, а въ это время подошелъ подъ замокъ Маркобрунъ съ войскомъ, выѣзжаетъ одинъ, безъ сброи и въ плащѣ (1498 maltelo d'armin), велитъ «воротному» вызвать Орыла: «И встал Орыл, рече витезю Бову: Што велиш? Мов. Як са бога боиш, поиди, але вѣдаю, чого онъ прышолъ» (1511 Per Dio, disse Bovo, vu li devè andar, E saveremo qu'el' à in cor de far). Маркобрунъ говоритъ Орылу: «Брате (1517 frar), то добре вѣдаеш, иж то городъ мои, а ты ми его держышъ кгвалтом (1519 per força); але мнѣ онъ не стоитъ ни за пенез» (не понято; сл. 1520 E no men de valissant un dinar; E say ben che men solivi dar Quando lo castelo te avi donar) .. и бых са с тобою хотел зъеднать» (опущено; сл. 1525 Si che con ti me voio acordà, Lo castelo quito e delivro te voio lassar, E ogni ano .XXX. marche d'or te voio donar), если онъ выдастъ ему Пулкана и Бово и Дружнену (1529 E Druxiana, quela meltris gadal). Орылъ отказываетъ, грозится: «Велю та слонами убить» (1532 ve farò dele piere çitar). Вернувшись онъ обо всемъ разсказываетъ Бово, который, оставивъ Пулкана стеречь Дружнену, выѣзжаетъ противъ Маркобрунова войска: «хочу са о короля покусити» = 1549 Cola çente del re me voio provar. Lo dux. V. milia chavaleri li delivrà. Послѣднимъ стихомъ нашъ текстъ воспользовался далѣе.

Онъ встрѣтилъ «воеводу» (1553 confaloner) короля, «щытъ ему обилъ (1555 fende) и зброю ему пробилъ (ib. l'usbergo li desmaià), а воевода палъ мертвъ на землю (1556 Del destrer morto el trabuchà. «Ferì, franchi cavaleri, Monçoia», cridà. Çascun abate lo so morto al prà) и копи поломали на много урушков» (1559 A. XV. colpi Bovo sua lança speçà). Бово совершаетъ чудеса храбрости, Орылъ вывелъ изъ города пять тысячъ войска, Маркобрунъ беретъ его въ плѣнъ, приказалъ трубить въ рогъ «и пошол своею дорогою из своимъ воиском» (1572 l'olifant sonà; Inver de Apolonia con soa çente sen va). «И коли витез

Бово воиско побилъ и поле взалъ, а того не вѣдалъ, што корол кпаже ухватил» (1575 Dio, que mal, che Bovo nolo sa! La moier del dux ben veçudo l'à; Ela prexe a plançer, fort se lamentà. El canpo Bovo recolto à). У воротъ города онъ узнаетъ отъ жены князя и Дружиены плачущихъ, что Орылъ взятъ; хочетъ отправиться на его выручку, но онѣ уговариваютъ его лучше защищать городъ. Между тѣмъ Орылъ посаженъ въ темницу и Маркобрунъ чинитъ съ нимъ «умову» (1593 pato): отпустить его завтра (1597 questa sera) и давать ежегодно по десяти литръ (1595 .XXX. marche), если онъ выдастъ бѣглецовъ. Орылъ въ началѣ отказывается, но потомъ, подъ страхомъ смерти, соглашается; Маркобрунъ велитъ ему собрать тысячу молодцовъ (далѣе, по забвенію, сто), пусть на постели убьютъ Пулкана и Бову; Орылъ оставитъ ему въ «закладѣ» (1622 per ostadi) своихъ двухъ сыновей, а Маркобрунъ будетъ ждать въ засадѣ, въ лугу (1613 inboscar). Орылъ возвращается въ городъ, собранные имъ юнаки идутъ въ палацъ, готовясь убить Бова и Пулкана; Пулканъ слышитъ ихъ шаги, слышитъ у дверей ложницы, какъ Орылъ разсказывалъ женѣ о задуманномъ имъ предательствѣ, какъ она противилась тому и онъ её ударилъ такъ, что «кровъ ем линула са з носа» (1655 Lo vermeio sangue in terra fè andar). Онъ «мѣлъ смертную жалость» (1656 dolor mortal); ворвавшись въ покой, онъ убиваетъ князя («вдарыл его трыкроть ножомъ»=1661 tanti colpi li da), разогналъ убійцъ, оповѣщаетъ Бова и Дружиену, и всѣ вмѣстѣ выѣзжаютъ изъ «города Костела» (1672 fuora del castelo). Пулканъ велитъ Бово ѣхать съ беременной Дружиеной (ибо онъ самъ «в тои земли был не свѣдом», поясняетъ русскій текстъ, говорящій однако далѣе, что Бово поѣхалъ по дорогѣ, указанной Пулканомъ, сл. v. 1692), а самъ бросается на войско Маркобруна («хочу попти тое воиско пробити» = 1678 sbaratar). «И розбил воиско на двѣ части и ювернулъ са ку одноп стороне (1685 Dal'altro cavo), и стретилъ его один полкъ короля Маркобруна, и побил ихъ и повезал ихъ, кони погнал передъ собою» (1686 In le some del re se incontrà;

Davanti da si sele caça). Догнавъ Бово, онъ говоритъ ему: «Мы есмо добре дошли в тои земли (1690 nu avemo ben guadagnà). Пулкан велми са здобыл (?1692 savea ben la contra'); и рече Бово: Подмо тамъ, гдѣ есп гуфъ побпл» (1694 Le some se vol desligar).

Въ лѣсу Дружнена родитъ двоихъ сыновей: Симбалдо и Гвидона; Пулканъ ухаживаетъ за ней, «иж ѡн былъ тут усюды свѣдомъ усюды ходечы».

Между тѣмъ Арменилъ услышалъ, что Бово увезъ Дружнену, велитъ «дѣсеть голеи направити» (1711 fè X. galee armar), собралъ войско и всѣмъ заказалъ искать Бова и Дружнену. Поручивъ её и дѣтей Пулкану, Бово идетъ къ морю, «ачеи прыидеть крол Арменилъ з воиском на прыстанище з мора, и быхъ воиско розогнал (?), и пошли быхмо у Арменню» (сл. 1719 Eo so ben che Arminion lo sa Che a Marcabrun Druxiana n'ò menà. Io son certo ch'ēl' à fato navilio armar, Per tute part ne farà cercar. S'io podesse de quele nave trovar, In Armenia averèssemo andar). Въ то время, какъ Пулканъ спалъ подъ дубомъ (1734 olivier), пробѣгаетъ «кошута» (въ рукп. кошуба = 1735 cerva), за ней два льва. Испуганная за дѣтей, Дружнена зоветъ Пулкана, который проснувшись, убиваетъ обоихъ львовъ, но погибаетъ и самъ. «Якое зло учынила пани, иж закрычала; а коли бы молъчала, львы ничого не чынили». Итальянскій текстъ поясняетъ: 1742 Per ch'eli era fioli de Rayna incorona'.

Оставшись одна, Дружнена съ дѣтьми идетъ дорогою, что вела къ морю, искать Бово, ищучи его «по свету и по городех». Русскій текстъ ничего не знаетъ объ эпизодѣ пт. 1763 — 1784: Друзіана пришла къ берегу, узнаетъ отцовскіе корабли, на которыхъ и возвращается къ Арминіону. Лишь позже говорится, что она «прышла ув-Орменню и жыветъ у дворе ѡтца своего короля Арменила».

Не найдя ничего у берега, Бово возвращается къ шатрамъ, видитъ убитыхъ Пулкана и львовъ, думаетъ, что они съѣли жену и дѣтей, и похоронивъ Пулкана въ «ѡдноп ѡпатип» (1800 soto

la tera), ѣдетъ «ко светому Семиѡну и уехал ув-ѡдин город, а нашол в городе сто конников збропных, которыхъ собралъ ѡдин витез, готуючы сѧ некуды прочъ. И Бово не смѣлъ своего конѧ ѡтыпти и прывезалъ его велми коротко, абы иных коней не бил. Таковын был конь у Бова; жадному не дал к собѣ прыступити, толко самому Бову; и прывезал конѧ, вшолъ у палацъ городовын, а в нем было много добрых людеи. И видел сѧ им Бово велми добрын рыцер, и вси против его встали». Русскій переводъ, вообще сокращающій къ концу разсказа, опустилъ здѣсь нѣкоторыя подробности:

1805. Alora Bovo in lo camin intrà,
E duramente sì se lamentà,
Ch'elo no sa qu'elo se debia far.
Davanti da sì Bovo reguarda;
Una gran tore veçudo elo à.
Infin ala tore Bovo andà,
E andè ala plaça, e li se sta,
Che algun niente dito li à.
A tanto Gutifer oster per la plaça andà;
Vene a Bovo, sì lo domandà:
«Meser, disse Gutifer, ve plaxe albergar?»
—Per Dio, disse Bovo, sì che mester me fa.
«Messer, disse Gutifer, se vu no avì dinar,
Quando n'averì, sì me n'averì dar».
«Dio, disse Bovo, sì farò in verità».
Alor Bovo con Gutifer andà.
En la stala Bovo lo destrer menà,
Ch'elo no se vol ad algun lassar tochar,
Sì che medesimo Bovo lo convene ligar.
In su la sala Bovo sen'anda;
Ben. C. soldadi in sula sala sta,
Che un chavaler li avea asoldà.
Quando Bovo fo su la sala, tuti in piè levà,
Per che da vilan elo no par ça;
De sovra da li altri el'è un pe mesurà.

Одинъ «человѣкъ добрын Рычардо» (Riçardo) спрашиваетъ его объ имени (онъ называетъ себя Ангосъ = 1836 Angossoxo),

предлагаетъ пойдти къ нему на службу, быть «гетманомъ (1839 cavo; сл. далѣе 1855 = воєвода) над сто конниками», разсказываетъ объ убійствѣ Гвидона и о томъ, что Симбальдо послалъ его разыскивать Бово: онъ хочетъ отомстить за смерть Гвидона, воевать подъ Антоніей. Бово согласенъ («То єст на твоєи воли = 1857 A vostra voluntà), и они отправляются (въ разсказѣ объ этомъ v. 1858 слѣд. венеціанскій текстъ снова касается норова Бовова коня). Прибывъ «ко святому Семиѡну» Ричардо говоритъ Симбальду, что Бова не нашелъ, а привелъ сто конниковъ и одного витезя, «великое пади болшъ иных людеи», на котораго особенно надѣется. «Муспш ты быти добрыи витез, и парсуна твоѧ так указуєть», говоритъ Бову Симбальдо. «И Рычардо рече: Не стопть пеназа. Коли тое Бово услышалъ, рече ему: За што, брате, ганиш? ѣ с тобою не хочу турнаѣ коштовати, а ни в битве на поли» (1891 In campo ni in bataia con vu no me prova'). Когда тотъ вызываетъ его, онъ соглашается на такомъ условіи: «єсли ѣ тебе с коня зобю, нехаи мое юнацы твоимъ наплюють» (1897 Li mie'conpagni li vostri averà robar), и наоборотъ. Побѣда остается на сторонѣ Бова; «и рекли Бововы конники Рычардовымъ: Видите, што умеєть чынити нашъ витез?» (1908 E Sinibaldo a Riçardo va, Sì li disse: Que ve par del nostro soldà?). Рычардо вызываетъ Бово помѣряться на мечахъ, но тотъ говоритъ ему, что отвѣдаетъ его раньше, чѣмъ отъѣдетъ отъ города.

Рано утромъ Бово и Терызъ идутъ подъ городъ; Бово «былъ свѣдомъ ѡного Антонпа въ кождомъ месте» (1925 Ch'elo sa ben lo vegnir e l'andar) и отбиваетъ городское стадо. Узнавъ объ этомъ, Додонъ выѣхалъ съ войскомъ; гетманомъ у него Дан Албрыго (1938 dan Albrigo lo confalon portà).

Въ слѣдующемъ далѣе эпизодѣ русскій текстъ представляетъ наибольшее и не случайное отклоненіе отъ италіанскаго. Въ послѣднемъ признаніе Бова Симбальдомъ совершается, при особыхъ обстоятельствахъ, послѣ битвы съ Додономъ; въ русскомъ этотъ разсказъ опущенъ и замѣненъ такимъ образомъ: передъ битвой Бова «споведал сѧ Терызу, прызвалъ его к собе и рече:

Ѩ есми, брате, витез Бово, вкажи ми, если познаешъ у воиску, хто загубил нашого пана. И сталъ с того Терыз велми веселъ», указываетъ на Додона: «оно што перед всими едеть» (въ италіанскомъ текстѣ v. 1946 лишнее: El'è quel a quel falcon dorà), совѣтуетъ вернуться, ибо непріятелей много. Но Бово непремѣнно хочетъ попробовать свой мечъ «на Додоновомъ воиску зрадцы злого» (1952 Sovra la çente le trait deslial), «древо взял под паху» (1955 Bassa la lança) и прокололъ Додонову сброю «ꙗкъ былъ кгротокъ долгъ» (1960 Co' l'asta è longa a tera lo roversà, E le budele defora li andà). Додона уносятъ его люди, а Бово взялъ свой «добрын мечъ кгларенцыю» (1964 Clarença) и убиваетъ Дан Албрыго.

«Видѣлъ тое Терыз и вельми его похвалилъ; и тое воиско витез Бово прогнал и пошол ко сватому Семиѡну». Тутъ и (v. 1969 сл.) начинается въ италіанскомъ текстѣ эпизодъ признанія, опущенный нашимъ переводчикомъ — не потому ли, что ему непонятенъ былъ западный обычай, по которому дамы прислуживали рыцарямъ, мывшимся въ ваннѣ?[1]) Бово съ Терисомъ возвращаются въ замокъ Синибальдо, Терисъ разсказываетъ отцу о подвигахъ новаго витязя, и у него является сомнѣніе: не Бово ли это? Такіе удары давалъ его отецъ Гвидонъ. Синибальдо спрашиваетъ жену, бывшую кормилицу Бово, узнала ли бы она его? Та говоритъ, что у него на правомъ плечѣ была родинка въ видѣ креста; услышавъ подозрѣніе мужа, она совѣтуетъ ему изготовить ванну для себя и для пріѣзжаго витязя, она войдетъ со свѣчею и узнаетъ, точно ли это Бово. Такъ совершается признаніе, и поэма снова совпадаетъ съ нашимъ переводомъ: 2061 De Dodon de Maganza ve voio contar, Che per tute part mesaçer mandà, O'che se podesse un medego trovar, Chi savesse soe plaghe sanar; Tanto li darà oro como saverà domandar = «А Додон был велми немоцон ѡт раны на смерть и почал говорыти: Хто ми можеть помочы ѡт тое раны, дам ему злота колко сам

[1]) Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ Тристанѣ, выше, стр. 162.

усхочеть». — Бово и Терызъ хотятъ выдать себя врачами и пойти лечить Додона; помазались зельемъ и стали «чорнеи уголья (2079 agrement destenprà), такъ что ихъ не призналъ и Спмбальдо, которому Бово велитъ быть на готовѣ и явиться на помощь по призывному рогу. Спмбальдо даетъ Бову письмо къ «воротному» города, своему брату Глиберту (2090 Çilberto); одѣвшись «пелгрымами», подпоясавъ мечъ «подъ гуню» (le sclavine 2094), они идутъ, а Глибертъ, прочтя письмо брата, пріютилъ ихъ въ своемъ домѣ. Скоро разнеслась по городу вѣсть, что пришли «знаменитые лѣкары» (2122 medexi natural), и Додонъ посылаетъ за ними. Онъ сидитъ на постели, блѣдный «якъ пупава» (2129 come cenere lavà); измѣнился въ лицѣ и Бово, завидѣвъ мать, объясняетъ это встрѣчей съ женщиной: лекари, идущіе къ больному, этого не любятъ. Вернувшись на другой день (завтра; непосредственно далѣе сказано по ошибкѣ, что они вернулись на осьмой), они говорятъ, что изъ города Момбрада (2148 Monbrand), и Додонъ обѣщаетъ: «Єсли можете злечыти, хочу сѧ вамъ злотом ѡтважыти (2151 A fin oro ve farò rехаг. Alora Bovo sì lo desligà, E como medego ben lo cerchà, Po' al suo albergo sen tornà. Que ve dov' e' plu le parole perlongar? Ben .IX. dì Bovo lo medegà. Quando fo li .IX. dì conplì e passà, Bovo e Teris al palaço sen'andà, E vete la plaga chi era molto fondà). И ѡны ѡгледавшы рану, рекли: Послухаи, Додоне, тот витез, которыи ти тую рану дал, мыслитъ тебе загубити». Они сбросили гуни, открываются Додону, но Бово не хочетъ его убить, «занюж мати моѧ тебе навела забити ѡтца моего», а велитъ выѣхать изъ города, къ которому подошелъ Спмбальдо съ войскомъ. Свою мать Бово затѣваетъ сжечь (русскій текстъ прибавляетъ: «або коньми волочыти»), но по совѣту Спмбальдо приказываетъ замуровать между двухъ стѣнъ, «нехаи сѧ своихъ греховъ каєть (лишнее противъ италіанскаго: «нехаи на нее всака мокрота и студен падаєть, а нехаи сѧ ее похоть гасить) И Бово так вчынил, якъ Спмбальдо велелъ (2186 Bovo fè como Sinibaldo lo consià. Un ano e .III. mesi là dentro demorà) и ве-

лелъ ѣи давати на ден по тры ѣицы (= onxe.... de pan 2188) и хлѣба и по малу воды въ уста пускати».

Между тѣмъ Додонъ ушелъ во Францію, жалуетси королю Пипину (2193 Pepin) на Бово, выгнавшаго его изъ его царства. Вмѣстѣ съ Пипиномъ онъ подошелъ подъ Антонію, разбилъ шатры (2205 pavion), выжегъ все предмѣстье (2206 tuti li borghi). Бово выѣзжаетъ изъ города, за нимъ все войско (въ италіанскомъ текстѣ нѣтъ 1-го листа); убиваетъ Додона и беретъ въ плѣнъ Пипина, котораго везетъ въ Антонію (соотвѣтствіе съ итальянскимъ текстомъ возстановляется: 2214 Fè avrir le porte e li ponti abassar, Intrà in Antona, lo Re per prixoner menà) и упрекаетъ за учиненное имъ зло. Тотъ сознается, что былъ не правъ, присягаетъ «на эвангелеи» (2223 per sagrament), что никогда не станетъ воевать противъ него, и обѣщаетъ дать въ заложники сына (229 Mio fio Karlo). Сынъ находился при войскѣ, и за нимъ посылаютъ: «и пошелъ его посол, а с нимъ один граженин (2234 Drogo lo Pitadin sil'aconpagnà. Переводчикъ, очевидно, прочелъ: Citadin); «а пры немъ были два человеки знаменитые, один Солумон, которын его ховал, а другин Квидон, которын его учыл» (2235 Salamon le ardì e Guidon l'insenà). Пипинъ передаетъ сына Бову, взялъ у него «прощене» (2237 comiado domanda), а своему войску «почал поведати» (2238 bando cridar), что замирился съ Бовомъ.

Начало слѣдующаго абзаца въ русскомъ переводѣ, очевидно, принадлежитъ недоразумѣнію: «И послышал (то-есть, Бово), што Дружненъна прышла ув-Орменню и жыветъ у дворе отца своего короля Арменила». Вѣрно непосредственно слѣдующее, согласное съ италіанскимъ текстомъ: что Дружнена узнала о возвращеніи Бова въ Антонію (въ италіянскомъ текстѣ 2246 Spesse fiade à oldù contar — A nobeli cantadori e bufon e a çublar) «и не мѣла своего жывота, если не найдетъ своего пана Бова» (2250 S'ela nol trova, viver non vol ça). Натершись однимъ зельемъ, отчего она стала черна «якъ уголь» (2253 plu negra de mora), взявъ съ собою гусли (2254 arpa) и учинившись

«скоморошницою» (2258 çubiara), она вмѣстѣ съ сыновьями ходитъ повсюду, разыскивая мужа. Непонятъ переводчикомъ поводъ къ такому превращенію: потому онъ такъ преобразилась, говоритъ италіанскій текстъ, что она была красива и ей пришлось пройдти многія царства, прежде чѣмъ нашла Бово (2265 Per ço lo fè Druxiana ch'ela avea lo vixo smerà, Per che molti riami li conviene cercar, Avanti ch'ela podesse Bovo trovar). Сл. переводъ: «Племенида Дружненна видела са людемъ доброе ωсобы про то, што мѣла твар хорошу; а то для того чынила, занюж еи стоало за великое королевство, коли бы Бова нашла» (?).

Бово игралъ въ шахматы съ однимъ витяземъ и веселилъ свое серце (2275 so cor confortar), когда является посолъ отъ Малгаріи, говоритъ, что ея отецъ умеръ, а ее осадилъ король угорскій (2284 Lo re Passamont d'Ongaria), хочетъ паспльно взять ее за себя. Малгарія напоминала Бову «великую доброть» (2288 servixio), которую она ему чинила, просила помощи, обѣщала креститься и предлагала свою руку. — Бово сбираетъ войско (у него гетманомъ Терызъ: 2306 L'insegna de Bovo Teris la portà) и идетъ къ Задоніи. Битва подъ нею разсказана въ нашемъ текстѣ въ двухъ словахъ: «И видел Бово на поли вопско и пошол к нимъ. Тое вопско видевшы, што не могуть терпѣти противъ Бова, и побѣгли». Въ оригиналѣ нашего перевода, очевидно, былъ пропускъ, если не вмѣнить его разсѣянности переводчика. Въ италіянской поэмѣ подробно описывается походъ Бово моремъ, прибытіе подъ Садонію; не велѣвъ своему войску трогаться, онъ выѣзжаетъ одинъ и вызываетъ на бой Пассамонта. Между тѣмъ Дружнена съ сыновьями какъ разъ подошла къ Садоніи, усѣлась на горѣ, видитъ сражающихся и по знамени узнаетъ въ одномъ изъ нихъ Бово, которого и показываетъ дѣтямъ. Онъ поразилъ Пассамонта, непріятели «побѣгли. Витез Бово гонилъ за ними» (2386 Bovo cola soa çente li incalçà) и вступаетъ въ Задонію. Соотвѣтствіе текстовъ снова возстановляется.

Велѣвъ «стати добрым людемъ у великии кругъ» (нѣтъ въ италіанскомъ текстѣ) и позвавъ «бискупа» (2395 arcivescovo), Бово проситъ его окрестить Малгарію, «и дла ее цудности не хотѣлъ ея имени отменити и велелъ ее Малгорэтою звати» (2398 Lo nome è belo, nol volse canbiar, Malgaria li messe nome, cossì la fè clamar) [1]). Онъ готовится къ свадьбѣ, а въ это время явилась въ городъ Дружнена съ сыновьями, видитъ Бова и Малгорету, стоящихъ «на одномъ кганку» (2403 ali balconi), начала на гусляхъ играть, сыновья танцуютъ, а она припѣваетъ «о Дружненне цудноп, якъ ее Бово втратил близко мора на пристанищы» = 2406 Chavaleri e baron or intendì ça D'un novo sonar del regno de França, De Bovo d'Antona e de la bela Druxiana, Como elo la perdì sula riva del mar.

Слышитъ это Бово, сѣтуетъ, что «скоморошка ходечы по городом прыпеваєть о мне и о Дружненне», призываетъ ее къ себѣ, чтобы её одарить, но она «не хотѣла болшеп играти» (2420 moto noli sonà = не проронила слова), идетъ къ себѣ на «стан» (2426 albergo), обопхъ сыновей убрала «в шаты» (2429 Lo cavo li petenà, lo vixo li lavà, Sili vestì d'un palio roxà), велитъ идти ко двору: а коли отецъ захочетъ умывать руки, одинъ пусть подастъ ему воду, другой ручникъ (послѣдняго въ ит. текстѣ нѣтъ); коли сядетъ за столъ, стойте передъ нимъ и на вопросъ, кто ихъ отецъ, отвѣчайте: никогда не видѣли его, ищемъ его по чужимъ землямъ, а мать наша здѣсь, можешь спросить ее. Въ ит. текстѣ 2443 слѣд. она велитъ имъ назвать себя и Бова по имени. — За столомъ дѣти обращаютъ на себя вниманіе Бова; Симбальдо о нихъ ничего не знаетъ, они говорятъ, какъ научила ихъ мать, называя Бова и Дружнену. Какъ услышалъ это Бово, скочилъ черезъ столъ къ дѣтямъ, началъ ихъ цѣловать «и от великое милости сомлѣлъ» (2471 strangossà). Онъ открывается имъ, велитъ повести себя къ матери, а она спитъ «чорна якъ уголь» (2481 carbon amorçà). — Вотъ наша мать, говорятъ

[1]) Сл. въ 8-а rima: Malgarita (вм. Malgaria) = Малгорэта.

дѣти. «Бово рече: Нешлахэтницы, вы мною куништуете»! (2486 Ai, fel gloto', me volì vu beffar!) Но тѣ успокоиваютъ его: ихъ мать въ другомъ домѣ (2490 in questa camara). Удалившись въ другой покой, Дружнена умылась «водкою цудною» (2493 aqua roxada), одѣлась въ «велми коштовное платье у злотоглав, и взложыла на голову венец велми цудныи, и вчынила сѧ так красна, ꙗкъ ни однаꙗ рѣчъ на свете» (2495 Po'de richi drapi ela se adornà, Con un fil d'or ben se conçà, Çoia e ghirlanda in soa testa fermà; Ela è plu bela de fada ni d'ayguanà). Тутъ Бово признаетъ ее, цѣлуетъ, идетъ въ палацъ. По городу пошла вѣсть, что Дружнена вернулась; Малгарія привѣтствуетъ ее, а Бова проситъ и ей найдти мужа, который могъ-бы «рыцэрство носити» и держать ея царство. Бово даетъ ей Терыза; «Витез Терыз принѧл ее велми вдачно и сталъ господаремъ всеи сѧ державе»= 2524 Amantinente la dona sproà; El fo signor de tute quele contra'.

На этомъ стихѣ обрывается въ венеціанской поэмѣ разсказъ, который нашъ переводъ досказываетъ въ нѣсколькихъ строкахъ: Бово съ Дружненой и сыновьями возвращаются въ Антонію, юнаки Бова по домамъ, Терызъ остался въ «сарацынскои земли». Бово ставитъ обоихъ сыновей витязями, одного изъ нихъ, Гвидона, еще при жизни нарекъ королемъ, другаго, Симбальдо, великимъ княземъ (dux?). А у Терыза родился сынъ Гвидонъ, у котораго еще былъ сынъ, «имѧ ему было дѣдово, Терыз, а матка его была Спэрра. А такъ сѧ докончыло писанье ѡ Бове».

Мой анализъ познанской повѣсти о Бовѣ въ связи съ венеціанскимъ текстомъ, можетъ быть, грѣшитъ нѣкоторою подробностью; но съ одной стороны, дѣло идетъ о древнѣйшемъ, пока извѣстномъ, текстѣ одной изъ популярнѣйшихъ народныхъ книгъ, съ другой — манила задача, рѣдко такъ обставленная, какъ для нашего памятника, прослѣдить по этапамъ исторію его перевода, передѣлокъ и искаженій. Сербскій переводчикъ довольно близко, часто дословно передаетъ подлинникъ; что онъ тождественъ съ венеціанскимъ текстомъ или былъ къ нему чрезвычайно близокъ,

въ этомъ мы могли убѣдиться изъ сравненія. Опущены лишь два эпизода: разсказъ о единоборствѣ Бовы съ угорскимъ королемъ подъ Задоніей и эпизодъ признанія Бова въ банѣ; возможность послѣдняго опущенія сербскимъ переводчикомъ мы объяснили себѣ незнакомствомъ съ соотвѣтствующимъ обычаемъ, хотя здѣсь дѣло не въ простомъ пропускѣ, а, въ извѣстномъ смыслѣ, и въ передѣлкѣ, ибо признаніе Бово Терызомъ разсказано иначе. Можетъ быть, такая версія существовала уже въ подлинникѣ переводчика, отличномъ въ этой чертѣ отъ венеціанскаго текста? Это потому вѣроятно, что иныхъ слѣдовъ собственно rifacimento нашъ текстъ не представляетъ. Что въ венеціанской поэмѣ Бово готовится сжечь мать-измѣнницу, а въ русской повѣсти, кромѣ того, и размыкать конями — можетъ быть объяснено приставкой переводчика, но могло находиться и въ его оригиналѣ. Выраженія: черенъ (черна) какъ чернило, какъ шелковичный плодъ, какъ уголь — переданы всегда послѣднимъ сравненіемъ; это дѣло личнаго вкуса; юнаку отвѣчаетъ: bazeler, baron, cavalier; гетманъ (носящій знамя, хоругвь) и великій князь (dux) принадлежатъ, вѣроятно, русскому списку, лугъ въ значеніи bosco и пристанище = riva, можетъ быть, сербскому переводу: напомнимъ кстати, что и въ Тристанѣ встрѣчается послѣднее, необычное отождествленіе, перваго я не замѣтилъ, но это чистый сербизмъ и ближе далматизмъ: лугъ въ значеніи рощи сплошь да рядомъ встрѣчается у дубровницко-далматинскихъ поэтовъ; Della Bella переводитъ bosco: dubrava, lug, gaj; у хорватовъ лугâр= лѣсникъ. Сл. въ Троянской Притчѣ (Mikl. I): Доудома лѫгъ = Dudoma nemus; лоугъ = чаща, дубрава въ книгѣ бытія неба и земли, изданной А. Н. Поповымъ (Чтенія, 1881, I, стр. 168). — Интересно обращеніе нѣкоторыхъ нарицательныхъ именъ въ собственныя, и наоборотъ: эпитетъ при Блондоѣ — *meltris*, то-есть, meretrix (сл. въ этомъ значеніи въ Recueil d'exemples en ancien italien, изданныхъ Ulrich'омъ въ Romania №49 p. 58, Glossaire: Meltrise = meretrice; meltrix у Bonvesin da Riva), понято какъ собственное имя: «а єи было имѧ *мере-*

трысъ»; сл. далѣе «курва жона Гвидонова», «тая курва маретрыс», рядомъ съ Блондоей; въ позднѣйшихъ русскихъ текстахъ Блондоя совсѣмъ исчезла, вмѣсто нея *Милитриса*, что ближе къ meltris венеціанскаго текста, чѣмъ къ *меретрысъ* познанскаго, которое можетъ быть и этимологическимъ подновленіемъ. Для генеалогіи текста Бовы это отличіе важно. — Подобную передѣлку представляетъ и *castello*, гдѣ властвуетъ Орылъ: онъ очутился городомъ *Костеломъ*, но рядомъ стоитъ еще и *замокъ;* позднѣйшіе тексты удержали первое. — *Chiarenza*, названіе меча Oliver'a (=Аливера), перешедшаго въ руки Бово, является въ формѣ *кларенцыа* и *кладенцыа;* оттуда мечъ *кладенецъ* великорусскихъ списковъ, обобщившійся въ сказкахъ въ имя нарицательное. *Sadonia'и* легко было перейдти въ *Задонію*, откуда въ позднѣйшей версіи повѣсти эпитетъ *задонскій*, перенесенный съ султана на Маркобруна и, быть можетъ, отразившійся въ «задонской» землѣ или ордѣ нашихъ былинъ.

Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ познанскій текстъ повѣсти о Бовѣ къ ея версіи, распространенной въ великорусскихъ спискахъ и лубочныхъ изданіяхъ — на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣтить обстоятельнѣе, когда первые будутъ приведены въ извѣстность и установлена генеалогія текста, ими представляемаго. Лубочной сказки я далѣе не касаюсь; изданія ея дѣлятся на двѣ категоріи: одна представляетъ «полную» исторію Бовы, на 32 листахъ: «Сказка полная о славномъ, силномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекраснѣйшей супруге его королевне Дружневичѣ»; другая, сокращенная впослѣдствіи, помѣщается на 8 листахъ подъ заглавіемъ: «Гисторія о храбромъ и о славномъ витезе Бове королевиче и о смѣрти отъца его»[1]). Полная редакція лубочной сказки ведетъ свое начало отъ одной изъ двухъ группъ, на которыя распадаются русскіе списки[2]).

[1]) Сл. Пыпинъ l. c. стр. 249; Ровинскій. Русскія народныя картинки т. I, стр. 77 слѣд. (краткій текстъ), 84 слѣд. (полный текстъ).

[2]) Предлагаемое далѣе распредѣленіе приблизительное, не рѣшающее, а вызывающее вопросъ. Такъ олонецкій списокъ, которымъ я пользуюсь далѣе, принадлежитъ по началу къ типу b, но далѣе даетъ варіанты къ a.

Одна (b) представляется скорописнымъ сборникомъ Императ. Публичной библіотеки, конца XVII вѣка (Толст. 2,215, Публ. библ. XVII, Q, 27), по которому наша повѣсть была напечатана въ Памятникахъ древней письменности (вып. I-й 1879 г.): Сказания про храбраго витезА про Бову Каралевича. Нач. «Нѣ в коемъ было царствѣ в великомъ государствѣ в славномъ граде во Антонѣ жилъ былъ славный король Видонъ і провѣдалъ в славномъ граде Ідементияне у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь прекрасную королевну Милитрису. І призвакъ себѣ любимаго слугу именем Личарду і почелъ говорит». Онъ велитъ ему ѣхать свататься за Милитрису, слѣдуетъ описаніе сватовства; Милитриса заявляетъ отцу о своемъ нежеланіи выйдти за Гвидона и о своей любви къ Додону, но отецъ стоитъ на своемъ.— Ко второй группѣ текстовъ (a) принадлежитъ повѣсть Истоминскаго сборника XVII вѣка (въ Румянцовскомъ музеѣ), напечатанная въ приложеніи къ этому изслѣдованію [1]). Нач. «Бысть нѣкіи корол Гвидон в славномъ граде Онтоне. Коли он был млад і в добре поре, тогда к собѣ избирал во двор храбрых витязеи в златокованых доспѣсѣх и на быстрыхъ коняхъ и охоч был с ними ѣздит в чистое поле тешитца на ловлю, с соколы и с истрепы на птицы и с выжлоки на звѣри. И какъ бысть в большомъ возрасте и тогда рече корол витяземъ своим, гдѣ-б ему приискали невѣсту от велика племяни; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича ест тщер прекрасная Милитриса». Онъ шлетъ за нее свататься своего «конюшего» Личарду; подробности сватовства кратче, чѣмъ въ предыдущемъ текстѣ.

Судя по началу, къ этой группѣ относится и Погод. № 1773, сборникъ XVII—XVIII вѣка: «Сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича зѣло послушати дивно». Нач. «Бысть нѣкіи король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антонове, младъ юноша великъ и храбръ, и збираетъ себѣ во градѣ храбрых витязей во златых поясѣхъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ тѣ-

[1]) За доставленіе мнѣ копіи съ этого текста приношу мою искреннюю благодарность А. С. Усовой.

шитца съ соколы и ястребы и съ выжлоцы»[1]). — Сватовство разсказано подробнѣе.

Въ обѣихъ рецензіяхъ a и b *Милитриса* очутилась собственнымъ именемъ, имя Блондон исчезло, вмѣсто *Бово — Бовѣ; Пулканъ — Полканъ; Дружнена — Дружнена* (a), *Дружневна* (b); *св. Семионъ — Суминъ* (ab). Явились новыя имена: отецъ Милитрисы *Кирбичъ* (a), *Кирбитъ Верзауловичъ*, царствующій въ *Дементіанѣ* градѣ (b; въ лубочной сказкѣ полнаго состава: Дмихтіанѣ; въ a нѣтъ); вмѣсто Арменила *Зинзовей Андоровичъ* (a; Зензевей Адаровичъ b; въ лубочной сказкѣ: Зензевей Андроновичъ, Зензевій Андровичъ). Одному b свойственно ошибочное перенесеніе титула Зодонскаго (отъ Задонія-Sadonia) съ Султана на Маркобруна, тогда какъ первый воцаренъ въ *Рахлейскомъ* царствѣ. Царедворецъ, разыгравшій роль Арменила, названъ *Орлопомъ*, Арлономъ (a; въ b нѣтъ имени); Малгарія = *Малгирия* (a), Мичитрія, Миличитрія (b), Мельчигрія (лубочная сказка полнаго состава); племянники султана, преслѣдующіе Бову — *Ахан*ъ и *Онбанъ* (a; въ погод. сп.: Арам, Аврамъ; въ b нѣтъ самого эпизода); Орылъ = *Урилъ* (a), Орелъ (b), въ лубочной сказкѣ Урилъ; *Костелъ* остался всюду; Симбальду Бово, еще не открывшійся ему, говоритъ, что онъ изъ «*Празни града*» (a); прозвищу Ангосъ (Angossoxo), которое онъ даетъ себѣ, въ a ничего не отвѣчаетъ, въ b *Августъ*, въ лубочной книгѣ полнаго состава *Ангусей*, но этимъ именемъ онъ зовется и раньше[2]). Терызъ = *Терезъ* (a), *Терезъ* (лубочн. сказка полнаго состава), *Дмитрей* (b); въ a является кромѣ того братъ Симбальда, *Агенъ*, погод. сп.: Аггенъ.

Общее у a и b съ познанскимъ текстомъ — опущеніе сцены

[1]) См. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 248. Нѣкоторыми извлеченіями и варьянтами этого текста я обязанъ Ѳ. М. Истомину, сообщившему мнѣ также разночтенія рукописнаго Бовы, найденнаго имъ въ Олонецкой губерніи, но къ сожалѣнію не полнаго.

[2]) Сл. тосканскую (= франко-венеціанскую) версію, недавно открытую Райной: въ ней Бова называетъ себя Agostino уже купцамъ, принявшимъ его на судно послѣ бѣгства отъ матери.

признанія Бовы въ банѣ и эпизода битвы подъ Задоніей; оба опускаютъ эпизодъ о Пипинѣ; каждый изъ нихъ въ отдѣльности представляетъ отличія отъ познанскаго текста, сокращенія и развитія; послѣднія, если они стилистическаго характера, принадлежатъ, главнымъ образомъ, b; этотъ текстъ многословнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ народнѣе а; тамъ, гдѣ онъ отличается отъ а, послѣдній нерѣдко воспроизводитъ букву познанскаго текста. Въ генеалогіи текстовъ русскаго Бовы b стоитъ на столько дальше отъ оригинала, на сколько ближе къ лубочной сказкѣ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторыя его разногласія съ а, стилистическія и содержательныя, легко было бы объяснить русской передѣлкой. Слѣдуетъ ли и на а перенести то же опредѣленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ расходится съ познанскимъ текстомъ, — на это отвѣтить труднѣе: рядомъ съ отличіями есть дословныя совпаденія. Приведу примѣры.

Милитриса не любитъ Гвидона, «не имѣя его не за един *пеняс*» (олон. сп.: не на единой пенезь) = познанск. т.: «она его не мела ни за один *пънез*» (въ b нѣтъ) — У Бовы «власы *желты* аки шелкъ, а лицо румяно *аки злато*» (въ погод. сп.: лице румяно, власы желты аки злато; въ олон. сп.: власы у него какъ прекрасное злато, лице у него какъ белый снегъ, а ягоды румянны какъ маковъ цветъ) = позн. т.: «волосы мѣлъ *жолты* яко *злото*» (въ b нѣтъ). Только а удержалъ и названіе города *Маганца;* гдѣ царитъ Додонъ: *Моган'скъ* (погод. сп.: Моганъ, Моганетъ; олонец. сп.: Маганецъ), что объясняетъ несомнѣнно и слѣдующихъ далѣе «*могальцевъ*»: Милитриса поручаетъ сказать Додону, чтобъ онъ «погубилъ мужа моего с *могалцы* добраго короля Гвидона»; далѣе она узнаетъ, что Додонъ «добраго короля Гвидона с *могалцы* погубил» (пог. сп.: со строки). Первоначально стояло, вѣроятно: Додонъ съ *Маганца* и далѣе, по недоразумѣнію, съ *Могальцы* (въ b нѣтъ). — Мѣсто убійства помѣщается «въ лугу в Скнарнѣ» (далѣе: Скняряи; пог. сп.: Скярнѣ, в луга во склярянскія; олон. сп.: лугу в цыкляреве) = позн. т. лугъ «от *Склоравена*», «лугъ» = bosco, какъ въ познан-

скомъ текстѣ; b: «в королевскомъ лугу». Додонъ выѣзжаетъ на охоту верхомъ на ослѣ (ab, позн. т. конѣ; такъ и въ олон. сп.), съ нимъ «іе̄ *юноковъ*» (a) = позн. т. «десет *юнаковъ* (пог. сп.: отроковъ; олон. сп.: юношей; въ b нѣтъ). — Спмбальдо, взявъ съ собою «.н̄. юноковъ» (позн. т. «шестдесатъ.... юнаков; олон. сп.: 60 человѣкъ юношъ»; b: «тридцать юношей») бѣжитъ съ Бовой въ градъ Сумпнъ; переметчикъ докладываетъ о томъ Додону: «ѡ королю Додоне, *твердо спиш*» и т. д. = позн. т. «Додоне з Маганца, велми *твердо спиш* (олон. сп.: то же; въ b нѣтъ). — Ни въ a, ни b нѣтъ сцены на пути, когда предатель торопитъ Додона и убитъ Терызомъ: Бово падаетъ съ коня, подхваченъ Додономъ; b, вслѣдствіе пропуска, неудачно восполненнаго позже, опускаетъ: преслѣдованіе Додона Спмбальдомъ, набѣгъ послѣдняго на Антонъ-градъ, тотчасъ переходя къ осадѣ Додономъ Сумпна; а ближе держится познанскаго текста: когда Спмбальдо тревожитъ набѣгами «град Онтонъ», Мплитрпса говоритъ мужу: «о королю Додоне, что то нам *сиі злодеи не дадут упокоя?*» = позн. т. покуль *тот злодеи* старый буде жыв, не можем ѡт него *впокоѧ* мѣти. — Сонъ Додона: «кабы Бова ходит по побопщу вес вооружен, а носит в руце своеи щит и копіе и мечъ кладенец (?) и прободает ему *сердце* и *утробу*» (такъ и въ олон. сп.) = познанскій текстъ «яко бы Бово у зброи проколол єму *серцэ* и *утробу* (b: утробу и сердце). — Братъ Додона въ a: Амбругустпмъ, b Обросимъ = познанскій текстъ Дан-Албрыго; Додонъ велитъ ему ѣхать къ Мплитрисѣ съ требованіемъ — выдать Бову. Онъ пріѣзжаетъ, «*поздравствоваше великолѣпное здравие*» = позн. т. *поздровилъ ее Додоновым поздровеніем* (b поздравити); она говоритъ, что «за *любовь* государя своего добраго короля Додона» и сама готова уморить сына (позн. т.: для *ласки* ѡтца Бовова; въ b нѣтъ) — Непосредственно за этимъ b восполняетъ указанный выше пропускъ[1]). Въ раз-

[1]) См. въ изданіи Общ. люб. древн. русск. письм., стр. 49, строка 6-я сверху (И король Додонъ)—19 (Затворися накрѣпко). То же въ лубочной сказкѣ полнаго состава.

сказѣ о попыткѣ матери отравить Бову a и b опредѣляютъ «трутизну» познанскаго текста, какъ змѣиный ядъ (b змѣиное сало). Завидѣвъ Бову «корабленицы» (b корабельщики) посылаютъ «человѣка в плаволоке ко брегу» (b: «нарышковъ в под'ѣстке»; пог. сп.: паузокъ) узнать, кто тамъ крпчптъ: «крестьянские вѣры» или «татарченокъ» (b: «хрестиянскова ли ты роду іли татарскова»; позн. т.: «хрестьанин або ли поганинъ»). Бово отвѣчаетъ, что онъ пономаревъ сынъ (ab; позн. т.: сынъ «млынара»; пог. сп.: млатаревъ), а мать его мыла платье «на добрых людеи» (b «на добрыхъ женъ»; позн. т. «богатымъ жонам кошули»). — «Бова-ж у них (у корабельщиковъ).... *аки цвет цветет*, лице его возспяет яко солнечная луча» (b «не видали такова отрока, велми *льпообразенъ;* позн. т. «*лѣпшое дитѧ* не могло быти на вѣки»; сл. венеціанскій т. v. 393: *plu belo de roxa de prà*). — Ни въ a, ни въ b нѣтъ ошибки познанскаго текста: *другое* море вмѣсто *alto* mare; «бѣжали по морю» (b), «плавал с ними на море» (a). — Споръ корабельщиковъ изъ-за Бовы (b): они «промежъ собою хотятъ *смеяшные чаши пити*» (можетъ быть: ся мечи шибити или бити?) = (a) «мечи ся сѣчь» (позн. т. добыли мечовъ, хотели сѧ рубати; сл. олон. сп.: промежь себя сещися, но въ погод. сп.: *смертную чашу* пити). — Въ сценѣ, когда Зензевей (= Арменилъ позн. текста) приходитъ къ кораблю и видитъ Бову, a и b доскасываютъ подробности, вѣроятно, сокращенныя въ познанскомъ текстѣ, образуя съ нимъ одну версію, въ отличіе отъ венеціанской. Въ послѣдней говорится: король гуляетъ по берегу, купцы говорятъ другъ другу: вонъ король! а онъ обращается къ своимъ баронамъ: смотрите, этотъ корабль только-что прибылъ. Онъ любуется красотой Бовы: Вотъ было бы хорошо, еслибъ онъ былъ моимъ конюшимъ или изъ моихъ людей! Онъ проходитъ мимо, въ городъ; корабельщики притягиваютъ судно къ берегу, и король снова къ нему возвращается. — Въ познанскомъ текстѣ Арменилъ, увидѣвъ судно, посылаетъ слугъ довѣдаться о немъ; «и якъ слуги к ним прышли, почали ихъ купцы пытати, естъ ли тут король арменеискій. И король самъ до них пры-

шол». Не достаетъ отповѣди слугъ королю; а досказываетъ: «и послаша провѣдывать .к. юноков; юноки-ж приѣхали ко брегу и хотя воспрашати, которого царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на корабле отрока велми лѣпообразна, и зря на неизмѣрную красоту лица его, и смутися во умѣ своем и забы воспрошати. И сам говорит таково слово: Ѡ гости корабленицы» и т. д. Сл., для дополненія, версію b: «Они жъ (то-есть юноши) ему ничего не сказаша, только сказали, что видели на корабли юнова. И король Зензевеи скоро повелѣ осла подвести и поѣхалъ х короблю». Зензевей покупаетъ Бову за «.л̄. литръ злата» (то же въ олон. сп.; въ b и погод. сп.: .т̄. литръ»; позн. т.: двадцать литръ); Дружневна идетъ *«с плачем* к отцу своему»: въ подлинникѣ а стояло, вѣроятно, *съ полаца* или *въ полацъ*, сл. позн. т.: «на гору *у палацъ*»; b: «въ королевскіе *полаты*». Въ ab она сама указываетъ отцу на Бову, какъ на желаемаго ею служителя; сцена за столомъ (недостающая въ венеціанскомъ текстѣ), какъ въ познанскомъ, только краски наложены гуще, и слѣдуетъ непосредственно (съ опущеніемъ бесѣды Бовы и Дружневны въ ложницѣ) отъѣздъ Бовы въ поле по траву и далѣе, въ обратномъ порядкѣ противъ познанскаго текста, сцена съ вѣнкомъ въ конюшнѣ — и пріѣздъ Маркобруна. Въ первой встрѣчается одна подробность, на которую какъ будто указываетъ и познанскій текстъ въ разсказѣ о признаніи Дружнены и Бова въ конюшнѣ Маркобруна: она проситъ Бова показать ей тотъ знакъ, «што єсми лечыла тебе ув-ѿтца своего, коли єси был с ѿдное скалы спал» (сл. выше стр. 269). Венеціанскаго текста нѣтъ ни для этого эпизода, ни для эпизода съ вѣнкомъ; для втораго сл. a: Бова бросаетъ вѣнокъ на землю и бѣжитъ, «и шибѣ двермі полаты тоя, полата-ж оттова потрясеся, и упаде камен полаты тои и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружнена нача рану Бове сама лечит» (сходно, но въ другомъ положеніи, въ b). Позже, въ сценѣ признанія, Бова снимаетъ «клобукъ (позн. т. тоже) и показываетъ ей «язву, кою яз (Дружнена) у тебя сама лечила» (то же и въ b).

Маркобрунъ (a: «пс поморья», b: «пз задонскаго царства») является сватать за себя Дружнену, съ угрозою, которой Зензевею приходится уступить; a: «аще не даш тщери своеп, царство твое все попленю»; b: «головнею покачу»; лишь послѣ того, какъ его предложеніе принято, слѣдуетъ его потѣха въ поле (позн. текстъ: турнай). Въ a Бова просится у Зензевея посмотрѣть, какъ «корол Маркобрун з дворяны своими на поле тешитца», послѣ чего слѣдуетъ разсказъ о подвигахъ Бовы безъ всякихъ подробностей о его необычномъ вооруженіи; въ b Дружневна будитъ его (моментъ, можетъ быть, перенесенный сюда изъ слѣдующаго эпизода: о нашествіи султана) разсказомъ о насильномъ сватовствѣ Маркобруна; онъ проситъ у ней коня и меча кладенца — она отказываетъ, ибо «еще ты дѣтище мало, только отъ роду семъ лѣтъ»; тогда онъ идетъ вооружившись метлой (= жердь позн. текста). Только въ a осталась древняя черта, что Бова скинулъ съ коня самого Маркобруна; въ a и b бой прекращенъ по просьбѣ Дружневны [1]).

Бова ложится спать, а между тѣмъ «прінде из Задонія града царь Салтан Салтанович, да с ним сынъ его Лукапер.... вышину имѣя .Г-хъ. сажен, промеж очима пяд» (позн. т.: межы очью велика пядп); въ b он изъ Рахленскаго царства; у Лукопера голова «акп пивной котелъ, а промежъ очми добра мужа пядь, а промежъ ушми колена стрѣла ляжетъ, а промежъ плечми мѣрная сажень». Въ познанскомъ текстѣ эта вѣсть застаетъ Бову во время бесѣды съ Дружневной въ конюшнѣ; въ ab, вслѣдствіе указанной выше перестановки эпизодовъ, Бова приходитъ къ Дружневнѣ и узнаетъ о вражескомъ нашествіи. Бой Лукопера

[1]) Такъ и въ отрывкахъ удинскаго текста, vv. 264 слѣд., 301 слѣд. и въ тосканской (= франко-итальянской) версіи, недавно открытой Райной: Маркобрунъ сбитъ Бовой, разгнѣванъ, велитъ двумъ своимъ рыцарямъ: Fate che qui davante ammè voi l'abbiate a ferire e spezzare». Друзіана видитъ съ балкона, что противъ Бовы что-то затѣвается, и велитъ затрубить въ рогъ: «e in quella terra è in usanza, che quando si suona il corno di Drusiana, chiunque ene a cavallo, si disciende di sella, e chi è armato, sissi disarma. Così fa Marcobruno e sua brigata».

съ Зензевеемъ и Маркобруномъ описанъ кратко; отмѣтимъ въ b, что Лукоперъ отсылаетъ плѣнныхъ къ своему отцу на «морское пристанище», понятое, очевидно, въ знакомомъ намъ употребленіи познанскаго текста (riva). Услышавъ разсказъ Дружневны, Бова хочетъ тотчасъ же ѣхать на выручку, царевна его останавливаетъ, но только въ b сохранилась отповѣдь Бовы, даже болѣе близкая къ венеціанскому тексту (v. 614 слѣд.), чѣмъ соотвѣтствующая въ познанскомъ: «который государь купитъ холопа добраго, а холопъ хочетъ выслужитца, да не на чемъ». Дружневна даетъ ему въ a «мечъ кладенецъ» (позн. т. кгладенцыю), кольчугу «доброго короля Молганскаго» (позн. т. Гальца, то-есть, Galaço; смѣшеніе съ Молганскъ = Маганца, сл. выше стр. 288); конь забытъ, b описываетъ его въ сказочномъ стилѣ: «есть у государя моего батюшки добрыи конь богатырскій, стоптъ на .в̄і. цепяхъ, по колени в землю вкопанъ і за .в̄і. дверми».

Въ сценѣ, когда Бова на прощаньи открывается Дружневнѣ, рыцарскій элементъ изчезъ: въ позн. текстѣ царевна желаетъ напередъ узнать «родину» Бовы и тогда уже ставитъ его рыцаремъ, опоясывая мечемъ. Въ b отъ всего этого остался лишь послѣдній актъ, но ему никакого особаго смысла не дается. Не понятно мнѣ выраженіе b: Бова разсказалъ Дружневнѣ о своемъ родѣ-племени, «і Бова досталъ Дружневне песку, к сердцу присыпалъ» (?) То же и далѣе: когда рыболовъ разсказалъ Бовѣ о предстоящіе свадьбѣ Маркобруна и Дружневны, онъ «Бовѣ песку къ сердцу присыпалъ».

Агулину позн. текста отвѣчаетъ въ a и b безыменный дворецкій (въ погод. сп. Анґубинъ, въ олон. Анбугинъ). Въ описаніи боя съ Лукоперомъ общія мѣста заслонили древній текстъ: старому сарацину, съ тремя копьями въ хребтѣ (позн. т.), который приноситъ султану вѣсть о пораженіи, отвѣчаетъ въ a какой-то «богатыр Кухаз..., а на немъ бысть д̄ раны мечевых да е̄ ранъ копѣиных» (въ b, вмѣсто него, «не велкіе люди); султанъ бѣжитъ, Бово является въ b «на морское пристанище» (позн. т. «на прыстанищо»; a: «к шатру»). — Похвальбѣ Бовы на обрат-

номъ пути (позн. т.: «Королю, ты мене куплъ за двадцать литръ злота» и т. д.) данъ другой оборотъ: a. «нѣкпі господин купил собѣ холопа и дал за него .л. литръ злата, а ныне ему холопъ такову службу сслужил, избавил его от смерти; и ныне бы ево государь пожаловал, освободилъ на волю» (сходно въ b).

Слова, которыми Дружневна встрѣчаетъ возвращагося отца, удержаны лишь въ a; ни a, ни b не знаютъ слѣдующаго заявленія Агулина (=дворецкаго) и прямо переходятъ къ его попыткѣ убить соннаго Бову при помощи «юноковъ» (a; позн. т. юнаковъ; b юношей), при чемъ b ближе къ позн. тексту: «если есмо его теперъ не згубили, а ωпосле ωн нас всих побьеть, занюж Бово велми добрын витез на кони» (позн. т.) = b «то[л]ко мы не можемъ Бовы соннаго убить, а Бова пробудитца, что намъ будетъ? Бова храбрын витез»; a: «не похвала нам будет такова славнаго и сплнаго богатыря соннова убит» — Старику, играющему въ позн. т. роль короля, отвѣчаетъ въ a «постелникъ, имянем Арлоп», въ b дворецкій безъ имени. — Посылая Бова къ султану, мнимый король говоритъ ему въ позн. т., чтобы онъ сброи не бралъ съ собою, а поѣхалъ-бы на *иноходникъ* (palafren); такъ и въ b: «не оседлалъ добраго коня богатырскаго, оседлалъ Бова *іноходца*»; въ a: «оседлал себѣ добраго коня надежнаго». Дѣлая такое измѣненіе и представляя себѣ подъ надежнымъ конемъ извѣстнаго коня, подареннаго Бовѣ Дружневной (пт. Rondello), редакторъ a увлеченъ былъ и къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ: всюду иноходпка у Бовы уводитъ пилигримъ, а его коня, оставшагося дома, Дружнена беретъ съ собою, отправляясь къ Маркобруну. Въ пересказѣ a это оказалось невозможнымъ, ибо коня (=иноходца) увелъ пилигримъ, и надо было изобрѣсти новый мотивъ, чтобы онъ могъ очутиться позднѣе у Дружневны: конь сорвался у пилигрима и прибѣжалъ въ «поморье», то-есть къ Маркобруну. Для того, чтобы послѣднее указаніе было понятно, такъ какъ свадьба Маркобруна еще впереди, а въ нѣсколькихъ словахъ разсказываетъ о его сватовствѣ тотчасъ послѣ отъѣзда Бовы.

Пилигрима (a, далѣе: калагир = калугеръ), черноризца (b) Бова встрѣчаетъ подъ дубомъ (позн. т. дубъ = oliver); онъ сидитъ и вкушаетъ «укругу» (a; позн. т. бохон хлѣба), что b понялъ какъ напитокъ: «пью укруха», «чашу укруги». — Обобранный Бова принужденъ идти пѣшкомъ (позн. т. дастъ ему подъѣздка = mul), а заставляетъ его положить въ клобукъ камень, чтобы было чѣмъ оборониться отъ враговъ. Султана онъ находитъ у обѣдни (a; b: царскіе палаты; позн. т.: на кганку); слова, съ которыми султанъ обращается къ Бовѣ: «*мало тя* перед собою *могу* видѣти», отзываются передѣлкой фразы познанскаго текста, въ свою очередь переведенной съ итальянскаго: «*ю тѧ мало могу* любити» = 942 *poco* te posso amar. — Бова убиваетъ (вмѣсто одного сарацина позн. текстѣ) 30 (a) или 60 молодцовъ (b); b присоединяетъ къ этому и неудачную его попытку вырваться и убѣжать. За Бову проситъ прекрасная Малгирія (a; пог. сп. Малгорія; олон. сп. Маргарея; b Мичитрия; позн. т. Малгарыѧ), обѣщающая отцу обратить Бову къ вѣрѣ «Бахмета» (позн. т. Махомета; b Ахмета), но узника не приводятъ болѣе передъ султана, а уговариваетъ его Малгирія и, послѣ его отказа, сажаетъ его въ темницу. Въ b она описана въ былинномъ стилѣ, и разсказъ о бѣгствѣ сильно измѣненъ противъ a и позн. текста: Мичитрія является въ темницу къ Бовѣ, уговариваетъ его снова и затѣмъ идетъ оповѣстить отца о своемъ неуспѣхѣ. Тотъ посылаетъ за Бовой 30 юношей, которыхъ Бова убиваетъ, по мѣрѣ того, какъ они спускаются одинъ за другимъ, найденнымъ имъ въ тюрьмѣ мечемъ-кладенцемъ; онъ кладетъ ихъ лѣстницей; когда султанъ, раздосадованный на медленность посланныхъ, шлетъ новыхъ, также поступаетъ и съ ними и бѣжитъ. «Царь Салтанъ Салтановичъ повѣлѣ в рогъ трубити и собра воиска ѧ̀ да погнася за Бовою». Слѣдуетъ эпизодъ о кораблѣ.

Ближе къ позн. тексту разсказъ a: Бова находитъ мечъ: «и прiиде Бова в угол, ажно в углу *просветився мало* (позн. т.: видел.... змею, и *просветила* таѧ). И прiиде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, *кабы от многих лют*

положенъ тутъ (позн. т. который тутъ *отъ давныхъ дней* стоялъ). Убѣжденія Малгиріи не дѣйствуютъ, она говоритъ о томъ отцу (согласно съ b противъ позн. текста), и тотъ посылаетъ за Бовой «т. юноковъ; Бова-ж тѣх всѣх побил, и подмостяс мертвыми людми (сл. въ b: лѣстницу, противъ позн. текста: коловоротъ = tola) и выде вон ис темницы и пріинде на царев двор», что̀ напоминаетъ въ позн. т. «*полемъ бѣгъ*» = v. 1098 per lo palaço sen va; въ оригиналѣ обоихъ текстовъ могло быть общее plaça. — Бова многихъ убиваетъ и бѣжитъ «на луки морскіе». За нимъ гонятся два «брата родные, богатыри Ахан да Онбан» (пог. сп. Арам, Аврамъ), обѣщающіе султану: «Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .в. насъ». Это — «братеники» Транкацынъ и Абрамъ познанскаго текста, но подробности разсказа въ a иныя.

Бова принятъ на корабль; когда «гости кораблеицы» хотятъ выдать его султану, онъ убиваетъ нѣсколькихъ (b.; позн. т.: одного), другіе ѣдутъ съ нимъ, «подбѣжали под задонское царство», но ихъ отнесло непогодою; подробность ненужная, оставшаяся изъ древняго (= познанскаго) текста, гдѣ Бова велитъ ѣхать въ Арменію, но великая «фортувина» относитъ ихъ къ Момбраду, гдѣ живетъ Маркобрунъ, т. е., по географіи b, къ задонскому царству. — Въ a Бова убиваетъ всѣхъ корабельщиковъ и остается на кораблѣ одинъ. — Отъ рыболова онъ узнаетъ, что онъ въ царствѣ Маркобруна и что скоро быть свадьбѣ послѣдняго съ Дружневной (какъ въ позн. текстѣ). Въ b Бова проситъ рыболова продать ему рыбы, за которую щедро платитъ, а себя велитъ перевезти на берегъ; въ a, оставившемъ Бову одного на кораблѣ, нѣтъ купли рыбы; Бова садится въ лодку, а въ это время поднимается буря, погибаетъ и корабль и лодка и рыбакъ и мечъ-кладенецъ.

Встрѣча съ пилигримомъ подъ дубомъ; въ позн. текстѣ онъ даетъ Бовѣ два зелья: отъ одного онъ будетъ черенъ какъ уголь, другое — усыпляющее; въ a тоже два: отъ одного «будешъ аки уголъ чернъ, а другимъ умоешься зелиемъ, и ты аки цветъ процветеш а лице твое проспиет аки солнечная луча»; b: «трое

зелье: усыпающее да зелье бѣлое, а третье черное». Въ a забытъ обмѣнъ платья съ пилигримомъ, также и въ b, но здѣсь мотивъ подновленъ: непосредственно за встрѣчей съ пилигримомъ Бова видитъ старика, гребущаго щепы, и наспльно мѣняется съ нимъ платьемъ.

Слѣдуетъ встрѣча съ тремя юношами, «иже баше при *единой странѣ*» = позн. т. трое гражданъ, стоящихъ «*в одном уле*» (въ b нѣтъ); съ поваромъ (ab; позн. т. кухаръ) и дворецкимъ (ab; позн. т. дворанинъ), который велитъ Бовѣ пойдти «под комору», гдѣ спдитъ Дружневна (позн. т.: «в комору»; b: «на задней дворъ»). Конь узналъ голосъ Бовы, началъ «велми ржати, и коп тут звездочетцы сами говорят промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышит кон государя своего Бову королевича»; когда позже Бова входитъ къ нему, онъ, будучи «привязан на о̄-ми *цепях*, и то все оборвал». Сл. b: конь «почелъ на конюшне ржать, і от конскаго ржания *град трясахуся*»; «збился зъ .ві. цепей»; позн. текстъ: конь «почал ръзати так моцно, мало сѧ *весь град не прострасъ*; «ланцухи покрышпл»; въ венеціанскомъ текстѣ нѣтъ сотрясенія города, конь едва не порвалъ *семи цѣпей*. — Въ a, какъ и въ позн. текстѣ, Маркобрунъ, услышавъ, что пилигримъ принесъ Дружневнѣ вѣсть о смертп ея матери, велитъ его накормить (позн. т.: дан ему ести; a: вели, госпоже, ему дат поесть; въ b нѣтъ), только въ позн. текстѣ Дружнена плачетъ, разсказавъ пилигриму о своихъ отношеніяхъ къ Бову, въ a и b узнавъ отъ пилигрима, что онъ былъ товарищемъ Бовы по заключенію. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ на конюшнѣ b сокращаетъ, а близокъ къ позн. тексту, напримѣръ: конь «скокнул Бове на горло, *а пережние копыта положил ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а такобъ кон имел у себя язык, и он так рек: Откуды еси пришол и гдѣ еси был?* = позн. т. «*передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорыти, рекъ бы ему: Добре еси прышол, пане!*» — Въ сценѣ признанія ab заставляютъ Дружневну усумниться, не унесъ-ли пилигримъ у Бовы его мечъ; она признаетъ

его по ранѣ на головѣ (сл. выше, стр. 269 и 291); лишнее противъ позн. т. (въ венеціанскомъ здѣсь пропускъ), что Бова трется бѣлымъ зельемъ и къ нему возвращается прежняя красота; въ b усыпляющее зелье для Маркобруна даетъ Дружневнѣ Бова.— Дружневна выѣзжаетъ на «иноходцѣ» (b; a: конѣ; позн. т.: прудцѣ = palafren). — Слова Маркобруна, когда онъ проснулся и готовитъ погоню, напоминаютъ одинъ изъ итальянизмовъ познанскаго текста: «могу Бову повѣсити». — Какъ въ позднѣйшихъ итальянскихъ версіяхъ, Полканъ представляется плѣнникомъ Маркобруна (a: в погребе; b: в темнице); о его происхожденіи отъ жены и пса ничего не говорится; Маркобруну на него указываютъ «юноки» (a; b: юноши; позн. т. Мамродъ). — Бой съ Бовой разсказывается такимъ образомъ: мечъ Бовы уходитъ въ землю, Полканъ ударилъ его вырванной имъ съ корнемъ дубиной (a; b: палицей), такъ что тотъ свалился, а Полкана Бовинъ конь мыкаетъ по лѣсу (позн. т.: лугъ); Дружневна миритъ богатырей, а и b поняли это какъ братанье: «яз рад з Бовою братство воспріят» (a); Полканъ называетъ Бову «болшимъ братомъ» (b). Сл. Buovo in 8-a rima.

Слѣдуютъ приключенія въ «Костелѣ», гдѣ княжитъ Урилъ(a), или «мужикъ посацкой, а имя ему Орелъ» (b), который принимаетъ пріѣзжихъ съ честью. Дальнѣйшій разсказъ a сокращаетъ: Маркобрунъ подходитъ подъ Костелъ, беретъ въ плѣнъ Урила съ сыновьями, отпускаетъ перваго въ городъ, оставляя послѣднихъ въ залогѣ; сцена въ ложницѣ, какъ и въ познанскомъ текстѣ, и непосредственно за нею выѣздъ Бовы и Полкана противъ Маркобрунова войска: Маркобрунъ бѣжитъ, Урловы сыновья отбиты и посажены властвовать въ своей «отчинѣ». — Въ b посадскій мужикъ Орелъ вызвалъ и соотвѣтствующую народную обработку разсказа: Маркобрунъ шлетъ ему «грамоты»: пусть выдастъ бѣглецовъ, не то «яз ваш град Костелъ огнемъ пожгу і головнею покачю. І мужикъ посацкой велѣлъ мужикомъ собратца в земскую ізбу, и мужики собрался. И посадникъ мужикъ Орелъ пришолъ в земскую ізбу и мужикамъ грамоту про-

челъ і почелъ говорит мужикамъ: Пойдемъ мы противъ короля Маркобруна, и яз сам пойду і двух сыновъ с собою возму. И мужики собрались да и выехали против короля Маркобруна. И король Маркобрунъ мужика посадника и з детми полонилъ а дву сыновей взялъ в закладе, а велѣлъ здать з города Бову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну. І мужикъ пришолъ въ городъ і велѣлъ збиратца мужикамъ в земскую ізбу, і скоро мужики собрались, да сталъ за мужиковъ і мужикъ посадникъ, почелъ говорить: Здать-ли намъ з города выѣзжихъ людей или не здавать? І выступала Орлова жена и почела говорить: Выезжихъ людей з города не здавать, а уже дѣтямъ своимъ намъ не пособить. І мужикъ Орелъ почелъ говорить: У всякие жены волосы долги да умъ коротокъ. И присовѣтовали мужики, что Бову з города здать. И пошелъ Полкан къ Бовѣ: Брате Бова, долго спишъ, ничего не вѣдаешъ, хотят насъ мужики з города здать. И рече Бова: Злодѣи мужики, что они про думу не гораздо удумали, не гораздо и имъ будетъ. И скочилъ Бова скоро с кровати и опахнулъ на себя шубу одевалную и взялъ под пазуху мечь кладенецъ и пошелъ в земскую ізбу, і почелъ мужиковъ рубить, от дверей і до куту мужиковъ порубилъ да и вон пометалъ. А Орлова жена побѣжала с конпка к печи і почела говорить: Государь храбры витез, не моги меня горкие вдовы погубить. И рече Бова: Матушка государыня, не бойся, дай мнѣ до утра сроку, я і дете твоихъ от полону» (то-есть: освобожу). И здѣсь дѣло кончается тѣмъ, что Бова Орловыхъ дѣтей «учредилъ».

Въ познанскомъ текстѣ, послѣ рожденія дѣтей (Симбалъдо и Кгвидонъ; b: Симбалда и Личарда; въ a именъ нѣтъ), Бова, оставивъ Полкана при семьѣ, ѣдетъ къ морю, не найдетъ ли тамъ кораблей Арменила; въ это время на Полкана и нападаютъ львы.— Въ a Бова отправляется на охоту и заблудился; въ b Полканъ приводитъ Бовѣ «языковъ» отъ войска Додона, отъ которыхъ узнаютъ, что они посланы въ армянское царство, чтобы схватить тамъ Бову, послѣ чего самъ Бова отправляется туда на

«дело ратное». Такъ объясняется въ a и b отсутствіе Бовы въ то время какъ Полканъ погибаетъ, отбиваясь отъ львовъ.

Конецъ повѣсти поражаетъ въ познанскомъ текстѣ краткостью изложенія: переводчикъ какъ будто спѣшилъ, и здѣсь a и b наиболѣе расходятся съ его оригиналомъ, но въ тоже время и между собою; не потому ли, что каждый восполнялъ по-своему краткое изложеніе и своего подлинника? При такомъ взаимномъ отношеніи текстовъ нельзя и ожидать между ними тѣхъ дословныхъ совпаденій, какія до сихъ поръ встрѣчались.

Обратимъ вниманіе на послѣдовательность, въ которой всѣ три текста излагаютъ послѣднія событія повѣсти.

Познанскій текстъ. По смерти Пулкана Дружнена идетъ искать Бова; онъ возвращается, погребаетъ Пулкана; Рычарда приглашаетъ Бова, назвавшагося Ангосомъ, на службу къ Спмбалду. Бой Рычарда съ Бовомъ. Походъ на Антонію; *Бово открывается Терызу передъ началомъ битвы.* Бово и Терызъ лекарями у Додона; его *удаляютъ* изъ города; Блондоя замурована. [Эпизодъ войны съ Пипиномъ и вернувшимся Додономъ, неизвѣстный a и b]. — Дружнена въ Арменіи у отца. — Послы Малгаріи, у которой умеръ отецъ, просятъ Бова оборонить её отъ короля угорскаго и жениться на ней. — Бова въ Задоніи, куда является и Дружнена; признаніе; Терызъ женится на Малгаріи, у него сынъ Гвидонъ и внукъ Терызъ.

Текстъ a. Дружнена, по смерти Полкана, идетъ искать Бову и заблудилась; Бова возвращается, находитъ Полкана убитымъ; Личарда принимаетъ Бову (имени Ангоса нѣтъ) на службу къ Спмбалду; бой Бовы съ Личардой (кончающійся смертью послѣдняго). — Бова «потерся бѣлымъ зелпем» и *узнанъ Спмбалдой.* Походъ на Антонію; Бова и Терызъ идутъ лекарями къ Додону, котораго и *убиваютъ;* Милитрису приказано «*обковат в бочку дубову*». — Бова посылаетъ *свататься за Малгирю*, которой отецъ не умеръ и приглашаетъ Бову самого пріѣхать за дочерью. — Дружнена приблудилась въ Арменію, гдѣ царствовалъ «отца ея короля Зинзовея постелникъ, именемъ Арлопъ, а отца

ея короля Зинзовея в животе нѣт»; она потихоньку выспрашиваетъ путь «ко граду Онтону». Свиданіе ея съ Бовой происходитъ здѣсь, не въ Задоніи; о Малгирѣ далѣе нѣтъ рѣчи, и повѣсть кончается тѣмъ, что Бова снова пожаловалъ Симбалду Суминомъ градомъ, Арлопъ, когда-то измѣннически пославшій Бову къ султану, осажденъ въ городѣ Арменѣ и повѣшенъ, а на его мѣсто поставленъ братъ Симбалды, Огень.

Текстъ b. Потуживъ о Полканѣ, Дружневна ѣдетъ въ Арменское царство, оттуда въ «Рахленское». — Бова, похоронивъ «Полкановы плесны», также отправляется въ Арменское царство, «чтобы ему *дворецкаго убить*, которой дворецкой послалъ ево на смерть». Это какъ будто указываетъ на эпизодъ а объ Арлопѣ, но далѣе о наказаніи дворецкаго мы ничего не узнаемъ. — Зензевею Бова незнакомъ, ибо король разпрашиваетъ его объ его имени: тотъ называетъ себя *Августомъ*; очевидно, Зензевей по ошибкѣ поставленъ вмѣсто Симбалда, которому въ познанскомъ текстѣ Бова назвался Ангосомъ. — Зензевей проситъ Августа послужить ему; между тѣмъ пришли изъ Рахленскаго царства послы провѣдывать Бову: царевна Мпичитрія хочетъ за него замужъ идти. Августъ велитъ имъ вернуться; «а Бова будет у васъ». Онъ является къ Мпичитріи, креститъ ее, положили быть свадьбѣ; а «у Дружневны дѣти уже на разумѣ, Симбалда іграетъ в гусли, а Личадра в домъру». — Признаніе совершается; Мпичитріи Бова обѣщаетъ не дать ея никому въ обиду, а самъ ѣдетъ, подъ тѣмъ-же именемъ Августа, къ Симбалдѣ, который жалуется ему на Додона, убившаго Гвидона и отгоняющаго ихъ «животину». Бова и сынъ Симбалды, Дмитрій, идутъ подъ градъ Антопъ, въ свою очередь отгоняютъ животину (подробность, забытая въ а, но извѣстная познанскому тексту), а Бова ранитъ и Додона. Три дня ходитъ Бова плакать на могилу отца, Дмитрій говоритъ о томъ Симбалдѣ: «Не государь ли нашъ храбрый витез Бова Королевичь?». Умывшись бѣлымъ зельемъ Бова снова сталъ «велми лѣпообразенъ», его *признаютъ*. — Слѣдуетъ извѣстное леченіе Додона, голову котораго, прикрытую на блюдѣ ши-

рипкой, Бова подноситъ матери; «і велѣлъ Бова гроб здѣлать, мать свою жпву во гроб, п одевал гроб камками і бархаты, погреб Бова мать свою жпву в землю». Повѣсть кончается тѣмъ, что онъ освобождаетъ пзъ темницы п выдаетъ за князя дѣвку, которая не дала Бовѣ отвѣдать отравленныхъ хлѣбовъ, посланныхъ ему матерью; съ тѣхъ поръ она томилась въ тюрьмѣ, «ажно у дѣвки власы до пят отросли». Дмитрія Бова женитъ на Мпнчитріп; «п почелъ Бова жпть на старинѣ з Дружневною да п з дѣтми своими, лпха пзбыватп а добра нажпватп. И Бовѣ слава не минетца отнынѣ п до вѣка».

Я далъ пѣсколько подробныхъ выписокъ пзъ рецензіи b, чтобъ охарактерпзовать ту череду въ развитіп народной книгп, когда она готовится перейдти въ сказку, охватывается ея стплемъ, тянетъ къ почвѣ, какъ напримѣръ, въ той сценѣ, гдѣ герцогъ Оріо обратился въ посадскаго мужика Орла, средневѣковой замокъ — въ земскую пзбу; пли когда описывается посольство, п всякій разъ посолъ кладетъ на столъ грамоту п т. п. Въ духѣ того же народнаго пріуроченія нѣкоторыя былинныя выраженія (напримѣръ: «головней покачу»; сл. Гпльф. № 207: Хочутъ Кіевъ градъ головней катпть), любовь къ повтореніямъ: о конѣ Бовы дважды въ разныхъ мѣстахъ говорится, что онъ стоптъ привязанный на столькихъ-то цѣпяхъ, за столькими-то дверями, п уже до послѣдней добирается; дважды посылаетъ Дружневна своихъ сыновей къ Бовѣ, чтобы дать ему возможность дважды явиться къ ней п увпдѣть ее то въ пзмѣненномъ, то въ своемъ образѣ. Къ сказочнымъ пріемамъ прпнадлежитъ п особое предрасположеніе къ эпической справедливости. Враги п пзмѣнники должны быть наказаны: въ познанской повѣсти (п въ венеціанской поэмѣ) Бова бьется съ Ричардо, но не убиваетъ его, при чемъ, очевидно, этотъ Ричардо не одно лицо съ приверженцемъ Додона въ началѣ повѣстп, ибо тотъ убитъ Терызомъ. Въ a п b послѣдняго эпизода, какъ мы видѣли, нѣтъ; Ричарда, съ которымъ бьется Бова въ a, дѣйствительно, предатель, сторонникъ Додона, п Бова его наказываетъ. Къ этому a п b присоединяютъ

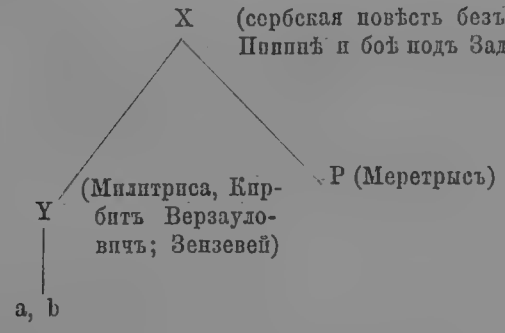
наказаніе еще и другаго предателя: дворецкаго, пославшаго Бову на вѣрную смерть къ султану[1]). На оборотъ, но въ духѣ той же эпической справедливости, награда, которой въ b удостоивается дѣвушка, спасшая Бову.

Въ a подобныхъ передѣлокъ и особенностей, характеризующихъ b, вообще меньше; на значительномъ протяженіи онъ довольно близко отвѣчаетъ содержанію и плану познанской повѣсти, воспроизводя отчасти и ея *фразу*, но такъ, что въ иныхъ случаяхъ бо́льшая близость оказывается на сторонѣ b. Тамъ и здѣсь a и b удержали, стало быть, букву своего подлинника, близкаго къ подлиннику познанскаго списка. Что этотъ оригиналъ былъ сербскій, на это указываютъ удержавшіеся, не смотря на полную великорусскую переработку, сербизмы въ родѣ: юнокъ, клобукъ, лугъ въ значеніи bosco, оставшійся всюду, гдѣ тому не перечилъ смыслъ и замѣненный лѣсомъ лишь тамъ, гдѣ по смыслу безъ него нельзя было обойдтись (въ сценѣ, когда конь Бовы ободралъ Полкана, нося его по лѣсу). — Что не бѣлорусскій текстъ познанскаго списка былъ исходною точкой великорусскихъ версій, доказательство тому я вижу не столько въ отсутствіи въ послѣднихъ какихъ-бы то ни было слѣдовъ діалектическихъ особенностей перваго (въ великорусскомъ пересказѣ имъ легко было стереться), сколько въ имени *Милитрисы* вм. позн. *Меретрысъ*. Если меретрысъ, какъ мы предположили, есть этимологическое подновленіе бѣлорусскаго переводчика, вм. мелетрисъ= meltris, то наша Милитриса привязывается не къ подновленной, а къ древней формѣ имени, стоявшей въ оригиналѣ a и b. Въ этомъ оригиналѣ не было ни эпизода о Пипинѣ, ни сцены боя подъ Задоніей, которыхъ не знаетъ и познанскій текстъ. Изъ этого источника (= x) пошелъ, съ одной стороны, познанскій текстъ (= p), съ другой — подлинникъ a и b. Что ведетъ насъ къ его обособленію, это новыя имена, согласно являющіяся въ a

[1]) См., впрочемъ выше, стр. 232, сходный эпизодъ въ старо-французскомъ романѣ.

и b (Кирбитъ Верзауловичъ, отецъ Милитрисы[1]); Зензевей Андоровичъ = Арменилъ), либо являющіяся въ одномъ a (Аханъ, Онбанъ, Арлопъ[2]), городъ Празнь; Огень), можетъ быть, лишь опущенныя въ b (?). Этотъ непосредственный источникъ a и b (= y) могъ быть сербскимъ, но его амплификаціи могли принадлежать и русскому перескащику, хотя первое представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

Всѣ эти выводы, а вмѣстѣ и предположенія, ожидающія провѣрки, могутъ быть выражены въ слѣдующей генеалогической схемѣ:



При такомъ предположеніи Бова явился у насъ въ двухъ переводахъ съ сербскаго; сходство нѣкоторыхъ фразъ между p и ab объяснилось бы не изъ взаимной ихъ зависимости, а изъ стилистическаго сходства источниковъ; p осталось въ рукописи, отраженія y (ab) завладѣли народною фантазіей и пошли гулять по лицу русской земли. Лугъ = bosco заставляетъ подозрѣвать и для сербскаго Бова то же далматинское происхожденіе, какое мы сочли возможнымъ допустить, на основаніи другихъ соображеній, и для источника познанскаго Тристана. Замѣтимъ кстати,

---

[1]) Въ Buovo in 8-a rima, c. I, st. 9, отецъ Брандоній названъ Duca Borgorgnon (въ Maasebuch, изд. Amsterdam, 1661: Brandania изъ Burgundia); въ Reali di Francia: Ottone di Guascogna; въ отрывкахъ тосканской версіи, найденной Райной (= франко-италіанской), Ugo di Guascognia.

[2]) Въ Bovo in 8-a rima, c. IV, st. 24, старикъ, отвѣчающій Арлопу, не названъ.

что въ Зарѣ, у Piazza dei Cinque Pozzi, находится древняя башня, когда то носившая названіе: Lucerna di Sinella, впослѣдствіи прозванная: Torre di Buovo d'Antona. Sinella указываетъ не на венеціанскаго Бово и его отраженія, а на Reali di Francia, извѣстныя въ старомъ хорватскомъ переводѣ (сл. выше, стр. 246): здѣсь Sinella, отвѣчающая Садоніи, Сидоніи венеціанскаго и франко-итальянскаго, Sivele, Civile (= Севилья) французскихъ текстовъ [1]) — помѣщена именно въ Далмаціи (Schiavonia). Описка Sinele вм. Sivele, Suyelle и т. п. повела и къ новой, случайной локализаціи — и къ мѣстному прозвищу: Lucerna di Sinella.

---

[1]) Сл. выше стр. 232, 238 и P. Rajna, I Reali di Francia, стр. 206—7.

III.

Аттила.

I.

Историческая дѣятельность Аттила нашла себѣ народную оцѣнку въ цѣломъ рядѣ легендъ и сказаній, разнообразную смотря по средѣ, въ которой они слагались[1]). Для латинскаго запада Аттила былъ главнымъ образомъ разрушитель; тѣ народности, которыя, какъ готы, слѣдовали за нимъ въ его побѣдоносныхъ набѣгахъ, болѣе какъ союзники, чѣмъ какъ побѣжденные, сохранили о немъ память, какъ о могучемъ и славномъ властителѣ, впервые объединившемъ и обрушившемъ на христіанскій западъ соединенныя силы степныхъ и германскихъ ордъ. Такъ сложились два эпическихъ теченія, латинско-христіанское и гуннско-германское или ближе гуннско-готское; ни то, ни другое не дошло въ своемъ развитіи до организаціи пѣсеннаго цикла и цѣльности поэмы, но оба пережили обычные въ жизни эпоса процессы деторіораціи и осложненія, несчитающагося съ хронологіей. Какъ въ латинско-христіанской традиціи Аттила является смѣшаннымъ

[1]) Онѣ были разобраны Am. Thierry, Histoire d'Attila et de ses successeurs 1874, t. II p. 221 слѣд. и D'Ancona'ой: La leggenda d'Attila Flagellum Dei in Italia, въ Studj di critica e storia letteraria (Bologna, Zanichelli, 1880) p. 363 слѣд. и въ Antichi poemetti popolari italiani (тамже, 1886 г.), стр. 169 слѣд.; на это изданіе мы далѣе и ссылаемся.

съ Тотилой и вмѣстѣ мучителемъ (въ 451 г.) св. Урсулы и ея спутницъ, выѣхавшихъ изъ Бретани въ 383 году, такъ въ нѣмецкомъ эпосѣ онъ представляется современникомъ Эрманариха, Теодориха и Одоакра. Въ первомъ случаѣ циклизація произошла подъ впечатлѣніемъ христіанской легенды: для нея Аттила былъ «бичемъ божіимъ», на него естественно переносились всѣ ужасы преслѣдованій и мученическихъ казней; во второмъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ ходячихъ промаховъ эпической памяти: за Аттилой нѣмецкихъ поэмъ необходимо предположить древнее, готско-гуннское пѣсенное преданіе, въ которомъ Аттила являлся *дѣятельнымъ* центромъ; это положеніе осталось за нимъ и впослѣдствіи, но когда историческое содержаніе преданія пзсякло и новыя имена и разсказы явились на смѣну старыхъ, Аттила спустился къ значенію центра *собирательнаго:* вокругъ него разыгрывается трагедія Нибелунговъ, къ нему примыкаетъ и отъ него исходитъ дѣйствіе поэмъ о Дитрихѣ-Теодорихѣ готскомъ, о Битерольфѣ, Вальтерѣ Аквитанскомъ. Параллельно съ этимъ идетъ и детеріорація его типа, напоминающая ту, которая въ старо-французскомъ эпосѣ постигла Карла Великаго: онъ слишкомъ благодушенъ и слабъ для героя, и богатыри, столующіе у него, переросли его головою. Таковъ онъ въ Etzels Hofhaltung.

Подобное измѣненіе типа, но въ обратномъ смыслѣ, совершилось на почвѣ латинско-христіанской легенды. Аттила явился въ ней въ началѣ представителемъ жестокаго язычества въ его противоположности къ христіанству; божьей кары, насланной на христіанъ за ихъ прегрѣшенія: flagellum Dei. Этотъ библейскій эпитетъ, сложившійся въ приложеніи къ Аттилѣ въ V—VIII вѣкѣ, у насъ примѣнявшійся къ Половцамъ [1]), обращается позднѣе въ кличку Атиллы, которую онъ носитъ сознательно. Такъ въ разсказѣ у Thwrocz'a I, 15, несомнѣнно болѣе древнемъ въ своей основѣ, чѣмъ его запись: наканунѣ каталаунской битвы гунны

[1]) «И се попусти Богъ казнь на ны..... се бо есть *батогъ Его*, да подвигнемся отъ злаго пути».

схватили въ лѣсу подъ городомъ отшельника, слывшаго за пророка. На вопросъ Аттилы, за кѣмъ останется побѣда, онъ отвѣчаетъ: Tu es flagellum Dei.... accipiet tamen hunc gladium a te dum voluerit et illum alteri tradet. Аттилу это вѣщаніе приводитъ въ восторгъ и онъ восклицаетъ въ реторическомъ самознаніи:

Stella cadit, tellus fremit, en ego malleus orbis.

Когда позднѣе онъ подъѣзжаетъ къ стѣнамъ Труа и требуетъ, чтобъ ему отворили городскія ворота, епископъ св. Лупъ спрашиваетъ его: Tu quis es qui terram dissipas et conculcas? Cui Attila: Ego sum Attila, rex Hunnorum, flagellum Dei (ib. I, 16). Bene venerit flagellum Domini mei! (ib.), отвѣчаетъ епископъ, велитъ отворить ворота и, схвативъ подъ уздцы коня Аттилы, вводитъ его въ городъ. За нимъ идетъ все гуннское войско, но они ничего не видятъ, пораженные слѣпотою, и прозрѣваютъ лишь выступивъ изъ другихъ городскихъ воротъ. Подобныя разсказы о чудесномъ ослѣпленіи привязались съ именемъ Аттилы къ другимъ мѣстностямъ Франціи (Metz, Dieuze и др.), по легендѣ о св. Лупѣ сложилась сходная о св. Геминьянѣ, епископѣ моденскомъ (Thierry l. c. 244), какъ, наоборотъ, легенда о св. Германѣ Оксеррскомъ отразила главныя черты римской: о папѣ Львѣ (D'Ancona l. c. стр. 199 прим. 1). Мѣстный эпосъ разростался по направленію нѣкоторыхъ излюбленныхъ разсказовъ, передававшихся изъ одной среды въ другую: положеніе и мотивы оставались, пріуроченія ограничивались часто собственными именами.

Демоническое самознаніе Аттилы въ пересказѣ Thwrocz'a едва-ли не позднѣйшая черта; она напоминаетъ извѣстный монологъ Ezzelino da Romano въ Eccerinis Albertino Mussato; но орудію Божія гнѣва естественно было быть служителемъ дьявола: въ житіи св. Никазія самъ сатана открываетъ Аттилѣ врата Реймса, побуждая его къ избіенію и насилію. Въ этой связи стоитъ, въ извѣстной мѣрѣ, и развитіе иконографическаго типа Аттилы въ Италіи, гдѣ его любятъ представлять съ песьей головой. Уже Іорданъ разсказывалъ о готскихъ колдуньяхъ, из-

гнанныхъ при королѣ Филимерѣ въ Скиѳію, гдѣ отъ ихъ сожительства съ нечистами духами произошли предки гунновъ; въ IX вѣкѣ Корвейскій грамматикъ отождествляетъ ихъ съ Гогомъ и Магогомъ, заключеннымъ Александромъ В. за горами сѣвера[1]) — въ числѣ другихъ нечистыхъ народовъ, которыхъ древнерусская иконографія любитъ изображать песиглавцами[2]). Прибавимъ къ этому страшный, необычный видъ гунновъ, ихъ непонятную рѣчь; слово *ханъ*, Кап, сближенное съ canis — и мы объяснимъ себѣ, какимъ образомъ Аттила, показатель гуннской расы, могъ представиться кинокефаломъ. Такимъ изображаютъ его народныя итальянскія картинки: съ палкой-скипетромъ въ рукѣ, съ собачьими ушами, выступающими изъ-за вѣнца, съ клыками собаки, придавленнымъ носомъ и бородой (D'Ancona l. c. 254). Подобный портретъ Аттилы, принесенный изъ Польши Алоизіемъ Липоманомъ, епископомъ Вероны и папскимъ легатомъ, видѣлъ въ Венеціи Marzari (Historia di Vicenza, 1604, p. 44); другія изображенія, также итальянскаго происхожденія, замѣняютъ уши — рогами (D'Ancona l. c., стр. 254—5, прим. 3). Отъ такого представленія недалеко было и до другого, смежнаго и сравнительно популярнаго въ Италіи. Въ поэмахъ и повѣстяхъ о Bovo D'Antona о чудовищѣ Pulicane (русск. Полканѣ) разсказывалось, что онъ рожденъ отъ женщины и пса; въ Fiorita'ѣ Armannino, giudice di Bologna, говорилось, что Резъ (Reso re di Thirpoya) послалъ въ даръ Гектору «Pellicane, mezzo cane e mezzo uomo, valentissimo arciere e leggerissimo nella corsa». И вотъ въ поэмѣ болонца Niccolò da Casola (XIV в.) и, вѣроятно, въ его франкоитальянскомъ источникѣ разсказывалось объ одномъ венгерскомъ королѣ, задумавшемъ выдать свою дочь за наслѣдника византійскаго престола и заключившемъ ее пока въ башню, дабы уберечь ее отъ опасностей, грозившихъ ея красотѣ. Случилось, чего онъ не ожидалъ: царевна забеременила отъ своей собачки и родился — Аттила. — Эту версію легенды,

[1]) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 178, прим. 1.

[2]) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 45б.

удержанную, хотя съ оговоркой (però comunque sia, V'ha chi la crede e chi l'ha per bugia) авторомъ итальянской народной поэмы (D'Ancona стр. 282), но умолчанной въ Maggio объ Аттилѣ (ib. стр. 285), D'Ancona сближаетъ съ карачайскимъ преданіемъ, слышаннымъ на Кубани однимъ венгерскимъ путешественникомъ [1]). Мѣсто дѣйствія другое, но завязка та-же: одинъ константинопольскій императоръ такъ бережетъ честь своего имени и рода, что заключаетъ на одномъ островѣ Пропонтиды свою единородную дочь-красавицу Allemely; при ней старуха-мамка и пятьнадцать дѣвушекъ, данныхъ ей въ услуженіе; къ острову запрещено приближаться кому-бы то ни было подъ страхомъ смерти. Въ этомъ одиночествѣ выростаетъ Allemely; ея красота ростетъ, и кто-бы не увидалъ ее, всѣ въ нее влюбляются, вѣтеръ ласкаетъ ее своимъ дуновеніемъ, морскія волны лобзаютъ ея ноги, когда она идетъ берегомъ; однажды, когда она заснула, лучь солнца проникнулъ къ ней въ окно и оплодотворилъ её. Когда отецъ узналъ о ея беременности, онъ поспѣшилъ скрыть свой стыдъ: посадилъ дочь и ея свиту на корабль, нагруженный золотомъ и алмазами, и пустилъ въ открытое море. Вѣтеръ бережно пронесъ его въ Босфоръ и Черное море, и оно, обыкновенно грозное для всякаго, пытающагося плыть его водами, тихо довело его до кавказскаго прибрежья, къ области, гдѣ въ то время властвовали мадьяры. Молодой вождь ихъ былъ въ то время на охотѣ, видитъ богато убранное судно, женщинъ, молившихъ о помощи; онъ ловко пускаетъ стрѣлу, къ концу которой прикрѣплена была длинная шелковая веревка; стрѣла упала на корабль, никого не ранивъ, дѣвушки, спутницы Allemely, привязываютъ веревку къ мачтѣ, а люди хана притягиваютъ судно къ берегу. Красавица разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ и, разрѣшившись отъ бремени сыномъ солнца, выходитъ замужъ за хана, котораго также подарила сыномъ. Выросши молодые люди ненавидятъ другъ друга; отецъ пытается

[1]) Сл. Thierry l. c. p. 419 слѣд., по: Voyage en Crimée au Caucase etc., fait en 1830, pour servir à l'histoire de Hongrie. Paris. 1838.

помирить ихъ, умирая надѣется предотвратить будущія разногласія, упорядочивъ права наслѣдства; но напрасно: по его смерти усобица сыновей раздѣлила и народъ на двѣ партіи, боровшіяся другъ съ другомъ; вторженіе иноземцевъ довершило остальное: мадьяры побѣждены, разсѣяны, утратили свое имя; такъ кончилось ихъ народное существованіе.

Сличите съ этимъ сказаніемъ слѣдующее: о происхожденіи киргизовъ[1]). У хана Altyn Bel'я сынъ Kaischyly Kan и дочка, родившаяся такой красавицей, что отецъ велѣлъ стеречь её подъ землею, дабы её не увидѣлъ человѣческій глазъ. Узнавъ отъ приставленной къ ней старухи, что есть еще и другой свѣтлый міръ, она упросила её показать его ей; только что вышла она изъ подземелья, какъ Божій взоръ упалъ на неё и она забеременила. Догадавшись объ этомъ, старуха винится матери, та открываетъ происшедшее мужу, который велитъ умертвить дочь или вообще удалить её съ глазъ. Мать положила её въ золотой сундукъ, дала съ собой пищи и пустила въ море, привязавъ снаружи ключъ отъ замка. Съ берега, гдѣ они охотились, Domdagul Sokur и Toktagul Mergän видятъ сундукъ, рѣшили достать его и, чтобы впослѣдствіи не спорить о дѣлежѣ, подѣлили напередъ: Toktagul Mergän возметъ, что внутри, Domdagul Sokur что снаружи. Первый выстрѣлилъ въ сундукъ стрѣлою, къ которой былъ прикрѣпленъ шелковый шнурокъ, и такъ притянулъ его къ берегу. Оба поражены красотой дѣвушкѣ, которая говоритъ, кто она, и согласна выйти замужъ за Toktagul-Mergän, когда сама разрѣшится отъ бремени. По нѣкоторомъ времени она родила мальчика, красивѣе ее самой, по имени Schyngys'a[2]);

---

[1]) Radloff, Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, III, стр. 80 слѣд. Легенды о Чингисѣ сл. у Потанина, Очерки сѣверо-западной Монголіи IV, стр. 801 слѣд.

[2]) Въ бурятской сказкѣ о Шингысѣ разсказывается иначе: у одного хана было двѣ жены; у младшей родился ребенокъ; у старшей не было. Младшая написала мужу, находившемуся въ походѣ, письмо; старшая подмѣнила письмо и написала: родился ни ребенокъ, ни звѣрь. Царь отвѣтилъ: Оставить до моего пріѣзда. Старшая жена опять подмѣнила письмо и написала: Заложить въ смо-

въ городѣ, гдѣ они жили, умеръ какъ разъ властитель, и Schyngys'а выбрали ему преемникомъ: онъ былъ справедливъ, никого не обижалъ, народъ жилъ въ мирѣ, не было въ немъ ни лжи, ни воровства. Между тѣмъ мать Schyngys'а вышла замужъ за Toktagul-Mergän'а и прижила съ нимъ трехъ сыновей, которые начинаютъ враждовать съ безроднымъ Schyngys'омъ изъ-за наслѣдства и власти. Опасаясь за свою жизнь, онъ говоритъ матери, что хочетъ удалиться къ источнику той воды, по которой она приплыла, къ мѣсту, гдѣ живетъ его отецъ; она будетъ знать о его пребываніи по птичьимъ перьямъ, которыя принесетъ къ ней теченіе. Онъ удаляется, а правленіе его своднаго брата Börgöltöi заставляетъ всѣхъ пожалѣть о Schyngys'ѣ: узнавъ у его матери о направленіи, въ которомъ его слѣдовало искать, 25 лучшихъ людей изъ народа идутъ и приводятъ его назадъ. Споръ между нимъ и братьями порѣшенъ матерью: кому удастся повѣсить свой лукъ на солнечномъ лучѣ, тотъ пусть и будетъ властителемъ. Это удается лишь Schyngys'у, ибо онъ сынъ солнца. Его царствованіе столь славно, что жители Рума, Крыма и народъ Калифа просятъ его дать имъ властителемъ одного изъ сыновей, а русскимъ досталась властительницей его дочь Ak Bïbä [1]).

Тождество киргизскаго сказанія о Чингисѣ съ кавказскимъ внѣ сомнѣнія, только развязка и этническое пріуроченіе другое. Если «мадьяры» послѣдняго принадлежатъ дѣйствительно ему самому [2]), не соображеніямъ и фантазіи мадьярскаго путешествен-

---

ляную бочку и бросить въ море. Носило бочку по морю и прибило къ берегу. Шингысъ, заключенный въ бочкѣ, топнулъ ногою и бочка разлетѣлась. Онъ вышелъ изъ бочки; въ это время жаворонокъ пропѣлъ: «Шинъ, шинъ! За это и дали ему имя Шингысъ. Сл. Потанинъ l. c. IV, стр. 231—232

[1]) Потанинъ l. c. IV, стр. 324—5 (дочь Чингиса-русскій царь). Иначе ib. II, стр. 149: Акъ-падша (русскій царь)— сынъ Чингиса.

[2]) Въ доступныхъ мнѣ сборникахъ кавказскихъ преданій я соотвѣтствующаго разсказа не встрѣтилъ. Для начала сл. чеченское сказаніе о Лялъ-Суйта (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ IV, отд. II: Ахріева, Изъ чеченскихъ сказаній, стр. 8—15): У одного царя единственная дочь-красавица, ко-

ника, то сходство его начальнаго эпизода съ соотвѣтствующимъ итальянскаго преданія объ Аттилѣ въ самомъ дѣлѣ интересно: оно явилось-бы поддержкой старой гипотезы о родствѣ мадьяръ, народа уральско-финско-тюркской помѣси, съ загадочными въ этнографическомъ смыслѣ гуннами. Но гипотеза эта оказывается лишенной всякой научной подкладки: отождествленіе двухъ народностей явилось продуктомъ невольнаго смѣшенія, обусловленнаго сходствомъ ихъ исторической роли, тождествомъ осѣдлости и условій быта. Такъ уже у лѣтописцевъ, повѣствующихъ о мадьярскомъ погромѣ; въ XI вѣкѣ тождество гунновъ и мадьяръ уже возведено было въ Венгріи въ значеніе оффиціальнаго вѣрованія [1]); въ Италіи, гдѣ набѣги мадьяръ распространились отъ Фріульскихъ Альпъ до границъ неаполитанской области, ихъ нашествіе могло не только обновить память о гуннскомъ погромѣ, содержаніе сложившихся о немъ легендъ, но внести и новыя. Именно мадьяры могли разсказывать о сверхъ-естественномъ происхожденіи своего родового вождя Аттилы; итальянцы переняли

торую онъ съ рожденія держитъ въ заперти; она не видитъ ни людей, ни солнца; однажды солнечный лучъ проникнулъ случайно въ ея покой, и она увидѣла на дворѣ молодыхъ людей, игравшихъ въ снѣжки. Одинъ изъ нихъ предлагаетъ другому найти что-нибудь на свѣтѣ бѣлѣе снѣга; тотъ говоритъ, что таковъ Лялъ-Султа; при этомъ имени въ воображеніи царевны сталъ рисоваться образъ красиваго юноши; она поклялась выйти за него за-мужъ, стала задумчива и угрюма. Служанка разсказала обо всемъ царю, который велитъ посадить свою дочь въ бочку съ желѣзными обручами и пустить по рѣкѣ. Позже она выходитъ за Лялъ-Султа.

По указанію Ногмова, очевидно навѣянному его литературными, не народными воспоминаніями, черкесскія пѣсни будто-бы сохранили память объ Аттилѣ-Adil; въ одной онъ названъ «бичемъ божіимъ» (?): «Господь сжалится надъ нами, горы и долы — наши, бичь божій счастливо миновалъ ихъ»; «наша избранная конница, охотники (?), отправилась къ Аттилѣ; когда ночь будетъ, пойдемъ и мы»; «вдоль высокихъ горъ, точно блестящія звѣзды, сбираются къ Аттилѣ наши воины, ихъ удары точно удары грома». Вмѣстѣ съ тѣмъ говорится, что *сказаній* объ Аттилѣ никакихъ не сохранилось. Сл. Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volkes, gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet u. mit einer Vorrede versehen von A. Bergé. Leipzig 1866, стр. 34.

[1]) Marczali, Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin 1882 стр. 55.

этотъ разсказъ но дали ему другое освѣщеніе: Аттила былъ имъ врагомъ демоническимъ; его чудесное происхожденіе было удержано, но изъ божественнаго и сверхъестественнаго оно стало противуестественнымъ: онъ уже не сынъ солнца, а отродье пса.

Такъ объясняетъ себѣ D'Ancona (l. c. 230) взаимныя отношенія кавказской и итальянской легендъ въ эпизодѣ о рожденіи и въ пониманіи типа Аттилы. Что итальянское преданіе представляетъ детеріорацію его типа, съ этимъ нельзя не согласиться; всё дѣло въ томъ, какъ понять его и какъ опредѣлить ея границы. Итальянскому перескащику происхожденіе отъ пса могло представиться позорнымъ и онъ съ умысломъ вмѣнилъ его Аттилѣ, мадьярскому сыну солнца; но ничто не мѣшаетъ предположить, что уже въ мадьярской легендѣ онъ нашелъ основныя очертанія своей, но безъ ея ухудшающаго освѣщенія. Монгольскія роды ведутъ свое происхожденіе отъ лисицы, волка, медвѣдя и т. п., и эта генеалогія, не идущая въ укоръ, принадлежитъ древней традиціи; Айно говорятъ о себѣ, что произошли отъ смѣшенія женщины съ собакой и т. п. Итальянская версія могла удержать сходныя данныя гунско-мадьярскаго разсказа; ея детеріорація ограничилась въ такомъ случаѣ лишь тѣмъ, что она вмѣнила въ зазоръ, что первоначально было безразлично либо считалось и почетнымъ.

Рядомъ съ измѣненіемъ типа Аттилы идетъ въ латинско-христіанскомъ преданіи огрубѣніе его христіанскаго содержанія. Въ началѣ оно понято было идеально, по общей схемѣ древнихъ мученическихъ житій: Аттила, носитель грубой языческой силы, поступается передъ силой христіанскаго убѣжденія, засвидѣтельствованной словомъ и дѣломъ. Этимъ идеальнымъ элементомъ чуда не удовлетворились послѣдующіе перескащики легендъ и внесли въ него мотивы грубаго, вещественнаго чудеснаго. Въ житіи св. Лупа, написанномъ, какъ полагаютъ его ученикомъ, Аттила поспѣшно отступаетъ отъ Орлеана къ Шалону, преслѣдуемый по пятамъ Аэціемъ, и переходитъ Сену выше Труа. Разрушенный въ предыдущіе гуннскіе набѣги, безъ стѣнъ

и войска, городъ этотъ не могъ противостоять гуннамъ; тогда св. Лупъ отправляется къ Аттилѣ и склоняетъ его своими мольбами пощадить городъ. Между тѣмъ его жители, не довѣряясь гуннамъ, разбрелись по лѣсамъ, и когда св. Лупъ вернулся отъ Аттилы, удержавшаго его въ качествѣ заложника, онъ нашелъ свою митрополію пустынной. Таковъ разсказъ древней исторической легенды (Thierry l. c. 241); мы видѣли, какою она стала въ позднѣйшемъ пересказѣ: сила убѣжденія замѣнена чудомъ внезапнаго ослѣпленія. Еще далѣе и глубже былъ процессъ огрубѣнія, постигшій извѣстный, грандіозный въ своей простотѣ разсказъ о папѣ Львѣ, остановившемъ Аттилу на берегахъ Mincio могучею силою своею слова. Въ средніе вѣка эта сцена уступила мѣсто другой: за папой, бесѣдующимъ съ Аттилой, явился, видимый ему одному, образъ ап. Петра, облаченный въ папскія ризы и съ мечемъ въ рукѣ. Когда вожди Аттилы упрекали его за его уступчивость безоружному старику, онъ отвѣчаетъ: не этотъ священникъ понудилъ меня вернуться, а другой, стоявшій позади его и вооруженный мечемъ, сулившій мнѣ смерть, если я не исполню его велѣнія. Эта версія легенды, напоминающая разсказъ Іосифа Флавія и греческихъ Александріи о пришествіи Александра В. въ Іерусалимъ, осложнилась въ свою очередь: на ряду съ ап. Петромъ предсталъ и ап. Павелъ; такова версія Павла Діакона (VIII в.), освященная кистью Рафаэля (Thierry l. c. 236—7). Еще далѣе, и легенда о свиданіи Аттилы съ папой Львомъ уступила мѣсто другой: въ разсказѣ Дамасція [1]) Аттила, никогда не доходившій до Рима, стоитъ подъ его стѣнами; происходитъ жаркая битва, въ которой съ той и съ другой стороны пали всѣ, кромѣ вождей; но еще въ теченіи трехъ дней и ночей души павшихъ продолжаютъ бороться съ прежнимъ ожесточеніемъ. Эта легенда, сложившаяся быть можетъ въ Азіи

[1]) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 285—6. Къ приведенному у меня (стр. 286 прим. 1) разсказу Дамасція о Валимерѣ, тѣло котораго издавало искры, присоединю и свидѣтельство Евстаѳія (Λεξικὸν): Βάλιμὲρ Γότθος σπινθηροβολήσας ποτὲ ἐκ τοῦ ἰδίου σώματος

(Thierry l. c. 253) или Греціи (D'Ancona l. c. 195), перешла въ Италію и полюбилась — въ самомъ Римѣ: стали показывать врата, у которыхъ происходила битва духовъ — и свиданіе папы Льва съ Аттилой перенеслось съ береговъ Mincio на берега Тибра.

Такъ сложилась *римская* легенда объ Аттилѣ, и она манила къ подраженію. Аттила никогда не осаждалъ Равенны, но Равенна желала быть имъ осажденной (Thierry l. c. 246 слѣд.); фигурировать въ легендарной исторіи Аттилы было своего родомъ отличіемъ, и городъ, соперничавшій въ политическомъ и церковномъ отношеніи съ Римомъ, не желалъ отставать отъ него. Въ IX-мъ вѣкѣ Agnellus разсказываетъ намъ о появленіи подъ Равенной гуннскихъ полчищъ: ихъ такъ много, что подъ ними не видно земли, какъ песчаная долина исчезаетъ подъ тучей саранчи, её облегшей. Впереди всѣхъ Аттила на богато-убранномъ конѣ, закованный въ золотые латы, съ щитомъ въ рукѣ, съ блестящимъ султаномъ на шлемѣ. Испуганный епископъ города, Іоаннъ, молится объ отвращеніи опасности и, слѣдуя бывшему ему видѣнію, выходитъ на зарѣ во главѣ духовенства, одѣтаго въ бѣлыя ризы, съ крестомъ, хоругвями и кадильницами и при пѣніи псалмовъ направляется къ стану Аттилы. Онъ въ то время держалъ военный совѣтъ въ своемъ шатрѣ; пѣніе поразило его, небывалое зрѣлище вызвало вопросъ: кто эти бѣлые люди, куда идутъ и чего отъ меня хотятъ? Кто-то изъ его окруженія, болѣе другихъ знакомый съ обычаями и фразеологіей христіанъ, отвѣчаетъ: это епископъ, являющійся, чтобы умолить тебя за своихъ дѣтей, жителей Равенны. Аттила недоумѣваетъ, разгнѣванъ неумѣстной шуткой, за которую шутникъ поплатится: можетъ-ли у одного человѣка быть такое множество дѣтей? Ему объясняютъ, что это дѣти — по благодати, и Аттила успокоился; когда епископъ явился, склоняется къ его просьбѣ — пощадить городъ. Но вы хитры на выдумки (ingeniosi et solertissimi), говоритъ онъ епископу: станете разсказывать, что провели меня и прогнали; въ сосѣднихъ городахъ повѣрятъ, что я васъ испугался, а это

повредило-бы мнѣ и моему войску. Сдѣлайте такъ: поспѣшите назадъ, снимите съ крюковъ всѣ городскія ворота и повалите ихъ на землю; когда отъ вашей ограды останутся однѣ лишь стѣны, я вступлю въ городъ и пройду черезъ него, не сдѣлавъ вамъ никакого зла.

Равеннскій епископъ представляется въ нашей легендѣ блюстителемъ православія: онъ держитъ къ Аттилѣ рѣчь о единосущности Отца и Сына и тѣмъ склоняетъ его къ милосердію. Римъ не могъ оставить за Равенной этой славы — и мы присутствуемъ при новой метаморфозѣ легенды, внушенной церковными антипатіями: епископъ Іоаннъ не только схизматикъ, но и аріянинъ; пытающійся своею проповѣдью обратить Аттилу къ ереси; когда онъ наставилъ его, очернивъ въ глазахъ завоевателя вѣроисповѣданіе и характеръ папы Льва, онъ предлагаетъ сдать Аттилѣ Равенну и императорскую казну, если онъ пойдетъ на Римъ и изгонитъ оттуда папу-еретика. Аттила отправляется, но по дорогѣ встрѣченъ св. Львомъ, который въ свою очередь обращается къ нему съ поученіемъ и раскрываетъ ему невѣріе и коварство равеннскаго ересіарха. Открывъ обманъ, разгнѣванный Аттила возвращается вспять, беретъ Равенну приступомъ и объявляетъ: что такъ будетъ поступать со всякимъ, отвергающимъ правовѣріе папъ и главенство римскаго престола.

Какъ равенская и послѣдняя римская легенда объ Аттилѣ одолжены своимъ происхожденіемъ церковной распрѣ, будто-бы имъ разрѣшенной, такъ въ другомъ случаѣ его имя внесено было въ исторію древняго политическаго соперничества тосканскихъ городовъ между собою, служа къ его объясненію — и сложились извѣстныя легенды о Флоренціи и Фьезоле. У Malispini[1]) раз-

---

[1]) Извѣстно, что Scheffer-Boichorst, развивая сомнѣніе, высказанное старыми итальянскими критиками, въ сильной мѣрѣ заподозрилъ подлинность лѣтописи Ricordano Malispini, которую объявляетъ подложной передѣлкой хроники Виллани. Такъ какъ текстъ послѣдней еще не изданъ критически, то рѣшеніе вопроса, крайне вѣроятное, судя по сопоставленіямъ Scheffer-Boichorst'a, не можетъ еще быть признано окончательнымъ. Говорю это въ объ-

сказывается, что 500 лѣтъ спустя по смерти Катилины, именитый и могущественный мужъ, по имени Аттила flagellum Dei, пришелъ съ 200-тысячнымъ войскомъ обновить городъ Fiesole и разрушить Флоренцію въ наказаніе за поношеніе, учиненное тамъ Катилинѣ. Войдя въ городъ хитростью, онъ велъ большую дружбу съ флорентійцами, одаряя ихъ и приглашая на пиры; однажды, позвавъ къ себѣ самыхъ родовитыхъ изъ нихъ, онъ велѣлъ срубить имъ голову, по мѣрѣ того, какъ они являлись одинъ за другимъ, а трупы бросать въ рукавъ Арно, отведенный къ его дворцу и лишь за городомъ снова впадавшій въ главное русло [1]). Совершивъ это, Аттила принялся убивать всѣхъ безъ разбора, стараго и малаго, поджегъ городъ съ семи концевъ, а самъ удалился на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ городъ Fiesole, который обстраиваетъ на ново, чтобы досадить римлянамъ и ихъ городу Флоренціи, который они обновили лишь по смерти Аттилы. Выступивъ изъ Фьезоле онъ отправился въ Маремму, гдѣ и умеръ. У него была лысая голова и собачьи уши; назывался онъ Bello, былъ царемъ di Valdel, родился въ Готіи (nella provincia di Gozia), а властвовалъ надъ Швеціей, Панноніей, Венгріей и Даніей. А было это при папѣ св. Львѣ въ 450 году по Р. Х.

Смѣшеніе въ этомъ разсказѣ Аттилы съ Тотилой несомнѣнно (D'Ancona стр. 188); въ самомъ дѣлѣ: не Аттила, а военачальники Тотилы осаждали Флоренцію въ 542 г.; прозвище Bela приписывается нѣкоторыми лѣтописцами Тотилѣ, не Аттилѣ, и лишь о первомъ извѣстно, что онъ скончался въ Маремнѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Malispini имя Тотилы стоитъ вмѣсто Аттилы; въ одной читается такъ: Attile overo Totile.

То-же смѣшеніе находитъ и у Виллани [2]). Разсказавъ о томъ,

ясненіе послѣдовательности, въ которой является у меня разсказы Malispini и Villani. Сл. D'Ancona l. c. стр. 185 слѣд.

[1]) Сл. сходный мотивъ въ болгарской повѣсти объ императорѣ Фокѣ. Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXXI, Январь, стр. 79.

[2]) Оно обычно и у другихъ писателей его времени. По разсказу Armannino (Fiorita, Conto XXXIII) Perugia и другія города были разрушены «al tempo di

какъ Bela, по прозванію Totile, король вандаловъ и готовъ, убилъ своего брата, лѣтописецъ ведетъ его къ осадѣ Аквилеи, говоритъ о городахъ, взятыхъ имъ въ долинѣ По; только Модена спаслась чудомъ св. Геминьяна. Замучивъ въ Болоньѣ епископа, св. Прокола, Аттила направляется къ Флоренціи; мотивъ мести за Катилину замѣненъ здѣсь другимъ: мщеніемъ за смерть готскаго короля Радагайса, предшественника Аттилы, убитаго въ той области. Дальнѣйшій разсказъ о Флоренціи и Fiesole тотъ-же, что и у Малиспини; слѣдуетъ перечень другихъ городовъ, раззоренныхъ Аттилой, встрѣча съ папой Львомъ, видѣніе двухъ чудесныхъ старцевъ, за нимъ стоявшихъ, разсказъ о разрушенной аркѣ, представившейся въ видѣніи императору Маркіану въ ночь, въ которую умеръ Аттила. Его кончина тоже пріурочена къ Маремме, но иные говорятъ, прибавляетъ лѣтописецъ, что онъ вернулся въ Паннонію, гдѣ и скончался внезапно. Смѣшеніе Аттилы съ Тотилой продолжается и далѣе, ибо вслѣдъ за Тотилой въ исторіи нашествій на Италію названъ — Теодорихъ Великій.

Едва-ли можно сомнѣваться, что въ смѣшеніи Аттилы съ Тотилой точку отправленія представилъ первый, имя послѣдняго явилось случайною связью съ воспоминаніемъ объ осадѣ Флоренціи въ 542 году. Вѣроятно, отъ Аттилы на Тотилу перенесено было и прозвище Bello; D'Ancona устранилъ мнѣніе Thierry, видѣвшаго въ немъ нарицательное bello, несогласимое съ итальянскимъ представленіемъ объ Аттилѣ; но что такое Bello, Belo, Bela? Если это венгерское Bela, неизвѣстно какимъ образомъ примкнувшее къ имени Аттилы, то итальянская легенда о немъ сохранила какъ въ этой подробности, такъ и въ созвучіи разсказа о его рожденіи съ кавказской сказкой, черты захожаго,

---

Totyle, lo quale, chome io dissi, veramente fu flagello di Dio». Впослѣдствіи Perugia была отстроена при императорѣ Юстиніанѣ его плѣнниками: re di Persia и re di Roscia; отъ ихъ именъ, будто-бы, пошло названіе города, до тѣхъ поръ называвшагося Tyberia. — Замѣтимъ, что Armannino помѣщаетъ Аттилу = Тотилу до Константина Великаго.

вѣроятно венгерскаго преданія. Можетъ быть и Павлимиръ, по прозвищу Bello, въ хроникѣ Дуклянца, такой-же — Bela: «Paulimirus jam juvenis effectus coepit esse valde robustus et fortis *bellator*, ita ut in civitate Romana nullus ei esset similis, unde parentes ejus, nec non alii Romani coeperunt illum valde diligere immutaveruntque nomen ejus et imposuerunt ei nomen *Bello*, eo quod *bellum* facere valde delectabatur». За этой, очевидно, позднѣй этимологіей, замѣненной впослѣдствіи другой (bello: лѣпый у Качича), стояло первоначально созвучное, захожее имя, встрѣченное, быть можетъ, дуклянскимъ пресвитеромъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ: libellus Gothorum [1]).

Особенную симпатію встрѣтила легенда объ Аттилѣ въ сѣверной Италіи: венгерскіе набѣги обновили здѣсь воспоминаніе о страшномъ завоевателѣ, съ именемъ котораго соединилось преданіе объ основаніи Венеціи жителями разрушенныхъ Аттилою городовъ. Аквилейцы будто бы явились сюда съ своимъ епископомъ во главѣ и мощами св. Ермагора и Фортуната и осѣлись въ Градо; Caorle (Caprula) основана бѣглецами изъ Конкордіи и Oderzo (Opitergium), Eraclea выходцами изъ Feltre и Oderzo, принесшими съ собою и тѣло св. Стефана; падуанскіе консулы Simeone dei Glauconi и Antonio Calvo da Limiana положили основаніе городу Rialto и т. п. «Венеція представлялась такимъ образомъ возросшей изъ жалкихъ остатковъ святого римскаго сѣмени, и родовитые люди и народъ могли одинаково кичиться, что въ ихъ жилахъ чистая латинская кровь не смѣшалась съ варварскою» (D'Ancona l. c. стр. 257—61). Такова въ сущности, идея разнообразныхъ легендъ объ Аттилѣ, характерныхъ для сѣверной Италіи: противоположеніе языческаго и христіанскаго моментовъ, существенное, какъ видѣли, для всего этого цикла сказаній, получило въ Италіи другую, національную окраску и ощущается, какъ противоположеніе народно-латинскаго начала всему варварскому.

[1]) Сл. мои Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCI, Январь, стр. 97, 99, 100.

Въ сѣверной Италіи и, тѣснѣе, въ венеціанской области слѣдуетъ искать и начала литературной обработки мѣстныхъ легендъ объ Аттилѣ. Исторія этой обработки еще не выяснена въ частностяхъ (D'Ancona, l. c. стр. 263 слѣд.); въ общихъ чертахъ она представляется слѣдующей: въ основѣ лежитъ составленный, вѣроятно, еще во франко-итальянскій періодъ литературнаго развитія сѣверной Италіи, древній сводъ легендъ, авторомъ котораго былъ какой-нибудь народный пѣвецъ изъ Падуи или Тревизской марки. Въ одной рукописи библіотеки св. Марка, XIV вѣка (cl. X cod. XCVI), еще сохранилась, подъ заглавіемъ Histoire de Atile, французская прозаическая повѣсть, пока ближе не разобранная. Изъ стараго французскаго оригинала пошелъ латинскій пересказъ, Historia Atilae, находящійся въ рукописи Амвросіанской библіотеки, XV вѣка, № 0,73 Sup. Съ латинскаго текста переведена была итальянская народная книга объ Аттилѣ, древнѣйшее изданіе которой восходитъ къ 1472 году: Incomincia il libro di Attila el qual fu inzenerato da uno cane: Et poi domentre la matre se marido a uno barone, Atila nascete: come el destrusse Altin e molte altre città e in quel tempo fu principiata Venesia. Opera impressa per maestro Gabriele de Piero e maestro Phylippo suo compagno in Venecia Adi XX Zenaro M.CCCC.LXX.II. Въ концѣ этого изданія читаются слова: Finisse la historia d'Attila flagellum Dei *translacta de lingua francesca in latina* de parola in parola l'anno della incarnation del nostro Signor m. Iesu Cristo MCCCCLXXI. — Къ концу XVI-го вѣка относится стихотворная парафраза этой повѣсти, извѣстный итальянской poemetto, устранившій изъ народнаго обращенія свой источникъ и имѣвшій цѣлый рядъ сѣверно- и среднеитальянскихъ изданій, начиная съ перваго, Venezia, 1583. Poemetto послужилъ съ своей стороны оригиналомъ народно-драматической пьесѣ, maggio, объ Аттилѣ.

Такова народная, или скорѣе, полународная струя въ литературной исторіи итальянской легенды объ Аттилѣ. Она дала поводъ къ особому, школьно-придворному развитію; ему подле-

жала въ особенности та сторона итальянскихъ легендъ, которая возвеличивала значеніе народно-латинскаго элемента въ борьбѣ съ иноплеменниками, а въ ней память о томъ или другомъ мѣстномъ героѣ, родоначальникѣ какого-нибудь мѣстно-чтимаго рода. Эти памяти можно было развить и пріумножить — въ услуженіи придворно-династической цѣли; такъ сдѣлалъ Nicolao da Casola въ пространной французской поэмѣ объ Аттилѣ, начатой имъ въ 1358 году и пока не изданной. Матеріаломъ ему послужилъ старофранцузскій текстъ легенды, но въ неё онъ внесъ и новые эпизоды, назначенные прославить родъ Эсте и его родоначальника Foresto, одного изъ противниковъ Аттилы. На сколько онъ руководился при этомъ дѣйствительно легендарными мотивами, не попавшими въ древній сводъ легенды, на сколько просто сочинялъ въ угоду свои цѣли — рѣшить трудно. Его герой Foresto, выведенный имъ рядомъ съ Giano народной традиціи, такъ и остался принадлежностью традиціи литературной:

Il buon Foresto, dell' Italia Ettore,

какъ поетъ о немъ Tasso. Histoire de Atile сравниваетъ съ Гекторомъ своего Gilius'a = Giano, но въ рѣчи, которой послѣдній ободряетъ своихъ соратниковъ, уже выступаетъ будущій ореолъ Эсте: He prince d'Est et uos seignor naillant!

Обратимъ вниманіе на нѣкоторые эпизоды сѣверно-итальянской саги объ Аттилѣ.

Pietro Alighieri пріурочиваетъ его смерть къ Римини; другой комментаторъ Божественной комедіи, Iacopo della Lana, разсказываетъ о немъ, что онъ прокрался въ городъ тайкомъ и переодѣтый и вошелъ въ лоджію, гдѣ играли въ шахматы; одинъ изъ игроковъ призналъ его и положилъ на мѣстѣ ударомъ шахматной доски. Это преданіе, извѣстное по Histoire de Atile, повторенное и другими толкователями Данте, разсказывалось еще въ XVII вѣкѣ въ Rimini съ цѣлымъ рядомъ топографическихъ подробностей: Аттила прокрадывается въ городъ съ цѣлью осмотрѣть его; подходитъ къ аркѣ della Madonna del Giglio, гдѣ въ то время нѣсколько военачальниковъ играли въ

шахматы; удачный ходъ одного изъ игроковъ заставилъ его забыть о своемъ incognito и онъ провѣщился — пѣснмъ голосомъ, узнанъ и обезглавленъ на высокомъ окнѣ палаццо, прежде принадлежавшаго Сципіону Тинголи, нынѣ Помпею di Giulio Cesare изъ того-же рода (D'Ancona стр. 199—200 и прим.). — Rimini еще разъ встрѣтится намъ въ легендѣ, разсказывающей о цѣломъ рядѣ городовъ, либо построенныхъ бѣглецами, спасавшимся отъ гунновъ (какъ Ferrara), либо разрушенныхъ ими, какъ Миланъ, Тичино, Павія, Бергамо, Брешія, Пьяченца, Кремона, Верга (l. c. стр. 201—204). О разрушеніи Аттилой Милана говоритъ Іорданъ; сохранились молитвы для отвращенія вражьяго нашествія — и анекдотъ Свиды: будто увидѣвъ въ Миланѣ картину, изображавшую скиѳовъ у ногъ римскихъ императоровъ, Аттила позвалъ живописца и велѣлъ написать себя на престолѣ, а цесарей, дующихъ къ нему съ мѣшками на плечахъ, полными золота.

Тогда какъ другіе итальянскіе города, являющіеся въ его легендѣ, кичились своимъ латинскимъ происхожденіемъ, объ Udine, какъ и о Fiesole, разсказывали, наоборотъ, что онъ построенъ самимъ Аттилой: занятый осадой Аквилеи онъ выбралъ по сосѣдству долину, гдѣ нынѣ стоитъ Udine, чтобы построить тамъ крѣпость на зимовку своему войску, и желая возвести её на высокомъ мѣстѣ, въ три дни насыпалъ холмъ изъ земли и камней, принесенныхъ его воинами въ щитахъ и шлемахъ. Преданіе это долго сохранялось — въ названіе одной древней, вѣроятно, римской башни: Torre di Attila, и ему-же приписанъ былъ шлемъ, найденный въ XVI-мъ вѣкѣ въ насыпи, будто бы имъ сооруженный (l. c. стр. 205—7).

Однимъ изъ первыхъ городовъ, испытавшихъ ужасы гуннскаго нашествія, была Аквилея, когда-то «caput Italiae», ключъ къ ея восточнымъ областямъ и значительное торговое мѣсто, нынѣ бѣдная рыбацкая деревушка (l. c. стр. 207 слѣд.). Она такъ долго сопротивлялась Аттилѣ, осадившему её въ 452 году, что онъ уже помышлялъ объ отступленіи, чтобы не попасться между войсками императора Маркіана и Аэція. Легенда помѣщаетъ здѣсь анекдотъ, передающійся также и объ осадѣ Al-

tino: Аттила замѣтилъ однажды журавлей, вылетавшихся изъ города, и объяснилъ своимъ, что птицы эти покидаютъ свои гнѣзда лишь понужденныя къ тому голодомъ. Это ободрило гунновъ: съ изможенными жителями легко будетъ справиться; городъ дѣйствительно взятъ приступомъ и разрушенъ до основанія.

Этотъ разсказъ объ аквилейскомъ сидѣніи испыталъ рядъ наслоеній: разсказывается о нѣкоей женѣ Degna, бросившейся съ высоты башни въ рѣку Natisone, дабы спасти свою честь (Hist. miscella); о томъ, какъ въ одну изъ своихъ ночныхъ развѣдокъ въ городѣ Аттила чуть не попался въ руки враговъ: прислонившись къ стѣнѣ, съ лукомъ въ рукѣ, мечемъ въ зубахъ, сверкая глазами, онъ отбивается отъ нападающихъ, въ рукахъ которыхъ оставилъ свой шлемъ. — Позднѣйшіе разсказы сдѣлали изъ осады Аквилеи общеитальянское дѣло: къ ея властителю, Менарро, къ его брату Antioco (либо: Orioco, Orico, въ именн котораго D'Ancona видитъ Erico, Фріульскаго герцога, стр. 214, прим. 1; въ Histoire de Atile: Menapus, Ariochus) приходятъ на помощь представители другихъ итальянскихъ областей: Rimini посылаетъ во главѣ отряда Gualtieri, Анкона Raffaello, Фано-Bertologi; въ именитыхъ семьяхъ Фріули и венеціанской области могли держаться горделивыя преданія, что ихъ предки бились съ Аттилой, и если Casola называетъ ихъ по именамъ, въ его измышленія придется удѣлить мѣсто и родовымъ, хотя бы и фантастическимъ воспоминаніямъ. Менарро съ братомъ долгое время держатся; однажды Менарро чуть не убилъ Аттилы, котораго спасли подоспѣвшіе гунны; убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивленіе немыслимо, защитники города тайно удаляются на корабляхъ, направляясь къ Градо, а на покинутыхъ стѣнахъ поставили деревянныя куклы, въ шлемѣ и доспѣхахъ, которыхъ враги принимаютъ за часовыхъ — пока охотничій соколъ, сорвавшійся съ перчатки одного гунна, не опустился на голову одного изъ мнимыхъ воиновъ. Аквилея взята, грабежъ и пожаръ длятся десять дней; по одному мѣстному преданію, державшемуся еще недавно, аквилейцы, прежде

чѣмъ удалиться, схоронили всѣ свои драгоцѣнности въ нарочно для того вырытомъ колодцѣ, который потомъ засыпали. Еще въ началѣ нашего столѣтія въ нотаріальныхъ актахъ Аквилеи при куплѣ и продажѣ земли продавецъ выговаривалъ себѣ обладаніе тѣмъ колодцемъ — если бы паче чаянія онъ былъ найденъ.

Уже въ повѣсти объ осадѣ Аквилеи выступаетъ на сцену лицо, вокругъ котораго эпически соединились воспоминанія объ итальянскомъ народномъ подъемѣ въ пору борьбы съ Аттиллой: это властитель, царь Падуи Aegidius, Gilius, иначе Ianusius, Genusius, Jano, Giano [1]). Scardeone (De Antiquit. urbis Patavii l. 3, cl. XIII) называетъ его «Rutenum principem»; «legitur hunc Genusium natum esse anno salutis quadringentesimo decimosexto ex progenie Vitaliani et patre Valerio ex matre Lavina, dicuntque in ejus ortu nova in coelo prodigia apparuisse, atque eadem nocte e stabulo patris equum fugisse qui numquam amplius potuit reperiri» (D'Ancona l. c. стр. 218—219 прим. 1). При осадѣ Конкордіи (ib. стр. 218 слѣд.), которую легендарная исторія Аттилы помѣщаетъ за взятіемъ Аквилеи, Аттила видитъ во снѣ вѣнчаннаго, опоясаннаго мечомъ мужа, который наступаетъ на него и смертельно ранитъ въ мѣстности, опустошенной и выжженой до тла. Это — Giano. Судьба Конкордіи та-же, что и Аквилеи; жители спасаются моремъ, а Аттила, послѣ нѣсколькихъ другихъ побѣдъ и опустошеній, доходитъ до Altino, гдѣ встрѣчается лицемъ къ лицу съ представителемъ латинской расы: Аттила бьется съ Giano на копьяхъ и мечахъ и такъ поражаетъ противника, что того спасаетъ лишь быстрота его копя, а Аттила успокоивается на счетъ бывшаго ему пророческаго видѣнія. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь жители Altino бѣгутъ на корабляхъ; городъ разрушенъ и выжженъ (l. c. 221—222); Аттила обращается къ осадѣ Падуи, на помощь которой

[1]) Giano, очевидно, Janus, древне-итальянскихъ легендарныхъ генеалогій. О царѣ эпиротовъ Янѣ, спасшемъ своимъ самопожертвованіемъ Римъ, осажденный варварами, разсказываетъ Беда, De divisionibus temporum и его подражатели Сл. G. Paris, Le récit Roma dans les Sept Sages, Romania, v. IV, p. 125 слѣд.

пришли руководимые Almerigo павійцы (Histoire de Atile: cuens de Pauie, Naimeris li lombars) и побѣдоносный Giano: онъ сражаетъ Аттилу, который, одолженный своимъ спасеніемъ своему коню и помощи трехъ тысячъ гуннскихъ всадниковъ, вызываетъ на другой день своего противника на поединокъ. Giano выбиваетъ его изъ сѣдла, отрѣзалъ ухо, хочетъ снять голову, но ему на выручку являются 500 гунновъ. Giano взятъ въ плѣнъ, но Аттила не только поступаетъ съ нимъ по рыцарски, отпустивъ его на свободу, но и велитъ повѣсить гунновъ, нарушившихъ своимъ вмѣшательствомъ законы о поединкѣ.

Развязка этого эпизода напоминаетъ предыдущія — одно изъ общихъ мѣстъ итальянской легенды объ Аттилѣ: отчаявшись въ спасеніе города, Giano сначала высылаетъ изъ города падуанскихъ женъ подъ начальствомъ жены своей, царицы Адріаны, а затѣмъ удаляется и самъ въ Rimini (l. c. 222—223), куда на помощь ему являются представители Равенны, Виченцы, Фельтре, Анконы и др. Цвѣтъ итальянскихъ именитыхъ родовъ собирается для послѣдней битвы съ Аттилой. И здѣсь легенда не обошлась безъ видѣнія, сохранившагося въ особой латинской статьѣ: Visio Egidii regis Pataviae (l. c. стр. 227, прим. 1): въ то время какъ Giano предается горю, помышляя объ участи Падуи, ангелъ является ему, пророчитъ объ основаніи приморскаго города, que numquam in servitute posita erit, и даетъ ему книгу, въ которой предсказаны были будущія судьбы Падуи и Тревизской марки — въ эпоху Ezzelino и Can della Scala.

Аттила пытается подкупить Giano дарами и обѣщаніями; не успѣвъ въ этомъ, прокрадывается въ городъ въ одеждѣ французскаго паломника съ отравленнымъ ножемъ, спрятаннымъ подъ гуней. Онъ хочетъ убить Giano, котораго находитъ играющимъ въ шахматы съ cavaliere d'Almonte (Histoire de Atile: Asmont); наблюдаетъ за игрой, улучая удобную минуту, но нечаянно выдаетъ себя: войдя въ городъ онъ говоритъ по французски, на этотъ разъ провѣщился по варварски; смѣется и показываетъ свои собачьи клыки; Giano узнаетъ его по отрѣзанному уху;

напрасны его обѣщанія — очистить Италію, принять христіанство; онъ казненъ, и его голову отсылаютъ гуннамъ, поспѣшно отступающимъ подъ начальствомъ Pandauco (Histoire de Atile: Panduccus). Итальянцы преслѣдуютъ ихъ, во Фріули они настигнуты и почти уничтожены греческимъ войскомъ; немногіе оставшіеся крестились; Италія свободна, христіанство торжествуетъ (l. c. 225—229).

Такова итальянская легенда объ Аттилѣ, проникнутая итальянской народной идеей, сотканная изъ историческихъ и мѣстныхъ воспоминаній, переполненная эпическими chévilles, среди которыхъ выдаются своимъ особымъ характеромъ нѣсколько разсказовъ, которые позволено привязать если не къ гуннской, то къ мадьярской традиціи: легенда о сверхъестественномъ зачатіи Аттилы и его прозвище Bela. «Археологическая» популярность Аттилы и разсказы о его вещественныхъ памятяхъ по всей вѣроятности ведутъ свое начало не изъ древняго народнаго преданія, предварившаго появленіе народной книги и poemetto, а отчасти обусловлены широкимъ распространеніемъ послѣднихъ. О мѣстныхъ воспоминаніяхъ Udine мы уже говорили; въ Тревизо добровольная сдача этого города Аттилѣ изображена была на Porta Attilia или Altinia живописцемъ Pomponio Amalteo; въ Rai, бѣдной деревушкѣ около Oderzo, существуетъ разрушенная башня Аттилы (Torre d'Attila), огоньки, виднѣющіеся тамъ по ночамъ — души жителей, убитыхъ гуннами; въ Torcello показываютъ сѣдалище Аттилы (sedia d'Attila), возлѣ Duino — его дворецъ, у Lagugnana'ы, на высотѣ близъ морского берега, его бастіонъ; въ сосѣдствѣ съ S. Pietro al Natisone — гротъ, куда будто-бы скрылась при нашествіи гунновъ владѣтельница замка Antro; чтобы увѣрить враговъ, что осажденные не въ крайности, она выбросила мѣшокъ проса: сколько въ немъ зеренъ, столько у нихъ и мѣшковъ (D'Ancona, стр. 287—288). Въ одной итальянской реляціи 1688 года говорится о гробницѣ Аттилы и закопанной казнѣ, найденныхъ въ окрестностяхъ Липпы, тогда какъ по другимъ свѣдѣніямъ гробница Аттилы нашлась

въ округѣ Stuhlweissenburg'a, на границахъ волостей Zamor, Kaldo, Jordans и Tarnoke (l. c. стр. 289—290 прим. 1). Къ этимъ свѣдѣніямъ я присоединяю и еще одно, изъ Штиріи: «Atila.... na Kaciani pri kapeli zvun Radgone tabor imel. Na Kaciani je bukovje, gradiše imenovano; v njem je okrogli brežčen z' dvojim globokim jarkom obdan.». Здѣсь былъ городъ (grad) Аттилы; на камнѣ надпись: Ad. kapellam. In Eremo Kacian Attila Kastra metatus est CCCCXXXXII; тутъ находили человѣческія и звѣриныя кости, похороненъ и Аттила и съ нимъ кладъ; похороненъ онъ въ 3-хъ гробахъ; желѣзномъ, серебряномъ и золотомъ; гдѣ прошли гуннскіе кони, тамъ не зеленѣла трава. «U Celja se kaže na zidu velika butasta glava z rogi» — это портретъ Аттилы (Сл. Pajek, Črtice iz duševnega žitka štajerskih Slavencev, стр. 1). Голова съ рогами, вдопзмѣненіе песьяго облика, очевидно указываетъ на итальянскую легенду объ Аттилѣ.

II.

На особенности нѣмецкой, или какъ я её назвалъ, гуннско-готской, указано было выше. Ея идеалъ Аттилы — положительный, отзвукъ древне-гуннскаго пѣсеннаго преданія, воспринятаго готами. Представленіе могучаго царя народовъ, властителя 12-и либо 30-и вѣнцовъ, окруженнаго невиданнымъ блескомъ (сл. напр. описаніе пріема Кримгильды въ поэмѣ о Нибелунгахъ) — несомнѣнно древнее, которое могло сложиться только въ гуннско-готскую пору, какъ, наоборотъ, позднѣйшей эпохѣ развитія эпоса, уже въ спеціально нѣмецкой средѣ, принадлежитъ образъ Аттилы трусливаго, выкреста и ренегата. Готы, сражавшіеся въ его войскѣ, могли воспѣвать и своихъ древнихъ царей, но и эти народныя пѣсни потянули къ одному эпическому центру, ставшему въ извѣстный историческій моментъ и центромъ готской исторіи — къ Аттилѣ. Такъ получилась схема древняго эпоса: готскіе короли воспѣвались при Аттилѣ какъ его соратники и пособники; содержанія этихъ пѣсенъ, въ которыхъ, вѣроятно, поминались и

жена Аттилы, Керка (у Приска = Helche Нибелунговъ), и братъ Bleda (Blödelin Нибелунговъ), мы не знаемъ, но существованіе ихъ слѣдуетъ предположить и такой именно составъ эпическаго цикла, иначе мы не объяснимъ себѣ его послѣдующія измѣненія. Когда блестящая историческая дѣятельность Теодориха Великаго сдѣлала его въ свою очередь героемъ народныхъ былинъ, онъ прошелъ въ готовый циклическій эпосъ, смѣнивъ въ немъ своихъ предшественниковъ, и очутился современникомъ и пособникомъ Аттилы: къ нему онъ бѣжитъ, спасаясь отъ козней дяди (съ исторической точки зрѣнія мы подсказали-бы: византійскаго императора), съ его помощью пытается снова водвориться въ свое итальянское наслѣдье, помогаетъ ему въ войнахъ, между прочимъ противъ Владимира русскаго и т. п. Народное пѣсенное а впослѣдствіи и фантастическое содержаніе этихъ повѣстей о Теодорихѣ постепенно заслоняло интересъ къ лицу, къ которому онѣ примкнули по закону эпической циклизаціи: образъ Аттилы поблѣднѣлъ на своемъ престолѣ, но престолъ по прежнему остается въ средоточіи пѣсеннаго цикла.

Появленіе Аттилы въ составѣ франко-бургундскаго эпоса совершилось инымъ путемъ. Паденіе бургундскаго царства подъ ударами гунновъ должно было оставить отзвукъ въ народномъ преданіи, которое и перенесло въ него имя Аттилы, какъ представителя гуннской мощи; Ildico, убившая его по историческому сказанію, отождествилась съ Krimhild'ой — Гудруной франко-бургундской саги, также убивающей Atli въ сѣверныхъ версіяхъ саги о Нифлунгахъ (Atlakviða in groenlenzka; Atlamál in groenlenzko). Если въ трагической ея развязкѣ нѣкоторые пересказы выводятъ рядомъ съ Аттилой и Теодориха — Дитриха Бернскаго, то, очевидно, на основаніи пѣсеннаго сближенія, поводъ къ которому указанъ былъ выше.

Нѣсколько собственныхъ (Аттила, Бледа, Керка) и этническихъ именъ (готы, бургунды), память о нѣкоторыхъ международныхъ отношеніяхъ, образъ Аттилы-властителя и разсказъ о его смерти — вотъ въ сущности всё, что германскія преданія

сохранили фактическаго изъ древней легенды о немъ; остальное было забыто подъ наплывомъ германскихъ эпическихъ сюжетовъ. Венгерскія преданія, поднявшія, какъ мы видѣли, въ Италіи память объ Аттилѣ, не восполняютъ эту лакуну: въ этомъ убѣждаетъ разборъ мадьярскихъ лѣтописей времени Арпадовъ, недавно предпринятый Marczali (l. c.). По его разысканіямъ отдѣлъ о гуннахъ, занимающій ихъ первыя страницы, отличается отъ народнаго стиля остальнаго разсказа своимъ полуученымъ характеромъ и, не принадлежа къ его составу, введенъ былъ въ него со стороны. Этой «исторіей гунновъ», воспользовались для своихъ хроникъ Анонимный нотарій (ок. 1278), Simon Kéza (1282) и составитель древней Будинской миноритской хроники (1330), сохранившейся въ нѣсколькихъ отраженіяхъ: въ Будинской лѣтописи и ея производныхъ (Пресбургская, Grosswardein'ская, Загребская хроники, лѣтопись Muglen'a ок. 1360 года и составленная по ней рифмованная хроника), въ Дубницкой и Лицевой (1358) лѣтописи, изданной, съ прибавленіями, Іоанномъ de Thuróczi (1464). Сл. генеалогическую таблицу у Marczali (стр. 118), представившемъ (стр. 54 слѣд.) и краткій анализъ источниковъ «гуннской исторіи». Для своего введенія ея авторъ воспользовался родословной книги Бытія по бл. Іерониму и Исидору Севильскому: родоначальникомъ мадьяръ, являющихся потомками Яфета, названъ библейскій Немврод; вслѣдствіе вавилонскаго смѣшенія языковъ Hunor и Moger, родоначальники гунновъ и мадьяръ, отдѣлились отъ отца своего Немврода и поселились у Азовскаго моря. Фактическая исторія Аттилы разсказана согласно съ Іорданомъ и Historia Miscella, свѣдѣніями которыхъ авторъ пользовался, вѣроятно, изъ вторыхъ рукъ, можетъ быть, по лѣтописямъ Ekkehard'a von Aura, Sigebert'a de Gembloux или саксонскаго лѣтописца. Аттила сталъ въ центрѣ мадьярскихъ интересовъ: битва при Шалонѣ, въ которой, въ противорѣчіи съ исторіей, гунны остаются побѣдителями, понята какъ національное дѣло; звуковое сближеніе каталаунскихъ полей съ Каталоніей дало поводъ къ легендѣ: Аттила посылаетъ войско про-

тивъ Miramammona (вѣроятно, изъ Emir и Emunin); «ex his etiam Hunis plures erant capitanei statuti qui eorum lingua *Spani* vocabantur, ex quibus quidem nominibus *Hispania* tota nomen assumpsit».

Третьимъ источникомъ «гуннской» исторіи была нѣмецкая сага объ Аттилѣ: описаніе его двора напоминаетъ поэму о Нибелунгахъ (ed. Lachmann z. 1275); какъ и тамъ Буда названа Echulburg, Etzelburg; великая гибельная битва гунновъ — prelium Crumheld; у Кезы, въ Будинской лѣтописи, какъ и у Олая, имя Кримгильды носитъ вторая жена Аттилы, первая — дочь императора Гонорія (Кеза, Буд. лѣт.), у Олая — Herriche, т. е. Helche, Kerka; отъ первой у него сынъ Aladarius, отъ второй Chaba. — Особливо характерно для нѣмецкихъ источниковъ мадьярской саги о гуннахъ — появленіе Теодориха = Detricus, Dietrich, какъ современника, но вмѣстѣ и противника Аттилы: Кеза зоветъ его *Detricum Veronensem*, Будинская лѣтопись *Detricum de Verona;* въ первой-же битвѣ съ гуннами онъ раненъ въ лобъ стрѣлою; letaliter Кезы нельзя принять дословно, ибо въ послѣднемъ побоищѣ сыновей Аттилы Детрикъ снова является на сценѣ. Интересно развитіе, какое получилъ этотъ эпизодъ о ранѣ и вообще весь образъ Теодориха въ одной передѣлкѣ лѣтописи Кезы (Сл. Grimm, Heldensage, 2 Ausg., стр. 166): римляне обращаются къ Теодориху за помощью противъ гунновъ, «quamobrem Detricus, congregato ingenti germanico italicoque acaliarum permixtarum gentium exercitu descendit in Pannoniam. Происходятъ три битвы, въ третьей побѣда остается на сторонѣ гунновъ; римскій полководецъ убитъ, Детрикъ раненъ стрѣлою въ лобъ. Cujus tandem sagittae truncum ipse Detricus urbem ad Romanam dignitatis imperatoriae in curiam pro documento certaminis per ipsum cum Hunis commissi in fronte detulisse et propter hoc immortalitatis nomen usurpasse narratur, Hungarorumque in idiomate halhatalam (т. е. halhatatlam = святой) Detreh dici meruit, praesentem usque in diem. Hunc Detricum galeam quandam habuisse et illam, quanto magis deferebat,

tanto majori claritate refulsisse fabulantur. Этотъ разсказъ повторилъ позднѣе и Олай (Vita Attilae c. 2 p. 864): Detricus in fronte sagitta gravi vulneratus vix evasit, ex quo vulnere aegre tandem convaluit. Ob quod vulnus acceptum cognomen Detrico ab Hunnis inditum Immortalis, quem in hunc diem Hungari *in suis cantationibus*, more greco historiam continentibus, Detricum immortalem nominant».

Нѣмецкія преданія не знаютъ разсказа о стрѣлѣ, но представленіе безсмертнаго Дитриха имъ знакомо въ особой церковной формѣ: демоническій конь занесъ его

in die wust Rumeney:
mit wurmen mus er streiden
pis uns der jungstag wont pey
(Etzels Hofh. 132 [1]).

Представленіе «злаго Детрыка» нашей новгородской лѣтописи принадлежитъ той-же церковной оцѣнкѣ его дѣятельности; въ этомъ отношеніи мадьярское сказаніе стоитъ на болѣе народной и древней точкѣ зрѣнія, еще не тронутой религіозной распрей. Интересно при этомъ свѣдѣніе о мадьярскихъ пѣсняхъ, воспѣвавшихъ Детриха: это могли быть, въ основѣ, нѣмецкія пѣсни болѣе древняго состава, чѣмъ дошедшія до насъ поэмы готскаго цикла, пѣсни, приноровленныя къ мадьярскому народному преданію и занявшія у него нѣкоторыя черты — можетъ быть, легенду о стрѣлѣ? Подобное перенесеніе эпическихъ мотивовъ и героевъ изъ нѣмецкой среды въ мадьярскую представляютъ преданія послѣдней о витязѣ Ботондѣ (Marczali l. c. стр. 86 слѣд.). Altaich'скіе анналы и Lambert von Hersfeld разсказываютъ о подвигахъ графа Boto и его вѣрнаго сподвижника маркграфа Вильгельма; Ekkehard von Aura говоритъ о немъ подъ 1101 годомъ: Boto comes cognomento fortis.... jam plenus dierum non lunge a Ratisbona defunctus est. Botonem sicuti corporis proceriorem atque famosiorem totius pene Germaniae atque Italiae testatur populus. Pannonia vero talem illum et tantum se fatetur

[1]) Сл. мои Разысканія V, стр. 118.

aliquando sensisse, ut is vel de gygantibus antiquis unus apud illos credatur fuisse. De quo plura referre copia, si compendiosi operis hujus propositum non vetaret. О немъ мадьярскіе лѣтописцы разсказываютъ, что̀ польскіе о Болеславѣ Храбромъ (и позднѣе о Болеславѣ II), разрубившемъ своимъ мечемъ кіевскія золотыя врата[1]); только вмѣсто Кіева названъ Царьградъ. Kéza упоминаетъ о немъ по случаю осады Константинополя, гдѣ онъ «ut dicitur, arrepto dolabro, quem ferre consueverat, super portam urbis, que erea erat, praecurreret, tantamque fissuram in ea fecisse dicitur cum dolabro uno ictu, ut Grèci propter monstrum portam resarcire noluerunt». При этомъ онъ сразилъ одного греческаго великана, который и умираетъ отъ послѣдствій удара. По Будинской хроникѣ Botond, слѣдуя приказанію вождя, пробиваетъ въ мѣдныхъ вратахъ Царьграда такое отверстіе, что пятилѣтній ребенокъ могъ свободно проходить въ него. — У Анонимнаго нотаріуса Botond является уже чисто-мадьярскимъ героемъ и по поводу его подвига подъ Константинополемъ говорится: «*credite garulis cantibus joculotorum*».

Остановимся, въ связи съ вопросомъ о германскомъ вліяніи на гуннскій эпизодъ мадьярскихъ лѣтописей, на замѣткѣ Marczali (l. c. стр. 68 слѣд.) о хроникѣ Іоанна de Thurócz: въ основѣ ея лежитъ «лицевая хроника», но гуннскій эпизодъ развитъ по другимъ источникамъ, и Marczali отмѣчаетъ въ немъ слѣды эпохи св. Елисаветы. Такъ о Hunor'ѣ и Magyar'ѣ говорится, что они отличаются другъ отъ друга по языку, какъ саксонцы отъ тюрингенцевъ; Аттила держитъ дворъ въ Эйзенахѣ, въ мѣстности, гдѣ Вартбургъ еще сохранилъ преданіе о блестящемъ времени св. Елисаветы и Людвига. Всё это указываетъ, по мнѣнію Marczali, на автора, интересовавшагося саксонцами и тюрингенцами, и онъ полагаетъ себя въ правѣ спросить: не принадлежитъ-ли гуннскій эпизодъ какому-нибудь нѣмецкому составителю? Это

---

[1]) Сл. въ нашей лѣтописи (подъ 1151 годомъ) похвальбу половчанина Севенча Боняковича: «хочу сѣчи въ Золотыя ворота, яко же и отецъ мой».

объяснило-бы его отношенія къ Нибелунгамъ; другія сказочныя элементы могли быть внесены позднѣе мадьярскими лѣтописцами.

Послѣдній источникъ, которымъ они пользовались для своего отдѣла о гуннахъ и Аттилѣ, были западно-латинскія легенды, возникновеніе и развитіе которыхъ мы прослѣдили выше въ общихъ чертахъ. Выдѣлить ихъ изъ состава лѣтописи легче, чѣмъ прослѣдить въ ней спеціально-мадьярскіе мотивы. Пересказывая далѣе въ связи гуннскій эпизодъ мадьярскихъ хроникъ, мы не будемъ передавать подробно тѣ ея разсказы, содержанія которыхъ уже коснулись въ предыдущемъ изложеніи[1]).

Племя Moger, размножившееся какъ песокъ морской, высылаетъ часть свою для пріисканія новыхъ осѣдлостей; во главѣ выселяющихся стоятъ шесть вождей, трое изъ семьи Zemein'a: Bela, Kewe и Kadicha, трое изъ семьи Erd'a: Аттила и его братья Buda (= Bleda) и Rewa. Обогнувъ Черное море, гунны дошли до Дуная; на другомъ его берегу властвовалъ тогда ломбардецъ Макринъ, тетрархъ Панноніи, Далмаціи, Македоніи, Памфиліи и Фригіи, въ зависимости отъ Теодориха Веронскаго, котораго римляне назначили королемъ Италіи. Призванный Макриномъ, Теодорихъ является къ нему на помощь подъ стѣны Потенціаны; въ то время какъ оба вождя обсуждаютъ планъ нападенія, гунны переплываютъ ночью Дунай на надутыхъ мѣхахъ и разбиваютъ римскій аррьергардъ. Теодорихъ отступилъ, но въ свою очередь завлекши гунновъ въ долину Тарнока, нанесъ имъ сильное пораженіе: со стороны непріятелей пало 125 тысячъ человѣкъ, но и у Теодориха легло 200 тысячъ. Убитъ былъ также одинъ изъ гуннскихъ вождей, Kewe; узнавъ о томъ, гунны, уже обратившіеся въ бѣгство, возвращаются, чтобы разыскать тѣло убитаго, котораго хоронятъ при большой дорогѣ, а на томъ мѣстѣ поставили, по скиѳскому обычаю, каменный столбъ (statua?). Съ тѣхъ поръ то мѣсто названо было Kewe-

[1]) Для дальнѣйшаго сл. Thierry l. c., II, стр. 364 слѣд.

Haza, т. е. домъ Кевы. — Преслѣдуя побѣдоноснаго непріятеля, гунны настигаютъ его неподалеку отъ Вѣны, и въ Cezunmaur'ѣ происходитъ жестокая битва, продолжающаяся съ разсвѣта до девятаго часа. Римско-германское войско разбито на голову: Макринъ убитъ, Теодориха угодила въ лобъ стрѣла (сл. выше разсказъ, почему онъ прозванъ «безсмертнымъ»); со стороны гунновъ пали Bela, Kadicha и Rewa; Аттила, провозглашенный царемъ, предоставляетъ своему брату Будѣ всѣ области на востокъ отъ Тиссы, а самъ избираетъ себя столицей Сикамбрію, которой даетъ свое имя. Германскіе короли, вмѣстѣ съ ними и Теодорихъ, объявляютъ себя его вассалами, а Теодорихъ, подъ видомъ дружбы, хитро направляетъ его на новое предпріятіе — завоеваніе всей Европы, въ надеждѣ, что онъ найдетъ тамъ свою гибель. Аттила возгордился: къ титуламъ короля гунновъ и правнука Немврода онъ присоединилъ и другіе: flagellum Dei, malleus orbis. Темнокожій, небольшого роста, съ широкой грудью, онъ держитъ голову назадъ и носитъ длинную бороду. У него парадный шатеръ изъ золотыхъ полосъ, складывавшихся и развертывавшихся какъ вѣеръ; его держатъ золотые чеканные столбы, украшенные драгоцѣнными камнями. Его походная кровать — чудо искусства; столъ и вся посуда золотыя, конюшни обтянуты пурпуромъ и шелкомъ, на кровныхъ коняхъ седла и весь приборъ изъ золота, въ которое вдѣланы брилліанты. Въ гербѣ у него, на щитѣ и на знаменѣ былъ вѣнчанный ястребъ.

Слѣдуя совѣту Теодориха Аттила, переправившись черезъ Рейнъ, вступаетъ въ Галлію. Слѣдуетъ рядъ разсказовъ, уже освященныхъ латинско-церковной легендой; битва на каталаунскихъ поляхъ происходитъ въ Каталоніи; оттуда Аттила направляетъ часть своего войска въ Испанію и Марокко, тогда какъ другая, опустошивъ Галлію, пройдя землю фризовъ, Данію, Швецію, Литву и Турингію возвращается къ берегамъ Дуная. Вернувшись въ Сикамбрію Аттила узнаетъ, что братъ его Буда не только перешелъ границы, положенныя его власти, но и осмѣлился назвать Сикамбрію своимъ именемъ: Budavar, т. е. горо-

домъ или крѣпостью Буды. Возмущенный этими поступками Аттила убиваетъ брата; а нѣмцы поспѣшили прозвать Сикамбрію — Etzelburg, и лишь гунны придержались названія Буды.

Овладѣвъ большею частью Европы, Аттила занялся внутреннимъ устройствомъ своихъ владѣній: цѣпь сторожевыхъ постовъ и дозоровъ шла отъ Сикамбріи во всѣ четыре части свѣта и доносила въ столицу, что дѣлалось на окраинахъ гуннскаго царства.

Оставалась непокоренной одна Италія. Аттила направляется туда черезъ Истрію и Далмацію, разрушаетъ до основанія великолѣпные дворцы въ Салонѣ, тогда какъ одинъ изъ его вождей, Zoard, спускается по адріатическому побережью до Апуліи и Калабріи, опустошилъ Terra di Lavoro и выжегъ монастырь Montecassino. То, что разсказывается объ итальянскомъ походѣ Аттилы, повторяетъ извѣстныя намъ итальянскія легенды; нѣтъ только ихъ родовыхъ воспоминаній и представителя латинской расы — падуанскаго Giano; римско-равеннское преданіе передается согласно съ его позднѣйшимъ церковнымъ типомъ.

Аттила возвращается въ Паннонію; ему 124 года; отъ Гонаріи (Герриги Олая) у него сынъ Chaba, отъ Кримгильды, дочери баварскаго герцога, Аладарій; когда царь Бактріи прислалъ ему въ жены свою дочь, красавицу Micolt'y, онъ справляетъ свадьбу съ невиданнымъ великолѣпіемъ. Но общее веселье перемежается зловѣщими знаменіями: его любимый конь издохъ въ день брака; когда молодая готовилась вступить въ брачный покой, она такъ сильно зашибла ногу о порогъ, что принуждена была сѣсть, чтобъ утолить боль, auditaque est ejus vox dicentis: Si tempus est, veniam. Quibus verbis mortem in dolore compellasse credidere [1]). На другой день Аттилу нашли на его ложѣ бездыханнымъ и въ крови: его поразила геморрагія. Онъ похороненъ былъ въ Кеведазѣ, гдѣ положены были тѣла

[1]) Сл. Philippi Callimachi Experientis Athile Vita. Trevigi, Gerardo de Lisa, 1489 (также въ Bonfinii Rer. hungaricarum etc. Colonia 1690), въ концѣ. Итальянецъ Filippo Bonaccorsi, по прозванію Каллимахъ, жилъ при дворѣ Матвѣя Корвина.

Кевы, Ревы, Кадыка и Белы; тотчасъ по его смерти между его сыновьями началась усобица: за Аладарія, сына Кримгильды, стоптъ Теодорихъ, гунны поддерживаютъ Хабу; подъ Сикамбріей-Будой происходитъ страшная битва, которую нѣмцы прозвали «prelium Crimheld»; столько тамъ пролито было крови, пишетъ Симонъ Кеза (l. I, c. 4 § 5), что еслибъ нѣмцы не упорствовали въ своей тщеславной лжи, они сознались бы, что въ теченіи нѣсколькихъ дней ни люди, ни животныя не могли пить воды изъ Дуная между Потенціаной и Сикамбріей, ибо въ рѣкѣ было больше крови, чѣмъ воды.

Побѣжденный Хаба удалился съ остатками своего войска въ Грецію, къ дѣду своему императору Гонорію, а оттуда въ Азію, въ страну Moger, гдѣ еще живъ былъ его прадѣдъ Бендекузъ. Хаба помогаетъ ему въ управленіи, но оскорбляетъ народъ, кичась своимъ происхожденіемъ отъ императорской крови: гунскія дѣвушки отворачиваются отъ него, и онъ «uxorem de Corosmenia traduxit de consilio Bendecus avi sui. Ex ista quidem uxore genuit Edemen et Ed.... Edemen in secundo reditu Hungarorum in Pannoniam per se cum maxima multitudine ex cognatione patris et matris introivit. Ed autem remansit in Scythia» (Будинская хроника у Marczali стр. 91).

Говорятъ, что не всѣ гунны вышли изъ Панноніи съ Хабой, а осталось три тысячи человѣкъ, укрывшихся отъ послѣдняго пораженія въ горы Erdelen, т. е. Трансильваніи, и принявшихъ названіе секлеровъ (Szekelyek, Siculi). Обороняя свою національность отъ нѣмцевъ, славянъ и валаховъ онѣ жили тамъ долго, питая надежду на возвращеніе Хабы; unde vulgus adhuc loquitur in communi: Tunc redire debeas, dicunt recedenti, quando Chaba de Graecia revertetur (Sim. Keza l. I, c. 4, § 6; Thwrocz, I, c. 24). Съ именемъ Хабы соединилось въ мадьярскомъ преданіи и еще одно повѣрье: посвященный въ тайны природы Хаба исцѣлилъ себя и своихъ ратниковъ отъ ранъ, полученныхъ въ prelium Crimheld, травой, которая и поспъ названіе Chaba-Ire, hoc est Chabae implastrum = pimpinella saxifraga.

Такъ разсказываетъ Олай въ своей жизни Аттилы. Упомянувъ его, мы коснулись уже «ученой» мадьярской исторіографіи, черпавшей изъ древнихъ народныхъ хроникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшейся и другими источниками и мнившей себя «критической» и болѣе достовѣрной. Первымъ въ ряду этихъ исторіографовъ является Юлій Цесарь Каланъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ тождественъ съ епископомъ Cinque Chiese въ Далмаціи, 1197 года (D'Ancona l. c. стр. 263 прим. 2). Его жизнеописаніе Аттилы явилось впервые въ печати въ 1502 году; о подобномъ-же трудѣ Каллимаха упомянуто было выше[1]); третьимъ явился Сабелликъ въ его Декадахъ Венеціанской исторіи; наконецъ приматъ Венгріи Ник. Олай[2]), нашедшій польскаго переводчика въ Кипріанѣ Базиликѣ: Historia spraw Atyle, Krolá Węgierskiego. Z Láćińskiego ięzyká ná Polski przełożoná przez Cyprianá Bázyliká. Cum Gratia et Privilegio. W Krákowie. Drukował Maciej Wirzbiętá и т. д. 1574 г. По указанію проф. Брюкнера — это и есть оригиналъ бѣлорусской повѣсти объ Аттилѣ, сохранившейся въ познанскомъ сборникѣ. Ту-ли же повѣсть («объ Атылѣ королѣ угорскомъ») имѣлъ въ виду Снегиревъ — сказать трудно. Единственное русское болѣе древнее упоминаніе объ Аттилѣ сохранилось въ эллинскомъ лѣтописцѣ, какъ вставка въ Малалу (ed. Bonn., p. 359, 1—7); ея источникъ мнѣ неизвѣстенъ: какъ у Дамасція, битва, но и смерть Аттилы, перенесены подъ Римъ; упоминаніе Приска относится, быть можетъ, лишь къ эпизоду смерти: «тъ̏ бо Атилъ король прииде ѡтъ сѣвръскыхъ странъ и приꙗ грады румьскыѧ в силѣ тѧжцѣ, и ѡбьстоѧше градъ Роумъ. И бѧше тогда кнѧжна дѣвица прекрасна приздаласѧ къ костелѫ .л҃. лѣтъ соущи. Тогда король Атыла, слышавъ ей велми бывши краснѣ, въпроси еѧ глаголѧ: аще ми еа не дасте, то разорю

---

[1]) Сл. выше, стр. 337, прим. 1.

[2]) Изданъ Самбукомъ во 2-мъ изданіи Antonii Bonfinii Rerum ungaricarum decades quatuor cum dimidia. Basileae, ex officina opariniana 1568 (въ 7-й книгѣ) и Franc. Kollar'омъ, Nicolai Olahi metropolitae Strigoniensis Hungaria et Atila sive de originibus gentis regni Hungariae, situ etc. Vindobonae 1763.

градъ вашъ Римъ. Тогда же идоша вса старейшины съ wпаты своими къ дѣвици и оумолиша ю, глаголюще: изыди к' королеви скоро Атылѫ, да не злѣ погоубить града нашего Рима, да не погибнеть градъ нашь. Сѣдащи же ей оу ногѫ его и wномоу възлежащу, поустиса емоу кровъ носомъ, и wтъ того оумре. Wна же вземше корозно его иде и повѣда гражданомъ, ꙗко умерлъ есть король Атыла; вои же его вземши и тѣло его, несши сквозѣ волохы и нѣмци и положиша в земли оугорьстѣй. Wтъ ней-же дѣвицы рѣчи списа премоудрый Прискосъ Фракѣнинъ». Малала упоминаетъ только о смерти Аттилы вслѣдствіе кровотеченія изъ носа и о слухѣ, что въ его смерти заподозрили его гуннскую наложницу; περὶ οὗ πολέμου συνεγράψατο ὁ σοφώτατος Πρίσκος ὁ Θρᾴξ. — Дѣвица этой легенды — явное смѣшеніе Ildico-Micolt'ы съ какой-нибудь героиней мученицей западноцерковной легенды объ Аттилѣ, точно также какъ и разсказъ о его смерти какъ-бы пытается соединить паннонское преданіе съ итальянскимъ, пріурочивающимъ кончину завоевателя къ итальянской мѣстности.

III.

Еще одну память объ Аттилѣ и о его погромѣ въ шалонской битвѣ мы могли-бы занести на страницы его легенды, если вѣрно толкованіе, предложенное Гейнцелемъ одного эпизода Hervarar-saga'и [1]).

Гейдрекъ царитъ въ Reiðgotaland'ѣ, южной Руси, съ столицей Dampar staðir, т. е. градъ Днѣпра. У него два сына: Ангантиръ и незаконнорожденный Hlöðr, воспитывающійся у дѣда своего, гуннскаго короля Humli. Отрывокъ древней пѣсни, которую зналъ составитель саги, начинается въ совершенно былинномъ стилѣ:

Hlöðr var þar borinn
í Húnalandi,
saxi ok með sverði,

[1]) Richard Heinzel, Ueber die Hervararsaga, Wien 1887.

síðri brynju,
hjálmi hringreifðum,
hvössum maeki,
mari vel tömum,
á mörk inni helgu.

«Hlöðr родился въ Гуналандѣ, съ ножемъ и мечемъ, въ длинной бронѣ, украшенной кольцами, съ острымъ булатомъ и снаряженнымъ конемъ; родился въ священной области». Узнавъ, что по смерти отца Ангантиръ захватилъ въ руки власть, Hlöðr требуетъ у него уступки половины отцовскихъ владѣній. Тотъ отвѣчаетъ отказомъ, предлагая въ замѣнъ дары и третью часть готскаго царства; воспитатель Ангантира, Гизуръ Grytingaliði, говоритъ, что для незаконнорожденнаго брата и этого будетъ довольно. Hlöðr удаляется, разгнѣванный, и снаряжается, вмѣстѣ съ дѣдомъ, къ войнѣ противъ брата. Они собираютъ громадное войско и доходятъ до лѣса Myrkviðr, до замка, гдѣ жила съ своимъ воспитателемъ, Ormar'омъ, сестра Ангантира, Hervör. Она назначаетъ, черезъ посредство Ormar'а, мѣсто для битвы, въ которой гунны остаются побѣдителями; Hervör убита, а Осмаръ бѣжитъ къ Ангантиру съ горестною вѣстью. Тогда Ангантиръ поручилъ Гизуру вызвать Hlöð'а и гунновъ на бой въ Dylgja, на Dúnheiði, подъ горами Jösur. Вслѣдствіе надменнаго вызова Гизура, Hlöðr велитъ схватить его, но Humli его защищаетъ, и онъ идетъ сообщить Ангантиру о превосходствѣ непріятельскаго войска. Происходитъ жестокая битва, длящаяся восемь дней, ибо готы сражаются за свободу и отечество. Ангантиръ бьется съ Тирфингомъ въ рукахъ, роковымъ мечемъ, который нельзя было обнажить, не причинивъ смерти, и убиваетъ Hlöð'а и Humli; гунны обращаются въ бѣгство; рѣки выступаютъ изъ береговъ, долины переполнены трупами, и Ангантиръ плачется надъ участью, сдѣлавшей его убійцей брата.

Какая битва готовъ съ гуннами имѣется здѣсь въ виду? Гейнцель указалъ на нѣкоторыя германскія параллели къ разсказу саги. Въ датскихъ историческихъ памятникахъ нерѣдко

встрѣчаются имена Humblus = Humli и Lotherus = Hlöðr; такъ у Саксона Грамматика (l. I, c. 22, ed. Müller), гдѣ они являются сыновьями Дана и Гримы и внуками перваго Humblus, родоначальника первой датской династіи. Humblus второй ведетъ войну противъ Лотера, лишаетъ его царства и становится тираномъ. Если въ этомъ разсказѣ Саксона интересующему насъ эпизоду саги отвѣчаютъ лишь собственныя имена, не содержаніе событій, то слѣдующій (l. I, c. 232 слѣд.) представляетъ и содержательное соотвѣтствіе. Дѣло идетъ о войнѣ между датчанами и гуннами, Frotho III-мъ и королемъ Hun'омъ, его тестемъ. Оскорбленный тѣмъ, что Frotho прогналъ свою жену, Hun въ союзѣ съ Olimarus'омъ, королемъ восточныхъ (orientales) людей или рутеновъ (Rutheni I 234 слѣд.), идетъ на датчанъ войною, при чемъ Olimarus начальствуетъ надъ морскими, Hun надъ сухопутными силами. Эрикъ идетъ соглядатаемъ къ флоту, затѣмъ къ гунской ратп, рано утромъ видитъ ея аванпосты, тогда какъ ея аррьергардъ проходитъ мимо него лишь вечеромъ. Эрика узнали и хотятъ взять въ плѣнъ, но онъ спасаетъ себя изреченіемъ: non decere unum a pluribus abripi и, вернувшись къ Фротону, говоритъ ему о численности непріятельскаго войска. Frotho побѣждаетъ Олимара, поступающаго къ нему на службу, но удаляется передъ гуннами, погибающими отъ собственной многочисленности; его покидаетъ и Uggerus vates, «vir aetatis incognitae et supra humanum terminum prolixae; qui Frothonem transfugae titulo petens, quidquid ab Hunis parabatur, edocuit». Гунны сбираютъ новое войско, которое Фротонъ разбиваетъ въ семидневной битвѣ (I, 240). «Cujus (pugnae) prima dies tanta interfectorum strage recruduit, ut praecipui tres Rusciae fluvii, cadaveribus velut ponte constrati, pervii ac meabiles fierent. Praeterea quantum quis itineris per triduum equo conficere posset, tantum locorum humanis cadaveribus completum videret. — Itaque praelio septem dies extracto, cecidit rex Hun. Cujus frater eodem nomine, inclinatam Hunorum aciem conspicatus, cum sua se cohorte dedere conctatus non est. Eo bello septuaginta

ac centum reges, qui aut ex Hunis essent aut inter Hunos militaverant, submisere se regi.... Igitur Frotho vocatis in concionem regibus sub uno eodemque jure degendi normam imponit. Praefecit autem Olimarum Holmgardiae, Onevum Cönogardiae, Hun vero captivo Saxoniam tribuens Revillum Orcadibus donat. Provincias Helsingorum, Jarnberorum et Jamtorum cum utraque Lappia Dimaro cuidam procurandas attribuit; Dago Hestiae regimen erogavit. Itaque Frothonis regnum Rusciam ab ortu complectens ad occasum Rheno flumine limitatum est».

Уже въ Antiquités russes I, 113 было указано на сходство роли, какую играетъ Эрикъ въ этомъ описаніи гуннской сѣчи, съ ролью Гизура въ гуннской-же битвѣ Hervararsaga'и. Frotho и Hun отвѣтили бы Ангантиру и Humli (вмѣстѣ съ Hlöð'омъ).

Chronicon Erici regis (Langebeck, Script. I, 153) пользовался, вѣроятно, тѣми-же источниками, что̀ и Саксонъ, въ разсказѣ о готско-гуннскомъ побоищѣ, о которомъ знала, быть можетъ, и древняя сага о Скьёльдунгахъ (Heinzel, 49) и англосаксонскій Widsið, упоминающій Hliðe = Hlöð'a и Incgenpéow'a = Ангантира, Wyrmhere = Ormar'a Hervasarsaga'и и побѣдоносную битву готовъ съ гуннами:

121 full opt þaêr wîg ne alaeg,
þonne Hraeða here heardum sweordum
ymb Wistlawudu wergan sceoldon
caldne êþelstôl Aetlan léodum

(«рѣдко тамъ обходилось безъ битвы, когда рать готовъ должна была крѣпкими мечами защищать у лѣса на Вислѣ древнія селья отъ людей Аттилы»)

Эту битву готовъ съ гуннами, упоминаемую сѣверными источниками, проф. Гейнцель склоненъ отождествить съ извѣстнымъ разгромомъ Аттилы при Шалонѣ въ 451 г. Предложенное имъ сравненіе лѣтописныхъ данныхъ о послѣднемъ съ описаніями саги и Саксона грамматика не всегда убѣдительно, когда касается мелочей и орудуетъ дублетами, въ предположеніи, что въ одномъ лицѣ саги могли отразиться двѣ различныя исто-

рическія личности. Теоретически — обобщенія саги, народнаго преданія должны идти именно этимъ путемъ, отвлекая отъ историческихъ фактовъ ихъ суть, сводя въ одно, что представлялось анологичнымъ, нагромождая на одно лицо сказанное о многихъ. Фактически доказать такой именно путь обобщенія трудно и частности всегда могутъ возбудить сомнѣніе. Такъ и въ нашемъ случаѣ: тамъ и здѣсь роковая битва готовъ съ гуннами, длящаяся нѣсколько дней, вначалѣ счастливая для гунновъ, имѣющая для готовъ особое значеніе, ибо дѣло идетъ для нихъ о защитѣ свободы и родины. Остановимся на частностяхъ сравненія: въ 439 году соперникъ Аэція, римскій полководецъ Литорій, нападаетъ съ гунской помощью на тулузскихъ вестготовъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ либо убитъ; въ 450 г. младшій сынъ одного франкскаго короля ищетъ покровительства Аэція и усыновленъ имъ, тогда какъ старшій обращается къ Аттилѣ, получившему такимъ образомъ поводъ къ вторженію въ Галлію. Аэцію перваго свидѣтельства и младшему царевичу второго отвѣчаетъ въ сагѣ одинъ и тотъ-же Ангантиръ; противникъ послѣдняго, Humli — историческому Аттилѣ; Hlöð'u, воюющему въ союзѣ съ Humli, Литорій и вмѣстѣ одинъ изъ франкскихъ принцевъ, тотъ и другой отправшіеся на помощь гунновъ. Можетъ быть, и въ Гизурѣ саги сохранилась память о Генсимундѣ, воспитателѣ молодого остготскаго короля, и о вандальскомъ королѣ Гейзерихѣ (Gizericus, Gyzericus у Іордана), пособникѣ и наущателѣ Аттилѣ, тогда какъ Myrkviðr отразилъ въ себѣ — герцинскій лѣсъ, лежавшій на пути Аттилы въ Галлію.

Сближенію готско-гуннской битвы Hervararsaga'и съ фактами шалонской перечатъ повидимому два обстоятельства: перенесеніе мѣста дѣйствія и забвеніе главнаго дѣйствующаго лица, долженствовавшаго быть памятнымъ именно готскому преданію: Теодориха вестготскаго. Шалонскія поля забыты, готы саги являются не тулузскими вестготами, а обитателями Reiðgotaland'a, отдѣленнаго лѣсомъ Myrkviðr отъ Hunaland'a, лежащаго отъ него къ югу или востоку. Въ сѣверныхъ памятникахъ на-

званіемъ Reiðgotaland'a обозначались различныя мѣстности: Ютландія, Померанія, Швеція, но также и Россія. Haukr Erlendsson († 1334) перечисляетъ страны, лежащія у Garðaríki, между нами Púlínaland или Pólena; «а на востокъ отъ Полянии лежитъ Reiðgotaland, а далѣе Húnland» (En austr frà Pólena er Reiðgotaland ok þá Húnland). Такъ и по Скальгольтской книгѣ, гдѣ въ Garðaríki помѣщены города Pallteskja ok Koenugarðar (Полоцкъ и Кіевъ). По этому представленію Húnland лежитъ въ южной и восточной Россіи, что отвѣчаетъ воззрѣніямъ саги af Eigli einhenda (FAS. 3,364: Hertryggr hefir konungr heitit, hann rèð fyrir austr í Russía. þat er mikit land ok fjölbygt, ok liggr milli Húnalands ok Garðaríkis = Гертриггомъ звали конунга, властвовавшаго на востокѣ, въ Россіи. Это великая и населенная страна, лежащая между Húnaland'омъ и Гардарики) и, очевидно, нашей Hervararsaga'и, помѣщающей столицу Ангантира въ области Днѣпра (í Arheimum?), и именно въ градѣ Днѣпра = Danpar staðir, знающей въ странѣ готовъ славный «дремучій лѣсъ» и «священную могилу»[1]). Если послѣднія описательныя указанія могутъ быть приблизительно истолкованы въ связи съ южно-русской мѣстностью саги, то другія труднѣе поддаются толкованію. Когда, отправляясь къ гуннамъ, Гизуръ спрашиваетъ Ангантира, въ какомъ мѣстѣ объявить имъ бой, тотъ отвѣчаетъ:

Kendu at Dylgju
ok á Dúnheiði
ok á þeim öllum
Jösurfjöllum!
þar opt Gotar
gunni hádu
ok fagran sigr
fraegir vágu.

«Назначь имъ (мѣсто) на Дильгѣ (вар. Dyngja) и на равнинѣ

[1]) Сл. мою замѣтку: Кіевъ — градъ Днѣпра въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., Іюнь и въ Зап. романо-герм. отдѣла Филолог. общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, вып. 1-й (1888 г.). Сл. Heinzel, l. c. стр. 57 слѣд.

Dún'a и у всѣхъ горъ Jösur. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блестящую побѣду». Dylgja = Dyngja не опредѣлима; въ первой части Dúnheiði могли отразится, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 70), названія Двины, Дона, скорѣе всего Дуная — можетъ быть, въ связи съ русскими походами на Дунай въ X-мъ вѣкѣ. Горы Jösur остаются загадочными — если это не горы Ясовъ, т. е. Алановъ, Осетинъ. Ясскія горы упоминаются въ Крыму въ XIV-мъ вѣкѣ; одинъ памятникъ XV-го столѣтія говоритъ объ аланскихъ или гуннскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ. Сл. Amm. Marcellinus 31, 2, 13: hoc (Tanai sc.) transito in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appelatione cognominati.

Память о царствѣ Эрманариха въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи могла пережить его историческое существованіе, варяги — слышатъ о немъ преданія и пѣсни отъ крымскихъ готовъ, съ которыми они приходили въ общеніе, въ которыхъ находили своихъ родичей: ὅμοροι ὄντες (т. е. готы) ἤθεσι τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, говоритъ о варягахъ въ X-мъ вѣкѣ письмо готскаго монарха (Heinzel 72). Такъ могло сложиться представленіе Инглингасаги с. 20 о прибытіи боговъ, Асовъ, въ Скандинавію съ сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ великой Швеціи, Svíþjoð hin mikla, иначе Goðheimar, т. е. страны боговъ, вмѣсто: Got-heimar, страны готовъ (l. c. 75—6). Можетъ быть, отъ крымскихъ готовъ варяги слышали и какой-нибудь пѣсенный разсказъ объ эпизодахъ битвы 451 года (l. c. 72). Такъ опредѣлился-бы источникъ варяжскаго т. е. сѣвернаго преданія о ней, при чемъ ея локализацію на югѣ пришлось-бы отнести на счетъ представленія сѣверныхъ людей о мѣстоположеніи древняго Gotheimar. Но, очевидно, не крымскіе горы были проводниками преданія, прошедшаго на сѣверъ неопредѣленными путями (l. c. 105) и въ редакціи, народный характеръ которой Гейнцель попытался опредѣлить.

Выше было обращено вниманіе на странное, въ народномъ готскомъ преданіи, забвеніе имени Теодориха вестготскаго въ

разсказѣ о шалонской битвѣ. Объяснить это можно попыткой народнаго, мѣстнаго усвоенія громкаго, историческаго факта, иногда — забвеніемъ лѣтописца. Такъ Chronicon paschale (ed. Bonn. I 587 слѣд.) переноситъ на Аларіха слухъ, сообщаемый Іорданомъ (с. 40): будто Теодорихъ вестготскій убитъ былъ стрѣлою, и притомъ въ битвѣ на Дунаѣ, отвѣчающей шалонской. Когда Аттила грозитъ войною, «Ἀέτιος ἀπῆλθε πρὸς Ἀλλάριχον εἰς τὰς Γαλλίας, ὄντα ἔχθρον Ῥώμης διὰ Ὀνώριον, καὶ προετρέψατο αὐτὸν ἅμα αὐτῷ κατὰ Ἀττίλα, ἐπειδὴ ἀπώλεσεν πόλεις πολλὰς τῆς Ῥώμης· καὶ ἐξαίφνης ἐπιρρίψαντες αὐτῷ, ὡς ἔστιν ἡπληκευμένος πλησίον τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ, ἔκοψαν αὐτοῦ χιλιάδας πολλὰς. εἰς δὲ τὴν συμβουλὴν ὁ Ἀλλάριχος πληγὴν λαβὼν ἀπὸ σαγίττας τελευτᾷ». Детрикъ мадьярскихъ лѣтописей, раненый въ лобъ стрѣлою, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 104), несомнѣнно вестготскій Іорданова преданія; но уже у Кезы онъ названъ веронскимъ, а въ одной передѣлкѣ его лѣтописи онъ являетъ черты, рано окружившія въ легендѣ его остготскаго соименника. Онъ бьется въ союзѣ съ Макриномъ противъ Аттилы на Дунаѣ (Кеза) или при Tarnok velgy (Chronicon Budense ed. Podhraczky 1838, стр. 15), и Гейнцель считаетъ (стр. 104) вѣроятнымъ, что и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду — шалонская битва, хотя будинская лѣтопись разсказываетъ о послѣдней далѣе и особо, выводя въ ней на мѣсто Теодориха — готскаго короля Aldaricus (Chron. Bud. 21). Еще и въ третьей и послѣдней битвѣ сыновей Аттилы, Аладарія (Аларіха?) и Хабы, Гейнцель усматриваетъ «ясную связь съ воспоминаніями о побоищѣ 451 года, какъ онѣ сохранились въ сѣверномъ преданіи» (l. c. 105).

Эта замѣна историческаго Теодориха вестготскаго Аларихомъ (и, прибавимъ: Теодорихомъ остготскимъ) приготовляетъ насъ къ толкованію проф. Гейнцелемъ первоисточника сѣверной саги. Она не забыла Теодориха, а замѣнила его другимъ лицомъ. Центръ аргументаціи лежитъ въ толкованіи собственныхъ именъ: Hlöðr и Angantyr (сл. стр. 77, 80—2) — это франкъ *Chlodio*, побѣжденный въ 428 году *Аэціемъ* (стр. 51): Aiecius, Agetius,

Agatius, что̀ дало-бы германское Hagthér, въ которомъ сѣверные люди нашли знакомое имъ имя: Anganper'a, Angantyr'a. Аэцій былъ женатъ на варварской, можетъ быть, готской царевнѣ, усыновилъ франкскаго принца, и это могло повести къ представленію его самого германцемъ, особливо среди франковъ, надъ которыми римляне Сіагрій и Эгидій властвовали съ почти королевскою властью. Въ побѣдоносной битвѣ противъ Chlodio-Hlöð'a его братъ и противникъ Аэцій-Angantyr заступилъ мѣсто Теодориха вестготскаго; послѣдній, какъ извѣстно, палъ въ битвѣ, Ангантиръ остается въ живыхъ — по требованіямъ *франкскаго* преданія, внесшаго въ разсказъ о битвѣ народныя имена, но оставившаго своихъ царевичей готами, ибо историческая память о роли готовъ въ шалонской побѣдѣ стояла слишкомъ крѣпко, и изъ нея трудно было сдѣлать — франкскую, съ франкскимъ героемъ во главѣ (Heinzel стр. 77).

Если такъ, то въ сѣверную сагу преданіе о шалонскомъ побоищѣ должно было проникнуть въ франкской версіи, съ именами Chlodio-Hlöð'a и Аэція-Ангантира, и сѣвернымъ людямъ принадлежитъ лишь ея южное пріуроченіе, навѣянное знакомствомъ съ Gotheimar. Но и оно оказывается не новымъ, если вѣрно предположеніе Гейнцеля, что Dunheiði, гдѣ Angantyr предлагаетъ бой гуннамъ, отвѣчаетъ долинѣ Дуная, ибо на Дунаѣ помѣщаетъ бой Аларіха (= Теодориха) съ гуннами и Пасхальная хроника, битву Теодориха съ Аттилой тамъ-же мадьярскія лѣтописи. Эта согласная локализація въ памятникахъ, взаимно независимыхъ (я особенно имѣю въ виду Hervararsaga'у), едва-ли указываетъ на шалонскую битву и на Аттилу, а на какое-нибудь болѣе древнее столкновеніе готовъ съ гуннами и готскихъ властителей, враждовавшихъ другъ съ другомъ на болѣе древнихъ посельяхъ. Я не дѣлаю попытки обстоятельнаго сближенія, потому что для таковаго нѣтъ матеріаловъ. Замѣчу только, что въ Hervararsaga'ѣ нѣтъ имени Аттилы, а названъ гуннскій король Humli, можетъ быть, не историческое, а эпическое имя, въ которомъ нѣтъ нужды видѣть поздній субститутъ имени Аттилы

(сл. l. c. 79). Если въ Widsið'ѣ, гдѣ готы бьются съ гуннами «въ лѣсу Вислы» (= Дакіи, по мнѣнію Гейнцеля стр. 103), Аттила названъ рядомъ съ Hlipe = Hlöð'омъ и Incgenþéow'омъ = Ангантиромъ, то развѣ его имя не можетъ быть подновленіемъ, почерпнутымъ изъ памяти о лицѣ, ставшемъ пѣсеннымъ показателемъ гунновъ?

Присоединяю къ этому и другое возможное соображеніе. Готы назначаютъ гуннамъ битву á Dunheiði — ok á þeim öllum Jösurfjöllum. Dunheiði, можетъ быть, долина не Дуная, а Дона, что согласовалось-бы съ Jösurfjöllum = горами Оссовъ или Ясовъ, т. е. Аланъ, жившихъ на обширной сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югѣ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западѣ до Мэотиды и нижняго теченія Дона[1]). На Дону или за Дономъ бьются съ ними русскіе князья по свидѣтельству нашихъ лѣтописей[2]), знающихъ и «горы высокія, ясскія и черкаськія, близъ воротъ желѣзныхъ», т. е. кавказскія, въ которыхъ Аполлинарій Сидоній помѣщаетъ caucasigenas alanos[3]). Ихъ западной границей было теченіе Дона, которому они дали и названіе: осет. дон = вода, рѣка[4]). У Ясскихъ горъ (Jösurfjöllum) и въ Dunheiði — долинѣ Дона и могли происходить битвы готовъ съ гуннами. Сл. Ammian. Marcell. XXXI, 3, 1: въ 375 году «гунны прошли черезъ земли алановъ..., убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣрія Эрменриха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы — вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости»[5]). Это опредѣлило-бы и мѣсто дѣйствія и историческія воспоминанія

---

[1]) Вс. Миллеръ, Осетинскіе этюды, часть III, стр. 10, 11, 23, 30, 32, 35, прим. 1, 43, 44, 45, 58, 71, 75, 97.

[2]) l. c. стр. 66 слѣд.

[3]) l. c. стр. 75.

[4]) l. c. стр. 7—8.

[5]) l. c. стр. 42—53.

саги въ эпизодѣ о готско-гуннскомъ побоищѣ. Если оно является побѣдоноснымъ для готовъ на перекоръ исторіи, то это лишь характеризуетъ народный источникъ, изъ котораго историческій фактъ дошелъ до сѣвернаго сказителя. Народная гордость идеализуетъ пораженіе, обращая его въ побѣду; нѣчто подобное предположилъ и Гейнцель, объясняя, почему Ангантиръ не сраженъ, какъ его предполагаемый прототипъ — Теодорихъ вестготскій.

Воспоминаніе объ Аттилѣ исключаются нашимъ соображеніемъ, но получается взамѣнъ просвѣтъ на древнія отношенія южной Руси, на битвы и подвиги, забытые исторіи, перепначенные сагой, но, можетъ быть, присутствующіе неузнаваемыми нынѣ чертами въ народной метаморфозѣ русской былины.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 7 прим. 2. Сл. Сказаніе о злонорьнивыхъ женахъ, напечатанное Ягичемъ по болгарскому сборнику берлинской библіотеки въ Starine V, стр. 63 и слѣд., и тамъ-же введеніе и примѣчанія къ тексту.

Къ стр. 21 внизу: въ послѣднемъ стихотворномъ отрывкѣ слѣдуетъ такъ исправить чтеніе рукописнаго текста: ст. 51 dameisels; ст. 52 bels; ст. 55: Filles à princes, à baruns.

Къ стр. 29 прим. 5. Сходный текстъ находится въ ркп. Московскаго Чудова монастыря № 57—359 (XVII в.), л. 40 и слѣд. Сл. описаніе этой рукописи Хр. Лопаревымъ въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886 г. (Смѣсь), стр. 11.

Къ стр. 133. Къ вопросу объ отношеніи Готфрида Страсбургскаго къ Томасу и поэтической самостоятельности перваго отмѣтимъ для полноты библіографическаго обозрѣнія статью O. Glöde (Der nordische Tristanroman und die aesthetische Würdigung Gottfrieds von Strassburg, въ Germania XXXIII, стр. 17 и слѣд.), въ сущности мало доказательную.

Къ стр. 140 прим. 1. Сл. Archiv f. slav. Philol. I, стр. 285 (Aus dem südslavischen Märchenschatz, № 11) и въ фрагментахъ Beroul'я, стр. 35—36: Salemon dit que droicturiers — Que ses amis c'est ses levriers.

Къ стр. 322. Лишь по окончаніи моей работы я могъ познакомиться въ Венеціи съ Histoire de Atile, содержащейся въ ркп. библіотеки св. Марка, cl. X, cod. XCVI, л. 19 лиц. и слѣд. Я сообщу её въ краткомъ анализѣ, кое-гдѣ приводя и отрывки текста.

Разсказъ начинается введеніемъ общаго характера.

Apres ce que nostre Seignor Iesu Crist nasqui e fu penez e mort, apostre furent mout esgare. Mais apres ce que il fut resucitez, se reconforterent il mout que il le uirent e parlerent a lui maintes foiz. Mes li iors de la pentecoste donoit nostre sire a ses apostre sa grace e sa beneizonz e li saint esperit donoit il a zascunz que il l'auoient veu aler ou cielz le iors de l'ascension. E de lors en auant prist cascunz sa voie e s'en alerent parmi le monde preechant le noms de Iesu Crist e de tout ce qu'il uirent e oirent de luy.

Слѣдуетъ разсказъ о проповѣди и кончинѣ апостоловъ и ихъ учениковъ и перечень папъ начиная отъ ап. Петра до Сильвестра; онъ исцѣляетъ и крститъ Константина Великаго, который, предоставивъ ему и его наслѣдникамъ царскую власть, удаляется въ Грецію; f. 20 лиц. об.: Il fu sire e empereour en Grece. Il s'en aloit en en Bisançe et illec s'arestoit, illec il fist une citez la plus belle e la greignor e la plus riche que de lors en auant fust faite ou secle. Il l'apeloit de son non Constantinople. Que vos diro-ge? Illec fist il son empire et le tint de part l'apostoille de Rome, e fu le pais apelle Romanie por ce que li romains i remestrent.

Далѣе говорится о нахожденіи св. Еленой честнаго креста; объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и разрушеніи Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ въ наказаніе евреямъ за смерть Спасителя. Іосифъ

Аримаѳейскій найденъ при этомъ случаѣ въ башнѣ, гдѣ его въ теченіи сорока лѣтъ поддерживалъ его чудесный сосудъ, f. 22 об.: sa precieuse escuelle que li Bretons appellerent le Saint Graal. Съ нимъ онъ отправляется въ Британнію, проповѣдуя Христову вѣру.

Такъ распространилось христіанство; авторъ хочетъ особо разсказать (f. 21 об. и слѣд.) de cels qe se cristienerent parmi Ytaire par le preechement de mon seignor saint Marc qe preechoit en Aquillee e par le preechement des saint homes qe apres mon seignor saint Marc preechons en Aquilee e parmi Ytaire. Первымъ былъ св. Маркъ: apres ce que mon seignor saint Piere s'en alloit de Antioche en Rome et enuoia son desciple li euangelistre mon seignor saint Marc en Aquilee, e de Aquilee s'en retornoit celui euangeliste en Rome e mesire saint Piere l'enuoia en Alexandre ou il reçut mort. Св. Маркъ крестилъ въ Аквилеѣ ея царя и многихъ другихъ; вмѣсто него поставленъ былъ въ городѣ другой патріархъ; e por le saint batisme preechier en fu occis li autres qe estoit patriarche en Aquilee, qe l'en apelloit saint Hermachore, e maint autres prudomes, pulceles e ueue dames e mariees, por ce que il auoient receuz le saint batisme. Mes apres lor mort fu la cristine loi moult esaucie qe en Aquilee qe en la Marche Ioiose por le preechement de mesire saint Prosdocime qe fu euesqes de Patauie, la maistre cite de la Marche Ioiose, qe il conuerti le buen roi Uitalianz, piere saint Justine, e tote la Marche Amorose qe estoit en la subiecions de celui roi Uitalianz e qe apres sa mort fu en la subiecions de madame saint Justine qe fu pois morte por Maximiens empereres de Rome por ce q'ele ne uoust lasier la loi cristiene. Et adunc fist Dex maint miracles par li qe en Lombardie por les prechement des saint homes e por les miracles qe nostres Seignor Iesu Crist fesoit por lor proieres. Mes lors quant li paiens d'Ongrie e des autres contrees uirent ce e qe le saint batisme estoit multipliee en Ytaire, si distrent qe il les destruiront touz. Il auoit en Ongrie un rois que l'en appelloit Ostrubalz, celui rois auoit une file mout belle

damoiselle de sa feme. La mere a la damoiselle estoit morte, qe neez fu dou lignage des Longobarz, e la damoiselle uenoit en aage de marierz, si l'amoit moult filz a baronz. La damoiselle estoit moult enparlant e comenzoit a amer por bmpr (amor)[1]) et estoit mout ioliue e la lxxxrlif (luxurie) la enchauçoit de iors en iors. Et li rois Ostrubalz la baoit a doner a fame Auradianz li filz li empereres de Constantinople. E ce fu qe Justiniens estoit empereres de Constantinople.

Quant li rois Ostrubalz d'Ongrie uit qe sa file estoit ioliue e si enparlant, si fist fermer une tor e la mist dedenz e li donoit maint damoiselles por li seruir, e fist fermer la tor sainz nul huis qe nul peust entrer dedenz ne oisir hors, fors a une corde li donoit l'em sa despense. Lors quant la damoiselle entra en la tor, son pere li donoit un petit liurier e li dist: Belle file, cest liurier voil ge qe tu nouris tant qe il soit d'aler en cace. Celle prist li liurier qe son pere li donoit, que mout estoit biaus e blanc come noif, si le nouri la damoiselle tant qe il fu grenet e uint en saut. Celui liurier couchoit souent ou lit de la damoiselle. Il auint une nuit que la damoiselle estoit toute nue en son lit e li liurier estoit deioste li. La damoiselle estoit escaufee de la lxxxrf (luxure), si adreçoit son nxentre (сверху: uentre) en uers le liurier, e li liurier sentiz la chalor de la damoiselle, s'adrfcokt (s'adreçoit) vers li, e pors le pechiez dou monde il cpnxkt (conuit) la dbmpksflif (damoiselle) cbrnflfmf[n]t (carnelement). Grant fu li pechiez e doloreus le domage, qe la dbmpksflif (damoiselle) fu fncfnktf (enceinte) df[n]fbnt (d'enfant). Molt furent a malase les damoiselles qe auec li estoient, quant elles uirent crpistrf (croistre) li

[1]) Въ слѣдующемъ далѣе эпизодѣ переписчикъ, или скорѣе, его оригиналъ, старался сдѣлать неразборчивыми слова, которыя считалъ соблазнительными. На л. 22 об. и 23 лиц. об. надъ нѣкоторыми изъ такихъ словъ другая рука вписала ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и это выяснило мнѣ пріемъ, съ помощью котораго ихъ дѣлали невразумительными: согласныя не мѣнялись, гласныя замѣщались буквами, непосредственно имъ предшествовавшими въ порядкѣ алфавита, напр.: fncfnktf = enceinte, dbmpksflif = damoiselle; непослѣдовательно: nxentre (сверху надписано: uentre).

ufntrf (uentre) a la file dou roi, e bien se perciurent au semblant dou liurier qe il auoit gfx (geu) a li, si le bouterent hors de la tor en li fousez ou il se noia. La damoiselle estoit tant iree e tant corocee que ne le baoit autre cause fors que a soi ocire, mes le damoiselles qe auec li estoient ne la leisoient pas ne peu ne grant seule, e lors en parlerent au roi. E quant il oï cest fet, il fu corociez a desmesure, e neporquant il dist que la colpe estoit toute soe. Lors la fist hoster de la tor et la donoit a fame a uns barons d'Ongrie qui moult en fut liez. Les noces furent grant e plenieres, que celui estoit moult rices hom e de haut lignaie. Si conuit sa feme, c'a l'enfanter tint l'enfant per suen, qe il le cuidoit vraiement auoir engendre. Mes quant l'enfant nasqui, il estoit demi a la semblance d'ome e demi a la semblance de chienz. Si en fu la doleur mout grant e mort eusent la damoiselle a tout l'enfant, se ne fust par trois chouses: l'une por la peour dou roi, l'autre porce qe li rois n'auoit nul heir, si estoit le roiaume de la damoiselle apres la mort de son pere; la tierce por ce que uns jueis qe mout estoit saie home de la loi et estoit de lui moult acointe, li dist qe celui enfant pooit bien auoir prise la semblance dou liurier qe la damoiselle auoit nouriz en la tor, quant son mari estoit auec li e la conosoit carnelement, se la damoiselle baoit a celui point au liurier de tout son cuer. E lors le traist auant l'estoire de Jacob quant il aloit a seruir Laban son oncle por ses files auoir a feme e qe il fist la couenance de auoir toutes les bestes uaires, e son oncles deuoit auoir les autre toutes. E le contoit l'enging que Jacob en fist, qe il escorçoit verges de maintes mainieres e les gitoit en l'eue ou les bestes beuoient, e li mascles les bsbkllogfnt (asaillloient) illec et au nestre de bestes uenoient toutes uaires. Tant dist li jueis de Jacob e des autres ensembles, qe il firent culpes e firent nourir l'enfant mout richement. E ensi fu Atile nez e non autrement. Mes celui jueis sauoit bien le estoire dou Menotaur qe auoit este nez en Cret d'un taure e d'une feme, dont il n'en descouuri pas l'estoire a celui point ne a cele foiz.

Выросши и воцарившись, Аттила наводитъ на всѣхъ страхъ своею храбростью и ненавистью, которую питаетъ къ христіанамъ. Его первый подвигъ — осада Аквилеи (города, построеннаго троянскими бѣглецами), гдѣ царитъ царь Menapus. Онъ выѣзжаетъ изъ города, и его люди бьются съ осаждающими (f. 24 лиц.: Cumanz, Blach, Ongre e Bolgre); въ поединкѣ съ Менапомъ Аттила сбитъ съ коня, но его люди его подняли. Менапъ и его братъ Ariochus, раненый въ бою, возвращаются послѣ вылазки въ городъ, а Аттила разгнѣванъ и выражаетъ своему коннетаблю Acinacus опасеніе, какъ-бы непріятели не учинили чего ночью. Но имъ не до того; Менапъ отослалъ раненыхъ въ Graz (Grado), а когда на другой день Аттила возобновилъ обстрѣливаніе города, и самъ туда бѣжитъ съ своими рыцарями и простымъ народомъ, напередъ обманувъ осаждающихъ извѣстной выдумкой: деревянными куклами, которыя и приняты за настоящихъ воиновъ. Обманъ узнанъ по соколу, безпрепятственно усѣвшемуся на одну изъ чучелъ; Аквилея взята, ограблена и выжжена.

Дальнѣйшій разсказъ переноситъ насъ подъ стѣны Corde, une uile mout belle e mout defensable qe l'en apelle Concordie (f. 25 об.); f. 26 лиц.: тамъ si s'estoit ia mis un prudome, rois coronez estoit e nouuellement cristienez il et sa fame, e son pere auoit este rois et estoit apelez Galayphe, dou linaie Uitalians li rois de Patauie, li pere saint Justine. Mout aidoit celui preudome les cristiens de tant com il pooit e de son cors e de sa ien. Il auoit une fame moult belle dame e cortoise et amoit molt la cristientes. Celui rois auoit non Gilius et la dame Adriane.... Il estoit rois de Patauie qe l'en apelle orendroit Padue. Il dist a la reine lors quant il se partoit de Peue (Павія? Падуя?) qe en uers la mer s'en alast e amenast auec els ses grant tresors, ses filz et ses files. Она высаживается на морскомъ островѣ, гдѣ построила часовню и назвала её les angelus Raphael. Жители Конкордіи также высылаютъ изъ города женщинъ и дѣтей en l'isle dou mer, s'apelerent li leus Caurol (Caorle = Caprula). — Gilius, li reis de

Peue (f. 26 обор.; надо-бы: de Patauie), запершійся въ Конкордіи вмѣстѣ съ Cordes li rois de Concordie, выходитъ на встрѣчу Аттилѣ, которому былъ ночью вѣщій сонъ: между прочимъ онъ видитъ uns home qui li trençoit la teste. Значеніе этого сна объясняетъ ему какой-то sortier: Аттила побѣдитъ и на этотъ разъ, но будетъ убитъ впослѣдствіи мужемъ, представившемся ему въ видѣніи. Sortier указываетъ его — въ Gilius'ѣ, предводителѣ перваго непріятельскаго полка. Аттила хочетъ отвратить исполненіе своего сна.

Битва подъ Конкордіей; въ числѣ ея защитниковъ uns cuens de Peue, Peron, противъ котораго выступаетъ Armanas, uns Cumans. Король Конкордіи взятъ въ плѣнъ, но отбитъ однимъ рыцаремъ, Contarel'емъ. — Побѣда на сторонѣ защитниковъ города, но они видятъ, что имъ долго не продержаться, и ночью удаляются на корабляхъ. Участь города та-же, что и Аквилеи; жители и Gilius удаляются въ Anthenoride, городъ, названный впослѣдствіи Atilie, e l'en l'apelle orendroit Altin (f. 28 об.).

Всюду, куда ни показывается Аттила, жители напередъ бѣгутъ къ морю, гдѣ селятся и строятся на островахъ. Такъ онъ никого не нашелъ въ Feltre, Belun и въ одномъ замкѣ f. 29 об.: li casteaux auoit nom Ansul et Oudherz (Oderzo) de gastail e Treuis la cite Amoreuse. — Подъ Атиліею происходитъ битва и поединокъ Gilius'a съ Аттилой; и здѣсь жители удаляются (f. 29 об. — 30 лиц. перечислены ихъ новые поселки), городъ выжженъ и никогда не былъ съ тѣхъ поръ возобновленъ.

Gilius отправляется къ себѣ въ Patauie, клянется, что встрѣтится съ Аттилой и будетъ биться съ нимъ на смерть (женщины, дѣти и старики выселены; перечислены поселенія). — Аттила подъ Падуей, куда собралось, на защиту города, много ломбардцевъ; ихъ предводитель cuens de Pauie, Naimeris li lombars (f. 30 лиц. об.). Gilius ободряетъ своихъ (He prince d'Est et uos seignor uaillant!), а самъ онъ походитъ на Hector li ardiz qui deuant Troie per son cors seulement trespesoit les greignors batailles. Ударъ Gilius'a ошеломилъ Аттилу, его ратники его за-

щитили. На другой день онъ посылаетъ Gilius'у вызовъ: пусть помѣряется съ нимъ одинъ на одного. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Gilius повергаетъ противника на землю, хочетъ снять голову, но явились сидѣвшіе въ засадѣ угры и отбили Аттилу, который велитъ повѣсить ихъ и ихъ коней: зачѣмъ они вмѣшались въ дѣло, положенное между нимъ и Gilius'омъ? Онъ защитился бы и самъ. — Аттила стоитъ подъ Падуей семь лѣтъ; не будучи въ состояніи дольше держаться, Gilius удаляется въ Rimans, куда за нимъ слѣдуетъ и Аттила (графъ Римини Asmonç; со стороны Аттилы упоминается военачальникъ Valgrus, f. 33 лиц.). — Въ битвахъ подъ Римини побѣда на сторонѣ Gilius'a; Аттилу снова посѣтило его вѣщее сновидѣніе, а Gilius'a извѣщаютъ о близкой помощи Acharins princes d'Est, Alfans cuens Visentinz et Marcels cuens de Feutre (f. 34 лиц.). Въ тотъ-же день является изъ Константинополя dux capitel, capitels li dux Daire, бывшій правитель Равенны; когда городъ отдался Аттилѣ, Daire отправился въ Константинополь къ императору Eradianz— и теперь явился съ обѣщаніемъ греческой помощи.

Приготовленія къ битвѣ; въ числѣ защитниковъ города упоминаются: Varnerins li marins, иначе: li marchis Varnerins de Fan.... par sa noblecez fu apele la Marche — Marche de Guarner; li cuens Asmont (выше Asmonç, графъ Римини); cuenz Asmodee (или Asmonde) d'Ancone; Matolsels de Rimanz li noble catains; со стороны Аттилы: Luculus, начальникъ куманъ; li rois Bougris Libamgratis или Gratis Libans (li bans?); Malducas li Blac. — Битва состоитъ изъ ряда поединковъ; и на этотъ разъ побѣда остается за христіанами.

Аттила посылаетъ къ Gilius'у рыцаря Artabius съ предложеніемъ f. 38 лиц.: que il (т. е. Аттила) le metra en saisine de ta uille se tu voi leisier la loi qe tu as prise. Gilius отказываетъ. Тогда Аттила зазываетъ къ себѣ въ шатеръ пилигрима, мѣняется съ нимъ платьемъ и въ образѣ паломника изъ Святой земли проникаетъ въ Римини. Онъ говоритъ на lange francische; около дворца Asmont'a онъ видитъ двухъ рыцарей, играющихъ

въ шахматы: Gilius'a и Asmont'a; присматривается къ игрѣ, выжидая время, чтобы поразить Gilius'a отравленнымъ кинжаломъ — и неосторожно провѣщился en langage de Ongrie, который Gilius понималъ, ибо въ Падуѣ у него былъ drugumans (f. 39 лиц.). Gilius узналъ его, Аттила принужденъ сказать, съ какою цѣлью пришелъ, и Gilius сноситъ ему голову. F. 40 лиц.: In telz mainiere com ge uos di fu ocis Atile li flagelzs Diex por la mains dou rois Gilius li bon rois Candians, si ensi de lui li Candiens qui se herbergere auec sa mere en Uenise.

Голову Аттилы показываютъ его войску; оно начинаетъ отступленіе подъ начальствомъ Panduccus'a (другія имена угрскихъ вождей: Gorsipels, Arieuels, Marieltes, Aribacels, Ascubelins, Alcucharis, Galulus). — Битвы по пути: на угровъ нападаютъ итальянцы и греческое войско подъ начальствомъ Eradius li filz l'empereour Constantinople (упоминается: Alexandre li nies l'empereres Justinius и др.). Угры поражены, Panduccus, котораго Gorsipels покинулъ, тайно уйдя съ своимъ отрядомъ въ Венгрію, проситъ перемирія, но и самъ удаляется тайкомъ. Избѣжавъ смерти отъ руки христіанъ, онъ нашелъ ее на родинѣ, отъ руки Gorsipel'я. F. 44 лиц.: De ce furent Ongres moult corociez; mes il ne le porent amendier. — Deo gracias.

Corociez — amendier въ концѣ разсказа отзываются рифмой; въ самомъ изложеніи замѣтны эпическія общія мѣста: слѣды стихотворнаго оригинала — или знакомства автора съ стилемъ франко-итальянскихъ chansons de geste?

Въ заключеніи предложу нѣсколько поправокъ къ слѣдующему далѣе тексту познанскихъ повѣстей. Онъ былъ напечатанъ прежде, чѣмъ я могъ ознакомиться съ соотвѣтствующими западными версіями. Опѣ-то и указали мнѣ на нѣкоторыя исправленія, частью которыхъ я могъ воспользоваться при напечатаніи моего введенія.

Далѣе ссылки сдѣланы на страницы Приложенія.

Стр. 7, строка 4 сверху: чит. гулѣшскаго вм. сулешскаго.

Стр. 22, строка 3 снизу: чит. а ни вм. аки.

Стр. 25, строка 19 слѣд. Слѣдуетъ такъ разставить знаки препинанія: «Трыщанъ рекъ: Ѡ боже, коли бы то могло быти, быхъ ѣ былъ здоровъ, не просплъ бых бога! Болшеи десети днеи панъна прыкладала зѣлье».

Стр. 39, строка 15 снизу: Потом, чит.: По том = во франц. романѣ ainsi.

Стр. 44, строка 8 снизу: едет Трыщан с одным пахолкомъ и з магушем. Чит.: съ одным пахолкомъ из (= съ) магушем, во франц. текстѣ: Tristan et le payn. Сл. стр. 43, строка 14 снизу: рек магушу хлопцу.

Стр. 76, строка 15 сверху: Сорелопсъ, чит.: Сорелопсъ.

Стр. 81, строки 7—8 сверху. Надо такъ расположить текстъ: «съ сулицами *(Битва Трыщанова зъ Галиотомъ)*. Конец тых рѣчеи пустилъ сѧ ѡдни» и т. д.

Стр. 83, строка 14 снизу: спрелопское, чит. спрелопское.

Стр. 94, строка 14 снизу: Долота, чит. До[мо]лота.

Стр. 124, строки 6—7 сверху: чит. «Анцолот вделъ ѡдного травника, а ѡн траву несеть и рече: Рыцэру, ѡно едеть рыцер» и т. д.

Стр. 122, 1 строка сверху: имаэт, чит. и маэт.

Стр. 129, строки 10—11 снизу: надо начать абзацъ со словъ: «Тутъ вернимо сѧ, поведанмо».

Стр. 131, строка 7 снизу. Чит.: «Убил есми его, пани. — За то хочу» и т. д.

Стр. 140, строка 9 снизу: гальца, читай: Гальца (ит. Galaço).

Стр. 160, строки 7—8 снизу: чит. поехал.

Стр. 171, 1 строка снизу: его, чит. ея.

Стр. 173, 2—3 строки сверху: чит. Кадыком.

——— строка 8 сверху: Матрынусъ, чит. Макрынусъ (?)

Стр. 181, строка 14 сверху: Мартиніан, чит. Маркіанъ (?)

Стр. 232, 3 строка снизу: вм. Кэму чит. Рэву.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Починаѣтьсѧ повесть ѡ витезѧх с книгъ сэрбъских, а звлаща ѡ славномъ рыцэры Трысчан[е], ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о иншыхъ многихъ витезех добры[хъ].

Былъ король имен[емъ К]левдасъ, ѡнъ мѣлъ [вел]икую любов с ко[ролемъ] Аполономъ, и для ихъ великое любови мешкал ѡдинъ у другого. . . . . прыехавшы со всими слугами и двором своимъ. И прыѣхал коро[ль] Аполонъ з двором своимъ до короля Клевдаса и мешкалъ в него до году. И была у короля Аполона кролеваѧ велми хоро[ша], а короля Клевдаса сынъ былъ велми добрыи юнак и витезь вельми добрыи, и розмиловал сѧ королевое Аполоновое великою милостю, и вже болшъ не мог терпѣти и мовилъ ей ѡ своеи великои ку нен милости, але ѡна ни которым ѡбычаемъ на то не хотела позволити, и рекла ему: ѥко ты мнѣ ѡ том не въстыдиш сѧ мовити? Видевшы ѡнъ иж не могъ к тому прыити, ждал коли сѧ розъедуть корол Аполонъ ѡт короля Клевдаса до своего королевства, и тогды сын короля Клевдасов направилсѧ и взалъ зъ собою добрыхъ юнаков в товарыство, и засѣл в дубровахъ ѡдных близко дороги, и коли сѧ [къ] нему прыближил король Аполонъ, а ѡни сѧ направившы ждали короля Аполона и вдарыли на него и его самого поимавшы ѡкрутне зранили, с которых ран жыв быти не мог, и [всю] дружину его побили. И рекъ король Аполонъ своеи королевои. . . . . ре так сѧ стало и таѧ ѡкрутная смерть. . . . . а велми смутна и жалостлива И рекла. . . . . тое зло стало сѧ. И коли сѧ сы[нъ]. . . . . .

ѡнъ увошол ꙋв-однукомору высоку. . . . . [короле-]
ваѧ уведена хотечы сполнити сво. . . . . .
Королеваѧ то видела иж дла нее много . . . . . [рекла]
ему: ѡ лихии злыи человече, мои господаръ прышо[лъ] . . . . .
(стр. 2) дла [т]воеи доброе славы, а ты его ѡ смерть прыправилъ и
хотѣл [б]ы еси еще мене посоромотити, але то не може быти. [И то]
рекшы ѡтступила ѡт него и скочыла ув-окно вельми з вы[сокого]
палацу и забиласа на смерть. Коли ѡнъ повѣдал и рек: ꙗ самъ. .
м уморылъ такую королевую з сего свѣта так цудную. . . . . .
ѡпатръностю. И ѡн плакавшы и казалъ ее погрести, послал [къ]
королю Аполону ран гледѣти, и поведали ему пжъ жыв не может
быти, и ѡн его казал пустити. И коли умер король Аполонъ,
ѡтказалъ тѣло его в реку вкинувшы утопити. И коли вкинули
в реку, был у него ѡдинъ хортъ, которыи ѡт него николи нигде
не ѡтступовал, але за паном своим шолъ у реку плавом ищучы
в рецэ пана своего, и нашолъ его велми у глубоком виру, и
навшы его за руку и выволок на берег зубами своими, и выко-
павшы ꙗму ногами своими и положыл в неи пана своего и зако-
пал песком, штобы его не нашолъ ни ѡдин звѣръ, и сѣлъ на
ѡноп могиле, штобы мог видети.

И поѣхалъ король Клевдасъ в ловы и ехал ѡдным узречэм
и много звѣру половилъ и ехал [ку] ѡдному городу, и прыбли-
жылъ са ку ѡному хорту Аполонову. Хортъ увидевшы люди и
почалъ выть велми высокимъ голосом; коли король виделъ хор-
та, и послал видѣти што ест. Ѡни поехали и видевшы пове-
дали королю мовечы: Нам са видит ꙗкобы человѣкъ ново ко-
пан, а хорт стоит на гробе а нигдѣ не идеть зъ гроба. А ко-
роль был велми мудръ и поехал сам видеть ѡного [хорта].
И реклъ: То ест хорт корола Аполоновъ, которыи . . . . . .
. . . . . а то ест мои наболшыи прыятель
[и]сказалъ . . . . . могилу, штобы видалъ мертвеца,
. . . . . лъ иж былъ король Аполонъ, и вда-
[рылъ са] . . . . . сом, говорѣчы: Вже-ж есми загибъ
. . . . . и наибольшыи мои прыятель умер

. . . . . ыло ему быти уховану. И зсѣлъ и и ско чылъ . . . . . и с плачемъ, со слезами, и казал его понести . . . . . которыи былъ недалеко ѡттуль, и вбравшы (стр. 3) тѣло короля Аполона як ест потребно, положыл его въ кошт. . . . . А потомъ корол Клевдасъ казалъ кликати по всим мѣстам [абы ся до]вѣдати, хто вморыл короля Аполона, хотечы того вел[ми великіими] даръми даровати если бы ѡ том хто што пэвн[ого ведалъ, а если же] бы хто ведал, а не хотѣл правды споведати, такои маєт быти коломъ каранъ. И коли вышла ѡтъ короля зап[овѣдь. . . . дѣвка Аполонова] рекла: Государу королю, если бы еси был ѡ . . . . вѣдаю ѡ королю Аполоне, якою ѡн смертью [умеръ, и могу ти все] споведати; водлугъ твоего шлюбу прошу тебе. . . . . ласки. Рек король: ѡ што мене будешъ просити. . . . . дам ти. И дѣвка все споведала по раду, якъ ся его [сынъ розми]ловалъ королевое Аполоновое и не могъ ее инак . . . . . ув-однои дуброве и вбилъ мужа ее короля Аполон[а. . . . . и всю дру]жыну его побил, и якъ ся королева убила зъ жа[лости по королю и потомъ] што ся чынило по раду ему споведала. И рек король Клевдас: Сын мои и мене загубил и Аполона. И послал по сына Аполонова. . . . . вати поки бы мѣл лѣта. И потом послал по своего сына, и коли ѡнъ перед него прышол, погледѣлъ на него велми серд[ито и рекъ: Над]зъныи чловѣче, уморыл еси ѡдного ѡтъ добр. . . . . [наболь]шого прыятела у моим дому, а мене еси . . . . . Але такъ хочу вчынити, ижъ ѡзмеш заплату. . . . . злого прыстоит. А коли ѡнъ впд. . . . . вое злое воли против себе, и заволал: Государу, ... король не порушыл ся ни ѡдным милосрѣдьемъ. . . . . казал ѡгонь класти и сына своего в него вкинути. Тая дѣвка, которая то споведала, и поклекнувшы . . .: Государу королю, держы ми своп шлюб якъ ми еси ѡбецалъ. [И король] рекъ: Дѣвко, говоры. И дѣвка рекла: Прошу тебе твоего сына. И король рекъ: Готов ти ест, але маєт прынати смерть. И казал его вскинути ув-огонь. . . . . ѡн вмер. И рек король

дѣвцэ: ѡзми. . . . собѣ. . . . . ꙗ вола таковое немилосрдье. . . . . его и п[огрести]. . . . . .

(Стр. 4) [Але то] ѡставмо и вернимо сѧ ку ѡному Аполонову дитяти, которому имѧ было Кандиешъ, которыи у доброи ѡпецэ у короля Клевдаса покул был добрыи витез и великое доброты и за его. . . . . был государемъ корновалскимъ и елиѡноским и вси ѡба . . . . . ѧ король Клевдасъ дал за него дочку свою именем. . . . . и у великои милости и ласцэ. И сплодили дѣти. . . . . [стар]шого поставили королем корновалскимъ, а молод[шого елиѡноскимъ], а иные шли по свѣту рыцэрскимъ ѡбычаем . . . . а и так сѧ были по сторонах росплодили, иж не . . . . . ꙗкии повиноватыи албо кревныи. . . . . дал королевство корновалское у руки королю Пелишу, ѡнъ. . . ем Марка, што сѧ вродилъ марта мѣсяца, а другого. . . ь былъ близко смерти, ѡн коруновалъ сына своего. . . . . на королевство корновальское, король Марко далъ сестру. . . . за короля Мелиꙗдуша, которыи былъ велми. . . . . у Елиѡносе. Елпобела королеваѧ была велми. . . . . и собою у великои милости жыли и дивне сѧ назбыт. . . . а королева жыла за нимъ много лѣт, а детеи не мѣла, а потом. . . . жывоте плод носила, и все королевство. . . . узрадовало сѧ жедаючы мѣти потом. . . . на. И поехал корол у ловы з мно[гими рыцэры], и прыехал къ ѡднои воде, пры которои умеръ. . . . А прыехала ѡдна дѣвка, котораꙗ его [велми любила болшъ] нижли сама себе ѡт многих лѣтъ, для [тое милости ѡна сама его] могла найти и рекла: Много говорать. . . . . быхꙗ ꙗ такую доброт познала, ꙗ быхъ тебе прывела у таковое мѣсто, гдѣ бы ты пры вечере видел цудную рѣч, ꙗковое еси давно не видалъ. Корол будучы велми добрыи рыцэр жедал видети тую реч. Ѡна рекла: ꙗ тебе поведу там. И король сѣл на конь и рекъ дѣвцэ: Вседаи, поеду за тобою. И ѡна ехала дорогою. . . . омъ ехала. . . . . а потом ночъ была в. . . . . [вид]ели велми. . . . . вшы. . . . . чили (стр. 5) многие велми весело прыпали конѧ под королем и зброю. А то был город ѡное дѣвки; ѡна его повела ув-одну велми хорошую комору, и коли был король у ложницы, преме-

пило сѧ королю сэрцэ и мысль и не была ему на вмѣ его королеваѧ а ни Єлиѡнос королевство єго ни слуги, толко ѡнаѧ дѣвка, котораѧ его увела до тог[о] города иж был дивно зачарован.

Видевшы то королевы витези, иж не было королѧ колко ден, и ехали єго искати и не могли єго наити а ни ѡ немъ вѣдомости мѣти. И ѡнаѧ королеваѧ взѧвшы зъ собою ѡдну дѣвку и сама поехала искати королѧ Мелиꙗдуша, абы то могла ѡ немъ ꙗкую вѣдомост мѣти. И вехали у великоє добровы и много блудили, ищучы по всих сторононах королѧ, и поткали Мерлина пророка, и Мерлинъ поздравил кролевую. И ѡна єму на то рекла почесчене и рекла: Добрыи человече, єсли будеш слыхал албо маеш ꙗкую вѣдомост ѡ моємъ пану королю Мелиꙗдушу, которыи згибъ без вѣсти, длѧ бога повѣдаи ми, если жыв естъ. Мерлин рекъ: Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж ест жыв, здоров и вельми весел такъ, иж николи перед тым так весел не бывал; але ты вже его своими ѡчима не можеш видети. И то рекшы згинул ѡт нее, и ѡна была вельми жалосна и почала тужити и плакати, кленучы день роженѧ своего и годину тую, в которую сѧ родила; и хто бы тоє видѧлъ не был бы такъ твердого сэръца, штобы на нее смотречы не плакал, и королевои розмножыла сѧ жалост и не могла далеи ехати и зсѣла ис конѧ. И прышло з оное туги часъ . . . . пороженьѧ и почала просити Бога мовечы: Господи боже ѡтпус[ти]. . . . . мое и прыими в ласку душу мою. И рекла еи дѣвка: Государине, ꙗкъ сѧ чуешъ? Рекла королеваѧ: Тут вже мои конец, толко бы мѧ Богъ простилъ ѡтъ беремени, што бых могла породити, а надо мн[ою] нехаи его свѧтое милости будетъ волѧ. И рекла: Государине, чы. . . . усѣсти на конь, ꙗ бых ти помогла, ехали быхмо. . . . мѣ. . . . гдѣ бы могли мети огонь. Рекла [королеваꙗ]. . . (стр. 6) не може быти, тут мои конец, проси Бога за мене. И дѣвка почала вельми грозно плакати и не вѣдала, што мѣла вчинити ѡт жалости. И тую всю ноч мучыла сѧ, иж ее государинѧ въ великои болести была, а рано на свитаньи породила доброго витезѧ, а сама сѧ приближала къ смерти. И рекла дѣвцэ, котораѧ деръжала дитѧ: Дай ми мое дитѧ. И дѣвка еи подала, и

видевшы королевая дита найцуднеишое, которого перед тым николи так цудного не видала своими очыма, и рекла: Сыну мои, велми есми тебе жедала видети, але коли та вижу з ласки божое найцуднеишое дита, которого-м нигде николи не видала ѡт жоны роженаго, да твоя краса мне ничого добраго вчынити не может, толко смерть для великое муки, которую пры пороженю твоемъ маю. Прышла есми жалосна на сее мѣсто и в жалости есми тебе породила, але ми тая жалост у веселе сѧ ѡбернула для твоего порожена, и хоче быти вже мои конец. А ты сѧ в жалости родилъ, и нехай тобѣ будет има Жалост. А коли бы пан бог жывотъ твои в веселе и в радость обернулъ и его провадил! И то рекшы подала дита дѣвцэ и сама Богу душу дала.

И в тотъ сѧ часъ родилъ добрыи витез Трыщан, которого чудные дѣла и доброе витезъство и цудные рѣчы хочу вамъ споведати и як его девка везла. И коли девка видела свою государыню умерлую, ѡна почала плакати и драти лицэ свое и было ее чути велми далеко, и на голос тое дѣвки прыехали два витези, ѡни были кревные и близкие королю Мелиадушу. Коли ѡни видели дѣвку и дита прыкрыто кролевое плащомъ [и кро]левую мертву, ѡни рекли: Коли король Мелиадуш сгибъ [и ко]ролева мертва, убимо мы тое дита а будемо [гос]подары Єлиѡносу. И то чувшы дѣвка прыступила к нимъ и рекла им: Витези, не грешите передъ Богомъ душею и вмомъ, [не] вбивайте того дитати, а я вам прысагаю вѣрою и душею, [шт]о его хочу понести ув-ыную землю, гдѣ ѡ немъ николи вѣсти не [будетъ]. Ѡные витези дали дита дѣвцэ и взали короле[вую] . . . . [не]сли ее у городъ. И люди почали говорити: Королева была бремѣнна, гдѣ сѧ подѣло дита? И ѡни сѧ ѡтмовлали иж не вѣдают дитати, нижли не могли сѧ ѡтмовити о том.

И прышолъ Мерлинъ пророк и рекъ им: Вы есте нашли королевую и дита и хотели есте дита забити, нижли его дѣвка ѡтпросила, а то есте хотели для того учинити, абы сѧ вам тая земла ѡстала. И еще рек Мерлин: Панове, я вам повѣмъ вашого корола Мелиадуша, которыи забыл самъ себе и своего коро-

левства и вас всихъ слуг своих. Они почали говорити Мерлину: Просим та, пробогъ, повѣдь нам нашого пана короля Мелиадуша. Рек Мерлинъ: До трех ден его увидите. И вбачылъ Мерлинъ одного младенца, который был кролевства сулешского, именемъ Говорнаръ, который былъ побег з дому·богачы са отца своего и брата, а былъ велми добрый и мудрый. И рек: Пане Говорнаре, озми сына королева и ховаи его а вчы мудрости и рыцэръству, иж онъ къ таковои доброти хоче прыити и к рыцэръству, хота не хочеш, им са опекаш. И он отказалъ: Я тебе не знаю, однакож его озму на мою волю и на мою науку и в опеку, и его хочу ховати и опекати са якъ наболеи буду мог. А Мерлинъ рек: и тобѣ его давам. И потом поехали оба вмѣсте и другого дня прыехали к однои рецэ, которои има Брыкина. С тое реки еслибы которая жона пила, не зносила бы дитати до часу. И подле тое реки был столпъ мурованый и на нем слова были вырыты здавна, которые говорылы: У сее воды хотят са собрати наибольшые тры рыцэры. Мерлинъ указалъ писмо, рекъ: Што то ест? Рек Говорнаръ: и чту слова а не вѣмъ, которые то вите[зи]. Рекъ Мерлинъ: То мають быти наибольшые рыцэры на свѣте, Гал. . . . а Онцалот и Трыщанъ, которого (sic) мают быти высокого сэрца и рыцэрства, иж свѣт маєт мѣти о нихъ великую реч и великую доброть, и один з них маеть быти королевичъ всего королевства. Але са варуи абы не погиб твоим опеканемъ. Рек Говорнаръ: Моимъ опеканем не маетъ погинути поки и буду могъ. И коли поехал оттуль и прыехал къ дѣвцэ, которая ховала (стр. 8) дита, а вже была его крестила и дала ему има як королева нарекла. Рекъ Мерлинъ девцэ: Понеси дита у город, бо негодно ест тутъ деръжати, може там найти отца своего. Дѣвка понесла его у Елионос, а Мерлин поехал с панами гдѣ была она панна короля Мелиадуша зачаровала, и там ее зымали и рекли ей: Забъем та если намъ не споведаеш короля Мелиадуша. И она много хитровала якъ бы его не дала, што его вельми миловала болшъ нижли сама себе; и они ее грозно працовали, и она рекла: Пондити, дам вам

вашого пана короля Мелиадуша. И велми ся възрадовали, з великим веселемъ прышли у Єлинос, тут со всим народомъ вчынили великое веселе. За тым прыехала дѣвка з дѣтем у Єлинос, подала его королю отцу его, а король был велми жалостен по королевои, коли видал дитя потешылъ ся, о котором внимал абы дитя з нею погибло. Коли панове видели Трыщана и рекли: Вси есмо нинешнии день весэли, и рекли на Мерлина: Пророкъ тот тобѣ много доброго вчынил. И реклъ Мерлин: Тое добро, которое есми вам вчынилъ, вчынилъ есми больш для иных нижли для васъ. А тепер вамъ говору: Мѣите опеку о томъ дитати, бо он мает прыити на великое добро человѣчество и на славу сего свѣта.

Король то бачечы велми ся дивил и, отведъ Мерлина, просил его абы ему споведалъ, што ест онъ. Мерлин рекъ: Могу ти споведати, але ты ма никому не повѣдаи. Король ся ему обецал; онъ рече: я есми Мерлинъ пророк, я прышолъ выимати тебе съ поимания, у котором тебе была панна зачаровала, а то есми тобѣ вчынилъ милуючы твоего сына. Рекъ король: Пане Мерлине, повѣдь ми, што ти ся видит о моемъ сыну? Рек Мерлинъ: Маетъ быти трех рыцэровъ напбольшын рыцеръ велми твердого жывота и многимъ будет потребен, и не дан его в опеку никому толко Говорнару изъ Галиуша, то ест человѣкъ вельми добрыи и верныи, тот ся имъ мает добре опекати. Рек король: Будь так якъ ты велиш. Потом Мерлинъ оттоле проч пошолъ [и] на жадные прозбы не хотѣлъ ся унати. И потомъ король шолъ къ дѣвцэ и къ своему сыну и пытал (стр. 9): Вжэ ли крещено дитя? Рекла дѣвка: Уже. Рек король: Якъ ему има? Рекла дѣвка: Пане, има ему ест Трыщан, так ему матка его дала има умираючы. Потом позвалъ король Говорънара и рек ему: Озми сына моего на свою науку и хован его и опекаи ся имъ так вѣрно и мудро, як бы еси у сороме не былъ, и прыстав к нему мамку якъ ест панати годно.

То оставмо и поведаймо о короли Марку корновалском.

Корол Марко мѣлъ в себе брата молодшого именемъ Пэрлу,

доброго рыцэра. Въ тот часъ коли сѧ Трыщан родил, прышли послы изъ Орълендэи у Корновал просити дани, которую были должни ѡт семи лѣт. Кгды то споведали королю Марку, ѡнъ былъ велми смутен; и видал то брат его Перла, што сѧ корол застрашыл, а было много людеи у гостилницы. Рек: Прыступи каждыи слухап. И рек: Не лекап сѧ, королю Марко, не давап дани, але ѡтоими сѧ мечомъ на полп, занюж если умрешъ ѡт меча, почесно умреш. Рек король: Которую дань давали первѣи, и теперъ того не могу ѡтняти сѧ. И рек Перла: ѩк которое перво глупе чынили, такъ и ты хочешъ.

Король знал брата своего велми доброго рыцэра и смѣла и милована ѡт добрых людеи и вмыслилъ забити его, абы ему панъства не взалъ, и не был того долго. Поехали ѡба в ловы и спрацовали сѧ и прыехали к одной рецэ. Король сѧ напил, а Пэрло прыгнулсѧ пити, король выналъ мечъ и талъ брата Перлу по голове велми моцно, и Перло тогдыжъ умеръ. Корол здрадне вбил брата Перлу по голове велми моцнымъ ударом и скоро сѧ то стало, тогожъ часу Мерлин далъ знати Анъцолоту доброму рыцэру; потомъ Анъцолотъ ударылъ короля ув-очы: Ты-сь здрадне вбилъ доброго рыцэра брата своего.

То ѡставмо и верпимо сѧ до Трыщана, которого Говорнаръ взал на свою ѡпеку ѡт корола Мелиадуша.

Которын король Мелиадуш былъ великии час не женившы сѧ после королевое Елиѡбелы. Потом взалъ королевну з Малое земли за себе; ѡнам пани была досыт цудъна. (стр. 10) А коли ѡна была прышла, в тот час было Трыщану сем лѣтъ. А былъ так цудныи, иж на свѣте не было ему ровни, толко Анцэлот. А былъ у мачохи его сын, и ѡна коли видѣла Трыщана так хорошого и борздо ростучи, боечы сѧ, ижъ подъ ее сыном ѡзметь панство, а сыну ее был ѡдин годъ, и вмыслившы рекла: Хотѧ ми умерети, а мушу Трыщана вморыт. И не могла иным, толко трутизною. Потомъ направила трутизну у фляшу серебреную в питье и поставила у головахъ в ложи, и ѡдна панна носила королевича сына ее, ушла в ложницу, а дитѧ почало

плакати. И видѣвшы дѣвка вино у флашы свѣтло, взявшы напоила дитя, а и кгды дитя напоила, тогож часу умерло. И дѣвка видѣвшы закрычала плачом великим, и збѣгло ся множство людей и вбачыли дитя вмерлое, говорыли дѣвцэ: Ты-сь смерти заслужыла иж королевича уморыла. Кгды королева прышла на оный гук и видѣла сына своего мертва, пала на землю и сомлѣла, и коли прышла къ памети и мовила оной дѣвцэ: Што-м тобѣ злого вчынила иже-с ми сына вморыла? И девка отказала: я его не морыла, але уморылъ его тот, которы трутизну тую поставил. Дѣвку инали и прывели перед корола. А король былъ велми смутенъ и рек дѣвцэ: Ты-сь винъна. Она мовила: Тот виненъ, хто тую трутизну нарадилъ. Рек король: Пустите ее, она тое трутизны не радила, лечъ хто злыи ненавидечы того дитяти то удѣлалъ. А Говорнаръ, которы был велми мудръ, рекъ: Пане, рач вѣдати, тая трутизна направлена тобѣ або твоему сыну, тепер будь опатрен а умѣи ся стеречы. Трыщанъ, которы естъ у моей опецэ, дай его на мене, дали богъ будет добре опекан. И корол добре позналъ иж тая трутизна справлена на когоколве з нихъ, имѣлъ раду съ своими паны потаи, як бы мѣлъ найти хто то учынилъ. Они ему отказали: Треба ся тобѣ и Трыщану стеречы. А королева была вельми жалостна уморывши сына злою справою и неопатрностю своею и волела бы сама умерети и мыслила на своемъ сэрцу: Толко есми сына вморыла (стр. 11), а чого есми хотѣла того не вчынила. И почала ся старати на кождыи день. А Говорнаръ, которы мѣлъ в себе мудрост, бачылъ кождого дня ее рѣчы и погледы и почал ся домышлати, иж она мыслит о смерти Трыщану, што она была нарадила тую трутизну на Трыштана, и мовилъ ему: Если ты обцовати будеш з мачохою, добудеш смерти; чсти ее и вгожай ей, але варуй ся ести и пити от нее, нижли што я тобѣ дамъ, тое ежъ и пи. И рекъ Трыщан: я не впущу жадного росказаня твоего.

И было одного дня лѣте, седѣлъ король один в ложницы, и хотѣло ся ему пити; прышолъ к нему Трыщанъ, король рек:

Сыну, принеси ми пити. И отворыл одну олмарею где стояли добрые питьа, и нашолъ одинъ кубокъ чыстое трутизны и взавъшы прынесъ королю, а королевая прышла в тот час и вбачила в короля кубок в руцэ и закликала: Пане, для Бога не пи того пита. Король рек: Пани, што то ест? И она не смела ему поведати, якъ то трутизна, и мовила: Не добро то тобѣ пити. Рек король: Для чого его ховаешь? Она вмолкла, а король мѣлъ болшое розмышленє а гнѣвъ.

Трыщанъ прышолъ и пал на колѣне своемъ и на королевы поклонилъ ся з великою покорою просечы в него одного дару. А король его миловал больш нижли сам себе, и не домыслилъ ся абы мѣл о королевои просити. И король рек: Не проси, але сам озми, ничого ти мною не заборонено. Трыщан тое чулъ и велми покорне и вдячне подаковалъ отцу своему и рекъ: Пане, ты-с ми далъ королевое жывот, покорне та прошу абысь еи отпустил гневъ, которым маешъ на нее, не радъ бых то видалъ абы моя мачоха и моя пани умерла тымъ обычаем. Король былъ велми мудръ и не бачыл зрады ни от кого толко от нее, и не рад бы еи отпустилъ. И рекъ: Сыну, хто тобѣ сее радил? Трыщанъ рек: Бог вѣ, ни с кимъ ся есми не радил, але правда и подобность моя на то ма вела, иж ми ся то неподобало абы моя пани згинула коли еи могу жывот заховати. Рек корол королевои: Выпи тот кубок: Рекла она: Не буду. И король мовилъ: Тобѣ естъ погинути што еси хотела Трыщана або мене уморити. И рек еи: Поведаи борздо, (стр. 12) на кого еси тую трутизну нарадила? Она рекла: Не на тебе. Рекъ король: Але для кого? годно ти погинути! Королевая почала крычати: Королю, для Бога буд ми милостив! Рек король: Поведаи борздо, и взалъ мечъ и рек: Поведаи, або теперъ умрешъ. И коли ся она видела пры смерти, рекла: Я-мъ то вчынила на Трыщана. Рекъ король: На мою вѣру собѣ еси смерть нарадила, иж тобѣ Трыщанъ невинен былъ ничымъ. И казалъ ее повести у везэне и собралъ пановъ и положылъ тую речъ перед ними и мовилъ имъ: На мою вѣру еслибы есте правдиве

судити не хотели, то вамъ будеть смерть. Они рекли: Годно ей ест умрѣт, а инакъ не може быти для того, што хотѣла сына твоего уморыти. И король рекъ: Тот суд вашъ не будеть рушон. И коли то панне увѣдали, почали велми плакати и чынити великую жалость, што ихъ панеи королевои вмерети, и не рекли ничого; а король рек: Сыну мои Трыщане, ты ей мыслил вѣрую доброть, а она зло и зраду, и хотела та вморыти, але горшеи са ей стало нижли заслужыла. Будь такъ якъ ты хочешъ, нехаи будет тобою вызволена. Он за то покорне подяковалъ отцу и збавилъ мачоху от смерти. И былъ Трысчанъ фален от всихъ людеи добрыхъ въ Єлисиосе и вси говорыли: Коли прыидеть к лѣтомъ, не хыбит великое доброти. И королева устала вов-покои при короли, але король не мѣл на нее ласки, леч толко ненавидал со всего сэрца.

Потомъ немного минувшы король поехал в ловы з доброю дружыною а с нимъ Трыщанъ и Говорнаръ абы са учыл лову, и ехали по дуброве, али прыехали два рыцэры у зброи и со всею бронею, и спытали: кое тут естъ король? Они рекли: што король и з сыномъ. Рекъ Говорнаръ: Што говориш? Нѣтъ тутъ его сына, оставилъ дома. И прыступили тые рыцэры, рекли королю: Ты намъ не чынилъ ничого злого, але нехто иныи с твоего двора мыслит насъ погубити и тепер мыслимо збыти того если узможемъ. И вынавшы мечы нихто не могъ того оборонити абы король не был раненъ смертною раною у голове. А ихъ обѣихъ тутъ же забито. А они обадва были плема (стр. 13) князю из Нороту, которые были наиболшое плема от Корновали. То имъ была одная ворожбитка поведпла: вам погинути от корола Мелиадуша двора. А в том имъ была рада от корола Марка корновальского, иж онъ боял са Трыщана, если прыидет к лѣтомъ, абы его с панства не выгналъ, якъ была она ворожбитка рекла, якож и потомъ, коли Трыщанъ прышолъ к лѣтомъ, прышолъ изъ своею дружыною и вбилъ князя изъ Норота своею рукою и сказилъ город ихъ, иж тамъ камень на камени не остал.

А кгды корола богаре видели мертва, ѡни не вѣдали штобы мѣли вчынити, рекли межы собою: Ни ѡдинъ панъ не естъ так зле въстережонъ ѡт своих ꙗкъ нашъ ѡт насъ. И Трыщан плакал много со всими людми своими, и прыправили носило на два кони и понесли корола. А коли были близко города, и люди зъ города вчынили великии плач и жалост по немъ и погребли почестно ꙗк слушыт на такового пана.

И коли то увидел король Марко, почал много мыслити ѡ том. И пришолъ к нему ѡдинъ хлопец, которыи болшеи вѣдал нижли иные люди по Мерлину и все што мает быти, и для того єго корол большеи любилъ. Рек королю: Мысль борздо, хочет твои сестренец Трыщанъ учынити тебе велми жалостна. Рек король: ꙗк то може быти абы Трыщан к тому рыцэрству прышол? Рек хлопец: Маєть на то прыити пж на свѣте не будет рыцэра над него. И король умолкъ. И Говорнар, которыи был велми мудрыи, бачыл, што мачоха єго еще ненавидит пж бы сѧ єи там земла ѡстала, и ѡтведъшы єго проч и рекъ: Мои добрыи прыятелю и сыну, твоѧ мачоха тебе велми ненавидит и мыслит тебе вморыти, поедмо у Францыю потаи ик королю Перемонту, там сѧ навчыш мужству и будешъ человѣкъ знаменитыи, а коли розвѣдают твою доброть, прыидеш на рыцэрство, тогды поедешъ у Єлинос на свою ѡтчызну, нихто ти не будет смѣти рѣчы штобы тобѣ невдачно. Рек Трыщан: Мистре, гдѣ ми ты узвелиш, тамъ ꙗ хочу поехати, занюж не нахожу болшеи прыязни ни ув-одномъ человецэ ꙗко в тобѣ. Рекъ Говорнаръ: Нарадимо сѧ, поедьмо завтра по зоры. Заказал (стр. 14) Трыщану, и нарадили сѧ ꙗк было имъ потреба и взѧли з собою золота и серебра досыт и ехали тыи день до Францэи икъ королю Перемонту. Говорнаръ заказал Трыщану же бы сѧ не поведалъ хто а ѡткуль естъ. И Трыщанъ мовилъ: ꙗ радъ тебе слухати. А кгды прыехали до корола Перемонта, король его вдачне прынялъ и казалъ ему дати добрую господу. Трыщанъ почалъ рости и лѣпъшати и в малых днехъ пж сѧ ему дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы лепшеи надъ иныхъ, и всякое

его доброти не было ровни, а нихто такъ стропне не мог на кони седѣти такъ онъ.

И коли ему было дванадцат лѣт онъ былъ великое доброти и мудрости во всякои его речы, пание и панны и кождыи человекъ дивовали ся ему которые его видели, и кождая была пани и панна рада тому абы их Трыщанъ миловалъ.

Трыщан онъ тэж служыл дворно и почесно королю Перемонту, а король иншыхъ панатъ на дворе своемъ не ставилъ ни за што напротивку ему, а нихто тэж не знал его хто а откуль ест. И мѣлъ тот король одну дочку панну велми пекную, тая ся розмиловала Трыщана и мовила: Человѣчее око не видало такъ цудъного младенца такъ Трыщан естъ; и коли его гдѣ видела, очи ее и мысль не была инде, толко при нем. Такъ его миловала такъ сама себе и не могла ся домыслити, як бы мѣла к ласце его и къ милости прыити и с ним пополнити волю свою, и мыслила о том: Если ему дати знат, он к тому не прызволить, еще молод, не сквапит ся ку такои милости. Але коли бы ми ся обецал миловати мене, я бых ждала до его часу, и волѣла бых его ждати нижли быти королевою наибольшою наибольшого королевства. Але бою ся иж не всхочет дла молодости и несмѣти будет [дла] отца моего того вчынити.

И нѣкоторого дня она седела на впокои в одной коморе и казала къ собѣ [позв]ати Говорнара и рекла ему: Пане Говорнаре, я милую твоего Трыщана большеи нижли себе, прошу вас за то, прыведи его на то абы он мене миловалъ. (Стр. 15) Если бы он того вчынити не хотѣл, прыправлю его къ великои легкости. И Говорнаръ то слышалъ и засмутилъ ся и не вѣдал штобы мѣлъ с тымъ вчынити, и мыслилъ не малую филю: если бы Трыщанъ мѣлъ то вчынити, а король бы ся того довѣдалъ, каралъ бы его непочестне. И отказалъ ей: Добре милостивая королевна, для вашеи милости то вчыню, буду то ему мовити иж бы он твою волю пополънилъ, але онъ естъ молодъ, если ся такъ борздо не станет, не мей на него гнѣву. И она ему подаковала велми вдячно, и за тым Говорнаръ шолъ до господы и былъ смутен

и почалъ мыслити: Если Трыщанъ то вчынить, то зле, а не вчынивши тэж недобре. И мовилъ Трыщану: Што мыслишъ вчынити? Королевна тебе назбыт милуєт, єслибъ єси ее миловати не хотѣлъ, ѡна хочет сама себе уморыти. И Трыщанъ ему ѡтказалъ: Єсли ма милует збыточною милостью, та того не вчыню, нехаи збыток пры нем, бо та зрадцою пану своему быти не хочу за тую его ласку и почесност, которую ѡн мне чынитъ, а не знаючы мене, хто а ѡткуль єсми. Кгды то Говорнаръ слышалъ ѡт Трыщана, велми са тому дивовалъ иж в таковои молодости бачылъ на таковую почестность, бо ѡного часу толко было ему трынадцат лѣтъ. И єще єго Говорнаръ большеи коштовалъ в том и рекъ ему: Для чого не хочеш такъ цудное панны миловати? Трыщанъ ему рекъ: Цудност ее не может мене прывести ку зраде, а если бых к тому прызволилъ, так ты мнѣ в томъ раду додалъ, але тобѣ было мене ѡтводити ѡт того. И на завтреи королевна прызвала Говорнара и рекъла ему: Доведал ли са єси ѡт Трыщана? Ѡн рекъ: Трыщанъ вас милует дворною милостю, нижли того не хочэ вчынити што бы было ку зраде ѡтцу твоему. И рекла королевна: Такъ ли са Трыщан со всимъ ѡт мене ѡтнесл? И пошла велми смутна, кленучы ден тот, в которыи са родила, и увошла в ложницу и плакала велми грозно. И ѡдного дна была ѡна в ложницы в розъмышленю ѡ милости Трыщанове, а тая ложница была темна, в которои была ѡна. Трыщанъ шол мимо в другую комору, не вѣдаючы што ѡна там єстъ. И ѡна его убачывшы выскочыла а въхватила єго за горло ѡбѣма руками и почала цаловати и миловати, а ѡнъ, боечы са (стр. 16) же бы єго хто не вбачыл, и почал ее ѡтъ себе ѡтпихати ѡбѣма руками. Ѡна то ѡбычавшы, иж того мѣти не может чого хотѣла, заклыкала великим голосомъ. И почувшы рыцэры королевы и король не познал, что єго дочка, и побегли тамъ рыцэры королевы и застали, а ѡна за горло Трыщана держыть и почала жаловати са: Панове, Трыщан ма хотѣлъ зкгвалътовати. И ѡни поимали его и прывели до корола, поведали, что видели и

слышали ѡт панъны. Король засмутилъ сѧ велми и рек: ѩ тебѣ честую ѩкож ест ѩвно всимъ людемъ, а ты прыводишъ мнѣ ганбу а тым собѣ смерть дѣлаешъ. И казалъ его вкинути в темницу. А Говорнаръ в тот час был на господе и доведалъ сѧ, што Трыщанъ естъ в темницы, и был ѡ том велми жалостен, рек самъ к собе: ѩ есми загиб, нигдѣ не мам веселѧ, а ѡ собѣ не вѣм што ми будет.

И шолъ Говорнар до короля, и которые его стречали, тые его соромотили говоречы: Так ли еси вывчил Трыщана? ѡн тепер впал въ зло. А Говорнар шол молчъкомъ и прышол перед короля и прыклекънулъ на колене, рек: Пане, для Бога змилуи сѧ, выслухаи речы моее! И корол мовилъ: Говоры. И Говорнаръ рек: Пане, буд тое почестно заховано, навпокои хочу вамъ поведати. Король шолъ в одну комору, а Говорнаръ за нимъ и сказал ему все по раду, ѩкъ ест королевна розмповала сѧ Трыщана и мовила ему въ своеи речы посылаючы до Трыщана, и ѩкъ еи Трыщанъ ѡтказалъ.

Король то слышалъ и не почал великого сэрца мѣти на Трыщана, нижли еще в том во всем Говорнару не доверал, и рек: ѩ того хочу скоро доведати сѧ; если будет правда, тогды будет прост, а если будеть виненъ, хочу ему вчынити ѩко винному.

И пошолъ Говорнаръ ѡтъ короля. А корол послалъ по дочку свою и рек еи: Дочко моѧ милаѧ, што мыслишъ с Трыщаном? ѩ ему хочу зло вчынити, а твоеи легкости помстити. И королевна иного не смѣла речы, леч мовила: Государу, справедливе ест, нехаи кождыи ѡзметь по своим дѣлам. И рек король: Дочко, если ты въсхочеш, ты будешъ ему жона, а если не всхочешъ, ѡнъ будет мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и позналъ король иж не естъ панна непрыятель Трыщану, и казал прывести Трыщана (стр. 17) и Милиенца дадковича ее, которыи недавно человѣка забилъ. А кгды прыведены перед короля, король взал мѣчъ, рек: Дочко, видишъ тых двухъ млоденцов, которые мают померети, але ѡдного хочу пустити; которого ты

усхочеш, и ты пусти кого твоа вола ест, а другии нехаи умрет. Жна не вмѣла што вчинити, и мыслила сама в собе: Єсли пущу Трыщана, будеть королю жаль Милиенца, єсли пущу Милиенца, тогда моему намилеишому Трыщану вмерети. И замолчала, и король позналъ иж жна милуеть Трыщана, и еще ее больш прыстрашыл и рекъ: Дочко, жзми кого вола твоа будет. Жна боечы сѧ жтца рекла: Пусти моего брата Милиенъца. Рек король: Тогды ест Трыщану вмерети. И взал Трыщана за верхъ головы и замахнул мечом, рекъ: Маю тати. И жна тое видевшы не могла втерпети и рекла: Государу жтче, пусти ми Трыщана а з Миленцомъ чыни, што хочэшъ. И король реклъ: Узала єси Милиенца, а Трыщанъ мусить умерети. Жна рекла: Пане, каю сѧ, волю Трыщана, а з Милиенцомъ чыни, што хочэшъ. Реклъ король: Взала єси Милиенца, а Трыщан мусить умерети, которыи естъ велми винен. И замахнулъ мечомъ, ѩкобы голову ему стати; и жна прыскочывшы и защытила его рукою и рекла: Пане, не забі Трыщана, але забі мене. И реклъ король: Инакъ не можэ быти, ждно Трыщана мушу стати. И королевна рекла: Пане, дай мнѣ мѣчъ, нехаи ѩ его убью. И король ей далъ мѣчъ, жна посмотрэвшы на Трыщана рекла: Пане, албо пусти Трыщана, альбо хочу сама себе убити тымъ мечомъ. И реклъ ей король: Чому ты так милуешъ Трыщана? Жна рекла: Большеи его милую нижли сама себе, а коли ты его убъешъ, ѩ хочу сама себе убити. И король реклъ: Дочко, ты мѣи Трыштана. А затымъ реклъ Трыщану: Ты вжэ правъ. А Трыщан подаковал королю и королевне велми покорно (стр. 18) и пошол у великии палац. Коли Говорнаръ увидялъ Трыщана, жн былъ велми весел и пытал его: ѩкъ та корол пустилъ? Трыщан ему поведил все по раду ѩкъ сѧ што чынило. Рек Говорнаръ: Колиж єси простъ, би чоломъ королю абы та жтпустилъ, иж коли не вчыниш на волю панны абы ти чого злого не вчынила. Трыщанъ рек: Учытелю, ѩкъ сѧ тобѣ видит гдѣ быхмо мѣли ехати? Рекъ Говорнар: Болеи ми сѧ видит абыхмо ехали у дворъ короля Марка дадка твоего, а єсли сѧ усхочешъ таити, не может та нихто познати,

иж єси много прыросъ отъ тых часовъ, якъ есмо изъ Єлиноса выехали, и можеш тамъ служити до коле ти ся будет час пасати на рыцэрство, а коли усхочешъ пасати ся, король та своею рукою пашеть. И рекъ Трыщанъ: Будь якъ ты велишъ. И назавтреи прышол Трыщан перед корола и вдарылъ чоломъ и рек: Хочу поехати у свою землю. И покорно подаковалъ королю и добрым людамъ на ласцэ, и король єму подаковалъ на єго вернои службе и обецал єму свою прыязнь. А коли увидела королевна, што Трыщанъ едет проч, она была збытне смутна и послала єму иноходника и выжла одным пахолкомъ. Трыщан обецал дар оному пахолку, чого будет просити. Онъ рекъ: Пане, хочу коли будеш рыцэром, абыс ма пасалъ. И еще королевна послала ку єму просечы: Пане, дан ми свои мечъ, абых єго помиловала. И Трыщан єи мѣчъ послалъ, и она рекла: Волю умерети после меча Трыщанова нижли быти наболшою королевою. И проколола ся на томъ мѣстцу. А Трыщан поехал съ Францэи ик королю Марку из Говорнаромъ и вдарыли єму чоломъ, и рек Говорнар: Милостивыи королю, то естъ пане прыехал тобѣ служыти абысь єго пасал своєю рукою на рыцэрство. Король єго прыналъ весело, обецал ся єго пасати коли онъ усхочет, а не познал єго. Трыщан служыл дворно и цнотливе, и хто єго видел, кождыи ся дивовалъ што ест за пане. А потомъ Трыщан велелъ себе пасати, и король казалъ прыправити што потреба рыцэру, и прыправили велми почестно. Трыщан былъ у церкви, а на завтреи єго король пасал: и тутъ было много людеи добрыхъ, хто єго виделъ, кождыи мовилъ: Не видали есмо лепшого рыцэра. Будучы єму на томъ весельи, (стр. 19) прышли чотыри рыцэры изъ Оръленд эи ик королю Марку и почали мовити без поклона: Королю, к тобѣ насъ послал добрыи рыцэр Амурат изъ Оръленд эи говоречы: Дан дань, которую твое продки давали моимъ продкомъ ис Корновали ув-Оръленд эю, абы была готова днеи до десети. Єсли дасте, мы прыимемъ мир, а если не хочешъ дати, вѣдан тое иж у малых днехъ не останеть тут надь земли штобы не скажона.

Слышалъ то король Марко и престрашыл сѧ назбыт и не вѣдал што ѡтказати. А Трыштан выступилъ и стал передъ королемъ и рек посломъ: Ходите сюды, которые есте такъ зуфалое посэлство прынесли, поведаите вашому пану: ачколвек нашы продки з немудрости своее до вашого королевства дань давали, але тепер ее вже не ѡзьмешъ, а если вашъ панъ король арленъдэиский хотѣлъ бы ее мѣти, нехаи прыидет а ѡзметь через мѣчъ на поли, а инак ее не может мѣти, а ѧ готовъ ѡтнати ее моею рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? И король рек: Коли ѡн хочеть взати тую битву за корновалскую свободу, говору и ѧ. Рекли послы Трыщану: Хто естъ ты? А ѡнъ рекъ: ѧ естъ гость, а имѧ мое Трыщанъ. И ѡни рекли: ѡтпусти намъ, Амурат не будет сѧ съ тобою бити если не будешъ великого роду чоловѣкъ. А Трыщанъ рек: Дѧ того тая битва не ростанеть: хотѧ ѡн ест королевичъ, а ѧ сын короля Мелиадуша елиѡноского, а племенник есми короля Марка. Тапл сѧ есми досель, тепер сѧ тапти не могу. И послы ехали проч борздо и споведали королю Амурату што им ѡтказал, и ѡнъ рекъ: Хто ест, которын тую битву взал? Ѡни рекли: Сын естъ короля Милиадуша, племѣнъник естъ короля Марка, ѡн ново постановленъ рыцэром, але есмо не видали так цудного рыцэра, иж ѡн самъ взалъ битву безъ намовенья. И рекъ Амурат: Ѡнъ будет каати сѧ, новын рыцэр новую смерть хочет взати. Нарадили есте тои битве где быти? Ѡни рекли: Нѣ; ѡнъ рекъ: Поидите ѡпатъ и направъте, того не хочу ѡткладати. И рек Гарнот: ѧ вамъ вчыню дружбу, иж того рыцэра (стр. 20) увижу кого такъ фалатъ. И ѡни ехали морем и сухом и прышли в Корноваль ик королю Марку и поведали речы короля Амурата. Рекъ король Марко: Лепѣи нехаи будеть битва таѧ ув-острове Самсоне, ѡни два поедуть кождын у своемъ судне, и кождын будет собѣ морнаръ. И нарадили битву за две недѣли.

И послы прышли къ Амурату и поведали ему иж нарадили битву ув-острове Самсоне. Рекъ Амурат: То ми ест мило,

И рекъ Гарноту: Виделъ ли ты того рыцэра? Онъ рек: Видел, и коли быс хотѣлъ моее рады слухати, ты бысь оставил тую битву а вчынилъ бысь мир межы вами, бо коли ся вы два соимете на той битве, не може быти без великое печали, иж коли тобѣ што будет, то великая шкода ув-Орленъдэи будет, а коли ся ему што станет, великая шкода всему свѣту будеть, иж онъ не будеть такии штобы дома мешкалъ. А у мое дни не виделъ есми лепшого рыцэра, а коли дондет лѣт, будет великое доброти. И рекъ ему Амурат: Мир не може быти если ми не дондеть дань готова. И почалъ ся направлати.

А король Марко и Трыщан и вси рыцэры, панны и панне корновальские ходечы у цэрковъ молили ся богу, абы имъ бог помогъ и збавилъ ихъ отъ Амурата.

Трыщанъ направилъ ся што было ему потребно, а на завтреи Трыщан мъшы слухал и шол у гостилницу у блахахъ и во всеи зброи, и вси панове шли против его.

И король Марко рекъ: Сыну мои милыи, чому-с ся так отъ мене таилъ? Коли быхъ та зналъ, хота бы ся вса Корноваль пороботала, не далъ быхъ ти бити ся, иж если тобѣ што ся станет, а николи не мам веселья. Трыщан рекъ: Пане, не страшы ся, ачеи нас бог не забудет своею ласкою, и надею ся иж намъ даст бог почстенье и свою помоч. Тогды прышла вѣсть што вже Амурат ув-острове Самсоне; Трыщан рекъ: Даите ми гелмъ. И дали ему добрыи гелмъ, (стр. 21) и самъ корол повезал ему и поправил всю зброю и огледал и потвердилъ, и прывели ему доброго фреза. Трыщан шол въ лодию и борздо стал ув-острове. Амурат его бачылъ, дивовалъ ся якъ смѣлъ взати битву противъ него, а Трыщанъ коли прыстал, одопъхнул свою лодью на воду. И пыталъ его Амурат: Чому еси одопъхнул лодью? Рек Трыщан: одному з нас проч попти у твоеи лодьи, а другому тут остати. И Амуратѣ тую речъ прынал за мужство и волѣлъ бы его не пытати, што ему мудре отказал. И рекъ Амурат: Покынь тую битву, бо не рад быхъ та загубилъ, хочу та держати якъ моего то-

варыша, а миловати ѩко брата. И рекъ Трыщанъ: ѩ битву покину коли дань ѡтпустишъ корновальскую, а єсли не хочешъ, ты сѧ би. Рек Амурат: Готуи же сѧ къ битве. И Трыщан рекъ: На то єсми прышол.

(Битва Трыщанова зъ Амуратэмъ) И всѣли оба на кони и вдарыли сѧ так моцно, абы их добраѧ зброѧ не ѡдержала, ѡба бы были мертвы, и древа поламали и ѡба пали с конми на землю и в тотъ час ѡба скочыли на ноги ранены. Трыщан былъ ранен у стегно кгроткем ѩдовитым, Амурат был раненъ бэзъ ѩду. И взѧли мечы и почали сѧ рубати велми моцно велик часъ удараѩ ѡдин другого, и ранили сѧ на много мѣстъ, и познали ѡдин другого иж естъ велми добрые рыцэры. Амурат внимал о собѣ, што ѡн болшын есть на свѣте, а коли виделъ Трыщана, ѡн мѣлъ страх ѡтъ него и ѡба сѧ втомили, што инакъ не могло быти нижли одному тут ѡстати, и длѧ того кождын сѧ змогал на вдарцы, и вси которые ихъ видели, дивили сѧ великимъ дивомъ. И бившы сѧ ѡтступилъ ѡдинъ ѡт другого уклонившы сѧ на щыты.

Амуратъ рекъ: Єсли Трыщан у другое прыидеть у такои моцы, ѩ не могу ѡт него стерпѣти, иж бачыл его напбольшого рыцэра. И коли ѡни ѡпочыли, Трыщан скочыл и почал рубати велми з высока мечом и почалъ покрывати сѧ щытомъ и мечом. Амурат вже не могъ, и видел то Трыщан, розсерѣдитил сѧ и вдарыл его моцно поверхъ гелма колко могъ и ростлъ ему гелмъ и голову до мозкгу, и ѡстал ему вломокъ меча в голове. Амурат чул сѧ раненъ смертною раною и покинувшы щыт и мѣчъ и побегъ до лодьи и прыидеть (стр. 22) къ своєму великому судну и къ дружыне, которые єго ждали. Слуги єго прынали велми смутно и вложыли єго в судно. И рекъ: Идѣте борздо; и почали сѧ ѡтпихати плачучы. А корновалцы, которые того гледѣли, почали кликати: Злаѩ вам дорога, ѡто вамъ дань. Рекъ король Марко и иные корновальцы: Бог дал нам почестность и Трыщанова доброть. Видевшы єго ѡдного ув-острове пустили сѧ к нему много людеи, нашли Трыщана

велми ранена и велми слаба ѡт крови, што его кров сошла и не мог на ногах стоѧти; але иные ему раны не так шкодили ꙗк тая, што въ стегнѣ, што был раненъ кгроткем ꙗдовитымъ. И ѡны его повезли на краи.

Король прыступил и прышълъ Трыщана, почал цаловати и миловати и рекъ ему: ꙗкъ сѧ чуешъ? Трыщан рекъ: Велми ест ранен есми, а коли даст богъ, могу быти здоровъ. И король его повел въ цэрков дати фалу богу, а потом его повел на палац з великим веселемъ и играми, иж были ѡсвобожени Трыщаном ѡт роботы.

И потомъ Трыщан прышолъ до господы, розболѣлъ сѧ ѡт раны ꙗдовитое так силно, иж ледве стерпелъ; и прышли лекары и прыложыли мастеи што налепшыхъ, и скоро былъ здоров ѡто всих ран крома тое, которая была ꙗдовитая, тое не могли злечыти, и што коли прыкладали къ ѡной ране, то все нычого не помагало, и не розумѣли, што прыкладати к той ране, которая его велми мучыла. Ѡдное ночы Трыщан велми сѧ мучыл вразивши сѧ в оную рану, и нихто прыступити к нему не смѣлъ, толко Говорнаръ, тотъ николи не ѡтступал ѡт него никуды и плакалъ видечы пана своего пры смерти, иж не было человѣка, хто его первеи видел, абы его мог познати. И король почал плакати велми грозно и люди добрые вси плакали ꙗкобы имъ мѣлъ сын або братъ умирати: О Трыщане почестный и добрый рыцэру, цудная молодости, кол дорого купилъ еси свободу коруновальскую! Мы ѡставуем весели, а ты вмираеш ѡкрутною смертью!

И будучи Трыщан на своеи постели самъ а пры немъ ѡдна невѣста, которая прышла гледѣти ꙗкъ ест немоцонъ, и почала плакати велми жалостно и рекла: ѡ Трыщане, ꙗ сѧ тобѣ дывую ꙗкъ ты (стр. 23) не мыслиш самъ о собѣ, ꙗкъ быс могъ напти ꙗкое лѣкарство в-ыншои земли! Ведь еси коштовал во всеи Корновали доброго лѣкара нѣт! Рекъ Трыщан: ꙗ не могу на кони седѣти аки на носилицахъ нести сѧ. Она рекла: ꙗ тобе не могу порадити, навчыть тебѣ тот, которыи небо и землю сотворыл. И Трыщан рекъ Говорнару: Узнеси мѧ на палацъ, съ которого

на море видно. И Трыщан гледѣлъ великии час и рекъ Говорнару: Позови ми короля Марка. И король прышол и рек: Сыну, чого ма єси звалъ? И рекъ Трыщан: Прошу та, пане, дай ми одну реч, которая тобѣ немного важыти будеть. Рек король Марко: Хота бы и много важыла, тогды я на твою волю вчыню, и нѣт того чого бых я для тебе не вчынилъ. И Трыщан ему за то покорне подаковалъ: я, пане, лекара у сеи земли не могу найти, тепер єсми терпел много и вижу добре, што са моя смерть прыближыла. Хочу попти ув-ыншую землю по свѣту, наради ми доброє судно и поставъ што ми такъ потреба в немъ, стравы и питьа и одно легкоє ведро, которое бы могъ один чоловекъ долов спускати, и покрыи ми єго добрым сукномъ для дождчу и для вѣтру: хочу са пустити по мору, кгды ми Фортуна прынесеть, ачеи ми са гдѣ лѣкар найдеть к той ране, от которое умираю; єсли пакъ са не найдеть, тогды я мертвъ. Рекъ король: Сыну, якъ хочеш поити будучы так немоцон? И рекъ Трыщанъ: И хота пакъ умру тамъ, однакож и тут умру, а коли будеть божья вола, яно ма море и вѣтръ къ Фортуне прынесеть. А коли будет судно готово, вложы ма в него и дай ми мою аръфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми тугы и болести легъчало.

И король Марко то слышал, почал плакати велми смутно, и не мог ему долъго отказати за слезами. Отрезвевшы рекъ: Сыну Трыщане, пак ли ма хочеш оставити со всим? И Трыщан рекъ: Пане, инак тепер не может быти, а кгды найду лѣкара и буду-л здоров, обецую ти са вернути засе у Корноваль. И коли король видел, што инакъ не може быти, он ему казал направити судно почестно, якъ самъ Трыщанъ росказал, и поставилъ въ нем што было потреба Трыщану всего досыть, и коли было готово, велѣлъ єго увести у судно велми немоцного. И видевшы то корноваленe почали плакати (стр. 24) велми жалостно, а король со всими велможами своими плакали безъ перестанна. И коли Трыщан тоє видел, и было ему велми жаль и отопъхнул са от краю боръздо, и напали парусы, и былъ имъ

вѣтр вправныи а шли боръздо, а не ведали куды идут. И так шли два дни, и прыгнала его фортуна в Орленъдэю подъ один город, въ которомъ былъ король Ленъвизъ. Тот мѣлъ в себе жону сестру короля Амурата, котораго убилъ Трыщанъ, и мѣлъ в себе дочку на имя Ижоту. Она панна велми знала лекарство от ран, и не было тое раны, которое бы не могла злечыти. И коли Трыщан былъ на краи мора перед замком, онъ с того былъ велми весел и взял аръфу и настроплъ и почалъ играти што нацуднеи могъ.

Король Ленъвиз виделъ с палацу и прыступил ближеи и слухал великии часъ, и было ему видет велми дивно иж так пудне и жалостне играл, а судно коштовно покрыто злотоглавом. И прызвалъ къ собѣ королевую, и она видела судно и слышала арфу и дивила ся много.

И рекъла королю: Прошу тебѣ, идѣмо видети онога дива. И пошли надолъ къ мору самидва и слухали аръфы поки перестал.

А коли Трыщан пересталъ играти, почал плакати и крычати от болести, которую мѣлъ. Прыступил корол и королева къ судну и видели Трыщана и поздровили его, и он имъ вернулъ поздровленє. И пыталъ Трыщан короля, незнаючы, што король: Прошу та, пане, котораа то земла, гдѣ есмо прыстали? Рекъ король: Вы есте в Орлендэи. Коли Трыщан тое чулъ, он большъ былъ немоцонъ отъ раны нижли первеи, што ся боял, если его познають, то он загибъ для Амурата.

Король спыталъ его: Прошу тебе, рыцэру, поведаи ми, откуль еси? Трыщан рек: Пане, я есми изъ Елионоса города а от земли обѣфитое, прышол есми немоцонъ отъ раны, не могъ есми наити лѣкара, терпелъ есми такиє муки и болести, бы на мою волю, давно бых рад умер, але коли пан бог не хочет, мушу терпѣти, а волелъ бых смерть нижли такии жывотъ.

Коли король слышалъ от Трыщана такъ говоречы, он над нимъ (стр. 25) мѣлъ милосердьє и вѣрылъ ему иж правду поведает. И рек король: если-с рыцэр? Рекъ Трыщан: Естэмъ. Рек король: Недбаи рыцэру, ты еси прышол в таковое мѣстцо,

где даст богъ будешъ здоровъ. Єст в мене дочка, што сѧ всякои ране домыслить лѣпшеи всих лекареи, а и вѣмъ, будеть сѧ она рада тобою печаловати для бога и для дворности. Трыщан ему подаковалъ велми дворно и покорне.

И король с королевою пошол до палацу, и нарадили ему господу в одноі ложницы и велелъ его прынести на гору в комору, гдѣ было наражоно ему мѣстцо, и положыли его тамъ. А потомъ король послал по дочку свою Ижоту, и коли прышла рек ей: Милаи дочко, попди со мною, погледи одного рыцэра гостѧ, которыи ест велми немоцон отъ раны, и печалуи сѧ имъ для бога и для мене и для доброе славы, ижъ бы былъ борздо здоровъ. Она рекла: и, государу, рада твоего расказаніа пополнити и буду сѧ працовати ижъ могучы. А так шла до Трыщана, а коли она видела рану, прыложыла одно зѣлье, што сѧ годило до раны. Тогды Трыщанъ въздыхнувшы от сэрца и от болести, которую мѣлъ, а королевна, котораи сѧ не стерегла а ни сѧ домышлала абы был яд в ране, почала его тѣшыти и рекла: Не страшы сѧ, рыцэру, єсли будеть божа помоч и тебе хочу вчынити боръздо здорова. Трыщан рекъ: О боже, коли бы то могло быти, быхъ и былъ здоровъ, не проспалъ бых бога болшеи десети днеи. Панъна прыкладала зѣлье, которое знала, а ему все на погорьшене шло; и почала Ижота клести сама себе и рекла: и не знаю што чынити, што бы ми потребно ку тои ране. И почала рану розъгледати, и прышло еи на умъ, што естъ рана ядовита, и рекла сама къ собѣ: Єсли не будет рана ядовитаа, мушу его покынути, иж ему не могу помочы. И велѣла Трыщана понести на слонцэ и почала съ пилностью рану розгледати. Рана сѧ почала скварыти, и рекла Ижота: Пане, и вижу добре, што ти рану казило, и што єси не могъ лѣкарства напти: желѣзо, которымъ єси былъ ранен, тое было ядовито, а того сѧ нихто не домыслилъ, а теперъ коли есми тое розбачыла, ты з божею помочю будешъ здоров. Трыщан о том былъ весел, а панна почала вабити яд из раны и почала знову лѣкарство прыкладати к ране, и у малых днех (стр. 26) познал Трыщан на

собѣ полепшэне, а не было его больше, толко кожа да кости. И до двухъ месецэи былъ Трыщан здоров, так хорош и легок, як перед тымъ былъ. И прышло ему на умъ абы ехалъ до Корновали што наборздеи, бо сѧ боял абы его не познали, и былъ у розмышлении.

И в тые дни прыехали три рыцэры отъ Округлого стола короля Артпуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул, и оные три рыцэры были великое доброти и великое славы; Кажынъ былъ меншого рыцэрства нижли тые два рыцэры, але был гордыи и мовныи, и прышли ув-Орленъдыю для оное панъны, которая мѣла замуж ити и для того велела кликати на турнаи. И прышло много добрых рыцэровъ: которыи бы рыцэр больш мужовал в томъ турнаю, тот ее поиметь, а если бы ее не хотѣлъ понати, и она ему маеть дати дар такъ много, што колкодесатъ рыцэров мают. И для того тые три рыцэры прышли ув-Орленъдэю. А знал их король Ленвиз и радъ их виделъ и веселил сѧ о них, и сели за стол, король и рыцэры. Коли видѣли Трыщана, нихто з нихъ его не позналъ; Гарнотъ его передъ тымъ виделъ, але сѧ рушыл Трыщанъ немоцю, и для того его не позналъ, але не было межы ними ни одного, которыи бы так цудныи былъ якъ Трыщанъ. А Трыщанъ позналъ Гарнота, скоро его успоменулъ, што он прыходил у Корноваль с послы короля Амурата, и для того больше сѧ боял, абы его не познали. А они на него пилне гледели, што сѧ он виделъ гость, и пытали о немъ короля, и король имъ поведал все по раду, яким умысломъ прышолъ изъ Елионоса, и нѣт на свете человѣка, хто бы его видел такъ немоцного, штобы не жаловал; але милостью божю и працою дочки моее Ижоты он естъ здоров. И тут о немъ много говорыли и пилне на него смотрѣли. А Гарнотъ прыступил къ Трыщану и отведъшы его проч, пыталъ его: Прошу тѧ, рыцэру, поведаи ми, если рачыш, хто еси а откуль? Рекъ Трыщанъ: я есми один гость, больше сѧ от мене не доведаешъ; прошу тѧ, не мѣи ми за зле. И на том его Гарнотъ оставилъ.

И рекъ король: Хочу поити на тот турнаи, але бы ма там не познали, прошу вас, не кажыте ма если хто васъ будеть пытати. Потомъ король спыталъ Трыщана: Рыцэру, якъ са чуешъ? Трыщан рекъ: Добре по милости божеи. Для чого ма пытаешъ? Рекъ (стр. 27) король: Если тобѣ треба зброи и кона, а тобѣ дам и млоденцов, хто бы тобѣ служыл. Трыщан рекъ: Пане, не сстэм у моцы моеи, не смѣю много працовати са, а коли ты въсхочеш ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо оружье, иж чоловѣкъ не вѣдает, што са ему гдѣ прыгодит. Рекъ король: Будь то на твою волю якъ ты велиш, але ми са вельми хочет абы ты ехал со мною. Трыщан ему обецал, а на завтреи поехал къ турнаю, и стрѣтил их Гававн, племѣнъник короля Артиуша, а за нимъ одинъ юнак, которыи ему носил щыт и сулицу, а то был тот юнакъ, которыи даровал находника и выжла от дочки короля Перемонта. И тот виделъ Трыщана, позналъ его, прыступилъ, почал Трыщану ноги цаловати. И Трыщану былъ страхъ, што его млоденецъ открыеть. И рек ему Трыщанъ: Поити хочу, не поведаи ма жаднои жывои душы. Он рекъ: Пане, о том не дъбаи, але прошу та, даи одинъ дар с твоее ласки. Трыщан рек: Готов ти ест, если такова речь, котораи са може дати. Рек юнакъ: Пане, велика ласка, вѣдаешъ ли што ми еси обецалъ, даи ми. Рек Трыщан: Не вѣмъ. — Рекъ ма еси поставити рыцэром коли есми тебе даровал инаходникомъ и выжломъ от Перемонта короля дочки. Але, пане, хотѣл бых, штобы ма еси завтра насал. Рек Трыщан: Будет такъ, якъ есми тобѣ обецалъ. Потомъ Трыщанъ спыталъ: Хто ест оныи рыцэр, которого ты оруже носишъ? Рек юнакъ: То ест панъ Гававн, племѣнъникъ короля Артиуша, он ма обецал поставити рыцэром коли и усхочу, да коли есми видел твою милость, и волю быти рыцэр от твоее руки. Рек Трыщанъ: якъ ты хочешъ, да прошу та, поиди опят къ пану Гававну и понеси ему древо и зброю, што можеш, для его кашталанства и дворности, рыцэръства а заса для твоеи дворности. Рек юнак: Нехаи, пане, так будеть якъ ты велишъ. И взал он в него зброю и поехал за

ним. И спытал его Гаваѡн: Што то за рыцэръ, кому сѧ ты такъ умилно поклонил? Рек ꙗнак: То ест ѡдинъ гость, але велми храбръ. Рек Гаваѡн: ꙗкъ єму имѧ? Рек ꙗнак: Пане, тепер сѧ того не можешъ довѣдати. Гаваѡн ѡставил тую реч.

Король поехалъ з малою дружыною и нихто его не позналъ, (стр. 28) и Гаваѡн его не позналъ иж и перед тымъ єго не видал.

И спыталъ король Трыщана: Вѣдаєш ли што то за рыцэр, которыи сам ѡдин едеть? Рекъ Трыщанъ: То єст Гаваѡн, племѣнъникъ королѧ Артиуша. Рек король: ꙗ слышал ѡ немъ, ѡн естъ дворен панѧм и паннамъ. И ехали посполе в товарышстве, корол сѧ не далъ знати Гаваѡну. Коли было ближеи къ вечеру, стрѣтилъ ихъ рыцэр, которыи носилъ чорныи щытъ безъ знамени и с нимъ были пахолки два; рыцэр ехалъ велми строино и дворно и носил два мечы. Коли прыехалъ ближеи, рекъ Гаваѡн: Видите-ль вы того доброго рыцэра? Король рекъ єму: ꙗкъ ты єго доброт знаеш? Гаваѡнъ рек: Ни ѡдинъ добрыи рыцэр не смѣєт носити двух мечов, єсли бы сѧ не билъ зъ двема рыцэры; по том познати доброго рыцэра, иж за их великую смѣлость ѡни носѧть два мечы. Рек король: На мою вѣру великую рѣчъ взѧлъ тот рыцэр на себе; да прошу тебе, коли бы сѧ нашол рыцэр самъ собою же бы єго добылъ, што бы вчынил ѡ томъ? Рекъ Гаваѡн: Пане, если бы сѧ нашолъ рыцэр самъ собою, которыи бы не был изъ Лондреша, ѡн бы терпелъ не носить оружѧ цэлыи год за соромы, а коли бы єго побил рыцэр изъ Лондреша або которыи великии рыцэр, ѡн бы ѡткинул ѡдинъ мечъ, а другий бы носилъ, иж сут з Лондреша наиболшыє рыцэры. Коли король то слышалъ, рек: Тепер быхъ не ѡставил за великую рѣчъ, абых не ведел тот турнаи и того доброго рыцэра. И тую ночъ стоꙗлъ близко турнаꙗ десет миль ув-одномъ замку. И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцэром, и былъ храбръ и великое доброти и был товарыш ѡт Ѡкруглого стола великое доброти; и засѧ с прыгоды забилъ его Трыщанъ своєю рукою не знаючы иж ѡн стоꙗлъ за Паламидежом, которыи велми миловалъ цудную Ижоту. А тому рыцэру было

имѧ Бербешъ. И назавтреи рано прышол король къ турнаю; Трыщанъ ѡного юнака поставившы рыцэремъ, дал ему конь и зброю и поехали къ турнаю, которыи сѧ былъ собралъ на ѡдном болоте подъ замком. А тот турнаи былъ посполитыи.

Прыехали тут два короли, король Іанишъ из Локви, а другии король (стр. 29) Артиуш з Лонъдреша, [а третій король], которыи мѣлъ в себе сто рыцэров. И тот служыл прынчипу Галиѡту а держалъ западные ѡстровы. И коли былъ тот турнаи в Орлендэи, того лѣта Анъцалот поставил сѧ рыцэром.

И коли сѧ злучыли обе стороне вмѣсто и тут указали ѡдны другим сулицы, и была битва велми густа и велми моцна, и тут рыцэры падали с конеи на землю. А было десет рыцэровъ ѡт Ѡкруглого стола, тыс держали ѡдну руку против корола Іаниша из Локви и чынили ѡни великое чудо, прогнали много рыцэров. Гарнотъ а Иванъ, сынъ корола Урыѧна, а Гавaѡн, Геешъ и король Бэндемагул, Дондпелъ, Согремор, Гвирешъ, тыс рыцэры были велми добрые. И коли сѧ ѡни пустили в тотъ турнаи, ѡни вчынили великое чудо в малом часу, и вси не могли против ихъ стрывати и держати поле, а были бы побиты, коли бы не было доброго рыцера з двема мечы и с чорнымъ щытом. Коли ѡн вдарыл з другое стороны турнаи и почал чынити великое чудо, єсли бы человѣкъ не виделъ, не могъ бы тому вѣрыти: ѡн почалъ здирати гелмы з рыцэровъ и метати с конеи по земли, и вси, которые єго видели, мовили, што ѡнъ добыл сего турнаѧ; и дла єго рыцэрства вси злякли сѧ и не могли стрывати против его. Гавaѡн былъ ранен двема ранами, а Гарнотъ мѣлъ тры раны, а Иван также, и все мѣли раны тажкие и звалены были с конеи. И коли король пзэ стома вытезми видел себе побитого, ѡн былъ такъ жалостенъ, што мало не встек сѧ, бо ѡнъ миловал красную Ижоту всимъ сэрцэмъ и боѧл сѧ абы ѡна того не довѣдала сѧ, и мыслил ѡ томъ такъ бы сѧ мъстил. Дла того послал волати по всим сторонамъ, нехаи будет опатъ турнаи до десатого днѧ, бо мыслилъ прыехати ѡпатрно и нарадно лепшеи нижли перво.

И коли был волан турнаи и было слышати усим, и розъехали сѧ вси [и] король Ленвизъ, абы сѧ справили къ другому турнаю. И коли видел король [С]госки, што с чорнымъ щытомъ рыцэр тотъ турнаи добыл, юнъ его прынял у великую любов. Поломидеж поехал ув-Орлендэю говоречы тот турнаи почстене Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлъ на сэрцы и мыслил ꙗкъ в том другом турнаи мѣлъ бы сѧ з нимъ росправити с тым рыцэром с чорнымъ щытомъ и з двема мечы. (стр. 30) И вступил въ храброст против Поламидежа и гледѣлъ на него злыми ючыма, иж сѧ ему видело, што юн чынить великии сором рыцэромъ; для того Трыщанъ на него мѣлъ гневливое сэрцэ и мыслилъ ему зло на сэрцу, што видел его так красного рыцэра и годного по всему добру. И такъ сѧ ему видело, ижъ юн хочет мѣти Ижоту и юна его милует со всего сэрца, и почали сѧ з нимъ непрыязнити и немповати межы собою Трыщанъ и Паламидежъ. А в том Ижота не знала а ни сѧ не домыслила жебы юни ее миловали. И была в нее служебница именемъ Брагина, красна и мудра, юна сѧ домыслила иж юни юба милують Ижоту. И некоторого дня Брагина рекъла Ижоте здворки: Господарыне, будь то за куншть, если бы тебе миловали тые два рыцэры, которого з них бы ты хотѣла миловати, Паламидежа албо нашого рыцэра, занюж юни юба тебе милуют? Ижота розсмеꙗв сѧ рекла: ꙗ им милости заборонити не могу коли сѧ мое сэрцэ к нимъ не юбернеть; а коли бы на тое прышло, волѣла бых прыстати къ Паламидежу, бо юн ест большии рыцэр. Коли бы нашъ так рыцэр былъ добръ и такого врожена ꙗкъ по нем бачым, юн бы былъ наибольшын и наицуднепшын рыцэр. И все тое говорене слышали юни юба, Паламидежъ и Трыщан, седѣли в однои коморе. И коли юни вышли вон, Трыщанъ пошолъ на юдно болото гулати и почал мыслити, иж его милост къ Ижоте нудила. Рек самъ къ собѣ: ꙗ не могу прынти на досконалост красное Ижоты если не юборонюю пыхи Паламидежовы, а того не могу вчынити без доброго кона и без доброи зброи и безъ великое трудности и працы, кгдыж естъ Паламидеж

отъ добрых рыцэров. И так въ жестоком сэрцы пребывалъ Трыщан ажъ до турнаа.

И коли король хотѣлъ поехати в турнаи и спытал Трыщана: Хочеш ли ты поехати в тот турнаи в нашо товарышство? И он ему рекъ: Єще сѧ, государу, в силе не чую. Король ему увѣрылъ и на том его оставил; а то так дѧ того отказалъ, хотечы поехати по турнаи ѩк бы его не познали. И в третии ден король поехал къ турнаю з малою дружыною, а Трыщан осталъ велми печален, иж не вѣдалъ ѩк бы могъ пополънити што мыслил.

(Стр. 31) Будучы он в тои мысли, прышла к нему Брагина, котораа его велмилю била, а рекла: Пане, што мыслишъ? Трыщан рекъ: Панъно, коли быхъ вѣдалъ иж ми можеш помочы в томъ моем мышленью, ѩ быхъ вамъ поведал. Она сѧ ему обецала: Што буду могла. Он рек: Панъно, ѩ бых поехал к тому турнаю, бы ми был конь и зброа. Она рекла: Чему-сь посполъ с королемъ не ехал? Рек Трыщан: Хотелъ бых поехати потаи ѩкъ бы мѧ не познали. И рекла дѣвка: А зась дѧ того осталъ? Трыщан рекъ: Запсте дѧ того. Она рекла: Не тужы конемъ и зброею, дѧ того не останешъ што бысь не былъ в турнаю. Трыщан ей подаковал велми ласкаве, а потомъ рек: Моа милаа панно, печалуи сѧ мною, ѩ бых не хотѣлъ мешкати. Она нашла доброго коня и добрую зброю безъ другого знамени, и дала ему свои два браты, абы ему служыли. Трыщанъ поехалъ, а Брагини проспл, абы его никому не поведала, и поехал скровно, и засталъ много рыцэров отъ многихъ сторон в турнаи.

И коли там вбачыли Трыщана, вси хвалили, которые сѧ на то гаразд знали, иж стропне на кони седѣлъ. Сталъ на одной стороне против всих рыцэровъ гледечы што сѧ будеть чынити. И тогды прыехалъ Паламидеж в тои зброи и в том знамени, в которомъ перво былъ, велми пышно. Коли его видел Гаваон, погледевшы на великие рыцэры, и рекъ: Тепер маете што видети, што будет чынити добрыи рыцэр, и варуи сѧ каждыи вдарцу его.

Гарнот рекъ: Єще єсми не видел ровни ему на свете. И онъ почал таковое чудо чынити, што не было рыцэра в том турнаи, которыи бы не мѣлъ страху от него, и збилъ много рыцэровъ, поехал по турнаю на лѣво и на право великое чудо чынечы, и не нашолъ сѧ рыцэр, которыи бы смѣлъ дождати его. Король Ленвиз и король из стома рыцэры и вси великие рыцэры, которые перво поле деръжывали велми добре рыцэрскимъ обычаем, и наконецъ прышло им оставити поле, хотѧ и не хотечы, перед Паламидежом. И Паламидеж стал у томъ почстеныи, а вси почали кликати: С чорнымъ щытом и з двема мечы другии раз добыл турнаѧ.

(стр. 32) И коли Трыщан тое чулъ и видел, реклъ: То ест Паламидеж. Познал его знаме и рек: Дапте ми гелмъ, з добрымъ рыцэром хотѣлъ бых сѧ на поли видети. И рыцэры вси к нему кинули сѧ, и каждыи з нихъ давал ему свои гелмъ. И кгды Трыщан гелмъ узложыл, и они ему повезали и потвердили такъ ест потреба напротивъ другому рыцэру, и взял сулицу и справилъ сѧ противъ Паламидежу.

И коли сѧ увидели один другого, Трыщан рекъ: Рыцэру, потреба ми тѧ ест. И онъ сѧ направилъ к нему; и онъ рекъ: Едь сюда, да видишъ.

(Битва Трыщанова съ Паламидежомъ) И такъ сѧ пустили один къ другому и вдарыли велми моцно, и Паламидеж зламал сулицу, а Трыщан вдарылъ его так моцно, што он пал на землю с конем, и от того вдару забил сѧ велми и не вмѣлъ што вчынити, и дивилъ сѧ тому, што сѧ ему так прыгодило, и усѣлъ на конѧ и хотѣлъ поехати на стан и не смотрѣлъ очыма а ни сам а ни там. А Трыщанъ, которыи сѧ на него велми гнѣвал, виделъ его бегучы, ехалъ за нимъ и погонил его, и мало на том мѣлъ, што ему в том скипенью один соромъ вчынилъ, и мыслилъ его на то прывести, штобы николи не смѣлъ прыити къ Ижоте на очы. И догонил Паламидежа, рек голосом: Рыцэру, верни сѧ, да видимъ, которыи з насъ годнеишыи доброти рыцэръское и которыи з насъ годнеишыи миловати красную Ижоту.

Коли Паламидеж тую речъ чулъ, ѡнъ сѧ домыслил, што естъ Трыщанъ, и престрашыл сѧ велми, ижъ не вѣрылъ абы ѡн так добрын былъ доколе не виделъ ѡт него того удару, и вернул сѧ к нему и взялъ мѣчь и виделъ, што не може ѡтехати без раны. Трыщан прышол велми прудко и взял мѣчь, почали сѧ моцно рубати. Трыщан прыступилъ и тялъ его великим ударом по гелму; ѡн сѧ не могъ на кони ѡдержати и пал на землю розбит и лежалъ великую филю не знаючы если ден або ночъ. И коли Трыщан тое виделъ, ѡн был ѡ том велми весол, што сѧ ему добре стало, и виделъ то, што сполнилъ свою волю чого наболей жедал. И коли добыл доброго рыцэра Паламидежа, которого велми ненавиделъ, и поставилъ его у такои ганбе, и поехалъ (стр. 33) ѡт того турнаю до господы. И ехал пан Трыщан по дуброве, и стрѣтила его ѡдна дѣвка з двема пахолки и домыслила сѧ, што ѡн былъ в турнаю, иж видела в него зброю столкану ѡт великих ударов, и ставшы поздровила его велми умилно. Ѡнъ еи вернулъ поздровлене велми дворно, и рекла дѣвка: Пане, вы едете с турнаю? Рек Трыщан: Ѡ чомъ ма пытаешъ? Ѡна рекла: Пане, хотѣла бых абыс ми поведал, хто добыл турнаи. Рек Трыщан: Панъно, если на то твоа вола, и ти повемъ: сесь турнаи добыла ѡдна панна краснаа, которую есми ув-очы виделъ сего дня. Ѡна стояла великую филю у розмышленю и рекла: Рыцэру, диво ми поведаеш, прошу тя поведаи ми има тое панъны, нехаи бых умѣла поведати гдѣ буду пытана. Рек Трыщан: Тепер сѧ имени того ѡт мене не довѣдаеш. Рекла дѣвка: Прошу тя, пане, сними гелмъ з головы, нехаи быхъ парсуну твою видела, а вамъ почесност вчынила, бо есми посол Артыуша короля. Трыщан знал гелмъ з головы и рек: Панно, смотри собе на мене колко хочешъ. Ѡна рекла: Пане, вижу тя велми весела, тепер сѧ могу пофалити, што есми видела лѣпшого рыцэра надо вси рыцэры. Але прошу тя, пане, споведаи ми има свое. И рекъ Трыщанъ: Моего имени тепер не можеш знати, бо его трудно поведати. Дѣвка рекла: Ехала есми много земль для твоего имени, шкода-ж моее працы, коли есми васъ видела а имени

вашого не вѣмъ. Рекъ Трыщанъ: Ведаи заисте, иж не тот и, кого ты ищешъ. Рекла дѣвка: Прошу та для бога, чы не ты взал Болачую стражу и выкоренил злыи обычаи, которыи трывал в томъ городе, где много людеи добрых померло за безъзаконье тое проклатое уставы? Рек Трыщан: Панна, заисте не был есми въ том городе, а ни ведал его; да прошу та, панно, если взата Болача стража? Рекла панна: и есми видела, коли влѣзъ тотъ рыцэр въ онын город и с ним неколко добрых рыцэров, а ни одинъ такъ не вчынилъ своею рукою, якъ тот рыцэръ. Рекъ Трыщан: Прошу та, панно, если ты его видела без зброи? Видела-мъ, онъ ест всеи красы и всих лѣт, якъ ты, и для того заисте внимала-м есми абы он рыцэр, але в том есми хибила отъ моее (стр. 34) мысли. И конец тыхъ речеи розехали са.

Трыщанъ прыехал къ Брагини, которая ему много послужыла, и дѣвка поехала от Трыщана велми смутна, што са о немъ не довѣдала. Прыехала в турнаи и вбачыла Паламидежа, поехала к нему, а онъ плачеть велми грозно и кленеть день, в которын са родилъ, и час, которын на кона уседалъ, а дѣвка плакала, што турнаа не зостала, которого жедала потребнеи усего видети. И прыехавшы к нему поздровила его, а не знала, хто он естъ, и нашла его велми смутна: онъ тужыл о своеи прыгоде и клал того дна, в которын са народил, и час, в которын на конь усѣлъ. И прышедшы к нему дѣвка рекла: Рыцэру, боже та потѣшъ. Он еи отказалъ: Дай ти богъ свою ласку. И рек Паламидеж: Для бога, панно, стретила-ль еси рыцэра в бѣлои зброи? Она рекла: Пане, и его стрѣтила и с нимъ говорыла неколко рѣчеи, он едеть одинъ самъ дубровою. Рекъ Паламидеж: Если вѣдаешъ от него што говоречы, для бога поведаи ми. Она рекла: Не вѣмъ, иж есми перед тымъ его не видела и не могла имени доведати са, бо он ни от Круглого стола ни от двора Артыуша короля. Рекъ Паламидежъ: Если то правда? Она рекла: Заисте такъ. Он рекъ: Охъ мои боже, то есми гореи еще зъсоромочон и жалостен, нижли первеи; и почал велми тужыти и плакати и откинулъ гелмъ и оба мечы и щыт кинулъ

на дорогу, и всѣлъ на своего кона без зброи, и ехал с плачемъ и з великою жалостю; и видевшы то девка жаловала его велми любезно: Для бога, рыцэру, поведь ми, чому сѧ так смутиш? Онъ ей поведал все по раду:

Былъ мене богъ почстилъ у первомъ турнаю, а в другом, вышей всихъ будучы ѣ в том почстеньи, прышол некоторыи рыцэръ, такъ силно и жестоко збил мѧ напервеи сулицою и потомъ мечомъ и вчынилъ мѧ до конца у великои ганбе перед таким народом и перед такими людми добрыми. Для того не могу носити оружа цэлыи годъ, а коли быхъ хотѣлъ носити, ѣ бых сѧ печаловалъ такъ бы ему мъстилъ, (стр. 35) а тепер есми загиб и волѣлъ бых умерети нижли жыв быти. Рекла дѣвка: Пане, поведаи ми имѧ свое. И он рекъ: ѣ эсми Паламидеж. И то рекшы поехалъ от нее велми борздо, и она поехала своею дорогою искати того, которыи взял Болачу стражу; а то былъ Анъцолот з Локвеп, которыи поехал искати собе ровни и рыцэрства по кролевствам. Былъ послан Гаваон искати его также, и ехалъ всюды, гдѣ слышал сопмы рыцэрские.

И едучы дѣвка по турнаи стрѣтила пана Гаваона едучы велми боръздо и поздровили сѧ. Рекъ Гаваонъ: Прошу тѧ, панно, поведаи ми такую повесть о рыцэры, которыи носит знаме бѣло и зброю без другого знамени, што недавно от нас отъехалъ. Рекла девка: ѣ ти повѣмъ если ми споведаешъ того, кого ѣ пщу. Рекъ Гаваон: Которого ты пщешъ? Она рекла: ѣ пщу повести о рыцэру, которыи добыл Болачую стражу. Рекъ Гаваонъ: То вимам за правду, што то ест тотъ, которого ты стрѣтила, и ѣ тэ-ж о немъ сѧ пытамъ. И рекла девка: Зайсте не тотъ, бо тот там николи не был, але ест онъ тому подобен поставою и мужством. Рек Гаваон: Если же не тот, ѣ вжэ еду изъ земли гетое у Лондреш, ачеи бых мог чути о нем для кого есми много працовал. Рекла девка: Еду ѣ с тобою. И поехали оба вмѣсте и прыехали к тому мѣсту, гдѣ был Паламидеж покинул зброю. Позналъ ее Гаваон и рекъ: То зброя одного рыцэра велми доброго; и взял щыт и повесплъ его на дереве. Рекла панна: Коли

быс ведалъ того, которыи тую зброю покинулъ, ꙗкъ тужыл и плакалъ, ты бы ся тому велми дивовал. И поведала ему все по раду, што видела и слышала ѡт него. Гаваѡн рекъ: Можеш ли знати има его? Ѡна рекла: Не хотѣлъ ми поведати. Рекъ Гаваѡн: Радъ бых вѣдалъ всю истоту ѡ нем, абых умѣл поведати королю Артꙋшу и у иншых королевских дворех. Потомъ поехали к королю и ввошли у великии корабль.

То ѡставмо, вернимо ся къ пану Трыщану. Коли Трыщан ѡтъехал ѡт дѣвки, и ехал прудко и прыехал в город на господу ко Ижоте и къ Брагине и прышол ночью тая ся. (стр. 36) А Брагиня стрѣтила, которая была рада вѣдати истоту ѡ турнаю, и коли ѡна видела, пошла к нему, поздровивши пытала его: Мои добрыи а почестныи пане, ꙗкъ ся еси мѣлъ у своеи речы? Поведаи ми ѡ турнаю, хто ѡт него чест мѣлъ? Рек Трыщан: Моя милая панно, не могу ти того часу поведати. Рекла Брагиня: Пане, поведаи ми о Паламидежу; ѡн ли добыл турная? Рекъ Трыщан: Не могу ти ѡ нем поведати, леч добре то вѣм, што ѡн естъ ѡт добрых рыцэров, которые по свѣту слывут, але так ся ему тепер прыгодило, иж не добылъ чести в томъ турнаи. Ѡна рекла усмехнувшы ся: А ты, наш рыцэру, ꙗкъ ся еси мѣлъ? Рек Трыщан: ꙗ есми доконал свое вмышлениѥ ꙗкъ есми хотѣл, а прошу та болшеи ма не пытаи. Ѡна его на гомъ ѡставила, иж ся была домыслила, што ѡн не хочет ѡ своеи легкости а ни ѡ добромъ поведати, и ѡна ему дала добрую постелю, и ѡн легъ спати, што был вельми труденъ и ѡпухнулъ велми ѡт вдару. А коли ѡпочынул до своеи воли, и на завтреи было ему видене затекло и посинело ѡт многих вдаров. А коли почали люди говорыти ѡ рыцэры, которыи был в бѣлои зброи, а Трыщан ѡ том стыдил ся, бо не рад бы штоб его познали. И третего дня прыехал король Ленвизъ из своею дружыною у свои двор, а с нимъ прыехыли великие рыцэры Гарнотъ, Бандэмагул пан и Ѡван, и не мовили много ничого, толко ѡ турнаи и ѡ бѣломъ рыцэру а ѡ Паламидежу, и дивили ся, што бѣлыи рыцэр безъ вести ехал. И рек Бандэмагулъ Гар-

ноту: Мнѣ сѧ видитъ нж то ест ѡный рыцэр, который добыл Болачую стражу, тот рыцэр везде сѧ тапл. Рече король: Прошу вас, што ест за рыцэр, ѡ комъ вы говорыте? И рек Гарнот: Пане, мы мовим ѡ томъ, которого недавно пасал мои ѡтец король Артиуш, и тот вчынил таковое рыцэрство своею рукою, нкъ человѣкъ не видел а ни слышал, и нѣтъ чоловѣка, который бы имѧ его знал, (стр. 37) або хто ест ѡнъ. Рек король: Коли ѡн добыл битву, а имѧ свое таит и не хочет штобы его знали, тот велми ест добрый. И вси тые рѣчы его Трыщан передъ себе брал. А Брагинѧ была велми мудра и бачна, вси тые рѣчы на сэрцы своем мѣла, и прышло ей на ум: Ачей будет то рыцэръ, кому и дала коня и зброю и щыт? И почала пытати ѡдного и другого ѡ бѣлом рыцэры и довѣдала сѧ истотне, што ест Трыщанъ почстенъ в турнаи, и была ѡ томъ велми весела, и мыслила нк бы могла вѣдати имѧ его, ѡткул естъ. И в тот вечор прышла нк королю Ленвизу и рекла: Господару королю, рач вѣдати ѡ бѣломъ рыцэры кого жедаешъ, который добыл сесь турнаи. Рек король: Девко, и того велми жедамъ, бо есми видел велику доброть его моима ѡчыма. И рекла Брагинѧ: Не тужы, и тѧ хочу на дорогу навести. Рек король: Если ми правду споведаешъ, буду тому велми вдачон. И на завтрее Брагинѧ рекла королю: Поиди со мною у палац. И ѡн шолъ, и вказала ему тую зброю и щытъ и рекла: Можеш ли ее знать, если еси видел в томъ турнаи? Рек король: Запсте таѧ зброя и тот щытъ былъ на томъ рыцэры, который добыл турнаѧ. Але для бога, девко, поведаи ми, если што ведаешъ ѡ немъ. Рекла Брагинѧ: Пане, коли еси ѡ том весел, не хочу таити перед тобою: то был ѡный рыцэр, который у твоем дому тепер, которого ты прыналъ раннего и болного, которого твоя дочка злечыла.

Король то слышал, задивилъ сѧ, не вѣрыл тому же-бы ѡн так добрый был, и почал пытати: Которым ѡбычаем то знаеш по нем? Ѡна ему поведала все по раду, нкъ ему коня и зброю дала и нкъ тэ-ж ѡпатъ прыехал к нея. И король прызвалъ там неколко людей, которые были з ним на турнаю, и рекъ им: Мо-

жете ли познати тую зброю и тот щытъ? Они рекли: Заправду тая зброя добыла сего турнаю. И потом король былъ веселъ.

И пошолъ до Трыщана и рек ему: Мои почстеный рыцэру, я мамъ на та жаль, што са еси толко таилъ от мене для своего почстена. (стр. 38) Если твоя вола, поведаи ми има свое. Коли Трыщан то чулъ, злякъ са велми, што будеть познан, бо вѣдалъ иж ему тут наболшое зло мыслят, и отказал королю: Пане, для мене еси много вчынилъ, чого я никому не повинен так много чынити якъ тобѣ, буду поки жыв, хочу ти отдавати моими службами коли гдѣ мене будет потреба. Рек король: я иного тепер не потребую, одно абыс ми споведалъ има свое. Рек Трыщан: Мои пане, тепер то быти не можеть абых ти споведал. Рек король: Поведаи же ми, ты ли носилъ бѣлую зброю на семъ турнаи, которую ти дала Брагина? И рекъ Трыщанъ: я носилъ тую зброю, да того ми жаль, што вы тое вѣдаете. Рекъ король: Рыцэру, ты можэшъ того не жаловати и дати мнѣ знати свою речъ, што ми еси вчынилъ великое почъстене, пжъ з моего дому рыцэр добыл турнаю; для твоего рыцэрства и для твоее прыязни и доброти дарую ти свою прыязнь. Трыщан подаковал велми умилно. Потом Трыщаново рыцэрство было значно ув-Орленъдэи, и был велми честован от короля и ото всих добрых людеи, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворе, которая бы не была рада миловати его от всего сэрца, если бы он хотѣлъ. Внимали, што Ижота милуетъ его потаи, але она мѣла цнотливое сэрце, и король былъ рад штобы она его миловала, а он ее, и штобы ее взал за себе, бо знал тое иж она не можетъ за лепшого поити рыцэра над него, але о том велми жаловалъ, што не вѣдалъ имени его, и не смѣлъ ему докучати ни пытати.

И одного дня Трыщан мыл са у ванне ув-одной коморе, и служыла ему Ижота и иные многие дѣвки, и каждая мела то собѣ за великии дар, што ему послужыла. И туды ходечы один чоловекъ, на има Кушынъ, прыступил къ постели Трыщановои и взал мѣчъ, и вынавшы его почал гледѣти, и видевъ са ему

хорошъ и шстръ, и не насытил сѧ гладечы на него и прынесъ его до королевое. Шна его почала шгледати и убачыла (стр. 39) в него щербину и рекла Кушыну: Поведаи ми, чыи то меч? И шн ей споведал. И шна рекла: Понеси его за мною; и шн понесъ и влез за нею у ее комору; шна вынела изъ скрыни уломок меча и прыложыла его къ мечу, и шн прыстал, и шна видела, што тот мѣчъ, которыи убил брата ее Амурата, и вдарыла сѧ по лицу и рекла: Шх мои боже, мои непрыятель ест у нашом дому, которыи убил моего брата короля Амурата доброго рыцэра! То ест Трыщан, для того сѧ таплъ, а то ест тотъ мечъ, которыи учынил всихъ нас жалостных и понизил и уменшылъ всю Шрлендыю. И розгнѣвала сѧ велми, узавшы меч и пошла на Трыщана велми прудко, и прышодшы к нему замахнула тати его; Трыщан скрылъ сѧ у кадь. И рекла: Трыщане, ты еси тут мертвъ шт сего меча, которымъ еси убил моего брата короля Амурата; тепер еси мертвъ штъ моее руки. Трыщан нияко сѧ не сполохал, а пахолокъ прыступилъ, рекъ: Пани, варуи сѧ, не вбиваи рыцэра своеи рукою, не слушыт тобѣ такои корунованои панеи королевои окрывавити свое руки в крови рыцэрскои. Если естъ виненъ, дан тую помсту на короля, шн может учынити, што будеть слушно ему и годно твою жалост мстити. А пани предъ сѧ не внела сѧ, наступила тати Трыщана, а пахолок ее уфатил за руку, не далъ тати, а Ижота покынувшы соромъ, бо ее милость Трыщанова тиснула, и защытила его рукою велми милосердъно. И рекла королеваѧ: Моѧ милаѧ дочко Ижото, што чыниш? То ест Трыщан, которыи убилъ твоего дадка Амурата.

И на тот крыкъ прышол король и рекъ: Пани, чому сѧ так гнѣваси? Шна рекла: Господару, ыкъ сѧ не гнѣвати? нашла есми наболшого непрыятеля своего Трыщана, которыи вбил брата моего Амурата, тым сѧ тапл в нашом дворе; або его ты вби, або ы. То естъ тот мѣчъ, которыи Амурата вбил, а шн нехан шт того-ж меча умрет. Король то чувшы и помыслилъ, бо был велми мудрыи, и рек: Тихо, пани, дан тую помсту на

мене, и хочу вчынити ѩкъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль. И взалъ ѡт нее мѣчъ и рек: Поиди тепер вонъ. И ѡна пошла, (стр. 40) а король пытал Трыщана. И рек Трыщану: Милый прыятелю, ты-с вбилъ Амурата? Рек Трыщан: Таити сѧ болшей не могу, и есми его вбилъ, нихто ми не може прыганити, иж такъ годило сѧ мнѣ его вбити, або ему мене, инак не могло быти. Рек король: Ты еси мертвъ; и засе ему рекъ: Опрани сѧ и прыиди ко мнѣ до великого палацу. А пры Трыщане ѡставил тры пахолки поки сѧ вбереть. Трыщанъ сѧ убралъ цудне и почестно и прышол до великого палацу у великой жалости, а наиболше и для того, иж пры нем не было меча его. А палацъ былъ полонъ добрыхъ людей, панеи и паненъ, и коли ѡни видели его, гледели на него велми пилно для его цудности и великое доброти и рыцэрства и дивовали сѧ великой цудности его и цудныхъ умысловъ въ преспечности и дворности. И мовили панны до Ижоты: Єслибъ Трыщан мѣлъ смерть, которыи цуднейшыи всих на свѣте, было бы его жаль всим людем.

А такъ вси добрые люди и рыцэры мовили: Бог вѣ, на свѣте нѣтъ такого рыцэра, и великии бы грѣхъ абы за то[го] его забити, которыи сѧ вже не може вернути. Потомъ прышла королева и почала королю докучати со плачом мовечы: Пане, то естъ мои непрыятель, мсти над нимъ поки ест у твоеи моцы, але коли ты его впустиш, не будет на твою волю.

Король милował королевую и не ведал самъ, што мѣлъ учынити, и молъчал много нычого не мовечы, а наконецъ мовил всимъ у слышание: Трыщане, ты ми еси велми винен, але хота ми вси люди будут мети за зле, што та хочу пустити с покоем, ѡсвободити ѡт смерти, которую еси мѣлъ поднати, але прыналъ есми тебе у мои дом немоцного и бѣдного, дал есми тобѣ здорове; другое: Ты еси таковъ рыцэр, и тобѣ ровни не знаю на свѣте; третее: Не зрадне еси убилъ моего шурына Амурата, убил еси его рыцэрским обычаем. За то трое ѡтпускаю ти смерть, але такъ вчыни, ѩкъ а тобѣ повем: коли сѧ то такъ стало, тогды што можешъ наборздеи бежи (стр. 41) з моее земли, нигдѣ

не мешкаи, абых та болшеи того нигдѣ не знашол, бо та пэвне мушу забити если буду мог.

Слышавшы тоє Трыщан, подаковалъ велми умилно первеи богу и королю и взал штпущенье шт корола и шт всихъ людеи, которые тут были. Король его штправил почестне и дал ему кона и зброю, и Брагина дала ему свои два браты, абы ему служыли, и велми была жалостна, але не дала са знати королевои, бо королева гнѣвала са для Трыщана, што ему король штпустил смерть. А Ижота и иные дѣвъки говорыли: Лепеи то ест, што Трыщан прост шт смерти за шного, которыи са не маєт вернути. А Трыщан поехал къ прыстанищу из своєю дружыною, а люди говорыли и дивили са его доброти и дворности. А коли ехал в судне, был имъ добрыи вѣтр на ихъ волю, прыгналъ ихъ боръздо у Корновалъ; и был тому Трыщанъ велми весел и въздалъ фалу богу со всего сэрца, и тут шпочынули шдинъ день пытаючы са ш короли Марку и шныхъ панохъ. И назавтреи поехал гдѣ ему поведали корола Марка.

А коли Трыщанъ прыехалъ у двор корола Марка, король его велми вдачно прывиталъ, и тутъ было великоє веселе, которое чынил король и панове, так ыкъ бы имъ прышол штец, и миловали его панове, ыкъ своє сэрцо. Пыталъ король Трыщана, ыкъ са ему што прыгодило шт того часу, ыкъ шт нихъ поехалъ на море немоцон. Трыщанъ ему поведал все по раду, ыкъ его фортуна прынесла ув-Орлендэю, и ыкъ єго король прыналъ у свои двор и ласкав до него был, и ык єго дал лечыти дочцэ своеи Ижоте, которая вмела шт раны вышеи иных лѣкаровъ. И шпат поведалъ ш ее красе, и ыкъ єго познали для меча, и ыкъ его король збавилъ шт смерти и пустил его добре почестне; а не поведалъ ему ыкъ збил Паламидежа и добыл турнаи. И былъ Трыщан в Корновали шт людеи у великомъ почъстеньи ык самъ король Марко. А королевъство корновалскоє все было имъ свободно и многиє стороны боялп са єго.

И в тыє часы была шдна пани дочка шдного кназа, цудненшая над усю Корновалю, и недавно за себе поналъ ее шдинъ

рыцэр изъ Лонъ(стр. 42)дреша, именемъ Сегурадеж, для ее красы, бо она была яко цвѣт и рожа. И король Марко розмиловал ся ее так силно, што нѣт на свете речы, чого бы для нее не вчынил, толко бы ее по своеи воли мѣлъ. И она прыхожала часто въ королев двор на игру. И одного дня прышла у дворъ на веселе, и король был велми веселъ о ее прыходу. А коли ее видел Трыщан, почал на нее велми гледети, бо ся ему видела найцуднеишаа реч по Ижоте, и прыстало к нему ее сэрцэ и погледалъ хитро, якъ бы того нихто не бачыл. Коли она видела Трыщана найцуднеишого и наиболшого рыцэра, и прынде ей на умъ, коли бы хотѣлъ миловати ее, она бы большого не хотела, бо знала его доброт и мѣла всю свою мысль пры Трыщане и если бы могла без своее ганбы миловати его, а яко ее не было инде, толко пры Трыщане. И забыла всих людеи пры Трыщане, а Трыщанъ забылъ Ижоту; они погледали один на другого велми умилно, и домыслилъ ся один, што в другого на вмѣ. И коли было къ вечору, пани узала прощэне от корола и прыступила велми вдачно къ Трыщану, мудро рекла: Пане, я есми твоа, если ты хочешъ. Рек Трыщанъ: Велика ласка, пани, я та прыимам велми вдачне, яко твои рыцэр. Одно тое рекшы межы собою, пани пошла до господы, а Трыщана понесла в серцы, и прышедшы на господу, послала хлопъца до Трыщана, которому ся велми звѣрыла, и рекла: Попди скровно къ Трыщану и мов ему потаемне, нехаи прыидет ко мнѣ на змерканьи и мовит со мною, и прыидет наражон со всимъ оружыемъ, бо не вѣдает человѣкъ, што ся ему где прыгодит; и прыедьте оба на болото конец мора. И хлопец рекъ: Пани, я готовъ справити твою волю. И пошолъ къ Трыщану и отведъ его на особь и поведал ему посэлство своее панее. Трыщан рекъ: а радъ вчынити на ее волю, а ты не ходи никуды з двора, поедьмо оба посполе. И прызвалъ одного пахолка и рекъ: Держы ми конь оседлан и зброю на первомъ змерканн (стр. 43), да не поведаи никому. А король Марко видел Трыщана, один на одине с хлопъцом мовившы, и пошолъ от пановъ у комору и велелъ всимъ выити, и рекъ

хлопъцу: Што єси с Трыщаномъ говорылъ з моимъ сестренцомъ? И магуш рекъ: Пане, я того не могу поведати, отпусти ми, але дамъ ти знати иж тот твои сестренецъ ни стюдено а ни тепло. Рек король: Хочу абыс ми поведалъ хота и не по воли. Рек хлопец: Не годит ся мнѣ таємницъ поведати, а то бых зрадца былъ. Рек король: Муспш поведати, албо маеш тепер же умерети. Хлопец злак ся велми и рекъ: Господару, я ти повѣмъ, да для бога не поведаи никому. И король ся ему обецал, и он споведалъ все, якъ его пани послала къ Трыщану и якъ онъ хочет поехати къ неи.

И услышал то король, былъ о томъ велми жалостен, бо он ее хотѣлъ мѣти по своеи воли, а она ся от него отмовила и не прызволила ему жаднымъ обычаем. И седѣлъ много мыслечы и рекъ самъ к собѣ: Бачъ на того, она ся от мене отмовила такъ великому пану, а могъ бых єи зло и добро вчынити, и дала ся тому, которыи не может єи ничого вчынити и не єст рыцэр такъ добрыи якъ я; по правде она бэзумная невѣста и для того будеть мѣти великую жалость. Але не дал знати магушу мысли своеи и ставил ся лѣпшымъ рыцэромъ, нижли Трыщан, и мыслил великии час и рек магушу хлопцу: Дивно ми твоеи панеи, якъ ся такъ борздо розмиловала Трыщана, которыи еще детина, а я знаю лепшого рыцэра нижли Трыщана, а панъ єст великии якъ я самъ, которыи хотѣлъ велми миловати ее, она ся отмовила от него. Рекъ магуш: Господару, не вѣдаєте-ль вы того, што часто ся прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии обереть собѣ меншую и пущую, а могла бы ему быт два крот лѣпшая; такъ же и невѣста не всхочет доброго рыцэра або великого пана. И рек король: я сам ее досыт искал, а она ся отмовила от мене, и для ее глупости хочу ее уморыти и домъ ее погубити. Коли магушъ то чулъ, злак ся, бо знал короля напзрадлившого человека, и домыслилъ ся тому (стр. 44) иж король маєт ехати вмѣсто Трыщана, абы мѣлъ ее по своеи воли. А лепеи бы панеи загинути нижли тое вчынити: потомъ бы Тры-

щанъ мыслилъ королю што злого вчынити. Рек король магушу: Што мыслишъ? И онъ ему споведалъ всю правду.

И коли король позналъ, што онъ свою панию зычыть ему болшъ инжли Трыщану, былъ тому велми рад: И ты ми можешъ добра много вчынити, иж я маю твою панию на мысли, бо коли бы ма мѣла разъ в себе, потомъ бы ма завжды рада мѣти. Рек магуш: Пане, я рад што буду мог вчынити, але с Трыщаномъ што мыслиш? А я рекъ поити з нимъ, а если ему золъгу, зле ми са станет. —Для того недбаи ничого, я хочу поехати с одным пахолкомъ въ зброи, а вас буду ждати пры студни куды вамъ ехати, и там хочу почостовати Трыщана, што забудет твоее панее милости. А коли его отбуду, тогды поеду с тобою, а ты ма поведеш вмѣсто Трыщана, а тобѣ будеть за то велми добро. И магуш рекъ: я рад вчынити на твою волю, але для бога поведаи ми, якъ мыслиш отбыти Трыщана велми доброго и моцного рыцэра. Для бога не пускаи са на таковую прыгоду, бо онъ хочеть поехати в зброи. Рек король магушу: Подобно са тобѣ видить, штобы Трыщанъ моцнеи мене был? Не страши са, хочу его вчынити ганбена. И вышол король з магушомъ с коморы. И Трыщан его видевшы и рекъ: я готовъ ехати. Рек магуш: Нехаи будет час. Король прызвал одного пахолка: Наготуи ми конь и зброю ку змерканю, а не поведаи никому. И вбрал са въ зброю и всѣлъ на конь и поехалъ с тым пахолъком к тому мѣсту, а пахолок понес его щытъ и сулицу. И прыехали к тои водѣ; король зъселъ с кона и рекъ: Намъ тут потреба ждати того, кого тут прохали. И очочываючы они вбачыли, аж едет Трыщан с одным пахолкомъ и з магушем. Король всѣлъ на конь и рек пахолку: Даи ми щыт и сулицу. Рек пахолокъ: Што хочеш, пане, чынити? (стр. 45) И король рек: Тот едет, кого я ненавижу и не могу весел быти покул не вкорочу жывота его. Рек пахолокъ: Пане, отпусти ми, то ми са не видит добре, бо коли онъ естъ у твоемъ дому, можеш его у другии поганъбити а вчынити на свою волю, а хитро са ему не можешъ помстити, а если ти винен, не вдаваи са на таковую пры-

году, на смерть або на жывот. Рек король: одно ты смотры. И коли былъ Трыщанъ близко, король крыкнулъ: Трыщане рыцэру, варуи са мене. Трыщан задивил са о том, видел рыцэра што его ждеть, он взалъ щыт и сулицу и вдарыли са моцно.

(Битва короля Марка съ Трыщаномъ) Король зламалъ сулицу на много штукъ, а Трыщан его вдарылъ у самые перъси, и палъ король на землю велми розбитъ, а Трыщан поехалъ мимо его. И коли са король виделъ збит, былъ велми смутен и волѣлъ бы собѣ смерть нижли жывотъ, а пахолок скочылъ с кона и рек: Господару, можеш ли жыв быти? Король рекъ: А што по моем жывоте, коли в сороме есми зостал до моее смерти и моее жалости конца не маю? Дай ми конь и поедьмо до дому скромно. И куды поехал Трыщанъ? — Пахолок рекъ: Не вѣмъ, прогналъ мимо.—То еще гореи, если ма будет позналъ.— Рекъ юнакъ: якъ может познати? ты в зуполнои зброи, а ночъ темна. И король поехал и рекъ самъ к собѣ: Охъ мои боже, коли бы ма зброя не одеръжала, я бых былъ мертвъ. А коли видел магуш, што са учынило межы королем и Трыщаномъ, онъ былъ с одное стороны весел, а з другое смутен.

И на завтреє король Марко седелъ у великомъ палацу за столом зъ своими паны и панями и паннами, и была полъна всякого украшения. И прышол один рыцэр у великии палац велми дворно и преспечно и поздоровил короля и всихъ панов и рыцэров и мовилъ королю Марку: Дай ми один дар с твоее ласки, которого буду просити: я есми хожалын рыцэр от Округлого стола, если ми отмовиш, не будешъ мѣти доброе славы. И король ему обецал и спытал его: якъ тобѣ има? А он рекъ: Има ест ми Блерыж, кревныи есми короля (стр. 46) Бана изъ Банака, а по рыцэрству ма многие знают, бо есми поставленъ недавно рыцэромъ. Ты-с ми обецал дар, которого в тебе буду просити. Король рек: Обецалъ есми, хота ми и много шкоды будет. Он рекъ: Ты-с ми дал панию албо панну, которую я усхочу. Рек король: То ест велика реч, але инакъ не може быти. Онъ ему еще подаковалъ и прыступил гдѣ седѣлъ рыцэр Сегурадеж,

а з нимъ седѣла его пани, и поклонил сѧ и взѧлъ ее за руку и поставил передъ собою, и рек Сегурадижу: Рыцэру, ты тое панее не маєшъ, єсли ее мечом не добудешъ. Сегурадеж скочыл и рек: Блерыже, єсли ее мечом не добудеш, не будешъ ее мѣти. И вбралъ сѧ въ зброю и всѣлъ на конь и поехал зъ ним и догонил єго, и почал кликати: Блерыжу, варуи сѧ мене, або ѡтдаи тую панию.

(Битва Сегурадежа зъ Блерыжомъ) И вдарыл ѡдин ѡдного такъ сильно, сулицы поламали. Сегурадежъ палъ на землю ранен у ребра и забилъ сѧ велми, што былъ чоловѣкъ велми тѧжок, а Блерыж поехал с панею, а ѡна велми плакала по своєм пану.

И седѣлъ король Марко перед своим шатром в холоде из своими паны, и проехали два єждчалыє рыцэры. Король рек: Радъ бых абы ми поведали ѡ короли Артиушу и ѡ рыцэры, которыи добыл Болѧчую стражу. И рекъ Аудрет, племенник королѧ Марка а Трыщану зъ другое сестры братъ, котораѧ была дана ув-Орълендэю первое дани Амурату королю: ѡн былъ недавно поставленъ рыцэром. Ѡнъ завиделъ Трыщану за єго доброту, рек королю: Єсли велишъ, поеду ѧ и прыведу их к тобѣ, нехаи говорат с тобою. И король рекъ: Поедь же борздѣи, роспыталъ бы их ѡ тамошнихъ справах. Ѡнъ поехал без зброи. А в тотъ часъ прыехала ѡдна девка передъ королѧ и почала смотрѣти по людех, не рекшы ничого а ни поздровившы королѧ. Почали рыцэры усмехати сѧ и погледали ѡдинъ на другого ѡ ее глупости. Король рекъ: Дѣвко, досыт єси смотрѣла на нас и не мовившы ничого; што сѧ тобе ѡ насъ видить?

(стр. 47) И ѡна рекла: Пане, ничого ми сѧ злого не видит, леч добре, рада бых видела ѡдного рыцэра. Рек король: ꙗкъ єму имѧ? Ѡна рекла: Трыщанъ. И король позвати єго велелъ, а ѡн в шахы игралъ. И коли ѡн прышол, и дѣвка почала говорыти: Трыщане, злыи и худыи рыцэру и страшливыи пущеи всихъ, што носиш зброю, а не бачышъ своее негодности, и дивлю сѧ ꙗкъ смеєшъ ѡбцовати з людми добрыми, бо єси не годен з рыцэры

ѡбъцовати, и коли бы та ѡни знали такого костю, ѡни бы са тобою соромели, бо ѡни тобою зганбени. А то тобѣ говору перед королемъ Маркомъ и перед добрыми людми, а ѡни нехаи знают твою негодност, а рекла ти есми на што-м была прышла. Трыщан сталъ якъ забылъ са и не вѣдал што ѡтказати. Корол рекъ: Дѣвко, прошу та, поведаи ми, гдѣ так Трыщан проступилъ? Ѡна рекла: Не хочу, штобы са ѡн повышыл. И то рекшы поехала ѡтъ них проч. А Трыщан мыслилъ не малыи часъ соромеючы са ѡ тыхъ речахъ, и шол до господы велми сердитъ и почал вбирати са в зброю велми борздо. И прышол Говорнаръ и пытал его: Чому са убираеш? И ѡнъ ему все по раду поведал, што ему дѣвка говорыла перед многими добрыми людми: Хочу са доведати за што ма так соромотила и которая то моя негодност, а зброю беру не для дѣвки, але чоловѣкъ не вѣдаеть, што са ему гдѣ прыгодит. Рек Говорнаръ: Хотѣлъ быхъ и я ехати с тобою; а Трыщанъ рекъ: Можешъ. И поехали боръздо за девкою, и коли былъ на поли, стретилъ их Аудретъ едучы ѡт тых рыцэров. Ѡн ихъ был догонил и поздоровил: Панове, ѡткуль едете? Ѡни рекли: Ѡт корола Артиуша двора, ездимо ищучы розличныхъ прыгод яко-ж ездчалые рыцэры. И ѡнъ рекъ: Вѣдаете-ль што тут естъ король Марко, а мене послалъ ажъ бы есте ехали до него для вашое почестности? Ѡни поведили: Ради быхмо вчынили па его волю, але маем инъшые потребы и просим та, вымов насъ ѡт того якъ надворнеи вѣдаешъ. Рекъ Аудрет: Не вчыните-ль того, то государу королю ганьбу (стр. 48) вчыните, яко бысте его ни за што не мѣли, а за то бы вам много злого прыити могло. Ѡни рекли: То ничого што ты говорыш, а там мы не едемъ. Рек Аудрет: я васъ хочу повести без вашое фалы, коли не хочете поехати. И вхватил ѡдного за узду, которому было има Согреморъ, што ѡн, бачечы иж он так зуфалыи, хоче его сплою повести, росмеил са и рек: Рыцэру, не видишъ ми са мудръ, што ма хочешъ сплою повести. Ѡнъ рекъ: Понехаи узрышъ. Согремор добылъ меча и вдарылъ его плазом по голове такъ моцно, иж ѡн палъ на землю и памети

ѡтбыл, а кров текла з уст. И коли сѧ распаметовалъ, въстал велми смутно и ледве всѣлъ на конь, а мало ѡтъехавшы стрѣтил Трыщана. И кгды Трыщан видел Аудрета крывава, было ему велми жаль, иж его миловалъ больше иижли Аудрет его, и рекъ: Хто тѧ такъ поразилъ? И ѡн ему споведалъ всю правду. Рекъ Говорнаръ: И ты не велми вежливъ, што хочеш силою двухъ рыцэров повести. Трыщан рекъ: Твоее ганьбы мнѣ велми жаль, што буду мог хочу сѧ мстити; поведаи ми, куды поехали.—Ѡнъ рекъ: И ѧ сѧ верну с тобою. Коли Говорнаръ то чулъ, рекъ Трыщану: А и ты такии мудрецъ, што хочеш з двема рыцэры бити сѧ, которые з лондрешъского королевства? Внимаш, што ѡни так корновальские рыцэры? Прошу тѧ, тому даи покои, то суть выбраные рыцэры и великое доброти, по чужым землам ищут своего дѣла гдѣколвекъ чують рыцэровъ. Для бога не пускаи сѧ на тое мъщене. Рек Трыщанъ: Мистре, если сут ѡни выбраные, то лѣпеи, иж не будут ѡба вмѣстѣ бити сѧ для сорому, а по ѡдному; если бог похочет, не надеваю сѧ допти сорому. Рекъ Говорнаръ: так твоя вола. И догонил ихъ Трыщанъ и закликал: Рыцэры, варуите сѧ мене. И ѡни стонли. Согремор рекъ: Хотѣлъ быхъ его прыняти, а Дондиэль рекъ: Нехаи его ѧ прыиму.

(Битва Трыщанова зъ Дондиэлемъ) И ѡбернули сѧ к собѣ, и вдарылъ ѡдинъ другого так моцно, иж Донъдиэль с конем палъ на землю, и ѡт того падения забил сѧ велми. И виделъ Согремор Донъдиэля збита и рекъ: Ты будешъ (стр. 49) тепер же за него помщон коли ѧ буду мог.

(Битва Трыщанова зъ Согреморемъ) И справил сѧ къ Трыщану, што конь може скочыти. Трыщанъ его вдарылъ, и ѡн палъ с конемъ на землю, и ранилъ его в левыи бокъ. И коли Трыщан ѡба рыцэры збилъ, рекъ Аудрэту: Ты вже помщон и можешъ ехати до корола и мов: Тые рыцэры не хотѣли сѧ вернути, але ѡ нашои кольбе неповедаи, бо ѧ не потреба. Ѡн рек: Нехаи так такъ ты велиш. И дивилъ сѧ Аудрет Трыщану, што муковал против двух рыцэровъ, бо ѡн

не надевалъ сѧ; абы Трыщан таковыи рыцэр былъ. И Согремор видел себе збита, рек Трыщану: Прошу тѧ для бога, поведан ми, ис которое еси земли? Онъ рекъ: С Корновали. И рекъ Согремор: Не могу верыти. Рекъ Трыщанъ: И ты ми не вѣрь, але естъ такъ ѩкъ ти поведилъ. Коли Согремор то чулъ, он почалъ велми тужыти и плакати; Трыщан его спытал: Чому такъ тужыш? Онъ рекъ: ѩ не жалую, што есми збитъ, нижли жалую, што мѧ збилъ одинъ рыцэр с Корновали, гдѣ николи не было доброго рыцэра. Для того ѩ обецую сѧ богу дотуль не носити оружья, докуль не вижу других рыцэровъ осоромоченыхъ от Круглого стола от худыхъ рыцэров с Корновали. И откинул от себе щыт и сулицу и всю зброю свою и почалъ плакати велми жалостно о прыгоде и о соромоте своеи. Трыщан сѧ тому дивовал и рекъ: Для чого ты не хочеш носити оружа, што есми вас збил? Он рек: Повѣм ти для чого: если быхъ ѩ прыехал, а того бы сѧ в насъ доведали, што есми збит от одного посполитого рыцэра ис Корновали, они бы мѧ осудили што есми негоденъ носити оружа, бо в Корновали сут навбожшые рыцэры. Для того его волю сам покинути а сам сѧ осудити, нижли бы мѧ осудили. И тому сѧ дивил Трыщан; велми большеи бы з ним говорыл, да поспешал сѧ за дѣвкою велми, а вечер сѧ прыближал. И оставилъ ихъ и поехал за дѣвкою велми борздо, и стрѣтилъ одного хлопа и рекъ: Видел-ли еси одну дѣвку едучы на пнаходнику? Не вѣм, маеть ли дружыну або не маеть, але ѩ ее одну видел у дворе. И онъ рекъ: Видел есми ее едучы с однымъ рыцэром (стр. 50) а пахолком, а с нимъ ест пани великое доброти и велми красна. Слышалъ то Трыщан, был велми весолъ и рек: То ест она пани, котораѩ поведена з двора королевского, тепер хочу мѣти чого жедаю. И поехал за нимъ угонати тую панню и Блерыжа, которыи ее велъ, увиделъ ихъ близко одного города входечы у ворота. И видечы то Трыщан, што их не може догонити перед городомъ, а они тую ночь маютъ ночовати в томъ городе, рекъ Говорнару: Мистре, што есмо хотели, то есмо нашли, оную девку,

которая ми псовала, и ωную панию и того рыцэра, которын ее ведеть, для которое мене мои дада ненавидит. Але ноч насъ споткала, и коли бых ихъ на поли застал, або было ему тую панию пустити, або бых ся бил з ним поки быхъ не мог ударыти мечом; а тепер не вѣм што быхмо учынили. Рек Говорнаръ: Чы хочешъ ты бити ся с тым рыцэром? Прысегам богу, єсли ся хочеш бити с каждым рыцэромъ, которые прыеждчают у Корновалю, много хочешъ тажкости мѣти, а ты вѣдаєшъ иж тот рыцэр тобѣ не винен, ты ся з ним бити не можешъ коли ωн не всхочет. И рек Трыщан: Мистре, и велми могу, бо-сь ты много кроть слышал ω тых рыцэрах, што в них такии обычаи, иж ωдин другого может битвою зачепити, а ωни ему не мають за соромъ; то ωни нарадили чту, сут ездчалыє и выбраныє рыцэры таковое доброти, такъ ся коштуют со всякими рыцэрми, абы была знакомита их доброть; для того могу мѣти с ним битву и могу быти почстен. Мистре, коли ꙗ ся не буду бити з добрыми рыцэры, ꙗ не буду такъ знакомит ꙗкъ есми добръ, и єсли ми ся в том противиш, то знаю иж ма не любиш. Говорнар то чувшы и рекъ: Коли ся хочешъ бити з Блерыжом, ꙗ та не внимаю, але прошу та, буд дворен. Рек Трыщан: Добре мовиш. И ωную ноч стоял ωн на мѣсте в одное старое вдовицы земанки, тая мѣла ωдного сына молода и храбра; ωнъ почалъ пильно смотрѣти на Трыщана того вечора: Пане, не жалуи што ти хочу речы. Рек Трыщан: Мовъ што хочеш. Ωнъ рекъ: Єсли-сь былъ ув-Орленъдэи? Рек Трыщан: Для чого ма пытаеш? И ωн рек: Видиш ми ся тот рыцэр, которын добыл двух турнасв ув-Орленъдэи, которому рыцэрству вся ωная земля дивовавала ся. Рекъ Трыщан: Брате, много ест людеи што ωдин другому подобен, и ꙗ бых рад абых такъ (стр. 51) добръ был. И назавтреи Трыщан слухал мъшы и потом убрал ся у зброю и поехал за рыцэромъ и догонил его на поли и закликал: Рыцэру, варуи ся мене. Блерыж ся ωбернулъ и взял щыт и сулицу, тые ωба были великое доброти.

(Битва Трыщанова зъ Блерыжемъ) И скочыл ѡдин к другому вказати свое рыцэръство, и вдарыли сѧ так моцно иж ѡба с коньми пали на землю, и почали сѧ мечы рубати по гелмах, и видели иж ѡба не звышать ѡдин над другимъ, такъ два львы по полю гонаючы сѧ, и в малои фили ѡба ранили сѧ и ѡбили на собѣ зброи ѡт моцныхъ вдаровъ, и ѡбадва внимали иж ѡдин ѡт другого прыиметь ганбу албо смерть, и ѡбема было потреба ѡпочынути. Блерыж ѡтступил и положил щыт и мѣчъ абы ѡтпочынулъ, почалъ дивити сѧ и рекъ: Не ест иншын, леч Анъцалот з Локве; а Трыщан также ѡпочивал. Блерыж рек: Рыцэру, ѧ знаю што ты первын ѡт добрыхъ рыцэров, прошу тѧ, поведаи мн имѧ свое. Не говору ти для того, абых ти што напред дал, леч абых вѣдалъ кого есми добылъ, або хто мене добылъ. И Трыщанъ рек: Коли жодаеш вѣдати имѧ мое, ѧ есми Трыщан изъ Єлиѡноса, сынъ короля Мелиадуша. Коли Блерыж то чулъ, рекъ: Во имѧ боже ѧ с тобою бити сѧ не хочу, бо есми слышалъ ѡ тобѣ много добра, але ѧ сѧ тобѣ даю: мѣн тую битву за добытую. И подал ему меч. Рек Трыщан: Ѡ пане, того почстенѧ не заслужылъ ѧ а ни естъ есми годен, бо также и мнѣ ест потреба ѡпочынути, а коли хочеш ѡставити битву, ѧ рад, але маеш ѡтдати тую панню, бо ни для чого иного не ехалъ если ѡдно для нее. И рек Блерыж: Пане, не могу того вчынити иж ты вѣдаеш, ижъ ѧ ее добыл есми сулицою; але если всхочеш, вчынимо так: даимо на ее волю, с кым ѡна полюбит поити, нехаи того ѡна будет. Рек Трыщан: Добре. И поставили панию межы собою и рекли ей: Таѧ битва тебѣ дѣлѧ, злюби кого хочеш, нехаи перестанет битва. Ѡна им подаковала и рекла такъ: Трыщане, велми есми тебе рада видела (стр. 52) и миловала, але коли-с так лихии што мѧ еси допустил ѡдному рыцэру чужому повести з двора твоего дадка, для того николи тебе не буду миловати. И ѡбернувшы сѧ пошла к Блерыжу. Коли Трыщан тое видель, был велми смутен, если бы его збито, не былъ бы так смутенъ, иж ѡн миловалъ тую панию со всего серца, и ѡт великое жа-

лости не мог ни слова промовити. И пошолъ до кона и прыехал у двор короля Марка.

Король Марко былъ слышалъ ѡт Аудрета ꙗкъ Трыщан збил тых двух рыцэров, и король мѣл великъ страх ꙗк Трыщан прыидеть на великую доброту и ѡблакомившы сѧ абы ему не взял земли. И рекъ Трыщану въ слышанє всехъ людеи: Милыи мои сестренче, ꙗ много слышал ѡ тобѣ чому ꙗ могу вѣрыти; для того, абых ѡ том не мыслил, прошу тѧ абыс ми присягнулъ, што ми споведаешъ и не затаишъ ѡ чом тѧ буду пытати, а тобѣ с того сорому не будет. Трыщан не хотѣлъ зневѣрыти сѧ дадку, и Говорнаръ ему мовилъ абы ему што мога угожал во всем. И рек: Пане, готов єсми поведати все в чом ми ганбы не будет. И рек король: Прысягни-ж ми. Трыщан прысягнул, и король рекъ: Прошу тѧ, споведаи ми все по раду рыцэръство твое, што ти сѧ прыгодило ѡт того часу, ꙗкъ єсми тебе пасал на рыцэрство. Рекъ Трыщан: Што єстъ вола твоя, а мнѣ того не трудно. И почалъ ему поведати по раду и прышол к тому, што был вчынил ув-Орленъдэи, и тут его слухали з великим дивом и стоꙗли вси ꙗк забывъ сѧ, и споведалъ имъ до Блерыжа. И король и Аудрет были велми смутны, а иныє вси веселы, и рекъ Трыщан: Пане, большеи того єсми ничого не вчынил, але, пане, забудьте тое, ꙗ то мамъ ни за што. И король рекъ: Не хотѣлъ быхъ забыти жадным ѡбычаемъ, а коли тобѣ Богъ даст, можешъ быти большыи рыцэр на свѣте, и ѡт сее фили вжо єсми в доброи надѣи и лепеи весел нижли перво. А панове рекли: Тепер Корновал не бои сѧ докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ. И еще король рек (стр. 53): Боже ему дай здорове; а не ѡбавилъ король никому своее мысли, што былъ велми смутен, и почалъ боꙗти сѧ Трыщана, и не было на свѣте рѣчы, которую бы волѣлъ, только уморыти Трыщана нѣꙗкъ хитро, штобы сѧ не довѣдали. И почалъ мыслити ꙗк бы могло быти: бо ему не могу во всемъ угодити, а єсли хыблю, то єсми загиб, а коли бы єго не было на свѣте, ꙗ бых николи никого не боал сѧ.

И будучы ѡн в тои печали прышла ему на умъ ѡдна реч, ѡт чого бы могъ весел быти и збыти Трыщана.

Одного дня было неколко з нимъ дворан и мовили ему: Милостивыи королю, немудре чынишъ иж жоны не маеш. И Трыщан рек: Пане, велми слушне штобы ся ты оженил, и вся бы Корновала большеи была бы важона от околичныхъ сусѣдъ. И король рекъ: Сестренчэ мои, коли ты въсхочеш, я буду собѣ мѣти жону, а иныи мене не может оженити, одно ты, и на тобѣ то залежит: если въсхочеш, ты можеш наити мнѣ красную жону и добрую такую бых я хотѣлъ. Рек Трыщан: Єсли то на мене залежыт, будеш ю мѣти, хота ми на то горло втратити. И простер руку противъ одное цэркви, которую близко виделъ, и рек: Такъ ми бог помози и его моц, я хочу вчынити мою моц. Король рек: Уже яко бых ю мѣлъ в мене, я тобѣ повѣмъ тую, которую бых мѣти хотѣлъ. Ты вѣдаешъ, што ми еси поведалъ одну панну и фалилъ еси ее, што-ж ее красе нѣт ровни на свѣте — тая ми нехаи будет жона, а инаа жадная не будет, а то ест королевна орленъдэиская краснаа Ижота. И не мешкаи, прынеси ми ю, а озми што тобѣ будет потреба, якъ дворан много и всего што вам надобеть. Коли Трыщан тое слышал, позналъ што его дядко ненавидить и шлет его на смерть ув-Орълендэю. И ачъколвек ма быти зъ его недобрымъ, однако-жъ на то прызволилъ, яко ся ему обецалъ. И рек король: Милыи мои сестренъчэ, обецаи ми ся пополнити с правого серца. И рекъ Трыщанъ: Пане, хота ми умерети (стр. 54), а ты ее будеш мѣти. И король ему подяковал и рек: Будьте готовы и справте ся порадне, якъ бы есте тую реч повели почестне; але мое серцэ не отпочинеть докуль ся ты не вернешъ а Ижота будеть у моемъ дому. И Трыщан рад бы ся былъ отмовилъ от тое дороги, иж знал што его шлет тамъ, гдѣ ему нагоршые непрыятели для Амурата, и каялъ ся о том, але однак ся не отмовилъ. И выбрал сорок панатъ молодых абы ехали с ним, они были вельми смутны, бо не надевали ся такъ мѣти ганбу яко в наибольшых непрыятелехъ, але хота не хотели, мусели ся направляти на дорогу. Судно было готово и они были готовы, Говорнаръ плакалъ велми и рек Трыщану: Можеш

познати ѭкъ тебе твои дадко ненавидить, а то ѡн вмыслилъ большеи для твоеи смерти ниж для Ижоты. Рекъ Трыщан: Мистре, не бои сѧ, хотѧ ѡн мыслит зло, а коли ѥ ему вгожу в томъ и в другомъ, мусить ми добро мыслити и чынити. Рек Говорнаръ: Боже ти дап добро. Панъ Трыщан ѡтправилъ сѧ у судне на море изъ своєю дружиною велми достаточне и богато. И коли єхали, была межы ними игра и куншты ѭкъ то межы рыцєры и молодыми людми, а коли успоменули куды идут, тогды не вмѣли што речы, але Трыщан ихъ тѣшылъ и клалъ то у смѣхъ, и ѡни сѧ тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцэрство и говорыли: Мы съ Трыщаном не прынмемъ лиха. И былъ имъ супротивныи вѣтръ, и морнары лякли сѧ и змогали сѧ много и не могли ити, а пустили судно куды вѣтръ понесеть, и почали Бога просити: Боже, змилуи сѧ и збавъ насъ отъ смертн. Трывала тая година день и ноч, а на завтреи вѣтръ пересталъ и море утихло, и ѡни нашли сѧ близко ѡдного мѣста, которое звано Домолот, столичное мѣсто Артпуша короля, бо было роскошно и богато над вси городы выбрано, а было пры моры. И коли сѧ тут познали, не было тутъ короля Артпуша, поехалъ былъ у Каръдуель з невеликою дружиною. И спыталъ Трыщанъ морнаров (стр. 55): Гдѣ єсмо? И ѡни рекли: Мы єсмо у великои земли. Рек Трыщан: Вже не боимо сѧ и вздаимо фалу богу, што єсмо на кран, и ѡзмемъ собе тут покои и вчастность, фалечы Бога, што насъ здоровыхъ прынесъ на кран. И такъ вчынили, роспали шест шатровъ великих и вынесли щыты и зброи и вывели кони и стали на том местцу в-ыгре и у веселью. И в тот час выехали два рыцэры єждчалыхъ, которые были знали сѧ на дорозе не знаючы ѡдинъ другого, а з ними по пахолку, а имена ѡдному Ищор, братъ Анцалотов, а другому Марганоръ; Ищор былъ поставленъ недавно рыцэромъ ѭкобы чотыри недели, але не мешкалъ у дворе ни тыдня, поехал фортуны искати, и стало сѧ ему много добра иж ѡн былъ ѡт добрых кольцовъ и велми высокаго серца. А Марганор был старъшымъ лѣт а николн не был збит, але не былъ такого серца ѭкъ Ищоръ.

Коли ѡни прыехали ближеи къ шатром и ввидели щыты и гельмы, и рекли: То сут єждчалые рыцэры, стоят в холоде, а щыты поклали ѡбычаємъ лонъдрешскимъ, которыє кольвек едут мимо абы сѧ з ними коштовали. И хто бы их минулъ не покусившы сѧ, то бы ему соромъ. Рекъ Марганор: Мы маєм кольбу, а тыє нас ждут або иных, але єсли сѧ не будем с ними колоти, то єсмо в сороме. И рек Ищор: Ну-жъ во имя боже! И направили сѧ икъ потреба. А с Трыщаномъ был ѡдин рыцэр, што ведал ѡбычаи тотъ, бо ездилъ по корола Артиуша земли, рекъ: Трыщан, видиш тыє два рыцэры готуютъ сѧ икъ кольбе, што не могут проити не бившы сѧ, видечы наши щыты перед шатры. Рекъ Трыщан: Так ли ест ѡбычаи ихъ? Ѡн рекъ: Так. Реклъ Трыщанъ: Благословени тыє, которыє тот ѡбычаи постановили! И мы того не ѡпускаимо, дайте ми зброю. И рекли другиє: Чому? Рек Трыщанъ: Видите-ль тыхъ двух рыцэров, што хочут бити сѧ з нами? И ѡни рекли: А коли мы не хочем? Рекъ Трыщанъ: Коли мы сѧ маєм бонти (стр. 56) тых двух рыцэров, тогды не ѡзмемъ Ижоты из Ѡрлендэи, где инакъ ее не добудем.

(Битва Трыщанова з Марганоромъ) И коли былъ ѡправленъ, всѣлъ на конь и ѡтехал мало ѡт шатров. Рек Марганоръ: Рыцэр естъ готов, єсли хочеш едьмо к нему. Ищоръ, будучы молодшыи, не хотѣлъ перед ним попередити, и ѡнъ ехалъ и вдарыл Трыщана в щыт велми моцно. Сулица лошла ему на трѣски, а Трыщан сѧ ни мало не рушыл и вдарыл Марганора велми моцно, и ѡн палъ на ѡдну сторону, а конь на другую, нижли не раненъ, и велми сѧ збил ѡт паденья.

(Битва Трыщанова зъ Ищором) Трыщанъ збил ѡдного и ехал къ другому, и Ищор къ нему и вдарылъ Трыщана, аж сѧ ему сулица на трески спадала. А ѡт того вдару пробилъ ему щытъ и зброю и ранилъ єго в лѣвыи бокъ немного, а Трыщан єго вдарылъ так моцно, аж Ищор на землю пал, и видечы сѧ сколотъ, скочылъ и взал мечъ и рекъ: Рыцэру, почстил сѧ єси сулицою, би сѧ еще мечом доколе добудеть ѡдин другого. Рек Трыщан: я того не хочу, иж ми ни ѡ што не идеть, а кололи сѧ

єсмо для ѡбычаѧ, а бити сѧ не хочу. Рекъ Ищор: Побиймо сѧ немного. Трыщан рекъ: Не хочу. Ищоръ былъ велми смутен, рек: Так ти богъ помози, хто єси, што такъ боишъ сѧ мечного удару? Рек Трыщанъ: ѧ єсми с Корновали. Ищоръ рек: Чы властныи єси рыцэръ короля Марка? Рек Трыщанъ: Єстэм и вси тыє, которых бачышъ. Ищор рекъ: Въ злыи час вы пришли есте в сюю землю, коли ѧ зганбенъ. Рекъ Трыщанъ: Для чого? Ѡн рекъ: Хтокольвекъ почуєт, што ѧ збоденъ ѡт тебе, каждыи мѧ будет мѣти за худого рыцэра, и негоден єсми ѡружа носити. И ѡткинулъ ѡт себе щытъ и мечъ и почалъ плакати и клести себе. Рек Трыщан: Што то чынишь, прошу тебе? Ищор рекъ: Не хочу того носити ѡружа, а ни ехати на том кони, на которомъ єсми таковую ганбу прынял ѡт ѡдного рыцэра, бы ми пѣшу поити. (стр. 57) И пустил коня у поле. И тому сѧ Трыщан насмеялъ и рек: Рыцэру, сором мнѣ есть пустити та пѣша, коли не хочеш того коня и зброи, ѡзми мою зброю и конь. Рекъ Ищор: Не дай того богъ, то бых єще гореи зганбен, бых сѧ ѡболокъ въ зброю корновальскую. И пошолъ пешъ, ѡставилъ того коня и зброю на поли, а с ним поехал Марганор велми жалостен. Трыщан вернулъ сѧ до дружыны и поведал имъ Ищоровы речы и почали дивити сѧ. И на завтреи стоечы ѡни там, узрели судно велико идеть к нимъ до прыстанища. Ѡни прыстали, а в томъ судне былъ самъ король Ленвизъ ѡрлендэискии. И прыстали ѡдалеи судна из стрельбищэ и вышли на краи, и поставили шатеръ, вывели кони, и король усѣлъ на конь и поехал къ Трыщановым шатром. И коли был у шатров, спытал: Ѡткуль ест тая дружына? Ѡни рекли: Ис Корновали. Рекъ король: Которая потреба вас сюда загнала? Ѡни рекли: Зла година. Король спыталъ: Єстъ ли тут Трыщанъ? Ѡни рекли: Ест, ѡно ѡтпочываєть у шатре. Але вы ѡткула, што пытаєте Трыщана? Король рек: ѧ єсми ѡдин рыцэръ из Ѡрлендэи, велми єсми ест радъ видети. Надевамъ сѧ пж ѡн будеть рад видети сѧ со мною. И ѡни рекли: ѧкъ тобе естъ имѧ, быхъмо ему умѣли поведати? Ѡн рек: Имѧ мое ест Ленвизъ, поведанте ему. Коли чул Тры-

щан менуючы Ленвиза, онъ скочыл и рек: Где естъ? Они рекли: Тамъ та ждеть. Онъ пошолъ боръздо и виделъ короля перед шатромъ и бѣгъ к нему велми весело, и облапили са велми мило и пытали са, як са кому прыгодяло от того часу коли са разлучыли. Рекъ король: Велми есми весел, што есми тебе нашолъ. Рекъ Трыщан: Пане, а яка мене ест тобѣ потреба? я есми много мѣлъ почесности у твоемъ дворэ, а то недавно избавил ма еси смерти, а я тобѣ обецалъ што нетъ рѣчы на свѣте, чого бых для тебе не вчынилъ, одно бы без моее ганбы. Рек король: Велика ласка, повѣм ти, для чого есми прыехалъ тутъ у кролевство лондрешское. Были ув-Орлендэи после тебе частые турнаи, (стр. 58) на которыи прыездчали много добрых рыцэров из Лондреша, из Галиуша и от иных сторонъ, и было неколико турнаевъ под оным городомъ, где ты збилъ Паламидежа. И прыехали чотыри рыцэры уроженые а кревные короля Бана баноцкого, и тые добыли тотъ турнаи, и просилъ есми их абы стояли у моемъ дому, и они прыехали, и иных досыт у тот город, у которомъ ты стоял. Будучы они тамъ, нашло са по грехом, чого-ж я не свѣдомъ, иж одинъ з них убитъ у моемъ дому, чого затапть не могу. Але то богъ вѣ, иж есми в томъ невинен. И жаловалъ есми того велми, такъ ми бог помози, волелъ бых утратити один добрыи замок, нижли бы са тое злое у моем дому стало. И видевшы то тые три рыцэры, которые были з ним, гневали са на мене да не могли ми ничого учынити у моем дому, и одинъ з нихъ, именем Бланор, рекъ: Королю Ленвизе, мы есмо прыехали у твои домъ званые яко къ прыятелю, а ты нам учынил як непрыятель, забил еси нашого брата у своем дому зрадне. Тутъ с тобою не можем ничого почати, але са росправиш со мною на дворе короля Артиуша битвою. И то рекшы поехал, также и другие рыцэры, которые там были, говорыли, бо всимъ того было жаль. И недавно ми прынесли листы от короля Артиуша, позываючы мене и даючы рок, абых сталъ перед ними бити са и отвести са неправде, которую Бланор на мене положыл для смерти своего

кревного. А дает ми вѣдати, если бых не стал, то мам згинути ꙗко зрадца; на который позовъ мушу стати, бо ест король Артиушъ так силенъ, иж можеть ма згубити, а во всих моих людех нѣтъ чоловѣка, который бы могъ бити ся зъ Бланоромъ, а ни ся сам таков чую, бых ся могъ ѡт его потвары ѡтвести, иж ѡдин ѡнъ ѡт добрых рыцэров, которыє слывут по свѣту. Для того єсми у великои печали и не вѣмъ, што бых учынилъ. Але за мою доброт, которую єси мѣлъ у моємъ дому, смѣю та просити, абы єси за мене з Бланоромъ билъ ся, и надѣю ся на твою ласку. (стр. 59) Коли Трыщан то выслухал, был велми весел и рек самъ к собѣ: Уже-жъ буду мѣти Ижоту, по што єсми прышол; и ѡтказалъ ему: Пане, ты для мене много чынилъ, а ꙗ готов для тебе чынити. Але умовмо ся: Коли даст богъ тоє справлю, дап ми ѡдинъ дар, которого буду у тебе просити. Король ему велми радъ ѡбецалъ, и Говорнар и вси панове корновальскіе и ѡрлендэнскіе почали мовити, абы чули ѡбе стороне, которыє тутъ стоали: Трыщан естъ готов бити ся з Бланором за правду. А король ему ѡбецал дар, которого будет Трыщанъ просити, коли тую реч сполнить. И рекли: Такъ ли естъ? Рек король: Такъ; и Трыщанъ: Такъ естъ. И тут ударыли у бубны и у трубы трубити с обу сторон, и было великоє веселье, иж ѡрлендэне знали Трыщана велми доброго рыцэра и рекли: Уже-жъ Бланор збитъ коли на тую потребу знашли Трыщана. А корновалене мовили: А мы маємъ то, што хочемъ. Трыщан рекъ тым и другимъ: Если ма милуєте, не поведанте ма а ни ѡткуль єсми ꙗ, а ни ѡ том, што мам тую битву прынати. Ѡни рекли: Пане, будь на твою волю. И злучыли ся вмѣсто ѡрлендэне с корновалены. И прыт ом весельи прыехала у шатер ѡдна дѣвка носечы ѡдин щыт хорошыи, а был без иного белега, не так, ꙗкъ иныє щыты: на нем была написана ѡдна пани, и ѡдин рыцэр цаловал панню, а щытъ был росъщеплен по середине, и не могли его никакъ стиснути, а ѡн щыт росщеплен былъ межы усты витезевыми и панее. Трыщанъ и иныє почали дивити ся и пытати дѣвки: Ѡт-

куль єси ты? И ѡна рекла: Ꙗ єсми гост с чужого панства, а послана єсми ѿт ѡдное панеи до другое болшое. Рек Трыщан: Прошу поведаи ми, єсли рачышъ, чому тотъ щыт рощепил сѧ? Чы может сѧ стиснути которым ѡбычаємъ? Рекла дѣвка: А хто єси што мѧ пытаєшъ? Рек Трыщанъ (стр. 60): Ꙗ єсми гост с чужое стороны. Рекла дѣвка: Єсли хочеш нешто ведати ѿт мене, поведаи ми имѧ свое. Ѡн рекъ: Имѧ ми естъ Трыщан, сестренец короля Марка корновалского. Ѡна рекла: Пане, слышала єсми много доброго ѡ тобѣ ѿт многихъ людеи, для того ти повѣмъ. У сеи земли ѡдин витезь такъ великии, иж надъ него ни близко ни далеко нѣтъ, а милует ѡдну панию велми высоку у сеи земли, так ю впрэиме милуеть, лепѣи пижли сам себе, а пани его также, але еще сѧ не познали телесне, ѡдно сѧ цаловали. Из ѡное милости тот щыт учыненъ ест, ꙗкъ его видиш, и не может сѧ жадным ѡбычаем зъступити, докул сѧ ѡни злучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогды сѧ тот щытъ зъступит. Рек Трыщанъ: Поведаи ми, дѣвко, имѧ того рыцэра. Она рекла: Того ти не повѣмъ ни ꙗкожэ. Рекъ Трыщан: Дѣвко, ест-ли корол Артиушъ у Дамолоте? Ѡна рекла: Нетъ, але естъ у Кардуели, а ѡставил короля Кардоса и короля из [С]гоцэи смотрети тое битвы, которая мает быти королю ѡрлендэискому з Бланором. У дворе тепер много добрых рыцэров племени короля Бана баноцкого, которые прыехали для тое битвы. Трыщан рекъ: Ꙗков тотъ витезь с ким сѧ королю бити? Рекла дѣвка: Велми витежства доброго. За тым девка поехала до Кардуела, бо там надевала сѧ знапти кого пскала; а таа дѣвка была ѡдное панеи з Локве, которая была великаа зеленица, чаровница болшеи пижли пные вѣдьмы, а того была навчыла сѧ ѿт Мерлина пророка, которыи много знал ѡ прыпдучых речах, але сѧ в томъ не вмѣлъ мудро заховати, абы его не вморыла таа, которую миловалъ зо всего серца, и звѣрылъ сѧ еи всего, а ѡна его вморыла руками его жывот, затворыла у гробе подъ землею, зачаровавшы такъ, иж ѡнъ не был (стр. 61) собою волен. А ѿт того велико сѧ зло стало, што такаа мудрост

пала перед ѡную жону. И таꙗ пани з Локве, ѡ которои вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы, которыє были межы королевою Веливерою и Анцалотом, ѡна хотѣла ведати ихъ справу, длѧ того послала королевои тую дѣвку и щыт и поручыла єи такие рѣчы, абы королеваѧ знала, што тотъ щыт, и гледѣла на него и дѣвку тэ-ж задержала в себе, поки сѧ тут злучыть з Онцалотомъ, хотечы видети, чы ступит сѧ тогды щытъ вмѣсто. То ѡставмо. А Ѡнцалот в тотъ часъ былъ в прынчыпа Галиѡта, которыи велми миловал Анцолота, волѣль бы вмерети, нижли бы не мѣти его въ товарышстве. А если бы Анцолот вмер, ѡнъ и вси рыпэры силно бы єго жаловали, бо не было так силное руки и так высокого серца.

Трыщан ѡпѧт пошол до королѧ и поведал ему все, што чул ѡт девки, и ѡ Бланоре, ꙗкъ прыехал у дворъ королѧ Артиушов, и ꙗкъ король Артиушъ ѡставилъ два короли смотрети бытвы. Треба се вам поспешыти, рек король: так намъ бог помози и даи почстене, ꙗкъ єсми правъ. Говоречы ѡни такъ, аж ѡпѧтъ єдеть девка плачучы; Трыщан сталъ ꙗкъ забыв сѧ и ѡставил королѧ и шолъ боръздо къ девцэ и рекъ: Што сѧ тобе стало? Ѡна рекла: Пане, щытъ, которыи есми носила, ѡтнѧлъ ми єго ѡдин витезь; ꙗ єсми загибла и не вѣм, што чынити, и мало мѧ не вбилъ, што єсми не хотѣла щыта дати. Тепер сѧ не смѣю вернути ни на перед поити куды-мъ шла. Трыщан был злое воли и рекъ: Щытъ може быти у тебе; поведаи ми, куды поехал? Ѡна рекла: Простою дорогою. И Трыщан сѧ убралъ у зброю борздо и поехал за нимъ, а с нимъ ѡдин пахолокъ, и борздо его догонилъ. И с тымъ витезем были два пахолъки; коли єго видел Трыщанъ, кликнулъ витезю: Верни щытъ девцэ (стр. 62), або сѧ варуи мене.

(Битва Трыщанова зъ Бреусом) И ѡн забол к нему и вдарыл єго всею моцю и зломалъ сулицу, а Трыщан єго вдарылъ, аж сулица прошла плечо правоє, а ѡн пал на землю. А коли Трыщанъ вынѧлъ сулицу, и ѡнъ сомлѣлъ ѡт болести; Трыщанъ, хотечы вѣдати хто ест ѡн, зъселъ с конѧ и снѧлъ ему гелмъ з головы и рекъ ему: Ты єси мертвъ, єсли сѧ не ѡбецаєш, што ти

велю! И онъ видѣл голову свою голу и мѣлъ страх смертныи и выналъ меч свои и подал Трыщану и обецал ему учынити што велить. Рек Трыщан: Вседь на конь, а едь за мною вземшы щыт. И онъ вселъ и поехал; и коли были близко шатров, онъ вернул щыт девцэ, рек: Готов есми оправити, што тобѣ жал. Рекла девка: Не хочу от тебе болшеи, толко щыта. Трыщан рекъ: Хто есп ты? Онъ рек: Бреусъ. Рек Трыщан: Чы по милости естъ Бреусъ? Онъ рекъ: Такъ ма люди зовут. Рек Трыщап: Я слышал от людеи говоречы зло о тобѣ, але коли бых та такъ не пустилъ, я быхъ мстилъ на тобѣ за твою злост и зраду. Але иди съ покоем. А дѣвка подаковала Трыщану велми умилно и поехала своею дорогою. Трыщанъ прыехалъ до корола, и король рек Трыщану: Едмо там, гдѣ насъ ждутъ. Рекъ Трыщан: Будь такъ; и парадившы са почестне поехали и прыехали в Дамалот и ехали мимо королевскии двор, а перед дворомъ седѣло людеи добрых досыт. Трыщан ехал изъ своею дружыною господъскимъ обычаемъ, а ехалъ в гелму, бо не хотѣлъ абы его познали, один витезь несъ сулицу, а другии ему несъ щыт. А тогды были у дворе вси добрые витези кревные корола Бана баноцкого, и были оные два короли, которых оставил корол Артиушъ видети тую битву. Коли оные плема видели корола орлендеиского, што прышолъ нарадно отвести са от зрады, которую на него Бланор зложыл, и видели, што естъ готов юнак и нараден, пытали са о нем и не могли довѣдати са.

Король Ленвизъ прышол къ оным двум королем и рек: Панове, я готовъ о тую правду от зрады, котораа на мене (стр. 63) положона от другого, отвести са. И прыступивши плема корола Бана, рекли: Так ти хочем указати, якъ еси уморылъ нашого племенъника зрадне у своем дворе. Рек Бланор: Который ест один з нихъ наплепшыи рыцер? я ти хочу мечом указати, если богъ ми даст. И положылъ рукавицу на знакъ битвы. Трыщан прыступил якъ королемъ двум и рекъ: Панове, я отнимаю корола орлендеиского, иж он у топ смерти невинен, которыи

убитъ у его дому. И взалъ рукавицу. Рекли короли: Едте-ж без мешканьа и конецъ тыхъ рѣчей.

Бланор шолъ убрати сѧ и убралъ сѧ у найбольшую зброю, и wгледовали его, и дали ему великого коня и доброго, которыи был прынъчыпа Галиwта короля, Блерыж ему щыт понесъ, а другии витез сулицу.

И ехали перед городъ з великою дружыною, а не былъ нихто з нихъ у зброи, толко Бланоръ. А коли были на поли, король Ленвиз вывел Трыщана и рек плачучы: Прошу тѧ для Бога, мѣи сѧ самъ к собѣ и не лекаи сѧ. Рек Трыщанъ: Если бог похочет, которыи жывет у правде, а тебе хочу тепер избавити wт Бланора. И взалъ щытъ и сулицу и сталъ на поли храбро. Рекъ Блерыжъ Бланору: Wно рыцэръ с ким ти сѧ бити, але знат по немъ, иж добрыи по седенью и на ношенью оружа. Помысль на то, што ни wдинъ витез з нашого роду не был такии злыи, гдѣ бы чсти не добыл, и намъ дал богъ тую ласку свою, а тепер варуи сѧ, абыхмо не были тобою поиижоны. Wн рекъ: Брате, не wтчаи сѧ.

(Битва Трыщанова з Бланоромъ) И такъ ехали на поле; коли сѧ wба видели на поли, и пустили сѧ wдин къ другому и вдарыли сѧ, и wба поломали сулицы, а пали с коньми на землю, и wба сѧ ранили и розбили. А скочыли велми храбро и почали сѧ рубати по гельмах велми моцно, не уступаа wдин другому; и которые пры том были, вси сѧ дивовали, што wни чынили. Кордосъ король рек: Милыи боже, велико бы зло если бы тые два пали, а вижу иж wные легкие и моцные. А витези сѧ рубали без престаньа, и в малом часу на нихъ (стр. 64) зброи wслабели и в щытовъ бенди wтпадали, и ранили сѧ на много мѣст. И дивилъ сѧ Трыщанъ Бланору а Бланор тэ-ж. Рекъ: Сего чуда ни чоловѣкъ не видалъ; и wба боялн сѧ смертн, або ганбы. Трыщан позналъ Бланора, что ест добрыи витез, якого не видѣлъ у свои дни, и бачылъ што сѧ сплит зъ своеи моцы а наперед не маеть в чом трывати, и почал Трыщан ему брати поле, и тут была битва сильна, и вси говорыли: Тые витези wт доб-

рыхъ витезеи. Блерыж рек своеи братьи: ѣ вижу, што тотъ витезь не маѣть ровни на свете, и Анцолотъ не ест таковъ, ѣ знаю по вдарахъ, и видите Бланора иж ѡнъ не будет мочы стрывати до конца.

Король ѡрлендескии, видечы храбрость Бланорову, иж сѧ деръжыть противъ Трыщану, мѣлъ великии страхъ. И рубаючы сѧ ѡни, ѡслабели имъ вдарцы. Трыщанъ рек: ѣ хочу видети докуль ты можешъ стерпети. И была имъ потреба ѡпочынути; Бланор не могъ болшеи и положыл щытъ и мѣчъ и възлегъ на землю, мѣлъ страх ѡт смерти, а Трыщан такъже. Коли почынули добрыи часъ, Бланоръ, которыи сѧ видел на погибели, мыслилъ: Єсли ѡн другии разъ не утомит сѧ, ѣ не могу ѡт него стерпѣти. И рекъ: Витезю, знам, што єси набо̀лшыи витез сего свѣта, дѧ того жедаю вѣдати имя твоє, и за то ти не хочу ни ѡдного добра вчынити, леч напбольшое зло, але нехаи быхъ зналъ ѡт чыее руки умру, або кого добываю. Рекъ Трыщан: Єсли ми зло мыслиш, ѣ знамъ по вдарцах твоего меча; ѣ тебе фалю, але не мыслишъ о собе иж не можеш иного добыти, ѡдно смерти. Але вѣдаи ѡт кого умрешъ: ѣ єсми Трыщан, сестренец Короля Марка корновальскаго. Коли Бланор тоє чулъ, ѡнъ былъ велми веселъ и рек: ѣ єсми слыхал ѡ тобѣ великую славу по свѣту, а єсли мѧ добудешъ, мои близкие не будут мѣти сорома, але коли пак дастъ бог ѣ тебе добуду, великое чести добуду. И взялъ щытъ и мечъ и рекъ: Бачышъ, на твою ганбу прышол єси сюда, єсли моѧ правица здорова будеть. Трыщан ѡтказалъ: (стр. 65) Моею ганбою не будеш сѧ фалити, тепер познаеш с ким єси кружки делилъ. И скочылъ к нему и почала сѧ битва велми моцна, и вси почали говорыти: Єсли быхмо не видели, то быхмо не вѣрыли. И такъ ѡни ходили беручы ѡдин другому поле и рубали сѧ великую филю. Бланор болшъ не могъ меча подънести; видевшы то Трыщан рек: Борони сѧ, потреба ти ест, або мысль ѡ собе. И ѡн не могъ ничого ѡтказати. Виделъ Трыщан, што сѧ стыдить, ударыл его по гельму такъ моцно, иж не мог на ногахъ стоѧти, и

палъ на землю, не рушылъ ни рукою ни ногою и рекъ Трыщану: Сопми ми главу, прошу тѧ, нехай моєму сорому будет конецъ. Трыщан то виделъ, иж онъ отъ великого серца не хочеть подати сѧ и волить умерети, ниж мовити: Побитъ єсми; а коли его пущу а не дасть ми меча, моя битва мало помочна, а ни добыта; а коли его убью, то зле учыню: Убилъ такова витезѧ. И пошол до королевъ и рекъ: Панове, мы єсмо сѧ так били, якъ вы сами видели, але один з насъ не хочет дати меча и мовити не хоче: Побит єсми, и волить умерети, нижли мовити то своим езыкомъ. А што-бы тому за ганба што ему на тот час фортуна не послужыла? А если сѧ вам видит, уложыте миръ межы нами, а нехай корол арлендэнскии будет волен от потвары, а коли будет еще битва, муси быти ещэ гореи, то вже хто з насъ мусить жывот дати на тои битве.

Короли розумели иж Бланор волить умерети, нижли то мовити, и видели Трыщанову доброт, иж не радъ убити Бланора а маючы его по своеи воли и могучы надъ ним што хотѧ вчынити, и радили сѧ што-бы мѣли с тым чынити. А такъ сѧ имъ видело иж бы перестала битва, а Бланор не вмеръ, коли естъ на то Трыщанова доброта и милосеръдье. И рекли Трыщану: Рыцэру, дякуємъ ти на твоеи дворности, што отпущаешъ смерть Бланору, ты вже можеш розобрати сѧ, если рачыш. Мы то прыймуем, иж корол орлендэнскии прав от поклепу Бланорова. Трыщан имъ подѧковалъ; рекъ король орлендэнскии: Можемъ ли поити свободне, якъ правые, куды хочем? Они рекли: Можете, (стр. 66) куды ваша волѧ. Трыщан уложыл мѣчъ у пошвы, а щыт на плечы, и пошолъ до конѧ и всѣлъ велми легко, яко-бы не раненъ, и вси сѧ дивили, якъ могъ на конн седѣти; а Трыщан такъ скочыл храбро, яко-бы не ударенъ. — Видечы племѧ Бланорово, што Бланор палъ, шли к нему, внимаючы, штобы мертвъ. А корол Ленвизъ видел едучы Трыщана, рек двум королемъ: Панове, пустите мѧза моим витезем бы ми не уехалъ, абых его не потералъ. Рекли они: Споведан намъ имѧ того витезѧ, а потом поедешъ з богомъ. Рекъ он: Не могу вам споведати без хибы,

бо хочу ехати, абых его не потералъ: то есть Трыщан, сестренецъ короля Марка корновальского, витезь большыи на свете. То рекшы, вселъ на конь и прыболъ за ним борздо из своими дворены. А было первеи слышано Трыщаново рыцэрство у лондрешском кролевстве у крола Артиушовомъ дворе. И коли поведали королю Артиушу як Трыщан отпустил смерть Бланору збившы его, а онъ не хотел ему дати меч, рек король: То ест наиболъшаа рыцэрскаа штука, чого есми нигдѣ не видел, и весь свѣт о томъ его хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великои славе, коли он в тыхъ лѣтех, будучы молодъ, а умѣлъ показати такую доброть.

А коли Трыщанъ прыехал къ дружине къ шатром своимъ на берегъ, шли противъ его з великимъ весельемъ и пытали его якъ са ему стало. Онъ рекъ: По милости Божеи избавил есми короля от Бланора и от печали. И они пофалили Бога и рекли ему: Пане, не велми-ль еси зраненъ? Рекъ Трыщан: Не эстэм без ранъ, але недбаю того; коли есмо не посоромочени, то есмо весели иж достали чого хотели. И прыехал король Ленвизъ из своею дружыною и зъседшы с кона прышолъ къ Трыщану и почал цаловати его говоречы: Трыщане, нашолъ ма еси мечом, а есми твои и все што мамъ, але жедаю ведати, не вельми-ль еси зранен? Рек Трыщанъ: Если будеть добрыи лѣкаръ, не бою са смерти от ран. Рекъ король: Лѣкара добудем коли мы просты от печали. Корол (стр. 67) позвал лѣкары, и огледали ему ран и вдѣлали што потребно. Рекъ Трыщан: Королю, ты вѣдаешъ нашу умову? Рек король: Вѣмъ, мамъ ти дати, чого ты хочешъ. Трыщан ему подаковалъ велми покорно и рекъ: Я прошу твоее дочки Ижоты моему дадку королю Марку. А потом его пыталъ: Пане, куды хочемо отселя? Рек король: Не хочу ити отсела, поки тебе увижу здорового, а потомъ поедемъ ув-Орълендэю што можемъ наборъзден, але прошу тебе для твоеи дворности, поедьмо со мною поспол, а змешкаэм тут покуль тобѣ потреба. И было тут великое веселье и прыязнь орлендеономъ с корновалены, которые были перво в наболшои непрыязни межы со-

бою. Трыщан всю тую ноч працовалъ, а король мало спалъ; и назавтрее король позвалъ одного мудрого чоловѣка и поведал ему сонъ свои, што видѣлъ. Онъ рекъ: Пане, я бых вамъ радилъ, не дай ты дочки своее Трыщану, бо коли она поидеть в Корновалю, муспть мѣти велми нужные рѣчы, чого ни одна дѣвка не мѣла. Король рек: Того не могу вчынити, я ее далъ за такового витеза, якии єстъ Трыщан, которыи так много вчынил для мене; коли бых ее не далъ, то бых был зрадца, бо єсмо умовилъ с нимъ икгды-мъ его потребовалъ на мою великую потребу; а я дочку велми милую, але ми ся не годит для нее вътратити честь. Нехай ся станеть вола божа, не могу єе не дати. А пан Трыщанъ отпочынулъ и велелъ морнаромъ управити корабль и шолъ ув-Орлендэю. Тутъ была честь и великоє веселье въ дворе королевомъ, тут было витезеи, панеи и панен досыт, которыє смотрѣли славного витяза пана Трыщана, которыи ихъ избавилъ от печали Бланоровы. И тутъ веселившы ся отправили ся от корола и от королевое на море з великим весельемъ, а з собою ведучи красную Ижоту а с нею много добрых панеи и паненъ коштовно убраныхъ як естъ слушно таковои панеи. И з милости плакали король и королева и вси людіи добрые, а королева, отозвавшы Говорнара и Брагиню и рекла им: Возмите тую флашу сребреную полну питьа и заховапте ее, а коли король Марко изъ Ижотою будут на постели, дапте им напить ся (стр. 68) того пита, напервеи королю, а потом Ижоте; а коли ся они оба напьют, проли останок, бо если бы ся хто иныи того пита напил, много бы ся зла могло стати, иж ся то именует милостное питє. А коли ся оба напъють, велми ся будут миловати, до их жывота нихто не можеть зла вкинути межы них. Они ся обецали то вчынити и потом взали прощене от корола и от королевое, и напали парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни один не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, одно правоє доброс почстене. Идучи они по мору, коли был третии день, Трыщан зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане злотоглавова жупица и шата, а на

Ижоте зеленого ѡксамиту саꙗнъ, а было то лѣте и былъ великии знои. Рек Трыщан: Треба сѧ намъ напити. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флѧшы милостного питꙗ, забывшы сѧ, бо в коморе было много всѧких судов, и далъ Трыщану, а другии далъ Ижоте. И скоро сѧ напили того пива, и єще не допившы кубъков впали межы собою у великую милость, аж и до жывота своего ѡдин другого не ѡставилъ. И почали гледѣти ѡдинъ на другого и не мыслили ни ѡ комъ, толко ѡ собе. И сѣли ꙗко-бы злѧкшы сѧ, Трыщан мыслил до Ижоты, а Ижота до него, а королѧ Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую сѧ, ѡткуль ми прышло то так прудко, а первеи ми того не было? И мыслилъ ѡдинъ къ другому, и мовили сами собѣ: Мысль наша естъ невѣрна; але пиво их перемогло. Рек Трыщанъ: Если ꙗ милую Ижоту, то не дивно: ѡна ест намильшаꙗ речъ на свете, лѣпшое бых не могъ наити, а ꙗ єсми ее вывелъ и мнѣ ест дана, а милость наша скрыта може быти. А Ижота мыслила: Єсли ꙗ милую Трыщана, то ест не дивно: ѡн естъ моꙗ ровнѧ и такъ высокого роду ꙗкъ и ꙗ, и витезѧ большого на свѣте нѣт. И тую мысль ѡбачыли иж ѡба сѧ милуют со всего серца; Ижота сѧ ѡ том веселила и рекла: Коли мѧ милуеть наибольшыи витезь, чому мнѣ большого добра? А Трыщан рекъ: Ꙗ мам великую фортуну на свѣте, иж мѧ нацуднеишаꙗ панъна милуєть, (стр. 69) а ꙗ еи того не заслужыл. Коли Говорнаръ успоменул, што имъ далъ любовноє пиво, ѡн сѧ злѧкъ и сталъ ꙗкъ забывъшы сѧ и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота єго. И рек Брагини:Мы есмо винни, што дали пить оноє пиво не знаючы. Рекла Брагинѧ: Мы есмо злую дорогу нашли и погинули, а Трыщана и Ижоту погубили єсмо. Ѡн указал флѧшу, в котороп было пиво, и рекъ: Знаєшъ-ли, што єст тоє? Ѡна рекла: То єст пиво милостноє. Ѡнъ рекъ: Зле єсмо порученоє намъ ѡстрегли, того єсмо дали напити сѧ Трыщану и Ижоте, ѡто-ж сѧ милуют. Брагинѧ почала плакати и рекла: Зло єсмо великоє учынили, не може быти абы с того не пошло много злого; тепер намъ годить сѧ быти велми мудрыми, а мы єсмо велми

смутны ѡ том; але их жалость была велми искрыта, што бы сѧ иные не довѣдали. А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: ѩ тебе милую из серца. Ѡна ѡ том была велми весела и рекла Трыщану: ѩ не милую ни ѡдное рѣчы на свѣте ꙗкъ тебе, а ни дай богъ поки буду жыва. Видечы то ижъ ест Ижота с нимъ ѡдное мысли, не ѡткладаючы далеи того, шли у комору и сполънили свою волю; ѡттоле на вѣки не ѡтменила сѧ их милость и ѡт тое милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцэра, которыи бы подꙗлъ толко муки дла милости, колко Трыщанъ.

А такъ была велика шкода, иж у тые часы не было большого витеза над него: ѡнъ был третии витез на свете. Рекъ Говорнар Брагини: Што ти сѧ ѡ том видит? Види ми сѧ, што Трыщан узал паненство Ижоте, ѩ есми их виделъ уместе. Ѡна рекла Говорнару: Мы есмо погибли, коли се найдеть король Марко не в паненствѣ, ѡн мусить погубити всих насъ. Рекъ Говорнаръ: Не бои сѧ, коли-ж уже такъ сѧ стало по нашых грехах, треба сѧ намъ печаловати ѡ тои речы, абы нихто не вѣдал. Рекла Брагина: ꙗк то може быти? Рекъ Говорнаръ: Дай то на мене, ѩ то вчыню. (стр. 70). И ѡна рекла: То бы то добре, бы то бог дал! А ѡ том Трыщанъ и Ижота не знали нічого, што ѡни то вѣдают, и не мыслил Трыщан нічого, толко ѡ Ижоте, а Ижота ѡ Трыщане, и не было в них иное на вмѣ, толко ꙗко-бы в рай были, и миловали ѡдин другого болшеи иж самъ себе. И такъ вросла их милость, ижъ не знали ꙗкъ-бы сѧ въздержали ѡдин ѡтъ другого; а шли до Корновала безъ мешкана.

И была имъ ѡдна переказа: в одинъ день година сѧ ѡтменила, а море надуло сѧ, вѣтръ повсталъ и погнал их пгвалтомъ тую ночъ куды не хотѣли и назавтреи подъ некоторым градом великимъ и моцнымъ, которыи былъ на ѡдном ѡстрове на моры, ѡколо его было много ѡстрововъ великихъ; а тые ѡстровы полны добрых людеи и всакого добра, которых то зовуть Долние ѡстровы. А пан их ест Галиѡт прынчыпъ, а то была его ѡтчызна, иные земли и панства побрал своею

добротю; а тогды былъ Анцолот в одной земли, которая ся зоветъ Сореплопісъ. Рекъ Трыщанъ: Вѣдаете-ль вы, морнары, гдѣ естъ тот Плачевный городъ? Рекли они: Не вѣмы, але он ест прынчына Галиота городъ. Рекъ Трыщан: я быхъ по воли не хотѣл ся в нем напти, иж ми поведали, што в немъ злыи обычаи. Говоречы они о томъ, аж идуть шесть человеков зброиныхъ. Коли видели, што они с кораблемъ не могуть никуды, они имъ рекли: Откуль есте вы, што есте прыстали у наше прыстанище без нашого дозволена? Рек Трыщанъ: Мы есмо с Корновали, послы короля Марка, а идемъ из Орлендэи, а то нас зла година загнала, а вам есмо не винни а ни шкодимъ вамъ ничого. И они рекли: Откуль есте вы? За нашу вмову вы вазни нашы, вылезте вон штоколвекъ ест вас тут, и поидите у городъ и увидите закон наш. Трыщан рек дружыне своеи: якъ хочемо? Если ихъ послухаемъ, то в руках есмо, могуть намъ зло вчынити. Они рекли: Не вѣмы, што оны мыслять, а лепеи намъ тут боронити ся што могучы, хота и побити ся; а иные рекли: Наше отнимание непомочно ничого, иж есмо у ихъ (стр. 71) руках, могут насъ из судном потопити, албо з города камѣнем побити, але лепеи даимо ся у ихъ руки. Рек Трыщанъ: Панове, варуите ся што чынити, тотъ городъ так злого закону, коли ся дадимъ у ихъ руки, они насъ могуть погубити, або в темницы вкинути, тут не будет от насъ наша послуга имъ вдачна, а и ласка ихъ намъ ничемна. Я быхъ рекъ: Лепеи боронимо ся што могучы, лепеи намъ вмерети, нижли въ ихъ ласцэ быти, бо ихъ ласка не ест намъ пожыточна. Рек Трыщан Ижоте: А ты што мыслиш о том? Она ся была престрашыла и рекла плачучи: Трыщане, я не вмею о том мовити, я тобе дана в твои руки и в опеку, ты мене вывелъ з моее земли, а если мнѣ прыидеть ганба албо смерть, то ми от тебе будет. Коли Трыщан то слышал, почал клести тот день, в которыи ся родилъ, и рекъ: Панно, чы хочешъ абых ся в сем судне, докуль ма забъют, або подмо на гору в замокъ и даимо ся имъ в руки? Она рекла: Нехаи такъ будет, якъ ты хочеш. Рек Трыщанъ: Поидимо на гору к ним и терпѣмо, што

намъ прыидет ѡт них, коли не можемо сѧ им ѡборонити. И к тому прыступили вси и вылезли вон з судна и пошли на гору у город, нашли в замку досыт добрых людеи, витезев и пахолковъ и невѣст и слугъ. И прывели ихъ ув-одинъ великии домъ, в котором было много коморок, а в нихъ были вязни, которых имывали, а двор былъ огорожонъ велми твердымъ муром, иж ни ѡдин вязен не може втечы. И пустившы ихъ внутръ, ворота замъкнули. И рек Трыщан: Панове, мы есмо вязни да есмо погибли, иж тыэ сут такъ злого закону и такъ невѣрни, иж мы не выидем ѡдъ них безъ нашое смерти если богъ нас не вызволить. И почали вси плакати и тужыти велми грозно молчком, бо не хотѣли абы их иные слышали. А такъ был Трыщан з дружыною своею тот день и ночъ у везеню, и нихто ихъ не видел. И назавтреи прышли к нимъ шесть чоловѣковъ без ѡружа и рекли имъ: як сѧ маете? Рек Трыщан: яко в тои прыгоде, которую нам бог далъ, але прошу васъ панове, так вамъ бог помози, тут ли маемъ ѡстати в сем везени, споведанте нам? Рекъ ѡдин витезь: (стр. 72) Тое нетство, с которого николи никто не выходит, то такъ справлено всимъ, которых тут сажають, и николи вже не выидут с того плачу и в слезахъ вси дни свои, и дла того сѧ зовет Плачныи город. Рек Трыщанъ: Ѡхъ мои милыи боже, если то правда если бы ни ѡдинъ не былъ жыв, которыи сезде влѣзет? И онъ рекъ: Запсте ни ѡдин ѡтъ того часу, як тотъ законъ поставленъ, але коли бы нашол сѧ витезь велми высокого серца и рыцэрства, а пани крашеи нашое панне, а прыехали бы ѡба посполе, то бы были нам господары, а тые бы муспли померети, которым мы служыли. Коли Трыщанъ то чулъ, вельми сѧ ѡбвеселилъ и рече: Колп быхмо были справедливе сужоны, были быс мы просты ѡт везеня, иж Ижота напцудпеишаѧ реч на свѣте, а ѡ рыцэры што богъ даст. И рече витезю: Поведаи ми, прошу тѧ, колп-бы тут нашол сѧ рыцэр болшъ вашого рыцэра, а пани цудпеишаѧ вашое панеи, чы могли быхмо выити з нетства? Ѡн рече: Вышли-б есте, але сѧ то тут не може напти, бо наш рыцэр ест панъ вроженыи и стоит в тои твердости а таковыи естъ рыцэръ, што

не маєт друга на свете. Рек Трыщан: Коли-бы сѧ нашолъ рыцэр большын на свете и большеи Анцолота?—И такому мы дадим ровню.—А коли вашого витезѧ добудет, будем ми прости ѡт везенна? И онъ рекъ: Будете, коли-б з нимъ посполъ прышла пани. Рекъ Трыщан: а тобѣ мовлю, мы єсмо свободни, если нам крывды не вчыните, то бых рек и на дворе короля Артиушовомъ, иж тот витез, которого вы поведаєте, не ест болшъ нашого, ни жнаѧ пани не цуднейшаѧ надъ нашу. И ѡныи витез сталъ ікъ забывшы сѧ и рек: Гдѣ естъ тотъ, которого вы так фалите? Рек Трыщан: Єсли намъ право будет учинено, а вышли быхмо на поле, а держати-ль будете нам ваш закон и правду? И выведте вашу панню и вашого рыцэра и дайте нас на правыи судъ: если будетъ наша пани лепшаѧ и витез наш лепшыи, нехай будем свободни, а коли сѧ так не найдет, нехай ми главу сотнуть. Рек ѡныи рыцэр: Досыт єси мовилъ, а хочу поити и поведати тамъ где сѧ годит. И так ѡн пошолъ съ тыми, которые с нимъ прышли. А повѣмъ вамъ, для чого сѧ зовет тот город Плачныи, бо поставленъ злыми законы в тые лета, коли (стр. 73) Иѡсифъ пошол у великие крайны прыказанем Господа нашого Исуса Хрыста и ѡбратил был множество люду на Хрестѧнскую вѣру. А коли слышалъ, ижъ тые Долние ѡстровы полны людъства, Иѡсифъ послал там набожныхъ людеи ѡбрачати къ богу народ, и ѡбратили вси тые ѡстровы крома ѡдного ѡстрова, которыи сѧ зоветъ Ѡрашы. И тамъ мало было иныхъ людеи, толко Ѡрашы, а пан ихъ былъ ѡрашец, и мѣлъ дванадцать сынов и вси были ѡрашцы.

Коли хрестѧне прышли в тот ѡстров, тогды был государъ тому ѡстрову именемъ Давлитесъ, и былъ нѣякъ раненъ ѡт медьведа дикого, и тутъ ѡткинул сѧ ѡт Иѡсифа крещенна.

Коли ѡныи витез прышолъ къ Брунору и к его панеи и рече: Пане, поймали єсмо молодых людеи корновален и поведили єсмо им закон наш сего города, и ѡдин витезь зъ их товарыства поведал сѧ быти лепшеи тебе и панню лепшую нижли наша пани, и для того єсмо прышли дати вѣдати вам, бо мы не можемъ ѡпу-

стити закону нашого, што нам вставили предкове нашы: для того поведайте, што маєте чынити. Рекъ Брунор: Не я его въставил, а ни я его могу опустити; зовите тыхъ, которые мають судити и смотрѣти; которая пани цуднейшая, тая вам останет панею, а другая муспть умерети. И справуйте тую битву, а я готов. Они рекли: Инакъ быти не может. И прышли къ Трыщану и мовили ему: Коли вы маєте витеза того такъ єсте рекли, и вамъ може ся добре стати, будьте готовы, бо завтра будете бити ся. И выпустили ихъ тот день и ноч и давали Трыщану што была потреба, и прыходыло много рыцэров пытаючы имени его, а не могли ся довѣдати, и гледели на Ижоту, а она ся тапла и не могла ся утаити, и тые, которые видели, говорыли межы собою: Згубили єсмо панюю нашу господарыню, бо ест (стр. 74) тая лепшая. И назавтреи Трыщан убрал ся, и давали ему иный мѣчъ, и он рекъ: Дайте ми мои меч, и они ему дали. Усѣлъ на конь велми добрый, а Говорнаръ несъ ему щытъ и сулицу, а Ижота убрала ся велми в коштовное одѣнье и всѣла на пнаходника, а Брагина и другие дѣвки з нею. И прыехали къ шатром и нашли тыхъ, которые мают судити их красу у шатрох, а тые шатры были полны добрых людеи и витезеи и панеи, которые прышли гледѣти тое битвы. И прыехалъ Трыщан з дружиною и, зседшы с конеи и сели, бо еще Брунор былъ не прыехал; и тут затрубил человѣкъ у рогъ, которого рогу далеко было чуть, и усѣлъ Бруноръ на добрый конь и выехал з города велми убран, а с нимъ прышло нѣколко витезеи и пани его, мати Галиотова. Коли Брунор прыехалъ къ шатром, рек: Гдѣ ест тая невѣста, которая ровна естъ нашои панеи красою? И они ему указали Ижоту, и онъ виделъ Ижоту и прострашыл ся велми и рече: У мои дни не виделъ есми лепшое невѣсты, я ся бою утратити наимилейшую реч для тое панеи красы. И прышла мати Галиотова, которая была великое красы, а коли она видела Ижоту, она ся прострашыла, иж еи за ее красу умерети, бо ся она еи видела наицуднейшая речъ на свете.

Виделъ Трыщанъ оную панню, кивнул Ижоте и прыступилъ

к судиамъ и почал мовити: Панове и панне, которые маєте судити красу тыхъ панни, гледите, што они стоатъ посполь; судите право. И они молчали, бо видели што Ижота далеко цуднеишеи тое панеи. И Трыщанъ мовилъ повторе: И вас прошу, держыте ма на правде у вашом закопе. Они отказали жалостны: Мы маем такъ учынити, але вельми намъ жаль. Обротившы са ко Ижоте и рекли: Пани, ты-сь лепшаи и твоа краса смерти та избавила, и для твоее красы тебе хочемо держати за нашу господарыню; але коли лепъшеи тебе, котраа прыидет, будь пэвна, иж мусиш умерети, якъ и тая, котраи такъ долго была межы нами, (стр. 75) которую есмо у великои почестности мѣли, а тепер естъ осужона на смерть. А намъ того велми жаль, але инак не може быти, бо есмо присагнули тот закон держати. Тотъ будь проклатъ, хто тот законъ напервеи поставил! Коли то выказали, вси закрычали великимъ голосомъ, плачучы с такою жалостью, иж не было такого чоловѣка, которыи видел, штобы не жаловал.

Рекъ Трыщанъ: Панове, велика ласка, гдѣ ест тот, с которымъ са мнѣ бити? Они рекли: Што тот властныи, и вказали на Брунора. И онъ рекъ: Варуи са мене, иж я не хочу року откладати.

(Битва Трыщанова зъ Бруномъ) И взалъ щытъ и сулицу и скочылъ к нему, а онъ к нему, и вдарыл один другого так моцно и прыкро, аж оружые и щытъ имъ выпадали з рук, и ранили са оба и пали с конеи. Трыщан былъ раненъ не глубоко у бок, а Брунор былъ раненъ у перси велми глубоко, и сулицы поламали, и вынемшы мечы почали са рубати велми моцно. Брунор позналъ по вдарцахъ, иж Трыщан один от добрыхъ витезеи, и почал са силити, и рубал один другого велми моцно и велми часто, кождыи рубалъ оберучъ, бо имъ обема о горло шло. И познал Бруноръ, иж Трыщанъ большыи надъ него витез, дла того са покрывалъ мечом, абы са Трыщан упрацовалъ, але то не могло быти, и трафлял Трыщана тати в голое мѣсто, але Трыщан на то былъ добрыи мистръ, вмѣлъ са стереч. И рубали са великии час и были оба ранены и вмордовали

сѧ, иж потреба имъ было wтъпочынути; и wтступил wдин wт другого, и стали възлегшы на щыты и на мечы, гледечы wдин на другого, и стоѧли великуоѥ филю. Рекъ Трыщан: Пане Бруноре, ѩ тебе мамъ велми за доброго рыцэра и велми вмѣлого, и дла того тобе прыѧю, то богъ вѣ, не рад бых, абысь мелъ загинути; але прошу тебе, если можешъ wставити тую битву з моимъ почстенемъ и з вызволенемъ тое дружыны, ѩ рад wставлю, абы ты не вмер. Рекъ Бруноръ: Мы ѥсмо на томъ местцу, либо ты мене забешъ, або (стр. 76) ѩ тебе, або wба будем мертвы, инак не може быти. Рекъ Трыщан: Гдѣ ѥстъ ненавист, там милости нѣтъ, и коли-ж такъ, варуй сѧ мене. И почали сѧ рубати, и вси сѧ имъ дивовали. И наконецъ Брунор не могъ стерпети, пустил щыт и меч и самъ на землю палъ. Рекъ Трыщанъ: Або вже большъ не можешъ? И Брунор рекъ: Рыцэру, такъ ти wтпускаю тую битву, не мей ми за зле, иж не чыню по волн, бо не могу. Рекъ Трыщан: Ѩ тѧ хочу пожаловати, дай ми свои мѣчъ и мовъ: Побит ѥсми. Рек Бруноръ: То быхъ был злып чоловѣкъ, коли бых рекъ то своимъ езыком, што-б было з моею легкостю; не дай того бог до моее смерти, которая ест близко мене! Рекъ Трыщан: Чуеш ли сѧ на томъ, што можешъ жыв быти? Рек Бруноръ: Твои ми мѣчъ ни wдного продлуженѩ не далъ, вжэ естъ конец близко; если ми не верышъ, тепер же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу.

Виделъ Трыщанъ иж вмер, и снѧл ему гелмъ з головы и кинулъ wт него далеко. А позвалъ тых, которые его были прывели, рек имъ: Панове, если ѩ досыть вчынил за мое свобожение и моее дружыны? Wни рекли: Досыть еси вчынил, добыл еси сесь град и сесь wстровъ и нам еси всим господар, а тая панъна, которую еси прывел, ест наша господарына; але еще маеш прынѧти реч. Рекъ Трыщанъ: Которую? Wни рекли: Тои нашои панеи Бруноровицы вътни главу мечомъ. Трыщанъ сѧ wгленул на нее, а wна плачет велми грозно, и было ему ее велми жал и рекъ: Ик ѧ маю вбити жону? И wни рекли: Инакъ не может быти. Трыщанъ был велми сердитъ и почал много мы-

слити. Рекъ Трыщан: Проклатъ тот, которыи тот закон поставилъ, и тые, которые тот закон держат; а мушу вчынити таковую речъ, што не буду николи веселъ, коли то успомену. И пошол, сталъ си голову и рекъ имъ: Вы мене прывели къ ганбе, иж кождыи добрыи чоловѣкъ, которыи то увѣдает, поставит ми то за ганбу. Рекли они: Не тобѣ то ганба, але тым, которые тотъ (стр. 77) закон учынили. Поидимо-ж на гору у город и там намъ прысагнешъ у городе деръжати закон того города, якъ сут чынили первые, которые были перво тебе. Пан Трыщанъ не радъ былъ тому панству, але инакъ не могло быти, и пошолъ с ними у замокъ. Рекли: Трыщане, тут нам прысагни. Трыщанъ не радъ былъ прысагнути, але инак не могло быти, прысагнул имъ; они ему велели стати у том мѣсте со Ижотою, в котором стоялъ пан Бруноръ зъ своею панею. Они тутъ мешкали у такои милости, Трыщану не было иного на вмѣ, толко Ижота, а Ижоте Трыщан. А коли видела бѣдная сестра Галиотова своего отца и матер мертвых, и она девка была найсмутненшая на всем свѣте. Будучы она у тои жалости, и учынила одну судину и взала отцову голову и матерыну и прыправила на конь и поехала з малою дружыною у Долные острови искати Галиота, и кудыколвекъ ехала, стречала рыцэры а юнаки, у кождого пытала о Галиоте прынчыпе, и кождыи си поведалъ правую дорогу, гдѣ естъ пан Галиот. Єдучы она и стретила одного рыцэра велми доброго, высокого рыцэрства, у зуполнои зброи едучы з малою дружыною. Она его поздровила, онъ си вернулъ поздровленье велми дворно. И рекла панна: Рыцэру, дай ми са спытати як пана и для твоеи дворности, если еси слышал такие слухи о Галиоте прынчыпе? Рекли они: Ты еси стрела кого пщеш. И она на него смотрела долго великую филю, а не познала его, што былъ у зброи, а коли его познала и кинула са к нему на горло плачучы и не могучы говорыти. Коли узмогла говорыти, рекла: Николи есми не слыхала такъ великому пану бы са такая жалост стала, якъ тобѣ, которую ти хочу поведати, бѣдная твоа сестра. И открывшы судцы, у которых были тые кости, и рекла: То ест

кости того, хто тебе родил, а то голова того, которая тебе у чреве носила; ѡбѣюхъ ихъ убил своєю (стр. 78) рукою Трыщанъ сестренец короля Марка корновалского, и для того есми поехала тебе искати, абыс ѡ том ведал, што бысь мѣлъ с тымъ чынити, бо ты можеш учынити што хочеш, яко сильный человѣкъ. Рекъ Галиѡт: Якъ са то стало? Она ему споведала все по раду, и Галиѡт порозумѣл, иж Трыщан в том невинен, не мѣлъ на него жестокого серца и з великое жалости прослезил са и рекъ: Милая моя сестро, намъ стало такъ великое зло за мои грехи. Коли бых са надевал, я бых давно сказилъ тые злые законы, которые у том ѡстрове. Але теперъ попду и скажу тые злые законы, а Трыщану учыню якъ ему слушыть, а для того не могу са ѡслушати, абыхъ са не мстилъ, то бых зле вчынил. И поки буду жыв тѣлом моим, буду са мъстити. Вернимо са у Сореплонсъ и там положымъ тѣло ѡтца моего и матки у ѡднои ѡпатии и там порадимо са, якъ быхмо прыити мели на помщене. И поехали вси велми жалостни, и не зналъ жадэн человѣкъ штобы то Галиѡт, бо ехал з малою дружыною. И прыехали к ѡному граду, у которомъ былъ король из стома витези. Коли ѡнъ виделъ Галиѡта, был велми рад для того, што Галиѡт прыехалъ, да не вдачно ему было, што прыехал зъ малою дружыною, и рек: То вже не дармо. И коли Галиѡт розъобралъ са зъ зброи, король прышол и рек ему: Пане, якъ са маешъ? Чому еси так не весел? Для Бога поведай ми, што са стало? Рек Галиѡт: Не дивно, што есми не веселъ, же ми са стала великая легкост и жалост. И почал поведати, якъ ему Трыщан убил ѡтца и матеръ. Рече король: То ест, господару, великая жалост; да што с тым мыслишъ? Рек Галиѡт: Хочу поехати у тот ѡстров с одным рыцэром и з двема пахолками и з добрым конемъ и з зброею, так штобы ма ни ѡдин человекъ не познал, иж хочу прыити гостем, хочу са бити с Трыщаном. Если ма убъеть, то ми жалости конец, а коли я его убъю, нихто ми того не поставит за ганбу, леч за рыцэрство. А тобѣ прыказую, абыс ми собралъ пать сотъ тисечъ воиска добрых людеи

(стр. 79), и поиди по мору у тот ѡстров, под Плачный город, хочу сказити тые злые законы, што имати гостеи и держати в темницы. И ты погуби их всих и вози у болото и нехаи не ѡстанет сѧ и ѡдин чоловѣкъ ни жона; а которые гости наидеш, тых всих пусти свободне. Рекъ кроль над сту витезп: Пане, што велиш мнѣ, то все будет мною готово, коли не умру. Але ꙗкъ ты мыслиш бити сѧ с Трыщаном, которыи ест наиболшыи рыцаръ, ꙗков не ест ни Анъцолот локвенскии, и не маєт друга на свѣте рыцерством по всих чотырох сторонах по мору и по суху? Не пускаи сѧ на такую прыгоду и погибель, на то ꙗ тобе не ражу. И рекъ: Пане, далъ ти ест Богъ панство и такую моцъ, што сѧ не годит тобѣ мстити ни класти сѧ ѡ такую реч легко, бо если сѧ тобе зло станеть, або смерть, все твое панство зле упало, а если тѧ ѡсоромотит, то ти будет великаѧ легкость. Пане, ꙗ тебе завжды мам за доброго, ꙗ тобе ражу: ѡставъ тую битву с Трыщаномъ, а коли єго напдешъ ласкою, ѡн, видевъ такую твою жалост, ѡнъ самъ прыимет на себе тую помсту; а если вы два будете на поли, если тѧ ѡи не преможе, сотни ми главу. Рекъ Галиѡт: Знам што ми говорыш правду, и ꙗ в тебе велми дуфам, але коли бых ꙗ ему мстил Анъцалотомъ або инымп рыцеры, то бых гореи учынилъ; але, ꙗк єсми тобе росказал, такъ учыни; хотѧ ми будет умерети, мушу то вчынити, што єсми вмыслил, то и вчыню, бо не буду вов-покою доколе не вижу Трыщана. И король был у великомъ страху, што сѧ боял, иж Галиѡт не можеть терпети против Трыщану, и был велми смутен, иж миловалъ своего пана Галиѡта зо всего серца. По тых речах Галиѡтъ велелъ понести ѡтца своего в одинъ клаштор и положыти в коштовныи гроб и голову матерыну з великим плачом, и потомъ ѡставил сестру у томъ граде велми почестно, а сам поехал къ мору с одным рыцером и з двема служебники и с конемъ, на которого кона велми надевалъ сѧ, и зброю взалъ велми добрую и мѣчъ, которыи был Анъцолот дал.

Коли прыехал къ мору из своею дружыною, нихто єго не позналь, бо не ездчывал з малою дружыною. Стоѧл тамъ ден, и

нашол сѧ єму корабль направлен, а година добра, и пошол по мору. И коли былъ далеи ѡтъ краꙗ, рек морнаром: Добываите сѧ под Плачныи город. Ѡни рекли: Не даи того Богъ намъ, што быхмо там были, лепѣи (стр. 80) бы намъ смерть нижли там поити. Рекъ Галиѡт: Не может быти инак, мусите там поити. Коли морнары послышали ѡтъ Галиѡта, не ведали што-бы вчынити, иж если бы там пошли, то погибли, а не пошедъшы, Галиѡт велми сердитъ, а маєт дружыну и зброю, может насъ погубити. И ѡн другии раз реклъ: Ходите, не боите сѧ, без боѧзни можете тамъ быти. Рекли ѡни: Пане, єсли може то быти абыхмо сѧ не боѧли, змилуи сѧ длѧ бога, не хотечы нашое и своее смерти, бо вѣдаеш сам, иж ни ѡдин там не ѡстанет, што-бы не был мертвъ; тамъ насъ не веди. Рек Галиѡт: Або не хочете ити, гдѣ ꙗ велю, тепер єсте мертвы на том мѣсте. И вынѧлъ меч, замахнулъ, ꙗко-бы тѧть. Ѡни сѧ перестрашыли и рекли: Пане, коли инакъ не може быти, мы вси въ твоих руках, што велиш, то вчыним, толко не погуби нас. И ѡн рекъ: Не боите сѧ, не будет вам ничого. И ѡни ѡбернули къ ѡстрову, а другого днѧ прышли ув-островъ къ прыстанищу под Плачныи городъ. И прышли к нимъ люди з вышнего замку и рекли: Поимани єсте. Галиѡт рекъ: Хотѧ єсмо прыстали у вашу землю, але не годит сѧ насъ имать, занюж єсми готов тот ваш закон деръжати. И ѡни рекли: Тогды хочешъ бити сѧ с Трыщаномъ, которыи єстъ наболшыи витезь на свѣте. Рек Галиѡт: Хотѧ-бъ большыи нижли ест, але на иноє не прышол, леч с нимъ бити сѧ. Ѡни рекли: Выидите вон. Ѡни вышли, и граждане морнаров в темницу повели. Рекъ Галиѡт: Пустите ми тыє два юнаки и витезѧ, нехаи ми помагают товарышства до того мѣста, гдѣ будет битва. И пытали єго: ꙗкъ тобе єст имѧ? Рек Галиѡт: Ѡ моємъ имени тепер не можете вѣдати, поведете мѧ, гдѣ маємъ бити сѧ. Ѡни рекли: Тым сѧ не печалуите, скоро будет битва. И всѣло ихъ на кони петнадцат конников и Галиѡт з дружыною ехал к тому мѣсту, гдѣ маєт быти битва. А Трыщанъ был у вышнемъ замку со Ижотою и з Говорнаром и з Брагинею у ве-

ликом веселю. Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничого, одно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тое имъ пецство было велми сладко, и мешкали яко-бы в бога, а не поменули о королю Марку а ни о Корновали, жыли тут у том веселю два месецы. И на концы третего месеца прышол один витез передъ Трыщана и рече ему: Пане, ты ся можешъ веселити ныне со Ижотою, а завтра маеш ся бити (стр. 81) с однымъ витеземъ, которыи для того прышол з двора короля Артпуша бити ся с тобою; мы есмо его поставили на месте, гдѣ ся маете бити. Рек Трыщан: Вѣдаете-ль, што за витез на има? Рек: Не вѣдаемъ, не хотелъ намъ о собе поведати. И Трыщан помыслилъ, абы то не Анцолотъ, рекъ: Я знаю, которыи то витезь; чы нарадили есте битву? Колп он на то прышолъ, онъ будет мети, да хота онъ на мое зло прышол, однако-ж поздоровте его от мене, бо я внимам, иж он ест великии витез. И он с тым одышол от него, а прышолъ къ Галиоту и рек: Завтра ся маете бити, а Трыщан та поздоровлает. Рек Галиот: Поздоровлаетъ ма Трыщан якъ непрыятель, а я его также поздоровлаю яакъ непрыятела. И говорыли межы собою досыт, а не познали его хто ест. Говорнаръ слышалъ, иж оныи рыцэр о битве говорыть, рек: То ест конечно Анцолот, поехал з двора Артпуша короля пщучы розличных и жестоких прыгодъ. И велми ся его Говорнар боялъ и прыступил къ Трыщану и рекъ: Завтра маеш бити ся. Рек Трыщан: Вѣдаешъ ли с кым? Онъ рекъ: Не вемъ, але надевам ся иж Анцолот умыслне на то прыехал бити ся с тобою, але онъ естъ большыи витез на свѣте.—Я радъ с нимъ покуспти ся, занюж коли прыидет на вдарцы, а коли мнѣ богъ похочеть зычыти а будемъ ли ровни, то бых не хотѣлъ болшое славы, а если ма убьеть, волю быти от него побитъ, нижъ от пати пных. Говорнаръ ся еще большеи престрашыл и рек: Так ест, яакъ ты говорыш, але тут велик страх и велпка погибель. Рекъ Трыщан: Для смерти не треба ся болти, вѣдаеш ты сам, мистре, иж мы завжды на том.

Слышавши то Ижота, почала плакати и тужыти говоречы: Тажко моему серцу, яакъ то ест злая прыгода, и в злыи часъ

есми родила ся на сесь свѣтъ! Еще ми не вышли три месецы моеи фортуне и моему веселю, и вже ми ся находит мука и скороченье моему жывоту, и єсли бы ми ся прыгодила великая рана або смерть, то бы ми сладко и лѣпшъ было.

Трыщанъ ее тѣшыл говоречы: На мою вѣру не будет он над мене мѣти наперед ничого. Рече Ижота: я не прошу от бога болшъ, одно бы ми ты здоров был, а не был осоромочен от тое битвы, занюж ся я ни одного витеза не бою, толко Анцолота. И в том страху стояли, а Галиот о томъ ничого не вѣдал.

(Стр. 82) И коли была ноч, прыидет один витез у зброи, которые были пры Галиоту, и рекъ: Повѣмъ вамъ, прышолъ король над сту витези, а с нимъ войско, прыстали у прыстанище зброини на конех. Мы рекли абы вышли вон, хотечы учынити нашъ закон; коли есмо хотели ихъ поймати, они пофатили оружые и побили нашых людеи, немало порубали и покололи, и мы перед ними не могли терпети и дали ся есмо у их рукп. И мы есмо, пане, у их руках и они сут из Коръелона, люди Галиота прынчына.

Коли то они слышали именуючы Галиота, побѣгли вси по своих потребах, а Галиот стоялъ до ютра в шатре. А на свитани убъралъ ся Трыщан у великое оружые и слухавшы мъшы поехалъ з города, а с нимъ Ижота и Говорнар и Брагина и чотыры пахолки. Коли был блызко шатров, Галиот был на кони и видел Трыщана близко, взал сулицу и щыт. Трыщан виделъ, иж он естъ готов, и рекъ Говорнару: Поедь къ оному витезю и доведаи ся: Єсли ест Анцолот, волѣлъ бых с нимъ товарышство мѣти. Говорнар поехалъ и поздоровилъ Галиота, и он ему вернулъ поздоровленє. Говорнар рекъ: Рыцеру, то естъ Трыщанъ с кимъ ся ты маешъ бити, але онъ тебе просит для твоее дворности, споведаи ему, хто єси ты. Вже вѣдаэш с кимъ ся бъешъ, нехаи бы тэжъ и онъ вѣдалъ, с кимъ ся бъет. Рекъ Галиот: Коли он Трыщанъ, а я его непрыятель смертный, а по правде, што ми убилъ отца и матку, и прышол есми мстити ся на немъ моим тѣломъ, если буду могъ; а има ми ест Галиот з Дольних островов, досыт далеко слышать има мое.

Чулъ то Говорнаръ ѡт Галиѡта вѣдаючы, иж Галиѡт болшын господар на свѣте, престрашыл сѧ и поведалъ Трыщану. Чулъ то Трыщан и рек: Божэ, хвала ти буд, иж наболшыи пан и наболшыи витезь ѡт света берет сѧ против мене бити сѧ со мною на поли, а то ест цвѣт добротам и храбръством, паном пан прышол бити сѧ со мною, могучы поставити сто тисеч воиска на поли зброиных зъ сулицами. Конец тых рѣчеи.

(Битва Трыщанова зъ Галиѡтом) Пустилъ сѧ ѡдин къ другому, ꙗкъ могли кони скочыти, и ударыл ѡдин другого так моцно, ажъ сѧ сулицы им поломали, и вдарыли сѧ так моцно, иж ѡба пали с конми на землю, и ѡт того удару (стр. 83) были ранни и ѡба ускочыли так ꙗкъ тые, которые были великое доброти и великого серца, и пофатили мечы и почали сѧ рубати. И Трыщан был у страху, и ѡни ѡба были великие человѣки, и били сѧ такъ силно, не было чоловѣка, которын видел, абы страху не мѣл. Трыщан билъ моцно, а Галиѡт также, указывалъ ѡдинъ другому свое непрыателство. Трыщан познал своего непрыателѧ, а Галиѡт рек: То естъ большын витезь, которын по свѣте слывет, тут ми прынати смерть, або быти добрым человеком. Ѡни сѧ ѡба сплили указуючы ѡдин другому свое витезьство, а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшъ ниж сама себе; коли ѡн прынмал таковые ударцы, ѡна была блѣда и дала-б весь светъ, абы ѡн был здоров и простъ ѡт тое битвы; коли Галиѡт билъ Трыщана, тогды ѡн на коленах падалъ, а Ижота прынмала ударцы в сэрце свое и была блѣда, ꙗкъ папуга, а коли Трыщан Галиѡта билъ и поле ему брал, а Ижота была велми весела и румана. Ѡни били сѧ, а Ижота брала ударцы у свое серце и была пэвна, же Трыщан маеть добрую битву, занюж ѡнъ гонилъ Галиѡта по полю куды хота. А Галиѡт былъ велми ранен а кровю сходил, Трыщан не велми былъ раненъ, а Галиѡт сѧ сплилъ противъ Трыщану, што наболеи могъ, и мовилъ: Нехай вижу, колко могу с ним трывати. Будучы Галиѡт у своеи тэсъкности и говорыл: Ія не могу збыти смерти ѡт Трыщана. Аж вышол корол над сту витезми з людми зброиными на

помоч Галицкоту, а шли прудко, бо король виделъ, што его Трыщанъ змагал. Коли Галицкотъ позналъ свою хоругов, тогды рек: Трыщане, ты мертвъ, видиш то сут мои люди, а ты ми убилъ отца и матку, если бых ся тобе не мстил, вес свет бы ми за зле мѣлъ. Рек Трыщан: Не може то бытн, пане, штоб ты мене людми застрашылъ, а тебе знаю так доброго, не ехал бы ты ко мнѣ, если бы еси мѣлъ мнѣ инымъ мъстити. И ся иного не бою, а ни ся стерегу, толко тебе, а бог вѣ, же-м ти невинен въ смерти отца и матеры твоеи, и сам то добре вѣдаешъ. А даю ти сюю битву за добытую и пусти ма з моею дружыною свободне. Зле-м вчынилъ, иже-мъ добыл меча против тебе, напротивъ болшого пана и набольшого витеза, а то бог вѣ, же того не мовлю для страху абых ся (стр. 84) бонл смерти. И прыступил, далъ ему меч. Галицкот взал мечъ и рек: Ты-с ми только вчынил, што быхъ тебе мѣлъ ненавидит со всего серца, але не чыню того для твосе доброты, иж еси наибольшын витез на свете. Не ест годно тебе погубити и обецую тобе свою прыязнь. А Трыщан поклекнул перед нимъ на колени свое и подаковал ему дворне за его ласку. Галицкот его узвел под руки а рек: То ся не годит, ачколвек а великии пан, а ты также великии чоловѣкъ и вроженын, таков и а, а витез еси большын, нижли а, и нѣт тобѣ друга на свете.

А король надъ стома витезми к ним прыближает ся из сулицами на Трыщана. И Галицкот закликалъ на него што могучы: Стои, верни ся от Трыщана, если ти жывот треба. Король тое чувшы стал и вернулъ воиско и поехал самъ до Галицкота и пыталъ его рекучы: Пане, як ся еси мѣлъ? Рекъ Галицкот: Добре з ласки божое, але не велми. Рек корол: И вам перво о том поведилъ. И Галицкот рек: Коли есми из жывотом с тое битвы, але велми ми ся хотѣло з ним бити и весел есми о том, што ся з нимъ позналъ; если бы ся могло статн, хотѣлъ бых мѣти их из Анъцолотом посполъ, бо тые витези якъ храбрые так дворные и всякое доброти полны. Рек король: А што теперъ мыслишъ? Галицкот рекъ: Поедьмо вси до дому Трыщанова с нимъ и там опочыну покуль буду здоров. И вселъ Галицкот и Трыщан и

Ижота и вса их дружына велми прудко, и коли прыехали на гору и в замок, которын са зовет Враш, огледали ран Галиота и Трыщану, и были в Галиота великие раны и кровю был надышол. Лѣкары прыложыли зѣлье къ ранамъ и дивили са якъ ест жывъ, и не мог рушыти тѣломъ цалын месец. А Трыщан лежал пятнадцат днии, а товарышы его были пры немъ, а которые были у темницы, тые са вси собрали къ Трыщану. А тые люди прышли из Артиушом королем, которын надъ сту витезми, и вшли у Плачевны город; и выступили вазни а град зажгли, бо гражане были са з ними о тот закон Иосифов, которын деръжали много лѣт. А Галиот прыказал, абы нихто Трыщановых не гнѣвал а ни его госта, а не дал от себе Трыщану отходити поки оба выздоровели. Рек Галиот Трыщану: Я былъ прышол у тот островъ на твою смерть, помстити смерть отца (стр. 85) моего и матки моее, але вѣдаю иж ты вбил ихъ по неволи для твоего рыцэрства; отпускаю тобе тое. А поведал ми еси, иж несеш тую панну за своего дадка, якъ са еси ему обецалъ; я та пускаю з нею, але велми ми жаль того, што не можешъ ехати зо мною, иж есми не видел жадное мильшое рѣчы, коли бых вас виделъ с паномъ Анцолотом уместе. Ты можеш взати отпущение у своего дадка и прыедь ко мнѣ у королевство спрелонское або гдѣколвек буду, успомени тую дворность, што еси мелъ от мене и отпущена гневу моего, прыед ко мнѣ што наборздеи можеш, а я ти обецую са якъ витезь, бо есми не король, тыэ панства и земли мое, што есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абых мѣлъ з вами двема товарышство, а вы со мною; я бых большого богатества не хотелъ. Рек Трыщанъ: Пане, велика милост, ты-сь такъ много для мене учынилъ, я тобѣ того не могу заслужыти, але коли бог даст жывотъ, я тебе хочу ускоре видети гдѣколве будешъ. То ти говору зъ своею дружыною. И было ему море тихо, и Галиот его провадилъ до мора и проспл его, абы инакъ не вчынилъ, и так бы учынилъ, яко са прыобецал.

Але потом мало помешкавшы прышла ему вѣст, што Галиот преставил са, и о том Трыщан былъ велми жалостенъ.

И коли сѧ розлучыл Галиѡт с Трыщаном, писал Галиѡт лист своєю рукою и послалъ до королевое Веливеры, поведаючы ей тоє попсованье злых законовъ по смерти ѡтца и матки своее, и такъ нѣт болшых на свете ѡт двух витезей; и межы ихъ не знам, которыи большыи, если Анцолот з Локве, чы-ли Трыщан зъ Єлиѡноса, сестренец короля Марка.

Коли Веливера тот лист прочла, было ей велми вдачно и рекла: Мило бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут было ѡ Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ час былъ ѡнъ з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогды, коли Милиенец короля Бана и Бендемагулъ прыехали у двор короля Артпуша и добыл королевую Веливеру в опецэ Кенишовой столника и повел ее у Лондрешъ.

И коли прыехал пан Трыщан у Корноваль со Ижотою ик королю Марку из своею дружыною, и тут было великое веселье, такъ молодыи, так и старыи вси сѧ веселили, играли. И в том веселью коли вже была ночъ, а былъ часъ Ижоте с королем Марком поити до ложы, а Ижота была у великои печали, иж не могла забыти того (стр. 86) кого миловала. Рекла сама к собѣ: Єще бых волела ув-острове Врашову быти, гдѣ есми мѣла Трыщана по своеи воли. И в тои мысли легла на постели; для утраченья паненства своего упросила Брагиню, абы вмѣсто ей с королем на ложы была тую первую ноч. И король Марко мешкавшы прышол до нее у ложницу, а в ложницы ни кого не было, ѡдно Трыщан и Говорнар а Брагина. Скоро сѧ король розобрал, Трыщан погасил свѣчы, и рек король: Чому-сь то вчынил? Рекъ Трыщан: Ѡбычаи тот єстъ ув-Орлендэи, коли хочет великии панъ на першую ночъ лечы с панною, свѣчы угашают, абы сѧ панна не стыдила. И мене мати ее заклела и ѕ сѧ ей такъ ѡбецалъ. Рек король: Добрэ если учынилъ. И затым вышли вон из ложницы Трыщан, Ижота и Говорнаръ. А Брагина легла на постели вмѣсто Ижоты, а Ижота была на тот часъ устала напротив короля, коли король увошол у ложницу, и стоала Ижота у закрете, поки к ней вышла с коморы Брагина.

Коли король сполъпил з Брагинею, не позналъ штобы не Ижота; и скоро по спаню вышла Брагина, а Ижота ушедшы легла с королемъ. И коли было на завтреи, рек король Марко Трыщану: Трыщане угодниче мои, сыну мои нерожепыи, прынесъ ми еси чыстое злато. И былъ Трыщан ѡ томъ велми весел. И на тои радости велѣлъ король Марко витеземъ исполнити серцо весельем, а говорыл: Прывелъ ми Трыщан чыстое золото; и казал прывести всякие гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы; того дѣла учынилъ такое веселье, абы сѧ рыцеры ку храбрности мѣли. Видечы панны такое веселье, танцовали горотинскии танец за доброт пану Трыщану, говоречы: Прывелъ намъ пан Трыщан у чомъ намъ ест нѣти играти до конца днеи нашых. И позирала руса Ижота своими ласными ѡчыма на ѡсобу пана Трыщана, а Трыщан таке-ж на Ижоту позирал, нихто того со всихъ витезеи и панеи и панен не зналъ, толко Трыщан а Ижота и Говорнаръ и Брагина. И пребывал король Марко у весели зъ своими витезми.

И ѡдного часу прышол ѡдин витез короля Марка и рек ему: Велможныи королю, нехаи то будет утаено што ти хочу поведати. И позрѣвъ король на витеза, рек: Говоры, што хочешъ. Рек витез: Ты пан моцныи, а мнѣ невдачна твоя легкость; и ти повѣмъ: милуеть Трыщан Ижоту телеснымъ учынкомъ. Король рекъ (стр. 87): Можетэ-ль того довести? Ѡн рекъ: Пане, запсте есми чул иж мают сыпти сѧ у первую сторожу ночы у городец за сѣнми. И король Марко, хотечы того доведати сѧ, рекъ рыцэромъ: Маемъ ехати. Рек Трыщан: Кому велишъ зъ собою? Рек Трыщану: Ѡ почстеныи рыцэру Трыщане, не едь тепер со мною, ждн мене тут завтра. И ѡтехалъ король далеко ѡт двора и вернулъ рыцэров ѡт себе, а самъ вернулъ сѧ ѡпатъ до двора и ушол у городецъ и възлѣзъ на яблонь. А тогды была ноч месечна и для того не могъ скрыти теню своего. А пан Трыщан змовил был со Ижотою, абы вышла у городец; ѡна вышла и стала близко тое яблони велми весела ѡ милости Трыщановои; а прышол Трыщан ко Ижоте близко и убачылъ тѣнь чоловѣчыи

на яблони и погледѣлъ ку верху и поклекнулъ на колѣно, рек Ижоте: О велебная пани всимъ панямъ коруна, для того есми тебе просплъ, абы еси вышла у сесь огородецъ, я бых сказал мысль мою. Мышлю понти по мору и по суху, бо есми чул, што рекъ король Марко: Позпрает Трыщан на Ижоту милостнымъ обычаемъ. Ино для бога, поведай королю мою службу, якъ есми бпл ся с огненым Бланором, з напболшымъ витезем, для его быхъ ему тебе досталъ; нехай бы ся король на мене не гневалъ. Ижота была вельми мудра и ко всякой речы хитра, познала, ижъ Трыщан нешто видит, и посмотрела по огороду и обачыла тѣнь чоловѣчыи на земли, и не возревшы на дерево и рекла: О велебныи витезю, всим витезем коруно, которыи милуешъ панство короля Марка, бо ведает король твою великую послугу, што еси освободилъ всю Корновалю от мала и до велика, и вси околные стреснули ся для великого витезства твоего. То бы мѣлъ быти великии дивъ, же-бы корол забыл твоее доброти, а мѣлъ вѣрыти одному витезю; буду я о тобѣ мовити государу королю, надевай ся, иж король мне, малъжонце своеи, будет верыти. А коли еси вмыслил ходити по мору и сухом, еще понехай, покуль прыидет корол Марко. Пан Трыщан въздалъ фалу богу и подаковал за то краснои Ижоте и поклонилъ ся, шол ув-обецныи палац, а Ижота до ложницы. И злѣз король Марко из дерева и рек сам къ собѣ: Нѣт тут Трыщановы вины, если бы то была правда, ино то бы теперъ было. Прышло на мысль ему, иж тотъ витезь гнѣвъ маєт на Трыщана, иж с Трыщаном ходил ув-Орлендэю по Ижоту; а коли прыстали под замокъ Дамолотъ в лонъдрышъском кролевстве (стр. 88) в держанью короля Демагула, а так к нимъ прыехали были два витези, Ищоръ и Маргоноръ ровни собѣ пытаючы, а Трыщан велми хотелъ з ними коштовати ся, и тот витез внимал его мовечи: Трыщане, не пошли есмо с тыми витезми бить ся, але пошли есмо прынести Ижоту из города Бпана из Орлендэи, дочку короля Ленвиза, нашому пану королю Марку. Тогды ему рекъ Трыщан: Если ты боишъ ся колоти у Лондрешы, тогды не-иди с нами ув-Орлендэю, запюж

там найдем много добрыхъ витезеи, а не дадут намъ Ижоты без моцное битвы. И за тое тот витез гневалъ сѧ на Трыщана; и прышол тот гневъ королю на умъ и не вѣрылъ ему.

Прышол корол Марко у палац и прышла к нему Ижота и рекла ему: Велебныи пане, повѣмъ ти ѡдну реч. Коли єси ѡтехал из своими витези до другого двора, а тут ѡставилъ Трыщана, ѡнъ захотѣл поехати по свету, и ѧ его пытала: Чого дела едеш? И ѡн ми рекъ: Позналъ єсми, што король на мѧ позираєтъ гнѣвными очыма; и ѧ его упела, доколе сѧ по тобѣ довемъ. Прошу тѧ, государу, для того позирана, вѣдаешъ сам, ꙗко Корновала была понижона ѡли-якъ ее Трыщанъ ѡсвободил, убилъ наибольшого рыцэра Амурата ѡрлендэиского ув-острове Самсоне, ѡсвободил Корновалю ѡт великого и до малого, а то вчынил для того, абы ты пановал; а еще побилъ наибольшого витезѧ ѡгненого Бланора, и то чынил для тебє, мене тобѣ доставаючы. И еще которыи бы колвек рыцэр прыехал ѡткул на твои двор ровни пытати, а еслиб вѣдал, што Трыщан у вас єст, не мѣти будет с нимъ битвы, а если сѧ будет бити, ты будеш повышон Трыщаном; бо коли прыєждчали рыцэры на ѡтца моєго двор, тогды сѧ не мог найти ни ѡдин витез, которыи бы сѧ противил Паламидежу; и коли сѧ зъехал с Трыщаномъ, ино Трыщан с конѧ его скинулъ. Для того, пане, не дан ему ѡт себе проч поити. И король Марко послухал ее цудныхъ рѣчеи и рек єи: Поведано ми на Трыщана, але самъ знаю вѣрна єго к собѣ и милую єго серцэмъ ꙗко сам себе.

(Сонъ королевскии) А потомъ рек король Марко краснои Ижоте: Видѣлъ єсми сонъ: было ѡдно панство велми хороше, и на немъ была выросла ѡдна рожа велми пекна, а на неи были цвѣты велми красны; и говорыли витези: то будет панство доброе для тое красное рожы. И говорылъ пан того панства (стр. 89): Панство мое, але рожа не моѧ; хтоколвек ѡзмет цвѣт ѡт рожы, будеть ему рожа. И многие рыцэры прыєждчали у тое панство, а каждыи рыцэр хотѣл того цвѣта ѡт тое рожы, и нихто не мог взати цвѣта ѡт рожы; и прышолъ ѡдин витезь и

простер руку к той рожы и отналъ один цвѣтъ от рожы. И рекли оные витези: То ест диво, такъ долго не могъ нихто отнати цвѣта от тое рожы, а сесь рыцэр скоро прышол и взалъ цвѣт ее. А тот витез былъ велми веселъ о той рожы, а коли еще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не мог болшъ уфатити. И в тот час прочутилъ са есми от сна. Ижота рекла: Пане, мнѣ са видит, которын витез взал цвѣт от тое рожы, его будеть и рожа. Корол внимал штобы са того нихто не домыслилъ, а Ижота была велми мудра и домыслила са для чого то корол мовил, и внимала же-бы ему Брагина поведала ее миловане съ Трыщаном. И была Ижота велми сердита на Брагиню и мыслила яко-бы она не была жыва.

И поехал пан Трыщан в чистые дубровы искати битвы, бо от неколку днеи жедалъ того, а Ижота рекла Брагини: Поехал пан Трыщан битвы искати и там мусит несколко ран мѣти, а того былна мало, чым раны лечыти; а такъ поехати мнѣ або тобѣ зѣльа того искати. Рекла Брагина: О почстенан пани, не слушыт тобѣ мимо мене ехати, а хотя бы ми и далеко морем и сухом ехати, я поеду не толко до чыстых дубров и далеи прынести зѣлье пану Трыщану. Але прошу тебе, пошли со мною двух витезеи, абы ми которого прыслова не было. Ижота казала позвати дву хлопов и велела имъ вбрати са у зброю, а кгды са они убрали, рекла имъ: Поедьте с тою девкою и тамъ загубите ее на смерть, а я за то вам упрошу короля, абы васъ поставил витезми. А коли прыехали в чыстые дубровы и мыслили много говореры: Таа панна много послужыла пану Трыщану у граде Бинну у Орлендэи, она ест мудра и хитра; споведаймо мы то еи, чого для поехали есмо, может-ли то она вчынити, яко быхмо были просты от карности и она от смерти? И они рекли: Вѣдаеш ли, панно, што маеш от нас смерть? Она рекла: Не могу ничого з вами мовити, докул не вижу парсун вашых. И они знали гелмы и указали еи парсуны, и она познала их Брагина, што они поехали (стр. 90) для ее смерти, и рекла: Не смѣпте иного вчынити, одно што вамъ казано; а коли хочете, можете быт про-

сты отъ греха и учынити прыказане пана нашого. Они рекли: О добрая панно, для того есмо тобѣ споведали, што быхмо просты отъ греха, а ты отъ смерти. Девка рекла: Поведете ма на роспутие чыстых дубровъ, естъ оно древо велми красно, гдѣ завжды много лютых звѣреи, к тому ма древу прыважыте, нехай отъ звѣреи умру. А для того рекла, иж мало того, штобы не былъ витез пры том дереву. И тые хлопи прывели ее и прывезали к тому дереву и позирали на вси стороны, откуль тые звѣры прыдут, и вбачыли иж едет красныи Паламидежъ Ануплитичъ, а за нимъ его слуги. Исполнила Брагиня серца весела, ижъ познала красного Паламидежа; и взрѣлъ Паламидеж и рекъ своимъ: Не стало ми са на мою мысль, а былъ для того поехалъ, абых отъ руки пана Трыщановы вмер, ажъ его самого смерть поткала, бо коли бы былъ панъ Трыщан жыв, не стало бы са то Брагини. Рек еи: Помилуи тебѣ богъ, панно, якою смертью пан Трыщан згибъ? Бо если бы он был жыв, не стала бы са тобѣ такая легкост. И она рекла: Рыцэру, а та знамъ, иж ты храбрыи рыцэр Паламидеж, сын короля Ануплита, набольшыи непрыятель пану Трыщану. Такъ бых не погибла отъ лютых звѣреи, якъ есми не видела весельшого пана Трыщана як вчора был, и поехалъ в чыстые дубровы битвы искати з добрыми витезми, иж того давно жедал. Рекъ Паламидеж: Што за выступъ твои предъ красною Ижотою, иж еси в таковои муце? И она рекла: Опрости ма отъ древа, а вам повем. Паламидеж отвезал ее отъ древа и рек: Поведаи, панно. Она рекла: Для того ми са то стало: пошла есми зъ своею госпожею з одного кролевства у другое, она понесла свои одинъ цвѣт, а а мои другии цвѣт, и ходили есмо морем и сухом; идучы по мору пани моя утопила свои цвѣт, а а свои не втопила, и она поставила мои цвѣт, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми са тое зло стало. Паламидеж рек: Вѣдает ли то пан Трыщан? И она рекла: Не вѣдает. И он рек: О добрая панно, ты много послужыла пану Трыщану, а мнѣ еси много выступила, а коли есми тебе опростил отъ смерти, послужы ми. И она рекла: Кождыи рыцэр го-

ден чсти зычыти витезем и паннам. Паламидеж рек: Поедмо с нами в Корноваль и поведан ми ѡбычан вашого пана короля Марка. И ѡна (стр. 91) рекла: Добрый ест ѡбычан нашого пана: коли прыидут витези на господу а поведать королю Марку, пжъ прыехали витези з-ыное стороны битвы искати, повинен имъ кождому король послати конь и зброю, если будут свое кони потрудили, нехан сѧ на свѣжых зводают. Паламидеж реклъ: Ѡт чого таковыи ѡбычан вставлен, занюж тотъ ѡбычан естъ короля Артиуша, которыи естъ всимъ королем коруна по всим чотыром сторонамъ? И ѡна рекла: Тот ѡбычан въставленъ коли прышол пан Трыщан из Ѡрлендэи в Корновалю. А за тым поехал Паламидеж в Корноваль. Паламидеж рекъ: Панно, хотѣл быхъ ѣ, абы мѧ не вѣдали, хто есми и ѡткуль до часу. И коли прыехали на господу рыцэрскую, тогды ему прывели конѧ и зброю прынесли и рекли: Вы есте витези, прышли есте битвы искати? Паламидеж рекъ: Авне; ест ли тут панъ Трыщан? Ѡни рекли: Поехал в ловы. Паламидежъ рекъ: А мнѣ его поведали у дубровах. Ѡни рекли: Поехал был битвы искати з великими рыцэры и добыл тых рыцэров. И пытал Паламидеж: Не раненъ ли велми? Ѡни рекли: Ранен, але не велми. Пытал ихъ Паламидеж: Борздо ли мает прыехати пан Трыщан? Ѡни рекли: Не вѣдаем, если бы сѧ ему там битва нашла, и ѡн бы змешкал, пж ѡн естъ всимъ витезем коруна, которыѥ милуют нашого пана короля Марка. Паламидеж был ѡ томъ велми веселъ, што ему тут не споведали Трыщана, и вышол перед господу и видел тры панъны, а ѡни идут по улицы, говоречы: Велит король витезамъ и дѣвкам к собе прыити ув-обецныи палацъ. Рек Паламидеж Брагине: Што ти сѧ ѡ томъ видит? Ѡна рекла: Видить ми сѧ, што государъ король хочет ѡ мнѣ пытати. И ѡнъ рек: Коли мнѣ час вдарыти чолом королю? И она рекла: Коли сѧ сойдут витези до короля ув-обецныи палац. Ѡнъ рек: Милаи панно, пилнуи того. А потом рекла Брагина Паламидежу: Часъ тобѣ чолом вдарыти королю Марку. И ѡн пошол, а с ним его витези. А так прышол красныи Паламидеж з двема мечы, с чорным щытомъ у обецныи палац пкъ ко-

ролю Марку и поклонил сѧ; король его прывитал велми цудне, а потом рекъ король: Хто-бы мог вѣдати якою смертью згибла дѣвка Брагина, я быхъ его даровалъ велми много, а хто-бы ее сповѣдал жывую, за што бы его рука сагнула, (стр. 92) то бы сѧ ему не заборонило. Паламидеж почал ему поведати о короли Артиушы. Король Марко исполнилъ серцо веселемъ и велелъ прынести шахы, рекъ Паламидежу, абы игралъ с ним. А коли сѣли играти, рекъ король Паламидежу: Так ти я говору, рыцэру, што нихто сѧ мнѣ не противит в шахы играти. Рек Паламидежъ: Я вѣм королю, што еси пан хитрын, але коли хочешъ играти о тое, которын з насъ выиграет, по што сѧ его рука хватит, нехай собѣ озмет. И на то оба прызволили, и выиграл о тое Паламидеж и рек: Королю Марко корновалскии, ты-с рек: Хто бы вам поведалъ о жыводе дѣвки Брагини, по што бы того рука сагнула, то нехай озмет; а еще есп рекъ, хто бы з нас кого в шахп попгралъ, за што сѧ рука его хвитит, нехай озметь. А большая ест речъ вѣра кролева, нижли кролевство его. Дай ты мнѣ красную Ижоту, а я тобѣ дамъ дѣвку Брагиню. Король рекъ: Гдѣ естъ? Онъ рекъ: На моеп господе. И рекъ Паламидеж своему витезю: Прыведи Брагиню. И витез ее прывел; а коли видел ее король Марко, велми был весел и рек одной дѣвцэ: Попди, мов Ижоте: Нарежап сѧ, поехати маешъ с Паламидежомъ. А краснаѧ Ижота радпла сѧ велми тихо, ожыдаючы штобы прыспел панъ Трыщанъ, не смелъ бы Паламидежъ о том ни поменути. А такъ прышла цуднаѧ Ижота пред корола, и рек корол Марко: Рыцэру, што-ж ти пани. Паламидежъ исполнилъ серцэ весельем и вздалъ фалу Богу и подяковал королю Марку за Ижоту. Цудная Ижота рекла: Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновалского, он велел мене тобѣ дати, ты самъ ведаешъ, што есп служыл у моего отца тры годы для мене, не могъ есп мене выслужыти, але коли ма есп досталъ так борздо у корола Марка, подмо ув-ону цэрков и кленим сѧ богом, абы не оставил один другого до смерти. О том был Паламидеж велми гнѣвенъ и рекъ: Подмо пани. И прыехали къ

цэркви, Ижота зъсѣдъшы и ушла в цэрков первеи Паламидежа; а были в тои цэръкви реманые лѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тыхъ лѣствицахъ до ѡкна верхънего, и коли была у ѡкне, узволокла лѣствицу к собе; а за тымъ вшол витез Паламидежъ (стр. 93) Ануплитич у церковъ велми весел. А коли Ижоту свою видел у ѡкне цэрковном, был велми смутен и рек: Ѡ почстенаѧ пани, чого дла то чынишъ? Злѣзь доловъ и кленимо сѧ ѡдин другому богом, абы не ѡставил одинъ другого до смерти, а сама єси то рекла, пани, ѧ тобѣ говору вѣрою витезскою: коли мнѣ тебе дал король Марко, не хочу поехати без тебе. И рекла Ижота витезю: Поедь з Богом, иж естъ витези у короля Марка, которые поехали у ловы, а коли та найдут пры ихъ цэркви, будеш мѣти моцную битву. Паламидеж рек: Ѡ почстенаѧ пани, ѧ не бою сѧ ни ѡдного витезѧ, коли ми та дал король Марко. Тогда погледела Ижота куды поехали витези, и вбачыла аж єдеть къ церкви пан Трыщанъ; бо тот ѡбычаи мѣл Трыщан: коли єхал до двора, або з двора, завжды заєждчал к тои цэркви. Ижота рекла Паламидежу: Витезю, едь з богом, єдеть на та витез. Паламидеж рекъ: Пани, што ма страшыш витезем? Не будь ѡдин, нехаи будут два! Пани, сонди доловъ, поехати тобе со мною. Ижота рекла: Витезю, поедь з богом, витезь едет к цэркви витезьским ѡбычаем, стережы сѧ вдару ѡного витезѧ. Паламидеж рекъ: Не будь ѡдин, нехаи будут тры, пани; злез долов, и кленимо сѧ як єсмо рекли. Рекла Ижота: Витезю, поедь ѡт цэркви, доидеш сорому ѡт вдару другого витезѧ, бо вже витез близко цэркви, которы на та єдеть. Паламидеж рекъ: Не буд ѡдин, будь их десеть, прыпмам вѣрою витезскою ждати тебе тры дни и тры ночи, а не хочу ехати без тебе. Рекла Ижота Паламидежу: Не тры, не два, ѡдинъ Трыщан едеть. А Паламидеж въскочылъ на конѧ и побѣгъ што наборъздеи мог, бо вѣдает иж умѣет Трыщан с копемъ на кони. И видел Трыщанъ гдѣ побегъ витезь ѡт церкви, и позналъ по знамени и скочылъ што наборздеи мог и не догонил, вернулъ сѧ, бо ему конь был спрацован у ловах. А коли прыехал панъ Трыщан до цэркви и ви-

делъ цудную Ижоту и розгнѣвал сѧ велми, а не хотѣлъ дла Паламидежа пытати, одно рек: Всадь, пани, на коня и ѣдмо до короля Марка. Ижота рекла: Не годит ми сѧ ехати икъ королю, ижъ ме одтдал Паламидежу. Трыщан рекъ: О почстенаи пани, якъ то може быт, штобы тебе далъ Паламидежу, (стр. 94) иж король Марко любит всякое розличное веселе? Ижота рекла: Трыщане, коли бы ему мило веселе, якъ бы мене дал ѣждчалому рыцэру?

А по тыхъ речах поехал от цэркви пан Трыщанъ со Ижотою по свѣту ездити и ехали от Корновали къ Домолоту, и стрѣтила их одна дѣвка и рекла: Рыцэру, я не знаю хто еси, але бачу та доброго витеза; мнѣ жаль твоее легкости, занюж коли поедешъ тою дорогою, не можешъ быти без легкости. Пан Трыщан рекъ: Панно, даковано ти будь от всих витезеи, што еси рада остеречы витеза от легкости; прошу та, панно, чого дела мене унимаешъ от тое дороги? И она рекла: Добрыи рыцэру, на переду тобѣ стоит корол Артиушъ из своею королевою Жэниброю, а так естъ много добрыхъ рыцэров, занюж кождыи добрыи рыцэр милуст панство короля Артиуша, а тые рыцэры, коли узрат с тобою нацуднейшую панию, усхотат ю у тебе одтнати моцною битву. Рыцэру, не будет тамъ один або два, але там много витезеи добрыхъ, будеть кому ламати сулицы, и сам собою ее одтдати муснишъ. Панъ Трыщан рекъ: Панно, зафалено ти буди всими витези и паннами, што еси рада отвести витеза от легкости, але рачы то вѣдати, хто бы ма колвек не отвернул конъемъ на кони, нихто ма не можэ отнати от тое дороги. А за тым сѧ ростал панъ Трыщан с тою девкою. И коли видель шатры короля Артиуша, и там сѧ надевалъ битвы; и были велми цудне украшоны. Того для рек пан Трыщан краснои Ижоте: Почстенаи пани, видиш шатер короля Артиуша якъ близко дороги роспят? А я вѣмъ, што тут много добрых витезеи, а если мы поедем правою дорогою на шатер короля Артиуша, будет на ма моцна битва, а коли поедем стороною около короля Артиуша, и так сѧ надевам битвы, узмовять: оно ведет страшливыи витез нацуднѣи-

шую панну. Для того, пани, мушу поити правым путемъ къ шатру короля Артиуша. Але тобѣ мовлю вѣрою витезскою: если инуды посмотрыш нижъ мнѣ Трыщану межы плеч, а коню своему межы ушы, буду са на та велми гнѣвати. И рекла Ижота: О почстеныи рыцэру Трыщане, коли бых я много ходила по мору и сухомъ, не видала бых ни одного рыцэра большого, толко тебе, а которыє суть напбольшыє витези от двора короля Артиуша, (стр. 95) тых я всих видала у дворе отца моего у Орлендэи. А так прыехалъ Трыщан къ шатру короля Артиуша, бо так близко был шатер дороги роспатъ, иж поврозы через дорогу переходили. Трыщан поехал дорогою по поврозех и зачепилъ конемъ поврозов и страснул всим шатром; а в тот час король седелъ за столом ис королевою своею Жэниброю и з своими витези. И видевшы то витези скакали через столы гледети того, говоречы: Хто ест так пышныи и нашому пану королю Артиушу, которыи естъ всим королем коруна? Красная Ижота и Говорнаръ, чувшы звукъ сосудов в шатрех, што витезы скачучы через столы розбивали сосуды, и велми са злакли боячы са ганбы. А коли были за нимъ зъ шатра вышли, видели его напболшого витеза и с нимъ панюю; а был тутъ с ними и Анъцолот сын Долота короля з Локви, намилеишыи товарышъ Трыщановъ; але не познал Трыщана, што был въ зброи, и виделъ са ему велми добрыи рыцэръ, рече: Много есми ходил моремъ и сухомъ, а ни одного рыцэра не видел, которыи бы такъ моцно на кони седелъ, або такъ хорошо ногу в стрымени держалъ, крома одного, а ни одное панны не видел есми так цудное, крома одное. И был в короля Артиуша подчашыи именем Геушъ ново поставленъ витезем, а мѣлъ великую храброст, але мало силы; тот подчашыи видел нацуднеишую панию Ижоту, исполнилъ серцэ веселемъ и вздал хвалу богу, прышол в шатер къ королю Артиушу и поклакнулъ мовечы: Пренаможнеишыи кролю всимъ королем коруно, твоему панству ровни нѣтъ далеко а ни близко, ты мнѣ рекъ, бых я видел нацуднеишую панну, тую ми еси мѣлъ дати; про то, пане, коли быхъ я много лѣт ездилъ морем и сухом, не

мог быхъ так наити цудное дѣвки, ꙗкъ таꙗ з ѡнымъ витезем, которыи минул мимо твои шатеръ, не вдарылъ вам чолом. Нехаи єму ѡтоиму тую панну, а его к тобѣ прыведу. Король рек: Витезю, єсли ми того витезѧ прыведеш, не толко ѡнаѧ девка, але чого всхочеш, то ѡзмеш. Ѡныи подъчашыи подѧковалъ велми смѣло, ꙗкъ бы вже въ своихъ рукахъ мѣлъ, и почалъ сѧ убирати въ зброю, велми борздо поспешаючы сѧ за Ижотою. И Анцолотъ єму рекъ: Геушу, не квап сѧ ехати за тым витезем, бо ꙗ знаю (стр. 96) ꙗкъ ѡн на кони седит и ꙗк-ли ногу в стрэмени держыт; перво хочэ дати твои кон видение нам на поводы наступаючы, нижли бы ты его прывел пры своем слабом стрэмени. Ꙗ тобе повем справедливе: не могъ бы страшливыи витез так цудное панны водити, и перво нас бы в него ѡтняли. Геушъ рэчэ: Не слушыт ни ѡдному витезю другого витезѧ ѡтводить ѡт его почестности, а ꙗ тобѣ повемъ верою витезскою: коли ꙗ с нимъ соимем, мало з нимъ мышлю мистэрства простирати. Панъ Анъцолотъ рече: Пане подъчашыи, ꙗ тое надѣи, коли сѧ соимете, мало мистерства будете простирати. А так поехалъ подчашыи за паном Трыщаном што наборздеи могъ у великои безпечности. А коли єго увидели Ижота и єго Говорнаръ, и рекла Ижота Трыщану: Витез за тобою едет. Рече Трыщанъ: Ꙗкъ едеть? Ижота рекла: Што наборздеи колко конь может. Рек Трыщан: Тот витезь ново поставлен, а мыслит со мною мало мистерства простирати, а ꙗ съ ним. Аж кличе Геушъ подчашыи великим голосомъ: Рыцэру, што водишъ нацуднеишую панну, почекаи мѧ, нехаи увидиш, которыи з насъ будет годнеишыи миловати ее. Пан Трыщан перво копъє взѧл подъ пахи, ниж сѧ ѡбернулъ, и речэ: Едь да видишъ.

(Битва Трыщанова з Геушомъ) Коли снѧли сѧ копъи вместо, Геушъ полетелъ на ѡдну сторону, а конь єго на другую сторону, а Ижота и Говорнаръ гледели што сѧ межы ними учынить, и ѡни не могли познати, штобы сѧ Трыщану нога у стрымени рушыла, не толко штобы сѧ у седла показило длѧ зуфалое рѣчы того витезѧ. Скочыл с конѧ пан Трыщан и скинулъ Геушу

гелмъ з головы и хотелъ его душы избавити, и ѡн его проспилъ ѡ жывотъ. И рече ему пан Трыщанъ: Учыни-ж так, што ѧ тобѣ велю, а ѧ тебе вызволю ѡт жестокое смерти и ѡт ѡстрого меча моего. Ѡныи витезь рече: Ѡ пане, хота бы ма еси послал далеко морем и сухом, если ма жывота не збавиш. Рече Трыщан: Рыцеру, розберы ся из своее зброи и даруи тую зброю своему пану, которыи та послалъ. Ѡбернулъ ся к нему плечыма; и злюбил на том тотъ витез и пошол пѣшъ, несучы свою зброю. Аж идеть кроль Артиушъ из своими витезми и кролева Женибра с паннами, и увидели витези, што идет конь наступаѧ на поводы, а за ним иде витез нагнув ся, и тые витези, што были товарышы подъчашого, говорыли королю Артиушу: Пане, якъ храбрыи твои под (стр. 97) чашыи а наш товарыш Геушъ, надеваем ся, што убил ѡного витеза зъ ѡною панною, а зброю его несет, што николи есмо первеи не видали такъ цудное зброи, якъ была на том рыцэры. Пан Анцолот рече: Ѡ мои боже, якъ нестале поведаете нашому пану королю Артиушу, бо коли бы нашъ витез того витеза добыл, для чого бы своего коня упустил? А ѧ вамъ говору вѣрою витезскою: наш витез свою зброю носит. А по тыхъ речахъ прышол подчашыи, несучы зброю свою на беремени, и прыступилъ къ королю, рэчэ: Пане, волн ма жыва, ниж мертва, волел есми то учынити, ниж-ли голову утратити; а ѧ тобе поведам, ижъ нет витезя, которыи бы ся ему противил. И был корол ѡ то велми жалостенъ, што его витезю стала ся легъкост. И позвал корол свою королевую Женибру и рэк: Пани, поиди с паннами а проси Анъцалота, абы прывелъ того витезя, занюж ѡн наболшыи витез межы нами, всим витезем коруна, которыи любат панство мое. Королева просила Анцэлота такъ говорэчи: Наивышшыи витезю Анъцэлоте, для бога соими з нашого пана корола Артыуша терновъ венец и узложы смилного, прыведи к нам того витезя, а тобе будет ѡная панна. Анцэлот рэкъ: Почтенаѧ пани, чого для мене шлеш за тым витезем, за прыкрою моею смертью? Але коли ты велишъ, ѧ мушу ехати. А за тым убрал се в зброю и всел на конь и поехалъ за Трыщаномъ

такъ тихо ступою, бо ведал, што можэ его догонити, говоречы: Не бежыть тот витез, которын водить такъ цудную панну из собою. А коли был близко Анцэлот, увидели его Ижота и Говорнаръ, и рэкла Ижота: Пане Трыщане, еде за тобою витез витезским ѡбычаем. Пан Трыщан рэк: Пани, ꙗкъ еде тот витез? Ѡна рэкла: Витез ест цудное ѡсобы, а еде тихо ступою. И Трыщан погледѣлъ далеко пред себе и увиделъ велми хорошую цэрковъ, а перед нею пекнаѧ сѣнь; рече Трыщан: Поедмо к тои цэркви под ѡную сѣнь; и поехали тамъ. И рекъ Ижоте: Пани, то ест витезь старых витезеи, ꙗ (стр. 98) не вѣмъ, если ты будеш его, або моꙗ. А за тым прыехали къ цэркви, и сѣлъ под ѡною сѣнью в холоду и зналъ гелмъ з головы, бо ему была голова употѣла. Виделъ его Анъцолот и скочылъ велми боруздо, иж позналъ што панъ Трыщан, и ѡ познаню его был велми веселъ. И видевшы его пан Трыщан, възложылъ гелмъ на голову и вскочыл на конь, а был готов. И видел его пан Анцолот на кони, кинул гелмъ свои, и Трыщан его позналъ, скочылъ с конѧ, и прывитали сѧ велми ласкаво и пытали ѡдинъ другого: Рыцэру, ꙗковую еси прыгоду мѣлъ ѡт тыхъ часов ꙗкъ есмо сѧ ростали? Хвалілъ сѧ ему пан Трыщанъ такъ говоречы: Которые колвекъ витези што ездечы ровни ищут, племѧ корола Бана ѡт Банока або корола Перемонта Французского, никоторые сѧ не противили ударцу моему. Пан Анцолот рече: Которын колве витези любѧть корола Артиуша, ꙗ тымъ витеземъ всим коруна. И за тым мовилъ къ пану Трыщану: Вели конѧ готовати и едмо у твою дорогу, занюж не верну сѧ до корола Артиуша. Рече Трыщан: Для чого не маешъ ехати ꙗкъ королю? И ѡн рече: Для того што есми им мертвъ, толко есми тобою жыв. Трыщан рек: ꙗкъ то може быти, рыцэру? И ѡн рэкъ: Послали были мѧза тобою, абых тѧ прывел, а того бы не вчинил ни ѡдин витез. Речэ Трыщанъ: Хочэмо поехати ꙗкъ королю Артыушу, а буду ему мовити, иж ты болшын витез надъ мене. Анцэлот рэклъ: Чого бог не хочеть, нихто не можэт учынити: не ест ꙗ болшын витезь над тебе, ты всим витезем коруна. И заса рэкли: Што узмовит Ижота, то

учынимо. Руса Ижота рэчэ: Вы есте ѡба добрыи витези, бог вѣ, которыи з васъ болшыи, але коли есте рекли то, што ꙗ реку, тогды поедмо къ королю Артꙋшу. Много витезеи говорать, ижъ ест кролева Женибра лепша над мене, а ꙗ сама по собе вѣдаю, што есми лепшаꙗ, але хочэм ведати красу панеи и доброту витезев. А за тым поехал пан Трыщан из своим наймилшым товарышомъ Анцэлотом къ королю Артꙋшу. Видевшы их витези были велми весели, (стр. 99) мнимаючы што Анцолотъ ведет того витеза, а коли были близко шатра, тогды видели ажъ ѡные витези милують сѧ велми цудне межы собою. И такъ увошли у шатер къ королю Артꙋшу, а тот корол миловалъ витези болшы, ниж што иного. И пан Трыщан палъ на колена и речэ: Пане, нехаи вѣдает твое панство, иж естъ болшыи витез Анцэлот, прывел мѧ ꙗкъ елена за горло пред вашу велебност. И то рекъшы всталъ. Тогды палъ на ногу Анцэлотъ и вздалъ фалу Богу и рече королю и кролевои: Панове, дякуите пану Трыщану за мои жывотъ, иж мене не хотел погубити, ѡдно мѧ прывелъ, ꙗкъ дитꙗ бичом, на стан корола Артꙋша. Рачте вѣдати, иж Трыщанъ есть всим витезем коруна по всим сторонам чотыремъ, морем и сухом. И вси витези рэкли: Вы есте ѡба добрыи витези, помилуи васъ бог ꙗкъ сѧ есте цудне рыцэрством поставили, вашому рыцэрству нет ровни ни близко ни далеко. То вжо есмо вашу доброту видели, нехаи ещэ видим красу панеи вашэи. А королеваꙗ Женибра [и] Ижота ѡбе сѧ вкраспли што паболеи могли; и вышли витези и суди крола Артꙋшовы гладечы красы их, и ѡдин изъ судеи рекъ: Мы есмо поставлены, абыхмо судили справедливе на ѡбе стороне, але мнѣ сѧ видить ꙗкъ естъ лепшыи злото ѡтъ срэбра, такъ лепшаꙗ того витеза пани ѡт нашое кролевое. А вам што се видит? Они рэкли: ꙗкъ еси судилъ, и нам сѧ такъ видит, иж нѣт витеза добротою подобного пану Трыщану, а ни панеи, котораꙗ бы сѧ противила панеи Ижоте. Кролеваꙗ Женибра за то была велми гнѣвна на тые судьи, ниже не могла тому ничого вчынити и много мыслила, чым бы могла поганбити Трыщана, и проспла Гаваѡна, сестренца крола Артꙋ-

шова, рекучы: (стр. 100) Рыцэру, збодан ся с Трыщаномъ, и если его добудеш, велику честь будеш мѣти иж добылъ набольшого рыцэра, а коли он тебе добудет, ганбы тобѣ с того нѣт, а же та добыл напбольшыи рыцэр. Гаваон рече Трыщану: Рыцэру, вели готовати собѣ конь, хочемо ся покоштовати. Трыщанъ рече: Добрыи рыцэру, добре єси рек, и нѣ от колко днии жедал фортуны покусити. А такъ выехал Гаваонъ у зуполнои зброи.

(Битва Трыщанова зъ Гаваономъ) И коли ся видели тые витези межы собою, коли бы могъ Гаваон, роскинул бы тую битву, якъ ся єму виделъ Трыщан хорош и добръ у зброи. И рече Гаваонъ: Витезю, варуи ся ударцу моего. А такъ ся оба ударыли, древа скрушыли на много уломъков и треснули ся плечыма и щытами. Гаваон пал на одну сторону, а конь его на другую. Женибра з дѣвками гледѣла, што ся межы ними учынить, але не познала, штобы ся Трыщану нога у стрымени рушыла, не толко штобы ся єму у седла што зказило. Краснаа Ижота въздала фалу господу богу и рече: Помилуи бог пана Трыщана. Видевшы то кролева Женибра Гаована на земли, и велми сердита была, не жаловала спаденна Гаваонова, колко жаловала рѣчеи Ижотиных. Королеваа шла у обецныи палац ку витезем и рече им: Почтованые витези нашого короля Артиуша, за часть божю и ку воли всим витеземъ и паннамъ збодайте ся с Трыщаном, а коли хто з вас добудет Трыщана, он повышыт весь двор короля Артиуша, а если он васъ добудет, в том вамъ не будет жадное ганбы, бо онъ естъ всим витеземъ коруна. И в тотъ час вси ся убрали и всѣли на кони и волали къ пану Трыщану: Варуи ся вдарцу моего.

(Битва Трыщанова зъ витезми короля Артиуша) И которыи колвекъ прышол на вдарецъ пана Трыщанов, кождыи падалъ за конь, и там битва трывала тры днн. А кгды видела кролеваа, што нѣтъ ни одного витеза у дворе кролевом, которыи бы збил Трыщана, толко ся сподевала на Анъцэлота и просила его говоречы: Добрыи рыцэру Анцолоте, сбодан ся с Трыщаномъ,

ачеи быхмо были тобою повышоны. Анцолот рек: Чому ма шлешъ к лютои смерти вдарцу Трыщанову? И то мушу вчынити. А за тымъ рекъ Трыщану (стр. 101): Рыцэру, кажы конп готовати собѣ, а вбиран са въ зброю, хочемо са коштовати. И он рекъ: Рыцэру, нѣт ни одного рыцэра с ким бых са так рад коштовал, якъ с тобою, занюж єсли ма добудешъ, то ма добыл памилеишыи товарыш и набольшыи витезь, а коли я тебе добуду, то єсми добыл памилепшого товарыша и наболшого витеза. Нижли бачылъ єси, якова ми была моцная битва за тые тры дни? Дан ми рокъ тои битве один день. Анъцолот рече: Не годно тобѣ от мене року просити дна, озми собѣ рокъ пятнадцат днии, будеш со мною мѣти моцную битву, ниж со всими тыми витези. А для того такии рок положыли, иж вѣдалъ Анцолот иж до того року усхочет Трыщан бити са. И часъ был поехати Трыщану до своего стану, и поклонившы са королю и королевои и витеземъ, и хотѣл с ним поити Анцолот, и упросила его королева говоречы: Рыцэру добрыи, не иди тепер, чули єсмо иж мает прыити король Самъсижъ от Чорного острова на двор кола Артиуша. А за тым прыехалъ король Самсижъ и рече: Вѣмъ, королю, иж єси всимъ королемъ коруна, для того єсми прыехал, иж вемъ у тебе набольшых витезеи; а вы витези, которые милуете панство кола Артиуша, нехаи которого я васъ добуду, нехаи я надъ ним воленъ, а если которыи з васъ мене добудет, нехаи будеть волен надо мною. И витези о томъ были велми веселы и убрали са у зброи, и кождыи з них жедалъ первеи прышати битву один перед другимъ съ Самсижомъ ку волц королю Артиушу.

(Битва Самсижа кола зъ рыцэры Артиуша кола) А за тымъ король Самсиж уоружылъ са и всѣлъ на конь и бил са з витезми королевыми, и которыи колве прышол на ударец Самсижов, нашол са за конем. И збил король Самсижъ одиннадцат витезев. А захотѣло са Анъцолоту поити против Самсижу. И коли са поткали, древа поломали на много штукъ и вдарыли са плечыма, аж под обема конп пали. Анцолот спалъ с кона, а кроль Самсижъ повис на кони и не достал са с конемъ. И говорыли вп-

тези крола Артиушовы: Не єст понижена битва нашымъ витезем, бо ѡба с конеи спали. Король Артиушъ рече: Не мо(стр. 102) жемо побитое битвы на ногах поставити, тот витез битву добыл, которыи сѧ с конем не ростал. А был король Артиушъ милъ витеземъ, а витези ему; и рече кроль: Волю поити з моими витезми в Чорныи ѡстровъ в темницу крола Самсижа, нижли тут ѡстат ѡт нихъ. И воружыл сѧ кроль Артиушъ и всѣлъ на конь и рече королю Самсижу: Варуи сѧ вдару моего.

(Битва короля Артиуша зъ Самсижомъ) И потъкали сѧ короли на вдарец, и королю Самсижу латвеишаѧ была битва из Артиушом, нижли з наменшым витеземъ с тых его ѡдиннадцати витезеи. И палъ Артиушъ кроль далеко ѡт коня, а потом кроль Самъсиж повелъ короля Артиуша и его витези, а тые витези его были велми смутни, кождыи был блѣдъ ѡтъ смутку.

Рече Анцолот королю: Папе, мыслмо, ѭк быхмо были просты ѡт руки Самсижовы; если не будемо просты Трыщаном, а иным витезем не будем просты. И прызвали к собѣ Женибру королеву и рече Анцолот: Пани, попди напди пана Трыщана и поведаи ему, што сѧ надъ нами учынило, и ѡт мене ему мов: Просил тѧ Анцолот твои намилшыи товарыш: Рыцэру, если не будемо тобою прости ѡт Чорного ѡстрова темницы короля Самсижа, тогды нам умереги у его темницы. А королева шла велми поспешно и стрѣтила ѡдну дѣвку и рекла ей: Дѣвко, можеш ли ми што поведати ѡ пану Трыщане? Ѡнаѧ девка рече: Пани, ѡ ком пытаешъ? Тому витезю всегды ест дома, а господа его на кони. Кролеваѧ поехала ѡт тое дѣвки велми смутна и стрѣтила другую дѣвку и рече: Дѣвко, можеш ли што поведати ѡ пану Трыщане? И ѡна рекла: Пани, ѭ тебе не знаю, што ест за пани и ѡткуль ест и ѭкъ тобе имѧ, але вижу тѧ добрую панюю, але смутну. Коли мѧ пытаешъ ѡ пану Трыщану, для его доброти ѭ ти хочу поведати. Вѣдаеш первое прыстанище, а в того прыстанища много судьѧ, и перво вбачыш судъно пана Трыщаново въкрашоно пэрлы и дорогим каменемъ; а если его в томъ судне не будеть, и ты его тамъ пытаи, на котором стану

красу и веселье наболшое узрыш, бо то ѡн любит. Женибра кролевна поехала ѿтъ тое дѣвки весела и скоро увидела (стр. 103) тое прыстанище, познала судно пана Трыщаново по повѣсти ѡное дѣвки и была велми рада. И близко того судна много станов витезскихъ было; там панн видела перед ѡнымъ станом дѣвку и пошла к ней и рече: Прошу та, дѣвко, кое стан Трыщанов? И ѡна рекла: Которого пытаешъ, перед тым станом стоиш. И королевна безъ вѣсти влѣзла в станъ а скоро почала говорыти пану Трыщану, ѩкъ повелъ корол Самсиж корола Артпуша з его рыцэры. И еще рекла: Рыцэру, мовилъ тобе Анцолот твои намплышын товарышъ: єсли не будем высвобожены тобою ѿт темницы Самсижа крола, то муспмо там помрети. А в тот часъ панъ Трыщан почывалъ, иж вчорашнын день бил сѧ з великими витезми и добыл дванадцат рыцэров и мѣл раны не великіе, и для того лежал.

А коли слышал речы королевое, взалъ мѣчъ в головах и стреснул такъ прудко, аж з ранъ кровъ по постели потекла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королевна корунованна, ѩкъ єси ты прышла къ набольшому витезю с печалными речми? Тобѣ было прынти тихо и ѿтворыти маккіе уста на тихіе беседы, нехай бы сѧ витезю серцэ на храброст ѡбротило. Королевна рекла: Пани Ижота, ѩкъ наша мысль розна! Ты нацуднейшая пани на свѣте а маешъ водле себе своего пана, у ком надею маешъ, ты его можеш учынити здорова наболен до десети днеи, а я видела, гдѣ поведен мои панъ король Артпушъ и его витези. И погланул панъ Трыщан сердито на Ижоту для речеи королевое Женибры.

Вѣдаючы Ижота ѡбычаи Трыщановъ, иж ему мило весело, и похватила королевую за руку и почала играти горатанскии танецъ велми пекне, и для того почало сѧ серцэ пану Трыщану на храброст ѡбрачати, и рече Говорнару: Дан ми лютню. И почалъ играти велми цудне, и ѡбема паням и пану Трыщану исполнило сѧ серцэ веселем слухаючы лютни. Потом пан Трыщанъ рече Ижоте: Направ ми судно и положы ми у нем хлѣба и вина;

прыимамъ тобѣ верою рыцерскою, або ми ѡстати с королемъ Артпушом у темницы Самъсижовои, албо ми вызволити короля Артпуша и его витези. (стр. 104) Ижота рече: Пане, можеш поити коли будеш здоров. Рече Трыщанъ: Могу лечыт сѧ идучы такъ и лежечы, ижъ которые раны подъ зброею упаре, тымъ лѣкара не треба. Видевшы Ижота, што не можетъ его унати, рече: Пане, твое судно ест украшено, готово, а легко можно уставити стравы и вина. Тогды ушол Трыщан у судно и Ижота и Говорнаръ и кролева Женибра; и коли сѧ ѡтопхнули ѡт берега, вѣтръ усталъ, а море сѧ надуло, и не знали, гдѣ прыстали. Проспла Женибра Ижоту говоречы: Пани, ѩ сѧ не учыла по мору ходити, проси пана Трыщана, абы велел указати прыстанище, а мы быхмо уздали хвалу Богу, которыи нас избавить морское смерти. Видечы Трыщан, што на волънахъ морскихъ, взял лютно и почалъ играти, и коли играл немало, ни ѡднаѧ пани не дбала ѡ прыстанищы, так имъ было мило слухати. Тогды рек Трыщан морнаромъ: Прыставте насъ къ прыстанищу, да вздадимъ фалу господу богу, што нас избавилъ морское смерти и ѡт греха. И прыставили морнаре подъ ѡдин замокъ, где было доброе прыстанище, але злыи ѡбычаи. Тут прыналп Трыщана ласкаве и пытали его: Витезю, што тобѣ тые панны? И ѡн рекъ: Сестры ми ест; указал Женибру, рече: то ми сестра старшаѧ, и указал Ижоту: а то ми ест молодъшаѧ. И ѡни рекли: Помилуи васъ богъ, але нигдѣ есмо такъ ѡдностайного роду не видали. Пан Трыщан рече: Витезю, не рачте за зле мѣти ѡ што вас спытам, бо в нашои земли за то не дивѧт: бо если бы вѣдал, тэды бы не пытал. Ѡни рекли: Витезю, тут ѡбычаи добрыи, пытаи што ти треба. Рече Трыщан: Ѡ томъ васъ пытамъ, вижу вас ѡсобы красны, але чому есте так блѣды? Ѡни ему рекли: Чы не вѣдаешъ тутошнего ѡбычаю? Тому замку ест панъ ѡдна панна, котораѧ мужа не знает, а таковыи ѡбычаи мает: хтоколвек у тое прыстанище прыстанет, нихто еи не смѣетъ чоломъ ударыти, если не будет валашаи; а ты рыцэру, если-с ест валашаи, удар еи чолом. Рече

Трыщанъ: Много єсмь ходилъ морем и сухом, а не видел єсми такъ злого ѡбычаю; тажко вамъ што єго терпите, а намъ (стр. 105) може быти, што бог даст. Дайте ми коня и зброю, и поеду, ѡткуле єсмо прыехали. Они рекли: Рыцэру, могли бы ся того домыслити и инъшые рыцэры, абы ся то могло стати. И поймали Трыщана и вкинули в темницу, а в той темницы было дванадцат витезей ѡт семи лѣтъ, и тые змовлали ся: Даймо ся звалашати, лепѣи намъ умерети на свете, нижъ у темницы. И один ѡт нихъ рече: О боже мои, а то в насъ пан Трыщан! А другии витезь рече: Чому ся узрадовал набольшого витеза легкости, а нашои погибели? Он рече: Не радую ся и тому, што ты говорыш, але радую ся пашому ѡпрощенію, а єго почстенью, бо и вѣмъ, што умѣет учынити пан Трыщан з мечомъ. И был у ѡное панны два браты, один над нею старшыи, а другии молодшыи; тотъ молодшыи завжды, коли хотѣлъ, тогды мовилъ сестрѣ, але старшыи не смѣлъ. И рече єи молодшыи брат: Панно, нехай ѡзму ѡного витеза сестру старшую за брата, а молодъшую за себе. Она ему рече: Єсли ми будеш ѡ том большеи мовити, розлучу та з душою. И он пошолъ вонъ и виделъ Женнбру и Ижоту, а они стоят, велми цудне убрали ся; и рече со всего серца: Коли бы хотела поити за мене таа молодшаа, и бых еще мовилъ сестре своєи! И прышолъ к ним и рече Ижоте: Панно, если и упрошу сестре моее, хочеш ли поити за мене, а можем пустити брата вашого? Ижота рекла: Паниицу, намъ нѣт ничого милеи брата нашого, которыи въ темницы вашои. А носила Ижота под суknею мѣчъ Трыщанов; и ѡныи паниц рече: Могу и дати вам видети брата вашого, але ѡткажы ми ѡ милости, што и тобѣ мовилъ. Ижота рече: Одно ты проси сестры своее. В тот часъ Ижота вкинула мѣчъ в темницу, и взалъ пан Трыщанъ мѣчъ въ свое руки, а шолъ ку воротамъ темничнымъ, а за нимъ тые витези вышли с темницы; и коли их узрѣли тамошние витези, и пустили ся к ним улицами хватаючы копъа в руки и мечучы гелмы на головы, што тэж и первѣи добывали ся с темницы витези, нижли ѡпатъ

ихъ загонивали. И один от нихъ велми храбрын перво иных прыбѣгъ къ Трыщану, хотечы его угнати у темницу; тому витезю полетѣла голова далеко от трупа. Панъ Трыщанъ почалъ чынити жестокие (стр. 106) вдарцы, и в когоколвекъ увидел копье в рукахъ або гелмъ на голове, того каждого забил. А был обычаи тое панны, иж ни против одного витеза не рушыла са з мѣстца, коли ей чоломъ вдарылъ. А кгды ей споведали о Трыщану, а она на золотом узголовію посмыкала са як змиа на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла велми прудко, стретила его насеред палацу, а вода по ногам текла, и поклакънула перед Трыщаномъ. И панъ Трыщан ухватил ее за верхъ головы и сталъ голову, кинулъ вон далеко говоречы: Нехай са не деръжыт злыи законъ у томъ острове. И погледѣлъ Трыщан по палацу, ест ли тут витези, але не было никого, разве одно пана, еще не был поставлен витеземъ. И прышло ему на умъ, якъ его увиделъ, рече: Чы не тое то панны брат, што хотел взати Ижоту? И пошолъ с ним вон. И рече Женибре и Ижоте: Пани, годенъ ли тот панин голову стратит? Ижота рече: Пане, мы не ради ни одной смерти, але просилъ тот панич мене. И Трыщан ему стал голову. Женибра рече: Пани, чому то еси учынила? Ижота рече: Почстепая пани, и вижу тепер натуру пана Трыщана, коли бых ему правды не поведала, не вѣмъ што бы са з нами учынило. А потом са витези собрали ув-обецный палацъ, и панъ Трыщанъ велелъ прывести к собѣ вси кони и зброи тое панъны и даровал тых витезей, которых застал у темницы, каждого конем и зброею, и еще имъ рече: Витези, вы ждали выити на свѣт от неколка лѣт, а теперъ хто што хочеть, нехай собѣ берет. Тые витези велми покорно подаковали пану Трыщану и мовили ему: Рыцэру, коли ты насъ опростилъ от смерти, мы хочем поити с тобою и хочем вамъ служыти. И Трыщанъ рекъ: Витези, будь вам дака от витезей и от панеи, што ма частуете межы собою, але са мною не печалупте, поидите в домы вашы, а которын з васъ усхочет назвати са пану Анцолоту слугою, а мною Тры-

щаном данъ, хочу того вчынити тому замку и тому прыстанищу паномъ. И рече с них один витез именемъ Амодоръ: Пане, и хочу быти слугою пану Анцолоту тобою паномъ Трыщаном дан. И панъ Трыщан тот замокъ и прыстанищо ему далъ для того, абы ся (стр. 107) звал намилешого товарыша его слуга. И говорыли тые витези: О наш милыи боже, якъ много мыслить пан Трыщан повышенемъ Анцолотовым! Помилуи его бог. А потом пан Трыщан пустил ся на море до короля Самсижа велми поспешно, и прыстал в другое прыстанище, которое то прыстанищо велми хорошо, а градъ красен и вси обычаи добрые мѣлъ, толко один зрадливыи крыжнак, тот былъ много добылъ зрадою и был виненъ ганбою витезем и паннам, а таковыи обычаи мѣлъ: кождого госта зрадне забивалъ и статки его брал. И коли ся прыставилъ пан Трыщан с тыми панами, взял у руки лютню и почалъ играти велми пекне. Прышли витези того града слухати того весела и тое красоты, и прынде з ними зрадливыи крыжнакъ, и говорылн: Тотъ витез не на зло создан, але ку вытежству створен. Нихто былъ сыт слухаючы тое лютни, а оныи зрадливыи крыжнакъ помышлялъ, якъ бы убил того витезя прытых двух паннахъ, и говорылъ: И мам злота и сребра и всякое красоты, што есми добылъ зрадою и безпечностью моею, и еще коли бым тому витезю прыоных паннахъ голову стял, то бы ми досыт бог учынил. От того часу и до ночы ходил зрадныи крыжнак около Трыщана, хотечы абы его могъ забити, але того не мог довести и рече: Может по рану поити на мшу, а и его дождчу за муром и такъ ему хочу главу стяти. Аж идет пан Трыщан на мшу к тои церкви, а за нимъ Ижота мѣч несла, а кролевам Женибра щытъ, а витези, которые их видели, говорыли: То ест наболшыи витез и пацуднешые панны, А коли были близко церкви, Ижота рече Трыщану: На ти мѣчъ. витезю, варуи ся удару другого витеза. Трыщанъ первеи меча добыл внижли ся обернул, ажъ стоит витезь з нагимъ мечомъ за муром, хотячы тати Трыщана. Пан Трыщан наскочылъ на него, и от одного вдару спала голова крыжнаку. Трыщан рекъ: якъ

єсми стал витеземъ, ни зъ одным витеземъ так простого бою єсми не простер, ꙗкъ з сим витезем; того ми жаль. Рекли ему витези того града: Нехаи ѡнъ болшъ того не будет зражати, и тобѣ хотѣл тым жо послужыти. Трыщану то было немило што его вбилъ, мнимал пжъ бы его тутошние витези вызывати на битву мѣли за крыжнака, бо сѧ поспешал к королю (стр. 108) Самсижу. И кгды Трыщан прышол в цэрковъ, прышли к нему витези града того с панънами и мовили ему: Рыцэру, зафалено ти будь всими витезми, што єси нам выкинулъ злын закон ѡт доброго прыстанища. Попди з нами, подадимъ тобѣ все имене его, бо тое имѣнье вамъ пригожо, а никому иному да тому, кому ты дасп, бо ты над тымъ воленъ, иж єсмо такъ рекли: ѡт кого ему смерть будет, тому имѣне его. Пошол пан Трыщанъ с тыми витезми, ѡны ему указали ѡдны склепы и ѡтомкнувшы рекли: Рыцэру, то ест твое.

Виделъ Трыщан у тѣхъ склепех много всѧкого добра розличного, золота и серебра и перелъ и дорогого камена, и всякого различного камѣньѧ и товару. Пан Трыщан почалъ делити тое добро рыцэром и паннамъ и комуколвекъ годно было. А такъ и его даровали витези того града говореч: Повышен будь витезю, што єси загубил зрадливаго крыжнака. Трыщан тутъ ѡпочинул неколко днев и рече королевои Женибре и краснои Ижоте: Почтеные панне, ѡто видите прыгоды нашы на сеи дорозе; а єсли тым ѡбычаемъ прыидемъ къ королю Самсижу к Чорному ѡстрову, не вѣмъ што сѧ ѡ нас учынит, а не толко што быхмо короля Артиуша и его витези ѡпростили. Ѡные панне рекли: Пане Трыщане, хотѧ быхомъ ходили морем и сухом, не нашли быхомъ такого порадъцы, ꙗкъ тебе. Пан Трыщан велелъ собѣ скроити латынские шаты и Говорнару своему, а тым панам ѡбема мнишъские шаты, и наклал у судно всѧкого розличного товару и учынил сѧ латынником и пустилъ сѧ на море, и рече морнаромъ: Везпте нас к Чорному ѡстрову. И ѡтопъхнули сѧ, и коли шли по мору гдѣ далеко ѡт прыстанища, тогды Трыщан завжды у лютню игралъ, а тымъ панамъ серцэ веселил. А потом прыстал к Чорному ѡстрову ѡтоку.

И вышедшы витези королѧ Самсижовы, шли к нему што наборздеи, бо такии ѡбычаи кроль Самсиж мѣлъ: ѡт кого бы колвек судно прышло, тогды прыходечы витези брали што хотели, а тотъ купец, што оцоведаєт што в него взято, то король платит за витези. (стр. 109) И рече Трыщан морнару: Ѡтпхни сѧ ѡт краю, бо ꙗ вѣдаю королѧ Самсижов ѡбычаи, а єсли хто в мене ѡзмет Женибру або Ижоту, не маєт мнѣ король Самсиж чым заплатити, а злота и сребра и ꙗ досыт маю. А за тым закликал говоречы Говорнаръ: То ходит ѡдин купец, а хотелъ бы свои товар продати, нехаи єму кгвалту не будет. И ѡни рекли: Купче, шлюбуєт господар король и вси витези, єсли бы не было твоее доброе воли, а кгвалту ти не будет. И напотом прысталъ пан Трыщан, и роспѧли шатер и росклали перед нимъ розличного товару много; и прышол ѡдин витез къ Трыщану, мовечы: Рыцэру добрыи, длѧ чого сѧ єси учынил латинникомъ? Рече Трыщан: Много людеи подобных витезем, ꙗ бых радъ, абых тот витез былъ, кого ты мѣнишъ, але ꙗ латыненинъ; если ти чого потреба, купи, мам ти што продати. И ѡн рече: Рыцэру, ꙗ тебе знам, ты тот рыцэр, што ѡно побилъ тры витези, племенниковъ королѧ Бана Банецкаго въ дворе королѧ Ленвиза ув-Ѡрлендэи, тобѣ нѣтъ ровни добротою близко ни далеко. Рече Трыщан: Ни што такъ не ѡмылѧеть, ꙗкъ парсуна чоловеческа; колиб ты узложыл зброю, ꙗ бых мнималъ што ты витез, але тѧ бачу, што єси блазэнъ, а хочеш ѡт мене дару. Ѡному витезю было соромъ велми и говорыл: Ничого єсми такъ прыличного не виделъ, ꙗкъ тот купец ко ѡному витезю доброму. И пытали єго иншыє витези: Латынине, што єстъ тобѣ тые паниє? Трыщан рекъ: То ми сестры, ѡдна старшаѧ, а другаѧ молодшаѧ. И ѡни поведали королю Самсижу говоречы: Пане, которыи купец шлюбу просил, естъ с нимъ двѣ девки сестры, але быхмо на крыж свѣтъ прошли, цуднеишых быхмо не нашли, але што молодъшаꙗ бѣла ꙗкъ паперъ и красна ꙗкъ рожа; єсли бы-с хотел, мог бы их купити. И шол самъ король Самсиж, абы ихъ виделъ, и прыиде къ шатру Трыщанову и рече: Здоров, латынине. Трыщан потек

к нему и поздоровил єго, и дивили сѧ кролевы витези, ꙗк мистерне тот латынении до крола кинул; з нас бы того нихто такъ не вчынил. Король шолъ в шатер и зосталъ ѡные панне в шахы играючи, которые шахи были крышталовы велми пекны. И пытал (стр. 110) король: Латынине, што тобѣ ест тые панны? Рече Трыщан: Сестры ми ест. Крол рече: Продан ми тые шахы. И ѡн рекъ: Не можеш ми заплатити. И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, ꙗ бых тобѣ дал за кождого пѣшка єждчалого витезѧ, а за крола того крола Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што сѧ не продаєт, того не можеш купити. И крол рекъ: Продан ми сестру молодшую, а хочу тобѣ золотом тры крот ее отмѣрыты, а сребромъ колко самъ усхочеш. И ѡнъ рек: Пане, рек ми єси, чого быхъ не хотел продати, в томъ кгвалту не будет, а коли бых сестру свою хотѣлъ продати, в первымъ же прыстанищу большую бых цэну взял. И рекъ корол: Играимо-ж в шахи ѡ нее и ѡ третюю часть моего кролевства. И Трыщан рекъ: На што бы ми не было моєи волн, рекъ ми єси, на то кгвалту не чынит, а ꙗ не знаю, ꙗк в шахи играют; ꙗ поставлю попа в старшомъ местцу, а пишын шахи гдѣ маєм поставити? Рек король: Правын єстъ латынении, у нихъ поп начеснейшын. И зась рече король: Латынине, збодаимо сѧ-ж ѡ тую панну и ѡ пол моего королевства. Трыщан рече: Рек ми єси, на што моєи воли не будет, кгвалту быти не мело, а ꙗ не знаю, ꙗк на конѧ усѣсти и ꙗкъ у зброю убирати сѧ. И ѡн рекъ: Рубаимо сѧ-ж ѡ нее ѡ все мое кролевство, с того тронга ѡберы собе, што хочешъ, а коли не всхочешъ, ꙗ и даром ѡзму. Трыщан рече: Коли нѣт у первои речы, не може быти и у последнеи, бо єсми не видал болшое битвы, ѡдно коли сѧ почнут бити играючы латынскіе дѣти текучы по улицах древнѧными мечыками; так ли и мы маємъ? Король рече: Так, латынъниче, але мы будем железными; добре єси учынилъ, што ми єси тую цудную панну прывелъ.

И назавтреи прынесли ѡт крола Трыщану двою зброю говоречы: Убирай сѧ, латынниче. Трыщан почалъ класти левую наруч на правую руку, а правую на лѣвую, а правую нанож

на лѣвую, а левую на правую, и рекъ: Понесите тую зброю пану вашому, иж не може прыстати свѣтлая зброя на латынскіе плечы. И они понесли зброю и говорыли: Милостивый королю, не вмѣет вбрати ся, а наша пани, позираючы на него, смеесть ся, тым ся веселит, не жалуючы смерти брата своего для твоего почстеныа. А межы тым (стр. 111) Трыщан рекъ Женибре и Ижоте: Справуйте лѣкарство до ран, занюж попду къ наболшому витезю сего свѣта, а вберите ся в налепъшые шаты. И вышол панъ Трыщан в зуполной зброи, а на гелму в него велми цудного цвѣту венокъ, а за нимъ обе панне. Аж стоит корол Самспж изъ своими витезми, и коли обачыл Трыщана, не радъ бы с нимъ мѣлъ битвы, але коли видел Ижоту пекне убраную, хотяб ему и шлюб втратити, взял бы ее без кождое битвы, такъ ся ему хороша видела. И рече крол: Латынниче, о што есп со мною прыналъ битву? О мое кролевство? И он рек: Королю, ты-с то мовилъ, а я того не прынмалъ, занюж вижу близко себе смерть свою, але мушу прынати с тобою сечу. Я много ходилъ морем и сухом, а коли маю вмерети, волѣлъ бых тамъ, гдѣ видать болшъ смерть мою. Чулъ есми, што естъ в тебе много добрых людеи в темницы, вели ихъ вывести, нехай видят смерть мою. Король рек своим: Што то ему поможе, иж кроль Артпушъ з витезми своими увидять смерть его? Велите ихъ вывести с темницы. И когды кроль Артпушъ з витезми своими вышли, и видевшы их Артпушовы витези дванадцат и пан Анцолот, розсмеяли ся, окром Паламидежа, наболшого непрыятела Трыщанова. Король Артпушъ рече: Чому ся смеете? Не дивлю ся иншым, але дивую ся Анцолоту, што ся смеет смерти наболшого витеза а намилшого товарыша своего, а нашои и своеи погибели. Паламидеж рече: Если маем быти просты Трыщаном, лепеи бы нам умерети в сеи темницы в Чорномъ острове. Анцолот рече: Не смею ся я его смерти, але ми ест мила свобода наша, иж вемъ, коли ест тут Женибра кролевна а Ижота, укажэт пан Трыщан кунштъ.

Король Самспж прыступил и рече Трыщану: Би ся, ла-

тыниче. Трыщан рече: Папе, навчы ма. Король вынал мечъ и почал бразкати по зброи его говоречы: Так тъни, а так са укрыи, и заса рече: Хочеш ли, латынине, оставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыл добре, яко пан великии, але коли бых са мог уложыти от твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И он рече: Если можеш, укрываи са, але не узможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? (стр. 112) Корол рече: Тии. Трыщан рече: Кролю, научыл ма еси, варуи са-ж ма.

(Битва Трыщанова съ Самсижом королем) И почали са гонати, якъ львы по полю, один на другого наскакаи, якъ тым витезем, которымъ не было ровни близко ни далеко. Прыбивал Самсиж Трыщана, и он са заметал мечомъ и щытом и на колени падалъ перед моцными ударцами Самсижовыми, а коли Трыщан прыбивалъ Самсижа, он са заметал мечомъ и щытом и на колени падалъ перед моцными ударцами Трыщановыми. Витези короля Самсижовы говорыли: Дива великие! Не мог са найти ни одинъ витезь, которыи бы са могъ противити нашому пану, а оныи латынник такъ чынит, скаче яко левъ. И прыскочыл Самсиж и почалъ рубати што наболеи мог по зброи Трыщановои; дабы ихъ зброи не одержали, оба бы были мертвы. На конецъ битвы поизрел панъ Трыщан, аж Ижота з лица ступила, и для того панъ Трыщанъ откинулъ щытъ и взал мѣчъ у обе руки и почал чынити жестокие ударъцы без укладаныа и талъ короля Самсижа по обеюх руках, и отпали ему руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметаи са королю, абых ти рукъ не окрвавилъ, але больш того не умѣю. И ухватилъ мѣчъ свои за конец и понес Самсижу говоречи: Чого для еси покинул мѣчъ твои? Если тажок, на-жъ ти мои мечъ, а тот дан мне. И поизрел кроль Самсиж на Трыщана гнѣвным обычаем. Рече Трыщан: Чому на ма так сердито смотрыш? Што есми тебе победил хитре и мистэрне, инак есми не вмелъ с тобою поити, ено такъ. Кроль рек: Почтеныи витезю Трыщане, по шырмеръству есми тебѣ позналъ и проспл есми бога, абыхъ не вмер наг-

лою смертью отъ жестокихъ вдарцовъ твоихъ и отъ остраго меча твоего. И тобѣ говору вѣрою витезскою, бы ми еси того послал хто бы ми о тобе поведал, и бых тобѣ пустил короля Артиуша и его витези, бо вижу ижъ ми для их прышла смерть. Виделъ то корол Артиушъ из своими витезми, пошолъ до Трыщана и сполнилъ серцэ веселемъ, и почали ся съ Трыщаном прывитати велми ласкаво и въздали фалу господу богу, а даковали пану Трыщану: Навышшыи рыцэру, зафалено ти буд всими витезми, ижъ еси насъ освободил отъ темницы Самсижовы. И кождыи рек: Богъ помилуи Трыщана, иж так много працовалъ для короля Артиуша и его витезеи своею доброю волею. (стр. 113) Пан Трыщан казал прынести тое веселе, которым ся Самсиж веселил, трубы, дуды, лютни, арфы, арганы, шахи, варцабы велми цудне украшено обычаемъ господскым, и почали веселити ся. Того весельа мило было слухати королю Артиушу и его витеземъ; и коли пан Трыщан самъ узал лютню и почал играти велми стронно, королю Артиушу и его витеземъ исполнило ся серцэ весельемъ слухаючы ноты лютни Трыщановы, и нихто з витезеи не был сытъ слухаючы. Тогды Ижота ухватила королевую Женибру и даровала королю Артиушу: Пане, даруеть ти панъ Трыщанъ тую панню, ачъколве которая легкость вам стала, нехаи ся почестностю направит. И каждого витеза даровала конемъ и зброею, и еще рече витезем: По што ся чыа рука хватит, не будет ему заборонено. Анцолоту рече Ижота: Рыцэру, даруст ти Трыщанъ штоколвекъ добылъ имѣнеи зрадцы крыжнака, а даруе ти витеза Амодара изъ замкомъ тое дѣвки, што была понижены закон поставила у своемъ прыстанищу. Кроль Артиушъ уздалъ фалу господу богу и даковалъ Трыщану, говоречы: О навышшыи витезю Трыщане, захвалено ти будь велькое твое рыцэрство всими витезми и всими людми по всихъ чотырох сторонахъ! Доброти твоее нѣтъ друга ни близко ни далеко на земли.

Тут прыехал один витезь из Францэи от короля Перемонта и вѣдалъ о тыхъ витезах в того прыстанища и велми хотѣл с ними ровни пытати. Виделъ то Трыщан, иж он на то

прыехалъ, рече кролю Артиушу: Велможный королю, всим королем коруно, за част божю дай ми один даръ. Артиушъ рекъ: Надо всимъ єси воленъ, одно не дамъ ти гонити с тым витеземъ. Трыщан речэ: И того прошу, а иного всего досыт мам. И крол: Для того-мъ то рек, што єси спрацован, але и тымъ будь воленъ. И подаковалъ єму Трыщан, и витез Францэискии рек єму: Рыцэру, за свою великую легкост дакуєш єму. И Трыщан рекъ: Погледишъ того.

(Битва Трыщанова з витезем францэиским) И всели оба на кони а вдарыли ся моцно, копя строщыли на много штукъ, а сами ся вдарыли щытами и плечыма. Витезь францэискии полетелъ на одну сторону, а конь єго на другую, (стр. 114) и нихто не мог познати, штобы ся Трыщану а нога в стрымени рушыла. И другие были витези прышли ровни пытати, а кгды видели францэского витеза збитого, и не хотѣли ся коштовати, вдарыли чолом Артиушу и поехали там откул были прыехали. И в том прыстанищы корол Артиушъ и єго витези отпочынули нѣколко днеи. И отопъхнули ся з великим веселемъ на море отъ Чорного острова, а с ними панъ Трыщан.

И в первомъ прыстанищу отлучыл ся от них пан Трыщан, а Анцолотъ много просилъ короля, абы пустилъ єго с Трыщаном. Король рече: Добрыи рыцэру Анцолоте, коли прыидемъ до дому, оттоль можешь поехати къ Трыщану, бо завъжды єго можешъ найти, гдѣ витези ровни пытають.

А за тым прыехало къ Трыщану сем витезеи и вздали фалу богу, што нашли Трыщана, и рекли єму: О павышшыи рыцэру, ты повинень почстеньемъ витезскимъ. Прыєхали єсмо на величество славы твоєа, иж и иншые витези о твоеи милости ся пытают. Рече Трыщан: Говорыте, што потреба? Они рекли: Славутныи рыцэру, таковыи обычаи маст Смердодугии поганин: хто у єго прыстанищо прыстанет, кождого витеза велми ласкаве будеть прыимовати, а коли будет перва стража ночы, укинеть витеза на острые муки, и ни один витез не может поехати без легкости. И мысмо были у єго прыстанищу и терпели тое, што и

другіе витези. За част божю, пожалуи нашое легкости, поиди с нами ко ѡному прыстанищу, бо єсли не будем тобою повышоны, то вже нам конецъ, ачеи бы єси з божеи ласки тот злыи закон сказил. Трыщан рече витеземъ: И мнѣ єстъ жаль тое ганбы вашое, и хочу поити з вами, але штобы ма нихто не знал, хто єсми и ѡткул до часу.

И коли прышолъ Трыщанъ с тыми витезми у прыстанищо Смердодуга поганина, и вышли против ихъ с того замку витези и велми их ласкаве прывитали и розлучыли их зъ ѡружъем и вели их ув-ѡбецныи палац. И прынде Смердодуга поганин у ложницу къ жоне своеи и рече дочцэ своеи: Ѡзми лютню и поиди в чорныи палацъ и весели ѡныхъ витезеи, которые не чували играючы, поки будет час вкинути их на муку. И ѡна взавшы лютню пошла к нимъ и почала играти велми хорошо. Тые витези, которые не чували (стр. 115) играючы пана Трыщана, мнимали иж бы нихто так цудне не мог играти якъ тая панна. Трыщан рече: Панна, нехаи бы са не ѡпросил ѡ што та пожедам. Ѡна рекла: Не ѡпросишъ са. И ѡн рекъ: Позыч ми тое лютни, видимъ иж велми пекне играешъ, а мы хожалые витези, ачеи хто з насъ троха на лютни умеєть. Ѡна ему дала лютню, и Трыщанъ не ударыл у лютню, первеи почал стропти и настропл и почалъ играти велми цудне. Каждому витезю исполнило са серцэ весела, и тая дѣвка прыступила ближеи, абы могла ноту перенати. И говорыла к собе: Коли бых и такъ умѣла, што бы ми стоило за все имене ѡтца моего! Трыщанъ познавшы то, ѡтдал ей лютню, и ѡна тут не хотела ни ударыти и пошла къ ѡтцу своему и рече ѡтцу: Ѡтчэ, єсли бы єси хотелъ тых витезеи соромотити, жыв не будешъ, занюж єстъ межы ними пан Трыщан, которыи не даст соромотити. Смердодугин поганин рече: Якъ ты можеш познати пана Трыщана? А тые витези, которые єго видали, чы не познали бы, а ты єго николи не видевшы знаеш? Ѡна рекла: По том и знаю, иж ни ѡдин витез не вмѣеть на лютни так якъ а, кром ѡдин Трыщан, а єстъ межы ними ѡдин витез,

што лепшеи нижли ѣ на лютни играет. И поганин самъ пошол гледѣти и прышодшы к ним почалъ с ними розмовлати. Ино по правде цудные рѣчы походили ѡт того витеза, которого єму дочка поведала, и по єго доброте позналъ и почал с ними дворыти, што налепеи умѣлъ, и далъ имъ на ноч добрыи покои на ихъ волю. А назавтреи ихъ ѡтпустилъ и после ихъ ворота граду затворыли и узводы узвели, и ѡдин витез з города рече: Вы семъ витезеи дакупте пану Трыщану за упокои сего прыстанища, а мѣли бысте легкость, а кгды з вами Трыщан, ничого сѧ не бойте. Трыщан самъ рекъ: Мы быхмо ради абы з нами был пан Трыщанъ, якъ которому быхмо колвекъ прыстанищу прыстали, везде быхмо были повышени с Трыщаном. Ѡн рекъ: Запсте ты єси самъ Трыщан. Ѡтехавшы ѡт того града розсталъ сѧ з ними пан Трыщанъ, и ѡни єму даковали, што в том прыстанищу почтены им были.— Смердодугии поганин говорылъ: Много єсми рыцэровъ ѡсромочалъ, а коли бых могъ еще Трыщана ѡсромотить, (стр. 116) то бых доконал своего умыслу. И поехал за Трыщаном а догонил єго, рече: Навышыи рыцэру и славныи по всихъ чотырох сторонах, мыслил єсми по свету ездити, а ни с ѡдным витезем а ни с королем не хотѣлъ бых ездити, ѡдно с тобою, и назвати сѧ хочу твои слуга. Прошу тѧ, пане, поедь в дом мои, абых поручылъ замокъ кнѧзю, а поеду с тобою. Пан Трыщан на єго слово поехалъ самъ. И кгды прыехалъ къ прыстанищу, вышли напротивъ Трыщану с многим веселемъ мовечи: Возвеличоно имѧ твоє, а мы слуги твое. И з ним розлучыли ѡружє єго и вышли с палацу. Почали тут межы собою радити; и былъ тут ѡдин витез з далека и рекъ пану Трыщану: Рыцэру, ѣ не знаю хто єстэсь а ѡткули, нижли бачу васъ доброго рыцэра и красную ѡсобу; мнѣ жаль твоее легкости: ѡ томъ радѧть, которою-бъ смертью мѣли тебе вморыти. И Трыщанъ погледѣлъ по палацу и не видѣлъ гелму а ни меча ни копъя, и велми ѡтчаал сѧ, што не было при немъ меча єго. Витези того града прышли в палацъ и поймали Трыщана, а рекли: Которою смертью хочем єго вморыти? Смердодугии поганин рече: Поведите єго и сотните. А того-ж дня

былъ прыехал храбрын витез Паламидеж Ануплитич з двема мечы и с чорнымъ щытомъ, найбольшын непрыятель Трыщанов ѡт двора короля Артиуша. И ѡн рекъ: Не слушит так доброму витезю без битвы главу статн, добудьте его битвою рыцэрскимъ ѡбычаем. То есми видал, што витез витезю главу сотнеть, але рыцэрскимъ ѡбычаемъ, а того не видалъ, якъ вы хочете.—Ѡни ему ѡтказали: Мы видали што тать за тата вступает ся. Видечы то Паламидеж, што ѡбеюх поганьбили, скочылъ и подал ѡдинъ мѣчъ Паламидеж Трыщану, и сам з другим мечом; и Трыщан скочылъ якъ лютын, а почалъ рубати моцно на право и на лѣво, и в когоколвек увиделъ копе в рукахъ и на голове гелмъ, тых стинал. И пошол к палацу вбити поганина, и ввидел его бегучи велми рыхло, и догонил его Трыщан, и ѡн вскочыл в цэрковъ свою, гдѣ не годит ся рыцэру з мечом войти. Трыщан рече: Поиди вон, зрадцо, и борони ся битвою. И ѡнъ рече: Вѣдам запэвне, покуль есп тутъ, не выиду ѡтселе, якож и не выходилъ докуль въ его замку былъ. Трыщан пошолъ ѡт тое цэркви, бо вѣдалъ тотъ закон, што ему (стр. 117) тут не годит ся з голым мечом стоати, и пошол на палац Смердодугов и въздал фалу господу богу, што его збавил наглое смерти. И рече Паламидежу: Витезю, зафалено ти будь витезми и паннами, што ми еси не допустил згинути. Паламидеж рече Трыщану: Рыцэру, за всю мою службу, што ти есми послужыл и еще ти мышлю послужити, дай ми ѡдну реч, которое буду тебе просити. Трыщан рече: Чого просишъ, дамъ ти, ѡкром Ижоты. Паламидеж рече: Будь ми набольшын непрыятель, якъ есп перво был. Трыщанъ рече: Нехай того витезю, ты мнѣ великое почстенье учынилъ, а я тэж могу мыслити ѡ твое почстенье. Паламидеж рече: Иншого не хочу, нижли ѡдно того.

И коли видел Трыщан ижъ мусит мѣти битву с Паламидежом, и рече Трыщан: Рыцэру, если маю бити ся, волю моимъ мечом, нижъ тымъ мечомъ. И прынесли пану Трыщану его мѣчъ, и убрали ся ѡба витези у зброи.

(Битва Трыщанова с Паламидежомъ) И скочылъ ѡдинъ

на другого велми храбро, и почали сѧ гонити якъ два лвы, и такъ сѧ моцно рубали, абы их зброѧ не wдержала, wба были мертвы. Прыбивалъ Паламидеж Трыщана, wн сѧ укрывал мечом и щытом, уступаѧ перед удары Паламидежовыми, а потом Трыщан кинулъ wтъ себе щытъ и взялъ мѣчъ у wбе руцэ и почал рубати не укрываючы сѧ, Паламидежъ сѧ заметалъ мечом и щытом на wбе колени падаѧ, надѣючы сѧ смерти wт моцного удару Трыщанова. Витези того града говорыли: Тот витез погубилъ много витезеи, а тепер добывает красного Паламидежа. Трыщан тал Паламидежа по гелму и ростал ему гелмъ и далъ ему великую рану на голове. Трыщан рече: Витезю, если маѧ добудешъ, не дадут ти витези пофалы, бо єси видел якую есми битву мѣлъ с оными витезми; понехаймо тое битвы, а положимо собѣ рок, где-ль бы колвек которыи з нас был, нехаи сѧ становит на тот рок пры той цэркви, гдѣ сѧ витези збирают. И положыли рок пятнадцат деи. Для того то вчынил Трыщанъ, иж хочет вчынити его wстрыи мѣчъ тажку смерть Паламидежу; и ростали сѧ wдин wт другого, Паламидеж поехал до двора короля Артиуша и поведал w прыгоде Трыщановои, говоречы: O витези нашаго доброго пана короля Артиуша, поменте доброть пана Трыщанову, як wн много (стр. 118) витезем почтенъ чынил, а тепер не может собѣ добра вчынити. Король Артиушъ и его витези рекли: Для чого? И wн рекъ: Подступил его Смердодугии паганин, вбавил его в град свои зрадне и wковалъ, и я с погани номъ бил сѧ есми wб него и взял рану на главу свою, для которое болшеи не могъ сѧ есми бити з нимъ. И положыли есмо рок пятнадцат днии пры той цэркви—поведилъ ее именемъ. Если буду мочы, я буду бити сѧ за него, а если ми таѧ рана до того року не згоит сѧ, тогды вы его выпростанте. Королю Артиушу и его витезем было велми жаль, Анцолот рекъ: Якъ сѧ там легкост стала моему товарышу? И заса стал веселъ с королем: Смердодугин выидет, мало будет со мною мистровства простирати.

И коли рокъ прышол, прыехал пан Трыщан к той цэркви, а с ним Ижота и Говорнар, и была над дверми тое цэръкви напись

тыми словы: Отъ сѧ маєт бити лев зъ змиємъ сего дня. Трыщан рече: Єсли ѥ лев, а Паламидеж не змѣи, а єсли ѥ змѣи, тогды Паламидеж не левъ; буду ѥ одинъ з нихъ, а Паламидежъ не будет. А в том пан Анцолотъ прыехалъ у зброи и мнималъ, абы то єго ждал Смердодугни поганинъ. А Трыщан былъ того домниманя, абы то прыехал Паламидеж. Анцолот скочил прудко и храбро, а Трыщан єго ждалъ смѣло и умѣло.

(Битва Трыщанова зъ Анцолотомъ) И коли сѧ вдарыли, копъя скрушыли и вдарыли сѧ плечыма и щытами, и под обема кони пали. Трыщанъ спал с кона и вхватилъ мѣчъ и рече: Нихто болшеи с копемъ на кони, а нихто з мечомъ на земли. И скочыл одинъ къ другому и почали сѧ гонити як два лвы, одинъ другого наскакиваи якъ тыє, которым не было ровни близко ни далеко. Пребивал Анцолот Трыщана, а он сѧ закрывалъ щытом и мечом и вступаѧ перед ударцы Анцолотовыми; а коли почалъ панъ Трыщан рубати велми жестоко без укрываня, Анцолот закрывал сѧ мечомъ и щытом, на колени падаючы перед моцными ударцы Трыщановыми. И рек Говорнаръ Трыщановъ: Велико диво, доселе не могъ напти сѧ ни один витезь з великих витезеи от короля Артпушова двора и от Бэнока племени короля Банова из далеких стран, которыи бы мог так з мечомъ трывати противъ моего пана Трыщана, толко єго намплешыи (стр. 119) товарыш Анцолот, сынъ До[мо]лота короля з Локви. А Говорнаръ Анцолотов говорыл: Много есми ходилъ морем и сухом, а не видал есми ни одного з великих рыцэров короля Артпушовых, а ни з-ынших далеких сторон, которыи бы могъ такъ з мечом трывати противъ пану моему Анцолоту, толко пан Трыщанъ. Ижота такіе рѣчы выслухавшы и рекла витеземъ: О добрыє витези, розберыте сѧ, абы того вамъ не было жаль. И спали гелмъ и познали сѧ и почали сѧ облапати велми ласкаве; и пытал одинъ другого, яковыє прыгоды мѣлъ як сѧ с нимъ ростал. Хвалилъ сѧ ему Трыщанъ и рече: Колкоколвекъ витезеи ездчалых, которыє добрыє витези ездечы ровни искали, и племени короля Бана Бенецкого и от короля Перемонта Францэпского,

нихто сѧ не мог мнѣ спротивити. И Анцолотъ рече: Которыз колвек милуют нашого пана короля Артиуша, тым всимъ и есми коруна. А за тым рече Анцолот: Рыцеру, узложы гелмъ на голову и рубаимо сѧ, толко есмо тепер зранили сѧ, а ни одном битве не можем один перед другим повышон быти; лепеи нехаи умрет один от другого. Трыщанъ рече: Помилуи та бог, рыцэру, што бити сѧ хочешъ? Нѣт ни одного витезя на свете, с ким быхъ и рад так битву мѣлъ як с тобою, занюж если ма добудеш, то ма добылъ наболшыи витез а намилеишыи товарыш, а коли и тебе добуду, то есми добыл всимъ витезем коруну, наибольшого витеза и намилеишого товарыша. Але, рыцэру, волѣлъ бых та не знати, иж бых раднеи с тобою бил сѧ, нижли знаючы тебе. Ижота рече: Будьте здрови, рыцэры, а можете быти здрови за патнадцать днии, а битве дайте покои. А побрала ихъ Ижота, и они поехали у зброиах, а раны имъ под зброиами прѣли. А стрѣтил ихъ одинъ оправца в чорномъ знамени, а за нимъ везут мертвого витеза в колесехъ, и тот оправца къ пану Трыщану рекъ: Рыцэру, мои пан Паламидеж с тобою змовил рыцэрскимъ словомъ: в котором имѣню гдѣколвек будеть, же бы сѧ на тот змовныи рок становил в тои цэркви. Он бы волѣлъ жывым быти, але нехаи мертвого витеза реч права будет. Трыщан рече: Дла тое умовы хотѣл сѧ есми убити з моимъ намилеишымъ товаришом! И поехал пан Трыщан и Анцолотъ, и стрѣтила их одна дѣвка (стр. 120) носечы лист писан до пана Трыщана, и дала лист Трыщану, и он прочотшы розсмеил сѧ. И рек ему Анцолот: Чому сѧ смееш? И он рек: Тому сѧ смею: ездит дѣвка по народу такъ говоречы: Береть сѧ турнаи на дворе короля Перемонта францэского от семи лѣт, хто хочет свою сестру або дочку королевую поставити, поедь без мешкана; а мы тамъ не можемо ехати, бо есмо велми ранны. Анцолот рече: Витезю, можем мы тамъ ехати, хочемо видети, с которое стороны витезь турнаи добудеть, ачеи быхмо могли опосле копъе в руки взати и гелмъ на голову напротив того витеза. И прыехали у одно село, а тое село было полно витезеи и паненъ, и ни один витез не хотѣлъ

имъ господы поступити, а ихъ была вжо ночъ застала. И взали древа у руки, хотечы битвою господы искати, и ехали ѡт того села и видели на переде ѡдны дворы, што были добры але ѡпали, а перед ними стоала панна велми з малою дружыною. Трыщан рече: Панно, естъ ли у тебе гдѣ стати? Ѡна рекла: Може быти — и ухватила за руку Трыщана, а за другую Анцолота и увела их в один палац, а тот палацъ былъ велми цудне украшон; и заса пошла у другии палацъ, и тот унутры украшонъ господъским ѡбычаем. Рекла панна: Витези добрые, вам тут станы, вамъ самым у том палацу, а у другом вашим конемъ. Трыщан рече: якъ намъ добръ стан, такъ и конемъ нашымъ. И прынесла имъ ести двѣ птицы, ѡдну печоную, а другую вароную, вина а хлѣбец; и конем дано ести. И рече имъ: Витези, честуйте са, занюж вамъ мыслити ѡбо мнѣ и ѡ собѣ. И они са посумнѣли, иж были ранены, а ѡна им велит себе королевую поставити.

А потомъ пан Трыщан рек: Панно, не рач подивити ѡ што та буду пытал. И ѡна рекла: Рыцэру, таков тутъ ѡбычаи, нѣт с того диву, чого рыцэр попытает, занюж если бы вѣдал, и ѡн бы не пыталъ. Трыщанъ рече: То добрыи ѡбычаи, прошу та, поведь ми, што то за пташечки? И ѡна рекла: То ест два скока, а я есми дочка ѡдного корола, которыи вальчыл напротив корола Перемонта, и звалчылъ его Перемонт и взал землю его и ѡтогнал ѡт него вси слуги его, толко ему мене ѡставилъ с тыми скоками; и я якъ могучи кормила есми ѡтца своего, што убила на ѡбѣдъ, того бывало и на вечеру, а што къ вечеры, того и на снедане. Пан Трыщан рече: (стр. 121) Панно, то са еси кинула на великую вагу, што еси для нас убила тое, чым бы еси мѣла кормити ѡтца своего. Ѡна рекла: Витези, я того не жалую, што есми убила два скока двум соколом, иж вижу васъ доброе ѡсобы и цудное парсуны. Витези, вам мыслить ѡ мнѣ и ѡ собѣ. А на завтрее поехали проч ни ѡдин другому не мовачы, и Анцолот рече: Рыцэру, што мыслиш, ижъ со мною не мовишъ? Трыщанъ рѣкъ: А ты што мыслишъ? И ѡн рек къ Трыщану: Але ты ест старшыи, мнѣ годит са вас пытати. И Трыщан рекъ: Я мы-

шлю, ижко быхмо юную панну королевою поставили. И Анцолотъ рекъ: Ю добрыи рыцэру Трыщане, бог же вам заплат, што мыслиш ю почестномъ тое панны за ее учту! Юба есмо одное мысли. И вернули сѧ ку юной панне, и пан Трыщан рече: Панно, вбираи сѧ и вкраси сѧ што налепеи можеш, если бог даст, маешъ быти сего дня кролевою. И она рекла: Рыцэру, так ми богъ поможы, не мам болшого вбирана, толко то што на мнѣ естъ, да один венец цудного цвѣту цыпрысова, которыи принесен от двора короля Артиушова. И взяла венчык и узложыла на голову свою, и они рекли: Добре ти прыстои тот венец. А затымъ поехали с тою панною к тому турнаю и наехали витезя у зброи едучы, а з ним везут у возе панну велми у коштовныхъ шатахъ убранную. Трыщанъ спыталъ слугъ: Которыи то ест витезь? И она рекла: То ест витезь Амодор, пана Анцолотов слуга, а славным рыцэром Трыщаном дан. И Трыщан к нему рек: Заисте тут ест Трыщан и Анцолотъ. Слышалъ то Амодор, скочылъ с кона и сналъ гелмъ з головы и поклакнул перед ними и рече: Мои панове, куды сдете? Трыщан рече: Едемо у турнаи вашого пана короля Перемонта, ачеи быхмо могли нашу сестру кролевою поставити. И онъ им рекъ: Для бога верните сѧ, ачеи бых мог ја свою сестру поставити кролевою; ја вѣмъ, што у васъ сестри нѣт. Трыщан рече: Витезю, хто бы насъ не вернулъ копемъ, а прозбою нас нихто не может унати. Амадор рече: Ја вемъ, што умѣеть чинити пан Трыщан з мечом на земли, а не толко з древом на кони; ја мушу вернути сѧ. Трыщанъ рече: Амодоре, нам бы удачно штобы ты с нами поехалъ, але коли сѧ ворочаешъ, наша панна не мает доброе шаты: позычъ намъ шат своее панны. Амодор рече: Пане, беры што ти треба. (стр. 122) Пан Трыщан взял оные шаты, у которых сестра Амодарова хотела королевою стати, и рек панне своеи: Убираи сѧ у шаты.

Коли ее видели у шатах, велми сѧ имъ подобала, хота бы и сестра ихъ была, не соромели бы сѧ ею. Анцолот рече Трыщану: Рыцэру, дан ми один дар, чого у тебе попрошу. Тры-

щан рече: Все єси воленъ у мене взяти, окром красное Ижоты. Анцолот рек: Будь ты ныне мои пан, а я твои справца. И онъ рек: Нехай того, рыцэру, ты старшын и болшын рыцэръ нижъ я, ты будь мои пан, а я твои справца. И Анцолотъ рекъ: То быти не може.

А того турнаю был обычан: которын витез опосле прыедет, тот свою панъну мает нижеи посадити. И они прыехали к тому турнаю къ воротамъ, гдѣ был коловорот затворен, и витези вже гонили, и Анцолот скочыл через коловорот и отворылъ, а Трыщан с панною въехал. Ажъ седят два рады панеи от воротъ шранковыхъ до суден; панъ Трыщанъ посадил свою панъну в навышшомъ местцу. А коли виделъ сын короля Перемонтов Трыщана и рек: Я бым зычыл, коли бы того витеза панна королевою была. А кгды видела дочка королева оную панъну, не зычыла, абы ее витез турнаю добыл; и дивуючы ся мовили: То витез естъ упрамыш, прыехалъ в турнаи опосле и свою панну вышеи всих посадил. Трыщан рекъ своеи панне: Дан ми тот венецъ. И она вскочыла и зхватила венец зъ себе и взложыла своими бѣлыми руками на его свѣтлын гелмъ, рече: Добрын рыцэру, почестне его носи по турнаи и оборонивши мне, заса его верни. А иныє панны мовечы смеяли ся ей: О глупая дѣвко, такъ може не оборонивши вернути тот цудныи венецъ! А коли он всадет на конь, его блѣдоє лицо и свѣтлый гелмъ мают нашы витези змешати с прохомъ.

Услышал витезь Дивданъ, а был болшеи вдачон дѣвкам, нижли рыцэромъ, и жедал потъкати ся с Трыщаном. Пан Трыщан вселъ на конь, Анцолот ему за стрыма прынял. Витезь Дивдан рек: Рыцэру, варуи ся вдарцу моего; Трыщан рече: Кгды того хочешъ, будемъ мѣти.

(Битва Трыщанова зъ Дивданомъ) А коли ся вдарыли, Дивдан пал на одну сторону, а конь его на другую. (стр. 123) А панны смотрели, што ся межы ними маєт чынити, але не могли познати абы нога Трыщану въ стремени рушыла ся, не толко штобы в седла рушыло ся. А Анъцолот

попалъ Дивдана и кинул через шранокъ и рече: Ꙗ поведаю кождому рыцэру: мои панъ свободно по турнаю ездит. Видевшы то ихъ панна исполнила серцэ весельємъ и почала поглѧдовати смѣло межы паннами. И видевшы витези того турнаꙗ, што Трыщан смѣло ездить по туръная, боꙗли сѧ єго удару, а ѡн ездечы чынилъ жестокиє удары на право и на лево, икъ которому витезю прышол, поставилъ єго за конем, а Анцолот беручы и метал за шранокъ, а мовил великимъ голосомъ: Витези, мои пан по турнаи свободно ездит. И рекли судьи: Тот витезь турнаѧ добываєт, с кимъ ходит добрыи ѡправца.

И был тут ѡдин король ѡт многих лѣт и рече: Не тот, але ѡныи витез добываєть, которыи свободно по турнаи ездит. А тогды свободно по турнаю ездилъ Ꙗщор Мадерым, брат Анцолотов, сынъ Домолота королѧ Локвенского. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тутъ и памет; и єще рекли судьи: Тот витезь добываєть, за ким ѡн добрыи ѡправца ходит; не дивно, што рыцэръ рыцэрски чынит, бо ест рыцэр, але диво, што єго ѡправца велико рыцэрство чынит, у зброꙗх рыцэров через шранки мечет. А ѡныи король пред сѧ мовит, иж ѡныи рыцэр добываєт, што свободно по турнаю ездит. И панна Трыщанова рече: Ѡхъ мои боже, добрыи ѡбычаи у нашои стороне, не дадут скомороху добрыє люди зъ собою розмовлѧти, дадут єму дуду, нехаи ихъ веселит. И коли виделъ пан Трыщан, ѡ чомъ судьи говорать, и слышалъ своее панны смѣлую речъ, и рече: Рыцэру, которыи свободно по турнаю ездиш, варуи сѧ вдарцу моего. Ꙗщоръ рече: Ходи да видишъ.

(Битва Трыщанова зъ Ꙗщорем) И коли сѧ вдарыли, Ꙗщор полетѣлъ на ѡдну сторону, а конь єго на другую сторону. Трыщан рече: Ѡх моего товарыша намилеишого брате, не хотелъ єсми абы сѧ то над тобою стало, але не збит єси ѡт иного рыцэра, толко ѡт Трыщана, або ѡт пана Анцолота. Ꙗщоръ скочылъ на конь и прысталъ к нимъ, и поехали тыє тры рыцэры, Трыщан, Анъцолот и Ꙗщор на крыж по турнаю, и не могъ имъ противнѧ наити сѧ. Которыи витез виделъ ихъ

трех, метал копє з рукъ и гелмъ з головы, а не хотели з ними коштовати сѧ.

(Стр. 124) Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцэрским: Доколь конь не падет, не хочу зъсести для того, ачеи будет рыцэр издалека ехал, а не прыспелъ, хочу єго дождати. Анцолот виделъ одного травника, а он траву несеть и рече рыцэру: Оно едеть рыцер рыцерскимъ обычаем, трещыт ему конь копытомъ, а твои конь спрацовалъ сѧ. И он обротил такъ моцно, аж ему конь пал; а для того то Анцолот вчынилъ, абы сѧ рыцэрское слово сполънило. Рече Трыщан своєи панне: О добрая панна, которые панны намъ смеялы сѧ, тепер ты надо всими тыми кролица, волна єси которую хочешъ куды послати.

И тут панъ Трыщан заволалъ во услышанье всему турнаю: Панна, взми крогула на руку, а поступи и садь на столцы позлочоном. И она сѣла и была королевою корунованою. И корол Перемонт што былъ взялъ у отца тое панны имѣнье, все ему вернул до конца, бо тую панъну взял за сына своєго.

Тое рыцэрство учынившы тые два рыцэры, пан Трыщан а панъ Анцолот, и поехали одными чыстыми дубровами и прыехали под один город велми великии и велми богатое мѣсто над иные городы, а то была отчына одных трех братов, силных рыцэров, што перед тым были на земли наймоцнеишые рыцэры; имена имъ Либрун, Игрун, Марко, и два их были умерли, а Либрун былъ жыв и держалъ тот город, а има тому городу Кесарыа, а велми былъ город давныи. А тому витезю Либруну было сорок лѣт такъ кона опустил для старости, а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом обросла. А была в него жона велми хороша, има еи было Цвытажиа.

И Трыщан и Анъцолотъ стали под городом, а послали к той панеи єго говореч: Выиди вон зъ замку, маємъ один зъ нас с тобою мѣти любовъ. Она пани с того была велми смутна и пошла къ Либруну и рекла: Дождали єсмо жалости и легкости: прыехали два рыцеры, а стали передъ городом, а шлют ко мне

говоречы: Выиди вон из града, имаэт с тобою ѡдинъ з насъ любовъ мѣти. Витезь Либрун послалъ к ним, (стр. 125) мовечы: Витези, поедте з богом; и ѡни не внали сѧ. Послали еще къ панеи прыказуючы: Выиди изъ замку. И Либрун засѧ послалъ к нимъ мовечы: Витези, поедьте з богом. И ѡни еще послали къ панеи. Витез Либрунъ рече: Даите ми зброю и сулицу и конь. Коли сулицу взѧли, аж ѡна мхом поросла, и ѡбвили ее ручниками. И ѡнъ вбралъ сѧ и всѣлъ на конь и выехал к ним на поле и рече им: Тецэте, витези. И ѡни подворыли межы собою: Которыи перво хочемъ? И похотѣлъ Анцолот. Рече Либрун: Под шлюбом не хочу с однымъ, леч ѡба поспол, бо и первшых витезеи витез.

(Битва Либрунова зъ Трыщаном и з Анцолотомъ) И ѡни ѡба вмѣсте пустили к нему и вдарыли его ѡба ровно, аж сулицы поломали на много зломковъ. А Либрун схватилъ их с конем ѡдного ѡдною рукою, а иного иною рукою и положыл ихъ митус перед собою на кони и потрепал ихъ кождого рукою по челюсти и рекъ: Єдьте з богом, вы есте ѡба добрыє витези. И ѡни поехали з одное стороны велми смутны, а з другое смѣяли сѧ. И поехали ѡдными дубровами и поткали ѡдного витезѧ, а ѡн едет велми цудне. И рекли ему: Рыцэру, не едь не бив сѧ з нами. И ѡн рекъ: Не вмѣмъ сѧ колоти; и ѡни рекли: Ѡтопмем вамъ конѧ; и ѡн рекъ: Але не вмѣмъ. И ѡни ему взали конѧ и зброю, и ѡнъ рек: Коли инакъ не може быти, даите ми мои конь и зброю. И вбрал сѧ на конь, а заехав ему противъ Анцолотъ, ѡн збилъ Анцолота, и было Трыщану велми жаль.

(Битва Трыщанова и Анцолотова зъ Галецомъ) И скочыл противъ его велми прудко, и ѩкъ сѧ вдарыли, ѡборвали сѧ в седла Трыщанова попруги, и полетѣлъ къ земли, и летечы выхватил мѣчъ с пошвов, а сталъ на ногахъ, ѩко бы не рушоныи. И ѡн познал Трыщана велми сердитого и закликалъ: Ія есми Галецъ Анцолотовичъ. И Трыщан и Анцолот были тому велми веселы, а Галец велми смутен, иж своего ѡтца и Трыщана зболъ, и ѡт такъ великое жалости постриг сѧ въ мнихи, а

ѡпосле не слыхали есмо ѡ немъ жадное повести; если (стр. 126) жыв або вмер. А Трыщан зъ Анцолотом поехали до двора короля Артпуша, а коли прыехали, король ихъ з великимъ веселем прыналъ. А потом панъ Трыщанъ взалъ прощене короля Артпуша, и корол его ѡтпустилъ з многим веселиемъ и з многими дары. И вси паны и добрые люди ѡтправили его с поздровенемъ и дворностью. И поехал Трыщан и Ижота въ Корновалю къ королю Марку.

И коли прыехали, Трыщан даровал Ижоту королю Марку и рече: Королю, маешъ ми за нее даковати, што есми тобе ее другии разъ мечом добыл. Кроль Марко даковалъ ему, говоречы: Мои милыи сестрэнче Трыщане, ты много доброго вчынилъ, а ѫ твои и все твое, што ѫ маю, будь на твою волю. Трыщан поклекнулъ на колени и вздалъ фалу господу богу и потом даковалъ королю Марку велми покорне. И тутъ была вса Корновала вмѣсте, и не был ни старъ ни молодъ, хто бы не игралъ а не танцовалъ и не веселилъ. И такъ были ради, ѩкъ бы имъ самъ богъ прышол, иж были так веселы, лепеи нижъ тогды, коли имъ перво Ижоту прынесъ из Ѡрлендэи.

Коли довѣдала са Ижота вѣры и правды Брагинины, ѡна еи дала ласку большую нижъ первеи, и был король тому велми веселъ и весь двор его. И дал король Трыщану ключы своего королевства и рече: Сестренчэ, волен еси моим королевством, иж есми тебе верного нашол, бо ми еси сполнилъ вѣру и правду. И был тут Трыщан чостован кролем Маркомъ и всими добрыми людми, ѩкъ и сам крол. И прышла Корноваль ку тому, што ее бояли са вси земли и вси королевства дла пана Трыщана.

И в тот часъ чути было, иж берет са турнаи у Пазаранскои земли подъ городом Барохом. Волала его ѡдна панна па има Ижота з белыми руками, ѡдного короля дочка, и на тот турнаи поехалъ пан Трыщан. Коли прыехал къ турнаю, ажъ прышло много витезеи ѡт многих земль, и тут былъ взалъ. (стр. 127) ѡдин витез ѡдну сторону турнала, а пан Трыщан другую сто-

рону. Тогды Трыщанъ закликалъ витезю Львова знамена у щчю зубы: Поткаи сѧ со мною.

(Битва Трыщанова с Климъберком) И ударыли сѧ так моцно и жестоко, Климберко зламал сулицу на много штук, Трыщан єго вдарыл всею моцю што мѣлъ у собе. Климберко палъ с конѧ на землю, а Трыщан скочылъ к нему. Климберко кликнул: Рыцэру, мѣи сюю битву за добытую. Трыщан всѣлъ щпат на конь и поехал по турнаю, велико чудо чынечы на право и на лево, нихто не смѣлъ єго дождати, бо збил былъ патнадцат витезеи пасаных и щсмнадцат бановъ. И кликалъ Трыщан: Єсли єщо хто хочет, нехаи сѧ готуєт къ колбе. И закликал щдин витезь, которыи был великое доброты, именем Єрдинъ, брат тое Ижоты, што з бѣлыми руками, и кликнул: Рыцэру, жди мѧ. Трыщан єго дождал.

(Битва Трыщанова зъ Єрдином) И коли сѧ вдарыли, сулицы поломали и ударыли сѧ щытами и плечыма, и пали щба с конми, и ухвативъ сѧ почали сѧ рубати ѩкъ два лвы. Трыщан велми много умѣлъ, нижли раны были єго знали щт многих вдаров, а щднакож в томъ недбалъ и талъ на щстаток Єрдина всею моцью што мог, а щнъ палъ мертвъ.

И вчынивши тоє рыцэрство добрыи рыцэр панъ Трыщан и поехал до цэркви в опатию. А в тотъ часъ прышол ему лист щт красное Ижоты говоречы: Пане, ѩк рыба безъ воды не може быти жыва, так ѩ без тебе не могу жыва быти. И Трыщан щт великого смутку и щт ран сомлѣлъ, занюжъ было дивно, ѩкъ мог терпети таковыє раны, бо кров с него велми шла. И щтправил до короля Марка с тымъ: Пане дадко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ мѧ несли; єсли-м вамъ добре послужылъ, єще може мене вам потреба быти, пошли ми кролевую Ижоту, ачеи бы мѧ злечыла, иж щна лѣкарство добре умѣет, а ѩ лежу в Пазарепскои земли под градом Барохом. Корол Марко щтпустилъ Ижоту вдачне, и щна пошла велми з веселымъ серцэм, а прышодшы почала єго лечыти, што могучы. И не вѣм, єсли с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль щ нем писано.

Исторыа ѡ кнажати Гвидоне.

(Стр. 129) Яко писмо говорыт: Добрыи мужу, бог ти будь на помоч и вховаи та ѡт смерти и ѡт злое прыгоды! Хочу вам поведати добрую повесть ѡ Гвидоне Антонскомъ кнажати и ѡ его сыне, ѡ великом и славномъ рыцэру Бове. Тотъ Гвидонъ храбрыи конник былъ, але ѡдну реч зле вчынилъ, иж в час жоны не поналъ, але коли вже старъ былъ, тогды понал жону з великого племени, и она его не мела ни за ѡдин пѣнез. И в первую ночъ коли с ним спала, почала ѡт него сына. А коли вышли мѣсецы днеи, и она родила сына цудного створена, и коли его крестили, дали има ему Бово. И якъ почалъ рости, и ѡн его поручыл ѡдному служебнику своему Симбалду, и онъ его ховал болшеи нижли семъ годъ. И оное дита за тую семъ годъ възросло немало, а был велми пекное ѡсобы, парсуна ему была якъ рожа, а волосы мѣлъ жолты яко злото, и лепшое дита над него не могло са знаити. Тутъ вернимо са.

Поведаимо ѡнат якъ жона Гвидонова згубила пана своего доброго Гвидона, а ен было има меретрысъ.

Она пани ѡдного часу по рану вставшы и убрала са у добрые шаты и умыла са водкою рожаною и погледѣла са в зеркало и рече: Беда ми, што мои ѡтец и мои род покинули ма, иж ма за того старого мужа дали, иж ѡн не может ми ку воли вчынити. И прызвала ѡдного своего служебника, которому было има Рычардо, и рече ему: Поедь къ городу Маганцу до кнажати Додона, до моего милого, и поздрови его ѡт мене, бо

ми ест велми милъ не пущеи wтца и матеры; и хотѣла есми за него пойти, але не хотелъ мои wтец и мои род. Але ти говору: послужы ми в томъ с правого серца и мовъ ему: пехан зберет своих людеи пятнадцать тысечеи доброго люду зброиного, а пехан прыидуть взати Антон град, а стали бы в лузе wт Склоравена, а я в тот часъ пошлю (стр. 130) Кгвидона в лов; wнъ не wзмет зъ собою жадное зброи и слугъ не wзметь болшъ двадъцати юнаковъ, а тамъ можеть wтца своего смерть помстити; и wзмеш град своими людми и все мое панство тобѣ будет, а мене собѣ wзмеш за жону.

И коли Рычардо выслухавшы тых рѣчеи и wтказалъ си: Зле ты мовиш и великъ грѣхъ маешъ; не помози ми богъ если бых там поехал. И wна ся розгнѣвала и рече: Курвинъ сыну злодею, если ми того посэльства не справишъ, роздеру на собѣ вси шаты а буду мовити кнажати што ма еси зачепал, и wн та велит wбесит за горло. Чулъ то Рычардо, был велми жалостен и рече: Пани, могу я вчынити на твою волю. И вскочылъ на wдного иноходника и поехал къ Магапцу нигде не замешкиваючы, и прыехал на двор Додоновъ и вшолъ у палацъ и вдарылъ чолом Додону. И wн ему рекъ: Добре ли еси прышол, добрын друже? Wтколе едешъ и до кого еси прышол, прыателю? Рычардо рече: До тебе есми прыехал з добрыми речми из доброго города Антона, посол есми доброе панее жоны Кгвидоновы. Мною тобѣ послала поздровленье и прыязнь; wна хотѣла за тебе поити, але того не хотѣлъ wтец и плема ее; wна велела тобѣ мовити, абы еси собрал своего воиска пятнадцат тисеч конъных и прыехал взати Антонъ град. И мовил ему вси тые рѣчы, што ему пани казала.

Коли чулъ Додон тые рѣчы wт Рычарда, почал ему говорыти: Курвын сыну, бог дай тобе лихо, Кгвидон естъ добрын рыцэр на кони у зброи, коли wн убил wтца моего, и мнѣ тое-ж может учынити. Wнъ тебе послал на лазучъстве; не поможи ми богъ, если та не велю wбѣсит. Рычардо рече: Пане, выслухай ма: если ми не вѣрыш што я говору, вели ма wсадит у темницу

до того часу, поки сѧ того добре довѣдаеш; если так не напдеш, того-ж часу вели мѧ ѡбѣсит. Коли Додон тое ѡт посла чул и рече: Вере так мушу вчынити. И велелъ его вкинути в темницу.

Собралъ вси свои люди, и было ихъ пѧтнадцат тисеч, и взложыл на себе добрую зброю и вскочылъ на боръздын конь и за стрыма се не прыналъ, а копъе узалъ в руки а щытъ на плечы, (стр. 131) и поехал зо всими людми, а гэтманом Дан Албрыго, брат Додонов муж удалыи. Прышли ко Антону граду и улѣзли у лугъ ѡт Скларавена. Пани Кгвидонова ѡдное ранины уставшы и ушла у комору, и прышол к неи Кгвидон; ѡна рекла: Пане, послухаи мене, заступила есми детем и велми жедаю зверынного маса, покорне тѧ прошу, пане, поедь у ловы, ачеи такого звера можеш уловити. Ѡн еи рече: Вели ми дати зброю. И всѣдъ на конь и поехал, а с ним десет юнаковъ. И уехал Кгвидон у луг ѡт Скларавена и почалъ искати усюда звереи и добылъ зверыны досыт. И перво нижли выехал з лова Кгвидонъ доброе кнѧжа, а Додон почал волати: Кгвидоне Антонскии, тобѣ прышол нине последнии ден. Кгвидон почувшы почал плакати и вдарыл сѧ пѧстю в груди моцно и рече: Бѣдныи Кгвидон и злочастен, то естъ учынила моя жона Бландоѧ. А Додон заболъ коня и вдарылъ Кгвидона копемъ у перси; ѡнъ в себе не мѣлъ никакого оружа, чым сѧ боронити, же ѡт такого вдару пал мертвъ на землю, а его добрые юнаки того-ж часу побито. И поехалъ къ городу борздо и нашолъ ворота ѡтворены, а узвод ѡпущон, и уехал у град и пошолъ у палац Кгвидонов. А курва жона Кгвидонова против ему вышла и рече ему: Добре еси прышол, вопниче, погубил ли еси Кгвидона, которыи мнѣ не мил был а ни вдачон? Ѡн рече: Убил есми его, пани, за то хочу дат на девет десѧт молитов. И ѡна его узала за руку и увела его у ѡдну комору. А тые люди Кгвидоновы, которые были у городе, вси вышли з города, не хотели тут жыти; то вчынили з великое жалости, што их пан добрыи погублен.

Вделъ то Додон и поставил сторожу, абы нихто не смѣлъ поити з города, говореч: Як есте служыли Кгвидону, так слу-

жыте и мне Додону, и хочу вас ховати; верните сѧωпат вси. А Бово был побѣгъ вонъ; и коли его не видел дада его Симбалдо, шол его искати, не мог его найти нигде и рече: Ѡ беда мнѣ, ωтец мертвъ, а сына нѣт. И пошол у конюшню и погледелъ под ясли и увидел Бова, а ωн тут крыет сѧ, и почал его звати: Сыну, поиди сам ко мнѣ. (стр. 132) Бово ему рече: Даде, што сѧ то вчынило? А ωн рече: Сыну, твои ωтецъ мертвъ, убилъ его бэзэцный Додон из Маганца зрадне. Сыну, можешъ ли на кони ехати? Хочем поехати во сватый градъ Семиѡн, которого ми дал ωтецъ твои; такъ трыдцат год такъ ми его дал, и если быхъ мог тебе донести до того граду, и на бых воевалъ Додона. Бово рече: Могу ехати добре на кони, и поедьмо борздо до сватого Семиѡна града. И Симбалдо тотчасъ пошолъ по замку, ищучы хто бы хотелъ з ними ехати, и нашол прыятелеи Кгвидоновых шестдесатъ конныхъ добрых юнаков въ зброях, и взял сына своего Терыза и поехали ко сватому граду Семиѡну, а Бова из собою понесли. И ωдин з нихъ вернулъ сѧ ωпат ку Антонию граду и почал клыкати: Додоне з Маганца, велми твердо спиш, изъ Антонна града уехали шестдесатъ конныхъ, а маютъ прыходечы валчыти подъ Антонъ, и взали зъ собою Бова сына Кгвидонова; а если ωн прыидеть к лѣтомъ, будет на тебе валчыти а всхочет тобѣ мстити смерт ωтца своего. Устань и верни ихъ назад, а можеш ухватити дита и погубити.

А коли крол Додон то услышал, въстал, воиско собрал и рек: Дайте ми мое оружъе; и вбралъ сѧ и поехалъ за Симбалдомъ. И в тот час зрадца Бововъ прыехал Рычардо, и пытал его Симбалдо: Чому еси там замешкал? И ωнъ ωтказалъ: Не мовилъ есми зъ жоною ничого. И Симбалдо пред сѧ ехал из своими людми, а Бово з нимъ. Потомъ Симбалдо ωгленулъ сѧ назад и узрел з далека много людеи едучы за собою. И в тот часъ служебник Симбалъдов вгонилъ его; ωн пытал: Што то за люди? И служебникъ его рекъ: Не вѣмъ. И почалъ мовити зрадливым Рычардо: Ѩ на добромъ кони и въ зброи поеду и довѣдаю сѧ, што то за люди. И рече Симбалдо: Поедь, богу та полецам,— бо не знал, што на

зраде ходил. А Рычардо поехалъ велми борздо и прыехал къ Додону, мовечы: Пане, едь борздеи, бо Симбалдо и его люди не могуть боръздо ехати, можеш Бова ухватити и згубити; а если ѡн дойдет лѣтъ, коли узможеть въ зброи на кони ехати, будет тобѣ велико зло чынити прыхода под Антонъ, и ѡтца своего будет (стр. 133) мстити смерти. И то рек, ѡпат назад скочыл, што конь может. И коли догонал Симбалда, видел его Терыз Симбалдовичъ и рече: Ѡтче, то ми са видит лазука, поеду я, вчыню его мертва. И забол кона, скочыл к нему и вдарылъ его копемъ, щыт ему пробил; и прышло ему копе в серцэ, и спалъ с кона мертвъ. А Терыз вернулъ са ко своимъ и поехали къ граду Семиѡну.

И тутъ са имъ нефортуна стала, Бово с кона спал, и Додон прыболъ конемъ и вхватилъ Бова и понесъ его у Антонъ. Ѡ боже великии, якая болесть нашла са!

Виделъ то Симбалъдо, што Додон взал Бова, и ѡт великое жалости сомлѣл и не мог ни з мѣста рушыти са ѡт седла, и видел што его Додон несеть и почал кликати што может, говоречы: Юначе, верни его ѡпят, хочэмъ его ѡткупити, ѡзми за него што хочеш, а если не всхочеш, Додоне, подъ божю прысагою первеи хочэм помрэти, ниж его дати на сромоту.

И ехали ѡпят за ним, ажъ до воротъ городовых. Крол Додон уехавшы з Бовомъ в городъ, и велелъ ворота затворыти и узводъ узвести, и ѡни вернули са и ехали къ сватому Семиѡну.

И ѡт того часу почалъ Симбалдо збирати воиско и на кождыи ден воевати под Антономъ, и не смели люди из города выходити къ цэркви помолити са богу, поки третая часть дня выидет.

И ѡдного часу тая курва маретрыс рече Додону: Пане, доколе будем такъ без покоа жыти? бо покуль тот злодеи старыи буде жыв, не можемъ ѡт него впокоа мѣти. Ѡнъ прывелъ зъ собою десеть тысечеи воиска под Антонию, а в тебе в городе ест трыдъцат тысеч. И подобала са ему ее речъ, и тотъ часъ велелъ у рогъ трубити, и собрала са ихъ трыдцать тысечъ конных и добрых зброиных. И с тыми людми ехалъ про-

сто до святого Семиѡна и прытагнулъ там, послалъ до Симбалъда посла и добывал города.

А Симбалъдо з города боронилъ сѧ, и тамъ было мертвых на ѡбе стороне много. И коли почовали первую ночъ под замкомъ, король Додон Маганецкии тое ночы виделъ во сне, ꙗко бы Бово у зброи проколол ему серцэ и утробу; и въставшы ѡт сна, позвал своего брата Дан Альбрыга и рече ему: Уберы сѧ у зброю и возми зъ собою сто пахолковъ и поедь до жоны моее и ѡтъ мене (стр. 134) ее поздрови и мов ей, абы ми прыслала сына своего Бова, хочу его згубити, занюж есми сее ночы во сне видел Бова у зброи, проколол ми серцэ и утробу. И Дан Албрыго того-ж часу убрав сѧ и взявшы сто юнаков поспешал сѧ до Антониꙗ града, и нашодшы панию Бландою и поздровилъ ее Додоновым поздровением и мовил ей въ речы Додоновои. Ѡна рекла: Для ласки ѡтца Бовова, не пошлю его къ Додону, але хочу его тутъ ѡтрутити запсте. И Дан Албрыго с тым поехалъ къ Додону, а пани велела Бова замкнути в ѡдну комору. И был тамъ Бово пѧть днеи не еда а ни пиꙗ, и почалъ крычати: Ѡ мати, маеш великии грѣхъ пж мѧ хочеш такою смертью уморыти. И ѡна тое учувшы, не могла стерпѣти и позвала ѡдну дѣвку и дала ей велми злую трутизну и рече: Замеси у тесте, испечы ѡдин хлѣбецъ и понеси моему сыну Бову и мов ему: Поздровлѧеть тѧ матка и велела тобѣ мовити: За жалост, которую маю со смерти твоего ѡтца, забыла есми тебе, и коли доростеш, дам ти твоего ѡтца зброю и конь.

А дѣвка с тою трутизною спекла два хлѣбы и взала ѡбрусъ с хлѣбом и шла къ Бову в комору, а за нею прышли двое щенѧт, которые были велми голодны. И рекла Бову: Устань, прынесла ти есми досыт ести и пити ѡт твоеи матеры, велела тѧ поздровить; небои сѧ ни ѡдное рѣчы, пж если тебе давно не въспоменула, але коли будеш могъ зброю носити, тогды дам ти зброю. Давшы ему хлѣбъ пошла вон, и почала мыслити и рече: Бѣда ми, если ѧ тое дитѧ умору. И вернула сѧ ѡпѧт борздо в комору и рече Бову: Не еж того хлѣба, бо ест трутизна. И

Бово́ рече: Дай ми скибу; и ѡна рекла: Чыни-ж пак, ꙗкъ хочеш. И вышла с коморы; Бово ѡдин хлѣбъ розрѣзал на полы и кинул половицу ѡдному выжлу, а другую другому выжлу; и еще псы хлѣба не зели, ѡбема ѡчы выскакали. И видевшы то Бово, вышол с коморы у палац, а с палацу побѣгъ из замку великими вороты.

Кгды былъ на поли, нихто его не поткал, а бралъ сѧ ко сватому Семиѡну граду, нижли заблудил з дороги и влезъ у великии лугъ и тамъ ходилъ тры дни ничого не кушаѧ, кромъ только (стр. 135) кореньи травного и воды. И увидел ѡдно прыстанище у мора и пошол к тому прыстанищу на берегъ мора, и почал говорыти: Ѡхъ мои Боже, хотѧ-м къ прыстанищу прышол, а не могу за море добыти сѧ и назад не ведаю. Боже дай мнѣ милост, абых утекъ з моим жывотом и мстилъ быхъ смерти ѡтца своего. И смотрѣл на море и увидел ѡдно судно на моры и не мог сѧ докликати ихъ; и увидел его ѡдин морнаръ и вказал его всим купцом; ѡни вси его увидели. И мовилъ тот морнаръ купъцом: Панове, ѡт сорока годъ туды по мору хожу и самъ и тамъ, а жадного-м чоловека тут не видалъ, кром ѡдно двое скота а ѡдного лва,а тепер видимъ ѡдно дитѧ мало. Поедьмо и погледимо, если будет хрестанин, можемъ его взати, а коли поганин, мы не берымо. И пошли судномъ къ берегу; где увидели Бова, мовили ему: Ѡтколе еси, хрестанин або ли поганинъ? Бово ѡтказал: Ꙗ по Бозе хрестанинъ и ѡт хрестанина рожон, ѡдного млынара сын, а мати моя богатымъ жонам кошули мыет за пенязи и тым сѧ кормить ꙗкъ убогаѧ жона. Ѡногды есми заблудил, ест ѡсмый ден ꙗкъ есми ничого не елъ ни пилъ, для Бога дайте миести. И тымъ торговцомъ его было велми жал, и взали его в судно и повезли зъ собою, а дали емуести и пити, и подняли парус и пошли по другому мору, и за трыдцат днеи перешли море.

Бово мѣлъ достатокъести и пити и вчынил сѧ ѡпат хорош, ижъ лѣпшое дитѧ не могло быти на вѣки. И почал ѡдин торговецъ говорыти Бову: Служы мнѣ за страву; а другии рекъ: Мнѣ

служы, ѣ тебе напервеи увидал и ѣ всимъ споведал. А за тымъ межы собою посварыли сѧ и добыли мечовъ, хотели сѧ рубати. И Бово имъ рек: Панове, хочу вам служыти, одному пры обеде, а другому пры вечеры; и торговцы на томъ перестали и рекли: Добре мовит. А в тот час судно прыстало у Армению градъ. Арменил увидел древо на прыстанищы и велелъ слугам довѣдати сѧ, што за люди; и ꙗкъ слуги к ним прышли, почали ихъ купцы пытати, естъ ли тут король арменеискии. И король самъ до них прышол, и увидел Бова стоечы (стр. 136) серед судна так цудного, ꙗко бы намалеван. Корол почал говорыти: О сватаѧ Марыѧ, бы ты был з моимы дворенми або з моими хлопаты! И пошол у город. Морнары судно къ берегу прытагнули, король арменеискии одат до нихъ вернулъ сѧ и видев Бова, а он стоит услонив сѧ на судно, прыступилъ король, почал на него смотрѣти. Рекли торговцы: Пане, кажы, што ти треба? Корол рече: Пытам васъ, што то за хлопец, што его внжу? Чы з вашого города? Они рекли: Пане, нашли есмо его на прыстанищу у мора, а ради быхмо его продали. И корол имъ рече: Хочу вам тое дитѧ добре заплатити, дамъ вамъ двадцать литръ злота. И велелъ его изъ судна вывести. И вышол Бово, поклонилъ сѧ королю; и рече ему король: Храбрыниче, хто твои отец, хто ли твоѧ матка, поведай ми. И рече Бово: Мои отец один млынар, а мати моѧ ходечы богатымъ жонамъ мыеть кошули за пенязи и тым сѧ кормить, ꙗкъ убогаѧ жона. Рече ему король: Храбрэниче, послужы ми добре, маеш поити у конюшню, тамъ тобе годно быти, занюжъ еси самъ поведалъ себе простого роду. А коли было такъ, ꙗкъ писмо говорыть, был Бово чотыры годы у конюшни служечы машталеромъ, и такъ было цудное хлопѧ, ижъ там лепшого не могло быти. И почали витези о немъ королю говорыти, не одно витези, але и люди иншие и панне. А коли тые повести чула дочка королева Дружиенна, што витези и панне о его красѣ говорат, и почала мыслити, которым бы обычаем могла его насмотрѣти сѧ. И коли сѧ домыслила, одного дня пошла на гору у палац до короля, и

видевшы ее витези и юнаки пошли против ее, и самъ корол противъ ее рушыл сѧ на ноги: Дочко, поведаи што ти треба? Не мѣла еси того ѡбычаѧ сюда ходити. Кролевна Дружнена рече: Ѡтче, ѣ ти повѣмъ: позвала есми к собѣ на обѣдъ шестьдесат невѣстъ добрых, а треба тэж доброго слуги хто бы имъ служил. Рече кроль: Дочко, возми кого хочешъ. Дружнена пошла къ Бову и почала его пытати: Храбрениче, тобе понти со мною, маеш послужыти двадцатма невестам добрым. Рече Бово: ѩкъ твоѧ вола естъ. И коли была Дружнена с тыми панами за столомъ, не могла ничого ести гледечы на Бово, и не могла з него ѡчю знести и взяла (стр. 137) у руки хлѣбъ и нож, и режучы хлѣбъ упустила нароком под столъ нож, и Бово нагнулъ сѧ под столъ поднати нож, племенида Дружненна прыгнула сѧ, ухватила Бова и поцаловала его под столомъ. И въ тотъ часъ ѡба усклонили сѧ. Бово сѧ закраснелъ болшеи ниж рожа, а племенида панна не могла ѡчю насытити гледечы на Бова.

И коли ѡные панне устали ѡбѣдавшы, поклонившы сѧ пошли кождаѧ до своее господы, а Дружнена шла у свою ложницу, а Бово сѣлъ за столом ѡбѣдати, и еще был ѡт стола не встал, панъна Дружненна послала по него абы шолъ к неи у ложницу, и Бово до нее пошолъ. Нашол ее седѧ на лаве и поклекнулъ пред нею на колени свое; ѡна ему рекла: Устань. И почала его пытати ѡ роду его, ѡтколе ест. Бово ей отказал: Ты зло говорыш, великую ми крывду чыниш, чому тобѣ моего роду довѣдовати сѧ? а коли ты того хочеш, ѣ тобѣ повемъ: мои ѡтецъ был ѡдин млынар, моѧ мати богатым жонам кошули мыеть за пенязи и тым сѧ кормить, ѩкъ убогаѧ жона. Панна ему ѡтказала: Млоденъче, не поведаеш правды, бо парсуна твоѧ того не вказуеть. И Бово рек: Ѡтпусти мѧ, маю ехати у поле травы конем жати. И повернул сѧ, скочыл на двор, уселъ на конѧ и поехал, и нашолъ у поли свою дружыну, а ѡни вси траву жали. Бово купил травы береме и вскинулъ на конь и вчынилъ с травы венецъ и взложыл на главу и вскочылъ на конь и поехал къ городу. И коли в городе вбачылъ ѡдно воиско стоечы на поли; а в томъ воиску кроль

Маркобрунъ прышол красну Дружненну за себе взати и з нимъ двадцат тисечъ воиска конного зброиного люду. А былъ турнаи справленъ, и сам корол Арменилъ у томъ турнаи, а племенида Дружненна того гледѣла на кганку стоечы. Бово покинул траву, прыехал и виделъ воиско на поли, а они у турнаи бъють. И захотело са ему у тот турнаи ехати и скочыл на конь и поехал у поле и стрѣтилъ одного витеза, а он едет зъ щытомъ позлоченым, и рече: Рыцэру, позыч ми того щыта ехати у турнаи, и хочу людем чынити смехъ. И он ему щытъ далъ, и Бово узложылъ его на мышцу и поехал говоречы: Быхъ могъ копъе наити! И убачыл жердь пры одныхъ воротех, и взал Бово тую жердь у руки и пошолъ ку воиску на турнаи, (стр. 138) и стретил одного пахолка конного и того с кона збил, и другого поткал и того с кона скинулъ, и скоро их шести с конеи позметал и поехал у воиско. А племенида Друженна тое видечы велми са веселила. Бово уехалъ у великии турнаи и много бою учынилъ. И стретилъ корола Маркобруна и тот час скинул его с кона велми сромотно. А еще у Бова тая жердь была тажка, изметалъ с конеи болшеи ста юнаковъ, а Маркобруна опатъ всадил на конь. Кроль Маркобрунъ прызвалъ к собѣ сто витезеи и почалъ имъ говорити потаи: Моi витези, которыи ма скинулъ с кона, прошу васъ, учынити его або жыва або мертва. Кролевна Дружнена гледѣла, што с того маеть быти, и велела у рог трубити. И того часу витези розобрали са и Бово вернул са с турнаа и отдал витезю щытъ, а жердь прыслонилъ къ тымъ воротамъ, и шол опатъ в конюшню, носечы на голове с травы венецъ. Кроль Маркобрун рече: Я мам великии гнѣвъ на тую панну, што ма ее юнак с кона скинулъ на оном турнаи, не могу з жалости жыв быти. А панъна Дружненна пошла в конюшню и нашла Бова, а он легъ на траве, што са был спрацовал на турнаю. А парсуна его была лепшеи нижли один цветъ. И она ему рекла: Даи ми тот венок, абых его с твоее ласки носила; и Бово рече: Панно, не добре мовиш и велик грѣхъ маеш, коли ты сакии венец хочеш от мене носити, веро-ть его не дам. Панна еще ему рекла: Даи ми его; а Бово рек: Не дам

ти его; а панна велми сѧ розгневала и почала говорыти: Курвыи сыну, так ми прыкро мовишъ, знать по тобе запсте, што еси млынарчыкъ, пжъ ти не вдачна милост налепшое панны; а єслп ми того венца не даси, теперъ упзрышъ на мнѣ шаты розодраные, и буду жаловати сѧ ѡтцу, што мѧ еси хотелъ кгвалътовати, ѡнъ тѧ велит ѡбеспти. Бово тое чул, не могъ инакъ учынити, снял венецъ зъ своеи главы и кинул его на землю перед нею и рече: Ѡто-ж его возми, иначеи ти его не хочу дати. Племенида панна почала на его гледѣти, бо ѡн такъ еи был мил, пж не могла з него ѡчю знести, и прышла еи великаѧ жалост з милости, и рече ему: Дан ти богъ зло, курвинъ сыну, єслп ми его не узложыш на голову, (стр. 139) упзрыш на мнѣ вси шаты розодраные. — И Бово тое чул, не мог пнак учынити, взял венец и взложылъ еи на голову, и ѡна его руки прынемшы и узложыла на себе и велми его моцно поцаловала. И еще Бово был з Дружненою не ростал сѧ, прышли Сарацэны къ прыстанищу изъ за морѧ, Лукапер великого солъдана сын. Тотъ Лукаперъ мелъ межы ѡчъю великое пади, а с ним прышло сто тисечеи збропного люду; и прыехал къ воротам городовым з двадцатма тисечема людеи и почалъ моцно кликати: Гдѣ кроль ест Арменплъ?

Колп Арменплъ чулъ и рече ему: Хто-с ест, што так кличеш? Рече Лукапер: Я из за морѧ, прывелъ есмп з моим ѡтцом сто тисечеи воиска, а хочу Дружнену взати. И рече ему король Арменплъ: Перво бых тѧ всего розсекъ, нижли ю дам. И велелъ в рог трубити, и собрало сѧ десст тисечеи добрых людеи воиска конных, и кроль Арменплъ згодпвшы сѧ з Маркобруном и пошли на поле.

(Битва короля Аръменпла зъ Лукаперомъ) И колп сѧ зъехали сѧ, корол Арменплъ вдарыл самъ на Лукапера и трафлялъ его под щыт и не мог ему зашкодити, бо щыт был добръ, але гвоздье выпадало, а копє сѧ зламало, а Лукапер не рушыл сѧ в седле нп мало; а ѡн вдарыл корола велми моцно, щыт ему розбплъ, але зброя была добра, не дала его погубити. И скинул его велми далеко ѡт кона и заса его ухватил и дал его двадцатма Сарацэномъ повести къ солдану ѡтцу своему.

(Битва Маркобруна зъ Лукапером) А Маркобрун таке-жъ прышолъ его вдарыти Лукапера и вдарыл его у щыт позлоцон и не могъ его пробити, а копъе зламал, а Лукаперу ни нога в стрымени не рушыла сѧ. Лукапер его вдарыл вельми моцно и скинул его на землю, и того звезавшы послалъ до солдана. И поехал Лукаперъ у бои, на когоколвек прышол, того мертва учынилъ. Агулин, которыи хоругов носил, тотъ побѣгъ, и коли прыехал у городъ, аж Бово зъ Дружненною в конюшни стоить. А первеи того ѥкъ еще Агулинъ не прыехал был, тогды Бово заслышалъ глас, што кони ръзали, и взышол Бово на один кганокъ и вбачыл гэрбъ сарацэнскии, там жо виделъ и арменепскии. И взышол Бово на стену бронную и почалъ гледѣти у поле, и увиделъ одного хлопца и спыталъ его рекучы: Што то, брате? што плачуть (стр. 140) люди? И рече ему хлопец: Мы вси втекли, а короля поймали, и ѥкп-сь добрыи Маркобрун также поведен. И Бово опят пошол у конюшню и еще там нашол панъну Дружненну и рече ей: Панно, твоего отца поймано, и Маркобрун твои паницъ и болшеи тисечы иных рыцэров. И рече ему Дружненна: А мы можем градъ затворыти и взводъ узвести, ты будеш панства сего коруну носити. И он рече: Ѥкъ то може человекъ учынити, коли его пан за пѣнези купил на роботу? Але одначе мушу там быти, коли не мамъ зброи, ѥ и без зброи, а коли не мамъ кона, ѥ и пѣш пойду, и хочу понести одно великое древо, а кого вдару, тот не будеть большеи бит сѧ. И Дружнена рекла ему: Ты пѣшъ не пойдешъ, хочу тобѣ дати зброю и доброго кона гальца, и дам ти добрыи мечъ кгладэнцыю, которыи был доброго Аливера, и хочу ти дать доброго кона, которого лепшыи не можеть быти: он был один от чотырох, и не могла на нем жаднаѧ душа ехати.

И Бово рече: Дай ми того истого кона. И она ему указала, и убрал сѧ Бово у зброю и взложыл гелмъ на главу, а добрыи мѣчъ ущепилъ на шыю, и взялъ щыт на плечо и копъе в руки, и скочыл на кона и за стрыма не прынял сѧ. Панна Дружненна пытала Бова: Чому сѧ мечомъ не опасалъ? И он

рече: У моєи земли таков ѡбычаи, ни ѡдин юнак не ѡпашет сѧ мечомъ, толко витезь. Дружненна рекла: Сядь с коня, ѩ єсми дочка корола коронованого а у венцы єсми корунском, ѩ могу ѡдного витезя поставити, а звлаща у тот час. И Бово скочылъ с коня, а панна Дружненна рекла: Ѩ тебе не могу витезем поставити, докол ми не споведаєш родины своее. И ѡн рекъ: Панно, ѩ ти повѣмъ: ѩ сын ѡдного корола, которыи держалъ добрыи город Антонию, а имя ему было Кгвидонъ. Коли ѡна чула, што ѡн не з малого роду, прытекшы к нему и трежды его поцаловала сладко и рече ем: Ѩ твоя Дружненна, могу тя поставити добрым витезем. И так ему подала заушницу и мечом его ѡпасала и рекла ему: Не ѡбцуи же з лихими и зрадливыми. И ухватила его рукою за горло и велми моцно его ѡблапила. А в тотъ часъ Игулинъ прышолъ з битвы (стр. 141) и увиделъ Дружненну, а ѡна цалует Бова, и рече ем: Курво, дай ти бог зло, што то чынишъ, а твои ѡтец пойман и Маркобрунъ, которыи тя хотѣлъ понати, а ты стоишъ у конюшни а молодцы цалуєш. Але коли ѡни с темницы втекуть, и ѡни тя сотнуть.

Бово тое чул, розгневалъ сѧ на него и шодшы ударыл Агулина у стегно, и ѡнъ спалъ с коня на землю, и ѡдин рукавъ розорвал ему. А панна Дружненна прыказала чотырыста конным, абы ехали за Бовомъ, штобы инакъ не было, и ѡни выехали за Бовомъ з города, а Бово ехал на том великом кони моцномъ.

И прыехал до Сарацэнъ, а под ним земля тресла сѧ с переду и з заду, а панна Дружнена гледела конъца и велми сѧ веселила, ижъ видела Бова велми доброго витезя. И видел его Лукапер, выехал противъ ему и почалъ велми говорыти: Хто ест ты? Поедь назад, не ест твоя Дружненна, дай ми Армению безъ крови пролитья и веруи у Махомэта бога моего, а ѩ хочу Дружнену взати.

Витезь Бово рек: Мысль тя заводить, первеи сѧ хочу дати розсечы, нижли бы ты Дружненну взалъ.

(Битва Бовова зъ Лукаперомъ) И забол борздо конѧ и скочылъ къ Лукаперу и рече: Варуй сѧ мене, ты тепер погибъ. И Лукапер к нему пустилъ; и вдарылъ Бово Лукапера в щыт позлацонъ, щыт ему пробилъ, а бенди ѡпали, и прошло копѥ в серцэ, и мертвого его скинул на землю с конѧ, и почал Бово кликати: Бийте юнацы свободно. И чотыры ста конников пошли къ битве, и кождый своєго скинул, и был велик бой межы ѡбоими, а кролевна Дружненна велѣла у рогъ трубити, и собрало сѧ добрых копъников десет тысечеи, и послала на помоч Бову, а ѡнъ былъ у бои уступил, и всю тую двадцат тысеч побили, которыє прышли з Лукапером подъ Арменію град, разве ѡдин Сарацэнин утекъ старын, што не могъ бити сѧ. Бог дал ємy лихо, што утекъ и тры конѧ у хрыбте ѡтнес, и прыбѣгъ къ солъдану у заставу, и солъдан єго видел, речэ ему: Што за вѣсти поведаешъ ѡ моємъ сыну? Ѡн рекъ: Злыє вѣсти пошу, выехал ѡдин витезь из Арменіѧ града и велми добрын, ѡт первого удару Лукапера с конѧ мертвого скинул и двадцат тисеч, которыє з Лукаперомъ были, всихъ погубилъ. То рекъшы здохъ падшы (стр. 142); а солданъ ѡт тых речеи сомлѣлъ и пал на землю, ѣкъ мертвын. И потом, коли ку памети прышол и всталъ, почалъ тужыти велми грозно и ѡпат рече: Панове, коли Лукапер загибъ, а надо мною што будет? А так солъдан улезъ у корабль, а другиє Сарацэни почали бѣгати гдѣ хто могъ. И в тот час Бово витез за ними прыгналъ на прыстанищо и тут ихъ большеи двадцати тисечеи убил, зась вернулъ сѧ къ шатру и наехал короля Арменіла и Маркобруна, гдѣ были повязаны, и ѡтвезал ихъ ѡбѣюхъ и усадил ихъ на добрыє кони, а ѡни были у зброихъ. И кроль Арменилъ пошол за Сарацэны, абы сѧ помстилъ, и зашол з другого мора и погубилъ всихъ, которыє были на прыстанищы. И витез Бово рече королю: Пане, што тому человеку слушыть учынити, которого єго пан за пенези купил, єсли ему на потребу не пондет? Королю, ты мене купилъ за двадцать литръ злота, и тобе хочу дати за ѡдну литру сто литръ: ѡзми тую землю, которую есми добылъ.

И все войско на кони усѣли и поехали до замку. Коли прыехали къ городу, а кролевна Дружненна, стоечы на кганку, смотрела якъ ехали; и уехали у город, а з ними Маркобрун з левое руки, а Бово по правои руцэ. Кролевна Дружденна вышла противъ отца и рекла: Пане, Бово естъ большыи витезь на свете, и я его поставила витезем, иже-мъ ся доведала того, што он сынъ доброго короля Кгвидона от доброго города Антона. Мои ласкавыи отче, дан ми его за мужа. И рече кроль: И тое, дочко, и самъ мыслилъ. А в тотъ часъ прышолъ Агулинъ и рече: Кролю пане дадку, и мене Бово ударылъ у стегно и нагавицу ми роздрал, я хочу с ним умрети и мовлю то, абы он не былъ витезем, а ты свою дочку можеш дати за которого короля велможного и богатого, а се крол Маркобрун маеть венец корунскии, он водит трыдцат тисечеи войска: за того можеш свою дочку отдати, а за Бова можеш отдати одну сестру мою. З витеземъ Бовом я хочу бити ся, але не вемъ, если он похочеть. И казалъ король войску розехати ся (стр. 143), и кождыи поехал до господы, а витез Бово пошол ув-одну комору и легъ спати. Агулинъ пошолъ у одну комору и легъ спати, и вышедшы с коморы, пошол по городу искати юнаков, которые бы з ним Бова забили, и собралъ ихъ добрых шест десат, и запрысегалъ их на эвангелеи, абы Бова у коморе на постели забили. И улезшы у комору увидели Бова, а он лежыт прыкрывшы ся колдрою, а добрыи его мечъ и вса зброа при немъ лежала. Агулин скрылъ колдру с него, аж Бово нагъ якъ от матеры рожен. Агулин почал говорыти юнаком: Верните ся опат, можем его потом убити; а они зъгланули ся один з другим и рекли: Прывел насъ Агулин на зло, если есмо его теперъ не згубили, а опосле он нас всих побьеть, занюж Бово велми добрыи витез на кони. Агулин опат его опранул и вышол с коморы у палац. И рече один старец Агулину: И если твои человѣкъ, хочу ти добре порадити, если усхочеш мене слухати. И велми парсуною къ королю трафил ся и хочу попти у комору и лагу и велю прыправити много

свеч, абы около мене горѣли, и нехай будет при мне много людей, и пошлю по Бова говоречы: Зовет та корол, и он мусит ко мнѣ прыити; а ты того пильнуй, штобы он не въ зброи прышол, и пошлю его до солдана. А ты справ лист до солдана, пишучы ему поздровленє и прыазнь, и єще напишы: Хто ти тот лист прынесет, то єст витез истый Бово, который твоего сына доброго Лукапера убил; учыни над ним, што хочешъ, або вели его обесити.

И тогды Агулинъ написал лист и послал по Бова, и он того-ж часу пошол и вошолъ в комору и пал перед старцэм на колени и рече: Пане, што велишъ? И рече ему старец: Велми збит єсми в той битве и не вемъ, буду ли жывъ, для того хочу, абы ты поехалъ до солъдана: от мене его поздорови и проси єго, абы ма простилъ от смерти сына єго Лукапера; а што тэж онъ учынилъ моим людем, то и ему прощаю. Витезь Бово вынималъ, иж бы то корол Арменил, (стр. 144) и старец далъ Бову лист и рече: Тот лист дай солдану и мов ему: Цару солдане, што ти тот лист укажет, то учыни.

Витез Бово узал лист и заховал и рече: Могу-ль понести зброю зъ собою? И он рече: Не треба, поедь на пноходнику. О боже небескии, и того Бово ничого не познал, а панна Дружненна ни корол того не вѣдали! И Бово поехал. А коли такъ было, якъ писмо говорыть, ехал витезь Бово тры дни ни єда ни пыа, кром зѣльа и корена што по земли ростет. О боже, сватая Мариа, матка божа, прынми Бова иж велми у злую дорогу входит! И почал перед себе гледѣти и увидел на одном поли, аж стоить один дуб, а под тым дубом стоял один богорадникъ, а перед ним лежалъ бохон хлѣба и вино. Витезь Бово к нему прыехал и зселъ з [п]находника и рече богорадныку: Помози ти бог, если бы-сь хотѣлъ, рад бых с тобою елъ. Отказалъ ему пельгрым: Єсли рачыш, ежъ; и Бово почалъ ести и взал одинъ збанок пити, и пельгрым ему дал другии и рече: Пане, лепшеи сее вино пии.

И коли Бово того вина напил са, тот час заснул, занюж тое вино было з одным зѣльємъ змешано. Витез Бово тутъ спал пать

днеи не пробужаѭ сѧ, а богорадникъ знѧл з Бова єго мечъ добрыи и вселъ на Бовова конѧ и поехал проч и ѡставил своего подездъка, которыи уже был устал. И у пѧтыи день Бово пробудил сѧ и почал искати того богорадника и не нашол єго и конѧ своего и доброго меча и почал тужыти: То ми далека дорога пѣшому пти, то єсми у злыи час рожон. И вселъ на того подездка, ѡн конь под нимъ пал, пж не могъ єго поднѧти. А небог Бово пошол пѣшъ день и другии и дошол города Задонии и вошол в город и на палац ушолъ; и увидел солъдан на кганку стоечы и бороду скубучы, велми плачучы, бо не давно прышол с под Армении, а своего сына великого Лукапера мертва ѡставил и сорок тисечеи своих людеи.

И прышед Бово, поклонил сѧ ему покорно и почал говорыти: Ваш панъ Махомет ховаеть великихъ и малых, которыє суть в том городе, а звлаща царѧ солъдана. И цар ѡтказалъ: Добре-сь прышол (стр. 145), после, ѡтколе и которыє вѣсти носиш? Рече Бово: Пане, ѧ из Арменіи ѡт корола Арменила, мною тобѣ послалъ поздровленіе и прыязнь и жедаєт, абы єси ему дал прощеніе ѡт смерти сына своего Лукапера; а король арменеискии тебе прощаєт на єго побитых людеи, бо ѡн тэжъ у битве велми сѧ збилъ и велми сѧ боит смерти и хочет с тобою змирити сѧ первеи смерти за жывота. И дал ему лист; и солданъ узавшы лист, казал єго чести, аж тоє писано: То ест тот истыи, которыи забилъ твоего сына Лукапера своєю рукою, послал єсми єго к тобе, абыс єго казал ѡбесити.

Коли солъдан выслухал листа, и почал смотрети у виденэ Бову: И тѧ мало могу любити, што ты моего сына Лукапера убил; а хто тебе сюда послал, не маєть тѧ ни за ѡдин пѣнезь. И рече своим юнаком: Имите єго. И Бово тоє чулъ зъжавшы пасть и вдарыл ѡдного сарацэнина перед солданом, ѡнъ мертвъ пал на землю. И прыскочыли многіе сарацэни и ухватили Бова и завезали ему назад руки и вкинули ему на ѡчы хусту, абы не виделъ куды єго ведуть.

(Солъдан Бова казал ѡбесити) И казалъ єго солданъ

ѡбесити, и повели Бова до шыбеницы чотырыста сарацэнов. И была в солдана дочка на имѧ Малгарыѧ, таѧ прышла къ солъдану и рече ему: Государу ѡтче, выслухаи мене, Бово так добрыи витезь, иж на свете болшыи не може быти над него, коли ѡн убил Лукапера брата моего; а коли ѡставит бога своего а увѣрыт у Махомета, которыи ему можеть помочы, ты ми его дан за мужа, иж не маешъ такого чоловѣка во всеи своеи державе, которыи бы мог твою земли здержати коли ты умреш, а Бово может царъство твое здеръжати. И ѡн казал прывести Бова перед себе; и рекла Малгарыѧ: Ѧ сама попду и верну его. И шла до шыбеницы, велела его вернути, и ѡни вернули, инакъ не смели учынити, и прывели Бова перед солдана, и рече ему солдан: Брате, ѧ бых рад с тобою миръ учынилъ, если ты усхочеш своего бога ѡставити а вѣрыти Махомету, которыи можеть тобѣ добре помочы, а хочу ти дати свою дочку за жону, а коли ѧ умру, ты всего моего царъства коруну ѡзмеш (стр. 146) и будеш государъ болшъ трыдцати городов. Рече Бово: Того ѧ не хочу вчынити, Господа Бога ѡставити а панну взати, котораѧ у твоеи земли росла. И велѣлъ солдан опат Бова ѡбѣсити. И еще Малгарыѧ почала ѡтцу говорыти: Ѡтче, дан его мнѣ, а ѧ вкину его у свою темницу, а не дамъ ему ести и пити, бо знаю, иж его Махомет ѡбернеть у нашу вѣру, а не дан его погубити.

(Солъданъ казалъ Бова в темницу усадити) И рече солъданъ: Впустите его в турму. А таѧ турма была болшеи сорока ступеневъ въ шырки, и ни ѡднаѧ душа в неи не была, толко ящерыцы и змии. Небог Бово седелъ ни еда ни пиѧ; а якъ вышло днеи пать, царовна сама понесла ему ести и пити. И видел Бово у турми ѡдну змею, и просветила таѧ; ѡн ѡзрѣв сѧ и увиделъ ув-угле мѣчъ, которыи тутъ ѡт давных днеи столъ, и взалъ тотъ мечъ, помыслилъ забити Малъгарыю. И ѡна тое видечы рекла Бову: Што чыниш? Ѧ хочу, штобы ты вбѣгъ, а прынесла есми тобѣ ести и пити. И Бово тому сѧ урадовал и мѣчъ кинул и почал ести и пити. Потом царевна Малгарыѧ по-

чала ємy мовити: Брате Бово, послухаи мене: цудъненшое панъны над мене не знайдешъ, єсли хочеш, wтступи wт бога своего, возмеш коруну всее державы моего wтца. И рече Бово: Панно, того ѣ не могу вчынити, с того везенѧ мене бог мои вызволить, але перво сѧ хочу дати розсечы, нижли wт бога wтступити и взѧти панну сее земли за жону, и не wпущу Дружненны, которую велми милую. Коли wна тое чула, розъгневала сѧ велми и за малымъ не поведала wтцу, и wпѧт почала мыслити: Єсли повѣмъ, wн велить его wбесити, и не буду его мѣти у своеи коморе. И пошла wт него, а солъданъ рече: Того вазнѧ вынмите и прыведите ко мнѣ, хочу сѧ доведати, хочет ли своего бога wставить вѣру, а вѣрыть у Махомэта; а єсли не хочеть, велю єго wбѣсить. А Бова стерегли у турме двадцат сарацэнинов; и впустили их семи у турму, штобы Бова вывели.

(W двадцати сарацэнинов, которых Бово в турме будучы позабивалъ) Коли wни прышли къ земли, почали кликати: Гдѣ ты, темничнику? велелъ тебе солдан вести вонъ и wбесить. И Бово скочыл и вдарыл wдного, и wн пал мертвъ на землю; и Бово и тых шести побилъ, а тыє, которыє на верху стоѧли, почали говорыти: Што там чыните, чому не ведете? (стр. 147) И wни не wтказали, иж были мертвы. И пошли другаѧ сем, витез Бово и тых побилъ на смерть и рече: W Боже и сватаѧ Марыѧ матко божѧ, час и годъ тот, коли мѧ солдан дал стеречы двадцатма рыцэромъ сарацэном, буду споминати, то єсми их чотырнадцати забил; а коли быхъ вышол вон, и тым быхъ головы постинялъ. И всѣлъ на коловорот, а сарацэны єго почали тягнути; иж вытягнули, выналъ мечъ и тымъ шестма головы постинялъ, кром wдинъ втек и почалъ верещати поведаючы, иж Бово утекъ, деветнадцати ставшы.

И довѣдалъ сѧ того солдан, иж Бово утек, и мовилъ тот сторож: Коли быхъ ѣ не втекъ, и мене бы стѧл, и помог ему Махомэт втечы. И были у солъдана два дядковичы братеннки, wдному имѧ Транкацын, а другому Абрам, были добрые витези и скоро стали у зброи и побѣгли за Бовомъ на конехъ, а с ними

две тисечы воиска. А Бово полем бѣгъ, што может наборздеи, имѣлъ погинути.

(Бово забил Абрама) И догонилъ его Абрам у зуполноп зброи и прыбол к нему, хотечы его погубити, а Бово взялъ мечъ ув-обе руцэ и скочыл к нему и тал Абрама по гелму и ростал ему гелмъ и голову, и выпалъ мозок з' головы. Абрам палъ с кона мертвъ, и Бово инал кона и борздо на него ускочылъ, и еще щыт на плечы въскинул и копе его взялъ у руки. И догонил его Транкацын, братъ Абрамов, тот был витезь велми хвалебныи, и видѣлъ своего брата мертва, забол к нему, мнимаючы ωсветити смерть брата своего.

(Бово забилъ Трамкацына) И витез Бово забол кона и вдарылъ Трамкацына копем, и ωн пал с кона мертвъ. А Бово поехал боръздо къ мору и увидел ωдно судно, ано хочеть ити за море, и вжо торъговцы ωдопъхнути сѧ хотѣли. И прышолъ Бово и почалъ кликати говоречы: Панове, и есми хрестанинъ, а втек с темницы ωт солдана, держалъ мене годъ и тры мѣсецы. Дла бога вас прошу, повезите мѧ, хочу поити у сватое крэщение. И торговцы вчынили для спасенья, упустили его в судно к собѣ и ωтопхнули сѧ на море. А сарацынское воиско прытагнуло къ прыстанищу, и почали кликати купцом говоречы: Верните того млоденца, што утек с темницы ωт царѧ солъдана; (стр. 148) если-ж его не выдасте, не бываите у нашу землю ни купити ни продавати. Купцы хотѣли Бова выдати, и Бово видечы што его хотѧть выдати, а там его ωбесать, взял меч и забил ωдного купца. Видечы то другие купцы, мѣли великую жалость и пали ему на колени говоречы: Пане, не чыни зла, хочем тѧ повезти гдѣ ты велиш. И Бово рече: Повезите мѧ под город Арменню; и ωни рекли: На твою волю. И поднали парус и шли до Арменіи, нигде не станова сѧ. И коли хотѣли у прыстанища ку краю прыстати, вѣтръ великии ωтпихал их ден и ноч, и не могли прыстати ку краю и ωпят вернули сѧ. А была великаѧ фортувина, и Бово на поду стоял, и назавтреи великии вѣтръ; и купъцы прыставшы на кран, и пошли купцы на потребу свою.

Бово погледѣлъ по мору и видел ѡдного рыбака по мору ездечы; Бово его прызвалъ к собе, и ѡн прыплылъ, и рече Бово: Маешъ ли рыбы, што нам продати? И ѡн рекъ: Єст, пане, досыт. Бово почал говорыти рыбаком: Которая то земла и хто ее держыт?— Пане, тому городу има Момбрадъ, и в немъ корол Маркобрун, а тотъ нине чынить великое веселие в городе, узал дочку короля Арменпла, красную Дружненну. А коли ѡна тутъ с нимъ прыехала, ѡна проспла єго, абы не спал с нею до году; для того ѡна учынила, покул Бова забудет. Крол на томъ єи шлюбил, а то вже ѡт того дня до нинешнего дня годъ. И Бово уздохнул и рече: То єст нине тот день, што ся мають сонти; и рекъ рыбаку: Повези ма ку краю у своєи лодп, на том пиру хочу быти, бо не можеть лепшого скомороха над мене быти. И рече торговцом: Платите за рыбу рыбаку. Ѡни рекли: Што ему платити? Рече Бово: Дапте ему двадцать литръ злота. И ѡни дали.

И убрал ся Бово у золотые шаты и улез у лодю к рыбаку и пошолъ морем. И торговцы узрадовали ся, што єго збыли. А рыбак єго прывез на крап, и Бово хватил у свою калиту и нашол пать болванцовъ золотых и далъ рыбаку и рече: Добре-ль ти плачено? И ѡн (стр. 149) рече: Добре, пане, бог ти помож, покул есми жыв, не буду рыбами торговати.

Витезь Бово шол по крап мора и почал мыслити: Як а могу увопти у городъ Момбрад, а а в цудных шатах? Єсли ма стрѣтить крол Маркобрун, можеть ма познати, а за то, што єсми єго збил, кажэ ма ѡбесити якъ злодея. И узрыть на поли дуб, а под нимъ стопть богорадникъ ѡдин, што ся зоветь пельгрым; и прышед к нему и рече: Дай ми свое шаты роздраны, а возми мое золотые. И рече ему пелгрым: Того не хочу вчынити, иж не могу хлѣба выпросити у тых шатахъ, а змовать ми люди: Украл есп пхъ. Бово прыступил к нему и възвернулъ ему гуню на голову и убачыл под гунею мечъ, познал свои мѣчъ добрый кгларенцыю и вынал его, ѡгледал и рече ему: То ест мои мечъ, дала ми его племенида Дружненна коли ма витезем поставила. Ты-сь пелгрым, которын ма ѡчаровал злым питьемъ, коли есми шол

к солдану в посельство. Курвинъ сыну, дан ти бог зло, тепер есми вспоменулъ, ты мнѣ дал ести и пити и wкормилъ ма wдным wкормом и взал ми есп мечъ, которым бых и тисечу сарацэнов мог постинати. Wг тебе и у солдана у темницы седел, дла того твоего учынку добрым ти хочу платити. И вдарыл его болъдицою и тым ударомъ пробилъ ему три ребра. Пельгрым пал предъ Бовом и рече ему: Пане, дла бога не вчыни ми зла, дам ти wдно зѣлье бѣло wкъ снѣгъ, а хто бы са имъ умылъ, будет чорныи wкъ уголь; и еще ти дамъ другое зѣлье: хто бы его розмешавшы з вином хота мало укусилъ, три дни не пробужал са будеть спал. Витез Бово рече: Дап ми тые зѣльа. И пелгрым далъ; Бово взал и рече: Будеть ми его потреба ув-одинъ час; и сховалъ тое корэнье и wболокъ са в розодраные свиты, а свои ему дал и мечъ свои под гуню прыпоесалъ и вчынил са чорнымъ и пошолъ къ городу и влез у город. И видел трех гражан, а wни стоwть в wдном угле, и видевшы почали межы собою говорыти: Виделъ ли хто так великого пелгрыма ходечы? И wдин с нихъ рече: Wткуле есп и с которое земли и куды идешъ, (стр. 150) поведь намъ. И Бово ему рече: И есми из Францэи, а было нас сем тисеч, шли есмо через море и вси погинули, разве и втекъ; дла бога, будте на ме ласкавы и за милость доброго витеза Бова дапте ми. И прыступил wдин гражанин, вдарыл его за вхо и рече: Пельгрыме, ты не ведаеш тутошнего wбычаю: нашъ кроль Маркобрун взал кролевну Дружненну из Армении града, wна его на то прывела, абы са заклал на эвангелеп, колп будеть в семъ местцу, абы съ нею Маркобрунъ не спалъ до году wт того дна, в которым тут прышла, дла милости того Бова, которого есп перед нами успоменулъ; а то есп зле рек, пжъ за его милость проспшъ, а пине wни мають злучыти са на любовъ. Попди-ш собѣ у палац, тамъ чыпать великпе прыправы к обѣду, бо звано каждого чоловѣка на wбѣдъ, и кождым тобѣ даст по пѣнезю. Бово имъ подаковал и пошол на двор и вполъ в кухню, гдѣ стоwли кухары; Бово прыступил, почал говорыти: Дапте дла бога и за милость доброго витеза Бова.

(Бово забил кухара) И встал ѡдин кухаръ и взѧлъ головню горачую и вдарыл Бово по голове и всю гуню ему ѡпалилъ; и Бово был велми жалостен, а взѧл головню и вдарыл кухара по голове, ѡн пал мертвъ, а мозок и ѡчы єму выскочыли; и другого вдарыл, ѡдин ѡсталъ, и вси вонъ побегли, а тому бок выбилъ.

И пошол Бово на палац и стретил ѡдного дворѧнина и рече Бову: Даи ти Бог зло, чому єси убил кухара? И рече Бово: Пане, выслухаи мѧ: ꙗ в них просилъ длѧ бога, а ѡнъ мѧ вдарыл головнею и всего мѧ зъжогъ, а ꙗ сѧ єму боронил. Не меи ми за зле.

И ѡн рече: Брате богораднику, бог тѧ уховаи, а ꙗ тобѣ ражу: поиди в комору, бо в коморе Дружненна и иныхъ великих панеи много, а проси в нихъ про бог. Бово вшолъ в комору и виделъ панеи, а ѡни седѧть на ѡбѣде за столом; и Бово прыступил ближеи и вслонилъ сѧ на посохъ, рече паниꙗмъ: Длѧ бога вас прошу и за милость доброго витезѧ Бова. Коли чула Дружненна именуючы Бова, не могла болшеи ести ни пити и пошла къ пелгрыму и рекла єму: Видел ли єси гдѣ Бова? Ꙗкъ єго знаєш, што єго длѧ просиш? Не вѣдаєшъ обычаꙗ, которыи тут уставлен: хто Бова помѧнеть, (стр. 151) маєт быти ѡбешон. Але гдѣ ты, пелгрыме, Бова видел? И рече Бово: Ꙗ ти хочу тут поведати, так ми бог помози. Седѣл єсми у солъдана въ темницы годъ и тры мѣсецы. Будучи племенида Дружненна з Бовом в тои розмове, и услышал конь Бововъ и познал голос пана своего, почал ръзати так моцно, мало сѧ весь град не рострасъ, и мало семерых желѣзъ не розбил: ѡнъ был ѡт чотырох наболшыхъ, которыє у граде хованы. И рече Бово: Што то за конь? И ѡна рекла: То ест конь, которого єсми дала витезю Бово, и єго зброю прынесла єсми зъ собою, иж былъ Бово в ѡдин часъ мои чоловекъ; а купил єго ѡтец мои за пенези, и поведал сѧ млынаровичом, а ѡн былъ сын ѡдного королѧ, которому было имѧ Кгвидои, з города Антонѧ. И в тот час прышли сарацэны из за морѧ, царъ солдан и сын єго Лукаперъ з великого града Задонии, и большеи ста тисечъ воиска зброиного. И прышол мои ѡтецъ и Маркобруи, и поимали моего ѡтца и Маркобруна, а ꙗ, злочаст-

ница, поставила Бова в тот час витезем и тогды сѧ есми довѣдала, хто его отец. И забил Бово поганого Лукапера и большей тисечы сарацынов головы стал и моего отца и Маркобруна освободил, и опат тое-ж ночы невѣмъ куды пошол, и до сего часу есми его не видала. А Маркобрун выпросил мя у отца моего, але бог вѣдаеть, што на то не была воля моя, што ми отец мой его за мужа дал. И от того часу и до нинешнего дня невесела есми ни день ни ноч для милости Бововы, которого велми милую, а он мене. А коли быхъ его видела, я бых с ним пошла; для того есми прывела коня его и зброю его зъ собою прынесла; а конь не даеть сѧ ни одному чоловѣку повести, крома мнѣ, злочастницы, а вже убил семнадцати юнаков, докуль в тои стайни поставлен. А все то чынить для своего пана Бова.

Вроженая панна то говорыть, а сама плачеть. И в тот час увошол Маркобрун и рече: Пелгрыму, дай ти бог зло, што ты говорыш моей жоне иж она велми плачеть. И рече Дружненна: Пане, недивно што я плачу, он ест прышол з двора отца моего и поведаеть ми, што моя матка умерла. И рече кроль панеи: Дай ему ести. А добрын конь все ръзал, чуючы своего пана. (стр. 152) И рече пелгрымъ: Могу я прынти к тому коню, а могу его злечыти до трех ден, занюж лѣкара лепъшого над мене не може быти на свѣте: можеть на немъ кождын хлопец ехати, одно ма к тому коню поведи. И потом прышол опат Маркобрун, и Дружена ему рекла: Выслухаи, королю, што тот пелгрымъ говорыть: поведаеть сѧ напленшымъ коньскимъ мистромъ, не можеть быти жадныи пудкии конь ни дикии, которого бы он не могъ укротити. И рече кроль: Єсли бы то была правда, як онъ говорыть, хочу ему дати четвертую част Момбрада, а две тисечы конников, штобы ему служыли.

И взалъ пелгрыма за руку, а Дружненна за руку за другую, и пошли до коня в конюшню. Конь вчынилъ велико ръзане и ланцухи покрышил; а кроль Маркобрунъ упалъ и не хотелъ тут стояти и пошол з стайни, а ворота сѧ за ним затворыли, и он мнималъ, иж его конь хочеть забити. А Дружненъна

с пелгрымом ѡстали сѧ въ станіи, и корол поіполъ с паны у палац. И што то вчынил конь добрын? И всталъ на задніе ноги, а передніе ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорыти, рекъ бы ему: Добре єси прышол, пане. И ѡпат сѧ ѡпустил на землю.

И Дружнена рекла: Ѡчаровал єси, шатане, его, ꙗкъ борздо к тобѣ прывыкъ! Рече Бово: Не дивно то, што конь мене позналъ: ꙗ єст Бово, которого ты жалеєш. И ѡна рекла: Бог вѣ, ты лъжеш, а где-ж ꙗкъ добрын мечь, которымъ та єсми ѡпасала? И Бово възпалъ гуню, выналъ меч кгларенцыю, и ѡна рекла: Сопни клобук, укажы тот знак, што єсми лечыла тебе увѡтца своего, коли єсп был с ѡдное скалы спал. И Бово клобук знал, и ѡна его познала. Ан боже! Почали сѧ велми цаловати, и рече Дружненна Бову: Хочеш ли у дворе зостати, чы-ли хочемо єхати? Рече Бово: ѧ хочу в дорогу, дан ми мою зброю. И ѡна пошла на палацъ. И коли ее увидел Маркобрун, пошол к неп и рече: Гдѣ єст пелгрымъ? чы-ли его конь зъел, або убил? Ѡна рекла: Єст у станіи пры коню, а хочеть его нине злечыти и укротити, хочу ему велѣти дати постель, нехай и спить пры конп у станіи, нехай к нему прывыкаєть и в дни и в ночы. И рекъ кроль: Учыни по твоеп волп. И ѡна взала (стр. 153) в коморе всю зуполную зброю и увезала в постелю и велела понести до станіи, а сама в тот час шла в комору до ложы. И прышолъ к неп кроль, бо вжо было час до ложы, а Дружненна борздо змыслила и чашу забытного питьѧ дала ему, и ѡн скоро ее выпил, тот час заснулъ. А Дружненна шла борздо до станіи, аж витез Бово в зуполнон зброп и гелмъ на голову прыправил и мечом сѧ ѡпасал, щыт взложыл на руку и взал толъстое копъе под паху и скочыл на конѧ и за стрымѧ сѧ не прынал и не розминул сѧ бы с тысячою витезеп. А Дружненна на прудца усѣла и выехали с твердого Момбрада, а в тую почъ двадцать миль переехали. А назавтреп, ꙗкъ зора узашла, Дружнена не могла єхати, што была велми спрацовала сѧ, и рече Бову: Хотѣла бых ꙗ зъсѣсти, иж не могу єхати; для бога, положы мѧ тут близко сту-

денца. И Бово ее зъсадилъ, жена умыла руки, а Бово коня привезалъ и напоилъ его, умыл руки, и прышодъ къ Дружиенъне и ухватил ее за груди и спал с нею тричы. И на томъ месте почала Дружиенна два сыны, якко писмо говорыть: один хочеть быти кроль, а другии княже. Бово тот час заснулъ, запюжъ не ведалъ, што маеть на него прыити, а коли бы ведал, он бы не становил са. Але са опат вернимо.

Коли са пробудил Маркобрун и не нашол подле себе Дружиенны, зменила са ему парсуна, и пошол до стайни, гдѣ конь стоял, и не нашол тамъ ни коня ни пелгрыма, и сѣлъ у великом плачу, а велел у рог трубити. И прышло великое войско людства к нему, и рече имъ: Мое витези, тепер ми вас потреба: прышол Бово зъ Антонии, пелгрымом са учынил, отвелъ ми красную Дружиенну и доброго коня. Прысегам богу, хочу за ним пойти с трыдцатма тысечми войска конного, которые суть у граде. И тут был у корола один мудрын чоловѣкъ, именем Мамродо, он завжды королю добре радил и рече: Кролю, тое ночы Бово двадцать миль уехал, а нине можеть другую двадцать миль уехати, а в тебе ест одинъ чоловѣкъ, именемъ Пулкан, якии са чоловѣкъ не можеть найти над него: он можеть на трыдцат тысечеи конных ударыти. Маеть образъ чоловечын и руки и перси (стр. 154) шыроки, до пояса чоловѣкъ, ано нижеи як пес, от пса и от жоны рожон ест, а николи на коня не вседал, завжды пѣшъ хожывал, и нѣт на свете коня, которого бы он не втекъ. А коли он идеть за двѣ мили, звукъ его чуть; а он естъ твои чоловѣкъ, а ты его даруи от твоего имена, он ти может прывести Бова и Дружиенну. И рече крол: Добре ми еси радилъ, запюж коли бы войско великое пошло, не перешло бы болшеи трех миль за деи, иж войско почываючы идеть. И послал корол по Пулкана, а он прышол и рече: Пане, што велиш? Король рече: И ти повѣмъ: прышол Бово из Антонии, отвелъ ми Дружиенну и коня; а если ми их ты можеш прывести, Бова хочу повѣсити, а Дружиенну зъжечы, а тебе хочу освободити и дам тобѣ четвертую часть Момбрада и тысечу конниковъ, абы тобе служыли, и хочу ти дати

одну панъну за жону. И Пулканъ тому сѧ узрадовал и рече: Пане, могу тобѣ ихъ прывести перво, нижъ три дни выидут. И почал сѧ радити и взѧлъ тры жерди, якъ всегды звыкъ, и пошол за Бовом, и виделъ сѧ як дъябол с пекла, побегъ полемъ. И третего дня почал догонати Бова; то была великаѧ охота Пулканова за Бовомъ, а его звукъ за две мили было чуть. Племенида Дружненна тое чувшы рекла Бову: Пане, улѣзьмо в тот луг, иж за нами один дъяболъ явный, имѧ ему ест Пулкан, от пса и от жоны рожон ест и много конников погубил, и нетъ человѣка на свете, которыи бы сѧ ему спретивилъ; я тебе прошу, улезмо у тотъ луг. И рече Бово: Не помози ему бог и светаѧ Марыѧ матка божа, если я мам от одного человѣка погинути. И скочыл на своего конѧ и взал сулицу у руку и щыт на плечо и стал серед дороги. И в тот час прышол Пулканъ и почал волати: Не можешъ утечы, ты будеш обешон, а Дружненна сожжена. Бово ему отказал: Прыятелю, мысль та заводить, перво сѧ дамъ розсечы, нижъ быс мѧ повел.

(Битва Бовова с Пульканом) А Пулканъ прыскочылъ и кынул на него одну жердь, и коли-б Бово щытомъ не заложыл сѧ, на том же бы мѣстцу его пробил; а з другое стороны богъ ест защытилъ, што его не вдарылъ. И рече: То ест один дъябол, што с пекла выгнанъ. И почали сѧ бити копъями; (стр. 155) Пулканъ вдарыл Бова по гелму, гелмъ был моцон, пробити не могъ, а Бово прыгнул сѧ на седелныи лук; и велми смутен был Бово, не мог Пулкана ударыти никакож, и скынул копе и скочыл с конѧ и вскынул узду на седло, а щыт обернулъ на плечы, и взал мѣчъ въ обе руцэ, внимал вдарыти Пулкана и прыскочы к нему, а Пулкан скочыл через мечъ, а мечъ сѧ в землю забилъ, а Бово мало не здох от жалости, а Пулкан ему далъ одинъ удар у щыт. Великъ былъ удар, што Пулкан учынилъ, от того вдару Бово упал на колени, весь изблѣдъ и рече: Ан боже створытелю небескии, уховаи мѧ, пане, от смерти. Еще то вамъ скажем, што вчынил добрыи конь: коли тот конь виделъ своего пана зле падшы на землю, пошол къ Пулкану велми боръздо и вдарыл его всими

ногами чотырма; а Пульканъ с тым велми умѣлъ и вскочыл на кона у седло, и добрын конь познал, што на нем не его пан, и почалъ валатп са по земли, а Пулкан не спал с кона, и конь шол под ним у напгущын луг и содралъ ему всю парсуну и не мог скипути и вернулъ са опат к тому мѣстцу. Племенида Дружненна видела, што вчынил добрын конь, и мела велику жалость и пала на колена, с правого серца почала бога просити: Боже, которын есп прынал муки за насъ грѣшных, которын есп створыл свѣт, небо и землю и море, и Адама есп сотворыл и его жону Евъву учынил есп их з глины, и подал есп им все створене, крома одного овоща, што было напретив имъ; онаа Евъва ела и мужу дала, и дъябол на них вражду учынил, иж по свету ходечы зло чынить; тамъ был кождын згинул, злын и добрын, ты есп зъшол за нашы грехи, которын есп в блогословенъную панну вступилъ, одъ нее есп рожен! Мы вѣдаем дванадцать учэников твоих, которых есп мѣлъ, и один з нихъ тебе выдал за трыдцать пенезен зрадне; и за насъ есп муки терпѣлъ, и як тебе Логвин ударылъ под правую пазуху, и вышла кров и вода, и тая кров ему злила са на парсуну, и он прозрѣлъ на светъ очыма и виделъ, што зле учинилъ, почалъ тебе просити; и в третин день з мертвых есп всталъ (стр. 156) и вказалъ са ученикомъ и вшол есп на небеса; а мы то добре знаем. И тебе прошу, учынп милость, уховаи моего друга Бова, абы не вмер, а ни поведен у темницу соромотно. А добрын конь идеть против своему пану. И рече Пулканъ: Ап боже и светая Марыа! якъ добрын конь своему пану вѣренъ! А Дружненна почала говорыти: Пулкане, послухаи ма, чому са не хочеш домыслити? Колп тебе Маркобрун прывелъ зъ собою у двор отца моего, тогды есми тебе ховала, и узрос есп у моего отца дворе и злым ми хочешъ то платити! А колп бы есп з Бовом зъедналъ са мир деръжати и з ним товарышыти, на всем бы свѣте не пашли са лѣпшые товарышы надъ вас. Рече Пулкан: И са рад велми хочу змирити, але не вѣмъ, еслп Бово усхочеть; еслп бы он хотѣлъ, я бых пошол с нимъ, иж таких двух другов не може быти: я Пулкан не видел есми ни одного

чоловѣка, хто бы сѧ мнѣ спротивилъ. А Бово вже велми спрацовал сѧ и не мог большеи бити сѧ. И рече Пулкан Бову: Пане, хочеш ли ты со мною зъєднати сѧ? Не хочу ѡт тебе ѡтлучыти сѧ, хочу поити с тобою.

Бово єму ѡтказалъ: Пулкане, нехаи будеть на твою волю, а ꙗ хочу с тобою змирыти сѧ. И тот часъ ѡба кинули мечы на землю и вложыли шлюб межы собою и ухватили сѧ за горло и почали сѧ цаловати. И змирывшы Бово всѣлъ на конѧ, а Дружненна на иноходника, а Пулькан пѣшъ пошол; и прышли ку ѡднои горе и убачыли на неи замок ѡдного великого кнѧжати; имѧ тому городу Костел, а кнѧжати имѧ Ѡрыл. И рече Бово Пулкану: Чыи то город? И рече Пулканъ: То ест город Маркобруна, и взѧл єму ѡдинъ витез, кнѧжа Ѡрыл, маеть в себе унутры города пѧть тисечеи витезеи и иных юнаков, все на добрых конѧхъ зброиныхъ, и сам в городе жыветь и на кождыи ден ѡни мають бѣгати на конех воюючы Маркобруна. И рече Бово Пулкану: У тот город добро нам поити, можеть нам кнѧже Ѡрыл великую честь учынити. Рече Дружненна: То ест моꙗ ѡтчызна. Пулькан рече: Правду говорыш. И коли были перед городомъ, (стр. 157) рече Пулкан воротному: Ѡтворы ворота, хочем поити у город. И воротныи рече: Не пущу вас. А Пулкан скочыл через степу и ѡтворыл ворота и ѡпустил узвод, и Бово з Дружненною уехали у город и поехали по городу никому зла не чынечы, и увидели, гдѣ седел кнѧжа на кганку, а не было з ним никого, толко ѡдна жона єго.

Коли кнѧже видел Пулкана, и рекла єму жона: Ходить Пулкан, а с ним едеть ѡдинъ витез и пани, а надевам сѧ, што ест витез Бово, которыи взѧл Дружненну у королѧ Маркобруна. А ѡни шли до палацу, княже Ѡрылъ пошолъ против Бова, жона єго противъ Дружненны, и рече єи: Родичко, што сѧ тебе поткало? А Дружненъна почала поведати все по раду, ꙗкъ ее Бово украл у Маркобруна, нарадившы сѧ пелгрымом, и ꙗкъ сѧ с Пулканом бил, а ни ѡдин другого не добыл, и ѡни сѧ змирыли. И было потом час поити къ обѣду, и селъ Бово за стол из своею

Дружненною; и в тот час Маркобрун прышолъ под замок, и з ним трыдцать тисечеи воиска, все на добрых конах и въ зуполных зброиах, и велелъ шатры поставити и сам вселъ на конь безъ зброи, узложыл на себе один плащъ и поехал до города Костела, и прыехавшы близко, вызвал к собѣ воротного и рече: Поиди до кнажати, нехаи прыидеть ко мнѣ и говорыть со мною. И воротныи пошол и пашолъ кнаже Орыла, а он з Дружненною за столом седить, и рече: Кнаже, король Маркобрун прыехал к воротамъ и зоветь та говорыти зъ собою, а он ест самъ один и без зброи. И встал Орыл, рече витезю Бову: Што велиш? Мов. — Ик са бога боиш, поиди, але вѣдаю, чого онъ прышолъ.

Кнаже Орыл шолъ к воротамъ и видел корола и рече: Добре еси прышолъ, королю, што кажеш? Рече король: Брате, то добре вѣдаеш, иж то городъ мои, а ты ми его держышъ кгвалтом; але мнѣ он не стоить ни за пенез, але ты не хочешъ со мною змирыти са и воюеш ма ходечы под мои город, и я бых са с тобою хотел зъеднать, коли бы ми ты выдал Пулкана и Бова и Дружненну. И рече Орылъ: Папе, я того не могу вчынити, такое зрады двум витезем. А так кнажа Орылъ опатъ вернулъ са и рече Маркобруну: Велю та слонами убить. А Маркобрунъ поехалъ опатъ к воиску до шатровъ и велелъ воиску у зброи (стр. 158) убирати са, а Орылъ прышол на палац, и почал его Бово пытати, што говорыл Маркобрун, и он ему все поведал. И рече Бово Пулкану: Вбираимо са. И Бово и Пулкан стали у зброи, и рече Бово Пулкану: Я хочу поити на тое воиско, а ты тут стережы Дружненны, абы еи якаа зрада не стала. И рече Пулканъ: Нехаи будеть на твою волю, брате. Витез Бово скочыл на свои конь и рече кнажати: Пошли со мною свое воиско, хочу са о корола покусити, если буду мог.

(Битва Бовова з воиском корола Маркобруна) Витез Бово выехал з воискомъ з города и пошол на корола Маркобруна и стрѣтилъ воеводу королева. И вдарыли са древы, Бово вдарыл воеводу у щыт и щытъ ему обилъ и зброю ему пробилъ, а воевода палъ мертвъ на землю, и копи поломали на много урыш-

ков. И тот час Бово пѧтнадцать витезеи добрых мертвыхъ учынил и тут великую битву учынилъ. Витезь Бово добыл меча и многим головы постинал; и коли виделъ кнѧже Ѡрыл храбрость Бовову, ѡн уружыл сѧ и пѧть тисеч воиска вывелъ из города противъ воиску кролеву.

(Битва королѧ Маркобруна с кнѧжатемъ Ѡрыломъ) И увидел их Маркобрун, ѡбернул до них и забол конѧ, ударыл кнѧжа конємъ у щыт, щытъ єму пробил, а зброѧ была добра, ѡт смерти єго уховала, и скинул єго с конѧ на землю, и королевы к нему прыбегшы ухватили єго. И казал у рог трубити и пошол своєю дорогою из своимъ воиском, а кнѧжа Ѡрыла повел звезаного.

И коли витез Бово воиско побилъ и поле взѧлъ, а того не вѣдалъ, што корол кнѧже ухватил. Витезь Бово прыехал у городъ Костел, ажъ ворота городовыє ѡтворены, а жона кнѧжати седить з Дружненною плачучы. Бово рече: Бог вѣ, не вѣмъ чого плачете. Ѡни рекли: Пане, кроль Маркобрун ѡтвелъ кнѧже.

Витез Бово рече: Тепер же иду за ним. Рече пани: Пане, длѧ бога не иди, ховаимы города Костела. И тыє сто конников вошли в город, которыє з Бовомъ ходили къ битве, а Маркобрун всадил кнѧже в темницу и ѡпѧтъ велел єго перед себе прывести и рече єму: Брате, послухаи, хочу с тобою умову вчынити, хочу ти дати Костелъ град и на кождыи год десеть литръ злота, а ты ми даи Бова и Пулькана и Дружненну. А хочу тѧ завътра пустити. (стр. 159) Рече Ѡрыл: Пане, того ꙗ не могу вчынити, первеи сѧ хочу дати на розсеченє, нижли бых мѣлъ тым двум витезем зраду вчынити. И велелъ на поли кол убити и к нему прывезалъ кнѧже и велелъ позвати двадцать добрых молодцовъ, абы ножы боли кнѧже. И корол ѡпѧт ему рекъ: Хочу ти водлуг первое умовы вчынити, иж тебе пущу, а ты зберы в городе тисечу молодцов, а нехаи на постели убъють Бова и Пулкана, а ты ми даи своих сыновъ в закладе, а ꙗ хочу поехати с тобою до Костела и хочу в лузе скрыти сѧ, поки ми то справишъ.

Видечы то кнѧже, што иначеи не може быти, ку тому прыз-

волпл и послал по своп два сыны и дал пхъ в заставе. Кнлже вшолъ у город, а корол у луг; и вшодшы кнлже в город и рече: Втекъ есми; и шол по городу в ночы и собрал сто юнаков зброиных и велѣлъ имъ попти у великии палац, а сам шол у свою комору. И Пулкан почул много людеи ходечы по палацу, гдѣ Бово спалъ, и заса Пульканъ шолъ до ложницы, где кнлже спало изъ своею жоною, и почулъ, што кнлже говорыть жоне, нкъ с королемъ умовпл и нкъ собрал сто юнаков; и хочу сее ночы Бова и Пулкана и Дружненну ухватити и хочу дати пхъ Маркобрупу; але колп бых н (не) замешкалъ, бо есмп ему своихъ два сыны далъ у поруцэ, а колп пхъ [не] выдам, шп пхъ маеть повешати. И рече ему жона его: Пане, нехап тое рѣчы, лепеп хочу, абы моп сыны померлп, нижлп бы тые два рыцэры погинули. И за тое ее кнлже вдарыл по виденю, и кровъ еп линула са з носа.

И Пулкан чуючы кнлжатскпе рѣчы, и мѣлъ смертную жалость и вдарыл у дверы и розбил пхъ и шол боръздо къ постели Юрылове, а не мѣлъ при собѣ ничого, толко шдин ножъ, и ухватпл его сонного за волосы и вдарыл его трыкроть ножомъ и кипул его мертва. А Пулкан шол в палац и взал мѣчъ и увиделъ конники, шол на них з мечом, и шни вси розбегли са и поховали са,куды хто мог. А Пулкан шол до коморы, гдѣ Бово спал, и поведалъ ему все по раду. И с тое повести Бово убрал са у зброю и всѣлъ на конь, а Дружненна на пнаходника всела, и поехали з города. И едучы шт того города Костела и увидели войско короля Маркобрупово; Дружненна не могла ехати зашож была (стр. 160) шт бременп тажка, а Пулкан в тои земли был не свѣдом; и рече Пулканъ: Бово брате, попди ты с панею тою дорогою, а я хочу попти тое войско пробити. Витез Бово поел хал с панею тою дорогою, которою Пулкан велел, а Пулкан взамѣчъ у шбе руцэ и прыбег къ войску и почалъ чынити жестокпе вдарцы на право и на лево: комуколвек дал шдин вдар, тотъ пал мертвъ на землю; и розбил войско на двѣ части и шбернулъ са ку шднои стороне, и стретплъ его шдин полкъ короля Маркобруна, и побил пхъ и повезал пхъ, конп погнал передъ собою.

И догонилъ Бово и рече: Мы есмо добре дошли в тои земли. Пулкан велми сѧ здобыл; и рече Бово: Подмо тамъ, гдѣ еси гуфъ побил. И прышли къ шатром и не нашли в шатрех ничого и побрали шатры; а Дружненна не могла большеи ехати, иж была в девети мѣсецов вступила; и они въехали у один лугъ и тут роспали шатер.

(Порожене кролевны Дружненны двухъ сынов) И тут кролевна Дружненна родила два сыны и нарекла одному имѧ Симбалъдо, а другому Кгвидон, и мають прынти на великую доброть, иж на свете большых витезеи над нихъ не будеть. Пулкан тых обое детеи прынял, а Дружненъне дал ести и пити, иж он был тут усюды свѣдомъ усюды ходечы.

И былъ слухъ по всем свѣте, иж взялъ Бово Дружненну королю Маркобруну, и прышолъ тот слухъ у Арменію до короля Арменпла.

И слышалъ то корол Арменплъ, велелъ десеть голеи направити и послал по всих городех искати, гдѣ бы хто могъ чуть Бова и Дружненну, и прыказалъ абы войско збирало сѧ. А витез Бово рече: Брате Пулкане, поити хочу до прыстанища къ мору, а тобѣ полецамъ жону мою и дѣти: ты стережы; ачеи прыидеть крол Арменплъ з войском на прыстанище з мора, и быхъ войско розогнал, и пошли быхмо у Арменію. Рече Пулкан: Поедь, брате, богу тѧ полецамъ. Бово поехал, а Пулкана пры Дружненне и пры дѣтѧх оставил. И коли Бово на одну дорогу был прышол къ мору до прыстанища, и коли Пулкан осталъ с панею в шатре, и Дружненъна сидела держечы дѣти перед шатром, и в тот час выбегла кошуба с краи луга через поле (стр. 161) мимо шатры близко, а за нею два львы. И увидела Дружненна львы, и они близко к неи идуть, и она мѣла смертныи страх и крикнула всимъ голосом: Помагаи, Пулкане; а он спал под однымъ дубомъ. Ои Боже, сватаи Марыѧ, якое зло учынила пани, иж закрычала; а коли бы молъчала, львы ничого не чынили.

(Пулканъ умеръ отъ львовъ) И пробудил сѧ Пулкан и видел львы, а они из шатра вышли; он скочылъ и вдарылъ

лва по голове мечом, и ѡн палъ мертвъ на землю; а другии левъ скочылъ къ Пулкану и вдарыл его ногтами у перси и пробил зброю и вси ногти у сэрцэ его угрузил, а Пулкан тал лва по голове мечом, и ѡба в тот час пали мертвы. А Дружиенна в тот часъ мѣла велыкую жалость и почала тужыти и мѣла великии страх, не смѣла тут быти и взала свои сыны в руки и пошла тым лугом ѡдною стежкою, котораѧ вела къ мору, искати Бова. Коли прышла на прыстанище и не нашла Бова, и тамъ его не нашедшы пошла, шукучы Бова по свету и по городех. А Бова искалъ воиска у прыстанищы и не нашедшы вернул сѧ ѡпат къ шатру къ Пулкану и к Дружиенне и къ дѣтамъ, и нашолъ Пулкана мертва и два лвы мертвых и мнимал, иж бы тые лвы зъели Дружиенну и дѣти, а Пулкан за их бил сѧ, и ѡны и Пулкана загубили. И мелъ Бово велыкую жалость и не вѣдал, што зъ собою чынити, и почал велми тужыти, аж и памети ѡтбылъ. И ѡпат коли сѧ въспомнел, зъселъ с конѧ и взал Пулкана перед себе на конь и понес ку ѡднои ѡпатии и положыл его в цэръкви в добромъ гробе.

И поехалъ ѡттуле ко светому Семиѡну и уехал ув-ѡдин город, а нашол в городе сто конников зброиных, которыхъ собралъ ѡдин витез, готуючы сѧ некуды прочъ. И Бово не смѣлъ своего конѧ ѡтыити и прывезалъ его велми коротко, абы иных конеи не бил. Таковыи был конь у Бова: жадному не дал к собѣ прыступити, толко самому Бову; и прывезал конѧ, вшолъ у палацъ городовыи, а в нем было много добрых людеи. И видел сѧ им Бово велми добрыи рыцэр, и вси против его встали; и был тут ѡдин чоловѣкъ добрыи Рычардо (стр. 162) и рече Бову: Добре еси прышол, добрыи чоловече, можеш тут много добра добыти; ѧ хочу мовити тым людем, штобы ты был гетманомъ над сто конниками. Витез Бово рече: То ест на твоеи воли. Рычардо рече: Якъ тобе имѧ? Бово рече: Имѧ мнѣ ест Ангосъ; да куды мѧ пошлешъ? Рече Рычардо: Подь въ Антонию град. А повѣмъ ти: был тамъ ѡдин господаръ великии, именем Кгвидон, ужо ест сем годъ якъ умер, а звал сѧ великим князем, и

был в него сынъ велми цудныи, именем Бово, и тот згинул безъ вѣсти; и послал ѡдин добрыи чоловекъ, именем Симбалдо, искати его по свѣту, и ест семъ годъ, як его ищуть, и нигдѣ его не могуть наити; а и тэж его ищу и не могу его наити. А колиж есми его не могъ наити, и хочу ѡпатъ вернути сѧ, а Симбалдо маеть пать тисеч воиска конныхъ, а хочеть поити воевати под Антонию, хочеть помстити смерти своего пана. Если хочешъ со мною поити а быти воеводою над тыми сто конниками, за десеть иных збронных хочу тобѣ платити. Бово рече: То на твоеи воли, а и пойду радъ. И назавтреи собравшы сѧ вси и шли на прыстанищо нигдѣ не замешкиваѧ къ мору, нигдѣ не становѧ сѧ до святого Семиѡна. И коли прыехали ко святому Семиѡну, увидел Рычарда Симбалдо, прышол к нему и ѡблапил его за горло; и рече Рычардо Симъбалду: Пане, не мог есми Бова наити и прывел есми сто чоловѣков конныхъ и нашол есми ѡдного витеза большого над иных витезеи, ни ѡдного чоловека не видел есми так великого, великое пади болшъ иных людеи, а маеть зброю добрую, коня доброго; если на него трафить сѧ Додон, прыиметь великое зло ѡт него. И Симбалдо и Терызъ сын его видели Бова с тыми людми на моры, пошли к ним.

И взял Симбалдо Бова за руку, а Терызъ з другое стороны, и пошли в город, и вси тые люди с ними пошли, которых Рычардо прывел. И спытал Симбалдо Бова: Якъ тобѣ имѧ? Рече Бово: Имѧ мнѣ естъ Ангосъ. Симъбалдо рече: Мусиш ты быти добрыи витез, и парсуна твоѧ так указуеть. И Рычардо рече: Не стоить пеняза.

Коли тое Бово услышалъ, рече ему: За што, брате, ганиш? и с тобою не хочу турнаи коштовати, а ни в битве на поли. (стр. 163) И рече Рычардо: И с тобою хочу на турнаи пти. Витез Бово рече: Хочу с тобою умову мѣти, нехаи сѧ иные за то не бьють; если и тебе с коня зобю, нехаи мое юнацы твоимъ наплюють, а коли ты мене скинешъ, нехаи твое также моим учынать. Рече Рычардо: Добре мовиш. Назавтреи вси юнацы конники воружыли сѧ, кождыи з собою повелъ сто конъников; тые ѡба витези взали сулицы и пошли ѡдинъ къ другому.

(Бово Рычарда збил с кона) Витез Бово вдарылъ Рычарда и тот час его скинулъ с кона на землю; и рекли Бововы конники Рычардовымъ: Видите, што умеетъ чынити нашъ витез? А они ничого не отказали. Рычардо рече: Коли бы онъ видел мои мѣчъ, што бы умѣлъ вчынити, не смѣлъ бы его ждать. Витезь Бово рече: Рычардо, послухай, брате, ты можеш видети мои мѣчъ пытаючы перво, нижли от города отеду. За тым вси конники вернули ся опат къ городу; витезь Бово взял Терыза за руку и рече: Коли хочем почти добывати Анътонию городъ? И рече Терызъ: Завтра у первую зору, коли почнеть свитати. Рычардо усталъ и управилъ себе и свое конники, а Бово Терыза взялъ у свое товарышство; и шли под добрый город Антонию. Бово былъ свѣдомъ многого Антонца в кождомъ месте; и прышод ко Антонию шыховали ся; а был обычай того города: докуль не выидеть третяя часть дня, ворот городовых не отворать.

(Бово забрал добыток) И коли был часъ ворота отворыти, тогды отворыли и узвод опустили и выгнали многии добыток из града на поле; и видел тое Бово, выехал з луга, отвернулъ весь добыток и подал его своим юнакомъ, и они отогнали на перед. И прышла Додону вѣсть, и он мѣлъ великую жалость и тот час у зброю убрал ся и велѣлъ в рог трубити. Тот часъ собрало ся войска пятнадцать тисеч збропных на конехъ, а гетманомъ Дан Албрыго. А Додон въ зуполной зброи и ехал перед войскомъ один далеи нижъ стрельбище; и тут витез Бово споведал ся Терызу, прызвалъ его к собе и рече: Ий есми, брате, витез Бово, вкажы ми, если познаешъ у войску, хто загубил нашого пана. И сталъ с того Терыз велми веселъ и рече: Брате, тепер же ти (стр. 164) его вкажу: оно, што перед всими едеть, то ест Додон, которын загубил нашого доброго короля Гвидона. Витезь Бово рече: Ест ли то правда? Рече Терызъ: Так ест. Бово рече: Нехай же ся ему такъ отвротить. Рече Терыз: То ест войско великое, не можемъ противъ ихъ трывати. Витез Бово рече: Нехай тое речы, тепер же узрыш моего меча, коштуючы

сѧ на Додоновом воиску зрадцы злого; перво бых умер, нижли бых не потъкал сѧ с тым зрадцою.

(Битва Бовова з Додоном) И забол конѧ, а древо взял под паху, ꙗк добрыи витез, и вдарылъ Додона у щытъ позлацон, щытъ ему пробил, а сулица прошла всю зброю, и прокололъ ему ꙗкъ былъ кротокъ долгъ, и скинул его с конѧ на землю, и его юнацы прыскочывшы и вскинули его на конь и побегли с ним. Бово витез похватил добрыи мечъ кларенцыю и тал гетмана Дан Албрыга по гелму, до зубов ему мѣчъ пробѣгъ. Видѣлъ тое Терыз и вельми его похвалилъ; и тое воиско витез Бово прогнал и пошол ко сватому Семиѡну. А Додон был велми немоцон ѡт раны на смерть и почал говорыти: Хто ми можеть помочы ѡт тое раны, дам ему злота колко сам усхочеть. И чуючы Бово тот слухъ, што Додонъ говорыть, почал Симбалду говорыти: ѧ хочу пойти Додона лечыти, а возму з собою Терыза. И рече ему Симбалдо: Ꙗкъ ты можеш тое учынити, занюж Додон познаеть Терыза и повелить вас ѡбесити? Бово рече: Дай покои тои рѣчы, знаю ꙗ таковое зѣлье, што не можеть насъ жаден чоловѣкъ познати; и понесемъ тое зѣлье з собою. И прызвал Бово Терыза, и пошли в комору и помазали сѧ ѡба тым зелемъ и стали чорные, чорнеи угольѧ, и пошли къ Симбалду, и ѡнъ видел ихъ и почал дивити сѧ, ꙗкъ сѧ премениили, и рече: Панове, можэте пойти, ано и ꙗ вас не могу познати ѡдного з другим. Бово рече Симбалду: Зберы-ж ты сто тисеч воиска, а ꙗ поеду Додона лечыти до ѡсми днеи, а ѡсмого дня будь готовъ з воиском подъ Антонию, и коли вчуешъ (стр. 165) трубечы в рог, будь готов пры воротех, маеш ми в городе помочы. И рече ему Симбалъдо: Пане, понеси тот лист, которыи есми тобѣ написалъ, и дай его Глиберту, брату моему, бо ѡн тамъ воротным естъ. Витезь Бово взял тотъ листъ и учынили сѧ с Терызом пелгрымами, Бово мечъ свои подъ гуню прыпасалъ, и пошли до Антонии и прышли къ воротам городовымъ и нашли Глиберта пры воротех. Бово сѧ з нимъ прывиталъ, и рече Глибертъ: Што есте за люди? Рече Бово: Мы есмо лѣкары с чужое земли, прышли есмо лечыти До-

дона. И онъ рече: Я вас не могу до свое господы прынати. И Бово ему лист дал и рече: Тотъ листъ послалъ тобѣ Симъбалдо; и онъ взявшы листъ прочол, ажъ пишеть: Хто тобѣ тот лист дасть, то естъ Бово, а другое Терызъ, сын мои. И онъ увелъ ихъ у свои домъ; Бово Глиберту поведалъ все, якъ са зъ Симъбалдом змовил на Додона. И борздо пошла вѣсть по городу, што прышли знаменитые лѣкары и хотать Додону раны лечыти. И чулъ тое Додон и тотъ часъ по нихъ послалъ, и они прышли. А коли Бово виделъ Додона, иступилъ з лица а вчынил са блѣд, якъ пупава. Коли виделъ Терыз, што Бово зменилъ са, и рече: Коли то лекар идеть лечыти ран, не любить, штобы его жонка стрѣтила, але тепер его жонки стречали; бог дал имъ лихо. И рекла пани Додонова: Поидите-ж, панове, до господы, а завтра прыидите лечыти. А они пошли. Виделъ ихъ Глибертъ, шолъ противъ имъ, и они ему поведали, што са чынило и як видели своего зрадцу Додона, а он седить на постели. И потом осмого дня прышли къ Додону, и он имъ рече: С которое есте земли? И они рекли: С твердого города Момбрада. Рече Додонъ: Если можете злечыти, хочу са вамъ злотом отважыти. И оны оглядавшы рану, рекли: Послухай, Додоне, тот витез, которын ти тую рану дал, мыслить тебе загубити. Рече Додон: Бог вѣ, ты даеш ми знати, иж не могу от тое раны выздоровети, але я тому витезю могу помстити.

(Бово Додона выпровадил з города своего Антонъа) И Бово и Терызъ в тот часъ скинули зъ себе гуни и ухватили мечы, Бово почалъ велми говорыти: Додон, злын зрадца, я есми Бово твои непрыятель смертныи, (стр. 166) ты-сь забил отца моего, а я тобѣ дал тую рану, а тепер не хочу вдарыти, запюж мати моа тебе навела забити отца моего; и встань и поиди з моего города. Додон встал с постели, а Бово в рогъ затрубилъ; тотъ часъ Симбалъдо прыспѣлъ къ городу з воискомъ, а Додон всѣлъ на конь и ехал з города, а Симбалдо уехалъ в город. А Бово посѣлъ свои город и велелъ перед себе прывести свою матер; а коли она прышла, велелъ Бово огонь скласти

и ее жечы, або коньми волочыти. И рече єму Симбалдо: Не чыни того великого греха, вели ее межы двух степъ замуровати, нехаи сѧ своих греховъ каєть, нехаи на нее всѧка мокрота и студен падаєть, а нехаи сѧ ее похоть гасить.

(О смерти матери Бововы) И Бово так вчынилъ, ꙗкъ Симбалдо велелъ, и велелъ єи давати на ден по тры єицы и хлѣба и по малу воды въ уста пускати; и тутъ ѡна висечы умерла. Так Бово помстил ѡтца своего и добыл своего города Антонна, а Додона выгналъ ѡт своєго добра, што мелъ в городе.

И коли Додон вышолъ из Антонна, был єму боль ѡт раны, и ехал у Францыю къ королю Пипину и жаловал сѧ єму, ꙗкъ єго витез Бово выгнал зъ єго державы, и просилъ корола, абы єму дал на помоч, и корол того не хотѣлъ вчынити, и ѡн єго почалъ єщо болшеи просити. И корол єму дал на помоч трыдцать тисечъ воиска, и самъ король с ним пошолъ, и пошли под Антонию.

И коли прышли ко Антонью, корол и Додон велѣлъ шатры роспати перед градом, и зрадца Додон пожогъ все предмѣстє. Витезь Бово то видѣлъ и мелъ велыкую жалость и рече: Дайте ми мою зброю и конь; и дали єму. Бово воружыл сѧ и скочыл на конь и взял щыт и сулицу и заболъ кона а пошол у воиско Додоново, а Симбалдо и сын єго Терыз зъ своими пятнадцатьма тисечы воиска велели ворота ѡтворыти и взвод ѡтпустити, и все воиско з города вышло.

(Битва Бовова съ Додономъ) Витез Бово увидел проворъ Додонов и забол конь и скочыл ꙗкъ лев голодныи, и стретилъ первого и другого и скинул ихъ с конеи (стр. 167) и вдарыл Додона у щыт позлацон, щыт єму пробил, и зброю прошла сулица, и трафилъ єго под сэрце и скинул его мертва на землю. И видечы Додона мертва, и шол внутръ воиска, и когоколвек ударыл, тые мертвы падали на землю.

(Битва Бовова с Пипиномъ) Витез Бово поткал сѧ у воиску с королем Пипином и вдарыл єго у щыт позлацон и

пробил щыт, а зброя была добра, не дала его погубити; и скинул его с коня, и ухватили его витези Бововы.

И видечы Бово Додона мертва, а короля Пипина ухвачена у своихъ руках, а онъ вернулъ ся противъ воиска, а короля повелъ собою звязаного; и въехавшы в город, ушолъ в палацъ и велелъ прывести короля и рече ему: Королю Пипине, ты маешъ великии грѣхъ и много еси злого учынилъ, што ма еси в моем городе заступилъ и села мои показилъ. И рече ему корол: Правду говорыш, а я тобѣ шлюбую, занюж ми иначеи не може быти, хочу тобѣ прысягнути на эвангелеи, што от сего часу на векы не хочу воевати твоего панства. Рече Бово: Якъ тому могу вѣрыти? Рече крол: Дам ти у закладе моего сына и будеш безпечон. И рече Бово: Вели его прывести.

Корол послалъ по своего сына до воиска, и пошолъ его посол а с нимъ один граженин, и прышодшы къ королевичу, рекли ему, што король велелъ; а пры немъ были два чоловеки знаменитые, один Солумон, которыи его ховал, а другии Кгвидон, которыи его учыл, тые оба пошли с ним у Антонию. А коли прышли, корол Пипинъ прыказал Бову у закладе своего сына, а сам взялъ прощене от Бова и пошол до своего воиска и почал поведати, якъ ся з Бовом змирыл, абы кождыи вѣдал, и якъ своего сына у поруцэ дал Бову, и рушылъ ся до дому з воиском. А Бово собралъ собѣ великии дворъ витезеи и юнаковъ на добрых конях.

И послышал, што Дружненъна прышла ув-Орменню и жыветь у дворе отца своего короля Арменила. А Дружненна чула, што Бово вернул ся у свои город Антонию и якъ помстилъ смерти отца своего, и не мѣла своего жывота, если не найдеть своего пана Бова. (стр. 168) И розмешавшы одно зѣлье и намазала ся им и стала чорна, якъ уголь, и взела гусли и взела злота и сребра, колко могла понести, и повела зъ собою оба свое сыны и пошла з города, вчынившы ся скоморошницою, и шла по свету и по городехъ играла у гусли, а сынове скакали, а тым было семъ год. У которое мѣсто прышла, або кого на

дорозе стрѣтила, нигдѣ сѧ не нашол, хто бы ѥи злоѥ слово рек. Племенида Дружненна видела сѧ людемъ доброе ѡсобы про то, што мѣла твар хорошу; а то дла того чыни[ла], занюжъ ѥи столло за великоѥ кролевство, коли бы Бова нашла. Але тут вернимо сѧ до Бова.

Бово часто прыпоминал ѡ Дружненне, и прышол к нему посол зъ сарацэнское земли ѡт града Задонии ѡт царевны Малгорѣи, дочки цара солдана, сестры великого Лукапера. И нашол Бова, а ѡн с однымъ витеземъ в шахи играѥть и своѥ серцэ веселить; и поздоровилъ Бова и рече ѥму: Бово, здоров будь. — Прыятелю, добрэ ѥси прышол, ис которое ѥси земли? И ѡнъ рекъ: Пане, я посолъ ѡт царевны Малгарыи, которая тебе велми милуѥть, дочка цара солъдана, которыи тебе в темницы держалъ в Задонии граде. А стопть ѡколо города корол угорскии и хочеть ее силою взати, а ѡна ѥго не маеть ни за ѡдинъ пѣнезь, а ѡтец ее цар солъдан умер; и до тебе послала, што бы-сь ѥи помогъ. Успомени ее великую доброть, што тобѣ ѡна чынила, коли ты был в темницы у ее ѡтца. И хочеть панна Малгарыя крестити сѧ у твоѥго бога вѣру, а ты ее поими за жону, и будеш господар трыдъцатьма и двум мурованым городамъ. И Бово росмеял сѧ и рече: Панове, што сѧ вамъ видить в тои рѣчы? Нарадимо сѧ поити там, ачеи можемо ее ѡпростити ѡт тое печали. И рече Симбалдо: Помозимо ѥи што наболеи можем.

Витез Бово того-жъ часу послалъ по всих своих землах, абы прышли зброины на конех, и собрало сѧ конных патнадцать тисеч, а пѣшых сто тисеч, и вышли з города Антона, гетманом Терызъ, и шли два дни, а третего дна дошли. И видел Бово на поли воиско (стр. 169) и пошол к нимъ.

(Бово побилъ воиско угоръское) Тоѥ воиско видевшы, што не могуть терпѣти против Бова, и побѣгли. Витез Бово гонилъ за ними и побил их, прышол къ городу Задонию и нашол ворота ѡтворены и въехалъ в город и шолъ на палац со всими витезми. И прышла к ним панна Малъгарыя и покорне подако-

вала витезю Бову. Велѣлъ Бово стати добрым людемъ у великии круг и казалъ позвати ѡдного бискупа и велелъ крестити красную Малъгарыю и длѧ ее цудности не хотѣлъ еи имени ѡтменити и велелъ ее Малгорэтою звати. Бово почал прыправлѧти сѧ къ весэлю, хотечы ее понѧти за себе; и тот час прышла Дружненна в город Задонию и видела Бова, а ѡнъ стоить на ѡдномъ кганку, а с нимъ его витези и царевна Малгорэта. Дружненна почала у гусли играти велми пекне, а ее два сына танцовали; и почала Дружненна прыпевати ѡ короли французскомъ и ѡ Бову анътонеискомъ, а витези и юнацы слухали до конца, што ѡна прыпевала, а ѡна прыпевала ѡ Дружненне цуднои, ꙗкъ ее Бово втратил близко мора на прыстанищы.

Коли Бово тыє пѣсни порозумел, прышодшы к неи и рече: Пани, поведаи ми, што за пѣсни? И ѡна ѡпѧтъ почала прыпевати; и рече Бово: У злыи час єсми рожен, што таꙗ скоморошка ходечы по городом прыпеваєть ѡ мнѣ и ѡ Дружненне. Рече: Пани, прыиди сюды к намъ, маєшъ быти честована и добре дарована. Коли пани то познала и не хотѣла болшеи играти; и пошла Дружненна на стан, а витези и юнацы велми сѧ дивили, што ѡна говорыла играючы въ гусли. Коли был часъ к обѣду, Дружненна ѡба сыны въбрала в шаты и рече: Поидите у двор, коли усхочеть тот пан умывати руки, вы єму ѡдин воду даи, а другии ручникъ, а ꙗк сѧдеть за столом, стоите передъ нимъ, а коли васъ спытаєть, где ваш ѡтец, и вы мовте: Не вѣдаєм, не видели єсмо єго ꙗкъ и родившы сѧ, ищем єго ходечы по чужых замлѧхъ. Єстъ тут наша мать, можэм ее попытати. Такъ ихъ навчыла.

(Стр. 170) И ѡни стали перед Бовом. Видел ихъ Бово и спытал Симбалда, которыи подле него седѣлъ: Знаєш-ли, што то за дѣти? Рече Симбалдо: Не вѣдаю а ѡтколе суть; и вси почали сѧ дивити. Витезь Бово рече: Дѣти, прыступите ближеи, ѡткуль єсте вы? Рекли дѣти: Мы не вмѣемъ того поведати, не вѣдаєм ѡтца своего, не видели єсмо єго ꙗкъ и родившы сѧ, але вѣдаєть наша мати, што имѧ єму Бово з доброго города

Антонья, а мы его ищемъ ходечы по чужых землахъ; а наша мати дочка короля аръменииского, а има си Дружненъна.

Коли витез Бово позналъ тые рѣчы, што дѣти говорать, и скочыл через стол, прышолъ къ своим дѣтемъ, почал ихъ цаловати и от великое милости сомлѣлъ. И коли са успоменул и рече: Сынове, я есми тот, кого вы ищете; гдѣ ест ваша мати? для бога поведаити ми! Рече Гвидонъ: Там естъ на стану. И рече Бово: Пондимо, гдѣ ваша мати. И дѣти пошли, а Бово за ними, витези и юнацы вси пошли за ними оставившы потравы на столе. Прывели их дети до стану, гдѣ седить Дружненна, а она была чорна якъ уголь. И видевшы ее дѣти, она седить на земли, рекли: Ото наша мати. Бово рече: Нешлахэтницы, вы мною куштуете! Замахнулъ рукою, хотечы их вдарыти; и видечы то Дружненъна скочыла и рече: Пане, пожди тут мало, пани естъ в другомъ [домѣ], я велю выити. И влѣзла в другии домъ, умыла са водкою цудною лицэ и руки, опатъ стала по первому цудна, и вбрала са у велми коштовное платье у злотоглав, и взложыла на голову венец велми цудныи, и вчынила са так красна, якъ ни одная рѣчъ на свете.

И вошол Бово у комору и видел Дружненну у краснои парсуне, и прыступилъ к неи борздо и велми милостиво поцаловал, и много са з нею миловавшы пошол с нею на палацъ. И пошла повесть по городу, што Дружненна прышла; (стр. 171) и вчувшы то Малгарыа прышла на палац и нашла Бова з Дружненъною и з сынми; тые панее обе велми ласкаве са прывитали, и рече Малгарыа: У добрыи час еси прышла, пани! И почала Бову говорыти: Господару, я тебе прошу, коли тобѣ прышла пани Дружненна, и ты мнѣ дан которого своего витеза вроженого и доброго, штобы могъ рыцэрство носити и добрую зброю, штобы мог царства моего коруну, трыдцать и два городы, што держал отець мои цар солъдан. Бово рече: Теперъ я тобе могу вчынити. И прызвалъ Терыза и рече ему: Хочу, штобы еси понял панну Малгарыю за себе. Витез Терыз прынял ее велми вдячно и сталъ господаремъ всеи его державе. И тут перво взял Бово панну

Дружиенну, и тутъ было многое веселье, тут витези танцы играли. Тутъ веселившы сѧ витез Бово з Дружиенъною и съ своими сынми до города и з своимъ воискомъ ѡт города Задонии вышли у свою ѡтчызну в град Антонию, и там было великое веселе, што сѧ злучыл съ своєю панею и з дѣтми. А Терыза Спмбалдовича ѡставилъ у сарацынской земли. А юнацы Бововы кождыи у дом свои; а витез Бово з Дружиенною и з своими сынми был у великои моцы и славе, а з великое ласки и милости ѡба сыны свое поставил витезми, а даровал кождому з них по сто витезеи на добрых конех, а за жывота своего нарече своего сына, которому было имѧ Кгвидон, королем, а которому имѧ Спмбалдо, тому речеть великии кнѧз. И в тои силе жывучы, были храбрыє витези конъныє и зброиныє, и вси ѡколныс земли боялн сѧ их и служыли им, бо были великое доброти и рыцэрства; а Терызу в Задонии в сарацынской земли дал богъ сына ѡт царевны Малъгорэи, имѧ ему Кгвидон, и тот былъ у великом панстве, а у Кгвидона ещо был сынъ, имѧ ему было дѣдово Терыз, а матка его была Спэрра. А такъ сѧ докончыло писанье ѡ Бове [1]).

---

[1]) Страница 172 не записана.

Исторыа ѡ Атыли короли угоръскомъ (стр. 173).

Глава а̑.

Кгды перед давными часы гуннове, або ꙗк ихъ нине посполите зовут угрове, из своими кнажаты Белем, Кэвом и Надыком положыли сѧ были ѡбозом надъ рекою Тисою, тогды в тот часъ в Панъноп҃и, то єстъ в том краю, которым теперъ угорскимъ зовемо, мешкали разные народы, а украинные мѣстца для наездовъ непрыателеи сторожу держечы и до ѡбороны готовъ будучы держалъ с тое стороны Дунаѧ неꙗкии Матэрнус, албо ꙗкъ его некоторые зовуть, Матрынусъ. Тот не толко тые краины, которые тепер угорскою землею зовемы, але тэж и Далмацыю, ѡбою сэрбъскую землю, Ахаю, Трацыю и Мацэдонию у своеи владности мѣлъ; а такъ коли ему его люд дал справу, иж великое множество гунновъ або угров в земли его великою моцю над рекою Тисою ѡбозом сѧ положыло, умыслил просити ѡ помоч Дэтрыка, которым на тот часъ не малую часть немецкое земли под своею владностю мѣлъ, поневаж самъ ѡбавал сѧ давать ѡтпор такъ великому множству непрыател. Тот тогды зобравшы борздо зо всихъ погранычных народов великое воиско, ꙗкобы до угашенья всимъ догараючое пожоги, прытагнувшы до угорское земли положыл сѧ не далеко ѡт Дунаѧ къ полудневои стороне на том местцу, которое теперъ Лазагалемъ зовуть. Ѡтъ того мѣстца недалеко было мѣсто, которое звано Потэнцыана, межы тымъ пререченым полем а мѣстомъ Тэтэс, которое на берегу тое-ж

реки лежало, годно вечное паметки для ѡсобного мѣстца и иншых пожытковъ. Там кгды Матэрнусъ мешкал, а войско до давана ѡтпору так наглому непрыятелю по готову мѣлъ, ехал до него Дэтрыкъ абы з нимъ порадил, якъ бы в том (стр. 174) мѣре поступовать мѣли, а иж бы межы собою постановили, если бы было лепеи перепровадившы сѧ черезъ Дунаи на угры въ ѡбозе неготовые ударыть, чы-ли найти иншую дорогу, котораѧ бы их пожыть, або якъ якимъ бы способом з непрыателемъ таким несподеваным а незнаемым битву сточыть мѣли, што скоро шпѣгове угром ѡзнаймили. Кгды сѧ ѡна их рада должеи нижли прыстоало межы гетманы проволокла, зоставившы у войску для боронени жонъ и всих речеи своих нешто люду, сами з другимъ множствомъ жолнеров перепровадившы сѧ черезъ Тису прытягнули на мѣстца близко Дунаѧ лежачые. А ачъколве Дэтрык и Матэрнусъ мѣли тую справу ѡт сторожы, иж сѧ непрыятель прыближаеть, ведъже розумели то быть межы собою а межы угры великии муръ Дунаи, маючы за тое абы через него угрове нелацно перебить мели; спустившы сѧ тогды на тое, кгды лениве а нечуине въ своих справах поступовали, угрове розумѣючы то собѣ быти малую працу, по переханю ѡных высокихъ а до переезду трудных горъ и глубокихъ рѣкъ через Дунаи перепровадить сѧ, ужываючы до того мѣхов скураных, которых до таковое потребы у войску велми много мели, над надѣю непрыателеи нижеи Бузыни перепровадили сѧ через Дунаи на томъ мѣстцу, на котором теперъ ест местечко, которое для того перепроважени зовуть по угорску Кэленфеуульдэ, то ест земла переезду або перепроважена; и там справившы жолнеры свое, ударыли знагла а без вести ѡ полночы на Матэрна а на Дэтрыка у мѣста Потэицыи в шатрах, а ѡни в тот час будучы на впокою спали; которые будучы незвыклым ѡкрыкомъ угров на знак татарского ѡт них учыненымъ ѡбужоны, не вѣдали што бы чынить, якъ бы сѧ вымкнути або непрыателю ѡтпор дати мѣли. Жолънеры тэж и товарышы их также якъ и гэтманове, будучы так наглымъ непрытельскимъ

вторгненемъ перестрашоны, занедбавшы зброи и ѡбозу почали утекати. Угрове утекаючых гонили, цэлую ночъ били, сѣкли а забивали и все гдѣ могли мечом трапили. (стр. 175) Назавтрэе угрове, абы сами собѣ и жолнеры их зъ ѡное поражки въ непрыятелю ночы прошлое учыненое будучы спрацованы ѡтпочынули, положыли сѧ ѡбозом в долине Тарнокъ недалеко ѡт Потэнцыи. Тою поражкою люду своего Дэтрык и Матэрнъ будучы непомалу засмучоны, мыслили ѡ томъ у дни и в ночы ѩкъ бы ѡную подъѩтую соромоту зацным ѩким учынком затерли. Зобравшы тэды ѡстатки ѡного войска, которые были ѡт поражки зостали, взявшы к тому жолнеры для боронена мѣста зоставленые, и другие на пышыхъ мѣстцахъ будучые, справившы их первей, нижли бы угрове зъ ѡного упрацованьѧ поправити а покрепить сѧ могли, ударыли на них в оной долине Тарнокъ. Угрове частю с поражки прошлое ночы ѡкром велыкое працы в непрыятелю учыненое смѣлость взявшы, частю теж множеству люду своею уфаючы, смѣле противко непрыятелю шли и мужне сѧ боронили, гэтмане поделившы сѧ войскомъ кождым частю напоминанемъ а намовленемъ, частю тэж непрыятелскую неможност и троха люды льжучы чынили пилность, абы жолнеры их тым ѡстреи и мужнеи на непрыятеля натирали, а где бы тэж непрыятель набольшеи налегалъ, сами надбегали, мужне собѣ в битве почынали а мужства своего знаки ѡказовали. З другое стороны тэж рымляне неленивеи ѡтпор угром давали, себе и горла своего боронили а в люду угорскомъ велыкую поражку чынили, паметаючы на то, же в той битве ѡ их маетность, панство и ѡ здорове игра шла [1]).

Была тэды быстра и велыкаѧ битва и поражка з ѡбѣюх сторон, поле ѡбоеи стороны трупами положоно было, ѡт поранку аж до вечора битва сѧ точыла, по чом лацно бы кождым ѡбачыти мог мужство ѡбоига люду, ѩкъ хто много рукою и мужством а дужостью тѣла могъ. Але кгды сѧ вже солнцэ

[1]) На поляхъ отмѣчено: Битва Дэтрыкова зъ угры.

хилило къ вечору, почали угрове слабити для невыспанья прошлое ночы, нещпочынку и працы, почали тогды порхати, которых, иж вже битвою спрацованы были, Дэтрыкъ и Матэрнъ не могли гонити. Угрове перепровадивши ся так прудко яко и первей через Дунаи, вернули ся до своего обозу, которыи были за рекою зоставили.

(Стр. 176) Поведають ижъ в тои битве сто двадцать и пать тисечеи угров побитыхъ легло, межы которыми тэж Кэво один гетманъ былъ забитъ; а рымановъ поведають же бы мѣло полечы два кроть сто тисечеи и десеть тисечеи окром тых, которые въ обозе были побиты [1]). Заправду быстра то битва, а вечное памети годна. На завтрэе Дэтрыкъ и Матэрнъ ачколвекъ битвы выграли, ведъже однакъ не хотели на том мѣстцу верненья угровъ ждати а битвы с такою великою люду своего небезпечностю, которое ся певне сподевали давать. А такъ рушывши ся тагнули спѣшно зъ остатком люду до мѣстечка Тулны, которое было недалеко от Ведна а тепер естъ до ракуское земли прылучоно.

Глава б.

Угрове, довѣдавшы ся иж непрыятель утек, вернули ся на оное поле, на котором битва была, на котором позбиравшы трупы свое, а набольшеи Кэвы гэтмана з великою ..... обычаемъ татарскимъ погребли их подле дороги, на которомъ мѣстцу поставили столпъ каменын, абы былъ оных речеи, которые ся там стали, у людеи потомныхъ памяткою, и дали тому мѣстцу има Кэвегаза, то ест дом Кэвы, которые тепер отменивши и отнявши нѣкоторые литэры зовуть Кэазо. Потомъ коли угрове водле обычаю своего трупы свои поховали [2]), не за долъгии час всю дольную угорскую землю, которая естъ над

[1]) На поляхъ помѣтка: Личба з обудвух сторон побитых.
[2]) На поляхъ: Трупы похованые.

Дунаєм, частью моцю, частю тэж черезъ поданє подъ свою моц подъбили, в которои зоставившы жоны, дѣти и все домовство, хотечы далеи щаста своего досвѣтчыти, з великим воискомъ, которое были заса зо всего поспольства досыть не малоє пописали, надувшы са с прошлого звитажства тагнули до Тулии мѣстечка. Дэтрыкъ и Матрын по прошлои битве зобравшы новое воиско зашли им дорогу на поли, которое зовуть Кэсмау.

Угрове умыслили первеи умереть, нижли са битвы зборонать а мѣсца уступить а славу першого своего мужъ(стр. 177)ства так великими працами и небезпеченствы вже набытую зэльжыть. Первеи тогды, нижли непрыятель, справившы воиско, на пострах непрыятелю учынили огромныи а страшливыи окрыкъ, бъючы по своиску въ бубны, стрелаючы здалека на непрыятела розною бронею, мешали им гуфъцы, а коли видели у них великую мешанину, учынившы поткане чынили з ними вруч. Дэтрыкъ также зъ своими не ленивеи собѣ почынал, тамъ где набольшеи налегалъ непрыятель отпор давалъ, а себе и своихъ мужне боронил, але угрове гдѣ одно наперли, всюды великую поражку чынили. Почавшы от свитаньа аж до деватое годины на день быстра битва трывала, на остаток рымане поднявшы велми много ран, подали тылъ, угрове пустивши са по них кого догонить могли забивали.

Матэрнъ в топ битве забит [1]), Дэтрык будучы в чоло з луку постреленъ, ледво ушол, с которое раны потомъ ледве жыв осталъ, для которое раны поднатое угрове его назвали несмертэльным, которого и нинешних часов угрове въ своих песнах историею обычаемъ кгреков в собѣ замыкаючых Дэтрыком несмертельным зовуть. Поведають иж половицу тое стрелы, которою был пострелен, абы оное раны близною и стрелы половицою у цэсара о собѣ сведэцство далъ, до Рыму был зъ собою занес. Так много кровн на томъ мѣстцу битвы текло, иж

[1]) На поляхъ: Матэрнъ забитъ.

мало не все поле было крываво, ꙗкожъ и угром тоє звитѧжство неледаꙗкъ прышло, бо сорокъ тисечеи ихъ полегло, межы которыми Бэлѧ, Кэвэ и Кадыка гэтманы побиты, которых тѣла у того столпа каменого, што єсми ѡ нем вышеи поведал, в гробе Кэвы поховано. Рымѧнов велми много полегло, ѡкромъ троха, которыє утечы могли. По тои битве ни ѡ што сѧ не кусили противъ угром а ни немцы, а ни иншыє народове; так двух битвъ поражкою знадзоны сила ихъ была зъутълѣла и упала.

Глава г҃.

Ѡдержавшы угрове тоє звитѧжство, почали заразом всеи тои земли, (стр. 178) што ее тепер угоръскою зовуть, и всим краинам, которыє под Матэрномъ были, волне росказовати а жаден не был хто бы сѧ противку их ѡбурыл, такъ же ѡноє великоє панство наглою щастѧ ѡтмѣною за короткии час з рук до рук перешло. Стративши тогды, ꙗко-мъ поведалъ, угрове чотырохъ гэтманов, того униманѧ были, абы тоє так великоє панство працами, небезпечностѧми и моцю набыто крепчеише напотом было, коли бы над ним ꙗкого великого мужа переложыли, бо паметали на тоє, иж не меншого мужства надоби до захованѧ королевствъ, нижли до набыванѧ. Долго тоє тогды первеи межы собою розъбирали, хто бы налепеи тому спростати, а такъ великоє множество людеи великим щастєм большеи нижли первеи вынеслыє с посполитым добромъ мог радити. Потом за сполным всихъ зазволенємъ року ѡт нароженьѧ сына божого чотырыста первого ѡбрали королем Атылю, которыи з личбы ѡных угорскихъ гэтманов толко самъ вже был з братомъ Будою зостал, ѡ которого прыроженю, ѡбычаєх и знаку тела видить ми сѧ быти не з дороги нешто поведать [1]). Атыльлѧ тогды, которого по угорски зовуть Этэле, был середнего узросту, персеи и плечеи шыроких, головы водле инъшых члонков померное,

---

[1]) На поляхъ: Взростъ и ѡбычаи Атылевы.

ѡбълича чернавого, ѡчю свѣтлых, на взгладе быстрость якую-сь в собѣ маючои, бороды рѣдъкое, носа закрывленого, походу гордого, до вэнуса велми склонъныи, на працу телесную, на голодъ, на спанье, на студень и на горачость велми терпливыи, великого серца, рады доброе и смѣлыи, руки хисткое и мужное, в рѣчах рыцэрскихъ учоныи, до славы велми хотливыи, въ ѡглуменю непрыятела, в нараженю..... и зрады велми ростропныи и хитрыи, в битве всего догладуючыи, часомъ мужного жолнера, часом справного гэтмана повинности досыть чынечы, противко пышным кнобрныи, а против покорныхъ лацныи и милосердныи. Тое тогды мужство и сердечъное и телесное в собѣ маючы, взявшы под свою моц панство што далеи тым болшеи за ..... хутю розшырана панства своего хотачы са на тые люди, за которых помочю Матэрнъ против ему и против его люду воину велъ, ѡбурыти а крывды поднатое помстити са, (стр. 179) умыслил тогды што наборзден ударыть на словенскую землю и на сербъские ѡбѣдве, на Ахаю, Мацэдонию и Трацыю, которые перед тым посылали Матэрнови жолнеров на помоч. Але абы в небытности его ѡному панству его на чом не сходило, а иж бы был тот, которыи бы на его мѣстцу королевством владнул, про то Буду брата своего переложыл надъ усею ѡною крапною, которая идеть ѡдъ Тисы реки аж до другое реки Танаис ку полночноп стороне. Росказалъ тогды всим ѡнымъ грубого народу крапнам, которые были под пановапемъ угорским, абы ему послушны были, а ѡн сам з мѣста Сыкамбрые, которое был собѣ столицою ѡбрал, вытагнул в поле з воиском, в котором было десеть кроть сто тисечеп люду боевого, бо так кроиника угорска свѣтчыть, же так великое воиско мѣл, ѡкром ѡных народов, которые са были ѡт усюль до него зошли. Свѣтчать псторыкове, иж такая его была выправа военная: шатры мѣл розмаптые водле ѡбычаю тых королевствъ, которые был перед тым под свою моц подъбил, дивным мистерством робленые; тотъ, в котором самъ мешкалъ, былъ шолковыи, золотом гафътованыи и дорогим камѣнемъ насажаныи; жердп, на которыхъ

стоял, были золотые, а споенье их было перлами ѡсажоно, а другие, в которых кони стоали, вси были шолковые; ложа, на которомъ лежал, столы, начынє кухонное, седъла, рады, иншые конские уберы золотом и дорогими каменьми были ѡсажоны. А так борздо скоро на початку панованя своего, иж велми был хотливый до всихъ рѣчеи на воину потребных, про то справил велми много дѣл иншого начына военного до ламана муров и на ѡкопованє ѡбозу; справил тэж былъ десеть тисечеи возов косами ѡсажоных, абы ими ѡбоз свои якъ муромъ ѡточыл; мечъ носил, якъ он сам мнимал, ѡт бога посланый, бо кгды некоторое ночы во сне видал якъ бы его Марсъ у зброю убиралъ, назавтреи некоторый его воиска жолнерыи прынесъ ему мѣчъ, который с трафунку нашол на просторном поли, коли шол слѣдом . . . . . раненое, которая реч не помалу его в том потвердила, абы сыну своему прошлому вѣрылъ. Гэрбъ якъ на тарчы так на хоругвах носил ѡрла, коруну (стр. 180) на голове маючую; жолнеры его мѣли бронь с татарское земли прынесеную, тарчы скурою поволоканые а желѣзомъ гладкимъ ѡкованые, луки зъ стрелами, древца, а шабли у боковъ. Узрост ихъ был не велми великии, але ѡбличча на погледенью велми грозны, бороды долгие, волосы не стрыжоны, одѣнье было с косматых скур ѡбычаем татарскимъ; тым убером всим людем были на пострах, которого угрове в кождои потребе военнои ужывали ажъ до часу Кгепси сына Торонового; за бога хвалили: Свиша, Марса, Мэръкурыуша и Вэнуса, которых справою мнимали, иж са им мѣло на всем щастить. Тытул Атыли, которым са писал, тот был: Атыла сын Бэндэкгэчов, внук великого Немрота, въ Энкгадзе выхованый, з божеи ласки корол угорскии, медскии, кготскии и датскии, страх свѣта; до которого тытулу потом для слов пустольниковых прыдал: Бич божыи, ѡ чом ниже повѣмъ шыреи [1]). А тым способом забравшы и прыготовавшы воиско не толко своимъ, але тэж и всимъ иншым людем был Атылла на див и на страх.

[1]) На поляхъ: Тытулъ Атыли.

Глава д҃.

Паметаючы тогды на тоє Атылѧ, иж словаки, сэрбове, аханчыки, мацэдоны и траконове против єму и против єго народу Матэрнови передъ тымъ на великои помочы были, а иж за их помочю великаѧ сѧ была поражка в люду угорском стала, про то вторгнувшы з великою ѡхотою у их землю пустошыл ихъ всѧким способом, вже и до Костантынополѧ з надѣєю звитежства прыближал сѧ, кгды часу на тую воину готованѧ новина прышла, иж Тэѡдѡзыусъ цэсар умер. Сабэльликъ исторык зацныи пишет, иж бы угрове ѡт гэтманов Тэѡдозыусовых ѡдною битвою были звитѧжоны, але стараѧ угорска кроиника свѣтчыть, иж угрове не ѡтнесшы жадное поражки а ни шкоды, звитѧжство ѡдеръжавшы з радостю и з великою корыстю зъ Атылем вернули сѧ до Сыкамбрыєи.

По Тэѡдозыусе на цэсарство наступил Мартиѩн, которыи ѡбовлѧ(стр. 181)ючы сѧ силы Атыллевы много королевствъ розшыроныи, абы єго чотыри насильнеишыє народы: ѡт усходу слонца пэръсове, ѡт заходу висиготове, ѡт Афрыки вандалеве, ѡт полночное стороны угрове заразом ѡдного часу воиною..... про то зъ Кгэнъсэрыком вандалским королем и с пэрсы до пэвного часу перемирє взѧлъ, так розумѣючы, же колибы тыє утихнули, лацнеи бы сѧ угром ѡпирати мог. Кгды Атыллѧ, або боєчы сѧ жебы Марцыѩн цэсаръ противко єму зъ Азеи не вытѧгнул, ѩкъ нѣкоторыє поведають, або тэж перепужавшы сѧ тое злое ворожки, же шатер єго кгды повѣтрэ тихоє было и небо ѩсно нагле сѧ ѡбвалил, до Сыкамъбрыи сѧ вернулъ, роспустившы воиско на тыє угорскиє мѣстца, которыє был имъ на то роздал, абы в них собѣ по тых працах через нѣѧкии час ѡтпочынули а в час собѣ учынили, ѡн сам абы того часу, которыи мѣлъ ѡт воины волныи, марне а ѡкром посполитого подданых своихъ пожытку не травил, умыслил королевство своє уставленєм правъ укрѣпити, уважаючы то у себе, же до укрепленѧ королев-

ства так много надобѣ прав ѭкъ и зброи, а такъ, кгды на томъ засѣлъ, абы права, которые бы съ посполитымъ люду его добрым были, списалъ, становечы межы поддаными порадок, водле которого бы жыть мѣли. Много королевъ и народов, будучы до того прыведены частю имена его славою, которое сѧ вже мало не по всем свете было ѡславило, частю тэж так мнимаючы, же ѡн зложывшы зъ себе ѡное першэе ѡкрутное прырожэне, удал сѧ до скромнейшых а людем прыстойнейшых ѡбычаев и хоче королевство свое прав уставленемъ укрепити, а тою речю ѡказалъ бы по собѣ нѣякий знак скромности, повстагливости своее, з розмаитых свѣта крайны што день до него сѧ зъежджали, которых абы собѣ посторонных людеи с прыязнью хуть зъедналъ, ласкаве их прыймуючы великие имъ дары давалъ.

Межы которыми Валампрѧ готовъ на всход слонца мешкаючых кроль, Гэръдэрык, кроль кгэпидов велми можный и валечный а для зацных справъ велико славный, к тому тэж Дытмар и Витмар ѡстроготъские кнѧжата, к тому маркоманънове, ѡварове, гэрулеве, (стр. 182) швабове и иншые народы с Турынкгиен и Рукгиен вси для рыцэръских справ великозацны королю Атыли доброволне сѧ поддали а до него прылучыли.

Атыла змоцнившы сѧ так много звитѧжствъ а поднесъшы сѧ в пыху панством так много королевствъ и много народов, был того мнимана, жебы вже лацно въвесь заход слонца шаблею мог под свою моц подбити, а иж бы частю ѡказованьем богатствъ своих, частю укладностю, добродѣиствы и вшелякою гоиностю нахилил ку собѣ тыхъ, которые его еще так собѣ велико не важыли, а ни у них был в подив, уставилъ день, которого бы не толко его подданые, але тэж и посторонные, которые бы то учынити хотели, прырекъшы им за покои и безпеченство до них, волне ходили, для которое прычыны много людеи з далеких крайн до него сѧ з доброе воли своее зъежджало. Дэтрык вэронэнчык, ѡ котором вышеи поведало-м, иж з Матэрномъ против угром нещастливе вальчыл, з многими панов земли немецъкое, которую под своею владностю мѣл, слышечы ѡ тои

добротливости Атыли, з доброе воли своее до него прыехал, которымъ Атыла великую хуть и склонность указавшы и ласкаве их прынавшы, великие дары им дал. Дэтрыкъ, видечы Атылла так хутливого и ласкавого противъ собѣ и против тымъ, што з ним прыехали, намовил его съ прырожэнэ его до воины и до таких забавъ хутливого, абы против немецкое напервеи, а потом и французское земли шаблю поднесъ, до чого тым его латвеи намовил, ижъ ему за пэвную рѣчъ поведал, иж в Нѣмцах и у Францэи люду жадного поготову до ѡбороны нѣт.

А так Атылла зобравшы великое войско з люду и своего и постороннего, которые сѧ были до него зъехали, а ѡ которых розумѣлъ, иж их противъ собѣ хути и верности дознал, рушыл сѧ зъ Сыкамъбрыеи. Пишэть Сабэльликъ зацный историкъ, ижъ на тотъ час войска его было пять кроть сто тисечеи до бою людеи годных. Ведучы тогды войско через ракускую, баворскую, швабъскую землю и через тые немецкие крайны, которые лежат межы тыми мѣстцы, гдѣ сѧ Рэн и Дунаи почынаѣть, а в тагненю вси мѣстечка, которые ему на дорозе были, частю для ѡтпорности, частю жэ ему жывности боронено (стр. 183) и тѣснот дорогъ ему заважала, з кгрунту вывернувшы, частю тэж некоторые в ласку прынавшы тагнулъ з войском до Констанцэи.

Жыкгимонт [1]) король будучы на тот часъ ѡное земли паном недалеко ѡт Базылеи, мѣста надъ Рэномъ лежачого, з великим войском дорогу ему зашол, которого Атылла зо всим его войском латво поразил и ѡтгромилъ. Ѡнъ будучы поражоны а ѡною битвою зутлены, видечы сѧ быть и щастемъ и моцю Атыли делеко неровным, подъдал сѧ ему и с королевствомъ своим, а ѡттуль же, кгды што ден Атыли прыбывало и силы и богатествъ, ѡблегъ место Аръкгэнтину, лежачее над Реном. Того мѣста жаден был еще аж до того часу моцю не взалъ, але кгды его Атылла за короткии час добыл, все подал на лупъ жолънером, все будованє, для ѡбороны учыненое, казал показити и порозвалать,

[1]) На полѣхъ: Жыкгимонт корол у Базылеи поражон.

муры на много местцах зъ землею зровнано, абы на паметку имена Атылевого всим людемъ волный до мѣстца оного был прыступ; и казал то возному обволать, абы оных муров розваленых за его жывота обывателе не смѣли поправоват, а для тогож оное мѣсто по немецку названо Страшпуркгъ, што са выкладаеть замок дорогии [1]). Потом перепровадивши са через Рэн, тагнул з воиском через тулинкги, гэдви и сэкуаны, которое за нашого вѣку буркгундыпчыками зовут, Кгундыкара корола их, которын вже в тотъ часъ з великою сплою хотѣлъ са до Аэцэуса и Тэодорыка прылучити, зо всими его воиски в битве поразил.

Которое зацное звитажство одержавшы, много оборонных мѣстъ сэкванскихъ и французких велми богатых и зацных, межы которыми лічать Лировъ, Бэсон, Матышкон, Люкгдунъ, Кабилен и Линкгон з кгрунту вывернул и збурыл. Сабэллик так поведаеть, иж у французкои земли на первеи са на ремэисы обурыл, тамже и Никазы того мѣста бискуп, о которомъ споведаю нижеи, чоловѣкъ для особных обычаевъ и сватобливости жывота великославных и зацных, там забитъ, але кроники угерскіе свѣтчать, иж збурене Рэму и смерть Некажого аж са по каталанонскои битве стала.

Глава ē.

Атыла мало перед тым нижли на посредку земли французское дотагнулъ, видечы иж щасте всих рѣчеи пан, где бы са одно обернулъ, звитажъство ему обецовало, заразом тэж то передъ себе внимане (стр. 184) беручы, жебы у французкои земли жаден ему дороги не зашол, которын бы щастю и силы его отпор могъ дати, почалъ собѣ во всем над звычаи недбалеи почынати а множству люду своего болшеи, нижли прыстопть, уфати. А для того-ж, иж еще о воиску Аэцыусовом против себе зобранымъ никое певное вѣдомости не мѣлъ, минмалъ абы меншого воиска

[1]) На поляхъ: Аркгэнтыну, чому Страшпуркомъ зовуть.

мог мѣть досыть до указана того, што был умыслил, послалъ тогды третюю част войска своего на пустошэне границ ишпанских. Поведают кропники угерские, ижъ тые жолнеры Атылевы, звоевавшы огнем и мечом немкую част Ишпанеи, дошли были аж до корола бэтыцкое стороны, которому было има Мироман, которыи велми улякнувшы са угров, вси мѣстца в должъ и в шырыну велми воюючыхъ, зъ Ишпала, гдѣ мешкал, через теснины мора кгадытанского аж до Афрыки утекъ[1]); ведже и пэвне того твердити не смѣю, кдыжъ то ест реч явна, ижъ французскую землю, аквитанскую и ишпанскую на тот час висиготове были посели. А кгды есми тепер учынил змѣну о А[э]цыусе, про то о его початку и повоженью водле тое вѣдомости, которую о нем маю, нѣшто коротюхно споведаю.

Тотъ напервеи для особного мужства и в рѣчах рыцэрскихъ бѣглости от Гонорыуса цэсара на мѣстцо Костанцыусово надъ всими войски будучы преложон, много мужства своего знаков против буркгундом, франкомъ, галаном оказовал; потом иж галаномъ, ванъдалемъ и швабамъ, которые са были положыли у Эмэрыты над Арою рекою лежачою, моцю неровен будучи, до далшее Ишпанеи албо боечы са непрыятел, або тэж розумеючы же са не годило войска своего против так великому множству людеи скваплive ставит, войско свое был назад увелъ, про то Гонорыусъ отпал ему был гэтманство, на которого местцэ далъ былъ некакого Кастына татарского народу человѣка. Аэцыусъ, отнесшы тую зэльжывост, вернувшы са до Рыму умыслил на. . . . . спокоиный жывот вести, в котором однак от ускаръжена непрыател своих не мог быти безпечон. А так коли эго ускаржоно, якъ бы он што нового. . . . . мѣл, смерти инак увопти не мог, одно иж таемне до Угор утек, гдѣ за жывота ещэ Гонорыусового мешкаючы у Атыли и ув-угров был в ласцэ, частыю для особливое годности, частю тэж для того, ижъ са всих влоскеи земли справ и поступковъ от него угрове довѣдали.

---

[1]) На поляхъ: Мироманъ бэтыцкии король.

Тотъ тогды, кгды Гонорыусъ умер а на мѣстцэ его Валентинан настал, вернул сѧ до Рыму, ѡткуль коли его прыведено до цэсара за радою Плацыдэи матки, былъ прынат в ласку, а Кастына, ѡ котором поведало-м вышеи, (стр. 185) зъ земли выволано. Тому Аэцыусови Валептынан поручыл был французкую землю, абы ее боронилъ, бо ему то был ѡбецал, же латвеи могъ загамовать угры абы зъ границ вгоръских выступить не смѣли.

А так Атыла с тыми, которые ѧ вышеи поменил, королми и людми на французкую землю, которою Аэцыусъ справовал, наперваи ѡбурыт сѧ умыслилъ, частыю для того, пжъ Аэцыусъ ѡбетницъ, которые был угром ѡ влоскои земли учынил, не держалъ, частю а радше подобно для того, пж звальчывшы французкую землю сподевал сѧ латвеи потомъ влоскеи достати, которое вже му сѧ давно было за намовою Аэцыусовою захотѣло.

Забывшы тогды Кгундыкара короля и вывернувшы, ѥко-мъ поведал мѣстечка бургундыпскіе, тагнучы подле Родапу реки а збурывши вси мѣстца, которые му сѧ на дорозе трафлали, тагнул до Аурэлиэ мѣста, лежачого над Лпкгером, ѡблегъ его [1]). Которого кгды великою силою добывал, в тотъ часъ тепер доведалъ сѧ, пж Аэцыусъ намовлял короли и народы, абы великою сплою протпв ему тагнули. То сѧ Атыли над надѣю прыдало; про то, абы Аэцыусъ, што сѧ вже ѡднакъ было стало, Тэѡдорыка заходныхъ гкотов короля, с которым вже был давно великую воину зачал, ку собѣ не наклонил, умыслил Тэѡдорыка на тот час Ишпанеи и Франщэи аквитапское панующого намовлати, абы его мог до себе наклонит [2]). Послал тогды послы до него, ѡзнаймуючы ему, жэ ѡн до французкои земли прытагнулъ больш дла того, абы королевъ и народовъ прыязнь, нижли непрыязнь собѣ зъеднал, маючы за то, же пичого знамепитшого а до захована панства на долгии час безпечнеишого быти не може, ѡдно добродействомъ а прыязнью, поки сѧ може стать, сэрца королев

[1]) На полях: Аурела ѡблежона.
[2]) На полях: Послове Атыли до Тэѡдорыка корола.

собѣ єднать а ку собѣ склонять, и для того-ж велцэ того прагне, абы з нимъ прыязнь, прэмирэ взалъ, не хотечы жадъное воины възрушати, одно-ж толко зъ самыми рыманы прычыну воины маеть, которые еще с початку угром завжды непрыятелми бывали.

Кгды то Тэодорыкови попрожницы поведано, послове, не справившы ничого, вернули са, бо вжо перед тым Аэцыусъ, будучи тое надѣи, жэ Атыла мѣлъ прагнути прыязни Тэодорыковои, самъ первеи наклонил его былъ собѣ [1]) и на воину са з нимъ стоварышыл, тагнучы его к собѣ частю обетницами, частю прыпоминанемъ старое вазни межы угры а кготами, поведаючы же кготове за давных часов отнесл были от угровъ крывду (стр. 186) и зэльжывост, продкове его зъ столиц своих от угров были выгнаны, угрове тое были справили, иж кготтове, будучы з отчызны выгнаны мужством отчыстым муселн собѣ нового мешкана искати у Францэи и въ Ишпанеи, а тепер са зас о то старают, абы их зогнали с тыхъ мѣстцъ, которые они собѣ за давных часов мужствомъ своимъ зготовали. К тому тэж и тое прыдавал, же тепер прытагнули угрове до француское земли тым умысломъ, абы и кготское и рымское панство з великою их зэльжывостю, если бы са на то сполне не огледели, мечом посполъ посѣлъ, а про то-ж тепер богъ дал до того дорогу, абы стародавная крывда кготом от угров учынена была помщона, а пыха и быстрост их погамована быт могла, што бы велми латво учынити, коли бы Тэодорык силу свою до силы рымское прылучил, а он всаким способом хочет са о то старати, если собѣ не хочет ни в чом винен зостат, абы за его справою стародавных продковъ своих крывдъ за помочю божю помстил са, а францускую землю от окрутенства оного грубого народу вызволил. Тэодорык король, будучы тымп словы и прыпоминанемъ давное непрыязни велми рушоны, обецал са стоварышыти зъ Аэцыусом на воину против угромъ, а под тою умовою з нимъ са збратилъ,

[1]) На поляхъ: Рѣчь до Тэодорыка Аэцыусова

иж ѡднакою силою и с полнымъ накладом воину противъ угром вести и кончыти мѣли.

Глава ѕ҃

Кгды сѧ Атылѧ ѡ товарышстве Тэѡдорыка зъ Аэцыусом ѡт послов своих довѣдал, такъ розумѣл, иж прожне мѣлъ далеи ѡжыдати, але ничого не мешкаючы умыслилъ вытѧгнути против непрыѧтелеи, абы за єго ѡтволокою сила непрыѧтельскаѧ с пограничных людеи што далеи то болшеи на кождыи ден не прыростала. А так ѡттѧгнувшы ѡт Аурелиеи поспешилъ сѧ з воискомъ против непрыѧтелъ, ищучы тое рады, абы их неѡпарных а не поготову здыбал.

Коли вже з воиском тѧгнулъ, жолнеры его нашли над прервою некоторое горы велми высокое нѣѩкого пустынника [1]), которыи, абы будучы волен ѡт забавок того свѣта мог на послузе божои вов-покою жывот вести, збудовал был собѣ подлую кучку на ѡдном мѣстцы, и прывели єго до Атыли. Король зъ єго (стр. 187) прыитьѧ велми сѧ урадовавшы пытал єго, што бы за чоловѣкъ былъ, которого бы бога хвалилъ и чому бы на мѣстцы так трудном и прыкромъ жывот свои вести умыслил, и што бы за щастє єму на воине бог ѡбецалъ? Ѡныи пустынник молъчавшы долго, а потом ѩкъ бы духом божымъ надъхненыи, ѡтказал королю, же єстъ француз, а хвалит ѡного бога, которого хрестѧне хвалѧть, а ѡн на том мѣстцу, ѡткуль его прыведено, ѡбралъ собе мешканьє, абы будучы ѡт земских забавок ѡтлучоныи, богу тому, которого имѧ вызнавал, поддавшы тѣло под силу розумови а не досыпанємъ и недоєданьєм ..... спокоинѣишею мыслею служыти, закон єго розмышлѧвати и прыказанє ховати мог.

Потомъ мовил [2]): А иж мене, ѡ наможнеишыи межы корольми, до того прыневолѧєш, абых тобѣ волю божю ѡзнаимилъ и рады

---

[1]) На поляхъ: Пустынника до Атыли жолнеры прывели.

[2]) На поляхъ: Пророцтво пустынниково Атыли; далѣе другая помѣтка: Пустынниковы слова; и: Атылѧ бичъ божыи.

твоее повожене; ачколвек шного, которыи вси людские рѣчы в руцэ своеи мает, естъ есми наменшым робачком, пжъ не ест реч подобнаѧ, абы хто нескончоные рады его мѣлъ порозумѣти; а так, абы еси не мнималъ, абых из воли бога моего, которого ты не знаеш, которого вѣру и люди его хвалечые преследовати умыслил еси, поты поки его ласка мнѣ дает хотѧ троха ведати не мѣл, вѣдаи ш том, пж бог будучы злостами люду своего роздражненым, которыи видечы пж шт справедливости и шт правдивое вѣры до непобожности сѧ наклонили пыхою, лакомством, несправедливою панованѧ хутю ест зажжены, убогие утискают, до жадное рѣчы болшеи сѧ не склоняют, шдно до внутрное воины, роскошеи телесных, занедбавшы розуму, пщут, зыску спросного прагнут, добрыми людми гордать в похлебъцахъ, которые ничого иншого не чынат, одно короли и без охпленьѧ королевства с корена выворачают, и в иншом ушы роскошыванью болшъ сѧ кохают, нижли в правде и в учстивых забавах, к тому тэж иншыми учынками спросными сут сплюгавени, а до кождое речы непобожное склонны, хотечы их до скромности, покоры, мѣрности, справедливости, милости сполнои и сполного покою, повстагливости, против убогим гонности, до розознаванѧ добрых, до слуханѧ правды, котораѧ короли и панства их в цэлости заховываеть, до учстивое забавки и до иншых цнот, до правдивого хваленѧ себе, которое набольшеи въ вѣры а в милости ку нему а ку блнжнему належыть, и до справедливого жывота за твоим побуженемъ прывести — мѣчъ свои тепер в руки твои дал, бо ты естэсь бич божыи на каране выступковъ люду хрестанского посланым. Тотъ заса кгды сѧ люд его упаметаеть, коли будет хотѣти, шт тебе шзме, а другому водле воли своее дасть, (стр. 188) тобѣ дотуль тое можности земское ужывати допуститъ, поки ему будеть сѧ здало. Которым абыс пэвне вѣдалъ, пж мысль, рада и можност шкромъ воли божое жадное моцы не будеть мѣти, а пж вси рѣчы не толко земские але тэжъ и небеские у его воли суть положоны [1]), маю за тое, же еси шбачыл знаки звѣздочные; в тои

[1]) На поляхъ отмѣтка: Божа моц панства воюе.

битве, которую з рыманы будеш мѣлъ, упустиш перо, але ѡднакъ не вжо зараз мужность твоя и панство твое з рук твоихъ ѡтыпдет, леч дотуль его ужывати будешъ, покуль бог, абы сѧ его люд за твоим..... полепшыл, тобѣ назначыл.

Атыла кгды тые слова пустэлниковы учул, здивившы сѧ ѡного человѣка такъ мудрои вымове, ведъже з несподеваного посэльства прелекнувшы сѧ, казалъ его ѡт себе ѡтвести а для знаменитое мудрости его въ учстивои сторожы ховать дотуль, ажъ бы сѧ ѡт своих практыкаров, которых на тот часъ при собѣ велми много мѣл, довѣдал сѧ чого пэвнеи того ѡколо повоженьа своих рѣчеи. Прызвавшы их тогды до себе, пыталъ ихъ, што бы ѡ прышлои битве розумѣли; тые гледѣвшы на тых местъ водле науки своее на черова быдлачые повѣдили пустэлниково пророчество быти правдивое, тое тэжъ прыдали, же мѣлъ гетманъ непрыятельскии в тои битве полечы. Про то, хотя Аты-ла фрасовал сѧ ѡ нефортуннои прышлои битве повожене, веджэ волѣлъ пустит сѧ на щасте а всякого нещаста дознати, нежли тылъ подати а мужства своего славу спросным утеканем зэльжыт. Потом даровавшы ѡного пустэлника, ѡдославшы его до его кучъки, с которое было его прыведено, рушылъ сѧ такъ наборздеи мог зо всим своимъ воиском ку полю каталяннцкому, гдѣ [А]эцыусъ и Тэѡдорык зъ Санкгибаном аланским и Мэровэусомъ французскимъ королем з розмаитыми людми буркгунды, французы, которых королем былъ Мэровэусъ, з люцыяны, арморыки, сароны, рыпарыѡлами, брыкгоны, ламбрыѡны, сарматами, лютэцыяны и брытанны, которые большеи з вазни противъ Атыли, нижли з милости противъ [А]эцыусови з великими воиски зъехали сѧ были. А кгды там прытагнулъ, довѣдавшы сѧ воиско непрыятельское быть далеко болшое, нижли первеи мнимал, почал того велми жаловать, иж третюю част воиска своего до Ишпанѣи был послал, умыслил тогды битву зволочиваючи дотуль, жэбы сѧ ѡное его воиско до него вернути могло, и ѡбваровавшы ѡбоз свои ѡными десетма тисечми возов косами ѡсажоных, ѡ которых поведало-м вышеи, под заслоною сполное ѡколо покою

намовы, послал до [А]эцыуса послы [1]) просечы станьа або короткого прэмира, але [А]эцыусъ частю для того пжъ рады Атылевы добрэ былъ свѣдом, частью тэж пжъ так много (стр. 189) королев и розмаитых народов моцы збытне уфал, не хотѣл жадного прымѣра дать. Атыла, ачъколвекъ са межы страхомъ и надеею розмышлалъ, розважаючы собѣ частокрот, же его воиско перед непрыятельским менъшоэ было, к тому тэжъ и шное пустэлпково и вѣщъков своихъ пракътыку, ведъже шднакъ згпенемъ гетмана непрыятельского, ш котором поведали пракътыкаре, сам себе тѣшылъ, а сэрце боязливое пекою надѣею тешыл, будучы тое надѣи, пко бы в тои битве [А]эцыусъ без шхилена згинути мѣлъ, а так хота бы тэж не вѣдаю зъ пкою воиска своего небезпечностю пред са умыслил то шгнесть, што бы нещасте воепное прынесло, бы шдно, пко са сподевал, А[э]цыуса забитого виделъ. Много знаков небескихъ тое битвы назначало срокгость: два разы того року было затмѣнье мѣсеца, много мѣст наглым тресеньемъ земли упало, небо са крывавыми вороты штворыло а шщепы огнистые з обополне са через него пробивали. Надъ то еще черезъ колко ночеи видено комэту, стегаючую полома свое ку заходнои стороне, которых дивовъ много са людии лекало, а не толко Атыла, але и [А]эцыусъ зъс Тэодорыком велми са клопотали, готуючы са до прышлое битвы пко налепеи могли, кгдыж шбоа сторона тушыла собѣ выиграти. Тагнул тогды Атыла з великою прудкостю на поле каталаннпцъкое, на которое кгды прытагнулъ, зобравшы до себе жолнеры, учынил до них напоминанэ тыми словы.

Глава 3. [2]).

Сама рѣчъ мене до того ведет, жолнеры а товарышы мои намужнеишые, абых нинешнего дна до васъ нѣшто мовил, або

[1]) На полѣ отмѣтка: Послове Атылевы до [А]эцыуса.
[2]) На поляхъ: Рѣч Атыли до жолнеров.

вѣдаю ест так великаѧ и потребънаѧ, иж єсли не хочэм богатствъ, маєтностеи и здоровѧ нашого въ ѧвную небезпечност удать, мусим ѡ неи велми пилноє старанє мѣти, бо а которую через вси вѣку нашого часы срожшую, пилнеишую а небезпечнеишую потребу мѣли єсмо передъ собою, ꙗко теперъ, кгды ѡ королевство, ѡ маетности и ѡ горла нашы игра идеть? Не вонтплю ничого ѡ вашом, жолнеры шлѧхэтныє а товарышы навернеишыє, в потребахъ мужстве, статэчности и во всѧких прыгодах невыповеданое терпливости, бо на што-м очыма моими в много трудностѧх и небезпечностѧхъ гледѣлъ, ѡ том не прыстоит мнѣ намнѣи вонтпит, (стр. 190) або вѣдаю, пустившы на сторону вси иншыє вашы мужныє учынки, которых єсте прошлых лѣт досыт мужне доказали, а которыє есте трудности а небезпечности во всеи немецкои земли и в-ыншых непрыꙗтельских землѧх, через которыэ есмо зброино тѧгнучы мѣли, мужным сэрцэмъ не перемогли, а ачколвек єсте того з вашого мужства доказали, ведъжэ моѧ тэж прытомност и рѣчеи всих трудных сполне зношенє ꙗкую колвек побудку вамъ до ѡказованѧ мужства дала; бо а которое трудности, которое працы, которое небезпечности, єсли на нас всих прышла, ꙗ з вами сполне ѡднаким сэрцэмъ не зносил, а котораѧ мене коли рѣч щастлива вышэи вынесла? Не пъреклaдаю сѧ над васъ ꙗко сѧ ѡднак учынити годить гэтманови, але в каждомъ щастливом и нещастливом положеню показовал сѧ єсми ѡдного стану быть з вами, длѧ которых прычын видит ми сѧ иж не потреба и час тэж того не несет, абых многими словы мѣлъ вас до того намовлѧти, до чого вас сама потреба, ѡстрыи народу людского ѡстенъ, с прыроженьѧ вашого попихать маєт. Видите ꙗко можного непрыꙗтелѧ, товарышы намужнеишыє, тепер на себе маєте, зъ ѧким множством люду а ꙗко прыготованымъ, што за снадность до битвы непрыѧтель наш маєт на ѡко видите, жэ ему у єго королевстве, у ѡичызне, а ꙗко посполите мовѧт, на домовых сметьѧх, а засѧ против тому, што за личба нас ест против имъ, ꙗко небезпечно в земли непрыѧтельскои битву давать потреба, абы то кождыи з вас у себе пилне уважал, нинешнего

дна або звитажство зачну за помочю божю одержати маем, если не хочем прыйти в неволю, котораа далеко срожшаа естъ нижли смерть, або вси аж до одного погинут мусим. Прышли есмо на тое мѣстцо, жолнерэ мои шлахэтные, иж отсюль не можэмъ иначеи выити, одно черезъ мужъство и через мѣчъ: с переду нас непрыятель палетает, река Лигеръ с правое стороны заважаеть, з лѣвое Родан, а за ними мѣста и инъшыи французского народу.... дороги, черезъ которые есмо прышли, тѣсны нам залегъ а скончена тое битвы ждеть, чыгаючы на нашъ лупъ, а если быс мы умыслили въ обозе са замкнути а гуфъцэ нашы добре справившы и объваровавшы по малючку назад уходити, а што бы было над то подобенство утекана соромотнеишого нашои славе розмаитыми а велми великими звитажствы набытое, а што бы было неучстившого, а што намъ спроснеишого, што народу татарскому всему свѣту страшливому непрыстоинѣишого, што продковъ нашых мужству противнеишого [1])? Завжды то за рѣч лѣпшую и хорошшую почытано зацне а славне умереть, а старшыхъ нашых гробы наведит, нижли обычаем люду никчемного а не валечного перед непрыятелемъ нашым спросне утекаючы (стр. 191) соромотныи а зэльжывости полныи вести жывот. Если са мужне поставимъ вытагнувшы против непрыятелю, можем тое надѣи быти, же Марсъ, особливыи нашого народу бог, нам допоможе; если же звитажство рукою а шаблею нашою одержемы, а которого пожытку з него не будемъ мѣти? Напервеи лупъ непрыятельскии намъ са достане, к тому тэж королевство француское велми богатое и обфитое нам прыбудеть, на остатокъ славу непоследнеишую нашы мужные справы оздобимъ. Над то, кгды тых еще поразим, вже са нам во всеи Эуропе жаден иншыи непрыятель не укажеть, хто бы намъ до богатъствъ и панована всего свѣта мѣл перекажати. Королевство француское кгды прылучоно будет до нашого угорского и немецкого панства, которое вже под нрмо наше прышли, якъ великии прынесет бо-

[1]) Отмѣтка на поляхъ: Атыла сам народом татарским зовет.

гатствамъ нашымъ прыдаток, ѩкъ великое жывота нашого щасте! А што нам бог лѣпшого, пожыточнѣшого и щастлившого може дати надъ тое? Нехай вас не страшыть множство непрыятел, а ни чужое крапны несвѣдомость, бо а штож єсмо аж до того часу иншого чынили, ѡдно же єсмо в ѡбчои земли много королевъ и много народов мужне звитѧжыли? Тые непрыятели, на которые тепер гледите, не суть вамъ незнаємые; тыхъ, што намужнѣишую и напотужнѣишую част вже перед тым вы, намужнѣишые жолнеры, восполок зо мною з домов ихъ выгнали есте, вашого мужства и шабэль вжо давно дознали, тых напервеи скоро з домов нашых ѡпчыстых вышедъшы первеи подъ Эмэрыком, потомъ под Виниtаром королем спросне розгроменые всего єсмо королевства збавили. Не суть тые над продки свои кготы а ни зацнеишые, а ни мужнеишые: всю силу кготскую вже ѩ давно за вашымъ мужством, намужнеишые жолнеры, звутлилъ, знищылъ и выгладил, а тые ѡстатки, которые еще суть подъ Тэѡдорыком кнѧжатем кготским, не будут ждати вашого натиранѣ, а ни шабли, а ни силы вашое, єсли ѡбачать, иж сѧ на них мужне ѡбурыте, маючы еще перед ѡчыма, жолнеры милые, ѡное прошлое поражки а надзы своее ѡт продков первеи нашых, а потом ѡт вас подънатое наметку, которая не мало сэрца и мужства, єсли єго еще што мают, имъ ѡдыпме. А ѡ [А]эцыусе волю перед вами ничого не мовити, розуму, ѡбычаев и стану єго вже давно так вы сами свѣдоми естэсте, ѧко и ѧ, которыи будучы для гнюсности а ничэмности своеи з влоское земли выгнан до нашого панства утекъ, у воищэ нашом досыт через долгии час межы вами жолнѣрскую служыл, а никгды пред сѧ большыхъ мужства своего (стр. 192) не ѡказал знаков, нижли которыи наменшыи з вас, и ѡвшэм єсли чого коли доказал, тогды то учынил маючы уфност, ѡборону и смѣлост с товарышства вашого[1]). Лечъ нехай будет иж маєть ѩкую годность рыцэрскую в собѣ, ѡт вас сѧ ее без ѡхпленьѧ научылъ, знать вашу незвитѧ-

[1]) Отмѣчено на поляхъ: Мужство [А]эцыушово.

жоную шаблю знает, мужство знаєт, в каждои справе мудрост, тръвалост и статэчност, не своим сѧ будеть перед вашою шаблею пописовалъ, если узрат же вы за моєю справою против имъ вытѧгнете. На ѡстаток и то у себе уважъте, што за жолнерэ ведет? Французы, которыє сѧ не так до меча, ꙗко до порожневанѧ годат; ачъ суть узросту высокого, але на працу нетерпливы, а заразъ за першым потканемъ рады слабѣют. Поневаж тогды, товарышы а сполне зо мною жолнеры нашлѧхэтненшыє, в тои битве ѡ честь, ѡ славу и ѡ горла всихъ васъ игра идеть, поневаж королевство велми великоє а зацноє нинешнего дня до нашого панства латво прылучоно быть може, поневаж с тым непрыятелем битву мѣть маєте, которого продки зъ ихъ мешканѧ латве єсте выгнали, а к тому тэж з людми болшъ покою, нижли воине прывыклыми чынити маєте, которых гэтман не мнѣи нижли которыи з вас ест вам знаємыи: про то годит сѧ, абы єсте были сталого сэрца, а всего доброго и щастливого сподевали сѧ, за богомъ напервеи, которого єсте справою на местцэ тоє здоровы прышли, а потомъ за мною, гетманом и сполным жолнером вашым, подьте. Допоможе бог щастю вашему, додаст моцы, славы и богатствъ, а ѧ нигдѣ вас не выдам, абыхъ з вами вси небезпечности, єсли до того прыидеть, сталым сэрцэмъ зносил, з вами восполок и жыл и умер. Мене тогды собѣ берыте передъ ѡчы, а ѧ то учыню, иж первеи шаблю мою у крви непрыятельскои согрѣтую, нижли зброи вашы кровю скропленыє ѡгледаєте, а вы моих учынъков наследуите, а кгды ѡбачыте, же ꙗ собѣ мужне буду почынал, тогды вы тэж ѡхотным, а не лякъливым сэрцэм на непрыятеля натирайте, ломите а поражайте. Не з великою небезпечностю звитѧжство ѡдержымъ, єсли ѡднакым мужством и ѡднакым сэрцэмъ з непрыятелемъ сѧ потыкати будемъ.

Кгды то Атыла домовилъ, такъ много серца жолнером єго прыбыло, такъ великаѧ хуть в них сѧ просачых битвы зажгла, и такъ сѧ великоє ѡтусюль мовенье стало, иж того прагнули, абы з доброє волі своее в непрыятеля первеи ударыли. Але

Атыла нешто жолнеров напродъ выславшы, абы первеи легъкие утарчки чынили, сам часу а снадности до сточенa волное битвы искал, которую умыслне ѡтвлочал ажъ ку вечору, дла того если бы, ꙗкъ ємy пракътыковано, (стр. 193) непрыатель в битве гору мѣлъ, абы вжды ноч прыходачую собѣ и своим мог мѣти на помочы.

Кгды сa тогды слонцэ ку заходу склонало сa, вывел Атыла войско свое на мѣстцэ, которое розумелъ до того быти способное, и ушыковал его тым способом: ѡстрокготы и част товарышов своих на правом рогу поставил, Валамира корола над ними преложыл, лѣвыи рогъ засадилъ кгепидами и ѡстатком товарышовъ своихъ, над которыми Ардарыка корола преложыл; на чоле поставил другие дробнеишые короли з людомъ збронным, а сам з людом што начольнеишымъ своим подле хоругви стал; ѡстаток войска справил в гуфъ валныи, в котором люд был пребраныи для того, абы непрыатель множество люду своего уфаючы с тылу нань не ударыл або его не ѡгорнулъ. З другое стороны [А]эцыусъ з рымскимъ людом на лѣвом рогу сталъ, Тэѡдорык з висэготами на правом, а Санкгибана корола аланского, иж вжо давно на него мѣли подозрэне, ꙗкобы до Атыли прыстати а Аурэлию столечное мѣсто свое ємy подати мѣл, в середнемъ гуфе поставили. А кгды тым способомъ ѡбѣдве войска были справлены, Атыла, скоро сa почало к вечору хилити, казал затрубити ку потканю. Гуфъцэ з обу сторон по легку поступовали; кгды вже были ѡт себе на стреленe з лука, угрове з луков, с которыми добрэ умѣли [1]), з далека велми робили, непрыатела конем и людем много ран задали, рымане тым сa прудчеи поспешали, абы ѡт стрѣлъ и иншых потисков будучы волны, могли з угры зблизка чынити вручъ мѣчми, которым велми уфали. Валамир с правого рогу зъ ѡстрокготами [А]эцыуса и рымскии чольнеишыи людъ ѡстре нагревалъ, также тэж и Аръдарык король кгэпидов на Тэѡдорыка и на висэготы мужне натиралъ; потом кгды вже всi ѡбоеи стороны сплы мужне

[1]) Отмѣтка на поляхъ: Луки у угров давно.

бороньчые чсти, щаста и горла своего поражкою а кровю змешали сѧ, так великаѧ з ѡбу сторон была поражка, так срокга и крывава [1]), иж не вѣдаю, бы которын вѣкъ срожщую паметати могъ. Трупов по полю такъ много было, иж на ѡстатокъ на трупех битва сѧ точыла; так великое крви и людское и конское было пролитье, иж струга малючка, котораѧ была посеред пола, нагле забравшы ѥкъ поток трупы забитых за собою ѡтносила.

Поведают за пэвное иж ѡ сто и ѡсмдесат тисеч людеи з обу сторонъ в тои битве полегло [2]). Тэѡдорык король, Тразымундов ѡтец, кгды на коню ездечы своихъ до битвы напоминалъ, ѡт некоторого угрына стручоным с коня на землю был в битве потоптаным. (стр. 194) Поведают некоторые, же его нѣкыи Аудакгъ ѡстрогот пробилъ ѡщэпом. Тразымундъ, Тэѡдорыков сынъ, кгды в ночы заблудившы трафил на воиско угоръское, ѡтменившы потребу в мужество секъ сѧ з ними мужне, которого кгды у голову ранено такъ иж с коня спал, ледве его свои ратовали. А[э]цыусъ тэж зафрасовавшы сѧ ѡ поражку люду своего, блукаючы сѧ ледво сѧ до своихъ вернулъ. Тут историкове не згожают сѧ хто битвы выграл, єслі угрове чы-ли рымане; нѣкоторые пишут, жэ А[э]цыусов людъ доведавшы сѧ ѡ Тєѡдорыковои смерти первеи почал пирхать, але другие инак пишут поведаючы, же ѡбоѧ сторона долго ѡднакое щастье в битве мела, аж на ѡстаток Атыла будучы поражон, утекъ до ѡбозу возми косами ѡсажоными заточоного. Якоколвекъ сѧ стало, то ест пэвнаѧ рѣчъ, иж таѧ битва стала сѧ з великою ѡбоее стороны небезпечностю, з великою поражкою и згубою.

Глава ѝ.

Тразымундъ Тєѡдорыка ѡтца своего смерти велми жалуючы, назавтреи пашодъшы межы трупы побитых тѣло его, учынил ему з великою почестностью ѥко королеви ѡбход, на што угрове

[1]) На полях: Битва великаѧ.
[2]) На полях: Личъба побитых.

з обозу своєго гледели. Потом умыслил зъ остатком люду своего, угледевшы до того час погодный, ударыти на обозъ Атылев, а смерть отцовъскую угорскою кровю оплатити. А Атыла, утративши прошлого дня всю моц, праве о своих речах звонтпивши, прызвал до себе своих жолнеров, просил и напоминалъ ихъ, поневаж так много воєн поднали, великіе сведэцства мужства своєго усюды оказали а много королев и королевствъ з великою мужства и можности своее славою звитажыли, а того рыманина непрыятела, который тепер роспышневшы налегает на єго обозъ, хотечы на него ударыти, а котораго вчорашнего дня великою поражкою урудили, абы ся покрепили а сэрцэ лепшое взали, паметаючы на продки свои и своєго через так много лѣт оказаного мужства и звитажства; еслиж бы непрыятель вытагнулъ а на них ся обурыти смѣлъ, поневаж жадное (стр. 195) пншое надѣи здорова нѣт, абы славы працами а небезпеченностями набытое рукою, шаблею а мужствомъ охотне боронили а в цэлости ее доховали, то им тэж прекладаючы, же першая сила непрыательская ест преломена, одна ночъ немного им силы або сэрца прыдати могла, а с тыми битву мают мѣти, которыхъ дня вчорашнего непомалу звутлили, розгромили а яко быдло подлавили, а они еще мают сэрцэ незвитажоной силы и небезпечности до вытрывана всяких трудностеи давным рыцэрскимъ звычаем утвержоны. А тым еще их реч ест безпечнешая, иж обозомъ всякими потрэбами обваровaным, яко накрепченшым муром оточоны сут, а такъ не мают ся чого боити; щастє будут мѣли по собѣ, абы за ним яко за гэтманом смѣлышы шли, а очы свое на него оборочали, а он того дня хочет то росправити, иж албо непрыательское воиско угорским воиском и мужством за божю помочю поразити, албо обычаем продков своих, которыє завжды звыкли звитежать а не звитажоны быти, хвалебною и славною перед ихъ очыма подоиме смерть. Тымъ напоминанемъ потѣшывшы и покрепившы нѣяко жолнеры свои, он самъ ся пред ся намышлал, опатруючы перед часом свое рѣчы, если бы яка прыгода прыпала, а прызвавшы до себе

колько ѡсоб, которым большеи уфалъ, поведал имъ правдиве, иж угорскаа реч велми у великомъ вонтпеню [1]), а иж сѧ ѡбовлаєт множства непрыятел, абы єсли бы мужне а потужне налегали, сила люду єго прошлого дня звутлена не была преломена; але поневаж фортуна славу воєнную и повожэне в руцэ своєи маєть, ѡн пред сѧ хочет за нею ити а з ними восполок всякую пилност и старанє чынити, працу поднѧти а мужства рушыти, абы непрыятель звитажства не ѡдержалъ; леч єсли же так щастье прынесет, которое неуставичное и вонтливое ест а не завжды лѣпшым звыкло зычливо быти, жебы ѡбозу єго непрыятель добыл, тогды волить згинути з руки своих жолнеровъ, нижли прыити в моц непрыателскую, а будучы з многозацных за их мужством справ так зацным з великою соромотою в посмевиску быти. Росказал тогды седла и иншые спраты, которые напрудчеи поготову были, на ѡдну громаду скласти а з них могилу учынити; прыятелом, которым наболшеи уфал, ѡтведъшы сѧ з ними на сторону, раду свою таемне ѡзнаимилъ, иж єслибы непрыятел добывшы ѡбозу гору взал, ѡн хочеть (стр. 196) на ѡную могилу зъ седел учыненую вступити, а прото-ж просил их, намавлал и напоминалъ, абы в тот час под него ѡгонь заложыли, поневаж вжо волит за справою своих умереть, нижли з великою соромотою прыити до непрыятела в неволю [2]). Кгды имъ такъ росказал учынити, казалъ тэж трубачом трубити, абы якого подобенства улакнена по собѣ непрыятелю не давал, але абы сѧ здал быть пилным а битвы з нову прагнучым, ждал вторгненьа непрыятелъ не спечы цэлую ноч, не мнеи тэжъ товарышы и жолнерэ єго были пилны а готовы все, штоколвекъ бы щастье прынесло, мужне зносить.

Кгды и угрове въ ѡбозе и Тразымундъ зъ своими намышлали сѧ радечы межы собою, што бы имъ было пожыточнеи учынити, [А]эцыусъ, будучы свѣдом рады Тразымундовои, ѡбавал сѧ єслибы кготове добыл ѡбозу угорского, а Тразымундъ

[1]) На полѧхъ: Атыла собѣ вонтпилъ.
[2]) На полѧхъ: Звонтпене Атыли.

мѣлъ бы гору над угры, абы ѡн, младенецъ быстрый, надавшы сѧ з ѡного свѣжого звитѧжства, выкорѣневшы угры не зламал ємў прэмира а всее силы своее противъ ємў и против рымскому люду не ѡбернулъ; про то казавшы всим выпти, учынил до Тразымунда рѣчъ тыми словы.

Прэмире, прыязнь и стоварышэнє на воину, которое-м с Тэѡдорыкемъ ѡтцом твоим мѣл, потом мужство твоє, которого-мъ и перед тымъ у многих рѣчах дознал и вчора против тым грубым людем сполных всихъ добрых непрыятелом, на што єсмо вси гледѣли, смѣлымъ а нелякливым сэрцэм ѡказалэсь, ведет мене до того, Тразымунде королю, абых чого ты для молодости твоее и сэрца, хотя єси прырожена дофътипного, ведже тою свѣжою ѡтца твоего поражкою большеи застроного а быстрого так далецэ ѡбачыти не можэш, и тобѣ на паметь прывелъ: ударыт на непрыятела, ѡбозу єго добывать, штурмовати на него а хотѣть єго выкорэнити — суть то знаки великого мужства и уродивого сэрца, и ни ѡ што сѧ иншого ѡбема старать и усиловати не годит, ѡдно крывды поднятое мстити сѧ на непрыятела, кгды сѧ до того погода укажэт, ударыть, добывати, выкорэнити єго, а славу зацными справами поки можэшъ росшыратн. Леч єсли пилне у себе розважыш, сила наша, котораѧ прошлое битвы надзою ест велми звутлена, єсли сѧ тэж прыгледиш щастю воєнному, которое не мужнешым албо смѣлышымъ, але тымъ, которымъ (стр. 197) ѡно хочет звитѧжство давати звыкло; єсли на ѡстаток угланеш в рѣчы твои властные, ѥко сѧ тепер по смерти ѡтца твоєго мают, трудно у себе становити, штобы лепеи або пожыточнеи чынити: єсли тепер намъ сѧ ѡ што кусити и почати што, а ѡстатки войска нашого долгою воиною звутленого нерозмыслне на щасте пустит, чы-ли на иншын часъ тую воину заховать. Непрыятель, ач естъ непомалу и ѡн днѧ вчорашнего звутлен, ведъже ѡднакъ имо єго великие и зацные рѣчы, которых аж до того часу доказал, тэж з учорашнее великое люду нашого поражки ѡт него поднятое можем познать: естъ то народ быстрый, дужый, мужный, а волит наболшые не-

безпечности поднѧти, нижли сѧ дати звитѧжыти [1]). Єсли єси умыслил ударыть на угры, тогды або выиграют битвы, чого боже уховаи, або до ѡдного вси полѧгуть на плѧцу, але смерть их не сухо сѧ нам ѡдерет; а єсли выиграют битвы, тогды нашы рѣчы сполне прыидут в такую трудност, иж ѡ твоє и рымское панство будет сѧ потреба непомалу боѧти, бо будет у великои небезпечности. Завжды то бывало великоє мужство и не леда рада прышлыє рѣчы наперед углядывати, небезпечностѧм, которыє бы прыити могли, розумом забегати, раду водле потребы ꙗко час прынесет ѡдменити. А коли маєшъ час и коли можэшъ все у себе розважат, абы потом упавшы у небезпечност не здало сѧ иж прожне розуму ужывати або раду ѡдменѧти хочеш, ꙗ заправду пры тобѣ спрыѧзливе, вѣрне и статэчным сэрцэм буду стоѧлъ а ꙗко на мужного чоловѣка належыт умыслилъ єсми в каждую небезпечност смѣле сѧ удати, єсли ѡдно может што славы достать з упору а з нерозмыслности, але видело бы ми сѧ же быс мы не только большыи пожыток, але тэж и большую славу ѡтнесли, если быс мы, поневаж непрыѧтел будучы поражоныи и розъгроменыи до ѡбозу зъ соромотою великою днѧ вчорашнего утекъ, ѡстатки жолнеров нашыхъ на потом сховали, а панства нашого ѡборону в цэлости заховали.

К тому єще, Тразымунъде королю, видит ми сѧ быти рѣч велми пожыточнаѧ твоимъ властным потребам, которыє абы были цэлы зъ стороны прыѧзни и товарышства нашого сполного, не мнѣи ми ѡ них идеть, нижли ѡ мои властныє, єсли их будешъ над вси чужыє прэкладалъ, а здоровъє твоихъ жолънеровъ, (стр. 198) которыє єще позостали, а тобѣ и справам твоим пожыточни быти могуть, неледа ꙗко собѣ важыл. Ѡтец твои тебе а Валѧмира брата твоего дома тепер мешкаючого зоставил королевства своего дѣдичми; брат, порушоныи хутю панованѧ, довѣдавшы сѧ ѡ смерти ѡтцовскои, што ѡн дома в небытности твоєи мыслит, або въщынаєт, ты не вѣдаєш; мало ест

---

[1]) На поляхъ: Розважанє.

тых людеи, которые бы кревност над хуть панована прекладали. А если ѡн, будучы хутью панована звитажоныи, до чого сѧ нового склонить, панство ѡтцовское тебе выгубивши собѣ привлащыт, богатства домовые заберет, сэрца люду своего на всякую ѡтмѣну щастѧ склонные добротливостью, гоиностью и инъшыми таковыми выбавами до себе нахилить, што-ж тобѣ щасте зоставит, до чого-ж тобѣ прыидет?[1]) Ѡдно до того, абы сѧ права твоего ѡт брата воиною доиралъ, панства а королевства и богатствъ з великою дла неуставичности щастѧ небезпечностю мечом доставал, а знищывши тепер або толко звутливши жолнеров твоихъ силы, што-жъ за ѡборону будеш мѣлъ, албо чого сѧ дома сподевати можешъ? Ну-жъ тэды, Тразымунде, намышлаи сѧ, што ест пилнеишого а нагленшого, если брата твоего радамъ забежеть а королевство ѡтцовское в моц твою взати, маючы еще жолънерэ в цэлости, чы-ли на угры з вонтливымъ щастемъ в речы так небезпечноп ударыти. Єсли мое здание хочеш вѣдати, а ражу воиска нашого остатки в цэлости заховати, а ты, абыс радшеи ѡ своих рѣчах, поки маешъ час и можешъ, мыслил а радил, нижли сѧ на новые воины щастэ пущалъ, абыс хотечы болшеи достати и того, чого продкове твои с працою великою набыли, спросне не утратил. Кгды непрыятель ѡбачыть, жэ єсмо еще цэло зостали, ничого против намъ, ѥко внимаю, не узъновить; а заса против тому, коли моц наша будет цэла, завжды штокольвек будеть мѣл перед ѡчыма, чого сѧ будеть ѡбавал, лекалъ и выстерегалъ. — Тразымундъ тою [А]эцыусовою ѡблудною прыязнью и намовою лацно сѧ давшы намовити, понехавшы рады ѡ добываню ѡбозу Атылевого, прызвавшы до себе своихъ, которые пры его ѡтцу стоечы стоварышили сѧ были з ним на вопну, вернулъ сѧ до Толезы, за которого ѡтеханемъ [А]эцыусъ и тые, которые сѧ были рыманомъ на помоч зъехали, гдѣ хто хотѣл розехали сѧ. Новина ѡ топ битве каталаунцкоп такъ срокгое и кровавое вже сѧ была по всемъ свѣте розышла,

[1]) На поляхъ: Домовые занзрости.

ѡ которой тэж и ѡная третяя част воиска Атылевого, (стр. 199) которую был до Ишпании послалъ, добре вѣдала; про то боечы сѧ жолънеры гневу Атылевого, которого дивная реч якъ се боялн, не вернули се до него до Угор николи, абы для ѡмешканя не были караны, але по его с поль каталауницкихъ ѡдтягненю положыли се были и засели при границах тых поль. И того мнимаю суть угрове, але не вѣдаю, с чого то мають, иж ѡдъ презвища гэтмановъ угеръских, которые угерским езыком зовуть ишпаны, якъ кропшка угерская свѣтчыт, не згажаючы се з другими, королевству ишпанскому прозвищо дано Ишпания, хотя Трогкусъ Помпэюсъ пишэть, иж тую землю, которую перед тым Иберыею ѡт Ибэра звано, названо ѡт Ишпала Ишпанией. [А]эцыуса в борзде потом з росказаня Валлетынана цэсара в Рыме забито частю для того, же былъ в подозрэнью якобы сѧ на панство касати мѣл, частю тэж а радшей для того, иж его ѡбъмовлено, якобы он прычыну до того дал, же Атыла, который зо всими воиски своими по той прошлой битве велми латвей могъ быти выкорэнен, ушол рукъ рымских.

Глава 6.

Кгды Атыла довѣдал сѧ, же [А]эцыусъ и Тразымундъ и иншые непрыятели где хто хотѣлъ розехали сѧ, дивная речъ якъ сѧ с того болшей нижли прыстало пышнилъ, розумѣючы, иж вжо рымское воиско на потом не мѣло смѣти выходити противу ему, а за разомъ оные пышные слова почал мовити, иж звѣзды перед ними падають, земля дрыжыть, а иж ест молотом всего свѣта. Потомъ з великое хлубы а ѡ собѣ мнимаю, росказал яко был пустэльник рэк, абы его звано бичом божым, а тот тытулъ до листов прыкладано. Тагнувшы тогды на тое мѣстцо, гдѣ битва была, мешкал там колко днеи, абы жолънере его в покою собѣ вытхнули, там учынившы водле звычаю народу своего Марсови ѡфары и иншые ѡбходы для щастливого в рѣчахъ его повожена, вытагнул з воискомъ до других французских

мѣст, абы на себе не з большым, нижели первеи, страхомъ ѡбурылъ. Напервеи тэды до Трекашу мѣста, кото(стр. 200)рое тэж Треками и Троею часомъ зовуть, на границах сэнонских над рекою Сэкъваною лежачого прытагнул. Кальлимахъ поведает, же первѣи до тунгров тагнул и столечного их мѣста добыл, а мещаны его, не маючы жадного на плоть и на вѣкъ бачена, вси аж до ѡдного позабивал; леч если са хто тому пилне прыгледить, тунгрове суть люди эбуренского народу не далеко ѡт реки Моса в земли лесодышкои, далеко ѡт тое дороги Атылевои лежачои. Прожна бы то тэды его праца ѡт тунгров ворочать са до трековъ, яко Кальлимах поведаеть. Тых тэды Трековъ албо Троеи бискуп, што его звано Люпус, то ест волъкъ, человекъ сватобливого жывота, убравшы са ув-одѣнье бискупе, з множством духовных ѡсоб вышол противъ Атыли прыѣждчаючому [1]).

Тотъ учышившы прыстоиное поздровене пытал Атыли, што бы был зач, иж так много королевъ звитажывшы, народы и люди поразившы, мѣста збурывшы все моцъю подъ свою моцъ подбиваеть. Которому Атыла ѡтказалъ: И естэмъ король угорскии, бич божыи. Которых слов Люпусъ улекнувшы са реклъ: А хто-ж са бичови бога моего ѡпреть, абы са над кождым, над кимъ хочеть, гнѣвити не мѣлъ? Под же тэды, як поведаеш, бичу бога моего, едь гдѣ хочеш, все тобѣ яко слузе божому, чому са я зборонати не буду, послушно будеть.

Казал потомъ браны местъские ѡтворыть а Атыли держечы под нимъ кона за поводы з великою учтивостью впровадил, которыи албо поволностю а укладностью ѡного бискупа будучы звитажоныи, або тэж з воли божое не учышившы жадное шкоды и крывды никому, зо всими воиски своими через мѣсто едучы другою броною з мѣста выехал. Кронника угорскаа поведает, же там ѡттуль до Толесу мѣста тагнулъ, которо[е] му са доброволне подало, але не вѣдаю, если то може быти правде подобно,

[1]) На поляхъ: Люпус бискуп противъ Атыли вышолъ.

бо Толеса, будучы на ѡнъ час столицою Тразымундовою на границах Францэи нарбоненскои недалеко ѡт гор пирэнэиских, над Кгарумною рекою лежала; мѣсто было людное, арцыбискупомъ, кольлекгьами студентскими и купецкими гандлами велицэ зацно и славно, котораѧ дорога ѡт предсевзатьѧ Атылевого была, бо ѡнъ былъ умыслилъ, добывшы нѣкоторыхъ мѣст французское земли, ку полъночнои стороне лежачое, вернути сѧ до Сыкамъбрыеи столечного мѣста своего. Кгды тэды ѡт Треков до Ремов тагнул, великое милосердье и ласку всюды на дорозе ѡказывал, бо (стр. 201) кгды не мѣлъ трецкихъ ѡбывателев, которые ѡт страху зъ жонами и з дѣтми до лѣсовъ близскихъ хотечы здоровъе свое ѡбваровать утекали, на дорозе убачыл, казавшы имъ быти доброе мысли а не боѧти сѧ, допустил имъ до дому ити [1]). Межы которыми прывели до него жолъперэ нѣкоторую невѣсту ѡт реки, до которое хотѣла ѡт страху въскочыти, котораѧ была дѣвочку малючкую, абы руки тымъ волнешные мѣла, у шыи собѣ на хустках увезала, а двое меншых всадила на быдла, которое перед собою гнала. Потом тэжъ ишъшых дѣвочокъ семъ большых мѣла ѡколо себе ѡсадившы сѧ ими водле порадку лѣт ихъ. Рушыло Атыли непомалу плачливое ѡное невѣсты надзное до ногъ его падене и так много дѣтокъ личба, и казавшы ей встати самъ ее руками своими подвигнулъ, которую потом великими дары, абы дѣвочки выховала и за муж выдала даровавшы, казал сѧ ей до дому вернуть [2]). В борзде потом Атыла ѡблегъ Рэмы мѣсто, маючы на него давно вазнь, иж кгды на пола каталаушицкие, ѥко-м вышеи поведал, спешно тагнулъ, ремэнъсове жолъпером его много злого вдѣлали. Паметаючы тогды на то все, выпустошывшы ѡгнемъ и мечомъ всю краину ремэнъсом прылеглую, а мѣсто ихъ тажкимъ ѡблежэньем ѡточывшы, казалъ дѣлы муры бити а розвалати такъ иж дла густости куль и

---

[1]) На полях: Злитоване Атыли над утекаючыми и над невѣстою, дѣтми ѡтѧжоною.

[2]) На полях: За божею волею милосердье королевское хотѧ ѡкрутника.

инъшыхъ пострѣловъ, частю тэжъ для частыхъ а потужныхъ великого люду штурмовъ, жадэн чоловѣкъ до бороненьа муру прыступити не смѣлъ, а для тогожъ мещане не толко ся боѣли и лекали, але и вси надзы, которые въ ωблеженю прыпадають, терпели. Невѣсты, дѣти и дѣвочки плакали, крычали, голос до неба выносечы, другіе розмышляючы собѣ ωкрутност звитажцы, которое ся чуючы до себе што Атылевым жолънеромъ перед тымъ выражали, сподеваючы ся ее на себе велми боѣли, всих до того дорог искали и досветчали, абы небезпечности упти могли[1]). Был на тот часъ в том мѣстѣ бискупомъ блогославеным Никазым, чоловѣкъ справедливостю, сватоблівостю жывота и ωбычаєвъ зацным. Тотъ зъ Эутропею сестрою своею паненкою, еще з молодых лѣтъ до клаштора даною, котораа так цудностью ωко тэжъ иншыми душными дары была ωздобена, черезъ весь ωный ωблежень час уставичне ся молитвами бавили, абы ублагали гнѣв божым, для которого розумели, же Атыла мѣлъ мещаны велми утискати, а его (стр. 202) милосердье до всих покорных прыходачые ωдержали до того, коли Атыла срокгимъ ωблеженемъ былъ велми тажким. А вжо не мели жадное надѣи здорова своєго мещане, ωдны тажко въздыхаючы, другіе плачучы, с покорою утекли ся, до которого в тот час богу молящаго такъ мовили: Быс мы того не вѣдали, зацным мужу, иж бог всемогущым тую ласку и милосердье свое тобѣ дал, иж твое молитвы суть ему вдачны, а тую всю надзу для нашых злостеи на насъ допустил, а кгды ся мы до лепшого способу жыта наверънем, бог заса непрыятела ωт шым нашыхъ або ωтпудит, або его ласкавшым противъ нам учынить: не мѣли быс мы того у своєи моцы розмышлат ся, єсли ся до тебе утечы, чы-ли з дэспэрацэи, котораа ся насъ розмаитыми надзами велми утисненыхъ срокго держыть, инак ω собѣ мыслить; леч иж и милосердье божэ мимо вси иншые людскіе речы завжды важнейшые быти розумѣемъ и тебе з много знаков ему быти прыємным вѣдаэм, не ωтегали

[1]) На поляхъ: Никазым бискуп; и: Речъ рэмэнсовъ до Никазого.

сѧ єсмо прыити до тебе, за которого радою або wбороною и жыть и умерети давно єсмо вже умыслили. Што за множство ест непрыятелъ видишъ, што за wкрутенство противъ всим и ты вѣдаєш и мы вѣдаєм, чого много wколичныхъ мѣст трупов ѥвным сведэцтвомъ ест; так великому того грубого народу множству должен силами нашыми wпирать сѧ жадным способом не можемъ, мусимъ албо доброволне сѧ непрыателю поддать, а вѣрности, которою єсмо попысовали сѧ боечы сѧ смерти, wтступить, або не хотечы моцы а wкрутности их досвѣтчыть, сами собѣ смерть задать. Wдно с того двойга подъѧти мусимъ, єсли або нас Бог не ратуе, або за твоею радою надѣи ѧкое не будем мѣти wтдаленьа wт себе тое небезпечности. Почстивост сама вела бы насъ до того, абыс мы до wстатнего тъхнена wпираючы сѧ так wкрутному непрыателю wт статэчности, мужства и верности нашое дла страху смерти не wтступовали, коли бы єсмо мѣли ѧкую надѣю wборонена; бо теж wднак вѣдаем, же бы нам было пожыточнеи тое wблежена надзы вытерпѣть, абыс мы потом покою а вольности пожеданое зъ жонами и дѣтми ужывали, нижли дла гнюсности и ничемности не даваючы wтпору непрыателю вдать сѧ в спросную а вечную неволю. Але што за лѣкарство на тое зло найти маєм? Што маєм чынити, будучы вжо долгими працами, невысыпанемъ и голодом знадзоны, абыс мы сѧ смерти передъ часом прыходачое устерегли? З гола невѣдаєм, ѧкъ тые, которые вже wкромъ того (стр. 203) тъху, дла долгого непокою ледве wтдыхаючого, а скуры давным голодом зморщоное, ледве знать ѧко видишъ, иж єсмо въжды люди. Ты, wкоторомъ розумѣемъ же вѣдаеш воли боже, нѣшто порадь нам[1]), што маєм с того двойга злого над нами висачого wбрать. Єсли подамо непрыателю мѣсто, без похибы маетности и горла, всих нас в небезпечность удамо, а wпат если насъ кгвалтом а чого злого над нами не будет а ѧкого wкрутенства, в котором тот твои люд не ест терплывы, над нами тотъ грубыи народ бропти

[1]) На полѧхъ: Рады жедаютъ.

не будеть, нехай такъ будеть, жэ некоторые межы нашыми суть на тую надзу и на муку терпливые, але далеко большеи тых естъ, которые, будучы звитажоны кревкостью чоловѣчою, страхом и муками бога са запруть, вѣры, которую вызнали, отступать, а душы своеи ущэрбене учынать. Твоа то тэды рѣч ест, мужу божын, абысь тому злому нас вельцэ утискаючому забѣгъ а в твоеи громаде от страху дрыжачои радил а в часъ лекарство такое, если можеш, далъ, абыс мы са от учстивости и побожности надзою прымушоны не одорвали а от воли Божое не отступили.

Глава ї.

Никазын маючы еще перед докончэньемъ того обявенье от бога, короткими словы так имъ отповедал[1]): Ачъколвек не так много, якъ вы внимаете, мои милые мещане, бачу в собѣ годности, ведже штоколвек естъ даров божых мнѣ даных, то и все прыписую его ку мнѣ милости, милосердью и добродейству, которын не для моих заслугъ, але зъ властное своее добротливости хотелъ мене ласки своее а неошацованых добръ своихъ участникомъ мѣть, которому штоколвек у мнѣ естъ, все прыписую, а того што даром божымъ ест, не маете для чого силам моим прывлащать: он моц, можност и доброть свою во мне выставил, и его духу, надхненью и воли мушу быти послушен, которого если росказанью пле можем досыть чынити будемъ, а обѣтницъ жывота небеского пэвною надѣею ожыдати будемъ, нычого на насъ в тых речах свецкихъ так тажкого не прыйдеть, чого бы есмо у его вѣре статочне зносить а вытерпети не могли, нычого такъ трудного а непрыятельского, што бы нам легкого а ку вытерпеню лацного быти не мело. Множство а окрутность того грубого народу, мещане (стр. 204) рэмэнсы, вже давно и вѣдаю, иж надзы в суседстве близких народов дознал есми того, кото-

[1]) На полях: Отповедь Никазого; рѣчъ бискупа.

раѧ заправду з божого допущенѧ походить. Атыла не могъ бы вамъ шкодить а ни моцы своее против вам вытѧгнути, быс мы были грехами нашыми бога на себе не розгнѣвали, которыи то вже постановилъ у себе, што мнѣ вже давно ѡзнаимилъ, иж тое мѣсто на ѡстатокъ в руки непрыѧтельскіе прыйдеть, а вы зо мною восполок на ѡкрутност того грубого народу ѥстъѣсте на готоваи, абыс мы за выступки телесныѥ, которых есмо винъни, короткіе а дочасныѥ муки утеръпевшы, достали сѧ до жывота небеского а были ѥго участниками. Ну-жъ тэды, намилейшыѥ братѧ, штож кольвекъ за надза и небезпечност на васъ прыйдеть, сталым а мужным сэрцэм терпите, за мною идите, пастэром и ѡтцом вашым, мене собѣ передъ ѡчы покладаите, абысте вы па духу здорови были, и сѧ напередъ в непрезпечност уфамъ: короткіе то будуть муки, которыѥ ѡт того грубого люду будем терпѣти; ѡпыи небескіе заплаты, которые бог тымъ, што ѥго у вѣре а въ милости вызнавають, ѡт початку постановил, ꙗко суть не ѡгарнены смысломъ людскимъ, такъ заса суть щастливы, несмертэлны а на жадные вѣки никгды нескончоны. Нехаи же васъ тэды нычого не страшыть, телеснаѧ або надза або мука, а ни сѧ годить тымъ, которыѥ васъ преслѣдують, злого не зычыть, але наследуючы Хрыстуса Езуса и науки и учынку за непрыѧтелы вашы, абы сѧ до правдивое знаемости божое и до правдивое дороги навернули, зо мною восполокъ уставичне сѧ молите.

Также тэж и ѡнаѧ Эутропіѧ панна смеле намовлала мещаны ку мужному зношенью того, што вжо праве перед ѡчыма видела, даючы то по собѣ знати, же хотѧ бы непрыѧтель тѣлу ее муки задавалъ, пред сѧ серцу статэчности, абы пры добром зостать а в нем не мѣло трывати, ѡтнати не будет могъ. С тыхъ тэды людеи побожных напоминаѧ мещане нешто боязни на сторону ѡтложывшы, ѡхотнейшым вжо сэрцэмъ ждали всѧкіх прыгод. А в тотъ часъ угрове збурывшы муры а через нихъ перешедшы а иншыѥ ѡбороны розметавшы, до мѣста нагле вторгнули и внутры сѧ всюды по мѣсту почали полны шаленое запальчывости

росходити, забиваючы кого поткали, так дорослые ѩкъ недорослые, не фольгуючы жадному вѣку а ни плоти [1]).

(Стр. 205) Никазын и Эутропиа здивившы сѧ так великои непрыятельскои ѡкрутности, спеваючы набожные пѣсни до костела панны Марыи, которын был тот цнын бискуп збудовал, утекли в тот способ, абы гдѣ за часу щаслывого повожена богу сѧ молили, там тэж часу набольшого нещастѧ а праве ѡстатнего крэсу богу душу дали. Угрове з великою попудливостью збегли сѧ тэж до того-ж костела, которых кгды Никазын узрал, киваючы на них рукою а даючы знать, абы помолъчали, так до них в коротцэ мовил: Вижу ѩ, жолнере намужнеишые, же есте вы ѡт правдивых а мужных жолнеров крови далеко ѡтродили, а намнеи не паметаєте на скромност, которую много диких зверат с прырожена мевають, которое кгды бы есте абы на меншую троха мѣли, не так бысте сѧ роспусне срожыли въ звитажстве, которое звитажоным частокроть фолькговати а на самые пышные срожыть сѧ звыкло, а ни бысте такое ѡкрутности ужывали, жебы есте все мечомъ выкоренить, нижли на ваш пожыток ѡбернути волѣли, ѩкъ бы тое чые иншое, а не ваше было, чого есте не так далецэ силами вашыми, ѩко божымъ допущенем, достали. Ѡт великое а шаленое быстрости и попудливости не бачыте, иж и увесь люд в неволю и маетности а вси нашы рѣчы ку вашои ѡздобѣ, кгды сте мѣсто взали, прышло. Люд хрестанскии с покорою падаючы до ног вашых просить, абы былъ ѡт вас горломъ дарован, а вы кождого, кого поткаєте, ѩко быдло забиваєте над вси ѡбычаи побожности людъскои. Єслиж есте умыслили быстрости вашои не погамовать, але запомневшы побожности и пожытковъ вашых вси мѣстца ѡкрутенством наполнити хочете, на мене, ѡ жолнере, которын єстъ есми ихъ пастыром, вашу ѩдовитост ѡберните, ѡт трачена тых повстегните вашы руки, фолькгуите покорнымъ перед вами па-

[1]) На поляхъ: Мордъ; смерть люта; слова Никазого до угровъ; Никазын забитъ.

даючым, пышные а ѡтпорные, которые сѧ вамъ противать, громите, мене, бискупа их, если вас болшъ ѡкрутност нижли побожность рушаєт, мене мовлю, которы-м ажъ дотуль ваше звитажство зволочывал, забите, на мене сѧ ѡбуръте, поневаж сѧ так богу здало, душу выдрите, а тые мои ѡвцы, которые ничого злого не заслужыли, горломъ даруите.—Кгды тым напоминанємъ быстрость угоръскаѧ ничого сѧ не гамовала, але сѧ на всих срожыли, и на тых, которые сѧ были до костела зобрали, тотъ побожный бискуп Никазын почал ꙗко и перед тым молитвы плачу пильные до бога чынити, а скоро ѡн псалмъ Давыдовъ заспевал: Душа моѧ до земли прыльнулѧ, тэды нѣкоторын воєвода, добывшы шабли, стал єго, (стр. 206) которого голова хотѧ ѡт тѣла ѡтпала, так поведають, иж пред сѧ спевати не перестала, але пред сѧ тые слова Давыдовы вымовила: Ожыв мене, пане, водле слова твоєго. Тым то способом тот блокгославеный муж хвалечы бога з того свѣта зъшол.

Потомъ угрове срожачы сѧ без мѣры, улакомившы сѧ на хорошство ѡное Эутропеи пашы, хотѣли єи кгвалтъ учынити, котораѧ ꙗко сѧ здавна статэчне научыла чыстоти своєе стеречы[1]), так и в тотъ часъ ѡбернувшы сѧ до того, што Никазого забил, рекла єму: Нашкрутнепшын зо всих, которых земла уродила, або не вѣдаешъ на ꙗкого-сь мужа божого невинностью а сватобливостью жывота зацного руками сѧ своими торгнулъ, которого-сь, хотѧ-ть ничого злого не учынилъ, незбожне горла збавил? Слушне тебе за такии злостивын учынок справедливын суд божын будеть ждати. Мало маешъ на томъ, же-сь человека сватобливого в костеле божем забил, але и мене до того прыневолѧеш, абых твоеи спроснои хути поволна была, але бог, которын цноты и чыстости боронить, того твоего скваплывого а незбожного учынку за моєю послугою незомщоного не пустить. А домовлаючы того Эутропа торгнула сѧ єму до волосов, а потомъ ухватившы єго крепко за горло, выбила єму ѡчы[2]). Другие

[1]) На поляхъ: Эутропиеи статэчность.

[2]) На поляхъ: Мужство дѣвочэ; знаки дивныс; виданє дивнос.

жолнере, которые гледѣли на мужство тое бѣлое головы, будучы рушоны прыгодою товарыша своего, торгнули сѧ на ѡную панну и на иншые хрестяны, которые были в костеле, а позабивали их.

Пишуть нѣкоторые так, иж угрове кгды вже над всими, так тыми, што въ костеле были, ꙗко тэж и надъ тыми, што на иншых мѣстцах по мѣсте, досыть срокгости ужывали, а до маэтности сѧ кинули, небескими страхы были перажены. Виделн на повѣтрыю войска потыкающэ ся, слышали в костеле ꙗкии-сь дивныи а страшливыи шум, кгромот, которыми знаки будучы престрашоны дали лудови покои, а на розные мѣстца з великим страхом з мѣста повтекали. А потомъ ѡное мѣсто долго пусто стоало, походии гораючые надъ мѣстом часто и долго видано, спеванє ꙗкоє-сь з неба слыхано. Много мещанов, которые были боячы сѧ непрыятела повтекали, узревшы так много чудов и знаков, довѣдавшы сѧ ѡ ѡттагненю непрыательскомъ, вернули сѧ ѡпат до мѣста, а Никазого и Эутропию и иншых людеи цнотливых тѣла з великим плачом поховали.

Глава āї.

То кгды ся въ ремэнскомъ мѣсте дѣяло, Атыла нѣкоторого гэтмана своєго (стр. 207) Кгюлу, албо ꙗкъ єго нѣкоторые зовуть, Юлюса, давшы ему немалую часть войска своєго, послалъ до Колна, которое зовуть Агрыпъпина, абы єго добывал, которое мѣсто, ꙗкъ тепер, такъ и на ѡн часъ было зацное и великое. В тот часъ Этэреусъ, сын короля анкгельского, млоденец хорошыи, цнотливыи и добрых ѡбычаев почалъ сѧ старать в малъженство ѡ Уршулю, брытанского короля дѣвку ѡдиначку, пославшы з великою хутью послы до ѡтца ее, которого коли не вѣдал, што бы за ѡтповедь дати, Уршула смутного и тросливого напомнела, абы давшы фрасунъком покои заручыл ее за Этэреуса, поведаючы иж маєть тое объавенье ѡт бога, абы сѧ не зборонала малженства того в тот способ, иж бы єи еще дано

вольные три лѣта, через которые бы ѡправила дорогу свою, на которую сѧ была ѡбецала, то ест абы шла до Рыму, маючы пры собѣ десеть тисечеи панен. А про тож того сѧ домовлала, абы и ѡнъ и Этэреусъ паниц ее старали сѧ сполне, ꙗкъ бы ѥи нашли десеть панен ѡсобное чыстости и статэчности, а кождаѧ з них абы мѣла пры собѣ тисечу панен, и ѡна сама абы тэж также пры собе тисечу мѣла, ѡдно же бы вси были ѡсобливое цноты и чыстости. Послове, взавшы ѡд отца Уршули тую ѡтповедь, з радостю ѡтехали.

Этэреусъ и брытанскии король, ѡтец Уршули, зобравшы водле змовы такъ много панен, дали их Уршули в товарышство, котораѧ прыꙗвшы тое шлахэтное товарышство а справившы ѡдинадцать великих кораблеи и другие рѣчы на так далекую дорогу потребные, пустила сѧ морем з Брытанѣи аж до того мѣстца, гдѣ Рэнъ в море упадаеть, гдѣ тепер ѥстъ часть Гольландэи, ѡткуль ѡпат рекою против воды прыехала до Кольна з великою радостю мещаповъ, а с Кольна до Базылѣи. Тамъ зоставившы кораблі и пишэ спраты шла пѣша до Рыму, котораѧ потомъ, ѡбходившы и ѡгледавшы местца и сватости вси в Рыме, ꙗко была ѡбецала, вернула сѧ до Базылѣи, а папежъ Цырыꙗк проводил ее з велікою почестностью ажъ до мѣстца. Всѣвшы тэды у Базылеп у корабль Рэномъ рекою на дол ехала до Кольна, котораѧ выседшы на берегъ нічого сѧ непрыꙗтела не сподеваючы, але такъ внимаючы, абы все безпечно было ꙗкъ первеи, кгды сѧ до мѣста прыближати почала, тогды ее угрове зо всих сторон ѡбскочыли а з онымп всими паннами ѡкрутне позабивали [1]). Так тогды ѡнаѧ шлахэтнаѧ панна зъ Этэреусомъ панпэмъ своим, которып довѣдавшы сѧ же Уршула назадъ едеть, з маткою и з сестрою Флюрентыною и з-ыншымп нѣкоторымп бпскупы аж до Кольна противъ ее был выехал, и з оным Цырыꙗком папежом и зо всими ѡнымп паннами с того свѣта зошла, а чыстость свою Хрыстусу (стр. 208) правдивому девпцства

[1]) На полях: Ѡдиннадцать тисечеи девиц.

ѡблюбенцови ѡфаровала. Тых панеи тѣла лежать въ Колне; историкове не згожають сѧ ѡ часе того побитьѧ, але иж кроиника угорскаѧ староя тот час побитьѧ тых панен быти поведаеть, подобна реч ест къ вѣрэ, иж в тотъ час, кгды Атылѧ у Францэи был, Уршулѧ с паннами своими была ѡт угров забита. Атылѧ добывшы Рэмов, переехавшы франъцускую землю а Флѧндрыю злупившы и звоєвавшы, тѧгнулъ до Турынкгии; тамъ хотечы ѡказати, ижъ всю францускую землю и увесь заход слонца звитѧжыл, умыслилъ в мѣсте Изынацэ зъездъ мѣти а великии фэстъ учынити. А про тож много пограничныхъ королевъ и народов частю з боѧзни, частю иж и его самого и его пыху рады бы были видели, зъехали сѧ до него, которые Атылѧ гойне ударовавшы вольно пустил.

Было не мало народовъ над берегами мора брытанского и бальтыцкого або немецкого мешкаючых, которым еще неправе страшна была можность Атылева. Про то абы и тые шабли почули, ѡбрал колко гэтманов, абы тѧгнувшы воиском калетаны, нортманы, морыны, тункгры, фрызы, цымбры и прусы воевали, а все если не будуть его панованыя послушны, ѡгнем и мечом пустошыли. Тые вси народове злѧкнувшы сѧ тѧгнучых непрыѧтел доброволне сѧ поддали угром; а в тот час Атылѧ довѣдавшы сѧ иж рымлѧне и кготове пописують жолнерэ, збирають воиско а воину против ему хотѧть възновити, ѡбавѧючы сѧ абы ѡн самъ и его жолнере так великими працами, воинами и звитѧжствы розмаитымъ повоженемъ ѡдержаными будучы велми спрацованыи не был ѩко ѡт непрыѧтелѧ............ ѡпустившы францускую землю вернулъ сѧ до Сыкамбрые столечного ув-Угрехъ мѣста своего, гдѣ былъ Буду брата своего зоставилъ.

Глава ві

Атылѧ, кгды сѧ на воине Француской забавил, Буда брат его частью длѧ того, иж ѡ звитѧжстве и ѡ жывоте Атылевом ничого пэвного не вѣдалъ, частью тэж радшеи длѧ того, иж ко-

ролевство двух панов мевать не може, умыслил панство угорскоэ вылучаючы ѡт того брата сам посѣсти, которое для тое прычыны водле воли своее дома справовати почал. Которое речы (стр. 209) были великие знаки, иж замок ѡный, который Атыла почавшы недалеко Сыкамбрые будовать казалъ был Атылемъ прозвати, ѡн узгордившы волею братэрскою ѡт своего имена назвал Будою[1]). Для тых прычынъ будучы ѡбмовленый Буда, кгды Атыла для того змоцнена не смѣл са на него явне кинути, на зраде на него ударывшы поймалъ его и забил и казал вкинути у Дунаи, над которомъ Сыкамбрыа и Буда албо Будзынь столечное коруны угорское мѣсто лежыть. Нѣкоторые такъ поведають, иж Буда еще передъ битвою каталаунцкою был забит, але я держачы са кроиники угорское, держу ѡ том, же са то по той битве стало. Забившы Буду казал ѡбволати тот вырок, абы кождый тот замок Атылем звалъ, а Будзына не вспоминал; ведже иж посполите прырожена людъские бывають розные, а больше са до речеи заказаных горнуть, про то много их было, которые тому росказаню не чынили досыть: угрове тот замок и мѣсто еще и тепер Будою албо Будзынем, а нѣмцы Эцэльбуркгъ, то естъ замок Атылин зовуть, теперъ ѡт цэкгельнеи, бо там перед тымъ много вапна жыгано, зовуть Офъфэн, ѡткуль значыт са, иж нѣмцы, якобы через мѣчъ ѡт угровъ достаты, на ѡнъ часъ тэжъ Атыли послушни были.

По забитью Буды, кгды са вси рѣчы ув-Угрех въспокоили и порадне постановили, Атыла пать лѣт в Сыкамбрыи мешкал, а через тот часъ жолнерэ его, прывыкшы лупу, сэрбъскую землю, Мацэдонию, Ахаю, Тэсалию и Трацэю наежджали, лупили и пустошыли, а на ѡстаток тэжъ мѣста и люди угорские Атылевы подданые велми утискали и шкоды им чынили, так иж много его подданых, не могучы терпѣти такого лупежства, ѡтбѣгъшы добытку и быдла, упросившы са первѣи у Атыли на иншое мѣстцо переноситн са мусели, гдѣ хто волѣлъ, а сам

---

[1]) На поляхъ замѣчено: Тепер то Будзынемъ зовуть.

Атыла абы мог вѣдати што сѧ по всихъ краинахъ свѣта дѣеть, постановил на чотырох мѣстцах своихъ посты албо подводы [1]), ѡдну в Кольне, што их зовуть Акгрыпина, другую въ Сдоре, мѣсте далматскомъ, третюю в Литфе, четвертую у реки Танаис: с тых мѣстцъ кождое мало не всего свѣта справы через ѡтмѣненые на мѣстцах своихъ посты до Сыкамбрыи до него доношоно, а ѡн ѡпатъ ѡным всимъ волю свою ѡзнаимовалъ. Кгды то постановил, тот мѣлъ с того пожыток, иж частью снадности а погоды на непрыятела, ꙗкъ бы против ему справил, искалъ и пильновал, частью тэж ѡ всемъ в час, што ѡни против ему почать хотѣли, пэвную вѣдомость мевалъ.

Глава ѓі. (Стр. 210).

Сыкамъбрыю мѣсто, ѡ которомъ чынил часто възмѣшку, поведають исторыкове, иж французове збурывшы за справою Антэнора троꙗнского Паннонию, которую теперъ угорскою землею зовуть, на паметку имена своего перед давными часы збудовали, через много лѣт в нимъ мешкали. Того мѣста Атыла, коли угрове Паннонию, ꙗко-м вышей поведал, посѣли, поправилъ а столицою собѣ ку мешканю ѡбралъ, которое єсли ѡт сыкамбровъ, людеи немецкого народу, над Рэном мешкаючых, которое передъ тымъ французове воинами утискали, єсли тэж дла которое иншое прычыны Сыкамъбрыею названо, не маю достаточное ѡ том пэвности. Тамъ хота ѡсобою своею Атыла умыслил былъ мешкати, ведже будучы велми хутливыи до славы, уставичне ѡ том мыслил, ꙗко бы панъство розшырылъ, королевство до королевства прылучил, кождыи народ под свою моц подбилъ а славы собѣ воиною прымножал. К тому тэж, роспоминаючы собѣ поражку люду своего каталаунцкую, ѡ том розмышливал, на том увесь был, усихъ дорогъ а фортэлев до того искал, ꙗкъ бы сѧ крывды ѡное поражки помстити могъ. В тотъ

[1]) На поляхъ: Подводы Атылевы.

часъ услышавшы пэвную ѡ смерти А[э]цыусовои новину, розумѣючы же на доказанє того, што былъ вжо давно умыслил, дорога єму сѧ ѡтъ Бога подала, а къ тому нихто вже не былъ, которыи бы єго силамъ ровенъ могъ быти, умыслилъ напервеи на землю влоскую ѡбурыти сѧ, абы звитѧженємъ ее жалосное на каталѧуницъких полѧх битвы паметку новымъ мужством а новою воєнною славою затер. А так прызвавшы до себе королев и народов, которыє через тот час подъ єго хоруговю воину служыли єму кг воли, учынил до них рѣчъ тыми словы[1]).

Кгды ваше мужство а сэрцэ до справъ воєнных ѡхотно, мои милыє гэтманове шлѧхэтныє и жолънерэ мужныє, самъ у себе уважаю, а к тому тэжъ то, ꙗко-м много людеи, народов, краю, королевствъ мужством вашымъ, силами и товарышствомъ ратованыи под мою моцъ подбил, ꙗко-м на ѡстаток много звитѧжствъ по всих землѧх ѡдержал, зда ми сѧ реч не потребнаѧ, абых васъ многими словы до того, до чого сами с прыроженѧ своєго склонъни єстъєсте, або напоминалъ, албо побужал, поневажъ до кождых мужных а рыцэръских справ, которыє прыстоѧть мужнымъ людемъ, ꙗкъ єще сперву склонни а ѡхотни были єсте, досвѣтчылъ єсми самъ того; толко ѡ то сѧ нам потреба пильне старати, абыс мы сѧ (стр. 211) дороги до учыненꙗ чого зацного, што єст у людеи в такои потребе рѣч напереднеишаꙗ скоро сѧ подаст, не лениве а хутливе хватали, которое єсли сѧ держать будем, товарышы милыє, тэды все нам поготову будеть, лечъ єсли ее занедбаємъ, а ꙗк много працы, старанѧ и фрасунку первеи поднѧть мусим, нижли бы сѧ нам зась подала.

Сила рымъскаѧ, великоє панство, шырокоє, вельможноє а паметноє завжды было, маючы под своєю моцю увесь свѣтъ, вже вам давно естъ свѣдомы. Тоє панство, иж просторнеишэ, шыршэ и зацнеишэ перед тымъ бывало, тым большому упадку а небезпечности тепер подъданы естъ, єсли пилне углѧнем в тоє,

---

[1]) На поляхъ: Рѣч Атылева до королевъ и жолънеров своих, кгды на влоскую землю воину поднести мѣлъ.

ꙗкъ сѧ тепер ихъ рѣчы мають, а чого злого ѡни тепер за нашого часу, або з божого допущенья, або тэж зъ ꙗкого сплъ их звонтленья а нахилена не утерпели. Вандалове, висигготове, брытаннове и нѣмцы, которые панство рымъское водле воли своее наѣждчали, дають то нам знать ꙗкъ сплы их тепер суть слабы, звонтлены и вынадзоны; Афрыку, Ибэрыю, Францэи не малую часть, Брытанъчыю, которые земли перед тым под рымскимъ пановањемъ были, тепер непрыꙗтель маеть; Панноніа, сэрбскаа земла, Трацыя, Мацэдонія, словенскаа земла и иные въсходу слонца крапны мужством, жолнере мои милые, вашымъ рыманом ѡтнатые, под нашым пановањемъ суть. Чогож тогды вже ншого не доставаеть? Ѡдно, абыс мы на влоскую землю ѡбурывшы сѧ, котораа ест над вси помепеные крапны предпешаа, подбили ее под свою сплу, чого если же дороги нам ѡт бога до того даное, жолнере милые, з рук спросне а недбале упустить не будете хотѣли, лацно доказать будете могли, бо а которые мѣстечка и великие мѣста, которые на ѡстаток народове, которые королевства шабли вашое не болѧ сѧ, не почули, не дознали [1])? Што сѧ коли, жолнере намужнешые, так трудного вам видело, чого бы ваше мужство и во всих речах статэчност лацнымъ не учынила? А если же рымане в королевствах и в крапнах помененых, которые перед тым подъ ихъ пановањемъ были, не могли сѧ вашое шабли, вашому мужству и моцы жадным способом ѡтнати, штож розумѣете, што теперъ против вамъ, сплы зуполные маючым, долгим ѡтпочываньемъ змоцненымъ, много товарышства розмножењемъ заможным, панство рымское вже звонтленое будеть могло? Битва каталаунцкаа, абых тэж и нашое поражки въспоминаючы чужую падзу не запомналъ, ачколвекъ нѣякою товарышов нашых исполных (стр. 212) жолнеров за мужством [А]эцыусовым прынесла, ведже если личбу непрыꙗтел побитыхъ до нашых прыровнаете, ѡбачыте, же то што есмо мы терпели, будеть смѣхомъ а игрыщомъ перед

[1]) На полях: Выславаеть люд свои.

ихъ упадком, а ни ѣ еще тое прошлое битвы надзу, если есте которую поднали, гнюсности а ничэмности вашое прыписовати могу, бо а хто з вас не мѣлъ рукъ у крви непрыятелских ѡмочоных, або хто з вас непрыятелеви горла не выдрал? Але што колвек тамъ злого на насъ прышло, то прышло з розного и никгды не ѡднакого повожена воины а ѡблудного щаста, которое такъ люди мужные, ѣко тэж гнюсные а ничемные ѡднако без браку много кроть утискать упадком звыкло. Тепер тэды, товарышы а жолнере мои мужные, час ест абыс мы са ѡной давно поднатое поражки новымъ мужъством помстили, што будеть без похибы, если не будем волѣли ничэмне естъ въ гнюсности, нижли са тое дороги а снадности, котораа се тепер подала, держать. Сэрдцэ моѥ будучы тых речеи, которыѥ мають прыити, пророком, мнѣ даеть знати, иж влоскаа земла в коротком часе не з великою працою наша будеть, котораа кгды под нашу моцъ прыидеть, што-жъ вжо зостанеть въ Эуропе, што бы не лацно мусело подъ ваше ѣрмо прыити?

Нуж тэды, мои милыѥ товарышы, ѣко са есте до иншых рѣчеи аж по нинешнии день ѡхотне брали, так са тэжъ и на тую выправу до Влох берыте, не зоставаите собѣ винни в щастю, въ богатствах и в зацности вашои, чого потреба на вопну вже тепер готуите, зо мною восполок пущаите са за щастемъ, вѣрьте мнѣ, жэ не праца, не небезпечность и не иншые, которыѥ са на воине трафають, надзы або трудности не ѡдорвуть мене ѡт розъмножана вашыхъ богатствъ, ѡт захованьа прыязни и помоганью товарышъства а ѡт боронена здорова вашого. Все хочу з вами сполне подыимовати и ѡвшем всего перед вами хочу первѣи коштовать, только за мною за щастьемъ а за снаднostю або погодою, которыѥ двѣ рѣчы на воине суть напреднеишыѥ, идите. Постараю са ѡ тоѥ за помочю божею, иж влоское земли не малаа часть первеи будеть под вашым пановапем, нижли рымскаа сила противъ вамъ выидеть.—Тыми словы гетмане и жолнере Атылевы такъ были рушены, иж з великою радостью кликали, же не толко до влоское земли з нимъ потагнути, але до

каждое части свѣта, до которое Атыла каже, за его хоругвю смѣле поидуть а росказане чынить будуть [1]).

Зобравшы тэды Атыла своих [2]) и ωстрокготов, эрулев, турцылинкгов, ωвадовъ, рукгов, которых спереду в товарышстве на воине зъ собою мѣлъ воиско, кгды зготовавшы сѧ в дорогу на конь вседал, поведают же крукъ [3]) (стр. 213) ωт усходу слонца прылетевшы усѣлъ на правомъ плечы его, а потомъ възлетѣл къ горе и летелъ так высоко, же его потом жадэн дозрэть не мог. С тое ворожки Атыла будучы вэсол, заразом тагнул в дорогу, напервеи тэды до Стырып, Карынтып, словенскои и долмацкое земли вторгнулъ, которые звоєвавшы а Салону и Спалат мѣста зъжогъшы до берегов адрыатыцкого мора прытагнул; потом Тракгур, Скардону, Сыбиник, Идору, новую Сэкгнию, Потэнцыю, Поле, Тэркгестъ, Капифэрыю, мѣста велми богатые и велми хорошые збурылъ а на луп своимъ жолнером ωбернулъ [4]).

На самым до волоское земли втаганю нѣшто люду Валентыниана цэсара засело было тесшны або ужыны дорог, хотечы Атыле . . . . . назад; але кгды сѧ там прыближалъ, тогды вси ωт страху повтекали.

Рокъ [5]), которого Атыла ωбурыл сѧ на вълоскую землю, был ωт нароженя божого чотырыста пятьдесатып. Эузэбиусъ прыкладаеть до того ωдинъ рок, а Сыкгэбэртъ чотыры.

Вэнэтове, ω которых исторыкове поведають, пжъ згубившы под Троєю Пилимона короля, маючы вожэм Антэнора до внутрнои адрыатыцкого мора ωдноги были прышли, на тот часъ ωколо Адрып мешкали; тые зъ многими мещаны аквилеенскими и ωт инпыхъ близних мѣст ωбыватэльми, боячы сѧ Атыли,

---

[1]) На поляхъ: Позволене валькы.

[2]) На поляхъ: Выправа Атыли до Влохъ.

[3]) На поляхъ: Крук знак.

[4]) На поляхъ: Панства и мѣста збуроные.

[5]) На поляхъ: Рок, которого Атыла на влоскую землю ωбурылъ сѧ.

ѡпустившы свое властное мешкане напервеи утекли были до нѣкоторое выспы недалеко ѡт Аквилеи мѣста, потомъ домнимаваючы сѧ, жебы и там Атылева сила досѧгнути мѣла, перенесли сѧ до иншое выспы, ѡт навалности морское безпечнеишое, которую зовуть Рыуусъ альтус, на котором мѣстцу почали будовать тое мѣсто, которое теперъ Вэнэцэею зовуть [1]).

Глава дї.

По збуреню мѣст пречоных, кгды Атыла ку Аквилѣи тагнул, зашло ему дорогу ѡт тэръкгестыиское ѡтноги рымское воиско досыть великое, которое поразившы а выкоренившы ѡблегъ Аквилию мѣсто [2]), которое ач трудное было ку добытью, частю для того, иж мещане довѣдавшы сѧ ѡ тагненью Атыли, ѡгледѣли сѧ были на всякие потребы ку вытрываню ѡблежена и ку ѡбороне мѣста потребных, частью тэж (стр. 214) для того, иж не мало люду мужного ку ѡбороне в ним мѣли, ведже абы толко тое ѡдно мѣсто не было прожно ѡт того так великого сэрца короля можности и потужности, хотѣлъ под ним всякого пещастя досвѣтчыти. А так добываючы его дѣлы, которых не мало зъ собою мевалъ, кгды ему сѧ не водле мысли шанъцовало, тры лѣта по прожницы под нимъ стравил а в тот час вси пола вколо повоевал, которая рѣч была того прычыною, иж въ ѡбозе Атылевом велми трудно было ѡ жывность, а для тогож так люди, ыко и быдлята, мусели єдать незвыклые потравы, розмаитые хоробы прыносячые. До того вже было прышло, же сѧ былъ Атыла пры том ѡблеженю велми стошнил, и жолнере частю надзами долъгого ѡблежена, частю недостатком речеи потребныхъ, велми были стрывожоны и на телѣ звонтълены; вже всюды по ѡбозе слыхать было шамрене и нарекане жолнеров,

---

[1]) На поляхъ: Початок Вэнэцэи.

[2]) На поляхъ: Аквилиа ѡд Атыли ѡблежона; Аквилии тры лѣта добывалъ; фортэль.

гнѣваючых сѧ, ижъ не з людми прыстоиною воиною, але с каменьми а муры и баштами недобытыми справу мѣли, с которое працы и терпливости а ни славы а ни нагороды жадное мѣть не мѣли, поведаючы, жебы то было им учстивеи и пожыточнеи до Рыму влоское земли головы заразом тягнучы, если бы сѧ Атыла въ wблеженю мѣст кохалъ, которого добывшы лацно бы сѧ другие мѣста поддали а всее влоское земли богатств угром сѧ достали; к тому еще, взявшы Рым, мѣли бы вечную своих справ славу. Тое жолнеров нарекане ачъколвекъ Атыли было велми прыкроє, ведже, абы толко того wдного мѣста моцность славы єго с так много зацных справ по всем свѣте квитнучое не нищыла, благаючы жолнере своє частю надѣею wдержена звитѧжства, частю великими wбѣтницами, а их хуть против собѣ єднаючы, умыслил так долго wт wблежена не wтступовать, аж бы того мѣста wкоколвек достал, што абы што рыхлеи справити мог, про то и сам у небезпечност удавал сѧ, ездечы часто wколо муров мѣстскых, wгледаючы а пщучы, с которое стороны лацнеи добыть; а такъ кгды нѣкоторые молчанье wблежоных а муры пустые вабили его до того, абы близко под мур заехал, нѣкоторые жолнере местцы вытекшы таемне через рышштоки и инъшые подкопаные проходы под муром дла..... угров учыненые, нагле сѧ до него торгнули. Атыла, видечы же а ни утеканю а ни в иншых своих помочеи надѣи здорова не мѣлъ, wдно у своеи дужости а мужстве, абы wднак без помсты не умеръ, смѣле на них ударыл а забившы двух, кгды другие видечы его смѣлость не такъ сквапливе натирали, здорово до своих вернулъ сѧ [1]).

(Стр. 215) Поведають, ижъ тые жолнере мѣстцы поведали wпат своимъ, иж зъ wчю того жолънера, хтоколвекъ былъ, бо не вѣдали же бы то Атыла был, искры wкъ бы wгнистые блискали сѧ, кгды на них западывпившы сѧ гледел. Другого потом дня, кгды прожно розмапте до мѣста штуръмовавшы Атыла

[1]) На поляхъ: Дужост Атыли.

Фрасунку полонъ водле своего ѡбычаю ѡколо мѣста ездилъ, увидел иж бусел на верху нѣкоторое высокое вежы гнездо мѣл, с которого дѣти свои еще голые ѡдно по другом до троснагу, которая была не далеко мѣста, в губе по ѡдному носилъ; на што Атыла загледѣвшы ся, кгды долго стоял мыслечы, потом рекъ до своих, же тот птах, чуючы мѣста того вже велми близкий упадок, беспечное дѣтамъ своим мѣстцэ готуе, бо иж ся до троснагу з дѣтми переносил, значыло ся иж в коротком часе мѣсто до его рук прыити мѣло, а протож буселъ, чуючы прышлый упадок, хотѣлъ дѣти свои мѣть на волности, абы потом восполок з мѣстом в борзде не згорѣли, або ся з вежою не ѡбвалили. А про тож Атыла, будучы тою ворожкою напомененый, того-ж дня почалъ места лепеи и потужнеи добывать, але коли в тот час ижко и первеи не повело ся ему водле мысли, на завтрэе казал седла кождого четвертого кона зо всего воиска своего зобрати и в перекоп накласти по тои стороне, гдѣ мур былъ слабшый, и зажечы, абы мур, будучы ѡгнемъ звонтленый, або самъ ся ѡбвалилъ, або ся потом дѣламъ лацнеи дал збить [1]). В тот час Атыла, наготовавшы начыне до бити муру, а жолнере до штурму напоменувшы, ждал часу абы скоро бы ѡгонь утихъ, муръ ламалъ а до мѣста штуръмовалъ, але его таа рада не ѡмылила, бо муръ будучы великим а кгвалтовным ѡгнем звонтленый лацно ся дал розвалить. Атыла видечы тую снадность до взяти места, напоминал жолнере, абы каждый водле мужства своего старал ся через мур перебити а до мѣста войти. Они з великою ѡхотою беручы ся до того кинули ся на жолнере, мѣста бороначые, будучы готовы всякие раны подыимовати, а ни збронни мещане а ни жадна небезпечност не могла их ѡт предсавзяти гамовати, але смѣле а нелякливе через мур ся перебивал. Не меншым тэжъ серцэмъ мещане мѣста себе а своего и жон и детеи своих горла боронили, видечы иж жадное иншое надѣи здорова не мѣли, ѡдно коли бы непрыятела долгою працою и надзами вже

[1]) На полях: Ворожка зъ бусла; Мур вонтлен.

спрацованого ѡтогнати, а мѣсто моцю и мужствомъ своим заховать могли; што Атыла видечы, казал рапные до ѡбозу ѡтводить, а свѣжым на тое местцо наступовать; самъ, котораѧ речъ тэж и гнюснэ або недбалые жолнере в рѣчы вонтливои побужать а мужными (стр. 216) чынити звыкла, пры них был, кождого сѧ мужству прыгладывал, на кождого властным его прозвискомъ кликал, напоминал, просил, абы того што почали не переставали, поведаючы же вжо болшою працою трудност и небезпечност поднали а до ѡдержанѧ мѣста меншаѧ зостала, за которое подымованіе кождому з них великую нагороду наготовалъ [1]). А такъ жолънере велми потужне силы прыложывшы а ѡколо муру пилне сѧ забавившы, за тры годины мѣсто взали [2]), молодые и старые ѡднако забивали, а ни вѣкови, а ни плоти не фолькговали, хиба троха бѣлых головъ што хорошшых зоставили [3]); все што было в мѣсте на лупъ жолънером подано, ѡ трыдцать и семъ тисечеи людеи там забито. Была на тот час в мѣсте бѣлаѧ голова так набожностью ѣко чыстостю и роду зацностью славна, а так хороша, пж цуднепшое в мѣсте над нее не было; звано ее Дикгъна [4]). Таѧ довѣдавшы сѧ, пжъ угрове кождого забивали, хиба бѣлые головы што хорошъшые зоставовали, утекла на верхъ дому своего, умыслившы первеи умерети, єсли бы ее которын угрын хотелъ кгвалт учынити, нижли чыстость свою сътрати [5]). А так кгды нѣкоторын жолнѣр улакомившы сѧ на ее хорошство гонил ее, хотечы єи учынити кгвалт, ѡна ускочыла в реку Натысону, котораѧ под ее дом текла, и утопила сѧ; так ѡнаѧ статэчнаѧ невѣста жолнера спросного спроснои хути смертыю своєю ушла.

---

[1]) На поляхъ: Мужство королевскос.
[2]) На поляхъ: Аквилиѧ взѧта.
[3]) На поляхъ: Тыс не бываютъ забиваны.
[4]) На поляхъ: Дикгна бѣлаѧ голова.
[5]) На поляхъ: Цнота бѣлое головы.

Глава ѣї.

Кгды вже Аквилиа была збурона, а через тот час ѡблежена ее поддалъ сѧ за справою Гельмунъда бпскупа Тарвижъ и Вэрона за Дыадэрыковою справою; Утынъ тэж Атыла збудовал, абы паметку имена своего, єслибы Аквилии достати не могъ, у людеи потомных зоставил; тагнул ку Конкордыи, у которои дорозе хорошыи мужного сэрца знак ѡказалъ. Нѣкоторые хлопи зъ села, што сѧ кукглѣрствомъ бавили, люди уродивые и дужого тѣла, в надѣю якого пожытку прышли до Атыли и чынили штуки дивные, скачучы велми хипко и мистэрне межы мечми [1]). Кгды другпе што на то гледѣли, смеялп сѧ с того, Атыла мѣл то за реч спросную а не прыстоиную, иж ѡные дужые тѣла, которые сѧ борздеи на жолнерскую працу нижли на кукгларство згодити могуть, такъ сѧ ледачым бавать а жывотъ порожнюючым а непожыточным ведуть, казалъ их (стр. 217) у зброю убрать и казал имъ абы так на конь вседали у зброи ако и ѡнъ, чого кгды ѡни тому не прывыкли, учынить не могли, а ни з луку стрелати а ни стрэлы на тетиве положыть не вмѣли, казалъ ѡные тѣла их, збытне перед тым в порожневаню розтылые, скромным покормомъ такъ выхудити, иж потом мерностю и цвичэньемъ неледа в кождои рѣчы мистромъ будучы выучоны, ѡбоеи рѣчы велми лацно досыть учынили [2]); которыхъ потом послуги и дужости у многих рыцэрскпх рѣчах ужывал. А такъ кгды до Конкордыи прытагнулъ згубивпшы семнадцать тисечеи угровъ добылъ мѣста, на которого муръ самъ первеи въскочылъ [3]), потом другпе мѣста близкпе, частю через силу взявшы и збурывшы, частю через подане ѡдержавшы, на первеи Падву, гдѣ Марульлюса калабрыичыка поэты вирши ему к воли написаные до ѡгна вкинути

---

[1]) На поляхъ: Атыла кукглѣры цвичыть.

[2]) На поляхъ: Наука скочком.

[3]) На поляхъ: Конкордыи добылъ, сам король на мур вскочылъ.

казалъ [1]), иж водле волности поэтыцкой назбыт его выславаючы написал якъ бы Атыла от богов пошол, поведаючы то быти великую невстыдливость, кгды люди смертэльные змышлаючы са мѣти початок от богов несмертэльныхъ. Потом Вэнэцыю, Мантуу, Брыщыю, Бэркгамъ, Кремону, Фэрраръ, мѣста крепкие и богатые моцъю взалъ [2]) а на луп жолнером подалъ, которые вси частю для хорошого а коштовного ихъ будованья, частью тэж для прозбы прыятелъ цэло зоставил а не жог ихъ, хиба самую Брыщыю для раны в бране мѣсткой, кгды са кгвалтом до неи вдирал, поднятое восполокъ з мещаны замкнувшы их в нимъ до кгруиту зъжечы был умыслилъ, але его прыятели такъ же прозбами от того отвели. Добываючы тэж Винцэнцын знамешитое мужства своего сведэцство оказал, бо кгды жолнере его для потужности облежоных и глубокости воды до муру звлочали ближей са шанцовать, самъ у перекоп прудко вскочывшы а через воду [3]) аж до персеи брынучы до муру прышол, которым его учынком жолнере побужоны за встыдомъ мусели са до муру убегать, а нѣкоторые з них потонули. Тамъ оттуль до Равэнны тагнулъ. Был там на тот часъ бискупом того мѣста Янъ, аррыанской сэкты великин оборонца; тот здавна зобравшы великие богатства, так велико наследуючы в том папежа рымского, яко тэж на злост и на зельжывост, учынил был дванадцать бискупов тос-жъ сэкъты вызнавцовъ, абы за их послугою и помочъю иную сэкту свою шыреи по влоской земли розмножыл. Тотъ коли са Атыла до Равэнны прыближал, з множствомъ духовных особъ и мещан вышедшы против ему просил его покорне абы гнѣвъ свои на сторону отложыл, обецуючы ему того довести, еслибы его вѣру прынал, а тых которые костела рымского слухають пренаследовал, иж в коротком часе Рыму и всее влоское земли и Афрыки окром працы а небезпечности достати можэ; которому Атыла

---

[1]) На поляхъ: Атыла виршы зъжогъ.
[2]) На поляхъ: Мѣста, которые побрал.
[3]) На поляхъ: Зацныи учынок Атыли.

ѡтповедалъ, же поневаж сѧ в по(стр. 218)кору вдали, ѡн имъ нічого злого не учынить, а ѡбетниц, если имъ досыть учынити будеть мог, рад ждати будеть; вшакже абы ѡднакъ потомъкове твоих мещанов не пышнили сѧ тымъ, же-м и того мѣста за такими умовами а не моцъю достал, про то хочу абы вси браны мѣстскіе зараз были поѡбвалены, а черезъ нѣкоторую част муру розваленую а копытами коши нашых утлучоную зо всим воискомъ збройно хочу до мѣста як звитажца уехати [1]).

Ян бискуп и мещане вырозумевшы волю Атылеву, ѡтворывшы браны местскіе з радостю росказане чынили а короля до мѣста упровадили, в котором Атыла зо всими своими воиски потуль мешкал поки хотѣлъ. Потом Тыцын, которы тепер Паннею зовуть, Плацэнцыю, Парму и Мурыны збурывшы, Мэдыѡлан [2]) взял моцю, мещаны позабивал, мѣсто збурыл и з землею зровналъ. Тамъ ѡттуль прытагнувшы на тое мѣстцо, гдѣ Мынцъ до Паду впадаеть, почал собѣ розмышлать если мѣл з воиском тагнути до Рыму, будучы рушоны прыгодою Алярыка короля кготского, ѡ котором поведано ему, иж кгды тэж былъ первеи того мѣста добыл и вылупилъ его, нагле умер. А так кгды въ ѡбозе розмышливал собѣ што бы мѣлъ чынить, панове преднейшые рымскіе, ѡбавлаючы сѧ абы сѧ Атыла до ѡблеженя Рыму не поспешылъ, шли до Лва папежа и просили его абы ехал с покорою до Атыли, гнѣвъ его ублагал а горла рыманом упросилъ, маючы тую надѣю, жебы то у него лацно упросил, поневаж тэж также Яна равэннэнского арцыбискупа кгды пал до ногъ его в ласку прынал. Лев папежъ частю прозбою рымановъ, частю костела своего небезпечностю прыведеныи, умыслилъ так учынить. Поведаеть Сабэллик иж Валентынан цэсар Лва папежа на то был намовилъ. Кгды сѧ то дѣало, тогды Атыла абы его жолнере, которые працам а уставичнымъ справам прывыкли, не зничэмнели у прожневаню а

[1]) На поляхъ: Знакъ звитажства.
[2]) На поляхъ: Мэдыѡлан.

в покою, нѣякого Зовара воиска своего гетмана ѡбрал, которыи, взавшы немалую часть воиска, тагнул до Апулии, Калабрыи а до тыхъ влоское земли мѣстцъ, которые лежать надъ моремъ адрыатыцком, и пустошыл ихъ, которыи кгды вжо з великимъ лупомъ ворочал сѧ назад, в тот час Лев папеж, ꙗко был умыслилъ, з великим множствомъ духовенства убравшы сѧ в костельные уберы, взавшы зъ собою, ꙗко пишеть Сабэльликъ, ѡдного бурмистра и немало ѡсобъ з рады рымскои, прыехал до Атыли [1]), которого кгды Атыла вышедшы противъ ему з великою учствостю прыналъ, тыми словы до него мовилъ [2]).

(Стр. 219) Великаа перед тымъ, не звитажоныи королю, рыманов всего свѣта звитажцов слава была, рымане звыкли были звитажонымъ ѡтпущати, у покору сѧ даваючые в ласку прыимовать а звитажство милосердьем макъчыть, которыми речами панство и богатства розмножали, а славу имена своего чынили несмертэлную. Таковые кгды того час былъ рымане мѣли ѡбычаи, але кгды час ѡтмѣны прышолъ, што нам щасте ѡтнало, то тобѣ тепер, Атыла королю, дало, колько намъ убыло славы, толко его твоему мужству прыбыло. Ачъколвекъ есп много мѣстъ, много народов и королев звитажыл, зацнэ-сь трыумны рѣчы ѡт тебе доказаных справилъ, мало не вси краины свѣта мужства твоего а моцы твоее слава перешла, ведъже если сѧ тому пилне прыгледимъ, тые вси рѣчы не большую славу тобѣ, нижли тот сегоднешнии день уво всих людеи на потом будучых зъеднать можеть. Людъ рымъскии, которыи передъ тым всего света паномъ был, которого правомъ [3]) много сѧ королевъ и народов перед тым судило, тепер прыведеныи твоею можностью с покорою до тебѣ прышолъ, просечы у тебе покою а хотечы вси способы покою, которые сѧ тобѣ сподобають, добровольне прынати, толко абыс насъ розумѣлъ быти годные твоего милосердьа, ласки и

---

[1]) На полях: Папеж до Атыли.
[2]) На полях: Реч Лва папежа до Атыли.
[3]) На полях: Права рымские.

прыязни. Не потреба тобѣ шаблю рымского мѣста и тых мѣстцъ, которые суть ему послушны, доставать: з доброе воли своее твои естъ Рым, мы твои єстэсьмы, твое ест все што естъ нашо, все чыни водле воли твоее, ужываи твоих правъ, все твоему росказаню будеть послушно[1]), мѣсто шабли словъ ужываи.

Нужъ тэды, наможнеишын королю, которын єси аж до нинешнего дня иншых звитежати звык, теперъ сам себе звитаж, сэрцэ ѡбражоное погамун, гневъ повстагни, которымъ подобно умыслилъ єси был срокго са з нами ѡбходить. Жадною речъю до несмертэлности ближе прыступити а богу подобным быти не можеш, ѡдно ѡтпущаючы покорным а милосердья просящым уделать. Потом и бурмистръ и сэнат рымскин с плачомъ пали до ногъ Атыли, которым Атыла казавшы повстать а не фрасовать са, поведал же им покои ѡбецуе[2]), а к тому их в ласку, въ ѡборону, в товарышство и в прыязнь ѡзме, учынившы такое постановенье ѡ податокъ, абы рымане напотом на кождын рок Атыли податокъ давали. Лев папеж все, ѡ што просил и чого хотѣлъ, у него ѡдержалъ. Кгды вже ѡтшол папеж и ѡн рымскин сэнат, гетманы пытали Атыли, для чого бы надъ звычаи так са лацнымъ а макъким против рыманом ставил, (стр. 220) а давшы са их прозбам и плачу увесть так пэвное звитажство з рук упустилъ и всее Эуропы панство, которое во всемъ здает са на волю папежову. Которымъ Атыла ѡтповедил, иж так учынить и прыстало и потреба была, досыть на томъ же до него с покорою прышли а до ногъ его всего свѣта панове пали. Рым, которын всему свѣту перед тымъ пановал, вызнавшы са быти звитажонымъ, теперъ са поддал под его пановане, податок рымане на себе вложоный доброволне прынали и все росказанье чынити мають. А што ест набольшого, поведал, иж над голову[3]) папежову видел человѣка в шыроком ѡдѣнью, поважного, сивого, з добрым мечомъ грозечы его забити єслн бы на его хуть

---

[1]) На поляхъ: Покора Рыманов.
[2]) На поляхъ: Ласка Атыли.
[3]) На поляхъ: Виденє.

не позволилъ. Оттуль же уросла была куштъливаа прыповесть у его жолнеровъ [1]), иж Атыла большеи са боить дикихъ зверат самых толко прозвищъ, нижли збропного воиска, поневаж у Францыи над волкомъ а въ Влохахъ надъ пльвом не ужывал своего панованьа.

Глава sī

Вернувшы са до Равэнны Атыла казал Йна арцыбискупа всадити до везэньа, а от него и от мещанов равэнъпенскихъ взавшы шестдесат тисечеи гривен золота, его самого и всих, которые аръриянскую вѣру держали, казал погубити, або дла того, иж то был у него Лев папеж упросил, або тэж радшеи дла того, иж подобно в небытности его што нехорошого против ему въщынали. Потомъ прызвавшы до себе оных королев и гэтманов, которые у его воисцэ были, выличал у кротцэ, которое воины за их мужством скончылъ, якъ можные короли, народы, мѣста и мѣстечка под свою моц подбил, якие працы и небезпечности, абы им несмертэлную славу зъеднал, частокроть подымовалъ, а тепер вжо то собѣ розмышливаеть, иж вси люди дла того працують, абы доставшы вечное славы по тажких а долгихъ працах колко бы могли тэжъ нѣшто покою ужывали а вытхнули тѣлу короткии вѣкъ маючому. А про тож если бы розумѣли иж досыть мели на тои славе, которое до того часу достали, умыслилъ до Угор, до назначоного ему и имъ ку отпочынепью мѣстца, вернути са, поневаж вжо досыть (стр. 221) богатствъ, досыть трыумфов и славы, досыть зацности уво всих народов достал. Годить са абы по працах прышло отпочынепе, а на их местцо наступило, поневаж вжо зъ великою славою своею справили; вси люди по великих а тажких працах звыкли са держать покою и отпочывана якъ нагороды за працу, трудности, фрасунки и непокои перед тым поднатые. Кгды его гэтманы тую раду похвалили, спешыл са абы са борздо до Угор вернул. Валентынанъ

[1]) На полях: Прыповесть.

цэсар, ѡ котором чынил єсми вышеи възмѣнъку, мѣлъ сестру Гонорыю [1]), котораѧ ѡкром вѣдомости брата своєго послявшы до Атыли просечы, если бы сѧ мѣлъ ѡженити, абы ее понял, а если бы ему сѧ видело, жебы або вернул сѧ назад, або послал до Валентынана брата ее посла своєго, просечы абы ему сестру свою в малженство дал. Вже был Атыла з влоских границ выстагнулъ, кгды посол до него прышол, а ачколвекъ тое посэльство было у него вдачно ѡ малженстве тое бѣлое головы, которая была ѡсобное чыстости и зацности, ведже розумѣл то собѣ быти рѣч трудную, ѡбтяжливую а нѣяко зэльжывую, войско свое вже далеко ѡт влоскои земли будучое а такъ далекими дорогами спрацованое, звлаща будучы вже блищеи угорское нижли вълоское земли, розмиловавшы сѧ ѡдное бѣлое головы назад вернуть. А так послявшы посла своего до Валентынана цэсара просил, абы ему дал в малженство Гонорыю сестру свою а в посагу половицу панства своєго, чого если бы не учынил, теды сѧ зараз хочеть до влоское земли вернути а ему все панство ѡтнявшы сестру кгвалтом взати. Ѡтправившы тэды посла сам сѧ вернулъ до Угор. Кгды в Сыкамбрыи столечномъ мѣстѣ своем мешкал, ачъколвек, яко-м вышеи поведал, умыслил был по так великих воинах водле своее мысли справленых и сконченыхъ собѣ ѡтпочынуть, ведже то трудно быти маеть, абы сэрцэ, которое сѧ на то народило, жебы завжды што справовало, будучы готовы до воины а до великих рѣчеи хутливые; про то не переставаючы на тои славе, которое был так многих справъ достал, против тому, што был первеи с похваленем своих жолнеров учынити умыслил, мыслил ѡ том во дни и в ночы, абы звитяжывшы вжо Эуропу силы свои на Азыю, Асырыю и Эгипт ѡбернулъ, будучы того мнимана, же мало єще славы и панства достал, если бы тэж ѡные крапны свѣта силы и шабли єго не дознали а ему послушны не были. Кгды сѧ тэды, яко-м поведалъ, Атыла....
.... а намышлялъ што бы чынити мѣлъ, нетерпливостю милости

---

[1]) На поляхъ: Гонорыа сестра цэсарова.

будучы звитажоныи, не ждучы отповеди Валентыніановы о малъженство Гонорыи, поналъ Микольту, дочку короля бактрыанского, (стр. 222) паненку вельми хорошую, на которои вэсэлыю праве по королевску учыненым, кгды большеи надъ обычаи жарлъ вина, потом в ночы назбыт болшъ шижли прыстопть малженъством са бавил, которые двѣ рѣчы, то єст вино и вэпусъ, поневаж не толко старым, але и молодым за збытным ужыванем суть небезпечные, кгды кров во всемъ тѣле єго узварыла а он твердо заснул, пустила са ему кров носомъ и удусила єго, року божого, яко угорскаа кропника свѣтчыть, чотыры ста чотырдесатого пятого.

Микольта [1]) почула же горачаа кров єи на перси текла, а очутывшы са почала мужа . . . . . и будить, которого тѣло кгды . . . . . почула быти стюденое а без душы, злякнувшы са несподеваное прыгоды, почала великимъ голосомъ кликати на тых, што у дверей оное ложницы спали, которые, очнувшы са зъ оного кликана королевои, розсветившы свечу а вшедшы до покою Атылевого, нашли иж с кровю душа з него давно вышла. Тогды са стало велікое всих кликанье и верещанье ку небу идучое, по всеи Сыкамбрыи было полно плачу и жалостного нареканя, кождыи так великого короля смерти вельми плакал. Новина о смерти єго в коротком часе по всеи угорскои земли розышла са, кождыи жалобу на себе оболок, а всюды так было полно жалости, иж через долгии час жадного знаку весела такого або доброе мысли не было видать. Кгды ему учынено угорскимъ обычаем обход а пры теле гонитвы чыненои спеване жалобное з выславленем зацных єго справ спевано, потом его з великою а королю такому надлежачою гордостью в гробе продков єго поховано на долине Кэазо, не далеко от столъпа каменого, где Кэву, Кэму, Каыка и Бэла, яко-мъ вышеи поведал, были похованы.

Тое ночы, которое Атыла умер, поведають же Марцыанови цэсарови константинопольскому снило са яко бы са лук Атылев

[1]) На поляхъ: Смерть Атылева.

ламалъ. Пишуть историкове, иж Атыла уродилъ сѧ былъ того дня, которого Юлиусъ Цэсар, а умер петнадцатого дня марца, которого тотъ Юлиусъ въ главе рымской двадцатьма и треми ранами былъ забит, а былъ жыв, ꙗко кроиничка угорскаѧ свѣтчыть, сто двадцать и чотыры лѣта. Сабэльлик поведаєть[1]) жебы Атыла мѣлъ умереть року вѣку своего пятьдесят шестого, але сѧ то не видить быти къ речы, бо то ест речъ асна, же Атыла межы иншыми гетманы угорскими былъ ѡдным в тот час, коли угрове выгнали кготы з мешкана их а потом вошли до Паннонии, которую ѡт их прозвища угорскою землею прозвано; а то не ест речъ здорожнаѧ вѣрыть, же ѡн вже в тот час былъ человѣком дорослым и статочным, поневажъ с так много тисечеи ѡт народовъ на воину наражоных для мудрости и в речах рыцэрскихъ бѣглости и тѣла дужости в личбу иншых гетманов былъ полічонъ. А угрове ушли были до Панонии, ꙗко-м вышеи поведал, року ѡт нарожена Хрыстусового трыста (стр. 223) семдесят третего, по котором року ѡбран былъ Атыла королемъ року двадцать ѡсмого, которыи былъ ѡт нарожена божого чотырыста першыи, ѡт которого королевалъ лѣт сорок чотыры. А єсли Атыла, ꙗко Сабэллик поведаєть, умер пятдесят шостого року вѣку своего, тогды в тот час, коли его ѡбрали королем, мѣлъ дванадцать лѣт, што ест против розуму, бо бы былъ ѡн людъ валечныи а многими зацныхъ справъ и на тот час славныи, корола так молодого а не толко рѣчеи посполитых, але тэж и своих властных справовати не умѣючого, а звлаща на початку, кгды королевства шаблею доставали а воиною сѧ все бавили, собе не ѡбрал.

А так водле преречоного рахунку, которое сѧ до правды болшеи стосуе, коли Атылю королем ѡбрано, в тот часъ ємy было семдесят лѣт и двѣ; ѡттуль сѧ тэды значыть, иж ѡн в тот часъ, коли угрове с татарское земли вышли, пятьдесят мѣлъ лѣт и двѣ, што все єсли въ ѡдну личбу зложыш, покажеть сѧ

[1]) На полях: Вѣкъ Атылев а Сабэльликова ѡ нем ѡмылъка.

же Атылѧ был жыв лѣт сто двадцать и чотыры, не ꙗко Сабэльлик поведаєть, пѧтьдесѧт шесть. А иж ѡ немъ пишуть, же так много лѣт мѣлъ, може сѧ то дивно не здать, бо межы много иншыми, которых ꙗ тут умыслне ѡпущаю, тэж Эмэрык висикготскии корол мало тэж не такъ много лѣт был жыв. Над то ещэ меншъ будем сѧ дивовать так много лѣт Атылевых, єсли тэж и то у себе уважым, же тэжъ угрове могли рокъ коротшыи личыти, нижли мы, ꙗко аркадове, трыхарове и акарнанове шесть, а эгиптчане чотыры толко мѣсецы спродку у год личыли, або тэж єще и то, иж Атылѧ до дужости прыроженѧ своєго а доброго умеркованѧ тела такъ много лѣт нашых, ꙗкъ их мы мѣрым, пережыти мог.

Его смерть много чудов перезначыло. Того днѧ, которого вэсэлє єго было, конь што налепшыи и навернепшыи, которыи в битвахъ под собою мевал, не маючы в собѣ жадного упережаючое хоробы знаку, нагле здох.

Микольта тэж пани молодаѧ, входечы до ложницы, так сѧ вельми в правую ногу ѡ порог ударыла, иж ѡт великого болю через немалую филю усѣсти мусела. Перед єго смертью на двадцать днии комэту ку всходу слонца видено; надъ то поведають, иж некотораѧ невѣста вѣщаѧ, Атылѧ кгды назадъ тѧгнул з Влохъ до угорское земли, на перепроваженю черезъ реку Ликусъ межы реты а винъдэликами текучое, прыехавшы к нему на кони трыкроть ꙗдовитым а гнѣву полънымъ голосомъ рекла: Назадъ Атыли.

Глава з҃и.

По смерти королѧ Атыли два властныє сынове, невластныє сыны сэрцэмъ и мужствомъ далеко преходѧчыє, ѡдинъ Хаба зъ Геррыхи Гонорыуса кгрецкого цэсара дочки, а другии Алѧдарык зъ Крэпнъгикъцэ кнѧжати баварского дочки уроженыи, вели спор з собою ѡ панство. Дэтрык вэронэнъчык, которыи сестреницу Атылеву за собою мѣлъ, ѡ котором (стр. 224) была

вышеи възмѣнка, гэтман воиска Атылевого з-ыншымп немецкими и других посторонных народов паны, которые сѧ пры Атыли бавили, зостали пры Аладарыку ꙗко пры том, которыи ѡднакъ з народу их немецкого пошол, Хаба большую част угровъ зычливщую собѣ мѣлъ. Тые два Атылевы сынове хутю панованѧ побужоны кождыи хотел на себе панство посѣсти; зобравшы тэды з обудву сторон великое воиско, положыли сѧ ѡбозом на полах сыкамбрепских, гдѣ учынившы поткане, так сѧ великаѧ поражка стала, иж вода в Дунаю почавшы ѡт Сыкамбрыи аж до Потэнцыи мѣста на полы с кровю текла. Таѧ битва трывала аж до пѧтнадцатого днѧ[1]), а не первеи сѧ скончыла, аж болшаѧ част посторонных жолнеров ѡт угровъ побита была, Аладарык в тои битве забит; первеи выиграл битвы Хаба, а ѡстатокъ будучы Дэтрыковыми фортэльми поражон, зъ шестмадесѧт братов своих, невластных сынов Атылевых, и з двадцатьма пѧтьма тысечеи угров, которые с поражки єще были позостали, утекъ до Кгрецыи до Гонорыуса цэсара . . . . . своєго, у которого мешкавшы трынадцать лѣт, ѡпустившы тую част королевства, котораѧ по матцэ на него прыходила, до татарское земли за рок вернул сѧ. Єще Бэндэкгуз, ꙗко кронника поведаѥть, которои мусим верыти, дѣдъ его по ѡтцу былъ жыв, за которого вжо велми старого радою поналъ был жону з народу коросманов, с которою мѣлъ дву сыновъ, Эдэмэна и Эда; которыи, памета́ючы на ѡбъфитост земли угоръскои, частокроть сыны свои напомынал, абы коли доростуть, угорское земли ѡпѧт доставали. Которому напомынаню потомкове єго потомъ досыть чынили, бо по смертн Атылевои у трыста лѣт угрове с татарское земли з нову вышедшы, повторе землю угорскую были посѣли. Тотъ Хаба не долго в татарскои земли будучы жывъ умер. Нѣкоторые, што сѧ с кронникою угорскою не згожають, поведають иж по смертн Атыли угрове в Паннонѣи, то ест в тои земли, которую тепер угорскою зовемо, пановали аж до часу

[1]) На поляхъ: Битва двѣ недели.

Маурыцого цэсара, ведъже поневаже-м ѧ ничого далеи писати на тот час не умыслилъ, ѡдно до смерти Атылевы, про то хто бы што далеи ѡ справах угорских вѣдати хотѣл, нехаи въ ихъ кроиницэ чытаѥть.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Слово о некоемъ храбромъ витязе и о славномъ богатыре о Бове Королевиче.

Бысть нѣкіи корол Гвидон в славномъ граде Онтоне. Коли он был млад і в добре поре, тогда к собѣ избирал во двор храбрых витязей в златокованыхъ доспѣсѣх и на быстрыхъ конях и охоч был с ними ѣздит в чистое поле тешитца на ловлю, с соколы и с ястрепы на птицы, и с выжлоки на звѣри. И какъ бысть в болшомъ возрасте, и тогда рече корол витяземъ своим, гдѣ-б ему приискали невѣсту от велика племяни; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича есть тщер прекрасная Милитриса. Корол же Гвидон не утерпе о повести тои и скоро посылаетъ своего конюшего именем Личарду свататися за доброго короля Гвидона. Корол же Кирбич хотяше дат тщер свою прекрасную Милитрису за доброго короля Гвидона, прекрасная-ж Милитриса не хотя итти за добраго короля Гвидона; корол же Кирбичъ дал силно тщер свою прекрасную Милитрису за доброго короля Гвидона, и бысть радость велия. Корол же Гвидонъ любя жену свою прекрасную Милитрису паче мѣры, а она-ж ево не любя и не имѣя его ни за един пеняс; корол же Гвидонъ спяше с прекрасною Милитрисою на единой постеле $\overline{.г.}$ года, и прекрасная Милитриса понесе чрево и носила $\overline{.б.}$ мѣсяцъ и родила сына и нарекоша имя ему Бова. Бова-ж имѣя очи свѣтлы а власы желты аки шелкъ, а лице румяно аки злато; прекрасная-ж Милитриса нача во умѣ своемъ злую мысль держати, какъ бы могла бы извѣсти мужа своего добраго короля Гвидона. И здумав злую мысль и призвала

к собѣ кралевъского конюшег[о] именем Личарду: ѽ Личарда, поиди от меня во град Молганскъ к доброму королю Додону и поздравствуи ему отъ меня многолѣтіе, великое здравие, чтоб он собрал воиска своего .ѯ. тысящъ и шел бы под град нашъ Онтонъ и стал бы въ лугу в С[к]пари́не, и яз вышлю мужа своег[о] добраго короля Гвидона в луг [С]киряи для ради звера а рку ему такъ: Понесла есми чрево, не вѣм сын, не вѣм тщер, и захотися ми мяса свежег[о] звериного. И онъ да поидетъ, а велю ему взят с собою .ѥ. отроковъ и тѣх без оружия, и он бы погубилъ мужа моего с могалцы добраго короля Гвидона, не любимъ ми бысть. И рече еи Личарда: ѽ г[оспож]е прекрасная Милитриса, како ми холопу на государя своег[о] такая велпкая пакость навести? Прекрасная-ж Милитриса рече Личарде: ѽ злодею Личарда, аще сего не сотвориши, то на тебя наведу мужу своему великую пакость, и он тебя может злои смерти предат. Личарда же ся пакости велми убояхся и взяв грамоты запечатленны и поидоша во град Молга[н]скъ послом. И прiидоша во град Молга[н]скъ и подастъ королю грамоты, Личарда же королю от прекрасные Милитрисы поздравствоваше великолѣпное здравие; корол же Додон прочтетъ грамоты, велми посмѣявся и рече Личарде: ѽ Личарда, что мя госпоже прекрасная Милитриса велми прелщает? велитъ мнѣ погубити мужа своег[о] добраго короля Гвидона, а уж она с королемъ Гвидоном прижила дѣтище Бову королевича, а се король Гвидон добръ воин и воиско у нег[о], и яз противъ его стояти не могу. И рече ему Личарда: ѽ государь мой, корол Додон, вели, государь, меня посадити в темницу и вели поит и кормит доволно, а сам поиди под град Онтон; аще слово мое не збудетца, и тогда меня злои смерти предат вели. Корол же Додон рече Личарде: ѽ Личарда, слово твое паче меда устом моимъ. И повелѣ в рог трубити и собра войска своег[о] .ѯ. тысящъ и поидоша под град Онтон и сташа в лугу в С[к]пяряне; и увиде его пс кралевских полат прекрасная Милитриса и прiидоша к мужу своему к доброму королю Гвидону: ѽ королю Гвидоне,

понесла есми чрево, не вѣм сынъ, не вѣм тщер, и захоти ся ми мяса свежег[о]. Корол же Гвидон тотчасъ повелѣ себѣ оседлать осля и всѣдъ на осля и взял съ собою .ѣ. юноков и взял с собою тенята и поѣхал в лугъ в Скиярян для ради зверя. И какъ будет среди лугу С[к]иряния, и увиде его корол Додон и напустиша на нег[о] корол Додон; корол же Гвидон нача от него бежати, а сам говорит таково слово: ѡ сыну мои милои Бова королевич, о чем ми еси не повѣдал злые мысли матери своеи? И сам говоритъ таково слово: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, а яз зле погибаю отъ жены своей. И достиже до него корол Додон и удариша ево мечем по главе, корол же Гвидон паде мертвъ на землю. И корол Додон поѣхал ко граду Онтону. Прекрасная-ж Милитриса увиде его ис кралевских полат, что корол Додон мужа еѣ добраго короля Гвидона с могалцы погубил, и повелѣ врата градные отворити и мосты спустити, и встрете ег[о] прекрасная Милитриса во вратѣх градных и взя его за руце и нача его любезно целовати и поведе ево въ кралевские полаты и нача съ ним пити и ясти и веселитися. Бова-ж в тѣ поры младенец не смысляше и виде во едину хлѣвину и сяде во яслех. Дядка-ж ево Синбалда нача искат и не обретѣ ево нигде и виде во едину хлѣвину, ажно тутъ и виде Бову во яслех седяща велми плачющася. Бова-ж рече ему: О дятка Синбалда, поиди ко мнѣ, повеждь ми что во граде нашем трубе и стуженпе великое? Дядка-ж Синбалда рече ему: ѡ государь мои Бова королевич, приіде, государь, под нашъ град Онтонъ корол Додон и отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона съ могалцы погубил, а мати твоя злая прелесница та погубила отца твоего добраго короля Гвидона и возлюбила короля Додона. Ты, государь мои Бова королевич, можешь ли на конѣ сидет и со мною бежат во град Суминъ, коимъ меня отецъ твои пожаловал за мою великую службу? Бова-ж ему рече: Яз рад съ тобою бежат во град Суминъ. Дядка Синбалда прибрав тое нощи .н. юноков воруженых вѣрных и оседла Бове коня а собѣ другово, и поехали из града вон не вем никому. И един от них переметчикъ возвратился вспят и побѣже ко граду Онтону и нача

вопити гласомъ великим и рече: ѡ̑ королю Додоне, твердо спиш, не вѣдаете, что сеѣ нощи выехали из града вон Бова да дятка Синбалда да .и̑. юноковъ вооруженных, и коли Бова будет лѣт своих во граде Сумине, и тогда тебѣ отомстит смерть отца своег[о] добраго короля Гвидона. Корол же Додон возбнув от сна своево и повелѣ в рогъ трубити и собра войска своег[о] вскоре .д̑. тысящы из града вон за Бовою и за дяткою Синбалдою. И настиже их корол Додон; Бова-ж в тѣ поры дряхлъ и млад, не может на конѣ сидет и спаде с коня на землю; Синбалда же убеже во свои град Сумин и затворился. Корол же Додонъ хватиша Бову и сам возвратися во свои градъ Онтонъ. Дятка-ж Синбалда во своем граде Сумине повелѣ в рог трубити и собра воиска своег[о] .к̑. тысящъ и поиде под град Онтонъ, и сташа под градом Онтоном и нача бити во градную стѣну пушки и пищалми безотступно, и тако рекъ: ѡ̑ королю Додоне, выдаи ми государя моег[о] Бову королевича; аще не выдаш государя моег[о] Бовы королевича, и яз от града Онтона не отступлю и до своея смерти. Прекрасная-ж Милитриса рече мужу своему королю Додону: ѡ̑ королю Додоне, что то нам сиі злодеи не дадут упокоя? Корол же Додон повеле в рог трубити и собра войска своег[о] вскоре .м̑. тысящ и поиде против дятки Синбалды, дятка-ж Синбалда много с ним бився и не может против ег[о] стояти, и нача от него бежати ко граду Сумину. Корол же Додон гна за ним и до Сумина града и ста под градом Суминым и нача бити во град Сумин пушки и пищалми безотступно день и нощь. И в первую ему нощь явися сон велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен, а носит в руце своеи щит и копіе и мечъ кладенец и прободает ему сердце и утробу. Корол же Додон возбнув от сна своего велми устрашися и призва к собѣ брата своег[о] Амбругустима и повѣда ему сон свои велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу весь вооружен а носит в руце своеи щитъ и копіе и мечъ кладенец и прободает мне сердце и утробу. И скоро посылает брата своег[о] Амбругустима во град Онтон к прекраснои Милитрисе и повелѣ у нее взят Бову; и за тот сон хощет ево злои смерти

предат. Амбругустим же пріѣхав к прекраснои Милитрисе и поздравствоваше великолѣпное здравие и повѣда еи сон королевскои велми страшенъ, что ему видѣлос, кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен а носит в руце своеи щит и копье и меч кладенец и прободает ему сердце и утробу; и за тот сон хощет его злои смерти предать. И нача у неи просит Бовы. Прекрасная-ж Милитриса рече Амбригустиму: Яз за любовь государя своег[о] добраг[о] короля Додона могу сына своего Бову и сама уморит. Амъбругустим же возвратився вспят к королю Додону, прекрасная-ж Милитриса посадила Бову своег[о] в темницу и не дасть ему пити и ясти .е̄. днеи и .е̄. нощеи. И не в которыи день увиде Бова матерь свою прекрасную Милитрису по двору ходящу и возопи Бова гласом великим и рече: ѡ̂ госпожа мати моя прекрасная Милитриса, про што мя еси посадила в темницу и морищъ гладом неповинног[о], не даеш мне пити и ясти .е̄. днеи и .е̄. нощеи? Она-ж отвеща к нему лстивыми словеси: Я, свет, помнаючи любов прежвюю отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона забыла во умѣ своем послати к тебѣ. И в тот час удоив змиина яду и замѣсив .г̄. хлѣбца и испече и з девицею послаша тѣ хлѣбцы к Бове в тѣмницу; девица-ж пріідоша в темницу и дастъ тѣ хлѣбцы; Бава-ж взяв тѣ хлѣбцы и хотя их ясти, прекрасная-ж девица рече Бове: ѡ̂ государь мои Бова королевич, не вкушаи, государь, их хлѣбцовъ, аще вкусиш не можеш жив быти, потому что мати твоя месила хлѣбцы на змиину яду. И за девицею вскочили в темницу .в̄. выжлока, Бова-ж уломив тѣх хлѣбцов и вдастъ выжлоком, выжлоки-ж яд и умре. Бова-ж виде матери своеи немилосердие, велми прослезився; прекрасная-ж девица много тут плаковъ смотря на Бовино лѣпообразие и неизмѣрную красоту лица его, и поиде вон из темницы и не затворила двереи темъничных. Бова-ж выде вон из темницы и ізыде из града вон не вѣмъ никому и выде за город и нача во умѣ своем мыслити: Куды мнѣ поити? итить мнѣ ко граду Сумину, и там попаду в руце королю Додону, и он меня злои смерти предастъ. И самъ государь Бова говоритъ таково слово: Милостивыи Спасъ, зри и

виждь, аще не ты наставиш на пут стопы моя, то не вем от града куды путем потещи. И поиде на луки морские и ходяше по лугам морским .г. дни и .г. нощи не вкушая от хлѣба ничег[о] же, развне корения травнаго, и не видал от человѣкъ живущих развсе лвов. И не в которыи день увиде Бова корабль по морю плавуще и возопи гласом великим и рече: ѡѡ гости кораблеицы, возмите меня на корабль къ себѣ. Гости-ж кораблеицы не слышат, что корабль далече от града пловуще, и повеле парусы спустити и послаша человѣка в плаволоке ко брегу: Поед, проведап, что нам мнитца на брегу за дѣтища будет; тако рабиченок крестьянские вѣры, и он у насъ служити, или будет татарченокъ, и мы ег[о] продадим. Человѣкъ же тот приѣхав ко брегу и воспрошал его: Отроча, какова еси роду и коеи земли и како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Бова-ж ему рече: Аз есми хрестиянские вѣры, рабиченок, пономарев сынъ, а мати моя грешная жена на добрых людеи платье мыла, тем ся и кормила, а имя ми бысть Бова. Человѣкъ же тот взяша его в плаволокъ и привезоша ег[о] на корабль; гости-ж кораблеицы нача Бову учит грамоте, Бова-ж у них на карабле аки цвет цветет, лице его возсияет яко солнечная луча. Гости-ж кораблеицы хотят о Бове мечи ся сѣчь. Бова-же им рече: ѡѡ гости кораблеицы, не чините меж себя брани, яз ваш рабиченокъ вопчеи, яз вамъ служу по розчету, единому служу от утра, а другому от обѣда до вечера а в нощи по тому же. Гости-ж кораблеицы послушели Бовы, унелися от брани, Бова-ж им нача служити по прежнему своему совѣту и плавал с ними на море в корабле том .е. лѣт. И приплы корабль их под иѣкиі град Армен, а царствует в нем корол Зинзовеи Андоровичь. И увиде корол Зинзовеи, что под его град пришол корабль, и скоро посылает провѣдывать, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром. И послаша провѣдывать .к. юноков; юноки-ж приѣхали ко брегу и хотя воспрошати, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на корабле отрока велми лѣпообразна, и зря на (его) [не]измѣрную красоту лица ег[о] и смутися во умѣ своем и забы

воспрошати. И самъ говорит таково слово: ѡ гости кораблеиицы, возмите у меня за сего отрока цену. Гости-ж кораблеиицы рече ему: ѡ государь наш корол Зинзовеи Андорович, емли у нас много множество злата и сребра, а отрока нам невозможно дат, потому что рабиченок нашъ вопчеи и взяли мы его на брегу у смертного моря. Корол же Зинзовеи рече им: ѡ гости кораблеиицы, аще у меня за сег[о] отрока не возмете цены, то из моег[о] царства и с товаром не можете живы выехат. Гости ж кораблеиицы учинив меж собою совѣт, и здаша Бову с корабля и взяша за него .л. литръ злата; корол-же Зинзовеи посадиша Бову к собѣ на коня и едучи воспрошаше его: Отроча, повеждь ми како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Он же рече: Имя ми бысть Бова, пономарев сынъ, а матн моя грешная жена на добрых людеи белье белила, темъ ся и кормилас. Корол же Зинзовеи рече ему: Бова, коли еси ты такова роду, поди-ж ты на конюшню и буди над конюхи староста, большеи конюхъ. Бова-ж попде на конюшню. И у короля Зинзовея бысть тщер прекрасная Дружнена, и некоим ухищрением увиде Бову велми лепообразна, и наряднпася в дорогоценное портище и поидоша с плачем к отцу своему. И услышал корол Зинзовеи, что к нему грядет любимая ево тщер, прекрасная Дружнена, и встречает еѣ корол сам и говорит таково слово: Поидн госпоже, дочь моя милая, прекрасная Зинзовееевна. Она-ж ему рече: ѡ государь мои батюшка, корол Зинзовеи Андоровичъ, твоимъ государь жалованьем много у себя имѣю дѣвицъ чистых, а не имѣю у себя ни единого отрока, нѣкому предо мною и перед девицами стряпоти. Пожалуи ми сего отрока, которог[о] еси купил у гостеи у кораблеииц и дал еси за него .л. литръ злата. Корол же Зинзовеи рече еи: Буди госпожа, на твоеи воле. Корол же Зинзовеи повелѣ Бове ходити к прекраснои Дружнене в полату; и в первыи день прекрасная Дружнена послаше по Бову дѣвицу на конюшню, Бова-ж попде в полату къ прекраснои Дружнене, полата-ж от лица его просветися; прекрасная-ж Дружнена не могла въ мѣсте усидѣт и з девицами и сама говорит таково слово:

Бова, стряпои ты передо мною и перед девицами. Бова-ж нача стряпоти перед прекрасною Дружиеною и перед девицами; прекраспая-ж Дружнена зря на Бавино лѣпообразпе, велми усумнився и сама уронила ножик под стол и рече: Бова, подаи ножик спі. Бова-ж наклонився под стол по ножикъ, прекрасная-ж Дружнена наклонилас под стол же и ухватила Бова за горло и начаша ег[о] целовати. Бова-ж у неѣ урвался и сам говорит таково слово: ѡ госпоже прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ протпв холопа вставати и холопа целовати. И в тѣ поры было у прекрасные Дружнены болши трехсот дѣвицъ, и всякая девица у себя у рукъ палцы переобкусали зря на Бавино лѣпообразпе и непзмерную красоту лица его, прекрасная-ж Дружнена посадпша Бову за стол и нача пред ним сама стряпоти и перед девицами. Бова-ж яд и пив и попде вон пс полаты на конюшню, ажно конюхи сьѣхали в поле по траву; Бова-ж себѣ оседлал коня и поехал въ поле по траву-ж, ажно конюхи и ево урокъ травы везутъ, Бова-ж едучи выбрал из травы розноличных цветов и сплел себѣ венокъ и положил на главу свою. Прекрасная-ж Дружнена послаше по Бову дѣвицу на конюшню; Бова-ж приіде в полату, прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Бова, даи ми венокъ с своея главы на мою главу. Бова-ж еи рече: ѡ госпожа прекрасная Дружнена, не подобает мнѣ дат с своея главы на твою главу, потому что же мне пмат от Бога грѣх велик. Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: ѡ Бова, аще ми пе даш венца с своея главы на мою главу, то яз наведу на тебя отцу своему великую пакость, и он тебя можетъ злои смерти предат. Бова-жъ шибѣ венокъ на землю, прекраспая-ж Дружнена воста от мѣста своего и взя венокъ, никако-ж на Бову сердца не имѣет. Бова-ж побѣже вон пс полаты и шибѣ дверми полаты тоя, полата-ж оттово потрясес[я], и упаде камен полаты тои и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружнена нача рану Бове сама лечит. И в тѣ поры приіде под град Армен пс помор[ь]я корол Маркобрун а с ним воиска своего двести тысящъ, и скоро посылает х королю

Зинзовею посланные титла: чтоб корол Зинзовеи дал за меня тщер свою прекрасную Дружнену; аще не даш тщери своеи, царство твое все попленю, а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружнену во свою волю возму. Корол же Зинзовеи слышав тѣ посланные титлы и прочитавъ самъ грамоты, и не может против его стоятн. И нарече его корол Зинзовеи короля Маркобруна себѣ зятемъ и зва его к себѣ хлѣба есть и воиску ево повелѣ по слободам стати. И после стола поѣхал корол Маркобрун з дворяны своими на поле тешитца; и приде Бова от конюшни своея х королю Зинзовею: ѿ государь мой корол Зинзовеи Андорович, отпусти, государь, меня холопа своего посмотрит какъ ся тешит корол Маркобруи з дворяны своими. Корол же Зинзовеи повелѣ Бове ехати на поле; Бова-ж себѣ оседлал своего доброго коня надежнаго и поехал в поле смотрит, какъ ся тешит корол Маркобрун з дворяны. И напустиша на Бову по два и по три, Бова-ж их мечет с коней, что снопов. Прекрасная-ж Дружнена все зрит на Бовину храбрость; и напустиша на Бову по .к. и по .л., Бова-ж их всѣх мечет с конеи что снопов. Корол-же Маркобрун велми возрпявся и повелѣ Бову убитн на смерть и сам на него напустил, Бова-жъ и самого короля скинул с коня. Прекрасная-ж Дружнена виде Бову велми истомна и повелѣ в рогъ трубити, чтоб ся воиско унелос ото рвания конского. И в тѣ поры воиско унелос ото рвания конского, Бова-ж прпѣхал на конюшню и нача спати по .г. дни и по .г. нощи не просыпаяся. И в тѣ поры прпіде из Задонпя града царь Салтан Салтанович да с нпм сынъ его Лукапер, а воиска с ними .р. тысящъ. Лукапер же славныи богатыр вышину имѣя .г.-хъ сажен, промеж очима пяд, и скоро посылает х королю Зинзовею посланные титлы: чтоб корол Зинзовеи дал тщер свою прекрасную Дружнену за моего сына Лукапера; аще не дашъ тщер свою, то царство твое все попленю а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружпену во свою волю возму. Корол же Зинзовеи, слышав тѣ посланные титлы и прочитав сам грамоты, и призва к себѣ нареченного зятя своего короля Маркобруна и рече ему: ѿ королю

Маркобруне! у тебя есть воиска своего .ѧ. тысящъ, а у меня столко же, и сложимся обое вмѣсте и будет войска нашего .ѧ҃. тысящъ и поидемъ противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Корол же Маркобрун рече королю Зинзовею: Слово твое паче меда устом моим. И повелѣ в рогъ трубити и собра воиска своего .ѧ҃. тысящъ и поидоша против царя Салтана и сына его Лукапера; Лукапер же не допущая до царских знаменеи воиско их все побил и короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих в полон полонил. Бова-жъ послышав за градом зукъ и топот конскои приіде к прекрасной Дружнене и рече еи: ѡ҃ госпожа прекрасная Дружнена, что есть за градом нашимъ зукъ велик и топот конскои? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Тогднес приіде из Задонія града царь Салтан Салтанович да сынъ ево Лукаперъ, а войска с ними .ѧ҃р. тысящъ, отца моего короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих полонил і воиско наше все побил. Бова-ж рече: ѡ҃ госпожа прекрасная Дружнена, яз еду на помощь отцу твоему и королю Маркобруну. Прекрасная Дружевна рече Бове: Господине Бова, не ѣзди на бои, отбѣи силу от града проч, а сами затворимся во граде своем: уже тебѣ батюшкове смерти, королю Зинзовею и королю Маркобруну не пособит; и меня возми женою себѣ и буди батюшкове душе поминокъ а царству его здержател. Бова-ж рече-еи: ѡ҃ госпоже прекрасная Дружнена, что же ми будетъ? Никако Бовы не может уняти и сама говорит таково слово: Господине Бова, не ускоряи ехати но помедли, яз тебѣ дам мечъ кладенец, от того-ж меча не может никакое желѣзо стоять; яз тебѣ дам колчюгу добраго короля Молганского, тое-ж колчюги не может никакое железо пробить. Прекрасная-ж Дружнена принесе Бове меч кладенец и щит и копъе; и садитца на кон Бова в стремя не вступая, и в тѣ поры тут прекрасная Дружнена сама Бове в стремена кладет ноги и говорит такъ: Господине Бова, уже ты едеш на смертное дѣло, любо ми с тобою судит Богъ видетца, любо и нѣт; повеждь ми какова еси отца сынъ? Бова-ж еи рече: ѡ҃ госпожа прекрасная Дружнена, аз есми от града Онтона, сынъ добраго короля

Гвидона и матери госпожи Милитрисы. Прекрасная-ж Дружнена виде Бовино отчество, велми прослезися; и в тѣ поры тут прилучися кралевскои дворецкои короля Маркобруна и говоритъ такъ: О госпожа прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ холопа на кон сажати и на ратное дѣло отпущати. Бова-ж ево ударилъ мечем тупым концом, дворетцкои же паде аки мертвъ на землю и лежа .г. дни и три нощи без языка. Бова-ж поехал вонъ из града против царя Салтана и сына его Лукапера. И с[ь]езжаютца .в. богатыря, Бова и Лукапер; прекрасная-ж Дружнена все зрит, как сьѣжаюца .в. богатыря, Бова и Лукапер. Бова-ж ему рече: Господине Лукапере, ты надеежся на силу и на величество, а яз надеюся на Спаса и на Пречистую и на небесные сплы. Лукапер же ему рече: Бова, ты ли хочеш град Армен отстояти и прекрасную Дружнену? со мною-ж нихто не может стояти от человѣкъ. Бова-ж рече ему: Господине Лукапере, помяни пророка Давида. Глаголаша и оба сразишася вмѣсто; Бова-ж ево ударил мечемъ по главе и разсече ему главу надвое, Лукопер же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по воиску его аки по лѣсу; уж у Бовы в трупу человѣчском кон не скочит а вес въ крови ходит и добиваетца до царских знаменеи. И един богатыр Кухаз имянем много з Бовою бишася и не может против его стояти и нача от нег[о] бежати, а на немъ бысть .д. раны мечевых да .е. ран копѣиных, и прибѣже в шатры и повѣда царю Салтану: что выехал из града витяз имянем Бова, сына твоего Лукапера убил и войско твое все побил. Царь же Салтан побѣже по морю в карабле а с ним бысть воиска .н. человѣк; Бова-ж приехал к шатру, ажно корол Зинзовеи лежит связан, и он ево развезал и посадил ево на кон; и поехал Бова к другому шатру, ажно корол Маркобрун лежит связан же, и онъ ево развезал и посадил ево на кон, и поехали ко граду Арменю и едучи говорит в слух таково слово: Нѣкиі господин купил собѣ холопа и дал за нег[о] .л. литръ злата, а ныне ему холопъ такову службу сслужил, избавил его от смерти; и ныне бы ево государь пожаловал, свободилъ на свою волю. Корол же Зинзовеи рече ему: Еще тот хо-

лопъ не вѣдает, чем его государь хочет пожаловат. И приехали во град Армен, и встрѣчает ево короля Зинзовея доч ево прекрасная Дружнена: Ѿ государь мои батюшка, корол Зинзовеи Андорович, не даваи, государь, меня за короля Маркобруна, и даи меня за Бову королевича, вет он отца сынъ добраг[о] короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Онтона. Корол же Зинзовеи рече еи: О госпожа доч моя прекрасная Дружнена, буди на твоеи воле. Бова-ж приѣхал на конюшню, нача спати по .г҃. дни и по .г҃. нощи не просыпаяся; и в те поры приіде королевскои дворетцкои короля Маркобруна на конюшню, которог[о] Бова ушиб мечем тупым концом, а с нимъ бысть .к҃. юноковъ, и хотят Бову сонново мечем посечи. Бова-ж разметався спит, аки младенец; дворетцкои же наднесе на нег[о] меч и хотя его посеч, и обратися меч на его шею; дворетцкои-ж и до трижды подымал меч, и не может Бове никакие пакости сотворити. И поидоша вонъ ис конюшни и сами говорят такъ промеж себя: Не похвала нам будет такова славнаго и силнаго богатыря сонново убит, а сево и меч не сечет. И мы над ним сотворим иную пакость: есть у короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлоп, приличен х кралевскому зраку; и какъ Арлопъ поидет по кралевскому двору, и многие дворяня покланяютца ему, чаючи его короля Зинзовея; и мы сотворим с нимъ совѣт и положим его на кралевскомъ одрѣ и пошлем Бову в Задон град к царю Салтану, и он ему отомстит смерть сына своего Лукапера. И в тот час сотвориша со Орлопом совет и положиша ег[о] на кралевскомъ одрѣ и писаша грамоты, а в грамоте писали такъ: От короля Зинзовея Арменсково в Задон град к царю Салтану. Приехал, господине, службы не размогъся, а твоег[о] супостата Бову головою х тебѣ послал, и ты ему отомсти смерть сына своего Лукапера, и не моги ево жива пустити. И написаша грамоты и запечаташа королевскими печатми и положиша у Орлопа в головах и поставиша у него многие свещи вожженны, и повеле Орлопу обратитися к стене лицом, чтоб его Бова не опознал, и сами говорят так: как Бова Орлопа познает, и может нас всѣх злои

смерти предати. И в тот часъ послаша по Бову на конюшню. Бова-ж приіде в полату и поклонися Ѡрлопу до земля, чаючи его королем Зинзовеем; и рече ему Ѡрлопъ: Бова, поиди от меня в Задон град к царю Салтану и вдаи ему грамоты. Бова-ж взяв грамоты и поиде на конюшню и оседлал себѣ добраго коня надежнаг[о] и взя свои меч кладенец и поехаша из града вон, не явяс госпоже своеи прекраснои Дружиене. Корол же Зинзовеи пскаша Бовы и не обрете ег[о] нигде и начаелся, что от нег[о] Бова от[ъ]ехал; прекрасная Дружнена мног[о] тут плаков по Бове, корол же Маркобрун нача прошати у короля Зинзовея за себя прекрасные Дружнены. И корол же Зинзовеи отдал тщер свою прекрасную Дружнену, и прекрасная Дружнена не хотя пттпт за нег[о] и уверилас с ним, что год ждати, не женитися на прекраснои Дружнене; и поехала с ним в поморе в землю его. А Бова-ж ехал .е̄. днеи и .е̄. нощеи не вкушая хлѣба ничего же, и приехал под дубъ, ажно под дубом спдит старец пилигрим, вкушает укругу сидя. И рече ему Бова: Ѡ̄ старче пилигриме, даи ми сеи укруги вкусит. Старец же, приполнивъ полон сосуд спящаг[о] зелия, Бова-ж выпив вес и заспе твердо; и взя у Бовы старец пилигримъ златую свиту и меч кладенец и добраг[о] коня, а ему покинул худую свою раздранную старческую ризу, и кон Бовин у старца урвался и прибѣже кон к прекраснои Дружнене в поморе со всею збруею его. Прекрасная-ж Дружнена опознала, что кон Бовин, и нача велми плакати по Бове. А Бова спал .г̄. дни и .г̄. нощи не просыпаяся; и воста от сна своег[о] и не обрете своег[о] доброг[о] коня и златыеи свиты и меча кладенца, и воздеже на себя худую старческую раздранную ризу, и сам Бова говорит так: Милостивыи Спасъ, зри и внждь, уже меня калагир изобидил; и какъ ми появитца к царю Салтану? и велит меня повѣсит, и мнѣ нечем поборонитца от царских юноков. И сам Бова говорит так: Хотя яз положу в клобукъ камен и тѣм ся яз от них поборонюс. И прославиша Бога, и поиде путем своим, и приіде в Задон град к царю Салтану, ажно царь стоит у мши и у обедни. И приіде к нему Бова и вдастъ ему грамоты; царь же Салтан про-

чет грамоты и тако рече: ѡ злодею Бова, мало тя перед собою могу видѣти. И повелѣ Бову повѣсити; и взяша Бову .л. юноков, Бова-ж сняв з главы клобукъ и положил в него камен, и всѣх тѣхъ он тут побил. Царь же Салтан велми возрѣвся и повелѣ приступат .т. юноков, и взяша Бову с великою силою и поведоша ег[о] на виселицу. И у царя Салтана бысть тщер прекрасная Малгирія; и увиде Бову велми лѣпообразна и придоша к отцу своему: ѡ государь мои батюшка, царь Салтан Салтановичь, не вели, государь, Бовы повѣсит, но дан мне ег[о] на волю, и яз ево превращу от крестьянские вѣры в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета; уж тебѣ Лукаперове смерти не пособит, и дан меня за нег[о]: вет он отца сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Онтона. Царь же Салтан рече: Буди, госпоже, на твоеи воле. Прекрасная-ж Малгиря прибѣже на седалище, ажно Бову хотят повѣсит. Прекрасная-ж Малгиря взяше его к себѣ в полату и нача его превращати и не может его превратит. Царь же Салтан приіде к ней и рече: ѡ госпожа доч моя Малгирия, ужли еси превратила? Она-ж ему рече: Еще, государь, не превратила. Царь же Салтан посадиша Бову в темницу, прекрасная-ж Малгирия нача Бове сама носити пити и ясти и превращает его от крестьянские вѣры и не может превратит. Бова-ж в темнице засне мало и воста от сна своег[о] и бысть печален велми, и нача ходит по тѣмнице и молитися Богу: Милостивыи Спасъ, избави мя от смерти сеи. И приіде Бова в угол, ажно в углу просветився мало. И приіде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, кабы от многих лѣт положен тут. Бова-ж взяв в руце свои и прославиша Бога: Милостивъ Спасъ, благодарю тя Бога моег[о], уж мне есть чем попротивитца от царских юноков. Прекрасная-ж Малгиря приіде к Бове в темницу и нача его превращати: Господине Бова, не изпурн красоты лица своего в такове младе юности, но отверзися вѣры крестьянские и вѣруи в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета, а меня возми женою себѣ, и буди батюшкове душе поминок а царству ег[о] здержател. Бова-ж рече еи: ѡ гос-

поже прекрасная Малгиря, что яз Богу своему нарекуся, како ми отверхтися от крестьянские вѣры и вѣроват в вашу вѣру в латынскую и в вашег[о] Бога Бахмѣта? И сам ея хотя мечем посещи; прекрасная-ж Малгирия одва у него уклонилас. И приіде к отцу своему и повѣда ему: Не могла, государь, превратит Бовы. Царь же Салтан повелѣ Бову повѣсит; и пріідоша по Бову в темницу .т. юноков, Бова-ж тѣх всѣх побил, и подмостяс мертвыми людми и выде вон ис темницы, и приіде на царев двор. Салтан виде Бову по двору ходящу, и возопи царь Салтан гласом великим, повелѣ Бову убити на смерть, Бова-ж тут многих витязеи побил и побеже на луки морские. Царь же Салтан повелѣ в рог трубити и собра воиска своего .р. тысящъ и рече им: ѡ витязи мои и юноки, уиде у меня ис темницы мои супостат Бова, найдите ег[о] и поимаите его, и могу Бову повѣсити. И у царя-ж Салтана бысть .в. брата родные, богатыри Ахан да Онбан. И рече царю Салтану: Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .в. пас. И взя с собою воиска по .н. тысящъ, Онбан пошел на юсть моря, а Оханъ пошел на луки морские; и тут наехал Охан Бову на луках морских и напустиша на Бову. Бова-ж разбежеся к Охану и скокънул к нему на конь и ударил его мечем по главе и разсече ему главу на двое, Ахан же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по воиску ег[о] аки по лѣсу и воиско его все побил и ни единог[о] жива не отпустил. И приіде другой брат с устья моря і виде брата своег[о] побитого со всем воиском, а Бовы нигде не обрете и нача мыслити во умѣ своем: Поехат мне к царю Салтану, и он меня может злои смерти предат, а поехали мы .в. насъ на похвале, что было нам Бову привести на жезле; ино яз умру от Бовина плеча богатырсково, ино мне будет честнее. И напустиша на Бову и тот брат, Бова-ж и тог[о] побил со всем воиском, ни единог[о] жива не отпустил. Бова-ж увиде по морю корабль пловуще з гостьми; Бова-ж воспросил сетчи на корабль и попде по морю; и в тѣ поры приіде царь Салтан и виде своих братев обоих славных богатыреи побитых со всем воиском, а Бовы тут не обрете. И увиде царь Салтан Бову на корабле пловуще з гостьми

и возопи гласом великим и рече: ѡ гости кораблеиицы, здаите Бову с корабля. Гости-ж кораблеиицы не смѣют здат Бовы; царь же Салтан рече им: ѡ гости кораблеиицы, яз вам за то повелѣваю во своих градех торгавати безданно и безпошлинно. Гости-ж сотвориша меж собою совет и хотя Бову сонново здат с корабля; Бова-ж послышав и побил гостеи всѣх, на корабле том остался один. Бова-ж наехал рыбалова, рыбу ловит, и воспроша его: Брате рыболов, которого есп царства? Он же ему рече: Аз есмь пс поморя короля Маркобруна. Бова-ж ему рече: Господине рыболов, еще ли жива прекрасная Дружнена? Он же ему рече: Еще, господине, жива. Бова-ж ему рече: Ужли на неп женился корол Маркобрун?—Еще, господине, не женилъся корол, потому что его госпоже прекрасная Дружнена уверилас такову заповед, что с нею не совокупитца до году, а все она ждет к себѣ друга своего милово Бову королевича; а уж та пора идет блиско, что женитися имат корол Маркобрун на прекрасноп Дружнене. Бова-ж рече ему: Господине рыболов, уже колко нѣт Бовы? Рыболов же ему рече: Уже нѣт Бовы год и три мѣсяца. Бова же ему рече: Господине рыболов, возми у меня много множество злата и сребра и довези меня до Маркобруна короля. Рыболов же у него взяша злата и сребра и жемчюгу пол лотки, Бова-ж сяде к нему в лотку, а корабль собѣ пошол; и восташа на море волнованпе великое и разбиша лотку, злато и сребро все потопѣ и жемчюг, и рыболов потонул и Бовин мечъ кладенец, а Бова-ж выплыл на берегъ и попде пеш путем своим. И приіде Бова под дуб, ажно под дубом спдит старец пилигрим, коп у Бовы увел его добраг[о] коня и меч кладенец и златую свиту. Бова-ж его нача мучити и подня рпзы его, ажно под рпзою у нег[о] мечъ кладенец; Бова-ж его нача зле мучити, старец же пилигрим повинився Бове: Господине Бова, не моги меня замучити, яз тебѣ дамъ свое зелие, единым умоешся и ты будешъ аки угол чернъ, а другим умоешъся зелиемъ, и ты аки цвет процветеш а лице твое проспяет аки солнечная луча. Бова-ж облегчиша старцу і взяше у него двое зелие и потерся черным зелием, и бысть аки угол чернъ, и в тѣ поры потерся белым зелием,

и бысть аки цвет процвел. И взя Бова свои меч кладенец и поиде в поморе х королю Маркобруну. И приіде во град и тут стоят .г. юноши, иже бяше при единои стране, Бова-ж приіде к ним пилигримом и рече им: Дайте ми про Бога, про Христа и для вашег[о] витязя Бовы королевича милостину. И един выверняс ударил его по лицу: ѡ старче пилигриме, ты сеи заповеди у нас не вѣдаеш! Здес заповед такова: хто про Бову помянет, тот имат повешен бысть. Бова-ж ему поклонився и поиде на кралевскои двор и приіде на поварню и рече Бова поворам коралевским: Дайте ми для Бога и для вашег[о] витезя Бовы королевича милостину. И един повар выхватя головню горящую и ударіша ег[о] по главе и опалиша ему голову; старец же пилигрим взя его за ногу и ударіша ег[о] о стену. И восташа на нег[о] многие повары, он же и тѣх поворов всѣх побил. И приіде тут кралевскои дворецкои, коего Бова ушиб мечем тупым концомъ: ѡ старче пилигриме, про что еси побил поворов королевскихъ? Он же ему рече: Яз, господине, у них попрошал для Бога и для Христа и для витязя Бовы королевича милостины, и оне меня опалили всего, и яз от них поборонился. Дворецкои же рече ему: ѡ старче пилигриме, поиди под комору, там сидит прекрасная Дружнена, она тебѣ дастъ для Бовы милостину; он же ему поклонився до земля и поиде под комору и возопи гласом великим и рече: ѡ госпоже прекрасная Дружнена, дай ми для Бога, для Христа и для витезя Бовы королевича милостину. Прекрасная-ж Дружнена высунулас по плеча в окно и рече: Поиди старче пилигриме ко̄ мнѣ в комору. Бова-ж приіде к ней; и рече ему прекрасная Дружнена: ѡ старче пилигриме, где еси про Бову слыхал, или где его видал, что для его просиш? Он же рече ей: Какъ мне его не знати? яз з Бовою у царя Салтана сидѣл в однои темнице. Прекрасная-ж Дружнена нача плакоти; и приіде в полату корол Маркобрун и рече: ѡ госпожа прекрасная Дружнена, что сиі за старец? с нимъ глаголеш а сама все плачеш? Она-ж ему рече ложными словесы: То, господине, старец от отца моег[о], повѣдает

ми, что мат моя умерла. Корол же Маркобрун рече еи: Вели, госпоже, ему дат поесть. И сам поиде вон ис полаты. И в тѣ поры нача кон велми ржати, и кои тут звездочетцы сами говорят промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышит кон государя своего Бову королевича. Прекрасная-ж Дружнена нача велми плакати, Бова-ж у нее воспрошал: ѿ госпоже прекрасная Дружнена, чеи то кон ржет велми? Она-ж ему рече: То, господине, кон друга моего любимаг[о] Бовы королевича, а держу яз коня тог[о] для того, любо государя своего Бову заслышу и яз на нем до него доеду, или он ко мне приедет и мы от короля Маркобруна на нем уидем; а по ся мѣста все яз сама его и пою и кормлю, а уже он побил болши .т҃х. юноков. Бова-ж рече еи: Яз вамъ коня сего излечу, что на нем станет сидет .г҃х. лѣт дѣтище. И приіде в полату корол Маркобрун и рече: Поиди, старче, вон ис полаты. Прекрасная-ж Дружнена рече ему: ѿ королю Маркобруне, ещо хочет старец нашего коня излечит, что на нем учнет ездит .г҃х. лѣт дѣтище. Корол же Маркобрун рече: Добро, госпожа прекрасная Дружнена. Бова-ж поиде х конюшне и взяв короля за руку, а прекрасную Дружнену за другую, и поиде х конюшне; кон же Бовин нача велми ржат, корол же Маркобрун трепетен бысть ото ржания консково и не возможе итит и возвратися вспят, прекрасная-ж Дружнена поиде з Бовою на конюшню. Бова-ж приіде на конюшню и отворил двери конюшни тоя; кон же Бовин был привязан на .о҃.-ти чепях и то все оборвал и скокнул Бове на горло а пережние копыта положил ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а токобъ кон имел у себя язык и он такъ рек: Откуды еси пришол и гдѣ еси был? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашег[о] прелстил? Бова-ж рече еи: Госпоже прекрасная Дружнена, для тог[о] меня кон скоро опознал, занеже есми сам Бова. Прекрасная-ж Дружнена скоро усумнився и рече ему: Коли еси ты Бова, покажи мнѣ меч кладенец, коим яз тобя опоясала. Бова-ж подняв ризы своя и показал меч. Прекрасная-ж Дружнена рече ему: Господине старче пилигриме, то еси з Бовою

спдѣл в одной темнице у царя Салтана и ты еси у Бовы меч украл. И рече ему: Господине, покажи мнѣ язву, кою яз у тебя сама лечила. Бова-ж подняв клабукъ з главы своея и показал ей язву. Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Господине Бова, гдѣ еси ты узнурил красоту лица своег[о]? Бова-ж скоро потерся бѣлым зелпемъ и бысть аки цвет процвел, лице ег[о] проспяло аки солнечная луча; прекрасная-ж Дружнена рече ему: ѡ̃ государь мои милои Бова королевич, откуды еси аки солнъце возспяло ко мнѣ? И нача ег[о] любезно целовать и прече ему: Здѣ-ли хотим быт или проч ехат? Бова-ж рече ей: Поедем, госпоже, проч.—Добро, господине, седлаи себѣ коня а мнѣ другово, а яз к тебѣ твое оружпе тот часъ к тебѣ сошлю з девицею. И прiиде прекрасная Дружнена х королю Маркобруну, корол же Маркобрун рече ей: Жив ли, госпоже, нашъ старец? Она-ж ему рече: Жив, господине, нашъ старец, ходит блиско коня нашег[о] а кон ево познавает. И хочю к нему послат постелку. И въ тот часъ шед завертеша в постелю щит и колчюгу и послаше з девицею к Бове в конюшню, а сама попде х королю Маркобруну и принесе к нему кубокъ забвенного вина: Испеи, господине, за любов нашу. Корол же рече: Испеи, госпожа, ты за любов. Она-ж испив мало и поднесе ему; он же испив все и заспе твердо. Прекрасная-ж Дружнена попде к Бове в конюшню и прiиде к нему, Бова-ж ходит весь вооружен а носит в руце своеи сщит и коп[ь]е и меч кладенец. И сяде Бова на кон а прекрасная Дружнена на другои и поехали вон из града не вем никому и переехали болши .р̄. верстъ и доехали нѣкоего кладезя, и тут Бова учал шатер ставити и почив держати, и тут Бова с прекрасною совокупился трижды, и с тое поры прекрасная Дружнена понесе чрево. И воста от сна своего и поехаша путем своим, и рече Бове прекрасная Дружнена: Господине Бова, будет за нами погоня от короля Маркобруна: есть у него наспех именем Полкан, спдит в погребе, славный богатыр, от пояса до главу человѣкъ, а от пояса к ногам пес, и та ему .р̄. верстъ за .г̄. верстъ он может добыт. И воста корол Маркобрун от сна своег[о], не обрете своеи госпожи прекрасные Дружнены

и повеле в рог трубити и собра воиска своего .,г. тысячъ и рече им: ѡ витязи мои и юноки, приіде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня госпожу прекрасную Дружнену, подите и поймаите их, и могу Бову повѣсит а прекрасную Дружнену рострелят. И рече ему витязи и юноки: ѡ государь нашъ корол Маркобрун, уже Бова сеи нощи переехал болши .р. верстъ и нам его не сугнати, воиско идет опочиваяся на ден по .н. верстъ; ино есть у тебя наспех именем Полкан, сидит в погребе, и та ему .р. верстъ за .г. верстъ, он тебѣ может добыт Бову и Дружнену. Маркобрун послаше по Полкана; Полкан же приіде к королю Маркобруну, рече ему: Господине Полкане, приіде ко мнѣ Бова пилигримом и уведе у меня прекрасную Дружнену, попди и поиман их, и могу Бову повесит, а прекрасную Дружнену рострелят. Полкан же рече ему: Яз тобѣ добуду их Бову и Дружнену. И побеже Полкан за ними; Бова-ж и Дружнена зрит, ажно Полкан бежит пеш, что конем же, Бова-ж уготовя меч свои и хотя ег[о] мечем посещи и пореше мимо, и шибе меч его по черен в землю, Полкан же выломив дубину ис корени и удариша Бову, Бова-ж бысть дряхлъ; Полкан же и вторицею шибе о него, Бова-ж паде на землю, Полкан же сяде на кон Бовин, кон же нача ег[о] мыкат по лесу и по деревью и по пустому лѣсу, слыша не государя своег[о] на себе, и нача кон тертися и валятися и одрал на Полкане всю кожу его. И побеже кон с ним мимо Дружненина шатра, и рече ему прекрасная Дружнена: Господине Полкане, не чините меж собою з Бовою бою и побратаитеся, ино вас богатыреи славнее и силнее и на свету не будет. Полкан же рече ей: ѡ госпоже прекрасная Дружнена, яз рад з Бовою братство восприят. Кон же Бовин стал кротко, Полкан же приехал к Бове и слезе с коня и з Бовою братство воспринял и меж себя уверишася. Бова-ж всед на кон а прекрасная Дружнена на другои и поехали путем своим, а Полкан за ними побеже пеш, что конем же. И приехали под некіі град Костел, а царствует в нем царь Урил. И послышав царь Урил тѣх дву витязеи славных богатыреи и град Костел о них запер. Полкан же розбежеся и скочил через стену градную

и отпер врата градные, Бова-ж не поехал во град и стал под градом. Царь же Урил повеле в рог трубити и собра воиска своего .ѓеі. тысящъ и взя дву сынов своих и встрете Бову королевича; Бова-ж приіде во град и в палаты царские и нача пити и ясти и веселитись. И в тѣ поры приіде под град Костел корол Маркобрун, а войска с ним .ѓі. тысящь, и облег воиском своим круг града. Царь же Урил поиде з детми своими и с воиском своим против короля Маркобруна, корол же Маркобрун воиско у царя Урила побил и его в полон полонил и з детми ег[о]. Царь же Урил рече королю Маркобруну: Господине королю Маркобруне, отпусти меня во град свои, а возми у меня в закладе .в. сынов моих, яз тебѣ здам з города сонных Бову и Полкана и Дружнену. Корол же Маркобрун рече ему: Господине царю Уриле, слово твое паче меду устом моим; и отпустил его во град и рече ему: Зда-ж Бову и Полкана и Дружнену, яз тебѣ из своег[о] царства стану давати дан и оброки. Царь же Урил приіде во град к своей царице и лег с нею спати во своей ложнице в полате, а корол же Маркобрун отпустил с царем Урилом выборных витязеи .ѓв., кому имат Бову и Полкана и Дружнену. И леже царь Урил с своею царицею и говорит ей: Госпоже царица, яз у короля Маркобруна оставил в закладе дву сынов своихъ в том, что мнѣ сеѣ нощи здат з города Бову и Полкана и прекрасную Дружнену. А Полкан же то все слышит, что про них царь Урил говорит. Царица-ж рече: Господине царю Уриле, невозможно тебѣ здати з города таких славных и сильных богатырей. Царь же Урил удариша царицу свою по лицу, Полкан же скочив в полату и ухватил его за бороду и шибѣ его о середу, царь же бысть мертвъ. Полкан же посмотрив на царев двор, ажно полон двор войска; Полкан же взяв Бовин меч и выскочил вон и всѣх тут побил и град Костѣл до утра запер. Бова-ж воста от сна своег[о], и приіде к нему Полкан и поведа ему все по ряду, и Бова нача его любезно целовати, что о нем Полканъ велми радеет. И тако Бова вооружися иттит против короля Маркобруна, да Полкан с ним. Корол же Маркобрун нача с ним битис и не может против их стоятн, и

нача от них бежати. Бова-ж и Полкан, отбив у короля Маркобруна .в. сынов царя Урпла, и приведоша их во град и повелѣ им царствовати в отчине отца их, Бова-ж и Полкан поиде вон из града. Бова-ж всяде на кон, а прекрасная Дружиена на другои, а Полкан за ними побеже пеш что конем же. И доехаша Бова нѣкоего луга и тут Бова поставил шатер, а Полкану другои. И тут Бове прекрасная Дружиена родила два сына. Бова-ж поехал на пищу звереи добывать и заблудився, прекрасная-ж Дружиена вышла за шатер, ажно бежат на нее два лва; прекрасная-ж Дружиена возопи гласом великим: Господине Полкане, бежат на меня .в. лва. Полкан-же ухватя Бовин меч и выскочил за шатер и ударил мечем лва, лев же бысть мертвъ. И напустил на Полкана другои лев, Полкан же хотя и тово мячем посещи, и оба сразишася вмѣсто, лев Полкану прорва щрев, а Полкан его мечем розсѣче, и бысть оба мертвы, Полкан и лев. Прекрасная-ж Дружневна много тут ждав Бовы начаелась, что звери сьѣли, и взяв дѣтище на руку, а другое на другую и поидоша з горкими слезами пеша путем своим и заблудилас. Бова-ж приблудился к шатру и виде брата своего названого мертва да два лва, а прекрасные Дружнены нигдѣ не обрете и дѣтищ своих, и начаелся что их лвы сьели, и взя свои меч кладенец, и много тут плакав Бова о прекрасной Дружнене и поехал путем своим и наехал в поле витязя велми возрачна. Бова-ж воспрошал его: Хто еси ты, откуду и коег[о] града и како ти есть имя? Он-же ему рече: Яз езжу из Сумина града от дятки Синбалды, а имя ми бысть Личарда, послан есми провѣдыват по многим городам и по многим ордам про Бову королевича. Бова-ж рече ему: Да слыхал-лы еси гдѣ, господине, про него? Личарда же рече: Лише, господине, слышал про него, что де его в Задоне царь Салган убил. Бова-ж ему рече: Господине Личарда, принимает ли государь твои к собѣ во двор служит? Личарда же ему рече: Приімает, господине. Бова-ж поехал с ним к городу Сумину, и приехали во град. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: О Личарда, обрел ли еси гдѣ Бову королевича? Личарда же ему рече: Исках, господине, и не обретох

его, лише, господине, слышел про него, что его в Задоне граде убил царь Салтан. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: ѡ Личарда, хто с тобою приехал, что за витяз велми возрачен? Он же ему рече: То, господине, витяз приехал к тебѣ служит. Синбалда же рече Бове: Кто еси ты, откуду? Он же ему рече: Яз есмь пс Празин града; было нас .ѕ. тысящ, идох по морю, и разбися нашъ корабль, злато и сребро все потопе, а яз есми един остахся и іщу себѣ ласковог[о] государя благоприятна. Дятка-ж Синбалда принял Бову к собѣ во двор служит и посадил Бову за столом выше Личарды. Личарда же бысть Бове грубител и досадител: Личарда же его привел, а дятка Синбалда выше его Бову посадил. И рече Личарда дятке Синбалде: Яз рад с новым слугою о мѣсте своем на поле дратца. Бова-ж рече дятке Синбалде: Яз с ним рад дратца. И поехали оба на поле; дятка-ж Синбалда отпустил за ними сына своего Тереза смотрит как ся учнут дратца и с конеи рватца. И как будут на поле, Бова-ж охапив Личарду за горло и ударил его о землю и рече ему: О злодею Личарда, грубител и досадител отца моег[о] доброго короля Гвидона, почто еси ходил во град Молганскъ х королю Додону, наводил еси на отца моего великие пакости? ныне же отмещаю смерть отца своего доброго короля Гвидона! И отсече ему главу. И поехал Бова во град Сумин к дятке Синбалде и потерся бѣлым зелием и бысть аки цвет процвел. Дятка-ж Синбалда Бову опознал подлинно и рече ему: ѡ государь мои, Бова королевич, гдѣ еси был, откуду еси ко мнѣ пришол? яз тебѣ, государю, холоп старинной, возми к собе меня въ холопи и сына моег[о] Тереза. Бова-ж рече Синбалде: Поидем до вотчины отца моего доброго короля Гвидона под град Онтон. Дятка-ж Синбалда повеле в рог трубити и собра войска своег[о] .ѓ. тысящ и поидоша под град Онтон и нача бити во градную стену пушки и пищалми безотступно. И тако рече Бова: Грубител и досадител отца моег[о] доброго короля Гвидона, выди из вотчины отца моег[о] из града Онтона вон; аще не выдеш из вотчины нашеи, и яз не отступлю от града и до своея смерти, и нигдѣ можеш у меня скрытися. Корол же Додон

слыша, что подъ градомъ его стоитъ Бова королевичъ, и не знаша ег[о], что онъ храбръ и силенъ, и чаючи его младенствующа и повелѣ в рогъ трубити. И собра воиска своег[о] .,к. тысящ и поиде противъ Бовы королевича; Бова-ж напустилъ на царское знамя, а войска не замалъ ни единог[о] человѣка, и прибѣгоша х королю Додону и ударища его мечемъ по главе и разсече главу его. И рече имъ Бова: ѡ витязи мои и юноки, возмите своег[о] короля Додона и свезите к матери моеи к прекрасной Милитрисе. Витязи-ж и юноки взяше ег[о] и понесоша ег[о] во градъ Онтонъ и свертеша главу его, а Бова-ж поиде во градъ свои Сумии. Корол же Додонъ нача главу свою лечити и лекареи пытати по многимъ градомъ; Бова-ж то слышелъ, что супостат его корол Додонъ ещо живъ, лекареи пытает, Бова-ж рече дятке и поиде х королю Додону и поведа ему: Господине королю Додоне, приили лекара из Празни града, хотят голову твою излечит. Корол же Додонъ повелѣ их пустит во градъ; Бова-ж и Терез приіде к нему в полату, корол же Додонъ рече имъ: Господине лекари, можете-л главу мою излечит? Бова-ж приіде к нему и взяв его за бороду и рече ему: Хто сію рану далъ, тот тя и может докончат. И нача у него очи вертет и рече ему: Грубител и досадител отца моег[о], доброг[о] короля Гвидона, почто еси погубилъ отца моег[о]? пался еси, злодею, на женскую прелесть, душегубицу детеи своихъ. Корол же ему отвѣту не далъ, Бова-ж его ударилъ о середу, корол же бысть мертвъ. Прекрасная-ж Милитриса побеже вон из полаты, Бова-ж еѣ ухватилъ за руку и рече еи: ѡ госпоже мати моя прекрасная Милитриса, про што еси погубила отца моег[о], доброг[о] короля Гвидона, и про што еси возлюбила короля Додона? И про што еси посадила меня в темницу и морила еси гладом? Про што еси меня кормила змиіным ядом? Прекрасная-ж Милитриса сыну своему Бове не могла отвѣту дат, Бова-ж повелѣ ее обковат в бочку дубову. Бова-ж повелѣ в рогъ трубити и собра воиска своего .,н. тысящ и послаша своег[о] дятку Синбалду в Задонъ градъ к царю Салтану: чтоб за меня царь Салтанъ выдалъ тщер свою прекрасную Малгирю. Дятка-ж Синбалда приіде во градъ

Задон к царю Салтану и поздравствоваше царю Салтану от Бовы великолѣпное здравие: чтоб еси за нег[о] дал тщер свою прекрасную Малгирю. Царь Салтан рече Синбалде: Господине дятка Синбалда, поеди поведан Бове королевичю, токоб приехал государь мои Бова королевич сам, и яз бы за нег[о] дал тщер свою от великия радости; а ныне мнѣ кому дат в руце? Дятка-ж Синбалда возвратился вспят ко граду Онтону. Прекрасная-ж Дружнена приблудишася ко граду Арменю, ажно во Арменп царствует отца ея короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлопъ, а отца ея короля Зинзовея в животе нѣт; и потихонку воспрошала от пути, куды пут ко граду Онтону, и попде путем своим и приіде на луки морские и поставила себѣ шатер. Дятка-ж Синбалда приіде из Задония града и поведаше Бове, что ему царь Салтан говорил: тако бы де приехал государь мои Бова королевич сам, и яз бы де за него дал от великие радости тщер свою прекрасную Малгирю, а ныне мнѣ кому дат в руце? И в тѣ поры прекрасная Дружнена отпустила дву сынов своих во град Онтонъ. Детища-ж приіде в полату к Бове и сташа перед ним; Бова-ж возре на них и воспрошал витязеп своихъ: Которог[о] моего витязя детища велми возрачны? Они-ж рече ему: Мы, господине, их не вѣдаем. Бова-ж их воспрошал: ѿ дѣтища, хто вы есте, откуду? Они-ж ему рече: Мы, господине, пришелцы бысть в сем граде: отецъ у нас был Бова королевич. Бова-ж вскочил и нача их любезно целовати и воспрошал их: О дѣтища мои, где-ж мати ваша? Они-ж рече ему: ѿ государь мои батюшко, Бова королевич, матушка наша стоит на луках морских. Бова-ж повеле себѣ в тот часъ оседлати коня, а дѣтищам по коню-ж, и поехаша на луки морские, ажно его прекрасная Зинзовѣевна стоитъ на луках морских в шатре. Бова-ж вниде в шатер и нача еѣ любезно целовати, Бова-ж взяв прекрасную Дружнену с великою честпю, и поехаша ко граду Онтону, и нача с нею и з детми своими пити и ясти и веселитися и нача жаловат своих вѣрных раб: дятку пожаловал опят Сумпным градом, а Огеня брата Синбалдина пожаловал на кралевство во Армени. И послаша Синбалду Арлона воеват, и велѣл

Бова Арлопа перед собою поставит. Синбалда-ж приіде под град Армен и нача бити во градную стѣну пушки и пищалми безотступно; Арлоп же не может против его стояти и повеле град отворити, дятка-ж Синбалда приіде во град и взяв Орлопа по приказу государя своего Бовы королевича, а на королевство оставиша брата своего Агеня а сам возвратился во град Онтонъ. И поставиша Орлопа перед Бовою. Бова же рече ему: Арлопъ, ты есп злодею, про што меня посылал без увѣдания доброго короля Зпизовѣя в Задон град к царю Салтану и навадил есп на меня великие пакости? Ныне же есп заповпнен мечю моему. Арлопъ же пав подклонився перед Бовою и не может против его отвѣту дат, Бова-ж повеле его повѣсит. И потом Бова нача пити и ясти и веселитися во своей отчине и дѣтине отца своег[о] доброго короля Гвидона и многими грады владѣти. Во вѣки аминь.

Ся повесть разбоиного приказу под[ъ]ячего Ивана Яковлева, писалъ своима рукама.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIV, № 4.

СИМБИРСКАЯ МОЛВЬ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ОБЛАСТНЫХЪ НАРѢЧІЙ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Пров. 50

А. МОТОВИЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СИМБИРСКАЯ МОЛВЬ ВЛАДИМИРСКАГО ГОВОРА

по наблюденіямъ въ Симбирскомъ и Буинскомъ уѣздахъ

(А. Мотовилова).

Отличія Владимирскаго говора вообще (по Далю):

«1) Звукъ *о* произносится низко и еще звучнѣе, нежели въ Новгородскомъ говорѣ, вездѣ гдѣ пишется; письменное *а* сохраняетъ свой звукъ лишь при ударенiи.

2) Звукъ *г* произн. твердо.

3) Дзеканья почти не встрѣчается, но мѣстами цоканье и чваканье.

4) Частица *что* произн. всегда чисто: *што*.

5) Никогда зв. *ф* не замѣняется звуками *х* и *хв*.

6) Никогда *у* и *в* не замѣняютъ другъ друга.

7) Никогда не откидыв. оконч. *тъ* въ 3 л. глагола и произн. твердо *(тъ)*».

Замѣтка В. Даля о гов. Симб. губ.: «Въ гов. Симб. губ., вообще на *о*, нѣтъ ничего особеннаго; слышно *е* вмѣсто *а*, *я*, *и*: реды, чесы; онъ имѣтъ, съ того время, теѣ; мѣстами, у Ардатова симбир. цокаютъ; вообще же не картавятъ».

Замѣчаніе Даля о замѣнѣ зв. *а*, *я*, *и* звукомъ *е* ошибочно: ничего подобнаго на дѣлѣ не замѣчается; въ произношенiи напротивъ того ясно слышно: *ряды́*, *часы́*.

1. Произношеніе гласныхъ.

Вообще отличительной чертой Симб. молви является отчетливое произношеніе (въ противоположность москов. гов.) всѣхъ гласныхъ при плавномъ, нѣвучемъ растягиваніи всѣхъ слоговъ, кромѣ послѣдняго, который произносится коротко, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, особенное произношеніе нѣкоторыхъ гласныхъ въ послѣднемъ слогѣ. Такъ, между прочимъ, глаг. возвр. оканчив. яснымъ звукомъ *я* или *ъ*: *принима́йся*, *удиви́лась* (а не: *-ся*, *-сь* какъ обыкн. въ Моск. г.); но послѣ *т* частица *ся* обращается въ *ца*: *отставля́тца*.

Звукъ *о* произносится ясно вездѣ, гдѣ пишется, кромѣ того случая, когда онъ находится въ послѣднемъ слогѣ и произносится, какъ *а*; письменное *а* сохраняетъ свой звукъ, какъ при удареніи, такъ и внѣ его (за немногими исключеніями): *тарака́нъ*, *тако́й*, *сапо́къ* (сапогъ), *стака́нъ*, *арте́ль*, *ма́ла* (мало), *мнучо́накъ* (внучёнокъ), *больша́ва*.

Подобно тому, какъ звукъ *о* въ послѣднемъ слогѣ переходитъ въ *а*, звукъ *е* въ этомъ случаѣ переходитъ то въ *и*, то въ *я* (послѣднее бываетъ обыкновенно послѣ гласныхъ, кромѣ случая уподобленія, а также въ окончаніи имен. пад. имёнъ ср. р.): *вёси́мъ*, *бли́жи*, *пи́шитъ*, *пи́шимъ*, *бу́дитъ* (будетъ), *дню́итъ*, *ночу́итъ*, *жалѣ́ти* (жалѣете); *дво́я* (двое), *по́ля-та* (поле-то), *йхня* (ихнее); иногда-же *е* сохраняетъ свой звукъ и въ послѣднемъ слогѣ, напр.: *у́тръ* (завтра утромъ), *отто́ле*, *фъ поря́ткѣ* (въ порядкѣ).

Оканье выражается не только яснымъ произношеніемъ буквы *о*, но иногда и замѣною ею другихъ буквъ, напр. буквы *е*: *топе́рь*, *толе́рча*, *робёнокъ*, *робя́та*, *держа́ть*, *держи́* (это *о* можетъ усиливаться въ *а*: *пода́рживай*), *до́ржитъ*; также *а* безъ ударенія въ нѣкоторыхъ словахъ иностраннаго происхожденія: *они́съ* (анисъ — особый сортъ яблоковъ), *Ондре́й*, *Олёксѣй*, *торе́лка*, *кона́тъ*; и въ русскихъ словахъ: *робо́та*, *робо́тать*, *узло́къ* (узелокъ), *остана́вливать*, *порохо́тъ* (пароходъ, вслѣд. непониманія состава слова), *столовѣ́ръ* (старовѣръ; въ послѣднемъ

примѣрѣ сначала послѣдовала смѣна *р* на *л*, такъ какъ два *р* въ одномъ словѣ противны свойствамъ русскаго народнаго языка, а затѣмъ первая часть слова сближена со словомъ *столъ*); также *о* замѣняетъ *а* во всѣхъ словахъ, имѣющихъ приставку *раз: россы́пать*, *роздъли́ть* и пр. и въ выраженіи: *всё ровно́* (произн.: *фсё...*)

Впрочемъ реченіе *топе́рь* можетъ считаться древнѣе реченія теперь (отъ др.-русск. то-перво черезъ теперво. «Учебн. русск. грам.» Бусл.). Также и реченія *робо́та* и *робёнакъ* весьма древн. происх. (отъ робъ = рабъ. «Слово о вѣрѣ лат. и варяжск.» Ѳеод. Печер.; др. робя = ребенокъ, др.-ц.-сл. робѧ). Какъ рѣдкая противуположность указаннымъ формамъ является форма: *ва́ликъ* (уменьш. отъ волъ).

Ѣ въ произношеніи не отличается отъ *е;* при ударе́ніи *ь* не переходитъ въ *ё*, кромѣ случаевъ общихъ съ языкомъ литературнымъ и слѣд. двухъ формъ: *бёкъ*, *убёкъ* (т. е. бѣгъ = бѣжалъ, при неопр. накл. *бъчи́*, *убъчи́*) и *вёшка* (снопъ соломы, ставимый для обозначенія зимней дороги; уменьш. отъ вѣха).

Звукъ *ё* слышится часто и внѣ ударенія, замѣняя собой *ь* и *е* въ слогѣ предшествующемъ ударяемому: *Лёксáндра* (Александръ), *Ёго́ръ*, *унёсу́*, *ёму́*, *Пётро́въ*, *гнёдо́й* (гнѣдой), *сёдо́й* (сѣдой), *бичёва́*, *двёна́дцать*, *лёго́нька* (легонько), дер. *Недрёма́ловка*, *сёмо́й* (седьмой, отъ русск. формы *семь*), *черёда́* (раст. Bidens tripartita и cernua, поповы собачки), *бёго́мъ* (бѣгомъ), *надёва́ть*, *сёдло́*, *дёнёкъ* (денёкъ). Но *её* (вин. и род. п.: ее и ея) обыкновенно выговаривается чисто.

Эта особенность говора первая теряется отъ вліянія на отдѣльныя личности литературнаго языка. Такое же ёканье встрѣчается также во Владим. губ. и Горбат. уѣздѣ. («О нарѣчіяхъ» Даля).

Въ словѣ *смёртнай* (смертный; напр. *смёртна пятно́* — черное пятно на тѣлѣ, считающееся дурнымъ знакомъ) ударяемое *е* лит. яз. обращается въ *ё*.

Замѣняя звукъ *е* послѣ шипящихъ, *ё* переходитъ въ *о* (какъ и вообще въ великорусск.): *чохо́лъ*, *чово́* (чего), *чоты́ри*, *жона́*.

Но внѣ ударенія въ этомъ случаѣ *ё* переходитъ иногда и въ *а: жала́ть* (желать), *ка́къ-жа* (какъ-же), *фчара́* (вчера), *фчара́сь;* въ Бупн. у. даже: *жана́* (жена).

Въ предл. пад. мѣстоим.: *мой, твой свой, весь е* не произносится, какъ *ё; о своёмъ, во всѣмъ* (а не во всёмъ); также говорятъ: *дёрнуть*, а не: дёрнуть.

Звукъ *е* замѣняетъ собою *о* въ предл. пад. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоименій, а также и прилагат. съ основой на гортанную: *въ тѣмъ* (произн. фъ тѣмъ = въ томъ), *въ э́фтемъ, на кѣмъ* (на комъ), *въ однёмъ, на самемъ, въ другёмъ, въ такёмъ, въ какёмъ, о глухёмъ, въ Синбѣ́рскемъ* (Спнбѣ́рскай = Спмбирскъ), *на Во́лжскемъ* (на Волжскомъ пароходѣ, общества пароходства по Волгѣ); также звукомъ *е* замѣняется *и* въ твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоим. и прилаг. съ основой на горт.: *такёмъ* (такимъ), *своёмъ* (свопмъ); такая же замѣна существуетъ во всѣхъ пад. мн. ч. мѣстоим.: *такё* (иногда: *такёи* = такіе, такія), *какё, другё, чьё* (чьи), *самёхъ, такёхъ, другёми, моё,* (мои), *твоё, своё, всѣке: «хлѣбъ-соль на столѣ, а руки своё», «во всѣкемъ случа́ѣ», «до кѣ́хъ поръ»* (до конхъ поръ).

Нѣчто подобное см. «Русск. Хрест.» Бусл., Старопечат. Апост. 1564 г.: «в грекехъ». «Тацѣхъ бо есть царствіе Божіе». Мар. X, 14. «... И дастъ впноградъ инѣмъ». Мар. XII, 9. «Измите злаго отъ васъ самѣхъ». 1 Кор. V, 13. Предл. пад. др.-ц.-сл. ѥдинѣмь.

Мѣстоим. *онъ*, подобно прочимъ мѣстоим., имѣетъ одинакую форму для предл. и твор. пад.: *объ нёмъ, подъ нёмъ, за нёмъ.*

Одинакому окончанію предл. и твор. пад. муж. р. мѣстоим. соотвѣтствуетъ одинакое окончаніе этихъ падежей и въ склоненіи прилагательныхъ, у которыхъ предл. и твор. пад. одинаково кончаются на *ымъ: во второ́ымъ го́дѣ, на Крутѣ́ымъ вра́гѣ* (въ Крутомъ оврагѣ), *въ яровы́мъ.*

Оди́нъ имѣетъ во множественн. ч. для всѣхъ родовъ: *одни́, одни́хъ, одни́мъ, одни́ми, объ одни́хъ.* Также употребляется во всѣхъ родахъ множ. ч.: *они́* = онп, онѣ.

Óба и *óбѣ* имѣютъ въ косвен. падежахъ одинаковыя формы: *обѣ́хъ*, *обѣ́мъ*, *обѣ́ми*, *объ обѣ́хъ*.

Родит. пад. сущ. женск. р. оканч. на *е (ѣ)*: *у ры́бѣ*, *изъ Тулѣ* (изъ Тулы).

Предл. п. 4 склон. им. сущ. (женск. р. на *ь*) оканч. на ударяемое *е (ѣ)*: *на лошади́*, *въ кровѝ*, *на моéй памятѝ*, *въ грязѝ*, *внутрѝ* (послѣд. впроч. м. б. объясн. формою: *внутро́* = внутрь), *позади́*.

Также *е* вм. *и* находимъ въ слѣд. словахъ: *фатéра* (или, при большемъ вліяніи лит. яз.: *квартéра*), *мундéръ*.

2. Звукъ г.

Звукъ *г* произносится всегда твердо: *Госпóдь* (а не: hосподь, какъ въ моск. гов.), *когдá* (а не: коhда).

Несмотря на такое произн., звукъ *г* переходитъ то въ *х*, то въ *к* такъ же, какъ и въ московск. говорѣ: *Бохъ* (Богъ) и *друкъ* (другъ).

3. Дзеканья, цоканья и чваканья въ Симбирск. и Буинск. уѣздахъ вовсе нѣтъ.

4. Реченіе что произносится всегда чисто: *што*. «Ни зáшта, ни прóшта» = ни за что, ни про что; *нáшта* и *пóшта* = зачѣмъ; *нéшта* = развѣ; *ништó* = да, конечно; «ништó ёмý» = по дѣломъ. Впрочемъ «нешто» по объясненію Даля есть не: нечто, а нежто, неужто.

5. Звуки ф, х и хв.

Никогда зв. *ф* не замѣняется звуками *х* и *хв*, кромѣ случаевъ сходныхъ съ этой замѣной, но свойственныхъ всѣмъ говорамъ великорусскаго нарѣчія, напр.: *Хавронья* = Ѳевронія, обратно: *драфъ* (Буинск. у.) = драхва, *фатéра* = квартира.

6. Звуки у и в никогда не замѣняютъ другъ друга.

7. Окончаніе 3 лица глаголовъ.

Никогда не откидывается окончаніе *тъ* въ 3 лицѣ глаголовъ и произносится твердо (тъ).

8. Устраненіе стеченія гласныхъ.

Одна изъ особенностей Симбирской молви состоитъ въ опущеніи звука *е* безъ ударенія послѣ гласныхъ: *а*, *я*, *ъ*, *е*, а иногда и послѣ *о*.

Такъ въ настоящемъ времени изъяв. накл. глаголовъ 1 спр. 3 разл. и нѣк. глаг. 2-го разл. съ суфф. *ов-а* соединительная гласная *е* опускается: *гуля́ишь*, *гуля́ютъ*, *гуля́емъ гуля́ти* (гуляете), при чемъ глаголы 2-го разл., имѣющіе въ неопр. накл. суфф. *ов-а* (произносимый: *ыва*), сохраняютъ его и въ настоящемъ вр. изъяв. н., слѣдов. приравниваются къ глаг. 3 разл. съ суфф. *ыв-а: жа́лываютъ* (жалуетъ), *слы́дываютъ* (слѣдуетъ). Глаголъ 2 разл. *ба́ить* (баять) опускаетъ *е* въ 3 лицѣ. Глаг. 1 разл. *знать* спрягается подобно глаг. 3-го: «*хто ё знаетъ*». Глаголы же 2 разл. съ суфф. *ев-а*, а также глаголы съ суфф. *ов-а*, имѣющіе ударенie на *а*, спрягаются правильно: *горю́ютъ*, *ночу́ютъ*, *вору́ютъ*, *зору́ютъ* (*зорова́ть* = озорничать). (О различіяхъ см. «Русск. и Церк.-сл. этим.» Поливанова).

Впрочемъ иногда можно услыхать и полныя формы глаголовъ: *ду́матъ* и *ду́маитъ*, *батъ*, *байтъ* и *ба́итъ* (баетъ).

Сопоставленіе формъ *ба́итъ*, *байтъ* и *батъ* невольно наводитъ на мысль, что сокращеніе соединительной гласной *е* произошло не посредствомъ уподобленія, какъ это обыкновенно объясняютъ, а черезъ переходъ *и* (вм. *е*) въ *й* и выпаденіе послѣдняго звука. Но съ другой стороны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской губ. въ этихъ случаяхъ слышно дѣйствительно долгое, какъ бы вздвоенное *а* или *е:* думаатъ, гуляатъ, краснѣэтъ. Впрочемъ возможно, что въ различныхъ говорахъ это сокращеніе произошло различнымъ образомъ. Выпаденіе соедин. гласн. *е* встрѣчается также: въ Устюгѣ Волог. губ., во Влад. губ. Костром. губ., Казанск. губ., Уфимск. губ., Оренб. губ., Астрах. губ., Пензенск. губ. и въ Спбирп. (См.: Даль «О нарѣчіяхъ»).

Принимая во вниманіе, что въ Симб. говорѣ выпаденіе звука *е* послѣ гласныхъ составляетъ правило не только въ спряженіи глаголовъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ, думаемъ, что оно

во всѣхъ этихъ случаяхъ совершалось одинаково, подобно тому, какъ изъ «моему» образовалось «мому» (черезъ: мойму). (См. «Обзоръ зв. и форм. особ. русск. народн. яз.» Колосова, стр. 195).

Во множ. ч. слова *хозя́инъ* во всѣхъ пад. звукъ *е* опускается: *хозя́вы*, *хозя́фъ*, *хозя́вамъ*, *хозя́вами*, *о хозя́вахъ*.

Также: *копы́къ* = копѣекъ, *зна́ма* = извѣстно (знаемо).

Въ род. и дат. пад. ед. числа мѣстоим.: *мой*, *твой*, *свой*, *е* выпадаетъ: *мово́*, *твово́*, *свово́* (моего, твоего, своего), *мому́*, *тому́*, *свому́*.

Сравнительная степень прилаг. и нарѣчій не имѣетъ на концѣ зв. *е*, также и звука *й*: *скорь́*, *живь́*, *бо́ль*.

Изрѣдка можно услыхать и: *скорь́я*. Происхожденіе реченія *бо́ль* впрочемъ можетъ быть объяснено не отпаденіемъ *й (-е)*, а отсутствіемъ его въ др.-ц.-сл. формѣ: болѥ; также: менѥ, далѥ.

Въ прилагат. притяж. на *евъ е* выпадаетъ послѣ гласныхъ: *а*, *я*, *ь* и *е*. Напр. фамилія «Николаевъ» произносится: *Микула́фъ* (*Микула́й* = Николай, *Мики́та* = Никита), фам. *Киря́фъ* (т. е. Киряевъ, Киряй — уменьш. отъ: Кириллъ), село *Выры-па́вка* (Вырыпаевка), *Ондре́вичъ*, *Олёксѣвичъ* (Андреевичъ, Алексѣевичъ; впрочемъ вѣроятнѣе, что двѣ послѣднія формы образовались не вслѣдствіе выпаденія звука *е*, а вставкою благозвучнаго *в* въ формы: Андрепчъ, Алексѣпчъ; общепринято въ разговорѣ: Андревна, Николавна вм. Андреевна, Николаевна), *Горды́фъ* (Гордѣевъ). Въ формѣ *Ми́трефъ* (Дмитріевъ) выпаденію подверглось не *е*, а *і*.

Замѣчательно сокращеніе: *позжа́й* (поѣзжай). (Бугинск. у.).

Древность сокращенія звука *е* послѣ гласныхъ явствуетъ изъ старинныхъ актовъ (собственность автора): «Се аз кирила михевъ сынъ».... (промѣнная запись 1675 г., писана въ Арзамасѣ); «.... Да вдову агашку микулаву з детми»... (духовное завѣщаніе 1685 г., село Чуфарова ныне Саранск. у. Пенз. губ.).

9. Краткія формы прилагательн.

Вслѣдствіе той же нелюбви къ стеченію согласныхъ, которая дѣлаетъ невозможнымъ для простого человѣка произнесеніе имени «Георгій» (въ передѣлкѣ: *Ёгóръ* и *Ёгóрій*), имена прилагательныя по большей части употребляются въ краткой формѣ, а именно такую форму прилагательныя принимаютъ въ имен. пад. женск. и сред. р. ед. ч., въ вин. п. женск. р. и въ им. п. множ. ч.; при этомъ прилаг. сохраняютъ то же удареніе, какъ и въ полной формѣ: *хорóша лóшадь*, *хорóши лóшади* (служа сказуемымъ: *лóшадь хорошá*).

Иногда въ этихъ случаяхъ можно встрѣтить и полныя формы: *дорогáя*, *яровóя* (яровое), *родúмыи* (для всѣхъ родовъ).

Краткія и полныя формы прилагат. можно услыхать отъ одного и того же человѣка; то же надо сказать и о глагольныхъ формахъ съ опущеннымъ *е* и безъ этого опущенія.

Такое сокращеніе окончаній прилагательныхъ свойственно также Сибири.

10. Мѣна звуковъ а и ы.

А слышится вмѣсто *ы* въ окончаніи им. п. муж. р. прилагат.: *тóлстай* (толстый). Эта замѣна впрочемъ можетъ быть объяснена переходомъ *ы* въ *о*, что свойственно всему великорус. нар., при чемъ *о*, находясь въ послѣднемъ слогѣ, произносится какъ *а*. Такая же замѣна слышна въ окончаніи отчествъ: *Стёпáнач*.

Обратно: *тудú* (туда), *сюдú;* иногда эта же замѣна слышна въ послѣднемъ слогѣ отдѣльн. словъ, употребляемыхъ, какъ междометія: *нáды!* (вм. нáда = надо), *прáвды!* и даже: *бѣдú!* (бѣда).

11. Мѣстоим. этотъ.

Мѣстоим. «этотъ» имѣетъ въ Симбирской волги слѣдующія формы: *éфтатъ* (т. е. евтотъ) — для указанія на предметъ близкій; *éнтатъ* — для указанія на предметъ болѣе удаленный; третья форма, со вставнымъ *с*, употребляется только послѣ предлоговъ *съ* и *безъ: съ эстемъ*. Вм. *éфтатъ* употребляется

также *ётатъ* (начальное *е* отвердѣваетъ послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ). Послѣ предлоговъ, оканчивающихся на гласную, начальное *е* мѣстоимѣнія образуетъ съ этой гласной дифтонгъ и даже переходитъ въ *й: пóётому* и *пóйтому*, при чёмъ удареніе переходитъ на предлогъ. Предлогъ *объ* обыкновенно сливается съ мѣстоим. *ётатъ: обётемъ;* также говорятъ: *вонётатъ* (вонъ этотъ).

12. Звукъ ч.

Ч передъ *н* согласной произносится, какъ *ш: конéшна* (конечно), *ношнóй* (ночной), *обрýшникъ*, *сёрдéшникъ* (шворень).

Такъже произносится *ч* въ окончаніи сравн. степени: *лéкши*, *крьпши* (отъ *лéхкай*, *крьпкай;* ср. тоньше отъ тонкій). Подобно этимъ формамъ употребляется: *тяжельши*.

13. Заключительныя частицы.

Въ Симбирской молви къ нѣкоторымъ нарѣчіямъ часто приставляется частица *ти*, которая служитъ только, чтобы удлинить слово (обыкновенно употребляемое отдѣльно), не придавая ему другого значенія: *нѣ́тути*, *тýтути*, *нáдати* (и *нáдать*).

Частица *сь* (изъ указат. мѣст. «сей») служитъ для означенія прошедш. времени: *лѣ́тась* (прошлымъ лѣтомъ), *ýтрась* (прошедшимъ утромъ; между тѣмъ какъ *ýтрь* и *заýтра* = завтра утромъ). При нарѣчіи «вчера» эта частица, какъ бы только усиливаетъ выраженіе: *вчарáсь* (произн.: фчарась).

Особенно любима въ Симбирск. молви частица *та* (то), служащая такъ же, какъ и въ литературномъ языкѣ, такъ сказать, для подчеркиванія словъ. Частица эта въ Симбирской молви уподобляется конечному звуку слова (но отнюдь не согласуется съ послѣднимъ), вслѣдствіе чего эта частица употребляется въ трехъ видахъ: *та*, *те* и *тъ;* напр.: *богáты-те* (богатые-то), *пóля-та* (поле-то), *ходúть-та*; *по-мéньши-те*; *на конць-те*, *тó-та* (то-то), *стáра-тъ* (старый-то, кот. произн.: *стáрай*), *стáринька-тъ* (старенькій-то).

14. Приставка, вставка и мѣна звуковъ.

Приставка гласной въ началѣ слова: *аржано́й* (ржаной), *овто́рникъ* (вторникъ), *окро́мѣ*, *опо́слѣ*, *ишо́лъ* (шелъ), *огромаднай* (по аналогіи съ огромный), *онаме́дни* (намедни, впрочемъ м. б. мѣстная форма древнѣе; пзъ: опыми дни).

Съ приставнымъ согласнымъ звукомъ можно замѣтить только: *смѣ́рка* (мѣрка, напр. для шитья платья).

Вставка и мѣна звуковъ:

Обныкнове́ннай (обыкновенный), *сусѣ́дъ* (собственно форма болѣе древняя, чѣмъ «сосѣдъ», др.-ц.-сл. сѫсѣдъ, сѫпругъ = супругъ), *сумлѣ́нья* (сомнѣніе; кромѣ указаннаго выше, въ этомъ словѣ произошла мѣна н = л, какъ плавн.), *ка́жиннай* (каждый), *скусъ*, *ску́снай* (вкусъ, вкусный), *берёжа* (= жереба, черезъ перестановку звуковъ), *манёнька* (маленько), *склѣ́скай* (скользкій), *а́нделъ* (ангелъ), *глы́бкай*, *глы́бка* (глубокій, глубоко), *бы́тта* (будто), *поздоро́вкаться* (поздороваться), *та́ма* (тамъ), *здѣ́сь* (здѣсь), *гречу́ха* (гречиха, греча), *пыма́ть*, *сы́мать* (поймать, снимать), *слобо́да* (стобода), *ослобони́ть* (освободить), *нагина́ться* (нагибаться), *а́ли* (или), *Давы́дъ* (Давидъ), *колдова́я* (кладовая), *претензова́ть* (претендовать, быть въ претензіи), *Явге́нья* (Евгенія), *за́фтри* (завтра), *сича́съ* (сейчасъ), *пондра́виться*, *сала́шъ* (шалашъ), *уѣжда́ть* (зж = жд; напр.: вожделѣнный, пждивеніе), *соши́ть* (сшить), *мнукъ* (внукъ), *мыря́ть*, *мырну́ть* (нырять, нырнуть), *сурьёзнай*.

15. Опущеніе звуковъ.

Кстѣ́ться (креститься, откуда *окстѣ́ть* = окрестить, а также сильно ударить; послѣдняго значенія нѣтъ въ Словарѣ Даля), *ма́сленца* (маслянпца), *пергоня́ть* (перегонять), *первьсло́* (перевѣсло; ручка у ведра, котелка и пр.), *ба́ушка* (бабушка), *не зна́й* (не знаю), *чай* (чаю), *чать* (неопр. н.: чаять; стар. чати), *вишь* (видишь), *хошь* (хочешь, какъ «бпшь» пзъ: баешь), *рай* (развѣ), *въ самъ-дѣ́лѣ* (въ самомъ дѣлѣ), *пра* (право), дѣ? (гдѣ?), *рупь*, *журафь* (рубль, журавль), *тѣ*, *тіѣ́* (послѣд. форма употр. въ

Буинск. у.; но форма сокращен. род. и вин. падежей не употребительна; тѣ = тебѣ), *ты́ща* (тысяча), *врагъ* (оврагъ, отъ гот. aurahi «Русск. Правоп.» Я. Грота), *не зама́ть*, *не зама́й* («вм.: не занимай, какъ и вымать вм. вынимать въ был. объ Ильѣ Мур.» «Ист. Хрест.» Бусл.; «не займайте». «Послѣд. Запор.» Данилевск.), еще болѣе сокращенная форма отъ «не замай» — *незо́мъ*, *перо́сы* (при полной формѣ: *папиро́сы*), *тывы́дать* (пробовать; сокр. изъ: отвѣдать), также употребляется: *противъдать*, *кото́ры* (которые-нибудь, нѣкоторые), *хто* (кто-нибудь), *встри́тся* (встрѣтиться; *встры́лись* — встрѣтились). Замѣчательно: *чалэ́къ* (человѣкъ, Буинск. у.).

16. Особенности въ склоненіяхъ.

Особенности въ окончаніяхъ имен. падежа ед. и мн. ч. именъ существительныхъ: *я́блакъ* (яблоко, ц.-сл. яблокъ), *це́рква* (церковь), *тылеса́* (понимается какъ множ. число, но употребляется вм. ед. ч.: тѣло), *плеча́* (вм. плечи), *пальты́* (вм. разговорн.: по́льта), *ку́стья* (кусты), *три́ рубли́*, *урки́* (уроки; род. п. ед. ч.: *урка́;* по аналог. съ: курокъ — курки, шнурокъ — шнурки).

Окончаніе род. п. мн. числа им. сущ.: *овъ* и *евъ*, встрѣчается во всѣхъ родахъ: *рублёвъ* (выгов. рублёфъ), *ножо́въ* (ножей), *съмяно́въ* (сѣмянъ), *дъло́въ* (дѣлъ), *сбо́ркавъ*. Однако это окончаніе свойственно не всѣмъ словамъ: *дёнъ* (дней), *сажо́нъ* (саженей).

Мѣстоим.: *та*, *одна́*, *вся*, *сама́* имѣютъ въ род. и вин. пад.: *тоё*, *одноё*, *всеё*, *самоё*.

По восьми́ по десяти́ (по 80) и: *по во́семьдесятъ*.

Когда женщинъ называютъ по одной фамиліи, не прибавляя имени и отчества, то оканчиваютъ фамилію на *иха: Черка́сиха* (Черкасова), *Бѣлячи́ха* (Бѣлякова).

Форма род. пад. *чово́* въ Симб. молви часто употр. вмѣсто *што;* напр.: *чово́ ты́ на́да? Чово́?*

17. Особенности въ спряженіи глаголовъ.

Особенныя формы неопр. накл.:

Глаголы, оканчивающ. въ литер. яз. на *чь*, въ Симбирской

молвп прпнпмаютъ окончаніе *чи́: бѣчи́, убѣчи́* (бѣжать, убѣжать), *печи́* (печь). Изъ другпхъ особенностей замѣчательны: *зала́зить*, *выла́зить* (залѣзать, вылѣзать), *пуща́ть*, *пуща́й* (пускать, пускай; пустить — пущать, какъ простить — прощать; ср. слав.: «отпущайте и отпустятъ вамъ». Лука V, 37), *сядьть сяди́ться*, *ляжи́ться* (всѣ трп формы прпнадлежатъ Бупнск. у.), *жа́литься* (жаловаться), *взяти́* (вязать), *скидова́ть* (скпдать), *загану́ть* (загадать; «загонути», см. Суды Соломон. «Истор. Хрест.». Бусл.), *испужа́ть* (пспугать).

Въ окончанін повел. накл. *и* литер. яз. часто замѣняется черезъ *ь: не тро́жь, не тро́гъ* (вм.: не трог-ь; но употребляется также форма *тронь* отъ: тронуть; напр.: «*не тронь*» плп «*не замай — онь тамъ*», т. е., оставь пхъ тамъ; формы же «трожь» и «*трогъ*» прпнадлежатъ глаголу — трогать), *подь, поло́жь, пока́жь, затво́рь.*

Глаголы съ неударяемою глагольн. примѣтой *и* спрягаются по 3 разл. 1-го спряженія: *пъздію, ла́зіитъ, ъздіютъ, му́чіютъ, ла́зіютъ.*

(О разлпчіяхъ см. «Русск. п Церк.-сл. Этпм.» Полпв.)

Глаголы 2 разл. 1 спр. смягчаютъ гортанную основы передъ соед. гласн. *е* (чего не бываетъ въ большпнствѣ говоровъ): *течётъ* (а не: текётъ).

Иногда можно услыхать дѣепрпчастіе прош. вм. прошедш. вр. пзъяв. накл.: *онъ заговѣъмши.*

18. Русскія формы.

Русскія формы вм. церк.-славянск.: *пре́же, допре́же* (прежде), *Володи́миръ* (Владпмпръ), *о́бчества* (общество), *сёмо́й* (седьмой, отъ русск. ф. семь); *на́большай* (прпст. *на́* соотв. *наи*, взятой съ польск. яз., Грамм. Ломоносова).

19. Удареніе.

Проф. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуков. и формальн. особенностей нар. русск. яз.» указываетъ разность въ удареніп между о́кающею (сѣверною) п а́кающею (южною) вѣтвями велико-

русскаго нарѣчія; но при этомъ онъ приписываетъ всей сѣверной вѣтви такія особенности, которыя свойственны одному только новгородскому говору. (Напр. переносъ ударенія въ имен. сущ. съ окончанія на коренной слогъ: ру́чей, дро́ва, па́стухъ, спи́на и пр.; также переносъ ударенія въ им. прилагат. на послѣдн. слогъ: крѣпко́й, гладко́й и т. п.; всѣ эти формы совершенно несвойственны владимирскому говору; въ Симбирск. молви эти слова произносятся: *ручёй*, *дрова́*, *пастухъ*, *спина́*, *крѣпкай*, *гла́дкай* и т. д.).

Приводимое Далемъ различіе въ удареніи двухъ вѣтвей великорусскаго нарѣчія (состоящее въ томъ, что во всякомъ словѣ, употребляемомъ въ литературн. языкѣ съ двоякимъ удареніемъ, первое удареніе принадлежитъ сѣверной, а второе южной вѣтви), на самомъ дѣлѣ не даётъ средства познавать эти двѣ вѣтви. Въ Симбирской молви многія слова употребляются съ удареніемъ, свойственнымъ, по Далю, южной вѣтви; напр.: *соко́лъ*, *ворота́*.

Однако есть одна особенность, отмѣчаемая между прочимъ проф. Колосовымъ въ упомянутомъ выше трудѣ, проводящая границу между двумя вѣтвями великорусск. нарѣчія. Эта особенность говора замѣчается не только въ рѣчи простолюдина, но и среди образованнаго слоя общества и заключается въ большей подвижности ударенія въ сѣверной вѣтви. Эта подвижность ударенія заключается въ томъ, что:

I. Въ глаголахъ сложныхъ съ предлогами удареніе часто переносится на предлогъ въ прошедш. врем. изъяв. накл. и въ причастіи прош. страд. залога: *за́вилъ*, *по́звалъ*, *со́бралъ*, *о́тнялъ*, *о́бнялъ*, *о́блилъ*, *ро́зорвалъ*, *не́ пилъ*, *не́ далъ*; *за́витъ*, *о́блитъ* и пр. (Въ южномъ великорусск. между тѣмъ: завилъ, позва́лъ, собра́лъ, не пи́лъ, не да́лъ и т. п.)

II. Предлоги, управляя существительными, часто принимаютъ удареніе на себя: *по́ полю*, *по́ морю*, *по́ двойни* (по двойнѣ), *за́ мостамъ* (за мостомъ).

III. Въ сѣверной вѣтви соблюдается (принятый нынѣ въ грамматикѣ) переносъ ударенія въ прошедш. врем. женск. род. на послѣдн. слогъ: *позвала́*, *отняла́*, *разорвала́* (въ южной вѣтви: позва́ла, отня́ла, разорва́ла и пр.)

Кромѣ того замѣчательны слѣдующія ударенія: *сёмнадцатай* (хотя колич. числ. *сёмна́дцать*), *шо́снадцатай*, *пётнадцатай* (числит. колич. *шосна́дцать*, *пятна́дцать*); *тащи́тъ*, *тащя́тъ* (отъ глаг.: тащи́ть), *дотрону́ться*, *ото́прети* (отопрёте), *про́снется* (проснётся), *подо́йдетъ* (подойдётъ), *отдо́хнетъ* (отдохнётъ), *рыба́ки* (рыбаки́), *бурла́ки*, *и́дутъ*, *сажо́нъ* (са́женъ или саженёй, р. п. множ. ч.), *должо́нъ* (долженъ), *кошо́на* (ко́шено), *случа́й*, *оставши́ги* (оставшіеся).

Молви, въ которыхъ встрѣчаются звуковыя особенности, свойственныя Симбирской молви. (См. Даля «О нарѣчіяхъ»).

Устюгъ, *Волог. губ.:* знатъ, бывать, тѣ (тебѣ), дёнъ (дней).

Владимирск. губ.: челэкъ, бапть, печи, стеречи, дѣлать, дѣлатъ, дѣламъ, кочень (кочанъ), жомочки, сёло, ёво, мнукъ.

Ковровъ, *Владимирск. губ.:* тѣ, пущай, испужался, въ первымъ, во вторымъ, куды, глыбоко, всеё, своѣ, твоѣ.

Муромъ, *Влад. губ.:* бёда, пёсокъ, ёда, на лошадѣ, на печѣ,

Костромск. губ.: ломатся, хватать.

Горбат., *Нижегор. губ.:* чово, Ондрей, ёво, ёму, Стёпанъ, другеи, сухеи.

Казанск. губ.: кдатъ, мѣшатъ.

Оренбургск. губ.: туды, сюды, добрай, сѣрай, пиёвъ, умнѣ, теплѣ, обѣдашь, знатъ, сядпсь, ляжись.

Астраханск. казаки: доржи, доржать, знатъ, дѣлатъ.

Сибирь: робота, робёнокъ, робята, торелка, знатъ, гулямъ, кака быстра рѣка, ершовъ, рублевъ, мужьевъ, тоё, обѣмъ, обѣхъ.

ОБЛАСТНЫЯ СЛОВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Слова, не занесённыя въ Словарь Даля вовсе или же записанныя въ другомъ значеніи, обозначены звѣздочкой; слова, общіе восточн. (владимирскому) говору — знакомъ *вост.*

Правописаніе принято литературное.

Айда́, айда́ти вост., (иногда произн.: *айда́те*, но приставка здѣсь имѣетъ то же значеніе, какъ и въ: тутути, нѣтути и пр.) пойдемъ.

*Аржану́ха** трава мятликъ, poa pratensis.

Арка́нъ вост., веревка, захлеснутая петлей для ловли лошадей.

Ахти́тельный прекрасный; болѣе употребл. съ отрицаніемъ: *неахти́тельный*. плохонькій.

*Аша́ть** (татарск. слово на русскій ладъ) въ разговорѣ съ татарами: ѣсть, кушать; подобно тому, какъ «чайка́ пуща́ть»= пить чай.

Ба́ить вост., говорить.

Бакла́нъ болванъ, чурбанъ.

Бакла́нникъ, бакла́жникъ тостые, неколотые дрова.

Балагу́рить вост., весело разговаривать, шутить на словахъ. *Балагу́ръ* шутникъ, весельчакъ.

Бала́кирь молочный горшокъ.

Баланда́ родъ ботвиньи.

Бала́хтаться плескаться въ водѣ.

Балда́къ кубокъ, стопа. *Балда́шка* деревянн. чашка. ставчикъ.

*Ба́рщина**. Донынѣ такъ называется въ деревняхъ и селахъ часть крестьянъ, принадлежавшая одному барину; каждая барщина составляетъ одно земельное о́бчество, т. е., владѣетъ своей землей отдѣльно отъ другихъ барщинъ.

Ба́рокъ воткнутая въ землю толстая палка, на кот. надѣта крѣпкая втулка отъ колеса, приспособленная къ повороту рычагомъ; употребл. при гнутіи полозьевъ.

Ба́стрыкъ дрючокъ, рычагъ, стягъ, которымъ сѣно и солома притягиваются къ возу.

Батя́ня отецъ, также братъ, пріятель.

Безпремѣнно непремѣнно.

Белиберда́ чушь, чепуха.

Бельме́съ: «ни бельмеса не знаетъ». Слово татарск. бельмемъ = не понимаю.

Бе́режь бережливость; «держа́ть у́ бережи = въ сохранности.

Берёзка раст. повилика, вьюнъ, Convolvulus.

Биби́ка остатки или выжимки при выдѣлкѣ растительнаго масла: конопляная и пр.

Бирю́къ (отъ тат. бури = волкъ). Въ Симб. губ. обыкновенно такъ называютъ волка, но Даль говоритъ, что мѣстами такъ называютъ медвѣдя.

Благо́й плохой, дурной: «дорога больно блага»; *блажно́й* безпокойный, неугомонный, своенравный; то же самое означаетъ и *блаже́нный*.

Божни́ца кіотъ для образовъ.

Боко́ушка боковая комнатка.

*Болони́ть** Бугульм. у., приставать, надоѣдать; *болона́** человѣкъ надоѣдающій.

Болту́шка мѣсиво для скота съ мукой.

Бо́нда звонокъ на шеѣ скота.

Бо́ндарь бочаръ, обручникъ.

*Бо́ровъ** самецъ свиньи, можетъ быть кладеный и некладеный; слово-же *каба́нъ* въ Симб. губ. означаетъ только дикую свинью.

Борщо́вики раст. пу́чки, бодранъ, роженецъ, стебли котораго ѣдятъ сырьемъ, а чуваши варятъ изъ нихъ щи.

Бо́тать вост., сильно стучать, ударять тяжело и не торопясь; стучать сапогами.

Брате́льникъ братъ (выраженіе вѣжливости).

Бре́день сѣть меньше невода, которую люди тянутъ на шестахъ, идя бродомъ.

Брыка́ть лягать.

Бугоръ вост., всякое возвышеніе въ степи, холмъ, горка.

Буда́рка долбленая лодка, однодеревка, душегубка.

Будыл́ка берцо, голень, часть ноги отъ колѣна до подъёма; иногда говорятъ: *булдышка*.

*Будыля́стый** длинный и при томъ худой.

*Буженина** свѣжая свинина (не копченая, не соленая и пр.).

Булга́ тревога, суета, безпокойство.

Булды́жникъ буянъ и безпокойный пьянчуга.

Бултыха́ть болтать жидкость.

Бури́ть литъ черезъ край, лишнее.

Бурка́ть бросать, кидать, швырять.

Бурла́къ вост., такъ назывались рабочіе, тянувшіе (до введенія пароходовъ) суда бечевою.

Бурьяны́ всякая высокая, сорная трава: крапива, репейникъ и пр.

Буты́рить, перебуты́рить переворачивать, приводить въ безпорядокъ.

Буты́рки изба, домъ - особнякъ.

Быль мелкая рыбка, бѣлявка, мальга.

Бышо́нка верховодка, верхоплавка; рыба, кот. весной по болѣзни дѣлается верховодкой, ходитъ по верху воды, на виду, и её ловятъ руками.

Бя́кать, бякнуть бухать, ронять со стукомъ.

*Важъ** (франц. vache) чемоданъ, прикрѣпляемый на крышку кареты, возка́.

Ва́дить играя въ попа (особ. видъ игры въ чушки) и нѣк. др. игры, быть на очереди.

Вала́ндаться что-либо мѣшкотно дѣлать, возиться.

Ва́ленки валеные сапоги.

Варя́нить дѣлать что-нибудь кой-какъ.

Варене́цъ вост., топленое молоко, заквашенное сметаной.

Верея́ витой столбъ у крестьянск. крыльца, столбъ у воротъ; также воротная скоба.

Верту́хъ соединеніе головки бедренаго мосла съ гнѣздомъ таза, суставъ на кот. обращается ляжка.

Верша́ бугинск. у., рыболовный снарядъ изъ прутьевъ въ видѣ воронки.

Вечеря́ть ужинать.

Взапра́ву вправду, кромѣ шутокъ.

Взопре́ть вспотѣть.

Ви́ны карт. масть: пики.

*Взы-взы!** крикъ которымъ натравливаютъ собакъ.

Витю́шка родъ сайки или калача, свитаго въ три полосы или кольцомъ.

Вихля́ться ломаться, дѣлать неестественныя движенія туловищемъ; *извихля́ться* привыкнуть къ вихля́нью.

Вича́ть кричать, визжать, какъ ребенокъ или щенокъ.

Во́бла небольшая волжская рыба, Cyprinus grislagine.

Возжа́ться (съ кѣмъ) знаться, дружиться, водиться, возиться.

Во́лжка вост., всякій боковой рукавъ или протокъ Волги, образующій островъ.

Волдо́дка нить, жилка, волокно растит. или животн.

Волоку́ша метель снизу.

Восе́йка давеча, вчера вечеромъ.

Вло́паться попасть въ бѣду, попасться въ чемъ.

Волосни́къ головная повязка, надѣваемая бабами подъ платокъ.

*Волго́цкій орѣхъ** орѣхъ, весьма сходный съ русскимъ, но нѣсколько крупнѣе послѣдняго и съ болѣе хрупкой скорлупой.

Волго́тный удобный, свободный, легкій.

Вопи́ть (вопя́ть) выть, громко плакать, причитать.

Вороня́жки раст. и съѣдобная его ягода пзника, Solanum nigrum.

Вотма́ль засызранская степь, представляющая широкія плато.

Вы́менить (о коровѣ) быть близкой къ отёлу, за 6 недѣль до кот. вымя припухаетъ и крѣпнетъ.

Выстру́кивать, вы́струкать, вы́стручить вылущать сѣмя изъ стручковъ, напр. гороха.

Вычужа́ть придумывать что затѣйливое, прихотничать, чуди́ть.

Вынёцъ уступъ плоской возвышенности, окружающей низменности, раздолы рѣкъ.

Вьсти́мо извѣстно, понятно, вѣдомо.

Вяза́льная спи́ца вяз. игла.

Вя́нки небольшія двурогія, тупыя вилы, для перебоя сноповъ на току, при молотьбѣ.

Вя́тери бунинск. у., рыболовный снарядъ въ видѣ мѣшка изъ обручей и мочалъ, въ озерахъ, или нитокъ, въ рѣкахъ, съ двумя крыльями.

Гамазе́й (испор.: магазинъ) хлѣбный магазинъ.

Гами́ть шумѣть, кричать; *гамъ* шумъ.

Га́ркнуть громко закричать.

Гарь всё горѣлое «пахнетъ гарью» — жженымъ, особенно запахъ на погорѣвшемъ мѣстѣ, послѣ пожара.

Га́шникъ (отъ гачи-бедра) ремень у брюкъ.

Гла́дкій жирный, полный, здоровый.

Глохта́ть (гло́хчутъ) жадно глатать; *наглохта́ться* напиться пьянымъ.

Гну́ткій гибкій.

*Го́голь** нечистый; въ разсказѣ о томъ, какъ гоголь помогалъ Господу творить землю, при чемъ укралъ часть земли и спряталъ её за щеку; по травѣ, выросшей у гоголя на щекѣ, Господь узналъ объ обманѣ и велѣлъ выплюнуть землю, отчего и образовались горы и другія неровности.

Го́жій, го́же пригожій, хорошій, дѣльный.

*Голя́нецъ** голышъ, мелкій, круглый камешекъ; игра «въ голанцы» состоитъ въ подкидываніи и ловлѣ этихъ камешковъ.

Голды́ть шумно разговаривать, кричать, шумѣть.
Голе́цъ мелкая рыбка безъ чешуи со слизистой кожицей.
Голо́вка всё отборное; противопол. *ухво́стье*.
Голомя́ давно, но въ тотъ же день.
Голоси́ть причитать на распѣвъ, по обряду, надъ покойникомъ или, какъ невѣста на дѣвичникѣ и пр.
*Гре́чка** черныя крапинки по бѣлой (обыкновенно вылинявшей изъ сѣрой) лошади; бываетъ какъ признакъ старости.
Гре́чица жниво, съ кот. снята греча.
*Гречу́шникъ** (вслѣд. сходства по формѣ съ печеньемъ изъ гречневой муки) валеная шляпа, имѣющая видъ усѣченнаго конуса; нынѣ почти вездѣ уступила мѣсто картузу.
Гру́дки созвѣздіе Плеядъ.
Гры́мза старый хрычъ, дряпной старикашка.
Гузовьё низъ снопа.
Гуто́рить говорить, разговаривать.
Дай срокъ погоди; употребл. болѣе, какъ угроза.
Ди́куша греча, гречиха.
До́нце доска, въ кот. вставляется гребень для пряжи.
Домови́на гробъ.
До́нникъ растеніе Melilotus officinalis.
Души́ца раст. спнявка Origanum vulgare.
Дыля́ть хромать, ковылять.
*Ёвникъ** буинск. у., высокая бурьянист. трава, также назыв. *во́лчій хвостъ*, Verbascum.
*Ербулы́знуть** пропустить по единой (рюмкѣ).
Ёрзать ерзать.
Ёрникъ безпутный, развратникъ.
Ерунда́ вздоръ, чепуха.
Жа́бина, жа́бка ямка, выбоина, лунка, дыра въ исподнемъ жерновѣ.
Жамо́къ, жамки́ пряники, скатанные въ рукахъ и расплюснутые нажимомъ въ обѣ ладони.
Желту́ха раст. чистотѣлъ Chelidonium majus.

Жеребьёвка вынимание жеребьевъ при наборѣ въ солдаты.
Живи́ка прядь льна, не отлежавшаяся въ разстилкѣ.
Жи́лить присвоивать себѣ что-нибудь неправильно, дѣлать натяжки въ игрѣ.
Жи́ла охотникъ присваивать себѣ чужое.
Жлу́ди карт. масть: трефы.
Жохъ бывалый, дока, плутъ.
Жу́щерить ѣсть, жевать, жрать, уписывать.
Забавля́ться промышлять.
Зава́линка земляная присыпка у основанія избы, придерживаемая плетнемъ; прежде завалинки были навозныя, кот. нынѣ воспрещены.
Зава́рка ча́ю сколько его идетъ на одинъ разъ.
Зава́чкать * затаскать, засалить, замазать.
Завѣнчать зазнаться.
Загóнъ бупнск. у., узкая полоса пахотной земли, менѣе десятины.
Загу́нить, загу́нуть утихнуть, уняться.
Задёвъ коряги, пни и хворостъ на днѣ рѣки, за которые задѣваетъ неводъ.
За́дорга доска на окрапнѣ русской печи; за эту доску держатся, влѣзая на печь.
Зажи́лить присвоить себѣ чужое, отнявъ, и затѣмъ упрашивая, или не возвращая взятаго на подержаніе.
Замусо́лить замуслить, запачкать.
Замурова́ть заложить камнемъ, задѣлать на́крѣпко.
Запа́сть про́пасть, оврагъ.
Застря́ть, застря́нуть (также и: *застря́гнуть*) засѣсть, завязнуть, запропаститься.
Захирѣть хворать часто, сдѣлаться слабымъ, хилымъ.
Зачина́ть, зача́ть, почина́ть, поча́ть (прош.: *зачина́лъ, за́чалъ, по́чалъ*) начинать.
Защу́рить (глаза) зажмурить; *защу́риться* — зажмуриться; *прищу́риться* слегка сжать вѣки.
Зе́бри нижняя челюсть.

Зи́нька гайка, видъ синички, Parus minor.

Зорова́ть озорничать.

Зы́бка колыбель, люлька.

Игра́ть пѣсни пѣть.

Извини́ться повиниться.

*И́зморось** самый мелкій, едва видимый дождь; отъ глаг. *моросѝть* (накрапать).

И́нда такъ что.

Испо́дъ низъ; *подъ исподъ* внизъ.

И́сполу пополамъ; обыкновенно такъ выражаются о сдачѣ земли крестьянамъ за половину урожая въ снопахъ и съ возвратомъ сѣмянъ, которыя обыкновенно даетъ помѣщикъ. *Испо́льный* (напр. овёсъ и пр.); обрабатывать землю *испо́льно* или *и́сполу*.

Кабы́ если бы.

Ка́дочка конецъ палки цѣпа, къ которому прибиваютъ на ремнѣ цѣпникъ.

Кажѝсь, кажется.

Каза́ться нравиться.

Каля́кать вост., (отъ чувашск. кала = говорить) бесѣдовать, разговаривать, болтать.

Ка́рбашъ, карба́шъ кротъ.

Ка́рда вост., загородь для скота.

Карто́шка картофель.

Кать-кать! (чув. качага = коза) междомет., служащее для призыва козъ.

Кизя́къ формованный навозный кирпичъ для топлива; приготовляется впрочемъ только чувашами; русскіе же въ безлѣсныхъ мѣстахъ топятъ прямо соломой.

Ки́чка прежде означало праздничный бабій головной уборъ съ рогами; нынѣ-же, когда и дѣвки и бабы кромѣ платка никакихъ головныхъ труборовъ не носятъ, этимъ именемъ иногда называютъ волосникъ, сборникъ. Повязываясь плат-

комъ, бабы сводятъ концы его на затылкѣ, а дѣвки подъ подбородкомъ.

Клику́ша женщина, одержимая нервной болѣзнью, имѣющей сходство съ падучею.

Клохта́ть (*кло́хчутъ;* о курахъ) особымъ крикомъ проситься на яйца и тѣмъ же крикомъ сзывать цыплятъ.

Клу́шка насѣдка.

Кнутови́ще рукоять кнута.

Князь шуточная кличка татарина.

Кобы́лка кузнечикъ, насѣк. Cicada.

Кожа́нъ кожанный кафтанъ, надѣваемый въ дождливую погоду.

Ко́зны игра въ бабки.

Коку́рка вост., сдобная лепешка, особенно съ запеченнымъ въ ней яйцомъ.

Колеба́тка послѣдній хлѣбъ изъ квашни.

Коли, коль если; *коли́* когда. *Коли́ ны́тъ* вост., *когда́ ны́тъ* какъ не быть, конечно да.

Ко́лки (мн. ч., въ ед. не употр.) вост., отдѣльная роща, также всякій невысокій лѣсъ.

Коло́да большое корыто грубой обдѣлки для мѣсива и пойла.

Колупа́ть ковырять, отдирать ногтями или какимъ-нибудь орудіемъ.

Ко́нникъ приплавокъ у дверей съ подъемной крышкой.

Ко́нить болѣть, ныть, мозжить или томить.

Коновя́ться конаться, метать жребій, мѣряться для жеребья руками по палкѣ, веревкѣ, или выходить по счету.

Копна́ скирдъ (по преимущ. круглый); но «копной» назыв. также кучу сѣна, въ которыя оно сметывается передъ собираніемъ въ стога.

Коря́вый вост., сильно рябой; также: неуклюжій, неповоротливый, негибкій.

Коромы́съ бупрск. у., созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Коси́шка мѣра жидкостей, 2 шкалика; *шка́ликъ* = $^1/_5$ бутылки; *бутылка* = $^1/_2$ штофа.

Костúть поносить, ругать.

Костяни́ка раст. и ягода каменика, Rubus saxatilis.

Кочáнъ вилокъ; *кóчень* кочерыжка, капустный стволъ.

Кóчетъ пѣтухъ.

Кошéль плетеная изъ лыкъ корзина съ крышкой; иногда называется *котóмкой*, но такъ называется больше сума холщевая.

Кошмá вост., войлокъ.

Коштанъ вост., міроѣдъ, живущій на мірской коштъ, горланъ и коноводъ на сходкахъ.

Крáля (въ карт.) дама; также: красавица.

Крестéцъ копёшка хлѣба на жнивѣ, сложенная въ видѣ креста.

Кресты́ (въ карт.) трефы.

Крупá снѣгъ въ видѣ крупинокъ.

Кукáнъ бечевка, на которую надѣваютъ подъ жабру и въ ротъ пойманную рыбу, пуская ее на привязи въ воду.

Кýколь раст., Agrostema Githago, путикъ, сорная трава и сѣмя въ хлѣбѣ; при вѣяніи отлетаетъ ото ржи, но въ овсѣ остается.

Курéнь калачная пекарня, изба, въ кот. пекутъ калачи; *калáчъ* пшеничный хлѣбъ русскаго печенья (а не нѣмецкаго).

Курмы́шъ рядъ избъ, одна сторона улицы.

Кутёнокъ, ласк. *кýтька*, *кутя́шка* вост., (отъ мѣстн. тат. *кутю́к* собака) щенокъ.

Ледя́нка лукошко или рѣшето съ подмороженнымъ дномъ для катанья съ горъ.

Лихóй конская болѣзнь, гнойные желваки, ночной топотъ.

Лихомáнка лихорадка.

Ловкáчъ ловкій, расторопный парень.

Лóдарь лѣнтяй, бездѣльникъ, *лóдарничать* бездѣльничать.

Лохмáтый мохнатый, косматый, долгошерстый.

Лубяни́къ телѣга съ лубянымъ постельникомъ или кузовомъ, обшитая лубкомъ.

Лукáть, *лукнýть* бросать, швырять.

Лутóшка липка, съ которой снята кора, содрано лыко; она сохнетъ и вся чернѣетъ.

Лю́сить хитрить въ дѣлѣ, обманывать въ игрѣ; *лю́са* кто люситъ.

Маза́рки вост., кладбище.

Малаха́й мѣховая шапка съ ушами; въ старое время её носили священники; нынѣ нигдѣ не употребляется.

Ма́рить (безл.) вост.; *ма́ритъ* печетъ передъ дождемъ.

Марты́шка птица чайка, рыболовъ.

Мама́ня уменьш. отъ *мать*.

Маха́нина вост., конина.

Машини́стъ верховой купецъ, скупающій лучшіе сорты сызранскаго пшена.

Ма́ять мучить; *ма́яться* мучиться; *ма́ята* мученье; *изма́яться* устать, измучиться.

Мизю́кать щуриться, присматриваться, щурясь.

Мозжа́ть мозжить, болѣть, ныть.

*Мокре́цъ** трава мокрица, растущая въ мокрыхъ мѣстахъ.

Мо́рда см.: верша.

Мордви́нникъ колючее раст. чертополохъ.

Мотня́ мѣшокъ посрединѣ невода.

Мотроси́ть моросить.

Муса́ть огниво, кресало.

Мутовёзка завязка, бечевка или тесьма, шнурокъ, обрывокъ для завязки чего-либо.

*Мушка́рка** мошка; *мушкара́* тоже собир.

Мы́згать чмокать, какъ манятъ собаку и покупаютъ лошадь.

Мы́кальникъ ящикъ, куда бабы кладутъ разную мелочь.

Мяку́шка гнилое яблоко.

На́волокъ пасмурное состояніе неба.

Нагишо́мъ голью, безъ всякой одежды.

Назо́ла досада, огорченье; также: человѣкъ досаждающій, надоѣдающій.

Наизворотъ наоборотъ, иначе; не такъ, какъ обыкновенно.

На́ры * лавка вдоль стѣны съ помѣщеніемъ подъ нею, куда кладутъ разныя вещи и сажаютъ насѣдокъ.

Насо́вышки кофта безъ рукавовъ, которую носятъ мужики и бабы; холщевая куртка съ рукавами для стряпки.

Настъ отвердѣвшій снѣгъ, по которому можно ходить, не проваливаясь.

Насромля́ть, насроми́ть корсунск. у., накладывать высокимъ ворохомъ, нагромозжать.

Насу́противъ напротивъ.

На часъ на минутку.

Нашиба́ть (безл.) находить, нападать временно (о припадкахъ какой-нибудь болѣзни).

Ная́нливый надоѣдливый, нахальный.

Несура́зный некрасивый, неуклюжій, дурной нравомъ.

Нѣха нелюдимъ.

Нишкну́ть, нишкни́ не шикнуть, не пикнуть, тсъ, цыцъ; обыкн. такъ унимаютъ ребятъ.

Ночо́вка лотокъ.

Обдеклёшить * обобрать, надуть.

Обни́ва корсунск. у., нахлестка, прогонъ на мостовыхъ сваяхъ.

Оглоу́шить ударить по головѣ, по затылку.

Оголтѣ́лый шальной, озорникъ, повѣса.

Ожога (мячомъ въ играхъ) запятнанье.

Омалю́дный безлюдный, пустынный.

Омёха кошель, котомка.

Опе́чекъ деревянный пристрой къ печи, голбецъ.

Опо́рки башмаки, сдѣланные изъ сапогъ обрѣзкою голенищъ.

Осно́въ остовъ, костякъ, скелетъ.

Остами́ть * поразиться, остолбенѣть.

Остра́мка возишко сѣна или соломы, полвоза.

Оторопи́ть растеряться, сконфузиться.

Оха́льникъ нахалъ, наглецъ.

Очуми́ть вост., одурѣть, быть въ безпамятствѣ временно.

Ошпа́рить обварить кипяткомъ.

Па́зьмо поземъ, поземельный пахотный участокъ.

Паску́да мерзавецъ, пакостникъ; *паску́дный* скверный.

*Па́хта** оставшееся отъ битья масла молоко.

Перечетырки́вать перебивать чью-либо рѣчь.

Печу́рка углубленіе на лицевой стѣнѣ печи, куда кладутъ разныя вещи для просушки.

Пешня́ желѣзный ломъ съ деревянною рукоятью.

Пе́щуръ большая корзина, плетеная изъ лыкъ, кошель.

*Плетёнка** телѣжка въ видѣ корзины на дрогахъ.

Повóйникъ нѣкогда особый бабій головной уборъ; нынѣ тоже, что и волосникъ.

Пóворъ обвязка для удержанія чего-либо на своемъ мѣстѣ, веревка для увязки воза.

Подвѣски съёмныя украшенія, надѣваемыя на серьги.

Подоплёка подкладка на крестьянской рубахѣ на спинѣ и груди.

Пóдловка (испорч.: подволока) чердакъ.

Пóды подати, денежныя повинности.

*Полúца** отвалъ у сохи; трехугольная полка между судною и большою лавками для установки ручнаго жернова.

Пóлка Промзино, 2 десятины сѣнокоса.

Пóлогъ холстъ, служащій для перевозки и просушки зернового хлѣба.

Полóвня сарай для мякины, соломы, сѣна, иногда для сноповъ.

*Полыха́ть** горѣть яркимъ пламенемъ.

По-человѣчно всѣ, сплошь, поголовно, каждый.

Пóмочь работа міромъ за угощенье; «Богъ пóмочь» привѣтствіе работающимъ; стирающихъ бабъ привѣтствуютъ словами: «бѣленько вамъ».

Похе́рить уничтожить.

Пошаба́шить кончить дѣло, перестать работать.

Приступóкъ доска для постановки ногъ при взлѣзаніи на печь.

Прикурну́ть прилечь свернувшись, скорчась; уснуть на короткое время.

Прокура́тъ шутникъ, забавникъ.

Про́лубь прорубь (искаженіе, вслѣдств. свойства русск. нар. яз., недопускающ. двухъ *р* въ одномъ словѣ).

Проску́рникъ бупнск. у., раст. просвирнякъ.

Про́сарь время, когда снимаютъ недоспѣвшіе арбузы, назначенные для вывоза.

Просто́й пустой, порожній; *опроста́ть* опорожнить.

Простокваша кислое, густое молоко.

Прохолопу́ть сдѣлаться кому-нибудь холодно.

Прочерти́ть написать.

Прямь впрямь, правда, истинно, подлинно.

Пу́рить таранить, тащить что-н. громоздкое, тяжелое.

Пу́ще хуже.

Пы́ринъ, пыру́шка, пырёнокъ вост., индюкъ, индѣйка, индюшёнокъ; призывная кличка индѣекъ: *пырь-пырь!*

Пыря́ть бодать, тыкать.

Пы́хій пѣшій.

Ра́гоза сварливый, неуживчивый человѣкъ.

Радѣ́тельный старательный, усердный, ретивый.

Ра́жій вост., дюжій, дородный, крѣпкій, плотный, здоровый, сильный, хорошій, видный, красивый.

Размали́ть распотѣть, вспотѣть.

Разсо́ха (у сохи) доска съ двумя концами, загнутыми впередъ въ видѣ роговъ, на которую надѣваются сошники.

Раку́ша вост., гречневая мякина или шелуха, лузга.

Расповы́тчить раздѣлить на выти, по частямъ, надѣламъ.

Расчу́хать распознавать чувствами (кромѣ зрѣнія), особ. вкусомъ.

Рачи́на верблюжина, армячина, ткань изъ верблюжьей шерсти.

*Рачня́** снарядъ для ловли раковъ.

Рвётъ изъ него = его рветъ.

Росома́ха разиня и неряха.

Ручни́къ утиральникъ, полотенце.

Ру́сскій (гусь, утка и пр.) домашній, обыкновенный.

Ры́са овинъ.

Рѣчи́ть говорить, молвить, сказать.

*Рѣ́шка** сторона монеты, на которой обозначается ея стоимость; обратная сторона: *орёлъ*.

Рю́ма плакса, хмыкса, рева.

Рю́ха неудача, промахъ; рюха-же, если кто развалитъ грудку чушекъ, не выбивъ ни одной съ кона.

Саба́нъ большая соха, употребляемая для поднятія нови.

Салма́ (тат.; употребляется и русскими) родъ похлебки съ клёцками.

Сбо́рникъ см. волосникъ.

Сбо́ндить стянуть, украсть.

Сбре́ндить соврать.

Сверби́гуза или *ди́кая рѣ́дька* раст. острошипникъ, Bunias orientalis; стебли ея ѣдятъ сырьемъ.

Свистъ палка въ аршинъ для киданья.

Свиноха́дъ иноходъ (испорч. вслѣдствіе непониманія состава).

Сопте́цъ деревянный столбъ съ желѣзной развилиной на верху, куда вкладывается лучина.

Сельцо́ деревня съ барскимъ дворомъ, но безъ церкви.

Семи́тникъ 2 копѣйки серебромъ.

Си́кать, сикну́ть брызгать, пускать воду струей, брызгами.

Си́лячь спрѣчь, то есть, а именно.

Скирдъ общее названіе хлѣбныхъ кладей и копенъ; *кла́дью* же обыкновенно называютъ длинный скирдъ; въ *стогй* собирается сѣно; въ *оме́ты*—солома, но ометомъ зовутъ также иногда долгій стогъ сѣна.

Склизкій скользкій.

Скря́бать скрести, шаркать обувью.

Скуча́ть (наст.: *скучи́тъ;* прош.: *заскуча́лъ* началъ скучать) о собакахъ: жалобно выть.

Скупердя́й скряга.

Снoха́чъ живущій незаконно со снохою.

*Сни́гурь** снигирь, Pyrrhula; птица появляющаяся у насъ съ первымъ снѣгомъ.

Собачáй любитель собакъ.

Сóбинка кому-нибудь одному принадлежащее животное, а не всей семьѣ; скотина работника въ стадѣ хозяина.

Содóмъ шумъ, крикъ (отъ назв. библейск. города); *содóмить* шумѣть, кричать.

Солóщій (о скотѣ) жадный, прожорливый; легко толстѣющій.

Сóсенки родъ хвоща, растущій на пашняхъ.

Сошни́къ лемехъ (у сохи).

Сóтня 100 сноповъ, сложенныхъ вмѣстѣ; *деся́токъ, сачóкъ* 9 сноповъ, покрытыхъ 10-мъ.

Спасúбо! — Нé на чемъ!

*Сперéть** стащить, украсть.

Сполóхъ набатъ.

Старшóй старшій.

Стригáчъ цырюльникъ.

Сýволока выпашки, сорная трава, которая сволакивается бороной съ поля.

Сунóзая доскá задористая, защепистая.

Суська закромъ.

Сýтолка давка, толкотня.

Съёрзывать сползать, съѣзжать.

Сюсюкать шепелявить.

Тавро́ рубецъ, знакъ отъ раны, отъ болѣзни.

Талагáй верзила, большой болванъ; мордовская женская верхняя рубаха.

Тальни́къ кустовая ива.

Тарантáсъ вост., дорожная повозка на зыбучихъ дрогахъ.

Татáрка раст. полевая мальва.

Тáусень Авсень; языческій праздникъ; канунъ новаго года.

Ткали́ха женщина ткущая.

Толóка паръ, на кот. пасется скотъ.

Торочёкъ піявка, на которой по бокамъ желтенькія полоски, торочки.

Тóрпище колосъ самой грубой ткани.

Торыка́ть торкать, толкать будить.

Тпрусо́! вост., кликъ для призыва лошадей; *тпруся́!* * кликъ для призыва коровъ.

Трупе́рда * человѣкъ толстый и неповоротливый.

Тре́шникъ 1 копейка серебромъ.

Трусца́ вост., рысца, тихая рысь лошади.

Тумаша́ суматоха, суета; чепуха.

Тури́ть, турну́ть гнать, выгонять.

Тъвпъ, тъвпъсти цвѣтъ, цвѣсти.

Тъль вещество, матерія.

Тя́жень тяжесть въ членахъ.

Тя́тя (ласкат. *тата́ня*) отецъ.

Уби́ться ушибиться; *уби́ться до́ смерти.*

Ува́жить сдѣлать одолженіе, одолжить.

У́горный маленькій, малый, крошечный, ничтожный.

Уле́шъ (или *уля́шъ*) 2 казенныя десятины (80 саж. × 60 саж.; каз. дес. = 80 с. × 30 с.).

Усынокъ рыболовный снарядъ, ванда.

У́тельный маленькій крохотный.

У́тръ завтра утромъ.

Фаутъ худшій сортъ бревенъ, кот. кладутъ внизъ плота.

Фефе́ла простофиля, разиня; толстая баба.

Хаба́лить ругаться, буянить, озорничать.

Ха́ить вост., хулить, порицать.

Хва́стать лгать, врать.

Хворь нервная горячка.

Хлапъ (въ картахъ валетъ.

Хлудина жердь, долгая хворостина.

Хля́нуть хлынуть.

Хорошо́вка вост., сортъ яблоковъ, пдущій въ мочку, бѣль.

Храпкі́ вост., ноздри.

Хру́стать грызть, раскусывать.

Ху́торъ барская усадьба, стоящая отдѣльно отъ деревни.

Це́ркви церковь.

Цѣвка тростниковая палочка, на которую наматываютъ нитки.

Цѣпни́къ часть цѣпа, которою бьютъ.

Чабе́ръ (род. п.: *чабра́*) богородская трава, Thymus scopillum.

Чапа́нъ кафтанъ халатомъ изъ домашняго сукна съ большимъ воротникомъ; надѣвается поверхъ полушубка или зипуна; обыкновенно бываетъ, подобно зипуну, темно-коричневаго цвѣта; *зипу́нъ* кафтанъ по таліи изъ такого-же сукна; *чу́йка* чапанъ изъ тонкаго сукна, надѣвается поверхъ шубы; *сиби́рка* кафтанъ съ борами и не на мѣху, покрытый казинетомъ (полушерстян. ткань) или сукномъ; *тулу́нъ* шуба въ видѣ халата; *полуши́бокъ* шуба по таліи.

Часту́ха сѣть съ частыми ячейками для ловли стерлядей.

Чеба́га ордынская шерсть, привозимая киргизами.

Чеви́ка чечевица.

Чекма́сы пшеничныя клецки, колобки.

Человѣ́чный могучій, здоровенный.

Чепла́шка или *тибете́йка* шапочка, носимая татарами подъ верхней шапкой.

*Чка́лить**, *учкалить* (въ играхъ) бить мячомъ.

Чудно́й странный, смѣшной.

Чула́нъ стряпная въ избѣ, за перегородкой.

Чула́нный брусъ перекладина отъ печи до противной стѣны, для укрѣпленья чуланной переборки.

Чупру́нъ подолъ юбки, сорочки, сарафана.

Чунги́ пеньковые лапти, носимые дома; зимніе, теплые лапти изъ начесп.

Чухна́ свинья. *Чухъ-чухъ!* призывн. кличка свиней.

Чу́шка свинья, свинка; отрѣзокъ жерди для игры въ *чу́шки* (городки).

Шаба́шъ! конечно дѣло! баста!

Шабе́ръ (род. п.: *шабра́*, уменьш. *шабре́нокъ*) сосѣдъ; *шабре́нка*, *шаблёнка* буинск. у., сосѣдка.

Шабо́льникъ тряпичникъ.
Шанда́лъ подсвѣчникъ.
Шайта́нъ (съ тат.) чортъ, дьяволъ, сатана.
Шалбе́рничать баклушничать, бездѣльничать.
Ша́ссать (за Волгой) подсѣвать хлѣбъ.
Ша́шка * 2 хозяйственныя десятины (80 саж. × 80 саж.; сороковая или хоз. десятина = 80 саж. × 40 саж.).
Швыря́ть, швырну́ть метать, кидать, бросать.
Шевыря́ть ковырять, копаться, рыться въ чемъ, перерывать.
Шептуны́ * крупная порода домашнихъ утокъ, которыя могутъ жить безъ воды.
Шерсти́ть царапать, драть по тѣлу, подобно шерстяной ткани.
Шири́нка платочекъ, вышитое полотенце.
Шишъ! окрикъ на домашнюю птицу.
Шишъ родъ самаго простаго овина; яма съ шалашомъ надъ нею; на этотъ шалашъ кладутъ снопы для просушки; такимъ образомъ сушатъ всякій хлѣбъ.
Шмо́нничать, шмоня́ться шататься безъ дѣла.
Шмя́кнуться шлёпнуться.
Шныри́ть соваться, метаться тишкомъ, высматривать.
Шныръ пролазъ, пройдоха.
Шня ровня, дружка, товарищъ.
Шо́бонъ ветошь, истасканная одежда.
Шо́куры жеребейки изъ прѣснаго тѣста во щи; колобки, клецки.
Шу! окрикъ на хищныхъ птицъ.
Шуга́ть, шугну́ть пугать, прогонять.
Шурка́ть, шуркну́ть швырять, бросать.
Шу́стрый бойкій, расторопный, проворный, ловкій.
Шушпа́нъ мордовскій балахонъ, мужской и женскій холщевый кафтанъ съ красною оторочкой, обшивкой, иногда вышитый гарусомъ.
Шуя́ плева коноплянаго сѣмени, которая подъ лузгой или шелухой.
Ще́петъ вырѣзка у сарафана сзади на крыльцахъ, къ коей пришиваютъ мышки, помочи, проёмы.

*Шуря́та** молодыя щукп.
Этта тутъ, тамъ, тогда.
Ядрёный полный, здоровый, крѣпкій, матерой.
Ярма́къ шуба съ мѣхомъ внутрь и наружу; носятъ его впрочемъ не крестьяне, а по преимуществу помѣщики.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ

ВЪ XLIV ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цыфра означаетъ нумеръ статьи; арабскія же цыфры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера.

Агнеллусъ (Agnellus). Разсказъ о появленіи подъ Равенной гуннскихъ полчищъ. III. 317.

Александръ, болгарскій царь. По его порученію, переведена на церковно-славянскій языкъ хроника Манассіи. III. 28.

Алексѣй человѣкъ Божій. Житіе его. См. **Владимировъ.**

Апокрифы. Замѣтки къ исторіи ихъ. См. **Веселовскій**, А. Н.

Аполлинарій Сидоній. Указаніе его на Кавказскія горы. III. 349.

Аполлоній Тіанскій. Философратово житіе. III. 89.

Арманнино. Его легенда о Парисѣ. III. 45. 46. 51. 53. 59. 60. 319. 320.

Арсеніе (Arsenie). Noua collectione de Basme san istorii populare. Эпитетъ Елены. III. 24.

Аттила. Повѣсть о немъ. III. 307—350.

Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки. III. 23. 245.

Базиликъ, Кипр., польскій переводчикъ Олая. III. 339.

Барацкій. Списывалъ изъ Познанскаго сборника повѣсть о Бовѣ. III. 125.

Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ. III. 96.

Бартоли. Storia della letteratura italiana. III. 221.

Барчъ. Denkmäler der provenzalichen Literatur. III. 65. 68.

Беда. De divisionibus temporum. III. 326.

Бедье. La mort de Tristan et d'Iseut. III. 132. 134. 135. 208. 209.

Безсоновъ. Книга Пчела. Злословіе на женщинъ. III. 6. 7.

Бенуа де Сентъ-Моръ, подражатель Дарета. III. 26. 41. 65. 67.

Бёттигеръ. Der Tristan des Thomas. III. 133.

Бехтольдъ и **Феттеръ**. Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen, Mönchs und Leutpriesters zu Stein und Rhein. III. 227.

Бехштейнъ, P. Изданіе его: Heinrich von Freiberg Tristan. Характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ. III. 20. 21. 209.

Библія Скорины. Матеріалъ для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка. III. 127.

Біографія Пушкина. Хронологическая канва для нея. См. **Гротъ**, Я. К. и **Пономаревъ**, С. И.

Бово. Повѣсть о немъ. III. 229—305.

Бодянскій, М. О. О поискахъ монхъ въ Познанской публичной библіотекѣ. III. 125.

Бракельманъ. Его генеалогія французскихъ прозаическихъ романовъ, къ которымъ относится первоисточникъ познанскаго Тристана. III. 133. 134.

Бронницынъ. Русскія народныя сказки. III. 245.

Брюкнеръ, А. Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyńskichen Bibliothek in Posen. III. 125—129. — Указаніе его на оригиналъ бѣлорусской повѣсти объ Аттилѣ. III. 339.

Бугге. Его гипотеза, открывающая въ миѳологіи скандинавскаго сѣвера слѣды знакомства съ глоссарной литературой. III. 27.

Будинская лѣтопись. См. **Кеза**.

Буслаевъ, Ѳ. И. Въ его «Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и древняго русскаго языка» помѣщенъ небольшой отрывокъ славянской повѣсти о Троѣ. III. 29. — Учебникъ русской грамматики. IV. 3. 4. — Былина объ Ильѣ Муромцѣ въ Исторической хрестоматіи. IV. 11. — Суды Соломоновы, въ томъ же трудѣ. IV. 12.

Былина о Садкѣ,—статья. См. **Веселовскій**, А. Н.

Бѣлорусская повѣсть объ Аттилѣ. Оригиналъ ея. См. **Брюкнеръ**, А.

Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ въ Познанской рукописи конца XVI вѣка. См. **Исторія романа и повѣсти**.

Вакернагель. Kleine Schriften. Das Schachspiel im Mittelalter. III. 227.

Ванъ-Гамель. Издалъ «Li romans di Carité et Miserere du Renclus de Moliens». Мысли о бракѣ. III. 10.

Варнке. Die Lais de Maria de France. III. 234.

Ваттенбахъ. Ganymed und Helena. Описаніе Елены. III. 18. 96.

Велькеръ. Der epische Cyclus. III. 2.

Веселовскій, А. Н. Южно-русскія былины. III. 4 — 20. 23. 73. 228. 316. — Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. III. 6. 67. 68.

140. 199. — Замѣтки по литературѣ и народной словесности. III. 7. — Новыя книги по народной словесности (Ж. М. Н. Пр. 1886 г.). III. 16. — Статья: Былина о Садкѣ. III. 23. — Статья: Мелкія замѣтки къ былинамъ и Отчетъ о сборникѣ Кремницъ. III. 23. — Статья: Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. III. 26. — Изъ исторіи романа и повѣсти. III. 68. 70. 73. 88. 96. 98. 137. — Сказки объ Иванѣ Грозномъ. III. 68. — Отчетъ объ изданіяхъ Сырку. III. 70. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. III. 96. 234. 333. — Замѣтки къ исторіи апокрифовъ. III. 96. — Zum russischen Bovo d'Antona. III. 125. — Статья: Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и италіанскія поэмы о Гнѣвномъ Радо. III. 227. 321. — Die Rolandsage in Ragusa. III. 227. — Статья: Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. III. 245. — Замѣтка: Кіевъ — градъ Днѣпра. III. 345.

Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи романа и повѣсти. Вып. второй. Славяно-романскій отдѣлъ. III. 1—361. — Приложенія. III. 1—262.

Византійскій эпосъ. Отрывки его въ русскомъ эпосѣ. См. **Веселовскій**, А. Н.

Виллани, средневѣковой писатель. Наименованія имъ троянскихъ властителей. III. 31. 242. — Его хроника. III. 318. 319.

Владимировъ. Житіе св. Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка. III. 128. — Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. III. 128.

Влислоцкій. Статья: Die Episode des Gottesgerichtes in «Tristan und Isolde» unter den transilvanischen Zeltzigeunern und Rumänen. III. 199.

Волоцкій, Іосифъ. Мысли его о бракѣ. III. 10.

Востоковъ. Мнѣніе его объ источникѣ пересказовъ легенды о юности Парпса. III. 65.

Галаховъ, А. Д. Исторія русской словесности. III. 11. 95. 125.

Гаспари. Geschichte der italienischen Literatur. III. 137.

Гастеръ. Мнѣніе его о румынскомъ Бовѣ. III. 128. 129.

Гейнцель, Рич. Ueber die Hervararsaga. III. 340. 341. 343. 345—350.

Герардо (Gherardo), народный поэтъ XV вѣка. Пересказалъ дѣянія Бово въ пространной поэмѣ. III. 244.

Гольтеръ. Die Sage von Tristan und Isolde. III. 132. 134. 162. 195. 207. 208.

Горра. Testi inediti di Storia troyana preceduti da uno studio sulla leggenda troyana in Italia. III. 38. 41. 46. 47. 50. 51. 59. 65.

Гортисъ (Hortis). Studi sulle opere latine del Boccacio. III. 31.

Грамматика Ломоносова. IV. 12.

Грейфъ, Вильг. Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. III. 26—28. 32. 37. 41. 63. 66. 67. 73. 81. 82. 90.

Григоровичъ, профес. Его рукопись Троянской повѣсти. III. 60. 96.

Гриммъ. Heldensage. III. 332.

Гротъ, Я. К. Русское Правописаніе. IV. 11.

Гротъ, Я. К. и **Пономаревъ,** С. И. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. I. 1—24.

Губачъ (Hubatsch). Die lateinischen Vagantenlieder. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5.

Гутсманнъ и **Янежичъ,** словенцы. Словарь ихъ. III. 226.

Гюмеръ (Huemer). Lateinische Rhythmen des Mittelalters. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5. — Ein Trojanerlied aus dem Mittelalter. III. 96.

Даль. О нарѣчіяхъ. IV. 1. 3. 6. 13. 14.—Его словарь. IV. 10. 16.

Дамасцій. Разсказъ объ Аттилѣ. III. 316. 339.

Даніилъ Заточникъ. Мысли его о женской физической красотѣ. III. 15.

Д'Анкона. Статья: La leggenda d'Attila Flagellum Dei in Italia. III. 301. 310. 311. 315. 319—322. 324. 339.

Даретъ и **Диктисъ.** Разсказы ихъ какъ основа всѣхъ средневѣковыхъ поэмъ о Троѣ. III. 25—28. 31. 32. 40. 43. 51. 56. 58. 67. 78. 79. 88.

Де-Трессанъ, графъ. Его пересказъ старопечатнаго французскаго романа о Тристанѣ. III. 135.

Диверзисъ. См. **Филиппъ De Diversis.**

Диктисъ. См. **Даретъ** и **Диктисъ.**

Домнинъ. Служилъ для Малалы источникомъ его отдѣла о Троѣ. III. 27.

Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. III. 96.

Дунгеръ. Die Sage vom trojanischen Kriege. III. 25. 33. 34. 39.

Дѣи Римскія, бѣлорусскій памятникъ. III. 128.

Дю-Мериль. Разсказъ его о паденіи Трои и судьбахъ Энея. III. 40.

Дюранъ. Romancero general. III. 42. 52. 66.

Житіе св. Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV в. См. **Владимировъ.**

Жолп. Benoît de Ste More et le roman de Troie. III. 25. 41.

Замѣтки къ исторіи апокрифовъ. См. **Веселовскій,** А. Н.

Замѣтки по литературѣ и народной словесности. См. **Веселовскій,** А. Н.

Зингеръ. Статья: Graf Rudolph. III. 240.

Ингольдъ. Das Guldin-Spiel. III. 227.

Истоминъ, Ѳ. М. Сообщилъ нѣсколько извлеченій и разночтеній рукописной повѣсти о Бовѣ, найденной въ Олонецкой губерніи. III. 287.

Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка. См. **Буслаевъ**, Ѳ. И.

Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. См. **Недешевъ.**

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. См. **Дубровинъ.**

Исторія объ Аттилѣ, королѣ Угорскомъ. III. 1.

Исторія романа и повѣсти А. Н. Веселовскаго. Славяно-романскія повѣсти. III. 1—24. — Южно-славянская повѣсть о Троѣ. 25—121. — Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ въ Познанской рукописи конца XVI вѣка. 125—350. — Поправки и дополненія. 351—361.— Приложенія. III. 1—262.

Исторія русской церкви. См. **Макарій.**

Іорданъ. Разсказы его о готскихъ колдуньяхъ. III. 310. — О разрушеніи Аттилой Милана. III. 324. 347.

Іосифъ Флавій. Разсказъ его о пришествіи Александра Великаго въ Іерусалимъ. III. 316.

Кайзеръ. Его изданіе Flavii Philostrati Opera. III. 2.

Каланъ, Юлій Цесарь. Исторія Аттилы (1502 г.). III. 339.

Каллимахъ. Experientis Attile Vita (1489 г.). III. 337. 339.

Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. III. 128.

Кеза. Его Будинская лѣтопись. III. 332. 334. 338. 347.

Келлеръ, А. Издалъ Der Trojanische Krieg. III. 5. 17. 60. — Напечаталъ отрывокъ Chanson de geste o Bueves d'Hanstone. III. 229. 230.

Кёльбингъ. Die nordische Tristansage. III. 162. 210.

Кинкель, Год. Его изданіе Lycophronis Alexandra. III. 2.

Кирпичниковъ, проф. Указаніе въ его рефератѣ на среднеболгарскую версію Троянской повѣсти. III. 60.

Кирѣевскій, П. В. Собранныя имъ пѣсни. III. 245.

Кіевъ — градъ Днѣпра, — замѣтка. См. **Веселовскій**, А. Н.

Клоэтта (E. Cloetta). Poême moral. О женской красотѣ. III. 15.

Книга Пчела. См. **Безсоновъ.**

Колларъ, Фр. Nicolai Olahi metropolitano Strigoniensis Hungaria et Atila. III. 339.

Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго народнаго языка. IV. 7. 12. 13.

Конрадъ Вюрцбургскій. Его поэма о Троянской войнѣ, изданная А. Келлеромъ. III. 60. 63. 64. 66. 70. 71.

Коскенъ (Cosquin). Contes populaires de Lorraine. III. 231.

Крауссъ. Sitte und Brauch der Südslaven. Южно-славянскія пословицы въ этомъ трудѣ. III. 11.

Ланге, Р. О. Доставилъ извлеченія изъ изданій о Тристанѣ 1489 и 1520 годовъ. III. 135.

Лангебекъ. Chronicon Erici regis. III. 343.

Лахманъ. Издалъ поэму о Нибелунгахъ. III. 332.

Левъ, папа. Разсказъ объ удержаніи имъ Аттилы на берегахъ Минчіо силою своего слова. III. 316. 318. 319.

Лейзеръ. Напечаталъ отрывокъ латинской Иліады, который воспроизводитъ нѣсколько стиховъ Иліады Симона. III. 40.

Ленуаръ. Le livre de Beufves de Hantonne et de la belle Josianne (1502). III. 229.

Липоманъ, Алоиз. Вывезенный имъ изъ Польши портретъ Аттилы. III. 310.

Литовская хроника. Языкъ этого памятника. III. 127.

Литовскій статутъ. Матеріалъ для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка. III. 127.

Лихтенштейнъ. Изданіе его: Eilhard von Oberge. Характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ. III. 20. 21. 162. 209.

Ломоносовъ. Его Грамматика. IV. 12.

Лутославскій. Статья: Les folies de Tristan. III. 199. 208.

Макарій. Исторія русской церкви. III. 9.

Малала, глава подражателей Диктиса. III. 26. 27. 58. 70. 340.

Малеспини. Наименованія имъ троянскихъ властителей. III. 31.— Разсказъ объ Аттилѣ. III. 318. 319.

Манассія. Въ Ватиканскомъ спискѣ его хроники помѣщенъ латинскій переводъ славянской повѣсти о Троѣ. III. 28.

Маркзалп. Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. III. 314. 331. 333. 334. 338.

Марцари. Historia di Vicenza. Упоминается о портретѣ Аттилы, вывезенномъ изъ Польши. III. 310.

Марцеллинъ. Въ его памятникѣ XV в. упоминается объ аланскихъ или гуннскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ. III. 346.

Мейеръ (Paul). Plaidoyer en faveur des femmes. — Стихотвореніе Du bounté des femmes. III. 6. — Замѣтка о рукописи Chanson de geste o Bueves d'Hanstone. III. 229. 240.

Мейстеръ, Ф. Обратилъ вниманіе ученыхъ на латинскій переводъ славянской повѣсти о Троѣ, сдѣланный Миклошичемъ. III. 28.

Менчикъ (F. Menčík). Knižky o hře šachové. III. 227.

Миклошичъ. Перевелъ на латинскій языкъ славянскую повѣсть о

Троѣ. III. 28. 73. 108. 109. 220.—Мнѣніе его о сербскомъ словѣ «orias». III. 226.

Миладиновы. Идеалъ красоты въ ихъ болгарской пѣснп. III. 16.

Миллеръ, Вс. Осетинскіе этюды. III. 349.

Мишель. Tristan. Характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ. III. 20—22. 162. 187. 209.

Морель-Фаціо (Morel Fatio). Издалъ Liber Faceti. Увлеченіе чтеніемъ Овидія на Западѣ. III. 13.

Мотовиловъ, А. Симбирская молвь. Симбирская молвь Владимирскаго говора. IV. 1—14.—Областныя слова Симбирской губерніи. IV. 15—34.

Муссафія. Ueber die spanischen Versionen der Historia Trojana. III. 41. —Lorenzo de Sepulveda. III. 42. — Ueber eine altfranzösische Hs. der königlichen Universitätsbibliothek zu Pavia. III. 135.

Мюллеръ, Хр. Г. Его изданіе объ Ахиллѣ. III. 2.

Мюре, Эрн. Статья: Eilhart d'Oberg et sa source française. III. 133. 162. 190.

Народныя русскія сказки. См. **Аѳанасьевъ.**

Недешевъ. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. III. 128.

Никодимово евангеліе, памятникъ бѣлорусскій. III. 128.

Ипропъ. Storia dell' epopea francese. III. 235.

Новати. Статья: Un nuovo e un vecchio frammento del Tristano di Tommaso. III. 133.

Новгородско-Софійская рукопись XVI вѣка. См. **С.-Петербургская духовная академія.**

Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ,—статья. См. **Веселовскій,** А. Н.

Новыя книги по народной словесности, — статья. См. **Веселовскій,** А. Н.

Ногмовъ, кабардинецъ. Указанія его на черкесскія пѣсни. III. 314.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго народнаго языка. См. **Колосовъ.**

Обзоръ хронографовъ. См. **Поповъ,** А.

Областныя слова Симбирской губерніи. См. **Мотовиловъ,** А.

Олай. Vita Attilae. III. 332. 333. 337. 339.

Осетинскіе этюды. См. **Миллеръ,** Вс.

Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ,—статья. См. **Веселовскій,** А. Н.

Отчетъ объ изданіяхъ Сырку. См. **Веселовскій,** А. Н.

Отчетъ о сборникѣ Кремпицъ. См. **Веселовскій,** А. Н.

Очерки сѣверо-западной Монголіи. См. **Потанинъ.**

Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. См. **Пыпинъ, А. Н.**

Павелъ Діаконъ. Его версія легенды о встрѣчѣ Аттилы съ свв. Петромъ и Павломъ. III. 316.

Пажекъ. Črtice iz duševnega žitka štajerskih Slavencev. III. 329.

Пари (G. Paris). La poésie du moyen âge. Увлеченіе чтеніемъ Овидія на Западѣ. III. 13. — Les romans en vers du cycle de la Table ronde. III. 132. 133. 168. 200.—Статья: Note sur les romans relatifs à Tristan. III. 133. 134.—Merlin, roman en prose du XIII siècle. III. 200.—Мнѣніе о времени появленія Chanson de geste o Bueves d'Hanstone. III. 229. —Le récit Roma dans les Sept Sages. III. 326.

Паскуале Папа. Conti di antichi cavalieri. III. 192.

Педро Дельгадо. Crónica Troyana. III. 41.

Петритцъ. Обработка имъ поэмы о Дигенисѣ. III. 17.

Петръ Альфонсъ (XII в.). Его «Disciplina Chricalis», въ которомъ имѣется поученіе отца сыну относительно женщинъ. III. 6.

Повѣсть о трехъ царяхъ-волхвахъ, памятникъ бѣлорусскій. III. 128.

Подхрацкій (Podhraczky). Chronicon Budense. III. 347.

Познанскій сборникъ. Значеніе его въ литературной исторіи Западной Руси. III. 128.— Содержаніе его, мѣсто написанія и время, когда онъ могъ попасть въ семью Уваровскихъ. III. 129—131.

Поливановъ. Русская и церковно-славянская этимологія. IV. 6. 12.

Полидори. La Tavola Rotonda, переводъ французскаго прозаическаго Тристана. III. 134—136. 137. 142. 146. 147. 153. 162. 168. 174. 177. 190. 195. 214. 216.

Пономаревъ, С. И. См. **Гротъ, Я. К.** и **Пономаревъ, С. И.**—Пушкинъ въ родной поэзіи. II. 1—16.

Поповъ, А. Въ его «Обзорѣ хронографовъ» помѣщено описаніе находящагося въ Новгородско-Софійской рукописи XVI в. списка славянской повѣсти о Троѣ. III. 28. 29. 71. 80. 284.

Поправки и дополненія къ статьѣ: Изъ исторіи романа и повѣсти. III. 351—361.

Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Легенды о Чингисѣ. III. 312. 313.

Приложенія къ статьѣ: Изъ исторіи романа и повѣсти. III. 1—269.

Пташицкій, С. Л. При его посредничествѣ списаны изъ Познанскаго сборника повѣсть о Бовѣ и друг. III. 125.—Письмо его съ свѣдѣніями о Г. П. Уваровскомъ, первомъ владѣльцѣ Познанскаго сборника. III. 130. 131.

Пушкинъ. См. **Біографія Пушкина.**—Пушкинъ въ родной поэзіи. См. **Пономаревъ, С. И.**

Пфафъ, Фр. Tristan und Isolda, Prosaroman des XV Jahrhunderts. III. 209.

Пчела, книга. См. **Безсоновъ.**

Пыпинъ, А. Н. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. III. 6. 7. 29. 74—77. 86. 88. 245. 246. 285. 287.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. III. 245.

Радловъ. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. III. 312.

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. См. **Веселовскій, А. Н.**

Райна. Мнѣніе его о Ланцелотѣ Палатинской рукописи. III. 135.— Un' iscrizione nepesina del 1131. III. 137.— Издалъ Cantare quando Tristano e Lancelotto conbatetero al petrone Merlino. III. 204.—Напечаталъ въ книгѣ I Reali di Francia пересказъ древней поэмы о Bueves d'Hanstone. III. 229. 241. 242. 244. 246. 249. 253. 271. 287. 292. 304. 305.

Ренье. Il tipo estetico della donna nel medio evo. Замѣтка А. Н. Веселовскаго по поводу этой книги. III. 16.

Ровинскій. Русскія народныя картинки. III. 245. 285.

Роскохапый, Янъ. Его словарь. III. 227.

Русская и церковно-славянская этимологія. См. **Поливановъ.**

Русскія народныя картинки. См. **Ровинскій.**

Русскія народныя сказки. См. **Бронницынъ.**

Русское правописаніе. См. **Гротъ, Я. К.**

Сабелликъ. Его Декады Венеціанской исторіи. III. 339.

Садовниковъ. Сказки и преданія Самарскаго края. III. 23.

Саксонъ Грамматикъ. Разсказъ о войнѣ между датчанами и гуннами. III. 342. 343.

Самбукъ. Издалъ сочиненіе Олая объ Аттилѣ. III. 339.

Саррацинъ (Sarrazin). Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman. III. 132. 162.

Свида. Упоминаемая имъ Піада Коринна, ученица Паламедова. III. 27.— Разсказъ объ Аттилѣ въ Миланѣ. III. 324.

Седерскіёльдъ (Gustav Cedersciöld). Fornsögur Suðrlanda. III. 232. 240.

Сиверсъ. Mittelhochdeutsches Schachbuch. III. 227.

Сигурдссонъ. Его Trójumannasaga. III. 54. 58. 60. 68. 70.

Сизифъ Косскій. Служилъ для Малалы источникомъ его отдѣла о Троѣ. III. 27.

Симбирская молвь. См. **Мотовиловъ, А.**

Симонъ Ауреа (Simon Carga Aurea). Написалъ (1152) Иліаду. III. 40. 60. 66.

Сказки и преданія Самарскаго края. См. **Садовниковъ.**

Сказки объ Иванѣ Грозномъ. См. **Веселовскій,** А. Н.

Скорина. Библія его, какъ матеріалъ для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка. III. 127.

Славяно-романскія повѣсти. См. **Исторія романа и повѣсти.**

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. См. **Веселовскій,** А. Н.

Слово (болгарское) **о ветхомъ Александрѣ.** Роль Кассандры. III. 69. 97.

Слово о Полку Игоревѣ. См. **Барсовъ.** — Новый взглядъ на Слово. См. **Веселовскій,** А. Н.

Снегиревъ. Упоминаніе его объ Аттилѣ. III. 339.

С.-Петербургская духовная академія. Въ принадлежащей ей Новгородско-Софійской рукописи XVI в. находится текстъ славянской повѣсти о Троѣ. III. 28.

Судръ (Sudre). Les allusions à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge. III. 132.

Суды Соломоновы, статья. См. **Буслаевъ,** Ѳ. И.

Сырку. Издалъ средне-болгарскую версію Троянской повѣсти. III. 60. — Отчетъ о его изданіяхъ. См. Веселовскій, А. Н.

Тасси. Girone il Cortese, romanzo cavalleresko di Rustico o Rusticiano da Pisa. III. 204. 221.

Тоблеръ. Статья его: Proverbia quae dicuntur super natura feminarum. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5. 6.

Тристанъ. Повѣсть о немъ. III. 132—228.

Троя. Южно-славянская повѣсть о ней. См. **Исторія романа и повѣсти.**

Троянская притча по рукописи Новгородско-Софійской № 1497. III. 101—121.

Трызны, пани. Родословная ихъ въ Познанскомъ сборникѣ. III. 129.

Тысяча и одинъ день. Изданное въ Букурештѣ собраніе повѣстей. III. 129.

Тьерри, Ам. Histoire d'Attila et de ses successeures. Легенды и сказанія объ Аттилѣ. III. 307. 311. 316. 317. 335.

Униховскіе, владѣльцы Познанскаго сборника. III. 129. 130.

Униховскій, Г. П. Свѣдѣнія о немъ С. Л. Пташицкаго. III. 130. 131.

Усова, А. С. Доставила копію съ повѣсти о Бовѣ изъ Истоминскаго сборника XVII вѣка. III. 286.

Учебникъ русской грамматики. См. **Буслаевъ,** Ѳ. И.

Феттеръ. La légende de Tristan. III. 133.

Филиппъ De Diversis. Извѣстія его о бракѣ въ Дубровникѣ. III. 11. 12.

Форезе деи Донати, средневѣковой писатель. Его номенклатура троянскихъ властителей. III. 31.

Франке. Zur Geschichte der lateinischen Schulpoesie. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5.

Франческино делли Альбицци (Franceschino delli Albizzi), средневѣковой писатель. Его номенклатура троянскихъ властителей. III. 31.

Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и италіанскія поэмы о гнѣвномъ Радо. См. **Веселовскій,** А. Н.

Хронологическая канва для біографіи Пушкина. См. **Гротъ,** Я. К. и **Пономаревъ,** С. И.

Цедперъ. Hebraische Bibliographie. III. 129.

Целлеръ. Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösichen Karlsepos. III. 227. 258.

Чихакъ. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. III. 226.

Шаде. Visio Tungdali. III. 86.

Шефферъ-Боахорстъ. Взглядъ его на подлинность лѣтописи Рикордано Малеспини. III. 318. 319.

Шоттъ. Walachische Märchen. Эпитетъ Елены. III. 24.

Штенгель. John Gower's Minnesang u. Ehrzuchtbüchlein. III. 8.

Шульцъ. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Преимущество грамотности на Западѣ въ средніе вѣка—на сторонѣ женщинъ. III. 14.

Шухардтъ. Замѣтки его: Slawo-deutsches und Slawo-italienisches. III. 137.

Эллинскій лѣтописецъ. Въ немъ сохранилось единственное русское болѣе древнее упоминаніе объ Аттилѣ. III. 339.

Эстлендеръ. Pièces inédites du roman de Tristan. III. 176.

Южно-русскія былины. См. **Веселовскій,** А. Н.

Южно-славянская повѣсть о Троѣ. См. **Исторія романа и повѣсти.**

Ягичъ, И. В. Издалъ два хорватскихъ глаголическихъ текста славянской повѣсти о Троѣ: «Primĕri staroherv. jezika» и «Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga». III. 29. 72. 220. 270.—Статья: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. III. 32. 99.—Отчетъ въ Archiv f. slav. Philologie. III. 137. — Мнѣніе о сербскомъ словѣ «орцјам». III. 226.

Яковъ de Cessole. Solatium ludi scuccorum. III. 227.

Янежичъ. См. **Гутсманнъ и Янежичъ.**

Ееодосій Печерскій. Слово о вѣрѣ латинской и варяжской. IV. 3.

ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ
Н. ТРУХАЧЕВЪ
Кирочная 37
преобр. п. подъ
13 рот.